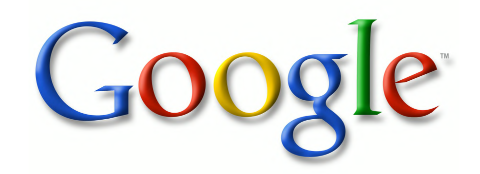
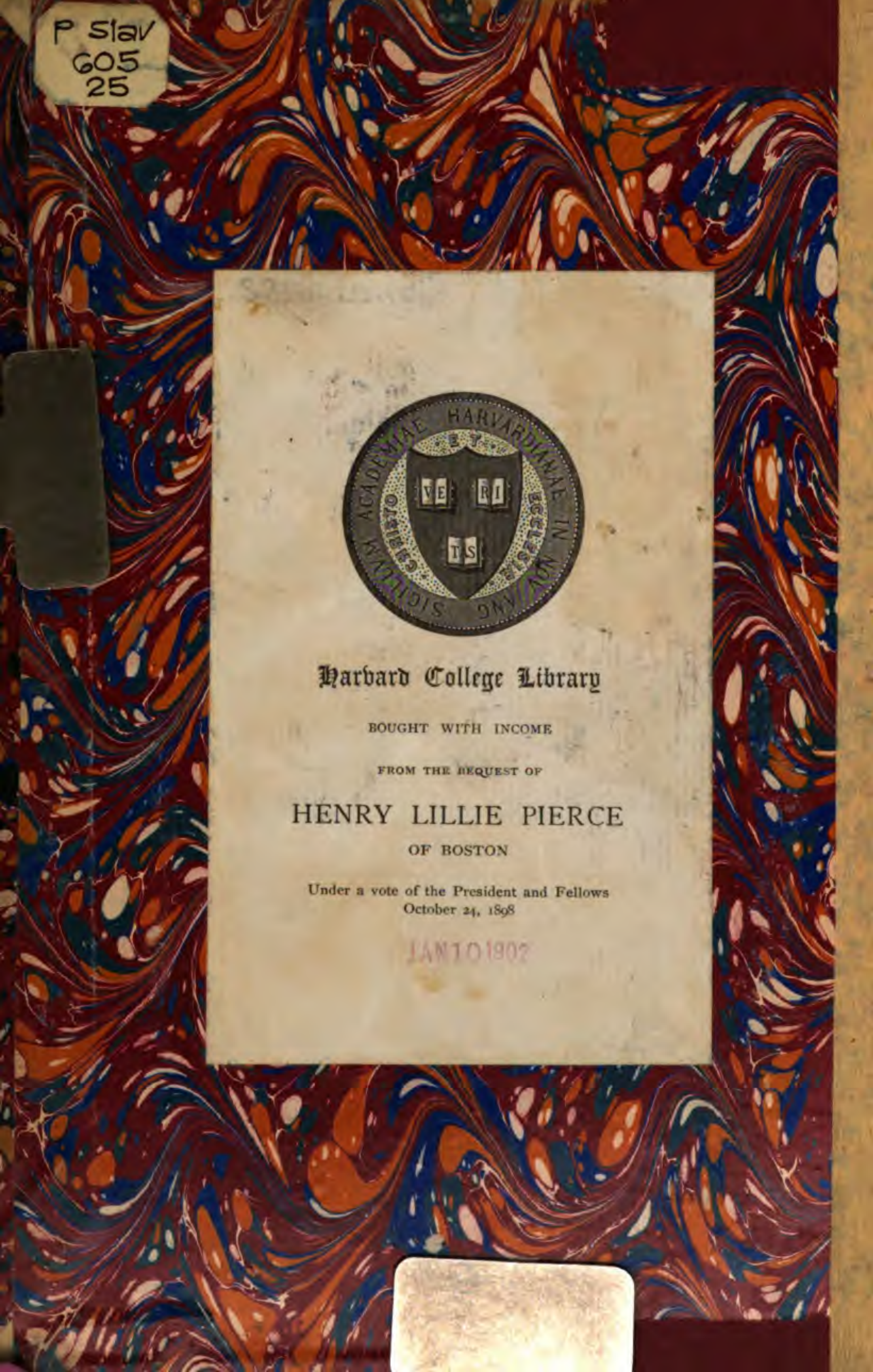


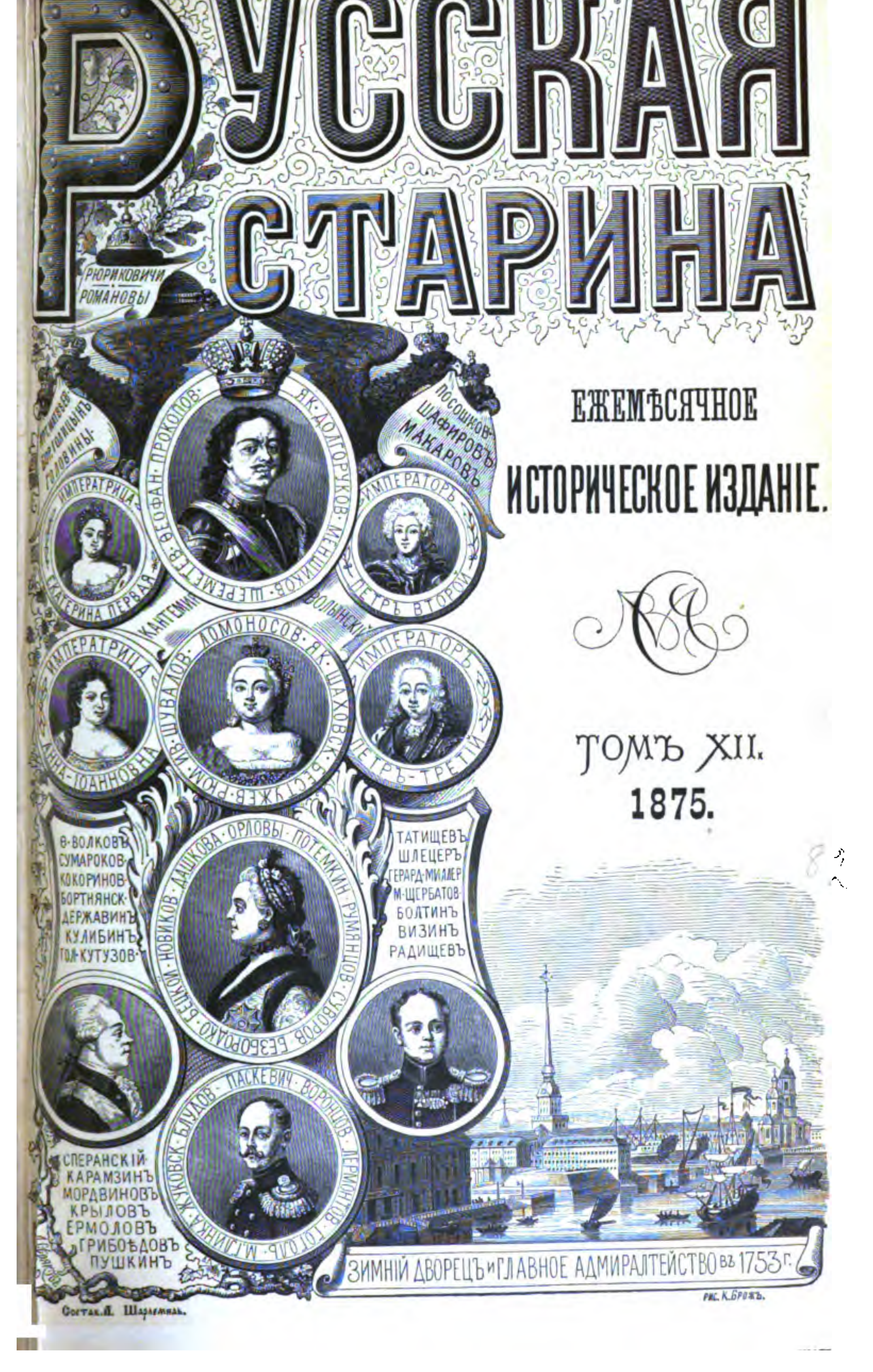

P Slav 605 25
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
Harvard College Library
BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON
Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1875.


РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
ТОМЪ XII.
1875.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ПОСОШКОВ. ШАФИРОВЪ МАКАРОВЪ
ѲЕОФАН. ПРОКОПОВ. ЯК. ДОЛГОРУКОВ. МЕНШИКОВ. ШЕРЕМЕТЕВ.
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
КАНТЕМИР
ВОЛЫНСКІЙ
ЛОМОНОСОВ. ЯК. ШАХОВСК. БЕСТУЖЕВ-РЮМ. ИВ. ШУВАЛОВ.
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ДАШКОВА. ОРЛОВЫ. ПОТЕМКИН. РУМЯНЦОВ. СУВОРОВ. БЕЗБОРОДКО. БЕЦКОЙ. НОВИКОВ.
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
ПАСКЕВИЧ. ВОРОНЦОВ. ЛЕРМОНТОВ. ГОГОЛЬ. М. ГЛИНКА. ЖУКОВСК. БЛУДОВ.
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
рис. К. Брожъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. ЯНВАРЬ. **1875 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

При этой книгѣ приложены: I. Представители державной власти въ Россіи 1682—1855 гг., рисунокъ професора А. Шарлеманя, гравиров. Академикъ Л. А. Сѣряковъ; II. Портретъ графа **А. А. Аракчеева**, гравированъ въ Лейпцигѣ, у Брокгауза; III. Рисунокъ **герба** гр. А. А. Аракчеева (стр. 84-я) и IV. Рисунокъ: **Моды** въ Россіи въ 1791 г., гравиров. Академикъ Л. А. Сѣряковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

I-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Early Russian history (Древняя русская исторія), соч. Ральстона (Лондонъ, 1874, 236 стр.).

Авторъ этого замѣчательнаго труда принадлежитъ къ небольшому числу иностранцевъ, знающихъ русскій языкъ и знакомящихъ Европу съ нашимъ отечествомъ. Это не поверхностный туристъ, схватывающій на лету отрывочныя свѣдѣнія и передающій ихъ со своими собственными разъясненіями, чаще всего неосновательными. Ральстонъ изучилъ серьезно нашу исторію и литературу, доказательствомъ чему служатъ всѣ его сочиненія, относящіяся къ Россіи: The songs of the russian people (Пѣсни русскаго народа), Russian folk-tales (Русскія народныя сказки), Крыловъ и его басни и пр. Теперь онъ вздумалъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ русской исторіей, о которой читалъ нынѣшней весною четыре лекціи въ Оксфордѣ. Лекціи эти, переработанныя авторомъ, съ послѣдними вновь написанными главами, вышли въ 1874 г. въ свѣтъ. Въ шести главахъ, носящихъ заглавіе: легендарная Россія, раздѣленная, татарское нашествіе, татарское иго, царскій періодъ и смутныя времена (послѣдняя глава — дополнительная) авторъ передаетъ по Карамзину, Соловьеву и Бестужеву-Рюмину главнѣйшія событія нашей исторіи до воцаренія Романовыхъ. Царствованіе Ивана IV разсказываетъ онъ преимущественно по запискамъ очевидцевъ — Джерома Горсея и Флетчера; факты переданы имъ совершенно вѣрно, изложеніе спокойное и безпристрастное. Въ дополнительной главѣ онъ излагаетъ послѣднія изысканія о древнихъ Славянахъ, о Варягахъ (здѣсь приводя мнѣнія объ ихъ происхожденіи и варяжскомъ періодѣ Венелина, Морошкина, Надеждина, Максимовича и др., авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не упоминаетъ о предположеніи Иловайскаго касательно основанія Руси), объ удѣльномъ періодѣ, Монголахъ и московскомъ владычествѣ (эти два періода разсказаны имъ на основаніи послѣдняго труда Костомарова). Книга заключается главою о крѣпостномъ состояніи. Къ ней приложена карта Россіи съ обозначеніемъ границъ ея въ 1054 и 1462 году, и указатель собственныхъ именъ встрѣчающихся въ исторіи; въ примѣчаніяхъ много ссылокъ на русскихъ писателей. Однимъ словомъ — это такой добросовѣстный трудъ, которому должно пожелать продолженія. Если бы всѣ иностранцы сообщали такія вѣрныя свѣдѣнія о Россіи, въ Европѣ давно узнали бы насъ ближе и короче и нераспространяли бы о нашемъ отечествѣ такихъ нелѣпостей, какими полна бо̀льшая часть сочиненій, относящихся къ Россіи.

«Вильямъ Вильямовичъ Ральстонъ, какъ онъ самъ называетъ себя въ письмахъ, нетолько хорошо знаетъ, но и горячо любитъ наше отечество и нашъ языкъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ онъ намъ, отъ 14-го декабря нов. ст. 1874 г.: «Извините меня, что такъ безстыдно стараюсь выражаться по-русски. Мнѣ чрезвычайно хочется серьезно заниматься русскимъ языкомъ До сихъ поръ мнѣ нельзя говорить по-русски, несмотря на то, что мнѣ знакомы нѣсколько русскихъ книгъ. Но съ тѣхъ поръ, когда (одинъ высокопоставленный русскій путешественникъ) изволилъ говорить со мною по-русски, и мнѣ такъ трудно было произносить нѣсколько словъ въ отвѣтъ, я намѣренъ учиться и писать и говорить по-русски. Хорошо знаю, что иностранцу, живущему далеко отъ Россіи не легко дается русскій языкъ... За одинъ разъ дерево не срубить. Но мнѣ такъ нравится русскій языкъ звонкій, любезный, упругій, музыкальный. Мнѣ долго такъ нравилась простонародная русская литература, мнѣ такъ пріятны и пѣсни, и сказки, и былины, и пословицы русскаго народа, что можетъ быть и мнѣ изволитъ улыбнуться русскій языкъ».

Эти строки вполнѣ характеризуютъ въ высшей степени симпатичную личность талантливаго писателя-англичанина о Россіи.

Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе разсказы Е. Н. Водовозовой. Томъ I. Жители юга, съ 25-ю рисунками В. Васнецова, 1874, 553 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Имя Е. Н. Водовозовой, вмѣстѣ съ именемъ В. И. Водовозова принадлежатъ къ уважаемымъ именамъ въ русской педагогической литературѣ. Много пользы принесли они своими популярными изданіями и дѣтскими книгами. Такъ сочиненіе Е. Н. Водовозовой «Изъ русской жизни и природы», вышло уже вторымъ изданіемъ, а ея «Умственное развитіе дѣтей» пользуется большою извѣстностью между родителями и наставниками. Новое произведеніе ея встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, такой же сочувственной пріемъ.

Прежде всего въ этомъ трудѣ пріятно поражаетъ его изящн. видъ, совершенно европейская наружность. Рисунки г. Васнецова весьма удовлетворительны и если вырѣзаны на деревѣ не всегда удачно, то составлены художникомъ очень хорошо. Текстъ весьма занимателенъ, и книгу прочтетъ всякій съ удовольствіемъ и съ пользою. Авторъ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что въ иностранной литературѣ нѣтъ сочиненія, которое заключало бы въ себѣ описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, хотя отдѣльно о каждомъ изъ государствъ, имѣются полныя и обстоятельныя описанія. Е. Н.

КАРЛЪ ЛЕОПОЛЬДЪ ДѢДЪ ИМПЕРАТОРА ІОАННА АНТОНОВИЧА.

Разсказъ барона Эйхгольца.

1678 — 1747.

(Изъ бумагъ П. П. фонъ-Геца).

Въ библіотекѣ города Ростока находится записка, составленная и написанная въ 1721 году барономъ Эйхгольцомъ, первымъ совѣтникомъ и обермаршаломъ герцога мекленбургскаго Карла Леопольда, родителя правительницы Анны Леопольдовны.

Карлъ Леопольдъ (род. въ 1678 г.), извѣстный по сварливому, вздорному и безпокойному характеру своему, жилъ въ безпрерывныхъ спорахъ и процессахъ съ подвластнымъ ему дворянствомъ. Онъ развелся съ первою женою, рожденною принцессою Нассаускою, подъ предлогомъ безплодности ея, и женился, въ 1716 г., на царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, родной племянницѣ Петра I.

Въ слѣдующей выпискѣ изъ рукописи упоминается главнѣйше объ обстоятельствахъ, касающихся до великаго царя, его семейства и окружающихъ его лицъ.

Разсказъ Эйхгольца представляетъ весьма живую картину образа жизни при тогдашнихъ нѣмецкихъ дворахъ и рисуетъ отношенія къ нимъ Петра Великаго. При томъ, малѣйшее обстоятельство, касающееся безсмертнаго преобразователя Россіи, всякое, и самое, повидимому, маловажное, слово имъ сказанное — для насъ драгоцѣнны.

I.

Въ 1713 году Карлъ Леопольдъ, по кончинѣ старшаго брата своего, наслѣдуетъ княженіе Мекленбургскаго герцогства. Въ началѣ кажется, что онъ готовъ примириться съ дворянствомъ

и чинами, но потомъ рождаются новыя распри. Вдругъ герцогъ пишетъ къ нѣмецкому императору, будто онъ намѣренъ принять католическую вѣру и проситъ прислать къ нему довѣренное духовное лицо. Между тѣмъ Эйхгольцъ отправляется въ Вѣну для переговоровъ о бракосочетаніи герцога съ эрцгерцогинею Магдалиною, и вѣнскій дворъ обнадеживаетъ его, что если сей бракъ состоится, то герцогъ будетъ назначенъ губернаторомъ Силезіи или Тироля. Но, по возвращеніи изъ сей миссіи, Эйхгольцъ узнаетъ сколь герцогъ перемѣнчивъ и притворенъ. Отъ слугъ своихъ онъ всегда требовалъ слѣпого повиновенія и при томъ былъ чрезвычайно скупъ. Любимою поговоркою его было: «Старые долги не надо платить, а новымъ надо дать время состариться».

Въ то время король датскій, состоя въ союзѣ съ Пруссіею и Россіею противъ Швеціи, съ войсками своими предпринялъ походъ подъ Штральзундъ. Король звалъ герцога къ себѣ въ лагерь. Герцогъ, долго мѣшкавъ, рѣшился наконецъ послѣдовать приглашенію, но король противъ воли задержалъ его со свитою. При семъ случаѣ Эйхгольцъ и свита герцога, будучи угощаемы Датчанами, напились пьяны (brav vollgesoffen); одинъ изъ мекленбургскихъ придворныхъ, Циловъ, пьяный передрался со всѣми пирующими; они же порядочно его поколотили и посадили подъ арестъ.

Наконецъ, король датскій отпустилъ герцога и чрезъ нѣсколько дней самъ съ войсками своими прибылъ къ Ростоку. Герцогъ не выѣхалъ на встрѣчу короля, бывъ занятъ молитвою (Betstunde). Послѣ многократныхъ тщетныхъ напоминаній о необходимости встрѣтить короля, Эйхгольцъ вышелъ изъ терпѣнія и вскричалъ: «Potts hundert Sacrament!» (Теперь не до Господи помилуй. Король у воротъ): «Hier ist nicht mehr Zeit zu Kyreeleyson! Der König ist vor dem Thor». Герцогъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно вскочилъ съ мѣста, равно какъ и всѣ окружавшіе его офицеры, но вмѣсто встрѣчи короля онъ скрылся въ своемъ охотничьемъ замкѣ Кракѣ и возвратился оттуда не прежде, какъ по отъѣздѣ короля.

Между тѣмъ пріѣхалъ присланный отъ нѣмецкаго императора, по прежнему требованію герцога, католическій прелатъ Готвейхъ, подъ именемъ графа фонъ-Вольфштейна; герцогъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ каждый вечеръ отъ 6 до 8 часовъ

въ своемъ кабинетѣ; однако-жъ прелатъ изъявлялъ мало надежды на обращеніе герцога въ католическую вѣру, говоря, что герцогъ смѣшиваетъ слишкомъ много свѣтскихъ дѣлъ съ духовными. Чрезъ нѣсколько недѣль католическій прелатъ уѣхалъ безъ успѣха, ибо герцогъ требовалъ, кромѣ руки эрцгерцогини, еще Неаполитанское королевство или Нидерландскія владѣнія съ самодержавнымъ правомъ.

Герцогъ, желая овладѣть городомъ Висмаромъ, занятымъ въ то время союзными войсками, и не имѣя надежды найти подпору въ императорѣ, обратилъ вниманіе на царя Россійскаго, нынѣ столь сильнаго и уважаемаго, и надѣялся что царь поддержитъ его, если онъ женится на одной изъ его племянницъ. «Тогда я буду въ состояніи, говорилъ онъ Эйхгольцу, всѣмъ предписывать законы». На сіе Эйхгольцъ возразилъ, что прижитіе дѣтей есть главная цѣль брака, и что царскія племянницы для сего слишкомъ стары. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ жениться на Аннѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Курляндской, за которою получитъ славное герцогство. Эта мысль весьма понравилась Эйхгольцу. Герцогъ показалъ ему всю переписку съ своимъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ, Габихтсталемъ.[1]) Изъ писемъ Габихтсталя видно было, что онъ привлекъ на свою сторону старика Левенвольде и что сей послѣдній велѣлъ сказать герцогу: «что хотя онъ Лифляндецъ и нынѣ россійскій вассалъ, но не забылъ нѣмецкаго происхожденія своего и не желалъ бы, что-бы нѣмецкій князь былъ обманутъ. Qu'il falloit donc aller la bride en main et ne s'embarquer point sans biscuit».[2])

Слова Левенвольда побудили Эйхгольца совѣтовать герцогу не слишкомъ торопиться въ семъ дѣлѣ. Но герцогъ хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ С.-Петербургъ и выписалъ изъ Гамбурга брилліантовый наперсный крестъ, серьги и кольцо за 28,000 талеровъ въ подарокъ для будущей невѣсты. Однако-жъ герцогъ передумалъ, говоря, что царскій любимецъ, Ягужинскій, подъ Штральзундомъ, и что онъ намѣренъ чрезъ него узнать, угодно-ли будетъ царю, что-бы онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ.

---

[1]) Габихтсталь вступилъ впослѣдствіи въ нашу службу и былъ при Аннѣ Іоанновнѣ оберъ-церемоніймейстеромъ. П. Г.

[2]) Не должно-де ѣхать спустя поводья и пускаться въ море не запасшись сухарями. П. Г.

Свѣдавъ чрезъ посланнаго къ Ягужинскому нарочнаго, что сей послѣдній на обратномъ пути къ царю остановится въ Гиршбургѣ, если герцогу угодно будетъ къ нему пріѣхать. Герцогъ тотчасъ послалъ за почтовыми лошадьми и приказалъ Эйхгольцу уложить въ шкатулку чернаго дерева, которую всегда возилъ съ собою, всю переписку Габихтсталя и сверху положить 1,000 червонцевъ, а въ секретный ящикъ—выписанныя изъ Гамбурга алмазныя вещи. При семъ случаѣ Эйхгольцъ, открывъ изъ любопытства футляръ, въ которомъ хранились бриллiанты, воскликнулъ:

— «Та, для которой все это назначено, должна имѣть чудесную (душу)!»

Герцогъ засмѣялся. Во время отлучки герцога, Эйхгольцу поручено было исходатайствовать у датскаго короля уступку Висмара. Онъ снова увидѣлся съ герцогомъ въ Шверинѣ и спросилъ его объ успѣхѣ его свиданія съ Ягужинскимъ. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ доволенъ. Когда Эйхгольцъ, вынимая изъ шкатулки письма, увидѣлъ, что положенныхъ въ нее 1,000 червонцевъ уже не было, онъ сказалъ герцогу: «я, конечно, могъ предполагать, что ваша свѣтлость не привезете обратно этихъ денегъ». Когда же онъ хотѣлъ заглянуть въ секретный ящикъ, что-бы увидѣть тамъ-ли бриллiанты, то герцогъ не допустилъ его до того говоря: «Что ты тутъ хочешь видѣть, уже довольно видѣлъ»,—и болѣе ничего не сказалъ. Эйхгольцъ, любопытствуя узнать, что происходило при свиданіи съ Ягужинскимъ, спросилъ о томъ Вальтера, бывшаго съ герцогомъ, но Вальтеръ извинялся тѣмъ, что герцогъ потребовалъ отъ него особой клятвы никому ничего не пересказывать.

Спустя мѣсяцъ, Эйхгольцъ получилъ письмо отъ россійскаго резидента въ Гамбургѣ, Беттигера, который просилъ его вручить герцогу приложенное поздравительное письмо о помолвкѣ его свѣтлости съ царскою племянницею. Эйхгольцъ поднесъ оба письма герцогу съ сими словами:

— «Вотъ прекрасно! Ваша свѣтлость—женихъ и ничего о томъ не знаете. Радуюсь, что я первый васъ поздравляю. Осмѣливаюсь спросить, герцогиня-ли курляндская—свѣтлѣйшая ваша невѣста?»

Изъ письма Беттигера не видно было, которая изъ царскихъ племянницъ невѣста герцога.

По вопросу Эйхгольца, за которую изъ принцессъ его свѣтлость сватался, герцогъ признался въ своей опрометчивости и какъ Ягужинскій его провелъ. Герцогъ вручилъ тогда Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначитъ.

Въ тогдашней неизвѣстности ожидали съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Петербурга. Чрезъ двѣ недѣли получили письмо отъ Габихтсталя, который увѣдомилъ, что онъ хотѣлъ по прежнему вести дѣло о бракосочетаніи, но что пріѣздомъ Ягужинскаго оно приняло другой оборотъ и когда Габихтсталь (января 1716 г.) все-таки настаивалъ на герцогинѣ курляндской, то царь велѣлъ позвать его къ себѣ и объявилъ ему, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, онъ можетъ ему назначить въ невѣсты любую изъ своихъ племянницъ, а если Габихтсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ курляндской, то сошлетъ его въ Сибирь. Поэтому Габихтсталю оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ царь объявилъ Екатерину Іоанновну невѣстою герцога Мекленбургскаго и Ягужинскій вручилъ ей кольцо отъ имени жениха. Далѣе Габихтсталь писалъ, что царь скоро пріѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхгольцъ изъявилъ сожалѣніе, что герцогу не досталась герцогиня курляндская, а ея сестра, которая еще и старше (Екатеринѣ Іоанновнѣ было тогда отъ рожденія 24 года). Герцогъ утѣшилъ его:

— «Непреклонная судьба (die Fatalität) назначила мнѣ эту Катерину, но нечего дѣлать, надо быть довольнымъ; она по крайней мѣрѣ любимица царицы».

Но герцогъ самъ не успокоился своими словами и, расхаживая въ безпокойствѣ по комнатѣ, наконецъ спросилъ:

— «Что думаешь, Эйхгольцъ, хорошо-ли это кончится?»

«Ваша свѣтлость!» отвѣчалъ Эйхгольцъ, «вы должны знать это лучше меня; не я далъ вамъ такой совѣтъ и не могу быть въ отвѣтѣ за послѣдствія».

При томъ упрекалъ герцога, что онъ требуетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему. Герцогъ сѣлъ и написалъ къ своему банкиру въ Гамбургъ, что-бы прислалъ ему на 70,000 талеровъ драго-

цѣнностей разнаго рода (для подарковъ при россійскомъ дворѣ). Потомъ разсуждали въ тайномъ совѣтѣ, самому-ли герцогу ѣхать въ Петербургъ, не ожидая приглашенія царя, или же отправить туда посольство? Эйхгольцъ былъ послѣдняго мнѣнія, какъ болѣе соотвѣтственнаго княжескому достоинству. Герцогъ согласился назначить самого Эйхгольца посланникомъ и кредитивныя письма были заготовлены. Но вдругъ, перемѣнивъ мысли, онъ самъ вознамѣрился ѣхать.

Отправились въ 4-хъ дорожныхъ колясках и герцогъ, по скупости своей, хотѣлъ, что-бы Эйхгольцъ ѣхалъ безъ камердинера, и позволилъ ему взять съ собою камердинера не прежде какъ когда Эйхгольцъ рѣшительно объявилъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не поѣдетъ. Въ Перлебергѣ узнали о разсказѣ проѣхавшаго россійскаго поручика, что царь въ Данцигѣ и, по приглашенію королей датскаго и прусскаго, скоро пріѣдетъ въ Германію. Герцогъ безпокоился, что не застанетъ уже царя въ Данцигѣ. Эйхгольцъ уговорилъ герцога возвратиться въ Мекленбургъ, а его отправить посланникомъ къ царю въ Данцигъ. Къ счастію прежде заготовленныя кредитивныя письма уцѣлѣли и герцогъ ихъ подписалъ.

II.

Въ Данцигѣ Эйхгольцъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, что-бы герцогъ, снова перемѣнивъ мысли, не пріѣхалъ на свадьбу и что-бы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: «Wann kumm Herzog?»

Наконецъ на седьмой день герцогъ пріѣхалъ и Эйхгольцъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь находился въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: «Wo ist ober-marchall?» (т. е. Эйхгольцъ); но самъ герцогъ показался и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ.[1])

---

[1]) Подробная характеристика царевны Екатерины Іоанновны помѣщена въ нами составленной монографіи: «Царица Прасковья» 1664—1723. Спб., 1861 г., глава V-я, стр. 44—67. Ред.

Передъ царемъ (такъ разсказываетъ Эйхгольцъ) его свѣтлость велъ себя съ бòльшею скромностью и смиреніемъ, нежели передъ самимъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливъ, но холоденъ, такъ что Эйхгольцъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ россійскаго двора:

— «Кажется свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, но это пройдетъ».

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и россійскими министрами, подходившими къ нему съ поздравительными привѣтствіями. Когда сѣли за ужинъ, Эйхгольцъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, что-бы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхгольцъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— «Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему супругу. Осмѣливаюсь и я просить, что-бы и меня ссудили женою».

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: «А что, развѣ ты еще не женатъ?» Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ: «Сверху ты молодецъ и имѣешь хорошій умъ, но снизу обстоитъ плохо».

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцовать, онъ отвѣчалъ:

— «Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ».

Царь, смѣясь, сказалъ: «Я ужо найду тебѣ пару».

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ, лучше-ли для кавалеріи колоть по-шведски или рубить по-русски? Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ сдѣлался шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Іуду (Iudas-Schweiss geschwitzet).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: «Ради Бога,

ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что̀ лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, что-бы колоть».

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно пріучить царя, такъ какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. «Когда графъ Горнъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—сочинялъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другого труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же россійскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мекленбургскихъ. Прежнимъ герцогинямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; Русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человѣкъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстеринамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000 и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ».

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головкинымъ, Шафировымъ и Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (dass er hätte mögen Blut speÿen); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царицѣ, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія россійскихъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: «Hu ober-marschall! Bös Mann! Bös Mann!»

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: «Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу».

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Іоанновнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодушія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучше городъ Висмаръ. «Такъ», говоритъ Эйхгольцъ, «у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не

взять этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерпѣваемыя Мекленбургскимъ краемъ отъ россійскаго войска!»

Носился слухъ, что генералъ Адамъ Вейде и кн. Долгоруковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— «Берегитесь, ваша свѣтлость (говорилъ Эйхгольцъ герцогу), что-бы эти Русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга».

Герцогъ отвѣчалъ: «Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду».

Это показалось Эйхгольцу не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину россійскія войска соблюдали въ 1712 г., при чемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго коня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и кошелька съ 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему кн. Меншикову. Такъ и Петръ Анд. Толстой говорилъ, что войска нетребуютъ ничего какъ: «un poco di pane! un poco di pane!»

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняясь разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ россійскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надоѣли; но, давъ уже слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

III.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подойдя къ кровати герцога, спросилъ его: «каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?»

Герцогъ отвѣчалъ: «да!» и вставъ, одѣлся по своему великолѣпію, не забывъ большой шведской шпаги на широкой богато вы-

шитой перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ нерѣдко ему говаривалъ:

— «Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда изволите носить столь огромную шпагу? Не лучше-ли было бы если-бъ вы одѣвались равно съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?»

Эйхгольцъ замѣчаетъ какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде, везти герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала въ наемныхъ каретахъ свита его: Вальтеръ, Габихтсталь, Беркгольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жилъ царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвоздикъ и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, покуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова надѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ кавалеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (fast Kaiserliche Krone), и отправились пѣшкомъ чрезъ улицу въ каплицу, на-скоро построенную. Греко-россійскій епископъ совершилъ обрядъ вѣнчанія, не взирая на представленныя Эйхгольцомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ и поелику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака въ послѣдствіе времени могла быть оспариваема. [1]) Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣнчанія поручить священнику, какого-либо въ римской имперіи признаннаго вѣроисповѣданія; но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время

---

[1]) Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская. Ред.

церемоніи, продолжавшейся два часа. царь Петръ, по своему обыкновенію, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессіею къ вечернему столу и многіе въ народѣ громко восклицали: «Смотрите, у герцога нѣтъ манжетовъ!»

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ, и наполненной японскими лакированными вещами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у Русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхгольцъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домомъ герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суетился по площади и самъ забавлялся зажиганіемъ ракетъ. Эйхгольцъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалилась въ спальню и что уже пробилъ часъ пополуночи, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и при томъ полупьяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однако-жъ не надолго. Около 4-хъ часовъ кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ: «Эйхгольцъ, Эйхгольцъ, что ты спишь?» Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхгольцъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?) какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шуму и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхгольцъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Беркгольцу.

Не смотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить увѣдомительныя письма о заключенномъ бракѣ къ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ новобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Екатерина Іоанновна имѣла при себѣ трехъ фрейлинъ русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близ-

комъ родствѣ съ своею повелительницею, Балкъ[1]) и третью, коей имени Эйхгольцъ не помнитъ.[2])

Герцогъ спросилъ его, какъ водилось при прежнихъ герцогахъ мекленбургскихъ: допускались-ли фрейлины къ герцогскому столу?

Эйхгольцъ отвѣчалъ утвердительно, на что герцогъ шутя сказалъ: «ты это говоришь потому, что ты влюбленъ въ Салтыкову». Эйхгольцъ смѣясь возразилъ: «а что за бѣда, хотя-бы и такъ?» Герцогъ продолжалъ: «Если женишься на ней, то будешь со мною въ родствѣ».[3]) Эйхгольцъ благодарилъ за честь, отъ которой однако-жъ отказался, ибо смѣшно было-бы, если-бъ мужъ и жена не могли говорить другъ съ другомъ. (Салтыкова не знала нѣмецкаго языка). Рѣшено было, что-бы фрейлины обѣдали за герцогскимъ столомъ. Но когда шли къ столу, герцогъ, подозвавъ Эйхгольца, приказалъ, что-бы придворныя дамы, кромѣ оберъ-гофмейстерины, сѣли за маршальскимъ столомъ, прибавляя: «Надлежитъ этихъ (дѣвушекъ) заранѣе учить, какими имъ должно быть». Эйхгольцъ тщетно представлялъ герцогу сколь сіе имъ будетъ обидно и наконецъ объявилъ, что въ семъ случаѣ онъ, какъ тайный совѣтникъ и оберъ-маршалъ, самъ сядетъ за маршальскимъ столомъ; а мѣсто его при герцогскомъ столѣ можетъ заступить Беркгольцъ. Потомъ онъ подалъ руку Салтыковой и повелъ ее къ маршальскому столу, объясняя ей, чрезъ Наталью Өедоровну Балкъ, что имъ тутъ будетъ гораздо лучше и непринужденнѣе, нежели у герцогскаго стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотѣла даже отдать изъ рукъ вѣера

---

[1]) Красавица Наталья Балкъ, родная племянница несчастнаго камергера Монса, казненнаго въ 1724 г., вышла впослѣдствіи за флотскаго офицера Лопухина, пожалована была въ статсъ-дамы и жила въ связи съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Левенвольде Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 44; 191—235) подробно разсказана трагическая судьба, постигшая эту злосчастную женщину. По преданіямъ она тѣмъ особенно раздражила противъ себя императрицу Елисавету Петровну, что позволила себѣ какъ-то отозваться: «я хотя и пожилая женщина, но все еще лучше собою, нежели Елисавета Петровна». Наталья Лопухина скончалась въ 1763 г. П. Г.

[2]) Это была Воейкова. П. Г.

[3]) Мать царевны Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Өедоровна была рожд. Салтыкова. См. въ прилож. родосл. таблицу. Ред.

своего и ничего не отвѣдала, хотя Эйхгольцъ палъ предъ нею на колѣна, цѣловалъ у ней руки и просилъ, что-бы она успокоилась. Нечего дѣлать! и другія дѣвицы ничего не кушали.

По окончаніи стола, Салтыкова убѣжала къ Екатеринѣ Іоанновнѣ: поднялись шумъ, рыданіе, вопли и слезы, такъ что страшно было слушать. Царь сильно почувствовалъ сей поступокъ герцога, а Салтыкову отозвали отъ двора герцога.

Герцогъ весьма щедро одарилъ россійскихъ министровъ и придворныхъ, на что употребилъ купленныя имъ за 70,000 талеровъ драгоцѣнности. Всѣмъ дарили перстни, даже служанкамъ при камермедхенахъ. Но съ россійской стороны Мекленбургцамъ ничего не подарили, ниже кривой булавки (nicht eine krumme Stecknadel).

Въ числѣ заказанныхъ въ Гамбургѣ подарковъ было три перстня, каждый въ 4,000 талеровъ; поелику же невозможно было сдѣлать ихъ равной цѣнности, одинъ перстень стоилъ только 3,500 талеровъ, хотя видомъ не отличался отъ другихъ. По отъѣздѣ герцога изъ Данцига, Габихтсталь вручилъ перстни въ 4,000 талеровъ Головкину и Шафирову, а Толстому, какъ младшему тайному совѣтнику, въ 3,500 талеровъ. Толстой, который вѣроятно велѣлъ оцѣнить свой перстень, поднялъ великій шумъ и сказалъ Остерману: «Что герцогъ себѣ воображаетъ, что поступаетъ со мною такъ подло и пр.!» Остерманъ, получивъ перстень въ 1,800 талеровъ, и желая успокоить Толстаго, предложилъ ему взять вдобавокъ и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей «грубіянъ», какъ его называетъ Эйхгольцъ, не переставалъ принимать предъ нимъ вида оскорбленнаго и невѣжливаго и даже не принесъ благодарности герцогу по пріѣздѣ своемъ въ Шверинъ.

Въ Шверинѣ покои во дворцѣ обивались краснымъ бархатомъ и шпалерами и всѣ приготовленія были сдѣланы къ пріему царя. Завербованныя Фитингофомъ, по приказанію герцога, войска, стояли въ парадѣ при въѣздѣ царя (12-го мая 1716 г.), и когда царь съ герцогомъ проѣзжали верхомъ мимо войскъ, сей послѣдній кивнулъ головою Эйхгольцу и выразилъ глазами, сколь онъ доволенъ имѣть столь прекрасныхъ солдатъ. Царь принятъ былъ съ такими почестями, какъ самъ императоръ (т. е. цесар-

ское величество). Разумѣется, что ему отведены были лучшія комнаты во дворцѣ.

Когда Эйхгольцъ на слѣдующее утро явился къ царю для поклона, онъ не нашелъ никого въ передней. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ и не встрѣчая никого, онъ входитъ въ приготовленную для августѣйшаго гостя спальню и видитъ, что кровать осталась неприкосновенною. Наконецъ, слыша, что ходятъ по потаенной лѣстницѣ, пошелъ по ней и засталъ царя подъ крышею въ каморкѣ, приготовленной для его камердинера, въ кровати коего онъ изволилъ почивать.

Обѣденный столъ царь велѣлъ накрыть въ самой маленькой комнатѣ дворца, ибо его величество вообще любилъ маленькія комнаты. Говорятъ, что таковъ его обычай. Въ Берлинѣ онъ спалъ на медвѣжьей шкурѣ за дверьми. Предполагали, что онъ это дѣлаетъ для избѣжанія опасности, дабы не знали гдѣ онъ спитъ. Въ Шверинѣ царь началъ лечиться пирмонтскими водами. Между тѣмъ герцогъ уѣхалъ на короткое время въ Ростокъ, что-бы сдѣлать приготовленія къ пріѣзду царя. На возвратномъ пути герцогъ остановился на обѣдъ въ Пассенѣ. Квартирующіе тамъ русскіе солдаты жестоко бранили управителя этого имѣнія за то, что данный имъ хлѣбъ нехорошъ и требовали лучшаго, угрожая правителю, что въ противномъ случаѣ они поколотятъ его по-русски. Управитель спасся отъ нихъ въ комнатѣ, гдѣ герцогъ обѣдалъ. Но раздраженные солдаты въ открытыя двери бросили туда данный имъ хлѣбъ. Эйхгольцъ, смѣясь, спросилъ герцога:

— «Неужели это тѣ самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи упаси меня отъ такого тестя, коего люди такъ бы со мною поступали!»

Герцогъ молчалъ въ изумленіи. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что если Русскіе такъ поступаютъ въ его имѣніяхъ, каково должно быть ихъ поведеніе въ дворянскихъ имѣніяхъ, и что онъ, герцогъ, какъ владѣтельный князь, предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстью обязанъ поговорить о томъ съ царемъ. Эйхгольцъ не переставалъ напоминать о томъ герцогу; но когда сему послѣднему представился случай говорить съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, герцогъ Мекленбургскій струсилъ и молчалъ какъ онѣмѣлый (als wenn er aufs Maul

geschlagen wäre). Наконецъ, когда царь однажды прогуливался въ саду, Эхгольцъ снова началъ понукать своего герцога, что-бы, пользуясь симъ случаемъ, завелъ разговоръ о постояхъ. Герцогъ никакъ не могъ рѣшиться и наконецъ сказалъ Эйхгольцу: «ты самъ поговори». Эйхгольцъ принялъ на себя это порученіе и дѣйствительно царь изволилъ издать регламентъ: сколько хлѣба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатамъ. Но существеннаго облегченія не послѣдовало. Русскіе пили и ѣли не только во дворцѣ, гдѣ послѣдній конюхъ требовалъ всего, что ему въ голову приходило; но и въ городѣ, въ домахъ, гдѣ жили россійскіе министры, столъ долженъ былъ быть накрытъ цѣлый день. «И русская толпа», говоритъ Эйхгольцъ, «оставалась у насъ на шеѣ до тѣхъ поръ, пока царь, по славной кампаніи въ Зеландіи, не уѣхалъ въ Голландію и потомъ во Францію».

Въ Шверинѣ царь любилъ обѣдать въ герцогскомъ саду, изъ коего прекраснѣйшій видъ на Шверинское озеро. Герцогъ всегда требовалъ, что-бы его дворцовый караулъ занималъ всѣ посты. Эта герцогская гвардія состояла изъ людей исполинскаго роста, съ огромными усами, и чѣмъ они видомъ были страшнѣе и суровѣе, тѣмъ болѣе нравились герцогу. Во время обѣденнаго стола всегда четверо стояли тутъ съ обнаженными шпагами. Царь, любя быть безъ принужденія и не на виду, неоднократно просилъ герцога избавить его отъ этихъ излишнихъ почестей; но не успѣлъ въ своей просьбѣ. Однажды вечеромъ, когда комары стали безпокоить компанію, рѣчь зашла о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ нихъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ герцогу: «Вотъ эти мужчины съ обнаженными шпагами ни къ чему иному не годны; велите имъ подойти и отгонять комаровъ огромными своими усами».

Когда царица уѣхала изъ Шверина, Эйхгольцъ ожидалъ, что она изъявитъ свое удовольствіе обыкновенными подарками придворнымъ чинамъ, въ особенности ему, какъ обермаршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (nicht einen Kreuzer). Когда онъ велъ ее къ каретѣ, Екатерина Алексѣевна ему сказала:

«Я останусь у васъ въ долгу».

Эйхгольцъ отвѣчалъ, что того не знаетъ; но что впрочемъ считаетъ за большую честь, если столь великая государыня у

него въ долгу. Между тѣмъ онъ просилъ одной милости, что-бы ея царское величество упросила царя объ освобожденіи баварскаго дворянина барона Пфертнера, состоящаго въ шведской службѣ и взятаго въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи, чѣмъ ея величество обяжетъ также княгиню Нидеръ-Минстерскую, съ коею баронъ Пфертнеръ состоитъ въ родствѣ, а его, Эйхгольца, вполнѣ вознаградитъ за его старанія. Царица обѣщала исполнить эту просьбу и Эйхгольцъ впослѣдствіи напоминалъ ей о томъ неоднократно своими записками въ Гагѣ и въ Ахенѣ; но царица даже не справлялась о Пфертнерѣ, а тѣмъ менѣе просила за него царя. «Столь мало», говоритъ Эйхгольцъ, «имѣла она великодушія».

Положено было, что-бы царскіе министры имѣли совѣщанія съ герцогскими о тѣсномъ союзѣ между обоими дворами и о обоюдныхъ ихъ пользахъ. Такъ какъ царь не любилъ мекленбургскаго министра Петкума, то сей послѣдній не участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Со стороны царя назначены были Шафировъ и баронъ Шлейницъ; со стороны герцога—Эйхгольцъ и Габихтсталь.

Наканунѣ Эйхгольцъ спросилъ герцога: не желаетъ-ли онъ лично открыть засѣданіе и какіе предметы имѣютъ быть трактуемы? Герцогъ предоставилъ Эйхгольцу открыть засѣданіе привѣтствіемъ. Предметами совѣщанія были: 1) О новомъ бракѣ герцога и о претензіяхъ разведенной съ нимъ герцогини. 2) О городѣ Висмарѣ. 3) Объ удовлетвореніи герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятомъ предметѣ, яко секретномъ, Эйхгольцъ умалчиваетъ. (Полагаютъ, что оный касался до проекта герцога, промѣнять Мекленбургъ на Курляндію).

Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Шафирова и не отпустилъ его до полуночи.

Въ слѣдующій день уполномоченные собрались въ герцогскихъ покояхъ. Герцогъ самъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Эйхгольцъ открылъ конференцію изъявленіемъ благодарности за то, что царь намѣревается вступить съ его герцогскою свѣтлостью въ тѣсный союзъ. Посему обоюдная польза требовала принять такія мѣры, что-бы разведенная герцогиня, имѣющая столь многихъ друзей при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не могла представлять свое дѣло съ слишкомъ невыгодной для герцога стороны.

При первомъ, второмъ и третьемъ пунктахъ все шло хорошо и согласились, что-бы царскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Брауншвейгѣ и Лондонѣ предписано было дѣйствовать въ пользу герцога единодушно съ Мекленбургскими. Но когда дошли до четвертаго пункта, герцогъ самъ началъ говорить съ яростью, обвиняя дворянство свое въ ужасныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и произнося столь неосторожныя рѣчи, что Эйхгольцъ, забывшись, ударилъ рукою по столу и сказалъ герцогу:

— «Если ваша свѣтлость станете такъ поступать, то лишитесь земли и подданныхъ».

Шафировъ уклонился отъ сужденія по сему предмету, извиняясь тѣмъ, что конституція римской имперіи ему неизвѣстна и что онъ согласится съ мнѣніемъ товарища своего, Шлейница, коему извѣстны имперскіе законы. Шлейницъ же замѣтилъ, «что образъ правленія въ нѣмецкихъ княжествахъ не вездѣ одинаковъ, и что каждое княжество имѣетъ свои права и привиллегіи; что ему не безъизвѣстно о существованіи въ Мекленбургѣ реверсалій, изъ коихъ видно будетъ, до какой степени можно требовать повиновенія отъ дворянства. Что же касается до преступленій, въ коихъ герцогъ обвиняетъ дворянство, то надобно будетъ ожидать, какія его свѣтлость можетъ представить на то доказательства».

Такъ, повидимому, дѣло осталось, но герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону Шафирова, который слѣпо вошелъ во всѣ намѣренія герцога. Шафировъ впослѣдствіи признавался въ Гагѣ Эйхгольцу, что герцогъ въ то время такъ вовлекъ его въ сіи дѣла, что онъ рисковалъ своею головою.

Вслѣдствіе домогательства герцога, депутаты мекленбургскаго дворянства, по повелѣнію царскому, были арестованы, не взирая на то, что Ягужинскій совѣтовалъ царю этого не дѣлать, чѣмъ онъ и навлекъ на себя вражду герцога.

Въ самый день арестованія депутатовъ, Петръ Андреевичъ Толстой далъ одному изъ герцогскихъ пажей пощечину въ покояхъ герцога. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что Толстой тѣмъ нарушилъ не только тишину, долженствующую быть во дворцѣ (Burgfrieden), но и должное его свѣтлости высокопочитаніе. Однако-жъ герцогъ почелъ за лучшее прикрыть такую бездѣлицу мнимымъ невѣдѣніемъ.

Царь съ герцогомъ поѣхали въ Ростокъ. По повелѣнію царя, еще нѣкоторые знатные дворяне взяты были военными командами подъ арестъ.

Въ Ростокѣ фурьеръ герцога, одѣтый наравнѣ съ прочими людьми герцогскими по шведской формѣ, случайно подрался съ царскимъ шутомъ. Царь, увидя сіе изъ окна, самъ прибѣжалъ и своею царскою рукою поколотивъ фурьера, велѣлъ еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извиненіе царя предъ герцогомъ состояло въ томъ, что онъ будто принялъ этого фурьера за Шведа.

Эйхгольцъ, оставшійся въ Шверинѣ, узнавъ объ арестѣ дворянъ, поспѣшилъ въ Ростокъ и упрекалъ герцога въ его насильствѣ. Герцогъ увѣрялъ, что онъ о томъ ничего не зналъ и что все происходило по повелѣнію царя, который, безъ сомнѣнія, съумѣетъ объяснить свои дѣйствія.

IV.

Въ 1717 году герцогъ послалъ Эйхгольца къ царю, пребывавшему тогда въ Ахенѣ, съ просьбою объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, кромѣ 7-ми полковъ, и о защитѣ герцога противъ всякаго насильства. Герцогиня Екатерина Іоанновна, по желанію супруга своего, писала равномѣрно къ царю, заклиная его не оставить герцога и не вѣрить своимъ министрамъ, совѣтующимъ ему противное, но считать ихъ мошенниками и измѣнниками. Эйхгольцъ не зналъ, какъ онъ увѣряетъ, ничего о содержаніи письма Екатерины Іоанновны. Заставъ царя въ Литтихѣ на возвратномъ пути его величества изъ Парижа, просилъ тайнаго секретаря нѣмецкой экспедиціи Остермана доложить о немъ царю и былъ принятъ милостиво. Царь, видя по числу на письмѣ, что оно уже давно писано, спросилъ Эйхгольца, гдѣ онъ такъ долго оставался? Эйхгольцъ отвѣчалъ, что онъ цесарскій вассалъ и довольно нанюхался воздуху въ Вѣнѣ, и потому на старости лѣтъ не хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, но ожидалъ его царскаго величества въ Литтихѣ.

Государь сказалъ на то: «dobre».

Когда Эйхгольцъ, по приказанію герцога, просилъ объ оставленіи 7-ми полковъ въ Мекленбургѣ и о защитѣ его свѣтлости противъ всѣхъ и каждаго, царь сказалъ:

— «Знаетъ-ли герцогъ, что требуемые 7 полковъ составляютъ 11,000 человѣкъ?» и велѣлъ Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначилъ Толстаго и Шафирова для переговоровъ съ Эйхгольцомъ, а письмо Екатерины Іоанновны, увидя на немъ русскую надпись, нераспечатанное положилъ въ карманъ. Государь велѣлъ Эйхгольцу слѣдовать за нимъ въ Голландію и оставаться при немъ.

Въ Спа Толстой и Шафировъ имѣли совѣщанія съ Эйхгольцомъ и положено было слѣдующее: царь оставляетъ у герцога два полка по выбору самого герцога; болѣе войскъ было бы герцогу въ тягость и царь совѣтуетъ ему отвести полкамъ по равной соразмѣрности квартиры въ городахъ, въ дворянскихъ и герцогскихъ имѣніяхъ. Далѣе царь обѣщаетъ герцогу защиту противъ всѣхъ, которые станутъ притѣснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера къ герцогу для узнанія его мнѣнія. Эйхгольцъ весьма безпокоился, не зная, какъ герцогъ приметъ сіе извѣстіе, ибо его свѣтлость требовалъ всегда, что-бы отъ данной имъ инструкціи не отступали ни на шагъ. Къ счастію, герцогъ былъ доволенъ и отправилъ чрезъ курьера въ отвѣтъ благодарственное письмо, въ коемъ однако-жъ возобновилъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ царь вояжировалъ въ Голландіи и каждый разъ, когда видѣлъ Эйхгольца, спрашивалъ его: «Герцогъ еще не писалъ?»

Наконецъ, по пріѣздѣ въ Ахенъ, Эйхгольцъ получилъ съ курьеромъ письмо герцога и поднесъ оное царю.

Царь спросилъ: «доволенъ-ли герцогъ?»—и узнавъ отъ Эйхгольца, что весьма доволенъ, сказалъ опять: «dobre!»

Но когда письмо перевели на русскій языкъ и государь усмотрѣлъ, что герцогъ повторяетъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго, онъ вознегодовалъ на герцога и велѣлъ написать ему чрезъ Эйхгольца, что онъ подобной защиты никогда не обѣщалъ, развѣ только въ справедливыхъ дѣлахъ, прибавляя:

— «Я для герцога не намѣренъ ссориться съ императоромъ и имперіею».

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Ахена, царь укладывалъ свою шкатулку, въ коей хранились тайныя его бумаги, и тутъ Тол-

стой и Шафировъ увидѣли письмо Екатерины Іоанновны. Они, ужасно разсердившись за то, что названы мошенниками и измѣнниками, тотчасъ послали за Остерманомъ и предъ нимъ жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русскихъ вѣжливостей. Остерманъ, блѣдный, какъ смерть, пришелъ къ Эйхгольцу, сидѣвшему въ ваннѣ, и велѣлъ его вызвать скорѣе. Эйхгольцъ божился, что содержаніе письма Екатерины Іоанновны ему вовсе неизвѣстно. Предъ Толстымъ Эйхгольцъ не могъ оправдаться, ибо Толстой отправился въ Вѣну за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхгольцъ увѣрялъ его, что герцогъ противъ него ничего не имѣетъ, но что оскорбительныя выраженія относятся вѣроятно къ канцлеру Головкину, князю Долгорукову и къ другимъ, коихъ герцогъ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ нему. [1])

Съ того времени герцогъ лишился и послѣдняго уваженія у россійскихъ министровъ.

---

[1]) Вотъ это письмо герцогини Мекленбургской Екатерины Іоанновны къ Петру I. Приводимъ его съ буквальною точностью:

«Милостивейшні Государь мой дядюшка і батюшка, Царь Петръ Алексевичъ, здраству(й) на множества летъ!

«Симъ Ваше Величества моего Государя покорна прошю: да не аставлены мы будемъ (въ) вашей непременай милости, которай отъ серца желаемъ.

«При семъ прошю Ваше Величества не пременить своей милости до моего супруга; понеже мой супругъ слышелъ, что есть Вашего Величества на него гневъ, і онъ то слыша (въ) великой печали себя содержитъ, і надееца, что нехъта нашъ злодей Вашему Величеству данесъ неправъду, не хотя ево видеть (въ) вашей милости. При семъ просітъ мой супругъ, дабы Ваше Царъское Величества не ізволили слушеть таковыхъ неправедливыхъ данашені(й) на него; істино мой супругъ Вашему Величеству себя абъевляетъ верныиъ слугою.

«Еще покорно проситъ мой супругъ Ваше Величества: слышелъ онъ, что Ваше Величества ізволите іметь алиянцъ съ королемъ шветцкимъ, і при семъ всепижайше проситъ Ваше Величества мой супругъ, дабы ево при семъ не аставили въ сваей отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не пре(я)мымъ серцемъ і съ великимъ лукавствомъ; і ради таго мой супругъ Ваше Величества всенижайше проситъ, ежели изволите іметь *) алия(н)цъ съ королемъ швецкимъ, дабы ево не аставили въ своей милости. Впрочемъ предавъ ваше здравие дражайшее въ сохронение божие, і себя рекомендую въ непременаю милосьть Вашего Величества. Вашего Величества покорная услужніца і племянница Екатерина».

«Ізъ Ростака, 8 сентебря 1718».

(См. «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства». М. 1861 г., книга 2-я, стр. 63—64). Ред.

---

*) Въ подлинникѣ ошибка: имелеть.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарилъ ему свой портретъ, цѣною въ 500 талеровъ.

Герцогъ, находясь въ безпрерывной ссорѣ съ своимъ дворянствомъ, былъ недоволенъ, что царь не хотѣлъ его защищать противъ всѣхъ и каждаго, и съ помощію Вальтера составилъ меморію, что-бы склонить царя на свою сторону. Въ сей меморіи онъ дворянство свое не называетъ иначе какъ «мятежниками».

Герцогъ поѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ ожидали царя. Въ Магдебургѣ начальствовалъ князь Ангальтъ-Дессаускій, родной дядя разведенной герцогини. Князь, соблюдая приличіе, былъ съ визитомъ у герцога, но не умѣлъ скрыть выраженія своихъ внутреннихъ чувствъ. Черезъ два дня пріѣхалъ царь (6-го сентября 1717 г.) и остановился у герцога; и такъ, сдѣланныя для пріема его величества въ королевскомъ домѣ приготовленія остались напрасными. Герцогъ предложилъ царю на завтракъ чаю, но его величество требовалъ Бургундскаго, спрося герцога, сколько онъ утромъ пьетъ чаю?

Герцогъ, показывая на стаканъ, сказалъ: «вотъ сколько».

Царь отвѣчалъ: «Такъ, вы фофанъ!» (Wel, ghy bint een Geck).

Герцогъ, что-бы отдѣлаться отъ сего упрека, сказалъ, что онъ поступаетъ по совѣту своего лейб-медика Шапера.

Однако-жъ царь ни мало не смягчилъ прежняго слова и отвѣчалъ сухо: «Soo is he noch een grösser Geck as hy! (такъ онъ еще больше фофанъ, нежели вы!)

Послѣ того герцогъ подалъ царю вышепомянутую меморію свою, которую государь вручилъ секретарю Остерману для перевода на русскій языкъ, а самъ пошелъ посмотрѣть соборъ и другія достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморію герцога, царь сказалъ ему: «что вы тутъ затѣяли? Это вещи несправедливыя и весьма тиранскія. Не забывайте, что императоръ этого никакъ не позволитъ, а я не могу и не хочу вамъ помогать въ подобныхъ дѣлахъ».

Герцогъ возразилъ, что имперія и ея чины (das Reich и seine Stände) долженствовали бы ему содѣйствовать.

Царь повторилъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ: «Pfui Reich! Pfui Reich!» будто въ насмѣшку герцогу за его неосновательное

предположеніе, а герцогъ и его совѣтники стояли предъ царемъ, какъ масло на солнцѣ (wie Butter an der Sonne), и не смѣли рта открыть, дабы не услышать отъ него титуловъ, подобныхъ тому, какимъ онъ прежде почтилъ герцога.

Канцлеръ Головкинъ увелъ Эйхгольца въ сторону и просилъ его отклонить герцога отъ столь опасныхъ для него намѣреній. Но герцогъ о томъ и слышать не хотѣлъ.

Герцогъ, намѣреваясь ѣхать въ Берлинъ, послалъ туда придворнаго кавалера, что-бы извѣстить о его пріѣздѣ. Ему приготовили комнаты во дворцѣ. Однако-жъ герцогъ, противъ воли короля, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ царь, такъ что только одна комната раздѣляла занятые ими покои. Когда у короля собирались сѣсть за ужинъ, герцогъ требовалъ, что-бы его посадили выше маркграфовъ бранденбургскихъ и что-бы пили прежде за его здоровье, нежели за здоровье маркграфовъ, или что-бы маркграфы вовсе не являлись къ столу. Король изъявилъ готовность на счетъ тоста за здоровье, поелику маркграфы охотно на то согласились бы, но сказалъ, что они не могутъ уступить герцогу первенства. Герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи предъ министромъ фонъ-Ильгеномъ, говоря, что когда покойный братъ его, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ въ Берлинѣ, то маркграфы уѣхали въ свои деревни, а онъ не менѣе нежели покойный его братъ. Ильгенъ отвѣчалъ ему довольно сухо, что покойный герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ до пріѣзда своего въ Берлинъ заблаговременно согласился на счетъ церемоніала и тогда удобно было маркграфовъ удалить подъ благовиднымъ предлогомъ, но его свѣтлость нынѣ изволилъ пріѣхать, такъ сказать, какъ незваный гость и король не можетъ согласиться, что-бы въ его домѣ обидѣли маркграфовъ, родныхъ братьевъ покойнаго его родителя. Единственнымъ средствомъ выйти изъ сего положенія было бы занять мѣста по жребію. Но сіе не понравилось герцогу и, не взирая на убѣжденія царя и другихъ особъ, онъ не явился къ королевскому столу.

Между тѣмъ разведенная герцогиня оспаривала рѣшеніе грейсвальдской консисторіи о разводѣ и исходатайствовала разные по сему предмету декреты отъ имперскаго гофрата; впрочемъ, она согласна была примириться, если герцогъ возвратитъ ей приданое и назначитъ, приличную ея сану, пенсію, о чемъ герцогъ и

слышать не хотѣлъ. Царь весьма разсердился на такую скупость и упрямство герцога, могущія имѣть послѣдствіемъ, что второй бракъ его признанъ будетъ незаконнымъ и велѣлъ сказать герцогу: «что онъ, царь, далъ ему племянницу свою на совѣсть, однако-жъ никогда не согласится, что-бы могли ее когда-либо считать за его наложницу». Царь могъ самъ видѣть въ стеклянныя двери, какое впечатлѣніе слова его произвели на герцога, предавшагося какъ бы отчаянію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Берлинѣ, при посредничествѣ царя, заключенъ былъ съ повѣренными разведенной герцогини договоръ, по коему ей назначили пенсію въ 5,000 талеровъ и сверхъ того 30,000 талеровъ единовременно; она же безотговорочно признала разводъ правильнымъ.

Съ сего времени ненависть герцога къ Ягужинскому еще болѣе усилилась.

Чрезъ нѣсколько дней россійскій посланникъ Головкинъ угощалъ царя и герцога. При дессертѣ вошелъ Ягужинскій и герцогъ сказалъ ему:

— «За ваше здоровье, г. Ягужинскій! Желаю, что-бы вы всегда оставались благосклонны къ моему рыцарству и доложили царю сколь оно отъ меня терпѣло, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило васъ подарками!»

Ягужинскій, видя себя столь обиженнымъ предъ всѣмъ обществомъ и самимъ государемъ своимъ, вышелъ изъ комнаты. Всѣ россійскіе вельможи чувствовали себя обиженными поступкомъ герцога.

Послѣ ужина Эйхгольцъ упрекалъ герцога за его неосторожность. Герцогъ отвѣчалъ, что ему жаль, но что по крайней мѣрѣ облегчилъ свое сердце. Онъ поручилъ Эйхгольцу стараться примирить его съ Ягужинскимъ и велѣлъ звать его къ обѣду, но учтивости послѣ такой обиды не могли имѣть успѣха.

Возвратясь въ Мекленбургъ, герцогъ все надѣялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольцъ напоминалъ ему разговоръ съ царемъ въ Магдебургѣ. Однажды герцогъ, долго смотря на маленькій портретъ царя, висѣвшій въ его кабинетѣ, сказалъ: «Вотъ у него такое доброе лицо. Онъ меня не оставитъ!»

Распри между герцогомъ и мекленбургскими чинами дошли наконецъ до такой степени, что имперская экзекуціонная армія заняла весь Мекленбургъ. Герцогъ съ супругою поѣхалъ въ со-

провожденіи Эйхгольца въ Вѣну для ходатайства по своему дѣлу. Имѣлъ-ли онъ успѣхъ или нѣтъ, не относится до предмета сей выписки. Мы выпишемъ изъ записокъ Эйхгольца только слѣдующій эпизодъ касательно пребыванія герцога въ Вѣнѣ.

Его цесарское величество сказалъ однажды своему вице-канцлеру:

— «Хорошо, что герцогъ пріѣхалъ, лишь бы не привезъ съ собою Москвитянку». Императоръ прибавилъ: «Я желалъ бы знать: знаетъ-ли о томъ герцогъ?»

Вице-канцлеръ велѣлъ позвать Эйхгольца и сообщилъ ему слова императора. «Конечно», говорилъ онъ, «смѣлый поступокъ, что герцогъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ привезъ сюда супругу свою». Вице-канцлеръ совѣтовалъ герцогу помѣстить герцогиню въ Нусдорфѣ или Леопольдштадтѣ, дабы можно было сказать, что она не въ императорской резиденціи. Герцогъ, посовѣтовавшись съ своими приближенными, велѣлъ отвѣчать вице-канцлеру, что бѣдная женщина, всѣмъ свѣтомъ оставленная, здѣсь, въ Вѣнѣ, никого знакомаго не имѣетъ и при томъ языка не знаетъ; что она умретъ съ тоски, если герцогъ удалитъ ее отъ себя, и что онъ посему проситъ, дабы его цесарское величество оставилъ ее у него. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Далѣе въ ростокской рукописи не упоминается о Россіи и о Петрѣ Великомъ и его семействѣ.

Жизнь Екатерины Іоанновны въ замужествѣ за герцогомъ Мекленбургскимъ была очень для нея не сладка. Тѣмъ не менѣе первые годы въ письмахъ своихъ къ Петру I и къ царицѣ Екатеринѣ она не только не высказывала жалобъ на мужа, но, какъ мы видѣли выше, ходатайствовала за него предъ своимъ «дядюшкой и батюшкой», какъ называла она Петра I. «О себѣ извѣствую, — пишетъ герцогиня въ каждой изъ своихъ грамотокъ, 1716—1720 годовъ,—за помощью божіею съ любезнѣйшимъ своимъ супругомъ (или «сожителемъ») обрѣтаюсь въ добромъ здравіи». Въ іюлѣ 1718 г. герцогиня прислала къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ важную вѣсточку. Приводимъ письмо безъ соблюденія своеобразной ороографіи герцогини Екатерины Ивановны:

«Примаю смѣлость я, Государыня тетушка, В. В—ству о себѣ донесть: милостію Божіею я абеременила, уже есть половина. И при семъ проситъ мой супругъ, такоже и я: да не оставлены мы будемъ у государя дядюшки, такоже и у васъ, государыня тетушка, въ неотмѣнной милости. А мой супругъ, такоже и я, и съ предбудущимъ, что намъ Богъ дастъ, покамѣсть живы мы, В. В—ству отъ всего нашего сердца слуги будемъ государю дядюшкѣ, также и вамъ, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу,

и государынямъ сестрицамъ: царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«А прежде половины (беременности) писать я не посмѣла до В. В—ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего такожe надѣялася быть, однакоже тогда было неправда; а нынѣ за помощію Божіею уже прямо узнала и приняла смѣлость писать до васъ, государыня тетушка и до государя дядюшки, и надѣюся въ половинѣ «ноемъвриі» (ноября) быть, еже Богъ соизволитъ».

7-го декабря 1718 г. Екатерина Іоанновна родила дочь Анну, впослѣдствіи правительница Анна Леопольдовна. Рожденіе ребенка не улучшило положенія матери. Побывавъ въ апрѣлѣ 1719 г. въ Митавѣ у сестры Анны Іоанновны, Екатерина Іоанновна поразсказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Ѳедоровна печаловалась о ней предъ «государыней милостивой, матушкой-невѣстушкой, царицой Екатериной Алексѣевной»..... «Прошу у васъ, государыня, милости,— писала 23-го апрѣля 1721 г. царица Прасковья Ѳеодоровна,— побей челомъ царскому величеству о дочери моей, Катюшкѣ, что-бъ въ печалѣхъ ее не оставилъ въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстушка, пожалуй, не оставь въ такихъ еѣ несносныхъ печалѣхъ. Ежели велитъ Богъ видѣть В. В—ство, и я сама донесу о печалѣхъ еѣ. I приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада.... приказывала такъ, что-бъ для еѣ бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ....»

Царь Петръ внялъ просьбамъ старушки-царицы Прасковьи Ѳедоровны и сталъ настоятельно призывать герцогиню Мекленбургскую въ Россію, напоминая ей при томъ, что, по отношенію къ ея мужу, онъ «многократно не точію писалъ, но и изусно говаривалъ супругу вашему, что-бъ не все такъ дѣлалъ, чего хочетъ, но смотря по времени и случаю».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1722 г. Екатерина Іоанновна пріѣхала въ Москву съ четырехлѣтней дочерью своею Анной, безъ «сожителя», съ которымъ уже болѣе не видалась.

Екатерина Іоанновна скончалась 14-го іюня 1733 года; мужъ ея, Карлъ Леопольдъ, лишенный престола въ 1736 году, дожилъ до того времени, когда внукъ его, Іоаннъ VI, былъ императоромъ всероссійскимъ, а дочь, Анна Леопольдовна, правительницею имперіи.

15-го ноября 1741 года Правительница великолѣпно праздновала въ Зимнемъ дворцѣ день рожденія своего родителя.

Десять дней спустя, сынъ ея свергнутъ съ престола.

7-го марта 1746 года Анна Леопольдовна скончалась въ заточеніи, въ Холмогорахъ.[1]) Карлъ Леопольдъ умеръ 9-го декабря нов. ст. 1747 года въ заточеніи, въ Демницѣ, на 69-мъ году своей жизни. **Ред.**

---

[1]) О кончинѣ Анны Леопольдовны см. въ «Русской Старинѣ» (изд. 1870 г., изд. второе, т. I, стр. 410) интересную статью графа М. А. Корфа.—Судьба семейства Анны Леопольдовны также подробно разсказана въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 67, и изд. 1874 г., т. IX, стр. 645—667. **Ред.**

ПОТОМСТВО ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(четыре колѣна).

○ Царь Алексѣй Михайловичъ † 1676 г.

От Маріи Милославской. † 1669 г.

От Натальи Нарышкиной. † 1694 г.

○ Царь Іоаннъ V ∞ Прасковья Θедоровна Салтыкова.
р. 1666 † 1696 г. р. 1664 † 1723 г.

○ Императоръ Петръ I ∞ 1) Евдокія Лопухина † 1731 г.
р. 1672 † 1725 г. 2) Екатерина I † 1727 г.

△ Екатерина ∞ Карлъ-Леопольдъ
р. 29 окт. герцогъ Мекленбургскій † 1747 г.
1692 † 1733 г.

△ Анна ∞ Герцогъ Курляндъ. Фридрихъ † 1711 г.
р. 1693, † 1740 г.

△ Прасковья ∞ Мамоновъ.
р. 1694 † 1730 г.
† 1731 г.

○ Царевичъ Алексѣй ∞ Шарлота Вольфенбютельск.
† 1718 г. † 1715 г.

△ Анна ∞ Герцогъ Карлъ Гольшт.
† 1728 г. † 1739 г.

△ Елисавета
† 1761 г.

△ Анна Леопольдовна ∞ Антонъ-Ульрихъ
р. 1718 † 1746 г. Герц. Брауншвейг.
Правительница † 1776 г.

○ Петръ II † 1730 г.

○ Петръ III ∞ Екатерина II
† 1762 г. † 1796 г.

○ Іоаннъ VI Антоновичъ
р. 1740 † 1764 г.

△ Екатерина принцеса † 1807 г.

△ Алексѣй принцъ † 1787 г.

△ Елисавета принцеса † 1782 г.

○ Петръ принцъ † 1798 г.

Скончались и погребены въ Горсензѣ.

○ Павелъ I † 1801 г.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763—1841.

XVI.[1]

Вступленіе въ Туринъ Суворова съ союзными войсками. — Денисовъ у города Пиньероль. — Волонтеры. — Сраженіе при Нови. — Ссора съ Повало-Швейковскимъ. — Дерфельденъ. — Прибытіе на казачьи аванпосты Суворова. — Отдыхъ.

1799.

Когда на кроткое увѣщаніе Суворова сдать Туринъ на капитуляцію, что-бы избѣгнуть напраснаго кровопролитія отъ сближавшейся къ городу многочисленной арміи, полученъ былъ дерзкій отвѣтъ коменданта, французскаго генерала Фіорелла, то сами жители Турина спасли городъ отъ угрожавшей ему участи Измаила и Праги: утромъ 15-го (26) мая, австрійскій генералъ Вукасовичъ, по условленному съ жителями знаку, бросился къ городскимъ воротамъ, нашелъ ихъ отворенными и подъемный мостъ опущеннымъ; Фіорелла послалъ-было изъ цитадели колонну взять въ тылъ слабый отрядъ Вукасовича, но колонна эта была опрокинута съ большимъ урономъ. Жители, вмѣстѣ съ австрійскими войсками, гнали Французовъ по улицамъ до цитадели и въ то же время всѣ ворота городскіе открыли союзнымъ войскамъ. Въ три часа пополудни самъ фельдмаршалъ Суворовъ вступилъ съ войсками въ городъ и встрѣченъ былъ востор-

---

[1]) Первыя пятнадцать главъ записокъ атамана Денисова напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 года, томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641.

женными восклицаніями жителей. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, но комендантъ цитадели началъ бомбардировать городъ, считая себя вправѣ мстить жителямъ за ихъ измѣну; при чемъ онъ прислалъ къ Суворову парламентера съ объявленіемъ, что пальба не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока союзныя войска не оставятъ Турина. Говорили тогда, что истинною цѣлью посылки парламентера было развѣдать о домѣ, въ которомъ находился Суворовъ, и хотя парламентеръ отъ самыхъ воротъ цитадели до комнаты Суворова и назадъ былъ веденъ съ завязанными глазами, но, кажется, успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо, чрезъ часъ послѣ, выстрѣлы по большой части направлялись на домъ фельдмаршала.[1])

Изъ Турина полкъ Денисова и два другіе казачьи полка отправлены въ отрядъ кн. Багратіона къ Пиньеролю, а самъ Денисовъ оставался еще два дня въ Туринѣ при фельдмаршалѣ. «Онъ хотѣлъ отрядить меня съ двумя или тремя полками австрійской кавалеріи въ экспедицію противъ одного французскаго генерала, находившагося съ частью войскъ въ одномъ ущельи горъ», пишетъ Денисовъ, «но я, зная, что въ тѣсныхъ мѣстахъ весьма опасно дѣйствовать кавалеріею, упросилъ дежурнаго генерала отклонить сіе. Я боялся оставаться при главной квартирѣ, дабы не войти въ какія-либо политическія интриги, и просилъ позволенія ѣхать къ своему полку, на что охотно фельдмаршалъ согласился, потому что въ небытность мою при донскихъ полкахъ сдѣлано упущеніе. Въ часъ пріѣзда моего къ полку (въ гор. Пиньероль) узнаю, что непріятель въ самомъ близкомъ разстояніи и при самомъ городѣ Пиньеролѣ, въ ущелинѣ находится, и часто по казакамъ, на пикетахъ стоящимъ, стрѣляетъ. Осмотрѣвъ всю позицію мѣста и самого непріятеля, приказалъ я другому казачьему полку, находящемуся тогда верстахъ въ шести или восьми, оставя на своемъ мѣстѣ нужную для наблюденія непріятеля команду, съ остальными явиться ко мнѣ, и донесъ о всемъ куда слѣдовало».

«Скоро послѣ сего прибылъ ко мнѣ князь Багратіонъ; осмотрѣвъ непріятеля и позицію, ничего не предпринялъ и, нѣсколько

---

[1]) «Истор. войны 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. III, гл. XXIV, и «Истор. Рос.-австр. камп.» г. Фукса, ч. I, стр. 107. Ад. Ч.

отодвинувъ свой авангардъ, остановился. На другой день прибылъ туда-жъ одинъ австрійской генералъ съ войсками и атаковалъ непріятеля такъ благоразумно и удачно, что Французы не смѣли вступить въ сраженіе и бѣжали въ горы. Всѣ сіи генералы съ ихъ войсками возвратились къ своимъ войскамъ, а я съ двумя полками, въ которыхъ, по раскомандированіи многихъ казаковъ, больныхъ и въ вагенбургѣ оставшихся, не было и 500 человѣкъ (остался). Тогда я увидѣлъ себя въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что все сіе мѣсто было при подошвѣ высокихъ горъ и что, по малолюдству (моего отряда), нельзя было занять всѣ нужныя мѣста, но въ это время является ко мнѣ одинъ человѣкъ, называя себя сержантомъ когда-то бывшихъ вольныхъ войскъ. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги, и ежели я снабжу его ружьями, порохомъ и свинцомъ, то онъ соберетъ до 300 охотниковъ служить подъ моею командою противъ Французовъ. Обрадовавшись сему случаю, я рѣшился принять его, и какъ въ городѣ (Пиньеролѣ) Французами оставлено много было ружей, то и выдалъ ему оныя и всѣмъ нужнымъ снабдилъ. Въ короткое время явился онъ ко мнѣ съ дивизіею, отъ 350 до 400 человѣкъ составляющеюся. Всѣ они ничто болѣе были какъ бродяги, не знающіе ни правилъ военныхъ, ни анбиціи, ни порядку. Однако-жъ не одна праздная жизнь, какъ я примѣтилъ, къ тому направляла ихъ, а разница какая-то въ исповѣданіи вѣры главнѣйшимъ была побужденіемъ. Хотя ясно я видѣлъ, что на таковыхъ гигантовъ (?) худая надежда, но, дабы непріятеля удерживать въ осторожности и всѣ нужныя мѣста захватить, они необходимы мнѣ были; почему я и принялъ смѣлость тотчасъ, при осмотрѣ сихъ войскъ, господина сержанта поздравить капитаномъ, что онъ принялъ съ утѣшительностію и гордостію, и величаво командуя, пустился прямо въ горы къ французской границѣ. На другой или третій день его дивизія умножилась отъ 600 до 800, и дралась день и ночь дней нѣсколько, то есть, стоя на горѣ и примѣчая, когда чрезъ дефиле, на другой горѣ, человѣкъ или скотина (покажется), хотя горизонтально, но навѣрное не ближе версты, стрѣляли съ увѣрительною надеждою безъ промаха убить, и сами впродолженіе недѣли или болѣе не имѣли убитыми и 10 человѣкъ, да и тѣ, полагать надо, разбѣжались».

«Съ французской стороны тоже, кажется, подобныя войска были, ибо часто таковымъ же образомъ отвѣчали, но я, оставаяся взади, былъ покойнѣе. Обо всемъ я лично донесъ фельдмаршалу, равно какъ и о производствѣ въ капитаны—что онъ милостиво выслушалъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Карповичъ! я сіе производство подтверждаю.

«Чрезъ нѣсколько дней прибыло около 2-хъ тысячъ подъ командою подполковника австрійскихъ войскъ и оставлены въ мое распоряженіе, но я, избѣгая всякихъ сплетеній, на меня особенно часто падающихъ, поставилъ ихъ въ дефилѣ, впереди города, по дорогѣ къ недалеко находящейся крѣпости (С.-Маріа?). Во все время былъ я только обезпокоенъ однимъ нападеніемъ французскихъ войскъ на Австрійцевъ, которое кончилось скоро тѣмъ, что Французы, увидя осторожность нашу, бѣжали».[1])

Между тѣмъ, какъ войска главной союзной арміи, расположенныя вокругъ Турина, готовились къ открытію осады цитадели туринской, а легкіе отряды, посланные въ горы, отбросили послѣдніе непріятельскіе посты за снѣговой хребетъ Альповъ и Суворовъ готовился преслѣдовать разстроенныя и отступавшія вой-

---

[1]) Денисовъ, въ донесеніи Суворову отъ 22-го мая, между прочимъ пишетъ: «Пиньероло имѣетъ много изъ жителей Якубиновъ, которые всѣ ружьи, находящіеся в здешнемъ орсинале, разобрали по себе, не показывая не малейшего виду сражатся оными противъ Французовъ, для чего приказалъ я начальству местечка собрать все в прежнее место, также учинилъ объявленіе жителямъ, въ горахъ находящимся, что-бы они, оставя противъ насъ вооруженіе, жили бы спокойно в своихъ домахъ, а в противномъ случіе притерпють жестокое наказаніе». Получивъ это донесеніе и другое, что находящійся у Фенетрелли непріятельскій генералъ Циммерманъ, съ 600 отрядомъ французской пѣхоты, считая себя окруженнымъ союзными войсками, объявилъ готовность положить оружіе, если противъ него выслана будетъ пѣхота, Суворовъ рѣшился послать туда кн. Багратіона и далъ ему слѣдующее предписаніе: «Князь Петръ Ивановичъ! Вотъ вамъ милое письмо отъ походнаго атамана: никто лучше не выполнитъ желаемаго, какъ ваше с—во? Христосъ съ вами.... ни мало не медля, извольте слѣдовать съ полкомъ вашимъ, соединясь съ Андріяномъ Карповичемъ,*) и коли потребно будетъ, то можете взять къ себѣ къ тому и какія иныя подручныя войска въ скорости. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его командѣ вольность, по силѣ которой и вы моимъ именемъ имъ можете дать на мѣстѣ безпечные паспорты, но по мѣрѣ ихъ добровольной сдачи, а не обороны. Предаю все въ ваше благоразумное разсмотрѣніе».

(«Истор. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. III, гл. XXIV, стр. 416).

Ад. Ч.

---

*) Полковникомъ Денисовымъ.

ска Моро до самаго Генуэзскаго берега, онъ получилъ свѣдѣніе о прибывшемъ въ Геную значительномъ подкрѣпленіи непріятелю моремъ и изъ Франціи, а также, что и войска Макдональда спѣшатъ изъ южной Италіи на соединеніе съ Моро. Все это заставило Суворова предпринять другія мѣры и расположить свои войска такъ, что куда бы ни вздумалъ устремиться непріятель, можно было въ два-три перехода сдвинуть къ угрожаемому пункту болѣе 30-ти тысячь войска. Потомъ, сосредоточивая значительныя силы свои у Александріи, «Суворовъ вспомнилъ обо мнѣ», пишетъ Денисовъ, «и предписалъ, что-бъ я, оставя постъ мой (у Пиньероля) старшему, съ полкомъ моимъ явился къ нему. Увидѣвъ меня, его сіятельство изъявилъ мнѣ свои великія милости и какъ бы жаловался, что я его оставилъ; но когда (я) доказалъ, что это сдѣлано было не по моему желанію, то онъ два раза сказалъ:

— «Право я этого не зналъ».

«И подтвердилъ, что-бъ я никогда далеко отъ него не отлучался».

Денисовъ поэтому находился при фельдмаршалѣ весь іюнь и іюль 1799 г. съ состоящими при главной арміи казаками.[1])

Къ концу іюля вся почти Италія была уже занята союзными

[1]) Въ это время, при выступленіи на встрѣчу 36-ти тысячной арміи Макдональда, отданы Суворовымъ по войскамъ весьма любопытные и оригинальные приказъ и наставленіе:

I. Александрія, 5-го (16) іюня:

«1) Непріятельскую армію взять въ полонъ.

Вліять твердо въ армію, что ихъ 26 тысячь, изъ коихъ только 7 тысячь Французовъ; прочіе всякій сборъ реквизиціонеровъ.

2) Казаки колоть будутъ; но жестоко бы слушали, когда Французы кричать будутъ: «пардонъ», или бить «шамадъ». Казакамъ самимъ въ атакѣ кричать: «балезармъ, пардонъ, жетелезармъ», и симъ пользуясь, кавалерію жестоко рубить и на батареи быстро пускаться, что особливо внушить.

3) Казакамъ, коимъ удобно, испортить на р. Таро мостъ, и тѣмъ зачать отчаяніе. Съ плѣнными быть милосерду; при ударахъ дѣлать большой крикъ, крѣпко бить въ барабанъ; музыкѣ играть гдѣ случится, но особливо въ погони, когда кавалерія будетъ колоть и рубить, что-бы слышно было своимъ.

Ихъ генераловъ, особливо казаки, и прочіе, примѣчаютъ по кучкамъ около ихъ; кричать: «пардонъ», а ежели не сдаются, убивать».

II. С.-Джіовани. Въ ночь съ 6-го (17) на 7-е (18) іюня:

«Остается до р. Треббіи 1½ мили: оную хорошо пройдутъ.

«До непріятеля 1½ мили; всего 19—20 верстъ,— 6 часовъ.

«За полмили отъ непріятеля, или менѣе, выстраиваются.

войсками. Одна Ривьера Генуэзская оставалась еще во власти Французовъ, да гарнизоны ихъ держались въ крѣпости Кони, въ замкѣ Тортонскомъ, въ небольшихъ фортахъ Гави и Серравалле. Со времени сдачи цитадели Александрійской, главная армія Суворова оставалась на равнинѣ между рр. Бормидой и Скривіей. Избранный новою французскою Директоріею главнокомандующимъ, Жуберъ прибылъ въ Корнельяно, близь Генуи, и, рѣшась немедленно дѣйствовать наступательно на армію Суворова, сраженъ пулею въ самомъ началѣ битвы при Нови, 4-го (15) августа 1799 г. Денисовъ поставленъ былъ на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, среди виноградниковъ, гдѣ находилась французская пѣхота, которая стрѣляла по казакамъ, а казаки по мѣстности не могли дѣйстовать, почему Денисовъ, съ нозволенія генерала Дерфельдена, оставилъ это мѣсто и отправился искать болѣе удобное для дѣйствія казаковъ. Шедши съ небольшою командою между сражающимися сторонами и подходя къ какому-то каменному дому, онъ встрѣтилъ дежурнаго генерала Ферстера и князя А. И. Горчакова.

«Сей (послѣдній) какъ бы съ дружественной стороны, но скоро спросилъ меня:

— Гдѣ вашъ полкъ?

— «Назади», отвѣчалъ я.

— Какъ это жалко, - продолжалъ Горчаковъ, — нельзя-ли сдѣлать, что-бъ оной поспѣшилъ сюда?

— «Что-жъ бы тутъ могъ одинъ донскихъ казаковъ полкъ

«Линіи выстраиваются быстро. За полчаса передъ разсвѣтомъ раздвигаются»...

...«Тотчасъ его преслѣдуютъ кавалерія и казаки, поддерживаемые пѣхотою, которая тогда уже линіею идти не можетъ, но колоннами, не теряя времени.

...«Кавалерія будетъ атаковать въ двѣ линіи по «шахматному»: интервалъ на эскадронъ, что-бы въ случаѣ, когда первая линія, рубясь, разсыплется—вторая линія могла бы сквозь интервалы проскакивать.

...«Не употреблять команды: «стой»: это не на ученьи, а въ сраженіи: «атака, руби, коли, ура, барабаны, музыка»...

...«Казаки стоять будутъ за австрійскою кавалеріею и въ атакѣ бросаются во флангъ непріятелю. Когда же оный будетъ сбитъ, то преслѣдуютъ его безпрестанно, и всѣхъ истребляютъ».

(«Ист. Рос.-австр. камп. 1799 г.»—Фукса и «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. IV, гл. XXXI и XXXII). Ад. Ч.

сдѣлать, когда такое количество пѣхоты не могло держаться?» сказалъ я.

— Хотя немного ударьте, — отвѣчалъ Горчаковъ.

«Французская пѣхота стояла подъ вѣрными выстрѣлами съ крѣпости Нови, ядрами, съ пушекъ; опрокинувъ оную и подавшись нѣсколько впередъ—очутишься подъ картечами, а если доскакавъ до линіи непріятельской и не опрокинешь ее, (придется) ретироваться. Значитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ надобно подвергнуть людей очевидному пораженію. Когда я былъ въ семъ размышленіи и что приказаніе ударить дѣлаетъ старшій меня и ближней фельдмаршалу, всегда при немъ находящейся, увидѣли всѣ мы, что полкъ мой недалеко изъ-подъ горы идетъ.

— Вотъ и полкъ вашъ; велите поспѣшить ему и ударьте,— сказалъ Горчаковъ.

— «Я знаю свое дѣло; я старый солдатъ».

«На сіе онъ не отвѣчалъ и поѣхалъ въ сторону и дежурный генералъ съ нимъ. Я остался одинъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, что несчастной случай привелъ найти другаго и такъ сильнаго врага. Офицеръ спрашивалъ уже у меня, что прикажу дѣлать полку, но я не скоро отсталъ отъ моего сужденія. Однако, оставя жестокую сію мысль, сообразилъ непріятельское положеніе и случившуюся исторію, приказалъ стать полку,—въ которомъ не болѣе 250 человѣкъ тогда на лицо было,—въ одну линію казачью, нѣсколько рѣдко, что и необходимо нужно было, дабы дѣйствовать дротикомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безопаснѣе людямъ; я подвинулъ полкъ нѣсколько впередъ и сталъ. Французы,—тысячи полторы пѣхоты,—подвинулись ко мнѣ и стрѣлки, выскочивъ напередъ, стрѣляли въ насъ, а изъ города пускали ядра. Я стоялъ ровно, въ линію, нѣсколько прочь съ праваго фланга. Лошадь моя, отъ близкихъ ударовъ въ землю ядеръ, три или четыре принуждена была сдѣлать сильныхъ во всѣ стороны прыжка и въ одинъ разъ такъ высоко взвилась на дыбы, что я едва могъ усидѣть. Офицеры убѣдительно просили меня, что-бъ съѣхалъ съ своего мѣста, говоря, что вѣрно непріятель замѣтилъ по знакамъ кто я. Въ полку уже до 60 раненыхъ и убитыхъ упало; но полкъ въ молчаніи стоялъ. Я послалъ къ нашей пѣхотѣ къ первовстрѣтившемуся генералу просить, что-бъ прикрылъ правой мой флангъ, и тогда я ударю. Посланной явился къ генералу Повало-Швей-

ковскому, которой, вмѣсто помощи, обѣщалъ самъ ко мнѣ пріѣхать, и того не выполнилъ. Тогда, заливаясь слезами о горькой участи невинно терпѣвшихъ казаковъ, приказалъ я оборотиться полку назадъ и шагомъ отступать. Офицеры и казаки съ видимымъ прискорбіемъ исполняли мои приказанія въ точности. Французы, не оставаясь довольными тѣмъ, подпрыгивая и безъ всякаго порядку, преслѣдовали и стрѣляли по насъ. Увидѣвъ сіе, я рѣшился имъ отмстить. Съ тѣмъ вмѣстѣ увидѣлъ недалеко человѣкъ до ста нашей пѣхоты, особо идущей въ лѣвой сторонѣ моего полку, и послалъ къ начальнику оной просить, что-бъ остановился, пока я, атакуя, возвращусь. Это былъ маіоръ Владычинъ, мнѣ незнакомой, которой отвѣчалъ:

— «Съ Денисовымъ, хотя бы у него было и два человѣка въ командѣ, готовъ въ огонь и въ воду, а тутъ отъ васъ не отстану.

«Извѣстясь о семъ отвѣтѣ, я, не останавливаясь, собралъ всѣхъ офицеровъ и въ глазахъ полка приказалъ имъ, что-бъ по первому знаку «ментомъ» (моментально?) оборотились, атаковали бы непріятеля, и конечно, что-бъ врѣзались въ него, смѣшали, били, но, не преслѣдуя далѣе, во всѣ ноги возвращались бы назадъ. Казаки отъ горести столь ободрились, что какъ бы спорили обогнать одинъ другаго, влетѣли въ непріятеля, которой, симъ бывъ изумленъ, ни мало не подержался на мѣстѣ и побѣжалъ, а казаки, рѣдкой не убивъ одного или двухъ и не давъ непріятелю опомниться, очутились опять на своемъ мѣстѣ, при чемъ притянули до сорока плѣнныхъ. Маіоръ Владычинъ, по храбрости своей и усердію, очень далеко вдался впередъ и ежели-бъ Французы могли скоро опомниться, то бы много потерпѣлъ. За сіе тутъ же прислалъ генералъ Дерфельденъ меня благодарить, но велѣлъ сказать, что-бъ впередъ не подвергалъ я донскихъ казаковъ такой опасности, что они въ другихъ случаяхъ необходимо нужны и что ихъ тогда нечѣмъ замѣнить. Я съ полкомъ остался на семъ мѣстѣ, потому что не имѣлъ новаго приказанія и, бывъ нездоровъ, еще больше отъ большаго движенія разстроился.

«Сраженіе до захожденія солнца продолжалось и уже въ ночь непріятель бѣжалъ. Генералъ Повало-Швейковскій съ пѣхотою преслѣдовалъ онаго, но не могъ догнать. Я съ полкомъ былъ у непріятеля въ лѣвомъ флангѣ и хотя ровнялся съ нимъ, но, по

малому числу казаковъ, не могъ онаго атаковать; другіе же донскіе полки были подъ командою князя Багратіона. Видя, что непріятель уйдетъ и увезетъ артиллерію, которой что много, можно было по стуку колесъ угадать, я приказалъ лучшимъ офицерамъ — взявъ человѣкъ 100 казаковъ, заскакать стороною напередъ и показать Французамъ видъ, что ихъ дорога нашими захвачена; офицеры сіе сдѣлали весьма благоразумно. Переѣхавъ маленькою и кривою дорожкою большое болотистое луговое мѣсто, чрезъ которое по дорогѣ бѣжали Французы,—а дорога оная состояла изъ довольно возвышенной насыпи,—казаки мои передовыхъ Французовъ встрѣли выстрѣлами изъ пистолетовъ и военнымъ кликомъ, и тѣмъ такъ ихъ испужали, что всѣ въ разныя стороны по болоту разсыпались, оставя 18 пушекъ съ запасными лафетами и всѣми артиллерійскими ящиками, всего болѣе 60 штукъ, но всѣхъ лошадей съ упряжью увели: плотина была высока и на нее должно было спущаться довольно круто чѣмъ вѣрно казаки и замедлили, да и наша пѣхота, дойдя до сего мѣста, остановилась. Получивъ донесеніе, что артиллерія попалась въ наши руки, я о семъ чрезъ офицера донесъ генералу Повало-Швейковскому, а самъ слѣзъ съ лошади и легъ на землю, чувствуя во всемъ корпусѣ боль. Офицеръ отъ Повало-Швейковскаго возвратился и сказалъ, что «генералъ меня требуетъ къ себѣ и очень-де строго». Избѣгая и еще непріятностей, хотя и съ большимъ усиліемъ, но поѣхалъ къ нему и, явясь, поздравилъ его съ побѣдою. Онъ рѣшительно приказалъ:

— Что-бъ сейчасъ всѣ пушки, лафеты и ящики вывезли казаки на гору, ко мнѣ.

— «Это невозможно, потому что упряжи и хомутовъ нѣтъ,— отвѣчалъ я,—а лошади (казачьи), не бывъ пріучены, не могутъ, хотя бы и при упряжи, сего сдѣлать».

— Я не совѣтоваться васъ звалъ, а исполнять въ точности мои повелѣнія,— сказалъ Швейковскій.

— «Невозможнаго нельзя сдѣлать», доложилъ я безъ всякаго посторонняго умствованія, и при томъ сказалъ, что «сзади нашей пѣхоты идетъ довольное число австрійскихъ войскъ, то не лучше-ли сдать имъ; пусть они потрудятся вывезть ихъ; а пушки взяты Россіянами и этого никто не отыметъ отъ нихъ».

Тогда его превосходительство возвышеннымъ голосомъ сказалъ:

— «Ктò по тебѣ старшій въ полку?

«Я сказалъ ктò, и онъ послалъ за нимъ и, призвавъ, приказалъ принять отъ меня полкъ. Подумавъ нѣсколько и припомня старую пословицу: «терпи казакъ—будешь атаманъ», я взялъ одного казака и слугу и поѣхалъ, безъ всякой цѣли, назадъ. Слуга, видя мое положеніе и слабость здоровья, запасся двумя плащами, подъ которыми я, въ маленькомъ лѣсу, или саду, провелъ безъ сна ночь, и въ наставшей день не зналъ-чтò начать. Ѣхавши близь войскъ, увидѣлъ подъ деревомъ сидящихъ нѣсколько особъ, недалеко которыхъ ординарцы держали лошадей, по сему заключилъ, что это кто-либо изъ генераловъ. Пришло мнѣ на мысль явиться прежде всѣхъ у генерала Дерфельдена, посему и послалъ узнать: не онъ-ли тамъ сидитъ? Посланной возвратился и сказалъ, что я угадалъ. Тогда я почувствовалъ что-то, чего не разумѣлъ: удовольствіе-ли или огорченіе, потрясшія меня. Подъѣхавъ ближе, я спелъ съ лошади, подхожу къ генералу Дерфельдену и вижу, что съ нимъ находился и генералъ Повало-Швейковскій. Отъ сего я такъ рàзвлеченъ (разстроенъ) былъ, что не зналъ къ кому и что прежде сказать, — отчего не могъ скоро начать говорить. Генералъ Дерфельденъ, видя меня въ такомъ положеніи, весьма снисходительно спросилъ:

— Не имѣете-ли вы что мнѣ сказать?

— «Много имѣю, но не знаю кàкъ. Я не люблю искать чужой защиты въ собственной обидѣ, но обстоятельства принуждаютъ измѣнить характеръ».

«И объяснилъ вчерашній случай. Тутъ генералъ Повало-Швейковскій, вскоча, подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ за руку, наговорилъ много пустыхъ извинительныхъ словъ: что это было въ горячности, что онъ не полагалъ, что я это приму за прямое дѣло, и просилъ забыть. Тогда генералъ Дерфельденъ сказалъ:

— Видишь, господинъ Денисовъ, что генералъ отказывается отъ своихъ словъ. Плюнь на сіе дѣло и съ Богомъ поѣзжай въ полкъ. Я видѣлъ твои дѣла: никто не можетъ тебя помарать.

«При семъ разѣ генералъ Дерфельденъ на генерала Повало-Швейковскаго съ презрѣніемъ смотрѣлъ».

«Я почти все сіе напередъ видѣлъ и одинъ другъ, съ которымъ я видѣлся передъ тѣмъ, совѣтовалъ не расширять сего дѣла, и что если я особо потребую отъ Повало-Швейковскаго благо-

родно личнаго удовольствія, то онъ отъ того откажется и будетъ жаловаться—тогда будетъ мнѣ еще хуже.[1]) И такъ, я повиновался генералу Дерфельдену тѣмъ болѣе, что благородно выговоренныя слова его ясно оправдывали меня. Потомъ я пріѣхалъ въ свой полкъ, которой весь на аванпостахъ находился, и къ нему два еще примкнули полка, которыми командовалъ полковникъ Грековъ. Непріятельская армія, за глубокою и широкою долиною остановилась недалеко и непріятельскіе форпосты по казакамъ стрѣляли очень часто. Получа нужныя свѣдѣнія, какъ и гдѣ стоитъ противъ насъ непріятель, я нашелъ необходимымъ во многомъ сдѣлать перемѣны по занятой полками моими передовой цѣпи и отправилъ нѣсколько партій во фланги непріятеля, и особо къ небольшой крѣпости, называемой Серравалле. Въ сіе время донесли мнѣ, что фельдмаршалъ ѣдетъ ко мнѣ и уже недалеко. Я поскакалъ къ нему и донесъ обо всемъ словесно, а также и поздравилъ его съ побѣдою. Онъ весьма милостиво за все благодарилъ.

— «Что за строеніе я вижу? — спросилъ фельдмаршалъ.

«Это монастырь, и пустой», — отвѣчалъ я.

— «Я поѣду туда и тамъ отдохну.

«Но тамъ опасно и пули еще далѣе онаго летаютъ, а казаки не удержатъ, ежели непріятель въ большихъ силахъ въ оной пустится», сказалъ я.

— «Карповичъ, они напуганы».

Суворовъ все-таки поѣхалъ къ монастырю «Видя, что фельдмаршалъ непремѣнно положилъ свое исполнить, послалъ я къ полковнику Грекову сказать, что-бы нарочито задразнилъ непріятеля, что-бы тѣмъ заставить фельдмаршала удалиться. Стрѣльба довольно сильная началась; пули, когда подъѣхалъ фельдмаршалъ къ монастырю, летѣли чрезъ насъ, но графъ Суворовъ какъ-бы ихъ не слышалъ, въѣхалъ въ монастырь, приказалъ всѣмъ, кромѣ ординарцевъ, его оставить, и въ пустой горницѣ,

---

[1]) Здѣсь можно замѣтить, что разсказы современниковъ и самыя Записки автора показываютъ, что А. К. Денисовъ былъ въ высшей степени раздражителенъ и, вообще, подозрителенъ: это объясняетъ и ничѣмъ не вызванную дерзость его предъ княземъ Горчаковымъ, и заносчивость его предъ генераломъ Повало-Швейковскимъ, и подозрѣніе о «злобѣ» на него князя П. И. Багратіона — личности, свѣтло-обрисованной нашею военною исторіею. **А. Ч.**

на соломѣ, легъ. Видя сіе, я послалъ сказать князю Багратіону, что-бъ поспѣшилъ прислать на защиту, въ случаѣ опасномъ, нужное число пѣхоты; а самъ я поѣхалъ къ казачьимъ полкамъ и приказалъ сколь можно болѣе усилить противъ того мѣста пикеты. Фельдмаршалъ спокойно, но немного отдохнувши, возвратился. За сіе, при Нови, сраженіе я былъ награжденъ алмазами украшеннымъ второй степени орденомъ св. Анны». [1])

XVII.

Движеніе русскихъ войскъ и съ ними казачьихъ полковъ изъ Италіи въ Швейцарію.— Переходы чрезъ Альпы.— Болѣзнь Денисова.— Выходъ изъ горъ, зимнія квартиры и обратный походъ на Донъ.

1799.

Выступивъ съ русскими войсками изъ Италіи въ Швейцарію и прибывъ 4-го сентября 1799 г. въ Таверно, Суворовъ узнаетъ тутъ, что обѣщанныхъ Австрійцами муловъ для поднятія обоза арміи не доставлено. Это чрезвычайно огорчило его, вынуждая отложить предположенную атаку непріятеля у С.-Готарда Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришла счастливая мысль великому князю Константину Павловичу — употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей; въ горахъ Швейцаріи спѣшенные казаки могли даже быть полезнѣе, чѣмъ на коняхъ. Суворовъ обрадовался этой мысли, сердечно благодарилъ за нее великаго князя и велѣлъ немедленно приготовить до 1,500 казачьихъ лошадей подъ вьюки. [2]) Денисовъ, подойдя къ Сенъ-Готарду, съ шестью, все время бывшими въ его командѣ донскими полками и съ двумя вновь прибывшими съ полковникомъ Курнаковымъ, оставленъ былъ тутъ впредь до повелѣнія; «взято только»,—продолжаетъ писать онъ,— «500 человѣкъ изъ всѣхъ полковъ съ ружьями, пѣшіе. Наши россійскія войска пошли впередъ. Простоявъ дня два, или три, я получилъ повелѣніе со всѣми полками своими присоединиться къ арміи, и немедленно пошелъ. Проходя чрезъ Сенъ-Готардъ и Чортовъ мостъ, я мыслилъ, что Французы очень испужены или совершенно не разумѣютъ военныхъ дѣйствій, что намъ позво-

---

[1]) Съ 20-го іюня 1799 г. А. К. Денисовъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

[2]) «Ист. войн. въ 1799 г.»—Дм. Ал. Милютина, ч. VI, гл. LII, стр. 205. А. Ч.

ляютъ идти въ такихъ мѣстахъ спокойно: по моему достаточно было бы 200 человѣкъ пѣхоты, что-бъ насъ прогнать или побить. Проходя далѣе, я увидѣлъ, что Французы нѣсколько поумнѣли и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ намъ должно было проходить узкою долиною между горъ, за малымъ, но глубоко впавшимся, ручьемъ, засѣли и могли бы стрѣльбою изъ ружей нанесть намъ великой вредъ, потому что, не подвергаясь сами никакой опасности, могли бы, прицѣливаясь, стрѣлять по насъ навѣрное; при томъ же они и лѣсомъ были прикрыты. Не доходя сего версты четыре или болѣе, я остановилъ свои полки и послалъ команду отборныхъ людей, на добрыхъ лошадяхъ, съ тѣмъ, что-бъ непремѣнно доѣхали до перво-заднихъ войскъ, идущихъ впереди, и развѣдывали: не предстоитъ-ли намъ опасности. Когда они проѣзжали сказанное выше мѣсто, то Французы по нихъ зачали стрѣлять, гдѣ и дорога была узкая, и какъ сіе случилось при началѣ ночи, то офицеръ, какъ знающій должность партизана, по храбрости своей не остановился, а приказалъ командѣ ѣхать большою рысью, отчего и не потерялъ казаковъ, кромѣ четырехъ раненыхъ. Онъ послалъ о томъ мнѣ донесть, а самъ поѣхалъ далѣе и въ 20-ти или около 30-ти верстахъ нашелъ генерала Мансурова съ 3-мя пѣхотными полками, оставленными для защиты насъ, — о чемъ также скоро донесъ мнѣ. Но я, по первому извѣщенію—что непріятель рѣшился насъ атаковать, созвалъ полковыхъ начальниковъ, распорядилъ кому впередъ идти и кому идти за которымъ полкомъ, приказалъ немедленно и въ ночь идти, рысью, въ два конь. Отъ сего распоряженія мы столь благополучно прошли, что непріятель, или полагая, что по темнотѣ неудобно стрѣлять, или что мы ночью не пойдемъ, не успѣлъ нужныя мѣста занять, а сдѣлалъ сіе уже при проходѣ заднихъ—что было уже на зарѣ. Я прибылъ къ генералу Мансурову и былъ тѣмъ весьма обрадованъ; а когда ему донесъ о всемъ, съ нами случившемся, то онъ мнѣ сказалъ:

— «За два часа предъ этимъ я былъ атакованъ и къ счастью Французы не знали нашей позиціи и сдѣлали большую ошибку, а иначе много бы я потерпѣлъ, и Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, потому что непріятеля было много.

«Въ тотъ же день генералъ Мансуровъ велѣлъ мнѣ съ казачьими полками слѣдовать далѣе къ арміи, а самъ съ пѣхотою

шелъ позади. Мы выступили до захожденія солнца по весьма узкой тропинкѣ, гдѣ только пѣшіе и могутъ ходить; съ нами были и мулы съ вьюками. Мы также не могли ѣхать на лошадяхъ, а шли пѣшкомъ, ведя за собою лошадей, и одинъ за другимъ въ одиночку, и всю ночь взбирались на крутую гору. Предъ утреннею зарею я увидѣлъ внизу, какъ бы подъ ногами своими, звѣзду. Удивляясь сему, не могъ доразумѣть, что это значитъ; указывая на оную, я спросилъ идущаго подлѣ меня стараго казака, который пояснилъ — что это огонь, вѣрно-де заднія войска стоятъ на мѣстѣ, и не могутъ идти дальше, потому что казачьи полки, идя одни за другимъ, заняли большое пространство дороги, вотъ-де войска сіи остановились и огонь развели, а дорога очень узка и высока, а посему такъ и видъ дѣлается, что огонь звѣздою кажется. Въ сіе время я, по слабости здоровья, ѣхалъ кое-какъ верхомъ на лошади и, видя подъ собою такую пропасть, испужался, вообразилъ, что легко можетъ лошадь оступиться и упасть въ ту пропасть, гдѣ я вижу огонь. Не зная что дѣлать, потому что сойти съ лошади по обыкновенному—на лѣвую сторону—упадешь въ пропасть, а съ праваго боку некуда сойти—тутъ гора стѣною, и лошадь близко къ ней держится, поворотить же, по тѣмъ же причинамъ, никакъ нельзя было, — посему я рѣшился спуститься на задъ лошади и, держась за хвостъ ея, маршировалъ впередъ по тропѣ. Впереди меня ѣхалъ посланный отъ главнокомандующаго австрійскихъ войскъ, Меласа, къ фельдмаршалу Суворову офицеръ, который также сидѣлъ на лошади. Я ему объяснилъ — въ какой мы опасности и что надо сойти ему съ лошади тѣмъ же манеромъ, какъ и я сдѣлалъ. Когда онъ смогъ то сдѣлать, то тогда уже разсказывалъ мнѣ разные случаи, съ нимъ въ сей землѣ случившіеся, и самъ заливался слезами. При томъ онъ увѣрялъ, что ихъ кавалерія никогда не была въ такомъ критическомъ положеніи. Мы однако-жъ взошли на гору благополучно, хотя аріергардъ и былъ преслѣдуемъ Французами, но слабо, и сколько можно примѣтить они опоздали, или были очень первыми отъ россійскихъ войскъ нападеніями такъ напужены, что не смѣли уже атаковать съ быстротою».

«На высотѣ была хорошая и пространная плоскость, гдѣ всѣ войска наши остановились; отдохнувши, пошли далѣе. На другой

день, сентября 19-го 1799 г., въ долинѣ, гдѣ находится женскій монастырь и небольшое, въ нѣсколько мужицкихъ простыхъ домиковъ, селеніе, называемое Мутенталь, присоединились и мы, около 10-ти часовъ утра, къ корпусу, подъ командою генерала отъ инфантеріи Розенберга состоящему. Его высокопр—во при насъ ѣздилъ на передовые форпосты, и я съ нимъ находился. Въ здѣшнихъ мѣстахъ поставили казачьи пикеты. Долина сія, внизъ по ручью въ оной протекающему, отъ селенія имѣетъ изрядную ровную площадь, которая съ лѣвой стороны горъ пересѣкается небольшою, болотистою, покрытою лѣсомъ, дефиле; за оною, хотя также, на версту, узкая есть площадь, но всегда изрытая во множествѣ спадающими водами и завалена каменьями. Первая площадь вся была загорожена въ пряслы на небольшое отдѣленіе. Разсматривая сіе мѣсто и слыша генерала Розенберга мнѣніе, что непріятель атакуетъ того же дня насъ, я доложилъ ему, что-бъ огорожи всѣ позволилъ принять и мѣсто очистить позволилъ, представляя, что непріятель, занявъ дефиле съ лѣсомъ, воспользуется и огорожею, а безъ оной и казаки могутъ при пѣхотѣ дѣйствовать, на что онъ согласился, и я приказалъ казакамъ огорожу принять и ямки позасыпать. На вечеръ Французы, прогнавъ пикеты, заняли вышесказанное дефиле, и какъ отъ лагеря оная едва и на-полторы версты отстояла, то наша пѣхота тотчасъ остановила оныхъ. Французы держались храбро; сраженіе больше часа продолжалось самое упорное, но наконецъ къ ночи наши вытѣснили ихъ и прогнали за другую площадь, въ густой лѣсъ, гдѣ горы сходятся и долина сія представляетъ непроходимую ущелину. Мы всю ночь не спали, потому что хотя сраженіе и выиграли, но и потеряли убитыми много, а раненыхъ и того больше было; да и ожидали, что вскорѣ и еще будемъ атакованы».

«Казаки при семъ случаѣ оставались только зрителями. По представленію моему, что въ такихъ критическихъ мѣстоположеніяхъ казаки не могутъ и мало непріятеля задержать, хотя въ резервъ пикетовъ поставилъ я храбраго полковника Грекова, съ полкомъ,—генералъ Розенбергъ командировалъ въ подкрѣпленіе казаковъ пѣхотной полкъ.

«На другой день, около 9-ти часовъ, утромъ, непріятель въ превосходныхъ силахъ явился предъ нами, опрокинувъ казачьи

пикеты и полкъ Грекова, принудилъ и пѣхотный полкъ ретироваться. Россійскія войска изъ лагеря выступили и стали нѣсколько впереди монастыря, въ ордеръ баталіи. Я для казаковъ не имѣлъ назначенія, почему, раздѣля ихъ на двѣ части, велѣлъ полковнику Курнакову,[1]) какъ старшему по мнѣ, стать съ одною частію по правую сторону пѣхоты, за ручьемъ, а съ другою сталъ самъ я по лѣвую сторону, при лѣсѣ, имѣя впереди очищенною мною плоскость. Ѣздилъ къ генералу, который по Розенбергѣ командовалъ пѣхотою, и условились съ нимъ, что-бъ дать свободу Французамъ пройти сказанное дефиле съ лѣсомъ. Французы, занявъ оную дефиле, нѣсколько медлили выходомъ; они имѣли нѣсколько пушекъ, которыми и начали сраженіе. При семъ случаѣ обязанностію поставляю сказать въ честь казаковъ, полки которыхъ стояли въ линію и при мнѣ бывшіе примыкали задомъ, какъ выше сказано, къ лѣсу. Одно не очень толстое, но высокое дерево прикрывало вѣтвями своими задній рядъ; ядро выше головъ попадаетъ въ оное и большой кусокъ съ боку отрываетъ. Дерево зачало колебаться, очень сильно хрустѣло и уже нагнулось нѣсколько, но казаки не оставили своихъ мѣстъ, хотя очевидно угрожала имъ опасность, все стояли покуда не приказалъ я двинуться впередъ».

«Французы построились, помнится, въ шесть густыхъ колоннъ и пошли на насъ; наша пѣхота, позволивъ онымъ приблизиться, быстро полетѣла на нихъ со штыками. Тогда и я далъ знакъ казакамъ атаковать, которые, какъ молнія, пригнувшись къ лошадямъ, полетѣли и, обогнавъ нашу пѣхоту, прямо врѣзались въ непріятельскія колонны и разорвали оныя; пѣхота наша въ ту-жъ минуту ударила, и кто не успѣлъ уйти—на мѣстѣ убитъ или въ плѣнъ взятъ. Пробѣжавъ въ дефиле съ лѣсомъ, гдѣ оставался небольшой резервъ, остановились, произвели сильной огонь и немного подержались. При сей атакѣ, въ началѣ еще, упала подо мной лошадь и нѣсколько ушибся я; пересѣвъ на другую, подоспѣлъ я уже когда Французы держались въ дефиле. Пѣхота наша сильно ударила въ штыки и въ тотъ-же моментъ опрокинула и выгнала: Французы во всѣ ноги бѣжали по другой плоскости. Казаки за наваленнымъ камнемъ и малою дистанціею

[1]) Съ 21-го іюня 1799 г. Курнаковъ былъ генералъ-маіоромъ. А. Ч.

не могли заскакать напередъ и всѣхъ охватить, но, догоняя, убивали и брали въ плѣнъ. Подскакивая къ лѣсу, гдѣ горы сдвинулись и гдѣ непріятель густо бѣжалъ, встрѣчены мы были сильными залпами съ ружей, гдѣ одинъ нашъ полковой командиръ Позневъ (Паздѣевъ?) убитъ и много казаковъ его полка убито и ранено. Подо мной конь столь сильно въ шею раненъ былъ, что чрезъ полчаса не могъ уже сойти съ мѣста. Наша пѣхота, казалось, и на сажень отъ казаковъ не отставала; непріятель сквозь лѣсъ, по узкой дорогѣ, неоглядкою бѣжалъ, а пѣхота наша гналась и, догоняя толпы, брала въ плѣнъ. Я, полагая, что въ толь тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ три человѣка пѣшіе едва рядомъ могутъ проходить, невозможно казаками непріятеля преслѣдовать, остановилъ оныхъ; но Розенбергъ приказалъ мнѣ гнаться за оными. Собравъ на-скоро до 300, съ офицерами, приказалъ я полковнику Грекову—преслѣдовать непріятеля далѣе; а остальнымъ полкамъ собраться и ожидать повелѣнія. Самъ, видя, что за большими густыми вѣтьми, казаки принуждены лежа напереди сѣдла ѣхать, поскакалъ съ 4-мя или 5-ю казаками впередъ, за Грековымъ, осмотрѣть мѣстоположеніе. Проѣхавъ съ полверсты, увидѣлъ, что ручей столь глубоко по узкому провалу течетъ, что воды не видно, а только сильное слышно журчаніе, и гдѣ непремѣнно за крутостію горы надо переходить по мосту на другую сторону провала. Мостъ въ ретирадѣ, Французы, вынувъ цѣлое звено досокъ, испортили. Полковникъ Грековъ, по храбрости своей, не останавливался у сего, но, положа двѣ доски, съ большою опасностію перевелъ и людей и лошадей, и пустился, до меня еще, впередъ. Ужасаясь его положенію, что-бъ не погубить весь полкъ, рѣшаюсь догнать и поворотить его; перехожу самъ мостъ, перевожу кое-какъ и лошадь свою и, пройдя нѣсколько шаговъ, вижу двухъ пѣшихъ солдатъ, несущихъ превеликую ковригу сыра, а третьяго съ удивленіемъ глядящаго на вершину горы, который на вопросъ мой — что его удивляетъ? — показываетъ на большую толпу вооруженныхъ Французовъ, стоящихъ надъ головами нашими, высоко, на малой отлогости горы, мимо которыхъ Грековъ проскакалъ подъ вѣрными выстрѣлами. Послалъ къ заднимъ сказать, что-бъ не входили въ лѣсъ, но не зналъ какъ воротить Грекова, дабы торопливостію не окуражить Французовъ, тогда навѣрное казаки будутъ всѣ побиты».

«Въ эту минуту является ко мнѣ австрійской службы офицеръ, ѣхавшій за нами изъ любопытства, а также скоро подъѣхалъ нашей службы офицеръ отъ егерей, которые оба говорили по французски. Воспользовавшись симъ, послалъ я обоихъ по двумъ малымъ стёшкамъ съ тѣмъ, что-бъ они платками дали Французамъ разумѣть, что они парламонтеры; а когда допущены будутъ, то предложили бы сдаться военно-плѣнными безъ малѣйшей отсрочки времени, и что, въ противномъ случаѣ, атакую ихъ и побью. Скоро посланные мои воротились, сказавъ, что генералъ сдается безусловно. Сей генералъ, котораго фамилію забылъ, вслѣдъ за ними явился, котораго просилъ я, съ учтивостію, что-бъ войско его, проходя мимо меня, въ порядкѣ, клало бы свое оружіе, а его превосходительство оставался бы при мнѣ, — что все съ большою тихостію и было исполнено. Пропустя плѣнныхъ, возвратилъ я шпагу генералу и при офицерѣ просилъ явиться къ генералу Розенбергу, что и офицеру нашему приказалъ. Чрезъ минуту послѣ сего прискакалъ ко мнѣ полковникъ Грековъ и всѣ казаки скакали во всѣ ноги за нимъ. Грековъ, проѣхавъ узкія мѣста, встрѣлся на обширной долинѣ съ свѣжими, сильными непріятельскими войсками, которыя хотѣли атаковать его и могли бы отрѣзать, тогда онъ принужденъ бы былъ сдаться; но онъ, не подвергая себя и казаковъ таковой опасности, ретировался по казачьему — во всѣ ноги».

«Я приказалъ казакамъ поспѣшно переходить чрезъ опасный мостъ и далѣе ретироваться. Полковникъ Грековъ прицѣлилъ взятую у Французовъ пушку и распорядилъ такъ, что-бъ нѣсколькими выстрѣлами нанесть большой Французамъ вредъ, которые и не замедлили явиться предъ нами. Я же хлопоталъ, дабы узкое мѣсто наши скорѣй прошли, ибо не можно было иначе отступить, какъ одинъ за другимъ. Въ минуту, когда я наиболѣе былъ занятъ, раздается близь меня ужасный звукъ и трескъ, такъ что столкнуло духомъ сажени на двѣ меня съ мѣста; а когда я остановился, увидѣлъ, что полковникъ Грековъ кружился какъ кубъ, недалеко отъ меня, и что нѣсколько казаковъ опаленныхъ лежало на землѣ, но къ счастію всѣ оставались живы. Сіе случилось оттого, что полковникъ Грековъ приказалъ разбросанные заряды снесть въ одно мѣсто и положили близь и впереди пушки, которые при первомъ выпалѣ взорвало. Пола-

гать надо, что Французамъ досталось еще хуже, и они въ безпорядкѣ отступили. Мнѣ донесли, что первую пушку не могутъ протянуть чрезъ лѣсъ; почему приказалъ я сію бросить въ рѣчной провалъ, а съ остальными поспѣшилъ къ корпусу. Французы не смѣли преслѣдовать насъ, и мы благополучно возвратились».

«Генералъ Розенбергъ отдалъ приказъ: на будущей день рано слѣдовать къ арміи; казаки должны идти впередъ—что и выполнено. На зарѣ мы потянулись по самой узкой тропинкѣ, пѣшіе, ведя за собой лошадей, и одинъ за другимъ. Стоя на одномъ пригоркѣ, я смотрѣлъ, дабы уровнить лучше маршъ, но получилъ приказаніе поспѣшить мнѣ, лично, къ фельдмаршалу. Поѣхалъ я къ генералу Розенбергу доложить о томъ и испросить позволенія, котораго нашелъ впереди, на небольшой площади, со многими генералами и офицерами, сидящаго при огнѣ, въ сараѣ, гдѣ варилась въ казанкѣ (котелкѣ) съ масломъ каша. Взойдя въ сарай, я ожидалъ, что его высокопревосходительство отдастъ мнѣ справедливость и скажетъ что-либо въ похвалу донскихъ казаковъ, но весьма обманулся. Онъ просто спросилъ:

— «Зачѣмъ вы пріѣхали и идутъ-ли казаки?

«На что со всею учтивостію я ему обо всемъ донесъ, какъ и о полученной мною запискѣ.

— «Надо выполнить,—сказалъ Розенбергъ,—вы можете ѣхать, поручивъ полки старшему.

«При семъ случаѣ генералъ-лейтенантъ, шефъ того полка, которой былъ въ подкрѣпленіи казачьихъ пикетовъ, котораго фамилію не припомню, всталъ, взялъ мою дружески руку и такъ сказалъ:

— А! мой милый донскихъ казаковъ начальникъ! Какъ я радъ, что вижу тебя здороваго. Вчера какъ ретировался и увидѣлъ, что твои полки становятся въ линію противъ непріятеля, подумалъ — что̀ такое они затѣваютъ, да еще противъ пѣхоты регулярной? Слышу военные клики, вижу—казаки летятъ на непріятеля, врѣзываются въ колонны онаго и не вѣрю глазамъ своимъ. Наконецъ вижу — Французы бѣжатъ. Я сталъ на колѣни, возвелъ очи къ Богу и молилъ Его, что-бъ вамъ помогъ, а самъ все еще не вѣрилъ успѣху.

«Разсказывая сіе, при всѣхъ, онъ плакалъ; но генералъ. Ро-

зенбергъ и тутъ ничего въ похвалу нашу не сказалъ, а другіе, какъ я замѣтилъ, и на сказаннаго выше генералъ-лейтенанта косо смотрѣли. Я выпросилъ позволеніе быть участникомъ хорошей каши и, съѣвъ ложки двѣ, какъ ее мало и было, поѣхалъ далѣе».

«Я нашелъ фельдмаршала Суворова, прошедшаго чрезвычайно критическое мѣсто, между горою непроходимой высоты и большимъ глубокимъ озеромъ, гдѣ хотя весьма узкая дорожка была, но она завалена была вся величайшими каменьями. Сіе мѣсто защищали Французы, но россійскіе пѣхотные герои штыками опрокинули непріятеля и прошли. Фельдмаршалъ весьма милостиво меня принялъ и благодарилъ какъ лично меня, такъ и всѣхъ чиновниковъ, и казаковъ, а всѣ другіе молча со мною встрѣвались, и я, чувствуя оскорбленіе, молчалъ. За отличіе въ дѣлахъ при селеніи Мутенталь я награжденъ орденомъ 1-го класса св. Анны».

«По соединеніи всѣхъ войскъ, велѣно мнѣ съ полками своими идти впередъ, по тропинкѣ очень узкой, по косогору проложенной. Я выступилъ при наступленіи ночи. Въ самое то время пошолъ снѣгъ и довольно сдѣлалось холодно. Дорожка очень осклизла, отчего, осклизаясь, лошади многія упали внизъ, въ пропасти, и всѣ тамъ убивались въ смерть. Казаки, отъ сожалѣнія о своихъ лошадяхъ, съ которыми они теряли и сѣдла и все, что имѣли запаснаго платья, сокрушенно терзались и нѣкоторые въ голосъ рыдали. А самъ я сталъ чувствовать себя чрезвычайно больнымъ; лошадь мою не могли весть за мною, и я всѣхъ ближнихъ ко мнѣ, какъ собственныхъ моихъ людей, такъ и казаковъ, потерялъ изъ виду. Болѣзнію до того былъ доведенъ, что какъ бы (находился) въ забытьи. На одной малой равнинѣ, своротя въ сторону, я сѣлъ, ища глазами тихаго мѣста, дабы укрыться отъ вѣтра и стужи».

«Въ семъ положеніи увидѣлъ меня казакъ, представилъ свою лошадь, какъ очень смирную, что-бъ я, взявшись за хвостъ оной, шелъ далѣе, въ чемъ я и послушался его. Взобравшись на хребетъ горы, я сѣлъ на оную лошадь и поѣхалъ далѣе искать переднихъ своихъ, отъ которыхъ далеко я отсталъ. Я нашелъ, что всѣ передніе, собравшись въ кучу, стояли и почти всѣ плакались на участь свою: надо было спускаться съ превысокой горы, а не могли найти для сего удобнаго мѣста; всѣ же, отважившіеся

испытать, скатились внизъ и уже не возвращались, въ томъ числѣ былъ и полковникъ Грековъ. Ночь была очень темная, да къ тому же при большомъ холодѣ дула и большая мятель. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ изъ пѣхоты зашли сюда съ самыми передними; плѣнные Французы, которые весьма легко были одѣты, еще больше страдали и умирающимъ голосомъ вопили. Видя сіе, я долго затруднялся какъ бы участь нашу улучшить. Всѣ розысканія найти какую-нибудь возможность сойти съ горы — остались тщетны».

«Тогда я приказалъ связать лошадей одну къ другой головами плотно и составить изъ нихъ кругъ, въ середину котораго помѣстилъ людей, слабѣйшихъ въ средину, и такъ пробыли мы до свѣта, чѣмъ и себѣ много помогъ. Да и тутъ, ежели бы мой человѣкъ не запасся шубою и одѣяломъ, то бы я не вынесъ. Въ семъ положеніи до разсвѣта мы оставались, и ни одного изъ Россіянъ не умерло, кромѣ того, что нѣкоторые поморозили члены, а изъ Французовъ, сколько помню, умерло три человѣка. И когда развиднѣло уже, долго не находили мы возможности спуститься съ горы; но наконецъ нашли отъ ручья болотистое мѣсто, и не замерзлое, а какъ грязь не весьма топкая была, то только способствовала лошадямъ, хотя съ нуждою, сходить».

«Спустясь въ долину, мы отдохнули, да и сдѣлалось тепло, но теплота испортила болѣе тропинку, а надо было проходить весьма тѣсное мѣсто, которое, упавшимъ съ горы превеличайшимъ камнемъ, сдѣлалось почти непроходимымъ, ибо кто оскользнется, тотъ и упадетъ внизъ дефиле, глубины чрезвычайной. Особо опасно было для лошадей, изъ десяти которыхъ падало три и болѣе, и всѣ убивались. Сіе мѣсто я съ крайнею нуждою, по болѣзни своей, прошелъ, и когда увидѣлъ ровное мѣсто, что можно ѣхать на лошади, то сѣвши на одну казачью лошадь, потому что своей не нашелъ, поскакалъ съ тѣмъ воображеніемъ, что-бъ найти домикъ и тамъ дожидать уже смерти. Увидѣвъ маленькое селеніе, я столько обрадовался, что не знаю бывалъ-ли я когда въ такомъ утѣшеніи, и въ первой дворъ въѣхалъ; вошелъ во дворъ и встрѣтившагося старика спросилъ: могу-ли я найти мѣсто, гдѣ лечь и чѣмъ укрыться?»

«Въ сей моментъ отворяются въ боку другія двери, выходитъ человѣкъ и говоритъ ко мнѣ чистымъ французскимъ языкомъ, съ тономъ знакомаго. Я не угадываю его. Тогда онъ мнѣ

сказалъ, что онъ тотъ французскій генералъ, котораго при Мутенталѣ я взялъ въ плѣнъ; при томъ сказалъ, что онъ видитъ меня больного и готовъ сдѣлать помощь; что у него приготовленъ хорошій горячій супъ, и совѣтовалъ мнѣ его напиться. Я это сдѣлалъ и, по его же попеченію легъ въ хорошую постель, укутавшись теплымъ одѣяломъ, отчего, когда я проснулся, нашелъ себя нѣсколько спотѣвшимъ. Тутъ мои люди нашли меня, и я, сѣвши на свою уже лошадь, доѣхалъ до одного хорошаго городка безъ всякаго припадка, кромѣ того, что все оставался очень больнымъ. Я сыскалъ искуснаго лекаря, которой весьма мое здоровье улучшилъ, такъ, что безъ нужды я могъ сносить марши. При томъ сей лекарь увѣрилъ меня, что безъ помощи и благодѣянія препочтеннѣйшаго моего плѣнника (французскаго генерала), едва-ли бы я доѣхалъ до его рукъ; за что всегда благодарю я его превосходительство, моего плѣнника, и считаю его моимъ отъ напрасной смерти избавителемъ».

Казачьи полки вообще дѣятельно участвовали во всемъ трудномъ движеніи войскъ Суворова чрезъ горы въ Альторфу, а также въ жестокихъ бояхъ съ непріятелемъ въ долинѣ Муттенъ, у Швандена, Глариса, въ бѣдственномъ переходѣ чрезъ гору Рингенъ-Копфъ къ Паниксу, въ спускѣ къ Планцу и движеніи къ Фельдкирху;[1]) по соединеніи же всѣхъ русскихъ корпусовъ на

[1]) Донесеніе Суворова имп. Павлу I отъ 3-го (14) октября, изъ Фельдкирхена, (послѣ совершоннаго уже труднаго перехода чрезъ громады Альпійскихъ горъ):

«На каждомъ шагѣ, въ семъ царствѣ ужаса зіяющія пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, льющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали сей трепетъ. Тамъ является зрѣнію нашему Сенъ-Готардъ, сей величающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ... Всѣ опасности, всѣ трудности преодолѣваются войсками В. И. В., и при таковой борьбѣ со всѣми стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ и въ неприступныхъ выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не можетъ противостоять храбрости войска, являющагося неожиданно на семъ новомъ театрѣ: онъ всюду прогнанъ»... ...«Казаки, подъ командою генералъ-маіоровъ **Денисова** и **Курнакова**, много тутъ *) споообствовали; послѣдній изъ сихъ, поразивъ и плѣнивъ непріятеля на лѣвомъ флангѣ, бросился чрезъ рѣку Муттенъ въ бродъ и вплавь, опрокинулъ по горамъ и въ лѣсу непріятеля, засѣвшаго въ камень-

*) Битвы въ долинѣ Муттенъ. А. Ч.

берегахъ Боденскаго озера и казачьи полки расположились, со всею русскою арміею, на зимнихъ квартирахъ, въ Баваріи.[1]) Къ восьми полкамъ Денисова присоединились еще два казачьихъ полка, съ войсками генерала Римскаго-Корсакова бывшіе. На обратномъ маршѣ въ Россію всѣ казаки разбиты были по корпусамъ, а Денисовъ съ тремя полками сопровождалъ фельдмаршала.

«Въ Прагѣ князь Суворовъ прожилъ нѣсколько недѣль, гдѣ дѣлали ему многія особы угощенія, въ которыхъ я также участвовалъ и пользовался фельдмаршала особымъ расположеніемъ. По выступленіи изъ Праги наши войска шли прямо на Краковъ, гдѣ со мной никакой не случилось замѣчательной встрѣчи. По входѣ въ Краковъ я сдѣлался боленъ такъ называемою болѣзнію гриппъ, и пролежалъ нѣсколько дней, но, благодаря Провидѣніе, избавился отъ оной, только оставался долго слабымъ, почему впервые принужденъ былъ ѣхать во время марша въ коляскѣ, къ тому-жъ холодная и снѣжная зима въ сіе время была. Я благополучно прибылъ къ предѣламъ Дона, бывъ въ безпрерывномъ походѣ и военныхъ дѣйствіяхъ два года».

Войсковой атаманъ, генералъ отъ кавалеріи, Василій Петровичъ Орловъ, принялъ Денисова съ большимъ отличіемъ и отдалъ по войску приказъ — не употреблять прибывшихъ съ Денисовымъ изъ похода казаковъ ни въ какія службы въ теченіи цѣлаго года. Съ тѣмъ вмѣстѣ атаманъ объявилъ, «что государь императоръ пожаловалъ войску донскому, за отличную службу въ Италіи донскихъ казаковъ, подъ командою моею бывшихъ, богатое знамя съ приличною надписью». По сдачѣ полковыхъ знаменъ и по роспускѣ въ дома казаковъ, Денисовъ прибылъ въ свою станицу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. А. П. Чеботаревъ.

яхъ, вытѣснилъ спѣшенными казаками; первый же, Денисовъ, пробрался съ лѣваго фланга чрезъ горы и лѣсъ, и продолжалъ непріятеля гнать пока мѣсто позволяло»... ...«казачьи полки открывали разсѣяннаго непріятеля въ выгодныхъ для его мѣстахъ, мнящаго на нѣкоторое время удерживаться: купно съ пѣхотными били и брали въ полонѣ». А. Ч.

[1]) «Ист. войн. въ 1799 г.»—Д. А. Милютина, ч. VI, гл. LVII—LXI.

КАЛІОСТРО,

его жизнь и пребываніе въ Россіи.

Исторія предразсудковъ и заблужденій человѣка любопытна не менѣе исторіи развитія его ума, какъ съ теоретической стороны — въ различныхъ философскихъ системахъ, такъ и съ практической — въ примѣненіи научныхъ открытій и изобрѣтеній къ частному и общественному быту. Но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ началъ играть первенствующую роль на планетѣ, видѣвшей его въ первобытныя времена далеко не такимъ развитымъ существомъ, какимъ онъ явился въ послѣдующіе геологическіе періоды, послѣ продолжительной борьбы съ природою и тяжелыми условіями его существованія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вполнѣ сознаіъ себя, свои силы, значеніе своего ума, сдѣлался дѣйствительнымъ вѣнцомъ созданія, властелиномъ всѣхъ другихъ существъ, настоящимъ царемъ этого міра, который онъ узналъ и изучилъ, покоривъ себѣ его враждебныя, стихійныя силы, отыскавъ средства защищаться отъ нихъ,—міръ этотъ сдѣлался тѣсенъ для человѣка; силы природы, творящей въ опредѣленныхъ границахъ, казались ему недостаточными и онъ придумалъ себѣ другой, фантастическій міръ, населивъ его созданіями своего воображенія, сталъ отыскивать въ природѣ такія силы, какими она не обладала. Это недовольство настоящимъ, стремленіе расширить область знанія, желаніе измѣнить свойства своей собственной человѣческой натуры и было причиною появленія на ряду съ точными науками, какъ химія, астрономія, философія, такихъ ложныхъ наукъ, какъ алхимія, астрологія, магія. И чѣмъ дальше шелъ пытливый умъ человѣка въ изученіи тайнъ природы и естества, тѣмъ многочисленнѣе, страннѣе проявлялись заблужденія этого ума, тѣмъ упорнѣе держались они и пріобрѣтали себѣ больше адептовъ и фанатическихъ при-

верженцевъ. Казалось одинъ и тотъ-же законъ господствовалъ и въ сферѣ мышленія, какъ въ физической природѣ: сильное дѣйствіе въ одну сторону пробуждало реакцію, противодѣйствіе, умъ граничилъ съ безуміемъ, крайнее безвѣріе возбуждало нелѣпое суевѣріе. Этимъ свойствомъ человѣка — бросаться въ крайности, увлекаться самыми рѣзкими контрастами, ученіями діаметрально противоположными одно другому,— объясняется появленіе въ нашъ положительный практическій вѣкъ такихъ нелѣпостей, какъ спиритизмъ, а въ концѣ XVIII столѣтія, въ эпоху Вольтера, Дидеро, энциклопедіи — появленіе Каліостро, Сен-Жермена, месмеризма.

Мы назвали этого шарлатана и авантюриста, пользовавшагося въ свое время такою громкою извѣстностью, какой не достигали и знаменитые ученые. Каліостро, въ продолженіи чуть не двадцати лѣтъ, надувалъ умныхъ и даровитыхъ людей, являлся почти во всѣхъ странахъ Европы и вездѣ находилъ многочисленныхъ почитателей и приверженцевъ. Въ защиту и похвалу его написано много сочиненій; самъ онъ, хотя не умѣлъ написать правильно десяти словъ по французски, издалъ на этомъ языкѣ „Записки", наполненныя самымъ невѣроятнымъ хвастовствомъ; объ немъ ходило столько преувеличенныхъ толковъ; романисты, какъ Дюма, сдѣлали изъ него идеальнаго героя одареннаго всѣми совершенствами; все это заставляетъ обратить на него вниманіе тѣмъ болѣе, что послѣдовавшія за его смертью политическія событія, измѣнившія положеніе всей Европы, отодвинули его на послѣдній планъ, принудили позабыть объ немъ — и такимъ образомъ значеніе его для многихъ осталось невыясненнымъ. А между тѣмъ ближайшее знакомство съ Каліостро любопытно для изученія эпохи, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Для насъ, русскихъ, онъ имѣетъ значеніе потому, что, подобно многимъ авантюристамъ, Каліостро думалъ эксплуатировать Россію, гдѣ провелъ почти полгода и сначала пользовался большимъ успѣхомъ (въ Митавѣ). Поэтому мы сочли не лишнимъ разсказать жизнь Каліостро, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній объ немъ, отбросивъ изъ многочисленныхъ, относящихся къ нему, сочиненій всѣ преувеличенія, провѣривъ, по запискамъ современниковъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, факты его жизни, во многомъ, впрочемъ, оставшіеся темными, по неимѣнію положительныхъ данныхъ. Думаемъ, что по возможности вѣрный очеркъ жизни и дѣятельности Каліостро будетъ прочтенъ не безъ интереса. Не приводя всѣхъ сочиненій, относящихся къ нашему предмету, мы упомянемъ, при ходѣ разсказа, тѣ изъ нихъ, на основаніи которыхъ изложимъ жизнь нашего героя, не дѣлая примѣчаній и ссылокъ на источники, изъ которыхъ

почерпнуты нами подробности его жизни. Можемъ только увѣрить читателей, что всѣ факты нашей статьи провѣрены критически и основаны по возможности на достовѣрныхъ данныхъ.

I.

О дѣтствѣ и молодости Каліостро мы имѣемъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній, но онѣ существуютъ и хранятся въ архивахъ Ватикана, и это подаетъ надежду, что онѣ когда-нибудь будутъ обнародованы. Въ 1790 году, когда начался процесъ авантюриста, схваченнаго въ Римѣ, іезуиты употребили все свое вліяніе, что-бы добиться правды въ его показаніяхъ и собрать неопровержимые факты о его происхожденіи, поступкахъ и пребываніи въ разныхъ странахъ. Что они достигли своей цѣли, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы вспомнимъ, какими могущественными средствами обладалъ этотъ орденъ, какихъ преданныхъ слугъ имѣлъ онъ во всѣхъ государствахъ, во всѣхъ слояхъ общества. Но всѣ подробности этого процеса, протоколы допросовъ, свидѣтельскія показанія — все это осталось тайною. Отцы іезуиты никогда не любили свѣта, а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ были замѣшаны многіе изъ ихъ собратій, если не прямо помогавшіе обманщику, то нерѣдко извлекавшіе для себя пользу изъ его продѣлокъ. Самъ онъ, для своего оправданія, не въ этомъ процесѣ, а по дѣлу объ ожерельи королевы, о которомъ мы еще будемъ говорить, издалъ, въ 1786 году, въ Парижѣ, брошюру, подъ заглавіемъ: „Mémoire pour le comte de Cagliostro, accusé, contre M. le Procureur-Général accusateur“.. Въ этомъ сочиненіи онъ разсказываетъ такія невѣроятныя исторіи о своей молодости и своихъ похожденіяхъ, что имъ съ трудомъ вѣрили даже самые ревностные изъ его приверженцевъ. Такъ онъ разсказывалъ, что дѣтство свое провелъ въ Мединѣ, у Муфти Салагаима, хотя былъ христіанскаго вѣроисповѣданія; что учителемъ его былъ мудрецъ Альтотасъ, возившій его потомъ въ Мекку, Египетъ, на островъ Мальту, гдѣ этотъ турецкій мудрецъ превратился вдругъ въ мальтійскаго рыцаря и проч. Гораздо болѣе вѣрныя свѣдѣнія объ авантюристѣ мы находимъ не въ этомъ сборникѣ сказокъ, а въ брошюрѣ, появившейся въ Римѣ въ 1791 году, во время процеса Каліостро и написанной іезуитомъ Марчеллемъ, подъ названіемъ: „Compendio della vita e degli gesti di Guiseppe Balsamo, il dinominate conte Cagliostro“. Брошюра эта была переведена на всѣ европейскіе языки, несмотря на то, что

приверженцы авантюриста старались опровергнуть ее, о чемъ особенно заботился одинъ вѣнскій священникъ Каспаръ Чинкъ. Но факты, собранные Марчеллемъ, были такого рода, что ихъ нельзя было опровергнуть. Онъ доказалъ, что настоящее имя Каліостро было—Бальзамо, хотя онъ прежде называлъ себя и другими именами: Тискіо, Мелина, Бельмонте, Пеллегрини, Фениксъ, Анна, Гаратъ. Родился онъ въ Палермо, 8-го іюня 1743 года, отъ бѣдныхъ родителей: Пьетро Бальзамо и Феличіи Бравоньери. Отецъ его былъ мелкій купецъ, по смерти котораго дядя мальчика съ матерней стороны далъ ему воспитаніе въ семинаріи св. Роха, въ Палермо. Молодой Джузеппе Бальзамо убѣгалъ не разъ изъ этого училища. Тринадцати лѣтъ онъ былъ порученъ генералу ордена Милосердныхъ братьевъ, который опредѣлилъ его послушникомъ въ монастырь Картаджироне. Тамъ онъ поступилъ помощникомъ къ аптекарю, у котораго научился первымъ основаніямъ химіи и медицины. Но въ то же время онъ велъ такую жизнь, что монахи часто были принуждены наказывать его. Тогда онъ бѣжалъ изъ монастыря въ Палермо, гдѣ, одно время, занялся рисованьемъ, что не мѣшало ему вести разгульную жизнь и участвовать во всѣхъ уличныхъ дракахъ и стычкахъ съ полиціей. Онъ поддѣлывалъ также театральные билеты и, живя у своего дяди, обокралъ его на довольно значительную сумму. Въ двоюродную сестру его влюбился одинъ синьоръ, и Джузеппе, передавая ей письма возлюбленнаго, увѣрялъ его, что она нуждается то въ деньгахъ, то въ часахъ и другихъ вещахъ, получалъ ихъ для нея и присвоивалъ себѣ. Занимаясь у одного нотаріуса, онъ поддѣлалъ завѣщаніе маркиза Мауриджи, лишивъ этимъ одно богоугодное заведеніе значительной суммы. Всѣ эти продѣлки доказаны офиціальными протоколами.

Нѣсколько разъ молодой Бальзамо судился, сидѣлъ въ тюрьмѣ, но былъ выпускаемъ, то по недостатку уликъ, то по ходатайству родныхъ. Наконецъ онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своего родного города за слишкомъ дерзкую продѣлку съ однимъ ювелиромъ, котораго онъ обокралъ, увѣривъ его, что близъ городскихъ воротъ зарытъ кладъ. Бальзамо и другіе его товарищи одѣлись чертями, избили и обобрали довѣрчиваго простака. Слѣдствіемъ этой первой попытки—употребить въ дѣло таинственныя силы и колдовство—было, какъ мы уже сказали, бѣгство Бальзамо изъ Палермо.

Съ тѣхъ поръ началась странническая, полная приключеній, жизнь Каліостро. Разыгрывая роли предсказателя, открывателя кладовъ, колдуна, вызывателя духовъ, онъ является въ Мессинѣ, Александріи, на островахъ Родосѣ, Сардиніи, Мальтѣ, въ Генуѣ, Неаполѣ, Римѣ. Въ этомъ городѣ онъ продавалъ прекрасные рисунки перомъ и красками

и здѣсь женился на молодой, хорошенькой служанкѣ Лоренцѣ Феличіани, помогавшей ему добывать средства къ существованію темными путями. Искуство рисованія служило ему для поддѣлокъ подъ разные почерки и составленія фальшивыхъ документовъ. Въ то время сошелся онъ близко съ двумя мошенниками, изъ которыхъ одинъ выдавалъ себя за прусскаго полковника, и пожаловалъ своему пріятелю патентъ на офицерскій чинъ, съ подписью Фридриха II, мастерски поддѣланнаго самимъ Каліостро. Но полковникъ и офицеръ вскорѣ поссорились и, боясь судебнаго преслѣдованія, Бальзамо бѣжалъ съ женою и товарищемъ въ Венецію, гдѣ занялся поддѣлкою государственныхъ бумагъ, векселей и рекомендательныхъ писемъ отъ именитыхъ лицъ: послѣднія служили средствомъ втираться въ богатыя семейства и производить тамъ алхимическія и магическія комедіи.

Авантюристъ не засиживался на одномъ мѣстѣ, что совершенно понятно. Чуть начинали распространяться объ немъ невыгодные слухи, а плутни—обнаруживаться, онъ быстро переносилъ въ другой городъ свои подвиги. Такъ онъ покинулъ Италію и отправился съ женою въ Испанію, въ одеждѣ пилигримовъ, продавая по дорогѣ священные амулеты, жизненные элексиры, симпатическія лекарства, бальзамы и тинктуры, возвращающіе молодость и красоту, философскій камень, превращающій въ золото неблагородные металлы. Бальзамо продавалъ все, не исключая своей жены. Послѣдняя торговля приносила ему болѣе значительный доходъ. Это происходило въ 1770 и 1771 году. Авантюристу было тогда 28 лѣтъ; но онъ недолго пробылъ въ Испаніи и, 3-го августа 1771 года, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ провелъ больше года подъ своимъ настоящимъ именемъ, Джузеппе Бальзамо, въ большой нуждѣ и борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами. Онъ привезъ изъ Испаніи нѣсколько драгоцѣнныхъ камней: топазовъ и другихъ, и поручилъ продажу ихъ своему пріятелю, сициліанцу Вивона, а тотъ укралъ вырученныя за камни деньги и бѣжалъ съ ними. Какія средства употреблялъ Каліостро для добыванія денегъ, видно изъ того, что онъ заманилъ къ себѣ одного квакера и, сведя его со своею женою, грозилъ обвинить его въ прелюбодѣйствѣ, если тотъ не заплатитъ сорока гиней. Квакеръ заплатилъ деньги, что-бы избѣжать скандала. Каліостро рисовалъ также картинки легкаго содержанія, которыя жена его носила продавать по тавернамъ, но все это приносило ему такъ мало, что его посадили въ тюрьму за неплатежъ хозяину квартиры и выпустили только, когда одинъ великодушный англичанинъ уплатилъ за него долгъ. Познакомившись съ его женою въ церкви и узнавъ о его печальномъ положеніи, англичанинъ принялъ его въ свой домъ, поручилъ ему разри-

совать комнаты стѣнною живописью и не претендовалъ, когда тотъ не съумѣлъ этого сдѣлать. Бальзамо отплатилъ по-своему за благодѣяніе, соблазнивъ одну изъ родственницъ благодѣтеля. Выгнанный со стыдомъ, онъ рѣшился отправиться въ Парижъ. Всѣ эти лондонскія продѣлки описаны въ любопытной брошюрѣ: „Ma correspondance avec le comte de Cagliostro“, изданной 1786 года въ Гамбургѣ; она служитъ отвѣтомъ на сочиненіе самого Бальзамо: „Lettre du comte de Cagliostro au peuple anglais. Pour servir de suite à ses mémoires (1787 г., безъ означенія мѣста печатанія), въ которомъ авантюристъ смѣло увѣряетъ, что онъ первый разъ былъ въ Лондонѣ въ 1786-мъ году.

Заплативъ за проѣздъ черезъ Ламаншъ, Бальзамо нуждался на пакетботѣ въ самомъ необходимомъ. Но тамъ же случай свелъ его съ французомъ Дюплезиръ, управляющимъ имѣніями одного маркиза. Плѣненный любезностью „маленькой графини“, Дюплезиръ помогалъ въ дорогѣ авантюристу и, по прибытіи въ Кале, предложилъ отвезти супруговъ въ Парижъ, въ своей каретѣ. Но такъ какъ въ ней было всего два мѣста, то супругъ долженъ былъ помѣститься на козлахъ и такимъ образомъ въѣхалъ въ Парижъ, гдѣ гостепріимный французъ предложилъ супругамъ квартиру и столъ въ своемъ домѣ. Бальзамо не пришлось однако долго пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. Какой-то танцмейстеръ давалъ балъ и пригласилъ къ себѣ авантюриста, разыгрывавшаго роль графа и важной особы. Графъ благосклонно принялъ предложеніе, хотя къ осуществленію его встрѣтилось маленькое препятствіе: у его сіятельства не было порядочнаго платья, что-бы явиться на балъ. Такое обстоятельство не могло остановить находчиваго Бальзамо. Онъ послалъ за торговцемъ готовымъ платьемъ, взялъ у него напрокатъ три лучшія пары, условился заплатить назначенную сумму за то платье, которое онъ надѣнетъ, былъ на балу, а на другое утро послалъ за торговцемъ и, возвративъ ему всѣ пары платья, объявилъ, что не беретъ ни одного, такъ какъ они не довольно свѣжи и роскошны. Но торговецъ узналъ, что одно изъ платьевъ было надѣто и требовалъ уплаты. Графъ прогналъ его, но тотъ поднялъ шумъ на улицѣ и скандалъ произошелъ такой, что, Дюплезиръ, давно уже тяготившійся поступками авантюриста, попросилъ его совсѣмъ очистить квартиру во избѣжаніе скандаловъ. Бальзамо долженъ былъ исполнить это требованіе, но при этомъ случилось еще обстоятельство, усложнившее и безъ того непріятныя сцены: когда жилецъ Дюплезира вздумалъ выбираться на другую квартиру — со своею супругой — супруга его исчезла, неизвѣстно куда. Озадаченный супругъ отправился заявить объ этомъ въ полицію и объявилъ, что подозрѣваетъ въ похищеніи жены — своего домохозяина, Дюплезира.

Ясно, что онъ давно былъ убѣжденъ въ ихъ связи, но считалъ не нужнымъ открывать глаза до тѣхъ поръ, пока ему было это выгодно. При заявленіи въ полиціи Бальзамо такъ плохо объяснялся по-французски, что комисаръ долженъ былъ потребовать переводчика.

Прошло однако болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ полиція отыскала бѣглянку, въ уединенномъ домикѣ, живущую у одной прачки, гдѣ ее содержалъ Дюплезиръ. Мстительный итальянецъ настоялъ что-бы его жену заперли въ тюрьму Сент-Пелажи, гдѣ она пробыла три мѣсяца въ строгомъ заключеніи. Любопытно, что послѣ этого эпизода супруги опять соединились и стали жить по прежнему, повидимому, въ совершенномъ согласіи. Надумалась-ли на-досугѣ графиня, что ей все-таки выгоднѣе держаться своего мужа, хотя и дурно съ нею обращавшагося, но смотрѣвшаго снисходительно на ея грѣшки, убѣдился-ли самъ Каліостро, что безъ помощи хорошенькой и ловкой женщины онъ не можетъ такъ удачно обманывать довѣрчивую публику,—какъ бы то ни было, но между ними снова водворилась полная гармонія. Бальзамо долженъ былъ, впрочемъ, вскорѣ же оставить Парижъ по требованію полиціи, которой принесъ жалобу одинъ банкиръ, обманутый авантюристомъ, продавшимъ ему за 500 луидоровъ напитокъ, возвращающій молодость и едва не отравившій покупателя.

Три года затѣмъ Бальзамо странствовалъ по южной Франціи, Испаніи, Италіи и Мальтѣ, занимаясь преимущественно приготовленіемъ жизненнаго элексира и добываніемъ золота посредствомъ философскаго камня. Въ 1776 году онъ явился опять въ Лондонѣ и началъ свои подвиги съ того, что распустилъ слухъ, будто онъ владѣетъ тайною, посредствомъ нѣкоторыхъ кабалистическихъ операцій, угадывать нумера, выходящіе въ лото и лотерею. Нашлись весьма образованные люди, повѣрившіе этому; въ числѣ ихъ были мистеръ Скоттъ и миссъ Фрей. Сношенія между ними кончились однако процесомъ. Они обвинили Бальзамо въ томъ, что онъ похитилъ у нихъ драгоцѣнный браслетъ съ бриліантами, подъ предлогомъ, что возьметъ у нихъ этотъ браслетъ для того, что-бы посредствомъ таинственныхъ химическихъ манипуляцій увеличить вдвое вдѣланные въ него бриліанты. Бальзамо былъ арестованъ, браслетъ у него найденъ, но онъ увѣрялъ, что получилъ драгоцѣнность въ подарокъ за то, что сообщилъ миссъ Фрей цифры нумеровъ, выигравшихъ ей въ лотерею значительныя суммы. Та, въ свою очередь, представила свидѣтелей, подтверждавшихъ ея показаніе, и Бальзамо, выпущенный между тѣмъ на свободу со вносомъ залога, видя, что дѣло его принимаетъ дурной оборотъ, бѣжалъ въ Брюссель. Въ своихъ

запискахъ, онъ, конечно, оправдываетъ себя въ этомъ процесѣ и обвиняетъ не только противниковъ, но свидѣтелей и судей.

Это вторичное пребываніе авантюриста въ Лондонѣ, во время котораго онъ принялъ окончательно имя графа Каліостро, принадлежавшее его теткѣ и крестной матери, Винченте Каліостро, было для него очень важно, потому что здѣсь онъ вступилъ въ масонскую ложу и познакомился со всѣми таинствами масонства. Очень многія ложи этого ордена занимались въ то время мистическими фокусами, посредствомъ которыхъ разсчитывали войти въ сношенія съ міромъ духовъ.

По этой теософской системѣ, развившейся изъ ученія гностиковъ, міръ находился подъ властью духовъ высшей или низшей организаціи, имѣющихъ свою іерархію. Кромѣ этого полчища небесныхъ силъ, существуютъ другія, служащія злому началу и находящіяся въ вѣчной борьбѣ съ ангелами изъ-за душъ человѣческихъ. Посредствомъ извѣстныхъ кабалистическихъ и алхимическихъ операцій, формулъ и манипуляцій съ крестомъ, треугольникомъ и кругомъ, нѣкоторые добродѣтельные, избранные провидѣніемъ люди получили власть надъ этими духами, высшихъ или низшихъ ступеней, и могли, съ ихъ помощію, вызывать умершихъ, получали даръ ясновидѣнія и могли приготовлять первоначальное вещество, materia prima, изъ котораго произошли всѣ предметы на землѣ,—послѣднее давалось, впрочемъ, въ удѣлъ только лицамъ, достигшимъ высшей степени духовнаго совершенства. Они одни только могли превращать ртуть въ твердое вещество, изъ котораго получалось сначала серебро, потомъ золото. Въ него превращались и всѣ прочіе неблагородные металлы, съ помощію materia prima.

Къ такимъ людямъ причислялъ себя Каліостро и такое ученіе, смѣсь средневѣковой магіи и современнаго піэтизма, проповѣдывалъ онъ людямъ, жадно стремившимся ко всему чудесному, сверхъестественному. Онъ назвалъ его „древнимъ египетскимъ масонствомъ“, основаннымъ Енохомъ и Иліею и назвалъ себя „великимъ Кофтою“. Послѣдователямъ своимъ обѣщалъ онъ достиженіе физическаго и моральнаго совершенства; но достигнуть его мужчина могъ только послѣ 50-ти лѣтъ, женщина—послѣ 36-ти. Готовиться къ возрожденію надо было сорокадневнымъ постомъ въ уединеніи, начиная съ майскаго полнолунія и принимая травы и капли, указанныя великимъ Кофтою. На 32-й день надо было пустить себѣ кровь: тогда начинались конвульсіи, лихорадка, обмороки, выпадали волоса и зубы, сводило кожу — но все это появлялось вновь послѣ принятія ванны съ растворомъ materia prima. Лѣтъ черезъ 50 слѣдовало повторять эту операцію, и тогда человѣкъ могъ жить 5,557 лѣтъ. Самъ Калі-

остро увѣрялъ, что онъ жилъ еще во время всемірнаго потопа и спасся вмѣстѣ съ Ноемъ, въ его ковчегѣ.

1777 и 1778 годы Каліостро провелъ въ Германіи, занимаясь тѣми же мистическими и алхимическими фокусами.

Въ Германіи господствовали тогда два разнородныя стремленія, раціонализмъ и піэтизмъ. Представители перваго ученія: Николаи, Лессингъ, Мендельсонъ возставали противъ неясности, несообразности нѣкоторыхъ религіозныхъ доктринъ въ то время, когда приверженцы противоположнаго ученія впадали въ теозофическія бредни. Всеобщее недовольство современнымъ, дѣйствительно незавиднымъ, положеніемъ общества и государства увлекало самые положительные умы въ области фантазіи, въ мистико-спиритическія мудрствованія, въ алхимико-теологическія выдумки, въ особенности развиваемыя Сведенборгомъ и, впослѣдствіи, Месмеромъ. Ихъ поддерживали даже такіе люди, какъ Лафатеръ, Гасснеръ, Шрёпферъ. Вся Германія была наполнена тайными обществами, клубами, масонами, розенкрейцерами, иллюминатами; все стремилось къ чудесному, къ трансцендентальному. Цѣлью всѣхъ стремленій было достиженіе извѣстной степени совершенства, которое приблизило бы созданіе къ Создателю; всѣ старались облагородить свое тѣло, свои животные инстинкты, развить въ себѣ интелектуальныя качества до такой степени, что-бы достигнуть сверхъестественныхъ способностей: излеченія болѣзней, возможности знать поступки и мысли отсутствующихъ, власти надъ окружающимъ міромъ, подчиненія себѣ силъ природы. Магнетическія манипуляціи играли важную роль во всѣхъ собраніяхъ; сомнамбулизмъ возвышался на степень догмата. Теорія ясновидѣнія, примѣненная на практикѣ Пюисегюромъ въ южной Франціи, перешла оттуда въ Швейцарію и черезъ Страсбургъ распространилась въ Германіи. Лафатеръ лечилъ предписаніями сомнамбулизма, усыпляя свою жену и заставляя ее писать рецепты въ магнетическомъ снѣ. Журналы, хотя и не имѣвшіе тогда такого вліянія, какое производятъ въ наше время, поддерживали эти странныя ученія и вѣрованія. Въ серьезномъ изданіи „Berliner Monatschrifft“, докторъ Землеръ и придворный проповѣдникъ Штаркъ доказывали возможность дѣлать золото съ помощью сверхъестественныхъ вліяній. Вездѣ вызывали мертвецовъ, заклинали духовъ, отыскивали клады, вѣрили въ колдовство, шабашъ вѣдьмъ на Гарцѣ, превращеніе людей въ свиней и волковъ.

Мудрено-ли, что на такой, какъ-будто нарочно подготовленной для него, почвѣ, Каліостро явился человѣкомъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе, прославившимся между суевѣрными и довѣрчивыми людьми.

Анонимная брошюра: „Mémoire pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro (Strasbourg, 1786)“, разсказываетъ много чудесъ, совершенныхъ авантюристомъ въ Германіи. Мы не станемъ, конечно, приводить ихъ и упомянемъ только о томъ, что въ Гольштиніи онъ сошелся съ другимъ, подобнымъ шарлатаномъ, графомъ Сен-Жерменъ, основавшимъ тутъ родъ ложи, съ эротическою цѣлью — достиженія въ жизни высшаго наслажденія. Каліостро и его жена были приняты въ эту ложу съ особенною торжественностью. Не вездѣ однако встрѣчали его съ почетомъ и любопытствомъ. На родинѣ Канта, въ Кенигсбергѣ, приняли его холодно и недовѣрчиво, о чемъ свидѣтельствуетъ тамошній епископъ Боровскій, въ своей брошюрѣ (Кенигсбергъ, 1790 г.). Министръ и канцлеръ Корфъ утверждалъ, что это — переодѣтый лакей. Его считали даже эмисаромъ іезуитовъ. По словамъ Боровскаго, онъ терялъ много оттого, что не умѣлъ говорить проповѣдей, которыя такъ любилъ простой народъ. Тогда онъ вздумалъ избрать новую арену для своихъ фокусовъ: на востокъ лежала страна малоизвѣданная, представлявшая обширное поприще для искателей приключеній, гдѣ, повидимому, легко можно было достигнуть извѣстности, почестей, богатства. Каліостро отправился въ Россію.

II.

Въ февралѣ 1779 года Каліостро появился въ Митавѣ. О пребываніи его въ этомъ городѣ имѣемъ мы любопытную книгу, написанную г-жею фон-дер-Реке, рожденною графинею Медемъ: „Nachricht von des berüchtigten Cagliostro Aufenthalt in Mitau im Jahre 1779“ (Берлинъ, 1787). Эта образованная и даровитая женщина оставила намъ интересное, съ мельчайшими подробностями, описаніе пребыванія шарлатана въ этомъ городѣ и всѣхъ его магическихъ операцій. Мы тѣмъ болѣе можемъ вѣрить этой книгѣ, что сочинительница принадлежала сначала къ преданнѣйшимъ приверженцамъ Каліостро, какъ ея отецъ и дядя, оба масоны и алхимики, принадлежавшіе къ высшему курляндскому дворянству. Черезъ нихъ Каліостро втерся въ лучшее общество города. Выдавая себя въ Англіи и Испаніи за прусскаго полковника, въ Митавѣ Каліостро назвалъ себя испанскимъ офицеромъ. Онъ увѣрилъ семейство Медемовъ, что имѣетъ важное порученіе отъ масонскаго ордена въ сѣверныя страны. Его представили начальнику города фон-дер-Ховену и маіору Корфу и они увлеклись имъ. Тогда и г-жа Реке, съ своею теткою, графинею Кейзерлингъ и кузиною, графинею Медемъ, захотѣли узнать его ближе. Обманщикъ дѣйствовалъ ловко и увѣрилъ ихъ, что онъ имѣетъ пол-

номочіе, какъ гросмейстеръ ордена, открыть масонскую ложу „Loge d'Adoption", въ которую будутъ приниматься и женщины. Ложа была дѣйствительно открыта и въ нее вступило много образованныхъ лицъ. Это было тѣмъ удивительнѣе, что Каліостро самъ выказывалъ весьма поверхностное образованіе: онъ не только писалъ плохо, съ ороографическими ошибками, но и говорилъ неправильно: по-итальянски — съ отвратительнымъ сицилійскимъ акцентомъ, по-французски — съ самыми тривіальными выраженіями; манеры его были грубы и неуклюжи. Эти недостатки приверженцы его оправдывали долгимъ пребываніемъ его между грубыми обитателями Медины и Египта. Что касается до образа жизни его, то надо сказать, что онъ былъ весьма воздерженъ и велъ себя примѣрно, толкуя постоянно о необходимости укрощенія страстей для достиженія совершенства. Само собою разумѣется, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали отъ него какого-нибудь магическаго опыта и онъ рѣшился показать имъ свое знаніе и могущество.

Съ этой цѣлью выбралъ онъ шестилѣтняго мальчика изъ семейства Медемовъ, помазалъ ему руку и тѣло „масломъ премудрости", потомъ прочелъ надъ нимъ псаломъ. Когда ребенокъ былъ, такимъ образомъ, посвященъ „прозрѣнію" (причемъ онъ сильно вспотѣлъ), Каліостро сдѣлалъ нѣсколько кабалистическихъ знаковъ на его головѣ и рукѣ и велѣлъ ему смотрѣть въ эту руку. Затѣмъ спросилъ онъ отца ребенка: „какое онъ хочетъ имѣть видѣніе?" Тотъ просилъ магика, для того, что-бы не испугать мальчика, показать ему — его мать и сестру, которыя остались дома. Заклинаніе было повторено и минутъ черезъ десять мальчикъ сказалъ, что видитъ свою мать и сестру.

— „Что дѣлаетъ ваша сестра?" спросилъ Каліостро.

— „Она положила руку на сердце, какъ-будто оно болитъ у нея", отвѣчалъ ребенокъ и прибавилъ немного спустя: „теперь она цѣлуетъ моего брата, который только что вернулся домой".

Все это дѣйствительно случилось, но что-бы узнать все это прежде и научить мальчика повторять заранѣе заданный урокъ — стоило немного труда. И во всякомъ случаѣ это былъ весьма не хитрый опытъ очень скромной магіи.

Другой опытъ магическаго знанія Каліостро касался открытія кладовъ. Онъ объявилъ, что ему дано знать свыше о существованіи мѣста, гдѣ зарыты важныя магическія рукописи и драгоцѣнности. Мѣсто клада было указано въ имѣніи графа Медема, недалеко отъ Митавы. Тамъ жилъ, по словамъ Каліостро, 600 лѣтъ тому назадъ, великій магикъ и спряталъ свои сокровища для блага человѣчества, но они должны достаться только добродѣтельнымъ людямъ,

хотя ихъ давно уже тщетно отыскиваютъ некромантики. Каліостро надѣялся, что ему удастся открыть ихъ, какъ ни опасна эта попытка и хотя кладъ стерегутъ злые духи. Но если онъ достанется приверженцамъ черной магіи — міръ ожидаютъ неисчислимыя бѣдствія. Поэтому всѣ должны были соединить свои молитвы съ молитвами Каліостро, что-бы ему даны были силы противудѣйствовать злымъ духамъ. Онъ описалъ подробно мѣсто и лѣсъ, гдѣ зарытъ кладъ, несмотря на то, что никогда не видалъ ихъ. Что-бы убѣдить всѣхъ въ существованіи клада, Каліостро опять прибѣгнулъ къ помощи мальчика, который, подъ его вліяніемъ, началъ говорить, что видитъ землю открытою и въ ней много золота, серебра и бумагъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой сцены, онъ объявилъ, что теперь успѣлъ сковать злого духа, охранявшаго кладъ, и черезъ нѣсколько времени приступитъ къ открытію его. Этого однако не дождались довѣрчивые митавцы, такъ какъ до окончанія этого срока Каліостро уѣхалъ въ Петербургъ.

Еще другой „магическій опытъ“ произвелъ Каліостро въ домѣ графа Медема, въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ масонской ложи. Онъ спросилъ имена двухъ умершихъ членовъ семейства Медемовъ, написалъ ихъ на бумагѣ съ разными кабалистическими знаками, потомъ сжегъ эту бумагу, натеръ пепломъ ея голову того же мальчика, который помогалъ ему и при первомъ экспериментѣ, и ввелъ его въ сосѣднюю комнату, гдѣ онъ долженъ быть свидѣтелемъ важныхъ явленій. Заперевъ за нимъ дверь, Каліостро сказалъ присутствующимъ, что-бы они сѣли противъ двери и хранили глубокое молчаніе. Самъ онъ, съ обнаженной шпагой, сталъ передъ дверью, началъ махать ею, дѣлать разные знаки на двери, кривляться и бормотать разныя слова, между которыми чаще всего слышались: „геліонъ, меліонъ, тетраграмматонъ“. Когда кто-то изъ присутствующихъ пошевелился, Каліостро закричалъ, какъ бѣшеный, что если кто-нибудь сдѣлаетъ хоть одно движеніе — всѣ они подвергнутся величайшей опасности. Послѣ этого онъ возобновилъ свои кривлянія, выкрикиваніе безсмысленныхъ словъ, снова обвелъ вокругъ присутствующихъ шпагою волшебный кругъ, говоря, что первый былъ уже нарушенъ и недѣйствителенъ. Продолжая заклинанія, онъ требовалъ сквозь запертую дверь, что-бы мальчикъ въ другой комнатѣ сталъ на колѣни и потомъ спросилъ, что онъ видитъ.

„Я вижу прекраснаго юношу, который мнѣ въ послѣдній разъ открылъ землю въ лѣсу“ (въ сценѣ съ открытіемъ клада), отвѣчалъ мальчикъ черезъ дверь.

— „Хорошо“, сказалъ Каліостро: „попросите юношу, что-бы онъ вамъ показалъ фонъ-NN, съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и ногахъ“.

„Я вижу господина фонъ-NN; онъ очень печаленъ и у него цѣпи на рукахъ, ногахъ и на шеѣ“ былъ отвѣтъ.

— „Что видите вы теперь?“

„Юноша затягиваетъ крѣпче цѣпь на шеѣ NN“.

Каліостро спросилъ потомъ: „гдѣ находится NN“ и мальчикъ назвалъ его имѣніе, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города. Шарлатанъ потребовалъ, что-бы мальчикъ попросилъ прекраснаго юношу удалить NN и показать брата кузины фон-дер-Реке. Мальчикъ отвѣчалъ, что братъ этотъ явился, что онъ въ красномъ мундирѣ и кажется очень доволенъ, кладетъ руку на сердце и ласково смотритъ. Фокусникъ спросилъ далѣе, не хочетъ-ли мальчикъ видѣть еще что-нибудь. Тотъ попросилъ увидѣть маленькую, хорошенькую дѣвочку, похожую на графиню Каліостро, и которую графъ показывалъ ему во время послѣднихъ заклинаній. Черезъ нѣсколько секундъ мальчикъ сообщилъ, что дѣвочка явилась. Каліостро приказалъ ему обнять и поцѣловать дѣвочку и попросить, что-бы она показала ему лѣсъ. Послышался изъ другой комнаты звукъ поцѣлуя, потомъ мальчикъ сообщилъ, что видитъ лѣсъ и въ немъ срубленное дерево; далѣе открылась земля, и мальчикъ увидалъ въ ней пять подсвѣчниковъ, золото, серебро, много бумагъ, красный порошокъ и желѣзные инструменты; потомъ, по приказанію Каліостро, все исчезло и мальчикъ сказалъ, что видитъ длиннаго красиваго мужчину, въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Каліостро приказалъ мальчику поцѣловать руку у этого видѣнія и, послѣ звука поцѣлуя, началъ просить, что-бы оно было покровителемъ мальчика; наконецъ, съ конвульсивнымъ движеніемъ растворилъ дверь и, выведя мальчика изъ другой комнаты, упалъ въ обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ просилъ присутствующихъ сохранить, по прежнему, молчаніе и неподвижность, вышелъ самъ въ другую комнату, гдѣ былъ мальчикъ, заперъ за собою дверь и тогда въ комнатѣ послышались сначала невнятныя слова, потомъ сильный шумъ и черезъ нѣсколько минутъ заклинатель вышелъ оттуда съ довольной миной и объявилъ, что NN былъ виноватъ передъ нимъ и онъ наказалъ его; завтра же всѣ должны узнать, что въ то время, когда мальчикъ видѣлъ NN съ цѣпями на шеѣ, на рукахъ и на ногахъ, онъ страдалъ сильной болью въ этихъ членахъ. Эти слова дѣйствительно оправдались на другой день. Но какъ пуста вся эта сцена заклинаній и явленій, въ сравненіи съ современными фокусами Девенпортовъ, спиритистовъ, спектровъ, фантасмагорій и т. п.! Госпожа Реке сама замѣ-

чаетъ, что болѣзнь NN очень легко могла произойти оттого, что Каліостро обѣдалъ съ нимъ наканунѣ и далъ ему какого-то снадобья. Никакихъ другихъ „чудесъ" Каліостро никогда не показывалъ и всѣ разсказы его панегиристовъ о вызываніи имъ духовъ, мертвецовъ — чистая выдумка, не подтверждаемая ни однимъ изъ современниковъ его, серьезно относившихся къ фокусамъ шарлатана. Только ослѣпленные и черезъ чуръ простодушные приверженцы Бальзамо могли не смѣясь присутствовать при такихъ грубыхъ продѣлкахъ и видѣть въ нихъ что-то сверхъестественное. Не поступки, а слова Каліостро должны были производить вліяніе на его современниковъ. Несмотря на свое невѣжество, онъ обладалъ дѣйствительно замѣчательною способностью по цѣлымъ часамъ приковывать къ себѣ вниманіе слушателей своими рѣчами, полными философскихъ и мистическихъ сентенцій, библейскихъ текстовъ, громкихъ фразъ, метафоръ и сравненій, повидимому глубокомысленныхъ, и это блестящее краснорѣчіе въ первый разъ ошеломляло бесѣдовавшихъ съ нимъ. Но и ему случалось при этомъ говорить такой вздоръ, нелѣпость котораго замѣчали даже самые наивные адепты его. Тогда онъ объяснялъ это тѣмъ, что въ эти минуты имъ овладѣвало вліяніе злыхъ духовъ черной магіи, вѣчно борющейся противъ такихъ свѣтлыхъ личностей, или что онъ нарочно испытывалъ своихъ учениковъ. Имъ оставалось тогда только преклониться передъ мудростью своего великаго учителя.

Главною цѣлью его пребыванія въ Митавѣ было, посредствомъ масонскихъ ложъ, въ которыхъ членами была курляндская аристократія, имѣвшая большія связи въ Петербургѣ, открыть себѣ доступъ и рекомендацію въ высшій кругъ петербургскаго общества и къ самой императрицѣ. Для достиженія этой цѣли онъ придумалъ взять съ собою въ столицу Россіи преданную ему госпожу Реке, гдѣ она будетъ основательницей особой масонской ложи, въ которую Каліостро хотѣлъ привлечь и Екатерину II. На русскій дворъ могло, конечно, произвести вліяніе — появленіе въ столицѣ Каліостро, въ сопровожденіи одной изъ представительницъ высшаго курляндскаго общества, а изъ братьевъ и сестеръ масонской ложи онъ могъ извлекать денежныя выгоды, которыми пользовался и въ Митавѣ, хотя жилъ въ домѣ графа Медема на всемъ готовомъ. Это не мѣшало ему принимать цѣнные подарки отъ своихъ почитателей. Такъ фон-дер-Ховенъ подарилъ ему 800 червонцевъ и дорогой бриліантовый перстень. Онъ задумалъ даже пріобрѣсти болѣе значительный кушъ. Герцогиня курляндская носила великолѣпное ожерелье изъ огромныхъ жемчужинъ. Каліостро разсказалъ, что онъ знаетъ этотъ жемчугъ и что самъ дѣлалъ его въ Голландіи для того, что-бы помочь одному обан-

кротившемуся соотечественнику, расплавивъ и увеличивъ мелкій жемчугъ, который носила его жена. Магикъ вызывался повторить эту операцію, что-бы еще болѣе увеличить цѣнность ожерелья герцогини, надѣясь, конечно, что ему поручатъ это черезъ посредство госпожи фон-дер-Реке, но она принесла къ нему прежде свой жемчугъ и просила, увеличивъ его, продать въ свою пользу, а ей выплатить только небольшую сумму, нужную для одной благотворительной цѣли. Бальзамо отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что для этой операціи ему нужно по крайней мѣрѣ шесть недѣль, а онъ долженъ ѣхать въ Петербургъ, взять же съ собою жемчугъ онъ не согласился, отговариваясь незнаніемъ, будетъ-ли у него для этого время въ русской столицѣ. Взять съ собою свою почитательницу ему также не удалось и по своей собственной винѣ и оплошности. Видясь съ нею очень часто и сообщая ей о своихъ открытіяхъ и познаніяхъ, объ умѣньи его обращать всѣ металлы въ золото, продолжать до безконечности человѣческую жизнь, дѣлать шелкъ изъ пеньки, онъ проговорился однажды, что имѣетъ такую власть и надъ женщинами, что каждую изъ нихъ можетъ, своими чарами, заставить отдаться ему, даже противъ ея воли. Это вліяніе свое онъ имѣлъ глупость подтвердить нѣсколькими примѣрами. Кромѣ того, въ одной изъ своихъ бесѣдъ, въ присутствіи многихъ лицъ, онъ до того забылся, что нарушилъ всѣ приличія и сталъ говорить съ крайнимъ цинизмомъ о такихъ предметахъ, что оскорбилъ всѣхъ женщинъ; слушатели должны были остановить потокъ его грязнаго краснорѣчія и замѣтить ему, какъ возмутительны высказываемыя имъ сужденія. Онъ, по обыкновенію, объяснилъ слова свои тѣмъ, что хотѣлъ испытать своихъ слушателей. Но на строго-нравственную госпожу Реке все это произвело такое сильное впечатлѣніе, что она стала отдаляться съ тѣхъ поръ отъ своего учителя и, не считая еще его обманщикомъ, объяснила его постыдныя убѣжденія тѣмъ, что онъ былъ въ эту эпоху подъ вліяніемъ злыхъ духовъ черной магіи, съ которыми, по словамъ его, онъ находился въ вѣчной борьбѣ. Поэтому она на-отрѣзъ отказалась слѣдовать за нимъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ планы Бальзамо рушились и онъ долженъ былъ ѣхать одинъ.

III.

Понимая, что надо дѣйствовать осторожно, Каліостро явился въ русской столицѣ подъ видомъ врача и полковника испанской арміи, принадлежащаго къ высшему кругу. Объ Испаніи въ то время въ Россіи имѣли весьма поверхностныя свѣдѣнія, но къ нему стали

явиться какъ къ доктору. Онъ велъ себя чрезвычайно осмотрительно, выслушивалъ внимательно больныхъ, давалъ совѣты, лекарства, не принимая никакой платы, даже самъ раздавалъ деньги неимущимъ. Разсчетъ его былъ вѣренъ: эти поступки сдѣлали его скоро извѣстнымъ при дворѣ; не разсчиталъ онъ только одного, что при дворѣ былъ испанскій посланникъ, захотѣвшій поближе узнать своего соотечественника. Маркизъ Нормандесъ прежде всего замѣтилъ, что имени Каліостро нѣтъ въ числѣ испанской аристократіи и обратился за свѣдѣніями о немъ къ своему правительству. Отвѣтъ пришелъ, разумѣется, такой, что никакого графа Каліостро не было никогда въ испанской арміи. Посланникъ обнародовалъ это извѣстіе въ газетахъ. Это не помѣшало однако авантюристу найти здѣсь горячихъ приверженцевъ и даже между иностранными посланниками. Его приглашали въ извѣстные дома, посѣщали его самого въ его лабораторіи, гдѣ онъ работалъ въ присутствіи гостей. Къ сожалѣнію, въ запискахъ того времени не сохранилось подробностей о пребываніи Каліостро въ Петербургѣ. Ни Храповицкій, ни Грибовскій, ни Лопухинъ не упоминаютъ о немъ. Галаховъ въ своей „Исторіи литературы", Араповъ—въ „Лѣтописи русскаго театра" показываютъ даже ошибочно годъ его пребыванія въ нашей столицѣ (1777). А между тѣмъ онъ долженъ былъ произвести здѣсь вліяніе, если сама императрица сочла нужнымъ вывести его на сцену въ одной изъ своихъ пьесъ. Мы знаемъ также, что Потемкинъ посѣщалъ его, какъ свидѣтельствуютъ „Mémoires authentiques", о которыхъ мы уже упоминали. Правда, они прибавляютъ, что причиною частыхъ посѣщеній князя Тавриды былъ не Каліостро, а его хорошенькая супруга, которая здѣсь называлась уже не графинею, а принцессою Санта-Кроче.

Мемуары эти приводятъ о Каліостро слѣдующій разсказъ, которому нельзя вполнѣ довѣрять, какъ и вообще всему, что пишетъ авторъ ихъ. Мы приводимъ, однако, разсказъ этотъ, такъ какъ онъ объясняетъ отчасти причину недолгаго пребыванія Каліостро въ Петербургѣ и отъѣзда его изъ этого города, гдѣ ему не удалось осуществить свои планы и намѣренія.

Близкое знакомство Потемкина съ женою Каліостро возбудило, по словамъ мемуаровъ, неудовольствіе въ одной высокой особѣ и „принцесса" согласилась прервать связь съ княземъ и уѣхать изъ столицы за извѣстную сумму отступного. Авантюристка получила будто бы тридцать тысячъ рублей, но при свиданіи съ княземъ сообщила ему объ этомъ, увѣряя его, что разлука для нея была бы слишкомъ тяжела и предлагая возвратить сумму, присланную ей для выѣзда изъ столицы, лишь бы только не покидать ее такъ скоро.

Всемогущій фаворитъ, польщенный такою безкорыстною привязанностью... къ Петербургу, отвѣчалъ, что она можетъ оставаться здѣсь сколько ей угодно, и возвратилъ тридцать тысячъ, конечно изъ своей кассы. Но и протекція князя не помогла, такъ какъ вскорѣ же произошли два случая, выставившіе Каліостро въ непривлекательномъ свѣтѣ. Прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ, представилъ въ судъ ко взысканію долговое обязательство авантюриста на довольно значительную сумму, выданное имъ въ Кадиксѣ прусскому консулу. Въ то же время произошло слѣдующее происшествіе, подробно описанное въ брошюрѣ, вышедшей, въ 1786 году, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, подъ названіемъ: „Le charlatan démasqué". Богатая русская дама, наслышавшись о чудесахъ Бальзамо, явилась къ нему съ просьбою спасти ея маленькаго сына, лежавшаго при смерти. Тотъ обѣщалъ это и потребовалъ, что-бы ребенокъ былъ порученъ ему на нѣсколько недѣль. Она согласилась на это и Каліостро, по прошествіи этого времени, возвратилъ ей ребенка совершенно здоровымъ, получивъ за это удивительное излеченіе двѣ тысячи. Но можно представить себѣ положеніе матери, когда она убѣдилась вскорѣ, что ей возвращенъ чужой ребенокъ. Она принесла жалобу на такой наглый обманъ. Въ то же время лейб-медики императрицы представили ей, что шарлатанъ, продавая лекарства, возвращавшія молодость и продолжавшія жизнь до безконечности, подрываетъ всякое довѣріе къ медицинѣ и приноситъ большой вредъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлому обществу. Тогда императрица приказала выслать Каліостро изъ Петербурга. Это обстоятельство разсказано въ книгѣ: „Ephemeriden der Freimauerei in Deutschland" (1785 г., стр. 112). Въ брошюрѣ, „Le charlatan démasqué" прибавлено, что передъ домомъ, гдѣ жилъ Каліостро, произведена была враждебная демонстрація. Шарлатанъ прибѣгнулъ къ странному средству, что-бы доказать свое превосходство надъ врачами. Онъ предложилъ составить микстуру изъ сильнѣйшихъ ядовъ, съ тѣмъ, что онъ самъ и всѣ его противники должны выпить ее, и тогда останется живъ тотъ, кто правъ. Конечно, никто не согласился на это, и Каліостро, въ апрѣлѣ 1780 г., оставилъ Петербургъ, говоря, что онъ заставилъ замолчать своихъ враговъ.

Но не мало оставилъ онъ и друзей въ нашей столицѣ — и это дало поводъ Екатеринѣ II, черезъ пять лѣтъ послѣ его отъѣзда, вывести его на сцену и осмѣять въ своихъ комедіяхъ его шарлатанство и ослѣпленіе публики, вѣрившей въ мнимыя чудеса мнимаго волшебника. Считаемъ нелишнимъ поговорить подробнѣе объ этихъ произведеніяхъ, такъ какъ они принадлежатъ женщинѣ, владѣвшей не только скипетромъ, но и перомъ, удивлявшей Европу не только под-

витами своего царствованія, но и высокими мыслями, изложенными въ ея сочиненіяхъ.

IV.

Екатерина не любила ни масоновъ, ни мартинистовъ, ни мистиковъ, ни иллюминатовъ; обо всѣхъ этихъ ученіяхъ и тайныхъ обществахъ она отзывалась, какъ о вредныхъ для государства затѣяхъ; даже идеи энциклопедистовъ она считала примѣнимыми только къ небольшому образованному классу, а не къ массамъ народа. Противъ теозофовъ она написала комедію: „Шаманъ Сибирскій"; объ иллюминатахъ писала къ Циммерману: „Это—секта слабыхъ умовъ и фанатиковъ" (28-го мая 1788 г.). Немудрено поэтому, что въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ, въ „Быляхъ и небылицахъ", въ комедіяхъ она возставала противъ этихъ ученій. Вотъ что говоритъ она сама по поводу двухъ своихъ пьесъ, въ письмѣ къ Циммерману отъ 10-го января 1786 г. (въ книгѣ Zimmerman's Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, von H. Marcard, Bremen, 1803, стр. 725. Переписка Екатерины съ Циммерманомъ переведена Н. Степановымъ и издана въ Петербургѣ, въ томъ же году): „Относительно театра я должна вамъ сказать, что здѣсь появились двѣ русскія комедіи: одна, подъ названіемъ „Обманщикъ", другая—„Обольщенный". Первая представляетъ Каліостро (котораго я не видала также какъ и жену его, хотя они и были здѣсь) въ настоящемъ его видѣ, а другая изображаетъ обольщенныхъ имъ. Наша публика въ восторгѣ отъ этихъ пьесъ, которыя въ самомъ дѣлѣ забавны. Я это вамъ говорю для того, чтобы вы знали, какъ у насъ обращаются съ иллюминатами". Циммерманъ, конечно, отвѣчалъ похвалами и просилъ императрицу перевести пьесы на нѣмецкій языкъ; она послушалась и „Обманщикъ", написанный въ 1785 году, игранный 4-го января 1786 г., и въ томъже году вышедшій изъ печати, былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Арндтомъ (Der Betrüger, ein Lustspiel, aus dem russischen übersetzt. St.-Petersburg, bei Karl Schnoor. 1786, 64 страницы). Переводчику, какъ упоминаетъ Храповицкій, — было пожаловано 300 рублей. Въ 1787 г. пьесу эту еще разъ издалъ, въ другомъ переводѣ, Фридрихъ Николаи, берлинскій книгопродавецъ и другъ Лессинга. Ее играли и на нѣмецкой петербургской сценѣ. „Обольщенный", тогда же написанный и напечатанный въ двухъ изданіяхъ, былъ также игранъ съ успѣхомъ и переведенъ Арндтомъ. Онъ помѣщенъ также въ 13-й части „Россійскаго Өеатра". Обѣ пьесы принесли до 20,000 рублей сбора въ кассу театра. Разскажемъ ихъ содержаніе, приведенное въ нѣсколькихъ словахъ въ „Исторіи Литературы Галахова" въ его же

разборѣ „Былей и небылицъ“ („Отеч. Записки“ 1856 г., т. 10, стр. 43—85), въ статьѣ М. Н. Макарова: „Екатерина II на поприщѣ драматическомъ“ („Репертуаръ“ 1844 г., № 1) и М. Н. Лонгинова: „Драматическія“ сочиненія Екатерины II“ (Молва, 1857 г. № 3, 4 и 5).—„Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“ П. Пекарскаго. (Приложеніе къ III-му тому „Записокъ Академіи Наукъ“ 1863 г.) ни слова не говорятъ о ея пьесахъ, также какъ и „Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ“ П. Свиньина („Сынъ Отечества“ 1836 г., кн. 1).

Въ первомъ дѣйствіи Доданъ, женихъ Софьи, разспрашиваетъ у Марьи, служанки Самблиной, какимъ путемъ можетъ онъ познакомиться съ ея барыней. Марья отвѣчаетъ, что госпожа ея ни съ кѣмъ не знается, а баринъ видится, весьма потаенно, только съ людьми, которыхъ называютъ кажется „мартышками“. Эта незамысловатая насмѣшка надъ мартинистами встрѣчается и въ стихахъ Державина („Мартышки въ воздухѣ явились“, Ода на счастіе). Является одинъ изъ первыхъ любимцевъ Самблина—Калифалкжерстонъ; онъ ходитъ въ задумчивости, разсуждаетъ руками, будто декламируетъ, кланяется въ ту сторону, гдѣ никого нѣтъ, сначала не замѣчаетъ Додина, потомъ на вопросъ, кто онъ таковъ, называетъ себя, прибавляя, что познанія его обширны, какъ вселенная, искусство неизмѣримо, власть неограниченна, сила дѣйствуетъ повсюду, а „качества суть количества, аки девятое число въ исчисленіи“.—Сіе похоже на сумасшествіе, замѣчаетъ Додинъ.—Еще то ли услышишь, какъ узнаешь меня, отвѣчаетъ Калифалкжерстонъ: я малые алмазы передѣлываю большими иногда для своей забавы. Напримѣръ: бездѣлушка, которая у тебя на рукѣ, перстень, буде мнѣ отдать, я тебѣ возвращу, величиной въ одинъ камень втрое противу того, какъ онъ теперь, лишь прибавь на сто червонныхъ чистаго золота“. Додинъ отдаетъ перстень, съ тѣмъ, что-бы онъ помогалъ ему. При входѣ Самблина, Калифалкжерстонъ опять начинаетъ разговаривать самъ съ собою и объявляетъ, что бесѣдовалъ съ Александромъ Македонскимъ, котораго зналъ, когда тотъ отправлялся съ войскомъ завоевывать Персію. Александръ передалъ ему просьбу кормилицы своей Олимпіи—оказать покровительство ея потомку, Додину. Приходитъ слуга съ извѣщеніемъ, что госпожа Самблина лежитъ безъ памяти и не знаютъ, будетъ-ли жива. Калифалкжерстонъ обѣщаетъ вылечить ее и, въ то же время, помочь Додину жениться на Софьѣ. Первое дѣйствіе оканчивается.

Второе происходитъ въ комнатѣ Самблиной. Она въ обморокѣ, лежитъ на креслахъ. Вокругъ нея докторъ, лекарь и ея другъ Кварковъ. Лекарь совѣтуетъ пустить кровь, докторъ—дать напередъ про-

хладительнаго, потомъ очистительнаго, послѣ чего подкрѣпительнаго, затѣмъ предупредительнаго. Калифалкжерстонъ разспрашиваетъ у мадамъ Грибужъ, гувернантки Софьи, что дѣлала Самблина передъ тѣмъ, какъ упала въ обморокъ. Та отвѣчаетъ, что она играла на клавикордахъ, а Кварковъ не хотѣлъ пѣть, на что она разсердилась. Калифалкжерстонъ понялъ, что они поссорились; заставляетъ Кваркова пѣть и Самблина приходитъ въ чувство. Самблина удивляется его искусству. Докторъ проситъ денегъ за визитъ, лекарь—на извощика. Первому Калифалкжерстонъ говоритъ, что-бъ онъ приходилъ черезъ семнадцать дней, когда будетъ готово золото, которое уже три мѣсяца кипитъ на очагѣ; второму Додинъ даетъ денегъ — и они удаляются. Самблинъ въ восторгѣ отъ знанія своего друга; жена его и Кварковъ сначала подсмѣиваются надъ шарлатаномъ; потомъ, испуганные намеками его, что онъ откроетъ ихъ тайну, прославляютъ также его могущество. Всѣ уходятъ къ Софьѣ, дочери Самблиныхъ.

Третье дѣйствіе — въ комнатѣ Софьи; туда приходятъ всѣ лица; Калифалкжерстонъ продолжаетъ городить высокопарную чушь, находя въ сходствѣ дочери съ матерью „лучи, пламень, бытіе, количество, свойство съ сопротивностями“ и утверждая, что женихъ ея долженъ быть составленъ изъ семи коренныхъ цвѣтовъ. Является дворецкій съ докладомъ, что котелъ съ золотомъ—лопнулъ. Калифалкжерстонъ утѣшаетъ Самблина тѣмъ, что остался еще другой котелъ, въ которомъ кипятъ алмазы, но что для успѣшнаго увеличенія ихъ, надо подложить алмазовъ еще покрупнѣе. Самблинъ беретъ для этого у жены ея складень и они идутъ производить операцію.

Въ четвертомъ дѣйствіи въ комнату Самблина приносятъ футляръ съ бриллiантами; Калифалкжерстонъ хочетъ вынимать камни и положить ихъ въ котелъ, но приходитъ Додинъ и гувернеръ сына Самблина, Роти. Додинъ отказывается отъ покровительства Калифалкжерстона, упрекая его въ шарлатанствѣ; Роти ссорится съ нимъ и даже даетъ ему пощечину; Калифалкжерстонъ замѣчаетъ только: „дерешься, братъ, больно“ и уходитъ варить алмазы, но вслѣдъ затѣмъ является дворецкій съ извѣщеніемъ, что и второй котелъ лопнулъ. Самблинъ отправляется съ Додинымъ получить обратно только что взятые у него бриллiанты.

Пятое дѣйствіе начинается разсказомъ служанки, что Калифалкжерстонъ ушелъ—и съ алмазами. Самблинъ подтверждаетъ это, но Додинъ возвращаетъ похищенное, разсказывая, что остановилъ у городскихъ воротъ коляску, въ которой бѣжалъ обманщикъ, увозя съ собою ожерелье и гувернантку, мадамъ Грибужъ. Самблинъ обѣщаетъ

впредь остерегаться обманщика. Додинъ оканчиваетъ пьесу слѣдующимъ монологомъ:

„Обманъ сей въ свѣтѣ, чаю, не есть новой, но едва не беретъ-ли онъ на себя по временамъ виды только разные; сіе отдаю я вамъ на размышленіе. Разуменъ тотъ изъ насъ, кто не всегда но модѣ слѣдуетъ предубѣжденію. Буде кто со мною въ семъ согласенъ, прошу изъявить мнѣ сіе какъ-нибудь. Ежели молчаніемъ то разумѣю я уже... есть-ли, паче чаянія, заблагоразсудится — равномѣрно пріемлется и нѣсколько плесканія рукъ“. *(Поклонясь уходитъ).*

Комедія эта, конечно, очень наивна въ литературномъ и неуклюжа въ сценическомъ отношеніи, но въ ней есть, хотя и слабо очерченные характеры, а главное лицо изображено почти не въ карикатурѣ и съ весьма небольшими преувеличеніями. Понятно, что такая насмѣшка была смѣлымъ подвигомъ въ эпоху, когда въ массахъ преобладала страсть къ чудесному и на Каліостро только не многіе, развитые люди смотрѣли, какъ на обманщика.

Во второй пьесѣ „Обольщенный“ главное лицо—Радотовъ, бредящій сношеніями съ духами, считающій болѣзнь самымъ благимъ состояніемъ, выражающійся мистическими афоризмами; онъ „варитъ золото, составляетъ изъ росы металлы, изъ травъ невѣсть что; домогается имѣть свиданіе съ какими-то невидимками; голову ему свернули кабалистическія бредни; для разобранія какихъ-то цифровъ досталъ онъ еврейскаго учителя“. Дочь его видитъ также вездѣ духовъ; отецъ хочетъ выдать ее и свою племянницу за проходимцевъ, подлаживающихся подъ его идеи. Въ четвертомъ дѣйствіи есть сцена, напоминающая фокусы Каліостро. Протолкъ заставляетъ восьмилѣтняго ребенка смотрѣть въ свою руку, топать ногами и спрашиваетъ: что онъ видитъ? Дитя отвѣчаетъ: „ничего!“ Протолкъ приписываетъ неудачу опыта присутствію недостойнаго человѣка. Въ пятомъ дѣйствіи, въ разговорѣ двухъ, вовсе не нужныхъ, по ходу пьесы, лицъ—Брагина и Бритягина, высказываются мысли, принадлежащія самой императрицѣ, и развитыя ею впослѣдствіи въ „Быляхъ и небылицахъ“. „Они (мистики и мартинисты) въ намѣреніи имѣютъ потаенно заводить благотворительныя разныя заведенія, какъ-то: школы, больницы и т. п. и для того стараются привлекать къ себѣ людей богатыхъ. Дѣла такого рода на что производить сокровенно, когда благимъ узаконеніемъ открыты всевозможныя у насъ къ такимъ установленіямъ удобства?“ Пьеса оканчивается тѣмъ, что друзья-духовидцы обкрадываютъ Радотова, но возлюбленные его дочери и племянницы возвращаютъ украденное. Радотовъ раскаивается въ своемъ заблужденіи и Бритягинъ оканчиваетъ комедію слѣдующими словами: „По

умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ. Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались. Надзираніе безспорно въ рукахъ начальства. Благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію".

Эта комедія и по исполненію и по замыслу гораздо слабѣе „Обманщика", но что и въ ней императрица хотѣла осмѣять Калiостро, его фокусы и ученіе — это очевидно. Еще разъ упоминаетъ она объ авантюристѣ въ письмѣ къ Циммерману, по поводу статьи его въ „Гамбургской газетѣ", гдѣ возставая противъ магнетизеровъ, дававшихъ свои сеансы въ Страсбургѣ, онъ сравниваетъ ихъ фокусы съ продѣлками сибирскихъ шамановъ, осмѣянными Екатериною въ третьей пьесѣ своей: „Шаманъ Сибирскій" (1786 г.) „Ласкаюсь надеждой", говоритъ императрица, что не замедлятъ выписать изъ Страсбурга занимающихся магнетизмомъ и въ тѣ земли, гдѣ показывается столь постоянная склонность къ подобнымъ шарлатанамъ; могу увѣрить напередъ, что они будутъ подешевле и удобнѣе обмануты, нежели Калiостромъ съ товарищи". Еще прежде, въ письмѣ къ тому же лицу о той же пьесѣ, Екатерина замѣчаетъ: „Нелѣпости стойки. Большая часть нѣмецкихъ принцевъ думаетъ, что слѣпо предаваться всѣмъ симъ фиглярствамъ—принадлежитъ къ искусству жить въ свѣтѣ; они уже наскучили здравою философіею... Но сіи новыя заблужденія принудили у насъ дурачиться такихъ людей, которые прежде сего не были дураками" (Соч. Екатерины II-й, изданіе Смирдина, часть III, страница 448).

V.

Мы видѣли, что Калiостро обѣщалъ вернуться изъ Петербурга въ Митаву, что-бы заняться тамъ отысканіемъ знаменитаго клада въ имѣніи одного изъ своихъ почитателей, который онъ оставилъ подъ надзоромъ подвластныхъ ему духовъ. Но очевидно, что возвращеніе въ городъ, гдѣ всѣ продѣлки его могли обнаружиться—было невыгодно для шарлатана, и онъ неожиданно явился въ Варшавѣ, въ началѣ мая 1780 года. (Стало быть въ Петербургѣ онъ провелъ около полугода). О пребываніи его въ этомъ городѣ есть любопытная и вполнѣ добросовѣстная брошюра „Cagliostro démasqué à Varsovie ou relation authentique de ses opérations alchimiques". Она издана безъ имени автора, но принадлежитъ графу Мощинскому и составляетъ отрывокъ изъ его дневника. Сужденіямъ автора придаетъ еще болѣе значенія то обстоятельство, что онъ самъ былъ замѣчательный ученый

и въ особенности—химикъ. И здѣсь, какъ вездѣ, Каліостро нашелъ покровителей въ лицѣ богатыхъ магнатовъ и поселился во дворцѣ одного изъ нихъ съ своею женою, выдавая себя за главу египетскаго масонства. И здѣсь повторилъ онъ свои магическіе опыты въ томъ же видѣ какъ въ Митавѣ, передъ дверью, завѣшанною чернымъ сукномъ, съ помощью восьмилѣтней дѣвочки, которой онъ наливалъ въ руку масло, заставлялъ ее цѣловаться съ ангелами, которые являлись ей, писалъ имя одного изъ присутствующихъ при опытѣ на бумажкѣ, сожигалъ ее и черезъ нѣсколько времени получалъ это-же имя, написанное на другой бумажкѣ съ масонскими знаками, которую ребенокъ просовывалъ ему изъ подъ двери другой комнаты. Но въ Варшавѣ были не такъ легковѣрны, какъ въ Митавѣ. Мощинскій и другой панъ принялись разспрашивать дѣвочку и выпытали отъ ребенка, что всѣ отвѣты его были заранѣе подсказаны ему шарлатаномъ и только заучены дѣвочкою. Каліостро, узнавъ объ этомъ, началъ производить свои опыты уже не съ ребенкомъ, который легко можетъ проболтаться, а съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкою. Дѣло было устроено такъ ловко, что самъ Мощинскій поколебался въ недовѣріи къ фокуснику. Но черезъ нѣсколько дней къ нему явилась эта помощница Каліостро и объявила о томъ, что вмѣстѣ съ нимъ надувала зрителей. Открытіе это она сдѣлала, что-бы отмстить ему за оскорбительное обращеніе съ нею. Мощинскій сообщилъ объ этомъ почитателямъ Каліостро, но они ничему не хотѣли вѣрить.

Кромѣ вызыванія духовъ, Каліостро упражнялся еще въ разъясненіи таинствъ египетской магіи, сочинялъ рецепты для растопленія янтаря, для составленія жемчуга и коралловъ, давалъ даже медицинскіе рецепты, но средства, прописываемыя имъ, или не находились въ аптекахъ или не производили никакого дѣйствія; онъ не переставалъ также варить золото изъ ртути, и графъ Мощинскій описываетъ подробно въ своей брошюрѣ всѣ пріемы алхимика, изъ которыхъ, конечно, ничего не выходило, кромѣ надувательства. При этомъ Каліостро выказалъ совершенное невѣжество и незнаніе основныхъ началъ химіи и, несмотря на это, когда черезъ нѣсколько времени вскрыли замазанный гипсомъ тигель, гдѣ варилась ртуть съ краснымъ порошкомъ, всыпаннымъ туда, въ тиглѣ найденъ былъ серебрянный сплавъ со слѣдами въ немъ золота. Это поразило даже Мощинскаго, не вѣрившаго обманщику, который улучилъ какъ-нибудь благопріятную минуту и подмѣнилъ тигель. Это предположеніе подтвердилось впослѣдствіи. Въ саду дворца, гдѣ жилъ алхимикъ, въ ямѣ нашли осколки тигля съ остатками химическихъ соединеній ртути. Каліостро выкинулъ еще болѣе смѣлую штуку, обѣщая показать своимъ при-

верженцамъ верховнаго владыку египетской магіи, своего учителя, великаго Кофту, живущаго въ Египтѣ уже тысячу лѣтъ. На подмосткахъ, устроенныхъ въ глубинѣ залы, при слабомъ освѣщеніи двухъ свѣчей, показался старикъ съ бѣлой бородой, въ восточномъ тюрбанѣ и длинной бѣлой одеждѣ. Глухимъ, тихимъ голосомъ спросилъ онъ одного изъ присутствовавшихъ при этой сценѣ: кого видитъ онъ предъ собою? и тотъ, разсерженный такою глупою комедіею, отвѣчалъ, что видитъ Каліостро въ маскѣ съ подвязанною бородой. Старикъ въ негодованіи погасилъ свѣчи и скрылся во мракѣ. Мощинскій, описавъ эту сцену шарлатанства, удивляется, какъ могутъ находиться люди, вѣрующіе такимъ нелѣпымъ явленіямъ, но чѣмъ же правдоподобнѣе явленія нашего времени, всѣ эти мадонны въ лурдскихъ гротахъ, ангелы, спускавшіеся къ Маріи Алакокъ и другія порожденія разстроеннаго воображенія?

Въ кругу адептовъ магика одинъ Мощинскій смѣялся надъ нимъ, не разъ упрекалъ его и обнаруживалъ его обманы. Тогда Каліостро прибѣгалъ къ краснорѣчію, произносилъ восторженныя тирады, увѣрялъ, что онъ преслѣдуетъ не земныя цѣли, а стремится къ достиженію высшаго, небеснаго блаженства, что онъ сдѣлаетъ людей счастливыми, несмотря на то, что они осыпаютъ его оскорбленіями; что онъ позволяетъ убить себя, если не исполнитъ своихъ обѣщаній. И ему опять вѣрили, и онъ опять пускался дѣлать свои фокусы, а жена его—принимать подарки и безъ вѣдома мужа продавать дорогою цѣною секретныя лекарства и тайныя снадобья, такъ какъ онъ, заботясь только о благѣ человѣчества, самъ не бралъ денегъ за свои снеціи. Вся его слава однако рушилась вдругъ съ открытіемъ въ саду тигля, о которомъ мы уже говорили, и въ одну ночь Каліостро скрылся изъ Варшавы, пробывъ въ ней менѣе двухъ мѣсяцевъ.

Проживъ нѣсколько времени во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, онъ остановился въ Страсбургѣ, гдѣ прославился въ особенности леченіемъ больныхъ, но въ ежемѣсячномъ журналѣ той эпохи: „Oberrheinische Manigfaltigkeiten“ (1781. т. VIII) говорится положительно, что на одного, вылеченнаго имъ, приходится по крайней мѣрѣ десять, которымъ онъ не только не помогъ, а еще усилилъ болѣзнь ихъ, употребляя при леченіи очень сильныя средства; журналъ называетъ нѣсколько такихъ лицъ и, между прочимъ, секретаря страсбургскаго коменданта, маркиза де-ла-Салль. Въ этомъ же городѣ встрѣтился съ нимъ профессоръ Норбергъ изъ Упсаля и заговорилъ съ нимъ по-арабски, такъ какъ Каліостро увѣрялъ, что, проживъ 20 лѣтъ въ Египтѣ и Аравіи, знаетъ отлично этотъ языкъ. Оказалось однако, что

знаменитый чародѣй не понялъ даже, на какомъ языкѣ говорятъ съ нимъ.

Нѣсколько удачныхъ случаевъ леченія сдѣлали, однако, и здѣсь Каліостро предметомъ всеобщаго удивленія и поклоненія. Вельможи высшаго круга, въ особенности дамы, прославляли его чудеса; маркизъ де-ла-Салль и принцъ Роганъ писали о немъ министрамъ. Только одна періодическая печать возставала противъ почти повальнаго ослѣпленія. Вотъ какъ описывалъ фокусника одинъ путешественникъ, дневникъ котораго появился въ журналѣ: „Berliner Monatschrifft" (1784 г., декабрьская книжка): „Сегодня представляли меня знаменитому графу Каліостро. Такого оригинальнаго, дерзкаго, обо всемъ отзывающагося съ презрѣніемъ, высоко поднимающаго носъ шарлатана en gros мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчать. Это маленькій, толстый, широкоплечій, коренастый парень, съ широкою, здоровою грудью, толстымъ затылкомъ, круглою головою, съ черными волосами, низкимъ лбомъ, быстрыми, круглыми, блестящими глазами, безпокойнымъ взглядомъ, широкимъ, слегка загнутымъ, носомъ, мясистыми, круглыми, всегда раскрытыми губами, краснымъ, жирнымъ, выдающимся подбородкомъ, крѣпкими челюстями, маленькими, тонкими ушами, маленькими, пухлыми руками, красивыми, маленькими ногами, полнокровный, съ темно-красноватымъ цвѣтомъ лица, сильнымъ, звучнымъ голосомъ... При взглядѣ на него дѣлается понятнымъ, отчего этотъ наглый хвастунъ такъ смѣло эксплуатируетъ людскую глупость и слабость". Этотъ портретъ магика—хотя и не польщенъ, но очень схожъ съ оригиналомъ.

Несмотря на покровительство такихъ лицъ, какъ принцъ Роганъ, у котораго шарлатанъ выманилъ значительную сумму денегъ, какъ хранитель печати маркизъ Мироменилъ, первый министръ графъ Верженъ, военный маркизъ Сегюръ, Каліостро долженъ былъ скоро оставить Страсбургъ и отправиться въ Неаполь; но и тамъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ попыткахъ—основать масонскую ложу и вернулся во Францію, избравъ мѣстомъ своего пребыванія Бордо, гдѣ прожилъ одинадцать мѣсяцевъ, сойдясь съ однимъ аптекаремъ, которому поручилъ продавать свои секретныя лекарства. Аптекаря этого собратья его хотѣли исключить изъ своего цеха, если онъ будетъ торговать подобными снадобьями, и союзъ поневолѣ долженъ былъ разстроиться. Большая неудача постигла также магика, вздумавшаго ухаживать за одной дамой, мужъ которой такъ отдѣлалъ за это любезника, что тотъ захворалъ разлитіемъ желчи, и за то, появившись къ своимъ друзьямъ послѣ продолжительной болѣзни, увѣрилъ ихъ, что провелъ все время въ магическомъ снѣ и имѣлъ таинственныя видѣнія. Въ

этой неудачѣ утѣшила его другая дама, вручившая ему 5,000 франковъ съ тѣмъ, что-бы онъ помогъ ей открыть кладъ въ ея имѣніи, о существованіи котораго ему сообщили подвластные духи. Съ этими деньгами Каліостро поспѣшилъ уѣхать въ Ліонъ, гдѣ основалъ масонскую ложу. При арестѣ Бальзамо, въ 1786 г., было найдено у него много патентовъ на званіе членовъ этой ложи съ слѣдующей, вступительной формулой:

„Честь, мудрость, единеніе. Благотворительность, благоденствіе! Мы, великій Кофта во всѣхъ восточныхъ и западныхъ частяхъ земли, основатель и гросмейстеръ великаго египетскаго масонства, даемъ знать всѣмъ" и проч. На рамкѣ этого патента изображены рѣзанные на мѣди эмблемы масонства: трехугольники, семиугольники, лопатки, компасы, ватерпасы, молотки, мертвыя головы, кубы, отвѣсы, наугольники, фениксъ, глобусъ, храмъ и др. предметы и между ними масонскія сентенціи: Odi profanum vulgus et arceo. Petite et accipietis. Querite et invenietis. Pulsate et aperietur vobis. In constanti lobore opes и проч. Между этими девизами замѣчательнѣе всего были крестъ съ буквами L. P. D. вокругъ него. Каліостро не хотѣлъ сказать на допросѣ, что означаютъ эти буквы. Теперь извѣстно, что это начальныя слова фразы: „Lilium pedibus destrue" (Попирай лиліи ногами).

VI.

Въ 1784 году Каліостро явился въ Парижѣ. Городъ бредилъ тогда мистицизмомъ и животнымъ магнетизмомъ. Месмеръ привлекалъ высшій кругъ на свои магнетическіе сеансы. Немудрено, что семьдесятъ двѣ масонскія ложи, существовавшія въ то время въ Парижѣ, стремились видѣть основателя египетскаго масонства, войти съ нимъ въ сношенія. Каліостро имѣлъ тамъ особенный успѣхъ, болѣе всего у женщинъ. Принцъ кардиналъ Роганъ называлъ его богомъ. Графиня Ламоттъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ", что послѣ одной сцены съ дѣвочкой, къ которой, за дверью, завѣшенной чернымъ сукномъ, являлся ангелъ и, поцѣловавшись съ ней, возвѣстилъ ей, что беременность королевы окончится благополучно (все однѣ и тѣ же продѣлки, какъ и въ Митавѣ) кардиналъ бросился къ ногамъ магика и съ восторгомъ цѣловалъ его руки. Здѣсь Бальзамо поступалъ уже совершенно беззастѣнчиво. Такъ, разгласивъ сначала, что ему уже 300 лѣтъ (въ Страсбургѣ онъ давалъ себѣ только 150), онъ, потомъ, забывши это, серьезно утверждалъ въ одномъ обществѣ, что присутствовалъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской и былъ свидѣтелемъ чуда превращенія воды въ вино. Даже двадцатилѣтняя—по виду—супруга

его увѣряла, что у нея сынъ сорока лѣтъ—капитаномъ на голландскомъ торговомъ кораблѣ и ей самой 70 лѣтъ. Записки того времени утверждаютъ, что онъ вызвалъ однажды на ужинѣ съ нимъ и кардиналомъ Роганъ, тѣни Даламбера, Вольтера, Дидеро, Шуазеля, Вуазенона и Монтескье. Ослѣпленный фокусникомъ кардиналъ могъ видѣть еще и не то за своимъ столомъ, но страннѣе всего то, что французская пресса повторяла эти нелѣпости. Каліостро, впрочемъ, умѣлъ расположить въ свою пользу и парижскихъ журналистовъ. Онъ основалъ тамъ также женскую масонскую ложу, въ которую принимались, съ весьма нескромными обрядами, дамы высшаго общества. Онъ продолжалъ также лечить прибѣгавшихъ къ нему довѣрчивыхъ людей, хоть это и не всегда удавалось ему. Такъ газеты называютъ двухъ дамъ Крамайель и Романье, умершихъ отъ лекарствъ, данныхъ имъ магикомъ. Несмотря на это онъ пользовался большимъ почетомъ, жилъ роскошно въ улицѣ Сен-Клодъ, держалъ ливрейныхъ слугъ, обшитыхъ галунами, давалъ блистательные балы и обѣды.

И все это рушилось вдругъ неожиданно. Утромъ, 22-го августа 1785 года, Парижъ узналъ съ изумленіемъ, что великій врачъ и магикъ, гросмейстеръ и чудотворецъ посаженъ въ Бастилію. Въ 8-мъ часовъ утра къ нему нагрянула полиція: его ликеры, бальзамы, элексиры были захвачены, бумаги опечатаны и самого его повели пѣшкомъ въ тюрьму, только на половинѣ дороги позволивъ сѣсть въ фіакръ. Шесть мѣсяцевъ просидѣлъ взаперти бѣдный Каліостро, не видя никого, не призываемый къ допросу. Тогдашнее правосудіе не торопилось производить слѣдствія и не церемонилось съ заключенными въ Бастилію. Жена Каліостро была также заключена въ темницу. Магикъ былъ замѣшанъ въ знаменитое дѣло объ ожерельи королевы, этомъ „величайшемъ обманѣ XVIII-го столѣтія", какъ его называетъ Карлейль. Здѣсь не мѣсто входить въ изложеніе этого любопытнаго процеса, возникшаго вслѣдствіе жалобы ювелировъ Бёмера и Боссанжа на кардинала Роганъ, купившаго у нихъ для поднесенія королевѣ, черезъ графиню Ламоттъ, брилліантовое ожерелье, цѣною въ милліонъ шесть сотъ тысячъ франковъ, котораго она однако не получила и за которое не заплатили денегъ. Участіе Каліостро въ этомъ мошенническомъ дѣлѣ вѣроятно, но не доказано. Графиня Ламоттъ обвиняла его въ томъ, что онъ получилъ это ожерелье отъ кардинала де-Роганъ для того, что-бы, посредствомъ магическаго процесса, увеличить брилліанты, и утаилъ его. Но Ламоттъ, заклейменная по приговору суда, какъ воровка, лгала слишкомъ много во время процеса. Вѣроятнѣе всего, что камни изъ ожерелья были выломаны самою Ламоттъ и ея супругомъ и проданы въ Англіи. Судъ

не нашелъ достаточныхъ причинъ къ обвиненію Каліостро и 1-го іюня 1786 года онъ былъ выпущенъ изъ Бастиліи. Жену его освободили тремя мѣсяцами раньше.

Выпущенный изъ Бастиліи, Бальзамо обвинилъ арестовавшаго его полицейскаго комисара Шенона въ пропажѣ у него изъ квартиры, во время его заключенія, многихъ цѣнныхъ вещей. Генерал-прокуроръ оставилъ эту жалобу безъ послѣдствій, какъ бездоказательную, хотя авантюристъ продолжалъ настаивать на томъ, что его обокрала полиція. Когда онъ продолжалъ кричать объ этомъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ, французское правительство предложило ему вернуться въ Парижъ и представить суду доказательства своей жалобы. Каліостро не рѣшился на это.

Несмотря на признаніе его по суду невиннымъ, Каліостро получилъ на другой же день освобожденія своего королевское повелѣніе—оставить Парижъ въ 24 часа, а Францію—въ теченіе трехъ недѣль и никогда въ нее не возвращаться.

VII.

Въ Лондонѣ, куда переселился Каліостро, онъ нашелъ также почву, подготовленную для его фокусовъ. У англичанъ былъ въ большой модѣ спиритизмъ. Ученіе Сведенборга было принято тамъ съ большимъ энтузіазмомъ и составилось даже общество для распространенія его ученія, перевода его сочиненій на всѣ языки и возможно дешевой продажи этихъ книгъ. Прежде всего магикъ занялся однако-же тѣмъ, что написалъ посланіе къ французскому народу, въ которомъ громилъ и упрекалъ французское правительство. Брошюра эта составляетъ большую библіографическую рѣдкость и объ ней упоминаетъ патеръ Марчель въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи. Марчель увѣряетъ, что въ брошюрѣ этой Каліостро предсказалъ, что Бастилія будетъ разрушена и на мѣстѣ ея учредится публичное гулянье; далѣе онъ предсказывалъ, что на престолъ взойдетъ принцъ, который уничтожитъ lettres de cachet, созоветъ генеральные штаты и возстановитъ истинную религію. Такихъ предсказаній, наполовину сбывшихся, можно много встрѣтить въ сочиненіяхъ того времени.

Въ то время, когда Каліостро нашелъ въ Лондонѣ добродушныхъ покровителей, въ родѣ лорда Гордона, вѣрившихъ чудесамъ магика, встрѣтилъ онъ также опаснаго врага, зорко слѣдившаго за всѣми его продѣлками. Это былъ журналистъ Морандъ, издатель французскаго листка: „Courrier de l'Europe", игравшій немаловажную роль и въ

исторіи кавалера д'Эона, о чемъ мы упоминали въ статьѣ нашей о жизни кавалера (см. „Русскую Старину" 1874 г. книга 8-я). Морандъ узналъ, что Каліостро былъ уже прежде въ Лондонѣ, подъ именемъ Бальзамо, и явился къ нему для переговоровъ; тотъ принялъ его грубо и дерзко обошелся съ нимъ. Тогда журналистъ прямо назвалъ его, въ своемъ листкѣ, шарлатаномъ и обманщикомъ. Въ особенности смѣялся онъ надъ хвастовствомъ Каліостро, обѣщавшимъ освѣтить Лондонъ морскою водою, которую онъ превратитъ въ масло, и надъ разсказомъ его, что свинью можно до того пріучить ѣсть мышьякъ, что все тѣло ея пропитается этимъ ядомъ. Каліостро прибавилъ, что однажды онъ дѣлалъ этотъ опытъ въ Мединѣ и когда, зарѣзавъ эту свинью, оставилъ ее на ночь въ лѣсу, то на утро нашли около нея множество мертвыхъ львовъ, тигровъ и леопардовъ, поѣвшихъ ея мяса. Что-бы подтвердить свой разсказъ, Каліостро приглашалъ Моранда письмомъ, въ журналѣ „Advertiser" на обѣдъ, за которымъ подадутъ имъ такую свинью, которую за часъ до обѣда онъ покажетъ живою и здоровою, но поѣвши которую, Морандъ отправится на тотъ свѣтъ, а Каліостро будетъ невредимъ. Журналистъ отвѣчалъ, что вмѣсто его, онъ можетъ пригласить на обѣдъ любое плотоядное животное. Въ листкѣ своемъ онъ разсказалъ много случаевъ изъ прежней жизни авантюриста, но тотъ смѣло отрицалъ все и утверждалъ, что никогда не былъ въ Лондонѣ и не назывался Бальзамо. Открытія Моранда дѣлались однако-же до того опасными, что Каліостро предпочелъ поскорѣе удалиться въ Швейцарію и такъ торопился отъѣздомъ, что уѣхалъ одинъ, безъ жены, которая соединилась съ нимъ въ Швейцаріи уже впослѣдствіи.

Магикъ остановился въ Базелѣ, гдѣ основалъ масонскую ложу, и работалъ съ Лафатеромъ надъ возстановленіемъ „Новаго Іерусалима",—мистической системы такъ называемаго физическаго и моральнаго вторичнаго рожденія человѣка; въ системѣ этой сомнамбулизмъ и магнетическіе пассы вели къ спиритизму. Лафатеръ въ своихъ сочиненіяхъ отзывается вообще о Каліостро, какъ о великомъ человѣкѣ.

Въ слѣдующемъ году Каліостро былъ въ Эксѣ (въ Савойи), въ Туринѣ, изъ котораго, тотчасъ по прибытіи туда, получилъ приказаніе выѣхать, въ Генуѣ и Веронѣ. Въ Вѣнѣ его постигла та же участь какъ и въ Туринѣ. Вообще эти года (1786 и 1787) были самыми тяжелыми въ жизни авантюриста. Противъ него поднялось много голосовъ, стало являться множество обличеній. Къ этимъ годамъ относятся пьесы Екатерины II, книга госпожи фон-дер-Реке, о которыхъ мы уже говорили и которыя произвели сильное впечатлѣніе на публику.

Въ обширномъ и прекрасномъ собраніи автографовъ Н. К. Богушевскаго находится, между прочимъ, любопытное письмо Циммермана къ Элизѣ Реке (отъ 5-го сентября 1787 года), свидѣтельствующее о томъ впечатлѣніи, какое произвела ея книга. Приводимъ главныя мѣста этого письма: „Ваше почтеннѣйшее и пріятное письмо", говоритъ кореспондентъ императрицы, „отъ 11-го іюня, я получилъ въ Пирмонтѣ... Вы напрасно благодарите меня за то, что я писалъ къ русской императрицѣ, 12-го прошедшаго іюня, о васъ и о замѣчательномъ героическомъ сочиненіи вашемъ о Каліостро. Императрица часто изволитъ бесѣдовать со мною о предметахъ въ этомъ родѣ. Я зналъ напередъ, что такое сочиненіе, написанное такимъ перомъ, непремѣнно заслужитъ вниманіе. Императрица отвѣчала мнѣ изъ Москвы 1-го іюля, но какъ письмо ея содержало въ себѣ много подробностей о большомъ путешествіи этой государыни и разныя другія сообщенія, къ тому-же статья о Каліостро, вѣроятно, не была еще получена, то объ этомъ предметѣ и не сказано въ отвѣтъ ничего. Въ сущности лучше будетъ, въ чемъ и вы, по проницательности своей, убѣдитесь, если ваше сочиненіе о Каліостро попадетъ въ руки императрицы изъ чьихъ-либо третьихъ рукъ. Съ этою почтою я снова повторяю о томъ нашему другу Николаи... Сожалѣю, что вы снова заговариваете о слабости вашего здоровья. Едва-ли вы ее чувствовали, когда писали о Каліостро, обнаруживъ передъ свѣтомъ, съ какою силою и энергіею вы выбились изъ положенія, которое весьма было понятно и простительно при слабости нервъ и тогдашней обстановкѣ".

Въ 1788 году Каліостро былъ въ Тиролѣ. Объ этомъ пребываніи говоритъ вышедшая въ томъ-же году брошюра Ваннетти: „Liber memorialis de Caleostro dum esset Roborati"; кромѣ того, въ изданіи „Journal von und für Deutschland" (7—12 стр.) помѣщена вѣрная оцѣнка фокусовъ магика въ Ровередо, откуда его также вскорѣ выслали по приказанію правительства. Нѣмецкій путешественникъ описываетъ бесѣды Каліостро въ кругу своихъ поклонниковъ, удивляясь безстыдному хвастовству шарлатана и глупой довѣрчивости его слушателей. При немъ авантюристъ разсказывалъ, какъ онъ низвергнулъ министерство во Франціи и передалъ власть своему другу Неккеру, какъ онъ открылъ королю глаза, научилъ парламентъ исполнять свои обязанности; какъ однажды, въ большомъ собраніи, человѣкъ, осмѣлившійся упрекать его въ обманахъ, среди всѣхъ присутствующихъ, на половинѣ своей рѣчи, упалъ и умеръ; какъ, наконецъ, бывши въ Бернѣ, онъ предлагалъ правительственному совѣту, посредствомъ уксуса и селитры, растопить швейцарскіе ледники, что-бы добыть

скрытые въ горахъ золото и серебро. И слушатели благоговѣйно внимали этой галиматьѣ и удивлялись неразумію бернскаго совѣта, не согласившагося на такое выгодное предложеніе магика. Только одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что совѣтъ имѣлъ основаніе не принять предложенія, такъ какъ растопившіеся ледники произвели-бы наводненіе въ Швейцаріи. На это логическое замѣчаніе Каліостро не нашелся ничего отвѣтить, кромѣ нѣсколько разъ повтореннаго: „ah non! non!“ и продолжалъ разсказывать о своихъ благодѣяніяхъ, удивительныхъ леченіяхъ, о томъ, какъ герцоги и принцы встрѣчали его съ уваженіемъ, по освобожденіи изъ Бастиліи, какъ всѣ знатные и даже владыки искали его благосклонности, какъ онъ отказался поцѣловать руку даже у русской императрицы, потому что не цѣлуетъ рукъ у женщинъ. Недолго пришлось ему, впрочемъ, разсказывать подобныя нелѣпости. Получивъ запрещеніе лечить больныхъ, онъ уѣхалъ въ Тріентъ, но и тамъ остался недолго, говоря, что „маленькіе городки не созданы для великихъ людей“. На самомъ дѣлѣ Іосифъ II далъ строгое предписаніе—выслать шарлатана изъ австрійскихъ владѣній. Плохо приходилось ему: давно уже не велъ онъ роскошную жизнь, и если поношенный костюмъ его блестѣлъ сомнительными бриліантами, болѣе походившими на стразы, то драгоцѣнные перстни на пальцахъ были еще сомнительнѣе. Онъ пробовалъ съѣздить въ Венецію, но и тамъ не имѣлъ удачи. Всѣ большіе города были ему закрыты, помощи было ждать не откуда. Онъ вздумалъ посѣтить Римъ, гдѣ, конечно, никто не могъ узнать въ графѣ Каліостро, бывшаго послушника монастыря Милосердныхъ братьевъ. Но для этого надо было отречься отъ масонства, считавшагося ересью въ Ватиканѣ. Авантюристъ разыгралъ роль кающагося грѣшника: взялъ духовника и сообщилъ ему, что желаетъ примириться съ своею совѣстью и проситъ отпущенія въ грѣхахъ, желая возвратиться въ лоно римской церкви. Патеръ донесъ о раскаявшемся тріентскому епископу и тотъ одобрилъ его намѣреніе ѣхать въ Римъ и далъ ему рекомендаціи къ значительнымъ лицамъ куріи. Это однако-же не послужило ни къ чему и Каліостро бѣдствовалъ въ Римѣ, не находя людей, которые приняли бы въ немъ участіе. Онъ дошелъ до того, что писалъ къ французскому національному собранію, прося у него позволенія вернуться во Францію въ виду услугъ, оказанныхъ имъ этой странѣ и свободѣ. Собраніе даже не обсуждало его просьбы, а перешло къ очереднымъ дѣламъ. Тогда онъ попробовалъ опять обратиться къ масонству: несмотря на угрозу страшнаго наказанія, въ Римѣ существовала также масонская ложа. Каліостро началъ переманивать членовъ ея въ свою египетскую ложу; двое изъ нихъ согласились на

это, но когда онъ потребовалъ съ нихъ вступительный денежный вносъ, они разсѣялись и оставили своего учителя.

Одинъ изъ этихъ масоновъ былъ, кажется, членомъ папской полиціи, и 27-го декабря 1789 года Каліостро былъ арестованъ въ своей квартирѣ и отведенъ въ замокъ св. Ангела. Въ опечатанныхъ бумагахъ его нашли обширную переписку и множество масонскихъ рукописей. Римская инквизиція опредѣляла смертную казнь за принадлежность къ масонству; вина Каліостро была очевидна, но этого было довольно для осужденія его Римомъ, а не остальнымъ свѣтомъ. Поэтому римскіе судьи нашли его виновнымъ въ оскорбленіи религіи своимъ мистическимъ ученіемъ, основаннымъ на чувственномъ скептицизмѣ и чрезмѣрномъ піэтизмѣ. Его обвинили также въ попыткѣ ниспровергнуть основы истинной религіи, но въ этомъ онъ не былъ нисколько виноватъ, какъ и въ ниспроверженіи монархической власти: политика была совершенно чуждою авантюристу, заботившемуся только о наживѣ. Во время слѣдствія и процесса, длившагося пятнадцать мѣсяцевъ, Каліостро не разъ приносилъ полное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и со слезами на глазахъ благодарилъ своихъ судей за то, что они дали ему возможность познать свои грѣхи и искупить ихъ покаяніемъ. Папскіе судьи не порадовались однако возвращенію блуднаго сына на путь истины, а приговорили его, 21-го марта 1791 года, къ смерти. Папа Пій VI, въ своемъ апостольскомъ милосердіи, измѣнилъ этотъ приговоръ на пожизненное заключеніе въ темницѣ. Рукопись его о египетскомъ масонствѣ опредѣлено было сжечь рукою палача.

Такъ кончился романъ авантюриста. Четыре года еще томился онъ въ папской темницѣ и умеръ въ 1795 году. Жена его, запертая въ монастырѣ св. Аполиніи, умерла прежде него. Слава его умерла еще раньше, сильно потрясенная разоблаченіями его фокусовъ. Но нельзя не повторить, что Каліостро представлялъ все-таки замѣчательное явленіе своего времени. Имъ интересовались и были обмануты многіе изъ передовыхъ людей его эпохи. Если мы вспомнимъ, что даже Гёте написалъ пьесу изъ жизни Бальзамо, подъ названіемъ: „Великій Кофта“ (сюжетомъ ея служитъ то же дѣло объ ожерельи, и характеры гр. Ламоттъ и Каліостро хорошо развиты; онъ написалъ ее въ 1789 г. стихами, а въ 1792 г. передѣлалъ въ прозу и нарочно ѣздилъ въ Палермо собирать матеріалы для жизни своего героя; тамъ встрѣтилъ онъ мать и сестру Бальзамо съ дѣтьми и помогъ имъ), см. его Italienische Reise 1814—1817 г. 2-я часть), намъ станетъ понятнымъ, что и другія замѣчательныя лица, если не вѣрили магику, то любопытствовали ближе узнать его. Нельзя не замѣтить,

что многіе, писавшіе о немъ, считаютъ его агентомъ іезуитовъ, какъ Боровскій, Элива фон-дер-Реке, Мейнерсъ (Reise durch die Schweiz, 2-я часть, 1788). Въ брошюрѣ Мирабо: „Lettre sur M. le comte Cagliostro et Lavater" (1786) приведена пространная полемика по этому предмету. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, такъ какъ іезуиты не выбирали своими агентами людей такой сомнительной честности и такого недалекаго образованія, да и папа Пій VI, несмотря на то, что предшественникъ его, Климентъ XVI, уничтожилъ орденъ іезуитовъ на вѣчныя времена, былъ самъ тайнымъ приверженцемъ и ученикомъ ихъ (что ясно доказалъ Губеръ въ своей „Исторіи Іезуитовъ") и не подвергнулъ бы Каліостро такому тяжелому наказанію.

На русскомъ языкѣ немного писано о Каліостро. Въ 1786 году вышло въ Петербургѣ: „Оправданіе графа де-Каліостро по дѣлу кардинала Рогана о покупкѣ славнаго склаважа во Франціи" и „Возраженіе со стороны графини де-Валуа-ла-Моттъ на оправданіе графа де-Каліостро"—двѣ брошюры по дѣлу объ ожерельи королевы, переведенныя съ французскаго. Въ собраніи иностранныхъ сочиненій, относящихся къ Россіи и изданныхъ нашею публичною библіотекою въ 1873 году, подъ названіемъ „Rossica" есть только одно сочиненіе о Каліостро: „Mémoires pour servir à l'histoire du comte Cagliostro.

Mundus vult decipi—ergo decipiatur, говоритъ латинская поговорка—и Каліостро слѣдовалъ ей вполнѣ. Мы видѣли, что онъ довольно скромно началъ свое поприще и, вѣроятно, остался бы такимъ же гулякой и мелкимъ мошенникомъ, какимъ былъ въ молодости, если-бы, при первыхъ попыткахъ—выдать себя за волшебника и чудотворца—не встрѣтилъ въ окружающей его, неразвитой и легковѣрной массѣ полнаго довѣрія къ своимъ словамъ. Онъ воспользовался только глупостью своего времени и былъ въ этомъ отношеніи продуктомъ, выраженіемъ своего вѣка, представителемъ среды, въ которой такъ легко быть обманщикомъ, потому что окружающія его лица жаждутъ быть обманутыми. Безъ всякаго образованія, безъ знанія основныхъ началъ какой-либо науки, онъ болѣе 20-ти лѣтъ эксплуатировалъ сильно вѣрившую ему массу, не видѣвшую, по недостатку научнаго образованія, разницы между чудесами науки (для незнакомаго съ наукою всякое явленіе ея составляетъ чудо) и чудесами сверхъестественными, нарушающими законы науки и природы. Для невѣжественныхъ и суевѣрныхъ людей разницы между возможнымъ и невозможнымъ не существуетъ и Гёте въ своемъ „Великомъ Кофтѣ" справедливо замѣчаетъ, что отъ излишней фанатической вѣры люди легко переходятъ къ суевѣрію и тогда

еще сильнѣе вѣрятъ въ разныя нелѣпости, потому что потребность вѣрованія въ нихъ не удовлетворяется разумнымъ сознаніемъ дѣйствительности. Понятно, что такая вѣра, не знающая границъ, порождаетъ и людей въ родѣ Каліостро, употребляющихъ въ свою пользу это стремленіе человѣчества къ сверхъестественному. Шиллеръ въ своемъ „Духовидцѣ" доказалъ, что отъ мистицизма легко перейти къ мистификаціи. Въ малообразованномъ, слабохарактерномъ человѣкѣ всегда остается тайная боязнь неизвѣстнаго, которую могутъ эксплуатировать всякаго рода жрецы, становящіеся посредниками между человѣчествомъ и неизвѣданнымъ міромъ, недоступнымъ изслѣдованіямъ науки. Недовольный своимъ кратковременнымъ существованіемъ, часто соединеннымъ съ тяжелыми условіями и страданіями, человѣкъ стремится продолжить его за предѣлы возможнаго, создаетъ себѣ фантастическія понятія о жизни въ другихъ мірахъ, о существахъ въ другой формѣ, населяющихъ эти міры и имѣющихъ сношенія съ нашимъ міромъ, но не прямыя, а черезъ особыхъ посредниковъ, избранниковъ, въ пользу которыхъ могутъ нарушаться даже неизмѣнные законы природы. Стоитъ допустить только возможность этихъ сношеній и тогда являются Каліостро, Сведенборги, Месмеры, Сен-Мартены, мистики, некроманты, заклинатели и вызыватели духовъ, чудотворцы, спириты, жизненные элексиры, амулеты, философскіе камни, весь туманный міръ ясновидѣній, предсказаній, предзнаменованій — исчезающій только при свѣтѣ науки, какъ исчезаютъ при солнечномъ лучѣ всѣ ночные, неясные призраки, зарождающіеся не въ дѣйствительности, а въ нашемъ воображеніи.

В. Зотовъ.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

(Изъ воспоминаній о Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ).

1822—1826.

Въ ряду разныхъ бѣдствій и невзгодъ, перенесенныхъ русскимъ народомъ втеченіе тысячелѣтняго его существованія, не послѣднее, конечно, мѣсто занимаютъ военныя поселенія, оставившія по себѣ неизгладимые слѣды не только въ памяти значительной части населенія Россіи, но и въ его экономическомъ быту.

Какъ возникла злосчастная мысль объ учрежденіи у насъ военныхъ поселеній и какъ примѣнялось на практикѣ ея осуществленіе, — я не буду говорить, такъ какъ объ этомъ много уже было писано. Кромѣ весьма обстоятельно составленной книги «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія»,[1]) въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщено было нѣсколько статей и разсказовъ изъ исторіи и быта военныхъ поселеній, преимущественно Новгородскихъ.[2]) Полной исторіи этихъ учрежденій у насъ еще нѣтъ, да таковая, разумѣется, еще и невозможна нынѣ, когда многое, что̀ было бы въ состояніи пролить яркій свѣтъ на эпоху царствованія Благословеннаго, лежитъ пока

[1]) Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 годовъ. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи. Изданіе редакціи «Русской Старины». Спб., 1871 г., въ 8-ю долю, 308 стр.

[2]) Между прочимъ, редакціей «Русской Старины» была издана книга «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ». Спб., 1870 г., въ 8-ю д., 282 стр.

Графъ Алексѣй Андреевичъ

АРАКЧЕЕВЪ.

1769—1834.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 ноября 1874 г

Экспедиція загот. госуд. бумагъ

еще подъ спудомъ и, Богъ-вѣсть, когда выглянетъ на бѣлый свѣтъ. Между тѣмъ, учрежденіе и существованіе военныхъ поселеній представляютъ собою весьма крупное явленіе Александровской эпохи. Въ тѣхъ пріемахъ, съ какими осуществлялось у насъ чуждое духу русскаго народа учрежденіе, видѣнъ характеръ тогдашняго времени; поэтому, я полагаю, что всякій фактъ изъ исторіи этой эпохи, — какъ бы ни казался онъ, съ перваго взгляда, незначителенъ, — на самомъ дѣлѣ никогда не будетъ лишнимъ, и — кто знаетъ? — быть можетъ пособитъ будущему историку представить правдивую картину нашего прошлаго.

Эти соображенія, а также и настоянія нѣкоторыхъ моихъ друзей побудили меня, стараго инвалида-поселенца, взяться за перо, припомнить давно минувшее и передать на бумагѣ тѣ, уцѣлѣвшіе въ моихъ воспоминаніяхъ, случаи изъ быта военныхъ поселеній, которые могутъ, отчасти, служить къ характеристикѣ того времени.

I.

20-го января 1822 года, я, — тогда еще 16-ти-лѣтній мальчикъ, — отправленъ былъ моимъ отцомъ на службу въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ, поселенный въ Новгородской губерніи, по р. Волхову. Въ этомъ полку уже служилъ, въ чинѣ поручика, мой старшій братъ, и потому неудивительно, что отецъ, зная о всей строгости службы на глазахъ самого Аракчеева, что называется на-юру, рѣшился отдать меня туда: моя молодость и совершенная неопытность требовали, въ особенности на первое время, бдительнаго надзора и руководства со стороны человѣка болѣе или менѣе солиднаго и хотя нѣсколько поиспытаннаго уже жизнью.

По поступленіи въ полкъ, несмотря на новость положенія и на кажущуюся свободу, какою пользовались тогда подпрапорщики и унтеръ-офицеры изъ вольноопредѣляющихся, я сильно тосковалъ первое время и очень смущался нѣкоторыми, дикими для меня, сторонами военной жизни; мнѣ такъ и казалось, что будто-бы я попалъ въ какое-то механическое заведеніе, гдѣ каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово были заранѣе опредѣлены, размѣрены и отсчитаны.

На другой же день, по пріѣздѣ моемъ въ полковой штабъ, братъ мой представилъ меня полковому командиру, полковнику фонъ-Фрикену, пользовавшемуся особенною благосклонностью Аракчеева и милостью Александра I.

На нѣмецкомъ языкѣ фонъ-Фрикенъ выразилъ свое удовольствіе принять меня къ себѣ въ полкъ и обѣщалъ содѣйствовать моему опредѣленію на службу. Дѣйствительно, когда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1822 года, Аракчеевъ пріѣхалъ въ полкъ, я былъ представленъ ему.

Фигура графа, котораго я увидѣлъ тогда впервые, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими, страшно холодными и мутными, глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ, носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видывалъ улыбки или усмѣшки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще болѣе непріятное выраженіе. Прибавьте ко всему этому еще сѣрую, изъ солдатскаго сукна, куртку, надѣтую сверхъ артиллерійскаго сюртука,[1]) и вы составите себѣ понятіе о внѣшности этого человѣка, наводившаго страхъ не только на военныя поселенія, но и на все служившее тогда въ Россіи.

— Кто твой отецъ?—спросилъ меня графъ своимъ гнусливымъ голосомъ, такъ часто заставлявшимъ дрожать даже людей далеко нетрусливыхъ.

Надо замѣтить, что Аракчеевъ произносилъ сильно въ носъ, при чемъ еще имѣлъ привычку не договаривать окончанія словъ, точно проглатывалъ его.

Трепеща всѣмъ тѣломъ, я отвѣтилъ на вопросъ.

— Я принимаю тебя,—сказалъ Аракчеевъ,—но смотри, служить хорошо. Шелопаевъ я терпѣть не могу!

Я былъ зачисленъ подпрапорщикомъ въ 4-ю фузелерную роту

[1]) Обыкновенно Аракчеевъ носилъ артиллерійскую форму; но при осмотрѣ работъ на военныхъ поселеніяхъ, онъ, сверхъ артиллерійскаго сюртука, надѣвалъ куртку изъ сѣраго солдатскаго сукна и въ такомъ нарядѣ бродилъ по полямъ, осматривалъ постройки и т. п. работы. Въ этой-то курткѣ я увидѣлъ его въ первый разъ. А. Г.

гренадерскаго графа Аракчеева полка, и поступилъ въ полное распоряженіе капральнаго унтеръ-офицера Дмитрія Ефимовича Фролова, бывшаго первымъ моимъ наставникомъ въ военной премудрости.

Фроловъ, переведенный въ 1807 году, въ числѣ 800 человѣкъ, изъ Архаровскаго полка въ Аракчеевскій, представлялъ собою совершеннѣйшій типъ капрала стараго времени. Геркулесъ сложеніемъ, 12-ти вершковъ роста, стройный и красивый, онъ былъ страшный службистъ, строгій къ самому себѣ и недававшій пощады своимъ подчиненнымъ. Къ такому-то человѣку попалъ я въ опеку и онъ, своими безконечными дисциплинарными наставленіями, нерѣдко доводилъ меня до слезъ. Поставитъ, бывало, подъ ружье и начнетъ преподавать истины рекрутской школы, о томъ — какъ долженъ стоять солдатъ, пересыпая эти пунктики и до-сихъ поръ непонятными для меня фразами:

— Никакого художества въ васъ я не замѣчаю; но только вы всѣми средствіями подавайтесь впередъ и отнюдь на оныя не упирайтесь, да на лѣвый бокъ не наваливайтесь! Стыдно, стыдно плакать! Плачутъ однѣ бабы, а намъ, молодцамъ-гренадерамъ, не приходится!

II.

Въ томъ же 1822 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ (числа не упомню), объявлено было, что императоръ Александръ Павловичъ посѣтитъ Новгородскія военныя поселенія. Для встрѣчи государя приказано было приготовиться той половинѣ полка, по району которой онъ долженъ былъ проѣхать.

На случай проѣзда государя установленъ былъ особый церемоніалъ, который и соблюдался всегда во всѣхъ поселенныхъ полкахъ: поселяне-хозяева, съ своими женами и дѣтьми, становились, каждый, передъ домомъ своего нумера; постояльцы каждаго хозяина помѣщались по лѣвую сторону его семейства; всѣ, какъ хозяева, такъ и постояльцы, были въ мундирахъ, фуражкахъ и въ штиблетахъ; женщины и дѣти также наряжались въ свои лучшіе праздничные костюмы. Ротные командиры находились на правыхъ флангахъ связей, т. е. у домовъ № 1-го, гдѣ и представляли рапорты о состояніи своихъ ротъ; полковой же командиръ встрѣчалъ государя на границѣ своего полка.

При въѣздѣ въ роту, государь останавливался, принималъ рапортъ и потомъ медленно ѣхалъ, отвѣчая привѣтливымъ поклономъ на громогласное «здравія желаемъ» гренадеръ.

Въ этотъ день я въ первый разъ увидѣлъ Благословеннаго. Онъ ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Аракчеевымъ, сидѣвшимъ по правую его руку. Иногда государь приказывалъ остановиться, входилъ въ домъ, осматривалъ житье-бытье поселенцевъ, пробовалъ кушанье, приготовленное въ этотъ день хозяевами (а въ этотъ день хозяева ухо остро̀ держали!).[1]

За пріемъ и угощеніе царя хозяйка дома получала въ подарокъ сарафанъ, очень нарядный, обшитый серебряною бахрамой и усаженный такими же пуговицами. Объ этомъ подаркѣ объявлялось впослѣдствіи въ приказѣ по полку, при чемъ объяснялось, что такая-то, за примѣрный порядокъ въ хозяйствѣ, всемилостивѣйше жалуется штофнымъ сарафаномъ въ 150 руб. (въ то время считали еще на ассигнаціи).

На другой день по пріѣздѣ государя происходилъ смотръ полку графа Аракчеева и армейскимъ кадровымъ баталіонамъ. Эти баталіоны — несчастная жертва тогдашняго времени — приходили, иногда въ числѣ пятидесяти или шестидесяти, въ Новгородскія поселенія еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и были употребляемы въ разныя работы: вырубку лѣсовъ, расчистку полей, проведеніе дорогъ, выдѣлку кирпича и т. п. Обыкновенно, они оставляли свои бараки на поселеніяхъ и уходили на зимнія квартиры въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ уѣздахъ Новгородской и смежныхъ съ нею губерній, въ сентябрѣ мѣсяцѣ; но иногда тѣ, изъ нихъ,

---

[1]) Что-бы выказать передъ государемъ удивительную степень благоденствія солдатъ-поселенцевъ, а въ то же время и себѣ заслужить похвалу и награду, поселенное начальство поднималось на разныя штуки. Читателямъ извѣстны, я думаю, разсказы о жареныхъ поросенкѣ и гусѣ, переносимыхъ, по задворкамъ, изъ дома въ домъ, по мѣрѣ проѣзда государя, такъ что въ какой бы домъ царю ни вздумалось зайти, вездѣ, за обѣденнымъ столомъ хозяевъ, красовался или гусь, или поросенокъ, свидѣтельствуя о довольствѣ, въ какомъ живутъ солдаты-поселяне. Все это дѣйствительные факты, очень хорошо извѣстные во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ и обычные до того, что никто и не думалъ придавать имъ какое-нибудь особенное значеніе: слѣдовало представить свой товаръ, ну и представляли, разумѣется, съ казоваго конца; не показывать же было обыденныхъ заплатъ и лохмотьевъ — ежедневныя пустыя щи и избитыя спины счастливыхъ поселянъ. А. Г.

которые не успѣли выполнить опредѣленныхъ имъ рабочихъ уроковъ, оставлялись на работахъ, въ наказаніе, и на октябрь.

Царскій смотръ сошелъ благополучно; государь остался всѣмъ очень доволенъ и, по обыкновенію, благодаря Аракчеева за представленіе въ отличномъ видѣ подвѣдомственныхъ ему частей, обнялъ его и поцѣловалъ.

По отъѣздѣ государя, все, экстренно подтянутое, начало мало-по-малу приходить въ свое обычное состояніе, и поселенная жизнь потекла будничнымъ порядкомъ; только начальствующія лица все еще продолжали волноваться въ ожиданіи наградъ.

III.

Спустя недѣли двѣ послѣ высочайшаго смотра пріѣхалъ въ полкъ Аракчеевъ. На другой день назначенъ былъ разводъ съ церемоніей. Въ караулъ по полку—очередная рота; составъ развода слѣдующій:

1) Караульная рота; 2) караулъ военно-учительскаго института; 3) два караула отъ армейскихъ кадровыхъ баталіоновъ; 4) караулъ отъ фурштатской роты; 5) караулъ отъ рабочаго баталіона; 6) учителя военно-сиротскихъ отдѣленій;[1]) 7) уланы Чугуевскаго и Херсонскаго поселеній; 8) парольные унтеръ-офицеры отъ всѣхъ баталіоновъ, и 9) унтеръ-офицеры и рядовые (при офицерѣ) отъ жандармскаго взвода и фурштатской роты, верхами, являвшіеся ординарцами и вѣстовыми къ старшему при разводѣ.

Я нарочно привожу этотъ мозаичный составъ развода, что-бы читатель могъ составить себѣ понятіе о разводахъ былого времени.

Все готово. Всѣ подтянуты, выглажены и вылощены; всѣ съ трепетомъ ждутъ грознаго начальника. Тихо такъ, что слышно жужжаніе большихъ синихъ мухъ, ожесточенно нападающихъ на потныя лица и затылки гренадеръ и самого начальства... Старшіе офицеры, собравшіеся на правомъ флангѣ развода, разговариваютъ вполголоса, передавая другъ другу свои предположенія о томъ—кому какую дадутъ награду. Офицеры, находящіеся въ строю, проходятъ иногда по фронту, выравнивая ряды, поправляя на людяхъ аммуницію и кивера... Звуки подзатыльниковъ и зуботычинъ раздаются какъ-то очень глухо—бьютъ осторожно...

---

[1]) Учителя эти носили трехугольныя шляпы. А. Г.

крѣпкое русское словцо, въ обычное время неумолкаемымъ эхомъ перекатывающееся по плацу, теперь слышится иначе, мягко и сдержанно...

— Идетъ! полушопотомъ проносится по разводу, и дѣйствительно, онъ наконецъ появляется.

Встрѣченный барабаннымъ походомъ, графъ, послѣ обычнаго привѣтствія: «здорово гренадеры!» отправляется по фронту. Музыканты изо всѣхъ силъ надуваютъ привѣтственный маршъ, подъ звуки котораго его сіятельство обходитъ представляющіяся на разводѣ части, дѣлая по пути свои замѣчанія. Вотъ онъ останавливается передъ учителями въ трехуголкахъ и по плацу раздается его гнусливый голосъ:

— Вы, дураки! Не знаете какъ надо встрѣчать начальника! Вы должны были поднять лѣвую руку къ шляпѣ!

Затѣмъ, обращаясь къ полковнику фонъ-Фрикену, графъ прибавляетъ:

— Обтесать этихъ болвановъ!

— Слушаю-съ, ваше сіятельство! — было отвѣтомъ исполнительнаго командира.

Подаривъ многихъ лицъ разными наименованіями, какъ-то: дуракъ, болванъ, нечесанный чурбанъ, Аракчеевъ подозвалъ къ себѣ полковаго адъютанта и отдалъ ему какое-то приказаніе; тотъ, взявъ съ собою двухъ офицеровъ и двухъ унтеръ-офицеровъ, отправился съ ними въ домъ шефа полка (Аракчеева), откуда вскорѣ и вынесли огромный, серебряный подносъ, покрытый красивою салфеткой, и понесли его по фронту. Во все время, пока продолжалось шествіе съ подносомъ, разводъ держалъ на караулъ, а музыканты играли торжественный маршъ. Когда, наконецъ, подносъ былъ вынесенъ на середину, шаговъ на двадцать отъ фронта, подошелъ Аракчеевъ и, открывъ салфетку, взялъ бумагу и прочелъ, довольно громко, приблизительно слѣдующее:

— «Государь императоръ, осмотрѣвъ такого-то числа ввѣренныя мнѣ войска, изволилъ найти ихъ въ отличномъ состояніи, какъ по фронтовой, такъ, равно, и по хозяйственной части; почему, за ревностное и неусыпное стараніе нижепоименованныхъ начальствующихъ лицъ, представленныхъ отъ меня къ наградамъ, всемилостивѣйше жалуетъ:

— Генералъ-маіоръ NN! — вызываетъ Аракчеевъ по списку.

Генералъ подходитъ и узнаетъ, что государь, за усердную службу, жалуетъ его орденомъ св. Анны 1-й степени. Аракчеевъ беретъ съ подноса орденъ и надѣваетъ его на новаго кавалера, за что тотъ цѣлуетъ — сначала портретъ императора на груди у Аракчеева, а потомъ и самого Аракчеева, въ плечо, и отходитъ въ сторону; за нимъ подходятъ другіе, удостоенные награды. Когда очередь доходитъ до фонъ-Фрикена, голосъ Аракчеева возвышается и онъ громко провозглашаетъ:

— Имени моего полка командиръ, полковникъ фонъ-Фрикенъ!

Тотъ подходитъ, по привычкѣ съ сжатыми кулаками, точно собираясь оттузить своего благодѣтеля. Графъ упоминаетъ о всей боевой (кулачной) службѣ своего фаворита и вручаетъ ему пожалованную золотую, осыпанную бриллiантами, табатерку.

Надо замѣтить, что награды получали только генералы и штабъ-офицеры, командовавшіе отдѣльными частями; прочіе же смертные не были избалованы въ этомъ отношеніи, и Аракчеевъ обыкновенно говорилъ, что ихъ, т. е. младшихъ штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ, надо держать въ черномъ тѣлѣ, что только строгимъ съ ними обращеніемъ и можно заставить ихъ служить какъ слѣдуетъ.

По окончаніи церемоніи раздачи наградъ, графъ обращается къ остальнымъ предстоящимъ и объявляетъ:

— «Государь императоръ поручилъ мнѣ изъявить вамъ высочайшее его благоволеніе за вашу усердную службу (благоволеніе это потомъ и отпечатывалось въ приказѣ по военному поселенію).

Обращаясь затѣмъ къ разводу, Аракчеевъ провозглашаетъ:

— Государь благодаритъ гренадеръ за службу и проситъ передать такую же высочайшую благодарность всѣмъ ихъ товарищамъ.

Въ заключеніе графъ поздравлялъ получившихъ награды съ монаршею милостію и тѣмъ, обыкновенно, оканчивалась вся церемонія развода.

IV.

Начальство тогдашняго времени, въ обращеніи съ подчиненными вообще, не отличалось особенною деликатностью. Конечно, въ гвардіи, гдѣ служила преимущественно аристократическая

молодежь, богатая средствами и связями, соблюдались правила вѣжливости и общежитія; въ полкахъ армейской кавалеріи отношенія начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ офицерамъ были также болѣе или менѣе приличны, да иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ офицеры, служившіе въ гусарахъ, уланахъ и кирасирахъ, принадлежали, по бо̀льшей части, къ средѣ состоятельныхъ, а нерѣдко и очень богатыхъ помѣщиковъ, и если шли на службу, то скорѣе изъ чести, какъ говорили тогда, а никакъ ужъ не ради тѣхъ скудныхъ средствъ, какія давала эта служба въ то время. Совсѣмъ иное дѣло было въ армейской пѣхотѣ. Здѣсь большинство офицеровъ существовало службою, т. е. тѣмъ, что отпускалось отъ казны: жалованьемъ, квартирою и прислугою въ натурѣ. Собственныя средства были очень не у многихъ, да и то небольшія; поэтому, волей-неволей, приходилось держаться службы, и держаться тѣмъ крѣпче, что, по своему воспитанію, наше благородное военное сословіе вовсе не было подготовлено къ какой-либо иной дѣятельности и не могло, слѣдовательно, улучшить своего положенія переходомъ на другой родъ службы. Начальство наше очень хорошо, разумѣется, понимало все это и потому въ обращеніи съ подчиненными не слишкомъ-то стѣснялось. Аракчеевъ, напримѣръ, обращавшійся почти со всѣми одинаково грубо, почти всѣмъ говорилъ ты; эпитеты: «дуракъ», «болванъ», «оселъ» и т. п. такъ и сыпались, бывало, изъ сіятельныхъ его устъ, когда онъ осматривалъ какой-нибудь полкъ или команду. Всѣ наши поселенные генералы, а также командиры полковъ и баталіоновъ, слѣдуя примѣру своего главнаго начальника, были крайне грубы и дерзки, и въ отношеніи къ младшимъ офицерамъ нерѣдко позволяли себѣ такія неприличныя выраженія, что повторять ихъ не позволяетъ одно уже чувство благопристойности.

Рѣдкіе, одиночные случаи протеста постоянно оскорбляемыхъ офицеровъ ни къ чему, разумѣется, не вели и дорого стоили самимъ протестующимъ; такъ называемыя жалобы скопомъ имѣли тотъ же результатъ.

Въ 1822 году, въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ были выпущены изъ 1-го кадетскаго корпуса четыре офицера: Соллогубъ, Власовъ, Асосковъ и Дудитскій-Лишинъ. Всѣ четверо,—могу смѣло сказать,—были образцовые офицеры: чест-

ные и очень серьезно относившіеся къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Въ томъ же году, на репетиціи царскаго смотра, полковой командиръ, вызвавъ прапорщика Соллогуба на середину полка, приказалъ ему учиться маршировать.

— Г. Полковникъ,—отвѣтилъ Соллогубъ,—въ уставѣ сказано, что если полковой или баталіонный командиръ найдетъ нужнымъ учить офицеровъ, то долженъ пригласить ихъ на свою квартиру или въ другое приличное мѣсто, а не дѣлать этого на плацу, передъ цѣлымъ полкомъ. Поэтому, г. полковникъ, я не могу исполнить вашего приказанія.

— Адъютантъ!—неистово возопилъ фонъ-Фрикенъ.—Возьмите у него шпагу и отведите его на гауптвахту!

Юношу предали суду, по приговору котораго онъ былъ разжалованъ въ рядовые въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, и черезъ шесть лѣтъ, въ турецкую кампанію 1828 года, былъ убитъ.

Спустя нѣкоторое время, на баталіонномъ ученіи, баталіонный командиръ, подполковникъ Воронцовъ, своими неимовѣрно дерзкими выраженіями, вывелъ изъ верблюжьяго терпѣнія поручика Клейника, который наконецъ отказался отвѣчать на какой-то крайне грубый вопросъ своего начальника. Разумѣется, Клейникъ немедленно былъ отправленъ на гауптвахту, а на третій день увезенъ фельдъегеремъ Богъ-вѣсть куда; въ приказѣ же по полку было объявлено, что поручикъ Клейникъ исключается изъ списковъ полка.

Мы думали уже, что бѣднаго Клейника постигла такая же участь, какъ и Соллогуба; но, къ счастью, ему удалось отдѣлаться сравнительно дешево. Черезъ годъ послѣ его исчезновенія, одинъ изъ офицеровъ Аракчеевскаго полка встрѣтилъ Клейника въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, уже въ статскомъ платьѣ, и на вопросъ, гдѣ путешествовалъ? тотъ разсказалъ, что высидѣлъ годъ въ казематѣ, въ Шлиссельбургской крѣпости, и теперь, молъ, «свободенъ какъ птица».

Около того же времени случилось слѣдующее: фельдфебель 5-й фузелерной роты принесъ къ прапорщику Духонину приказаніе отъ ротнаго командира, написанное крайне безтолково и безграмотно. Прочитавъ, и не будучи въ состояніи добраться до какого-нибудь смысла въ этомъ приказѣ, Духонинъ имѣлъ неосторожность выразиться вслухъ при фельдфебелѣ:

— Какой это дуракъ писалъ?

Фельдфебель повернулся на лѣво-кругомъ и, конечно, отрапортовалъ объ этомъ ротному командиру, который, подъ вліяніемъ уязвленнаго самолюбія, не преминулъ, въ свою очередь, донести полковому командиру о такомъ неслыханномъ неуваженіи подчиненнаго къ своему непосредственному начальнику.

Духонинъ преданъ былъ суду, разжалованъ въ рядовые, въ тотъ же полкъ графа Аракчеева, въ польскую кампанію 1831 года получилъ знакъ отличія военнаго ордена и произведенъ былъ въ прапорщики.

Всѣ эти, а также и многіе другіе, подобные имъ, случаи произвола не могли, конечно, не возмущать офицеровъ, которые постоянно подвергались, совершенно безнаказанно, различнымъ оскорбленіямъ со стороны ихъ начальства. Несмотря на суровость тогдашнихъ военныхъ законовъ и на всю силу временщика Аракчеева, сознавая вполнѣ всю беззащитность и безпомощность своего положенія, какъ мелкихъ подчиненныхъ, молодые офицеры рѣшились заявить государю, на предстоявшемъ тогда высочайшемъ смотру, о невыносимой службѣ, грубомъ и дерзкомъ обращеніи съ ними ихъ начальства. Послѣ неоднократныхъ совѣщаній, они положили сдѣлать это такъ: когда государь, по окончаніи смотра, будетъ объѣзжать войска и благодарить за службу, то всѣмъ офицерамъ,—конечно участвовавшимъ только въ заговорѣ,—встать на колѣна и, обратя этимъ на себя вниманіе государя, выразить свою претензію. Но такъ какъ заговорщики не были вполнѣ увѣрены другъ въ другѣ и сомнѣвались, что каждый изъ нихъ не спасуетъ въ рѣшительную минуту и выполнитъ данное обѣщаніе, то и нашли необходимымъ связать себя взаимною присягою. Съ этою цѣлью, по окончаніи послѣдней репетиціи смотра, все общество собралось въ квартирѣ капитана Матвѣева, куда пригласили и младшаго полковаго священника, отца Тимоѳея Камчатова; но лишь только этотъ послѣдній успѣлъ надѣть епитрахиль и провозгласить: «мы, нижеподписавшіеся!!..», какъ вдругъ, о ужасъ! входитъ фонъ-Фрикенъ...

— Что здѣсь за сборище?—крикнулъ онъ. Почему ротные командиры пустили свои роты при однихъ фельдфебеляхъ?

Само собою разумѣется, что появленіе фонъ-Фрикена, кото-

раго офицеры называли «полковымъ воротилой», а солдаты — «Ѳедоромъ Кулаковымъ», произвело на заговорщиковъ то же дѣйствіе, какъ паденіе бомбы, и разстроило всѣ ихъ предположенія.

Изъ всей собравшейся тутъ компаніи не потерялся, кажется, одинъ только поручикъ Евфимовъ, который вышелъ впередъ и объяснилъ грозному полководцу, что они собрались съ цѣлью отслужить общій молебенъ о благополучномъ окончаніи предстоявшаго высочайшаго смотра, для сего и пригласили «батюшку». Какъ ни казалось такое объясненіе естественнымъ, но фонъ-Фрикенъ не обратилъ на него никакого вниманія и разогналъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ. Первымъ поспѣшилъ отретироваться отецъ Тимоѳей.

Въ это время Аракчеевъ осматривалъ работы по постройкѣ домовъ фурштатской роты, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ полковаго штаба. Дали-ли ему знать о происходившемъ собраніи или онъ самъ подозрѣвалъ что-либо не совсѣмъ обыкновенное, но только, на возвратномъ пути, графъ, не заѣзжая, противъ обыкновенія, въ штабъ полка, проѣхалъ полевою дорогою въ свое имѣніе Грузино.

Собраться снова, что-бы осуществить свое намѣреніе — скрѣпить замыселъ присягою—никто изъ офицеровъ теперь уже и не думалъ. Всѣ понимали, что дѣло не выгорѣло, пропало, и что начальству все извѣстно и оно не замедлитъ принять необходимыя мѣры... Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого, начальникъ штаба военныхъ поселеній, Клейнмихель (впослѣдствіи графъ и министръ путей сообщенія), потребовалъ къ себѣ капитана Иванова, штабсъ-капитана Титкова, поручика Евфимова и прапорщика Галкина (за что̀ и за кого пострадалъ этотъ послѣдній,—невинная душа,—одинъ Богъ знаетъ) и объявилъ имъ высочайшую волю... Посадили ихъ, съ фельдъегеремъ, въ почтовыя телѣжки — и слѣдъ простылъ... только въ приказѣ отпечатали, что «такіе-то офицеры имени моего полка переводятся на службу въ дальніе сибирскіе гарнизоны»...

Надо, однако-жъ, замѣтить, что Клейнмихель, при прощаніи съ ссыльными, со слезами на глазахъ далъ имъ слово, что черезъ годъ они будутъ возвращены. Обѣщаніе это дѣйствительно было исполнено: Евфимовъ и Титковъ возвратились въ тотъ же полкъ, а двое другихъ — въ армію.

V.

Три раза въ годъ, а именно: въ первый день св. Пасхи, въ Рождество и въ день св. Апостола Андрея Первозваннаго, шефъ полка, графъ Аракчеевъ, приглашалъ къ себѣ на обѣдъ нижнихъ чиновъ своего полка, т. е., конечно, не всѣхъ, а по одному унтеръ-офицеру и рядовому отъ каждой роты, что составляло команду въ 24 человѣка. Приглашенiе это дѣлалось всегда собственноручною запискою Аракчеева слѣдующаго содержанiя:

«Шефъ полка проситъ достойныхъ гренадеръ, къ такому-то числу, пожаловать къ нему и раздѣлить съ нимъ трапезу».

По полученiи въ полковомъ штабѣ такого приглашенiя, сейчасъ же писались въ роты записки о назначенiи желающихъ, а въ случаѣ отсутствiя таковыхъ — о нарядѣ людей на шефскiй обѣдъ.

Въ 1823 году, къ празднику Андрея Первозваннаго, 30-го ноября, получено было въ полку обычное приглашенiе. Я былъ тогда еще подпрапорщикомъ и, по заведенному въ полку порядку, исполнялъ службу наравнѣ со всѣми унтеръ-офицерами. Изъ любопытства-ли, или же изъ какого-то, совершенно непонятнаго теперь для меня, честолюбiя, я отправился къ ротному командиру, съ просьбою назначить меня на графскiй обѣдъ.

Наряженный уже на эту службу унтеръ-офицеръ очень обрадовался, что нашелся такой простота — охотникъ до шефскихъ обѣдовъ—и, конечно, съ удовольствiемъ уступилъ мнѣ свое мѣсто. Начались приготовленiя — чистка аммуницiи, мундира и т. п. Все пригонялось, осматривалось, передѣлывалось и снова пригонялось и осматривалось, пока опытный глазъ командира не находилъ уже никакихъ погрѣшностей.

Сборнымъ пунктомъ нашей команды назначенъ былъ правый флангъ полка, т. е. во 2-й гренадерской ротѣ, откуда мы, 30-го ноября, раннимъ утромъ, подъ начальствомъ фельдфебеля, Якова Гавриловича Протопопова (любимца Аракчеева), и при одной конной подводѣ, отправились къ мѣсту торжества — въ с. Грузино. По прибытiи въ деревню Палички (въ 1/2 верстѣ отъ с. Грузино), вся команда одѣлась въ парадную походную форму: мундиры, краги, портупеи и кивера въ чехлахъ.

Почтеннѣйшій Яковъ Гавриловичъ, до тонкости изучившій нравъ и требованія графа Аракчеева, во все время нашего путешествія читалъ намъ наставленія, какъ вести себя въ гостяхъ у графа, гдѣ молвить да, гдѣ — нѣтъ, а гдѣ и совсѣмъ промолчать.

— Но, смотрите, — прибавлялъ онъ, — при всякомъ отвѣтѣ величать графа отцомъ и благодѣтелемъ!

Наконецъ раздался благовѣстъ къ обѣднѣ и мы, подтянувшись и еще разъ оправившись, выстроились по-ротно по два въ рядъ, и отправились въ церковь. По окончаніи литургіи и молебствія, наша команда выстроилась передъ церковью, въ ожиданіи выхода великаго Могола военныхъ поселеній. Вышелъ, наконецъ, и онъ.

— «Здорово гренадеры!»

— Здравія желаемъ вашему сіятельству,— гаркнули мы всѣми легкими.

— «Здоровъ-ли вашъ полковой командиръ?» — спросилъ графъ.

— Слава Богу! Поручилъ намъ поздравить ваше сіятельство съ престольнымъ праздникомъ,— отвѣтилъ уже одинъ Яковъ Гавриловичъ.

— «Спасибо! Прошу васъ, молодцы, раздѣлить со мною трапезу», — сказалъ Аракчеевъ.

Намъ скомандовали на-право, и повели въ стройномъ порядкѣ, какъ на парадѣ, въ подвальный этажъ бельведера графскаго дома, гдѣ уже былъ накрытъ столъ человѣкъ на тридцать. Выстроившись въ столовой въ томъ же порядкѣ, какъ и по выходѣ изъ церкви, но уже безъ киверовъ, мы ожидали нашего шефа. Онъ вошелъ и еще разъ поздоровался съ нами. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ въ столовую вошли: командиръ Архангельскаго порта — Миницкій, тверской помѣщикъ Волынскій и еще какой-то статскій — какъ я узналъ послѣ — дѣйствительный тайный совѣтникъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ.

Обѣдъ начался тѣмъ, что лакей, въ ливреѣ, обшитой басонами съ Аракчеевскимъ гербомъ, на которомъ красовался извѣстный девизъ: «безъ лести преданъ», внесъ подносъ съ небольшимъ графиномъ водки и крошечною, въ родѣ дамскаго наперстка, рюмкою синяго стекла. Сначала поднесли, конечно, графу, потомъ гостямъ, по старшинству ихъ чиновъ, а наконецъ

и намъ — гренадерамъ. Когда очередь дошла до меня, я, по молодости своей, пропустилъ мимо эту горькую чашу; другіе же выпили, съ желаніемъ здоровья шефу полка. Уморительно было смотрѣть, какъ неловко и съ какимъ страхомъ брали гренадеры графинъ, наливали дрожащею рукою рюмочку и, выпивая заключавшіяся въ ней нѣсколько капель водки, какъ-то удивленно посматривали то другъ на друга, то на ливрейнаго лакея, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и серьезнѣйшею физіономіею останавливавшагося передъ каждымъ солдатомъ.

Послѣ этой церемоніи, всѣ присутствовавшіе, помолясь въ передній уголъ, усѣлись за столъ и начался не пиръ, а очень и очень скромный обѣдъ. Намъ, нижнимъ чинамъ, подали щи съ кислой капустой, пироги съ говяжьей начинкой, жареную говядину и какую-то кашу, а въ заключеніе обѣда по стакану кислѣйшаго бѣлаго вина, въ родѣ извѣстнаго русскаго кислаго кваса.

Когда стаканы были налиты этой кислятиной, представитель нашъ, Яковъ Гавриловичъ Протопоповъ, всталъ съ своего мѣста (конечно, за нимъ поднялись и мы всѣ) и провозгласилъ тостъ за здоровье сіятельнаго хозяина. Послѣ этого всѣ гости поднялись и, помолясь Богу, обратились съ благодарностью къ Аракчееву, который въ отвѣтъ пробормоталъ что-то въ родѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ».

Въ это время въ столовую явилась дама, съ извиненіемъ, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могла принять участія въ обѣдѣ. Дама эта, одѣтая, впрочемъ, очень просто, невольно обращала на себя вниманіе своимъ гренадерскимъ ростомъ, дебелостью и черными, огненными глазами. Это была извѣстная тогда не только по военнымъ поселеніямъ, но и по всей Россіи — Настасья Ѳедоровна Шумская, занимавшая высокій постъ въ Грузино, въ качествѣ друга Аракчеева.

Когда мы, выстроившись фронтомъ, въ двѣ шеренги — унтеръ-офицеры въ первой, а рядовые — во второй, провозгласили:

«Благодаримъ покорнѣйше, ваше сіятельство, за хлѣбъ, за соль!» Аракчеевъ проговорилъ:

— Спасибо и вамъ, господа гренадеры, что не забыли меня, старика. Прошу и впредь меня помнить!

Въ эту минуту вошелъ офиціантъ съ подносомъ, на которомъ лежали какіе-то бумажные свертки, въ видѣ небольшихъ

колбасикъ. Лакей подошелъ сперва къ Протопопову, а потомъ и ко всѣмъ намъ.

— Прошу принять отъ меня, на дорогу,—сказалъ графъ.

Мы, конечно, разобрали поднесенные намъ свертки и поблагодарили.

— Спасибо сказалъ еще разъ Аракчеевъ; передайте мой поклонъ Ѳедору Карловичу (фонъ-Фрикену) и попеняйте ему, что не удостоилъ меня, старика, своимъ посѣщеніемъ.

«Счастливо оставаться вашему сіятельству, благодаримъ покорнѣйше!»—прогремѣли мы всею командой и мѣрнымъ шагомъ, въ прежнемъ порядкѣ, отправились на свою квартиру, въ деревню Палички.

— Ну, что, молодцы? Хорошо-ли васъ угостили?—спросилъ насъ квартирный хозяинъ, лукаво улыбаясь.

«Всѣмъ довольны! отвѣчали мы, и помня наставленія Якова Гавриловича, прибавили:

«Это не начальникъ, а отецъ родной, истинный благодѣтель!»

Тотчасъ по приходѣ съ обѣда, мы переодѣлись, уложили вещи и тронулись въ обратный путь, и только когда прошли послѣднюю деревню почувствовали себя на свободѣ и обратились къ своей подводѣ, на которой, между мундирами и аммуниціею, у старыхъ солдатъ припрятаны были узелки съ хлѣбомъ. Изъ страха къ хозяину-графу и вслѣдствіе невыносимо тѣсныхъ мундировъ, мы очень плохо пообѣдали; поэтому теперь вся команда порядкомъ набросилась на сухой хлѣбъ. Потомъ мы полюбопытствовали—что̀ заключается въ тѣхъ бумажныхъ колбасикахъ, которыми насъ угостили вмѣсто дессерта. Оказалось, что въ поднесенныхъ намъ сверткахъ было по десяти мѣдныхъ пятаковъ, а въ сверткѣ Протопопова, какъ фельдфебеля, двадцать.

— Ничего!—проговорилъ одинъ солдатикъ.—Годится на баню и свѣчку, а не то̀, пожалуй, хватитъ и пропустить малую толику.

«Ну, братъ,—замѣтилъ старый усатый унтеръ,—лучше отслужи-ка молебенъ царицѣ небесной, что вынесъ Богъ тебя цѣлаго, да что-бы не пришлось къ Рождеству опять отправляться за этими пятаками».

Молчаніе остальныхъ гренадеръ ясно свидѣтельствовало, что слова стараго служиваго выражали общее мнѣніе; даже самъ Яковъ Гавриловичъ не нашелся, что̀ сказать въ защиту граф-

скаго обѣда, только нахмурилъ свои густыя брови, да какъ-то конфузливо крякнулъ.

VI.

Въ исходѣ 1824 года, Аракчеевъ, будучи въ нашемъ полку, осматривалъ строительныя работы, которыми остался очень недоволенъ, и производителя работъ, инженернаго капитана Симкова, посадилъ лично самъ на гауптвахту, за рѣшетку, вмѣстѣ съ арестованными нижними чинами; при этомъ графъ, почти не помня себя отъ раздраженія, самъ заперъ дверь арестантской комнаты и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ.

Когда Аракчеевъ, ведя за собою несчастнаго Симкова, проходилъ мимо дома, занимаемаго холостыми офицерами, около этого дома можно было замѣтить мужика съ окладистою черною бородою и съ георгіевскимъ крестомъ на груди; это былъ голова села Грузино, Шишкинъ. Завидя графа, онъ скрылся за домъ, а когда процессія миновала, обратился къ одному изъ бывшихъ тутъ офицеровъ съ просьбою доложить полковому командиру, что ему необходимо переговорить съ нимъ, по секрету отъ графа. Фонъ-Фрикенъ подошелъ къ нему и спросилъ:

«Что надо?»

— У насъ, въ Грузино, ваше высокоблагородіе, неблагополучно, — проговорилъ Шишкинъ. Настасья Ѳедоровна оченно больна.

Фонъ-Фрикенъ поблѣднѣлъ и, бросившись за Аракчеевымъ, дрожащимъ голосомъ передалъ ему извѣстіе, привезенное грузинскимъ головой.

Графъ вздрогнулъ, лицо его вдругъ какъ-то исказилось и онъ... зарыдалъ...

Видъ плачущаго Аракчеева представлялъ зрѣлище до того поразительное, что намъ всѣмъ, людямъ, болѣе или менѣе нерасположеннымъ къ нему, перенесшимъ отъ него много обидъ и оскорбленій, сдѣлалось, однако-жъ, какъ-то не-по-себѣ, стало жутко, стало даже жалко его. Намъ тяжело было видѣть неподдѣльное горе этого человѣка-звѣря, не знавшаго ни жалости, ни состраданія къ своимъ подчиненнымъ и подневольнымъ, хладнокровно, не содрогнувшись, подписывавшаго смертные приговоры, — говорю смертные, такъ какъ наказаніе шпицрутенами черезъ

1,000 человѣкъ три-четыре раза—несомнѣнно та же смертная казнь, только медленная и потому гораздо мучительнѣйшая... Только въ эту минуту,—можетъ быть въ первый разъ во всю его жизнь,—проглянула въ Аракчеевѣ человѣческая сторона, высказалось, что и онъ не былъ чуждъ человѣческаго чувства...

— Нѣтъ! она болѣе не существуетъ! — скорѣе прохрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ онъ.—Лошадей!—крикнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ.

Черезъ пять минутъ коляска была подана. Аракчеевъ вскочилъ въ нее, посадилъ съ собою фонъ-Фрикена и полковаго доктора Миллера и понесся маршъ-маршемъ. Но въ Грузино Аракчеевъ не поѣхалъ: онъ послалъ туда фонъ-Фрикена и Миллера, а самъ остался въ селѣ Пшеничище, у помѣщика Путятина, въ семи верстахъ отъ Грузино.

Фонъ-Фрикенъ и Миллеръ, прибывъ на мѣсто преступленія, сейчасъ же распорядились заковать, по рукамъ и по ногамъ, всѣхъ дворовыхъ людей графа, безъ разбора, какъ причастныхъ, такъ и непричастныхъ роковому дѣлу. Аракчеевъ пріѣхалъ домой только къ вечеру и немедленно потребовалъ къ себѣ злодѣевъ, которые и были приведены къ нему въ цѣпяхъ.[1])

По словамъ доктора Миллера, неистовству этого человѣка, потерявшаго женщину, къ которой онъ, какъ извѣстно, былъ искренно привязанъ, не было мѣры. Оборвавъ борты сюртука и обнаживъ грудь, онъ бѣгалъ по комнатѣ и кричалъ: «рѣжь меня, коли, злодѣй!» и наконецъ упалъ безъ чувствъ.

Пока все это происходило въ Грузино, бѣдный Симковъ оставался въ арестантской, ключъ отъ которой Аракчеевъ взялъ съ собою. Въ самомъ разгарѣ драмы, послѣдовавшей за убійствомъ Настасьи Өедоровны, никто, разумѣется, не рѣшился подступить къ обезумѣвшему отъ горя графу и спросить его — какъ быть съ арестованнымъ инженернымъ капитаномъ; ближайшія власти сами уже рѣшились сломать замокъ и освободить его изъ-подъ ареста, а также дали возможность и другимъ арестантамъ удовлетворить необходимымъ естественнымъ потребностямъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» (изд. 1872 г., т. VI, стр. 225 — 242; 547 — 558)

---

[1]) Подлинное дѣло объ убійствѣ Настасьи Шумской напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV, стр. 262 — 294; см. также т. III, стр. 241 — 244.

воспоминанія объ Аракчеевѣ почтеннаго и многоуважаемаго доктора Ивана Исааковича Европеуса, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ и любовью общества офицеровъ гренадерскихъ графа Аракчеева и короля Прусскаго полковъ, грѣшатъ нѣсколько, такъ сказать, въ топографическомъ отношеніи. Въ статьѣ этой, между прочимъ, сказано, что извѣстіе объ убійствѣ Настасьи Ѳедоровны достигло Аракчеева тогда, когда онъ былъ въ Прусскомъ полку.

Присутствуя лично при томъ моментѣ, когда фонъ-Фрикенъ докладывалъ графу объ опасной болѣзни его любовницы, и будучи свидѣтелемъ отчаянія Аракчеева при этомъ извѣстіи, я думаю, что почтеннѣйшій Иванъ Исааковичъ, по давнему времени, ошибся въ опредѣленіи мѣста. Это случилось именно въ расположеніи гренадерскаго графа Аракчеева полка: исторія арестованія капитана Симкова въ солдатской арестантской и ключъ отъ двери этой арестантской, оставшійся въ карманѣ Аракчеева, могутъ служить подтвержденіемъ приведеннаго мною разсказа.

Мщеніе Аракчеева убійцамъ его друга было безпощадно. Цѣлыя рѣки крови пролиты были въ память погибшей графской любовницы и въ назиданіе дворовыхъ и крестьянъ чуть-ли ни всей Новгородской губерніи. Описывать подробно всѣ кровавыя сцены, происходившія тогда на берегахъ Волхова, — сцены, которыхъ я, къ моему несчастію, былъ невольнымъ свидѣтелемъ,— я не берусь, не желая возмущать чувство человѣчности въ моихъ читателяхъ; да мнѣ и самому слишкомъ тяжело было бы переживать тѣ ощущенія, какія я тогда испытывалъ. Скажу только нѣсколько словъ о той обстановкѣ этихъ казней, какую ревнивые исполнители воли всемогущаго временщика постарались придать кровавому мщенію его за смерть возлюбленной.

Въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ 1825 г.,—хорошо теперь не упомню,—приказомъ по полку наша рота назначена была къ походу въ село Грузино. Рота приведена была на военное положеніе, людямъ розданы были боевые патроны, по 60 на человѣка, и мы отправились въ резиденцію Аракчеева, куда, къ этому времени, привезены были изъ Новгорода и преступники. На другой день назначена была самая казнь правому и виноватому, безъ разбора.

Мѣстомъ казни была избрана обширная поляна по дорогѣ изъ деревни Палички въ село Грузино, противъ колоннады церкви

св. Андрея Первозваннаго. Въ 9 часовъ утра рота наша вышла съ квартиръ и оцѣпила лобное мѣсто. Сзади цѣпи солдатъ стояли собранные, почти со всего поселенія, крестьяне съ женами и дѣтьми, всего около четырехъ тысячъ человѣкъ. Посрединѣ оцѣпленнаго пространства врытъ былъ станокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, по случаю холоднаго времени, горѣли огни, а около нихъ прогуливались, въ ожиданіи дѣла, заплечные мастера, то и дѣло прикладывавшіеся къ огромной бутыли съ водкою, поставленной, со стаканомъ, около станка. Распорядители казнью нашли, вѣроятно, необходимымъ обезпечить сердце палачей отъ опасности воспламениться тою искрою, которая зовется человѣчностью, и хотѣли залить въ нихъ виномъ всякое чувство состраданія къ несчастнымъ преступникамъ. А между тѣмъ, большинство этихъ «преступниковъ» и даже самъ убійца, заслуживали несравненно бо̀льшаго участія, чѣмъ всѣ эти клевреты Аракчеева, проливавшіе горькія слезы о погибшей ва̀рварѣ-женщинѣ...

Но набросимъ, читатель, покровъ на то, что происходило потомъ на этихъ мирныхъ поляхъ. Мнѣ, невольному свидѣтелю казни, при воспоминаніи объ этой трагедіи, и теперь еще слышатся рѣзкіе свистящіе звуки ударовъ кнута, страшные стоны и крики истязуемыхъ и какой-то глухой, подавленный вздохъ тысячной толпы народа, въ назиданіе котораго совершались эти истязанія...

Время Аракчеева—было время желѣзное, мрачное, по своей жестокости. Чуть-ли ни вся Россія стономъ стонала подъ ударами. Били въ войскахъ, въ школахъ, въ городахъ и деревняхъ, на торговыхъ площадяхъ и въ конюшняхъ, били и въ семьяхъ, считая битье какою-то необходимою наукою — ученіемъ. Въ то время дѣйствительно, кажется, вѣрили, что одинъ битый сто̀итъ двухъ небитыхъ, и что вѣрнѣйшимъ средствомъ не только противъ всякаго заблужденія и шалости, но даже и противъ глупости, чуть-ли не идіотизма — было битье. Вѣроятно вслѣдствіе этого убѣжденія, палка гуляла и по старому и по малому, не щадя ни слабости дѣтскаго возраста, ни сѣдины старости, ни женской стыдливости.

Въ поселенныхъ войскахъ битье процвѣтало въ особенности, обратилось въ дѣйствительную науку и даже выработало особыхъ

экспертовъ по этой части. Аракчеевъ, конечно, зналъ объ этомъ, и потому, вѣроятно, командиръ нашего полка, Ѳедоръ Карловичъ фонъ-Фрикенъ, прозванный солдатами Федоромъ Кулаковымъ, и пользовался особенною его благосклонностью.

Если кто-либо изъ дворовыхъ людей Аракчеева имѣлъ несчастіе провиниться въ чемъ-нибудь, графъ обыкновенно писалъ нашему полковому командиру такую записку:

«Препровождаемаго при семъ Ѳедота Аксенова прогнать черезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ, поручивъ исполненіе этого маіорамъ Писареву, или князю Енгалычеву».

Обѣ эти маіорскія личности славились въ Аракчеевскомъ полку своими боевыми качествами.

Вѣря въ назидательность публичности подобныхъ наказаній, Аракчеевъ, вмѣстѣ съ виновнымъ, присылалъ всегда и нѣсколько человѣкъ зрителей изъ своей дворни; эти послѣдніе, одѣтые въ парадныя ливреи, съ гербовыми басонами, шли всегда по той же зеленой улицѣ, по которой тащили и главное дѣйствующее лицо этой драмы,—непосредственно за нимъ. По окончаніи церемоніи, несчастнаго лакея, побывавшаго въ наукѣ у Писарева, или Енгалычева, отвозили, конечно, въ госпиталь, гдѣ онъ и оставался иногда цѣлые мѣсяцы, а невольные ливрейные свидѣтели ученія отправлялись обратно въ Грузино и, по прибытіи туда, должны были передать, во всѣхъ подробностяхъ, видѣнное ими своимъ товарищамъ.

VII.

Въ моихъ воспоминаніяхъ объ Аракчеевщинѣ встаетъ цѣльная, полновѣсная фигура маіора Ѳедора Евфимовича Евфимова, личности далеко недюжинной по своему энергическому характеру и по той силѣ воли, съ какою онъ переносилъ разныя невзгоды своей служебной карьеры.

Евфимовъ, по формулярному его списку, значился изъ ямщиковъ Крестецкаго уѣзда, села Зайцева (Яжелбицы—то-жъ), что на Московской дорогѣ. По сдачѣ въ рекруты, онъ поступилъ на службу въ Ростовскій мушкетерскій полкъ, переименованный въ 1807 году въ гренадерскій графа Аракчеева; отсюда, при переформированіи—не помню въ точности л.-гв. Волынскаго или Литовскаго полка,—Евфимовъ, въ званіи фельдфебеля, вмѣ-

стѣ со 2-ю гренадерскою ротою, подъ командою капитана Тимоѳеева, поручика Самбурскаго и подпоручика Нелова, переведенъ былъ въ гвардію. По производствѣ, въ 1812-мъ году, въ подпоручики, онъ назначенъ былъ въ полкъ графа Аракчеева, гдѣ и продолжалъ свою службу съ разными превратностями до 1827 года.

Когда, въ 1817 году, 2-й баталіонъ Аракчеевскаго полка былъ отдѣленъ отъ полка и, подъ командою маіора фонъ-Фрикена, ушелъ изъ С.-Петербурга, для основанія военнаго поселенія, то и капитанъ Евфимовъ, командовавшій тогда 2-ю гренадерскою ротою, назначенъ былъ въ число дѣятелей этого новаго великаго дѣла. Тутъ-то Ѳедоръ Евфимовичъ попалъ, что называется, въ свою колею и замѣтно выдвинулся изъ среды рьяныхъ исполнителей Аракчеевскаго замысла. Онъ первый наложилъ свою мощную руку на священную бороду мирнаго селянина, и не воображавшаго до того, что его бобровая бородушка исчезнетъ подъ косою желѣзнаго времени и рукою Ѳедора Евфимовича, который, во всю свою ямскую мощь, старался исказить русскаго крестьянина и сдѣлать изъ него солдата-пахаря...

Совершенно безграмотный, съ большимъ трудомъ, и то только при помощи своего фельдфебеля, Лаптева, подписывавшій, какими-то невозможными каракулями, свою фамилію, деспотъ, съ желѣзною волею, грубый и неотесанный, Евфимовъ тяжелымъ гнетомъ давилъ все ему подначальное. Но, несмотря на всю грубость и дубоватость своей натуры, онъ былъ, однако-жъ, далеко неглупъ и ловко умѣлъ подлаживаться и подъ обстоятельства, и подъ характеръ людей, власть имѣющихъ. Въ особенности достойно удивленія было въ немъ одно качество — это какое-то чувство обонянія или предъугадыванія — нѣчто высшее инстинкта животныхъ: онъ, напримѣръ, всегда, и почти безошибочно, заранѣе зналъ, когда Аракчеевъ пріѣдетъ въ полкъ. Евфимовъ бралъ тогда нѣсколько человѣкъ изъ поселянъ-хозяевъ и, выйдя съ ними въ поле, прилегающее къ той дорогѣ, по которой, обыкновенно, ѣздилъ Аракчеевъ, начиналъ преподавать имъ практическій урокъ землепашества.

Современному читателю довольно трудно, я думаю, представить себѣ эту картину: штабъ-офицеръ, въ эполетахъ, идетъ по

полю за сохою, а за нимъ плетется цѣлое капральство солдатъ-поселянъ!...

Ѣдетъ графъ, видитъ эту интересную картину, умиляется, и, остановившись, спрашиваетъ:

— Что это ты, Ѳедоръ Евфимовичъ, самъ безпокоишься? могъ бы, кажется, заставить и помощника своего заняться этимъ дѣломъ.

Евфимовъ, вмѣсто отвѣта, привѣтствуетъ графа по-солдатски: «Здравія желаемъ вашему сіятельству, и поздравляемъ съ пріѣздомъ, котораго совершенно не ожидали!»

Затѣмъ уже Евфимовъ объясняетъ, что личное его участіе въ землепашествѣ вызывается тѣмъ, что многихъ хозяевъ надо еще учить какъ ходить за сохою.

Аракчеевъ благодаритъ его за усердіе поцѣлуемъ и приглашаетъ къ себѣ въ коляску, объявляя, что ѣдетъ къ нему пить чай.

Но Ѳедоръ Евфимовичъ недолго, однако-жъ, красовался на своемъ пьедесталѣ. По неразвитости-ли, по свойственнымъ-ли,— вообще натурѣ русскаго человѣка нравственной распущенности,— самонадѣянности, и т. п. отечественнымъ добродѣтелямъ, но онъ не могъ удержаться на высотѣ того положенія, на которое его подняли фаворъ и капризъ всесильнаго временщика.

Въ 1823 году полковой командиръ дѣлалъ инспекторскій смотръ поселенному баталіону (т. е. 2-му), по-ротно, начавъ таковой со 2-й гренадерской роты.

На опросѣ нижніе чины этой роты заявили претензію на своего ротнаго командира, маіора Евфимова, жалуясь, между прочимъ, на то, что онъ, какъ ихъ самихъ, такъ и женъ ихъ, жестоко наказываетъ за малѣйшую неисправность; что деньги, отпускаемыя на продовольствіе кантонистовъ, Евфимовъ удерживаетъ у себя; что изъ слѣдующаго, ежегодно, въ раздачу поселянамъ, по случаю падежей рогатаго скота,[1] лучшіе особи отбираются ротнымъ командиромъ и отправляются къ нему въ усадьбу, близъ города Валдая; то же самое дѣлается и съ овцами; по отчетамъ же, присвоенные себѣ Евфимовымъ быки и коровы, показываются павшими, а овцы — съѣденными волками.

---

[1]) Скотъ этотъ покупался въ Архангельской губерніи, преимущественно извѣстной холмогорской породы, и обходился казнѣ довольно дорого. А. Г.

Полковой командиръ, при всемъ своемъ расположеніи къ Евфимову и при всемъ желаніи не выносить сора изъ избы, не могъ, однако-жъ, замять это дѣло, такъ какъ заявленная 2-ю гренадерскою ротою претензія сдѣлалась извѣстною по всему поселенію; Аракчеевъ же, хотя и зналъ, конечно, о воровствѣ разнаго начальства и смотрѣлъ вообще на это сквозь пальцы, очень хорошо сознавая всю неизлечимость вѣковаго зла, но не любилъ что-бы объ этомъ говорили, и въ подобныхъ случаяхъ не шутилъ.[1]) Поэтому, дѣлать было нечего, пришлось нарядить слѣдственную коммиссію, которая, кромѣ подтвержденія заявленныхъ ротою претензій, открыла и еще кое-какія злоупотребленія со стороны ротнаго командира.

По окончаніи слѣдствія, дѣло было представлено на разсмотрѣніе графа Аракчеева, который недолго думая, конфирмовалъ такъ:

«По высочайшему повелѣнію имени моего полка маіоръ Евфимовъ лишается чиновъ и орденовъ и записывается въ рядовые въ тотъ же полкъ графа Аракчеева».

Когда дежурный по полку, капитанъ Дядинъ, прочелъ Евфимову конфирмацію и приказалъ ему надѣть солдатскую шинель, тотъ совершенно спокойно, съ полнѣйшимъ самообладаніемъ, снялъ съ себя свой сюртукъ съ эполетами и, принимая поданную ему сѣрую шинель, сказалъ:

— Здравствуй, моя старая знакомая! Опять намъ пришлось свидѣться съ тобой!

Надѣвъ шинель, Евфимовъ громко провозгласилъ:

— Здравія желаю ваше благородіе! Въ какую роту прикажете явиться?

---

[1]) Честность и безкорыстіе самого Аракчеева не подлежатъ никакому сомнѣнію: онъ берегъ казенную копѣйку, былъ очень скупъ на нее и строго разграничивалъ свои собственныя средства отъ казенныхъ. Если онъ былъ богатъ, то этимъ богатствомъ обязанъ исключительно щедротамъ своего царственнаго друга и той простотѣ и строгой бережливости, которыя онъ ввелъ въ свой образъ жизни и домашнее хозяйство. Всякое плутовство и мошенничество, какъ только онъ узнавалъ о нихъ, строго имъ преслѣдовались; если же онъ относился довольно равнодушно къ нѣкоторымъ явленіямъ полковой экономіи, то, кажется, единственно вслѣдствіе сознанія, что, при всемъ своемъ могуществѣ, онъ безсиленъ искоренить это зло, вошедшее, повидимому, въ плоть и кровь служившаго тогда люда. А. Г.

Будучи зачисленъ въ 1-ю фузелерную роту, которая занимала въ тотъ день караулъ при полковомъ штабѣ, онъ отправился въ кордегардію, отрекомендовался караулу и просилъ гренадеръ любить его и жаловать; по выходѣ съ гауптвахты, онъ снялъ шапку передъ первымъ попавшимся ему унтеръ-офицеромъ, а при встрѣчѣ съ однимъ изъ юнѣйшихъ прапорщиковъ вытянулся во фронтъ. Затѣмъ явился къ фельдфебелю роты и капральному унтеръ-офицеру и былъ помѣщенъ въ числѣ непоселенныхъ нижнихъ чиновъ (т. е. унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ), получилъ всю боевую сбрую, которую и привелъ собственноручно въ полный порядокъ. На четвертый день, по снятіи густыхъ эполетовъ, Евфимовъ шилъ уже башмаки, отправляя ихъ въ свою валдайскую усадьбу для дворни; въ этой же усадьбѣ жила и жена его, заправляя хозяйствомъ.

Ни отъ какихъ служебныхъ обязанностей Евфимовъ никогда не уклонялся и вездѣ былъ первымъ. Во фронтѣ онъ ни за-что не хотѣлъ встать въ заднюю шеренгу, говоря, что «съ козелъ ямской телѣги поступилъ прямо въ первую»; когда же онъ бывалъ въ караулѣ, то всегда просилъ не назначать его на часы въ какое-нибудь теплое захолустье, а непремѣнно у фронта, на платформѣ гауптфахты. За то, когда онъ стоялъ на часахъ, караульный офицеръ могъ быть спокоенъ, будучи увѣренъ, что караулъ во-время будетъ вызванъ для отдачи чести начальству, — а тогда караулъ выходилъ въ ружье при проѣздѣ и проходѣ всякаго начальства! Однимъ словомъ, Евфимовъ былъ до мозга костей лихимъ русскимъ солдатомъ стараго времени. Никто никогда не слыхалъ отъ него ни одной жалобы на судьбу, хотя ему и было на что̀ жаловаться, о чемъ пожалѣть: онъ все переносилъ безъ ропота, усердно молясь Богу...

Безпощадно суровый прежде къ своимъ подчиненнымъ, не знавшій, кажется, жалости при наказаніи провинившихся подначальныхъ ему людей, Өедоръ Евфимовичъ теперь, словно, переродился, точно постигшее его несчастіе принесло для него какое-то откровеніе свыше о необходимости братской любви между людьми и милосердія къ нимъ... Каждый изъ его новыхъ сотоварищей-солдатъ, въ случаѣ какой-либо невзгоды или затрудненія, обращался къ нему и онъ, дѣйствительно, помогалъ чѣмъ могъ — дѣломъ, словомъ, совѣтомъ, участіемъ... Глядя на этого

человѣка, одинадцать лѣтъ носившаго эполеты, пользовавшагося особенною любовью Аракчеева, не слышавшаго въ немъ, что называется, души; лично извѣстнаго государю, который всегда благосклонно и привѣтливо относился къ этому фавориту своего друга, видя, съ какою душевною твердостію и силою воли онъ несъ выпавшій на его долю тяжелый крестъ, невольно удивлялся и жалѣлъ, что такая замѣчательная душа была зашита въ такую грубую оболочку...

Въ слѣдующемъ 1824 году государь смотрѣлъ нашъ полкъ и, при проѣздѣ мимо 2-го взвода 1-го баталіона, Аракчеевъ остановилъ государя и, указывая рукою на Евфимова, спросилъ:

— Узнаешь-ли, государь, этого гренадера?

— «Нѣтъ!» — отвѣчалъ государь.

— Это твой бывшій любимецъ — Евфимовъ, — сказалъ Аракчеевъ.

Государь замѣтилъ, что графъ поступилъ съ нимъ слишкомъ жестоко; но Аракчеевъ, возвыся свой гнусливый голосъ, громко проговорилъ:

— Кто не умѣлъ дорожить высочайшимъ вниманіемъ и милостію царя, тотъ не заслуживаетъ никакой жалости!

Терновому поприщу Ѳедора Евфимовича не суждено было, однако-жъ, кончиться обыкновеннымъ образомъ.

Онъ продолжалъ свою службу, по прежнему, ретиво и безпорочно; но въ 1825 году на него нашла новая туча.

2-я гренадерская рота, которою командовалъ когда-то Евфимовъ, при инспекторскомъ опросѣ полковымъ командиромъ, фонъ-Фрикеномъ, заявила какую-то претензію и на самого полковаго командира, при чемъ, въ смѣлыхъ выраженіяхъ, настойчиво и рѣшительно требовала для себя какихъ-то уступокъ и льготъ. Будучи заведены при опросѣ, на-право и на-лѣво, въ кружокъ, люди сплотились очень тѣсно и слишкомъ близко подвинулись къ фонъ-Фрикену, который, опасаясь какого-либо насилія, бросился въ толпу, пробился изъ круга, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Вслѣдъ ему раздалось нѣсколько голосовъ, по всей вѣроятности, повторявшихъ заявленныя уже просьбы, но что, конечно, было противно установившемуся порядку службы и правиламъ строгой воинской дисциплины.

О происшествіи этомъ было тотчасъ же, разумѣется, доведено

до свѣдѣнія Аракчеева; но такъ какъ это случилось за два дня до праздника Пасхи, то графъ пріѣхалъ въ полкъ только на на третій день Святой недѣли.

Поселенный баталіонъ былъ собранъ и началась расправа, о подробностяхъ которой лучше умолчу: это былъ по истинѣ, Шемякинъ судъ,—били и виноватыхъ и правыхъ, и послѣднимъ, какъ это подчасъ водится и донынѣ, досталось, пожалуй, еще больше чѣмъ первымъ.

Въ этотъ день я былъ въ караулѣ при полковомъ штабѣ и принималъ подъ арестъ нѣсколько десятковъ поселянъ-хозяевъ, въ томъ числѣ и фельдфебеля 2-й гренадерской роты. Послѣ всѣхъ, за усиленнымъ конвоемъ, при офицерѣ, привели Ѳедора Евфимова и унтеръ-офицера Алфимова, съ приказаніемъ посадить ихъ въ темный казематъ, подъ замокъ, что, конечно, и было тотчасъ исполнено мною. Спустя часъ по приводѣ этихъ двухъ арестантовъ, явился и самъ Аракчеевъ, ведя на казнь главныхъ зачинщиковъ «возмущенія». Караулъ вышелъ въ ружье и отдалъ честь, съ пробитіемъ похода. Аракчеевъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Гдѣ Евфимовъ?

— «По приказанію вашего сіятельства посаженъ въ темный казематъ».

— Показать мнѣ его! — повелительно крикнулъ графъ.

Я распустилъ караулъ и повелъ Аракчеева на верхъ, во второй этажъ, гдѣ былъ заключенъ несчастный страдалецъ.

Евфимова вывели... Аракчеевъ злобно посмотрѣлъ на него и скорѣе проскрипѣлъ, чѣмъ проговорилъ:

— Неблагодарный негодяй!... Желѣза! — неистово закричалъ онъ вслѣдъ затѣмъ...

Чего другаго, а этого добра, также какъ палокъ и розогъ, на нашей гауптвахтѣ всегда было въ изобиліи: поэтому кандалы сейчасъ же были принесены.

— Заковать на глухо! — крикнулъ графъ.

Кузнецъ былъ подъ рукой. Сняли съ несчастнаго Евфимова краги, которыя тогда еще носили, и надѣли на него «арестантскія шпоры». Аракчеевъ оставался до самаго конца этой операціи, точно наслаждаясь униженіемъ своего бывшаго любимца, котораго онъ теперь ненавидѣлъ. Когда прозвучалъ послѣдній

ударъ кузнечнаго молота и все было кончено, Аракчеевъ толкнулъ Евфимова въ шею. Тотъ, съ непривычки къ оковамъ, едва было не упалъ отъ этого подзатыльника и, обернувшись къ графу, громко проговорилъ:

— «Ваше сіятельство, видитъ Богъ, невинно страдаю!»

— Поставить имъ упать! дверь на замòкъ, и что-бы всегда была запечатана! По два фунта хлѣба и ведро воды! — грозно крикнулъ Аракчеевъ, обратившись ко мнѣ.

Нечего и говорить, что приказаніе это свято исполнялось и переходило въ сдачу, при смѣнѣ караула.

Командира 2-й гренадерской роты, капитана Мильковскаго, перевели за эту исторію въ сибирскіе гарнизоны; фельдфебель той же роты разжалованъ былъ въ рядовые, а черезъ мѣсяцъ послѣдовалъ приказъ и о томъ, что «рядовой, изъ дворянъ, Ѳедоръ Евфимовъ переводится въ армейскій полкъ», куда, по снятіи съ него оковъ, онъ и былъ отправленъ по этапу.

За что пострадалъ несчастный Ѳедоръ Евфимовичъ, совершенно непричастный ко всему этому дѣлу, одинъ Богъ знаетъ! Вѣроятно личность этого служаки, умнаго, смѣтливаго и при томъ коротко знакомаго со всѣми тонкостями ротнаго и полковаго хозяйства былого времени, мозолила глаза начальству, которое видѣло въ немъ лишняго и не совсѣмъ безопаснаго свидѣтеля своихъ продѣлокъ по экономической части.. Придраться къ Евфимову изъ-за какихъ-либо упущеній по службѣ - не могли: онъ былъ всегда исправенъ и велъ себя безукоризненно; оставалось одно — припутать его какъ-нибудь къ скандальной исторіи и такимъ образомъ избавиться отъ него. Сочинили какія-то подстрекательства и вредное вліяніе, оказываемое Евфимовымъ на солдатъ той роты, которою онъ командовалъ прежде; но, кажется, и не подумали о томъ, что, вслѣдствіе жалобы именно этихъ-то людей, Евфимовъ и попалъ изъ маіоровъ въ рядовые. Впрочемъ, несмотря на всю пристрастность произведеннаго надъ Евфимовымъ слѣдствія, виновность его въ дѣлѣ «возмущенія» 2-й гренадерской роты не была доказана, и онъ былъ удаленъ изъ полка, такъ называемымъ, административнымъ распоряженіемъ. Ни правильнаго слѣдствія, ни праведнаго гласнаго суда въ то время еще не было, и старая пословица: «у сильнаго всегда безсильный виноватъ» ежедневно оправдывалась на дѣлѣ.

Прошло 12—13 лѣтъ, я почти и забылъ уже объ Евфимовѣ, считая его погибшимъ на службѣ царской, или умершимъ гдѣ-нибудь въ госпиталѣ, при безконечныхъ передвиженіяхъ нашихъ армейскихъ полковъ, какъ вдругъ, въ 1837 году, въ бытность мою въ Новгородѣ, встрѣчаю на постояломъ дворѣ этого валдайскаго богатыря. Онъ узналъ меня сразу, бросился на шею и чуть не задушилъ въ своихъ ямскихъ объятіяхъ.

Десятокъ, слишкомъ, лѣтъ боевой и походной жизни много измѣнили его: онъ посѣдѣлъ, порядочно сгорбился и какъ-то весь осунулся; но прежняя солдатская выправка все еще видна была въ немъ; не угасла также въ немъ и та удивительная энергія, которая помогла ему вынести на своихъ плечахъ и суровую науку военнаго ремесла и тяжелую немилость грознаго начальства.

Слово за словомъ, мы съ нимъ разговорились и долго пробесѣдовали, вспоминая наше прежнее горькое житье-бытье.

О службѣ своей въ арміи Евфимовъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

— «Когда прибылъ я въ полкъ, то въ немъ формировалась въ то время маршевая рота, предназначенная на укомплектованіе войскъ кавказскаго корпуса. Спросили меня — не желаю-ли и я отправиться воевать съ Черкесомъ? Конечно, я не отказался, и затѣмъ — ранецъ за спину, ружье на плечо и пошли мы странствовать по бѣлому свѣту. По приходѣ на Кавказъ, меня назначили въ 13-й егерскій полкъ, который, въ началѣ 1827 года, выступилъ въ походъ противъ Персовъ. При штурмѣ какой-то крѣпостцы наша колонна немного посконфузилась и стала примѣтно упираться. Вижу — дѣло плохо, — еще немного и, пожалуй, побѣгутъ молодцы, осрамятъ матушку Россію. Призвалъ я на помощь моего Творца, выбѣжалъ впередъ и крикнулъ: дѣти мои! вспомните присягу, данную вами Богу и Царю! впередъ, за мной!» Всѣ бросились — и крѣпость была взята. Когда, послѣ штурма, главнокомандующій, Паскевичъ, объѣзжалъ войска, то, подъѣхавъ къ нашему полку, онъ остановился и спросилъ: «Живы-ли тѣ храбрецы, которые были первыми на стѣнахъ?» «Меня и еще одного солдатика ротный командиръ вывелъ впередъ. Паскевичъ поцѣловалъ насъ, поздравилъ унтеръ-офицерами и собственноручно надѣлъ намъ георгіевскіе кресты... По окончаніи кампаніи, меня уволили въ отставку, съ награжденіемъ чина

14-го класса, что, конечно, мнѣ очень не понравилось. Я поѣхалъ въ Петербургъ, явился къ военному министру и обратился къ нему съ просьбою о переименованіи меня въ прапорщики, сказавъ, что отъ роду не бывалъ въ 14-мъ классѣ, какимъ-то регистраторомъ. Просьба моя была уважена и вотъ — теперь я, Божьею и царскою милостью, отставной прапорщикъ!»

При этихъ словахъ Евфимовъ горько усмѣхнулся.

Послѣ этого свиданія мнѣ не пришлось уже болѣе встрѣтиться съ Θедоромъ Евфимовичемъ и я не знаю, что съ нимъ сталось и гдѣ онъ покончилъ свою жизнь, полную такихъ превратностей. А можетъ быть онъ живъ и доселѣ: при его закаленномъ здоровьи, богатырскомъ сложеніи и умѣренномъ, вообще, образѣ жизни, онъ могъ бы, кажется, прожить до преклонныхъ лѣтъ, несмотря на всѣ тѣ передряги, какія пришлось ему вынести на службѣ отечеству.

VIII.

О происхожденіи Шумскаго, слывшаго сыномъ Аракчеева, въ чемъ тотъ былъ, сначала, вполнѣ убѣжденъ, — я слышалъ подробную повѣсть отъ родной его матери; но, не довѣряя слишкомъ росказнямъ словоохотливой деревенской бабы, — не рѣшаюсь повторять всѣ подробности обмана, жертвою котораго былъ всесильный временщикъ. Довольно того, что Аракчеевъ вѣрилъ въ близкое свое родство съ малымъ, который, въ свою очередь, также, кажется, не сомнѣвался въ томъ, что эта суровая, вѣчно угрюмая и ворчащая фигура, — дѣйствительно его отецъ.

Въ 1823 году, къ гренадерскому графа Аракчеева полку прикомандированъ былъ, для командованія 2-ю фузелерною ротою, флигель-адъютантъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи поручикъ Шумскій, — малый добрѣйшей души, что называлось тогда, — отличный товарищъ и несравненный собутыльникъ. Баловень слѣпой и подчасъ глупой фортуны, почти юноша — 22-хъ лѣтъ, красивый собой, съ блестящимъ, по тогдашнему времени, внѣшнимъ образованіемъ, гвардейскій офицеръ и вдобавокъ флигель-адъютантъ, — что тогда не такъ-то часто можно было встрѣтить, — Мишель Шумскій, при такой обстановкѣ, казалось бы, долженъ былъ далеко пойти: путь передъ нимъ былъ широкъ и гладокъ, заботливою рукой устранены всѣ преграды... но не тутъ-то было...

Нелѣпое баловство нарѣченной маменьки, Настасьи Ѳедоровны, и не менѣе нелѣпое первоначальное воспитаніе, не выработавшее въ мальчикѣ никакихъ основъ нравственнаго характера, сгубили добраго молодца. Попади онъ въ другія руки — изъ него могъ бы выйти человѣкъ очень дѣльный и полезный для общества; при отличныхъ умственныхъ способностяхъ, въ немъ было много хорошихъ сторонъ: онъ былъ доброй и чувствительной души; трусость была ему чужда и смѣлость его граничила съ дерзостью, доходила, иногда, до безумія.

Въ 1824 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Александръ I, въ сопровожденіи принца Оранскаго, посѣтилъ Новгородскія военныя поселенія и смотрѣлъ нашъ полкъ. Когда государь, по въѣздѣ на плацъ, принималъ рапортъ полковаго командира, Шумскій, будучи несовсѣмъ въ трезвомъ видѣ, почему-то вообразилъ, что и онъ, по своему званію флигель-адъютанта, долженъ также отрапортовать о состояніи ввѣренной ему 2-й фузелерной роты. Малый былъ вообще очень скоръ на рѣшенія и не привыкъ много задумываться надъ чѣмъ нибудь: вздумано—сдѣлано. Во весь карьеръ[1]) вынесся онъ изъ фронта, изъ занимаемаго имъ мѣста въ 5-мъ взводѣ; но, не доскакавъ шаговъ за десять до государя, потерялъ равновѣсіе, слетѣлъ съ лошади и растянулся на плацу, при чемъ переломилъ саблю и жестоко подшибъ себѣ лѣвый глазъ.

Государь, пораженный этимъ случаемъ, замѣтилъ ему:

— Шумскій! я тридцать лѣтъ ѣзжу и ни разу не падалъ съ лошади.

Сконфуженнаго и порядкомъ расшибленнаго Мишеля подняли съ земли и, подъ руки, отвели всторону, гдѣ онъ и оставался до окончанія церемоніальнаго марша.

На другой день полку производились малые маневры. Когда взводъ пришелъ къ квартирѣ шефа полка за знаменами, на крыльцѣ показался Аракчеевъ, а за нимъ бѣдный Мишель, украшенный огромнымъ фонаремъ подъ лѣвымъ глазомъ. Въ такомъ видѣ онъ и былъ представленъ государю.

---

[1]) На смотрахъ и ученіяхъ Шумскій всегда былъ верхомъ. Хотя въ то время, какъ и теперь, во фронтѣ были верхомъ только штабъ-офицеры, но Шумскому, вѣроятно вслѣдствіе особеннаго, привиллегированнаго положенія его въ полку, не возбранялось гарцовать на конѣ, что́, по правдѣ сказать, не очень то шло къ нашему пѣхотному строю. А. Г.

— Государь!—сказалъ Аракчеевъ,—я съ жалобой къ тебѣ: твой флигель-адъютантъ шалитъ!

— Что хочешь, графъ, то съ нимъ и дѣлай,—отвѣчалъ государь, видимо недовольный этою сценою.

По отъѣздѣ государя изъ поселеній, въ приказѣ по полку было объявлено, что, по случаю болѣзни флигель-адъютанта, поручика Шумскаго, 2-ю фузелерную роту принять такому-то (фамиліи не упомню), а Шумскому, по выздоровленіи, отправиться на службу къ своей бригадѣ.

Послѣ этого происшествія, никто въ полку уже не видалъ Шумскаго; но носились слухи, что, по прибытіи въ Грузино, Мишелю было отсчитано 150 горячихъ лозановъ и затѣмъ нанятъ былъ учитель шведскаго языка, для обученія нашего пріятеля.[1]) Что изъ него желали сдѣлать — право не знаю: второго-ли Карла XII-го, или же хотѣли подготовить его къ дипломатическому поприщу и пробудить въ немъ стремленіе къ солидности.

Спустя нѣкоторое время, мы узнали изъ высочайшаго приказа, что бывшій нашъ сослуживецъ, Мишель Шумскій, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта, переводится, тѣмъ же чиномъ поручика, во Владикавказскій гарнизонный баталіонъ. Причиною ссылки этой,—какъ тогда разсказывали,—была слѣдующая выходка Шумскаго.

Во время одного ученія на Царицыномъ лугу, Шумскій, будучи, по своему обыкновенію, въ нетрезвомъ видѣ, надѣлъ шляпу не по формѣ, что̀ въ то время считалось немаловажнымъ преступленіемъ. На замѣчаніе, сдѣланное ему за это генераломъ (кажется бригаднымъ командиромъ), онъ отвѣтилъ какою-то дерзостью. Взбѣшенный начальникъ, не мало уже терпѣвшій отъ проказъ безпутнаго Аракчеевскаго сынка, замѣтилъ ему, что онъ не знаетъ правилъ вѣжливости, и при этомъ обозвалъ его bâtard'омъ. Слышалъ-ли Шумскій это словечко, или же ему передали услужливые пріятели—неизвѣстно; но только нанесенное ему оскорбленіе не было имъ забыто и онъ не замедлилъ отомстить за него, по-своему, очень оригинальнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ этого, заѣхавъ однажды въ Большой театръ,

[1]) Всѣ остальные европейскіе языки были уже, кажется, извѣстны Шумскому. А. Г.

гдѣ шло представленіе какого-то балета, Шумскій замѣтилъ сидѣвшаго впереди него своего обидчика, котораго, къ тому же, не трудно было узнать по громадной блестящей лысинѣ. По окончаніи перваго дѣйствія балета, Мишель отправился въ буфетъ, велѣлъ подать объемистый арбузъ, разрѣзать его по-поламъ и выбрать изъ одной половины середку. Захвативъ съ собою очищенную половину арбузной корки, онъ усѣлся на свое мѣсто, позади генерала, и, выждавъ поднятія занавѣса, надѣлъ этотъ импровизированный шлемъ на лысую голову своего начальника... Эффектъ былъ, конечно, удивительный; но Шумскому не удалось долго наслаждаться придуманнымъ имъ мщеніемъ: тотчасъ же къ нему подошелъ плацъ-адъютантъ, пригласилъ его слѣдовать за собою и отвезъ на казенную квартиру, т. е. на гауптвахту.

На другой день, утромъ, уже состоялся высочайшій приказъ о переводѣ Шумскаго на Кавказъ.

Такъ разсказывали эту исторію у насъ, въ полку, въ которомъ, конечно, болѣе или менѣе, интересовались участью Мишеля, какъ бывшаго сотоварища по службѣ; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось прочесть въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ разсказъ объ этой выходкѣ Шумскаго нѣсколько варьированный; что̀ вѣрнѣе — рѣшить не берусь.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1829 году мнѣ случилось прожить, около недѣли, въ Новгородѣ. Въ самый день отъѣзда изъ города, когда у меня все было уже уложено и я послалъ за лошадьми, оказалось необходимымъ сходить за-рѣку, на Софійскую сторону, по какому-то забытому дѣлу. Возвращаясь около 4-хъ часовъ домой и переходя мостъ черезъ р. Волховъ, вдругъ слышу что кто-то, сзади меня, крикнулъ мою фамилію. Оборачиваюсь и вижу — подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ, въ статскомъ платьѣ, довольно небрежно одѣтый.

— Что! ты меня не узнаешь? - проговорилъ онъ.

Признаюсь, я былъ порядкомъ озадаченъ, увидя передъ собой какого-то — не то чиновника, не то помѣщика, въ коричневомъ, запущенномъ и позасаленномъ сюртукѣ и въ желтыхъ невыразимыхъ. Вглядываюсь пристальнѣе — лицо какъ-будто знакомое, съ красивыми когда-то чертами, но теперь опухшее, сильно загорѣлое и потасканное; вдобавокъ — черезъ всю лѣвую щеку идетъ широкій рубецъ.

— Не узнаешь? повторяетъ незнакомецъ, и при этомъ на меня такъ сильно пахнула струя спиртоваго запаха, что я невольно попятился немного. Да, это онъ, думалъ я, про себя: его глаза, его голосъ, хотя и сильно осипшій, его запахъ даже... Однимъ словомъ, въ незнакомомъ-знакомцѣ я узналъ блестящаго когда-то, флигель-адъютанта — Мишеля Шумскаго.

— «Шумскій! Мишель!» вскричалъ я. — «Какими судьбами! съ какой планеты свалился ты на нашу землю? Да что это — ты въ отставкѣ?»

— Ну, братъ,—отвѣчалъ Шумскій,—здѣсь не мѣсто разсказывать о моихъ подвигахъ — это цѣлая эпопея! Если хочешь узнать, что со мною случилось въ эти годы, то пойдемъ-ка въ гостинницу, — тамъ за бутылкой чего-нибудь, я все тебѣ разскажу.

Имѣя крайнюю необходимость выѣхать въ тотъ-же день и зная при томъ характеръ Мишеля и его несчастную страсть къ выпивкѣ, я отозвался невозможностью принять его приглашеніе.

— Ну, чортъ съ тобой!—крикнулъ онъ недовольный моимъ отказомъ. Такъ слушай же!

Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ мнѣ, что, по ссылкѣ его на Кавказъ, въ гарнизонѣ онъ оставался недолго, и вскорѣ, по пріѣздѣ въ баталіонъ, былъ переведенъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, который, въ 1827 году, назначенъ былъ въ составъ арміи, дѣйствовавшей противъ Персіи. Въ этой кампаніи Мишель оказалъ чудеса храбрости, за что получилъ Анну съ бантомъ, рубецъ на лѣвой щекѣ и рану въ правую руку.

— Теперь же,—сказалъ Шумскій,—Аракчеевъ отдалъ меня подъ опеку къ такому же аспиду, какъ и самъ онъ — новгородскому вице-губернатору Зотову. Но, — прибавилъ онъ, — со мной шутить плохо! Я до всѣхъ ихъ доберусь!

И дѣйствительно добрался.

Въ Новгородѣ Шумскій былъ зачисленъ на службу въ казенную палату, куда постоянно являлся полупьяный. Замѣчанія и формальные выговоры, дѣлаемые ему вице-губернаторомъ,[1]) были для него, что называется, какъ горохъ о стѣну. Но однажды

---

[1]) Въ описываемое мною время, предсѣдателями казенныхъ палатъ были вице-губернаторы. А. Г.

Шумскій явился въ палату въ такомъ безобразномъ видѣ, что Зотовъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать ему строгое наставленіе. Вице-губернаторъ говорилъ очень много и очень краснорѣчиво; Шумскій слушалъ внимательно и, повидимому, съ должнымъ почтеніемъ, не дѣлая никакихъ возраженій, такъ что Зотовъ начиналъ уже думать, что порядкомъ пронялъ кутилу; но вдругъ Мишель схватилъ стоявшую на столѣ большую чернильницу и пустилъ ее въ вице-губернатора. Тотъ, по счастью, уклонился отъ этого ядра и чернильница, ударившись въ подножіе большаго портрета, украсила чернильными брызгами нѣкоторыхъ членовъ присутствія, которые, вытираясь, еще больше растушевали свои физіономіи.[1])

За выходку эту Шумскій былъ выведенъ изъ палаты сторожами; Зотовъ же обратился къ графу Аракчееву съ просьбою избавить его отъ тяжелой и не совсѣмъ безопасной обязанности опекуна его взбалмошнаго сынка.

Аракчеевъ, получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи, рѣшился еще попытаться обратить на путь истинный блуднаго сына, и препроводилъ его къ извѣстному, въ Александровскую эпоху, архимандриту Юрьевскаго монастыря—Фотію, въ надеждѣ, что этотъ святоша съумѣетъ отчитать его отъ всѣхъ пороковъ. Но ожиданія бѣднаго чадолюбиваго отца и на этотъ разъ не оправдались.

Попавъ въ монастырь, Шумскій повелъ себя сначала очень скромно, усердно посѣщая всѣ утрени, обѣдни и вечерни, но, въ то же время, внимательно присматривался къ монастырскимъ порядкамъ и къ новой, довольно дикой для него, обстановкѣ жизни въ святой обители. Какъ опытный мастеръ скандальнаго дѣла, онъ постарался расположить въ свою пользу многихъ иноковъ, Богъ-вѣсть какими судьбами попавшихъ въ монастырь, и которые были не-прочь провести, въ глухую ночь, часокъ-другой за пріятельскимъ графиномъ. Начались сходки, съ каждою ночью дѣлавшіяся и многолюднѣе и шумнѣе. Само собою разумѣется, что эти ночныя оргіи не могли долго оставаться тайными въ

---

[1]) О продѣлкахъ Шумскаго во время службы его въ казенной палатѣ и о выходкѣ его, которою онъ закончилъ свою службу по статскимъ дѣламъ, мнѣ разсказывали чиновники этой палаты и новгородскаго губернскаго правленія. А. Г.

обители, гдѣ система шпіонства и доносовъ была организована почти съ такимъ же совершенствомъ, какъ и въ любомъ католическомъ монастырѣ. Скоро Фотій очень хорошо зналъ не только о томъ, гдѣ и кто именно собирается, но даже и то, что дѣлается и говорится на подобныхъ бесѣдахъ; но, по христіанской-ли добродѣтели—долготерпѣнію, по другимъ-ли какимъ-либо побужденіямъ, онъ долго сносилъ и ограничивался только одними увѣщаніями. Мѣра терпѣнія святаго отца, однако-жъ, переполнилась наконецъ, когда, на одной изъ ночныхъ сходокъ, Шумскій, сильно возбужденный виномъ, выразился:

— Не будь я Шумскій, если не вырву бороды у нашего архипастыря!

Угроза эта была тотчасъ же, конечно, доведена до свѣдѣнія отца архимандрита, который, не желая дожидаться выполненія ея на дѣлѣ, — за что, зная взбалмошный нравъ Мишеля, нельзя было поручиться, — поспѣшилъ обратиться къ графу Аракчееву съ просьбою взять отъ него Шумскаго и принять какія-либо другія мѣры къ его исправленію; онъ же, Фотій, не можетъ долѣе терпѣть въ своемъ монастырѣ подобнаго господина, грозящаго расшатать всѣ основы монашеской дисциплины.[1])

Разумѣется, Аракчеевъ былъ глубоко огорченъ поведеніемъ своего милаго сынка, и выразился, что попробуетъ еще разъ пристроить его. Съ этою цѣлью Шумскій былъ переведенъ въ другой монастырь—св. Саввы Вышерскаго, гдѣ архимандритствовалъ Малиновскій, бывшій прежде старшимъ священникомъ въ селѣ Грузинѣ и духовникомъ Аракчеева.

Какъ игуменъ, Малиновскій былъ личностью весьма замѣтною; съ твердымъ характеромъ и непреклонною волею, онъ умѣлъ держать въ ежевыхъ рукавицахъ своихъ чернорizцевъ. Но такъ какъ всѣ люди, даже и выдающіеся изъ общаго уровня, имѣютъ свои недостатки, то и отецъ Малиновскій не былъ чуждъ одной слабости, — весьма общей на святой Руси,—общей до того, кажется, что она и зовется-то только слабостью, а не порокомъ

[1]) Подробности жизни и похожденій Шумскаго, какъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, такъ и въ монастырѣ св. Саввы Вышерскаго, сообщены были автору настоящихъ «воспоминаній» воспитанницею графа Аракчеева, племянницею извѣстной Настасьи Ѳедоровны, Татьяною Борисовною, которая, по смерти Аракчеева, вышла замужъ за поручика Вл. Я. Андреева. А. Г.

или недостаткомъ—онъ любилъ позабавиться иногда около графина.

«Рыбакъ-рыбака — видитъ издалека», говоритъ пословица; такъ и Мишель — сразу догадался объ ахилесовой пяткѣ отца архимандрита, и потому не очень-то стѣснялся въ соблюденіи строгихъ монастырскихъ обычаевъ. Охотниковъ выпить,—да еще на чужой счетъ,—и въ этой обители было не мало, и Шумскій, проводя съ ними за стаканомъ свободное отъ церковной службы время, постоянно бывалъ, какъ говорится, на второмъ взводѣ. Однажды онъ хлебнулъ не въ мѣру, и за общей трапезой вздумалъ въ неприличныхъ выраженіяхъ отзываться объ архимандритѣ и порицать его деспотическое управленіе монастыремъ. Присутствовавшій тутъ же Малиновскій замѣтилъ ему, что употребленныя имъ выраженія не соотвѣтствуютъ уставамъ монастырской жизни и монашеской подчиненности, и посовѣтовалъ ему быть поосторожнѣе.

— Что!?—вспыхнулъ пьяный Мишель, и прежде, чѣмъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ успѣлъ опомниться отъ этого окрика, онъ вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ архимандриту, схватилъ его за бороду, крича: На-силу-то я добрался до тебя!

Озадаченная на мгновеніе братія, вскорѣ, однако-жъ, пришла въ себя и выручила своего пастыря изъ пьяныхъ рукъ Шумскаго, который и былъ выведенъ изъ трапезной.

Если-бы все это произошло наединѣ между архимандритомъ и Шумскимъ, то первый, изъ угожденія Аракчееву, можетъ быть и перенесъ бы оскорбленіе, не давая этой исторіи оффиціальной огласки и дальнѣйшаго хода; но, къ несчастію Мишеля и въ особенности самаго Аракчеева, скандалъ случился при всей братіи, почти публично, и потому утаить шила въ мѣшкѣ было нельзя и пришлось выносить соръ изъ избы. О чрезвычайномъ происшествіи этомъ донесено было новгородскому архіерею, который, въ свою очередь, представилъ о случившемся святѣйшему Синоду.

Дѣло разыгралось скоро и при томъ далеко нешуточно для Шумскаго: по воспослѣдовавшему, въ непродолжительномъ времени, высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Соловецкій монастырь.

Трудно бы, казалось, надѣяться послѣ этого, еще разъ уви-

дѣть несчастнаго малаго, вся жизнь котораго была загублена баловствомъ и потворствомъ его мнимой матери и тою страстною любовью, какую сначала питалъ къ нему Аракчеевъ,—этотъ по-истинѣ чугунный, безсердечный и безчувственный человѣкъ... Но судьба судила мнѣ еще разъ свидѣться съ Шумскимъ, и свиданіе это произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе.

Въ 1837 году, оставивъ Аракчеевскій полкъ, я перешелъ на службу въ 1-й округъ Новгородскихъ военныхъ поселеній.

Однажды, не упомню уже въ которомъ именно году, послѣ обѣда, когда я расположился на диванѣ отдохнуть послѣ усиленной бѣготни по службѣ, въ сильную лѣтнюю жару, вижу — отворяется дверь и входитъ въ комнату человѣкъ въ синей, накинутой на плечи, сибиркѣ, въ плисовыхъ шараварахъ и въ красной кумачной рубахѣ, чуть ни половина которой прикрывалась окладистою темнорусою бородою. Быстро подошелъ онъ къ столу, стоявшему передъ диваномъ, и сталъ въ торжественную позу.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ этою выходкою человѣка, повидимому, ямщика или деревенскаго разгульнаго парня.

— Что ты за человѣкъ? Что тебѣ нужно здѣсь? — спросилъ я, возвыся голосъ и привставъ съ дивана.

«А! и ты не узналъ стараго пріятеля! — укоризненно качая головой, произнесъ онъ. «Не узнаешь меня, Мишеля Шумскаго?» прибавилъ онъ.

Это былъ дѣйствительно Шумскій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сосланный въ Соловки и почти похороненный всѣми знавшими его.

При звукѣ его голоса мнѣ невольно вспомнилась моя молодость, лучшіе, по крайней мѣрѣ, беззаботнѣйшіе годы моей жизни. Я вскочилъ съ дивана и со слезами на глазахъ бросился обнимать стараго товарища.

— Утѣшься, мой другъ,—хладнокровно остановилъ онъ меня.

— Не будь такъ малодушенъ, не волнуйся слишкомъ. Смотри на меня! Ты знаешь, что на пути моей жизни я испыталъ всѣ превратности судьбы и капризы фортуны; однако-жъ, изъ всей этой науки я ровно ничего не вынесъ путнаго и до сихъ поръ не измѣнился.

— Ты видѣлъ меня, — продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія, — въ мундирѣ флигель - адъютанта, а теперь полю-

буйся — каковъ я въ костюмѣ ямщика!... Не спрашивай меня, что я, откуда явился и гдѣ обрѣтаюсь теперь. Я бѣглецъ, бродяга, полумонахъ Соловецкаго монастыря, ушелъ, тайнымъ образомъ, съ Бѣлаго моря и добрался, питаясь по дорогѣ Христовымъ именемъ, до Соснинской пристани,[1]) къ знакомому мнѣ ямщику; сбросилъ свою ненавистную хламиду, облачился въ этотъ ухарскій армякъ и пошелъ странствовать по знакомымъ мнѣ мѣстамъ... Прихожу на старое пепелище, гдѣ, когда-то, жилось такъ весело, узнаю, что ты, старый дружище, обрѣтаешься здѣсь, и спѣшу предстать передъ твои ясныя очи...

Все это онъ проговорилъ не то торжественнымъ, не то шутовскивъ тономъ, видимо, однако-жъ, рисуясь... Но сквозь это напускное шутовство иногда прорывалось нѣчто совсѣмъ другое, хватающее за сердце, и тогда голосъ его дрожалъ, какъ надтреснувшее стекло.. Видно, воспоминанія о прошлыхъ счастливыхъ дняхъ, съ перспективой блестящей служебной будущности, не совсѣмъ еще исчезли изъ памяти вѣчно полупьянаго кутилы.

— Однако, братъ, — перемѣнивъ тонъ, началъ опять Шумскій,—соловья баснями не кормятъ. Скомандуй-ка, пожалуйста, по-старинѣ, подать водки, у меня все горло пересохло.

Я кликнулъ деньщика и приказалъ подать водку и закуску, что не мало удивило моего личарда, не привыкшаго видѣть меня закусывающимъ въ такое необычное время, чуть ни тотчасъ же послѣ обѣда. Шумскій съ видимымъ удовольствіемъ выпивалъ одну рюмку за другою, пока не осушилъ всего графина.

— Вели-ка, братъ, еще подать; тутъ нѣтъ ужъ ничего,—обратился онъ ко мнѣ, показывая графинъ и съ какимъ-то презрѣніемъ разглядывая его на свѣтъ.

«Ну, мой милый, извини! Самъ я этимъ художествомъ не занимаюсь, и потому водки у меня держится немного, а посылать очень далеко».

— Ахъ, ты! видно все еще придерживаешься аракчеевщины! А еще пріятелями были!—Ну, да Богъ съ тобою! Прощай! Мнѣ пора и отправляться.

Мы простились и онъ, выходя уже изъ комнаты, остановился въ дверяхъ и сказалъ:

---

[1]) Волховская станція Николаевской желѣзной дороги.

— Вотъ, братъ, бѣда! потерялъ я свою шляпу ямскую, съ павлинымъ перомъ! Теперь придется такъ и путешествовать, точно на построеніе храма сбираю!

«Возьми мою фуражку съ краснымъ околышкомъ, предложилъ я ему».

— Ну тебя къ чорту съ нею! Я давно ужъ ненавижу все красное; къ тому же она и не подходитъ къ моему армяку и бородѣ. Прощай; счастливо оставаться! крикнулъ онъ еще разъ и исчезъ.

Посѣщеніе Шумскаго произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе. Въ особенности непріятно было видѣть въ немъ какое-то совершенно безучастное отношеніе ко всему, даже къ собственной особѣ. На все окружающее, какъ на людей, такъ и на предметы, онъ смотрѣлъ холодно и равнодушно; видно было, что въ этомъ человѣкѣ не живетъ уже болѣе никакого чувства: все въ немъ вымерло, выгорѣло въ томъ всероссійскомъ горнилѣ, которое называется запоемъ и въ которомъ гибнетъ столько человѣческихъ личностей, нерѣдко очень даровитыхъ... Только вино и, такъ называемая, кабацкая посуда пробуждали его вниманіе, оживляли его.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ 9-мъ, мнѣ дали знать, что какой-то человѣкъ, въ безчувственно-пьяномъ видѣ. валяется у воротъ лазарета лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка. Когда я прибѣжалъ туда, то засталъ уже тамъ цѣлую процессію, съ Мишелемъ Шумскимъ въ срединѣ, котораго солдаты несли къ подводѣ. По распоряженію окружнаго командира, бѣднягу отправили на станцію Спасскую Полисть, къ становому приставу.

Съ тѣхъ поръ я ничего уже никогда не слышалъ о Шумскомъ и не знаю, живъ-ли онъ теперь, или давно погибъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, пропивъ всякое сознаніе и даже память о быломъ.

А. К. Гриббе,
отставной полковникъ.

Старая Русса.

———

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разсказы Очевидца.

1861 — 1864.

IV.[1])

Лидерсъ.

„Камень, его же небрегоша зиждущіи—сей бысть во главу угла".

Въ то время, когда въ безплодной и безцѣльной борьбѣ кн. Горчакова съ крамолою осыпались, одинъ за однимъ, лавры съ его севастопольскаго вѣнца, столь дорого имъ пріобрѣтеннаго; когда Сухозанетъ истощался въ усиліяхъ „произвести обаяніе" на жителей Варшавы, а между тѣмъ ссорился съ Велепольскимъ, писалъ стихи, рисовался передъ г. Ильею Арсеньевымъ, разъѣзжалъ съ своими Кубанцами съ одного военнаго праздника на другой, писалъ неслыханные приказы о дисциплинѣ и старался, избѣгая строгихъ мѣръ, сохранить свою прежнюю военную репутацію; когда Герштенцвейгъ пустилъ себѣ двѣ пули въ голову послѣ неудачнаго вмѣшательства не въ свое дѣло, а графъ Ламбертъ, изнеможенный въ борьбѣ – вся тягость которой, по равнодушію и неумѣлости его „по-

---

[1]) См. первые три разсказа Очевидца о Польской смутѣ 1861—1862 гг. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721.

Въ предъидущемъ разсказѣ Очевидца въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 706, по недосмотру типографіи, первая строка помѣщенная вверху текста первою—должна быть послѣднею на той-же страницѣ именно: (мали)-новый и желтый цвѣта преобладали. По воскресеньямъ они прохо(дили)... и т. д. какъ на 707-й стр.

Кстати исправимъ опечатку: вверху 769-й стр., т. XI-го, напеч.: «императрица Анна Леопольдовна», читай: «императрица Анна Іоанновна».

мощниковъ", пала на него одного,—скрытно уѣхалъ изъ Варшавы; въ это время, близь Одессы, на берегу Чернаго моря, жилъ ветеранъ — генералъ Александръ Николаевичъ Лидерсъ, забытый всѣми почти шесть лѣтъ, но имя котораго, двѣнадцать лѣтъ назадъ, пріобрѣло громкую извѣстность во время Венгерской кампаніи и было памятно Россіи въ 1855 и 1856 гг., когда Лидерсъ былъ главнокомандующимъ крымскою арміею послѣ князя Горчакова.

Лѣта не ослабили энергіи Лидерса; вся его сплоченая фигура выражала безстрашіе, рѣшимость и отвагу; сѣдые длинные усы на его моложавомъ и открытомъ лицѣ и густыя черныя брови придавали особую пріятную выразительность его умной и привлекательной физіономіи, а каждое движеніе свидѣтельствовало, что обожаемый русскимъ солдатомъ герой сознавалъ свое достоинство, привыкъ къ начальствованію и, въ случаѣ надобности, умѣлъ приказывать, никогда не повторяя разъ отданнаго приказанія.

Солдаты боготворили своего молодца-генерала и по его слову были готовы идти въ огонь и воду, и дѣйствительно, Лидерсъ олицетворялъ собою типъ русскаго боеваго начальника, какимъ были: кн. Багратіонъ, гр. Милорадовичъ, Петръ Паленъ, Остерманъ-Толстой; скажемъ болѣе: Венгерская кампанія доказала, что Лидерсъ имѣлъ таланты для самостоятельныхъ дѣйствій, какъ замѣчательный полководецъ; онъ могъ бы назваться двойникомъ французскаго маршала Сюше, герцога Альбужерскаго.

Венгерская кампанія 1849 г. разомъ выдвинула Лидерса изъ ряда русскихъ генераловъ и сдѣлала его имя извѣстнымъ во всей Россіи. Въ то время, когда три русскіе корпуса (2-й, 3-й и 4-й), съ множествомъ боковыхъ отрядовъ, подвигались черепашьимъ ходомъ къ Токаю, Лидерсъ, имѣя подъ командою всего 26 баталіоновъ, 16 эскадроновъ, 18 сотенъ казаковъ, при 56-ти орудіяхъ, а противъ себя 42,000 Венгерцевъ при 112-ти орудіяхъ, подъ командою одного изъ даровитѣйшихъ польскихъ генераловъ 1831 г.—Бема, Лидерсъ начинаетъ рядъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ взялъ съ боя Темешскій проходъ, въ Карпатскихъ горахъ, утвердился на сѣверной ихъ покатости, подалъ руку двигавшимся въ Трансильванію отрядамъ: Гротенгельма, Садругова, Данненберга, Гасфорта и Австрійцамъ Кламъ-Галласа; повсюду преслѣдовалъ Бема; предупреждалъ его покушенія на Кронштадтъ и Германштадтъ и, наконецъ, нанеся ему рѣшительныя пораженія при Сегезварѣ и Мюлендорфѣ, принудилъ положить оружіе девятнадцать тысячъ непріятелей при 120-ти орудіяхъ,—и все это было сдѣлано въ два мѣсяца, съ 7-го іюня по 7-е августа 1849 г. Трансильванія была покорена: всѣ ея защит-

ники либо побиты, либо разсѣяны, либо взяты въ плѣнъ, а раненый предводитель ихъ—Бемъ бѣжалъ въ Турцію.

Императоръ Николай I, при всей любви своей къ фельдмаршалу Паскевичу, отдалъ Лидерсу должное и взыскалъ милостями своего генерала.

Во время послѣдней войны, послѣ отбытія кн. Горчакова въ Варшаву, Лидерсъ, командуя крымскою арміею, съ 27-го декабря 1855 г. по день заключенія мира, успѣлъ привести въ порядокъ наши боевыя части, сильно пострадавшія при оборонѣ Севастополя, такъ что, по заключеніи перемирія, наши бывшіе непріятели удивлялись блистательному положенію крымской арміи.

Между тѣмъ съ самаго назначенія Сухозанета военнымъ министромъ, въ Петербургѣ начали ходить слухи о злоупотребленіяхъ, происходившихъ въ интендантствѣ крымской арміи; учреждена была слѣдственная коммиссія и наряженъ судъ; при этомъ дѣйствія слѣдственной коммиссіи нетолько огласились, но даже были напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ". На это послѣдовалъ печатный отвѣтъ и завязалась полемика, тѣмъ болѣе любопытная, что главное лицо, о дѣйствіяхъ котораго коммиссія слѣдственная не пришла еще къ заключенію, нашлось вынужденнымъ защищаться публично и въ довершеніе, въ органѣ военнаго министерства—„Русскомъ Инвалидѣ".

Исходъ этого дѣла извѣстенъ: русская военная литература обогатилась нѣсколькими замѣчательными сочиненіями; но во время производства дѣла наброшена тѣнь на дѣйствія Лидерса; конечно это была молва, но, впрочемъ, скоро подтвердившаяся: 14-го августа 1856 г. Лидерсъ, прибывшій въ Москву по случаю празднествъ коронаціи, внезапно заболѣлъ и вскорѣ былъ уволенъ отъ командованія арміею.

9-го октября 1861 г. за Александромъ Николаевичемъ Лидерсомъ былъ посланъ изъ Ливадіи пароходъ, и старый царскій слуга явился на призывъ монаршаго довѣрія и вниманія.

Герою, прославившему русское оружіе, не было надобности, какъ то говоритъ г. Бергъ: «ждать или не ждать погоды»; онъ ждалъ своего часа и часъ его пробилъ.

Лидерсъ понималъ всю трудность свего положенія; состояніе края далеко ухудшилось, а Лидерсъ не имѣлъ той власти, которая была дана Горчакову, Сухозанету и Ламберту. Его назначеніе было временное, потому-тто хотѣли сдѣлать послѣ того еще одну рѣшительную попытку къ умиротворенію Польши,—надъ чѣмъ усердно работалъ, находившійся въ Петербургѣ, маркизъ Велепольскій; Лидерсъ былъ временно главнокомандующимъ арміею и исправлявшимъ долж-

ность намѣстника—ему приказано было стать грудью за все, что было ниспровержено въ теченіи бѣдственныхъ предшествовавшихъ девяти мѣсяцевъ безначалія, и Лидерсъ исполнилъ это назначеніе, онъ рѣшился—„стоять и умирать“ во славу государя и русскаго имени, не опустивъ глазъ и не преклонивъ головы передъ всѣми ужасами давней распущенности, не знавшей до сихъ поръ предѣла своимъ неистовствамъ.

Генералъ Сухозанетъ выслалъ двухъ своихъ приближенныхъ на встрѣчу, столь торжественно возвращавшемуся къ войскамъ, бывшему главнокомандующему крымскою арміею для того, что-бы ознакомить его съ ходомъ дѣлъ; но Лидерсъ не былъ новичкомъ въ дѣлѣ управленія и имѣлъ свой собственный планъ для дѣйствій.

Варшава приняла Лидерса печальнѣе, нежели Ламберта: костелы были заперты, не раздавалось привѣтнаго звона колоколовъ, управляющаго всею дневною жизнью истиннаго католика; [1]) улицы были пусты; ихъ не оживляли толпы богомолокъ, спѣшившихъ съ молитвенниками въ костелы или изъ костеловъ; только угрюмыя мужскія фигуры, въ черномъ, сновали тамъ и сямъ, какъ бы для того, что-бы придать городу еще болѣе сумрачный видъ.

Лидерсъ прежде всего отвелъ душу среди войскъ, которыхъ давно и хорошо зналъ и умѣлъ на нихъ дѣйствовать. Подскакавъ къ фронту выведенныхъ на смотръ полковъ, главнокомандующій лихо съ ними поздоровался; обскакалъ ряды, благодарилъ за службу, надѣялся, что ихъ рвеніе и усердіе не ослабѣютъ, и приказалъ дать людямъ по чаркѣ водки, а потомъ объѣхалъ и осмотрѣлъ лагери на площадяхъ; сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ печей въ палаткахъ и объявилъ, что войска оставятъ эти лагери только тогда, когда будетъ возстановленъ полный порядокъ.

Смотръ этотъ произвелъ на солдатъ самое благопріятное впечатлѣніе; молодецкая наружность главнокомандующаго, лихо ѣздившаго верхомъ, имъ необыкновенно понравилась, а его умѣнье приласкать и подбодрить нѣсколькими задушевными словами привело всѣхъ въ восторгъ. Солдатики, послѣ смотра сравнивая трехъ главнокомандовавшихъ: Сухозанета, Ламберта и Лидерса, перебывавшихъ въ Варшавѣ втеченіе полугода, отзывались такъ:

— „Одинъ все говорилъ, а водки не давалъ; [2]) другой — и не

[1]) Кромѣ благовѣста къ обѣднѣ и вечернѣ, втеченіе дня и ночи звонятъ на колокольняхъ, напоминая о наступившемъ часѣ молитвы, что строго исполняется. Авт.

[2]) Разъ Сухозанетъ, во время дождя, долго говорилъ съ солдатами и, уѣзжая, молвилъ: «дать людямъ водки, если не прояснится». Заблистало солнце и водки не дали. Авт.

говорилъ и водки не давалъ; [1]) а третій, какъ увидѣлъ безпардонную армейскую пѣхоту, сначала закричалъ: „молодцы, дать имъ по чаркѣ водки, а потомъ заговорилъ».

Въ первомъ дневномъ приказѣ предписывалось, что-бы ежедневно, во время смѣны карауловъ, музыканты поочереди играли передъ зàмкомъ. Всѣ были необыкновенно этимъ довольны; зàмокъ перестали называть Гаэтою; все оживилось, потому что зàмокъ лежитъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ Варшавы, и почти каждый варшавянинъ и варшавянка не одинъ разъ перебываютъ тамъ втеченіе дня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ начался рядъ мѣръ, по которымъ обратилось въ дѣло — слово и приказы прежнихъ намѣстниковъ. Лидерсъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ дѣятельности и распорядительности и варшавская администрація запрыгала, какъ разрозненные члены изрубленной лягушки подъ вліяніемъ дѣйствія галванизма; но потомъ ея дѣйствія приняли систематическій характеръ.

Осадное положеніе возстановлено во всей своей строгости; никто не былъ изъятъ отъ законнаго взысканія за малѣйшее уклоненіе отъ предписанныхъ правилъ, которыя, надобно сказать, были весьма стѣснительны, въ особенности въ вечернее и ночное время. Вечеромъ каждый долженъ былъ идти съ фонаремъ, что придавало городу фантастическій видъ, пріятный для зрителя, но не для дѣйствователя; послѣ полуночи движеніе прекращалось; ношеніе палокъ было мужчинамъ воспрещено; остановка болѣе чѣмъ трехъ на улицѣ — также, и полиція, столь спокойно почивавшая прежде, внезапно сдѣлалась бдительною и исполнительною.

Пѣніе у костеловъ передъ статуями Богоматери и святыхъ прекратилось, потому что едва только толпы начинали собираться, на нихъ налетали казаки и безъ церемоніи разгоняли ревуновъ, а полиція хватала тѣхъ, которые бы вздумали упорствовать и барахтаться.

28-го октября ст. ст. 1861 г. приступлено къ аресту лицъ, наиболѣе выставившихся въ послѣднихъ безпорядкахъ; такъ взяты: Фердинандъ Новаковскій, фотографъ Бейеръ, еврейскій раввинъ Майзельсъ и три извѣстные еврейскіе проповѣдника. Все дрогнуло, чувствуя, что это только начало и первыя дѣйствія руки твердо взявшейся за кормило правленія.

А между тѣмъ намѣстникъ въ свободное время отъ дѣлъ ѣздилъ по городу одинъ, безъ конвоя, либо прогуливался пѣшкомъ, заходя въ магазины и очаровывая всѣхъ своею привѣтливостію.

---

[1]) Графъ Ламбертъ рѣдко являлся передъ войсками и не былъ говорливъ съ ними. Авт.

Первая острастка Варшавѣ была дана; манифестаціи прекратились; темные руководители мятежа попрятались, и, что-бы не сидѣть съ сжатыми руками, принялись за сочиненія правильной организаціи для предстоящей открытой борьбы съ законною властію, при чемъ бѣлые и красные устраивали эти организаціи по своей фантазіи: дѣлили Польшу на воеводства; выбирали окружныхъ и повѣтовыхъ представителей; учреждали дирекціи и делегаціи—и все это быть можетъ осталось бы въ области мечтаній, если бы Лидерсъ довелъ до конца порученное ему дѣло.

Во главѣ делегаціи бѣлыхъ былъ варшавскій банкиръ, потомственный дворянинъ русской имперіи и кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й степени, Леопольдъ Кронебергъ[1]); красные выставили противу него капитана Ярослава Домбровскаго, о которомъ слѣдуетъ разговориться.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ повстанскихъ личностей наиболѣе выдавались два человѣка — капитаны Сѣраковскій и Домбровскій; это былъ „двойной ядовитый орѣшекъ подъ одною скорлупою". Домбровскій избралъ мѣстомъ дѣйствія Варшаву и Царство Польское; Сѣраковскій оставался въ Петербургѣ для вербованія начальниковъ повстанскихъ бандъ, на случай предстоящаго восстанія въ Польшѣ и Литвѣ.

О Сѣраковскомъ поговоримъ послѣ. Что-жъ до его товарища, то Ярославъ Домбровскій былъ малаго роста, отчего у товарищей слылъ подъ названіемъ „локтика" (Łokietek). Наружность его была невзрачная; физіономія необыкновенно подвижная, а блѣдно-сѣрые глаза и черныя нахмуренныя брови придавали лицу его свирѣпое выраженіе. Трудно себѣ представить что нибудь непріятнѣе улыбки Домбровскаго; говорилъ онъ громко, при чемъ сильно размахивалъ руками. Еще въ Петербургѣ Домбровскій сдѣлался дѣятельнымъ агитаторомъ между знакомыми офицерами. Въ одномъ польскомъ домѣ, у полковника русской службы, долго жившаго въ Варшавѣ и совершенно ополячившагося, собиралась польская военная молодежь для чтенія книгъ и разныхъ трактатовъ.—Сѣраковскій, путешествовавшій за границею, поддерживалъ связь заграничныхъ поляковъ съ русскими неофитами. По рукамъ въ Петербургѣ ходила статья Сѣраковскаго, подъ названіемъ: „Польскій вопросъ"; самъ Сѣраковскій готовился быть адъюнктъ-профессоромъ военно-уголовнаго права. Домбровскій былъ наивѣрнѣйшимъ Лепорелло этого Донъ-Жуана ре-

---

[1]) Кронебергъ получилъ эти отличія по усиленному ходатайству генералъ-фельдмаршала графа Берга. Авт.

волюціи, внушая легковѣрнымъ юношамъ, что будущее освобожденіе Польши — торжество прогресса и цивилизаціи.

Туже пропаганду взялъ на себя Домбровскій въ Варшавѣ; кромѣ того, при сборѣ делегацій, онъ громче всѣхъ кричалъ о необходимости открытаго возстанія, разсчитывая на содѣйствіе (!!) русскихъ войскъ. Въ его помутившемся воображеніи баталіоны и полки клали оружіе, а крѣпости открывали ворота при появленіи нѣсколькихъ сотенъ повстанцевъ.

Какъ ни искусно и хитро дѣйствовалъ Домбровскій, но онъ впослѣдствіи былъ схваченъ и посаженъ въ политическую тюрьму Варшавской цитадели, извѣстную подъ названіемъ 10-го павильона.

Для того, что-бы не отвлекаться — доскажемъ, упреждая время, исторію этого поборника революціи.

У Домбровскаго была хорошенькая любовница, на квартирѣ которой, безъ ея вѣдома, онъ спряталъ бумаги, могшія его сильно компрометировать. Домбровскаго это очень озабочивало, потому что грозило петлею или разстрѣляніемъ, и вотъ онъ обращается къ одному изъ старшихъ начальниковъ (дѣйствительно доброму и честному человѣку) съ просьбою, въ которой излагаетъ всю силу своей любви къ молодой дѣвушкѣ и проситъ позволенія обвѣнчаться съ нею. Получивъ это прошеніе, долго думалъ добрый старикъ: онъ имѣлъ еще горячее сердце, зналъ и понималъ любовь; по его ходатайству разрѣшено было обвѣнчать Домбровскаго съ его невѣстою въ одной изъ комнатъ 10-го павильона, въ присутствіи смотрителя и сторожей; послѣ обряда, новобрачную тотчасъ-же должны были отвезти домой, а новобрачнаго отправить въ его нумеръ. Все это было довольно романически, но при этомъ Домбровскій сыгралъ замѣчательную штуку съ своими благодѣтелями. Давая брачный поцѣлуй, онъ втиснулъ въ ротъ своей женѣ (заранѣе объ этомъ предувѣдомленной) записочку, съ приказаніемъ сжечь бумаги, хранившіяся въ подушкѣ дивана ея подруги Огоновской. Это было исполнено. Полиція прибыла какъ разъ въ то время, когда догаралъ послѣдній лоскутокъ. Сообщница Домбровскаго заперлась и отъ ней не добились ни слова, а потому, не имѣя явныхъ уликъ, выслали ее въ городъ Семеновъ Нижегородской губерніи.

Судъ надъ Домбровскимъ тянулся долго и наконецъ онъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжную работу. Домбровскій былъ отправленъ по назначенію, но бѣжалъ въ Москвѣ, заѣхалъ въ Семеновъ за женою, окончательно бѣжалъ съ нею во Францію, напечаталъ извѣстное письмо редактору

„Московскихъ Вѣдомостей“ и погибъ въ Парижѣ, начальствуя коммунистами.

Судя по Домбровскому, можно опредѣлить, каковы были его сотоварищи. Это были люди безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію и безъ будущности. За нѣсколько кружекъ пива и нѣсколько злотувекъ (пятиалтынныхъ) готовы они были убить перваго встрѣчнаго. Но съ Лидерсомъ шутить было нельзя, еще менѣе возможно было открытое сопротивленіе, и вотъ вожди мятежа, для того что-бы показать революціонерамъ свою дѣятельность, принялись за составленіе списковъ, для будущаго открытаго возстанія. Однако всѣ эти подземныя интриги вѣроятно бы заглохли, если бы Лидерсу не помѣшали исполнить до конца свое назначеніе и не встрѣтилось бы препятствій его дѣйствіямъ отъ посторонних вліяній. Лидерсъ могъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ, потому что, вѣря въ свою силу, „бралъ, какъ говорится, вола за рога“ и управился-бы съ нимъ одинъ, если бы не являлись къ нему „помощники“, въ родѣ двоедушнаго архіепископа-митрополита Фелинскаго; а главное, если бы дѣйствія Лидерса не были превратно истолковываемы.

Вслѣдъ за арестомъ вожаковъ мятежа, Лидерсъ грозно обратился къ капитулу и потребовалъ отчета, на какомъ основаніи были закрыты храмы въ Варшавѣ? Дерзкій отвѣтъ капитула повелъ за собою арестованіе администратора Бялобржесскаго и заключеніе его въ цитадель; а затѣмъ, несмотря на изворотливые отвѣты хитраго прелата, виновность его была обнаружена и военный судъ приговорилъ его, 9-го ноября ст. ст. 1861 г., „лишить духовнаго званія, ордена св. Анны 2-й степени и разстрѣлять“.

Намѣстникъ ограничилъ наказаніе Бялобржесскаго заключеніемъ въ Бобруйскую крѣпость на одинъ годъ.

Казалось бы, что эта строгая и справедливая мѣра должна была однако произвести окончательный разрывъ между папою и русскимъ дворомъ; въ этомъ злорадно увѣренъ былъ капитулъ, увлекавшійся личными страстями и совершенно позабывшій свое духовное призваніе; но не такъ отнесся къ этому глава католической церкви. Съ одной стороны—ему не хотѣлось разрыва, а съ другой — не могъ онъ не признавать преступности дѣйствій католическаго польскаго духовенства; сверхъ того, не менѣе ему прискорбно было, что храмы такого города, какъ Варшава, оставались нѣмы, осуждены были на запустѣніе, и съ высоты своихъ башень не разносили столь отраднаго для вѣрующихъ звона колоколовъ, а сами не оглашались службою Божіею.

Припомнимъ, что Лидерсъ пріѣхалъ въ Варшаву 24-го октября

ст. ст.; а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 21 ноября, не осталось и слѣдовъ печальнаго времени Сухозанета и Ламберта. Порядокъ былъ возстановленъ; власть пріобрѣла прежнее уваженіе, потому что дѣйствовала твердо и послѣдовательно; партіи, сознавъ, временно, свое безсиліе, ограничивались мечтаніями, проектами и угрозами; все обѣщало въ будущемъ, что край успокоится и съ него будетъ сброшено столь долго тяготѣвшее надъ нимъ ярмо революціоннаго преобладанія.

Дѣятельно занимался этимъ новый намѣстникъ, работавшій съ неутомимою энергіею. Не ограничиваясь одною Варшавою, онъ послалъ довѣренныя лица въ губерніи, гдѣ общественное настроеніе, несмотря на разъѣзды красныхъ и ихъ поджигательства, принимало видимо лучшій характеръ. Поле было готово, необходимо было засѣять его новыми, здоровыми сѣменами.

Но у Лидерса былъ антагонистъ, замаскировавшій свои честолюбивыя намѣренія усердіемъ къ пользѣ Россіи. Понемногу въ Петербургѣ освоивались съ мыслію, что Лидерсъ, какъ мужественный, твердый и рѣшительный воинъ, успокоитъ Польшу и доведетъ дѣло до прежняго statu quo; но что у него нѣтъ тѣхъ высшихъ административныхъ способностей, которыя необходимы для коренныхъ преобразованій; при чемъ предполагалось дать краю извѣстную степень самоуправленія и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя уступки современнымъ требованіямъ.

Мысль эту выразилъ, развилъ и поддерживалъ одинъ изъ именитѣйшихъ по рожденію, богатству и образованію людей Польши — маркизъ Велепольскій, графъ Гонзаго-Мышковскій, который (какъ то показали его послѣдующія дѣйствія) считалъ себя мужемъ Провидѣнія для устройства будущихъ судебъ Польши. Правда, во время послѣдней смуты не разъ обращалось къ нему правительство, какъ къ человѣку совѣта и опыта; но всякое вмѣшательство Велепольскаго въ общественныя дѣла портило и останавливало ихъ, показывая величайшую непопулярность маркиза въ краѣ, гдѣ у него были тысячи личныхъ непріятелей. Говорили даже, что онъ потому и примкнулъ къ правительству, что свои его не хотѣли, тогда какъ графъ Андрей Замойскій пользовался общимъ сочувствіемъ.

Велепольскому не впервые приходилось выжидать. Послѣ неудачной поѣздки въ Лондонъ съ дипломатическою цѣлью, въ 1831 году, отъ тогдашняго революціоннаго правительства,—Велепольскій оставался за границею и ждалъ своей поры; потомъ вернулся въ свои польскія помѣстья, поселился въ Пинчовѣ, выигралъ множество тяжбъ и потомъ, поступивъ на службу, занялъ одно изъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, тогда какъ его товарищи — выходцы 1831 года,—

оставались за границею, не имѣя надежды когда-либо возвратиться въ отечество.

Съ начала послѣднихъ безпорядковъ Велепольскій сдѣлался приближеннымъ и довѣреннѣйшимъ лицемъ князя Мих. Дм. Горчакова; онъ даже поселился въ замкѣ, но дѣла мало оттого выиграли; когда-же мѣсто Горчакова заняли Сухозанетъ, Ламбертъ и снова Сухозанетъ, значеніе Велепольскаго начало падать; начались его пререканія и ссоры съ Сухозанетомъ; Ламбертъ оставилъ маркиза совершенно въ тѣни, а по возвращеніи Сухозанета въ Варшаву, Велепольскій, заведшій уже знакомства въ Петербургѣ, выѣхалъ туда изъ Варшавы, чувствуя, что при настоящихъ обстоятельствахъ ему тамъ дѣлать нечего, тогда какъ въ Петербургѣ онъ имѣлъ всю цѣну новости.

Дѣйствительно, въ Петербургѣ открылись для Велепольскаго всѣ салоны; повсюду въ высшихъ сферахъ начали говорить о государственныхъ способностяхъ маркиза, знаніи имъ края, его популярности и вліяніи на всѣ сословія.

Эти слухи и мнѣнія были ошибочны.

Велепольскій, по характеру, былъ мелоченъ, гонялся за подробностями, упуская изъ виду цѣлое; любилъ видѣть около себя родню и пресмыкающихся приближенныхъ; былъ завистливъ къ каждому постороннему успѣху, а главное былъ полякомъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ смотрѣлъ на Россію, какъ на средство для возстановленія Польши, и фанатически былъ увѣренъ, что ему удастся это сдѣлать. При такихъ нравственныхъ качествахъ и такихъ тенденціяхъ трудно было заподозрить маркиза въ государственной мудрости; по крайней мѣрѣ повсюду государственные люди дѣлаются не изъ этого тѣста.

Что до знанія края, то событія показали, какъ Велепольскій мало зналъ свой край, современное положеніе дѣлъ и общее настроеніе; да и трудно ему было знать ихъ послѣ десятилѣтняго отсутствія и совершеннаго устраненія отъ общественной дѣятельности.

Велепольскій нетолько не имѣлъ популярности, но былъ нетерпимъ въ краѣ и прежде всего за выигранные имъ семьдесятъ процесовъ, а главное за дѣло о библіотекѣ Свидзинскаго, которую онъ долго держалъ у себя вопреки волѣ завѣщателя и общаго желанія края.

Наконецъ Велепольскій нетолько не имѣлъ въ краѣ какого-либо вліянія, но ему достаточно было пожелать что-нибудь или объявить себя въ пользу какого-либо начинанія, что-бы дѣло приняло неблагопріятный или несчастливый исходъ. Надменность и высокомѣріе маркиза усугубляли общее къ нему нерасположеніе. Велепольскій былъ польскій магнатъ въ полномъ значеніи слова. Высокомѣрный и недо-

ступный для низшихъ, требовавшій, что-бы, относительно къ нему, каждый, почти буквально, исполнялъ на дѣлѣ, что говоритъ всякій Полякъ при встрѣчномъ привѣтствіи: „падамъ до ногъ“, или „цѣлую ступки и подступки ясневельможнаго пана“ (т. е. упадаю къ ногамъ или цѣлую ступни и подошевки ясновельможнаго господина); съ высшими же лицами магнатъ польскій исполнитъ то же самое, только въ болѣе утонченной формѣ.—Оригинальность Велепольскаго въ Петербургѣ въ томъ именно болѣе всего и заключалась, что при своей медвѣжьей фигурѣ и наружности, напоминавшей цивилизованнаго Собакевича, онъ, ворча и какъ бы нехотя, склонялся передъ немногими петербургскими авторитетами, стараясь и при этой напускной скромности сохранить народный оттѣнокъ; а какъ польскіе магнаты и польскіе придворные чины считались тогда рѣдкостными птицами въ Петербургѣ, то и маркизъ Велепольскій былъ тамъ замѣченъ, какъ рѣдкій звѣрь.

Съ 1848 года, т. е. съ начала своего сближенія съ правительствомъ, Велепольскій преслѣдовалъ одну идею — сдѣлать изъ Польши аристократически-консервативное государство съ необходимою автономіею, для того, что-бы Польша, опираясь на Россію, была представительницею славянской цивилизаціи въ европейской семьѣ государствъ; русскіе же должны были помогать Велепольскому спокойно строить это зданіе, вынося на себѣ въ настоящее время всю ярость разбушевавшихся стихій будущей революціи.

Но, errare humanum est; какъ увидимъ послѣ, съ пріѣзда Велепольскаго въ Варшаву, польское общество оттолкнуло его отъ себя; родственники и прихлебатели (pieczeniarze) не могли замѣнить среды людей, отъ него отказавшихся; революціонеры рѣшились извести его и вскорѣ Велепольскій долженъ былъ ѣздить подъ конвоемъ жандармовъ. Обстановка, не соотвѣтствующая званію народнаго трибуна, какимъ думалъ быть гордый маркизъ.

Ненависть революціонеровъ къ Велепольскому была чисто личная; они вовсе не считали его опаснымъ для своихъ замысловъ; у нихъ недоставало рѣшимости — оставить его въ покоѣ, какъ сдѣлалъ знаменитый Валленштейнъ, взявъ, въ 1633 году, подъ Штейнау, въ плѣнъ графа Турна; онъ выпустилъ его на свободу и писалъ императору: „вѣрьте, ваше величество, что графъ Турнъ, начальствуя непріятельскими войсками, будетъ, по неспособности своей, намъ гораздо полезнѣе, нежели находясь въ заключеніи“.

Въ декабрѣ 1861 года Польша видимо начинала успокоиваться. Лидерсъ дѣйствовалъ съ большимъ тактомъ, умно, твердо и рѣшительно; выслушивая благосклонно всѣхъ, онъ одинъ приводилъ въ

исполненіе зрѣло-обдуманныя предначертанія, требуя отъ подчиненныхъ, что-бы каждый изъ нихъ былъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ свое дѣло. Всѣ были довольны успѣхомъ порядка и законности, а потому и полагали, что теперь наступило для Царства Польскаго время коренныхъ преобразованій. Царскій братъ, облеченный полномочіемъ, долженъ былъ осуществить ихъ; мнѣніе же петербургскаго высшаго круга остановилось на маркизѣ Велепольскомъ, заслуги котораго, будто-бы не были достаточно оцѣнены предшествовавшими намѣстниками.

Необходима еще замѣтка о томъ, почему Велепольскій не могъ искренно служить интересамъ Россіи.

У каждаго народа есть свой типъ; представители его: Гамлетъ у Англичанъ, Донъ-Кихотъ у Испанцевъ, Баярдъ у Французовъ, Фаустъ у Нѣмцевъ,—каждая изъ этихъ личностей, выражая свой народъ, почерпаетъ начало въ доблести, благородствѣ и торжествѣ истины надъ увлеченіями и страстями. Идеалъ Поляковъ имѣетъ страстное и преступное начало: они возвели измѣну въ типъ высочайшей любви къ отечеству. У нихъ идеалъ польскаго героя—Конрадъ Валенродъ, принятый рыцарями Литвинъ, который достигаетъ званія гросмейстера у меченосцевъ и ведетъ ихъ армію на погибель въ Литву, гдѣ она дѣйствительно и погибаетъ.

Вглядываясь въ характеръ большихъ и малыхъ дѣятелей въ послѣдней польской смутѣ, видимъ, что всѣ эти Огрызки, Сѣраковскіе, Домбровскіе и tutti quanti принадлежатъ къ одному пошибу и къ одной семьѣ... Ложно-понимаемая идея отечества оправдываетъ для нихъ всѣ средства.

Маркизъ Велепольскій, по уму и общественному положенію, былъ выше этой ярой толпы, для которой не было ничего святаго; но плоть и кровь говорили въ немъ вопреки желанія; а духъ Конрада Валенрода вѣялъ надъ правителемъ гражданской части въ Царствѣ Польскомъ. Еще прямая дѣятельность Велепольскаго не опредѣлилась, а эти вѣянія начали оказывать неблагопріятное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Открытіе варшавскихъ костеловъ было насущнымъ вопросомъ: разрѣшеніе его было сдѣлано помимо графа Лидерса, единственно подъ вліяніемъ Велепольскаго.

Костелы предполагалось открыть новому архіепископу, долженствовавшему замѣстить умершаго Фіалковскаго. Выборъ лица для этого сана былъ дѣломъ величайшей важности. Въ Польшѣ, Литвѣ и Петербургѣ находились старые католическіе епископы, извѣстные своею преданностію правительству; но ихъ считали мало способными для управленія варшавскою паствою. Велепольскій начиналъ тогда

быть оракуломъ по дѣламъ Царства Польскаго — естественнѣе всего было спросить его мнѣнія, и онъ, подъ вліяніемъ ревельскаго пробоща, а потомъ августовскаго епископа, графа Константина Лубенскаго,[1]) остановилъ вниманіе на профессорѣ католической академіи въ Петербургѣ—Сигизмундѣ Щенскомъ-Фелинскомъ, человѣкѣ молодомъ, доселѣ извѣстномъ своими повстанскими и романическими похожденіями и нѣкоторымъ знаніемъ богословскихъ наукъ и литературы. Извѣстности Фелинскаго много способствовало то, что любимый польскій поэтъ, Словацкій, былъ его другомъ и умеръ у него на рукахъ.

Фелинскій былъ чистокровный повстанецъ: отецъ его умеръ въ Сибири; мать побывала въ Березовѣ; изъ притязаній на славу у будущаго митрополита-архіепископа было одно наиважнѣйшее — дядя Фелинскаго написалъ „Boże coś Polskę". Самъ Фелинскій, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, проѣздомъ въ Парижъ, присталъ въ 1848 году къ шайкѣ Мирославскаго, былъ раненъ палашемъ въ голову подъ Милославомъ и, по прибытіи въ Парижъ, завербовался въ число „золотой молодежи", дурачился, писалъ любовные стихи, волочился и дѣлалъ всевозможныя эксцентричности; скоро однако пресыщеніе послѣдовало за этою кипучею и безпорядочною молодостію. Фелинскій усталъ, охладѣлъ къ удовольствіямъ свѣта, возвратился въ Россію и поступилъ въ житомірскую семинарію, а по окончаніи курса наукъ поступилъ въ петербургскую академію, гдѣ митрополитъ Головинскій, извѣстный іезуитъ и патріотъ, вывелъ его въ профессоры и духовники академіи.

Несмотря на университетское образованіе и жизнь за границею, а также посѣщеніе высшаго общества, Фелинскій не имѣлъ ни манеръ, ни наружности, соотвѣтствовавшихъ его новому званію, и составлялъ рѣзкій контрастъ съ своимъ покровителемъ Головинскимъ, который могъ назваться красивѣйшимъ мужчиною, какъ-бы сошедшимъ съ картины Павла Веронеза „Бракъ въ Канѣ Галилейской". Фелинскій былъ коренастъ, плечистъ, съ самою обыкновенною и, можно сказать, простоватою физіономіею; носъ у него былъ „старопольскій" — толстый, широкій и приподнятый кверху; вся фигура новаго архіепископа напоминала не верховнаго сановника церкви, а деревенскаго ксендза пробоща.

По словамъ Н. В. Берга: „Его (Фелинскаго) свѣтское, до извѣстной степени, повстанское прошедшее было болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ; равно былъ извѣстенъ всѣмъ и его повстанскій антуражъ"..... „Все это какъ-бы обѣщало повтореніе временъ Фіалковскаго, но Фіал-

[1]) Былъ высланъ въ Россію и умеръ послѣ дороги. Авт.

ковскаго съ талантами, умнаго, тонкаго, перехитрившаго всѣхъ старыхъ лисицъ въ фіолетахъ".

При подобныхъ качествахъ Фелинскаго, выборъ Велепольскаго нельзя назвать счастливымъ.

Если, указывая на Фелинскаго, Велепольскій хотѣлъ угодить революціонной партіи, то онъ забывалъ, что революціонеры никогда не прощаютъ перебѣжчиковъ изъ ихъ лагеря.

Бѣлые могли имѣть на него плохую надежду, какъ на бывшаго повстанца, наслѣдовавшаго отъ отца и матери ихъ политическія близорукія убѣжденія.

Духовенство, оставшееся вѣрнымъ своему священному призванію, не могло сочувствовать другу Словацкаго и разгульному товарищу кружка „золотой молодежи", увлекавшемуся до самозабвенія прелестями грѣховнаго міра; а революціонное духовенство находило Фелинскаго слишкомъ слабымъ и нерѣшительнымъ.

И такъ, первымъ дѣломъ непопулярнаго Велепольскаго была рекомендація непопулярнаго же Фелинскаго; впослѣдствіи этого не забыли маркизу.

Какъ бы то ни было Фелинскій былъ избранъ и утвержденъ папою; 14-го января ст. ст. 1862 года посвященъ въ архіепископы-митрополиты и отправился въ Варшаву окольною дорогою, черезъ Познань, для свиданія съ архіепископомъ Львовскимъ и принятія благословенія отъ архіепископа Пржилусскаго.

Фелинскій съ самаго начала хотѣлъ повести себя совершенно независимо отъ намѣстника, и не нашелъ нужнымъ ему представиться и согласиться о предстоящемъ образѣ дѣйствій; онъ объѣхалъ Варшаву и со стороны австрійской границы прибылъ въ Ченстоховъ 8-го февраля н. ст. 1862 года; совершилъ тамъ обѣдню и предполагалъ остаться тамъ долѣе для уединенія и молитвы. Но Лидерсъ понималъ къ чему ведутъ эти замедленія и 9-го февраля н. ст. послалъ ему „приглашеніе" прибыть тотчасъ же въ Варшаву.

Это окольное путешествіе вокругъ Царства Польскаго, гдѣ прежде всего ожидали митрополита-архіепископа его прямыя обязанности, уже набрасывало тѣнь на его будущія отношенія къ власти. Затѣмъ съ перваго раза начался рядъ загадочныхъ дѣйствій архіепископа. Фелинскій, прибывъ въ Варшаву, не поѣхалъ прямо къ намѣстнику; но отправился къ себѣ домой, собралъ капитулъ и духовенство, далъ обѣщаніе объ освобожденіи Бялобржесскаго, назначилъ себѣ помощникомъ ксендза Ржевускаго, а потомъ прибылъ въ зàмокъ.

Намѣстникъ успѣлъ узнать въ средѣ варшавскаго католическаго духовенства ксендза Зволынскаго, какъ человѣка преданнаго

исполненію своего прямаго долга, умѣвшаго поддержать достоинство религіи въ самое смутное время и ни разу не дозволившему осквернить свой костелъ на Прагѣ ревомъ революціонныхъ пѣсенъ. Лидерсъ предложилъ Фелинскому избрать въ помощники Зволынскаго [1]) и спокойно принялъ извѣстіе о назначеніи въ ту же должность Ржевусскаго. Твердо и рѣшительно объявилъ онъ митрополиту свою волю—объ открытіи костеловъ; устоялъ противу интригъ о признаніи профанаціи ихъ; объявилъ, что „безъ надобности" ни войска, ни полиція не будутъ призваны, и, несмотря на волненія между красными, подбрасываемые памфлеты и каррикатуры, костелы открылись въ совершеннѣйшемъ порядкѣ, несмотря на необозримыя толпы народа.... Торжество было бы полное, но архіепископъ испортилъ его своими рѣчами. Послѣ своего, долго сочиняемаго и плохо сказаннаго, слова „архіепископъ, какъ замѣчаетъ г. Бергъ, чувствовалъ, что онъ еще не архіепископъ, не пастырь для паствы; что между имъ и паствой цѣлая пропасть!"

Дальнѣйшія дѣйствія Фелинскаго можно было предвидѣть. Не зная на какую ногу стать тверже, онъ началъ балансировать (да, именно балансировать) между своими обязанностями къ правительству, столь незаслуженно его взыскавшему, и своими сочувствіями къ революціонерамъ: послѣ запрещенія пѣть гимны въ костелахъ, онъ разрѣшилъ молитвы за пять жертвъ; вошелъ въ переписку съ папою и огласилъ его письмо въ иностранныхъ газетахъ; онъ даже хотѣлъ идти путемъ Фіалковскаго и Бялобржесскаго и осмѣлился грозить, что снова закроетъ костелы; но Лидерсъ былъ не такой человѣкъ, что-бы дозволить сдѣлать это. Угрозы остались выраженіемъ безсильной злобы новаго Конрада Валенрода въ епископской сутанѣ.

Все это, конечно, произошло отъ того, что царскому намѣстнику не было сообщено предварительно о выборѣ Фелинскаго, что самый этотъ выборъ совершился подъ вліяніемъ Велепольскаго, весьма холодно отнесшагося къ этому дѣлу; съ своей стороны Фелинскій возмечталъ, что, при поддержкѣ въ Петербургѣ, онъ можетъ дѣйствовать независимо отъ намѣстника.

Несмотря на эти препятствія и внезапно возникавшія трудности, отрадно было видѣть постоянство и настойчивость Лидерса въ дѣлѣ умиротворенія края. По открытіи костеловъ, онъ настойчиво принялся за преслѣдованіе революціонной партіи. Какъ ни неискусна и ни малосвѣдуща была наша полиція, но рядъ репрессивныхъ мѣръ показы-

[1]) Доказательствомъ вѣрности выбора служитъ то, что, по удаленіи Фелинскаго и Ржевускаго изъ Варшавы, Зволынскій былъ назначенъ управлять варшавскою эпархіею, и до сего дня исполняетъ съ честію эту должность.

Авт.

валъ, что она напала на истинный слѣдъ причины безпорядковъ. Запрещенъ былъ ввозъ заграничныхъ газетъ; открыты типографіи, гдѣ въ Варшавѣ печатались періодическіе революціонные листки; получено вѣрное свѣдѣніе о революціонной организаціи края; начали производиться домовые обыски, арестованы главнѣйшіе злоумышленники, а менѣе виновные, но подозрительные, вывезены изъ края.

Революціонеры дрогнули, сдѣлались тише, отказались отъ манифестацій, хотя все еще сознавали свою силу, но боялись энергическаго боеваго генерала, который прямо шелъ на всякую опасность и топталъ, какъ змѣй, всѣхъ, не повинующихся законной власти.

Карая виновныхъ и отнимая у мятежа всѣ средства, намѣстникъ пользовался всѣми случаями показать населенію, что мѣры строгости были мѣрами временными и то для непокорныхъ. Съ водворившимся порядкомъ облегчено осадное положеніе разрѣшеніемъ ходить безъ фонарей; пивныя лавки — эту жизненную потребность каждаго варшавскаго ремесленника—разрѣшено оставлять отпертыми до 10-ти часовъ вечера; 18-го февраля 1862 года помиловано 43 государственныхъ преступника и наконецъ прощенъ Бялобржесскій.

Эта блѣдная тѣнь безцвѣтнаго Фіалковскаго имѣла минутное утѣшеніе отслужить обѣдню при необыкновенномъ стеченіи народа; попробовали при этомъ заревѣть революціонные пѣсни, но полиція не обратила на это вниманія.[1])

Въ разсказѣ Н. В. Берга встрѣчается выдержка изъ романа: „Swiatło i Cienie“ (Свѣтъ и тѣнь) о вербованіи шаекъ въ Варшавѣ; хотя этотъ романъ основанъ на историческихъ данныхъ, но въ сущности это — романъ и въ немъ много преувеличеній; безспорно одно, что революціонеры не оставляли своего дѣла и работали втайнѣ; они видѣли въ Лидерсѣ помѣху своимъ замысламъ; по увѣреніямъ Домбровскаго, они надѣялись найти сочувствіе въ нашихъ войскахъ въ случаѣ возстанія, а при неудачѣ—готовы были покуситься на жизнь Лидерса; но все это были только мечтанія и онѣ остались бы мечтаніями, но нѣкоторыя изъ этихъ фантазій осуществили обстоятельства даже помимо воли Велепольскаго.

Лидерсъ былъ приглашенъ въ Петербургъ и принятъ весьма милостиво; онъ остановился въ Зимнемъ дворцѣ, пользовался высо-

---

[1]) Н. В Бергъ говоритъ: «Намѣстникъ, подъ вліяніемъ архіепископа и нѣкоторыхъ указаній изъ Петербурга, гдѣ начинала уже сіять звѣзда Велепольскаго и ея лучи пробивались сквозь туманъ и непогоды, носившіеся надъ Варшавой, рѣшился испробовать введеніе кое-какихъ мягкихъ мѣръ».... Можемъ увѣрить, что Фелинскій не имѣлъ на Лидерса ни малѣйшаго вліянія,—все исходило прямо отъ намѣстника. Авт.

чайшимъ вниманіемъ и съ свойственною ему, какъ доблестному воину, простотою, принималъ всѣхъ его знавшихъ или служившихъ подъ его начальствомъ. Высшія правительственныя лица также вспомнили о бывшемъ главнокомандующемъ крымскою арміею; въ числѣ ихъ былъ и Сухозанетъ; но при всей своей добротѣ. Лидерсъ холодно принялъ бывшаго намѣстника „ad interium".

По возвращеніи Лидерса изъ Петербурга открыты были театры; въ началѣ ихъ мало посѣщали, боясь мести красныхъ; но вскорѣ страсть варшавянъ и въ особенности варшавянокъ къ зрѣлищамъ взяла верхъ надъ угрозами „непримиримыхъ"; театры начали скоро наполняться публикою; да и можно-ли было отказаться отъ наслажденія видѣть геніальнаго Жулковскаго, неподражаемаго и незамѣнимаго Пончуковскаго, Круликовскаго, Рихтера, Островскаго и такую симпатичную артистку, какъ Бакаливичъ. Столь извѣстный варшавскій балетъ ожилъ; опера также; намѣстникъ, послѣ дневныхъ трудовъ, отдыхалъ въ театрѣ и въ антрактахъ дѣлалъ въ ложахъ визиты своимъ знакомымъ.

Между тѣмъ наступила ранняя весна, и рѣдко можно было наслаждаться такою чудесною, какъ весна 1862 года. Саксонскій и Красинскій сады были открыты для публики; въ концѣ марта и началѣ апрѣля всѣ городскіе сады и садики были постоянно полны „пирующихъ гостей"; всѣ какъ-будто желали вознаградить себя за потерянное время и насладиться настоящимъ. Въ замкѣ также освѣжили старинныя залы, едва очищенныя послѣ стоянки въ нихъ войскъ при князѣ Горчаковѣ. Вскорѣ Варшава узнала, что въ замкѣ готовится балъ, передъ которымъ будетъ спектакль любителей. Въ спектаклѣ принимали участіе: дочь намѣстника, двѣ его племянницы и адъютанты. Давали французскую и русскую пьесы. Число приглашенныхъ было громадное; тутъ находились и Русскіе, и Поляки. Въ русской пьесѣ, вмѣсто бывшихъ водевильныхъ куплетовъ, сочинены были новые покойнымъ Аммосовымъ (бывшимъ адъютантомъ Лидерса), примѣненные къ современнымъ обстоятельствамъ.

Спектакль и балъ, подъ чарующіе звуки оркестра Левандовскаго, были чудесны и составили истинное событіе для Варшавы, погруженной до того въ мертвенную тишину; самый замокъ перестали называть Гаэтой, какъ окрестили его послѣ первыхъ манифестацій.

Варшава начинала принимать свой обычно-праздничный видъ, хотя революціонеры работали втайнѣ; никто не думалъ о какой-либо перемѣнѣ; положеніе намѣстника казалось вполнѣ прочнымъ, какъ вдругъ, въ концѣ апрѣля 1862 г., разнеслась по Варшавѣ вѣсть, что изъ Петербурга прибыло довѣренное лицо для объявленія Ли-

дерсу, что вмѣсто него назначается Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, а начальникомъ гражданскаго управленія въ царствѣ будетъ маркизъ Велепольскій, прибывающій съ разными льготами для края.

Только бывшіе тогда въ Варшавѣ могутъ дать настоящее понятіе объ оживленіи города, при распространеніи слуха, что Полякъ Велепольскій станетъ во главѣ гражданскаго правленія. Власть намѣстника утратилась какъ бы волшебствомъ; все, что могло, старалось показать полиціи, что она перестала уже быть страшною; началось пѣнье патріотическихъ гимновъ передъ костелами; въ особенности многочисленно было собраніе на Лешно, и казакамъ пришлось разгонять пѣвцовъ; снова появились въ продажѣ запрещенныя карточки, а въ окнахъ магазина Гебетнера и Вольфа, на Краковскомъ предмѣстьи, была выставлена довольно большая картина, изображавшая маркиза Велепольскаго верхомъ на конѣ, съ свертком въ рукахъ, въ положеніи статуи Іоанна Собіесскаго на мосту Лазенковскаго пруда. Подъ ногами поднявшейся на дыбы лошади Собіесскаго—Велепольскаго, лежали, вмѣсто двухъ Турокъ, директоры правительственныхъ коммиссій Царства Польскаго К. и Г. Картины были литографированы, кажется, за границею.

Помнимъ разговоръ въ Варшавѣ передъ выставленною литографіею и передаемъ его буквально; говорили ремесленники и учитель какой-то народной школки:

— „Что это сдѣлалось съ нашимъ почтеннымъ королемъ Иваномъ? Вмѣсто шлема, онъ надѣлъ цилиндръ; вмѣсто кольчуги—фракъ и сидитъ на конѣ, какъ воробей на крышѣ?“

— Видишь, брацишку, отвѣчалъ школьный учитель—это какой-то баринъ усѣлся на королевскаго коня и обѣщаетъ краю новыя вольности.

— „Ишь какой хитрый—далеко ему до короля Ивана, какъ ласточкѣ до орла; ну а тѣ Турки, для чего они сдѣлались изъ Турокъ цивильными?“

— Видишь, мое сердце, оттого, что они поступили въ русскую службу... Бѣдный король Иванъ, мало натерпѣлась его статуя при Станиславѣ Понятовскомъ.[1])

---

[1]) Станиславъ Понятовскій поставилъ этотъ памятникъ Собіесскому, израсходовавъ на то 100,000 польскихъ злотыхъ. Сумма ничтожная, потому что памятникъ былъ сдѣланъ изъ гипсу. Въ день открытія Станиславъ Понятовскій, во время обѣда, нашелъ у себя подъ салфеткою слѣдующіе стихи:

Sto tysięć kosztuje, jab dwiestie dołożył
Żeb Stanisłav skamieniał a Jan Sobiessky ożył.

(Онъ стоитъ сто тысячь, я бы прибавилъ двѣсти, для того, что-бы Станиславъ окаменѣлъ, а Янъ Собіесскій ожилъ). Авт.

Таково было послѣдствіе выставленія политической каррикатуры въ честь Велепольскаго.

Съ тою же покорностію, съ какою принялъ Лидерсъ свое назначеніе въ намѣстники, принялъ онъ извѣстіе о предстоящихъ измѣненіяхъ и 29-го мая (10-го іюня) 1862 г. объявилъ объ этомъ членамъ государственнаго совѣта Царства Польскаго, а спустя три дня, передалъ прибывшему изъ Петербурга Велепольскому гражданское управленіе.

Велепольскій, съ перваго шага, показалъ, что онъ долго ждалъ своего часа и хочетъ насладиться властію. Онъ началъ съ Евреевъ вѣроятно потому, что они называли себя поляками, еврейскаго происхожденія — Евреи получили всевозможныя льготы; отношенія же свои къ Лидерсу выразилъ онъ въ рѣчи, произнесенной въ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, гдѣ, какъ разсказываетъ г. Бергъ, сказалъ между прочимъ: „Все, сообщенное мною теперь, раздѣляетъ имѣющій прибыть сюда Намѣстникъ, со дня на день съ бо́льшимъ и бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидаемый“.

Какъ въ этихъ словахъ видѣнъ надменный и самонадѣянный Велепольскій! Въ Варшавѣ находится еще царскій намѣстникъ, успокоившій, по возможности, край, твердо и мудро управлявшій имъ съ октября 1861 по іюнь 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ; но для Велепольскаго — этотъ достойный воинъ — только русскій генералъ, безъ высшей административной интеллигенціи; генералъ, который долженъ отвѣчать за всякій безпорядокъ, предоставивъ маркизу всю власть по внутреннему управленію.

Маститый воинъ, сильный чувствомъ своего долга, желалъ передать новому намѣстнику край возможно упорядоченный и успокоенный. Не отступая ни на шагъ отъ своихъ обязанностей, онъ не хотѣлъ, даже и при концѣ своей власти, дѣлать поблажки и мирволить кому бы то ни было.

14-го іюня 1862 г. Лидерсъ подписалъ смертный приговоръ офицеровъ 4-го[1]) стрѣлковаго батальона Арнгольда и Сливицкаго и унтеръ-офицера Ростковскаго, пытавшихся совратить рядовыхъ того-же батальона распространеніемъ между ними запрещенныхъ сочиненій. Солдаты отвергли эти наущенія, и потомъ, въ слѣдующемъ году, отлично дрались противу повстанцевъ.

На другой день, 15-го (27-го) іюня 1862 г., отдѣленіе Саксонскаго сада, гдѣ пьютъ минеральныя воды, было полно гуляющими. Лидерсъ прибылъ туда, по обыкновенію, въ 7½ часовъ утра, совершенно одинъ;

[1]) У г. Берга ошибочно сказано: 6-го стрѣлковаго батальона. **Авт.**

полицейскіе, по его приказанію, держались далеко. Скрестивъ руки за спиною, Лидерсъ началъ обычную прогулку; онъ былъ задумчивъ; вдругъ привычный слухъ его поражаетъ щелканье взводимаго курка и вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ — пуля пролетѣла по за-челюстью и остановилась въ передней ея части. Лидерсъ, къ ужасу и удивленію всѣхъ, не повернулъ головы; онъ только зажалъ рукою рану и громко сказалъ: „Подлецъ — стрѣлялъ въ спину". Всѣ съ участіемъ бросились къ раненому (и этимъ только можно объяснить исчезновеніе преступника); но герой трансильванскій не принялъ ни отъ кого помощи, — какъ раненый левъ, перешелъ онъ одинъ весь Саксонскій садъ и улицу (около 1/2 версты) и, войдя въ квартиру генерала Хрулева, гдѣ теперь охотничій клубъ, позволилъ сдѣлать себѣ первую перевязку; но какъ оставшаяся пуля производила страшную боль, то вызванъ былъ изъ Берлина докторъ Лангенбекъ; пуля была имъ вынута, воспалительное состояніе миновалось и больной почувствовалъ себя легче.

Спустя много лѣтъ, намъ пришлось слышать разсказъ свидѣтеля, польскаго ветерана 1812 года, объ этомъ страшномъ событіи:

— „Лидерсъ", говорилъ онъ, „получивъ рану, шелъ спокойно, нетороплившмъ шагомъ, ровно, не ускоряя и не замедляя своего хода; кровь пробивалась у него между пальцами руки и текла ручьями по его сюртуку. Онъ былъ грозно-спокоенъ и чудесно-хорошъ въ это время. За нимъ, издали, двигалась толпа, не смѣвшая къ нему подступиться; женщины плакали; мужчины шли съ потупленными глазами; намъ всѣмъ было стыдно, что проливается благородная кровь высокочестнаго и неустрашимаго человѣка... Кровь эта пала на насъ и дѣтей нашихъ".

У насъ пишутъ для солдатъ разсказы изъ армейскаго быта, поясняя ихъ рисунками; желаемъ отъ души, что-бы даровитый художникъ воспроизвелъ благородныя черты нашего истинно-боеваго генерала Александра Николаевича Лидерса для того, что-бы память его жила въ русской арміи.

Подобные люди достойны жить въ памяти потомства:

Рука убійцы положила конецъ намѣстнической дѣятельности Лидерса; кровію запечатлѣлъ онъ свою любовь и преданность Государю и Отечеству, исполнивъ, сколько было въ его силахъ, возложенное на него порученіе, и доказавъ мощь Россіи и силу ея въ борьбѣ съ ея врагами.

Для того, что-бы вполнѣ оцѣнить заслуги Лидерса, необходимо вспомнить, въ какомъ положеніи находилось Царство Польское со времени первой открытой манифестаціи, 8-го (20-го) февраля, по день прибытія Александра Николаевича Лидерса въ Варшаву, 24-го

октября (6-го ноября) 1861 года. Девять мѣсяцевъ край находился въ постоянномъ революціонномъ движеніи; законная власть была безсильна; красные деспотически управляли краемъ, посредствомъ террора; бѣлые осмѣливались являться съ проектами и предложеніями; храмы въ Варшавѣ были закрыты; а совершившіе это — капитулъ, Бялобржесскій и духовенство безнаказанно торжествовали свою побѣду.

Царскіе намѣстники смѣнялись съ изумительною быстротою. Князь Горчаковъ не только втеченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 8-го февраля ст. ст. по 17-е мая 1861 г.) не могъ сладить съ варшавскою чернію, студентами и гимназистами, — но изнемогъ въ этой борьбѣ и далъ возможность мятежникамъ сознать свои силы. Мерхилевичъ (съ 16-го по 19-е мая), занявъ должность князя Горчакова, сдалъ черезъ три дня свою команду не въ должномъ порядкѣ, хотя и грозилъ нарушителямъ общественнаго спокойствія. Сухозанетъ, остававшійся около трехъ мѣсяцевъ (съ 14-го мая по 11-е августа), окончательно уронилъ значеніе русской власти и далъ возможность крамолѣ развлиться по всему царству. Графъ Ламбертъ (съ 11-го августа по 14-е октября), въ два мѣсяца сдѣлалъ многое для будущей организаціи края; вступилъ въ открытую борьбу съ революціею, но палъ жертвою соперничества и интригъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Для полнаго одержанія успѣха, нужно было, кромѣ способностей, закаленное въ бояхъ и лишеніяхъ войны желѣзное здоровье, а имъ не могъ похвастать Ламбертъ, имѣвшій, кромѣ того, нервическую и впечатлительную натуру. Послѣ него еще разъ промелькнула изможденная фигура Сухозанета, не имѣвшаго на этотъ разъ цѣны оригинальности; наконецъ, послѣ пяти намѣстниковъ, смѣнявшихъ одинъ другаго втеченіе девяти мѣсяцевъ, является, 24-го октября 1861 года, Лидерсъ и управляетъ Царствомъ Польскимъ по 15-е іюня 1862 года, т. е. восемь мѣсяцевъ.

Любопытнѣе всего, что Лидерсъ имѣлъ подъ начальствомъ, какъ исполнителей, тѣхъ-же самыхъ людей, какіе были у его предшественниковъ, но онъ заставилъ ихъ безотговорочно исполнять свои приказанія и дѣйствовать единодушно. У него не было совѣтниковъ: его не смѣли переспрашивать объ одинъ разъ отданномъ приказаніи. Безстрашный Хрулевъ, столь говорливый съ прежними намѣстниками, сомкнулъ свои уста передъ Лидерсомъ и сдѣлался точнымъ исполнителемъ его приказаній.

Революціонеры видѣли, что Лидерсъ заслонилъ имъ дорогу и рѣшились на убійство.

Царская милость взыскала Лидерса — онъ былъ сдѣланъ графомъ. Варшава помнила, и, можемъ увѣрить, еще помнитъ молодца-гене-

рала съ юношескимъ лицомъ и сѣдыми усами, о которомъ можно было сказать, что въ дружеской бесѣдѣ

Любитъ онъ звонъ рѣчей,
Любитъ онъ блескъ очей;
Любитъ онъ ласки,
Нѣжные глазки.

Да, Лидерсъ былъ истинный военачальникъ по храбрости, находчивости и распорядительности, и достойный правитель по рѣшимости, постоянству и благоразумію. Опасности онъ не понималъ и даже старые польскіе эмериты-ветераны съ почтеніемъ разсказываютъ о томъ, какъ онъ штурмовалъ, въ 1831 году, Волю и первымъ взошелъ на ея укрѣпленія.

Не можемъ, однако, умолчать, что заслуги Лидерса не довольно остановили на себѣ вниманіе русскихъ людей, а исторія отозвалась о нихъ весьма поверхностно. Н. В. Бергъ, посвятившій самыя краснорѣчивыя, горячія страницы описанію достоинствъ и дѣйствій генерала Герштенцвейга, вскользь говоритъ о дѣятельности Лидерса, какъ-будто его пребываніе въ Варшавѣ не имѣло вліянія на существенное измѣненіе въ ходѣ дѣлъ, дозволившее приступить въ послѣдующіе годы къ попыткамъ къ умиротворенію края.

Даже въ некрологѣ, появившемся послѣ кончины Александра Николаевича Лидерса и написанномъ весьма сочувственно, сказано лишь нѣсколько словъ объ этой важной эпохѣ въ его жизни.

Лидерса нѣтъ на свѣтѣ. При жизни онъ имѣлъ враговъ и завистниковъ, но всегда держалъ голову высоко и не преклонялся подъ ударами судьбы. За нѣсколько лѣтъ передъ смертію удалось ему сослужить хорошую службу отечеству, и Россія должна съ благодарностью вспоминать Лидерса за всю его боевую службу, семдесятъ дѣлъ и сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ, а въ особенности за Венгерскую кампанію и намѣстничество въ Царствѣ Польскомъ— два подвига, показавшіе, что Баярды являются, живутъ и дѣйствуютъ въ русской арміи.

Очевидецъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ).

I.

Сенатскій указъ 6-го сентября 1772 г. — Причины его поздняго появленія. — Неудобства первоначальнаго помѣщенія С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома. — Наводненіе 1777 г. — Пожертвованіе С.-Петербургскому Отдѣленію дома кн. Грузинскаго. — Построеніе церкви въ новомъ помѣщеніи Воспитательнаго Дома.

Воспитательный Домъ въ С.-Петербургѣ уже существовалъ de facto два года, но его юридическое положеніе все еще не было опредѣлено и утверждено въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ. Онъ производилъ свои дѣла подъ фирмою Московскаго Воспитательнаго Дома, какъ его органическая часть, какъ новое агентство для пріема и пересылки дѣтей; но не пользовался de jure, въ сношеніяхъ съ другими присутственными мѣстами, правами особности и отдѣльнаго, хотя бы и подчиненнаго, существованія. Такое положеніе и такія права дарованы ему сенатскимъ указомъ отъ 6-го сентября 1772 года. Указъ послѣдовалъ за донесеніемъ Бецкаго, въ которомъ онъ, увѣдомляя Сенатъ объ открытіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, требовалъ извѣстить о томъ всѣ присутственныя мѣста имперіи. Почему Бецкой, до 17-го августа 1772 года, не сообщалъ Сенату о своемъ новомъ распоряженіи, какъ бы находя возможнымъ обойтись и безъ санкціи этого высшаго государственнаго учрежденія? — Отвѣтъ на это заключается въ томъ огромномъ

полномочіи, которое дано было Бецкому, какъ основателю Воспитательнаго Дома, по силѣ Генеральнаго Плана, а также въ исключительномъ положеніи и довѣріи, какими онъ пользовался, въ то время, при дворѣ. Въ 1772 г., по представленію Н. Панина, Э. Миниха и другихъ лицъ, разсматривавшихъ дополненіе къ тремъ частямъ Генеральнаго Плана, Бецкому предоставлена была власть, лично и безъ согласія Опекунскаго Совѣта, «отмѣнять, исправлять и дополнять» все, что̀ признáетъ онъ нужнымъ по Воспитательнымъ Домамъ — «власть, которой будущіе по немъ Главные Попечители, безъ общаго совѣта опекуновъ, имѣть уже не должны», при чемъ всѣ инструкціи и частныя наставленія, данныя отъ имени Бецкаго, получали, по выраженію конфирмованнаго доклада, «силу таковую же непоколебимости, каковая сему учрежденію дозволяется, а по немъ никакая бы власть, безъ особливой воли монаршей, отмѣнить того не могла».[1]) При такихъ широкихъ полномочіяхъ, Бецкой производилъ самъ въ чины до штабъ-офицерскаго класса; письма же его, адресованныя въ Опекунскіе Совѣты, «имѣлись навсегда при Генеральномъ Планѣ на столѣ».[2]) Эта особенная власть, предоставленная первому Главному Попечителю Воспитательнаго Дома, настолько превышала обычныя права начальниковъ отдѣльныхъ частей, что вызвала однажды серьезное столкновеніе съ Сенатомъ, окончившееся однако въ пользу Бецкаго. Дѣло происходило такимъ образомъ: Въ концѣ 1771 года, по случаю заразительной болѣзни въ Москвѣ, лишившей крова и пищи многихъ сотенъ дѣтей всякаго званія, Бецкой выхлопоталъ изустное высочайшее повелѣніе, которое состояло въ томъ, что всѣ уже призрѣнныя дѣти, равно какъ «и впредь всѣ сироты, кои за оставленіемъ ихъ родственниковъ или и другихъ какихъ-либо попечителей (подъ эту категорію подошли и крѣпостные, брошенные своими помѣщиками), въ разсужденіи малыхъ своихъ лѣтъ, не имѣя пропитанія, остаются шатающимися безъ всякаго попеченія, присмотра и призрѣнія», — зачислялись навсегда въ вѣдомство Воспитательнаго Дома. Это высочайшее повелѣніе сообщено было Бецкимъ Сенату при рапортѣ отъ 16-го іюня 1772 г. Но Се-

[1]) Собраніе учрежд. и предпис., т. I, стр. 300.
[2]) Журналъ С.-Пб. Отдѣленія 1775 г., 8-го декабря, № 312.

натъ, получивъ такой рапортъ, нашелъ, что Бецкой не въ правѣ объявлять ему словесныхъ высочайшихъ повелѣній, и 18-го іюля 1772 г. постановилъ поднести императрицѣ докладъ, гдѣ говорится, что указами постановлено: «изустныя высочайшія повелѣнія принимать и по онымъ непремѣнное исполненіе чинить отъ однихъ только сенаторовъ, генералъ-прокурора, первыхъ трехъ коллегій президентовъ и отъ дежурныхъ Ея Величества генералъ-адъютантовъ, да и то такія, которыя не касаются... до отмѣны собственною Ея Величества рукою подписанныхъ конфирмацій и указовъ». Бецкой же, по мнѣнію Сената, «хотя и имѣетъ дозволеніе по ввѣреннымъ строеніямъ и прочимъ департаментамъ тѣмъ же самымъ порядкомъ изустные Ея Величества указы въ дѣйствіе производить, однако-жъ на другія правительства, а кольми паче на Сенатъ и все государство, таковое данное ему дозволеніе нимало не распространяется». Кромѣ того, Сенатъ находилъ, что объявленное ему повелѣніе противорѣчитъ прежнимъ указамъ и, вдобавокъ, неудобоисполнимо, такъ какъ заключенія о бѣдности и заброшенности дѣтей «не инако основаны быть имѣютъ, какъ или на объявленіи того, кто взятъ будетъ, или по одному наружному виду того, кто таковаго призрѣнія достойнымъ покажется»; а отсюда могутъ произойти какъ злоупотребленія со стороны помѣщичьихъ крестьянъ и солдатъ, которые съ умысломъ станутъ приводить своихъ дѣтей къ Воспитательному Дому «подъ притворнымъ видомъ бѣдности, въ такой одеждѣ, которая-бъ къ принятію ихъ не сумнительна была», такъ и ошибки со стороны Воспитательнаго Дома, куда могутъ попасть, подъ именемъ покинутыхъ, и такія дѣти, «которыхъ отцы и матери, хотя и отдавать не пожелаютъ, но самыя дѣти ихъ, по ребячеству своему, случайно сойдя со дворовъ и шатаясь по улицамъ, какъ не могущія дать о себѣ отвѣта, признаны будутъ за неимѣющихъ пропитанія и возьмутся въ Воспитательный Домъ, такъ что и сами ихъ родители, сродники и помѣщики не будутъ имѣть объ нихъ никакого свѣдѣнія». Эти возможныя ошибки и злоупотребленія Сенатъ формулировалъ, заключая свой докладъ, въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: «1) помѣщики не довольно что лишатся безвинно навсегда своихъ людей, но и подушныя деньги платить будутъ съ пуста, какъ за умершихъ; 2) служивыхъ людей (т. е. солдатъ) дѣти останутся безъ службы той, въ которую природа

ихъ опредѣляла; 3) прочіе-жъ отцы и матери плакать будутъ о лишеніи своихъ дѣтей противу ихъ желанія». Но этотъ докладъ, несмотря на свою видимую легальность, былъ остановленъ протестомъ генералъ-прокурора, [1]) и высочайшее повелѣніе, объявленное необычнымъ порядкомъ Сенату, вступило въ свою силу по Московскому Воспитательному Дому. Весьма вѣроятно однако, что кн. Вяземскій, прочитавъ претензію Сената, сообщилъ о ней частнымъ образомъ Бецкому, и Главный Попечитель, объявляя вскорѣ послѣ того объ открытіи Воспитательнаго Дома въ Петербургѣ, умолчалъ совсѣмъ о высочайшемъ повелѣніи, не желая, быть можетъ, возбуждать новаго вопроса о нарушеніи легальныхъ формъ. О фактѣ учрежденія совѣта изъ за-опекуновъ Бецкой донесъ Сенату, какъ о своемъ личномъ распоряженіи; торопиться же съ этимъ извѣстіемъ онъ не считалъ нужнымъ, очевидно потому, что его собственной власти и вліянія было совершенно достаточно, что-бы устроить и оградить, на первыхъ порахъ, жизнь новаго учрежденія.

Помѣщеніе, отведенное для С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, оказалось, въ скоромъ времени, неудобнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, оно было очень удалено отъ центра города, и это обстоятельство сильно отражалось на увеличеніи смертности дѣтей, которыхъ приносили за нѣсколько верстъ по дурной дорогѣ и при извѣстныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ здѣшняго климата; во-вторыхъ, близость Дома къ рѣкѣ влекла за собою, кромѣ неизбѣжной сырости воздуха, — опять-таки отразившейся на здоровьѣ дѣтей, — частыя поврежденія берега и строеній, на немъ возведенныхъ, отъ разлива невской воды весною и осенью. Съ этими капитальными неудобствами немало боролась администрація Воспитательнаго Дома: дорогу, ведущую къ нему, нужно было чинить, чтобы сообщеніе съ городомъ не прерывалось за распутицею, и запрещать возить по ней дрова, выгружаемыя въ огромномъ количествѣ для лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Коннаго полковъ, казармы которыхъ были

---

[1]) Матеріалы для исторіи Московскаго Воспитательнаго Дома, т. II. «Историческая записка о правилахъ пріема», стр. 41—43. Приводимый докладъ Сената хранится въ архивѣ Министерства Юстиціи и сообщенъ составителю «Исторической Записки» директоромъ этого архива, г. Ивановымъ.

А. П.

расположены по близости Дома;[1]) размываемый берегъ приходилось укрѣплять свайными насадками съ досчатою обшивкою, а въ поврежденныхъ водою строеніяхъ появлялась между тѣмъ «великая сырость, и стѣны снаружи и внутри, въ зимнее время, обмерзали».[2]) Но еще сильнѣйшая опасность угрожала Дому въ случаѣ большаго наводненія, и эта бѣда разразилась надъ нимъ въ 1777 г. Передъ наводненіемъ, бывшимъ 10-го сентября этого года, буря шумѣла два дня сряду при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; возвышеніе воды продолжалось до 9-ти часовъ утра, когда вѣтеръ началъ утихать; вода потомъ стекла такъ скоро, что въ 12 часовъ, т. е. въ самый полдень, берега уже не были покрыты водою. «Отъ сего наводненія — пишетъ современникъ этого событія — освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; въ частяхъ же, понятыхъ водою, оно и въ маловременномъ своемъ продолженіи причинило весьма великій вредъ. Суда были занесены на берегъ. Небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца, чрезъ каменную набережную; Любскій корабль, нагруженный яблоками, занесенъ былъ вѣтромъ на 10 сажень отъ берега въ лѣсъ, находящійся на Васильевскомъ острову, въ коемъ большая часть наилучшихъ и наивеличайшихъ деревъ отъ сея бури пропала. По всѣмъ почти улицамъ, даже и по Невской перспективѣ, ѣздили на маленькихъ шлюпкахъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуты были; малые деревянные домы искривились отъ жестоваго сотрясенія, ими претерпѣннаго; даже нѣкоторыя самыя маленькія хижинки носились по водѣ, и одна изба переплыла на противолежащій берегъ рѣки. Буря не токмо препятствовала истеченію рѣчной воды въ море, но и самая морская вода стремились въ устья рѣки, какъ то и особливо примѣчено было при устьѣ Малой Невы. Сіе наводненіе случилось во время ночи, почему и множество людей и скотовъ пропало. Послѣ сего наводненія опредѣлено было отъ адмиралтейства: давать впредь сигналы при случающихся чрезвычайныхъ возвышеніяхъ воды, для предостереженія людей отъ подобныхъ бѣдствій».[3])

Пострадалъ сильно отъ наводненія и Воспитательный Домъ, о

[1]) Журналъ 1772 г., 7-го апрѣля, № 6.
[2]) Журналъ 1772 г., 7-го апрѣля, № 5.
[3]) «Описаніе столичнаго города С.-Петербурга». Ч. I, стр. 41—42.

чемъ въ подробности сообщено было Бецкому официальнымъ рапортомъ. Вода залила всю площадь, занятую Домомъ, и ворвалась въ самыя зданія, гдѣ произвела много опустошеній: ею подмочены съѣстные припасы, надѣланныя карты (что обнаружилось при сдачѣ вещей комисаромъ Кушнеревымъ), испорчена мебель и пр. и пр. Вмѣстѣ съ прибылою водою, на лугъ Воспитательнаго Дома наплыло многое множество чужихъ дровъ изъ разныхъ складовъ, лежавшихъ внизъ по рѣкѣ. Дрова эти, разбросанныя на значительномъ пространствѣ, понадобилось сбирать и укладывать въ полѣнницы, а вскорѣ явились на нихъ и претенденты, изъ которыхъ каждый желалъ получить возможно бо̀льшую часть. 21-го сентября 1777 г., изъ Академіи Художествъ получено отношеніе, въ которомъ говорилось, что «изъ состоящихъ при сей Академіи на берегу дровъ разнесло до 1,600 саженъ; Академія же, увѣдомясь, что тою погодою прибило къ Воспитательному Дому дровъ немалое количество, въ числѣ коихъ весьма вѣроятно, что и академическихъ дровъ имѣется довольная часть, проситъ, въ случаѣ возвращенія тѣхъ дровъ, не оставить ее безъ надлежащаго въ томъ удовольствія». Но еще прежде этого Бецкой, встрѣтясь во дворцѣ съ генералъ-директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, сообщилъ ему о нанесенныхъ водою дровахъ, вслѣдствіе чего, 21-го же сентября, пришла и изъ Корпуса бумага о томъ, что изъ его складовъ разнесено дровъ до 1,080 саженей. Чрезъ недѣлю такое же сообщеніе прислано изъ канцеляріи лейбъ-гвардіи Коннаго полка объ унесенныхъ 1,500 саженяхъ, «которыхъ бо̀льшая часть, по примѣчанію теченія тогда воды, расплылась по лугу и прибило ихъ къ самому Сиропитательному Дому». Изъ этого количества 900 сажень было уже разыскано вольными наемщиками; остальныя же, по соображенію канцеляріи, сложены въ полѣнницы у Воспитательнаго Дома, почему она и просила о возвращеніи тѣхъ дровъ, обѣщаясь заплатить Отдѣленію за ихъ собираніе и укладку. Почти мѣсяцъ спустя послѣ заявленія полковой канцеляріи, петербургскій оберъ-комендантъ Андрей Гаврил. Чернышевъ извѣстилъ, съ своей стороны, о пропажѣ 2,300 сажень и, тоже предполагая, что «изъ тѣхъ разнесенныхъ дровъ немалое число прибило къ Воспитательному Дому», просилъ распорядиться о «сохраненіи цѣлости казеннаго интереса и о нерастаскиваньи оныхъ дровъ

посторонними людьми». Наконецъ, 23-го ноября того же года, получено новое отношеніе изъ главной дворцовой канцеляріи, что у дровянаго поставщика, купца Никифора Карпова, разнесло дровъ, заготовленныхъ для двора «великое количество», и «немалое число принесло къ Воспитательному Дому, и собраны въ полѣнницы. Такимъ образомъ, отъ Воспитательнаго Дома, кромѣ «великаго количества дровъ» купца Карпова, было затребовано различными вѣдомствами 5,580 саженъ; всего же принесено было водою на лугъ 1,311 саженъ. Собственныхъ дровъ у Воспитательнаго Дома разнесло теченіемъ воды 130 однополѣнныхъ саженъ. Въ виду многочисленности заявленныхъ требованій, Воспитательный Домъ отвѣтилъ, что «къ отпуску въ какія-либо мѣста дровъ приступить не можетъ» въ ожиданіи высшаго распоряженія; а самъ, тѣмъ временемъ, обратился къ генералъ-фельдмаршалу князю Голицыну за инструкціями. Въ концѣ 1777 года вышло высочайшее повелѣніе, «что-бъ каждому мѣсту разбираться по совѣсти». Извѣщая о назначеніи этого разбирательства с.-петербургскаго коменданта, Отдѣленіе выразилось въ такихъ словахъ: «Какъ Воспитательный Домъ, основанный на благодѣяніи, чужимъ корыстоваться не желаетъ, то за вычетомъ, вмѣсто разнесенныхъ отъ онаго Дома, полѣнныхъ 130 саженъ, достальныя всѣ отдаетъ на полюбовный по совѣсти раздѣлъ показаннымъ мѣстамъ и вашему превосходительству, почему и благоволите для того, съ своей стороны, прислать въ Отдѣленіе сего генваря 30-го числа (1778 г.), поутру въ 10 часовъ кому въ томъ повѣрено будетъ. И какъ съ прочими отъ означенныхъ мѣстъ повѣренными тотъ раздѣлъ послѣдуетъ, то всѣ тѣ повѣренные должны будутъ подать въ Отдѣленіе, за общими руками, кому сколько достанется, реэстръ и, заплатя за сборъ и складку оныхъ дровъ, свезть съ луга отъ Воспитательнаго Дома въ непродолжительномъ времени, дабы тотъ лугъ къ будущей веснѣ совсѣмъ очищенъ былъ». Въ апрѣлѣ 1778 г. Воспитательный Домъ получилъ уже всѣ деньги (365 руб.), за сборъ и укладку цѣлой массы дровъ. Слѣды несчастія стали исчезать, но не забываться.

Наводненіе 1777 года было, кажется, послѣднею каплей, переполнившей чашу бѣдствій и неудобствъ, уже испытанныхъ Воспитательнымъ Домомъ въ его отдаленномъ помѣщеніи на бе-

регу бурливой рѣки. Черезъ полгода послѣ этого, а именно 20-го марта 1778 г., императрица Екатерина II пожаловала С.-Петербургскому Отдѣленію — вѣроятно, по ходатайству Бецкаго — домъ князя Грузинскаго, по Большой Милліонной, гдѣ нынѣ находятся казармы лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Домъ кн. Грузинскаго, конфискованный за долги въ казну, занималъ большое пространство по Миллюнной и Красной[1]) улицамъ въ 649 квадр. саженъ, да по конфирмованному плану 1-й Адмиралтейской части, къ нему положено было присоединить по Милліонной улицѣ и по Аптекарскому переулку еще 724 квадрат. сажени. Окончательно онъ былъ сданъ въ вѣдомство С.-Петербургскаго Отдѣленія 16-го апрѣля 1778 г., въ весьма неисправномъ видѣ, такъ какъ контора конфискаціи не находила нужнымъ ремонтировать его и возлагала эту обязанность на жильцовъ на томъ основаніи, что передѣлки могли «коштовать великой суммы». Въ 1764 году въ немъ помѣщался польскій посланникъ, за котораго коллегія иностранныхъ дѣлъ выплачивала конторѣ конфискаціи по 200 р. въ мѣсяцъ. Но при обратномъ пріемѣ дома въ свое вѣдомство, въ ноябрѣ 1765 г., контора конфискаціи нашла въ немъ «великія неисправности», состоявшія въ поврежденіи печей, дверей, замковъ и оконъ, и требовала отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ починки; но та отвѣчала коротко, что «никакой на то суммы не имѣетъ». Такъ эти поврежденія и остались неисправленными, а впослѣдствіи къ нимъ присоединились новыя — отъ небрежности жильцовъ. Домъ былъ въ два этажа («средній и верхній аппартаменты»), съ подвальною частью; въ среднемъ аппартаментѣ насчитывалось 26 покоевъ, включая сѣни и корридоры, въ верхнемъ — 25. Дворъ былъ вымощенъ дикимъ камнемъ.[2])

14-го апрѣля 1778 г. С.-Петербургское Отдѣленіе отправило уже публикацію въ Академическія вѣдомости о вызовѣ къ торгамъ на каменныя и плотничныя работы въ новомъ домѣ. Но со стороны главной аптеки, на прирѣзанной къ Воспитательному

---

[1]) На планахъ Петербурга 1738 и 1756 гг., показанъ Красный каналъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ мы видимъ замощенную часть Марсова поля, прилегающую къ Павловскимъ казармамъ. Въ 1777 г. на мѣстѣ канала значится Красная улица; въ планѣ 1796 г. стираются слѣды улицы и канала. А. П.

[2]) Дѣло по Сиротск. Институту, по разн. предм. № 48, связка I.

Дому землѣ, находились пустой сарай, «жилая связь» и кузница инженернаго вѣдомства, мѣшавшія предназначеннымъ каменнымъ постройкамъ. По этому С.-Петербургское Отдѣленіе обратилось, 16-го апрѣля, къ генералъ-инженеру Мих. Ив. Мордвинову, съ просьбой — уступить за деньги Воспитательному Дому сарай, а «жилую связь» и кузницу снести на другое мѣсто, на что Мордвиновъ и согласился. 23-го апрѣля Бецкой предписалъ начать передѣлки въ домѣ для помѣщенія Ссудной Казны, при чемъ завѣдываніе строительною частью возложено было на директора Моллера и за-опекуна Фелтена.[1]) Въ концѣ октября того-же года назначенъ уже былъ переѣздъ Сохранной и Ссудной Казенъ въ новое, приспособленное для нихъ, помѣщеніе.[2]) Раздвоеніе Воспитательнаго Дома длилось, однако, недолго. 5-го января 1779 года Бецкой, новымъ письмомъ въ С.-Петербургское Отдѣленіе, предложилъ соединить опять подъ одной кровлею раздѣленныя части своего учрежденія и перевести весь Воспитательный Домъ въ то помѣщеніе, которое было занято казнами — «въ разсужденіи лучшаго видимаго быть устройства и ради соблюденія нужной экономіи... тѣмъ наипаче, что и самое мѣстоположеніе, какъ среди города состоящее, весьма соотвѣтствуетъ желаемой удобности».[3]) Что-бы тѣснота мѣста не препятствовала выполненію этого плана, Бецкой предлагалъ купить за 25 тысячь р. домъ гр. Кир. Григ. Разумовскаго, смежный съ домомъ Грузинскаго, — и купить, не теряя времени, съ тѣмъ, что-бы лѣтомъ можно было приступить къ перестройкѣ. Время, дѣйствительно, не было потеряно: 29-го января, по журналу засѣданія, положено уже было выдать деньги за купленный домъ, а 29-го мая рѣшено — «означенный домъ, по надобности въ немъ нынѣ, на первый случай, исправить починками». Всѣ эти починки, передѣлки, а также и мебель для новыхъ помѣщеній, обошлись, къ 18-му іюня 1779 г., въ 17,208 р. съ копѣйками.[4]) Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Бецкой предписалъ уже перевести въ домъ гр. Разумовскаго дѣтское отдѣленіе изъ подъ Смольнаго. Но пе-

---

[1]) Дѣло по Сирот. Инст., по разн. предм. № 40, связка I. Также журналъ 1778 г., 24-го апр., № 146.

[2]) Журналъ 1778 г., 20-го окт., № 353.

[3]) Журналъ 1779 г., 5-го янв., № 7.

[4]) Журналъ 18-го іюня 1779 г., № 268. А. П.

ремѣщеніе дѣтей произошло, повидимому, не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, и только въ концѣ 1780 г., мы находимъ ясныя указанія на то, что, по крайней мѣрѣ, большая часть питомцевъ была уже переведена въ домъ гр. Разумовскаго, отдѣланный и приготовленный, къ тому времени, для ихъ пріема: 5-го ноября 1780 г., по журналу засѣданія, назначено выдавать штабъ-лекарю Книперу по 200 р. въ годъ квартирныхъ денегъ, такъ какъ, по переводѣ Воспитательнаго Дома, въ немъ не оказалось свободной квартиры, а между тѣмъ «лекарю необходимо жить или въ домѣ, или по близости», гдѣ нельзя было нанять квартиру дешевле этой цѣны. 4-го декабря понадобилось пригласить новыхъ священниковъ для крещенія младенцевъ и исправленія другихъ церковныхъ требъ, потому что духовенство Новодѣвичьяго монастыря, прежде занимавшееся исполненіемъ этихъ обязанностей, должно было, за дальностью разстоянія, совсѣмъ отказаться отъ нихъ. Рѣшено было, вслѣдствіе этого, пригласить священниковъ изъ ближайшихъ домовыхъ церквей: графини Марьи Андреевны Румянцевой и гр. Сергѣя Павл. Ягужинскаго, съ платою за трудъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Хоронить младенцевъ начали, съ тѣхъ же поръ, по словесному приказанію членовъ Отдѣленія, вмѣсто Охты, на Волковомъ кладбищѣ, уплачивая тамошнему священнику по 25 р. въ годъ за погребеніе и наемъ людей для рытья могилъ. Съ переводомъ Воспитательнаго Дома въ Милліонную улицу, его прежнія строенія предположено было продать, и первая публикація о томъ отослана въ комисію при Академіи Наукъ 12-го апрѣля 1779 г. 9-го августа публикація вновь повторена въ такомъ видѣ: «продается именующійся Воспитательный Домъ... къ заведенію фабрики или завода весьма способный, при чемъ обширный лугъ, огороженный изъ побитыхъ свай полисадомъ; мѣрою-жъ земли длиною: по берегу Невы рѣки 274, отъ Невы, со стороны Новодѣвичьяго монастыря по каналу (этимъ каналомъ [1]) обведенъ былъ лугъ) и со стороны-жъ мѣста лейбъ-гвардіи Коннаго полку по 198 сажень». Желающіе купить могли внести деньги въ разсрочку. Но покупатели изъ частныхъ лицъ или совсѣмъ не явились на торги, или предложили слишкомъ невыгодныя условія (въ дѣлѣ, которымъ мы пользуемся,

[1]) Журналъ 1772 г., 7-го апр., № 5.

объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній); только, въ промежутокъ времени съ апрѣля 1779-го по 11-е мая 1780-го года, старый Воспитательный Домъ оставался непроданнымъ, покуда не послѣдовалъ именной указъ, данный въ Нарвѣ, о покупкѣ этого мѣста для магазиновъ С.-Петербургской Казенной Палаты, за 30 т. руб., и о выдачѣ этой суммы въ С.-Петербургское Отдѣленіе изъ средствъ Камеръ-Конторы. По журналу засѣданія 22-го мая 1780 г. положено деньги эти принять директору, статскому совѣтнику Моллеру. Но мѣсто это все-таки не досталось магазинамъ, ибо императрица Екатерина II, отмѣнивъ свою прежнюю волю, обратила его для помѣщенія богадѣльни Приказа Общественнаго Призрѣнія. 29-го апрѣля 1781 г., т. е. слишкомъ два года спустя послѣ первой публикаціи о продажѣ, Домъ сданъ по описи экономомъ Чистяковымъ бухгалтеру Приказа Хаверману; съ того же времени снятъ и армейскій караулъ, находившійся при Домѣ. Изъ описи, составленной по этому поводу, видно, что, въ моментъ передачи, старый Воспитательный Домъ заключался въ деревянныхъ и каменныхъ строеніяхъ и что каменный его корпусъ состоялъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ сѣверная была о 2-хъ этажахъ и крыта желѣзомъ; остальныя-же двѣ части—одно-этажныя и крыты деревомъ. Домъ внутри, почти во всѣхъ покояхъ, былъ оштукатуренъ, снаружи—нѣтъ. Всего въ каменномъ строеніи было 52 жилыхъ покоя; кромѣ того, показаны при Домѣ погреба и конюшни. Домъ окруженъ былъ заборами и имѣлъ двѣ пристани на своей землѣ: одна изъ нихъ, съ плотомъ, назначалась для пріема провіанта и съ этой стороны были «особыя ворота съ крѣпкимъ засовомъ»; другая пристань устроена, по контракту съ Воспитательнымъ Домомъ и за арендную плату (сто рублей въ годъ), купцомъ Иваномъ Гутуевымъ,[1]) съ амбарами и мѣстомъ для склада дровъ и досокъ. Къ Воспитательному Дому принадлежалъ большой лугъ, окопанный—какъ выше сказано—каналомъ; упоминается также въ описи садикъ, огороженный заборомъ.[2])

По соображеніи всѣхъ этихъ данныхъ, за точность которыхъ мы можемъ вполнѣ поручиться, не подлежитъ сомнѣнію, что

---

[1]) Журналъ 1774 г., 6-го іюля, № 171.

[2]) Дѣло по Сиротск. Институту № 69, связка I.

Георги, относившій переселеніе Воспитательнаго Дома то къ 1784-му, то къ 1785-му году (См. «Описаніе Петербурга», стр. 74, 118 и 308), впалъ въ ошибку, которую повторили за нимъ всѣ позднѣйшіе изслѣдователи [1]) Никакъ не позже 1781 года Воспитательный Домъ покончилъ всѣ свои счеты съ старымъ помѣщеніемъ, гдѣ, въ этомъ-же году, освящена и открыта богадѣльня Приказа Общественнаго Призрѣнія, какъ это значится у самого Георги. Поводомъ-же къ ошибкѣ можно предположить долговременную перестройку и возведеніе за́-ново нѣкоторыхъ частей Воспитательнаго Дома, при чемъ питомцы могли быть перемѣщаемы, смотря по удобству, изъ одной части зданія въ другую. На этомъ основаніи мы готовы согласиться съ Георги, что въ 1784 г. помѣщеніе для дѣтей было отведено въ восточномъ флигелѣ Воспитательнаго Дома, на углу Милліонной и Аптекарскаго переулка, — тѣмъ болѣе, что свѣдѣніе это подтверждается и «Извѣстіями Воспитательнаго Дома» за 1784-й годъ. [2])

Черезъ нѣсколько лѣтъ по переселеніи въ Милліонную улицу, Воспитательный Домъ обогатился своею собственною домовою церковью, отсутствіе которой, вѣроятно, давало уже себя знать съ невыгодной стороны въ прежнемъ помѣщеніи. Но прежде, при отсылкѣ взрослыхъ дѣтей въ Москву и при меньшемъ количествѣ служащихъ въ Домѣ, неудобство это не могло быть ощутительнымъ въ такой мѣрѣ, въ какой оно ощущалось уже впослѣдствіи, съ того времени, какъ прекращена была пересылка питомцевъ, а личный составъ служащихъ увеличился прибавленіемъ новыхъ лицъ и должностей. Населеніе Воспитательнаго Дома возрастало съ году на годъ, и признанная необходимость отправленія въ самомъ Домѣ всѣхъ церковныхъ требъ побудила Опекунскій Совѣтъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 7-мъ параграфомъ 1-й части, 1-й главы Генеральнаго Плана—имѣть свою домовую церковь. 17-го августа 1786 года Опекунскій Совѣтъ извѣстилъ с.-петербургскаго митрополита Гавріила о намѣреніи своемъ «построить церковь на особливомъ и отдѣленномъ отъ жилыхъ покоевъ мѣстѣ», при чемъ, испра-

---

[1]) Замѣчательно, что на страницѣ 313, Георги вѣрно указываетъ 1780 годъ и тутъ-же говоритъ объ открытіи богадѣльни въ старомъ зданіи Воспитательнаго Дома.

[2]) «Собраніе учрежд. и предписаній», т. II, стр. 264. А. П.

шивая архипастырскаго благословенія, прилагалъ на разсмотрѣніе планъ и фасадъ предполагаемой церкви. Согласіе митрополита послѣдовало 31-го августа того же года, а 10 го сентября заложена церковь во имя рождества пророка и крестителя Іоанна Предтечи. Постройка церкви производилась подъ наблюденіемъ архитектора, за-опекуна Фелтена; иконописная работа заказана была художнику Ивану Бѣльскому. При этомъ дѣло не обошлось безъ пожертвованій: 20-го апрѣля 1787 г. Опекунскій Совѣтъ выразилъ благодарность дворянину Андрею Родіоновичу Баташеву, приславшему съ своего завода бѣлыхъ желѣзныхъ листовъ для кровли новаго храма; 30-го октября 1788 г. (по открытіи церкви) казначей Николай Ивановъ представилъ 407 р. 80 к., пожертвованные разными лицами на построеніе ризъ. Но еще задолго до этого, въ іюлѣ и октябрѣ 1771 года, переданы были, по высочайшему повелѣнію, изъ придворной церкви въ Воспитательный Домъ многіе образà, напрестольныя одежды, пелены, воздухи, поручи, а также риза, эпитрахиль и стихарь: вѣроятно, всѣ эти священнослужебныя принадлежности или оставались безъ употребленія, или употреблялись, частію, во время малыхъ церковныхъ требъ, совершавшихся въ Домѣ.[1])

Церемоніалъ открытія и освященія церкви Воспитательнаго Дома происходилъ 1-го октября 1788 года. Въ этотъ день съѣхались гг. опекуны и ожидали г. Главнаго Попечителя, который пріѣхалъ въ 9½ часовъ. Митрополитъ Гавріилъ прибылъ въ 10 часовъ и, встрѣченный Главнымъ Попечителемъ и опекунами, провожденъ былъ ими въ церковь, гдѣ, «при великомъ стеченіи обоего пола народа, началъ освященіе церкви». Въ священнослуженіи участвовали: духовникъ ея императорскаго величества Иванъ Ивановичъ Памфиловъ, архимандритъ Свіяжскаго монастыря Веніаминъ, протоіерей и священникъ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, 2 іеромонаха, 2 протодіакона, 3 іеродіакона и церковный настоятель Андрей Лавровъ. «Дѣти, воспитывающіяся въ семъ Домѣ, стояли — по выраженію современнаго описанія — на своихъ мѣстахъ въ великомъ удивленіи, озирая невиданное благолѣпіе». По окончаніи освященія и литургіи, рѣчь говорилъ священникъ Лавровъ, а по возглашеніи многолѣтія два воспи-

---

[1]) Дѣло Канц. С.-П. Опек. Сов., по разн. пред. № 66, связка 1.

танника поднесли митрополиту на блюдѣ золотую медаль и говорили краткую рѣчь. Также и духовнику ея величества поднесена была, за неимѣніемъ золотой, серебряная медаль, за которую онъ сдѣлалъ подаяніе Дому въ 200 р., а 5-го октября, когда была отвезена ему золотая медаль, подарилъ еще 300 р. Послѣ всей церемоніи, какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица, угощаемы были «лучшими винами и заутракомъ». [1]) Церковный причетъ Воспитательнаго Дома былъ сначала весьма не великъ: при священникѣ, получавшемъ 300 р. въ годъ жалованья (съ апрѣля 1790 г. ему прибавлено еще 100 р.) состоялъ только одинъ дьячекъ, съ жалованьемъ по 120 р.; діаконъ же былъ приглашаемъ лишь для торжественной службы, какъ напр., во время Пасхи, и получалъ особое, за каждый разъ, вознагражденіе.

Около того же времени, какъ Воспитательный Домъ переведенъ былъ изъ-подъ Смольнаго въ новое помѣщеніе на Милліонной улицѣ, правленіе его перестало называться Отдѣленіемъ, получивъ права и наименованіе Опекунскаго Совѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. П. Пятковскій.

[1]) Дѣло по С.-Пб. Сиротск. Институту, по разв. предм. № 131, связка I.

ПОѢЗДКА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ВЪ СТОКГОЛЬМЪ

въ 1838 г.

Воспоминанія В. И. Фелькнера.

Въ 1835 г., въ городѣ Калишѣ, въ присутствіи императора Николая, происходили большіе маневры русскихъ и прусскихъ войскъ, вслѣдствіе выраженнаго королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III своему августѣйшему зятю желанія, еще разъ сблизить, уже на мирномъ поприщѣ, арміи обоихъ народовъ, которые, не далѣе какъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, дружнымъ союзомъ отразили общаго врага.

Авторъ настоящихъ «Воспоминаній», покойный генералъ-маіоръ В. И. Фелькнеръ († 25-го января 1871 г.)[1], какъ офицеръ гвардейскихъ саперъ, участвовавшій въ калишскихъ маневрахъ, описалъ ихъ съ величайшею подробностью; при этомъ Фелькнеръ весьма обстоятельно знакомитъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ составомъ, численностью, наружнымъ видомъ и вообще съ достоинствами и недостатками прусской арміи тридцатыхъ годовъ.

Описаніе это, а равно путевыя впечатлѣнія автора по дорогѣ изъ Петербурга въ Калишъ, а въ другой разъ изъ Петербурга въ Пруссію моремъ, представляютъ мало замѣчательнаго; поэтому, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, мы ихъ опускаемъ, а даемъ мѣсто другому эпизоду изъ воспоминаній В. И. Фелькнера, относящемуся къ 1838 г.: это весьма интересный разсказъ о путешествіи Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора изъ Берлина въ Стокгольмъ, по окончаніи прусскихъ маневровъ, на которыхъ присутствовало нѣсколько русскихъ офицеровъ. Въ этой поѣздкѣ императоръ Николай Павловичъ участвовалъ инкогнито. **Ред.**

.....24-го мая 1838 г. гвардейскіе товарищи мои и я оставили, рано утромъ, Берлинъ и, по отличному шоссе, отправились въ Штетинъ, ожидать тамъ прибытія Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. По дорогѣ, въ маленькомъ кра-

---

[1]) См. некрологъ Владиміра Ивановича Фелькнера въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 536. **Ред.**

сивомъ городкѣ Шведтѣ, уже ожидали Его проѣзда и все населеніе толпилось на улицахъ. Со въѣздомъ въ Померанію природа нѣсколько оживляется; аллеи каштановыхъ деревъ, насаженныхъ по сторонамъ шоссе, красивыя селенія, воздѣланныя поля и сады, ласкаютъ зрѣніе путешественника, утомленное однообразными и печальными видами песчаной Бранденбургіи. Въ 10-ть часовъ вечера прибыли мы въ Штетинъ и остановились въ Hôtel de Russie, гдѣ нашли генералъ-адъютанта князя Меншикова, флигель-адъютанта графа Гейдена и капитанъ-лейтента Глазенапа, ожидавшихъ прибытія Государя Наслѣдника.

На другой день утромъ отправились мы на прусскомъ пароходѣ „Die Kronprinzessinn", въ г. Свинемюнде, построенный на берегу Балтійскаго моря, при устьѣ р. Свины. Тамъ должны мы были пересѣсть на нашъ пароходъ „Геркулесъ", назначенный для перевезенія Великаго Князя Наслѣдника и Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей въ Стокгольмъ. Время не позволило мнѣ осмотрѣть Штетинскую крѣпость, окруженную водяными рвами и такъ постыдно сданную, въ 1806 году, Французамъ без сопротивленія, на капитуляцію. Полюбовавшись съ парохода красивымъ видомъ Штетина и его окрестностей, спустились мы по рукаву Одера въ Гафъ и прибывъ въ часъ пополудни въ Свинемюнде, торговый городокъ съ морскими купальнями, перешли тотчасъ же на большой, отличный пароходъ нашъ „Геркулесъ".

26-го мая 1838 г. собрались на немъ многіе чины свиты Государя Наслѣдника: князь Ливенъ, попечитель Его Императорскаго Высочества В. А. Жуковскій, флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества, полковники: князь В. А. Долгорукій, баронъ Ливенъ, Юрьевичъ и лейбъ-медикъ Енохинъ.

Государя Наслѣдника и Великихъ Князей ожидали къ вечеру.

Съ утра шелъ проливной дождь, почему мы не съѣзжали на берегъ, а провели весь день въ каютѣ, слушая занимательные разсказы В. А. Жуковскаго о многихъ эпизодахъ его литературной жизни и путешествіи Государя Наслѣдника по Россіи. Нетерпѣливое ожиданіе пріѣзда высокихъ путешественниковъ продолжалось до поздняго вечера.

Въ 11 часовъ пароходъ „Проворный", ожидавшій ихъ въ Штетинѣ, причалилъ, наконецъ, къ „Геркулесу", и каковы были наше изумленіе и радость, когда первымъ взошелъ на бортъ Государь Императоръ въ сопровожденіи Государя Наслѣдника. Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей пронесли спящими въ ихъ каюту. Въ свитѣ Его Императорскаго Величества находились: генералъ-

адъютанты: графы Орловъ и Адлербергъ, Кавелинъ и генералъ-маіоръ Философовъ, флигель-адъютанты: Львовъ и Юрьевичъ и лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Арендтъ.

Въ Берлинѣ было извѣстно, что Государь изъ Берлина изволитъ поѣхать въ Варшаву, но Его Величеству угодно было измѣнить это предположеніе и вмѣсто того неожиданно посѣтить престарѣлаго короля шведскаго, одновременно съ Государемъ Наслѣдникомъ. Къ часу пополуночи все было готово къ отплытію. „Геркулесъ", снявшись съ якоря, при очаровательномъ лунномъ сіяніи, и обогнувъ Свинемюндскій маякъ, быстро сталъ разсѣкать морскія волны, таща за собою, на буксирѣ, люгеръ „Ораніенбаумъ".

Утро было пасмурное; мелкій дождь и густой туманъ встрѣтили насъ на палубѣ послѣ покойной ночи, проведенной въ каютѣ. Волненіе было довольно сильное; вѣтеръ свѣжѣлъ; качка увеличивалась и у многихъ неопытныхъ мореплавателей появлялись припадки морской болѣзни. При приближеніи нашемъ къ угрюмому острову Борнгольму качка еще болѣе увеличилась, но къ полудню вѣтеръ сталъ стихать; больные оправились и общая веселость и удовольствіе распространились между пассажирами, не сходившими съ палубы. По желанію Наслѣдника составился импровизированный хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ И. М. Толстаго, въ которомъ принималъ участіе и Его Высочество. За обѣденнымъ столомъ, накрытомъ на палубѣ, подъ тентомъ, Государь милостиво со всѣми разговаривалъ и очаровывалъ своею привѣтливостію. Погода продолжала хмуриться и волненіе совершенно не прекращалось; но пароходъ нашъ быстро продолжалъ свой ходъ, дѣлая по 6-ти узловъ въ часъ (6 итальянскихъ миль—$10^1/_2$ верстъ).

На другой день наступила отличнѣйшая погода и успокоившееся море представляло необозримую зеркальную поверхность.

Въ 11 часовъ утра, на высотѣ мыса Гоборга, южной оконечности острова Готланда, завидѣли мы нашу эскадру, состоявшую изъ 9-ти фрегатовъ, 5-ти бриговъ, шкуны и люгера (3-я флотская дивизія, подъ начальствомъ вице-адмирала Платера). По поднятіи на „Геркулесѣ" флага Государя Наслѣдника, суда эскадры салютовали ему 21-мъ выстрѣломъ. Государь, сигналомъ, приказалъ имъ произвесть нѣсколько эволюцій, а затѣмъ поднять на „Геркулесѣ" Императорскій штандартъ. Воспослѣдовалъ салютъ изъ орудій всѣхъ судовъ эскадры, кромѣ корабля „Нарва", у котораго орудія не были заряжены, за что ему посланъ былъ съ пушкою выговоръ. Государь вообще изволилъ остаться флотомъ весьма доволенъ; изъявилъ гг. офи-

церамъ свое благоволеніе, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

При попутномъ вѣтрѣ пароходъ быстро пошелъ впередъ, мимо острова Готланда, въ виду главнаго его города Визьби. Въ отдаленности синѣли берега острова Эланда. За обѣдомъ, на палубѣ, предметомъ разговоровъ было удивленіе, которое произведетъ въ Стокгольмѣ неожиданное прибытіе Императора.

Его Величество оставался цѣлый день на палубѣ и очаровывалъ всѣхъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Могущественный Государь величайшей въ свѣтѣ монархіи являлся чадолюбивымъ отцомъ семейства и кроткимъ повелителемъ, ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ своимъ, возбуждавшимъ около себя радость и удовольствіе.

Послѣ обѣда Государь довольно долго игралъ въ шахматы. По окончаніи игры, онъ подозвалъ къ себѣ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, заставилъ ихъ, по своей командѣ, продѣлать ружейные пріемы и повороты и заключилъ ученье, поцѣловавъ юныхъ воиновъ. Великіе Князья очень милы; генералъ Философовъ представилъ меня будущему генералъ-инспектору по инженерной части, а полковника Лутковскаго—будущему генералъ-фельдцейхмейстеру. Съ тѣхъ поръ Ихъ Высочества предпочтительно обращались къ намъ, какъ къ своимъ будущимъ подчиненнымъ.

„Вѣдь вы мой?"—спросилъ меня однажды Великій Князь Николай Николаевичъ, поднявшись поутру на палубу.

Вечеръ былъ тихій и теплый; всѣ пассажиры были веселы и счастливы и, по желанію Наслѣдника, составился опять хоръ пѣвчихъ, въ которомъ и Его Высочество принялъ участіе.

Государь, прогуливаясь вдоль по палубѣ, нѣсколько разъ подходилъ слушать наше пѣніе, а потомъ, до поздней ночи, разговаривалъ съ графомъ Орловымъ, облокотясь на бортъ парохода и глядя на синюю морскую даль.

29-го мая 1838 г., при тихой очаровательной погодѣ, показался, рано утромъ, шведскій берегъ. Пароходъ у маяка Ландсортъ вошелъ въ шкеры. Такъ называются гранитные, обросшіе угрюмыми соснами, небольшіе острова, простирающіеся вдоль шведскаго материка до Стокгольма и далѣе Бòльшая часть островковъ этого скандинавскаго архипелага необитаема. Проходы между ними очень узки и извилисты, почему, безъ опытнаго лоцмана, судамъ проходить по нимъ не безопасно. При входѣ въ шкеры, увидали мы, стоящій на якорѣ, шведскій пароходъ, ожидавшій прибытія Наслѣдника.

„Геркулесъ" остановился и вслѣдъ затѣмъ причалилъ къ нему баркасъ, съ котораго взошли на палубу парохода посланникъ нашъ

при шведскомъ дворѣ, графъ Потоцкій, съ двумя секретарями посольства, генералъ-маіоръ графъ Сухтеленъ 2-й и посланные королемъ шведскимъ, для встрѣчи Государя Наслѣдника, генералъ-адъютантъ его графъ Мёрнеръ и камергеръ графъ Пиперъ.

Его Высочество, принявъ на палубѣ всѣхъ прибывшихъ, пригласилъ ихъ сойти въ каютъ-компанію, гдѣ, къ величайшему ихъ удивленію, они были встрѣчены Императоромъ. Графъ Мернеръ, въ 1837 г., присутствовалъ на Вознесенскомъ смотру и потому тотчасъ узналъ Государя, пригласившаго его оставаться на пароходѣ до прибытія въ Стокгольмъ. „Геркулесъ" снялся съ якоря и, сопровождаемый шведскимъ пароходомъ „Гельфомъ", на которомъ прибылъ графъ Мернеръ, продолжалъ свой ходъ между угрюмыми, утесистыми островками съ рыбачьими деревушками. Съ батареи, на островѣ Далеръ-Э, произведенъ былъ салютъ флагу Наслѣдника 28-ю выстрѣлами. У крѣпостцы, близъ мѣстечка Ваксгольмъ, состоящей изъ казематированной двухъярусной башни, обнесенной оборонительною стѣною, стояли на якорѣ два наши парохода: „Александрія" и „Надежда", послѣдовавшіе за „Геркулесомъ".

Около 5-ти часовъ пополудни показались загородные дома и предмѣстья Стокгольма, а затѣмъ и самый городъ, живописно разбросанный по островамъ и возвышавшійся мѣстами амфитеатромъ. Двѣ дивизіи канонерскихъ іолъ и форты Кастельгольмъ и Шепегольмъ салютовали флагу Государя Наслѣдника. Когда улегся пороховой дымъ, открылась, при яркомъ весеннемъ солнцѣ, прелестная панорама на городъ, набережныя котораго были усѣяны толпами жителей, привѣтствовавшихъ пріѣздъ Наслѣдника Россійскаго престола громкими криками „ура!" При входѣ въ стокгольмскій портъ, „Геркулесъ", по мелководью фарватера, бросилъ якорь и, вслѣдъ затѣмъ, главный начальникъ порта, вице-адмиралъ Костъ, подъѣхалъ къ пароходу съ многочисленною свитою. Явившись съ рапортомъ къ Наслѣднику, онъ пригласилъ Его Высочество съѣхать на берегъ на королевскомъ катерѣ, поднявшемъ русскій флагъ и за нимъ, торжественнымъ поѣздомъ, потянулись другіе катера, въ которыхъ помѣстились всѣ особы свиты Императора и Наслѣдника. Толпы народа встрѣтили насъ на берегу и провожали до королевскаго дворца, построеннаго на возвышеніи, командующемъ надъ всѣмъ городомъ. У входа во дворецъ Его Высочество былъ встрѣченъ наслѣднымъ принцемъ Оскаромъ. Когда катера шведскіе отчалили отъ парохода, Государь приказалъ спустить съ другого борта четырехвесельную гичку и, въ сопровожденіи одного только генерала графа Сухтелена, отлично знавшаго топографію Стокгольма, гдѣ отецъ его былъ очень долгое время

нашимъ посланникомъ, обогнавъ катера, вышелъ на берегъ у королевскаго сада, чрезъ который графъ Сухтеленъ провелъ его во дворецъ и прямо въ кабинетъ короля, смотрѣвшаго въ это время изъ окна на поѣздъ Государя Наслѣдника. Удивленіе короля, при видѣ подошедшаго къ нему русскаго Императора, было, говорятъ, чрезвычайно велико. Я слышалъ потомъ, что Государь привѣтствовалъ своего скандинавскаго, царственнаго сосѣда слѣдующими словами:

— „Sire, vous attendiez le fils et voilà le père devant vous".

Когда Государь, стоя на гичкѣ, въ казачьемъ, парадномъ, генеральскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи графа Сухтелена, быстро обгонялъ поѣздъ королевскихъ катеровъ, то шведскій адмиралъ съ крайнимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на это нарушеніе морскаго этикета двумя русскими генералами. По прибытіи во дворецъ Наслѣдника и особъ Его свиты, Государь представилъ Его Высочество и всѣхъ насъ, русскихъ, королю, королевѣ и наслѣдной принцессѣ.

Король шведскій, Карлъ-Іоаннъ XIV, бывшій наполеоновскій маршалъ Бернадоттъ, князь Понтекорво, несмотря на свои 75 лѣтъ, имѣлъ еще очень бодрый видъ; умное, выразительное лицо его было очень привлекательно и внушало глубокое уваженіе. Онъ невеликъ ростомъ, сухощавъ и во всѣхъ движеніяхъ его много живости и развязности. Королева—дочь марсельскаго банкира Клари и сестра жены Іосифа Бонапарте, бывшаго короля испанскаго. Наслѣдный принцъ Оскаръ очень красивъ собою и блѣдное лицо его носитъ отпечатокъ южнаго происхожденія. Наслѣдная принцесса, рожденная принцесса Лейхтенбергская, высока ростомъ и очень граціозна.

Государю и Великимъ Князьямъ, съ Ихъ свитами, отведены были покои въ королевскомъ дворцѣ, внутренность котораго не соотвѣтствуетъ его величественному наружному виду. Онъ построенъ при Карлѣ XI и очень обширенъ, но дворцовыя комнаты весьма не роскошно меблированы, мрачны и не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго въ историческомъ и художественномъ отношеніяхъ.

Утромъ, 30-го мая 1838 г. Государь Императоръ и Великій Князь Наслѣдникъ, въ сопровожденіи наслѣднаго принца, осматривали казармы двухъ пѣхотныхъ и одного коннаго гвардейскихъ полковъ.

Въ присутствіи Государя гвардейцы фехтовали съ замѣчательною ловкостью, и дѣлали довольно отчетливо ружейные пріемы. Государю понравился пріемъ держанія ружья на изготовку, какъ у насъ держатъ на руку, потому что солдату въ этомъ положеніи легче прикладываться и отражать непріятеля штыкомъ. Шведскіе гвардейцы рослы, и имѣютъ бодрый и здоровый видъ, но недостаточно хорошо выправлены по стойкѣ на мѣстѣ и маршируютъ принужденно.

Изъ казармъ высокіе посѣтители отправились въ военный госпиталь, для чего надлежало имъ проѣхать почти весь городъ, улицы котораго были наполнены народомъ. Устройство госпиталя отличное; больные содержатся очень хорошо, даже роскошно. Въ одномъ изъ госпитальныхъ покоевъ сохраняется походная аптека короля Карла XII.

По возвращеніи во дворецъ, у главнаго входа въ который стояли: пѣхотный караулъ со знаменемъ, кавалерійскій пикетъ и два орудія, я замѣтилъ въ немъ большое движеніе. Камергеры, адъютанты короля, придворные служители и скороходы суетились и по всему было видно, что пріѣздъ столь высокаго гостя былъ совершенно неожиданъ.

Въ залѣ драбантовъ, въ которой собираются ординарцы и вѣстовые отъ гвардейскихъ полковъ, висятъ портреты Карла XI—верхомъ, Карла XII, Генриха IV, его министра Сюлли, короля Густава-Адольфа, Оксенштіерна, Баннера, Врангеля и другихъ героевъ 30-ти-лѣтней войны.

Въ 4½ часа пополудни былъ большой обѣденный столъ, въ тронной залѣ, украшенной портретами потомковъ Густава-Вазы, которымъ наслѣдовалъ французскій маршалъ. Королева и наслѣдная принцесса были очень внимательны къ русскимъ гостямъ, подходили и очень привѣтливо разговаривали съ каждымъ изъ насъ. Придворныя дамы явились всѣ въ черныхъ длинныхъ платьяхъ. Установленный придворнымъ этикетомъ черный цвѣтъ придаетъ двору траурный видъ, но выгоденъ въ экономическомъ отношеніи. Изъ высшихъ придворныхъ чиновъ обращали на себя особенное вниманіе величавый рейхсмаршалъ графъ Браге, другъ короля, и сѣдовласый гофъ-маршалъ графъ Де-ла-Гарди, потомокъ шведскаго генерала, Гугенота того-же имени, опустошавшаго Россію мечемъ и огнемъ въ XVII столѣтіи. За столомъ я сидѣлъ подлѣ адъютанта короля, маіора барона Дюпейрона, отлично образованнаго офицера, который сообщилъ мнѣ много интересныхъ подробностей объ устройствѣ шведскаго войска и его управленіи.

Послѣ обѣда привезены были во дворецъ съ парохода „Геркулеса“ Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, своею миловидностью и граціею возбудившіе при дворѣ общее восхищеніе. На нихъ были одѣты русскія, шелковыя рубашки, пунцоваго цвѣта, черныя, пуховыя, ямскія шляпы и они очень скоро сдружились съ четырьмя шведскими принцами, сыновьями наслѣднаго принца, изъ которыхъ старшему, герцогу Зюдерманландскому, было около 12-ти лѣтъ. Принцы также очень хороши собою и имѣютъ южные типы, черные волосы и прекрасные, огненные глаза.

Послѣ обѣда Государь Императоръ съ королемъ, въ сопровожденіи Наслѣдника, членовъ королевской фамиліи и огромной свиты Русскихъ и Шведовъ, прогуливался, въ открытомъ экипажѣ, въ королевскомъ звѣринцѣ (Diurgarden). Тѣнистый паркъ этотъ, со всѣми красотами сѣверной природы: утесами, скалами, вѣковыми соснами и елями, былъ наполненъ зрителями въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, встрѣчавшими появленіе монарховъ дружными криками „ура!"

Вечеромъ былъ чайный столъ (Thé) у наслѣдной принцессы, изъ покоевъ которой представляется прелестный видъ на море и городъ. Принцъ Оскаръ былъ очень внимателенъ ко мнѣ и моимъ гвардейскимъ товарищамъ, много разспрашивалъ насъ о нашихъ военныхъ учрежденіяхъ и сказалъ мнѣ, что въ слѣдующемъ году будетъ сформирована, при королевской гвардіи, одна рота гвардейскихъ піонеровъ.

Строенія Стокгольма очень живописно раскиданы по островкамъ или шкерамъ и, частію, на материкѣ, около устья озера Мелара. Въ старомъ городѣ, особенно на островѣ Стокгольмѣ, улицы кривы и узки, а средневѣковые дома очень высоки; въ новѣйшихъ же кварталахъ улицы шире, разбиты правильнѣе и въ нихъ много строеній прекрасной архитектуры. Королевскій дворецъ построенъ на возвышенности, командующей надъ городомъ, и изъ него открывается прекрасная панорама на городскія окрестности, шкеры и море. Противъ него, какъ и въ Петербургѣ, находятся адмиралтейство и верфь на адмиралтейскомъ острову, а на набережной,—бронзовая статуя короля Густава III. Въ Стокгольмѣ, въ 1838 г., было до 4,000 домовъ и 80,000 жителей. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось осмотрѣть въ подробности этотъ замѣчательный, во многихъ отношеніяхъ, городъ, такъ какъ представленія при дворѣ и смотры отнимали у меня все время.

31-го мая, въ 11 часовъ утра, Государь съ королемъ шведскимъ, Наслѣдникомъ и многочисленною свитою, состоявшею изъ русскихъ и шведскихъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, выѣхали изъ королевскаго замка, верхомъ, при восклицаніяхъ толпившагося около него народа, для осмотра войскъ стокгольмскаго гарнизона. Путь слѣдованія проходилъ чрезъ островъ Нордермальмъ, на которомъ находятся замѣчательнѣйшія городскія зданія: прекрасная церковь, построенная королемъ Адольфомъ-Фредерикомъ, арсеналъ, обсерваторія, опера, монументъ короля Густава-Адольфа и королевскій паркъ, съ колосальною статуею короля Карла XIII, которому наслѣдовалъ нынѣшній король. Улицы, до самой заставы, за которой долженъ былъ происходить смотръ, были наполнены народомъ, радостно привѣт-

ствовавшимъ Государей, а окна домовъ — зрителями и зрительницами, между которыми было много брюнетокъ—доказательство ихъ готскаго происхожденія. Войска, выстроенныя за заставой, состояли подъ начальствомъ наслѣднаго принца изъ двухъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, одного баталіона 10-го Зюдерманландскаго поселеннаго полка, гвардейскаго коннаго полка (гусары), Упландскаго драгунскаго полка, одной батареи возимой (Fahr-artillerie) и одной конной артиллеріи. Всего на смотру было: 5 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и16 орудій. Войска встрѣтили сѣверныхъ монарховъ громкимъ троекратнымъ „ура!" По объѣздѣ ими войскъ, общаго церемоніальнаго марша не было, а войска были поочередно осмотрѣны, по роду оружія, начиная съ пѣхоты. Ружейные пріемы были дѣлаемы довольно живо и отчетливо; но построенія на полковомъ ученьи, близко подходящемъ къ нашему, производились, особенно при выстраиваніи фронта, не чисто и безъ стройности; ряды разрывались и взводы послѣ построеній не хорошо выравнивались. По окончаніи ученья, пѣхота проходила церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ четыре сапера, по французскому уставу, открывали шествіе. При прохожденіи взводами (всего по 11-ти рядовъ), люди жались другъ къ другу и равнялись не чисто. Я уже прежде упомянулъ, что у гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ одежда и аммуниція бѣлая, лосинная, по образцу нашихъ гвардейскихъ полковъ. Обмундированіе поселеннаго полка похоже на прусское: синяго сукна мундиры, бѣлая лосинная аммуниція, пригнанная по прусскому образцу, такіе же ранцы и тесаки. Люди ихъ красивы, бодры, въ военномъ образованіи мало уступаютъ гвардейцамъ и вооружены ударными ружьями.[1])

Послѣ смотра пѣхоты произведено было ученье кавалеріи. Гвардейскій конный полкъ имѣетъ очень красивый гусарскій мундиръ: бѣлые долманы и синія ментіи, обшитыя, у офицеровъ, золотыми, а у солдатъ шнурками изъ желтаго гаруса; кивера на подобіе отрѣзаннаго конуса, съ небольшимъ бѣлымъ волосянымъ султаномъ. Мундиръ поселенныхъ драгунъ похожъ на мундиръ прусскихъ драгунъ. Лошади въ обоихъ полкахъ разношерстныя, туземной породы, не рослы, но хорошихъ статей и крѣпкія на видъ. Посадка офицеровъ и нижнихъ чиновъ некрасива.

Построенія кавалерія дѣлала не довольно быстро и отчетливо.

---

[1]) Въ 1864 г. положено ввести въ шведско-норвежской арміи ружья, заряжающіяся съ казенной части, на манеръ прусскихъ игольчатыхъ и введено полное однообразіе въ снаряженіи солдатъ, какъ шведскихъ, такъ и норвежскихъ, которое близко подходитъ къ снаряженію прусскихъ войскъ. (1865) г.

В. Ф.

Артиллерійское ученье производилось не довольно живо. Снятіе съ передковъ и накладываніе орудій исполняется далеко не такъ проворно, какъ въ нашей артиллеріи. Орудія въ шведской артиллеріи 6-ти и 12-ти фунтовыя, чугунныя, и возятся на лафетахъ, выкрашенныхъ черною краскою.[1]) Упряжь конская тяжела и некрасива; лошади артиллерійскія на видъ сносныя, но не красивыхъ статей. Въ каждой батареи по восьми орудій. Артиллеристы носятъ драгунскія каски и аммуницію изъ желтой лосиной кожи.

Весь смотръ войскамъ продолжался до двухъ часовъ пополудни, при сильномъ жарѣ и несносной пыли. При отсутствіи всякой военной и городской полиціи, толпы народа, стекшагося изъ города на учебное поле, часто мѣшали движеніямѣ войскъ, пробираясь кучами между ними и свитами Государей.

Должно было удивляться бодрости и крѣпости силъ 75-ти-лѣтняго короля, впродолженіе почти трехчасоваго смотра войскъ не слѣзавшаго съ своего небольшаго, бѣлаго коня, осѣдланнаго французскимъ сѣдломъ, съ малиноваго бархата чепракомъ, шитымъ золотомъ.

Личность маститаго короля въ высшей степени замѣчательна и возбуждаетъ справедливое удивленіе высокому уму и отличнымъ дарованіямъ монарха, вознесшагося изъ ничтожества до королевскаго сана. Уроженецъ Лангедока, онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, вступилъ въ военную службу рядовымъ въ Байонскій пѣхотный полкъ, и до французской революціи былъ переведенъ въ гвардейскій пѣхотный полкъ, (régiment des gardes françaises) при Людовикѣ XVI. Когда императоръ Павелъ I, будучи еще наслѣдникомъ престола, пріѣзжалъ въ Парижъ, подъ именемъ графа Сѣвернаго, рядовой Бернадотъ, стоявшій на часахъ у дверей комнаты великаго князя, получилъ въ подарокъ отъ него золотые часы. Республиканскій генералъ, маршалъ имперіи, князь Понтекорво, наслѣдный принцъ Шведскій по выбору самихъ Шведовъ, оцѣнившихъ его высокій умъ и доблестный характеръ, и наконецъ, съ 1818 года, король шведскій. Какое блистательное поприще, какое высокое назначеніе! Если сравнить его судьбу съ судьбою узника св. Елены, то должно признать, что высокій умъ, справедливость и умѣренность часто ведутъ обладающаго этими качествами далѣе и болѣе упрочиваютъ его славу, чѣмъ великаго генія, когда послѣдній не въ силахъ владѣть своими страстями и увлекается необузданнымъ славолюбіемъ.

---

[1]) Съ 1864 года въ шведско-норвежской артиллеріи введены чугунныя нарѣзныя орудія, 3-хъ и 6-ти фунтовыя, заряжающіяся съ казенной части.

В. Ф.

Послѣ смотра сѣверные монархи, съ ихъ свитами, отправились завтракать въ небольшой загородный королевскій дворецъ Rosendahl, окруженный звѣринцемъ и построенный на возвышеніи, съ котораго открывается прелестный видъ на окрестности и городъ.

Въ этотъ же день былъ большой обѣденный столъ у наслѣднаго принца, половина котораго въ королевскомъ дворцѣ отдѣлана въ изящномъ вкусѣ и наполнена тропическими растеніями и цвѣтами, разливавшими за столомъ пріятное благоуханіе. Мнѣ пришлось сидѣть подлѣ перваго камергера короля, графа Левенгаупта, потомка генерала Карла XII, разбитаго на-голову и взятаго въ плѣнъ фельдмаршаломъ княземъ Голицинымъ въ сраженіи при Лѣсномъ. Графъ говорилъ мнѣ о всеобщемъ восхищеніи, возбужденномъ въ Шведахъ прибытіемъ Императора въ Стокгольмъ, и что личность Его Величества возбуждаетъ въ нихъ общее удивленіе. Графъ называлъ мнѣ имена нѣкоторыхъ шведскихъ придворныхъ сановниковъ, присутствовавшихъ за столомъ; между ними было много носившихъ историческія фамиліи, какъ-то: баронъ Оксенштіерна, графы Реншильдъ, Делагарди и др.

Въ 10 часовъ вечера былъ у королевы блестящій балъ, окончившійся для насъ, Русскихъ, уже въ половинѣ двѣнадцатаго часа, ибо въ это время было намъ приказано возвратиться на пароходъ, куда послѣ полуночи прибылъ и Государь въ сопровожденіи короля, наслѣднаго принца и Наслѣдника. Пробывъ короткое время на пароходѣ, король простился съ своими высокими гостями и, при салютѣ со всѣхъ нашихъ пароходовъ, возвратился на берегъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда короля Наслѣдникъ, со слезами на глазахъ, простился съ своимъ августѣйшимъ родителемъ и всѣми нами и возвратился въ Стокгольмъ, продолжать свое путешествіе по Швеціи.

Государь Императоръ съ палубы парохода долго слѣдилъ за удалявшимся катеромъ своего возлюбленнаго сына.

По отбытіи короля, посланникъ нашъ при шведскомъ дворѣ, графъ Потоцкій, передалъ отъ имени его величества пожалованные имъ особамъ свиты Императора, въ томъ числѣ и мнѣ, кресты ордена Меча разныхъ степеней.

Въ часъ пополуночи, при лунномъ сіяніи, пароходъ снялся съ якоря и, при громѣ орудій съ стокгольмскихъ фортовъ и всѣхъ, стоявшихъ въ порту, военныхъ кораблей и пароходовъ, пошелъ между угрюмыми шкерами по направленію въ Петербургъ. Стокгольмъ сталъ исчезать въ синей дали, какъ мимолетное видѣніе, оставляющее послѣ себя пріятное воспоминаніе, и скоро на пароходѣ водворилась совершенная тишина, прерываемая только плескомъ волнъ, дробимыхъ

колесами парохода. Всѣ пассажиры его отдыхали послѣ трехъ последнихъ, очень интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно утомительныхъ дней, проведенныхъ ими въ Стокгольмѣ.

1-го іюня, на зарѣ, „Геркулесъ" у маяка „Гронскоеръ" вышелъ изъ шкеръ въ открытое море. Утро было ясное; погода теплая и тихая, необозримая, зеркальная поверхность Варяжскаго моря съ шумомъ разсѣкалась нашимъ прекраснымъ пароходомъ, несшимъ насъ быстро къ берегамъ Невы. „Геркулесъ", самый большой и сильнѣйшій пароходъ нашего флота, имѣетъ 175 футовъ длины, 60 футовъ ширины и силу 240 лошадей. Машины его отличны; орудія, вооруженіе, снасти на немъ превосходныя; каюты отдѣланы великолѣпно. Государь въ нихъ однако-жъ никогда не оставался, а ночевалъ и занимался дѣлами съ графомъ Адлербергомъ въ домикѣ. построенномъ на палубѣ, такъ какъ пребываніе въ каютѣ было для него непріятно. Бо́льшую часть дня Государь проводилъ на открытой палубѣ, прогуливаясь вдоль по ней или разговаривая съ своими приближенными, болѣе всего съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ.

Около полудня, Государь, собравъ насъ, гвардейцевъ, около себя, долго говорилъ съ нами о шведскомъ войскѣ и шведскихъ военныхъ учрежденіяхъ, хвалилъ шведскихъ солдатъ, но при этомъ замѣтилъ, что общее образованіе ихъ далеко не безукоризненно и что военная организація имѣетъ обветшалыя основанія, хотя въ экономическомъ отношеніи и представляющія неоспоримыя выгоды. Обратившись ко мнѣ, Государь изволилъ сказать: „По нашей части ничего не было", разумѣя подъ этимъ, что піонеровъ или саперовъ не было на смотру. Собственно инженерныхъ войскъ въ шведской арміи до сего времени (1838 г.) никогда и не было. Солдаты, нужные для производства инженерныхъ работъ, командируются для нихъ въ мирное время отъ линейныхъ войскъ; въ военное же, составляя особенныя команды, подъ начальствомъ инженерныхъ офицеровъ, замѣняютъ саперовъ и піонеровъ.

1-го іюня, за обѣдомъ на палубѣ, Государь, замѣтивъ, что за столомъ сидѣло 13 человѣкъ, для избѣжанія вліянія этого зловѣщаго числа, приказалъ позвать лейтенанта князя Гагарина. Въ 7 часовъ пополудни показался вдали Даггерортскій маякъ на островѣ Эзелѣ, а затѣмъ сдѣлался на морѣ совершенный штиль. Образовались зеркальныя, такъ называемыя, штилевыя полосы; солнце при захожденіи своемъ великолѣпно отражалось въ прозрачныхъ волнахъ моря и сквозь легкій туманъ распространяло багровый свѣтъ. Въ 9 часовъ вечера вторично повстрѣчался намъ нашъ флотъ. Государь хотѣлъ произвести ему морское ученье, но совершенное без-

вѣтріе сдѣлало это невозможнымъ. Корабли не могли, за всѣми усиліями, сдвинуться съ мѣста; паруса вяло бились объ мачты и жаль было смотрѣть на бездѣйствіе морскихъ исполиновъ, парализованныхъ штилемъ, между тѣмъ какъ „Геркулесъ" гордо продолжалъ свой быстрый ходъ по морской пучинѣ. Отраженіе кораблей на зеркальной поверхности моря рисовало ихъ величественные и красивые силуэты и легкія серебристыя облака дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ, коими эскадра салютовала императорскому штандарту, носились надъ этою прелестною морскою картиною. При проходѣ парохода близь самаго корабля „Лѣсное", Государь привѣтствовалъ моряковъ нашихъ, и громкое „ура!" огласило воздухъ при громѣ орудій. Вскорѣ мы потеряли изъ виду нашъ флотъ и на морѣ воцарилась совершенная тишина.

2-го іюня, рано утромъ, при ясной и тихой погодѣ, показался вдали маякъ на островѣ Наргинѣ, предъ Ревелемъ, а затѣмъ и колокольня церкви св. Олая. Миновавъ маякъ Кокшаркъ, встрѣтили мы нѣсколько купеческихъ судовъ, которымъ съ парохода приказано было показать свои національные флаги. Одинъ упрямый американецъ долго не хотѣлъ этого исполнить, но пущенное съ парохода, по морскому положенію, ядро заставило его образумиться. За обѣдомъ Государь изволилъ милостиво со мною разговаривать, хвалилъ гвардейскихъ саперовъ за ихъ отличную службу во время Турецкой и Польской войнъ и во всей подробности разсказалъ при этомъ сидѣвшему за столомъ подлѣ него графу Орлову о дѣлѣ подъ Нуромъ, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ 2-я минерная рота, подъ командою штабсъ-капитана Назимова, отбилась отъ наступавшаго на гвардейскій корпусъ 10-ти тысячнаго польскаго отряда Лубинскаго и успѣла уничтожить мостъ на р. Нурѣ.

Попутный вѣтеръ, подувшій къ вечеру, ускорялъ еще ходъ парохода и мы быстро приближались къ Петербургу.

Государь былъ веселъ, много разговаривалъ и игралъ въ шахматы. Н. Ѳ. Арендтъ разсказывалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о прошлогоднемъ, 1837 г., путешествіи Государя на Кавказѣ и чудесномъ спасеніи Его, когда испуганныя почтовыя лошади бѣшено понесли коляску, въ которой сидѣлъ Государь съ графомъ Орловымъ, внизъ по весьма крутому спуску съ высокой горы, близь Тифлиса.

Въ 1840 году я видѣлъ это мѣсто, у Тифлисскаго предмѣстья Вера, и удивлялся спасенію Государя, котораго видимо хранилъ Промыслъ Божій. Во время начальствованія на Кавказѣ генерала Головина, на томъ мѣстѣ, гдѣ понесли лошади императора Николая

Павловича, поставленъ изящный памятникъ изъ разноцвѣтнаго Кавказскаго порфира.

3-го іюня 1838 г., въ 9 часовъ утра, показался на горизонтѣ Финляндскій берегъ и Толбухинъ маякъ. При приближеніи парохода къ Кронштадту съ крѣпости салютовали поднятому на немъ флагу князя Меншикова и катеръ, съ начальникомъ порта, присталъ къ пароходу.

Государь отправился на немъ въ Кронштадтъ въ сопровожденіи генералъ-адъютантовъ: князя Меншикова, графа Орлова, Адлерберга и флигель-адъютанта графа Гейдена, а пароходъ остановился у почтовыхъ воротъ — ожидать возвращенія Его Величества.

Государь возвратился черезъ часъ; пароходъ тронулся и черезъ ¼ часа бросилъ якорь предъ Петергофскимъ дворцомъ.

Вскорѣ послѣ того прибылъ къ „Геркулесу", на люгерѣ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ для встрѣчи своихъ меньшихъ братьевъ, не зная, что на „Геркулесѣ" прибылъ и его августѣйшій родитель. Государь, милостиво простившись съ нами, съѣхалъ съ Великими Князьями на берегъ, куда, вслѣдъ за нимъ, послѣдовали и всѣ пассажиры „Геркулеса", который, при благопріятнѣйшей погодѣ, въ 56 часовъ, примчалъ насъ изъ Стокгольма въ Петергофъ, оставивъ о пребываніи на немъ пріятнѣйшія воспоминанія.

Владиміръ Фелькнеръ.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Письма князя А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову.

1853—1855.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ еще слишкомъ близокъ къ нашему времени, что-бы можно было составить о немъ окончательное сужденіе. Многія изъ его дѣйствій до сихъ поръ еще не разъяснены исторіей, но во всякомъ случаѣ личность его такъ замѣчательна, и онъ игралъ такую значительную роль въ свое время, что всякія свѣдѣнія о немъ, будутъ, конечно, встрѣчены съ живымъ интересомъ, тѣмъ болѣе его, вполнѣ принадлежащія исторіи, письма 1853—1855 гг., которыя мы представляемъ читателямъ «Русской Старины».

Свѣтлѣйшій князь, правнукъ знаменитаго любимца Петра Великаго, генералиссимуса Александра Даниловича,— адмиралъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, кавалеръ всѣхъ высшихъ русскихъ и многихъ иностранныхъ орденовъ, шефъ полка своего имени (бывшаго пѣхотнаго старо-Ингерманландскаго), князь Александръ Сергѣевичъ родился 11-го сентября 1787 года, въ Петербургѣ, и въ службу вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году, окончивъ курсъ въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Причисленный сначала къ берлинскому, потомъ къ лондонскому посольству, Меншиковъ въ 1809 году оставилъ дипломатическое поприще и вступилъ въ военную службу подпоручикомъ гвардейской артиллеріи; въ этомъ чинѣ онъ участвовалъ въ походѣ противъ Турокъ, и былъ при занятіи Туртукая, осадѣ Силистріи и Шумлы, при штурмѣ Рущука, при осадѣ Журжи и взятіи Никополя; подъ Рущукомъ раненъ пулею въ правую ногу. Назначенный въ 1811 г. флигель-адъютантомъ, въ слѣдующемъ — онъ переведенъ въ Преображенскій полкъ и сдѣланъ квартирмейстеромъ 1-й гренадерской дивизіи, съ которою участвовалъ въ тѣхъ сраженіяхъ 1812 года, въ которыхъ дѣйствовала эта дивизія. Въ 1813—1814 гг. кн. Меншиковъ находился при Александрѣ I во многихъ сраженіяхъ, и подъ Парижѣмъ былъ раненъ въ лѣвую ногу. Въ Россію онъ вернулся полковникомъ; въ 1816 году назначенъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба; въ томъ же году сдѣланъ генералъ-маіоромъ, а въ слѣдующемъ — генералъ-адъютантомъ съ переводомъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части. Въ должности генералъ-квартирмейстера онъ сопровождалъ Александра I въ его путешествіяхъ по Россіи и заграницей (1816 — 1819 гг.), въ тоже время онъ былъ назначенъ членомъ военно-учебнаго комитета и комитета о военныхъ конныхъ заводахъ. Въ 1823 году

Меншиковъ снова перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а въ концѣ 1824 г. вышелъ въ отставку. Вторично вступилъ кн. А. С. Меншиковъ на службу уже въ новое царствованіе, и въ 1826 году назначенъ посланникомъ въ Персію, гдѣ, на короткое время, былъ задержанъ плѣнникомъ въ Эриванской крѣпости. Освобожденный вскорѣ же, участвовалъ въ сраженіи противъ Персіянъ и получилъ вторично званіе генералъ-адъютанта.

Въ 1828 году князь былъ переименованъ контръ-адмираломъ, и ему было поручено начальство надъ десантнымъ отрядомъ, для осады Анапы; за покореніе этой крѣпости сдѣланъ вице-адмираломъ, начальникомъ морскаго штаба и членомъ комитета министровъ. Командуя войсками при осадѣ Варны, онъ былъ тяжело раненъ въ обѣ ноги ядромъ, что заставило его оставить театръ войны. По сдачѣ кр. Варны, онъ получилъ, въ память этого событія, одну изъ пушекъ крѣпости и Георгія 3-й ст. Въ 1830 г. Меншиковъ сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, а въ слѣдующемъ—финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ этомъ званіи оставался до 1853 г. Въ 1853 г. онъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь......

Назначенный 30-го сентября 1854 г. главнокомандующимъ морскими и сухопутными силами въ Крыму, онъ состоялъ въ этомъ званіи до 23-го февраля 1855 г. Эта эпоха въ жизни князя, полная важныхъ событій, далеко еще не разъяснена исторіей. Много обвиненій пало на него въ непринятіи мѣръ противу вторженія непріятеля въ Крымъ, въ потерѣ сраженія при Альмѣ, въ неукрѣпленіи Севастополя; обвиненія эти нашли отголосокъ во многихъ сочиненіяхъ, относящихся къ эпохѣ восточной войны и въ Разныхъ матеріалахъ для исторіи обороны Севастополя, но, повторяемъ, участіе его во всѣхъ этихъ событіяхъ еще недостаточно выяснилось. Уволенный отъ управленія морскимъ вѣдомствомъ, которымъ онъ завѣдывалъ впродолженіе 26-ти лѣтъ, князь былъ назначенъ кронштадтскимъ генералъ-губернаторомъ и въ этой должности находился до 6-го апрѣля 1856 г. Въ 1855 г. ему подаренъ каменный домъ въ Петербургѣ, на Англійской набережной. Въ 1866 г., по случаю пятидесятилѣтняго юбилея его службы въ генеральскомъ званіи, получилъ портретъ Государя, украшенный алмазами, для ношенія на Андреевской лентѣ. Въ 1868 г. онъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за LX лѣтъ и умеръ 19-го апрѣля 1869 г., оставивъ по себѣ память высоко-образованнаго человѣка, отличавшагося рѣдкимъ остроуміемъ. Оцѣнка его административныхъ и воинскихъ заслугъ принадлежитъ исторіи, а важнѣйшимъ матеріаломъ при этой оцѣнкѣ должны, безъ сомнѣнія, служить его собственноручныя письма и замѣтки: таковые документы, въ особенности относящіеся къ роковой и въ то же время славной для русскаго народа борьбѣ 1853—1855 гг., во многомъ освобождаютъ память кн. Александра Сергѣевича Меншикова отъ безчисленныхъ нареканій и обвиненій пристрастныхъ современниковъ.

Представляемыя нами письма кн. Меншикова, за весьма немногими исключеніями, писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Мы печатаемъ эти документы въ переводѣ.

Читатели, конечно, замѣтятъ, что въ печатаемыхъ нами письмахъ Меншикова нѣтъ ни одной строки, относящейся до частныхъ дѣлъ князя; напротивъ, каждое слово принадлежитъ администратору, полководцу, дипломату, короче сказать эти документы суть полное достояніе исторіи и являются важнымъ для нея матеріаломъ. Ред.

Одесскій рейдъ, 7-го іюня 1853 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ курьеромъ моего адъютанта, подполковника Сколкова, который передастъ вамъ дошедшія до меня вчера изъ Константинополя извѣстія, между прочимъ и отказъ Порты на предложенныя нами условія. Секретарь миссіи, Балабинъ, возвратился изъ этой столицы сегодня утромъ вмѣстѣ съ архивами. Онъ оставилъ Турокъ, готовыхъ твердо выжидать занятіе княжествъ. Займете-ли вы ихъ, спрашиваю я себя со вчерашняго дня, съ минуты полученія петербургской почты?

Сколкову даны отъ меня еще словесныя порученія къ вамъ. Преданный вамъ Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 9-го іюня 1853 г.

Любезный князь, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ я вамъ скажу мое убѣжденіе, что Турки не атакуютъ васъ, а, согласно съ вашимъ выраженіемъ, останутся по той сторонѣ Дуная въ созерцательномъ положеніи. Такъ совѣтовалъ имъ лордъ Редклифъ, говоря: „Не мѣшайте занятію княжествъ, оставайтесь спокойны и выжидайте: Европа вмѣшается въ дѣло и вы выиграете его".

Очень жалѣю, любезный князь, что у васъ подъ командой ученикъ Куруты—Даненбергъ и генералы 5-го корпуса, въ которомъ еще не угасъ духъ Литовскаго корпуса.

Говорятъ, будто людей этого 5-го корпуса худо кормятъ и обкрадываютъ начальники ихъ; это особенно относится къ полку, командиръ котораго братъ генерала Лидерса, и въ которомъ болѣе всего насчитываютъ больныхъ. Однако все сказанное здѣсь не касается начальника штаба Непокойчицкаго, человѣка не безъ состоянія и честнаго.

Я далъ Озерову рекомендательное на имя ваше письмо. Онъ можетъ быть вамъ полезенъ по части редакціи дипломатическихъ бумагъ по дѣламъ Востока, который ему знакомъ; но за то онъ мало свѣдущъ въ общей и европейской политикѣ. Его самолюбіе нѣсколько пострадало, когда, по прибытіи посла, ему пришлось играть второстепенную роль; и можетъ быть отзывы его о константинопольскихъ переговорахъ поэтому не будутъ чужды нѣкотораго раздраженія.

Что касается до г. С...., то это отличный переписчикъ, неспособный ни къ какому другому дѣлу.

Это письмо будетъ отправлено на почту завтра, по отъѣздѣ моемъ въ Николаевъ. Въ Одессу возвращусь 16-го, ко дню прибытія поч-

товаго порохода изъ Константинополя, и я поспѣшу передать вамъ полученныя извѣстія.

Будьте такъ любезны, сообщайте мнѣ какія получите приказанія, если только они не будутъ составлять государственной тайны. Также весьма обяжете, давъ знать черезъ курьера о вашемъ вступленіи въ княжества, такъ какъ это свѣдѣніе будетъ для меня существенно важно.

Я прикажу адмиралу Мессеру, командиру флотиліи, явиться къ вамъ, какъ только онъ займетъ свой постъ. Я мало его знаю, но только то мнѣ извѣстно, что онъ........ какъ Ушаковъ Измаильскій. Весь вашъ Меншиковъ.

11-го іюня 1853 г.—Николаевъ.

(Весьма секретное). Любезный князь, ваше письмо изъ Петербурга отъ 31-го мая я получилъ только 12-го сего мѣсяца. Будьте увѣрены, что я постараюсь какъ можно поспѣшнѣе сообщить вамъ все, что только узнаю касательно настоящихъ обстоятельствъ. Мнѣ не были сообщены данныя вамъ инструкціи, но я полагаю, что онѣ основаны на программѣ, начертанной императоромъ и раздѣленной на три эпохи возможныхъ случайностей; копія съ нея была и мнѣ сообщена для руководства, нѣсколько дней тому назадъ. Вотъ что я предвижу и заключаю, или предполагаю: Турки спокойно допустятъ занятіе княжествъ; не будутъ ни вызывать, ни первые начинать враждебныя дѣйствія, полагаясь на обѣщанное лордомъ Редклифомъ вмѣшательство великихъ державъ. Въ случаѣ открытой войны, планъ ихъ, повидимому, будетъ состоять въ томъ, что-бы какъ можно болѣе удерживать насъ при осадѣ крѣпостей, не принимать сраженія, и при отступленіи сосредоточить всѣ силы защиты вокругъ столицы съ помощью иностранныхъ эскадръ. Безъ поддержки арміи нападеніе на Босфоръ было-бы дѣломъ рискованнымъ, да и невозможнымъ въ виду англо-французскаго флота, стоящаго въ Дарданелахъ. Невѣроятно, что-бы Австрія раздѣляла наши виды касательно мирнаго занятія части турецкой територіи, развѣ-бы ей обѣщали долю въ дѣлежѣ. Впрочемъ, занятіе Сербіи не можетъ обойтись безъ пролитія крови, такъ какъ турецкій гарнизонъ пяти крѣпостей не сдастъ ихъ безъ боя. Блокада Босфора привела-бы только къ раззоренію помѣщиковъ нашихъ южныхъ губерній, отнявъ у нихъ возможность вывоза мѣстныхъ произведеній. Спросъ на пшеницу изъ-за границы очень значителенъ, такъ что его приходится удовлетворять втеченіе всей навигаціи.

Возстаніе славянскихъ племенъ—дѣло возможное, но у нихъ нѣтъ оружія. Греки не такъ легко подымутся, а что касается до духовен-

ства, включая сюда и патріарховъ, я полагаю, что они предпочтутъ турецкое господство, какъ допускающее имъ самыя вопіющія злоупотребленія. Яблоко еще не настолько созрѣло, что-бы можно было раздѣлить его между желающими; услужливые и заинтересованные въ дѣлѣ посредники не допустятъ до кровавой войны, къ тому-же безцѣльной. Надобно поэтому ожидать мирнаго разрѣшенія спора, и оно окажется къ чести нашей, если мы не понизимъ тона.

Знакомый уже вамъ Сколковъ вручитъ вамъ записку на счетъ возможнаго употребленія флотиліи. Одобрите-ли вы мои мысли, хотя-бы съ нѣкоторыми измѣненіями, все же не лишне будетъ послать кого-нибудь на мѣсто для объясненія начальникамъ различныхъ отрядовъ, какъ имъ поступать. Поэтому предлагаю вамъ отправить Сколкова въ Измаилъ съ такими приказаніями, какія вы признаете необходимыми. Онъ можетъ затѣмъ возвратиться къ вамъ съ донесеніемъ объ исполненіи ихъ. Я отдаю его вамъ въ полное распоряженіе и особенно рекомендую его. Преданный вамъ Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 25-го іюня 1853 г.

Любезный князь, я получилъ вчера въ Николаевѣ ваше письмо изъ Leovo (?) отъ 22-го числа. Я получилъ также ваши отношенія касательно флотиліи и плана вашего похода.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ вы мнѣ говорили, что не понимаете, отъ чего-бы судамъ флотиліи не идти на веслахъ? Они могутъ это сдѣлать, но противъ теченія это будетъ и медленно и трудно; это не балтійскія іолы. Ваши канонирскія лодки, палубныя суда, мореходныя, и по величинѣ равныя коммерческимъ судамъ среднихъ размѣровъ; разница только въ томъ, что онѣ очень низки. Въ итогѣ— это пловучія батареи, которымъ нужно дать въ распоряженіе легкія суда для развѣдокъ, для дозора и ведетъ; всѣ эти мѣры выполнятъ шлюпки Θедорова.

Мы не можемъ отпустить ни единаго человѣка для пополненія личнаго состава флотиліи, и мнѣ кажется, что въ настоящую минуту нѣтъ въ томъ и надобности, такъ какъ я не предвижу, что-бы потребовались за разъ всѣ ея 27 судовъ, развѣ-бы они понадобились въ замѣнъ понтоннаго моста для переправы черезъ Дунай, въ случаѣ поврежденія Бухмейерскаго моста.

Когда вы распорядились постановкой караульной цѣпи на водѣ и на сушѣ для охраны Дуная, въ то время положеніе дѣлъ было еще неизвѣстно. Я только что объѣхалъ весь берегъ до Галаца. Въ Четсѣ, Летсѣ и св. Георгія іолы потоплены. Карантинные посты отчасти разрушены, караульни другихъ залиты водой, грозя ежеминутно

потопить находящихся тамъ 300 человѣкъ; и если Туркамъ вздумается ихъ захватить, то они легко увезутъ или вырѣжутъ ихъ на баркасѣ съ помощью 10 человѣкъ. Я только кое-гдѣ замѣтилъ шлюпки при этихъ караулахъ, отступленіе которыхъ возможно только съ двухъ концовъ линіи, простирающейся на 60 верстъ, и эти-то два конца существенно важно охранять. Сторожевая канонирская лодка у оконечности дельты, образуемой Сулиномъ и св. Георгія, не можетъ быть подкрѣплена карауломъ на сушѣ, такъ какъ по близости нѣтъ сухаго мѣста, все подъ водою, и въ ночное время ее легко взять на абордажъ.

Изъ этого описанія вы поймете, любезный князь, что первоначальный проектъ диспозиціи требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій. Я обозначилъ ихъ предварительно въ Измаилѣ, а здѣсь сговорюсь съ Лидерсомъ, какъ поступить, такъ какъ вы дозволили ему дѣйствовать вполнѣ согласно съ обстоятельствами.

Въ Измаилѣ я нашелъ всѣхъ въ тревогѣ по поводу предпринимаемаго будто-бы Некрасовцами нападенія на мостъ, съ 600 гребными судами, по 2 человѣка на каждомъ. Это нелѣпость. Имъ пришлось-бы проплыть 120 верстъ для того, что-бъ производить свои грабежи подъ огнемъ крѣпости, въ которой 2 т. человѣкъ гарнизона, да 20 канонирскихъ лодокъ въ засадѣ. Жители Тульчи и Исакчи могли-бы еще рѣшиться на морской разбой, но страхъ возмездія, которымъ такъ легко ихъ наказать, помѣшаетъ имъ предпринять что-либо внѣ пушечныхъ выстрѣловъ.

Увѣряли, будто гдѣ-то на берегу Дуная строятся батареи; я дважды проѣзжалъ мимо, и могу увѣрить, что до 21-го числа сего мѣсяца на всемъ пространствѣ не взрыто ни пяди земли. Только одинъ явный воинственный признакъ — это кавалерійскій пикетъ выше Тульчи, съ двумя полевыми орудіями и внѣ пушечныхъ выстрѣловъ рѣки. Весь лагерь состоитъ изъ одинадцати палатокъ и 60 или 70-ти лошадей на коновязи.

Турецкій фрегатъ и бригантина крейсируютъ, встрѣчаясь съ нашими. Завидятъ другъ друга и сторонятся.

Завтра придетъ изъ Константинополя почтовый пороходъ. Я дождусь его и вмѣстѣ съ извѣстіями, которыя онъ привезетъ, отправлю и это письмо. Искренно вашъ Меншиковъ.

Потрудитесь прислать мнѣ экземпляръ вашихъ прокламацій, я ихъ не читалъ.

P. S. Я забылъ вамъ сказать, что мнѣ кажется лишнимъ это безпрерывное движеніе пароходовъ по всей линіи. Они и такъ будутъ нужны для буксировки, для перевозки провіанта, назначаемаго для

флотиліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для наблюденій и рекогносцировки.

Сулинская гавань загромождена купеческими судами, которыя не могутъ еще проходить мелководный баръ. Эти суда поставлены въ 5 и 6 рядовъ и занимаютъ пространство въ двѣ съ половиною версты. Ихъ должно быть отъ 300 до 400. Ихъ присутствіе служитъ охраною для самой гавани, такъ какъ экипажи этихъ судовъ, изъ коихъ нѣкоторыя вооружены, не позволятъ нашимъ перебѣжчикамъ, съ противоположнаго берега, безнаказанно ограбить себя.

Берегите пароходы для важныхъ случаевъ; плохо будетъ, если они пострадаютъ, такъ какъ намъ нельзя будетъ замѣнить ихъ другими, которые глубже сидятъ въ водѣ.

Я только что прочелъ военныя распоряженія Ѳ—а касательно караульной цѣпи, вдоль по Дунаю. Это чистый вздоръ; нѣтъ никакой возможности содержать на этомъ берегу отряды въ 50 человѣкъ, потому что имъ негдѣ размѣститься. Эту линію можно оберегать только съ двухъ концовъ.

26-го іюня, въ 8 ч. утра. Сейчасъ пришелъ изъ Галаца пароходъ, командиръ котораго сообщаетъ мнѣ, что упомянутый мною кавалерійскій пикетъ близь Тульчи исчезъ вмѣстѣ съ лагеремъ своимъ. Пароходъ австрійскаго Ллойда, 23-го числа, простоялъ два часа въ Галацѣ въ ожиданіи депешъ князя Гики къ Портѣ. Слѣдовательно о занятіи вами княжествъ въ Константинополѣ узнали 25-го числа. Ожидаемый нами сегодня почтовый пароходъ долженъ былъ отплыть изъ этой столицы 24-го числа, такъ что мы при этомъ случаѣ не узнаемъ, какое впечатлѣніе произвело занятіе.

Въ 8 часовъ вечера. Прилагаю при семъ всѣ извѣстія и свѣдѣнія, дошедшія до меня втеченіе дня съ приходомъ почтовыхъ пароходовъ изъ Константинополя и Галаца. *М.*

Одесскій рейдъ, 27-го іюня 1853 г.

Сегодня утромъ получилъ ваше письмо, любезный князь, равно какъ и отношеніе отъ 25-го числа, которыя такимъ образомъ разъѣхались съ моимъ вчерашнимъ посланіемъ. Оказывается, что послѣднимъ я заранѣе отвѣтилъ на то, что вы мнѣ пишете сегодня.

Я сговорился съ Лидерсомъ на счетъ рѣчныхъ распоряженій, въ которыхъ онъ и дастъ вамъ отчетъ. Я нахожу, что они не только достаточны, но и лишни относительно Измаила, охраняемаго двумя батальонами, четырьмя канонирскими лодками близь моста, который, впрочемъ, можно будетъ развести и двадцатью канонирскими лодками, скрытыми подъ валами крѣпости. За то необходимо вооружить

эту крѣпость, и я полагаю, что о томъ уже дано приказаніе. Надобно смотрѣть на рукава Дуная, какъ на длинные дефилеи, не имѣющіе поперечныхъ сообщеній и требующіе охраненія съ обоихъ концовъ, изъ которыхъ можно будетъ выходить, и мѣры уже приняты. Въ крейсерствѣ большихъ канонирскихъ лодокъ нѣтъ надобности, но необходимо снабдить ихъ шлюпками для патрулей и для аванпостовъ большихъ рѣчныхъ карауловъ. Для этого годятся шлюпки Θедорова, и онѣ-то собственно будутъ крейсировать. Я полагаю, вы можете вполнѣ успокоить военное министерство относительно нижняго Дуная.

Въ Галацѣ понадобится брандвахта для полицейскаго надзора за купеческими судами. Объ этомъ я сговорюсь съ Лидерсомъ.

Озеровъ здѣсь; онъ отправитъ ваше письмо къ Решидъ-пашѣ. Искренно вашъ Меншиковъ.

P. S. Я отправляюсь въ Севастополь и Николаевъ, откуда буду періодически возвращаться для прихода и отхода почты въ Константинополь. Она приходитъ въ Одессу 6-го, 16-го и 26-го чиселъ каждаго мѣсяца, а отходитъ 10-го, 30-го и 31-го.

По вторичномъ прочтеніи вашего письма, любезный князь, я нашелъ вопросъ: можно-ли будетъ имѣть подъ Измаиломъ двѣ канонирскія лодки для стрѣльбы по морскимъ разбойникамъ. Ихъ тамъ 22, считая и тѣ, которыя расположены у моста, и изъ нихъ можно бы составить еще резервъ изъ двухъ дивизіоновъ, которыхъ пароходъ отводилъ бы на помощь постовъ, случайно нуждающихся въ нихъ. (Дивизіонъ состоитъ изъ 4-хъ лодокъ и дѣлится на 2 взвода).

Извините за несвязное изложеніе этого письма.

Николаевъ, 9-го іюля 1853 г.

Любезный князь, по вашему приказанію, Лидерсъ спрашиваетъ меня, нельзя-ли послать въ Браиловъ двѣ канонирскія лодки въ обезпеченіе вашихъ сообщеній черезъ Текучи, на случай нападенія партій съ того берега Дуная? Нѣтъ-ли во всемъ этомъ недоразумѣнія?

Привалъ къ берегу непріятельской партіи на разстояніи 80-ти верстъ отъ коммуникаціонной линіи, безъ помощи кавалеріи, чего и предполагать нельзя, былъ бы напрасенъ, и вышелъ-бы одинъ разбой, если-бъ допустилъ до этого Браиловскій гарнизонъ, или имѣющійся тамъ, вѣроятно, мѣстный казацкій пикетъ.

Отвѣчаю Лидерсу, что на всякій случай:

1) Я согласенъ часть флотиліи, назначенной въ Галацъ, отрядить въ воды Браилова и поставить обсерваціоннымъ постомъ противъ устья Мачинскаго рукава, этого единственнаго пути, по кото-

рому непріятель можетъ пройти водою, не будучи замѣченъ издали. Нельзя предполагать появленіе его по большому рукаву, такъ какъ отъ Силистріи пришлось бы непріятелю открыто плыть нѣсколько дней кряду.

2) Я также не прочь оставить въ Галацѣ брандвахту для полицейскаго надзора по рѣкѣ и за купеческими судами, хотя эта гавань не слабо защищена постами, расположенными ниже ея; а выше, гавань будетъ защищена постами, которые разставятъ близь Браилова.

Я возвратился сюда больной, страдая мочевымъ пузыремъ и оттого съ трудомъ могъ написать эти строки, и то не сказавъ всего, что хотѣлось бы передать. Прощайте. Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 16-го іюля 1853 г.

Не примите меня, по сходству, за вѣчнаго жида, получая отъ меня письма съ разныхъ концовъ. Я прибылъ сюда для полученія, или, лучше сказать, для прочтенія извѣстій изъ Константинополя, такъ какъ я нахожусь внѣ дипломатической области.

Озеровъ передастъ вамъ то, что онъ получилъ оффиціальнаго, а мои извѣстія состоятъ въ прилагаемомъ при семъ рапортѣ командира нашего парохода и въ томъ, что посвященные въ дѣло люди пишутъ, будто Австріи удалось заставить Порту принять редакцію требуемой нами отъ нея ноты, но съ условіемъ, что-бы и съ нашей стороны была нота съ увѣреніемъ, что мы не имѣемъ намѣренія посягнуть на достоинство и верховную власть султана.

Въ Эрзерумѣ Турки успѣли собрать 10 т. человѣкъ пѣхоты, а Воронцовъ извѣщаетъ меня, что, въ случаѣ столкновенія, онъ можетъ противопоставить имъ только три баталіона. Онъ старается разставить вдоль границы мѣстное ополченіе.

Такъ какъ вы занимаете все теченіе Дуная, то вамъ легко будетъ, любезный князь, узнать, есть-ли у Турокъ вооруженная флотилія? Говорили, будто въ Видинѣ стоятъ нѣсколько канонирскихъ лодокъ, но я никакъ не могъ провѣрить, такъ-ли это, и прошу васъ на этотъ счетъ меня извѣстить. Прощайте. Меншиковъ.

На дорогѣ изъ Николаева въ Одессу, 25-го іюля 1853 г.

Любезный князь, я получилъ ваши отношенія, какъ рускія, такъ и французскія, касательно отвѣта Решида-паши и назначенія въ вашъ штабъ морскаго офицера. Я могу извѣстить васъ оффиціально только по-русски, ибо не имѣю никого, кто бы могъ писать на-чисто по-французски.

Я назначилъ къ вамъ въ штабъ лейтенанта 29-го флотскаго эки-

пажа, лейтенантъ Граве. Онъ малый понятливый, и я надѣюсь вы останетесь имъ довольны.

Я приказалъ ему, проѣздомъ въ Бухарестъ, побывать въ Измаилѣ, Галацѣ и Браиловѣ, для осмотра флотиліи и положенія ея отрядовъ.

Что касается до принятыхъ вами мѣръ къ воспрещенію военнымъ судамъ подыматься выше устья Прута, то это заставитъ думать о какомъ-то особенномъ снисхожденіи къ Туркамъ. Рѣчная стража есть мѣра нераздѣльная съ занятіемъ гавани, находящейся на самой этой рѣкѣ, а разъ—тутъ стража, то очень понятны ея сношенія съ мѣстностями, снабжающими ее провіантомъ; между тѣмъ эти мѣстности и ихъ магазины находятся внѣ выстрѣловъ турецкихъ крѣпостей, такъ что, по мнѣ, наши пароходы могутъ смѣло идти вверхъ по теченію до Браилова.

Кромѣ того, можно воспользоваться и флагомъ. „Ординарецъ" можетъ спрятать свои орудія, которыя у него небольшого калибра, въ трюмъ и поднять транспортный флагъ, а не то почтовый, подъ которымъ ходятъ русскіе пароходы, идущіе въ Галацъ, или наконецъ поднять купеческій флагъ. Также можетъ поступить и „Сулинъ".

Мнѣ кажется, что отвѣтъ Решида-паши требуетъ возраженія, съ которымъ можно бы обратиться къ Омеръ-пашѣ, или къ сераскиру, въ Силистріи. Сказать, что въ отвращеніе всякаго столкновенія или недоразумѣнія между вооруженными силами обѣихъ странъ, наши суда не станутъ подходить къ району турецкихъ крѣпостей; но что занятіе обоихъ входовъ въ княжества, находящихся тоже внѣ этого района, необходимо требуетъ и рѣчной стражи, или аванпостовъ, какъ слѣдствія занятія, безъ чего это занятіе будетъ неполное; а если Порта, не терпящая отъ насъ помѣхи въ своихъ сообщеніяхъ, вздумаетъ воспрепятствовать нашимъ ниже Браилова, то мы съумѣемъ не допустить ее до этого.

При этомъ случаѣ вы припомните, любезный князь, извѣстное сообщеніе канцлера, допускающее свободное плаваніе турецкихъ судовъ подъ военномъ флагомъ.

Замѣтьте также, что, начиная отъ Исакчи до Гирсово, на большомъ рукавѣ Дуная съ турецкой стороны, нѣтъ ни единаго жилья, и слѣдовательно, если съ одной стороны некому грозить, то и съ другой точно также не приходится угрожать. Очевидно Решидъ-паша имѣлъ въ виду главнѣйше Силистрію, когда онъ ссылался на трактатъ, теперь уже недѣйствительный въ виду занятія княжествъ.

Я высказываю вамъ эти мысли, любезный князь, какъ старому товарищу, который и въ такомъ случаѣ не осердится, если онѣ покажутся ему бредомъ.

Я отправлюсь на день въ Одессу, на два—въ Севастополь, а съ 1-го на 2-е ч. августа возвращусь въ Николаевъ. Мочи нѣтъ болѣе отъ ожиданія, скуки и зноя. Искренно вашъ Меншиковъ.

P. S. Сообщите, что знаете, или провѣдаете, о константинопольскихъ переговорахъ. Нахожусь въ полномъ невѣдѣніи, подобно корреспондентамъ моимъ въ Перѣ, которые сообщаютъ мнѣ только малоинтересныя новости.

Одесскій рейдъ, 27-го іюля 1853 г.

Изъ константинопольскихъ газетъ видно, что 23-го іюля Порта, чрезъ посредство Австріи, отнеслась къ нашему кабинету съ нотою, или только съ проектомъ ея, составленнымъ сообща представителями четырехъ великихъ державъ.

Вотъ переводъ этой бумаги, хотя не ручаюсь за вѣрность содержанія; по мнѣ она не можетъ быть принята. Соображая ее съ турецкимъ манифестомъ, подписаннымъ 60-ю сановниками (вы, вѣроятно, прочли его въ газетахъ), съ отвѣтомъ Рещидъ-паши на ваше письмо и съ отозваніемъ господарей (если только это правда); я вижу мало надежды на соглашеніе, и я держусь упорно мысли, что вамъ слѣдовало-бы дать турецкимъ властямъ отвѣтъ въ строгомъ смыслѣ.

Онѣ ждутъ изъ Петербурга къ 1-му (12) августа, или около этого времени, рѣшительнаго да или нѣтъ. Изъ военной оффиціальной газеты вамъ придется первому узнать окончательное рѣшеніе нашего кабинета, и я надѣюсь, что вы мнѣ его сообщите.

Мы снимаемся съ якоря и отплываемъ въ Севастополь. Прощайте. Меншиковъ.

Николаевъ, 4-го августа 1853 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за письмо отъ 29-го іюля (11-го августа), въ которомъ сообщаете ходъ константинопольскихъ переговоровъ.

Вы просите меня прислать вамъ перекладины и настилку для устройства моста изъ канонирскихъ лодокъ. У насъ ничего этого нѣтъ, а что имѣется въ этомъ родѣ, было сдѣлано единственно для опыта переправы черезъ рѣку посредствомъ подобныхъ судовъ.

Мнѣ кажется, что, отозвавъ господарей, Порта поступила необдуманнно; она такимъ образомъ добровольно отдаетъ намъ въ руки управленіе княжествами.

Если въ числѣ дипломатовъ вашей главной квартиры находится юрисконсультъ, то потрудитесь справиться у него, для моего личнаго свѣдѣнія, о слѣдующемъ: если консулъ спустилъ свой флагъ, то должно-ли или можно-ли смотрѣть на него, какъ на отказавшагося отъ своей должности и отъ своихъ правъ, и если послѣ этого онъ вступаетъ въ

число частныхъ путешественниковъ или мѣстныхъ обывателей, то можно его и выслать изъ страны, безъ уваженія къ его званію консула, какъ-бы уже снятому имъ съ себя? Этотъ вопросъ занималъ меня въ прежнее время, а теперь мнѣ его напомнили консулы союзниковъ султана.

Я не нахожу неудобства въ обращеніи небольшаго военнаго парохода въ портовое или въ транспортное судно, если разоружить его. Такъ бывало дѣлали. Такимъ образомъ провели мы черезъ Дарданелы и Босфоръ, заказанные въ Англіи, четыре паровые фрегата; такъ поступимъ впередъ и мы, или, вѣрнѣе, Англичане, когда они подвезутъ намъ еще два, заказанные у нихъ, винтовые корвета. Впрочемъ, всякое судно, вооруженное, или не вооруженное, и подъ какимъ бы ни было флагомъ можетъ идти безбоязненно въ Галацъ, дома котораго видны съ устья Прута и изъ Ренни. Простирающійся между этими двумя городами турецкій берегъ—ничто иное, какъ болото, на которомъ не отыщется квадратной сажени твердой почвы для постройки не только батареи, но даже простого жилья. А молдаванскій берегъ все равно что не существуетъ, такъ какъ оба названные города раздѣляетъ огромное пространство воды.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей старинной и искренней дружбѣ. Меншиковъ.

P. S. Довольны-ли вы лейтенантомъ Граве?

Николаевъ, 12-го августа 1853 г.

Сегодня вечеромъ только, любезный князь, я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа съ обыкновенной почтой, а какъ она вслѣдъ затѣмъ отходила, то я успѣлъ лишь приложить къ письму моему къ Озерову пресловутый и неудовлетворяющій европейскій ультиматумъ, для передачи вамъ, если вы не получали его непосредственно отъ канцлера, который прислалъ мнѣ его съ сегодняшнею-же почтою.

Прилагаю списокъ нашимъ судамъ въ Черномъ морѣ, а вскорѣ пришлю также списокъ англійскимъ и французскимъ судамъ, стоящимъ въ Безикѣ.

За неимѣніемъ случая отправить къ вамъ это письмо изъ Николаева, я вышлю его изъ Одессы, куда сейчасъ отправляюсь. Искренно вашъ Меншиковъ.

Распечатываю письмо, что-бы сказать вамъ, любезный князь, что эти строки вручитъ вамъ тотъ фельдъегерь, который мнѣ привезъ ваше письмо отъ 10-го (22) числа. Новаго ничего не имѣю сообщить.

Завтра, 14-го числа, буду въ Одессѣ.

Николаевъ, 13-го августа.

Николаевъ, 21-го августа (2-го сентября) 1853 г.

Любезный князь, отвѣчаю на ваше письмо отъ 15-го (27) числа, доставленное мнѣ Поповымъ.

У насъ нѣтъ достаточно средствъ для выполненія всѣхъ сооруженій, и потому принуждены были взять въ помощь подрядчика. Только ему возможно будетъ построить желаемыя вами казацкія лодки. Онъ предварилъ меня, что возьмется ихъ поставить по 800 рублей за штуку, или болѣе или менѣе. Въ такомъ случаѣ адмиралтейство доставитъ 3-хъ фунт. фальконеты со станками, прибойниками, банниками и боевыми снарядами. По морской смѣтѣ эти канонирки обходятся въ 870 р. каждая.

На Кавказѣ такія лодки строятся на счетъ корпуса Воронцова. Въ концѣ-концовъ остается только выдать деньги или вашимъ интендантствомъ, или-же военнымъ министерствомъ, смотря по желаемому вами числу лодокъ. Николаевское адмиралтейство пусть заключаетъ контрактъ съ подрядчикомъ, наблюдаетъ за постройкой, вооружитъ лодки и потомъ на буксирѣ отведетъ ихъ въ Дунай. Кончится война, или военное положеніе, тогда можно будетъ сдать эти суда или въ кавказскій корпусъ, или кордонному войску и въ карантины Ѳедорова. А флоту онѣ не нужны.

Что касается до пароходовъ, то я могу отпустить вамъ „Метеоръ", вооруженный четырьмя 18-ти фунт. пушками, а въ Сулинѣ у васъ есть „Сулинъ", въ вѣдѣніи Ѳедорова, для портовыхъ работъ, но онъ долженъ быть, конечно, въ вашемъ распоряженіи на всевозможные крайніе случаи.

Если вслѣдствіе какого-либо новаго оборота въ турецкомъ вопросѣ дойдутъ до васъ изъ Петербурга новыя приказанія, или изъ Вѣны какія-либо свѣдѣнія, то я васъ прошу сообщить мнѣ ихъ. А я, съ своей стороны, тѣмъ же вамъ услужу. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Николаевъ, 21-го августа (2-го сентября), вечеромъ.

Я писалъ вамъ сегодня утромъ, любезный князь, и письмо мое было уже отправлено, когда я получилъ ваше, черезъ Лидерса, отъ 18-го числа.

Благодарю васъ очень за всѣ сообщенія. Не могу скрыть отъ васъ моего удивленія тому, что Мейендорфъ считаетъ перемѣны въ текстѣ незначущими; напротивъ, я нахожу ихъ и значительными, и дерзкими. Если онѣ будутъ приняты, то намъ придется молчать относительно религіознаго вопроса въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ баронъ, по неосторожности, ... согласился на уступку свѣт-

скихъ преимуществъ греческаго духовенста, ссылаясь на редакцію ультиматума. Тамъ говорится только о духовныхъ правахъ, т. е. о правѣ служить обѣдню, а намъ воспрещается протестовать противъ вымогательствъ, которыми станутъ притѣснять всю православную духовную іерархію, и противъ предполагаемаго ограбленія нашихъ епископовъ въ пользу Армянъ католическихъ.

Предъ отплытіемъ изъ Константинополя, я формально протестовалъ противъ частной гарантіи чисто-духовныхъ правъ, потому что чрезъ это были бы утверждены и остальныя права духовенства, какъ вы это усмотрите изъ прилагаемой копіи, если только вамъ еще неизвѣстно ея содержаніе. Искренно вашъ Меншиковъ.

Копія ноты на имя Рашидъ-паши.

9-го (21) мая 1853 г., изъ Буюкдере.

„Въ минуту отплытія изъ Константинополя, нижеподписавшійся русскій посолъ узналъ, что Высокая Порта обнаруживаетъ намѣреніе объявить гарантію духовныхъ правъ духовенства восточной церкви, гарантію, ставящую такимъ образомъ въ сомнѣніе права его на прочія преимущества, которыми оно пользуется.

„Не вникая въ причины такой мѣры, нижеподписавшійся считаетъ себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія его превосходительства, г. министра иностранныхъ дѣлъ, что всякаго рода актъ, которымъ объявлялась бы неприкосновенность духовныхъ правъ православнаго вѣроисповѣданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ умалялись бы прочія права, преимущества и льготы его духовенства, неотъемлемыя у него съ древнѣйшихъ временъ по сей день, будетъ принятъ императорскимъ кабинетомъ за дѣйствіе, враждебное Россіи и ея религіи.“

P. S. Къ вчерашнему письму.

Я только что прочелъ кореспонденцію изъ Константинополя, въ которой говорится, будто Фуадъ-эфенди, въ бывшемъ 13-го (25) числа совѣтѣ, предлагалъ объявить вамъ чрезъ Омеръ-пашу, что-бы вы очистили княжества въ двухнедѣльный срокъ, а въ противномъ случаѣ оружіе рѣшитъ вопросъ. Ну, не хвастуны-ли они?

На берегу противъ Сатуново равняютъ мѣстность, вѣроятно для батареи, но еще не видать насыпи для парапета.

Лидерсъ передалъ мнѣ ваше письмо изъ Бузео, отъ 13-го и 14-го сего мѣсяца, такъ какъ и франконскую ноту. Я очень вамъ благодаренъ за эту посылку, потому-что едва-ли получу ее изъ Петербурга.

Эта нота была уже извѣстна въ Константинополѣ, когда отходилъ послѣдній пароходъ, и газеты уже потрудились истолковать ее

какъ произнесенный надъ нами приговоръ. Я очень доволенъ тѣмъ что текстъ у меня полный, тогда какъ въ газетахъ онъ помѣщенъ съ пропусками.

Я не думаю, что-бы эта нота повела къ новой компликаціи; обмѣнятся по поводу ея посланники въ Парижѣ и Петербургѣ разными намеками и сдадутъ въ архивъ, а константинопольскіе переговоры пойдутъ своимъ чередомъ, независимо отъ нотъ этой обычной принадлежности положенія дѣлъ.

Я полагаю, что всѣ желаютъ мира, не именно ради его, а потому, что не готовы къ войнѣ. Но если это положеніе продлится до будущаго года, и Наполеонъ еще благополучно процарствуетъ, тогда война неизбѣжна.

Ваше письмо разъѣхалось съ моимъ, въ которомъ я распространяюсь о флотиліи и о мостѣ. Искренно вашъ Меншиковъ. Возвращаюсь въ Николаевъ.

Одесскій рейдъ, 17-го (27-го августа?) 1853 г.

2-й P. S. Лидерсъ только что прочелъ мнѣ отношеніе Долгорукаго къ вамъ; тамъ не говорится собственно о крейсерствѣ, но о занятіи и окончательныхъ мѣрахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, о которыхъ мы сговорились съ генераломъ.

Я составилъ счетъ людямъ, остающимся на судахъ по отдѣленіи канонирскихъ лодокъ, вышедшихъ въ Сулинъ и къ Чатальскому мысу и дополненныхъ другими лодками, и оказывается, что на послѣднихъ только по 14 человѣкъ. Необходимо поэтому усилить экипажи, а именно: можно-бы туда послать людей изъ таможенной стражи и казаковъ, безполезныхъ при ней, если вы не можете дать пѣхоты или гарнизонныхъ канонировъ.

Николаевъ, 4-го сентября 1853 г.

Любезный князь, если я вамъ нѣкоторое время не писалъ, то по причинѣ множества занятій. 26-го августа я получилъ приказаніе— принять начальство надъ 13-ю дивизіею и прибрежною линіей Чернаго моря, независимо отъ Воронцова, и вторгнуться въ Натуххай: выгнать оттуда жителей, а на Адагумѣ поставить кордонъ укрѣпленныхъ карауловъ.

Я уже дѣлалъ сборы къ походу, какъ послѣдовала отмѣна приказанія и сдѣланы другія распоряженія.

Мнѣ поручаютъ за-разъ перевезти въ Сухумъ-Кале 16 баталіоновъ 13-й дивизіи съ артиллеріею и со всѣмъ ея обозомъ, 1,660 лошадей, запасъ фуража на 26 дней, въ незавоеванные предѣлы Грузіи, и 2 тысячи четвертей овса; и въ то же время отправить изъ Одессы въ Севастополь одну бригаду 14-й дивизіи съ двумя батаре-

ями. Все это во время осенняго равноденствія. Не стану распространяться объ этой новѣйшей армадѣ, но вы поймете, какъ отяготительна частная переписка; моя же канцелярія состоитъ изъ одного унтеръ-офицера—писаря.

Воронцовъ написалъ мнѣ ужасающее письмо, требуя безотлагательно выслать означенную выше дивизію на случай грозящей войны. По немъ Турки очень сильны; у него же для отраженія ихъ только четыре баталіона; ими онъ долженъ пополнить гарнизоны крѣпостей, а „предмѣстья ему нечѣмъ защитить“.

Но объ этомъ ни слова, такъ заключаю письмо. Прощайте. *М.*

Николаевъ, 8-го (20) сентября 1853 г.

Любезный князь, я получилъ вчера въ одно время оба ваши письма, отъ 1-го и отъ 4-го сентября. Сейчасъ же принималъ фельдъегеря, привезшаго приказаніе—немедленно отправить 13-ю дивизію въ Сухумъ. Я начинаю сбиваться съ толку, и имѣю только время увѣдомить васъ о полученіи вашихъ писемъ и сообщить вамъ, что флотъ не въ состояніи снабдить васъ якорями и тѣмъ несмѣтнымъ количествомъ снастей, котораго требуетъ Бухмейеръ. Требованія этого .... инженера просто непозволительны: какъ требовать изъ Николаева сваебойной машины, когда въ инженерной командѣ въ Измаилѣ должны быть лишнія?

Пароходы „Андія“ и „Дарго“ перевозятъ почту, и не зависятъ отъ меня, хотя экипажи и взяты изъ матросовъ морского штата. Но, въ случаѣ надобности, я могу вамъ дать „Дунай“, послѣ перевозки 13-й дивизіи въ Сухумъ-Кале.

Прощайте, любезный князь, иду хлопотать съ своей дивизіей. Меншиковъ.

Одесскій рейдъ, 13-го сентября 1853 г.

Я здѣсь мимоходомъ и на самое короткое время, любезный князь, тороплюсь въ Севастополь сажать на суда 13-ю дивизію.

Возвратился изъ Бреста посланный мною туда курьеромъ одинъ изъ моихъ адъютантовъ. Онъ выѣхалъ оттуда 8-го числа. Суть новостей та, что Австрія дала Портѣ десять дней сроку, для принятія ультиматума безъ измѣненій. Если Турки не уступятъ ему, то вѣнскій кабинетъ прекратитъ свое посредничество и приметъ энергическія мѣры (?), смотря по обстоятельствамъ. Въ Брестѣ ожидали отвѣта черезъ недѣлю.

Я обращу ваше вниманіе на чрезмѣрныя прошедшія и настоящія требованія Бухмейера для существующаго и для будущаго мостовъ.

Количество требуемыхъ отъ флота снастей составляетъ 28,945 саженъ! Этимъ можно оснастить цѣлый флотъ.

Между прочими предметами требуютъ отъ адмиралтейства такихъ, которые можно добыть на мѣстѣ, какъ то:

Шлюпочные крюки. Подумаешь, въ Валахіи не отыщешь шестовъ! Оковать же ихъ могутъ кузнецы-цыгане въ Бухарестѣ, въ однѣ сутки.

Горбыли для отпора льдинъ отъ канатовъ. Это простые куски дерева, все равно какой формы, которые прикрѣпляются веревками къ канату. Для этого годится всякое полѣно, всякій обрубокъ бревна, даже связки хворосту. Стоитъ-ли это перевозки?

Буйки. Для этого годится всякій пловучій обрубокъ. У насъ ихъ не было никогда на мостахъ съ 1810 г.

Каперъ. Въ инженерной командѣ, въ Измаилѣ, должны быть и обязательно имѣть такія.

Я такого мнѣнія, что если есть время до весны, то хорошо было бы на частныхъ херсонскихъ верфяхъ построить, втеченіе зимы по подряду, необходимые понтоны, съ настилкою и всѣмъ такелажомъ, на мѣсто никуда негоднаго моста, построеннаго вашимъ главнымъ инженеромъ.

Наши морскіе запасы истощены, такъ что мы можемъ пожертвовать вамъ, въ случаѣ нужды, только старыя бракованныя снасти.

Прощайте, недосугъ. Меншиковъ.

1-го октября 1853 года.

Милостивый государь, князь Михаилъ Дмитріевичъ,[1] получивъ извѣстіе о скорой и неизбѣжной войнѣ, и полагая, что вы, съ своей стороны, получили уже требованіе Омеръ-паши—вывести войска изъ княжествъ, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство сообщить мнѣ то, касательно военныхъ дѣйствій вамъ вѣроятно предстоящихъ, и вами предположенныхъ, что̀ вы почтете за нужное, что-бы мнѣ имѣть для своихъ соображеній.

Отвѣтъ вашего сіятельства не благоугодно-ли будетъ передать мнѣ чрезъ квартирмейстера 14-й пѣхотной дивизіи, подполковника Залѣскаго, котораго съ этою цѣлью къ вамъ посылаю.

Прошу васъ принять увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и совершенной преданности. Меншиковъ.

P. S. Нѣтъ-ли вѣстей, любезный князь? Я въ совершенномъ невѣдѣніи всего; слышалъ только объ отъѣздѣ императора въ Берлинъ.

---

[1]) Оригиналъ этого письма писанъ по-русски, прочихъ-же писемъ—по-французски. Ред.

23-го числа 13-я дивизія уже высадилась въ Редутъ-Кале. При мнѣ нѣтъ ни адъютанта, ни курьера, всѣ въ разсылкѣ, вотъ почему посылаю подателя этого письма.

Одесса, 7-го октября 1853 г.

Сейчасъ узнаю, любезный князь, что Озеровъ отправляетъ къ вамъ курьера съ вѣстями изъ Константинополя; поэтому не стану объ нихъ распространяться, а только отвѣчу вамъ на вопросъ вашего послѣдняго письма отъ 2-го (14) числа. Вы спрашиваете: „Какъ намѣрены вы поступить въ случаѣ объявленія войны?“ На это скажу, что я не желаю ничего предпринимать втеченіе зимы, которая только причинитъ изъянъ экипажамъ и судамъ, если-бъ имъ пришлось крейсировать; но я не прочь отъ нападенія на Батумъ, если сочтутъ его нужнымъ. А пока, до зимы, я назначу 4 корабля, 2 фрегата и одинъ паровой фрегатъ, въ крейсерство между берегами Крыма и Анатоліи, поближе къ послѣдней, для того, что-бы, при открытіи враждебныхъ дѣйствій, эскадра имѣла возможность пресѣкать сообщенія Турокъ и ихъ каботажа.

Я позабочусь о старательномъ сооруженіи вашихъ патрульныхъ лодокъ для Дуная, и вы можете положиться на мое усердіе ко всему, что можетъ клониться къ вашей пользѣ и удобствамъ.

Весьма меня обяжете сообщеніемъ новыхъ предложеній съ цѣлью соглашенія, сдѣланныхъ Туркамъ вслѣдствіе Олмюцскихъ переговоровъ. Я нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи того, чтó тамъ происходило. Искренно вашъ, любезный князь. Меншиковъ.

Одесса, 12-го октября 1853 г.

Любезный князь, вчера вечеромъ я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа, такъ какъ и отношеніе отъ того же числа.

Письмо содержитъ въ себѣ три просьбы: прислать въ Измаилъ два парохода; устроить крейсерство для защиты устьевъ Дуная, и наконецъ, сообщить вамъ, чтó я намѣренъ предпринять съ нашимъ флотомъ.

На послѣднее я не отвѣчу, а сошлюсь на то, что я говорилъ вамъ въ письмѣ посланномъ третьяго дня.

Касательно пароходовъ я вамъ скажу, что, узнавъ два дня тому назадъ (ибо здѣсь все знаютъ), что хотятъ перевести изъ Измаила въ Браиловъ восемь канóнирскихъ лодокъ на буксирѣ, я счелъ полезнымъ послать пароходъ въ первый изъ этихъ городовъ, такъ, на всякій случай, и я поручилъ генералу Ѳедорову отправить „Сулинъ“, который, я думаю, завтра же придетъ къ мѣсту своего назначенія.

Генералу Лидерсу я отдалъ также въ распоряженіе „Метеоръ“,

находящійся въ Николаевѣ, куда я намѣренъ отправиться завтра. Не могу вамъ отсюда сказать, можно-ли будетъ на это судно поставить орудія большого калибра.

Что касается защиты устьевъ Дуная, то она возможна только на сушѣ, съ подкрѣпленіемъ рѣчныхъ канонирскихъ лодокъ. Устье св. Георгія можетъ быть защищено только со стороны оконечности дельты, по направленію къ Тульчѣ. Сулинское же устье можетъ удобно быть защищено редутомъ на лѣвомъ берегу, на вдающемся въ море мысу, откуда можно обстрѣливать морской берегъ, противоположный берегъ рѣки и самое ея теченіе. Въ этой самой мѣстности стояла нѣкогда турецкая батарея. Этотъ пунктъ, по мнѣ, можетъ сдѣлаться неприступнымъ, если занять его двумя ротами, изъ которыхъ одна оставалась-бы въ редутѣ, а другая, между тѣмъ, отдыхала бы въ карантинныхъ строеніяхъ. Это войско было бы вполнѣ защищено отъ нечаяннаго нападенія, такъ какъ ихъ раздѣляла бы вся ширина Дуная, а отступленіе его было бы обезпечено неприступностью острова Лети со стороны моря, и также удобнымъ сообщеніемъ съ Киліею.

Занимаясь укрѣпленіемъ этого пункта, генералъ Лидерсъ просилъ меня отпустить ему семь пушекъ. Я распорядился о доставленіи ихъ генералу съ офицеромъ, который можетъ обучить таможенную или карантинную стражу, какъ заряжать и дѣйствовать орудіями. На здѣшней биржѣ распространился было слухъ, будто вы намѣрены оставить это мѣсто, и возбудилъ здѣсь нѣкоторое смятеніе, потому что Сулинъ мѣстечко съ тысячью жителей, церковью и маякомъ, и боялись, что-бъ не попался въ руки Турокъ. Въ мѣстечкѣ, расположенномъ на правомъ берегу, есть хорошенькіе дома, но обыватели рѣшились защищаться, что и возможно съ помощью брандвахты, двухъ канонирскихъ лодокъ, которыхъ вы тамъ имѣете, и редута, поставленнаго на другомъ берегу.

Нападеніе не можетъ состояться ни большими, ни малыми военными судами, развѣ появились бы съ рѣки самыя мелкія суда, но это кажется мнѣ невѣроятно. Стало быть слабымъ пунктомъ была бы сторона, обращенная къ сушѣ, противъ острова св. Георгія; но ее можно укрѣпить прорѣзомъ почвы и защищать огнемъ съ помянутаго, расположеннаго на противоположномъ берегу, редута, да съ сторожеваго судна и съ канонирскихъ лодокъ.

Слѣдовательно крейсерство мало принесетъ пользы въ защиту устьевъ Дуная, но такъ какъ важно не допускать туда появленія непріятеля, то я велю эскадрѣ изъ трехъ большихъ пароходовъ или фрегатовъ стать въ виду Одессы, что-бъ ей оттуда заглядывать въ этотъ уголъ Чернаго моря, отдаленный отъ нашихъ портовъ.

Фельдъегерь, отправившійся изъ Петербурга 3-го числа, привезъ мнѣ только рескриптъ, съ выраженіемъ удовольствія за быстрый перевозъ 13-й дивизіи въ Редутъ-Кале. Почта отъ 4-го числа тоже не принесла ни вѣстей, ни инструкцій на случаи, которые можетъ породить настоящее положеніе. Между тѣмъ, 1-го октября въ Петербургѣ было уже извѣстно рѣшеніе Порты—заставить насъ очистить княжества.

Потрудитесь, любезный князь, сообщить мнѣ какія получите приказанія, равно и о томъ, что вы предпримите, а я отплачу вамъ тѣмъ же, съ полнымъ довѣріемъ и по дружбѣ. Меншиковъ.

Въ Николаевѣ, 15-го октября 1853 г.

М. г. князь Михаилъ Дмитріевичъ.[1]) Происшедшая на Дунаѣ битва произвела во мнѣ недоумѣніе: почитать-ли ее началомъ военныхъ дѣйствій, или только исполненіемъ угрозъ Омеръ-паши, въ случаѣ прохода нашихъ судовъ мимо турецкихъ крѣпостей, и сіе недоумѣніе останавливаетъ меня дать приказаніе морскимъ силамъ нашимъ, при встрѣчѣ съ Турками, нападать на нихъ ежели сами не будутъ атакованы.

Поэтому обращаюсь къ в. пр. съ просьбою. Когда вы получите повелѣніе почитать войну дѣйствительно начавшеюся, или ее сами признаете таковою, по вашимъ инструкціямъ, не оставить меня безъ соотвѣтственнаго обстоятельствамъ увѣдомленія.

Для скорѣйшаго полученія сего извѣстія, отправляю къ в. с. 32-го экипажа лейтенанта Попова, котораго не угодно-ли вамъ будетъ, въ свое время, прислать обратно ко мнѣ курьеромъ, съ тѣмъ, что вы признаете нужнымъ сообщить, а также и передать черезъ сего офицера словесно. Примите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Его сіятельству князю М. Д. Горчакову.

До сихъ поръ ни слова не знаю о нашемъ политическомъ положеніи; ужъ не ждутъ-ли результата какого-нибудь новаго предложенія?

А между тѣмъ въ Кронштадтѣ и по берегамъ Финляндіи и Эстляндіи принимаютъ окончательныя мѣры. Меншиковъ.

15-го октября.

---

[1]) Подлинникъ письма писанъ по-русски; прочихъ писемъ—по-французски. Ред.

Севастополь, 2-го ноября 1853 г.

Я положительно не знаю, любезный князь, на какихъ данныхъ основана надежда на перемиріе; если вамъ что извѣстно, то сообщите мнѣ.

Въ этомъ отношеніи мнѣ ничего не открыли ни циркуляръ канцлера отъ 19-го октября, только что полученный мною, ни его депеша ко мнѣ отъ 24-го числа.

Ваша програма, какъ мнѣ кажется, строгое оборонительное положеніе, моя же—нападать на непріятеля всюду, гдѣ только онъ встрѣтится на морѣ, но крѣпостей не трогать. Я располагаю для этого двумя эскадрами, но едва-ли онѣ встрѣтятъ въ морѣ кого-либо, кромѣ транспортовъ и пароходовъ, которые постараются укрыться въ гаваняхъ.

Взятіе форта св. Николая произвело дурное впечатлѣніе, приведя въ смятеніе прибрежное населеніе.

Жду въ тревогѣ вѣстей о предпріятіи Серебрякова, планъ котораго изложенъ въ приложеніи.[1])

Воронцовъ очень боленъ, и Бебутовъ слегъ въ постель отъ лихорадки, а между тѣмъ ему поручено начальство надъ дѣйствующими войсками.

По письмамъ изъ Петербурга можно заключить о путешествіи государя въ скоромъ времени на югъ. Искренно вашъ Меншиковъ.

Севастополь, 2-го декабря 1853 г.

У меня только и времени, что-бы сказать вамъ два слова. Тороплюсь отправить къ вамъ фельдъегеря съ депешами отъ Воронцова извѣщающими о пораженіи Абди-паши, анатолійскаго сераскира.

Оффиціальные отвѣты готовы и я отправляю ихъ съ этимъ фельдъегеремъ, но вашего курьера удержу до завтрашняго утра, пока напишу отвѣтъ на ваше конфиденціальное письмо отъ 23-го ноября. Меншиковъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 28-го числа, вмѣстѣ съ копіей извѣщеній Мейендорфа о положеніи переговоровъ. Мы ничего не слышали объ англо-французскихъ пароходахъ, крейсирующихъ, какъ сказываютъ, но я что-то не вѣрю этому.

Севастополь, 5-го декабря 1853 г.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, любезный князь, что не худо бы найти мѣсто для переправы чрезъ Дунай выше Рущука. По мнѣ

---

[1]) Серебрякову приказано было отнять у Турокъ фортъ св. Николая. Ред.

этимъ мѣстомъ могъ-бы быть Никополь, такъ какъ Ольта могла бы васъ снабдить запасными судами, и потому что этотъ городъ, сколько мнѣ помнится, можно окопать и образовать изъ него тетъ-де-понъ, съ господствующимъ центромъ тамъ, гдѣ находилась нѣкогда римская цитадель. Другое его преимущество то, что онъ служитъ исходною точкою дорогъ, ведущихъ въ центръ болгарскаго населенія: Плевну, Сутчу, Турнова и въ Балканскіе проходы, съ обходомъ Шумлы, если-бы понадобилось, или если-бы хотѣли возбудить опасенія непріятеля. Тутъ могло-бы быть сборное мѣсто болгарскихъ инсургентовъ и центръ оборонительно-наступательныхъ дѣйствій по обѣ стороны рѣки.

Если-бъ подобное предпріятіе должно осуществиться, то мое мнѣніе было-бы придвинуть лѣвое крыло, что-бъ не терять изъ виду Силистрію и Рущукъ во время операціи, предоставляя себѣ потомъ сдѣлать демонстрацію переправы подъ Сатуновомъ, чѣмъ никого не обманешь, такъ какъ Туркамъ, конечно, извѣстно, что главное ваше войско находится въ Валахіи.

Что касается прохода на буксирѣ канонирскихъ лодокъ подъ выстрѣлами крѣпостей, то я не считаю его невозможнымъ, разумѣется съ потерею; его можно совершить въ ночное время, поставить вдали огни для указанія рулевымъ. Но что будетъ съ судами, когда они, пройдя, не найдутъ защиты противъ подвижной батареи на противоположномъ берегу, посланной ихъ преслѣдовать, и какъ исправить причиненныя ядрами поврежденія паровыхъ машинъ?

Послѣ испытанныхъ пораженій и неудачь Турки посбавятъ свое высокомѣріе, и если вамъ удастся разгромить ихъ въ Калафатѣ посредствомъ сильнаго огня артиллеріи, которую вы замаскируете эполементами или редутами, то надобно надѣяться, что они сдѣлаются уступчивыми.

Вотъ мой романъ, любезный князь. Вамъ лучше знать, выйдетъ-ли изъ него дѣйствительная исторія, или онъ останется сказкою. Если до тѣхъ поръ вамъ будутъ дѣлать предложенія перемирія, то дайте мнѣ знать о томъ для моего руководства. Искренній привѣтъ. Меншиковъ.

P. S. Я только что получилъ рапортъ отъ нашего крейсера у береговъ Абхазіи. Фортъ св. Николая былъ еще занятъ Турками. Хотѣли выгнать ихъ оттуда 12-го числа, направивъ атаку на Кинтрики, главную квартиру паши.

Перечитывая свое письмо, я нахожу въ немъ и упущенія, и повторенія,—будьте снисходительны. Зрѣніе мое такъ ослабло, что даже сильные очки на него не дѣйствуютъ.

Севастополь, 7-го (19) января 1854 г.

Любезный князь, я получилъ почти въ одно время ваше конфиденціальное письмо отъ 27-го и отношеніе отъ 29-го октября, за № 278.

Искренно поздравляю васъ съ прекраснымъ дѣломъ подъ Четати; это можно почесть началомъ тѣхъ значительныхъ результатовъ, которые поведетъ за собою соединеніе вашихъ силъ въ малой Валахіи.

Мнѣ сообщили содержаніе записки, которую вы представили двору съ предложеніемъ измѣнить отчасти данный вамъ планъ похода; и мнѣ пріятно было видѣть, что мы сошлись съ вами въ мысляхъ насчетъ общихъ дѣйствій и касательно мѣстности Никополя.

Со времени входа въ Черное море соединенныхъ флотовъ, въ виду нашихъ береговъ не появлялись ни восточные, ни западные непріятели. Я жду съ нетерпѣніемъ вѣстей изъ Петербурга; желалъ бы я знать, какъ смотрятъ тамъ на наше стѣсненное превосходными силами двухъ морскихъ державъ положеніе, и я спрашиваю себя, можетъ-ли въ такомъ случаѣ наша національная гордость допустить принятіе мирныхъ предложеній? Мое самолюбіе говоритъ мнѣ: будемъ драться не на животъ, а на смерть, хотя бы съ пожертвованіемъ береговъ, которыхъ мы не въ силахъ отстоять.

Весь флотъ возвратился въ Севастопольскую гавань, за исключеніемъ двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ, засѣвшихъ въ засадѣ въ Сухумъ-Кале, подъ выстрѣлами двухъ береговыхъ батарей, поставленныхъ, впрочемъ, довольно неловко.

Какъ пишутъ мнѣ, Воронцовъ просилъ и получилъ шестимѣсячный отпускъ за границу, въ Теплицъ. На время своего отсутствія, онъ представилъ Реада. Я не имѣю понятія о военныхъ способностяхъ этого человѣка, встрѣчалъ его только мелькомъ въ обществѣ. Прощайте, любезный князь. Весь вашъ Меншиковъ.

Правда-ли, что братъ вашъ Петръ просился снова въ службу?

XL ЛѢТЪ

артистической дѣятельности

В. В. САМОЙЛОВА.

1835—1875.

14-го января 1875 г. исполнится сорокъ лѣтъ со дня поступленія на сцену С.-Петербургскаго русскаго театра́ Василія Васильевича Самойлова.

Многимъ изъ любителей отечественнаго театра памятно торжество празднованія тридцатилѣтія службы артиста, котораго, по всей справедливости, можно назвать гордостью и украшеніемъ русской сцены. Въ послѣдующіе десять лѣтъ, художественнымъ исполненіемъ многихъ новыхъ ролей, созданіемъ почти изъ каждой роли живого типа, В. В. Самойловъ доказалъ, что талантъ, подобный его таланту, неистощимо разнообразный, многогранный—если можно такъ выразиться—не старѣетъ, неизмѣнно сохраняя свой блескъ и силу творчества.

Художественное поприще В. В. Самойлова, по прошествіи сорока лѣтъ, можно раздѣлить на два періода. Въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ артистъ шелъ тернистымъ путемъ, преодолѣвая преграды и затрудненія, на что требовалось не мало энергіи и силы воли. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, сценическій артистъ былъ поставленъ въ условія, не столь благопріятныя, какъ нынѣ. Отъ произвола ближайшаго начальства зависило „дать ходъ“ бездарности, отодвигая истинный талантъ въ тѣнь, на послѣдній планъ Самое радушное сочувствіе публики къ ея любимцу не въ состояніи было извлечь его изъ окружавшей толпы посредственностей и только вниманіе императора Николая Павловича, покровителя отечественнаго театра, спасло талантъ Самойлова отъ закоснѣнія вслѣдствіе обидной холодности, а иногда и зложелательства театральной администраціи.

Дѣленіе труппы на „амплуа“ напоминало табель о рангахъ; роль, однажды назначенная актеру, почиталась его собственностью; допустить комику сыграть драматическую роль, или, наоборотъ, трагику — роль комическую, почиталось нарушеніемъ законовъ искусства и посягательствомъ на права собственности. Понятно, что чѣмъ талантъ былъ разнообразнѣе, тѣмъ враждебнѣе относился къ нему закулисный міръ. Наконецъ, кому неизвѣстенъ взглядъ петербургскаго общества на артистовъ, четверть вѣка тому назадъ? В. В. Самойловъ, съ самаго начала своего поприща, принадлежалъ къ числу немногихъ избранниковъ, сценическихъ артистовъ, принятыхъ въ хорошемъ кругу; но эта любезность относилась болѣе къ офицерскому чину, который онъ смѣнилъ на званіе артиста. Подобныя отношенія общества къ сословію актеровъ, въ талантливѣйшихъ изъ нихъ, развивали чувства справедливаго негодованія, заставляя ихъ гордостью, даже заносчивостью, отвѣчать надменности и презрѣніемъ—высокомѣрію. Барство былыхъ временъ, удостоивая актеровъ своею благосклонностью, не возвышало ихъ до себя, но снисходило до нихъ, требуя съ ихъ стороны нѣкотораго самоуничиженія.

Чествуя въ лицѣ В. В. Самойлова представителя отечественной сцены; въ полной увѣренности, что имя его займетъ блестящую страницу въ исторіи русскаго театра въ ряду первоклассныхъ, знаменитыхъ артистовъ, позволяемъ себѣ сдѣлать краткій обзоръ его артистической дѣятельности съ указаніемъ на тѣ роли, въ которыхъ нашъ артистъ-художникъ имѣлъ возможность въ полномъ блескѣ выказать свой разнообразный талантъ.

I.

Съ 1834 по нынѣшній 1875 г. В. В. Самойловымъ исполнено до пятисотъ ролей въ водевиляхъ, комедіяхъ, операхъ, драмахъ и трагедіяхъ. Изъ этихъ ролей значительно бо̀льшая часть принадлежитъ къ числу имъ созданныхъ.

5-го октября 1834 г. В. В. Самойловъ дебютировалъ партіею Іосифа въ оперѣ Мегюля „Іосифъ Прекрасный“; въ январѣ слѣдующаго 1835 г. онъ поступилъ на службу, играя попеременно въ операхъ и водевиляхъ. Молодой, съ пріятною наружностью, отличаясь изящными манерами, онъ занялъ неблагодарное амплуа первыхъ любовниковъ, которымъ тогда почти нераздѣльно владѣлъ покойный Максимовъ; въ роляхъ комическихъ главенствовалъ Дюръ—достойный любимецъ публики; П. И. Григорьевъ съ успѣхомъ игралъ свѣтскихъ лю-

дей и военныхъ; Сосницкій—былъ въ полномъ блескѣ таланта, въ Мартыновѣ его наставникъ, П. А. Каратыгинъ, уже угадывалъ задатки громаднаго дарованія... Всѣ эти артисты, бывшіе воспитанники театральной школы, любимые публикою, первенствовали въ новыхъ водевиляхъ, занимая роли, для нихъ написанныя; къ Самойлову, какъ къ новичку, авторы и переводчики относились съ понятнымъ недовѣріемъ; публика, благоволя любимцамъ, еще не высказывала артисту своего сочувствія. Теноровыя партіи въ операхъ занимали тогда Леоновъ (Шарпантье), Шемаевъ и Петръ Рамазановъ; съ ними чередовался В. В. Самойловъ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ (1834 — 1837) имъ было сыграно только двадцать семь новыхъ ролей и въ этомъ числѣ — девять партій въ операхъ и опереткахъ (между прочими Максъ въ „Волшебномъ Стрѣлкѣ"). Не будемъ далеки отъ правды, если изъ ролей, особенно удачно сыгранныхъ Самойловымъ, назовемъ: Алинскаго (Хороша и дурна), Вецкаго (Жена кавалериста) и Саранскаго (Елена). Неподдѣльное чувство, прекрасное пѣніе куплетовъ, умѣнье съ достоинствомъ держаться на сценѣ обратили на молодаго артиста вниманіе публики. Въ то же время онъ сблизился съ товарищами по службѣ; многіе изъ нихъ полюбили Самойлова за веселый нравъ и обходительность, которыми онъ тогда отличался. Этому не мало способствовали пріязненныя отношенія артистовъ оперныхъ и драматическихъ къ его отцу В. М. Самойлову, человѣку радушному, хлѣбосольному, умѣвшему ладить съ закулиснымъ міромъ и пользовавшимся уваженіемъ сослуживцевъ. Несчастная его кончина (11-го іюля 1838 г.) [1]) пробудила искреннее сочувствіе къ его семейству и въ артистахъ, и въ публикѣ. Послѣдняя какъ-будто почтила въ его сынѣ преемника талантливаго отца и съ 1839 г. молодой Самойловъ уже могъ назваться любимцемъ публики. Съ кончиною Н. О. Дюра къ нему перешли нѣкоторыя роли изъ обширнаго репертуара покойнаго. Въ каждой изъ этихъ ролей Самойловъ явился самостоятельнымъ создателемъ новаго типа; вслѣдствіе этого не могло быть сравненій между новымъ исполнителемъ и артистомъ, уже сошедшимъ съ своего поприща, но еще жившимъ въ памяти публики. Въ роли Эдуарда (водевиль: Артистъ) Дюръ былъ неподражаемъ: въ этой роли его преемникъ, Самойловъ, былъ въ своемъ родѣ, превосходенъ, какъ въ одной изъ первыхъ ролей съ переодѣваньями, въ которыхъ Василій Васильевичъ достигъ совершенства. Талантливый рисовальщикъ, острый карикатуристъ, наблюдательный

[1]) Онъ утонулъ близъ Сергіевской пустыни во время страшнаго урагана разразившагося надъ Финскимъ заливомъ, въ день особаго праздника въ Петергофѣ, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Николаевны.

Самойловъ почти не имѣлъ и не имѣетъ соперниковъ въ искусствѣ гримироваться; никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, поразительно вѣрно изобразить типы: поляка, нѣмца, англичанина, чухонца, итальянца, грека, татарина, еврея и т. д. Подмѣтивъ это драгоцѣнное свойство таланта Самойлова, тогдашніе водевилисты (П. И. Григорьевъ, Н. А. Коровкинъ, П. С. Ѳедоровъ, Ѳ. А. Кони, Н. И. Куликовъ, Д. Т. Ленскій, Н. А. Некрасовъ и др.) принялись писать и переводить пьесы съ ролями, исключительно принаровленными къ прекрасной его способности. Почти всѣ эти водевили, замѣтимъ, были такъ сказать вынесены Самойловымъ на плечахъ; имѣли успѣхъ, благодаря его безподобной игрѣ (Двѣ станціи; Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ; Хочу быть актрисой; Актеръ; Комедія съ дядюшкой; Нашествіе иноплеменныхъ; Бѣда отъ сердца и т. д.).

Мѣнять свой огромный талантъ на мелочь, пришлось Самойлову лѣтъ десять (1838—1848) въ періодъ наводненія александринской сцены водевилями-оригинальными и переводными, изъ которыхъ, за исключеніемъ пьесъ П. А. Каратыгина, Ленскаго и нѣкоторыхъ, Григорьева — большая часть фабриковалась для Мартынова, Максимова или Самойлова. Между тѣмъ талантъ послѣдняго мужалъ, созрѣвалъ; ему прискучили передѣлки съ французскаго, тяжелы были фарсы, въ которыхъ приходилось играть даже роли старухъ; однако-же и при тогдашнемъ театральномъ репертуарѣ судьба послала на его долю нѣсколько ролей, достойныхъ его таланта. Почти всѣ онѣ памятны любителямъ театра. Въ роли гуляки студента (Ломоносовъ, Полеваго) Самойловъ затмилъ Максимова, особенно въ предпослѣднемъ актѣ, въ которомъ студентъ, тридцать лѣтъ тому назадъ поступившій въ солдаты за своего товарища, является заслуженнымъ генераломъ. Въ драмѣ: Наслѣдство онъ создалъ роль ростовщика „Водрильяна“, въ Брачномъ Свидѣтельствѣ (Nacht und Morgen) былъ безукоризненно хорошъ въ роли Гавтрея; въ мелодрамѣ Вѣчный Жидъ былъ настоящимъ „Роденомъ“; въ Монте-Кристо — „Андреа Кавальканти“ и т. д. Всѣ эти роли, въ исполненіи ихъ Самойловымъ, были живыми типами; при этомъ, что-бы вполнѣ понять трудности, которыя приходилось преодолѣвать артисту при исполненіи этихъ ролей, необходимо вспомнить, что французскіе драматурги, коверкая исторію, влагаютъ въ уста личностей историческихъ нелѣпости и риторическую мишуру собственнаго издѣлія, заставляютъ ихъ нести высокопарную дичь, которую бѣдный сценическій художникъ обязанъ задалбливать отъ доски до доски. Таковъ Ришелье въ плохой мелодрамѣ Серафима Лафайль... Что создать изъ этой роли талантливому Самойлову, кромѣ внѣшно-

сти? А между тѣмъ, при исполненіи имъ этой роли, театръ гремитъ отъ рукоплесканій.

Къ исходу сороковыхъ годовъ наша сцена нѣсколько поосвободилась отъ переводныхъ бульварныхъ мелодрамъ. Еще въ декабрѣ 1845 года, въ роли Юродиваго (Смерть Ляпунова), Самойловъ явился артистомъ самобытнымъ, создавъ изъ нея типъ — намъ родной. За этой ролью слѣдовали типы: старика Пузыречкина (Отставной театральный музыкантъ); Пехтерьева (Завтракъ у Предводителя); графа Любина (Провинціалка); Чаркина (Богатая старушка); Тимоѳея Леонтьевича (Деньщикъ); Ицки (Маркитантка); Любима Торцова (Бѣдность не порокъ); Агаѳона (Не такъ живи, какъ хочется); Иванова (Въ чужомъ пиру похмѣлье); Кречинскаго (Свадьба Кречинскаго); Кузовкина (Однодворецъ); Станціоннаго Смотрителя (Станціонный Смотритель); Ивана Мироныча (Легкая надбавка); Архипа (Грѣхъ да бѣда); Бурцова (Пасынокъ); Петра (Не такъ живи, какъ хочется); Дорси (Гуверперъ); Кременчугова (Свѣтъ и его тѣни); Шалыгина (Воевода); Тарабаева (Паутина); Имшина (Самоуправцы); Ладушкина (Говоруны); Басанинъ-Басанскаго (Пробный камень); Ростаковскаго (Ревизоръ); Ѳомы Ѳомича (Семейныя тайны); роль въ пьесѣ: Шутники — (соч. Островскаго) Фрола Скабѣева (Фролъ Скабѣевъ); Опольева (Старый баринъ); Ястребова (Ангелъ доброты и невинности); Шмерца (Мужья одолѣли); Труханскаго (Закинутыя тенета); Балавина (Роковой шагъ); Графа Говорлина (Говорлинъ); Берестова (Старое старится) и мног. другія.

Перечень далеко не полный, такъ какъ изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Самойловымъ, въ особенности въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, каждая была его торжествомъ. Но отъ группы ролей характерныхъ, типичныхъ, мы перейдемъ къ ролямъ историческимъ, и, во-первыхъ, къ тѣмъ, въ которыхъ В. В. Самойловъ воскресилъ русскихъ дѣятелей былыхъ временъ. Располагаемъ ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, въ смыслѣ историческомъ, но только въ послѣдовательности обширнаго репертуара нашего артиста: Третьяковскій (Русскій Фаустъ); Кулибинъ (Кулибинъ); Костровъ, (Ермилъ Костровъ); Сусанинъ (Костромскіе лѣса); Дмитревскій (13 января 1807 года); Сумароковъ (30 августа 1756 г.); Дмитрій Самозванецъ (Дмитрій Самозванецъ — Чаева и Борисъ Годуновъ — Пушкина); Иванъ Грозный (Василиса Мелентьева: Островскаго; Князь Серебряный, Смерть Іоанна Грознаго — графа А. К. Толстаго); Волынскій (Ледяной домъ). Изъ историческихъ личностей иностранныхъ Самойловъ олицетворилъ неподражаемо: Ришелье (Ришелье);

Кромвеля (Смерть Кромвеля); Нерона (Неронъ); Людовика XI (Заколдованный домъ).[1])

Репертуаръ ролей В. В. Самойлова въ трагедіяхъ Шекспира ограничивается тремя ролями: Лиръ (1859); Шейлокъ (1860); Гамлетъ (1863). Не вдаваясь въ разборъ игры В. В. Самойлова въ роли короля Лира, замѣтимъ только, что онъ выступилъ въ ней на состязаніе съ сильнымъ соперникомъ. Зимою 1858—1859 годовъ, въ Петербургъ прибылъ прославленный въ Европѣ африканскій трагикъ Айра Ольдриджъ,[2]) негръ, талантъ-самородокъ, созданный, такъ сказать, для роли Отелло, въ которой былъ совершенствомъ.

Блестящій успѣхъ Айры въ этой роли на всѣхъ европейскихъ театрахъ побудилъ африканца заняться изученіемъ и прочихъ типовъ созданныхъ Шекспиромъ. „Отелло" преобразился въ „Шейлока" и „Лира"; темно-оливковый обликъ мавра, скрытый подъ слоемъ бѣлилъ, напоминалъ зрителямъ тріумфальную роль Айры и его осыпали рукоплесканіями, снисходя къ недостаткамъ исполненія. Существеннѣйшимъ изъ нихъ была именно наружность негра и невозможность мимики на лицѣ, покрытомъ чуть не маскою. Но какъ европейскіе критики, такъ разумѣется и наша публика, очарованные игрою „Отелло", были черезъ чуръ снисходительны къ „Лиру".

Эта роль созрѣла въ артистической душѣ Самойлова, онъ взлелѣялъ ее въ своемъ сердцѣ и рѣшился сыграть короля „Лира" въ бытность Айры Ольдриджа въ Петербургѣ. То было благородное состязаніе русскаго артиста съ европейскою знаменитостью—и Самойловъ вышелъ побѣдителемъ. Уступая въ этой роли русскому артисту-сопернику, Айра Ольдриджъ, сознавая себя побѣжденнымъ, выказалъ себя, какъ человѣкъ, вполнѣ благороднымъ и достойнымъ соперникомъ Самойлова. На другой же день представленія „Короля Лира", въ которомъ онъ видѣлъ Самойлова, Айра Ольдриджъ написалъ ему слѣдующее письмо, прилагаемое нами въ переводѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ: [3])

---

[1]) Между многими авторитетными отзывами объ артистической дѣятельности В. В. Самойлова особенно интересны отзывы В. Г. Бѣлинскаго, отдававшаго полную справедливость дарованію этого артиста. *Ред.*

[2]) Онъ умеръ, немного лѣтъ тому назадъ, въ бѣдности, въ Кіевѣ. Разборъ его художественной игры въ одной незначительной комедіи превосходно составленъ графомъ Ѳ. П. Толстымъ и напечатанъ въ «Русской Старинѣ». (См. изд. 1873 г., томъ VII, стр. 135—136). *Ред.*

[3]) Еще въ 1870 году, въ первый годъ нашего изданія, мы обращались къ В. В. Самойлову съ просьбою ознакомиться съ его архивомъ. Василій Васильевичъ съ радушіемъ исполнилъ нашу просьбу и мы тогда же сняли копіи съ разныхъ писемъ, стиховъ и съ отрывковъ изъ записокъ артиста... Это собраніе бумагъ невелико, такъ какъ, къ сожалѣнію, В. В. Самойловъ не берегъ

Hôtel de-Paris. Суббота утромъ.

„Мой дорогой сэръ и другъ! Я счелъ бы себя не довольно вѣжливымъ, если бы не поспѣшилъ выразить мой восторгъ по поводу вашего вѣрнаго, художественнаго представленія стараго короля. Ваша игра доставила мнѣ великое удовольствіе. Многія мѣста, которыя были для меня нѣсколько темны, вы окончательно разъяснили; относительно другихъ, вашъ великій талантъ утвердилъ меня въ моемъ собственномъ, прежде усвоенномъ пониманіи ихъ. Живите долго, что-бы украшать искусство, котораго вы служите такимъ блистательнымъ представителемъ; вотъ истинное желаніе африканскаго трагика, истинно преданнаго вамъ Айра Олдьриджа".[1])

II.

Если соперникъ отдавалъ нашему артисту должную справедливость, то публика, само-собою, не могла безучастно отнестись къ успѣху Самойлова. Кромѣ букетовъ и вѣнковъ, которыми осыпали русскаго артиста, ему было прислано нѣсколько писемъ отъ зрителей съ выраженіемъ восторга и признательности за поддержку „славы русскаго искусства..." „Вы не побоялись г-на Ольдриджа",—писалъ В. В. Самойлову одинъ изъ многочисленныхъ его почитателей, совершенно ему незнакомый — „и смѣло ступили твердою ногою на трудное исполненіе. Ожиданія публики сбылись, и она вчера (8 декабря 1858 г.) именно ликовала за васъ, нашего гражданина, нашего роднаго трагика. Заранѣе многіе говорили, что вы не возьмете на себя роли не обдумавши; не приметесь за дѣло не свое, и мы вчера въ томъ убѣдились. Вы истинно пожали лавры на трудномъ поприщѣ и отъ души васъ поздравляю, нашъ русскій Гаррикъ, съ новою славою, покрывшею васъ вчера..."

переписки, и если кое что уцѣлѣло, то совершенно случайно. Въ настоящей статьѣ мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ копій, снятыхъ съ этихъ бумагъ, прося извиненія у В. В. Самойлова въ нашей нескромности: его дѣятельность, какъ артиста, есть достояніе высоко-почитающаго его талантъ—русскаго общества. **Ред.**

[1]) «Hôtel de Paris. Saturday Morning. My dear Sir and friend. I should deem myself depicient in respect did et delay endeavsuring to express my admiration for your thruthful, and artistic sedesing of the Old King wich is wittnessed with so much pleasure. Many passages that were to me somewhat obscure you decided, and in others your great talent confirmed me in my own, previously adopted conception; mau yon long livé to adorn that profession of wich you are so distinguished an ornament is the sincere wish of your truly Jra Aldregde African Tragedian».

В. В. Самойлову.

Съ тобой Самойловъ несравненный
Всѣ эти дни живу душой,
И жду побѣды несомнѣнной
И лавръ вѣнчающихъ твой бой.

Ты цѣлый день передо мною
Съ твоимъ восторженнымъ лицемъ,
Съ твоей трепещущей слезою
И дивнымъ творчества огнемъ.

Нѣтъ, за тебя нельзя бояться
И въ ратоборствѣ трепетать;
Кто за тебя могъ опасаться
Тебя не можетъ сознавать.

Нѣтъ, не уступитъ Лиръ нашъ новый
Чужому Лиру никогда,
Тамъ, гдѣ душа игры основой,
Побѣда вѣрная всегда.

Одинъ лишь споръ я допускаю
Между натурой и тобой!...
Другихъ соперниковъ не знаю,
Нашъ Гаррикъ дивный и родной!

N. N.

Почти съ самаго начала своей службы на сценѣ, В. В. Самойловъ, приступая къ изученію новой роли, рисовалъ акварелью задуманный типъ и такимъ образомъ въ теченіе сорока лѣтъ составился чрезвычайно любопытный альбомъ акварелей—нѣсколько томовъ. Въ немъ, между прочимъ, мы нашли стихотворенія нѣкоторыхъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей, въ томъ числѣ графини Е. П. Ростопчиной и Д. Т. Ленскаго. Приводимъ ихъ стихотворенія:

Смотрю на бѣглые листы,
На эти всѣ изображенья,
Гдѣ живо видно проявленье
Артиста творческой мечты:
Какъ много типовъ разнородныхъ,
Смѣшныхъ, печальныхъ, важныхъ лицъ,
Фантазій, фарсовъ, небылицъ,
И идеаловъ благородныхъ!...
Гдѣ простофили глупый смѣхъ,—
Гдѣ злой ироніи улыбка,—
Здѣсь заблужденье иль ошибка,
Тамъ хитрость, и порокъ, и грѣхъ...
Уже-ли мысль одна и та-же

Ихъ поняла, ихъ создала,
И, средь толпы, всегда на стражѣ,
Ихъ пестрый рядъ подстерегла?...
И всѣ живутъ! И всѣ трепещутъ
Своею истиной для насъ!
Всѣ яркой краской рѣзко блещутъ
Одинъ другому на показъ.
Хвала, художникъ и мыслитель,
Хвала тебѣ за дивный трудъ!
Твои созданья не умрутъ.
Имъ человѣчество цѣнитель
Въ нихъ вѣрно схваченъ человѣкъ,
Въ нихъ отразился свѣтъ и вѣкъ.
Протей,—ты жизнью многосложной,
Многостороннею живешь;
Сегодня—старецъ осторожный,
А завтра—юноша тревожный,
Ты самъ себя возсоздаешь!

Москва, 20-го мая 1852 г.

Графиня Евдокія Ростопчина.

Остроумный Д. Т. Ленскій по достоинству цѣнилъ талантъ Самойлова. Вотъ что написалъ Ленскій въ помянутомъ выше альбомѣ артиста:

Здѣсь вижу я наслѣдника артиста,
Который всей семьѣ талантъ свой завѣщалъ...
Какъ на Руси у насъ молва ни голосиста,
Но все отецъ и сынъ наградъ себѣ не зналъ!
А ежели когда, кому-нибудь другому,
Не русскому, покажутъ сей альбомъ,
Увидитъ, можетъ быть, по этому альбому,
Чѣмъ былъ отецъ и сынъ въ отечествѣ своемъ!
Отецъ и сынъ — въ душѣ артисты оба;
Но все-таки отецъ скончался въ свой чередъ,
А сынъ и за дверями гроба
Въ альбомѣ этомъ не умретъ!

Москва, 30-го апрѣля 1852 г. Ленскій.

Вотъ еще два стихотворенія даровитаго Ленскаго, написанныя имъ экспромтомъ, подъ живѣйшимъ впечатлѣніемъ игры Самойлова:

В. В. Самойлову.

(въ пьесѣ «Старички»).

Художникъ истинный! что сдѣлалъ ты со мною?...
Ты усладилъ меня—и вмѣстѣ огорчилъ:

Вчерашній день твоей естественной игрою
Ты мнѣ на сценѣ быть формально запретилъ.

Д. Ленскій.

(въ пьесѣ «Ермилъ Костровъ»).

Еще одинъ листокъ
Въ побѣдный твой вѣнокъ
Ты, милый Гаррикъ, вплелъ: —
Костровъ не умиралъ,—
Былъ пьянъ, полъ вѣка спалъ,—
Проснулся — къ намъ пришелъ.
Предъ зрителемъ вертится
И духъ его и ликъ!
Ну какъ не убѣдиться,
Что Гаррикъ нашъ великъ!

Ленскій.

Игра В. В. Самойлова, обаятельно дѣйствуя на зрителей, вдохновляла многихъ изъ нихъ и они стихами выражали свой восторгъ геніальному артисту. Нѣкоторыя стихотворенія (на русскомъ и на французскомъ языкахъ) написаны были дамами. Перебирая стихотворенія и письма, въ разное время полученныя В. В. Самойловымъ отъ публики, мы остановились на слѣдующемъ, вполнѣ проникнутомъ чувствомъ. Оно поднесено В. В. Самойлову 25-го октября 1874 г., при выходѣ его на сцену послѣ болѣзни, въ драмѣ „Роковой шагъ“:

Привѣтъ тебѣ, художникъ вдохновенный;
Привѣтъ тебѣ, любимецъ дорогой!
Божественнымъ лучемъ, какъ геній, озаренный,
Ты — украшенье музъ страны родной!

Я не поэтъ, моя безгласна лира,
Что-бы воспѣть искусства идеалъ,
Не мнѣ воспѣть любимаго кумира
Кому восторгъ толпы лишь пьедесталъ!

И что тебѣ призывъ, рукоплесканья?
Мольеръ и Кинъ, Шекспиръ... все, все въ тебѣ;
Ты полонъ весь высокаго сознанья,
Съ печатью дара славы на челѣ!

Что для тебя, что въ душу ты вливаешь
Нѣчто отрадное и теплое порой;
То веселишь, то слезы извлекаешь
Художника искусною игрой!

Но подари мой скромный стихъ вниманьемъ,
Восторга чистаго дай высказать привѣтъ,
Напутствовать тебя позволь желаньемъ:
«Да здравствуетъ Самойловъ много лѣтъ!»

Поклонница вашего таланта N. N.

Кромѣ привѣтствій въ стихахъ, было множество привѣтовъ въ прозѣ, въ формѣ писемъ. Приводимъ на выдержку слѣдующее:

«Почтеннѣйшій г. Самойловъ! Давно уже мнѣ не случалось быть въ русскомъ театрѣ. Опера, такъ какъ я большой аматеръ пѣнія, влекла меня почти каждый день въ Большой театръ, но вчера, т. е. въ среду 28-го декабря, я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на Михайловскомъ театрѣ въ роли «Станціоннаго смотрителя», которую вы такъ неподражаемо-хорошо исполнили, что я еще сегодня не могу вытѣснить впечатлѣніе, произведенное вами вчера на меня. Душа моя плакала и безсонница тревожила меня всю ночь. Я видѣлъ много печальныхъ пьесъ, но никогда не былъ тронутъ такъ до глубины души, какъ вчера! Это ваша очаровательная игра! Я воспользуюсь краткимъ временемъ, которое мнѣ еще остается проводить здѣсь, въ Петербургѣ, что-бъ почаще видѣсь васъ, г. Самойловъ». Гр. N. N.

Таковы отношенія публики къ ея любимцу. Не менѣе справедливо къ нему большинство авторовъ пьесъ, успѣхъ которыхъ нерѣдко зависитъ отъ его участія. Позволяемъ себѣ привести слѣдующее письмо даровитаго писателя, пьеса котораго, обладая несомнѣнными, самостоятельными достоинствами, блестящимъ и многолѣтнимъ своимъ успѣхомъ много обязана Самойлову:

«Милостивый государь Василій Васильевичъ!...... Хотя и поздно, но я хочу повторить вамъ мою признательность и мое глубокое сочувствіе къ вашему свободному и творческому таланту. «Кречинскій» явился въ васъ не только типомъ, а живою конкретною личностью, къ которой вы, какъ самостоятельный артистъ, имѣли полное право придать всякія дифференціальныя особенности выговора, костюма, позъ, движеній и прочаго — это ваша воля и ваша свобода, и потому пусть упрекаютъ васъ за польскій акцентъ другіе — а не я.... Примите, Василій Васильевичъ, мой кубокъ на добрую память о томъ днѣ, когда явился предо мною «Кречинскій» въ плоти и крови; если день этотъ будетъ памятенъ для русской сцены, то выпейте его до дна за будущность искусства на Руси и да здравствуетъ все прекрасное! Жму вашу руку и остаюсь навсегда вамъ душевно-преданный Александръ Сухово-Кобылинъ. Москва, 27-го августа 1856 года».

Въ заключеніе настоящей статьи помѣщаемъ на страницахъ „Русской Старины" нѣсколько страницъ изъ „Воспоминаній" В. В. Самойлова; этотъ отрывокъ переноситъ насъ, за сорокъ лѣтъ назадъ, къ началу художественной дѣятельности высоко даровитаго артиста русскаго петербургскаго театра.

Ред

ВОСПОМИНАНІЯ В. В. САМОЙЛОВА.

Первые годы артистической дѣятельности.

Разскажу нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни, предполагая, что они будутъ довольно любопытны для читателей, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые интересуются сценическимъ искусствомъ и артистической жизнью его дѣятелей.

О частной жизни моей умолчу, не находя ее интересной для читателей; но жизнь каждаго актера, собственно на театральныхъ доскахъ, должна быть общимъ достояніемъ и исключительно принадлежать лѣтописямъ театра.

Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Какъ-то разъ, покойный императоръ Николай Павловичъ, встрѣтясь съ отцомъ моимъ, спросилъ: отчего онъ ни одного изъ своихъ сыновей не опредѣлитъ на сцену?

— Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наслѣдовалъ твоего таланта?— спросилъ при этомъ Государь.

„Таланты есть",—отвѣчалъ отецъ,—„но всѣ сыновья мои на службѣ, и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за свое образованіе, которое получилъ отъ покойнаго императора Александра.

— А если таланты есть,—возразилъ Государь,—то давай ихъ къ намъ, на сцену. Офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ— нѣтъ!

Покойный отецъ, говоря съ увѣренностью о талантахъ своихъ дѣтей, имѣлъ основаніе, потому что самъ видалъ ихъ на сценѣ. Я, и два брата мои, получили образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ двадцатыхъ годахъ этотъ корпусъ былъ образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. Воспитанники оканчивали курсъ на правахъ университет-

скихъ и, кромѣ наукъ, тамъ старались развивать любовь къ изящнымъ художествамъ. Тамъ преподавали: живопись, музыку, пѣніе, фехтованье и танцы; въ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ и ученики постоянно, предъ многочисленнымъ обществомъ, являлись на сцену пробовать свои силы. Отецъ мой, какъ извѣстный пѣвецъ и актеръ, почти всегда былъ приглашаемъ присутствовать при подобныхъ спектакляхъ и здѣсь-то самъ имѣлъ возможность видѣть дарованіе своихъ сыновей. Я, въ бытность мою въ корпусѣ, постоянно отказывался играть на сценѣ: я былъ недуренъ собою и, къ несчастію, на мою долю постоянно доставались роли молодыхъ дѣвушекъ, играть которыя я считалъ обиднымъ для моего самолюбія. Такимъ образомъ, отцу ни разу не пришлось видѣть меня на сценѣ. Но у меня былъ хорошій голосъ, теноръ, и отецъ часто говаривалъ, что жаль, если подобный голосъ пропадетъ безъ всякой пользы для сцены. Вѣроятно и послѣ „разговора съ императоромъ эта мысль побудила отца остановить свой выборъ на мнѣ.

Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ къ отцу. Онъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ государемъ и объявилъ о своемъ желаніи. Хотя оно и не совсѣмъ согласовалось съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ воли отца. Дебютъ мой былъ назначенъ въ оперѣ Мегюля: „Іосифъ Прекрасный", въ роли Іосифа. Партію со мною проходилъ Даллʼокка, отецъ знаменитой пѣвицы Шоберлехнеръ. До моего дебюта меня никто не слыхалъ. Только однажды случилось, что актеръ М. С. Щепкинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, посѣтилъ моего отца. Разсказалъ ему отецъ о своемъ намѣреніи — отдать меня на сцену и предложилъ ему послушать мой голосъ. Хотя отецъ былъ почти увѣренъ въ моемъ успѣхѣ, но въ его родительскомъ сердцѣ невольно пробуждались сомнѣніе и боязнь за сына, тѣмъ болѣе, что поприще, на которое я готовился вступить, было мнѣ указано почти имъ однимъ. Невольный страхъ — подвергнуть меня неудачѣ—тревожилъ его и ему желательно было услышать отъ другого подтвержденіе, что онъ въ своемъ рѣшеніи не ошибается.

По приказанію отца, я пропѣлъ арію изъ Іосифа. Насколько мое пѣніе было хорошо и удачно — я самъ о томъ не могъ судить отъ сильнаго волненія, но, по окончаніи аріи, я замѣтилъ, что отецъ былъ доволенъ мною, а на глазахъ Щепкина виднѣлись слезы.

— Пожалуйста, не торопись увлекаться первымъ своимъ успѣхомъ, поспѣшилъ сказать отецъ. Во-первыхъ, Михаилъ Семеновичъ слишкомъ снисходителенъ, а во-вторыхъ, ужъ слишкомъ чувствителенъ: онъ отъ всего плачетъ... видно, ужъ у него глаза на мокромъ мѣстѣ.

Несмотря, однако-жъ, на свою шутку, въ которой какъ-бы слы-

шалось недовѣріе къ оцѣнкѣ Щепкина и боязнь, что-бы я не слишкомъ много возмечталъ о своемъ голосѣ послѣ искреннихъ и горячихъ похвалъ заслуженнаго артиста, самъ отецъ, видимо, остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвело на Щепкина мое пѣніе, но не желалъ этого высказать ни предъ нимъ, ни передо мною.

Вскорѣ былъ назначенъ день моего дебюта. Я готовился къ нему безъ особеннаго волненія. Меня никто не училъ сценаріизму: на репетиціяхъ отецъ, видя во мнѣ задатки сценическаго дарованія, не хотѣлъ давать мнѣ своихъ совѣтовъ, что-бы не сбивать меня и не мѣшать развитію таланта. Онъ зналъ по опыту, что часто даваемые совѣты не прививаются и не усвоиваются, но въ то же время и по этой самой причинѣ своя манера выражаться исчезаетъ, утрачивается, и бываетъ такъ, что актеръ на сценѣ все время остается въ замѣшательствѣ, припоминая, чему его учили и не забылъ-ли онъ чего.

Насталъ день моего дебюта: 3-е октября 1834 года.

Я пріѣхалъ въ Большой театръ вмѣстѣ съ отцомъ, который въ той же оперѣ исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть, сквозь занавѣсъ, на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ-будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я. а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна—другой грознѣе, одна—другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передо мною. Неизвѣстность: чѣмъ все кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности, какой-то ложный стыдъ—показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ; мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что чрезъ какой-нибудь часъ ужъ будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я, бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ закостюмированнымъ и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни за что не выйду!

Отецъ испугался, началъ меня урезонивать; а между тѣмъ уже сыграли увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену.

Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ рампы и множества огней. Въ первую минуту меня совсѣмъ ошеломила такая неожиданность,

но вмѣстѣ съ тѣмъ мелькнуло въ головѣ сознаніе, что первый шагъ сдѣланъ и возврата нѣтъ.

Оркестръ подалъ мнѣ аккордъ. Почти ничего не видя предъ собою, скрѣпя сердце, съ какой-то отчаянной смѣлостью я началъ пѣть. Не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ... Подъ конецъ аріи, возбудивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьезно входить въ свою роль. Это было непродолжительно. Покуда я еще былъ одинъ на сценѣ, я могъ забыться; могъ вообразить себѣ, что я — настоящій Іосифъ, что расхаживаю не по театральнымъ подмосткамъ, а попираю ногами настоящую землю египетскую; что я окруженъ роскошными растеніями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими деревья. Давъ волю фантазіи и увлеченію, я-бы еще долго могъ воображать себя неподдѣльнымъ сподвижникомъ фараона египетскаго, если-бы не явился на сцену новый актеръ (Ефремовъ), отличавшійся, какъ нарочно, плохимъ и, въ особенности, ненатуральнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Когда онъ выступилъ изъ-за кулисъ, по старой методѣ, съ долгими паузами послѣ каждаго шага, замахалъ руками, взвылъ нечеловѣческимъ голосомъ—я точно свалился съ неба въ преисподнюю. Увидѣлъ я, что я—не Іосифъ Прекрасный, а онъ—далеко не приверженецъ мой, и что оба мы, въ настоящую минуту, потѣшаемъ публику. Тутъ вся моя прежняя робость возвратилась ко мнѣ еще съ новою силою; отъ волненія я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, такъ что всѣ блестки моего роскошнаго костюма заходили ходнемъ, выдавая тѣмъ мой страхъ и смущеніе. Весь первый и слѣдующій за нимъ речитативъ я пропѣлъ въ пол-тона выше, чѣмъ слѣдовало.

Все же мой первый дебютъ былъ очень удаченъ; повтореніе дебюта — тоже. Послѣ этихъ двухъ представленій, въ которыхъ я порядкомъ поизмучился и поволновался, я сильно захворалъ и слегъ; такъ что въ третій разъ явился на сцену, спустя уже порядочное время, въ бенефисъ отца, въ оперѣ „Сандрильона" (роль Рамира). Послѣ этихъ двухъ ролей меня приняли на сцену, на жалованье двухъ съ половиною тысячь руб. ассигнаціями.

Если я съ первыхъ же дней пошелъ такъ быстро впередъ и началъ трудиться серьезно, то обязанъ этимъ единственно тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Не мало притѣсненій и гоненій пришлось испытать мнѣ. Благодаря сильному и твердому моему характеру, я не упадалъ духомъ; не чуждый самолюбія — не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту. Быть можетъ, при иныхъ обстоятельствахъ, при другой, болѣе благопріятной, обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ-бы скоро развилось. Но, во всякомъ случаѣ, не дай

Богъ никому такой цѣною покупать себѣ славу и благосостояніе. До сихъ поръ (уже слишкомъ тридцать лѣтъ [1]) съ ужасомъ припоминаю о томъ, что мнѣ довелось переживать. Тогдашняя театральная администрація, благоволя и покровительствуя питомцамъ театральнаго училища, непріязненно относилась къ лицамъ, поступавшимъ на сцену не изъ этого разсадника талантовъ. Не я одинъ испытывалъ послѣдствія подобныхъ отношеній администраціи къ артистамъ невоспитанникамъ: Асенкова, А. Я. Воробьева (супруга О. А. Петрова), обѣ сестры мои и многія другія не были счастливѣе меня. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай изъ моей жизни, относящійся ко времени, отдѣленному нѣсколькими годами отъ моего дебюта. Тогда изъ оперы я уже перешелъ въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца опера почти разстроилась; въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ оперетках, которыя тамъ ставились довольно часто. Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованья, которое я получалъ (500 руб. по нынѣшнему счету на серебро), далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частною работою. Болѣе всего меня выручала живопись: я работалъ, по заказу, небольшія картины масляными красками, карандашомъ, и только благодаря способности моей къ рисованью, могъ кое-какъ существовать. Я не роптал на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за заслуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была достаточная. Я просилъ давать мнѣ роли труднѣйшія, въ которыхъ я могъ бы выказать свое дарованіе, а не роли въ родѣ „Гильденштерна"—въ Гамлетѣ, выпадавшія исключительно на мою долю. Мнѣ отвѣчали, что онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ моему дарованію. Я предложилъ переиграть попеременно всѣ мужскія роли въ драмѣ: „Материнское благословеніе" (La Nouvelle Fanchon), бывшей тогда въ большой модѣ; предложилъ это съ условіемъ, что если я хоть въ одной роли буду хуже тѣхъ, которые играли до меня, то подвергаюсь штрафу, какой угодно будетъ назначить. Согласія не послѣдовало. Наконецъ я заявилъ администраціи, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ (какъ мнѣ это ни тяжко съ большою семьею), то есть не получать разовыхъ, а

---

[1]) Писано въ 1865 году. Ред.

довольствоваться однимъ убогимъ жалованьемъ, съ тѣмъ, что бы въ теченіе театральнаго сезона мнѣ дали двѣ-три хорошія роли.

Это предложеніе было принято.

Съ жаромъ принялся я за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, что-бы наверстать тѣ рубли, отъ которыхъ отказался. Меня поддерживала мысль, что наконецъ бѣдствія мои прекратятся и дорогое, святое для меня искусство будетъ исключительнымъ моимъ занятіемъ. Но время уходило, а иныхъ ролей, кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти „выходныхъ", мнѣ не давали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся...

Сезонъ окончился и отъ администраціи былъ мною полученъ слѣдующій отвѣтъ: „Ролей мнѣ не давали, считая это лишнимъ, разовыхъ же мнѣ не выдадутъ, такъ какъ я же самъ вызвался служить даромъ".

Все пошло прахомъ; всѣ мои надежды и мечты рушились! Не тернія, не камни, но цѣлыя скалы увидѣлъ я на пути, по которому мнѣ предстояло шествовать. Мною овладѣло отчаяніе; натура моя не выдержала и я захворалъ; у меня разлилась желчь. Я былъ въ отчаянномъ положеніи, но молодость свое взяла. Я поправился; и когда всталъ съ постели, то почувствовалъ себя какъ бы новымъ человѣкомъ, и духомъ, кажется, сильнѣй прежняго. Меня возмущали и несправедливость, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого-нибудь счастливаго случая. Я выжидалъ — долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ, и наконецъ-таки выждалъ удобнаго случая.

Былъ назначенъ бенефисъ режиссера К—ва, господина весьма мнѣ недоброжелательнаго. Должна была идти драма покойнаго Ефимовича: „Отставной театральный музыкантъ и княгиня"; главная роль музыканта была назначена Мартынову и роль—отличная. Это было въ началѣ сезона, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; отложить бенефисъ было невозможно, а между тѣмъ Мартыновъ еще не возвращался изъ отпуска, да и многихъ другихъ артистовъ не было на-лицо. Кромѣ меня этой роли играть было некому, но все же К—въ противился, и только, благодаря настояніямъ автора, роль была мнѣ прислана. Насталъ день, такъ давно мною ожидаемый. Мнѣ бросилъ его случай, одинъ слѣпой случай; я зналъ это и мнѣ надобно было имъ воспользоваться во что-бы то ни стало, иначе пришлось-бы еще десять лѣтъ дожидаться подобнаго случая. Не хочу хвалиться, но, кажется,

никогда я еще не игралъ такъ удачно, какъ въ этотъ вечеръ. На моесч астіе покойный императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ тотъ вечеръ Александринскій театръ и именно пожаловалъ на представленіе пьесы, въ которой я игралъ главную роль. Игра моя понравилась государю, и когда онъ вышелъ изъ ложи, велѣлъ позвать меня:

— „Спасибо, Самойловъ", сказалъ онъ мнѣ, и прибавилъ шутя: „только смотри, ты своею игрою заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого даромъ не прощу!"

Я ничего не могъ отвѣтить государю, у меня сердце переполнилось радостью и благодарностью... Немногими, но вполнѣ отъ сердца сказанными словами, Государь вознаградилъ меня за десять лѣтъ терпѣнія и страданія. Бываютъ минуты въ жизни, когда у человѣка сердце преисполняется величайшаго счастія и я пережилъ именно подобную минуту. Когда государь возвратился въ ложу, тогдашній директоръ, быстро проходя мимо меня, поздравилъ съ подаркомъ, который былъ мнѣ назначенъ государемъ изъ кабинета. Боже! у меня едва хватило силъ перенести мое счастіе! Мнѣ — подарокъ, мнѣ — вознагражденіе, мнѣ—до сихъ поръ загнанному, запертому? Я торжествовалъ, блаженствовалъ; эта первая монаршая милость была для меня тѣмъ-же, чѣмъ бываетъ для воина георгіевскій крестъ.

Со дня этого спектакля администрація измѣнила ко мнѣ свои прежнія, непріязненныя отношенія. Мнѣ положили поспектакльную плату: два съ половиною рубля сер. и я началъ играть, чаще появляясь иногда въ главныхъ роляхъ.

Тогда во дворцѣ очень часто давались русскіе спектакли, отъ участія въ которыхъ меня отстраняла та же администрація. Это длилось нѣкоторое время. Тогдашній секретарь директора, А. Л. Н—вичъ, передалъ мнѣ, что государь не разъ спрашивалъ, почему онъ не видѣлъ меня ни разу на дворцовыхъ спектакляхъ вмѣстѣ съ другими; но ему отвѣчали обыкновенно, что я боленъ, или занятъ въ другомъ спектаклѣ, на которомъ-нибудь изъ городскихъ театровъ. Дѣйствительно, въ тѣ дни, когда играли во дворцѣ, меня постоянно назначали играть въ городѣ. И тутъ счастливый случай помогъ мнѣ.

Однажды государь выразилъ желаніе непремѣнно видѣть меня въ дворцовомъ спектаклѣ и въ тотъ же самый вечеръ. Это случилось за два часа до представленія и, какъ нарочно, въ то время дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Тотчасъ же были посланы нарочные въ Петербургъ, за нотами, костюмами и артистами, участвовавшими въ назначенной пьесѣ. Всѣ они, по счастію, были на-лицо и одинъ только покойный П. И. Григорьевъ былъ занятъ въ Александринскомъ театрѣ и игралъ второе дѣйствіе какой-то пьесы. Представле-

ніе пришлось пріостановить и Григорьевъ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ капельмейстеромъ, В.-М. Кажинскимъ, поспѣшилъ въ Царское Село. Пьесу доигралъ за Григорьева другой актеръ. Графъ М. Ю. Віельгорскій, находившійся постоянно при особѣ его величества, говорилъ мнѣ, что послѣ этого спектакля государь выразилъ желаніе, что-бы впредь я постоянно участвовалъ въ спектакляхъ во дворцѣ и монаршей воли никто не смѣлъ ослушаться.

Государь любилъ веселыя пьесы и потому во дворцѣ игрались преимущественно небольшія комедійки и водевили. Помню, разъ играли водевиль: „Бѣда отъ сердца и горе отъ ума", въ которомъ я исполнялъ роль фокусника-итальянца. Передъ спектаклемъ государь, смѣясь, сказалъ:

— Вотъ, Самойловъ, какъ ты сегодня будешь фокусникомъ; устрой намъ какой-нибудь фокусъ съ кѣмъ-нибудь изъ зрителей.

Я просилъ государя назначить то лицо, какое ему будетъ угодно, и его величество, подумавъ, назвалъ лейбъ-медика Маркуса, а для содѣйствія мнѣ въ этой шуткѣ назначилъ флигель-адъютанта Паткуля, такъ какъ одному мнѣ невозможно было осуществить задуманнаго мною плана.

Начался спектакль; зала была наполнена зрителями, разумѣется, придворными особами. Государь, повидимому, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и съ улыбкою, искоса, поглядывалъ на Маркуса, зная заранѣе, что тотъ, волей-неволей, скоро сдѣлается изъ зрителя дѣйствующимъ лицомъ и сверхъ всякаго чаянія. Маркусъ, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ въ шестомъ ряду креселъ, съ самымъ серьезнымъ лицомъ и съ достоинствомъ, приличнымъ его званію, слѣдилъ за ходомъ пьесы. При взглядѣ на тучную фигуру, на блестящую лысину, на строгое выраженіе лица почтеннаго лейбъ-медика становилось еще смѣшнѣе при мысли, что государь избралъ именно его быть причастнымъ въ задуманной шуткѣ.

Сюжетъ водевиля приблизительно заключался въ томъ, что одинъ итальянецъ-шарлатанъ, влюбившись въ молоденькую дѣвушку, является къ ея отцу просить согласія на ихъ бракъ; отецъ не соглашается и итальянецъ, что-бы понравиться и очаровать его своею ловкостью, показываетъ ему всякіе фокусы: дѣлаетъ яичницу въ шляпѣ, вынимаетъ изъ его локтя апельсины и яблоки; наконецъ, беретъ его золотую табатерку и со словами: „ein, zwei, drei!" бросаетъ ее вверхъ и она исчезаетъ въ воздухѣ. Несмотря, однако же, на всѣ таланты, выказанные итальянцемъ, отецъ все-таки не соглашается имѣть такого подозрительнаго зятя, и безъ церемоніи гонитъ его вонъ, требуя прежде обратно свою золотую табатерку... Табатерки на-лицо не

оказывается: ее ищутъ вездѣ, начиная съ кармановъ фокусника — но ни въ нихъ, ни въ мебели, ни на полу ея нѣтъ. Отецъ объявляетъ, что этой покражи не допуститъ и хочетъ задержать фокусника. Послѣдній объявляетъ, что онъ въ залѣ не одинъ: она съ народомъ, за что же ему отвѣчать за всѣхъ? „Пускай всѣхъ обыскиваютъ!"

При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ гулъ смѣха; государь смѣялся громче всѣхъ. Даже самъ солидный лейбъ-медикъ удостоилъ улыбнуться... только, увы! улыбка была непродолжительна. Между тѣмъ на сценѣ отецъ говорилъ фокуснику: „такъ какъ табатерка пропала изъ вашихъ рукъ, то ужъ вы и потрудитесь искать ее сами!" Фокусникъ, т. е. я, недолго думая, съ поклономъ обращаюсь ко всей почтеннѣйшей публикѣ, сидящей справа, и слезно убѣждаю ее отдать табатерку и тѣмъ вывести меня изъ ск廿вернаго положенія. При этомъ хохотъ зрителей прекратился, за то смѣхъ государя слышался еще громче, искреннѣе, неудержимѣе. На кого изъ зрителей я ни посмотрю вопросительно (а мнѣ съ возвышенія сцены видны были всѣ лица), тотъ сейчасъ же наклоняется, прячется за сосѣда, однимъ словомъ, старается исчезнуть... Едва-ли кому изъ зрителей было пріятно въ эту минуту. Не получая отвѣта справа, я, съ той-же рѣчью, обращаюсь влѣво: та же исторія... За то съ правой стороны, по миновании опасности, послышался ропотъ негодованія на дерзкую фамильярность съ особами, столь высоко-поставленными...

Не получивъ, разумѣется, ни откуда отвѣта, я заявилъ публикѣ, что я самъ, безъ ея помощи, отыщу табатерку; что я — физіономистъ и что похититель драгоцѣнной вещи отъ меня не укроется. Медленно окинувъ всѣхъ пытливымъ взглядомъ, которымъ, можетъ быть, многимъ не совсѣмъ по вкусу пришелся, я, наконецъ, съ увѣренностью указываю на Маркуса и утвердительно говорю, что табатерка должна быть у него. Всѣ взоры обратились на лейбъ-медика и съ нимъ случилось то, что всегда бываетъ. За минуту передъ тѣмъ, каждый, опасаясь за себя, находилъ эту шутку неумѣстною; теперь же, когда ея жертвою оказалось одно лицо — всѣ смѣялись и какъ-будто радовались. Никому не пришло въ голову, хотя на одно мгновеніе, поставить себя на мѣсто бѣднаго лейбъ-медика, а не случай-ли спасъ каждаго изъ нихъ отъ того же непріятнаго положенія?

При моемъ обвиненіи на лицѣ Маркуса выразилось непритворное негодованіе. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ мѣста, быстро опустилъ руки въ карманы и, къ крайнему своему удивленію и всеобщему веселому хохоту, собственноручно вытащилъ исчезнувшую со сцены табатерку, которую я, во время игры, ловко успѣлъ передать стояв-

шему за кулисами флигель-адъютанту Паткулю; тотъ же, съ своей стороны, занимая кресла сзади Маркуса, и того ловче опустилъ ее въ карманъ лейбъ-медика, занятаго представленіемъ. Долго раздавались всеобщій смѣхъ и шумъ и мы подъ этотъ говоръ окончили нашъ водевиль.

Государь остался очень доволенъ и пришелъ на сцену благодарить насъ.

— „Я въ одномъ только убѣжденъ, ваше величество", сказалъ я шутя, — „что какъ-бы опасно я ни захворалъ, но, ужъ конечно, никогда не обращусь за помощью къ Маркусу. ."

Между тѣмъ, впослѣдствіи, мнѣ приходилось не разъ встрѣчать почтеннаго лейбъ-медика въ обществѣ. Изъ его памяти, конечно, не могло совершенно изгладиться непріятное воспоминаніе о спектаклѣ, въ которомъ и ему пришлось играть незавидную роль, хотя я, въ этомъ случаѣ, былъ простое орудіе и исполнитель монаршей воли. Но какъ человѣкъ придворный, привыкшій управлять собою и своими ощущеніями, Маркусъ никогда ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ мнѣ о прошломъ, будучи со мною всегда одинаково вѣжливъ и любезенъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ у постели моего хорошаго пріятеля, нашего знаменитаго живописца Карла Брюлова. Брюловъ уже давно хворалъ біеніемъ сердца и болѣзнь его приняла, наконецъ, очень опасный оборотъ. Онъ уже не покидалъ постели. Маркусу, какъ придворному медику, было поручено отъ императора, ежедневно навѣщать больного и сообщать о состояніи его здоровья. Онъ, разумѣется, не ограничивался своею оффиціальною обязанностью и съ своей стороны давалъ совѣты дорогому больному, какъ и чѣмъ поддерживать свое здоровье. Между прочимъ, убѣждалъ Брюлова говорить какъ можно менѣе:

— „Вы помните, знаменитый и славный нашъ Карлъ Павловичъ, что самое ничтожное волненіе для васъ теперь—ядъ", какъ то говорилъ Маркусъ. „Вы должны молчать, иначе все погибло. Каждое сказанное лишнее слово потребуетъ лишняго визита доктора; такъ имѣйте же въ виду хоть то, что ваше слово теперь имѣетъ стоимость червонца... не раззоряйте себя!"

Затѣмъ разговоръ незамѣтно принялъ другое направленіе и, мало по малу, между Маркусомъ и Брюловымъ завязался споръ. Послѣдній, со свойственными ему горячностью и увлеченіемъ, началъ отстаивать свои убѣжденія...

— Помилуй, Карлъ, да замолчи ты, ради Бога! крикнулъ я Брюлову — вѣдь ты губишь себя... Ты вспомни, что говоритъ докторъ: твое слово—червонецъ!

„Не мѣшай, не мѣшай! отвѣчалъ со смѣхомъ Брюловъ,—„я хочу васъ озолотить“.

Бѣдный другъ! Ему было суждено не вставать уже болѣе съ постели.

Много хорошихъ часовъ проводили мы въ его обществѣ въ былое время, и тѣ, которые еще остались въ живыхъ изъ того кружка, конечно, не забыли объ артистическихъ вечерахъ у Брюлова. Онъ тогда занималъ въ академіи огромную мастерскую, съ казеннымъ освѣщеніемъ, которымъ мы и пользовались — надо признаться — въ весьма широкихъ размѣрахъ во время нашихъ ужиновъ. Угощенія и закуски бывали настолько богаты и вкусны, насколько и разнообразны: каждый, по своему усмотрѣнію, приносилъ съ собою что попало. За то именно освѣщеніе и убранство мастерской были великолѣпны, изящны, роскошны. Вся она была убрана картинами самого хозяина, и отъ первой до послѣдней, каждая картина отдѣльно освѣщалась съ одинаковымъ тщаніемъ и рѣдкимъ искусствомъ. Иному гостю приходилось сидѣть рядомъ со своимъ портретомъ, тутъ-же находившимся, и, по ошибкѣ, въ пылу разговора, иногда обращались къ копіи, вмѣсто оригинала. Много горя, боли и всякихъ невзгодъ забывалось въ этой искренной бесѣдѣ за незатѣйливой трапезой. Тутъ Несторъ Кукольникъ, бывшій тогда въ большой модѣ, вдохновлялся и увлекалъ насъ своими стихотвореніями; Михаилъ Глинка вызывалъ слезы у присутствующихъ пѣніемъ своихъ задушевныхъ романсовъ. У него былъ теноръ не очень сильный, но чрезвычайно пріятный, и никто не умѣлъ пѣть его романсовъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ онъ пѣлъ ихъ самъ. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательно хорошій піанистъ. Впослѣдствіи я сблизился съ нимъ. Онъ страстно любилъ театръ и даже оставилъ по себѣ маленькую память на Александринской сценѣ, написавъ куплетъ для переводнаго водевиля: „Купленный выстрѣлъ“. Въ этой пьескѣ я исполнялъ роль англичанина и въ концѣ мнѣ приходилось пѣть длиннѣйшій куплетъ, который былъ скомпанованъ Глинкою. У меня хранится партитура для оркестра, написанная вся его рукою, и я берегу ее, какъ дорогое воспоминаніе объ этомъ великомъ талантѣ.

. . . .

....за неуваженіе къ закулиснымъ властямъ, я долженъ былъ расплачиваться—и расплачивался щедро и широко: ничто мнѣ не извинялось и не прощалось. Не дешево покупалъ я себѣ право не гнуться и не льстить. Хотя и теперь время произвола еще не совсѣмъ миновало, но уже отрадно и то явленіе, что разсказы о несправедливостяхъ, возможныхъ въ былое время, возбуждаютъ него-

дованіе и, вмѣстѣ, недовѣріе къ разсказчику, такъ какъ передаваемые имъ факты кажутся невозможными. Но чего ни творилось въ мое время! Нынѣ шагъ къ самостоятельности сдѣланъ большой. Артисты стоятъ на степени людей свободныхъ и независимыхъ и ими нельзя помыкать, какъ это было въ прежнее время. Помню, какъ талантливую пѣвицу А. Я. Воробьеву (Петрову), заставили пѣть партію Арзаса, въ оперѣ „Семирамида", въ тотъ самый день, когда у нея скончалась мать. Въ другой разъ начальство разгнѣвалось на ту же самую пѣвицу, артистку съ замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, и, въ видѣ поучительнаго наказанія, причислило ее къ опернымъ хорамъ, въ которыхъ она и пѣла въ теченіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда случаи подобнаго самоуправства никого не удивляли. Произволъ и капризъ замѣняли нашему театральному начальству и законъ и здравый смыслъ, какъ при опалахъ, такъ и при милостяхъ. Нѣкто актеръ Аѳанасьевъ, по своему дарованію, не имѣвшій никакого значенія на сценѣ, разъ, какъ-то, въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набуянилъ. Объ этомъ былъ составленъ и поданъ, куда слѣдуетъ, рапортъ; во избѣжаніе могущаго повториться скандала слѣдовало оштрафовать виновнаго, но рѣшеніе послѣдовало иное: „дать актеру Аѳанасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя". И Аѳанасьеву дали бенефисъ... Какъ послѣ этого не вѣрить пословицѣ: „не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!..."

. . . .

В. В. Самойловъ.

Спб., 1865 г.

——◦◦◦——

Замѣтки къ разсказамъ Очевидца о Польской смутѣ.

I.

Послѣ похвалы прошедшей службѣ генералъ-адъютанта графа Ламберта и весьма нелестной характеристики генералъ-адъютанта Герштенцвейга, обвиняемаго въ соперничествѣ, на весьма для насъ мало убѣдительныхъ основаніяхъ, несходствія въ воззрѣніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ воинской администраціи,—составитель разсказовъ о послѣдней Польской смутѣ рисуетъ яркую, но весьма печальную картину русскаго общества въ Варшавѣ и, между прочимъ, замѣчаетъ, будто графъ Ламбертъ, не найдя никого,— рѣшительно никого,—въ варшавскомъ русскомъ обществѣ, имѣя давнія причины не довѣрять Герштенцвейгу и не видя ни одного способнаго человѣка въ средѣ русскихъ генераловъ и высшихъ чиновъ,—смѣло принялъ вызовъ и рѣшился дѣйствовать одинъ.

Не буду останавливаться на мрачной картинѣ русскаго общества въ Царствѣ Польскомъ. Пришлось бы согласиться, что мастерскою кистью отмѣчены весьма яркими красками нѣкоторыя темныя черты печальныхъ послѣдствій исключительнаго положенія нашего среди враждебнаго намъ народа. Справедливо-ли слишкомъ строго относиться къ малой горсти отверженныхъ, отъ населенія и образованнаго общества, людей, предъ которыми, въ буквальномъ смыслѣ слова, на-глухо заперты были всѣ двери и для которыхъ исключительно доступны оставались только входы въ мѣста, гдѣ соблазнъ и искушенія манили къ себѣ, жаждавшую развлеченія, молодежь. Я далекъ оправдывать то, что непохвально само по себѣ и предосудительно въ тѣхъ случаяхъ, когда на насъ обращено вниманіе недоброжелателей нашихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ мы были представителями всего побѣдившаго народа; но случаи, присущіе всѣмъ временамъ, встрѣчающіеся всегда и вездѣ оплакиваемые, какъ частности, не могутъ вести къ безусловному осужденію; а потому неумолимый приговоръ Очевидца о цѣломъ обществѣ, на которое онъ обрушиваетъ и всю вину постигшихъ насъ злополучій и графа Карла Карловича Ламберта несчастій, позволительно считать столько же незаслуженнымъ, какъ и несправедливымъ.

Не въ одной же Варшавѣ и Польшѣ были смуты и мятежи. Не въ каждомъли обществѣ есть люди, которыхъ можно въ чемъ-либо упрекнуть? Бо́льшій или мѐньшій упадокъ нравственнаго достоинства отдѣльныхъ личностей, еслибы составлялъ исключительную принадлежность одного только варшавскаго русскаго общества, въ чемъ однако позволительно сомнѣваться,—то и въ такомъ случаѣ это печальное положеніе не могло бы окончательно повліять на успѣхи рѣшительною волею предпринятыхъ мѣръ. Вспомнимъ, что дѣлалось въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ въ то время, когда началось въ Варшавѣ революціонное броженіе умовъ и уличные безпорядки, а затѣмъ появились и шайки. И изъ Вильны доходили къ намъ неотрадныя вѣсти,—и тамъ дѣла наши шли не лучше польскихъ. И тамъ мятежъ раздувалъ пламя и угрожалъ опасностію. Явился человѣкъ съ твердою волею и съ непоколебимою рѣшимостію. Онъ объявилъ чего хочетъ; указалъ что дѣлать, ободрилъ всѣхъ,— и нашлись люди, съумѣвшіе выполнить его предначертанія; и наши дѣла немедленно

приняли счастливый оборотъ. Мятежъ подавленъ, и, когда водворилось спокойствіе, тогда началось умиротвореніе.

Неужели въ самомъ дѣлѣ въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не нашлись люди, какъ въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ, готовые положить и самую жизнь для исполненія своего долга? Подобное предположеніе противорѣчило-бы всей исторіи русскаго народа. Люди, которые въ сознаніи своего долга и во исполненіе неоднократныхъ напоминаній одного за другимъ слѣдовавшихъ намѣстниковъ, умѣли владѣть собою, подавлять въ себѣ порывы возмущеннаго чувства обиженной чести и съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, чувствуя силу въ своихъ рукахъ, переносили кровныя обиды, безнаказанно имъ наносимыя, обезумѣвшими мятежниками;—такіе люди, конечно, обладаютъ нѣкоторыми добродѣтелями, ради которыхъ заслужили бы смягченія жестокаго надъ ними приговора Очевидца. Если-бы военнослужащіе (я говорю только о военномъ варшавскомъ обществѣ) не обладали этими, присущими русскому человѣку, добродѣтелями, то Варшава и вся Польша давно бы обагрились кровью, и умиротвореніе края, поглощавшее всѣ думы намѣстниковъ, отъ этого сдѣлалось бы недоступнѣе, а нашъ споръ съ Польшею не могъ бы оставаться на той почвѣ, на которой мечтали удержать его люди, которымъ ввѣрена была судьба рѣшенія.

Не знаю, какую, по мнѣнію Очевидца, силу опоры и степень сопротивленія можетъ искать начальникъ въ своихъ подчиненныхъ? Это ближе всего можетъ опредѣлить нуждающійся въ опорѣ; а потому трудно сказать, въ какихъ именно людяхъ нуждался покойный намѣстникъ, гр. Ламбертъ. Нѣтъ сомнѣнія, что опоры съ сопротивленіемъ графъ Ламбертъ никогда въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не встрѣтилъ бы. Были же среди этого общества люди, весьма близко къ графу поставленные,—люди, и теперь занимающіе видныя государственныя должности, управляющіе краями, въ которыхъ имя ихъ произносится съ признательностію. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о царскомъ намѣстникѣ, облеченномъ всею силою монаршаго довѣрія и не нуждающемся въ посторонней опорѣ; не забудемъ также, что у насъ не начальникъ, а подчиненный, въ своемъ безсиліи, нуждается въ поддержкѣ, а въ простыхъ понятіяхъ солдата безусловная и точная его исполнительность есть вѣрнѣйшая опора силы и власти начальства. Не давали же въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ подчиненные покойнаго Муравьева ему свои непрошенные совѣты. Они, съ готовностью исполнить его распоряженія, неустрашимо пошли въ лѣса и болота, и тамъ сокрушили мятежъ.

Что происходило въ кабинетѣ намѣстника, какія думы занимали его и какіе пути умиротворенія избирались имъ,—все это сошло для насъ въ преждевременную могилу вмѣстѣ со смертію графа Ламберта. Мы оставались въ прежнемъ мучительномъ ожиданіи; переносили, по прежнему, дерзкія обиды и по прежнему довѣряли.

Мы были только свидѣтелями начавшихся перемѣщеній лицъ, занимавшихъ среди насъ въ арміи самыя почетныя мѣста. Графъ-намѣстникъ, уполномоченный обширною властію, въ сознаніи своего права и необходимости призвать къ себѣ людей, способныхъ приводить въ исполненіе созрѣвавшіе въ головѣ его планы, не стѣснялся широкимъ употребленіемъ дарованной ему власти. Кто изъ современниковъ не помнитъ того безпокойства, какое охватило всѣхъ, когда, чуть-ли не каждый день, приносилъ отозваніе одного за другимъ и замѣщеніе ихъ новыми лицами, не ознакомившимися еще съ происходившими въ

Польшѣ дѣлами. Чувствительно было для войскъ 2-го армейскаго корпуса назначеніе генерала отъ инфантеріи Липранди членомъ военнаго совѣта въ такую минуту, когда въ воздухѣ носился запахъ пороха. Генералъ Липранди былъ человѣкъ твердой воли, пользовавшійся извѣстностью, въ бояхъ пріобрѣтенною. Присутствіе его при войскахъ въ Варшавѣ имѣло особое значеніе. Украшавшій грудь его орденъ св. Георгія 3-й степени, полученный имъ еще въ чинѣ полковника въ 1831 году, во главѣ Елецкаго полка, при штурмѣ Варшавы, служилъ Полякамъ живымъ напоминаніемъ ихъ же прошедшаго и краснорѣчивою угрозой, что рано-ли, поздно-ли, а все-таки русское мужество подавитъ мятежъ. За генераломъ Липранди послѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Веселитскій, а вслѣдъ за нимъ другія смѣщенія и новыя назначенія. Перечислять ихъ слишкомъ долго: ихъ было весьма довольно, чтобъ обновить составъ командировъ частей.

Неужели Очевидцу, который знакомъ съ малѣйшими подробностями послѣдней Польской смуты, неизвѣстны эти перемѣщенія, обновившія личный составъ арміи и давшія графу-намѣстнику лицъ по его избранію? Неужели Очевидцу, черпавшему свои свѣдѣнія изъ самого источника дѣлъ, неизвѣстно, кѣмъ замѣщенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Липранди и кто именно былъ призванъ гр. Ламбертомъ занять мѣсто ближайшаго своего сотрудника — постъ корпуснаго командира? Трудно повѣрить, что-бы Очевидецъ не зналъ, что на мѣсто Липранди поступилъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, тотъ самый храбрѣйшій Степанъ Александровичъ Хрулевъ, про кото го Очевидецъ писалъ, что графъ Ламбертъ зналъ давно Хрулева и имѣлъ свои причины не спрашивать его совѣтовъ; тотъ самый Хрулевъ, о которомъ за его храбрость и проч. и проч. Очевидецъ, уважая изрѣченіе древнихъ: «о мертвыхъ или хорошо, или ничего»,—великодушно полагаетъ, лучше вовсе не упоминать. Назначеніе Хрулева, портило-ли оно дѣло или служило ему, но, во всякомъ случаѣ, оно, какъ личный выборъ намѣстника, выражаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ степень опоры и мѣру сопротивленія, какія, повидимому, желалъ найти гр. Ламбертъ въ избираемыхъ имъ людяхъ.

Пока мы ожидали съ терпѣніемъ вѣрующихъ, Поляки не дремали и не бездѣйствовали. Они, какъ народъ искусившійся въ крамолахъ, прозрѣли, въ наступившей тишинѣ и кабинетной работѣ, преуготовавшуюся имъ опасность и пораженіе ихъ грезъ. Они, какъ испытанные въ народныхъ смутахъ, подавили на минуту разъединявшіе ихъ раздоры, сплотились въ одно тѣло, управляемое одною невидимою волею, и понимая, что каждая выигранная минута есть лучшій союзникъ въ ихъ невѣрномъ дѣлѣ,—возстали съ новою дерзостію, превосходившею все предшествовавшее.

Мы также ожили; но вскорѣ опять сокрушились сердечно.

Не согласовавшіеся съ благородными намѣреніями графа-намѣстника удары, вынужденно направленные имъ поразить мятежъ въ самомъ его корнѣ, разстроившіе всѣ мирныя подготовленія, принимавшіяся къ возвращенію края путями добра и терпѣнія къ долгу и вѣрности, погасившіе въ графѣ-намѣстникѣ тлѣвшуюся еще въ душѣ его слабую искру надежды умиротворенія,— убійственно отразились на немъ самомъ. Графъ изнемогъ подъ собственными ударами, не перенесенными его добрымъ сердцемъ... и онъ палъ благородною жертвою самоотверженія, еще въ Петербургѣ пророчившаго ему, что въ Варшавѣ онъ сломитъ себѣ голову.

Александръ Ганъ.

II.

Авторъ статьи «о послѣдней Польской смутѣ», отвѣчая на мою замѣтку о генералахъ Герштенцвейгахъ, укоряетъ меня въ незнаніи дѣла, о которомъ говорю, и въ искаженіи истины.

По поводу кавалерійской академіи онъ говоритъ, что этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ 1852 году генералъ-лейтенантомъ Броневскимъ, т. е. гораздо ранѣе указаннаго мною времени или окончанія восточной войны.

На это опроверженіе отвѣчу слѣдующее: генералъ-лейтенантъ Броневскій предложилъ въ 1850 году (но не 1852 году) учредить для спеціальнаго образованія кавалерійскихъ офицеровъ школы при дивизіяхъ этого рода оружія. Предложеніе генералъ-лейтенанта Броневскаго разсматривалось, по высочайшему повелѣнію въ особомъ комитетѣ, признавшимъ болѣе цѣлесообразнымъ—учредить одну общую школу для кавалерійскихъ офицеровъ, но не академію. Съ пользою имѣющей произойти отъ подобнаго заведенія не согласился графъ Никитинъ, бывшій инспекторъ резервной кавалеріи. Позднѣе, по поводу записки флигель-адъютанта Тетенборна, вопросъ этотъ снова разсматривался другимъ комитетомъ при штабѣ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Восточная война была причиною прекращенія всякаго дѣлопроизводства по сему предмету.

Въ мартѣ 1856 года, т. е. по окончаніи восточной войны, князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ представилъ записку о состояніи нашей кавалеріи, которая была препровождена, по Высочайшему повелѣнію, на заключеніе гр. Ридигера. Послѣдній, выражая свое мнѣніе по сему поводу, впервые возбудилъ вопросъ о кавалерійской академіи, въ маѣ того же 1856 г., письмомъ на имя воен. министра для всеподданнѣйшаго доклада. Позднѣе, баронъ Оффенбергъ предложилъ учредить кавалерійское офицерское училище въ Елисаветградѣ, что удостоилось окончательнаго Высочайшаго утвержденія на основаніи доклада по инспекторскому департаменту. Всѣ эти и другія, относящіяся къ вопросу, данныя, подробно изложены въ статьѣ, помѣщенной, по желанію А. Д. Герштенцвейга, въ «Военномъ Сборникѣ» за 1858 годъ, № 3, подъ заглавіемъ: «Объ учрежденіи офицерскаго кавалерійскаго училища въ Елисаветградѣ». На эту статью я ссылался въ своей замѣткѣ, говоря о кавалерійской академіи; слѣдовательно, я зналъ о проектѣ генералъ-лейтенанта Броневскаго.

Относительно юнкерскихъ школъ должно сказать, что вопросъ былъ возбужденъ равномѣрно графомъ Ридигеромъ и представленныя имъ черезъ военнаго министра главныя основанія положенія для этихъ заведеній были дѣйствительно Высочайше утверждены 1-го мая 1856 года. Разработка вопроса, получившаго такимъ образомъ только Высочайше одобренное направленіе, была поручена комитету подъ предсѣдательствомъ графа Ридигера; членами комитета были назначены: министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Норовъ; генералъ-адъютанты: Ростовцевъ, Котенинъ, графъ Барановъ, графъ Ламбертъ, генералъ-лейтенанты: баронъ Энгельгардтъ, Бѣлявскій, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Милютинъ, полковники Карцевъ и Лебедевъ (послѣдній былъ членомъ-редакторомъ). Комитетъ въ этомъ составѣ имѣлъ одно только засѣданіе 13-го мая 1856 года, и конечно, не могъ признать главныхъ основаній положенія достаточно обра-

ботанными для приведенія въ исполненіе. Для доказательства выписываю три параграфа изъ этихъ основаній, копія которыхъ у меня сохранилась.

«§ 7. Юнкерскія школы при легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ дивизій, завѣдуются начальниками дивизіонныхъ штабовъ.

«§ 8. Для командованія юнкерами въ сихъ школахъ избираются: одинъ штабъ-офицеръ, которому въ помощь назначается по одному офицеру изъ каждаго полка (изъ штатнаго числа офицеровъ той же дивизіи).

«§ 30. Преподающимъ въ школахъ опредѣляется вознагражденіе соразмѣрное съ ихъ трудами. Въ школѣ при пѣхотномъ корпусѣ (предполагались слѣдующіе преподаватели): [1])

Преподаватель тактики и устава, два его помощника, преподаватель военныхъ законовъ, его помощникъ, преподаватель исторіи, преподаватель географіи, преподаватель русскаго языка, помощникъ его, преподаватель математики, его помощникъ, преподаватель артиллеріи и фортификаціи, преподаватель топографіи (при съемкахъ въ помощь ему назначаются корпусные топографы). Два преподавателя французскаго и нѣмецкаго языковъ. Учитель гимнастики, помощникъ, учитель фехтованія, помощникъ, а на всѣхъ этихъ лицъ предполагалось къ ежегодному по штату отпуску — всего 4,525 р.

«Всего же для школъ гренадерскихъ и 6 армейскихъ и кавалерійскихъ корпусовъ 36,200 р.

«Для школъ при кавалерійскомъ корпусѣ, взамѣнъ учителя гимнастики и его помощника, назначается берейторъ — 300 р.

«Учителю вольтижированія и его помощнику 250 р. Чрезъ это потребуется для школы при кавалерійскомъ корпусѣ 4,600 р. Для школъ въ Финляндіи при оренбургскомъ и сибирскомъ корпусахъ по 3,725 р. для каждаго, а для трехъ 11,175 г. При семи легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, въ коихъ число юнкеровъ, вѣроятно, не будетъ превышать 40 человѣкъ, можно ограничиться одними учителями безъ ихъ помощниковъ, что составитъ для каждой школы 3,560 р.»

Изъ этой выписки изъ главныхъ основаній положенія о юнкерскихъ школахъ, оказывается, что по выведенному выше разсчету на 40 кавалерійскихъ юнкеровъ приходилось имѣть одного завѣдывающаго (начальникъ штаба дивизіи), 7 командующихъ (одинъ штабъ-офицеръ и по одному оберъ-офицеру изъ 6-ти полковъ дивизіи) и 13 преподавателей и учителей, а всего 20 человѣкъ или по одному на двухъ юнкеровъ.

Вскорѣ послѣ засѣданія комитета 13-го мая, въ которомъ были только распредѣлены занятія членовъ, гр. Ридигеръ умеръ; генералъ-адъютантъ Катенинъ и свиты его величества генералъ-маіоръ Милютинъ получили новыя назначенія, недозволившія имъ принимать участіе въ дальнѣйшихъ трудахъ комитета.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 г. предсѣдателемъ комитета, на мѣсто гр. Ридигера, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Плаутинъ. Послѣдній представилъ военному министру проектъ положенія о юнкерскихъ школахъ со штатами и программами при рапортѣ отъ 20-го мая 1857 г. за № 31. По этому проекту полагалось имѣть 42 школы для 2,990 юнкеровъ, а командующихъ,

---

[1]) Мы опускаемъ суммы, предположенныя каждому изъ этихъ чиновниковъ, а помѣщаемъ общую лишь сумму по проекту штата. **Ред.**

преподавателей и учителей содержать отъ 16-ти до 20-ти человѣкъ для каждой школы, всего около 750 человѣкъ. Раздѣливъ на это число, показанное выше, количество юнкеровъ, или 2,990, получится немного менѣе 4-хъ юнкеровъ на одного командующаго или наставника; слѣдовательно, говоря, что по проекту приходилось имѣть на трехъ юнкеровъ одного командира или наставника, моя ошибка была не такъ груба, какъ ее выставляетъ Очевидецъ, потому что отношенія трехъ, или трехъ съ дробью, къ одному не составляетъ въ данномъ случаѣ особой разницы.

При разсмотрѣніи въ инспекторскомъ департаментѣ представленнаго проекта и приложенныхъ къ нему штатовъ, оказалось:

а) Что исчисленныя суммы, какъ потребныя для осуществленія дѣла, недостаточны. б) Что пріискать начальниковъ и преподавателей для корпусныхъ школъ было возможно; но пріисканіе лицъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ этому предназначенію для дивизіонныхъ школъ (т. е., для большинства проектируемыхъ), было не только затруднительно, но даже невозможно. в) Что случаи передвиженія войскъ обусловливающіе закрытіе, иногда на долгое время, школъ не были приняты въ соображеніе комитетомъ; между тѣмъ подобные случаи могли вредно отзываться на успѣхъ какъ преподаванія, такъ и всего дѣла. г) Что отводъ помѣщеній для школъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе требовали установленія новаго налога на земство; подобное мѣропріятіе вызывало обсужденіе и разрѣшеніе вопроса въ законодательномъ порядкѣ черезъ государственый совѣтъ (статьи 9 я и 11-я, т. IV Зак. Гражд. Устава о Земскихъ повинностяхъ). д) Что учрежденіе школъ, обусловливающее производство юнкеровъ и вольноопредѣляющихся по мѣрѣ ихъ научныхъ успѣховъ, вызывало пересмотръ и измѣненіе коренныхъ законовъ о службѣ этихъ лицъ сообразно съ ихъ правами по происхожденію.

Всѣ эти условія, имѣвшія неоспоримо важное значеніе, обусловливали необходимость болѣе подробнаго изученія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ дѣлу, со стороны дежурнаго генерала, обязаннаго привести его въ исполненіе и отвѣчающаго за послѣдствія.

По представленіямъ А. Д. Герштенцвейга для содержанія существовавшей уже юнкерской школы при 4-мъ корпусѣ, была отпущена необходимая сумма и въ смѣту военнаго министерства была вносима на 1858 и 1859 гг. къ условному отпуску, сумма для предполагавшихся къ учрежденію юнкерскихъ школъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ инспекторскомъ департаментѣ разработывался новый проектъ положенія для сихъ заведеній.

Изъ этого краткаго изложенія историческаго хода дѣла, ясно видно, что дѣло объ юнкерскихъ школахъ при А. Д. Герштенцвейгѣ не лежало подъ сукномъ какъ то продолжаетъ увѣрять Очевидецъ въ XII-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1874 г.

М. Золотаревъ.

Поправка. Въ статьѣ «Каліостро», на стр. 82-й, по ошибкѣ, показано въ каталогѣ: Russica не то сочиненіе, которое въ немъ находится: «Confessions, avec l'histoire de ses voyages en Russie» ect. Caire, 1787, par le C-te de Cagliostro».

В. З.

МОДЫ ВЪ РОССІИ ВЪ 1791 ГОДУ.

23-го апрѣля 1791 года въ № 33 „Московскихъ Вѣдомостей" было напечатано объявленіе объ изданіи моднаго журнала подъ заглавіемъ: „Магазинъ Англинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ новыхъ Модъ", имѣющаго выходить ежемѣсячно книжками изъ 4-хъ печатныхъ листовъ текста съ приложеніемъ 3-хъ, а иногда и 4-хъ, гравированныхъ на мѣди и иллюминованныхъ модныхъ картинокъ, рисунковъ мебелей, экипажей и т. д. Независимо отъ прямаго назначенія „Магазина" знакомить русскую публику съ иностранными модами, издатели обѣщали сообщать на его страницахъ — „для живущихъ въ отдаленіи отъ сей столицы особъ" — отъ времени до времени и по крайней мѣрѣ черезъ всякіе 3 мѣсяца, „извѣстія о господствующемъ и здѣсь въ Москвѣ, въ разсужденіи уборовъ, платья, экипажей и проч. вкусѣ". Сверхъ того въ „Магазинѣ" должны были печататься извѣстія о заграничныхъ театрахъ, публичныхъ и частныхъ увеселеніяхъ и времяпрепровожденіи; разсказы „отличающіеся остротою и пріятностью слога и новостью предмета", и разныя мелкія статьи.

Такова была программа перваго въ Россіи журнала, дѣйствительно трактовавшаго о модахъ.[1])

Внѣшность изданія, посвященнаго всему изящному, далеко не соотвѣтствовала внутреннему содержанію „Магазина". Иначе, впрочемъ, быть не могло при томъ незавидномъ состояніи, въ которомъ находились наши типографіи и бумажныя фабрики восемьдесятъ четыре года тому назадъ. „Магазинъ" печатался въ малую восьмушку, на грубой сѣрой бумагѣ (въ университетской типографіи В. Окоркова); модныя картинки, гравированныя на мѣди и иллюминованныя, отчасти напоминали лубочныя, какъ по рѣзцу, такъ и по окраскѣ.

Весьма обстоятельное обозрѣніе трехъ частей „Магазина" напечатано въ составленномъ А. Н. Неустроевымъ: „Описаніи русскихъ повременныхъ изданій и сборниковъ", каковое описаніе скоро выйдетъ въ свѣтъ. Изъ самого журнала „Магазинъ" 1791 г., весьма обязательно сообщеннаго А. Н. Неустроевымъ, заимствуемъ нѣсколько любопытнѣйшихъ статей и рисунковъ.

---

[1]) «Модное ежемѣсячное изданіе» 1779 года только по названію было модное; въ немъ, кромѣ рисунковъ, все остальное составлялось изъ литературныхъ статей. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 583, изд. 1874 г. т. IX, стр. 206. Ред.

МОДЫ ВЪ РОССІИ

1791 г.

голов. уборъ пчелиный улей. — à la Triomphe. — по-крестьянски.

роба на манеръ королевиной. — голов. уборъ верховаго платья. — à la Reine.

Дозволено цензурою. С.-Пб., 18 декаб. 1874 г. Типографія В. С. Балашева, Б. Сад., № 49—2

Сообщенія о заграничныхъ модахъ печатались въ формѣ писемъ изъ Лондона, изъ Парижа, или изъ Берлина. Письма эти, разумѣется, или переводились изъ иностранныхъ журналовъ или составлялись издателями. Въ письмѣ изъ Парижа отъ 6-го января 1791 года находимъ нѣсколько любопытныхъ сообщеній:

„Парижскіе наши жители поютъ и танцуютъ, а парижанки наши убираются опять по-щегольски; это есть уже хорошее предвѣщаніе. Panem et Circenses! т. е. хлѣба и зрѣлищъ требовали нѣкогда древніе Римляне. И то и другое имѣемъ мы теперь здѣсь, и тѣмъ довольны, хотя многія колеса въ государственной нашей машинѣ скрыпятъ, а нѣкоторыя и совсѣмъ не вертятся. На національномъ нашемъ театрѣ (прежде называвшемся Théâtre français) представлена была третьяго дня новая драма „La liberté conquise" (завоеванная свобода), коею публика наша упоена была до чрезвычайности; и такъ какъ англичанинъ поетъ иногда въ своемъ театрѣ пѣсню: „God save the king" (Богъ да помилуетъ короля), такъ и Французы пѣли тутъ вышедшую по случаю революціи новую водевиль: „ça ira, ça ira, ça ira..."

Магазинъ: мѣсяцъ май. Парижъ 4-го марта 1791 г. Въ этомъ письмѣ обстоятельно разсказывается о новѣйшей модѣ — носить карманное оружіе: кинжалы, пистолеты и трости съ саблями и шпагами (стр. 111—112). Особенно любопытенъ (въ выноскѣ) разсказъ о событіи 28-го февраля 1791 г. въ Тюльерійскомъ дворцѣ:

... «28-го февраля сего 1791 г., собралось во дворецъ къ королю, подъ предлогомъ, что жизни его величества предстоитъ не малая опасность, нѣкоторое необыкновенно великое число дворянъ, или такъ называемыхъ аристократовъ, и когда дошло сіе до свѣдѣнія начальниковъ народныхъ войскъ, то они, прибывъ во дворецъ, доложили о томъ королю, присовокупивъ, что имъ заподлинно извѣстно, что помянутые кавалеры всѣ вооружены потаеннымъ оружіемъ; почему король, вышедъ въ переднія комнаты, объявилъ, что онъ не имѣетъ на сей разъ нималой нужды въ оборонѣ сихъ кавалеровъ и повелѣваетъ имъ выложить изъ кармановъ своихъ всѣ пистолеты и кинжалы. Какъ скоро сіе повелѣніе излетѣло изъ королевскихъ устъ, то народныя войска бросились обыскивать и отбирать потаенное оружіе, и провожать изъ дворца пинками и толчками сихъ, можетъ быть, и вѣрнѣйшихъ государю своему особъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе тому противившихся, отвели подъ стражу въ тюрьму, гдѣ они и понынѣ стенаютъ и имѣютъ причину прославлять французскую вольность".

На слѣдующихъ страницахъ журнала (123—129) напечатаны:

Общія замѣчанія объ употребительнѣйшихъ платьяхъ, уборахъ и нарядахъ прекраснаго пола и кавалеровъ въ здѣшней столицѣ.

Москва, 20-го мая 1791.

„Употребительнѣйшее платье здѣшнихъ господъ раздѣлить можно на три слѣдующіе сорта:

„1) Для баловъ въ торжественные дни и для выѣздовъ въ знатные почтенные домы, носятъ дамы: Русскія платья изъ объерей, двойныхъ тафтъ и изъ разныхъ, какъ английскихъ, такъ и французскихъ матерій, шитыя шелками, или каменьями, съ юпками одинакой матерiи, или другого цвѣту; рукава бываютъ одинакаго цвѣта съ юпкою; пояса носятъ по корсету, шитые шелками или каменьями, по приличію платья; на шеѣ носятъ околки, или родъ косынокъ на вздержкѣ, или съ складками изъ блондъ или изъ кружева; на грудь надѣваютъ закладку или рубашечку, изъ итальянскаго или и изъ простого флеру на вздержкѣ, а по вздержкѣ пришиваютъ блонды или кружева; рукавчики, въ два ряда, изъ блондъ, или изъ кружева, складками, перевязываются лентами, по пристойности, къ платью; голова причесывается буклями большими и маленькими, по желанію; виски же отбираются и подрѣзываются наравнѣ съ ушами; шиньйонъ гладкой и конецъ его завивается буклею или шиньйонъ называемый: „les cheveux pendants et bouclés" (то есть распущенные и буклями завитые волосы); на волоса накалываютъ ленты съ перьями и цвѣтами, или флеромъ бѣлымъ или цвѣтнымъ, съ перьями же и цвѣтами, также гирлянды изъ цвѣтовъ; ленты же и перья употребляются по приличію къ цвѣту платья.

„2) Для выѣздовъ на партикулярные балы, на свадьбы и тому подобн. употребляются: сюртуки безъ фраковъ, флеровые и тафтяные полосатые съ цвѣточками и одинакихъ тафтъ разныхъ цвѣтовъ, также шитые шелками, какъ по флеру, такъ и по тафтѣ, съ бѣлыми флеровыми юпками, какъ съ шитыми, такъ и съ простыми, и съ наклейкою бѣлою и цвѣтною съ фалбалами; на шеѣ платки и рубашечки съ мужскими воротниками, флеровыя и линовыя бѣлыя и шитыя цвѣтными шелками; рукавчики такіе-жъ, какъ и къ русскому платью; пояса изъ лентъ съ концами и съ бантами, и пряжки къ поясамъ стальныя, или съ каменьями; голова убирается также буклями, а на оной носятъ тюрбаны, разныхъ цвѣтовъ изъ цвѣтныхъ флеровъ, какъ полосатыхъ, такъ и одинакихъ съ перьями и цвѣтами, также и разныя наколки.

„3) Для выѣзду въ клубъ и въ воксалъ употребительнѣйшія

платья суть: сюртуки съ фраками, съ высокими воротниками, узенькими и короткими и родъ туркезовъ: 1) ситцевые, тафтяные и флеровые; рукавчики разснурованы ленточками; лацконы также разснурованы оными и на пуговицахъ съ пряжками стальными и съ каменьями; юпки изъ лино и по лину шитыя, какъ цвѣтными шелками, такъ и бѣлыми нитками; 2) кисейные на подкладкѣ и безъ оной; 3) канифасные, шитые шелками и простые, обшиваемые кружевами, или бахромочкою, съ юпкою изъ таковой-же матеріи съ фалбалами и безъ оныхъ; 4) шемизы съ фалбалами и съ рубцами; на шеѣ платки изъ лино и рубашечки съ мужскими воротниками и обобранныя кружевомъ; пояса по пристойности платья или изъ лентъ, или нарочно тканые, шелковые, полосатые, писаные и по кисеѣ печатные кушаки; на головѣ шляпка á la cloche (на подобіе колокола) изъ тафты и флеру, или изъ полосатой и тонкой матеріи разныхъ цвѣтовъ; къ краю вокругъ шляпы пришиваются черныя или бѣлыя блонды; другія-же употребляютъ шляпки à la Bergère (по поступшечьи), кои надѣваются на волосы на одинъ бокъ, съ гирляндами изъ цвѣтовъ и изъ лентъ и съ перьями".

„Магазинъ новыхъ модъ" 1791 г., кромѣ прозы, печаталъ и стихи. Вотъ образчикъ:

Красавицы не тщитесь
За модой въ слѣдъ бѣжать,
Искусствомъ не учитесь
Натуру украшать.
Повѣрьте, и безъ шляпокъ,
Безъ тафтъ, и безъ парчей,
Безъ лентъ, цвѣтовъ и касокъ,
Безъ толстыхъ обручей,
Она въ простомъ нарядѣ
Умѣетъ духъ плѣнять,
Въ пріятномъ скромномъ взглядѣ
Всю прелесть сохранять.

Примѣчаніе издателей: «Сіи стишки сообщены издателямъ «Магазина» отъ нѣкоторой почтенной особы».

Вотъ еще обозрѣніе столичныхъ модъ въ Россіи въ 1791 году:

„Кавалеры здѣшніе (въ Москвѣ и въ Петербургѣ) носятъ суконные фраки разныхъ цвѣтовъ съ длиннымъ лифомъ и со стальными пуговицами; по нынѣшнему-же, весеннему времени въ употребленіи также для фраковъ шелковыя, полосатыя матеріи и англинскія полусукна; на шеѣ косыночки изъ лино, батисту или кисеи, обшитыя кружевомъ, или вышитыя по краямъ разными шелками, повязываются онѣ бантомъ напереди съ распущенными концами; жилеты шитые по канифасу бѣлымъ и разноцвѣтными шелками; исподнее платье изъ англинской шелковой или нитяной матеріи съ узенькими полосочками, по сторонамъ онаго ставятся только но три пуговицы.

„Прическа головы обыкновенная есть: въ три букли на сторонѣ, одна возлѣ другой и широкой алевержеть.

„Шляпы къ фракамъ круглыя, остроконечныя, перевязанныя лентами.

„На сихъ дняхъ появились здѣсь шелковыя половинчатыя чулки, на подобіе сапожковъ, до половины икры темнаго цвѣта, а отъ икры до колѣна бѣлыя“.

„Магазинъ Модъ“: мѣсяцъ іюнь. Въ письмѣ изъ Парижа отъ 5-го апрѣля 1791 г. корреспондентъ „Магазина“ осыпаетъ восторженными похвалами мадамъ Тейлльярдъ — модную магазинщицу въ Пале-Роялѣ, изобрѣтательницу модъ для всей аристократіи. Къ прилагаемому рисунку дамскаго головного убора (представляемъ его нашимъ читателямъ въ точномъ снимкѣ съ тогдашняго рисунка), сдѣлана слѣдующая замѣтка:

„Платье и прекрасной головной уборъ срисовалъ я за нѣсколько дней передъ симъ съ Королевы (Маріи Антуанеты), въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Она была тогда одѣта весьма прекрасно. Черная лента на головѣ и на груди была бархатная, осыпанная бриллiантами. Бюстъ походитъ на нее нѣсколько“.

„Магазинъ Модъ“: мѣсяцъ августъ. Парижъ, 8-го іюня 1791 г. Рисунокъ № 13 изображаетъ новомодный уборъ и платье à la paysanne, (по-крестьянски) поелику все уже должно сообразоваться одно другому. А именно составляютъ его: 1) чепецъ à la paysanne (по-крестьянски) бѣлаго лино-гофре съ маленькими круглыми складками, убранной пунцовою лентою; 2) прическа головы à la cavalière (по мужскому) съ весьма толстымъ шиньономъ и мужскими локонами; 3) большія, круглыя, золотыя серьги; 4) на шеѣ бѣлый, флеровый, пышный, однако-жъ полуоткрытый, платокъ; 5) коротенькій піеро изъ бѣлаго лино à jour (безъ подкладки) съ маленькими клиньями и бѣлыми флеровыми рукавами; все сіе обшито пунцовою лентою; 6) юпка такая-же, какъ и піеро, и 7) пунцовые башмачки. Вотъ новѣйшее модное неглиже нашихъ молодыхъ дамъ, которое нравится по причинѣ крайней простоты своей. (См. рисунокъ).

„Пунцовый цвѣтъ есть все еще господствующій для всякой обшивки и ему соперникомъ теперь есть одно только золото, коимъ какъ малый уборъ, такъ и дамское платье, обшивается. Недавно появилась-было здѣсь новая мода, то есть обшивать платье чернымъ и желтымъ цвѣтомъ и оная наименована à la contre révolution (на манеръ контръ-революціи); но, по причинѣ близости ея къ фонарному столбу, была оная немножко опасна, а потому скоро опять исчезла“.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г.[1])

1-го генваря. Любопытная и забавная повѣсть мнимаго крестьянина, происшедшаго отъ графской знатной фамиліи, перевед. съ итал. языка, 2 части, продается въ книжныхъ лавкахъ, противъ Зеркальной линіи, подъ № 18 и 22, у Зотова, и противъ воротъ Ассигнаціоннаго банка, у книгопродавца Изота, безъ перес. по 1 руб., обѣ части; ежели же кто взять пожелаетъ большое количество, тому сдѣлана будетъ нарочитая уступка. (№ 1).

— Продаются книги: Цвѣтъ пчеламъ, медъ женамъ, а соръ дуракамъ, въ бум. 70 коп. Несчастные любовники, или истинныя приключенія графа Коминжа, наполненныя событій весьма жалостныхъ и нѣжныя сердца чрезвычайно трогающихъ, въ бум. 50 коп. (Тамъ же).

— Въ Большой Коломнѣ, по берегу Екатерининскаго канала, въ каменномъ домѣ, подъ № 285, продается мальчикъ, знающій чесать волосы, и дойная корова (тамъ же).

— Лучшія моськи продаются противъ Мяснаго ряду, идучи въ Ямскую, въ домѣ Селиванова, подъ № 210. (Тамъ же).

— Недавно привезены сюда двѣ механическія фигуры изъ Лондона, изъ кабинета г. Кука. Одна представляетъ торжество императора великаго Могола, и сдѣлана изъ бронзы, вызолочена и украшена драгоцѣнными каменьями, и дѣлаетъ многія механическія, весьма удивительныя, движенія. Другая представляетъ двухъ статуй въ человѣческій ростъ, играющихъ на флейтѣ разныя аріи поодиночкѣ и вмѣстѣ, посреди коихъ находится мальчикъ, бьющій въ барабанъ и такты ногою, и кланяющійся зрителямъ по окончаніи каждой аріи. Фигуры сіи можно видѣть ежедневно съ 3-хъ часовъ полудня до 7-ми вечера у г. Ліона, содержателя маскарада. Входъ туда изъ воротъ, что на каналѣ, подъ № 48. За входъ платить имѣетъ каждый по 1 рублю, а знатныя особы по произволенію. Равнымъ образомъ г. механикъ Тевенетъ предлагаетъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190; 589—590; 784—788: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1797 г.

почтенной публикѣ услуги свои въ поправленіи механическихъ, физическихъ и математическихъ инструментовъ. (Тамъ же).

— Желающіе у себя въ домѣ видѣть духовной вертепъ, въ которомъ изображена вся священная исторія Р. Х. въ лицахъ, могутъ спросить въ 7-й линіи, въ первой лавочкѣ. (Тамъ же).

5-го генваря. По выс—шему повелѣнію тайн. сов. Трощинскій объявляетъ подполковнику Денисову, просившему 7 тысячъ десятинъ земли, что онъ къ таковому награжденію никакого права не имѣетъ. Выключенному изъ службы капитану Тернеру, просившему объ опредѣленіи его паки въ оную, что поведеніе его, по коему онъ изъ службы исключенъ, недостойно уваженія. Войсковому товарищу Яновскому, просившему о пожалованіи пропитанія,—что онъ въ службѣ никакихъ отличностей не оказалъ, за которыя бы достоинъ былъ просимаго награжденія. Гарнизоннаго Сандберга полку рядовымъ Замахаеву и Томилину, которые, будучи изъ церковниковъ, просили освобожденія отъ воинской службы,—что таковыя просьбы ихъ признаны вздорными. Выключенному изъ службы капитану Ушакову, просившему о пропитаніи,—что онаго, подобнымъ ему, не дается. Коллежскому секретарю Алтарнацкому, который просилъ объ опредѣленіи его въ малороссійской губерніи при нижнихъ земскихъ судахъ коммиссаромъ или засѣдателемъ, а естьли тамъ нѣтъ мѣста, то о назначеніи ему какой-либо должности въ казенныхъ имѣніяхъ съ дачею ему земли и крестьянъ,—что онъ многаго проситъ, а ничего не заслуживаетъ. Состоящему въ Бѣлицкомъ повѣтовомъ судѣ регентомъ губернскому регистратору Серафиновичу, просившему о награжденіи его слѣдующимъ чиномъ,—что награжденіе чинами не выпрашивается, а дается по заслугамъ и представленіямъ отъ начальства. (№ 2).

8-го генваря. Приказъ, отданный при паролѣ Е. И. В—мъ е. и. высочеству, наслѣднику всероссійскому въ Санктпетербургѣ, генваря 4-го, всемилостивѣйше пожалованы: генералъ-лейтенантъ графъ Ферзенъ и Голенищевъ-Кутузовъ въ генералы отъ инфантеріи. (№ 3).

15-го генваря Е. И. Вел.—во всемил.—ше пожаловать соизволилъ венгерскаго дворянина Монастерли, бывшаго въ своемъ отечествѣ губ. совѣтникомъ и по желанію его выѣхавшаго со всѣмъ семействомъ въ здѣшнюю имперію, поселившагося въ Новороссійской губерніи и на вѣчное Е. В. подданство присягу учинившаго—въ чинъ надворнаго совѣтника; сына его Петра Монастерли, бывшаго въ Маленцѣ почтмейстеромъ,—въ титул. совѣтники, и 2-хъ племянниковъ, Николая Симича и Василья Іоанновича,—въ колежскіе переводчики. (№ 5).

— Ежели кто для росходу при выс—шемъ Е. И. В. дворѣ ставить и ниже просимыхъ цѣнъ взять желаетъ, а именно: за живые гуси 1 р. 50 коп. за каждаго, за индѣйки 2 р. 25 коп., за утки 85 к., за куры 65 к. за каждую, за цыплятъ, въ зимнихъ мѣсяцахъ съ ноября по май, 2 р., за голуби молодые 1 р. 30 к. за пару, тѣ люди, съ узаконенными о залогахъ свидѣтельствами и одобреніями отъ присутственныхъ мѣстъ или съ поручительствомъ, въ придворную канцелярію во всякіе дни, кромѣ праздничныхъ, являться могутъ, а безъ таковыхъ о залогахъ увѣреній къ торгу допущены не будутъ. (Тамъ же).

— Чрезъ сіе объявляется, что ревельскаго мушкатерскаго полку порутчикъ Мейендорфъ находится въ бѣгахъ. (Тамъ же, прибавленіе).

— Издана книга подъ названіемъ: «Любовь—книжка золотая. Люби меня хотя слегка, но долго». Твореніе сіе вообще такого рода, каковаго еще на на-

шемъ языкѣ понынѣ не было. Такъ отозвались, и при томъ назвали «золотою книжкою» въ одно слово, какъ-бы согласясь, двое знатоки словесности, читавшіе оную въ рукописи до изданія. Книжка сія почти вся, а паче первые листки ея состоятъ изъ притчей (иносказательнаго содержанія). И такъ, дабы уразумѣть прямой смыслъ, который, впрочемъ, весьма забавенъ и любопытенъ, необходимо нужно читать ее не скорохватомъ, не борзясь, какъ обыкновенно читаются романцы, или какъ нѣкоторые мелютъ дьячки, что ни сами себя, ни слушатели ихъ не понимаютъ. И такъ, читай и внимай. Впрочемъ, любо—читай, а не любо—не читай. Ты и самъ, читатель, думаю, той вѣры, что на всѣхъ угодить и критики избѣжать—мудрено. Человѣкъ есть такое животное, которое любитъ надъ другими смѣяться, и само подвержено равно насмѣшкамъ. (Тамъ же).

19-го генваря. По высочайшему повелѣнію статскій совѣтникъ Нелединской-Мелецкой объявляетъ академику и профессору Шуберту, просившему дозволенія поднести проектъ о новомъ штилѣ, отказывается потому, что введеніе новаго штиля съ обрядами и численіемъ церковнымъ несообразно. Представленіе иностранца Вицмана о замѣнѣ кофе какимъ-либо россійскимъ произрастеніемъ оставляется безъ уваженія, тѣмъ паче, что произрастеніе, коимъ онъ замѣнить кофе предполагаетъ, не наименовано. Просившему о принятіи въ службу подпоручику Григорьеву, исключенному изъ оной за болѣзнію, отъ коей бывъ лишенъ ума, находился 3 мѣсяца въ домѣ сумасшедшихъ, отказывается по неблагонадежности его выздоровленія. Мѣщанкѣ Натальѣ Хотунцовой, имѣющей желаніе сходить, по обѣщанію, въ городъ Баръ для поклоненія св. угоднику Николаю Чудотворцу и просившей на проходъ паспорта, отказывается по дальности и опасности пути. (№ 6).

— Желающіе купить, подъ № 32, близь Казанской церкви, въ домѣ В. М. Ребиндера, одно гнѣздо большихъ цыплятъ, могутъ о цѣнѣ узнать отъ служителя Самойлы Анисимова. (Тамъ же).

— Симъ объявляется, что привезенные недавно иностранные живые звѣри все еще показываются ежедневно отъ 9-ти часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, въ Щулеповомъ домѣ, что у самаго Аничковскаго моста. Они суть: большой африканской левъ чрезвычайной красоты, леопардъ, барсъ, африканская гіена, большой солнечный орелъ, пеликанъ знатной величины, мандрилъ, ара бразильская, какаду, двѣ неруши и проч. За входъ платятъ, въ 1-мъ мѣстѣ, по 1 р., во 2-мъ—по 50 коп., въ 3-мъ—по 25 коп., а господа—по произволенію. Желающіе смотрѣть ихъ когда ѣдятъ, соблаговолятъ приходить въ шестомъ часу вечера. При семъ содержатель сихъ звѣрей извѣщаетъ, что онъ не только продаетъ ихъ, но и самъ покупаетъ подобныхъ, ежели у кого есть продажные. (Тамъ же).

22-го генваря. Маіору Дружинину, утруждавшему Е. И. В. просьбою своею объ опредѣленіи его судьею въ воронежскій уѣздный судъ, отказывается, поелику, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ни способности его, ни образъ поведенія не соотвѣтствуютъ пренесенію сего званія. (№ 7).

— Отставному унтеръ-офицеру Рогожину, который, желая вступить въ иноческій чинъ, просилъ пожаловать ему запустѣлое мѣсто бывшаго близь Володимира Ѳеодоровскаго монастыря для построенія часовни и кельи, и о повелѣніи допущать къ нему безвозбранно посѣтителей и желающихъ житъ съ нимъ въ уединеніи, объявляется, что ему въ сей просьбѣ, коея существо есть вздорное, отказано. (Тамъ же).

— Отставному корнету Кобылянскому, просившему о пожалованіи въ Новороссійской губерніи 1,500 десятинъ земли, объявляется, что ему дать оной не за что. (Тамъ же).

— Зыбковскаго посада купцу Губареву, просившему, что-бы виленское гражданство удовлетворило его 18-ю тысячами рублей, кои у сына его на дорогѣ ограблены въ 1794 г. мятежническою партіею, объявляется, что нѣтъ никакой справедливости взыскивать съ виленскихъ гражданъ то, что ограблено мятежниками. (Тамъ же).

— Выключенному изъ Нижегородскаго мушкетерскаго полку прапорщику Штемпелю, просившему объ опредѣленіи его въ черноморской гребной Кобле баталіонъ, отказано за прихоти. (Тамъ же).

— Служащему при генералѣ отъ инфантеріи Беклешовѣ въ пограничномъ штатѣ кол. рег. Логинову и находящемуся въ подольскомъ губернскомъ правленіи кол. рег. Скачкову, просившимъ объ опредѣленіи ихъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ днѣстровской дивизіи, отказано потому, что перемѣщеніе изъ службы въ службу не вмѣстны, и за таковую ихъ дерзость велѣно сдѣлать имъ выговоръ. (Тамъ же).

— Тобольской эпархіи Абалацкаго монастыря вдовому священнику Зудилову, просившему о возвращеніи изъ военной службы сына его, объявляется, что того сдѣлать нельзя. (Тамъ же).

— Е. И. высочество государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ объявляетъ, что естьли кто желаетъ взять на себя постройку лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку съ своимъ матеріаломъ и рабочими людьми пяти солдатскихъ казармъ и одного офицерскаго дома и взять ниже просимыхъ цѣнъ, тѣ бы явились для окончательнаго торгу къ полковнику и адъютанту его Путилову, живущему въ томъ же полку. (Тамъ же).

— Петръ Магію, привелигированный, берейторъ цесарскаго, испанскаго и другихъ европейскихъ дворовъ, имѣетъ честь увѣдомить, что онъ, открывая манежъ свой 24-го числа сего мѣсяца, будетъ показывать свои экзерциціи въ верховой ѣздѣ восемь дней сряду, обѣщая при томъ стараться дабы удостоиться благоволенія почтенныхъ зрителей. Зрѣлище, выстроенное и украшенное наилучшимъ образомъ, находится по Фонтанкѣ между Обуховымъ и Семеновскимъ мостами, въ домѣ его пр—ва г. генералъ-лейтенанта Денисова, возлѣ градской больницы. За входъ платятъ: за ложу въ 1-мъ ярусѣ по 15 р., во 2-мъ—по 10 р., амфитеатра въ 1-хъ мѣстахъ по 1 р., въ 2-хъ—по 50 коп., въ парадисѣ по 25 коп. Билеты можно получать ежедневно въ квартирѣ его, въ городѣ Любекѣ, между Большой Мѣщанской и Кукушкинымъ мостомъ, подъ № 138. (Тамъ же).

29-го генваря. Сего генваря 28-го, въ три часа съ половиною пополуночи, ко всеобщей радости, разрѣшилась благополучно отъ бремени Ея И. Вел—во, пріумноживъ императорскую фамилію великимъ княземъ, нареченнымъ на молитвѣ Михаиломъ Павловичемъ. По окончаніи молитвы, духовникъ Е. И. Вел—ва съ соборомъ отправилъ въ большой придворной церкви благодарное Всемогущему Богу моленіе. Нѣсколько времени спустя послѣ сего возвѣщено было народу сіе столь радостное для Россіи происшествіе съ крѣпости и адмиралтейства 201-мъ пушечнымъ выстрѣломъ и выставленіемъ штандарта. Въ 10 часовъ того-жъ утра съѣхались во дворецъ обоего пола особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, а въ 11 часовъ—чужестранные министры, дамы въ робахъ, а кавалеры въ праздничныхъ кафтанахъ. Въ половинѣ двѣнадца-

таго часа соизволилъ выдти изъ внутреннихъ апартаментовъ Е. И. Вел—во въ провожаніи ихъ и. выс—въ великихъ князей, великихъ княгинь и великихъ княженъ и изволилъ шестовать установленнымъ порядкомъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ въ большую придворную церковь, въ которой, по окончаніи божественной литургіи и благодарнаго Всевышнему моленія, соизволилъ принять поздравленіе отъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода и отъ прочихъ особъ знатнаго духовенства. Возвращаясь изъ церкви, въ кавалергардской комнатѣ подносили поздравленія Е. И. Вел—ву чужестранные министры, а въ дежурной кавалерской обоего пола знатныя придворныя особы, государственные чины и прочія особы, имѣющія входъ за кавалергардовъ. Сего вечера весь городъ былъ иллюминованъ. (№ 9).

— Всемилостивѣйше произведенъ изъ подполковниковъ въ полковники войска донскаго Денисовъ 6-й. (Тамъ же, приказъ 23-го генваря).

— Отставнаго капитана Лоде прошеніе о личномъ съ Е. И. В—мъ свиданіи для открытія тайны, состоящей въ излеченіи нѣкоторыхъ болѣзней, оставлено безъ уваженія. (Тамъ же).

— Въ прошедшемъ 1797 г., въ здѣшнемъ столичномъ городѣ, родилось младенцевъ 7,203, въ томъ числѣ мужеска полу 3,676, а женска 3,527; умерло 8,050 человѣкъ, въ томъ числѣ 4,853 мужеска и 3,197 женска пола. Число найденныхъ въ семъ году мертвыхъ уменьшилось противу прежняго до 147 человѣкъ: 131 мужескаго и 16 женскаго пола. Вниманія публики заслуживаетъ то, что младенцевъ, менѣе 2-хъ лѣтъ имѣющихъ, померло 2,029, въ томъ числѣ 1690 мужескаго и 339 жескаго пола, да 342 отъ природной оспы. Число родившихся мертвыми простиралось до 26. Сочетавшихся бракомъ 1,422 пары. (Тамъ же).

— Продается книга: «Россійская Памела, или исторія Маріи, добродѣтельной поселянки»,—соч. г. Львова, въ пер. 1 руб. 50 коп. (Тамъ же).

— Продается дѣвка 25-ти лѣтъ, кухарка и прачка, и всякую домашнюю работу знающая за сходную цѣну, добраго поведенія; во увѣреніе-жъ отдается она покупателю на 3 дня разсмотрѣть, о которой спросить на Петербургской сторонѣ, близь Сытнаго рынку, противъ Пискунова питейнаго дому, на углу, въ первомъ домѣ—мѣщанина Александра Третьякова. (Тамъ же).

2-го февраля. Приказъ, отданный при паролѣ Е. И. Вел-мъ е. и. выс—ву, наслѣднику всероссійскому въ Санктпетербургѣ 28-го генваря. Богъ даровалъ Е. И. Вел—ву сына его высочество Михаила Павловича, которому и быть фельцехмейстеромъ и шефомъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона. (№ 10).

— Во всѣхъ странахъ и во всѣ годы, славою и удовольствіемъ себѣ поставляли имѣть нѣчто, могущее приводить намъ на память любимую нами особу. Всѣ старались учинить сіи памятники какъ можно пріятнѣе. Ваяніе, гравированіе, живопись и шитье къ тому способствовали, и привели въ такое совершенство, что казалось какъ-будто пожелать болѣе ничего не оставалось. Однако надѣемся, что способъ его гораздо совершеннѣе всего того, что доселѣ было изобрѣтаемо. Онъ дѣлаетъ изъ витыхъ волосъ вензели для перстней, табатерокъ, медаліоновъ, браселитовъ и другихъ галантерейныхъ вещей. Вензели же сіи величиною сходны съ рисунками ему посылаемыми будутъ. Онъ также вьетъ волосы для литеръ, которыми можно писать какими угодно почерками. Каждая литера, составленная изъ плетеныхъ волосъ, отличается отъ грунта и отдѣлена отъ другой. Такъ же дѣлаетъ вензели побольше, для наколокъ и другія вещи для головнаго убора. Дамы, отличающіяся вкусомъ и разборчи-

востію своею, могутъ выдумать все то, что имъ угодно для наряда и прислать ему рисунокъ; онъ надѣется все то въ скоромъ времени изъ волосъ сработать. Г. Блехъ всегда одинъ будетъ работать въ семъ новомъ родѣ искусства, и для того онъ надѣется, что изобрѣтеніе его обыкновеннымъ не сдѣлается, и всегда будетъ имѣть свою цѣну. Онъ будетъ доставлять свою работу за 3 или 4 тысячи верстъ въ такомъ же хорошемъ состояніи какъ и здѣсь, естьли только присланъ будетъ ему рисунокъ и волосы, и сказано изъ какихъ волосъ каждая литера должна быть сдѣлана. Особы, желающія, видѣть и покупать его работу, могутъ найти его въ домѣ Дѣвкина подъ № 293, въ верхнемъ этажѣ, у Екатерининскаго канала, близь церкви Казанской Богоматери. (Тамъ же).

5-го февраля. По высочайшему повелѣнію, генералъ-квартермистръ, баронъ Аракчеевъ, уволенъ въ отпускъ до излеченія, которому однако-жъ отправлять должность генералъ-квартермистра. (№ 11).

— Выключенному изъ Великолуцкаго мушкетерскаго полку, прапорщику Шафоростову, просившему опредѣленія въ полки московской дивизіи, по высочайшему повелѣнію, объявляется, что онъ, будучи одинъ разъ выключенъ изъ службы за лѣнь, болѣе никуда опредѣленъ быть не можетъ. (Тамъ же).

— Отставному прапорщику Марцынкевичу, просившему объ опредѣленіи паки въ службу, объявляется, что онъ, будучи отставленъ по его собственному прошенію, долженъ оставаться въ томъ состояніи, какое самъ себѣ добровольно избралъ. (Тамъ же).

— Могилевскому купцу еврею Беніовичу, приносившему жалобу на жителей города Галаца, ограбившихъ его въ прошломъ 1797 году, объявляется, что какъ городъ Галацъ находится подъ владѣніемъ турецкимъ, то и предоставляется самому ему искать своего удовлетворенія у турецкаго правительства. (Тамъ же).

— Отставному капитану Вельяминову, просившему позволенія носить мундиръ, объявляется, что какъ онаго ему при отставкѣ не дано, то при томъ и остаться онъ долженствуетъ. (Тамъ же).

— Выключенному изъ Тамбовскаго мушкетерскаго полку подпоручику Волкову, просившему объ опредѣленіи въ Малороссійскій гренадерскій полкъ, отказано за прихоть. (Тамъ же).

— Выключенному за лѣнь и нерадѣніе изъ службы прапорщику Оглоблину, который просилъ о принятіи его по прежнему въ службу, отказано для того, что въ оной лѣнивые и нерадивые терпимы быть не могутъ. (Тамъ же).

— Въ пансіонѣ Августа Вицмана, въ Погенполевомъ домѣ близь Синяго моста подъ № 106, продается новая книга, подъ названіемъ «Золотая книжка или собраніе новыхъ, доказанныхъ, легкихъ, рѣдкихъ и любопытныхъ хозяйственныхъ опытовъ и искусныхъ дѣйствій къ пользѣ и удовольствію каждаго... № 55. Узнать сколько вѣсу въ быкѣ, не свѣсивши его. № 56. Способъ выращивать морковь толщиною въ руку, а длиною въ аршинъ. Выучить кошку въ одну минуту писать на 3-хъ или на 4-хъ языкахъ». Сія книжка продается по 5 руб. и кто купитъ ее по 1-е мая сего года, тотъ 2-ю часть получитъ безденежно; для чего при покупкѣ 1-й части будутъ розданы билеты. Кто же до истеченія сего времени ее не купитъ, тотъ не прогнѣвается, есть-ли и за вторую часть принужденъ будетъ заплатить столь же дорого. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Первое изданіе ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ напечатано было въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (всего 500 экз. по 6-ти рублей сер. каждый), ибо естественно предполагалось, что эта книга понадобится спеціалистамъ, библіотекамъ учебныхъ заведеній и, пожалуй, любителямъ старины. Съ 1843 года, т. е. года 1-го изданія многое измѣнилось. Преподаваніе церковно-славянскаго языка включено въ программы всѣхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, гражданскихъ и военныхъ, увеличилось количество библіотекъ, расширился кругъ цѣнителей старинныхъ памятниковъ отечественной письменности. Не только русскими учеными и педагогами языкъ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ принятъ за основаніе при изученіи *церковно-славянскаго языка* и для лучшаго уразумѣнія формъ *русскаго языка*, но и иностранными учеными (успѣвшими уже два раза переиздать отдѣльныя евангелія, хоть и по своему), въ лицѣ учениковъ Авг. Шлейхера, прямо заявившими, что, по ихъ разумѣнію, основательное изученіе церковно-славянскаго языка сводится главнымъ образомъ къ знанію текста ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ. Поэтому стало необходимымъ имѣть ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ подъ рукою, а между тѣмъ отъ 1-го изданія осталось *одинъ-два* экземпляра, за которые одинъ петербургскій книгопродавецъ *требуетъ по 75 р. с.*

Приступивъ къ переизданію ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ, мы долгомъ считаемъ заявить, что 1) во 2-мъ изданіи удерживается расположеніе и порядокъ 1-го, хотя по формату своему книга будетъ болѣе удобною для пользованія; 2) палеографическія особенности написанія тщательно провѣрены по подлиннику рукописи (XI в.) и изготовлены новые снимки; 3) грамматическія объясненія собственно къ тексту ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ будутъ расширены до степени полноты, обнимающей почти всѣ этимологическіе и синтаксическіе случаи и примѣры, встрѣчающіеся въ изданныхъ памятникахъ церковно-славянскаго языка, 4) словарь будетъ обработанъ вновь соотвѣтственно словарю Фр. Миклошича.

Издержки на напечатаніе такой книги, какъ ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ, по самому характеру изданія значительны; поэтому, при печатаніи ограниченнаго количества экземпляровъ, пришлось бы назначить *цѣну въ 6 р. с.* за экземп., но мы не рѣшаемся на это въ интересахъ распространенія научнаго знанія и удовлетворенія педагогической потребности и назначаемъ *подписную*

цѣну въ 3 руб. сер.

въ увѣренности, что такое изданіе заслуживаетъ полнаго сочувствія цѣнителей отечественнаго образованія.—Для окончившаго уже свое школьное образованіе и посвятившаго себя практической дѣятельности человѣка такая ученая и учебная книга, пожалуй, что и не нужна; но у каждаго изъ насъ есть близкіе въ лицѣ обучающагося въ учебныхъ заведеніяхъ юношества, объ образованіи которыхъ весьма рачительныя прилагаются попеченія; въ околодкѣ мѣстожительства каждаго изъ насъ есть церковно-приходское, городское или сельское училище—вотъ для нихъ-то такая книга, представляющая энциклопедію при изученіи церковно-славянскаго языка, принесенная благожелательнымъ ревнителемъ народнаго образованія въ даръ, будетъ цѣннымъ, заслуживающимъ благодарности пріобрѣтеніемъ.

Настоящее изданіе печатается *по подпискѣ и въ томъ только количествѣ* экземпляровъ, какое необходимо для раздачи *подписавшимся* заблаговременно, *и затѣмъ въ отдѣльную продажу не будетъ выпущено ни одного экземпляра ни въ какомъ случаѣ ни за какія деньги.* Если подписной суммы будетъ недостаточно даже для покрытія типографскихъ расходовъ, то и 2-го изданія ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛІЯ не будетъ, а взнесенныя подписавшимися деньги будутъ возвращены каждому по принадлежности сполна; если же окажется хоть какой-нибудь излишекъ, то послѣдній пойдетъ на улучшеніе изданія до того совершенства и изящества, которыхъ заслуживаетъ этотъ драгоцѣнный памятникъ, составляющій національную гордость и славу нашей старинной русской письменности.

Всякаго рода корреспонденцію просимъ адресовать такъ: **въ С.-Петербургъ, въ Редакцію 2-го изданія Остромирова Евангелія.**

Адресъ Редакціи Почтамту извѣстенъ.

Желающіе получить *подъ бандеролью* печатную квитанцію (изъ шнуровой книги) въ полученіи нами денегъ благоволятъ прилагать *двѣ* почтовыя марки по 1 к. с., а нуждающіеся въ какихъ-либо разъясненіяхъ могутъ для отвѣта прилагать установленную для закрытыхъ иногородныхъ писемъ *марку*. Отвѣтъ не замедлится.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библіографической рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаются отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіе четырехъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ" **1870** г., редакція готова приступить къ новому ея изданію, въ томъ случаѣ, если къ 1-му маю 1875 г. въ редакцію поступитъ не менѣе **500** заявленій о готовности пріобрѣсти „РУССКУЮ СТАРИНУ" **1870** г.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ съ рисунковъ Болотова, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ" **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ.

Водовозова приводитъ до 300 названій книгъ, на всѣхъ языкахъ, послужившихъ ей источниками при составленіи предлагаемаго публикѣ сочиненія. Значеніе этихъ цитируемыхъ книгъ, конечно, различно и многими изъ нихъ авторъ пользовался, вѣроятно, и самъ съ большимъ разборомъ; поэтому въ трудѣ его мы не встрѣтили мѣстъ, которыя заставляли бы сомнѣваться въ правдивости описанія. Авторъ начинаетъ съ Турціи, причемъ представляетъ картину Константинополя, затѣмъ слѣдуетъ: Албанія съ Аѳономъ и Метеорскими монастырями, Черногорія, Сербія, Румынія, Греція, Италія, Испанія, Португалія, Франція и Швейцарія. При описаніи этихъ странъ авторъ болѣе всего обращаетъ вниманіе на то, чтобы представить всестороннюю картину жизни народа, а не однихъ привиллегированныхъ и образованныхъ классовъ, обряды и обычаи народа, ихъ увеселенія и суевѣрія, занятія и характеръ. На природу страны обращено вниманіе тамъ, гдѣ она имѣетъ вліяніе на жизнь народа; не забыты и историческія свѣдѣнія, такъ какъ прошлое народа во многомъ объясняетъ его настоящее. Однимъ словомъ, въ книгѣ Е. Н. Водовозовой читатель найдетъ полную картину страны, съ которой онъ хотѣлъ бы познакомиться. Особенно полезенъ трудъ этотъ лицамъ, не имѣющимъ возможности прочесть въ подлинникѣ многотомныя и часто дорого стоящія описанія отдѣльныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи книга Е. Н. Водовозовой—не замѣнима и она, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть многолѣтній и вполнѣ заслуженный успѣхъ въ русскомъ читающемъ и учащемся обществѣ.

Публичныя лекціи Ореста Миллера. Русская литература послѣ Гоголя (за исключеніемъ драматической) 190 стр.

Десять лекцій этихъ были съ большимъ успѣхомъ прочитаны въ петербургскомъ собраніи художниковъ и теперь вышли отдѣльною книгою. Трудъ уважаемаго профессора представляетъ весьма пріятное явленіе, какъ разработка литературной эпохи, о которой у насъ нѣтъ еще полнаго изслѣдованія, хотя впрочемъ, сочиненіе г. Миллера далеко не исчерпываетъ предмета, о которомъ говоритъ. Авторъ объясняетъ неполноту книги тѣмъ, что о нѣкоторыхъ писателяхъ, какъ о Тургеневѣ и Л. Толстомъ, онъ уже говорилъ, а о другихъ будетъ еще говорить. Но, несмотря на неполноту книги, въ ней весьма много вѣрныхъ и мѣткихъ указаній и правдивой оцѣнки лицъ и произведеній.

Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 годъ составлена преимущественно по неизвѣстнымъ до настоящаго времени рукописнымъ матеріаламъ генеральнаго штаба полковникомъ А. Петровымъ. Томъ III, 322 стр., т. IV—234 и 157 стр., т. V—210 стр.

Въ архивѣ нашего генеральнаго штаба хранится множество любопытныхъ матеріаловъ, относящихся къ нашей военной исторіи. Обработка ихъ, конечно, принадлежитъ ближе всего офицерамъ этого штаба. Намъ кажется, что распредѣливъ между тѣми изъ нихъ, которые извѣстны уже своими литературными трудами разработку малоизвѣстныхъ эпизодовъ и эпохъ нашей военной исторіи, можно было бы скоро пополнить пробѣлы по этой части. Этому могутъ помѣшать только вседневныя, текущія занятія офицеровъ, повидимому довольно сложныя, такъ какъ и авторъ разбираемой нами книги издавъ еще въ 1866 году первые два тома ея, заключающее въ себѣ описаніе военныхъ дѣйствій въ 1679 и 1770 г., только по прошествіи семи лѣтъ могъ окончить свой вполнѣ добросовѣстный и чрезвычайно полезный трудъ.

Сочиненіе А. Н. Петрова заслуживаетъ вниманія не только военнаго человѣка, но и всякаго, интересующагося исторіей Россіи. Въ этихъ четырехъ томахъ, обнимающихъ военныя событія четырехъ лѣтъ, заключаются, между прочими, такія событія, которыя имѣютъ громадное значеніе въ исторіи Россіи: покореніе Крыма, компанія Румянцева на Дунаѣ, Суворовъ въ Польшѣ, взятіе Бозорджика, разбитіе Турокъ у Туртукая, Кучук-кайнарджскій миръ. Всѣ эти событія разсказаны живымъ литературнымъ языкомъ. Къ книгѣ приложено много плановъ и чертежей сраженій и передвиженія нашихъ войскъ.

Буковинско-русскій календарь, съ иллюстраціями, на 1875 годъ, изданъ обществомъ «Русская Бесѣда», въ Черновицѣ, 116 стр.

Обращаемъ вниманіе лицъ интересующихся западными славянами на календарь, вышедшій въ главномъ городѣ Буковины—Черновицѣ. Кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, начинающихся лѣтописью событій, относящихся къ Буковинѣ, всего 98 лѣтъ тому назадъ присоединенной къ Австріи и получившей конституцію въ 1861 году, въ книгѣ есть еще «Часть поучительная и забавная», содержащая въ себѣ стихотворенія и разсказы, также статьи изъ естественной исторіи и статистическое описаніе воеводства Буковины. Изъ послѣдняго мы узнаемъ, что въ ней, въ настоящее время, на пространствѣ 189,91 квадр. географической мили, населеніе простирается до 513,404 жителей, между которыми 376,946 православныхъ и 16,901 уніатъ. Къ сожалѣнію, статьи календаря написаны тяжелымъ языкомъ, смѣсью малороссійскаго жаргона съ польскими оборотами рѣчи. Къ календарю приложено нѣсколько политипажей и рисунокъ костюмовъ русскихъ крестьянъ въ Буковинѣ.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. ФЕВРАЛЬ. 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

При этой книгѣ приложены: I. Рисунокъ статуетки: Петръ Великій. II. Два чертежа изъ сочиненія предсказателя Авеля (см. стр. 428—429). III. Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго Императорскаго Дома. Составилъ П. П. фонъ-Гецъ.

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается.
Цѣна за 12 книгъ 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ тринадцатый. Спб., 1874 г., LII, 471, въ 8 д. л.

Въ составъ XIII тома Сборника вошли исключительно донынѣ нигдѣ не напечатанныя бумаги, относящіяся къ первымъ тринадцати годамъ царствованія Екатерины II (съ 1762 по 1775 гг.) въ числѣ 336 записокъ, писемъ, черновыхъ рескриптовъ, указовъ и манифестовъ, писанныхъ императрицею собственноручно. Почти каждый изъ этихъ документовъ важенъ для характеристики великой монархини и можетъ служить матеріаломъ для исторіи ея царствованія. Изъ частной переписки императрицы съ иностранцами, ей лично извѣстными, особенно любопытны письма: къ Фальконе (Фальконету), къ г-жѣ Біельке, къ Вольтеру, Димсделю и д'Аламберу. Изъ сподвижниковъ Екатерины находимъ ихъ всѣхъ; всѣ ея письма къ нимъ относятся къ достопамятнѣйшимъ эпохамъ ея царствованія; эти эпохи: первая турецкая кампанія, московская чума, раздѣлъ Польши и пугачевщина. Особенно много документовъ касательно чумы и пугачевщины. Въ бо́льшей части писемъ Екатерины къ иностранцамъ, о событіяхъ въ Россіи, встрѣчаемъ характеристическую черту, свидѣтельствующую о ревнивой заботливости государыни къ огражденію своего царства отъ напраслинъ, на него возводимыхъ, и къ опроверженію распространяемыхъ о немъ нелѣпыхъ слуховъ. Заботливо скрывая темныя стороны нашего тогдашняго быта, иногда и промахи администраціи, Екатерина уменьшала степень опасности или мрачности нѣкоторыхъ событій, сообщая о нихъ Вольтеру, или г-жѣ Біельке; такъ напримѣръ, при появленіи чумы въ Москвѣ, императрица въ письмахъ своихъ называла ее «горячкою съ пятнами», досадуя на преувеличенные о ней слухи въ чужихъ краяхъ. Точно также съ шутливымъ презрѣніемъ отзывалась о Пугачевѣ въ самый разгаръ мятежа и т. п.

Хронологическое оглавленіе всѣхъ бумагъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ» съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и алфавитный указатель именъ (по примѣру предъидущихъ томовъ), даютъ читателю справки въ случаѣ надобности.

Важный, значительный трудъ приведенія всѣхъ этихъ писемъ въ надлежащій порядокъ и добавленіе этого драгоцѣннаго собранія письмами Екатерины II на французскомъ языкѣ принадлежитъ почтенному академику Я. К. Гроту; менѣе нежели половина этихъ матеріаловъ собрана покойнымъ П. П. Пекарскимъ. Въ протоколѣ чрезвычайнаго собранія Императорскаго русскаго историческаго общества (25 ноября 1873 года), напечатанномъ на первыхъ страницахъ Сборника, особенно достойна вниманія рѣчь академика А. Ѳ. Бычкова о трудахъ Екатерины II по русской исторіи.

Фритіофъ, скандинавскій витязь—поэма Тегнера. Съ шведскаго перевелъ Яковъ Гротъ. Второе исправленное изданіе. Воронежъ, 1874 г., IV, 170 и 29, въ 8-ю д. л.

Первое изданіе (1841 г.) принадлежитъ нынѣ къ числу библіографическихъ рѣдкостей и только изъ повременныхъ изданій сороковыхъ годовъ, по отзывамъ тогдашнихъ рецензентовъ—въ томъ числѣ Бѣлинскаго—донынѣ можно было видѣть, что «Фритіофъ» принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ явленій нашей переводной литературы.

«Фритіофъ»—прекраснѣйшее изъ всѣхъ поэтическихъ произведеній шведскаго поэта—Исаіи Тегнера (род. 2-го (13) ноября 1782 † 2-го (14) ноября 1846 г.)—переложеніе древне-исландской саги (былины) относящееся, однако, къ своему оригиналу, какъ вычеканенная изъ золота медаль относится къ куску руды. Поэма эта появилась въ 1825 г. и, по словамъ переводчика, была «вѣнцомъ славы» Тегнера: ее читала съ восторгомъ вся Швеція; она была переведена на всѣ образованные языки Европы; Гете привѣтствовалъ ее своимъ одобреніемъ и она распространилась по обѣ стороны Атлантическаго океана. Въ Тегнерѣ воскресъ древній скальдъ; каждая строфа его поэмы—картина, живьемъ выхваченная изъ быта скандинавовъ VIII вѣка. Перевести подобную поэму на иностранный языкъ—задача немаловажная, однако же весьма счастливо разрѣшенная ак. Я. К. Гротомъ. Плавный, легкій стихъ, подражая благородной простотѣ подлинника, не испещренъ выраженіями прозаическими. Въ иноземной былинѣ слышится намъ нѣчто родное: скандинавскій скальдъ не подражалъ русскому бояну, но въ ихъ пріемахъ что-то общее—и «Плачъ Вигеборги» (пѣснь IX, стр. 93) живо напоминаетъ нашу родную «Ярославну» въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Помимо литературнаго достоинства, переводъ г. Грота заслуживаетъ мѣста и въ библіотеки любителя исторіи потому, что переводчикъ снабдилъ его любопытнымъ «Очеркомъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ» (X главъ, стр. 3—26), безъ чего и самая поэма не была бы вполнѣ понятна для русскихъ читателей.

Исторія русской церкви, Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго. Томъ VII, 258 стр.

Къ шести уже вышедшимъ томамъ этого важнаго труда нашего почтеннаго ученаго іерарха присоединился въ 1874 году но-

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаются отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1870** г., редакція готова наконецъ приступить къ новому ея изданію, въ томъ случаѣ, если къ 1-му маю 1875 г. въ редакцію поступитъ не менѣе **500** заявленій о готовности пріобрѣсти „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1870** г.; засимъ новое изданіе „РУССКОИ СТАРИНЫ“ **1870** г. будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ сколько поступитъ до означеннаго срока заявленій о желаніи пріобрѣсть это изданіе и будетъ разослано лицамъ подписавшимся.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ съ рисунковъ Болотова, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763—1841.

XVIII.[1])

Занятія съ дочерью.—Забота о средствахъ къ жизни.—Вызовъ въ войсковую канцелярію.—Генералы Рѣпнинъ, Кожинъ и князь Горчаковъ.—Увольненіе отъ должности.—Формированіе полковъ для экспедиціи въ Индію,—походъ съ ними за Волгу и возвращеніе.—Назначеніе депутатомъ въ Петербургъ.—Поѣздка въ Москву.—Беклешовъ. Архаровъ, Баклановскій, Татищевъ и Любочаниновъ.—Назначеніе войсковымъ наказнымъ атаманомъ.—Свадьба дочери.

1800—1806.

«Въ домѣ я нашелъ моихъ родителей въ добромъ здоровьи и милую мою дочь, которую взяли уже изъ опеки моихъ благодѣтелей, гг. Циммермановъ, хотя нѣсколько рано, но я весьма былъ утѣшенъ успѣхами ея въ наукахъ. Она очень хорошо и правильно говорила по-французски и даже переводила съ русскаго на французской хорошія исторіи, умѣла вышивать и разно вязать—что все конечно нужно благородной дѣвицѣ. Усмотрѣвъ сіе и, какъ отецъ, утѣшаясь, я посвятилъ себя сколько разумѣлъ, чтобъ улутчить ея воспитаніе и напоминать изученное, но видѣлъ себя много незнающимъ. Тогда я обратился съ покорнѣйшею просьбою къ почтеннѣйшей матери моей, дабы научила ее по части экономіи, въ чемъ мать моя, хотя и безъ знанія наукъ, была очень свѣдома. Она не отказала мнѣ, и хотя по старости лѣтъ была согбенна уже, но повела всюду внуку свою

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 1—46; т. XI. стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., т. XII, стр. 27—49.

сама, и всѣ части хозяйства изъясняя, внушала ей что нужно и что и какъ должно предупреждать и сберегать».

«Успѣхи дочери моей и по сей части привязывали меня болѣе и болѣе ее любить. Тогда только я началъ разсуждать о моемъ состояніи, т. е. какія средства имѣю къ жизни, и познавать, что отецъ мой, и въ соединеніи всего его имѣнія, небогатъ, а раздѣля на двѣ части, — такъ какъ я имѣю роднаго брата, почти однихъ лѣтъ, — я весьма выхожу недостаточнымъ въ средствахъ къ жизни, и милому и единому моему дитяти не сдѣлаю большой помощи къ счастію, почему я рѣшился просить родителей, дабы отдѣлили меня отъ брата, съ которымъ хотя пробыли донынѣ мы друзьями, но какъ у насъ съ нимъ общее имѣніе, то не могъ я что-либо предпринимать особо и съ отважностію улутчить доходъ».

«Но я не долго оставался свободенъ и въ домѣ своемъ: войсковой атаманъ Орловъ потребовалъ меня въ городъ Черкасскъ, по прибытіи куда я получилъ повелѣніе — занять мѣсто втораго члена войсковой канцеляріи, что я и исполнилъ».

«Въ это время были присланы государемъ императоромъ на Донъ, для ревизаціи дѣлъ атаманскихъ и войсковой канцеляріи, генералы Рѣпинъ и Кожинъ — что умножило въ войсковой канцеляріи дѣлъ столько, что хотя всѣ члены оной и трудились каждый день, отъ утренней зари до ночи, но не успѣвали всѣхъ дѣлъ приводить въ порядокъ, тѣмъ болѣе, что генералъ Рѣпинъ, занимая въ войсковой канцеляріи первое мѣсто, самъ, по малому знанію порядка судопроизводства, не могъ улутчить и облегчить нашихъ дѣйствій. Вскорѣ онъ, неизвѣстно мнѣ по какимъ резонамъ, былъ смѣненъ генераломъ княземъ Горчаковымъ, которой хотя и показывалъ на словахъ большое познаніе, но также дѣйствіями своими — излишне-ли повелительными или рѣшительными, а часто входя и въ излишне мелочныя дѣла — только увеличивалъ наши труды, а можетъ и потому, что излишне былъ привязанъ къ пріятностямъ жизни».

«Будучи безъ роздыха принужденнымъ трудиться по общимъ войсковымъ дѣламъ, я часто забывалъ о милыхъ моихъ родителяхъ и дочери, стараяся объ одномъ только, чтобы въ точности была исполняема воля государева и чтобъ облегчать участь несчастныхъ. Рвеніе и усердіе мое огорчало князя Горчакова, ко-

торой, по честолюбію своему, хотѣлъ, чтобы онъ одинъ только былъ видимъ, и злобился на меня. Онъ искалъ скрытымъ образомъ сдѣлать меня несчастнымъ, чего не найдя, писалъ,—какъ мнѣ извѣстно сдѣлалось послѣ,—къ высшему правительству, что будто я покровительствую старообрядцовъ, а посему и велѣно было меня изъ членовъ войсковой канцеляріи исключить».[1])

«Господинъ войсковой атаманъ Орловъ, зная невинность мою и неусыпную дѣятельность, а также уважая и военныя мои заслуги, далъ мнѣ повелѣніе—чтобы я, оставя постъ въ войсковой канцеляріи, спѣшилъ бы въ назначенныя станицы и, составя изъ военныхъ казаковъ тѣхъ станицъ полки, спѣшилъ бы съ оными къ городу Саратову, что на Волгѣ, куда и онъ, со всѣми войска донскаго казаками, слѣдовалъ, что было въ началѣ 1801 г.».[2])

«Сдѣлавъ посему нужныя въ сказанныя станицы предписанія и отправивъ оныя изъ города Черкасска съ нарочными, самъ я поспѣшилъ въ домъ свой, въ Нижнюю Чирскую станицу, гдѣ хотя и нашелъ родителей моихъ и милую дочь въ добромъ здоровьи, но объявленіемъ, что я долженъ спѣшить въ походъ, привелъ ихъ въ трепетъ и чувствительную горесть; тѣмъ болѣе они сокрушались, что послѣ дальнева и долгова бытія моего въ Италіи, видѣли меня едва нѣсколько недѣль и должны провожать въ неизвѣстный край».

«Пробывъ тогда дома не болѣе восьми или десяти дней, и какъ отецъ мой имѣлъ домъ въ Нижней Чирской станицѣ, въ которой я нашелъ готовыми около 1,000 военныхъ казаковъ, то, составя изъ нихъ полкъ, отправилъ его въ назначенный путь, а самъ, простясь съ милыми моему сердцу родителями, дочерью и всѣми родственниками, спѣшилъ въ другія станицы, гдѣ находя всѣхъ уже готовыми, составлялъ полки и отправлялъ одинъ за другимъ. Потомъ поспѣшилъ въ послѣднюю войска донскаго станицу, на р. Бузулукѣ состоящую, дабы тамъ, чрезъ которую должны всѣ полки проходить, оные еще осмотрѣть и обревизовать».

---

[1]) Денисовъ засѣдалъ въ канцеляріи съ 25-го августа 1800 г. по 3-е февраля 1801 года. Ад. Ч.

[2]) Полки назначались для экспедиціи въ Индію. См. «Письма императора Павла къ атаману Орлову» въ «Рус. Стар.» изд. 1873 г., т. VIII. стр. 409. Ад. Ч.

«Такимъ образомъ, составя 11 полковъ и приведя оные въ возможной, по скорости, порядокъ, я спѣшилъ съ оными, безъ роздыха, къ рѣкѣ Волгѣ, въ Саратовской губерніи. Въ этотъ годъ въ оныхъ мѣстахъ снѣга́ были довольно велики, а въ сіе время зачали оказываться оттепели; маленькіе логи составляли изрядныя рѣчки отъ растаившаго снѣгу, и мы болѣе брели въ водѣ, нежели видѣли хорошую дорогу, ибо и снѣгъ былъ наполненъ водою».

«Продолжая такимъ образомъ походъ, я нигдѣ съ полками не останавливался, какъ только на ночлеги; дошелъ до рѣки Волги и недалеко отъ города Вольска остановился въ одномъ большомъ казенномъ селеніи, съ тремя передовыми полками, уже поздно. Въ этотъ весь день шелъ небольшой дождь, отчего я боялся, чтобы Волга-рѣка не открылась отъ льда, чѣмъ бы и затруднила полки къ переправѣ. Я приказалъ полкамъ быть готовымъ рано къ переправѣ, а старостѣ селенія приказалъ, чтобы всѣ мужеска пола люди, которые могутъ дѣйствовать, были готовы, съ веревками, которыхъ и нашлось до 300 человѣкъ».

«Проснувшись рано, до свѣта, первою надобностію я счелъ спросить часоваго—нѣтъ-ли морозу, которой отвѣчалъ, что нѣтъ и дождь идетъ. Тогда вскоча, послалъ съ повелѣніями ардинарцовъ, чтобы полки тотчасъ же выступили къ переправѣ и самъ, потребовавши лошадь, поскакалъ къ онымъ, куда первый и явился. Въ ту-жъ минуту явились ко мнѣ и полковые командиры».

«Тутъ, въ глазахъ нашихъ, не разрываяся, ледъ тронулся и на нѣсколько саженей подался внизъ, однако остановился. Я приказалъ: несмотря на этотъ ненадежной ледъ пробовать идти чрезъ Волгу; мужиковъ, съ веревками, поставить чрезъ всю Волгу, по пяти человѣкъ вмѣстѣ, придавъ онымъ нѣсколько казаковъ, съ тѣмъ, чтобы ежели близъ оныхъ лошадь или человѣкъ провалится, давали бы помощь. Человѣкъ сорокъ, или и болѣе казаковъ, разными мѣстами повели на ледъ лошадей, которыя всѣ недалеко отъ берега провалились; но какъ были взяты всѣ предосторожности, то ни одна не утонула: всѣ лошади были вытянуты и возвращены на берегъ».

«Казаки смотрѣли на меня въ сокрушеніи и ужасѣ, а я, задумавшись, разсуждалъ: какимъ бы образомъ, не останавливаясь, переправиться? Я видѣлъ, что и по сдѣланнымъ предосторожно-

стямъ многія лошади будутъ проваливаться и, хотя навѣрное полагалъ, что будутъ вынуты, но ужасала меня мысль, что ежели когда будетъ казаковъ много на льду и оной тронется, то могутъ потонуть и казаки многіе. Въ этотъ моментъ приводятъ ко мнѣ моихъ лошадей, которыя были рослѣе и тучнѣе казачьихъ. Зная, что весною чѣмъ далѣе отъ берега, особо на большихъ рѣкахъ, тѣмъ крѣпче бываетъ ледъ, и надѣясь на это, приказалъ я весть моихъ лошадей впередъ, съ тѣмъ, что ежели изъ нихъ которая и провалится, то чтобы вытягивали и продолжали вести впередъ».

«Лошади мои, хотя ихъ было и болѣе десяти, провалились, а нѣкоторыя проваливались по нѣсколько разъ, но были всѣ вытянуты, и когда доведены были до глубины, то ледъ оказался довольно крѣпокъ. Тогда я приказалъ — съ лутчею отважностію весть оныхъ рысью, держась недалеко отъ поставленныхъ мужиковъ, и когда увидѣлъ я, что онѣ пробѣжали уже половину рѣки, и хорошо, тогда приказалъ и полкамъ исполнить то-жъ, что и сдѣлано было. На другомъ берегу потерпѣли многія лошади тоже, такъ что въ 3-хъ полкахъ было провалившихся болѣе 700 лошадей, но ни одна изъ нихъ не утонула. Только одинъ казакъ нечаянно упалъ и зашибъ себѣ голову, отчего нѣсколько часовъ былъ безъ чувствъ, но скоро приведенъ въ чувство и сдѣлался здоровъ. Всѣ полки часовъ въ четыре, и много въ пять, переправились чрезъ Волгу».

«Тогда, расположа оные три полка по ближайшимъ селеніямъ на квартиры, я сдѣлалъ нужныя предписанія сзади идущимъ полкамъ, чтобы они спѣшили идти къ рѣкѣ Волгѣ и старались до открытія оной ото льда перейти чрезъ нее, которые и выполнили въ точности и перешли рѣку безъ всякаго бѣдствія, а самъ я, съ передовыми полками, дошелъ до одного старообрядческаго монастыря, на р. Иргизѣ находящагося, гдѣ вдругъ получаю повелѣніе учинить присягу со всѣми полками принявшему державу, великому государю нашему Александру Павловичу—что въ то-жъ время и немедленно было исполнено».

«Скоро, въ самой тотъ-же день, получилъ я и другое повелѣніе: возвратиться со всѣми полками въ дома ихъ, о чемъ въ тоже время предписано было мною командирамъ возвратиться къ Волгѣ и находить способы къ обратной переправѣ чрезъ оную. Самъ

я остался на квартирѣ, съ моею канцеляріею, для окончанія письменныхъ распоряженій, нужныхъ какъ по донесенію объ учиненной присягѣ, такъ и по распоряженію о будущемъ слѣдованіи полковъ на Донъ. Исполнивши все сіе, я на другой день поѣхалъ догонять полки и нашелъ оные при переправѣ чрезъ Волгу по одной, можно сказать, льдинѣ. Большая крига, шириною въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ полуверсты и менѣе, крѣпко уперлась въ оба берега, а выше и ниже рѣка отъ льду была уже открыта: казаки, отъ удовольствія, что возвращаются въ дома, отважились по оной кригѣ перейти».

«Хотя тогда было уже менѣе 10-й части не переправленныхъ казаковъ, но считая, что такая переправа была очень опасна, я сдѣлалъ за такую отважность строгой выговоръ полковымъ командирамъ, но когда начали меня просить всѣ остальные казаки чтобъ позволилъ тѣмъ-же способомъ переправиться, то я принужденъ былъ рѣшиться выполнить ихъ желаніе, и самъ по тому же льду перешелъ. Сей опасный мостъ, какъ бы нарочито къ переходу нашему судьбою устроенный, чрезъ 3, а много чрезъ 5-ть часовъ, быстротою воды былъ уничтоженъ. На другой день, рано, принеся Всевышнему, при собраніи всѣхъ полковъ, благодареніе, полки, по назначеннымъ маршрутамъ, пошли къ донскимъ предѣламъ».

«Скоро послѣ сего, не упомню въ которой день, получилъ я повелѣніе отъ г. войсковаго атамана, Орлова, чтобъ распорядить такъ, дабы всѣ полковые командиры, войдя съ полками въ предѣлы донскіе, распустили казаковъ, при офицерахъ, въ ихъ дома и сами бы тожъ отправились въ свои дома; а я явился бы къ нему въ Качалинскую станицу; куда прибывъ, нашелъ уже Орлова въ сказанной станицѣ со всѣми бывшими въ походѣ войска донскаго господами генералами».[1])

«Здѣсь, на третій день, узналъ я, что войсковой атаманъ Орловъ назначаетъ меня депутатомъ для принесенія императору Александру I поздравленія отъ войска Донскаго съ восшествіемъ на престолъ. Мнѣ не позволено даже повидаться съ родными, но разрѣшено послать въ домъ. (200 верстъ отъ Качалинской ста-

[1]) По формулярному списку эта командировка заняла время съ 21-го февраля по 15-е апрѣля 1801 года. Всѣхъ Донскихъ полковъ отправлялось въ Индію—20. Ад. Ч.

ницы) нарочнаго за всѣмъ, что мнѣ нужно для пути въ столицу. На четвертый или пятый день, я, съ двумя другими депутатами, (полковниками: Грековымъ и Иловайскимъ) отправился въ Петербургъ».

«Я пріѣхалъ безъ всякаго особеннаго приключенія; явился по командѣ, какъ слѣдовало, и былъ представленъ къ государю императору. Послѣ, всѣ надобности войска донскаго объяснилъ бывшему тогда генералъ-прокурору, Александру Андреевичу Беклешову, которыя государь императоръ рѣшилъ, по представленію войсковаго атамана, въ пользу войска донскаго, о чемъ (я) немедленно увѣдомилъ войсковаго атамана, а самъ, отправивши бывшихъ при мнѣ вышесказанныхъ гг. полковниковъ къ войску (на Донъ) и испрося позволеніе, остался въ С.-Петербургѣ, и нѣсколько мѣсяцовъ неразлучно жилъ въ одномъ домѣ съ дядею моимъ, графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Денисовымъ».

«Когда же государь императоръ предпринялъ короноваться и всѣ чины двора и прочія, должныя тамъ быть, лица начали отправляться въ Москву, дядя мой, графъ Денисовъ, отъѣхалъ въ деревни свои съ предположеніемъ быть тоже при коронаціи въ Москвѣ. И я отправился въ Москву-жъ, куда дядя и я прибыли почти въ одно время».

«Тутъ, бывши на свободѣ, я занимался обсужденіемъ собственнаго моего положенія: видя небогатое состояніе отца моего и что самъ я, возвышаясь въ чинахъ, могу болѣе и болѣе терпѣть недостатокъ и соскучась такое продолжительное время жить внѣ дома своего, рѣшился я искать отставки съ награжденіемъ хотя малаго пенсіона. Я просилъ о семъ тогда бывшаго президента военной колегіи, г. Лампа, которой хотя милостиво выслушалъ меня и обѣщалъ ходатайствовать, но чрезъ короткое время объявилъ мнѣ, что государь императоръ желаетъ, чтобъ я продолжалъ службу и совѣтовалъ, чтобъ я не просился въ отставку, чему я и послѣдовалъ. Однако, объясняя ему небогатое мое состояніе, просилъ, чтобъ во время, когда я буду находиться при домѣ, было производимо мнѣ, по чину моему, жалованье, что онъ обѣщалъ исходатайствовать по возвращеніи въ С.-Петербургъ. Оставаясь въ сей надеждѣ, я, послѣ коронаціи, поѣхалъ домой, гдѣ нашелъ родителей моихъ и дочь здоровыми».

«Видя себя въ уединеніи, не имѣющимъ никакихъ средствъ и

будучи во всемъ зависимъ отъ родителей моихъ, терпя во многомъ недостатокъ и не находя свободы все то улутчить, я искалъ съ должною сыновнею покорностію, чтобъ родители меня отдѣлили, давъ сколько имъ заблагоразсудится изъ имѣнія ихъ».

«Я былъ счастливъ, что имѣлъ такихъ родителей, которые умѣли воспитывать дѣтей и снисходить на ихъ нужды; но, по нѣкоторому разсужденію, такъ какъ братъ мой былъ еще не женатый, и ихъ желаніе было, чтобъ мы жили нераздѣльно, чѣмъ бы домашнее изобиліе наше было лутче, наконецъ они рѣшились и раздѣлили насъ, отдавъ намъ все имѣніе недвижимое и скотоводство».

«Получа такое милостивое отъ родителей моихъ награжденіе и видя, что наслѣдница моя, какъ дѣвица и бывъ въ совершенной еще юности, не можетъ управлять съ должною выгодою скотоводствомъ, а я, оставаясь еще въ военной службѣ, могъ быть скоро и внезапно отлученъ отъ дома, рѣшился, не теряя времени, улутчить свое состояніе: всѣ стадà—конныя и скотскія—послалъ на ярмонки продать. Чрезъ это я собралъ тысячъ 30 денегъ и, испрося позволеніе, поѣхалъ въ Москву. Бывъ въ Тамбовѣ у моего благодѣтеля, г. Циммермана, я совѣтовался съ нимъ — какимъ бы образомъ лутче купить недвижимое имѣніе, по наставленію котораго искалъ и нашелъ такое имѣніе, которое купилъ за 75 тысячъ — 510 душъ по ревизской сказкѣ, а со вновь родившимися нашелъ 570 душъ.[1])

«Хотя по числу людей оное имѣніе пришлось мнѣ недорого, но по доходамъ, тогда бывшимъ, и въ разсужденіи того что я сдѣлался долженъ до 50 тысячъ, имѣніе сіе причиняло мнѣ большое затрудненіе и столько отягощало, что я рѣшился уже продать половину онаго, а улутчить оное я не былъ свѣдущъ въ экономіи и не имѣлъ времени, тѣмъ болѣе, что, возвратясь изъ Москвы, не могъ больше имѣть времени 3-хъ или 5-ти дней, чтобы принять только оное въ мое владѣніе и спѣшилъ опять въ Тамбовъ—взять у моихъ благодѣтелей дочь мою, которая, какъ я находился въ Москвѣ, была отпущена къ нимъ (Циммерманамъ) родителями моими, по настоянію самихъ гг. Циммермановъ, любившихъ ее какъ родную свою дочь».

[1]) По формулярному списку за 1818 годъ значится у Денисова 837 душъ въ Землѣ Войска Донскаго и въ Воронежской губерніи. **Ад. Ч.**

«Я все это сдѣлалъ, и уже когда снѣга̀ разстаяли, весною, возвратился домой. Дождавъ лѣтней дороги, я одинъ поѣхалъ опять въ мое имѣніе, которое есть Воронежской губерніи, Павловскаго уѣзда, недалеко отъ предѣловъ донскихъ, называемое «хуторъ Елизаветовской», а нынѣ переименованъ мною: «слободка Елизаветовка», гдѣ я пробылъ не болѣе 2-хъ мѣсяцовъ и, нѣсколько улутча, оставаясь довольнымъ и тѣмъ, а особо, что тогда же отъ продажи нѣкоторыхъ вещей пріобрѣлъ тысячъ до пяти денегъ, возвратился опять въ домъ свой, гдѣ бытность моя была необходима въ разсужденіи малолѣтства дочери моей. Но я не могъ наслаждаться покоемъ въ разсужденіи долговъ, изъ которыхъ половинную часть слѣдовало мнѣ заплатить въ срокъ, чрезъ годъ».

«Слѣдуя всегдашнимъ моимъ правиламъ, чтобъ слово мое было исполняемо всегда въ точности, я искалъ тѣхъ людей, которые были бы денежны и повѣрили бы мнѣ съ отсрочкою на бо̀льшее время».

«Тутъ я нахожу удобнѣйшимъ мѣстомъ сдѣлать извѣстнымъ случившееся со мною при покупкѣ крестьянъ, въ Москвѣ, гдѣ былъ тогда генералъ-губернаторомъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ, которымъ, когда я явился, принятъ былъ благосклонно и тотъ же день прошенъ у него отобѣдать, а когда объявилъ я ему, что я пробуду въ Москвѣ долго, то онъ просилъ, чтобы я бывалъ у него и часто. На третей или четвертый день, (онъ) пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ общее благородное собраніе, по входѣ въ которое встрѣлись мы съ особою большого роста, видною собою и орденами украшенною. Генералъ-губернаторъ обошелся съ нимъ какъ съ знакомымъ. Тогда оная особа, обернувшись ко мнѣ, отозвалась какъ знакомая; но я былъ принужденъ признатца, что оную не угадываю. Тогда онъ мнѣ припомнилъ время и Новгородъ. Тутъ я вспомнилъ, что имѣю счастіе видѣть Ивана Петровича Архарова и засвидѣтельствовалъ ему должное мое почтеніе. При семъ онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— «Я очень радъ, что васъ вижу въ Москвѣ. Я живу здѣсь съ женою и съ дѣтьми, имѣю собственной домъ, и когда вы ко мнѣ пожалуете, всегда буду радъ. Въ особенности прошу бывать у меня къ обѣду и въ вечеру».

«Я не упустилъ это сдѣлать, и на другой день явился у его

высокопревосходительства съ моимъ почтеніемъ, гдѣ и былъ отрекомендованъ супругѣ его и дочкамъ. Скоро послѣ того, на третей или четвертой день, я имѣлъ случай съ супругою его, Екатериною Александровною, играть въ обыкновенную мою, маленькую игру, бостонъ, при какомъ разѣ сія препочтеннѣйшая дама начала меня разспрашивать съ материнскимъ вниманіемъ о многихъ обстоятельствахъ, до меня относящихся. Когда дошла матерія о случаѣ, по которому я пріѣхалъ въ Москву, и когда я ей въ томъ объяснялся, то она мнѣ сказала:

— «Да, я слышала отъ мужа моего, что вы пріѣхали покупать крестьянъ, и вѣрно съ деньгами?»

«Это правда»,—отвѣчалъ я.

— «Вы стоите въ трактирѣ, гдѣ людей много, а деньги не въ большой шкатулкѣ, которую, ежели злодѣй не захочетъ ломать, можетъ, и весьма удобно, унесть».

«Другого способа не имѣю ихъ хранить»,—отвѣчалъ я.

— «Какъ же ты, котораго мужъ мой полюбилъ какъ друга, не отдашь мнѣ твоихъ денегъ на сбереженіе, которыя бы я поставила тамъ, гдѣ хранятся мои лутчія сокровища и гдѣ ежели мое имѣніе будетъ цѣло, то и ваши деньги не будутъ украдены».

«Видя таковое отмѣнное одолженіе, я благодарилъ ее самымъ чувствительнымъ образомъ и просилъ кончить нашу игру и позволить (мнѣ) ѣхать за моею шкатулкой. Не теряя минуты, поскакалъ я въ мою квартиру и возвратился поспѣшно съ шкатулкою, которую, представя, просилъ покорнѣйше—приказать поставить гдѣ ей заблагоразсудится, что она, призвавъ управляющаго домомъ, и сдѣлала».

«Его высокопрев-ство Иванъ Петровичъ (Архаровъ), при покупкѣ мною крестьянъ, совѣтами своими и наставленіями сдѣлалъ мнѣ очень много также одолженія. Когда уже я сторговалъ то имѣніе, которое купилъ, и уже написана была договорная, вышелъ у насъ съ продавцомъ отъ недоразумѣнія споръ: я, оставаясь ему должнымъ 22 или 24 тысячи, полагалъ обезпечить оныя залогомъ тѣхъ же купленныхъ мною крестьянъ, а продавецъ хотѣлъ, чтобъ я представилъ ему изъ московскихъ жителей вѣрныхъ поручителей и, конечно, не соглашался на мои представленія. Не имѣя ни родства, ни короткой дружбы съ кѣмъ-либо изъ московскихъ жителей и чтобъ не упустить покупкою

того имѣнія, я, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, принужденъ былъ открыться его высокопрев-ству Ивану Петровичу Архарову — на что онъ съ благосклонностію показалъ свою готовность. Но продавецъ, когда я ему объявилъ о томъ, отказался, представляя, что онъ такъ великую особу не смѣетъ принять за моего поручителя».

«Не зная, что въ такомъ случаѣ дѣлать, я открылъ о сихъ моихъ затрудненіяхъ очень мнѣ знакомому, генералъ-маіору Михаилу Алексѣевичу Баклановскому, которой женатъ на дочери полковника Жукова, съ которымъ былъ я также знакомъ и часто бывалъ въ домѣ его».

«Въ одинъ вечеръ, бывъ въ домѣ у г. Жукова, пріѣхали туда-жъ два незнакомые мнѣ господина, которые съ хозяевами обошлись какъ свои. Занимаясь бостонною игрою, я долго не былъ внимателенъ къ пріѣзжимъ симъ особамъ; наконецъ увидѣлъ, что они съ генераломъ Баклановскимъ что-то въ особенности говорятъ и поглядываютъ на меня. Когда-жъ кончили мы игру, то генералъ Баклановскій познакомилъ меня съ ними. Тутъ я узналъ, что это господа Татищевы, дядя съ племянникомъ; послѣдній гораздо моложе былъ, среднихъ лѣтъ, очень ловкая и стройная особа, и мнѣ весьма понравился. Это былъ отставной гвардіи поручикъ, Александръ Алексѣевичъ. По окончаніи игры, какъ я былъ свободенъ, я мысленно занимался моимъ дѣломъ и сдѣлался задумчивъ. Въ эту минуту сказалъ мнѣ генералъ Баклановскій:

— «Не думай много, генералъ; все будетъ хорошо».

«Съ этимъ я и поѣхалъ на свою квартиру. На другой день гг. Татищевы и Баклановскій пожаловали ко мнѣ. Александръ Алексѣевичъ Татищевъ просилъ меня къ нему тотъ же день на обѣдъ, представляя, что супруга его хочетъ въ особенности со мною познакомиться; въ чемъ, конечно, я ему и не отказалъ. Пріѣхавъ, я былъ принятъ хозяевами ласково, и даже дружественно, и когда сѣли, до обѣда еще, играть въ бостонъ, хозяйка дома, которая также участвовала въ игрѣ, сказала супругу своему, примѣтивъ конечно что я былъ нѣсколько задумавшись, чтобъ онъ мнѣ открылъ то, что вознамѣрился сдѣлать; при чемъ онъ объяснилъ такъ: что, вчера, узнавши отъ генерала Баклановскаго, что я покупаю имѣніе и имѣю большое затрудненіе въ поручительствѣ по нѣкоторымъ сдѣлкамъ съ продавцомъ.

слишкомъ на 20 тысячъ рублей, онъ былъ въ тотъ же день у тестя своего, въ отставкѣ бригадира, г. Любочанинова, и разсказалъ ему исторію мою, касающуюся до покупки имѣнія. На это послѣдній сказалъ: «какъ же это можетъ быть, что благородной человѣкъ, дослужась въ полѣ за отечество до генеральскаго чину, пріѣхалъ за добрымъ дѣломъ и въ матушкѣ Москвѣ не находитъ себѣ помощи? Поѣзжай завтра къ нему рано и скажи — что я порукою, а въ случаѣ ежели бы продавецъ не согласился на это, то заплачу наличными деньгами, въ годъ, безъ процентовъ. Александръ Алексѣевичъ на эти слова ему отвѣтилъ, что онъ старъ, а замѣнитъ его онъ самъ. Г. бригадиръ согласился и подтвердилъ ему, чтобы онъ непремѣнно исполнилъ, и — онъ былъ уже у продавца, говорилъ съ нимъ о семъ дѣлѣ. и согласилъ его на оное».

«Слышавъ все сіе, я былъ не то что обрадованъ, но даже удивленъ такимъ благороднымъ поступкомъ, благодарилъ его чувствительнѣйшимъ образомъ и просилъ его, чтобы онъ поѣхалъ со мною къ г. Любочанинову. По пріѣздѣ къ нему, по короткомъ объясненіи, также я его благодарилъ и просилъ ихъ обоихъ, чтобъ они сдѣлали законное со мною обязательство о принятіи въ залогъ купленныхъ мною крестьянъ. Они однако отъ того отказались, сказавши: «мы вѣримъ вашему честному слову». Считая поступокъ сей какъ рѣдкую добродѣтель, поставилъ я себѣ въ долгъ въ подробности объяснить оной и вѣчно остаюсь за него благодарнымъ».

«И такъ, живя дома займомъ въ долгъ столькой суммы, которую слѣдовало мнѣ чрезъ годъ уплатить, я въ срокъ отправилъ оную куда слѣдуетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезъ письма, благодарилъ моихъ благодѣтелей и увѣдомилъ, что сумма, въ которой они обязались за меня, мною уплачена».

«Между тѣмъ, занимаясь всегда улутченіемъ воспитанія моей дочери, которая, по моему положенію и молодости своей, требовала неотлучнаго моего присутствія, среди сихъ домашнихъ заботъ моихъ, въ 1805 году, неожиданно и сверхъ желанія моего, получилъ отъ г. войсковаго атамана, Матвѣя Ивановича Платова, предписаніе — прибыть къ нему въ Черкасскъ и принять должность войсковаго наказнаго атамана, а его превосходительство отправился въ С.-Петербургъ».

«Вступивъ на такъ высокой, многотрудной и совсѣмъ мнѣ незнакомой постъ, я былъ принужденъ какъ бы вновь учиться грамотѣ, занимаясь ежедневно множествомъ письменныхъ дѣлъ, нарядомъ на службу войскъ и инспектированіемъ отходящихъ на службу и приходящихъ съ оной полковъ, и съ особымъ вниманіемъ я долженъ былъ наблюдать войсковой канцеляріи за вторымъ членомъ, г. генераломъ Курнаковымъ, котораго, по общему всѣхъ жителей донскаго войска заключенію, разумѣлъ я хитрымъ, лукавымъ и сребролюбивымъ. Стараясь, чтобы дѣйствія мои были согласны съ правилами законовъ и сколь можно лутче, я не имѣлъ уже времени заниматься имѣніемъ моимъ, и еще не получая никакихъ денежныхъ для жизни своей подкрѣпленій болѣе какъ только по чину генералъ-маіора жалованья, а на жизнь принужденъ былъ издерживать по своему должностному положенію болѣе нежели состояніе мое позволяло, хотя удалялся не только роскоши, но часто и нужнаго не имѣлъ, чѣмъ и умножилъ мои долги нѣкоторою суммою».

«Но дочь мою я однако же не могъ забыть: положеніе ея, при больной матери и при находящейся въ глубокой старости бабкѣ, дѣлало ее какъ-бы осиротѣвшею. Поэтому, вдовствующую сестру мою убѣдилъ я покорнѣйшею просьбою, чтобы она съ нею ко мнѣ пріѣхала, въ чемъ она, по добродушію своему, и не отказалась. По пріѣздѣ ихъ ко мнѣ, скоро явился отставной полковникъ Егоровъ, съ предложеніями, чтобы я выдалъ за него въ замужество дочь мою, которая также объявила мнѣ, что она готова повиноваться моей волѣ, ежели я согласенъ выдать ее за него. Я исполнилъ ихъ обоюдное желаніе и обручилъ, а потомъ отправилъ ее съ теткою въ домъ мой, къ бабушкѣ, прося покорнѣйше мать мою изготовить все нужное для такого случая; самъ же я остался при своемъ постѣ, а нареченный зять поѣхалъ къ себѣ въ домъ, состоящій въ Орловской губерніи, съ тѣмъ, чтобы въ назначенное время пріѣхать ко мнѣ».

«Къ большому моему утѣшенію я не долго оставался въ семъ затруднительномъ положеніи: г. войсковой атаманъ, Платовъ, въ 1806 году, марта 27-го числа, возвратился на Донъ въ Черкасскъ.[1])

[1]) Денисовъ занималъ должность наказнаго атамана съ 8-го октября 1805 по 26-е марта 1806 года. Ад. Ч.

Я донесъ ему о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и сдѣлавъ во всемъ вѣрный отчетъ, просилъ его объ увольненіи меня въ домъ и чтобы за время нахожденія моего были мнѣ отпущены слѣдуемыя столовыя деньги. На первое Платовъ скоро согласился; касательно же денегъ, хотя я и убѣждалъ его моими представленіями, но получилъ рѣшительной отказъ и принужденнымъ нашелся кредиторовъ своихъ удовлетворить векселями. Я поспѣшилъ въ домъ мой, куда и прибылъ безъ всякаго приключенія. Скоро послѣ сего и полковникъ Егоровъ ко мнѣ пріѣхалъ, и какъ уже соглашеніе наше было сдѣлано и всѣ надобныя вещи были приготовлены, то непродолжительно и бракосочетаніе ихъ было исполнено». [1])

«Видя дочь мою въ такомъ пристроенномъ положеніи, я оставался болѣе уже свободнымъ заняться моимъ хозяйствомъ и потому располагался ѣхать по моимъ имѣніямъ, но, сверхъ чаянія моего, дочь моя сдѣлалась больна, чѣмъ и остановила меня въ моихъ намѣреніяхъ. Я никакъ не могъ принудить себя оставить ее при слабомъ здоровьѣ и былъ неразлучно съ нею, чрезъ что хотя и былъ въ затрудненіяхъ что лишаюсь я случаевъ улутчить мое состояніе, но находилъ и утѣшеніе, бывъ неразлучно съ дѣтьми».

«Вдругъ получаю отъ г. войсковаго атамана вторичное повелѣніе явиться къ нему для занятія того же наказнаго атамана поста, куда хотя съ большимъ сокрушеніемъ я явился и убѣдительнѣйше его превосходительство просилъ—отъ сего, хотя, впрочемъ, многотитульнаго поста, уволить меня, представляя, что ежели нельзя меня оставить свободнымъ хотя на годъ, то бы повелѣлъ ѣхать въ дѣйствующую армію, гдѣ я совершенно знаю мою должность и болѣе любезному моему отечеству могу быть полезнымъ, но всѣ мои убѣжденія не были уважены. При семъ разѣ просилъ я его, чтобъ столовыя деньги мнѣ были выдаваемы, но и въ томъ мнѣ отказано было съ обнадеживаніемъ, впрочемъ, въ безгласныхъ, какихъ-то милостивыхъ награжденіяхъ. Я также

---

[1]) Иванъ Аѳанасьевичъ Егоровъ былъ одинъ изъ офицеровъ гатчинской команды гвардейскихъ донскихъ казаковъ; онъ, по примѣру другихъ товарищей своихъ, былъ пожалованъ императоромъ Павломъ I вотчиною въ 100 душъ крестьянъ въ Орловской губерніи; въ этой вотчинѣ и проживалъ Иванъ Аѳанасьевичъ до кончины своей, въ 1843 году. Ад. Ч.

просилъ, чтобы была мнѣ отведена земля сообразно тѣмъ (участкамъ), каковые имѣютъ равные мнѣ генералы, въ чемъ хотя и не отказывалъ, но не столько чтобъ уравнить меня и съ младшими генералами, а сколько земли дается нижнимъ чинамъ. По усиленному моему настаиванію Платовъ хотя и прибавилъ (земли), но весьма въ уменьшительномъ видѣ, какъ равные мнѣ имѣли оной. Не любя всегда спорить и жаловаться, а особо на моихъ начальниковъ, я остался и при томъ».

«Принявъ опять должность и вступя въ командованіе войскомъ донскимъ, скоро, по отбытіи войсковаго атамана, я получилъ обще ко всѣмъ сынамъ отечества написанный манифестъ, что Бонапартъ съ большими силами стремится вторгнуться въ любезное наше отечество, а потому, чтобы всѣ начальники, воины и каждый въ особенности членъ, были готовы къ отраженію онаго, и принесеніемъ изъ своего имѣнія жертвовали по возможности».

«Видя изъ манифеста важность предстоящей войны, немедленно предписалъ я по всему войску донскому, чтобы всѣ военные чиновники и казаки, отставные и подростки, могущіе переносить военные труды, изготовили бы себя всѣмъ нужнымъ къ выступленію противъ общаго врага, призвалъ все наше дворянство и тѣхъ изъ казаковъ, которые составляютъ часть торгующихъ въ г. Черкасскѣ, и предложилъ имъ собрать изъ свободнаго пожертвованія каждаго отъ себя часть суммы, нужной въ такомъ случаѣ. Они съ большимъ усердіемъ и охотою составили болѣе 100,000 рублей; о чемъ, какъ и о самомъ усердіи, я его императорскому величеству, когда слѣдовало, равно и г. войсковому атаману донесъ. Вмѣсто благодарности, г. атаманъ далъ мнѣ разумѣть, что онъ недоволенъ таковымъ моимъ дѣйствіемъ, но почему — не сказалъ, а послѣ уже я дознался, потому, что я не къ одному ему сдѣлалъ донесеніе».

«Видя, что злоба его и недоброжелательство ко мнѣ, хотя я никакой къ тому причины не подавалъ, не уменьшаются, а еще увеличиваются, и опасаясь, что въ нахожденіи моемъ наказнымъ атаманомъ, по обширности письменныхъ дѣлъ и въ особенности по хитрости непремѣннаго члена Курнакова, могу я быть невинно обвиненъ въ упущеніяхъ какихъ-нибудь по должности, я рѣшился отъ оной удалиться и просилъ государя императора, чтобъ повелѣно было постъ наказнаго атамана занять другому,

а мнѣ бы позволено явиться въ дѣйствующую армію. Просьбу мою его императорское величество милостиво уважилъ, и г. генералу-лейтенанту Мартынову велѣно было принять атаманскій постъ, которому сдавъ всѣ дѣла 1807 г. генваря 30-го, отправился я, весьма при слабомъ здоровьи, въ домъ мой».[1])

«Здѣсь пробылъ я немного и, не приведя себя еще въ лутчее здоровье, отправился почтою въ дѣйствующую противъ Французовъ армію, тогда бывшую въ Пруссіи. Въ сей дорогѣ ничего не случилось, кромѣ что отъ Чернигова до расположенія арміи, которая стояла около рѣки Але (Алле), такой недостатокъ видѣлся въ хлѣбѣ, что въ самыхъ трактирахъ онаго для дороги нельзя было достать».

XIX.

Въ Пруссіи.— Участіе въ войнѣ съ Французами.— Бенингсенъ и Платовъ.— Дѣло при Гутштадтѣ.— Свиданіе съ Платовымъ послѣ Гутштадтскаго дѣла.— Графъ Строгановъ.— Дѣло при Пассаргѣ, Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ.— Отступленіе къ Тильзиту.

1807.

«Пріѣхавъ въ главную квартиру, явился я у главнокомандующаго г. Бениксcона (Беннигсена), который зналъ меня прежде и весьма милостиво принялъ, и чрезъ дежурнаго генерала велѣлъ мнѣ сказать, что онъ знаетъ, что войсковой атаманъ Платовъ не съ лутчей стороны къ Денисовой фамиліи расположенъ, а потому, буде я пожелаю, то онъ дастъ мнѣ въ команду донскіе полки, въ отдѣльномъ корпусѣ находящіеся. Но какъ я всегда считалъ себя правымъ передъ моимъ начальникомъ, то разсудилъ, что лучше ѣхать къ нему прямо, дабы тѣмъ не дать ему повода къ бо́льшей ненависти, что и объяснилъ г. Бениксcону. Онъ одобрилъ такое мнѣніе, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ и отправилъ меня къ атаману. Когда же я прибылъ къ Платову, то онъ меня принялъ съ довольнымъ уваженіемъ, изъ котораго однако же я видѣлъ, что мнѣ должно быть осторожнымъ. На другой день (Платовъ) объявилъ, что онъ мнѣ дастъ хорошій полкъ храбраго полковника Карпова, предъ тѣмъ незадолго убитаго въ сраженіи. Какъ въ это время одинъ офицеръ съ командою

---

[1]) Въ этотъ разъ Денисовъ исправлялъ должность атамана съ 20-го декабря 1806 по 30-е января 1807 года. Ад. Ч.

изъ онаго полка находился при немъ, Платовѣ, то и приказано было ему явиться ко мнѣ въ команду. Ожидая терпѣливо, что я получу полкъ, и еще нѣсколько (времени) не видя онаго, между тѣмъ нерѣдко примѣчалъ я, что его превосходительство, атаманъ, находилъ случай въ разговорахъ своихъ мнѣ сдѣлать непріятность. Не любя ни насколько лести, я всегда безъ грубости отвѣчалъ ему съ должною благородному человѣку стойкостію, а въ одинъ разъ, какъ помню, сказалъ ему откровенно, что его превосходительство не такъ разумѣетъ мой пріѣздъ въ армію, что я хочу быть его правою рукою и служить со всегдашнею моею честію и усердіемъ. Тогда онъ сказалъ:

— «Я въ томъ увѣренъ и дамъ вамъ три полка».

«Ежели вы хотите видѣть во всемъ блескѣ славу донскихъ казаковъ», сказалъ я, «то подчините мнѣ тридцать полковъ».

«Этимъ, какъ видно было изъ лица и словъ его, онъ былъ весьма доволенъ и при томъ сказалъ:

— «Я столько полковъ не имѣю, а при томъ и другіе генералы есть, которымъ также надобно ввѣрить полки».

«Но все это не помогло мнѣ, и я болѣе мѣсяца прожилъ у него безъ всякой команды, въ которое время и наша армія оставалась безъ дѣйствія. Наконецъ, теряясь въ надеждѣ получить сколько-либо въ команду мою полковъ, я откровенно доложилъ г. атаману, что ѣду къ государю и буду просить объ увольненіи въ домъ.

— «Вѣрно потому,—сказалъ Платовъ,—что не видите у себя команды. Но я въ этомъ не виноватъ: я требовалъ полки изъ другихъ корпусовъ».

«И тутъ же своему письмоводителю приказалъ писать въ три полка повелѣніе, чтобъ оные явились въ мою команду немедленно. На другой или третей день оныя повелѣнія выполнены, а на завтра послѣ того получилъ я повелѣніе — слѣдовать впередъ, къ непріятелю. Платовъ также со всѣми полками своими, и вся армія двинулась къ укрѣпленному мѣстечку Гутштадту. Я шелъ съ тремя своими полками отдѣльно, по особой дорогѣ, къ назначенному пункту. Мѣстоположеніе, закрытое лѣсами, совершенно было мнѣ неизвѣстно; равно и полковые командиры едва мнѣ вѣдомы были по общему домашнему жилищу нашему, отчего я былъ почти на всякомъ шагу въ затрудненіи».

«По выступленіи въ сей походъ, на другой день — 24-го мая 1807 г., я подошелъ къ рѣкѣ Алле и нашелъ, что берега оной были такъ болотисты, что совершенно препятствовали переправѣ и, по всѣмъ развѣдываніямъ, отъ начальниковъ полковъ и казаковъ сдѣланнымъ, въ томъ мѣстѣ и близъ онаго удобной переправы не было. Тогда я, взявъ полковыхъ командировъ, поскакалъ самъ въ даль, по берегу рѣчки, дабы лучше оную разсмотрѣть. Одно мѣсто показалось намъ возможнымъ къ переправѣ, но оное было прикрыто нарочито сдѣланными отъ Французовъ шанцами, изъ которыхъ и движеніе войска нашего было Французами примѣчено».

«Разсуждая о моемъ положеніи, что буде я донесу что не имѣю возможности переправиться, а оная окажется по строгому разсужденію возможною, то я буду виноватъ и конечно претерплю несчастіе,—рѣшился я занять шанцы штурмомъ и произвелъ сіе такъ: отобравъ изъ полковъ всѣхъ казаковъ, ружья имѣющихъ, которыхъ и нашлось около 150 человѣкъ, подчинилъ ихъ храброму полковому командиру, Василью Ефремову, съ нужнымъ числомъ офицеровъ, и приказалъ ползкомъ сближаться къ рѣкѣ и стрѣлять въ шанцы, а 60-ти человѣкамъ, также при офицерахъ, выбравъ самыхъ храбрѣйшихъ, приказалъ, чтобы они, раздѣвшись до-нага, по данному знаку быстро переплывъ рѣчку, ударили бы на шанцы, съ одними дротиками, что и было съ отличнѣйшею храбростію и скоростію исполнено въ точности».

«Храбрый полковой начальникъ Ефремовъ, безъ ордера, изъ одной храбрости и усердія, когда казаки кинулись въ воду, пустился за ними на быстромъ своемъ конѣ, который по добротѣ своей, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, добился чрезъ болото до рѣки и чрезъ оную его перенесъ, но выходя изъ рѣки потонулъ въ болотѣ и не могъ болѣе идти. Тогда Ефремовъ крикнулъ на казаковъ, чтобы переплыли чрезъ рѣку и схватя за что можно лошадь тянули бы чрезъ болото на боку, а самъ пустился за нагими казаками, которые уже летѣли къ шанцамъ и, соединясь съ ними, завладѣлъ оными. При чемъ взято въ плѣнъ болѣе 10 Французовъ и столько же убито, а другіе, устрашась такого храбраго дѣйствія, бѣжали. Ободрясь симъ, я приказалъ вышесказаннымъ манеромъ переправить лошади три или четыре и изслѣдовать близъ лежащій лѣсъ—какъ силенъ находится въономъ не-

пріятель? Самъ занялся разсмотрѣніемъ: не можетъ-ли тутъ быть переправа, но нашелъ, что за болотистыми берегами нельзя оной было сдѣлать».

«Въ эту минуту увидѣлъ я, что регулярной корпусъ къ той же рѣкѣ подшелъ и вѣрно имѣетъ понтонной мостъ; послалъ одного офицера узнать о томъ и просить генерала того корпуса позволенія—впередъ мнѣ съ полками переправиться. Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, съ корпусомъ, которой весьма благосклонно на то согласился. Получа о томъ донесеніе, я поспѣшилъ, и когда пришелъ, то мостъ былъ уже готовъ, и я переправился и потянулся на-лѣво къ назначенному мнѣ мѣсту, куда прибывъ, послалъ къ войсковому атаману одного офицера съ словеснымъ обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ донесеніемъ и съ вопросомъ — что отъ него мнѣ велѣно будетъ далѣе дѣлать?»

«Въ это время, вправо отъ меня, за Гутштадтомъ, слышны были пушечные выстрѣлы, почему я видѣлъ, что сраженіе уже началось. Офицеръ мой возвратился и донесъ, что г. войсковой атаманъ дѣйствіями моими доволенъ и далѣе оставляетъ мнѣ на волю, по усмотрѣнію, производить оныя. Тогда, имѣя предъ собою большой лѣсъ, приказалъ я полку Ефремова, разсыпавшись и занимая сколь можно болѣе мѣста, идти впередъ и нѣсколько на-право, и обо всемъ нужномъ мнѣ доносить, а съ остальными двумя полками, по маленькой дорожкѣ, потянулся за полкомъ Ефремова. Пройдя лѣсъ, мы шли чрезъ довольно обширную поляну, гдѣ и маленькая деревушка находилась, а подойдя къ другому лѣсу, прискакалъ ко мнѣ полковникъ Ефремовъ и донесъ, что недалеко находится изъ пѣхоты и конницы сильной непріятель. Тогда я Ефремову приказалъ, чтобъ онъ наблюдалъ за движеніемъ сего непріятеля. И самъ я шелъ туда-жъ, и встрѣлъ въ ту-жъ минуту атаманской полкъ, бывшій подъ командою графа Строганова, препровождающій сзади всего Горчаковскаго корпуса непріятельскій вагенбургъ, которой онъ (гр. Строгановъ) успѣлъ отрѣзать и плѣнить. Графъ Строгановъ[1]) весьма желалъ съ полкомъ онымъ ко мнѣ присоединиться, но по множеству повозокъ,

---

[1]) Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, тайный совѣтникъ, другъ дѣтства и юности Александра I—служилъ въ войну 1807 г. волонтеромъ въ арміи. Ред.

которыя требовали большого прикрытія, не могъ. И такъ я двинулся съ одними моими тремя полками къ видимому непріятелю».

«Перейдя лѣсъ, я увидѣлъ непріятеля, стоящаго въ открытомъ полѣ, за широкою и довольно углубленною долиною; на пушечный выстрѣлъ отъ деревни къ Гутштадту стояла пѣхота на нѣкоторомъ возвышеніи при другой долинѣ, въ линію обращенная къ Гутштадту, гдѣ часто раздавались пушечные выстрѣлы, а ко мнѣ флангомъ, примѣрно тысячи до полторы или болѣе. Въ деревнѣ видна была также пѣхота, но какъ за домами нельзя было усмотрѣть, то и не можно было исчислить оную глазомѣрно; но сколько могъ замѣтить, то она не составляла большого количества, а между тою и другою пѣхотою, на срединѣ, въ два отдѣленія, стояла колоннами конница, около тысячи человѣкъ. Осмотрѣвъ все сіе, я рѣшился атаковать всѣми тремя полками одну конную непріятельскую колонну, ближайшую къ пѣхотѣ, на возвышеніи стоявшую, полагая, что ежели оная, будучи опрокинута, отступитъ къ пѣхотѣ, то въ такомъ случаѣ, не теряя времени, всѣ полки мои въ отрѣзъ ударятъ на другую, стоявшую ближе къ деревнѣ, колонну, и оную поразятъ».

«По сему моему плану отдавъ всѣ нужныя приказанія, я подтвердилъ, чтобъ оное мое распоряженіе внушено было каждому офицеру и казаку, и, не теряя минуты, двинулся впередъ. Прибывъ въ самой низъ долины, я нашелъ между имѣющимися тамъ небольшими кустарниками, какъ бы рукою человѣка сдѣланной, широкой ровъ, и довольно глубокой, чрезъ которой потребна большая осторожность переѣзжать конному. При видѣ сего я боялся, что, въ случаѣ неудачи, могутъ многія лошади при скоромъ переѣздѣ упасть и попадутся въ руки непріятелю, почему и приказалъ нѣкоторымъ офицерамъ и на лучшихъ лошадяхъ казакамъ—въ рысь переѣзжать оной, для одной только пробы. Наконецъ и самъ тоже сдѣлалъ, и увидя, что возможно, хотя и съ затрудненіемъ, приказалъ полкамъ переходить и тутъ же устроилъ оные въ лаву. При этомъ случаѣ нѣсколько минутъ замедлилъ, а непріятельская конница, какъ примѣтно было, желая предупредить меня атакою, двинулась гораздо впередъ, и сама дала мнѣ удобнѣйшій случай атаковать оную, что я исполнилъ въ тотъ же моментъ и съ быстротою».

«Казаки полетѣли на назначенную колонну, но, наскакавъ

въ самую близкую дистанцію, только огарнули (обхватили?) ее вокругъ, но не ударили какъ слѣдовало бы храбрымъ, однако же съ большою отважностію держались на тѣхъ мѣстахъ. Видя это, я бросился въ то мѣсто, гдѣ болѣе видѣлъ казаковъ, и крикнулъ:

— «Ребята-молодцы, въ дротики!»

«Въ сей моментъ казаки, которые мало меня или вовсе не видали, какъ бы желали испытать меня, а усмотрѣвъ начальника своего между ими, съ отличнѣйшею храбростію врѣзались въ непріятельскую колонну, изъ которой навѣрное можно положить, что пятая часть упала, а остальные въ безпорядкѣ стремительно побѣжали, а казаки, казалось, каждый желалъ сколоть нѣсколько человѣкъ. Я въ эту минуту увидѣлъ, что другая колонна твердо еще и непоколебимо стояла на своемъ мѣстѣ и тутъ же примѣтилъ, что и оная струсила нашего дѣйствія, ибо имѣла хотя минутной, но, выгодной для себя, случай нанесть намъ жестокой ударъ, когда мы были заняты первой колонной, и упустила оной. Я, заскакавъ въ средину гнавшихъ непріятеля казаковъ, большую часть оныхъ остановилъ и, указавъ на стоявшаго на мѣстѣ непріятеля, пустился со оными на него. Казаки всѣ исполняли приказанія мои въ точности и летѣли къ непріятелю какъ орлы, а непріятель, еще болѣе испугавшись таковаго дѣйствія, опрометью пустился бѣжать. Казаки врѣзались въ онаго, скакали за нимъ, и смѣшавшись съ нимъ, убивали Французовъ. Храбрый полковникъ Ефремовъ, всегда находясь впереди и давая примѣръ казакамъ, своеручно разилъ непріятеля безъ пощады. Непріятель, къ счастію нашему, бѣжалъ въ срединѣ между пѣхотою и деревнею, интерваломъ, отчего казаки и не такъ много потерпѣли, какъ бы это могло быть, но со всѣмъ тѣмъ многіе были ранены пулями, каковая участь постигла и храбраго полковаго начальника, Степана Сулина, которой былъ раненъ пулею въ ногу, отъ которой раны, страдая нѣсколько недѣль, и померъ. Также и всѣ офицеры отличную храбрость въ семъ дѣлѣ показали, особо Агаповъ и Агѣевъ».

«Я, проскакавъ нѣсколько вмѣстѣ съ полками и уже поровнявшись съ пѣхотою, съ частью казаковъ возвратился и, немного отъѣхавъ, принужденъ былъ отъ упадка силъ своихъ сойти съ лошади и лечь на землѣ, а полковникъ Ефремовъ продолжалъ гнаться, пока истребилъ обѣ колонны до основанія. Что французскія лошади весьма слабѣе нашихъ, то самое и плѣнные

казывали тѣмъ, что не болѣе какъ человѣкъ 15 или 20 спаслись. При семъ случаѣ взято въ плѣнъ: полковникъ, подполковникъ, два маіора, три или четыре офицера и до 100 рядовыхъ, всѣ болѣе или менѣе раненые. Французскій генералъ, бывшій тутъ же, упалъ отъ многихъ ранъ и хотя былъ живъ, но не могъ уже ѣхать за нами верхомъ, почему и былъ оставленъ на мѣстѣ живымъ. Полковникъ Ефремовъ, съ бо̀льшею частію плѣнныхъ, принужденъ былъ объѣхать сказанную деревню, чтобъ возвратиться ко мнѣ, потому что въ интервалѣ проѣзжать было уже опасно. Я обо всемъ этомъ дѣйствіи ту-жъ минуту донесъ г. войсковому атаману, при томъ приказалъ посланному доложить, что ежели онъ со всѣмъ корпусомъ своихъ войскъ прибудетъ на то мѣсто гдѣ я находился, то можно и болѣе нанесть вредъ непріятелю, или чтобы онъ меня нѣсколькими полками усилилъ. Къ нему же, г. войсковому атаману, я и плѣнныхъ всѣхъ отправилъ. Также послалъ одного офицера въ главную армію, къ сражающимся впереди генераламъ, донесть, что непріятель въ тылу не имѣетъ сильныхъ ресурсовъ. Всѣхъ сихъ моихъ дѣйствій былъ очевидный свидѣтель—полковникъ аглицкой службы, Вильсонъ или Мильсонъ».[1])

»Собравъ всѣхъ моихъ казаковъ, увидѣлъ я, что конвоемъ плѣнныхъ и присмотромъ раненыхъ казаковъ я чувствительно мою бригаду ослабилъ, которая и безъ того не болѣе составляла какъ отъ 800 до 900 (человѣкъ), а непріятеля передъ собою видѣлъ—пѣхо̀ту, и втрое сильнѣйшую. Къ тому же, самъ я находился въ большой разслабленности силъ и не могъ ничего болѣе предпринять, а ожидалъ прибытія сикурса и повелѣнія атамана Платова. Чрезъ нѣсколько часовъ донесли мнѣ, что нѣсколько полковъ Платова корпуса сближаются ко мнѣ; по дальнѣйшей же выправкѣ, оказалось что это донесеніе несправедливо. Все сіе время я видѣлъ, что отъ стороны Гутштадта сильной непріятель,—пѣхота,—ретировался, будучи преслѣдуемъ нашею пѣхотою же, и когда оный приближался къ этой пѣхотѣ, которая противъ меня держалась, то наша пѣхота остановилась, а Французы соединились. Изнемогая отъ сильной слабости и видя, что

---

[1]) Изъ формулярнаго списка видно, что за дѣло при Гутштадтѣ Денисовъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Ад. Ч.

далеко удалился отъ своихъ, и что уже ночь сближается, я, безъ ордера, потянулся съ полками своими къ мѣсту нахожденія г. войсковаго атамана. Я нашелъ его въ маленькомъ домикѣ и уже при свѣчѣ, что (то) писавшаго; на словахъ вкратцѣ донесъ о случившемся со мною, что я съ полками возвратился къ нему и испрашиваю приказанія—что мнѣ съ оными дѣлать. Его превосходительство видно весьма важною занятъ былъ бумагою, что на все ни одного слова мнѣ не сказалъ. Уважая, какъ начальника, я, въ молчаніи, въ отдаль его сѣлъ на стулъ, въ которомъ положеніи и пробылъ болѣе получаса. Въ это время вошелъ въ ту же горницу графъ Строгановъ съ однимъ или двумя чиновниками и началъ докладывать войсковому атаману, что изъ плѣнныхъ, мною взятыхъ, есть одинъ или двое знатной фамиліи и что они говорятъ съ чрезвычайною похвалою о храбрости тѣхъ казаковъ, которые имѣли съ ними дѣло».

«Тогда атаманъ Платовъ слабымъ голосомъ благодарилъ меня и потчивалъ чаемъ, а ежели хочу и пуншемъ, на что я отвѣчалъ, что я весьма слабъ здоровьемъ, а потому и просилъ, чтобъ онъ рѣшилъ меня—что мнѣ съ полками дѣлать и что мнѣ покой необходимъ, каковымъ я, расположась съ полками, могу воспользоваться. И какъ онъ велѣлъ близъ корпуса его расположиться лагеремъ, то я, засвидѣтельствовавши ему нижайшее почтеніе и вышелъ. Отдавъ приказъ полкамъ идти на мѣсто, самъ я по дорогѣ взошелъ на квартиру плѣненнаго мною полковника, гдѣ нашелъ и подполковника и, поговоря съ ними немного въ утѣшеніе ихъ, поѣхалъ въ полки свои. Здѣсь, по усердію моихъ людей, нашелъ чай и казачью кашицу готовыми и, выпивши нѣсколько чаю, отдалъ приказъ, чтобы заботились о подкрѣпленіи лошадей. Самъ, свернувшись, легъ на землѣ, но никакъ не могъ уснуть, чему причиною былъ болѣе раненый полковникъ Сулинъ, которой недалеко отъ меня былъ и стоналъ отъ чрезвычайной боли ноги. Къ тому-жъ, скоро пополуночи, непріятель, пробравшись лѣсомъ къ нашимъ пикетамъ, произвелъ по онымъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, отчего во всемъ корпусѣ произошла небольшая тревога».

«Съ наступленіемъ дня получилъ весь корпусъ повелѣніе—быть во всей готовности къ походу, а часа чрезъ полтора или два весь корпусъ двинулся впередъ и, пройдя версты три или

четыре, остановился. Во все это время слышны были на сторонѣ, гдѣ непріятель остановился, рѣдкіе пушечные выстрѣлы. Простоявъ немного, весь нашъ корпусъ скорымъ маршемъ двинулся впередъ, а мнѣ дано отъ г. войсковаго атамана дозволеніе вновь дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Я дѣлалъ съ моими полками такое направленіе, чтобы зайти непріятелю въ тылъ — что отъ казачей службы больше и требуется. Достигая своей цѣли, я пришелъ къ рѣчкѣ Пасаргѣ, но нашелъ, что оная также имѣетъ берега, неудобные къ переходу чрезъ нея, что полагать надобно и Французы знали, ибо хотя многіе казачьи полки прибыли къ тому же мѣсту, куда и я пришелъ, но Французы, находящіеся по ту сторону рѣчки, весьма въ близкой отъ насъ дистанціи, (безъ) всякой особой осторожности спѣшили разными небольшими отдѣленіями къ своему корпусу, которой Россіяне тѣснили; наконецъ, даже и два эскадрона ихъ кавалеріи, шли, бывъ довольно удалены отъ другихъ войскъ ихъ. Видя такое препятствіе и какъ бы непріятельское къ намъ пренебреженіе, я рѣшился казачьимъ отважнымъ маперомъ ихъ проучить: приказалъ отъ 30-ти до 40 выбрать изъ полковъ храбрѣйшихъ казаковъ и, опредѣля къ каждому по пяти и болѣе пѣшихъ, съ двумя офицерами, чтобъ были во всей готовности при берегѣ рѣчки, и какъ-будто просто стояли бы тамъ безъ всякаго военнаго намѣренія, чтобъ непріятель не потревожился видя ихъ, но чтобъ они, по данному отъ меня знаку, всѣ раздѣлись до рубахъ и съ лошадей снявъ сѣдло, одинъ бы на рукахъ переносилъ оное, а всѣ другіе вели лошадей, а которыя изъ нихъ загрузнутъ въ тинѣ рѣчки и упадутъ, то чтобы таковыхъ тянули хотя бы на-боку; вышедши же на берегъ, въ минуту бы осѣдлали лошадей и ближайшаго непріятеля быстро бы атаковали; а самъ я замѣчалъ движеніе непріятеля, и когда увидѣлъ, что одинъ эскадронъ, какъ бы нарочито, ближе другихъ къ намъ и въ довольномъ разстояніи удалясь отъ всѣхъ шелъ, далъ знать сему, приготовленному мною отряду, дѣйствовать. Офицеры и казаки исполнили все съ такою точностію и храбростію, что я прослезился отъ умиленія. Эскадронъ былъ опрокинутъ и навѣрное онъ половину людей своихъ потерялъ убитыми; плѣнными доставлено мнѣ пять или семь человѣкъ, не упомню. Отрядъ сей возвратился ко мнѣ бывъ преслѣдуемъ сильнымъ непріятелемъ, и какъ въ защиту моихъ мо-

лодцовъ въ нужныхъ мѣстахъ поставлены были стрѣлки, а для успѣшной переправы нужное число казаковъ, то, не потерявъ ни одного, всѣ они соединились со мною. Въ такомъ положеніи мы простояли остатокъ того дня и слѣдующую ночь».[1])

«На другой день вся россійская армія потянулась мимо Гутштадта къ Гейльсбергу. Непріятель, собравшись въ большихъ силахъ, слѣдовалъ за нами. Войсковой атаманъ Платовъ, съ казачьими полками, гдѣ и я находился, составлялъ аріергардъ. Часу въ десятомъ, девятомъ или одинадцатомъ получилъ я повелѣніе — съ четырьмя казачьими полками идти назадъ, въ бокъ непріятелю, держать вправо и стать между французскою арміею и россійскимъ корпусомъ графа Каменскаго, слѣдуемымъ отъ Гданска на соединеніе съ нашею арміей. Достигнувъ назначеннаго пункта, я остановился въ глазахъ всей французской арміи, въ небольшой прекрасной рощицѣ, при деревняхъ Земерсфельдѣ и Аренсдорфѣ. Отсюда послалъ я, при одномъ урядникѣ съ маленькою командою, мой рапортъ его сіятельству графу Каменскому, донося ему обо всемъ, что нужно. Какъ казаки, всѣ вообще, не имѣли совершенно ничего съ собою хлѣба, то по необходимости приказалъ я взять въ ближайшихъ селеніяхъ штукъ нѣсколько коровъ, зарѣзать оныя и роздать казакамъ, чтобы мясо оныхъ, какъ не въ чемъ сварить, спекли на угольяхъ и подкрѣпили бы себя пищею».

«Съ захожденіемъ солнца посланная команда возвратилась и графъ Каменской увѣдомилъ меня, что онъ съ корпусомъ не въ опасности, что онъ надѣется въ приходящую ночь соединиться съ арміею и чтобъ я также возвратился къ оной. Почему, дож-

---

[1]) Изъ «Исторіи Донскаго войска» — г. Броневскаго (часть II, стр. 174) видно, что «казаки генералъ-маіора Денисова, несмотря на защищаемые артилеріею и пѣхотою окопы, и на болотистыя мѣста, переправились чрезъ Алле вплавь и, зашедъ въ тылъ непріятельской арміи, разогнали тамъ нѣсколько отрядовъ по лѣсамъ», а также, что въ этотъ и слѣдующіе дни (24-го и 25-го мая 1807 г.), Донскими казаками совершено при рѣкѣ Пасаргѣ нѣсколько отважныхъ подвиговъ: такъ полкъ Иловайскаго 9-го, переправясь чрезъ Пасаргу, схватилъ непріятельскую пушку съ 76-ю артилеристами; такъ, въ виду непріятельскихъ баталіоновъ, есаулъ Тараринъ переплылъ рѣку съ нѣсколькими удальцами, арканомъ вытащилъ изъ цѣпи 6 волтижеровъ и доставилъ ихъ на нашу сторону; такъ и маіоръ атаманскаго полка, Балабинъ, переплывъ съ 200 казаковъ чрезъ Пасаргу и прокравшись въ тылъ Французовъ, подорвалъ у нихъ 46 палубъ, наполненныхъ гранатами и картечными снарядами. Ал. Ч.

давъ ночи и полагая, что въ темнотѣ безопаснѣе могу пройти, ибо непріятельскіе отряды были уже впереди меня, я разложилъ нарочито большіе огни, пошелъ и на пути встрѣлся съ двумя небольшими командами французской кавалеріи, которыя, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ и не сдѣлавъ намъ вреда, бѣжали. Потомъ наѣхалъ я на передовые пикеты наши, казачьяго Селиванова полку, отъ которыхъ и узналъ нрямую мою дорогу. Прибывъ къ тому отряду, я видѣлся съ начальникомъ онаго, генераломъ,—фамиліи его не упомню,—гдѣ пробылъ немного. Хотя оный генералъ и просилъ у меня два полка въ подкрѣпленіе себѣ, но я, не видя въ томъ точной надобности, не далъ, предлагая ему, что ежели онъ знаетъ важнѣйшія обстоятельства этой надобности, болѣе важныя нежели какъ я вижу, то чтобы мнѣ объяснилъ, съ тѣмъ, что буде онѣ важны, то я останусь при томъ отрядѣ со всѣми четырьмя полками. Онъ на то не согласился, какъ полагать надобно не желая быть подъ ордеромъ моимъ, какъ старшаго. Тогда, раскланявшись съ нимъ, я потянулся далѣе къ арміи и, пройдя версты двѣ, для растаха остановился».

«На другой день, при восхожденіи солнца, были слышны ружейные выстрѣлы на передовыхъ постахъ того корпуса, почему и полагалъ я, что непріятель идетъ за нами. Для лучшаго уясненія послалъ офицера узнать вѣрнѣе о томъ и, не удаляясь отъ такъ важнаго случая, какъ полагалъ, что вѣрно произойдетъ сраженіе и, найдя лучшій для лошадей кормъ, передвинулся для подкрѣпленія лошадей. Здѣсь я ожидалъ—что вышесказанный авангардъ предприметъ, генералъ котораго, соображаясь по обстоятельствамъ и видя конечно весьма сильнѣйшаго предъ собою непріятеля, положилъ отступить къ нашей арміи, почему и отправилъ напередъ къ оной свою артилерію. Я послалъ также узнать о мѣстѣ нахожденія атамана Платова и всей нашей арміи, а на ведущей къ авангарду отъ арміи большой дорогѣ поставилъ противу полковъ пикетъ, съ тѣмъ, чтобы извѣстилъ меня ежели будетъ ѣхать по оной изъ арміи кто изъ генераловъ».

«Ружейная пальба усиливалась; около половины дня пикетъ, поставленной на дорогѣ, извѣстилъ меня—что нѣсколько генераловъ ѣдутъ впередъ, къ которымъ я и поспѣшилъ и нашелъ оныхъ остановившихся и всѣхъ мнѣ незнакомыхъ, разсуждающихъ о будущемъ сраженіи. Какъ на мнѣ была простая куртка,

которая прикрывала всѣ знаки отличія, имѣющіеся у меня, то они меня сочли не болѣе какъ какого-либо казачьяго офицера. Какъ я, слыша ихъ сужденіе, объяснилъ имъ и мое заключеніе, то при семъ случаѣ они спрашивали другъ у друга на французскомъ языкѣ: ктò я таковъ? Слыша то, я имъ объявилъ о себѣ и просилъ мнѣ показать того генерала, которой командуетъ передовымъ корпусомъ; они мнѣ сказали, что командуетъ генералъ Львовъ, которой сзади ѣдетъ и скоро сюда долженъ быть. Почему я и поѣхалъ искать онаго, съ которымъ скоро встрѣлся и нашелъ въ немъ давно мнѣ знакомаго, а какъ онъ былъ старшій, то я ему объяснилъ — по какому случаю я тутъ нахожусь, и что ежели могу я быть полезенъ въ начинающемся сраженіи, то чтобы указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ я долженъ находиться. Львовъ, благодаря меня за сіе, приказалъ, чтобы я находился съ полками своими на самомъ краю съ праваго фланга. Получивъ сіе повелѣніе, я поѣхалъ къ моимъ полкамъ, приказалъ онымъ изготовиться и при семъ разѣ увидѣлъ уже во многихъ мѣстахъ скачущихъ казаковъ, тѣснимыхъ непріятелемъ, и поспѣшно отступающій нашъ авангардъ».

«Я также съ полками моими отступилъ и сталъ на одной выгодной для конницы равнинѣ, въ ордеръ-баталіи. Непріятель наступалъ скорымъ маршемъ и сильная кавалерія шла прямо ко мнѣ. Въ ту-жъ минуту, вправо отъ меня, я увидѣлъ во множествѣ скачущихъ казаковъ: угадывая, что то казачьи полки, находящіеся на аванпостахъ, я послалъ къ начальникамъ оныхъ офицера, съ приказаніемъ, что бы всѣ они явились подъ мою команду. Всѣхъ таковыхъ нашлось до пяти, хотя весьма неполныхъ, полковъ, изъ которыхъ составя въ видѣ сикурса отдѣльную линію и не теряя времени, я атаковалъ непріятельскую кавалерію, которая ко мнѣ уже сближалась: всю кавалерію сію опрокинувъ, гналъ ее до находящагося, въ тылу ихъ, возвышеннаго мѣста (какъ бы небольшой горки), которое было все покрыто лѣсомъ. Тутъ я узналъ, что на семъ возвышеніи, въ лѣсу, оставленъ былъ нашъ пѣхотной егерскій полкъ, подъ командою полковника Змѣева, которому я и послалъ сказать, чтобы онъ, какъ уже отрѣзанъ отъ россійской арміи, спѣшилъ бы лѣсомъ удалиться во флангъ и поскорѣе бы присоединился къ арміи. Казаки же, по сильному французской артилеріи дѣйствію, не могли держаться, да и свѣ-

жая ихъ конница, подоспѣвъ на помощь къ гонимой нами и опрокинувъ мои полки, въ свою очередь оные гнала. Проскакавъ нѣсколько, и не болѣе версты, я успѣлъ остановить свои полки. Полковникъ Ефремовъ, по отличной его храбрости, съ своимъ полкомъ гналъ непріятеля далѣе всѣхъ другихъ и даже проскакалъ сказанное возвышенное мѣсто, такъ, что принужденъ былъ, принявши въ бокъ, уже чрезъ лѣсъ возвратиться ко мнѣ. Когда я собралъ всѣхъ своихъ казаковъ и привелъ ихъ въ должной порядокъ, вижу, что соединившіеся и умножившіеся Французы сближаются ко мнѣ; тогда я атаковалъ оныхъ въ другой разъ и, опять опрокинувъ, гналъ до прежняго пункта. При семъ случаѣ мы отбили двѣ пушки».

«По вышесказаннымъ сильнымъ дѣйствіямъ французской артилеріи, мы не могли далѣе преслѣдовать непріятельскую кавалерію, не могли даже увезть и отбитыхъ пушекъ, и остались на мѣстѣ, а потомъ насъ гнали какъ и прежде. Въ семъ случаѣ, со всею должною признательностію и откровенностію долженъ сказать, что полковые командиры, офицеры и рядовые казаки оказали отличную храбрость, а Ефремовъ успѣлъ тожъ сдѣлать, какъ и прежде, за что благодаря его, я однако счелъ нужнымъ приказать, что бы онъ старался, подавая примѣръ храбрости, равняться съ другими полками. Отретировавшись къ поставленному мною на всякій случай подкрѣпленію, я еще три раза атаковалъ тужъ кавалерію, которая, хотя въ пять разъ была противу полковъ, подъ моею командою состоящихъ, сильнѣе, но всегда, по храбрости казачьей, была опрокинута. Мѣсто, на которомъ полки, подъ моею командою бывшіе, дѣйствовали, отдѣлено болотистымъ и заросшимъ лѣсомъ, и какъ я оставался безъ всякаго другого подкрѣпленія, а непріятель всегда усиливалъ свои войска, то принужденъ я былъ податься назадъ, и, перейдя одинъ весьма малой, но нѣсколько болотистой, ручей, близъ онаго на возвышеніи сталъ, въ прежнемъ порядкѣ. Послалъ еще дознать—гдѣ егерскій полкъ, бывшій, какъ сказано выше, въ лѣсу и велѣлъ сказать начальнику онаго, чтобъ непремѣнно ретировался лѣсомъ, ежели еще тамъ находится. Французская кавалерія оставалась въ своей позиціи. При семъ случаѣ, хотя я не могъ видѣть дѣйствія всей нашей арміи, за высокимъ лѣсомъ, въ самой близкой дистанціи отъ меня находящейся, но

по кликамъ и звукамъ пушечной пальбы понималъ, что происходитъ сраженіе весьма упорное, а потому отрядилъ къ оной три казачьи полка, съ тѣмъ, что бы они явились къ первому встрѣтившемуся съ ними генералу и дѣйствовали бы по приказаніямъ старшихъ. Самъ я остался и замѣчалъ за дѣйствіемъ находящейся противъ меня кавалеріи. Вдругъ, къ крайнему моему удивленію и даже недоразумѣнію, вижу, что двѣ части кавалеріи, не болѣе какъ 2 эскадрона, отдѣльно одинъ отъ другого, съ большою смѣлостію подошли къ сказанному маленькому ручью, который былъ отъ насъ на вѣрной ружейной выстрѣлъ. Я былъ весьма въ недоумѣніи, что̀ оные предпринимаютъ, какъ услышалъ, что казаки, указывая на оныхъ, довольно громко повторяли: «латники! латники!» Взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ, что это кирасиры, покрытые желѣзомъ. Тутъ я понялъ, что они предпринимаютъ дерзкое намѣреніе врѣзаться въ казачьи полки и разстроить оные. Не теряя времени я приказалъ Ефремову—съ его и съ другимъ полкомъ, когда кирасиры перейдутъ ручей, отрѣзать ихъ отъ онаго, а другимъ двумъ полкамъ приказалъ ударить въ лицо. Со всею моею поспѣшностію не могъ я еще успѣть мое распоряженіе привесть въ порядокъ, какъ тѣ кирасирскіе эскадроны, перейдя ручей, въ разсыпную стремительно пустились на насъ и въ минуту врѣзались въ казачьи полки, но ни опрокинуть, ни разстроить оныхъ не успѣли, хотя и сдѣлали большое замѣшательство. Казаки съ отмѣнною храбростію били ихъ въ дротики, но дротики, одни ломались, а другіе гнулись. Я скакалъ всюду гдѣ надобность показывала быть моему присутствію, и подвергалъ себя большой опасности, что ежели бы не доброй слуга,—собственной мой человѣкъ Василій Яковлевъ,—то я бы неминуемо былъ палашами заколонъ или изрубленъ. Казаки, видя крѣпость кирасирскаго одѣянія, сбивали съ головъ ихъ дротиками шишаки, а послѣ того, били въ открытые головы и сбивали съ лошадей. Кирасиры, видя свою неудачу, опрометью скакали назадъ, а казаки, преслѣдуя по возможности, оныхъ убивали. Изъ сихъ непобѣдимыхъ всадниковъ менѣе третьей части ушли, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ».[1])

---

[1]) «Генералъ-маіоръ Денисовъ, 29-го мая 1807 г., въ соединеніи съ регулярною кавалеріею, не разъ встрѣчался съ французскими кирасирами и всегда находилъ средство уязвить ихъ. Какъ скоро сіи тяжелые всадники по какому-

«Французы, несмотря на то, что были гонимы нами, и что столько потеряли своихъ, увидя, что остатокъ егерскаго полка нашего бѣжитъ въ безпорядкѣ изъ лѣса, прежде мною сказаннаго, напали на егерей и нѣсколько успѣли поразить, а послѣ сего и вся кавалерія, бывшая противъ меня, въ стройномъ порядкѣ придвигалась ближе и ближе; лѣсъ-же, отдѣляющій меня отъ арміи, занимала пѣхота. Когда я подался назадъ и, обойдя оной лѣсъ, двинулся къ арміи, и когда къ фронту оной сближался, прискакалъ одинъ или два (не упомню), прусской кавалеріи полка (помнится драгунскіе), подъ командою одного генерала,— котораго фамилію запомнилъ, но онъ былъ хорошаго росту, рябоватъ, продолговатаго лица, носъ большой имѣлъ, и на ономъ старой, какъ бы отъ раны, шрамъ,—съ которымъ я увидѣлся, и какъ его превосходительство говорилъ по-французски, то мы и условились атаковать вмѣстѣ стоящую предъ нами кавалерію—что̀ въ минуту и произвели».

«Храбрость прусскихъ полковъ и нашихъ казаковъ взяла поверхность надъ многочисленною непріятельскою кавалеріею, которую въ минуту мы опрокинули, смѣшали и погнали въ безпорядкѣ, но не долго, потому что пѣхота, зашедшая въ лѣсъ, къ которому казаки справа уже примыкали, производила сильную стрѣльбу, чѣмъ и остановила насъ. Отретировавшись на прежнее мѣсто, въ порядкѣ, мы остановились; тогда еще я видѣлся съ генераломъ прусскимъ, разсказалъ ему мое мнѣніе, что ежели бы не французская пѣхота удержала казаковъ, то непріятель былъ бы пораженъ гораздо сильнѣе, и предлагалъ ему занять мѣсто ближе къ лѣсу, а я бы сталъ съ казаками на его мѣсто, и тогда мы въ другой разъ бы атаковали, представляя ему, что регулярные могутъ лучше выдержать огонь, производимый непріятелемъ, но онъ на сіе не согласился. Однако совѣтовалъ мнѣ учинить общую, подобную первой, атаку—что хотя и было сдѣлано, но весьма уже слабо, и только нѣсколько, самые передовые французскіе посты, были опрокинуты. Мы ретировались опять къ прежнему пункту, а Французы отступили назадъ; прусскіе

нибудь случаю приходили въ разстройство, они тотчасъ дѣлались жертвою казаковъ. Сіи неповоротливые кавалеристы, слабо державшіеся въ сѣдлѣ, отъ удара пики, какъ бездушные трупы, валились на землю». («Истор. Донскаго войска» — г. Броневскаго, часть II, стр. 175). **Ад. Ч.**

полки также двинулись ближе къ центру арміи. Я съ полками оставался на своемъ мѣстѣ, но весьма немного, потому что французская артилерія катала насъ ядрами и брандскугелями, градомъ, отчего я приказалъ казакамъ разсыпаться и отступать. Будучи въ этомъ положеніи, когда уже совершенно настигла ночь, увидѣлъ я прибывшаго къ намъ войсковаго атамана Платова, въ какомъ положеніи мы и еще отступили и когда уже не слышно было никакого бою, то и остановились».

«Простоявъ въ семъ положеніи ночь, на разсвѣтѣ дня мы увидѣли, что французская армія немного далѣе пушечнаго выстрѣла отъ насъ находится».

«Скоро, по восхожденіи солнца, войсковой атаманъ Платовъ приказалъ мнѣ съ 3-мя казачьими полками идтить къ лѣвому непріятельскому флангу и недалеко отъ онаго назначить пунктъ гдѣ остановиться. При семъ разѣ я осмѣлился его превосходительству доложить:

— «Развѣ приказано начать сраженіе?»

— Нѣтъ; но этотъ пунктъ надобно занять.

— «Французы никакъ того не потерпятъ и, по приходѣ моемъ, конечно, въ минуту меня атакуютъ»,—доложилъ я съ почтеніемъ.

«Атаманъ ничего на это не сказалъ; тогда сѣвъ на лошадь, двинулся я съ полками. Французы, увидя насъ, приближавшихся и остановившихся, двинули противъ насъ большой отрядъ, болѣе изъ пѣхоты составленной. Видя превосходство непріятеля, я началъ шагомъ отступать, а они меня преслѣдовать. Въ такомъ положеніи я дошелъ до одного ручья, которой не всюду можно свободно переѣхать; отъ ручья сего находился и самъ атаманъ Платовъ не въ дальнемъ разстояніи. Тутъ получилъ я отъ него приказаніе — не переходя оный ручей съ полками, держаться, и хотя разумѣлъ я, что отважность его превосходительства чрезъчуръ велика, но, исполняя въ точности повелѣніе моего начальника, съ полками остановился и, призвавъ полковыхъ командировъ, объявилъ имъ оное повелѣніе. При томъ рѣшилъ ихъ тѣмъ, что какъ не имѣемъ мы артилеріи, а у непріятеля насчитывали оной до 10-ти или болѣе пушекъ, то я за лучшее считаю самимъ намъ атаковать Французовъ, что̀ и они, хотя видѣли невозможнымъ побѣдить непріятеля, за лучшее почли».

«Непріятель, подходя къ ручью, отрядилъ до 1,000 человѣкъ

пѣхоты въ лѣсъ, которымъ она могла зайти мнѣ во флангъ, а половина того числа пѣхоты оставалась на открытомъ полѣ, съ артилеріею, и до 200 или 300 кавалеріи. Не зная — что въ такомъ положеніи дѣлать и видя, что ежели мнѣ всѣми полками ударить на непріятеля, стоявшаго на открытомъ полѣ, то бывшая въ лѣсу пѣхота нанесетъ казакамъ большой вредъ, а самъ непріятель едва-ли что можетъ потерпѣть, приказалъ я храброму полковнику Ефремову съ полкомъ его ударить на непріятеля, на полѣ стоявшаго, а полковнику Астахову—статъ съ своимъ полкомъ лавою, противъ лѣса. Съ третьимъ полкомъ остался я самъ, въ резервѣ, дабы, въ случаѣ гдѣ нужда потребуетъ, дать помощь. Сіи два полка двинулись по назначенію. Непріятельская кавалерія, вѣроятно разумѣя намѣреніе наше и пренебрегая нашимъ малолюдствомъ, фронтомъ двинулась впередъ, чѣмъ Ефремовъ воспользовавшись, атаковалъ ее, смялъ, опрокинулъ и гналъ за пѣхоту. Казаки Ефремова такъ увлеклись храбростью, что принуждены были разными дорожками и поодиночкѣ возвращаться къ своему мѣсту, обскакивая пѣхоту непріятельскую. Въ тожъ самое время, находящаяся въ лѣсу противъ Астахова полка непріятельская пѣхота, фронтомъ выходила изъ лѣсу и, какъ только выдвинулась на чистое поле, то полковникъ Астаховъ пустился съ полкомъ въ атаку на оную, а Французы, не дожидаясь ихъ удара, вбѣжали въ лѣсъ. Видя все сіе, не постигалъ я—какимъ образомъ остаюсь побѣдителемъ, разумѣя, что при всѣхъ моихъ распоряженіяхъ нельзя было ожидать и малѣйшей надъ непріятелемъ поверхности. Ясно видѣлъ я, что сіе произошло отъ единой благости Всевышняго Творца къ намъ, милосердіе котораго и во всю жизнь мою, при важныхъ случаяхъ, управляло мною; за что, слезши съ коня и упавъ на колѣни, приносилъ предъ Всевышнимъ Творцомъ мою благодарность и молилъ его вести меня къ дальнѣйшимъ добрымъ дѣяніямъ».

«Г. войсковой атаманъ все сіе лично видѣлъ и, въ самое критическое дѣйствіе моихъ полковъ, велѣлъ нѣсколькимъ другимъ казачьимъ полкамъ скакать къ мѣсту сраженія влѣво отъ меня, какъ бы во флангъ непріятелю, а зятя своего, Харитонова,[1])

---

[1]) Полковникъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), Константинъ Ивановичъ Харитоновъ, былъ женатъ на старшей дочери атамана Платова, Аннѣ Матвѣевнѣ. Ад. Ч.

прислалъ меня словесно благодарить. Послѣ сего непріятель въ порядкѣ отступилъ, а мнѣ велѣно было—оставаться на томъ же мѣстѣ до дальнѣйшаго повелѣнія».

«Скоро пополуночи узналъ я, что армія наша чрезъ Гейльсбергъ отступаетъ. Тогда я послалъ спросить у атамана — что̀ мнѣ должно дѣлать, но, конечно, за темнотою ночи посланные отъ меня не нашли его. Какъ уже заря занялась, аванпосты мои донесли, что непріятельская армія двинулась впередъ и посланные увѣдомили, что чрезъ Гейльсбергъ, по мосту, никакъ невозможно отъ тѣсноты пройти, а посланные осмотрѣть рѣку Алле—нѣтъ-ли гдѣ по ней бродовъ,—дали знать, что одинъ, хотя и весьма неудобной, найденъ, къ которому я и потянулся, уже когда разсвѣлось. Перейдя рѣку, я принужденъ былъ дать на одинъ часъ растахъ полкамъ, потому что, прошедши трое сутокъ, были лошади голодны, почти ничего не ѣвши. Я послалъ отыскивать, гдѣ слѣдуетъ, нашу армію и моего начальника и, по возвращеніи посланныхъ, поспѣшилъ соединиться съ атаманомъ Платовымъ. За всѣ сіи дѣйствія мои при Гейльсбергѣ получилъ я золотую саблю, алмазами украшенную, съ надписью: «за храбрость».[1])

«Бывъ при своемъ начальникѣ, я много успокоился и, хотя весь день находились мы на маршѣ, но никакой встрѣчи, насъ затрудняющей, мы не видѣли. На другой день мы также спокойно слѣдовали за арміею; какъ вдругъ услышали впереди насъ сильную пушечную стрѣльбу при Фридландѣ, куда атаманъ Платовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ поспѣшилъ скорымъ маршемъ, и куда прибывъ, мы увидѣли, что вся наша армія сильно сражается. Генералъ Платовъ пошелъ впередъ. Минуя нашу армію, въ самой близкой отъ ней дистанціи и на виду оной, увидѣли мы, что небольшія разныя французскія команды какъ бы стремятся зайти намъ впередъ, противъ которыхъ тотчасъ и были посланы казаки, и хотя оные остановили Французовъ, но не могли ихъ опрокинуть, потому, что за рѣкою нельзя было посланныхъ казаковъ усилить бо̀льшимъ отрядомъ».

«Армія наша по долгомъ сраженіи отступила по той же до-

[1]) Дѣла при Земерсфельдѣ, Аренсдорфѣ и Гейльсбергѣ 28-го - 29-го мая 1807 г. Денисовъ въ запискахъ своихъ называетъ послѣдній городъ Гейльбергомъ, Эльсбергомъ и Эсбельргомъ. Ад. Ч.

рогѣ, по которой мы шли, и дойдя до одного мѣстечка, которое я запомнилъ (т. е. котораго забылъ названіе), и взявъ небольшой роздыхъ, рано на зарѣ отступила далѣе по дорогѣ въ Тильзиту. Тутъ г. Платовъ съ корпусомъ своимъ остался въ аріергардѣ и хотя отступалъ повсюду, гдѣ нужно было самъ успѣвалъ быть и храбро отражалъ непріятеля, которой за ними стремился».

«При семъ случаѣ разсматривая движенія непріятеля, я искалъ возможность нанести непріятелю вредъ, для чего приказалъ полковнику Ефремову осмотрѣть замѣченное мною мѣсто; куда онъ съ двумя казаками и поскакалъ. И примѣтивъ одного французскаго всадника, нѣсколько отдалившагося отъ своего фронта и стоящаго въ задумчивости, стремительно ринулся на него одинъ и, подскакавъ, схватилъ за повода лошадь того всадника и требовалъ пардону, а тотъ, конечно, испужавшись нечаянному налету, молча поѣхалъ за Ефремовымъ. Это былъ французской маіоръ, который мнѣ признался, что онъ не понимаетъ—какимъ образомъ въ плѣну, потому, что онъ былъ среди своего баталіона, которымъ командуетъ».

«Чрезъ весь тотъ день всѣ казачьи полки имѣли небольшія сшибки съ непріятелемъ, но принуждены были отступать; на другой и третій день мы имѣли такую же участь какъ равно 3-го іюня 1807 г. при Эйлау, 4-го іюня при рѣкѣ Прегелѣ и до самаго Тильзита. Такое положеніе, какъ для насъ, такъ и для лошадей нашихъ, (было) весьма утомительно; но со всѣмъ тѣмъ всѣ вообще казачьи полки исполняли свою обязанность въ такой точности, что непріятель не осмѣливался ихъ сильно атаковать и отражалъ насъ артилеріею».

«Господинъ войсковой атаманъ (Платовъ) можно почти сказать не сходилъ съ лошади и гдѣ нужда требовала всегда безъ упущенія времени тамъ являлся. При семъ должностью почитаю, отдавая всю справедливость казакамъ (сказать), что въ одинъ день, когда непріятель сильнымъ наступленіемъ принудилъ нѣкоторые полки отступать рысью, сильной отрядъ съ артилеріею поскакалъ прямо на мою бригаду. Видя это и опасаясь, чтобъ непріятель не обратилъ казаковъ въ бѣгство, чѣмъ бы могъ сдѣлать замѣшательство и всему нашему корпусу, я приказалъ Астахову полку двинуться налѣво въ находящійся тутъ рѣдкой лѣсъ,

дабы таковою диверсіею остановить непріятеля. Непріятель, видя то, остановилъ пушки и началъ изъ оныхъ по этому полку палить и первыми выстрѣлами было убито въ немъ вдругъ до десяти лошадей или болѣе—не упомню; но оный полкъ, не оказавъ ни малѣйшей трусости и не сдѣлавъ замѣшательства, въ молчаніи оставался на мѣстѣ и тѣмъ непріятель былъ остановленъ. Тогда я, отступя нѣсколько далѣе, приказалъ слѣдовать ко мнѣ оному полку».

«Весь корпусъ генерала Платова подошелъ къ городу Тильзиту тогда уже, когда вся россійская армія чрезъ рѣку Нѣманъ, тутъ протекающую, по мосту перешла, что и нашъ корпусъ, не останавливаясь, сдѣлалъ и мостъ прекрасно на нарочито сдѣланныхъ для того судахъ (устроенный), былъ зажженъ. Перейдя рѣку, на правомъ берегу, близъ оной господинъ Платовъ расположилъ свой корпусъ».

«Въ тотъ же день явились французскіе парламентеры и (скоро) заключенъ былъ миръ».[1])

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. **Ад. П. Чеботаревъ.**

---

[1]) За отличія въ этой войнѣ А. К. Денисовъ награжденъ отъ короля прусскаго орденами—Краснаго Орла и pour le mérite. **Ад. Ч.**

ѲЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАРЖАВИНЪ

род. 1745, ум. 1812.

О Ѳедорѣ Васильевичѣ Каржавинѣ не имѣется почти никакихъ печатныхъ свѣдѣній; имя его встрѣчается въ книжныхъ каталогахъ, потому что онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій и переводовъ, да въ „Исторіи Троицко-Лаврской семинаріи" — С. Смирнова, въ числѣ преподавателей, упоминается Ѳедоръ Каржавинъ, колежскій актіаріусъ, какъ преподаватель французскаго языка въ 1767 — 1768 гг. Сочиненія Каржавина прошли незамѣтно; онъ не попалъ ни въ одинъ „Словарь Русскихъ писателей", да онъ и самъ, какъ видно, не придавалъ имъ особаго значенія; онъ вообще мало говоритъ о нихъ въ письмахъ къ женѣ, отцу и другимъ лицамъ и если позволяетъ себѣ прихвастнуть иногда, такъ это тѣмъ, что онъ человѣкъ бывалый, много видѣвшій на своемъ вѣку. „Я объѣхалъ ³/₄ свѣта,— пишетъ онъ своему отцу,— знаю гдѣ 5-я часть свѣта, вамъ еще неизвѣстная; я прошелъ сквозь огонь, воду и землю".

Сочиненія свои Ѳ. В. Каржавинъ подписываетъ то псевдонимомъ „Русскій Американецъ", то „бывшій переводчикъ на Мартиникѣ" и т. п.; и точно жизнь его, съ ранней молодости до 45-ти лѣтъ, полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Гордится онъ также тѣмъ, что въ теченіе всей своей жизни не искалъ ни чьей милости: „пусть ищутъ милости тѣ, кто того недостойны,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,— я же заслужилъ своимъ достоинствомъ, своими трудами, своею наукою". Дѣйствительно, съ нравственной стороны личность Каржавина интересна по оригинальности нравственнаго склада вообще и своеобразности убѣжденій, которыя онъ не только усвоилъ, но и проводилъ въ жизни, хотя онѣ часто шли въ разрѣзъ съ понятіями окружавшей его среды, борьба съ которой подъ-часъ тяжело на немъ отзывалась.

Помѣщаемая автобіографическая записка знакомитъ съ внѣшней фактической стороной жизни Ѳ. В. Каржавина и похожденіями его въ старомъ и новомъ свѣтѣ.[1]) Вслѣдъ за этой запиской мы постараемся обрисовать нѣкоторыя стороны его жизни, возстановивъ по письмамъ его и другимъ документамъ наиболѣе типичныя черты ея.

Н. П. Дуровъ.

I.

Записка Ѳ. В. Каржавина о своей жизни.

(1788 г.)

„Родился я въ Санктпетербургѣ, 20-го генваря 1745 г., отъ купца 1-й гильдіи Василія Каржавина, который началъ учить меня самъ на 6-мъ году россійской и латинской грамотѣ, также географіи и вродилъ во мнѣ охоту къ наукамъ; вслѣдствіе чего въ 1752 г. онъ повезъ меня съ собою черезъ Пруссію въ Данцигъ, а оттуда въ Лондонъ, изъ котораго города переслалъ меня въ Парижъ,[2]) гдѣ вступилъ въ университетъ въ 1755 г., опредѣленъ студентомъ здѣшней иностранной колегіи въ 1760 г. и продолжалъ ученіе свое, служа при Россійскихъ посольствахъ до 1765 года; въ которое время возвращенъ въ Россію и, убѣжденный отцемъ моимъ, получилъ въ 1766 г. увольненіе отъ оной колегіи вовсе, съ чиномъ колежскаго актіаріуса, но какъ желаніе отца моего, при увольненіи моемъ изъ колегіи, было такое, чтобы сдѣлать меня купцомъ, а чинъ офицерской не позволялъ уже мнѣ быть таковымъ, того ради старался я сдѣлать себя полезнымъ, по знанію моему, при тогдашнемъ архимандритѣ, нынѣшнемъ московскомъ митрополитѣ, Платонѣ, и жилъ въ Троицкой Лаврской семинаріи учителемъ два года (съ 1767 по 1769). Черезъ которое время я изъ учениковъ своихъ приготовилъ многихъ къ должности учителей французскаго языка по разнымъ россійскимъ епархіямъ, такъ что съ 1769 г. должно считать начало преподаванія французскаго языка въ Великороссійскихъ духовныхъ училищахъ. Но какъ при семинаріяхъ офицеру награжденіе получить трудно, то на концѣ упомянутаго 1769 года, по требованію г-на оберъ-архитектора артилеріи капитана, что нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василія Ивановича Баженова,[3]) принятъ я въ вѣдомство Кремлевской экспедиціи архитекторскимъ помощникомъ второго класса; т. е. въ чинѣ подпоручика, и разныя должности, на меня возложенныя, исполнялъ ко удовольствію начальниковъ моихъ. Между тѣмъ, какъ въ

1771 годѣ случилась въ университетѣ вакансія на мѣсто французскаго учителя высшаго класса по смерти француза де-Лави[4]) и публикованъ былъ конкурсъ, на который много Французовъ явилось, а ни единый Русскій не смѣлъ показаться; я же, узнавъ о томъ, явился въ конференцію, выдержалъ экзаменъ и получилъ верхъ надъ всѣми кандидатами; но какъ двухъ должностей исполнять не могъ, то университетъ наградилъ меня привилегіей на содержаніе публичной школы.[5]) Въ 1773 году, по слабости здоровья моего, уволенъ я до выздоровленія моего отъ экспедиціи съ одобрительнымъ атестатомъ и для повышенія чина отправился вторично на своемъ иждивеніи въ Европу съ паспортомъ, даннымъ мнѣ отъ государственной колегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюня.[6]) 15-го августа пріѣхалъ я въ Амстердамъ, гдѣ исправилъ комисію, данную мнѣ отъ господина Демидова,[7]) въ разсужденіи внука его Кириллы Станиславскаго, посланнаго со мною къ профессору Аламану и большого собранія натуральныхъ россійскихъ и сибирскихъ рѣдкостей, повѣреннаго мнѣ для кунсткамеры принца Оранжскаго. Получивъ награжденіе г-на Демидова черезъ купца Іовія, въ октябрѣ (1773 г.) поѣхалъ изъ Амстердама сухимъ путемъ черезъ Голландію и Фландрію; пріѣхалъ въ 10 дней въ Парижъ; тутъ, проживши нѣкоторое время, препровождая оное въ слушаніи разныхъ курсовъ, принадлежащихъ до медицинской и физической науки, нашелъ я себя лишеннымъ вовсе надежды возвратиться въ Россію, по причинѣ родительскаго ко мнѣ неблаговоленія и вздумалъ суровость жребія своего умягчить женитьбою въ началѣ 1774 года; но и въ брачномъ состояніи не нашелъ я истиннаго спокойствія; ибо вскорѣ узналъ, что расходы умножились по мѣрѣ нуждъ, а законы тогдашніе, во угожденіе уроженцамъ, пресѣкали мнѣ, иностранному человѣку, живущему въ вѣдомствѣ россійскаго министра, полученіе доходовъ по гражданской линіи: того ради забравъ заранѣе остатки моего капитала, пристроилъ я жену къ мѣсту, къ воспитанію и ученію благородныхъ дѣтей,[8]) а самъ съ французскимъ паспортомъ поѣхалъ, въ сентябрѣ 1776 года, на французской островъ Мартинику,[9]) куда прибылъ благополучно въ 36 дней и, посредствомъ рекомендательныхъ писемъ изъ Парижа, вступилъ въ одно училище (въ г. св. Петра) помощникомъ,—дабы денегъ напрасно въ трактирѣ не проѣсть. Скоро я сталъ извѣстенъ всему дворянству; товары свои, состоящіе въ отмѣнныхъ книгахъ, картинахъ и рѣдкостяхъ, продалъ съ удовольствіемъ и, желая удвоить свой капиталъ, по тогдашнимъ критическимъ обстоятельствамъ ново-англицкою торговлею, вступилъ я въ товарищество съ однимъ креоломъ (M-r Lasserre), отправляющимъ большое судно въ Америку; положилъ въ него свою

сумму и самъ на ономъ суднѣ поѣхалъ. Въ 13-е число апрѣля 1777 года, съ даннымъ оному судну паспортомъ отъ адмиралтейства якобы на французскій островъ Микелонъ, что въ заливѣ св. Лаврентія, дабы намъ способнѣе было вдоль американскихъ береговъ ѣхать безъ подозрѣнія Англичанъ, имѣвшихъ уже тогда войну съ своими колонистами. Разныя обстоятельства по военнымъ страхамъ принудили насъ къ перепутію на островъ Порторико, подлѣ котораго англійскій фрегатъ осматривалъ насъ, паспортъ и товары съ подозрѣніемъ, послѣ чего мы были поневолѣ въ сраженіи между однимъ англицкимъ каперомъ, гдѣ и ботъ свой мы потеряли. Наконецъ у самыхъ береговъ Виргинскихъ королевскій англійскій фрегатъ насъ взялъ и повелъ-было въ свой портъ Галифаксъ, но удалось намъ отъ него, въ густомъ туманѣ, уйти и въ Виргинію безъ вреда, по 26-ти дневномъ плаваніи въ томъ же туманѣ, въѣхать. Въ Виргиніи (1778 г.), разъѣзжая по разнымъ рѣкамъ, (мы) торговали въ селеніяхъ и городахъ около 22-хъ мѣсяцевъ,[10]) и наконецъ, при самомъ выѣздѣ изъ Виргиніи, въ февралѣ 1779 года, съ богатымъ грузомъ, Англичане наѣхали на нашъ корабль, людей нашихъ высадили надъ мелью на ледъ, недалеко отъ береговъ, а корабль и на немъ мое имѣніе, на что была вся моя надежда, повели въ Новый Іоркъ. Однако, думая сыскать помощь въ Бостонѣ, исполненъ русскимъ не унывающимъ духомъ, къ удивленію всѣхъ знакомыхъ, пустился я пѣшій въ путь съ сумою на плечахъ, питаясь солдатскимъ казеннымъ хлѣбомъ по билету, яко военно-плѣнникъ пострадавшій отъ Англичанъ, и дошелъ въ 23 дни съ паспортомъ министра и консулей французскихъ до Бостона, гдѣ пробылъ только 2-е сутокъ, и не заставъ того мартиниканца, отъ коего я надѣялся получить помощь, возвратился я въ 19-ть дней въ Филадельфію, претерпѣвъ величайшую нужду, бывъ два дни слѣпъ отъ преломленія солнечныхъ лучей на снѣгомъ покрытыхъ поляхъ и въ опасности какъ отъ Англичанъ, такъ и отъ самихъ Американцевъ, которые меня почли шпіономъ на заставахъ, потому что я весьма малое время пробылъ въ Бостонѣ, имѣлъ на себѣ пакеты письменные какъ изъ Филадельфіи въ Бостонъ, такъ и изъ Бостона въ Филадельфію, и шелъ я не по большой фурманной дорогѣ, но по линіи, раздѣляющей ихъ отъ непріятеля, и сквозь Вашингтонову армію.

„По возвращеніи моемъ въ Виргинію, 29-го дня апрѣля (1779 г.), дѣла принудили меня на утро идти въ Сѣверную Каролину, откуда успѣлъ возвратиться въ столицу Виргинскую, къ тому времени какъ Англичане, подъ предводительствомъ Гадриджа, прибыли въ Шеспаковую губу и поднялись по всѣмъ рѣкамъ на грабежъ и раззореніе. Въ оной столицѣ французскому купцу Венелю помогалъ я отвезть водою товаръ

въ дальніе лѣса, гдѣ мы скрывались до тѣхъ поръ, пока уѣхалъ непріятель; тогда возвратились и мы въ столицу, гдѣ я жилъ при лавкѣ онаго купца, отлучаясь только для разноса мелочнаго товару по лѣсамъ, какъ для его, такъ и для моей пользы, и въ ономъ промыслѣ въ 8 мѣсяцевъ я нажилъ до 3,000 рублей бумажныхъ, которые я въ Россію вывезъ яко монументъ общаго банкрутства американскаго неосновательнаго и безвластнаго правленія. 1780 года января въ 25-й день, по рекомендаціи и съ паспортомъ французскаго консула, сѣлъ я на 74-хъ пушечный французскій корабль въ маломъ Іоркѣ, и въ 20-ть дней мы прибыли въ Мартинику, претерпѣвъ при въѣздѣ въ гавань пальбу цѣлаго англицкаго флота; онымъ кораблемъ командовалъ маркизъ де-Водріоль (de Vaudrieull). Тутъ, не имѣя денегъ и не зная что зачать, химія и латинскій языкъ рекомендовали меня помощникомъ главному королевскому аптекарю Дюпрату при госпиталѣ; а правительство, имѣя во мнѣ нужду по тогдашнимъ военнымъ случаямъ, опредѣлило меня королевскимъ россійскимъ и славянскимъ переводчикомъ при адмиралтействѣ. Жилъ я около 11-ти мѣсяцевъ у аптекаря съ тѣмъ, что онъ, будучи слабъ здоровьемъ, поѣдетъ во Францію и оставитъ свою аптеку мнѣ и прожектировалъ уже я выписать жену въ Мартинику; но въ ночи 16-го октября (1780 г.) море, взволнованное внутренними подъдонными вѣтрами, поднялось горою, вышло изъ своихъ предѣловъ, и, повалившись на городъ, 155 дворовъ съ аптекой и съ моей надеждой смыло долой и я отъ раззореннаго аптекаря, въ мартѣ 1781 г., отошелъ и принялся за табачное мастерство; но такъ какъ я былъ въ лавкѣ, фабрикѣ и работѣ одинъ, табакъ произвелъ такое дѣйствіе въ моей головѣ, груди и желудкѣ, что въ пять мѣсяцевъ походилъ болѣе на мертвеца, вставшаго изъ гроба, нежели на человѣка живого; и такъ фабрику бросилъ и началъ по морю ѣздить прикащикомъ на провіантскомъ суднѣ купца Далтона съ сентября 1781 года, по февраль 1782 года, въ кое время онъ судно продалъ; а я въ 20-е число февраля-жъ, сѣлъ съ товаромъ на американской корабль, ѣдущій въ Виргинію, взявъ отъ правленія отпускъ на 6 мѣсяцевъ, а на себя имя россійскаго доктора и офицера Ивана Баха, имѣющаго паспортъ отъ мартиниканскаго россійскаго переводчика Каржавина; но въ 5-й день подъ Порторикомъ англицкій 22-хъ пушечный каперъ Амазонъ пересѣкъ намъ дорогу и принудилъ насъ взять отъ него провожатыхъ въ Антигу, куда мы прибыли по 17-тидневномъ плаваніи. На островѣ Антигѣ Англичане читали паспортъ Ивана Баха, смотрѣли на его патентъ, спрашивали о причинѣ имѣющагося въ Мартиникѣ переводчика россійскаго, жалѣли, что русскій вояжиръ попался между ихъ непріятелями подъ военную судьбину,

опредѣлили ему по 3 гривны на день королевскаго жалованья, дали казенную квартиру и волю ходить въ городъ и за городъ на одну милю, по праву данному парольнымъ военно-плѣнникамъ; между тѣмъ, на полоненномъ кораблѣ весь Каржавина багажъ разграбленъ, а остались однѣ книги и лекарства по моему счастію. Черезъ двѣ недѣли жалованье мнѣ отказано и получилъ я паспортъ вольной ѣхать куда захочу, безъ денегъ, въ военное время, съ неизвѣстнаго мнѣ острова и безъ корабля. На ту пору стоялъ въ гавани Гишпанскій парламентарный корабль, на которомъ имѣлось много больныхъ; корабельщику понадобились мои лекарства и моя рука, ланцетъ и пластыри, и онъ взялъ меня съ собою въ должность лекаря.

„17-го дня апрѣля (1782 г.) поѣхали мы въ Новый Іоркъ, куда прибыли въ 25 дней; тутъ покусился я сыскать себѣ пропускъ на американскій берегъ рѣки Гудсона, въ силу англичскаго вольнаго паспорта; но адмиралъ Дигбай (Digby) онаго паспорта меня лишилъ и принудилъ остаться съ Гишпанцами безъ вида. 11-го іюня Гишпанцы, окончивши размѣнъ плѣнниковъ съ Англичанами, отправились въ море, и въ 37-мь дней пріѣхали на островъ Санъ-Доминго, къ городу Cap (Капъ) съ репортомъ къ гишпанскому главному генералу Галвесу, который велѣлъ меня спросить, по рекомендаціи гишпанскихъ корабельныхъ офицеръ, не вступлю-ли въ должность полкового лекаря въ его арміи по ваканціи умершаго одного Француза; но я пожелалъ продолжать путь до Гаванны и тамъ быть вольнымъ. 6-го дня августа мы поѣхали въ море, 11-го дня пріѣхали въ Мантасанъ на островѣ Кубѣ, а оттуда въ однѣ сутки въ Гаванну по прошествіи нѣсколькихъ дней. Въ Гаваннѣ и околичныхъ мѣстахъ прожилъ я 23 мѣсяца (всѣхъ 28 мѣсяцевъ съ Гишпанцами) и сыскивалъ себѣ хорошее пропитаніе своимъ знаніемъ, а именно: лечилъ больныхъ, составлялъ медикаменты для аптекарей, дѣлалъ разныя водки для питейныхъ лавокъ и домовъ и училъ по-французски.

„По заключеніи мира велѣно всѣмъ иностранцамъ выѣхать изъ гишпанскихъ селеній въ силу кастильскихъ законовъ, и данъ мнѣ паспортъ отъ губернатора въ Новой Орлеанъ—Мисисипи тожъ и поѣхалъ я, августа 5-го дня 1784 года, изъ Гаванны на ново-орлеанскомъ кораблѣ, а 4-го дня сентября очутился въ Новомъ Іоркѣ; откуда черезъ Филадельфію добрался я до Виргиніи, и до самаго того мѣста, гдѣ я въ прежнемъ моемъ вояжѣ ходилъ въ американскую школу у города Смитфеля. Тутъ я началъ посѣщать больныхъ, что продолжалось 7-мь мѣсяцевъ, но усмотрѣвъ, что Американцы потерявъ свою честь и совѣсть при бумажной монетѣ—оныхъ не нашли при серебряныхъ деньгахъ—поѣхалъ я, по прошествіи зимы, въ сто-

лицу виргинскую, въ Вильямсбургъ, гдѣ я живалъ у Венеля. Французскій купецъ Лакруа, имѣвъ нужду побывать во Франціи, поручилъ мнѣ въ маѣ свой домъ и торгъ, а французскій консулъ г-нъ Остеръ опредѣлилъ меня своей канцеляріи переводчикомъ для французскихъ и американскихъ дѣлъ. Съ онымъ купцомъ Лакруа послалъ я о себѣ извѣстіе въ Парижъ г-ну статскому совѣтнику Хотинскому, который, привыкши по доброй своей душѣ имѣть обо мнѣ попеченіе со времени моего воспитанія при посольствѣ россійскомъ, не преминулъ исходатайствовать здѣсь, человѣколюбивымъ стараніемъ г-на колежскаго совѣтника Николая Павловича Кондоидія, отъ моихъ сродниковъ помощь для моего возвращенія изъ толь отдаленной страны.

„Въ началѣ 1787 года получивъ желаемый отвѣтъ изъ Европы, поѣхалъ я изъ Виргиніи въ Мартинику съ паспортомъ и атестатомъ консульскимъ, для сложенія съ себя званія россійскаго переводчика и получивъ въ августѣ отъ команды увольненіе съ атестатомъ, оставилъ сей островъ 6-го ноября и, по двумѣсячномъ плаваніи, пріѣхалъ во Францію 5-го января сего 1788 года,[11]) а въ іюлѣ мѣсяцѣ отправился я изъ Парижа въ Россію съ помощію г-на Хотинскаго съ живописцемъ, отданнымъ подъ мое смотрѣніе, бывшимъ его императорскаго высочества пенсіонеромъ Иваномъ Ермѣневымъ,[12]) коего я благополучно въ Россію привезъ".

Примѣчанія Н. П. Дурова.

1) Записка Ѳ. В. К. носитъ офиціальный характеръ и потому въ ней почти ничего не говорится объ отношеніяхъ Каржавина къ отцу и женѣ и другихъ болѣе или менѣе интимныхъ сторонахъ его жизни, а потому нѣкоторые пропуски и недомолвки мы пополняемъ по имѣющейся у насъ перепискѣ его и по другимъ документамъ.

2) Въ Парижѣ молодой Каржавинъ былъ отданъ на попеченіе дяди Ерофея Каржавина, который жилъ во Франціи болѣе 10-ти лѣтъ; подробности о пребываніи Ерофея Каржавина во Франціи изложены въ запискѣ о немъ, поданной отъ 23-го августа н. ст. 1756 года, професоромъ политической исторіи Жанъ-Льи Барбо де-ла-Брюеръ д'Ельваръ королю Людовику XV, и которую мы сообщаемъ въ приложеніи. Когда Ерофей Каржавинъ возвратился въ Россію, Ѳедоръ Васильевичъ былъ отданъ подъ надзоръ професора греческаго языка Горисана. Съ поступленіемъ на службу при посольствѣ нашемъ, онъ переселился въ домъ посланника кн. Голицына; тутъ онъ познакомился и сблизился съ Николаемъ Константиновичемъ Хотинскимъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ поступилъ въ колегію Ликсіе (Lixieux) и какъ показываютъ сохранившіеся школьные атестаты его, атестовался каждый годъ первымъ ученикомъ. Изъ этой колегіи 11-ти лѣтвій Каржавинъ писалъ письма къ отцу и матери на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Изъ колегіи Ликсіе Каржавинъ поступилъ уже въ Парижскій университетъ.

3) Съ извѣстнымъ архитекторомъ нашимъ Василіемъ Ивановичемъ Баженовымъ (1737 † 1799), Каржавинъ познакомился на пути изъ Парижа въ Рос-

сію, въ 1765 году, и пользовался дружбой его до самой кончины Василія Ивановича. Послѣ смерти его онъ хлопоталъ по дѣламъ его вдовы.

4) Генрихъ де-Лави былъ въ теченіе 40 лѣтъ домашнимъ учителемъ въ Россіи. Съ 1765 г. онъ читалъ лекціи французскаго языка въ Московскомъ университетѣ. Умеръ въ октябрѣ 1770 года.

5) Этой привилегіей Каржавинъ воспользовался и открылъ школу въ Москвѣ. Въ числѣ учениковъ его были купеческіе сыновья Москвины, которые впослѣдствіи пріютили Каржавина, когда мать изгнала его изъ своего дома. Въ 1790 г. Каржавинъ и жена его были приняты въ домѣ Москвиныхъ какъ родные.

6) Въ тетрадкѣ, сохранившейся между бумагами Каржавина и озаглавленной Voyage d'Hollande en $17\frac{16}{VII}73$, выѣздъ его изъ Россіи описанъ подробнѣе: «Рѣшившись ѣхать въ чужіе края искать счастія, при помощи Демидова, я взялъ отпускъ подъ предлогомъ болѣзни въ концѣ апрѣля 1773 года. Въ началѣ іюня я выѣхалъ изъ Москвы со своимъ багажемъ... Пара лошадей отъ Москвы до Петербурга стоила мнѣ 12 рублей, со мной было 4 пуда багажу. Мы провели 12 дней въ дорогѣ и на 12-й день, утромъ, я доѣхалъ счастливо до Петербурга. Въ Петербургѣ я остановился у Солодовникова, которому Демидовъ поручилъ отправить меня въ Голландію вмѣстѣ съ сыномъ Г. М. Станиславскаго Кирилломъ Сергѣевичемъ. Въ тотъ же день былъ у сестры Елисаветы (Елисавета Васильевна была замужемъ за Гавриломъ Игнатьевичемъ Козловымъ, професоромъ живописи) и нѣсколько дней спустя былъ у другой сестры Евдокіи (Евдокія Васильевна была замужемъ за Ананіевскимъ).

«25-го іюня (1773 г.) я получилъ мой паспортъ изъ колегіи иностранныхъ дѣлъ черезъ посредство Баженова и Шарапова.

«На другой день я засвидѣтельствовалъ его въ адмиралтействѣ и въ полиціи. Въ Кронштадтъ я поѣхалъ со Станиславскимъ 8-го іюля на шлюпкѣ; по пріѣздѣ, мы отправились на голландскій двухъ мачтовый галіотъ «Johanna en Piete», управляемый капитаномъ Рейну Лоренсомъ, чтобы условиться съ нимъ въ переѣздѣ въ Голландію. 9-го іюля я засвидѣтельствовалъ мой паспортъ въ кронштадтской полиціи и адмиралтейской конторѣ, и когда 10-го числа я собирался явиться на кронштадтской биржѣ, меня задержалъ отецъ, пріѣхавшій въ Кронштадтъ изъ Ораніенбаума съ зятемъ Ананіевскимъ; онъ остановилъ меня и я, подъ конвоемъ одного солдата, былъ отправленъ въ адмиралтейскую колегію при рапортѣ контръ-адмирала Синявина (Николая Ивановича), въ которомъ значилось, что я собирался бѣжать за границу съ фальшивымъ паспортомъ и, по удостовѣренію отца, обокралъ его и даже покушался на его жизнь. Меня держали подъ арестомъ адмиралтейской колегіи 11—12-го іюля; въ этотъ день меня переслали въ колегію иностранныхъ дѣлъ; тамъ меня посадили, и г-нъ Курбатовъ привезъ меня къ Козлову. 13-го—я получилъ отъ него мой паспортъ съ приказаніемъ тотчасъ-же ѣхать въ Кронштадтъ.»

Послѣ этого Ѳ. В. удалось выбраться изъ Россіи; въ этомъ разсказѣ Каржавинъ умалчиваетъ о томъ, какъ Синявинъ предлагалъ обиженному отцу его услуги своихъ матросовъ и большой выборъ кошекъ, (родъ плетей) на случай если бы отецъ захотѣлъ поучить своего сына. Въ письмѣ за границу къ Ѳедору Васильевичу отецъ напоминаетъ ему объ этомъ и о томъ, что онъ не воспользовался обязательнымъ предложеніемъ Синявина.

7) Извѣстнаго Прокопія Акинѳіевича Демидова.

8) Каржавинъ официально назначаетъ день своей свадьбы 15-е февраля

1774 г., но въ публикаціи, по которой онъ розыскивалъ впослѣдствіи жену свою, онъ говоритъ, что женился въ 1776 году. Каржавинъ былъ женатъ на бѣдной сиротѣ, дѣвицѣ Шарлотѣ Рамбуръ, бывшей въ ученьи у модистки Гульямъ и учившейся убирать и чесать волосы у г-жи Дюбургъ. Жена его, во время отсутствія его изъ Парижа, сперва занималась шитьемъ, потомъ жила въ услуженіи и, задумавъ посвятить себя воспитанію дѣтей въ Россіи, занималась теоретическимъ изученіемъ французскаго языка и географіи. Сравнивая письма ея къ мужу въ первое время и потомъ, видно, что она сдѣлала большіе успѣхи въ грамматикѣ.

9) Каржавинъ жилъ въ Парижѣ и уѣхалъ изъ него подъ фамиліей Лами (Lamy). Настоящей причиной выѣзда его изъ Парижа была размолвка съ женою. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ подготовилъ 4 перевода съ русскаго для изданія: 1) Voyage du Spitsberg, 2) Instructions Chrétiennes, 3) Mythologie Russo-Slavonne и 4) Pierre d'achoppement. Не знаемъ удалось-ли ему напечатать свои переводы; въ каталогахъ не встрѣчается книгъ съ такими заглавіями; что же касается до оригиналовъ, съ которыхъ сдѣланы имъ эти переводы, то 1-й кажется, переводъ: «Приключенія 4-хъ россійскихъ матросовъ, къ острову Шпитсбергену бурею принесенныхъ». Спб. 1772 г., въ 12°; 2-й —«Правила христіанскія, руководствующія къ истинному образованію ума и сердца». М. б. озн. года въ 8°; 3-й вѣроятно переводъ «Русско-славянскаго баснословія»—Чулкова, изд. въ М. 1762 г., въ 8°; и 4-й—«Камень соблазна или историческое изъясненіе о началѣ разъединенія церквей восточной и западной», соч. Ильи Минятіи. Книга эта была издана позже въ 1783 г., но можетъ быть переводъ сдѣланъ съ рукописнаго русск. перевода или съ греческаго; другихъ книгъ съ подходящими заглавіями мы не нашли у Сопикова, Смирдина и Плавильщикова.

10) Въ письмѣ къ отцу, отъ 1-го сентября 1785 года, Каржавинъ пишетъ: «Лѣтъ тому 6 или 7 будетъ, какъ я жилъ на коштѣ виргинскаго правительства мѣсяцевъ 6 въ Вильямсбургѣ, гдѣ намѣревался быть посланнымъ къ россійской государынѣ отъ американскаго конгреса съ публичнымъ характеромъ въ то время, какъ тѣ (американцы) отправили доктора Франклина къ королю французскому полномочнымъ министромъ; но обстоятельства военныя и нѣкоторые перевороты въ американскихъ дѣлахъ, памятованье, что я былъ у васъ не въ милости и страхъ отъ россійскаго министра Панина, ежели-бъ я, русскій человѣкъ, посланъ былъ ко своей государынѣ въ публичномъ званіи отъ иностранной короны и проч., причинили мнѣ предпочесть возвратиться въ Мартинику...»

11) По пріѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ тотчасъ началъ розыскивать жену; для этой цѣли онъ отнесся къ полицейскому управленію тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ ожидалъ найти ее, и когда эта попытка оказалась безъуспѣшной онъ сдѣлалъ публикацію, по которой и розыскалъ ее. Поживъ съ нею, онъ отправился на родину. Изъ писемъ видно, что жена не хотѣла за нимъ слѣдовать въ Россію, такъ что онъ рѣшился, устроивъ свои дѣла по наслѣдству, выхлопотать себѣ мѣсто при посольствѣ или при консульской конторѣ, что бы ѣхать самому за границу, но дѣла задержали его въ Россіи.

12) Ермѣневъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину: онъ пьянствовалъ, заводилъ ссоры и былъ замѣшанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, свѣдали о его проказахъ и онъ лишился покровительства в. кн. Павла Петровича; полагая, что Каржавинъ и Хотинскій распустили худую молву объ немъ, Ермѣневъ всячески вредилъ Ѳедору Васильевичу, ссорилъ его съ родными и т. п.

Н. Д

II.

Помѣщенная выше автобіографическая записка Каржавина написана имъ для того, чтобы представиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ о мѣстѣ при посольствѣ или при консульскихъ конторахъ за границей. Ѳедоръ Васильевичъ полагалъ что связи, пріобрѣтенныя имъ внѣ Россіи, помогутъ ему принести пользу на этомъ поприщѣ, и имѣлъ въ виду сойтись въ тоже время съ женой, которая, повидимому, не рѣшалась еще ѣхать въ Россію.

Мы прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу Каржавина по письмамъ его къ женѣ за границу и по другимъ его бумагамъ; но предварительно считаемъ необходимымъ оговориться, что справедливость разсказа Каржавина о его приключеніяхъ подтверждается паспортами его, атестатами и другими документами, имѣющимися у насъ въ подлинникѣ.

Мы говорили, что Каржавинъ собирался, при первой возможности, поступить на русскую службу и искалъ мѣста внѣ Россіи, но дѣла по наслѣдству задержали его въ Петербургѣ и онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, увидѣлъ, что присутствіе его здѣсь необходимо; такъ отъ 25-го августа 1787 года онъ пишетъ женѣ:

„Будьте здоровы другъ мой, цѣлую васъ отъ всего сердца, цѣлую портретъ вашъ! Съ какою радостью я расцѣловалъ бы васъ самихъ на родной землѣ, въ кругу родныхъ, передъ старухой матерью. Вы—моя жена и она, во всякомъ случаѣ, должна признать васъ дочерью; впрочемъ я думаю, что она встрѣтила-бы васъ какъ дочь родную, а не какъ жену сына; она искренне желаетъ видѣть васъ подлѣ себя, чтобы вы утѣшили ее на старости лѣтъ... Мать и родные встрѣтили меня радушно; они видимо были огорчены, что я пріѣхалъ безъ васъ и обманулъ ихъ ожиданія; они думали встрѣтить меня съ женой и съ полу-дюжиной ребятъ. Бракъ мой давно имъ извѣстенъ; они видѣли вашъ портретъ и допрашивали объ васъ Ермѣнева; я воюю съ ними по поводу обручальнаго кольца, однако жъ до сихъ поръ ничего не говорилъ имъ о нашей свадьбѣ. Они поговариваютъ, что нехорошо намъ жить на два дома, потому что это влечетъ за собою лишніе расходы; кромѣ того, они ожидаютъ, что я, при первой возможности, уѣду къ вамъ, тогда какъ желали бы, напротивъ того, видѣть васъ здѣсь; они полагаютъ, что мы могли бы поселиться у матушки, съ тѣмъ, что бы я взялъ на себя веденіе ея дѣлъ, которыхъ ей поручить рѣшительно некому. Братъ мой слишкомъ молодъ, ему всего 20-й годъ, но онъ, по необходимости, со смертію

отца и за моимъ отсутствіемъ, завѣдуетъ всѣмъ; онъ купилъ домъ въ 80 т. ливровъ, говоря, что пріобрѣтаетъ его для меня, но записалъ его на свое имя. Мать, по старости своей, не имѣетъ силъ съ нимъ справиться и онъ дѣлаетъ что хочетъ; сами посудите, какія это можетъ имѣть послѣдствія. Въ результатѣ оказывается, что я живу у брата, хотя всѣ величаютъ меня хозяиномъ. Я знаю, что существуетъ какое-то духовное завѣщаніе, составленное за два часа до смерти отца, написанное и подписанное священникомъ, но не самимъ отцемъ; оно составлено въ ихъ пользу и не въ моихъ интересахъ, нигдѣ не засвидѣтельствовано и мнѣ боятся показать его, говорятъ, что отецъ ничего не оставилъ (ходятъ слухи, что онъ имѣлъ капиталъ въ 300,000), тогда какъ на моихъ глазахъ купленъ домъ, я вижу лошадей, экипажи; вижу, что сорятъ деньгами и право не знаю чѣмъ все это кончится".

Покуда устраивались его дѣла, Каржавинъ жилъ съ матерью, которая оказалась скупая, полу-помѣшанная старуха; его опутали дрязгами, перессорили съ замужними сестрами и онъ рѣшился наконецъ взять отъ матери, что она дастъ и ѣхать за границу; былъ готовъ уже паспортъ и онъ совсѣмъ собрался въ дорогу, но родные заподозрили его, что онъ взялъ отъ матери болѣе чѣмъ ему слѣдовало и начали дѣло, что и задержало его въ Россіи. По проискамъ родныхъ, онъ поссорился съ матерью, которая выгнала его изъ дому, такъ что онъ принужденъ былъ переѣхать къ бывшему ученику своему, купцу Москвину.

Въ 1791 году, 26-го августа, мать Каржавина была убита; подозрѣніе падало на брата его, но по суду онъ былъ оправданъ; убійцами оказались люди, жившіе въ услуженіи. По смерти матери возникаетъ новый процесъ о наслѣдствѣ; покуда онъ тянется, дѣла покойной остаются на рукахъ его брата, который, находя это выгоднымъ для себя, старается запутывать и тянуть дѣло по наслѣдству сколько можетъ; такъ что Каржавинъ отказывается уже отъ мысли ѣхать въ чужіе края, тѣмъ болѣе, что къ этому времени пріѣхала жена его въ Петербургъ. Во все время время пребыванія ея въ Парижѣ, Каржавинъ высылалъ ей изъ Россіи по 1,200 франковъ ежегодно, пересылая сверхъ того что могъ. Она пріѣхала въ Петербургъ 31-го іюля 1791 года, но и здѣсь имъ не суждено было сойтись; неизвѣстно что помѣшало имъ жить вмѣстѣ, жена-ли по прежнему не захотѣла оставаться съ нимъ или средства не позволяли имъ обзавестись своимъ домомъ, только изъ писемъ видно, что она жила въ Москвѣ въ гувернанткахъ у Ивана Петровича Архарова, бывшаго при императорѣ Павлѣ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Далѣе мы нашли въ бумагахъ подорожную, выданную ей въ 1801 году на проѣздъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, и официальное извѣщеніе о смерти ея, изъ котораго видно, что она умерла въ 1807 году, въ Курскѣ, и похоронена у церкви Успенья Богородицы въ этомъ городѣ.

Рѣшившись остаться навсегда въ Россіи, Каржавинъ искалъ себѣ занятій, и когда со смертью Екатерины II, Баженовъ вошелъ въ силу при Павлѣ Петровичѣ, онъ выхлопоталъ ему, въ 1797 году, мѣсто переводчика въ колегіи иностранныхъ дѣлъ; этою должностью кажется и закончилась служебная карьера Өедора Васильевича. Спустя три года послѣ смерти первой жены, Каржавинъ женился на Надеждѣ Никитичнѣ Барановой, отецъ которой служилъ въ дирекціи императорскихъ театровъ. Вторая жена пережила Өедора Васильевича. Онъ умеръ въ 1812 году, какъ значится въ замѣткѣ Сулакадзева, которому достались всѣ бумаги Каржавина.

III.

Автобіографическая записка, какъ мы предупреждали, не вполнѣ знакомитъ съ оригинальной личностью Каржавина, которая гораздо рельефнѣе и живѣе рисуется въ перепискѣ его съ отцомъ и женою. При ближайшемъ знакомствѣ съ интимной стороной его жизни по этимъ письмамъ, гдѣ онъ высказывается съ полной откровенностью, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ много чисто народныхъ особенностей, присущихъ русскому человѣку, которыя сохранились въ немъ, несмотря на заграничное воспитаніе. Өедоръ Васильевичъ не теряется въ самыя трудныя минуты жизни, и, выражаясь его словами: „преисполненный русскимъ неунывающимъ духомъ“ находитъ исходъ. Увѣренный, что, благодаря многосторонней образованности и природной русской смѣткѣ, онъ нигдѣ не пропадетъ, Каржавинъ, если ему не везетъ въ Россіи, ѣдетъ во Францію; тамъ не поладилось—отправляется на Мартинику, въ Америку, идетъ на самыя рисковыя предпріятія, словомъ, вездѣ найдется и выйдетъ цѣлымъ изъ всѣхъ жизненныхъ передрягъ, не измѣнивъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Онъ, когда того потребуетъ судьба, является поперемѣнно учителемъ, архитекторомъ, докторомъ, аптекаремъ, служитъ при консульской конторѣ или занимается табачной фабрикаціей. Необходимость работать изъ-за куска насущнаго хлѣба гонитъ его отъ одной дѣятельности къ другой, не давая времени остановиться на чемъ-нибудь и заставляетъ его тратить на мелочи разнообразныя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ долгимъ ученіемъ и которыя, при дру-

гихъ условіяхъ, могли быть употреблены производительнѣе. Такимъ образомъ въ результатѣ его лихорадочной дѣятельности выходитъ то, что онъ имѣлъ полное право, въ письмѣ къ отцу, говоря о томъ, что онъ не ищетъ ни чьей милости, сказалъ про себя: „я заслужилъ (ее) своими достоинствами, своимъ трудомъ, своею наукою", потому что онъ, чуждаясь всякихъ заискиваній, дѣйствительно съумѣлъ пріобрѣсти уваженіе и полное довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло и вообще сталкивался въ жизни. При всемъ этомъ онъ не можетъ подняться надъ общимъ уровнемъ, несмотря на несомнѣнныя дарованія и натуру, далеко не дюжинную. Заботы о насущномъ хлѣбѣ и о томъ, чтобы скорѣе вырваться изъ этого тяжелаго положенія, при которомъ гибнутъ его познанія и силы, и поскорѣе обезпечить свое существованіе и судьбу любимой имъ жены, заботы эти поглощаютъ всю его энергію.... чувствуя это, онъ съ горечью говоритъ въ письмѣ къ отцу: „я видѣлъ разные народы, знаю ихъ обычаи, ихъ промыслы, я измѣрилъ пучины и глубины иногда съ рискомъ моей жизни; но все то для кого и для чего? все то было напрасно! лучше было мнѣ быть башмачникомъ, нежели учиться и терять мою жизнь напрасно. Съ 3,000 руб. я жилъ по милости Демидова 12 лѣтъ и живу теперь, хотя потерялъ 2 корабля и былъ дважды въ плѣну, и теперь еще имѣю 3,000 рублей въ карманѣ бумажной американской монеты, но за границей (Америки) она полушки не стоитъ...."

Желая утишить въ себѣ потребность другой лучшей дѣятельности, вызванную образованіемъ и сознаніемъ, что и онъ, подобно другимъ, способенъ къ ней, онъ съ комичной важностью сравниваетъ себя съ Колумбомъ. „Я считаю себя не меньше Христофора Колумбуса,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—различіе только то, что онъ имѣлъ милость отъ своего государя, я же не имѣю ни отъ кого, и не желаю имѣть" или съ желчью относится къ заслугамъ тѣхъ, кто успѣлъ дать лучшее направленіе своей дѣятельности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря о томъ, что тѣло человѣка послѣ смерти разлагается на составные элементы, которые соединяются съ другими однородными въ природѣ, онъ прибавляетъ: „химія то мнѣ доказала, хотя я въ школѣ у Ломоносова не былъ, ибо безъ Ломоносова химикомъ быть можно; подите въ московскую аптеку, тамъ Езѐль въ одну недѣлю болѣе опытовъ сдѣлаетъ, чѣмъ Ломоносовъ въ годъ, а я въ Мартиниканской госпитали болѣе выучился въ одинъ годъ, нежели какъ могъ бы выучиться въ 10 лѣтъ въ Московской госпитали".

Каржавинъ съумѣлъ, благодаря честности своихъ убѣжденій, находить себѣ друзей и сохранять ихъ до конца жизни, несмотря на

всѣ жизненныя невзгоды. Одинъ изъ нихъ, совѣтникъ посольства нашего въ Парижѣ, Николай Константиновичъ Хотинскій, знавшій Каржавина съ дѣтства, пересылаетъ Николаю Павловичу Кондоиди письмо Каржавина къ матери и проситъ передать его по назначенію чрезъ Гаврилу Игнатьевича Козлова (зятя Каржавина); при этомъ онъ прибавляетъ: „не знаю, въ какомъ духѣ и слогѣ она (т. е. мать Каржавина) ему писала, а буде въ сходственныхъ съ расположеніями, въ каковыхъ нашли вы ее, когда просили ее, чтобы она прислала къ сыну денегъ,[1]) то, можетъ, осторожнѣе поступилъ бы Гаврила Игнатьевичъ, если бы вскрылъ то письмо, яко къ нему надписанное, и, смотря по содержанію, показалъ бы оное матушкѣ его или бы объ ономъ совсѣмъ утаилъ. Господинъ Каржавинъ бывалъ очень горячъ, онъ все напрямикъ говаривалъ, а какъ и теперь изъ письма его увидите, что индо проскакиваетъ, какъ онъ твердъ въ образѣ своихъ мыслей, то предосторожнѣе будетъ, еслибъ Гаврила Игнатьевичъ разсмотрѣлъ, нѣтъ-ли чего въ ономъ оскорбительнаго матушкѣ г-на Каржавина или памяти покойнаго его отца, которою легко статочною съ его стороны невоздержанностью могъ бы иногда дѣла свои испортить“.

Изъ приведенной выше автобіографической записки видно, что самая первая невзгода, выпавшая на долю 23-хъ-лѣтняго Каржавина, была ссора съ отцомъ его. Эта ссора, какъ видно изъ переписки, и побудила его главнымъ образомъ оставить Россію. Отецъ его, купецъ 1-й гильдіи, Василій Никитичъ Каржавинъ, былъ, повидимому, человѣкъ образованный; онъ зналъ языки настолько, что могъ самъ учить сына латинскому языку, и, какъ говоритъ Ѳ. В. Каржавинъ, съумѣлъ развить въ немъ любовь къ наукамъ; но выросшій въ понятіяхъ о безусловной власти родителей надъ судьбою дѣтей ихъ и надѣленный отъ природы твердымъ и деспотичнымъ характеромъ, онъ не могъ простить сыну его „неповиновенія волѣ родительской“.

Въ примѣчаніи къ запискѣ Ѳ. В. Каржавина, описывая подробности выѣзда его изъ Россіи, мы видѣли, какъ отецъ былъ твердъ въ намѣреніи заставить сына исполнить свою волю; эта твердость и стойкость въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ перешла по наслѣдству къ Ѳедору Васильевичу.

Для того, чтобы выяснить себѣ отношенія между отцомъ и сыномъ, надо припомнить что Ѳедоръ Васильевичъ съ 11-ти лѣтъ воспиты-

---

[1]) Въ это время отецъ Каржавина умеръ и ему слѣдовало получить наслѣдство. Деньги просили у его матери для того, чтобы дать ему средства возвратиться изъ Америки въ Россію. Н. Д.

вался внѣ дома родительскаго и связь его съ семьей поддерживалась только перепиской, которая мало по малу изъ интимной переходитъ въ дѣловой тонъ. Отецъ его, какъ человѣкъ богатый, не жалѣлъ средствъ для воспитанія сына; по отъѣздѣ дяди, Ерофея Каржавина, въ Россію, Ѳедоръ Васильевичъ былъ отданъ подъ надзоръ профессора греческаго языка Герисона, который получалъ отъ отца Каржавина ежемѣсячно по 1,000 франковъ. Герисонъ былъ человѣкъ семейный и небогатый; изъ боязни потерять выгоднаго пансіонера, онъ старался внушить отцу Каржавина опасенія за нравственность его сына, выставилъ передъ отцомъ разныя дурныя наклонности, подмѣченныя будто-бы въ молодомъ Каржавинѣ, и необходимость своихъ попеченій о немъ. Отецъ не имѣлъ возможности провѣрить его, и, вслѣдствіе постоянныхъ наговоровъ Герисона, довѣріе его къ сыну поколебалось; это конечно отразилось въ перепискѣ и охладило къ къ нему сына; этимъ недовѣріемъ, которое особенно тяжело для человѣка правдиваго, объясняется та рѣзкость и сухость отношеній Ѳедора Каржавина къ отцу, которая развилась еще болѣе послѣ ссоры между ними въ Петербургѣ, имѣвшей такое роковое вліяніе на судьбу Каржавина.

Съ отъѣздомъ его за границу между сыномъ и отцомъ завязывается переписка, и въ письмахъ его къ отцу, съ особенной рѣзкостью, высказываются его убѣжденія.

Во время своихъ странствованій Каржавинъ заболѣлъ и болѣзнь приняла-было такой серьезный характеръ, что онъ, опасаясь за свою жизнь, рѣшается примириться съ отцомъ и пишетъ ему: „прошу васъ слезно предать забвенію досады, которыя могъ я вамъ причинить, и не уносить съ вами въ гробъ память таковыхъ вещей, которыя должны оставаться на поверхности земли и происходятъ часто отъ несносности (т. е. невыносливости) и нетерпѣливости младого, отъ вольной крови рожденнаго, человѣка. Да какая бы вамъ радость (была), что за утѣха, если бы вы узнали во мнѣ рабскій духъ и подлость человѣка, рожденнаго подъ игомъ холопства? Я никогда не удалялся отъ почтенія, которое я имѣю къ родившему меня; но удаляяся отъ ударовъ и угрозъ того человѣка, между коимъ и мною долженствовалъ быть сладчайшій любви союзъ—дошелъ я до того, (что) вырвался изъ таковой опасности; не захотѣлъ я, чтобы отецъ своею свирѣпостью подвергъ себя суду законному; спасся я бѣгствомъ въ чужіе края отъ его угрозъ; обиды я ни въ единой полушкѣ ему не причинилъ, и тѣмъ сталъ-ли я виноватъ, что не подложилъ своей головы подъ подъятое уже надъ нею полѣно; весьма чудное было бы и смѣху достойное сыновнее повиновеніе, когда бы сынъ подвергъ

себя отцовскому свирѣпству и допустилъ бы его быть сыноубійцею Спасъ человѣкъ свою жизнь и тѣмъ виноватъ! Авраамъ, проснувшись, говоритъ сыну, что Богъ ему во снѣ приказалъ заколоть его, и сынъ шею свою протянулъ на бревно, потому что онъ долженъ не только повиноваться отцу, но и любить его, когда онъ ему шею хочетъ перерѣзать; чудный законъ! чудная любовь! во дни Авраама людямъ все то грезилось, а во дни Екатерины людямъ не грезится, но они видятъ и просвѣщаются свѣтомъ, изліяннымъ на ихъ разумъ изъ престола того, кто былъ, есть и будетъ источникомъ всякого просвѣщенія! И такъ, милостивый родитель, прости бѣднаго Исаака, что онъ шею свою отъ вашего ножа скрылъ, по волѣ и по опредѣленію Божества, а не по своей непокорности, ибо его покорность была бы вамъ самимъ вредна и безчестна".

Отецъ при своемъ твердомъ характерѣ не могъ не уважать въ сынѣ своемъ той же твердости, и хотя самолюбіе его было затронуто непочтительнымъ поведеніемъ сына, такъ что онъ сыплетъ на него сперва проклятія и ругательства, но потомъ гнѣвъ его стихаетъ и онъ ищетъ своего сына, чтобы примириться съ нимъ, но поиски его были безуспѣшны; онъ такъ и умеръ — 17-го марта 1786 г.—не видавъ сына Θедора.

Религіозныя убѣжденія Каржавина тоже, для того времени, вполнѣ своеобразны; онъ, какъ видно изъ приведенной выписки, признавалъ Божество какъ источникъ свѣта, просвѣщающаго разумъ людской, какъ источникъ истиннаго просвѣщенія, которое не дозволяетъ торжествовать неправдѣ въ жизни и вѣрилъ въ силу его, подъ покровомъ котораго истинное достоинство и правота не нуждаются въ покровительствѣ сильныхъ міра, но пролагаютъ дорогу сами... Онъ яснѣе высказывается въ этомъ смыслѣ въ отвѣтѣ на письмо отца, въ которомъ тотъ посылаетъ ему проклятіе: „Всемогущій Богъ,—пишетъ ему въ отвѣтъ Каржавинъ,—не можетъ быть свидѣтелемъ творимаго человѣку зла и Его именемъ оное творить есть оскверненіе имяни Божьяго, злое употребленіе Его всемогущества. Да желаніе, чтобъ источникъ добротъ сдѣлался источникомъ зла, есть грѣхъ противу Бога; не Его имянемъ, но призваніемъ дьявола творятся такія дѣла, а понеже діавола нѣтъ иного, кромѣ угрызенія совѣсти въ человѣкѣ, слѣдовательно все то вѣтеръ".

При такихъ понятіяхъ Θедоръ Каржавинъ отвергалъ внѣшніе обряды; на вопросъ жены, какъ желаетъ онъ крестить ребенка: по католическому или по православному обряду, онъ отвѣчаетъ: „Дѣтей крестили еще до христіанства, крестины—омываніе новорожденнаго; мнѣ рѣшительно все равно какъ умоютъ моего ребенка, по католи-

ческому или по православному обряду. Въ обѣихъ церквахъ каѳолическихъ одинъ Богъ и одинъ законъ Божественный и одни крестины. Если бы я былъ съ вами, я зналъ бы какъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ, а если ты съ ребенкомъ въ Парижѣ, то и дѣлайте такъ, какъ у васъ тамъ принято". На опасеніе жены, какъ примутъ его бракъ съ католичкой, онъ отвѣчаетъ: „Въ Россіи полная вѣротерпимость; у насъ можно жениться на католичкѣ, лютеранкѣ, хоть на магометанкѣ — для брачныхъ наслажденій нужна любимая женщина, а не религія".[1])

Бракъ его окруженъ какою-то таинственностью. Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ пишетъ: „Можетъ быть мнѣ представится скоро случай писать къ Хотинскому и можно будетъ вложить въ конвертъ письмо на твое имя. Можетъ случиться, что при видѣ твоего адреса онъ полюбопытствуетъ взглянуть на тебя; это маленькій человѣчекъ, вѣжливый до утонченности, въ выраженіи лица его проглядываетъ тонкость и въ глазахъ его много проницательности; онъ одѣвается скромно и носитъ крестъ въ петличкѣ. Если онъ придетъ къ тебѣ, прими его прилично, какъ жена русскаго офицера, и будь осмотрительна въ разговорахъ. Помни же день нашей свадьбы — 15-е февраля 1774 г., — отецъ Симеонъ[2]) благословилъ нашъ бракъ у насъ на квартирѣ передъ двумя свидѣтелями, одинъ изъ нихъ умеръ, другой или не знакомъ тебѣ, или уѣхалъ изъ Парижа. Впрочемъ, такія подробныя объясненія наврядъ потребуются, можетъ быть ты не встрѣтишь ни одного русскаго, но слѣдуетъ всегда быть готовымъ на случай..."

Въ семейной жизни Каржавинъ былъ несчастливъ; жена его, какъ видно изъ писемъ, вскорѣ послѣ того какъ сошлись они, почувствовала къ нему охлажденіе, но онъ былъ искренно привязанъ къ ней до конца жизни. Высказывая въ своихъ письмахъ искреннюю и предупредительную привязанность къ женѣ и всегдашнюю готовность сойтись съ нею, Ѳ. В. Каржавинъ никогда не навязываетъ ей своихъ чувствъ и не требуетъ отъ нея взаимности; въ трудныя минуты жена обращается къ нему, предлагаетъ сойтись и жить вмѣстѣ; тогда онъ, понимая настоящее значеніе такихъ порывовъ, кротко и осторожно высказываетъ ей это; вотъ напримѣръ какъ отвѣчаетъ онъ женѣ изъ Мартиники на письмо ея, въ которомъ она вызываетъ его въ Парижъ:

„Въ письмѣ вашемъ, отъ 25-го мая 1777 г., вы совершенно не

---

[1]) Каржавинъ переписывался съ женой на французскомъ языкѣ, такъ что выдержки изъ писемъ его къ ней приводятся въ русскомъ переводѣ. **Н. Д.**

[2]) Отецъ Симеонъ Матіевъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. **Н. Д.**

заслуженно упрекаете меня; вы пишете, что вы всегда видѣли во мнѣ не только друга, но почитали меня какъ отца и смотрѣли на меня какъ на мужа вашего; вы знаете, другъ мой, былъ-ли я имъ, и, не въ упрекъ вамъ говоря, еслибы вы только захотѣли, я никогда не разстался бы съ вами и не подвергалъ себя опасностямъ; вы имѣли бы тогда удовольствіе видѣть теперь подлѣ себя мужа и друга Лами. (Вымышленная фамилія, подъ которой жилъ Каржавинъ во Франціи). Капризъ вашъ былъ причиною выѣзда моего изъ Парижа... я, по крайней мѣрѣ не знаю другой причины отъѣзда своего... Благодарю васъ, другъ мой, за тѣ чувства, которыя вы мнѣ высказываете, но онѣ вѣдь проявились только тогда (когда?) я живу на разстояніи 1,800 льё отъ васъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда моего вы уже ожидаете моего возвращенія и обѣщаетесь дать мнѣ согласіе, котораго я такъ тщетно ожидалъ отъ васъ, давно пора! но по пословицѣ уксусомъ не приманишь мухъ; не забудьте, что мнѣ уже 36 лѣтъ, а не 18, вѣдь для того, чтобы возвратиться въ Парижъ, надо заплатить за одинъ переѣздъ 600 франковъ, а если счесть всѣ дорожные расходы, то путешествіе это обойдется мнѣ въ 1,000 франковъ, чѣмъ же мы тогда будемъ жить съ вами? Конечно, жить подлѣ васъ, другъ мой, большое счастіе, но оно не должно быть отравлено нуждой. Согласіе, о которомъ вы пишете въ письмѣ вашемъ, само собою разумѣется, дороже для меня всякаго богатства; но человѣкъ вѣдь животное, которое не можетъ жить однимъ воздухомъ: безъ хлѣба и вина любовь хладѣетъ и мерзнетъ, говоритъ латинская пословица. Я потерялъ три года, 2 корабля и все, что имѣлъ въ новой Англіи, болѣе 20 разъ въ теченіе этого времени я рисковалъ жизнію и послѣ всего этого я поставленъ теперь въ необходимость жить у другихъ, и обогащать ихъ своимъ трудомъ и впереди мнѣ не видно исхода изъ этого тяжелаго положенія; изъ-за чего все это? все изъ-за одного рокового *нѣтъ*, сказаннаго той, которая хотѣла быть *дѣвицей* Лами и не соглашалась сдѣлаться мадамъ Каржавиной; но, прочь всѣ гордыя мечты о счастіи! Помни бѣднякъ Лами, что ты надолго потѣрялъ ея гордое сердце; что ты больше ничего какъ несчастный аптекарь и вари свои лекарства для храбрыхъ солдатъ, которые отомстятъ врагамъ твоимъ Англичанамъ за твое раззореніе; не мечтай же о счастіи, которое не для тебя существуетъ на свѣтѣ; ты думалъ заслужить его...[1]) и нѣжностью, но всѣ твои усилія были безплодны подлѣ нея, а теперь, когда ты уѣхалъ за 1,500 льё, можешь-ли ты

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ бумага истлѣла и нельзя разобрать одного слова.
Н. Д.

повѣрить въ возможность этого счастія? Вмѣсто того, чтобы летѣть по первому призыву за нимъ и по пріѣздѣ встрѣтить можетъ быть новый отказъ, который убьетъ тебя, живи въ покоѣ, да дѣлай свои пластыри, оно вѣрнѣе, не основывай несбыточныхъ надеждъ на словахъ, которыя можетъ быть вырвались въ трудную минуту, были вызваны минутнымъ порывомъ, который пройдетъ безъ слѣда... Что бы вы ни думали обо мнѣ, вѣрьте одному, что пока хотя капля крови течетъ въ моихъ жилахъ я не могу быть покойнымъ, пока не буду имѣть впереди надежды видѣть васъ покойной и счастливой; не думайте, чтобы я говорилъ съ вами въ эту минуту не отъ чистаго сердца; повѣрьте, все, что я написалъ вамъ, вылилось у меня прямо отъ души. Знаете какъ я люблю себѣ представлять васъ: воображеніе мое рисуетъ мнѣ васъ, живущей покойно въ Парижѣ, довольной необходимымъ въ жизни, безъ суетныхъ желаній. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ услышать отъ васъ то согласіе, о которомъ вы пишете и потомъ умереть у ногъ вашихъ, это было бы большое счастіе. Я столько разъ встрѣчался лицомъ къ лицу со смертію и столько безотраднаго видится мнѣ впереди, что жизнь становится въ тягость; я, правда, не терплю нужды, да и хорошаго-то ничего не вижу въ жизни, чтобы особенно дорожить ею..."

Въ дальнѣйшей перепискѣ, когда Каржавинъ сошелся на короткое время съ женой, но она не пожелала слѣдовать за нимъ въ Россію, видно, что онъ примирился со страннымъ положеніемъ своимъ относительно жены, которая то призываетъ его, то вновь отталкиваетъ. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ пишетъ:

„У меня никогда и въ помышленіи не было заставлять васъ страдать изъ-за меня, хотя мнѣ и было бы отчасти простительно быть немного злопамятнымъ, но я всегда и безъ ропота подчинялся волѣ того, кто создалъ капризныхъ женщинъ..."

Отношенія ихъ становятся болѣе покойныя и дружественныя: онъ повѣряетъ женѣ свои планы о будущемъ, свои мысли, свои дѣла какъ доброму и надежному товарищу; затѣмъ, если онъ и даетъ ей совѣты, то не менторскимъ тономъ, а какъ равный равному; мы отмѣчаемъ эту черту, какъ особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ то время. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ позволяетъ себѣ немного „позлопамятствовать" и вспоминая прежнія увлеченія жены, относится къ нимъ иногда цинично, но всегда добродушно.

IV.

Сочиненія и переводы Ѳ. В. Каржавина.

1) „Сравненіе древней архитектуры съ новою и собраніе десяти главныхъ авторовъ, которые писали о пяти чинахъ архитектурныхъ: а именно Палладіо и Скамоци, Серліо и Виньола, Барбари и Катанео, Альберти и Віола, Біолланъ и Делормъ—снесены между. Три чина греческой архитектуры: Дорическій, Іоническій и Коринѳическій составляютъ первую часть сего сочиненія. Два чина латинской архитектуры Тосканской и сложенный дѣлаютъ вторую часть онаго; съ фигурами и съ прибавленіемъ особливыхъ десяти досокъ, представляющихъ въ большомъ видѣ стулъ троянскаго столба, что въ Римѣ".

Съ французскаго языка перевелъ при экспедиціи строеній въ Москвѣ новаго дворца архитекторскій помощникъ Ѳедоръ Каржавинъ, 1770. Рукопись въ листъ (въ моей библіотекѣ).

2) „Сокращенный Витрувій или совершенный архитекторъ, сочин. Клюдъ-Перо, переводъ съ французскаго Ѳедора Каржавина. М., 1789, въ 8° (въ библіотекѣ Института инженеровъ Путей Сообщенія); у Сопикова и Плавильщикова нѣтъ, у Смирдина № 534, стр. 417.

3) Description d'un poux vue en microscope (en français et en russe) par Theodore Karjavine, m—e de pension de l'université de Moscua avec figures a Carouge de l'Impr. de Jean Thomas imprimeur du roi 1789, 4°, 2 нн. (посвящено à m-re Bellini professeur à l'université de Wiliamsbourg en Virginie) и 20 стр. съ изображеніемъ виши на большомъ листѣ; по кат. Черткова, новаго изд. № 263, вып. 2-й, стр. 508; по кат. Плавильщикова ошибочно показанъ Ѳ. Каржавинъ переводчикомъ, а не сочинителемъ и указано петербургское изданіе, котораго намъ не случалось видѣть; см. на стр. 30 его каталога № 364. Тоже у Соп. ч. 4, стр. 52, № 7540; у Смирдина нѣтъ.

Сочиненіе это хорошо знакомо библіографамъ, потому что русскій переводъ его набранъ русскимъ шрифтомъ въ Каружѣ, который былъ тогда небольшой деревней; они не могутъ объяснить себѣ появленія русскаго шрифта въ этомъ мѣстѣ; вопросъ этотъ тѣмъ болѣе для нихъ любопытенъ, что другого подобнаго изданія въ этомъ мѣстѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Письмо Каржавина къ женѣ разъясняетъ эту загадку; онъ пишетъ ей говоря о Томасѣ, черезъ котораго онъ ей переслалъ деньги: „говорятъ даже, что онъ, въ отсутствіе типографщика и безъ его вѣдома, захватилъ ящикъ съ пунсонами для русскаго шрифта, который онъ позабылъ возвратить при отъѣздѣ въ Парижъ, къ тому же онъ на одномъ изданномъ имъ листкѣ при-

своилъ себѣ титулъ типографщика ея величества, титулъ, на который онъ не имѣетъ никакого права, потому что онъ былъ здѣсь факторомъ типографіи (Императорской) и былъ подъ началомъ у директора... Жена его изъ Женевы переѣхала въ Ліонъ и нанялась къ прачкѣ Бертрандъ..."

4) Описаніе хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи, съ показаніемъ порядка, какой турецкіе, армянскіе, греческіе купцы, еврейскіе промышленники, также многіе христіанскіе, но большей части англійскіе торговцы, наблюдаютъ въ переѣздѣ черезъ большую и малую степь, на пути отъ Балсора до Алепа, перев. съ англійскаго. Ө. К. Спб., 1790, въ 8°. Въ кат. Смирдина, на стр. 173, № 2,323, имени переводчика не обозначено; по кат. Плавильщикова № 2,438 стр. 202, у Сопикова № 7,733, ч. 4, стр. 82, при этомъ обозначена полная фамилія переводчика.

5) Марка Витрувія Полліона объ Архитектурѣ, съ примѣчаніями Перо; съ французскаго, архитекторъ Василій Баженовъ и помощникъ его Өедоръ Каржавинъ. Спб., 1790—1797, 10 частей, въ 4°. (У Плавильщикова № 844, стр. 72 (по ошибкѣ Баженовъ названъ Бажановымъ); у Сопикова ч. 2, стр. 37, № 2,065; у Смирдина № 5,341, стр. 416. Въ послѣднемъ—фамилія Каржавина не значится и переводъ приписывается одному Баженову. Соч. это до сихъ поръ продается въ Акад. Наукъ, за исключеніемъ 3-хъ первыхъ частей, всѣ экземп которыхъ распроданы).

6) Ахухамукхама Талымъ Набы, или книга богословія Магометовой во увеселеніе меланхоликовъ, перев. съ французскаго Өедоръ Каржавинъ. М., 1783, въ 8°. (У Соп. ч. 2, стр. 40, № 2,087; у Плавильщикова стр. 139, № 1,611; у Смирдина стр. 69, № 890).

7) Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet avec des pièces relatives à la connaissance de cette langue publiées et augmentées par Theodore Karjavine, ancièn interprete pour le roi à la Martinique, à St.-Pb. 1791 г., въ 8° на 210 нн. стр. (есть въ Публичной библіотекѣ). Въ этой книгѣ напечатаны 3 сочиненія: 1) Remarque sur l'alphabet russien, сочиненіе Ерофея Каржавина, написанное еще во время пребыванія его въ Парижѣ. 2) Précis historique sur l'introduction des lettres en Russie, сочиненіе Өедора Каржавина. (Введеніе письма Кирилломъ и Меөодіемъ, начало книгопечатанія и введеніе новаго (гражданскаго) шрифта, краткія замѣтки, и 3) Mémoire d'observations sur quelques lettres russiennes à rendre exactement en français présentée à l'académie française par le professeur d'histoire et de politique J. L. Barbeau de la Bryère d'Elvar, en Mars 1762, revue et augmenté par l'editeur en 1789.

8) Новоявленный вѣдунъ, повѣдающій гаданія духовъ; невинное упражненіе во время скуки для людей не хотящихъ лучшимъ заниматься. Спб. 1795, 8°; у Смирдина стр. 432, № 5,519 (безъ имени автора); у Плавильщикова стр. 86, № 985 (имя автора обозначено буквами Ѳ. К.); у Соп. нѣтъ. Подъ объясненіемъ употребленія книги подпись: „Русскій Американецъ". Книжка составлена также какъ и нынѣ составляются подобные оракулы. Извѣстно, что Александръ Сумароковъ издалъ тоже „Любовную гадательную книжку" въ томъ же родѣ.

9) Фокусъ-покусъ или собраніе любопытныхъ, рѣдкихъ, удивительныхъ и забавныхъ ручныхъ искуствъ, новое изданіе съ прибавленіемъ многихъ полезныхъ хитростей и рѣдкихъ составовъ. Спб., 1795, въ 12°, книга посвящена Маріѣ Ивановнѣ Архаровой въ благодарность оказываемыхъ родителями ея милостей женѣ автора; у Смирдина стр. 430, № 5,488; у Плавильщикова стр. 89, № 1,022.

Въ предисловіи авторъ поясняетъ цѣль изданія своей книги: она предостерегаетъ юныхъ и неопытныхъ людей отъ удивленія такимъ забавамъ, которыя объясняются проворствомъ рукъ. Здѣсь есть задачи, разрѣшаемыя на основаніи наукъ, которыя входятъ въ планъ ученія дѣвицы Архаровой; въ ней, кромѣ забавнаго, есть и полезное. Въ самой книжкѣ сначала идутъ описаніе фокусовъ, основанныхъ какъ на проворствѣ рукъ, такъ и на законахъ физики, химіи и др. наукъ, но законы бо̀льшею частью не объяснены. Въ приложеніяхъ задачи въ родѣ слѣд.: Взвѣсить дымъ (возъ сѣна вѣситъ 500 ф., по сгараніи сѣна остается пеплу 50 ф., значитъ дымъ вѣситъ 450 ф.), измѣрить окружность земли, узнать по пальцамъ число дней въ мѣсяцѣ, опредѣлить вѣсъ земли, несгараемая рубашка (разсказъ о горномъ льнѣ) и т. п.

10) Французскіе, россійскіе и нѣмецкіе разговоры въ пользу начинателей, съ прибавленіемъ изъ сочиненій Крамера и Геллерта, Ѳ. Каржавина. Спб., 1807, въ 8°. (У Плавильщикова стр. 317, № 3,706; у Смирдина подъ № 5,890, на стр. 463 показано новое изданіе этой книги въ 1818 г.; у Сопикова показаны 1-е изданіе разговоровъ безъ имени автора. Спб., 1784, въ 8°). 2-е изданіе, исправленное Ѳ. Каржавинымъ. Спб. 1791, въ 8°, см. №№ 9,474 и 9,475, ч. 4, стр. 277; въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи, находящихся въ Публичной библіотекѣ, показано еще одно изданіе этой книги въ 1816 г.

Кромѣ этихъ соч. и переводовъ, Каржавинъ перевелъ какой-то романъ, который въ рукописи хранится въ библіотекѣ П. Н. Петрова. Ѳ. В. Каржавинъ, по порученію книгопродавцевъ, просматривалъ также и исправлялъ переводы архитектурныхъ книгъ. Изъ переписки его

съ женой видно, что онъ помогалъ извѣстному Бюату въ составленіи карты Балтійскаго моря, указывая правильное письмо собственныхъ именъ русскихъ Moscva вмѣсто Moscou, Pskowe вмѣсто Pleskof и т. п., мнѣ неизвѣстно была-ли издана эта карта.

V.

Ерофей Никитичъ Каржавинъ.

Записка, поданная профессоромъ Барбо-де-ла-Брюеръ-д'Ельваръ графу д'Аржансону объ Ерофеѣ Никитичѣ Каржавинѣ (переводъ съ французскаго).

Графу д'Аржансону, государственному министру и покровителю наукъ. Russia supplicantes. Записка о г-нѣ Каржавинѣ, уроженцѣ московскомъ.

Положеніе Франціи, въ виду ожидаемаго союза между дворами нашимъ и русскимъ, оказывается столь благопріятнымъ въ отношеніи русскаго подданнаго Ерофея Каржавина, уроженца московскаго, проживающаго около 10-ти лѣтъ въ Парижѣ, что одному изъ друзей его пришло на мысль представить королю и его министрамъ, что было бы весьма полезно ученому міру (и можетъ быть даже министерству) воспользоваться трудами г-на Каржавина, если его величество, по примѣру своихъ славныхъ предшественниковъ, удостоитъ принять его подъ свое покровительство, пользуясь правомъ возмездія и правомъ обмѣна и поручитъ это дѣло своему посланнику.

Его величество можетъ уступить ея царскому величеству одного изъ своихъ подданныхъ, дозволивъ ему ѣхать въ Россію и поселиться тамъ. Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были полезны въ Россіи, между ними баронъ Чуди (Tschoudy). Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что было бы весьма полезно воспользоваться этимъ, упрочивъ положеніе г-на Каржавина, на котораго (равно какъ и на брата его, живущаго въ Петербургѣ) смотрятъ въ Россіи какъ на преступниковъ, единственно потому, что Ерофей Каржавинъ, подвигнутый ревностью почерпнуть познанія у источника ихъ, пріѣхалъ 10 лѣтъ тому назадъ во Францію безъ дозволенія своего правительства. Около двухъ лѣтъ тому назадъ братъ его, съ дозволенія русскаго двора, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ тайно передалъ на попеченіе Ерофея Каржавина 8-ми-лѣтняго сына своего Ѳедора, для того, чтобы дать ему основательное познаніе во всѣхъ наукахъ и научить его французскому языку. Онъ пользовался съ тѣхъ поръ помощію брата, получая отъ него средства къ жизни; 8 мѣсяцевъ тому назадъ онъ лишился этой поддержки.

Ерофей Каржавинъ выѣхалъ изъ Россіи, получивъ дозволеніе тор-

говать въ Польшѣ. Тамъ у него украли всѣ его деньги и книги и онъ былъ бы лишенъ возможности осуществить свои похвальныя стремленія, если бы ему не удалось продать все, что у него еще осталось и отправиться черезъ Данцигъ въ Амстердамъ; тамъ онъ встрѣтилъ одного Поляка, который, сжалившись надъ его затруднительнымъ положеніемъ, принялъ его подъ свое покровительство и привезъ во Францію. По пріѣздѣ въ Парижъ Каржавинъ лишился своего спутника и покровителя, но цѣль, къ которой онъ такъ долго стремился, была достигнута. Всевозможныя лишенія и затрудненія, съ которыми онъ столкнулся на первыхъ порахъ, не помѣшали ему исполнить свои задушевныя желанія — заняться своимъ образованіемъ. Побуждаемый желаніемъ употребить съ пользою свои дарованія, которыми надѣлила его природа, и которыя онъ развилъ своими научными занятіями въ нашемъ отечествѣ, онъ около года занимался сочиненіемъ, въ которомъ разъясняетъ характерныя особенности русскаго языка и изслѣдуетъ отношенія его къ языку греческому, желая этимъ содѣйствовать обогащенію нашей литературы. Сочиненіе его заслужило похвалу нѣкоторыхъ министровъ и литераторовъ нашихъ, которые нашли его очень интереснымъ и полнымъ любопытныхъ подробностей.

Онъ думаетъ заняться русскими древностями и древнѣйшей исторіей Россіи, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще основательныхъ свѣдѣній, и желаетъ сдѣлать точный переводъ русскихъ лѣтописей, чтобы дать возможность ученымъ сравнить эти источники съ исторіей сосѣднихъ народовъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ и прослѣдить отношеніе западной Европы къ Россіи въ древнѣйшія времена.

При знакомствѣ съ славянскимъ и русскимъ языкомъ, начало котораго уже положено трудами Каржавина (королевская типографія легко можетъ быть снабжена новымъ и изящнымъ русскимъ шрифтомъ, который можно выписать изъ Россіи вмѣстѣ съ лучшими книгами и интереснѣйшими рукописями),—можно будетъ, между прочимъ, разъяснить средневѣковую исторію народовъ, которые, начиная отъ Эльбы и Венеціанскаго залива до предѣловъ нынѣшней Россіи и за ними, были извѣстны подъ именемъ Славянъ. У насъ являются уже предположенія, что русскія ученыя изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на тѣ малыя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о древнѣйшей исторіи Европы, и откроютъ въ Россіи слѣды переселенія народовъ, такъ какъ она, находясь между землями, служившими колыбелью азіятскимъ государствамъ и государствамъ новѣйшимъ, должна была сохранить ихъ. Польза, которую можно извлечь при этомъ, сама по себѣ велика,

но это еще не все. Прекрасный и древній языкъ славянскій или русскій, который былъ вовсе незнакомъ намъ до этихъ поръ, можетъ быть также полезенъ для болѣе яснаго уразумѣнія священнаго писанія; это мнѣніе поддерживаетъ въ особенности ученый аббатъ Вильфроа, королевскій профессоръ еврейскаго и армянскаго языковъ.

Ерофей Каржавинъ рѣшается остаться во Франціи подъ покровительствомъ его величества, чтобы посвятить себя вполнѣ пользамъ нашей литературы, и той обширной научной области, которая едва обозначена въ предшествовавшемъ слабомъ очеркѣ. Онъ уже пробовалъ образовать учениковъ, которые собираются около него и онъ пойдетъ далѣе въ своихъ научныхъ трудахъ, если великій монархъ, предъ лицо котораго онъ еще не имѣлъ счастія предстать и видѣть его, но дѣла котораго такъ краснорѣчиво говорятъ о добротѣ душевной, удостоитъ его своимъ вниманіемъ, приметъ его съ семьею подъ свою высокую защиту и исходатайствуетъ имъ, передъ ея царскимъ величествомъ, дозволеніе остаться во Франціи на правахъ обмѣна, переводчикомъ его съ русскаго языка.

Г-нъ Каржавинъ слишкомъ глубоко сознаетъ насколько онъ обязанъ Франціи и Россіи, чтобы онъ могъ когда либо забыть, что одной изъ нихъ онъ обязанъ жизнію, другой—своими познаніями, которыя онъ думаетъ усовершенствовать. Составитель настоящей записки, не побуждаемый къ составленію ея никѣмъ и ничѣмъ кромѣ научной и общественной пользы, чуждый всякаго личнаго интереса въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ возможность настолько узнать Ерофея Каржавина въ теченіе 4 или 5 лѣтъ, что беретъ на себя смѣлость ручаться въ томъ, что сердцу его будутъ всегда близки слава и согласіе двухъ націй, которыя соединены кровнымъ союзомъ въ лицѣ нашихъ королей, начиная съ Генриха I-го, внука Гюга-Капета и Анны, княжны русской его супруги, внуки Владиміра, перваго христіанскаго великаго князя—правителя русскаго, сопричисленнаго русскою церковью къ числу святыхъ русскихъ и почитаемаго Апостоломъ въ ихъ церкви.

Ерофей Каржавинъ готовъ преклонить колѣна предъ престоломъ императора (?) французскаго вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, который въ теченіе полутора годовыхъ занятій, сдѣлалъ блестящіе успѣхи въ латинской и французской грамматикѣ и въ экспериментальной физикѣ; послѣднею онъ занимался подъ руководствомъ ученаго аббата Нолле, въ то время какъ онъ проходилъ 6-й курсъ въ колегіи Ликсіе, гдѣ онъ атестовался постоянно первымъ, какъ это удостовѣряется атестатами его професора, и гдѣ онъ еще недавно получилъ первую награду за переводъ, т. е. за передачу на французскомъ языкѣ латинскаго текста, и подарокъ, назначенный за вторую по достоинству

тему, или сочиненіе на латинскомъ языкѣ. Этому ребенку 10 лѣтъ 10 мѣсяцевъ.

Кровь Людовика Великаго и духъ Кольберга царятъ еще надъ нами, и потому мы питаемъ надежды, которыя оживотворяли нашихъ предковъ въ прошедшемъ столѣтіи. Жанъ-Людовикъ-Барбо-де-ла Брюеръ д'Ельваръ".

23-го августа 1756 г.— Парижъ. Е. Н.

Между бумагами Ерофея Каржавина не сохранились другіе документы, такъ, что мы не могли добиться свѣдѣній о времени его рожденія и смерти.

Въ каталогѣ Плавильщикова указанъ переводъ Ерофея Каржавина: „Путешествій Гуливеровыхъ 4 части, содержащія въ себѣ путешествіе въ Бродинягу, въ Лапуту, въ Бальнибары, въ Глубдубриду, въ Лугнагу, въ Японію и въ Гуингмскую страну, соч. Свифта, съ французскаго перевелъ Е. Каржавинъ. М., 1772—1773 и 1780 въ 8°, стр. 385, № 4755; у Смирдина на стр. 665, подъ № 9323, показано 2-е изданіе этой книги 1780 г. какъ переводъ съ англійскаго Ерофея Каржавина; у Сопикова ч. 4, стр. 253, №№ 9255 и 9256—указаны два изданія этой книги: первое Спб. 1772—1773, второе М. 1780 какъ переводъ съ французскаго.

Сочиненіе Ерофея Каржавина о русскомъ языкѣ издано его племянникомъ въ Спб. 1791 г. съ другими статьями. См. выше перечень соч. и переводовъ Ѳедора Васильевича Каржавина, № 7.

Н. П. Дуровъ.

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ.

Письма князя А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову

1853—1855. [1])

Севастополь, 9-го января 1854 г.

Любезный князь, я послалъ въ Николаевъ нарочнаго съ приказаніемъ подрядчику поспѣшить заготовкой казацкихъ лодокъ, заказанныхъ для Дуная; но, въ случаѣ войны съ Англо-Французами, я не предвижу возможности отправить ихъ къ вамъ. Безсрочно-отпускные, назначенные для пополненія экипажей вашей флотиліи, являются сюда одинъ за другимъ; до сихъ поръ ихъ набралось у меня только 600 человѣкъ, которыхъ и отвозимъ завтра въ Одессу на пароходахъ, такъ какъ, въ виду непріятельскихъ крейсеровъ, мы не рискуемъ отправить ихъ прямо въ устья Киліи, тѣмъ болѣе, что петербургскія вѣсти отъ 1-го января заставляютъ ожидать близкаго разрыва, о которомъ узнаютъ (или уже знаютъ) въ Константинополѣ раньше здѣшняго.

Еще не успѣли вполнѣ обмундировать этихъ людей, но они берутъ съ собою запасъ всего необходимаго для этого, и могутъ окончить свою экипировку въ Измаилѣ, куда я прошу Сакена ихъ направить.

Главное теперь, высадить этихъ людей, покуда есть еще возможность, и какъ можно ближе къ мѣсту ихъ назначенія. Весь вашъ Меншиковъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г. т. XII-й, стр. 174—196. Помѣщаемыя въ этой книгѣ письма кн. Меншикова, также какъ и въ предыдущей, есть точный переводъ съ французскаго; весьма немногія изъ этихъ писемъ въ подлинникѣ писаны по русски. Ред.

Севастополь, 16-го января 1854 г.

Любезный князь, въ одномъ изъ отношеній, которыя вы получите въ одно время съ этимъ письмомъ, вы усмотрите всѣ затрудненія, представляемыя теоріей запруженіемъ рукава св. Георгія. Даже поперегъ рѣки оно невозможно, по причинѣ глубины ея; и если баръ, расположенный въ открытомъ морѣ, не имѣетъ особеннаго и узкаго фарватера, то опять невозможно загородить его цѣлымъ рядомъ потопленныхъ судовъ.

Вслѣдствіе вашего требованія и уже давно, капитану надъ Сулинскимъ портомъ, поручено было какимъ либо-способомъ отыскать средство для препятствія плаванія въ означенномъ рукавѣ; но приказаніе это, даже и по повтореніи его, осталось безъ отвѣта, оттого-ли что за неправильнымъ сообщеніемъ порученіе это не могло попасть въ мѣсто своего назначенія, или капитанъ не успѣлъ еще измѣрить глубины воды, угрожаемый съ непріятельскихъ береговъ. Для разъясненія этого вопроса я посылаю въ Сулинъ своего адъютанта, барона Веллебрандта; а оттуда онъ явится къ вамъ дать отчетъ въ результатѣ даннаго ему порученія и сказать, что̀ сдѣлано или что̀ еще остается сдѣлать.

У Турокъ на Чательскомъ мысу былъ редутъ, который могъ загородить плаваніе по Дунаю. Мѣсто его обозначено на австрійской картѣ Турціи, листъ 6-й. Мнѣ кажется, можно бы возстановить этотъ редутъ; его поддерживали бы какъ близость Измаила, такъ и канонирскія лодки, а этихъ, въ свою очередь, подкрѣплялъ бы редутъ.

Одно дѣйствительное средство препятствовать плаванію это—занять противоположный берегъ, главное, что намъ нужно.

Приняты мѣры, чтобы строющіяся въ Николаевѣ казацкія лодки были готовы въ половинѣ февраля. Ихъ вооружатъ 8-ми фунт. каронадами, но вопросъ въ томъ: будетъ-ли возможность отправить ихъ къ вамъ на баръ въ виду непріятельскихъ крейсеровъ?

Четатское дѣло приноситъ большую честь бывшему въ дѣлѣ войску; но самое то дѣло кажется мнѣ нечаянностью, слѣдствіемъ недостаточныхъ мѣръ со стороны Анрепа для поддержки его разъобщенныхъ отрядовъ.

Пять военныхъ судовъ, отчасти паровыя, но неизвѣстно турецкія-ли, или европейскія, привезли подкрѣпленія и запасы въ Батумъ и Кинтрики; но они не появлялись передъ фортомъ св. Николая, который и близокъ оттуда, и занятъ Турками, къ стыду нашему.

Письмо къ Воронцову, привезенное вашимъ фельдъегеремъ, я отправилъ сегодня же. Прощайте любезный князь. Меншиковъ.

Севастополь, 7-го (19) января 1854 г.

(Секретно). По вашему желанію, любезный князь, я даю Мессеру товарища, будто бы для того, чтобы его ничто не отвлекало отъ его административной должности, которая не позволяетъ ему управлять военными операціями флотиліи, и назначаю для этого контръ-адмирала Кузнецова, только что пожалованнаго этимъ чиномъ послѣ того, что онъ командовалъ кораблемъ въ Синопскомъ дѣлѣ. [1])

Онъ немедленно отправится въ путь и, побывавъ въ Измаилѣ и Галацѣ, явится въ Бухарестъ для принятія вашихъ приказаній.

Если вы хотите, чтобы эта флотилія принесла пользу въ важной переправѣ на противоположный берегъ, то не допускайте Лидерса употреблять ее такъ неразумно, какъ онъ это дѣлаетъ. Эти лодки заставляютъ обстрѣливать земляные брустверы съ цѣлью ихъ уничтожить, но вѣдь извѣстно, что даже осадной артилеріи рѣдко удается достичь этого результата надъ землянымъ валомъ.

Попади только одно ядро въ машину „Прута", и судно это станетъ негоднымъ на все время войны, за неимѣніемъ средствъ къ исправленію. А между тѣмъ этотъ пароходъ каждый день подвергаютъ ядрамъ безъ всякой основательной причины. Слѣдовало бы сберегать и боевые припасы и топливо къ тому времени, когда вамъ понадобятся всѣ силы флотиліи.

Черезъ двѣ недѣли будутъ готовы въ Николаевѣ каноширки; но „Бугъ" и „Ингуль", пожалуй затретъ еще льдомъ, такъ какъ въ настоящую зиму онъ крѣпче обыкновеннаго. Послѣ оттепели, если непріятельскіе крейсеры не покажутся въ виду нашихъ береговъ, то я велю пароходу взять наши суда на буксиръ съ Днѣпра до устья Киліи.

Такъ какъ Дунай столько же русская, сколько турецкая рѣка, то я боюсь блокады ея Англо-Французами, даже въ случаѣ еще не объявленной морскимъ державамъ войны. А объявится война, тогда надобно ожидать нападенія на Сулинъ.

Отчего бы не предпринимать частныхъ экспедицій и высадокъ для разоренія прибрежныхъ батарей, или для заклепыванія пушекъ? То есть, отчего не подражать Туркамъ, которые безпрестанно и въ большомъ числѣ рыщутъ вдоль лѣваго берега? Но для этого, конечно, надо выказать то умѣнье, котораго не хватило у генераловъ, предпринявшихъ обѣ экспедиціи противъ Мачина.

Я очень сожалѣю, любезный князь, что у васъ такіе плохіе помощники, и будущее просто пугаетъ меня.

---

[1]) Кораблемъ «Ростиславъ».

Пересчитывая всѣ имена, я нахожу, что С..... одинъ такой начальникъ, изъ котораго вы могли бы еще извлечь пользу, несмотря на его педантство. Онъ пріобрѣлъ опытъ въ предыдущей своей дѣятельности. Что касается до начальника вашего штаба, то я не знаю достаточно его прошлаго и потому не могу судить о его способностяхъ; но мнѣ всегда казалось, что онъ принадлежитъ къ категоріи Нейдгардта и Гурко.

Ожидаемые Омеръ-пашею четыре маленькіе парохода изъ Константинополя вѣроятно будутъ конвоированы посредственными силами союзниковъ, какъ дѣлаютъ они съ турецкими транспортами, идущими въ Анатолію. Мы не имѣемъ возможности поставить имъ препятствія. Впрочемъ, если Турки не предупредятъ насъ устройствомъ батареи противъ устья Прута, то находящіяся тамъ суда нашей флотиліи могли бы загородить путь этимъ турецкимъ пароходамъ.

Переправа черезъ Дунай положитъ конецъ плаванію непріятеля по рѣкѣ, но переправа-то необходима!

Въ мѣстахъ, удобныхъ и не укрѣпленныхъ, я думаю достаточно было бы экипажей вашихъ палубныхъ судовъ для первоначальной переправы, причемъ скрыть понтоны въ виду противоположнаго берега, до удобнаго часа.

Конечно, не генералу Б* можно поручить постановку этого моста, но за то при васъ, кажется, находится Шильдеръ, человѣкъ энергичный и способный, хотя подъ часъ и чудакъ.

По комерческимъ извѣстіямъ, Киселевъ выѣхалъ изъ Парижа, но Брунова удержали для новыхъ предложеній. Вамъ лучше знать, такъ-ли это? Вы можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ жду курьера, который долженъ привезти мнѣ извѣстіе: въ войнѣ-ли мы, или только во враждебныхъ отношеніяхъ къ западу?

Извините, любезный князь, эту, можетъ быть, неумѣстную и неумѣренную болтовню. Писалъ я откровенно и довѣрчиво старому другу. Прощайте. Меншиковъ.

P. S. При удобномъ случаѣ, выпросите чинъ для флигель-адъютанта по флоту, Голицына. Это добрый и честный малый, котораго перегнали всѣ его товарищи, оставшіеся при мнѣ адъютантами.

Севастополь, 24-го марта 1854 г.

Любезный князь, Крюднеръ вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 15-го числа изъ Браилова съ описаніемъ переправы; я искренно поздравляю васъ съ этимъ дѣломъ. По вашему желанію, я съ курьеромъ отправилъ къ Реаду какъ эту реляцію, такъ и прочіе пакеты главной вашей квартиры, адресованные въ кавказскій главный штабъ.

Есть у васъ возможность немедленно приступить къ осадѣ Силистріи? Это было бы желательно, покуда туркофилы не мѣшають.

Мнѣ сказывали, будто Шильдеръ выстроилъ какія-то необыкновенныя батареи, которыя превосходятъ устроенныя имъ подъ Рущукомъ. Потрудитесь прислать мнѣ чертежъ съ профилью. Вы не можете себѣ представить, сколько приходится мнѣ бороться съ тупоуміемъ здѣшнихъ инженеровъ, которые воздвигаютъ брустверы не выше роста двѣнадцатилѣтняго ребенка.

Не вѣрю, чтобы Мессеръ могъ запрудить Дунай у св. Георгія. 3 или 4 рыбачьи лодки не могутъ пресѣчь теченія такой широкой рѣки, и съ первою прибылью воды ихъ снесетъ теченіемъ; однако не мѣшаетъ заставить вѣрить въ прочность этой запруды.

Выпросите у Великаго Князя повышенія для Крюднера, и, въ отвращеніе справокъ, скажите, что вы уже снеслись со мною. Вы могли бы даже такимъ же образомъ сдѣлать прямое представленіе государю. Но не забудьте при этомъ Голицына.

Послѣднія вѣсти изъ Петербурга относятся къ 14-му числу. Тамъ только что узнали о прибытіи Непира въ Копенгагенъ съ 17 судами.

Желаю вамъ, любезный князь, отъ всего сердца здоровья, счастья и успѣха въ дѣйствіяхъ. Прощайте. Меншиковъ.

Какія у васъ данныя относительно положенія Австріи? Говорятъ, будто она намѣрена заключить съ Пруссіею трактатъ о вооруженномъ нейтралитетѣ. Это значило бы воротиться къ предложеніямъ графа Орлова? Прилагаю записку о службѣ Голицына и Крюднера.

Севастополь, 25-го марта 1854 г.

Любезный князь, я располагалъ отправить съ обыкновенною почтою прилагаемое письмо, какъ пріѣхалъ отъ васъ курьеръ Шишовъ съ отношеніемъ, въ которомъ сообщаете присланную отъ Мейендорфа вѣсть объ объявленіи войны морскими державами, и теперь отвѣчаю вамъ съ этимъ же курьеромъ. Долгорукій прислалъ мнѣ тоже вѣсти изъ Парижа. Тамъ, между прочими военными планами, говорятъ о проектѣ Сентъ-Арно, вызывающагося немедленно занять Бабадай съ помощью дивизіи, которую двинетъ вплоть до Мачина, и также (занять) Дунай съ помощью всѣхъ легкихъ судовъ эскадры, направляя ихъ на Браиловъ.

Если это не вздоръ, хотя и похоже на то, то для васъ представится прекрасный случай побить этихъ хвастуновъ.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ, и изъ Грузіи не получаю вѣстей. Прощайте. Меншиковъ.

Севастополь, 30-го мая 1854 г.

Любезный князь, мы здѣсь въ совершенномъ невѣдѣніи того, что дѣлается въ княжествахъ и на Дунаѣ. Мы только изъ нѣмецкихъ газетъ узнали, что вы пришли подъ Силистрію. Посылаю моего адъютанта Грейга, котораго вамъ рекомендую, съ этими письмами къ вамъ, единственно съ цѣлью узнать, что вы дѣлаете.

Съ 8-го мая непріятельскіе флоты не показывались въ нашихъ окрестностяхъ. И крейсеры наши, дошедшіе 27-го (апрѣля) до Синопа, не встрѣтили ни одного военнаго судна.

Вашъ братецъ отягощается своимъ неловкимъ положеніемъ здѣсь, и мнѣ это тягостно, потому что не имѣю поручить ему какое-либо начальство, развѣ уступить свое собственное. Я представлялъ его конфиденціальнымъ образомъ военному министру, говоря, что онъ гораздо болѣе способенъ командовать армейскимъ корпусомъ, или быть во главѣ военнаго управленія, нежели большинство генераловъ, занимающихъ подобныя мѣста.

На прощанье, любезный князь, прошу васъ убѣдительно не оставлять насъ безъ вѣстей о происходящемъ. До насъ или ничего не доходитъ, или только одесскіе искаженные слухи. Весь вашъ Меншиковъ.

31-го мая.

P. S. Вчера вечеромъ, въ сумерки, въ виду Севастополя показались три непріятельскіе парохода. Я велѣлъ преслѣдовать ихъ, но посланныя за ними суда не успѣли нагнать ихъ. Возвратясь въ 8 ч. утра, они убѣдились, что то былъ не авангардъ, а отдѣльныя суда.

Севастополь, 22-го іюня 1854 г.

Любезный князь, Грейгъ передалъ мнѣ ваши письма, за которыя весьма благодаренъ. Я чрезвычайно любопытствовалъ знать послѣднія происшествія.

Я посылаю своего сына къ фельдмаршалу (Паскевичу) съ письмомъ соболѣзнованія о полученной имъ ранѣ. Но интереснаго ничего не имѣю ему сообщить. Непріятель ограничивается наблюденіями за нами на большихъ пароходахъ; но надобно полагать, что онъ попытается направить экспедицію въ Крымъ, потому что враждебныя дѣйствія Австріи позволяютъ ему успокоиться относительно Дуная.

Войско мое хорошее, но въ артилеріи недостатокъ. У насъ 4 съ половиной легкія батареи, а нѣтъ ни одного батарейнаго орудія, которое я могъ бы противопоставить непріятелю.

Если Австрійцы вступятъ въ Валахію, не нападая на наши вой-

20*

ска и не касаясь нашей територіи. станете-ли вы ихъ атаковать или же примете оборонительное положеніе? Разъясните мнѣ это.

Для очищенія княжествъ нашлась бы стратегическая причина, а это повело бы къ соглашенію съ Нѣмцами.

Выигравъ съ этой стороны, можно бы перенести войну въ Азію и порядочно насолить тамъ Туркамъ, заманивая одновременно союзниковъ въ Анатолію.

Заключаю свою мечту, любезный князь. Прощайте. Меншиковъ.

Севастополь, 30-го іюня 1854 г.

(Весьма секретно). Любезный князь, изъ Петербурга, Варшавы и Вѣны меня извѣщаютъ, что главныя силы Англо-Французовъ направляются противъ Севастополя, какъ къ главной цѣли войны, состоящей въ намѣреніи истребить здѣшнее адмиралтейство и уничтожить черноморскій флотъ.

И приказаніе и долгъ повелѣваютъ мнѣ защищать ихъ до послѣдней капли крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу, что буду раздавленъ, и безъ успѣха, если непріятель высадится въ числѣ 50-ти или 60-ти тысячъ человѣкъ, не включая сюда Турокъ и Тунисцовъ.

Слѣдовательно главная забота должна быть о томъ, чтобы не допустить непріятеля съ такими силами до Крыма, или же дать мнѣ равносильное подкрѣпленіе. Вы можете, любезный князь, содѣйствовать и тому и другому.

Мнѣ кажется, что если сдѣлать въ Карасу демонстрацію по направленію къ Варнѣ, да явно обнаруживать приготовленія экспедиціи въ эту сторону, то это можетъ заставить союзниковъ не удаляться отъ этой крѣпости.

Что касается до подкрѣпленія, то мнѣ хотѣлось бы, что бы 16-я дивизія воротилась въ Крымъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что нашъ отвѣтъ на предложенія Австріи замедлитъ операціи этой державы, и въ такомъ случаѣ вы можете обойтись и безъ этой дивизіи.

Такъ какъ непріятелю понадобятся нѣсколько недѣль для организаціи экспедиціи въ большихъ размѣрахъ, то дивизія успѣетъ прибыть, и тѣмъ помѣшать Англичанамъ въ одной изъ главныхъ цѣлей войны.

Если у васъ есть полномочіе на передвиженіе этого войска къ Перекопу, то я умоляю васъ сдѣлать это; если-жъ нѣтъ, то постарайтесь испросить позволеніе, а между тѣмъ, разставьте полки по направленію предстоящаго имъ пути.

Я настаиваю въ Петербургѣ на необходимость подкрѣпленія, и

прошу васъ, любезный князь, принять мою просьбу въ серьезное соображеніе. Если нашъ флотъ уничтожатъ, то вѣдь мы на двадцать лѣтъ потеряемъ всякое вліяніе на Востокъ, который со всѣхъ сторонъ, и съ моря и со стороны княжествъ, будетъ для насъ не приступенъ.

Съ нетерпѣніемъ буду поджидать возвращенія этого курьера съ вашимъ отвѣтомъ. Искренно вашъ Меншиковъ.

Вашъ братецъ не пишетъ вамъ сегодня ничего. Онъ здоровъ. Новаго ничего не имѣю сообщить.

(9-го сентября 1854 г.).

(Справка). Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ въ отзывѣ своемъ къ военному министру сообщилъ о дѣйствіяхъ генерала отъ инфантеріи князя Горчакова, въ альминскомъ сраженіи слѣдующее:

„Генералъ князь Горчаковъ, видя рѣшительный натискъ на нашъ центръ, между тѣмъ какъ противу праваго фланга не было усиленныхъ дѣйствій, сдѣлалъ распоряженіе о подкрѣпленіи центра праваго фланга..., гдѣ такимъ образомъ огонь нашъ усилился. Англичане, не взирая на убійственный картечный огонь 28-ми орудій, вырывавшій цѣлые ряды, стали переходить черезъ рѣку Альму, вездѣ удобопроходимую. Генералъ князь Горчаковъ бросился впередъ и повелъ самъ въ штыки баталіоны егерскаго е. и. в. вел. кн. Михаила Николаевича полка, но жестокій штуцерной огонь въ самое короткое время лишилъ войска всѣхъ почти начальниковъ... и потому атака въ штыки не могла имѣть той стройности, которая обыкновенно предшествуетъ успѣху... Въ бою 8-го сентября изъ числа войскъ заслужили особенную похвалу вся дѣйствующая на полѣ артилерія и Владимірскій пѣхотный полкъ... Этотъ же полкъ водилъ въ штыки генералъ князь Горчаковъ, подъ которымъ убиты двѣ лошади... Справедливымъ долгомъ считаю сказать, что генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ былъ во все время сраженія неутомимымъ дѣятелемъ и явилъ истинное самоотверженіе, подавая примѣръ храбрости".

9-го сентября 1854 г.

Любезный князь, я только что получилъ черезъ Мезенцова ваше письмо, а какъ сообщенія мои ненадежны, то я сошлюсь на то, что онъ вамъ скажетъ въ отвѣтъ на ваши вопросы ко мнѣ, равно какъ и на то, что я сверхъ того сообщу ему словесно. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Севастополь, Сѣверное укрѣпленіе, 20-го сентября 1854 г.

Любезный князь, посылаю вамъ Щербатова обратно.

Вотъ моя позиція: такъ какъ непріятель заключенъ въ простран-

ствѣ между Балаклавой, Чоргунскими дефилеями, Севастополемъ и моремъ, то я занимаю сѣверный берегъ рейда, недоступный для непріятельскаго флота, потому, что мы загородили форватеръ, потопивъ нѣсколько старыхъ судовъ. Такимъ образомъ всѣ мѣры защиты направлены на сушу.

Союзники высадили въ Балаклавѣ тяжелую артилерію и укрѣпляютъ городъ. Намъ видно на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ Севастополя, какъ они копаютъ землю, и намъ не миновать бомбардировки.

Я не побоялся бы такого рода нападенія, но гораздо болѣе страшитъ меня — штурмъ.

Гарнизонъ состоитъ изъ 8-ми резервныхъ баталіоновъ 13-й дивизіи, изъ трехъ полковъ 17-й и изъ всего личнаго состава флота; но за то какъ велика и окружность, которую надо защищать! Приступаемъ къ приведенію домовъ въ оборонительное состояніе на случай штурма. Внутренняя война начинается.

Моя обязанность — приходить на помощь крѣпости, а можетъ быть придется мнѣ и напасть на правый флангъ непріятеля. Но какъ мнѣ трудно пробраться къ нему черезъ Чоргунскіе дефилеи, такъ и ему ко мнѣ. А съ моей стороны это затрудненіе значительнѣе, по причинѣ меньшаго числа и особенно худшаго качества войскъ.

Евпаторія занята и укрѣпляется Турками, къ которымъ придетъ еще на помощь кавалерія. У меня же нѣтъ ни одного всадника, котораго бы могъ имъ противопоставить, и я съ нетерпѣніемъ жду прихода дивизіи улановъ Корфа, которыхъ и направлю на тотъ пунктъ.

Хомутовъ отвелъ обратно часть посланнаго имъ ко мнѣ подкрѣпленія, вслѣдствіе объявленія военнаго министра, будто турецкій экспедиціонный корпусъ въ 15 т. человѣкъ собирается напасть на Ѳеодосію.

Изъ всего сказаннаго, любезный князь, вы видите, что намъ только и нужно, что войска. войска и войска!

Ради Бога, поторопите сюда то, которое вами назначено. Весь вашъ Меншиковъ.

P. S. По словамъ одного шпіона, въ Балаклавѣ высадилась турецкая кавалерія; и въ Евпаторіи поджидаютъ такую же. Первая назначена всполошить прибрежье и горы, а вторая — мѣшать нашимъ сообщеніямъ.

На бивуакѣ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 29-го сентября 1854 г.

Любезный князь, вы присылали ко мнѣ графа Орлова-Денисова узнать о взятіи непріятелемъ Севастополя, которое вы полагали близкимъ. Но событіе это еще отдаленно.

Отпускаю этого офицера обратно къ вамъ, чтобы не задерживать его здѣсь по-пустому.

Кумани привезъ мнѣ отъ васъ письмо. Онъ выѣдетъ отсюда черезъ два дня.

Со времени привезенныхъ вамъ княземъ Щербатовымъ извѣстій не произошло никакой перемѣны во взаимномъ положеніи нашемъ съ непріятелемъ; одно только, что два дня тому (назадъ) союзники получили подкрѣпленіе въ 10 т. человѣкъ, а чтобы намъ равняться съ ними, 12-й дивизіи далеко недостаточно.

До сихъ поръ непріятель ограничился копаніемъ траншеи впереди одного изъ своихъ лагерей, но, по отдаленности ея отъ крѣпости, она не можетъ быть паралелью, а скорѣе ложементомъ для застрѣльщиковъ аванпостныхъ ведетовъ.

Стараніями Тотлебена Севастопольскія укрѣпленія значительно усилены въ теченіе этого мѣсяца, и вамъ я благодаренъ какъ за величайшую услугу, за то, что послали мнѣ сюда Тотлебена.

Крѣпостной гарнизонъ къ завтрашнему дню составитъ свыше 37 т. человѣкъ, включая сюда 11 т. матросовъ, раздѣленныхъ по-баталіонно; потомъ есть возможность освѣжать гарнизонъ корпусомъ, стоящимъ въ полѣ.

Вы видите изъ этого, любезный князь, что Севастополь снабженъ достаточными способами защиты, и паденіе его едва-ли близко. Если-жъ бы крѣпость была взята, то надобно будетъ все-таки отнять ее у непріятеля, и не допускать его до зимовки въ Крыму, или до завоеванія края. Вся суть дѣла въ томъ, чтобы удержать край за собою: давайте только побольше войска.

Не знаю, какъ ужъ благодарить васъ за все ваше попеченіе объ насъ, за всѣ мѣры, принятыя вами для удовлетворенія нашихъ нуждъ. Я еще и лично благодаренъ вашему братцу за то, что онъ принялъ на себя должность помощника начальника надъ войсками, и слѣдовательно, исполненіе всѣхъ второстепенныхъ распоряженій, чѣмъ и помогаетъ мнѣ какъ добрый старый другъ.

Вѣрьте, любезный князь, моей старинной и постоянной преданности. Меншиковъ.

На бивуакѣ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 1-го октября 1854 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно, по желанію вашему, г. Кумани, пробывшаго здѣсь два дня.

Со времени отъѣзда графа Орлова-Денисова ничего не случилось, о чемъ бы нужно было васъ извѣстить. Взаимное положеніе одинаково: непріятель забавляется рытьемъ траншей, повидимому,

съ цѣлью обороняться, а не осаждать, такъ какъ это не апроши. Намѣревается-ли онъ бомбардировать насъ, или повести правильную осаду, то во всякомъ случаѣ непріятель дѣйствуетъ медленно, что однако не устраняетъ намѣреніе со временемъ овладѣть Севастополемъ.

Наше дѣло здѣсь—не допускать до этого, было бы только у насъ достаточно войска; но какъ его нѣтъ, то мы должны ограничиться усиліями замедлить это взятіе всѣми возможными мѣрами, и для этого всего успѣшнѣе будетъ безпокоить тылъ непріятельскій.

Я употреблю съ этою цѣлью генерала N. N.,[1]) котораго вы откомандировали ко мнѣ съ 12-ою дивизіею, если только нельзя къ нему примѣнить латинскую поговорку: „timeo danaos dona ferentes“.[2])

Въ случаѣ чего новаго, я потороплюсь, любезный князь, извѣстить васъ о томъ съ нарочнымъ. **Меншиковъ.**

На бивуакѣ между Инкерманомъ и Бельбекомъ, 7-го октября 1854 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за ваше дружеское письмо отъ 3-го числа, привезенное мнѣ вашимъ племянникомъ; благодарю за всѣ совѣты и указанія, равно какъ и за обѣ посланныя дивизіи. Я тороплю ихъ маршъ насколько возможно, разсаживая ихъ по подводамъ, и имѣю еще средства отвратить паденіе Севастополя, ударивъ во флангъ непріятеля чрезъ занятіе дефилеевъ Черной и Балаклавы, гдѣ у Англичанъ хранятся склады.

5-го числа бомбардировали Севастополь съ суши и съ моря, и съ необыкновенною силою; наши батареи также энергично отвѣчали. Сегодня канонада возобновилась, хотя противники наши ничего отъ этого не выиграли. Потеря въ людяхъ не такъ велика, но важно то, что адмиралъ **Корниловъ** смертельно раненъ: пушечнымъ ядромъ ему оторвало ногу у самаго бедра.

Во время бомбардированія съ моря дымъ былъ такой густой, что невозможно было разглядѣть, насколько пострадалъ французскій флотъ, такъ какъ бо̀льшею частію его линейныя суда насъ атаковали; кажется, одно изъ этихъ судовъ потеряло свои мачты, а другое—загорѣлось во время битвы. Слышенъ также былъ взрывъ, и, судя по прибитымъ волненіемъ обломкамъ внутреннихъ частей судна, надо полагать, что одно изъ судовъ взлетѣло на воздухъ. Но достовѣрнаго на этотъ счетъ нѣтъ ничего.

Наши 400 береговыхъ пушекъ на батареяхъ такъ много потребляютъ пороху, что я пишу во всѣ концы о доставкѣ сюда нѣкотораго количества.

---

[1]) Фамилія написана крайне неразборчиво.

[2]) Боюсь грековъ приносящихъ подарки. Ред.

Корфъ продолжаетъ блокировать Евпаторію. Изъ гарнизонна конные Татары каждый день выходятъ на стычки съ уланами, и смѣются надъ ихъ неловкостью и неумѣньемъ драться.

Байдарскую долину я занялъ временнымъ уланскимъ полкомъ, а Чургунскіе дефилеи—бригадою Семякина, изъ 12-й дивизіи; это распоряженіе очень стѣсняетъ непріятеля, за недостаткомъ у него фуража.

Со стороны Ѳеодосіи и Керчи все спокойно. Впрочемъ, подходитъ время замерзанія Азовскаго моря, такъ что едва-ли непріятель въ этомъ году предприметъ экспедицію противъ этой части Крыма.

Вручитель этого письма — адъютантъ генерала Жабокрицкаго, нѣкто Воскобойниковъ, который, по домашнимъ дѣламъ, долженъ побывать въ Кишеневѣ. Потрудитесь отправить его потомъ ко мнѣ обратно. Весь вашъ. Меншиковъ.

Бельбекъ, 15-го октября 1854 г.

Любезный князь, спѣшу возвратить вамъ вашего племянника съ извѣстіемъ о доблестномъ дѣлѣ 12-й дивизіи.

Третьяго дня, 13-го октября, Липранди атаковалъ и взялъ отдѣльный непріятельскій лагерь, укрѣпленный четырьмя редутами, которые защищали отчасти Турки въ обезпеченіе сообщеній англійскаго корпуса съ Балакловою, мѣстомъ его складовъ. Какъ только составлена будетъ объ этомъ реляція, я пришлю вамъ копію съ нея. Сегодня я объ этомъ не распространюсь. Вашъ племянникъ, какъ очевидецъ, разскажетъ вамъ всѣ подробности по картѣ.

До сихъ поръ Англичане ограничились возведеніемъ противъ Липранди новыхъ траншей, какъ бы для сопротивленія нашему дальнѣйшему движенію, и повидимому не намѣрены начинать первые; въ такомъ случаѣ мы это сдѣлаемъ какъ скоро прибудутъ 10-я и 11-я дивизіи. Послѣ завтра жду голову колонны.

Севастополь держится, благодаря геройскому мужеству морскихъ экипажей, которые служатъ при пушкахъ, и весело подвергаютъ себя смерти: это для нихъ праздникъ. Тотлебенъ — удивительный человѣкъ: противъ каждой новой непріятельской батареи онъ умѣетъ воздвигнуть новую у себя, да еще съ бо́льшимъ числомъ орудій, въ ущербъ непріятеля. Искренно вашъ Меншиковъ.

Прошу васъ передать Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ мое глубочайшее почтеніе.

25-го октября 1854 г.—близъ Севастополя.

Великіе Князья пріѣхали третьяго дня, и вчера участвовали въ большой вылазкѣ, подъ командою Даненберга. Намѣреніе наше было засѣсть на высотахъ противъ праваго непріятельскаго крыла,

и съ нашего лѣваго; но мы никакъ не могли удержаться на этомъ пунктѣ.

Карабины-минье и застрѣльщики съ самаго начала выбили у насъ изъ строя: Соймонова, Октерлони, Вильбоа, пять полковыхъ командировъ и многихъ офицеровъ. Раненыхъ безъ малаго 2 т. И непріятель значительно пострадалъ отъ огня нашей артилеріи. Но въ концѣ-концовъ гораздо болѣе вѣроятности въ успѣхѣ имѣетъ непріятель.

Недосугъ сегодня что-либо къ этому прибавить. Меншиковъ.

Соймоновъ умеръ. Число раненыхъ доходитъ до 3,600, изъ нихъ 109 офицеровъ. Дайте мнѣ возможность защищать Крымъ, если Севастополь падетъ. Нѣтъ-ли для меня еще дивизіи въ вашемъ распоряженіи? Во всякомъ случаѣ, распространяйте слухъ о большомъ движеніи войска въ Крымъ.

Близъ Севастополя, 26-го октября 1854 г.

Въ третьягоднишней вылазкѣ мы страшно много потеряли. Не считая убитыхъ, однихъ раненыхъ поступило въ госпитали до 6 т.; но къ чести войска могу сказать, что дѣло это, вмѣсто унынія, напротивъ, наполнило ихъ еще бо́льшей бодростью.

Потеря непріятеля должна быть также значительна. Огонь его противъ крѣпости замѣтно ослабъ; но зато саперы все ближе подходятъ. Нѣсколько непріятельскихъ судовъ ушли, вѣроятно за подкрѣпленіемъ. По словамъ плѣнныхъ, изъ Марсели идетъ 6-я дивизія.

Численное превосходство пѣхоты у непріятеля поставитъ насъ въ еще худшее положеніе. Моя многочисленная кавалерія годится только для занятія равнины и для демонстрацій передъ выходами изъ горъ, занимаемыми Англичанами и укрѣпленными ими на подобіе Торесъ-Ведраса.

Я призвалъ сюда изъ Херсона два баталіона Камчатскаго полка, которые оставлены были тамъ 11-ою дивизіею. Постарайтесь подкрѣпить меня, насколько вамъ будетъ возможно. Не прикажете-ли вы занять Николаевъ (не подвергающійся въ этомъ году еще никакой бѣдѣ) какими-нибудь сосѣдними войсками, а мнѣ — прислать тамошнія?

И госпитали, и всѣ мѣста, куда только можно было помѣстить раненыхъ, переполнены. Число послѣднихъ увеличивается каждый день отъ одной до трехъ сотень. Они размѣщены въ полѣ подъ защитою корабельныхъ парусовъ. Ради Бога, пришлите намъ хирурговъ и фельдшеровъ. У насъ только по одному на 400 человѣкъ

раненыхъ, такъ что многіе съ 24-го числа остаются безъ перевязки, за неимѣніемъ рукъ исполнить это.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей искренней и дружеской преданности. Меншиковъ.

Сѣверная, 27-го октября 1854 г.

Вы требовали отъ меня Граве; а такъ какъ онъ въ настоящее время при васъ, то и оставьте его у себя.

Соймоновъ умеръ. Генералъ Вильбоа и пять полковыхъ командировъ выбыли изъ строя. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ ни одного штабъ-офицера и ими командуютъ капитаны. Я положительно не знаю, кѣмъ замѣнить выбывшихъ; а недостатокъ въ старшихъ офицерахъ такъ великъ, что я буквально не имѣю никого, кому поручить заботу о тылѣ арміи и объ отставшихъ, и вообще для соблюденія порядка; также надъ госпиталями некого поставить, потому что у меня нѣтъ штаба, какому слѣдуетъ быть при главной квартирѣ.

Очень вамъ благодаренъ за порохъ: его подвозятъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, но карабинные патроны вышли всѣ, и въ паркахъ ихъ нѣтъ; оттого я васъ очень прошу распорядиться о присылкѣ ко мнѣ патроновъ какъ можно поспѣшнѣе. Преданный вамъ. Меншиковъ.

P. S. Нѣсколько дней тому капитанъ Фалькмутъ лишился руки; ему очень худо.

Я измученъ трудами и заботами, и не вижу выхода изъ своего положенія; утѣшительнаго ничего, а зато сплетень—гибель!!

Канцелярія начальника главнаго штаба, № 7318.
По генеральному штабу, 31-го октября 1854 г.

М. г., князь Михаилъ Дмитріевичъ. Плѣнные показываютъ, что на пароходахъ флота должны прибыть къ нимъ изъ Тулона 6-я и 7-я пѣхотныя дивизіи, которыя, по словамъ ихъ, уже отплыли, независимо отъ англійскихъ войскъ, ожидаемыхъ изъ восточной Индіи. Такимъ образомъ непріятель потери свои постоянно вознаграждаетъ и даже усиливаетъ (войска). Между тѣмъ какъ мы, теряя ежедневно людей въ Севастополѣ и въ сраженіяхъ, какъ напр. 24 числа, подкрѣпленія въ виду не имѣемъ и становимся числительностью слабѣе противниковъ нашихъ.

Обстоятельство это вынуждаетъ меня обратиться къ в. с. съ покорнѣйшею просьбою, подкрѣпить меня войсками, которыя составляли бы резервъ мой, двинувъ для сего немедленно усиленными переходами на подводахъ войска, расположенныя въ Николаевѣ, съ

тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ другими войсками, въ вѣдѣніи вашемъ состоящими. Кавалеріею мы значительно сильнѣе, но непріятель находится на мѣстности, гдѣ нельзя ее употребить иначе, какъ прорвавъ его линію, весьма сильно укрѣпленную.

Примите, в. с., увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности. Меншиковъ. На сѣверной сторонѣ Севастополя, 26-го (sic) октября 1854 г.

Его сіятельству князю М. Д. Горчакову.

Сѣверная, Севастополь, 2-го ноября 1854 г.

Любезный князь, отвѣчаю на ваше письмо отъ 25-го октября, привезенное мнѣ Сержпутовскимъ. Онъ же вручитъ вамъ и мое.

Уже нѣсколько дней, какъ осадныя работы непріятеля прекратились, а превосходство нашего огня помѣшало ему вооружить большую батарею передъ бастіономъ № 4-го, какъ увидите на прилагаемомъ планѣ. Теперь онъ занятъ сооруженіемъ контрвалаціонной линіи, снабжая ее сильными редутами, начиная отъ Инкерманской долины до моря, и онъ уже укрѣпилъ всѣ высоты за Черною Рѣчкою до Балаклавы. Положеніе его неприступное.

Эти укрѣпленія имѣютъ цѣлью обезпечить или отплытіе, или зимнія квартиры непріятеля. Послѣднее оправдывается разными приготовленіями и ожиданіемъ досчатыхъ балагановъ, въ родѣ нѣсколькихъ присланныхъ уже изъ Константинополя.

Севастополь падетъ въ обоихъ случаяхъ: если непріятель, усиливъ свои средства, успѣетъ занять бастіонъ № 4-й, и также если онъ продлитъ осаду, заставляя насъ издерживать порохъ. Пороху у насъ хватаетъ только на нѣсколько дней, и если не привезутъ свѣжаго, придется вывести гарнизонъ.

Весь, назначенный для крѣпостной артилеріи, порохъ вышелъ, за исключеніемъ 1,200 пудовъ, ожидаемыхъ черезъ недѣлю изъ Новочеркасска, и 4 т. пудовъ, высылаемыхъ изъ Вѣны; но когда эти получатся, неизвѣстно.

Овладѣетъ-ли непріятель Севастополемъ, или продлитъ осаду, намъ слѣдуетъ блокировать его армію въ теченіе зимы; а въ такомъ случаѣ, любезный князь, невозможно будетъ возвратить вамъ ваши войска. Если же непріятель отплыветъ, тогда я немедленно возвращу вамъ 4-й корпусъ драгуновъ и улановъ Корфа: послѣднихъ впрочемъ только, если Евпаторія будетъ очищена, и если для блокады ея достаточно будетъ прочаго войска.

Между тѣмъ, у меня потеря людей такъ значительна, что необходимо подкрѣпленіе пѣхотою, которая могла бы служить сильнымъ

резервомъ въ случаѣ, что непріятельскій корпусъ вздумаетъ прорѣзать блокадную линію.

Плѣнный французскій капитанъ увѣряетъ, будто недавно высажены на берегъ 6-я дивизія и одна бригада 7-й дивизіи; стало быть, силы непріятельскія значительнѣе того, что мы полагали. Онъ же сказывалъ, что 24-го числа убитъ адъютантъ Наполеона, генералъ Делурмель. Въ тотъ же день Англичане лишились лорда Каткарта, и еще одного генерала. Герцогъ Кембриджскій кажется контуженъ въ ногу.

Я полагаю, что Лавровъ, котораго вы требовали къ себѣ, уже нѣсколько дней находится при васъ. Всѣмъ сердцемъ вашъ. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 10-го ноября 1854 г.

Я получилъ ваше собственноручное письмо отъ 30-го октября черезъ г. Попова, котораго отправляю къ вамъ обратно. Отъ всего сердца благодарю васъ за это письмо: я узналъ въ немъ друга молодости и привязанность стараго сослуживца, котораго чувства лѣта не охладили и чьи совѣты принимаю съ благодарностью.

Всѣ работы непріятеля клонятся къ укрѣпленію въ большихъ размѣрахъ контрвалаціонной линіи позади траншей, для прикрытія своей зимней стоянки.

Неприступность его позиціи даетъ ему возможность высаживать на всякомъ пунктѣ берега, по ту сторону нашей блокадной линіи, Турокъ, Египтянъ, Тунисцевъ. А какъ я поддержу эту блокаду тѣмъ, что остается у меня сверхъ гарнизона? Кавалеріею этого нельзя сдѣлать, ей нуженъ фуражъ, а разсѣянную пѣхоту побьютъ отдѣльными частями.

Позиція Липранди все еще занята войскомъ подъ непосредственнымъ начальствомъ вашего братца, но онъ принужденъ будетъ приберегать ее, держась все-таки Черной Рѣчки. Онъ отправилъ драгунъ и гусаръ въ Бахчисарай; по причинѣ испорченныхъ дорогъ, сѣно не подвозятъ.

Севастополь будетъ держаться до тѣхъ поръ, покуда не сожгутъ нашего флота; еслибъ послѣднее случилось, то надобно будетъ стараться вывести изъ крѣпости гарнизонъ: иначе онъ погибнетъ. Только стихіи могутъ содѣйствовать нашему успѣху, если поглотятъ провіантъ нашихъ противниковъ, а голодъ заставитъ ихъ уйти. Все это приводитъ меня въ отчаяніе.

Здоровье вашего братца плохо, а мое и того плоше. Можетъ случиться, что мы оба одновременно не въ состояніи будемъ управлять операціями, тогда начальство должно перейти въ руки Даненберга,

но это было бы истинное несчастіе. Я обратилъ вниманіе военнаго министра на это обстоятельство. Можно бы было замѣнить корпусъ Даненберга корпусомъ Сакена.

Обнародованная въ Петербургѣ реляція Альминскаго сраженія была составлена въ министерствѣ на основаніи однихъ слуховъ, до полученія моей, и въ ней о братцѣ вашемъ ничего не сказано, что, конечно, его оскорбило. Между тѣмъ, вотъ что я сказалъ о немъ въ своемъ рапортѣ (см. стр. 305). Прощайте, любезный князь, еще разъ благодарю за письмо ваше. Меншиковъ.

Офенбергъ только что вручилъ мнѣ ваше письмо отъ 6 ч. Нечего и говорить, какое впечатлѣніе произвела на меня измѣна Пруссіи. А на счетъ Омера-паши, я надѣюсь, что ваши войска побьютъ его; онѣ спасутъ Севастополь.

Сѣверная, 16-го ноября.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно барона Офенберга: онъ разскажетъ вамъ о нашемъ положеніи.

Непріятель возобновилъ свои осадныя работы; онъ возводитъ и вооружаетъ нѣсколько батарей, предназначенныхъ, кажется, для обстрѣливанія бастіоновъ №№ 3, 4 и 5. Если ему удастся заставить замолчать нашу артилерію, тогда всѣ преимущества будутъ на его сторонѣ, развѣ случится что-нибудь необыкновенное. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 21-го ноября 1854 г.

Очень вамъ благодаренъ, любезный князь, за присылку англо-французскихъ бюлетеней о вылазкѣ 24-го октября, вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ отъ 11-го сего мѣсяца.

Вы повторяете однажды уже высказанное вами мнѣніе о несвоевременности покуда рѣшительнаго наступательнаго движенія съ моей стороны. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, но въ Петербургѣ не то думаютъ. Тамъ хотятъ, чтобы я правымъ крыломъ сдѣлалъ такое же движеніе, какое оказалось столь неудачнымъ съ лѣвымъ, и на которое мнѣ указывали два раза свыше, но на этотъ разъ я буду настаивать на невозможности, развѣ формально прикажутъ идти напроломъ.

Какъ ни ужасна погода, а торговыя суда каждый день приходятъ со свѣжими припасами для непріятеля. Не могу еще распознать, что́ онъ замышляетъ. Похоже на намѣреніе выждать подкрѣпленіе, а тамъ съ новою силою возобновить дѣйствія. Газеты пишутъ о посылкѣ дивизій Дюлака и Саля, входившихъ въ составъ южнаго корпуса; а англійскія линейныя суда снялись съ якоря 16-го ч. и направились къ востоку. Изъ 21-го линейнаго корабля, какъ французскихъ, такъ и англійскихъ, стоявшихъ въ октябрѣ на якорѣ передъ Севастополемъ,

осталось теперь только 9: 4 англійскихъ и 5 французскихъ. Грозная линія контрвалаціонныхъ редутовъ безпрестанно совершенствуется, а со стороны Англичанъ производятся апроши, съ цѣлью занять пункты, откуда можно будетъ бомбардировать рейдъ, чтó вынудитъ насъ поддерживать огонь и издерживать много пороху.

За исключеніемъ стрѣльбы изъ нѣсколькихъ мортиръ, батареи ихъ молчатъ. У непріятеля устроено много новыхъ въ траншеяхъ; но онѣ не демаскированы. Если всѣ онѣ вооружены (въ чемъ я не увѣренъ), то намъ придется отвѣчать на 200 орудій какъ французскихъ, такъ и англійскихъ.

Тотлебенъ нашелъ возможнымъ употребить съ этою цѣлью 198 орудій; онѣ произведутъ свое дѣйствіе, если только хватитъ у насъ пороха. Я страшусь этой канонады, потому что она похититъ изъ нашего гарнизона до 1,500 или до 2,000 человѣкъ.

Съ другой стороны не замѣтно, что бы подвигались наступательныя траншеи противъ пунктовъ атаки; каждый день мы видимъ, какъ артилерія и багажъ направляются къ пристанямъ. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ — и за и противъ — я въ недоразумѣніи.

Государь полагаетъ, что непріятель высадится въ значительномъ числѣ въ Евпаторіи, съ цѣлью дѣйствовать на Перекопъ и на наши сообщенія. Поэтому онъ приказалъ мнѣ направить туда драгунъ для соединенія ихъ съ дивизіею Корфа и отдать все подъ начальство генерала Врангеля. Исполняя этотъ приказъ, я размѣщаю драгунъ по квартирамъ на Альмѣ и Бугунакѣ. По мнѣ, такое предпріятіе непріятеля кажется невѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ нынѣшнею зимою.

Спрошенные дезертиры увѣряютъ, будто въ непріятельскихъ войскахъ стали роптать, но начальники собрали каждый своихъ людей и объявили имъ, что Омеръ-паша высадился въ Крыму, въ тылу нашемъ; что мы принуждены будемъ отступить, а затѣмъ они расположатся на зимнихъ квартирахъ въ Севастополѣ.

Изъ доставленныхъ вами сухарей одна партія положительно никуда не годится; но какъ между счетчиками магазина съ одной стороны и полковыми съ другой произошла стачка, то мнѣ пришлось бросить розыски. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Прошлою ночью непріятель провелъ далѣе лѣвую паралель противъ бастіона № 5-й.

Съ этимъ письмомъ отправляю къ вамъ обратно Бобринскаго. Если вы пришлете мнѣ сюда еще кого-нибудь, то я весьма буду вамъ обязанъ, только бы это не былъ Л*.

Сѣверная, Севастополь, 27-го 28-го ноября 1854 г.

Любезный князь, я получилъ вчера ваше дружеское письмо отъ 21-го числа, и весьма за него благодаренъ. Вы навели мысли мои на такія мѣры, которыя почти не приходили мнѣ въ голову. Мои физическія силы не соотвѣтствуютъ возложенной на меня обязанности; штабъ мой принужденъ предвидѣть и исполнять одинъ столько дѣлъ, что у меня не хватаетъ на это ни времени, ни способностей.

Войска мои безъ генераловъ. Соймоновъ умеръ; Вильбоа и Октерлони не способны служить; Павловъ, о которомъ отзывались, какъ о храбрецѣ, исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя. Липранди безпеченъ до-нельзя, и всегда находитъ препятствіе какому-нибудь энергичному дѣлу. 6-й корпусъ братца вашего въ Чургунѣ не можетъ похвастать лучшимъ состояніемъ. Моллера, неспособнаго долѣе дѣйствовать въ Севастополѣ, я замѣстилъ Сакеномъ.

Письмо Штакельберга кажется мнѣ извлеченіемъ газетныхъ извѣстій, и, какъ вы замѣтили, надобно порядочно сбавить цифру высылаемыхъ въ Крымъ войскъ. Англійское подкрѣпленіе изъ Пирея уже прибыло сюда, а численность французскихъ дивизій едва-ли превышаетъ 17 или 18 т. человѣкъ; если эти войска высадятъ на берегъ, гдѣ-нибудь сѣвернѣе Севастополя, то ихъ удержитъ наша многочисленная кавалерія, буде не разобьютъ или ослабятъ ихъ наши войска, стоящія въ полѣ. Но гораздо вѣроятнѣе, что это подкрѣпленіе присоединится къ осаждающимъ на Херсонесскомъ мысу.

Вчера, 27-го числа, я началъ письмо, а сегодня (28-го числа) кончаю. Прощайте. Преданный вамъ Меншиковъ.

P. S. Изъ Петербурга прибылъ курьеръ. Мною недовольны, требуютъ атаки; вы можете себѣ представить и взвѣсить то, что я испытываю.

Наше взаимное положеніе съ непріятелемъ все тоже: онъ облегаетъ, но не приближается къ крѣпости, а мы противоставляемъ ему ложементы съ стрѣлками.

Сѣверная, 29-го ноября 1854 г.

Любезный князь, отправляю къ вамъ обратно вашего курьера Бибикова съ этимъ письмомъ и весьма нужнымъ письмомъ отъ вашего братца.

Послѣ того, что я написалъ вамъ вчера съ Долгорукимъ, мнѣ мало остается къ этому прибавить. Корфъ и Врангель рапортуютъ, что Евпаторію сильно укрѣпляютъ, вооружая ее артилеріею, кото-

рую непріятель свозитъ съ двухъ 80-ти пушечныхъ линейныхъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе въ виду города во время бури, бывшей 2-го числа. Говорятъ, что уже поставлено 40 орудій на батареи. Сегодня мы видѣли буксируемый пароходомъ англійскій большой транспортъ, шедшій отъ Херсонесскаго мыса въ Евпаторію съ войскомъ.

26-го числа сего мѣсяца два непріятельскія судна дѣлали промѣръ Перекопскаго залива; извѣстно, что крайній уголъ этого залива не судоходенъ и часто замерзаетъ.

Сакенъ принялъ начальство надъ Севастополемъ; особеннаго тамъ ничего не произошло въ теченіе дня. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 2-го декабря 1854 г.

Любезный князь, вчера вечеромъ я получилъ ваши письма отъ 26-го и 27-го ноября. Отложу отвѣтъ на нихъ до другаго раза; теперь тороплюсь отправить обратно Крузенштерна съ извѣстіемъ, что такъ какъ императрицѣ очень худо, то великіе князья завтра уѣзжаютъ отсюда въ Петербургъ, съ тѣмъ, что бы послѣ возвратиться. Ихъ экипажи и часть ихъ свиты остаются въ моей главной квартирѣ.

Союзники отправили въ Евпаторію нѣсколько судовъ съ турецкимъ войскомъ, вѣроятно съ цѣлью обезпечиванія города, какъ пристанью для поджидаемаго изъ Тулона подкрѣпленія. Нѣсколько военныхъ судовъ показалось въ Перекопскомъ заливѣ. Тамъ господствуетъ паника, дѣйствія которой опасаюсь для своихъ транспортовъ. Для успокоенія людей посылаю соединенную кавалерійскую бригаду Рыжова, какъ ненужную мнѣ и дорого мнѣ обходящуюся, которая займетъ мѣстность между Перекопомъ и Краснымъ; присоединяю къ нимъ конную и пѣшую батареи въ подкрѣпленіе стоящихъ тамъ двухъ резервныхъ баталіоновъ.

Въ тоже время я велѣлъ придвинуть одинъ изъ полковъ Корфа къ южному берегу залива.

Третьяго дня, на небольшой вылазкѣ, мы взяли изъ французской траншеи три 20-ти фунт. кугорновы мортиры на нашъ вѣсъ. Насъ продолжаютъ тѣснить съ ихъ лѣваго крыла. Всѣмъ сердцемъ вашъ Меншиковъ.

Сѣверная, 7-го декабря 1854 г.

(Весьма секретно). Я только что получилъ заразъ, отъ Государя и отъ военнаго министра, копіи трехъ прилагаемыхъ при семъ телеграфическихъ депешъ; изъ нихъ вы увидите, что́ меня здѣсь ожидаетъ. Въ письмѣ своемъ отъ 27-го ноября Государь говоритъ:

„Комплектованіе буду стараться подвигать; резервные баталіоны

10-й, 11-й и 12-й дивизій, резервныя бригады 16-я и 17-я будутъ теперь же посланы въ Херсонъ и Николаевъ, на черный день. Хотя кавалеріи у тебя много, и тѣмъ тылъ твой много обезпеченъ, но часть пѣхоты и я бы полагалъ, именно резервную бригаду 12-й дивизіи, хорошо бы оставить у Перекопа".

Поэтому мнѣ остается разсчитывать на подкрѣпленіе только резервовъ 10-й и 11-й дивизій, изъ коихъ два баталіона уже находятся здѣсь, т. е. на нѣсколько тысячъ необученныхъ людей, въ жизнь свою не заряжавшихъ ружье, даже на ученьи, и все это подъ командою неопытныхъ офицеровъ. А изъ другого мѣста въ государевомъ письмѣ я долженъ заключить, что и это подкрѣпленіе подойдетъ не ранѣе весны.

Средства тамъ, гдѣ есть способныя къ битвѣ войска и генералы, а у меня нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Въ довершеніе хлопотъ, не могу справиться съ устройствомъ провіантныхъ транспортовъ. Три транспорта сухарей изъ вашего продовольствія оказались попорченными и сгнившими до того, что даже при недобросовѣстной сортировкѣ ихъ нельзя употребить въ дѣло. Плутъ N. N. заставилъ принять этотъ транспортъ, задержавъ съ намѣреніемъ остальные. Потомъ и эти были задержаны непроходимыми дорогами; такъ мы живемъ изо дня въ день, къ крайнему моему огорченію. Предвидя возможность оставить мою позицію, чтобы идти на встрѣчу непріятелю, я, понятно, долженъ позаботиться о доставкѣ провіанта въ Севастополь, а между тѣмъ ни откуда нѣтъ привоза. Торопить присылкою провіанта тоже положительно некого. Я писалъ въ Петербургъ о присылкѣ интенданта, но когда, и кого еще пришлютъ? Я принужденъ самъ вести счетъ припасамъ, какъ ни изнемогаю отъ усталости и заботы.

Нѣтъ-ли у васъ, любезный князь, для присылки въ Перекопъ смышленаго человѣка для этого дѣла? Я просилъ покуда Анненкова поручить адъютанту его Ходневу разъѣзды по дорогѣ изъ Перекопа въ Севастополь, для наблюденія за подвозомъ мѣстными средствами и также за починкою мостовъ и исправленіемъ рытвинъ.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ дней огонь нашихъ застрѣльщиковъ и картечный такъ хорошо былъ направленъ, что непріятель не могъ ни на шагъ далѣе подвинуть свои траншеи, которыми онъ обложилъ бастіонъ № 5-й. Онъ продолжаетъ перевозить въ Евпаторію Турокъ и кавалерію, и каждый день получаетъ подкрѣпленія, хотя и въ маломъ числѣ.

Англійскіе дезертиры то и дѣло перебѣгаютъ къ намъ, говоря, что имъ не въ моготу отъ стужи и сплина.

Велите сдѣлать для насъ большую закупку провіанта на случай вынужденнаго отступленія. Не можете-ли вы также поручить кому-нибудь постройку крѣпостцы на Перекопѣ, для обезпеченія этого поста и успокоенія властей и гарнизона.

Вы мнѣ писали, что представляли о посылкѣ сюда подкрѣпленія; отвѣчали-ли вамъ? Я предпочитаю 8-ю дивизію резервнымъ баталіонамъ. Всѣмъ сердцемъ вашъ, любезный и добрѣйшій князь, Меншиковъ.

P. S. Сейчасъ получилъ письмо отъ Государя, отъ 29-го ноября; Его Величество пишетъ мнѣ, что отношенія наши къ Австріи очень худы. Здоровье Императрицы поправляется.

Сѣверная, 17-го декабря 1854 г.

Любезный князь, ваши дружескія и поучительныя письма отъ 3-го и 5-го декабря переданы мнѣ Рудановскимъ и Столыпинымъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ совѣты и указанія. Я всегда буду за это признателенъ.

Чрезвычайно тревожитъ меня критическое состояніе, въ которомъ нахожусь относительно запаздывающаго продовольствія.

Лошади походныхъ магазиновъ измучены, а отдыха имъ дать не могу, и нечѣмъ ихъ замѣнить. Въ такомъ же положеніи лошади полковыхъ обозовъ, а война истребила послѣднія немногочисленныя мѣстныя подводы.

Что касается Севастополя, то непріятель угощаетъ его нещадно бомбами, и денно и нощно, но не производитъ большого вреда. Мы отвѣчаемъ ему картечью изъ мортиръ, тревожа его этимъ не мало, особенно 8 фунт. гранатами; жаль только, что изготовленіе послѣднихъ затруднительно.

Судя по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, Французы подкапываются по направленію къ бастіону № 4-й. Устье ихъ галереи находится во рву, въ 70 саженяхъ отъ бастіона, и работа тихо подвигается. Тотлебенъ проводитъ на встрѣчу имъ тайныя галереи, однако до сихъ поръ непріятельскаго подкопщика не слыхать.

По словамъ дезертировъ, генералы требуютъ по 30 волонтеровъ съ роты, ко дню приступа, назначеннаго на 1-е января, т. е. на 21-е декабря по нашему стилю, въ понедѣльникъ. Я этому плохо вѣрю, хотя, по словамъ перебѣжчиковъ и дезертировъ, войско дѣйствительно требуетъ штурма, чтобы чѣмъ-нибудь покончить.

Уже нѣсколько дней къ ряду, непріятельскіе пароходы перевозятъ войска изъ Евпаторіи къ Херсонесскому мысу и обратно. Русскіе, которымъ удалось бѣжать изъ Евпаторіи, разсказываютъ, что туда при-

ведены турецкіе полки въ самомъ жалкомъ положеніи съ 6-ю орудіями и малымъ числомъ кавалеріи; но что провіанта и пресованнаго сѣна, взятаго ими съ собою, не надолго хватитъ. Начальникъ этого войска Тефикъ-паша, ренегатъ, и, какъ сказываютъ, зять Омера-паши; послѣдняго тоже ждутъ.

Французскія подкрѣпленія безпрестанно подходятъ, но полки 7-й дивизіи (Дюлака), повидимому, еще въ пути.

Я чрезвычайно нуждаюсь въ офицерахъ генеральнаго штаба, хотя нѣсколько способныхъ. Находящіеся при мнѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, совершенныя пѣшки; къ такимъ принадлежитъ N. N.; не могу вамъ сказать, до какой степени онъ неспособенъ исполнять должность оберъ-квартирмейстера.

Урусовъ принялъ начальство надъ 10-ю дивизіею, которой нуженъ энергичный командиръ. Генералъ Баумгартенъ уже не тотъ, что̀ былъ полковникомъ при Четати. Хрулева оставляю при себѣ, на случай экспедиціи, къ которой могутъ вызвать движенія непріятеля.

Поручаю это письмо Рудановскому. Прощайте, добрѣйшій князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 21-го декабря 1854 г.

Сейчасъ получилъ отъ Государя письмо, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ:

— Великіе князья возвратятся сюда къ Крещенію, выѣхавъ изъ Петербурга 26-го числа.

— Узнавъ, что солдаты въ разныхъ пунктахъ сдали свои ранцы, Государь приказываетъ: „Неукоснительно и безотговорочно привезти ранцы, и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять солдатамъ покидать ихъ".

— Такъ какъ въ крымской арміи завелись разные фантастическіе костюмы, то велѣно строго соблюдать форму.

Вообще въ тонѣ письма замѣчается скрытое неудовольствіе, смягченное нѣсколькими милостивыми словами.

Такъ какъ дезертиры говорили, что непріятель располагалъ въ день ихъ новаго года начать приступъ крѣпости, то мы всю ночь были насторожѣ.

Корсаковъ ничего не пишетъ мнѣ о дивизіи Урди, ни о 6 казацкой сотнѣ, которую сравниваютъ съ пеструшками. Что слышали вы на этотъ счетъ?

Еслибъ вамъ вздумалось написать вашему братцу, то пришлите съ письмомъ Столыпина, а я отправлю его обратно послѣ завтра.

Вы не повѣрите, сколько я обязанъ вашему братцу, не говоря

уже о томъ, что онъ добровольно сдѣлалъ въ пользу нашего крымскаго корпуса. Онъ и мнѣ приходитъ на помощь своими указаніями, совѣтами, своею опытностью въ дѣлѣ начальствованія и управленія арміею, словомъ всѣмъ, къ чему только подвигаетъ его дружба ко мнѣ. Я чрезвычайно ему благодаренъ. Искренно вашъ, любезный князь. Меншиковъ.

Сѣверная, 22-го декабря 1854 г.

(Секретно). Кланяюсь вамъ въ ноги, любезный и искренній другъ, за готовность прислать вашего генералъ-интенданта. Жду его, какъ Мессію. А за подкрѣпленія, которыя вы направляете къ Крыму, вся Россія будетъ вамъ благодарна.

Въ одно время съ вашимъ отношеніемъ касательно маршрута войскъ, я получилъ письмо отъ Государя, которое связываетъ меня заключающимися въ немъ повелѣніями. Я прилагаю здѣсь извлеченіе изъ этого письма, также копію моего письма къ военному министру.

По рѣшительному приказанію Государя, я пріостановилъ на Перекопѣ всю 8-ю дивизію; но еслибы вы получили согласіе на представленную вами ко двору и вполнѣ разумную диспозицію новыхъ подкрѣпленій, то дайте мнѣ знать о томъ немедленно. Герштенцвейгъ имѣетъ что-то сообщить мнѣ; я не знаю, въ чемъ дѣло, но говорятъ, что его распоряженія болѣе развяжутъ мнѣ руки, нежели сколько позволяетъ письмо Государя.

Относительно резервныхъ бригадъ и баталіоновъ 11-й дивизіи и резервовъ въ корпуса я нахожусь въ невѣдѣніи; не знаю, гдѣ они находятся, и кто ихъ начальники. Въ Уральскомъ казацкомъ полку лошади никуда не годятся и совершенно испорчены, столько же по причинѣ безпечности командира, сколько и по безденежью (какъ и во всѣхъ крымскихъ войскахъ). Сумма задержанныхъ платежей страшная, а выданный капиталъ не покроетъ ее, несмотря на настойчивыя просьбы, обращенныя въ министерство.

Соединенная кавалерійская бригада Рыжова можетъ замѣнить этихъ казаковъ на сѣверѣ Перекопа, гдѣ уже находится одинъ изъ полковъ этой бригады, а другому, за недостаткомъ фуража, велю двинуться къ Днѣпру. Рыжову можно будетъ поручить начальство надъ отрядомъ, который вы располагаете сформировать. Это человѣкъ со смысломъ, но ему надобно бы еще хорошаго офицера генеральнаго штаба.

Хрулевъ былъ бы, пожалуй, еще лучше, но онъ въ чинѣ моложе Рыжова; къ тому же, я желалъ бы его оставить при себѣ на такой случай, гдѣ понадобится употребить всю силу войска; а такой случай можно ожидать только въ половинѣ февраля; до тѣхъ поръ непрія-

тель едва-ли въ состояніи предпринять что-либо значительное. Его подкрѣпленія убываютъ вслѣдствіе болѣзней, и я надѣюсь, что еще и январскія мятели подбавятъ къ нимъ своего.

У меня здѣсь 4 т. больныхъ и раненыхъ, и, за недостаткомъ средствъ, я могу вывозить ихъ отсюда только небольшими партіями, однѣ за другими, и то, подвергая ихъ опасности замерзнуть на дорогѣ. Это тѣмъ болѣе хлопотно, что госпитали находятся внѣ укрѣпленій, и придется ихъ бросить, если я буду вынужденъ оставить свою позицію и идти на встрѣчу непріятелю, который можетъ высадиться между Севастополемъ и Перекопомъ. Дороги изъ Симферополя сюда въ такой степени разбиты, недостатокъ въ фуражѣ таковъ, что никто, ни возчики, ни кулаки, даже за баснословныя цѣны не рѣшаются взять на себя перевозку сюда чего-либо. Я вынужденъ отправить кавалерію и часть артилеріи во внутрь страны; а именно артилерію поставить въ вагенбургъ, устроенный мною на Салгирѣ, при устьѣ Зоніи, и укрѣпляемый. Я поставлю его подъ защиту двухъ резервныхъ баталіоновъ Подольскаго польна, стоящихъ теперь въ Перекопѣ. Они не входятъ въ счетъ вашихъ диспозиціонныхъ исчисленій, и отъ нихъ можно отрядить двѣ роты для защиты Чонгорскаго моста. Вотъ вкратцѣ, любезный князь, что я рѣшилъ:

1) Если принятъ будетъ въ Петербургѣ представленный вами планъ дѣйствія, то я одну изъ бригадъ 8-й дивизіи двину къ центру Крыма, предоставляя себя придвинуть и другую, если бы непріятель высадился на югѣ Перекопа.

2) Резервные баталіоны 10-й дивизіи и два баталіона Днѣпровскаго полка 12-й дивизіи, присланные отъ васъ, я присоединю къ соотвѣтствующимъ имъ полкамъ, соблюдая нужныя при этомъ измѣненія.

3) Просить васъ отдать остальному войску прямыя отъ себя приказанія, согласныя или съ положеніемъ, или съ желаніемъ Государя. Если бы я между тѣмъ получилъ изъ Петербурга еще послѣднія приказанія, то я не замедлю сообщить ихъ вамъ.

4) Если вы полагаете **Рыжова** неспособнымъ командовать сѣвернымъ перекопскимъ отрядомъ, а между тѣмъ найдете, что онъ старше **Богушевскаго**, то нѣтъ ничего проще, какъ послать перваго съ полкомъ въ резервъ на Днѣпръ, а другой полкъ оставить при арміи.

Теперь скажу о Севастополѣ. Взаимное положеніе не измѣнилось. Непріятель усовершенствуетъ свои траншеи, а мы увеличиваемъ наши оборонительные рвы, какъ въ ширину, такъ и въ профиль. Наши небольшія вылазки сильно его безпокоятъ: заставляютъ лагери браться за оружіе и утомляютъ войско. Огонь его мортиръ такъ чувстви-

лей, что мы ежедневно теряемъ отъ 15-ти до 30-ти человѣкъ. Я думаю, что и противникамъ нашимъ не легче, потому что выстрѣлы наши очень мѣтки.

Мы очистили равнину со стороны Балаклавы, за неимѣніемъ фуража для кавалеріи; Чоргунскій выходъ занятъ бригадою 17-й дивизіи, а входъ въ Байдарскую долину нѣсколькими казаками. Непріятельскіе отряды дважды подходили рекогносцировать нашу позицію. При этомъ случаѣ видѣли вновь прибывшую кавалерію, которая преслѣдовала казаковъ. Вашъ братецъ говорилъ мнѣ, что кавалерія эта отличная и очень смѣлая.

Примите, добрѣйшій князь, увѣреніе въ моей глубочайшей признательности и искренней дружбѣ. Меншиковъ.

Забылъ вамъ сказать, что великіе князья Николай и Михаилъ выѣзжаютъ изъ Петербурга сюда 26-го. Вручитель письма Столыпинъ.

Сѣверная, 28-го декабря 1854 г.

Благодарю васъ еще разъ, любезный князь, за присылку Затлера, который и прибылъ сюда. Изъ собранныхъ имъ по дорогѣ свѣдѣній, онъ понялъ вполнѣ мое положеніе, и вслѣдъ за пріѣздомъ представилъ мнѣ записку, ясно излагающую способы продовольствія. Онъ предложилъ мнѣ немедленно назначить генералъ-интендантомъ Вунша, директора моей канцеляріи. Послѣдній уже былъ предупрежденъ имъ объ этомъ представленіи. Я поспѣшилъ утвердить это назначеніе, хотя оно и не понравится въ Петербургѣ, потому что тифлисскіе прославили его взяточникомъ. Я думаю, это клевета; по крайней мѣрѣ я не слышалъ ничего такого, что̀ заставило бы меня думать противное.

Затлеръ основательно полагаетъ, что кавалерія не въ состояніи будетъ удержаться въ Крыму болѣе двухъ мѣсяцевъ, и что къ веснѣ она будетъ никуда не годна. Онъ желалъ бы, чтобы 8-я пѣхотная дивизія расположилась въ окрестностяхъ Евпаторіи, взамѣнъ части, а если можно, такъ и всей кавалеріи, блокирующей этотъ пунктъ. Съ нѣкоторыми измѣненіями эта мѣра была бы самая дѣльная, но она не согласна съ волею Государя, и я могу только доложить о ней двору. Попову —— прикажу подчиниться генералу Богушевскому, а послѣднему велю съ Поповымъ идти на помощь Корфу или Врангелю, еслибъ непріятель въ большомъ числѣ выступилъ изъ Евпаторіи. Въ случаѣ, что не будетъ приказаній отъ васъ, Богушевскій долженъ будетъ слѣдовать тѣмъ, которыя я ему дамъ.

Многое хотѣлъ бы я вамъ сказать, о многомъ спросить, любезный

князь, да поручаю все это Затлеру, который скоро къ вамъ будетъ. Сегодня ограничусь этимъ посланіемъ, которое вручитъ вамъ наименѣе прыткій изъ вашихъ курьеровъ.

У насъ тутъ были жестокія мятели, отъ которыхъ не мало пострадалъ непріятель. По словамъ дезертировъ у множества солдатъ отморожены ноги, которыя пришлось отнять. Но со времени моего послѣдняго письма ничего не измѣнилось въ нашемъ обоюдномъ положеніи.

Примите, любезный князь, увѣреніе въ моей старинной и искренной дружбѣ. Меншиковъ.

P. S. Ни военный министръ, ни Государь не извѣщаютъ меня о маршрутѣ резервовъ 16-й и 17-й дивизій, такъ что я уже не могу направлять ихъ путь; пожалуй, встрѣчусь съ распоряженіями, которыя вамъ раньше прикажутъ сдѣлать, и выйдетъ путаница.

Сѣверная, 1-го января 1855 г.

Любезный князь, поздравляю васъ съ новымъ годомъ, не распространяясь о всѣхъ пожеланіяхъ вамъ по этому случаю, счастія и благоденствія; старинная дружба и признательность моя говорятъ объ этомъ лучше всего.

Ваше письмо отъ 24-го декабря прибавило новый поводъ къ благодарности моей къ вамъ.

Въ окрестности Симферополя пришли первые баталіоны резерва; по приказанію Государя, я отряжаю оттуда кадры въ Николаевъ.

Послѣ этой операціи, наличность подкрѣпленія, доставляемаго этими баталіонами, ограничится приблизительно 2,500 человѣкъ, не включая сюда нѣскольких сотень людей, выписанныхъ изъ госпиталей и причисленныхъ къ баталіонамъ.

22-го декабря Омеръ-паша пришелъ въ Евпаторію; пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, онъ отправился въ лагерь союзниковъ. Въ настоящее время, говорятъ, онъ въ Балаклавѣ. Люди, прибывшіе изъ Евпаторіи, увѣряютъ, будто онъ, уѣзжая, объявилъ, что онъ намѣренъ переговорить со мною о заключеніи мира.

Прилагаю при семъ небольшой бюлетень извѣстій.

О своемъ положеніи не стану говорить. Затлеръ, бывшій здѣсь, представитъ вамъ его въ незавидномъ свѣтѣ.

Вы меня пугаете, любезный князь, объявленіемъ, что графъ . . . . вамъ понадобится. Вѣдь безъ руководителя Врангель и Корфъ только (ошибокъ) надѣлаютъ, а откуда мнѣ взять для нихъ наставника?

Въ частныхъ письмахъ изъ Петербурга, люди всевѣдующіе сооб-

щаютъ, будто бы въ Вѣнѣ уже приступили къ переговорамъ, а принцъ прусскій начинаетъ измѣнять чувству пристрастія къ западу!

Въ моей настоящей лачужкѣ такой холодъ, что пальцы у меня окоченѣли, и я принужденъ покончить это письмо. Прощайте. Меншиковъ.

Жабокрицкій вручитель этого письма.

Сѣверная, Севастополь, 3-го января 1855 г.

Любезный князь, сейчасъ съ Мавросомъ получилъ ваше письмо отъ 24-го декабря, и, по желанію вашему, спѣшу отправить къ вамъ фельдъегеря съ извѣстіемъ, что отдаю М...ина въ ваше распоряженіе. Это человѣкъ способный и дѣятельный, но чувствительный къ личному уваженію. Нѣсколько лестныхъ словъ его особѣ, и онъ пойдетъ для васъ въ огонь и воду.

Прибывшій изъ Петербурга курьеръ привезъ мнѣ повелѣніе—передать 8-ю дивизію князю Урусову; и такъ я отправлю его въ Перекопъ. Но какъ Поповъ старше его, то я успокою его объявленіемъ, что для него есть въ виду другое неизвѣстное мнѣ назначеніе. Можетъ быть, вы найдете возможнымъ дать ему покуда исправлять должность коменданта въ Херсонѣ за смертію генералъ-лейтенанта Краббе.

Отъѣздъ великихъ князей въ Крымъ отложенъ до 2-го января.

Ваши вѣнскія извѣстія возмущаютъ меня; сила обстоятельствъ заставитъ Пруссію послѣдовать за Австріею; а какъ выпутаемся мы при нашихъ истощенныхъ финансахъ, если не вывезетъ насъ какое-нибудь чрезвычайное событіе? Намъ приходится разсчитывать на однѣ случайности!

7-я французская дивизія навѣрное пришла; но кажется, что ею пополнили потери шести прочихъ дивизій; впрочемъ, я въ этомъ не увѣренъ.

Ничего не знаю о пребываніи Омера-паши въ лагерѣ союзниковъ. Мы продолжаемъ дѣлать ночныя вылазки, которыя вообще удаются. Одна только вылазка, произведенная Тобольскимъ полкомъ, вслѣдствіе даннаго ей Баумгартеномъ направленія, вышла неудачна.

. . . .

Заключаю письмо, любезный князь, чтобы не задерживать фельдъегеря, готоваго ѣхать. Всѣмъ сердцемъ вашъ. Меншиковъ.

Сѣверная, Севастополь, 12-го января 1855 г.

Любезный князь, по вашему желанію, я возвращаю вамъ вашего зятя, отозваннаго мною съ батареи его въ Севастополь съ тѣмъ, чтобы онъ, посмотрѣвъ что тамъ дѣлается, передалъ бы вамъ.

Со дня отсылки моего послѣдняго письма здѣсь не случилось ничего достойнаго упоминанія. Сегодня, любезный князь, я ничего къ этому не прибавлю, по причинѣ болѣзни, которая не позволяетъ мнѣ бесѣдовать съ вами. Но я надѣюсь распространиться о разныхъ предметахъ въ будущемъ письмѣ. Преданный вамъ Меншиковъ.

P. S. Сейчасъ получилъ съ ординарцемъ вашимъ, Коцебу, ваше любезное письмо.

Чтобъ не задерживать болѣе нежели нужно вашихъ курьеровъ, я возвращаю вамъ Мавроса и Столыпина; а останутся при мнѣ этотъ маленькій Коцебу и Сухтеленъ; послѣдній раненъ въ животъ, хоть и не опасно, въ одну изъ ночныхъ нашихъ вылазокъ, которыми мы тревожимъ непріятеля.

Молодые великіе князья съ 7-го на 8-е число ночевали въ Харьковѣ. Я жду ихъ сюда черезъ два или три дня.

Сѣверная, 21-го января 1855 г.

Благодарю васъ, любезный князь, за письма, привезенныя Красовскимъ и Коцебу, и за всѣ умныя и основательныя мысли, которыми я и воспользуюсь.

Продовольствіе начинаютъ подвозить сюда; сѣверная часть Севастополя укрѣпляется, но окопать лагерь отъ моря до фермы Мекензи,—сущая невозможность.

Пришлось бы, слѣдуя за всѣми извилинами почвы, обнять разстояніе въ тридцать верстъ.

Въ настоящемъ положеніи вотъ какія можно бы принять мѣры: если непріятель выступитъ у верхняго теченія Черной, то занять высоты Мекензи; если же онъ, выйдя изъ Евпаторіи, пойдетъ берегомъ, то поставить его между почтовою станціею Бельбека и Инкерманскимъ мостомъ на дорогѣ къ Бахчисараю. Это въ такомъ случаѣ, если бы не представлялась возможность опрокинуть его на Евпаторію, или къ морю, идучи о бокъ съ нимъ тою же дорогою.

Туже позицію слѣдуетъ взять, съ нѣкоторыми измѣненіями, если бъ непріятель рѣшился пробиться чрезъ Инкерманскій дефилей, что̀ не легко, если у насъ будутъ войска для его защиты.

Въ двухъ письмахъ отъ Государя, полученныхъ въ промежуткѣ трехъ дней, мнѣ предписываются слѣдующія двѣ операціи:

Первая—постараться съ помощью сильнаго огня отнять Евпаторію. Это и возможно и полезно, если я могу располагать всею 8-ю дивизіею.

Вторая—выступить изъ Севастополя и атаковать осаждающихъ. Положимъ, что мы выступимъ и возьмемъ одинъ или два англійскіе

редута съ большою потерею людей; но удержимся-ли мы тамъ противъ 90-ти т. человѣкъ, не включая сюда Турокъ? Вотъ главный вопросъ!

По этому предмету —— совѣтуются подъ рукою съ людьми, можетъ быть болѣе меня способными рѣшить затруднительный вопросъ; тогда я буду вынужденъ собрать военный совѣтъ, который заставитъ (всѣхъ) громко выразить свое мнѣніе.

Фельдмаршалъ (Паскевичъ) порядочно очернилъ меня въ Петербургѣ.

Генералъ Поповъ просился у меня въ Кишиневъ. Я полагаю, что онъ уже тамъ.

Не знаю, какъ быть съ Молеромъ; онъ самый старшій изъ генералъ-лейтенантовъ. Не можете-ли вы, чтобы скрыть намѣренное удаленіе, потребовать его у меня для инспекціи 2-й бригады его дивизіи, находящейся въ Одессѣ, и потомъ оставить его тамъ подъ начальствомъ Шабельскаго?

Мы напали на слѣдъ непріятельскаго минера въ 28-ми саженяхъ отъ контрэскарпа бастіона № 4-й. Сегодня или завтра зададимъ ему камуфлетъ.

Прощайте, добрѣйшій князь. Меншиковъ.

Сѣверная. 9-го февраля 1855 г.

Въ сидячемъ положеніи мнѣ очень трудно оставаться; могу написать вамъ, любезный князь, только нѣсколько строчекъ, чтобъ познакомить васъ съ моимъ военнымъ положеніемъ.

Я поручилъ Хрулеву атаковать Евпаторію, но одинъ изъ нашихъ польскихъ дезертировъ предупредилъ непріятеля, которымъ и вызваны во-время подкрѣпленія изъ осаждающей арміи, да свезены на берегъ корабельныя пушки. При такихъ обстоятельствахъ Хрулевъ не рисковалъ приступомъ, и хорошо сдѣлалъ. Прилагаю при семъ копію его рапорта.

Нынче ночью выступаю на гору Сапунъ для устройства подъ непріятельскимъ огнемъ редута за Киленбалкой.

Это будетъ исходною точкою для дальнѣйшихъ подступовъ, если Богъ дастъ, и мѣстомъ ежедневныхъ битвъ пѣхоты, подкрѣпляемой нашими пароходами, а потомъ и войскомъ съ сѣверной стороны.

Я располагаю нѣкоторое время удержать вполнѣ всѣ 8 резервныхъ баталіоновъ 16-й дивизіи, а на Перекопѣ удержать 4 баталіона 17-й дивизіи, чтобы не стѣснять дѣйствій 8-й. Считаете-ли вы удобнымъ, чтобы Врангель-Баязетскій командовалъ этими 4 баталіонами, или оставить ихъ у Богушевскаго? Въ послѣднемъ случаѣ, это войско, пожалуй, въ крайнихъ обстоятельствахъ будетъ стоять безъ дѣла.

Я не высылалъ улановъ за Перекопъ, пока не выяснились намѣренія Омера-паши.

Недавно открыли подкопъ французскаго минёра, направлявшаго двѣ галереи къ двумъ угламъ бастіона № 4. Мы готовимъ два камуфлета.

Я боленъ, любезный князь, такъ что принужденъ заключить письмо. Прощайте. Меншиковъ.

У Хомутова только 4 баталіона: 2 кавказскіе линейные, и 2 пѣшіе казацкіе; что касается до меня, то мнѣ нельзя будетъ дѣйствовать иначе, какъ съ помощію 24 т. штыковъ, чтобъ удержаться въ полѣ (не включая сюда резервныхъ баталіоновъ 16-й дивизіи и 8-й, занятыхъ блокадою Евпаторіи).

Сѣверная, 16-го февраля 1855 г.

Любезный князь, вотъ бюлетень нашего положенія въ Крыму, и копія одного изъ послѣднихъ моихъ рапортовъ государю, изъ которой увидите мой взглядъ на вещи.

Здоровье мое до того ослабло, что я не въ силахъ удержать за собою начальство: я просилъ сдать его. Я ужасно страдаю отъ боли въ мочевомъ пузырѣ, мочусь кровью, и голова какъ не своя. Не могу ни на лошадь сѣсть, ни серьезно заняться дѣломъ. Это заставитъ меня, наконецъ, сдать начальство Сакену покуда до отвѣта изъ Петербурга. Прощайте, любезный князь. Меншиковъ.

Сухтеленъ, пріѣхавъ, вѣроятно сообщилъ вамъ, что я далъ ему саблю за храбрость.

P. S. —— узнали, что доктора посылаютъ меня въ Симферополь лечиться; поэтому сдаю начальство Сакену. — поручено мнѣ передать вамъ, любезный князь, что по ихъ мнѣнію, вамъ надобно будетъ немедленно прибыть сюда и къ настоящему вашему начальству присовокупить начальство надъ крымскимъ войскомъ и управлять военными операціями. Они полагаютъ даже, что это будетъ согласно съ извѣстными имъ видами Императора (Николая Павловича), и просятъ васъ, если вы согласитесь прибыть сюда, то дать знать о томъ тотчасъ же Его Величеству.

Я только передаю вамъ приказанія —— но съ своей стороны прибавлю, что, взявъ на себя управленіе военными операціями на полуостровѣ, вы окажете существенную услугу нашему отечеству, чего я, къ несчастію, не въ состояніи сдѣлать. Меншиковъ.

16-го февраля 1855 г.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ

основатель Харьковскаго университета.

1803.

Въ 1873-мъ году Харьковскій университетъ, празднуя семидесяти-лѣтній свой юбилей, совпавшій съ столѣтіемъ, прошедшимъ со дня рожденія виновника его существованія въ Харьковѣ, Василія Назаровича Каразина, предположилъ почтить послѣдняго, вещественнымъ знакомъ своей признательности — постановкой ему памятника передъ зданіемъ университета. Не имѣя, однакожъ, свободныхъ суммъ, правленіе университета рѣшило прибѣгнуть къ общей на этотъ предметъ подпискѣ, при чемъ, желая, чтобы жители Харьковской губерніи первые откликнулись на его заявленіе, отнеслось въ городскую думу, въ дворянское депутатское собраніе и въ губернскую земскую управу съ вопросомъ: пожелаютъ-ли они принять участіе въ подпискѣ? Въ концѣ минувшаго года нѣкоторыя изъ газетъ извѣстили, что харьковское губернское земское собраніе не только изъявило готовность участвовать въ подпискѣ, но и ассигновало изъ своихъ суммъ на памятникъ Каразину 5,000 р. и на стипендію, имени его, въ университетѣ, 6,000 р. Харьковская городская дума и дворянское депутатское собраніе выразили также полную готовность участвовать въ подпискѣ. Ожидается теперь только разрѣшенія на это высшаго начальства.

Считая не безъинтереснымъ для общества знать нѣкоторыя подробности учрежденія въ Харьковѣ университета — единственнаго въ Россіи начатаго на общественныя суммы, — я представляю на страницахъ «Русской Старины» нѣсколько воспоминаній о томъ, что̀ я слышалъ объ этомъ предметѣ какъ отъ самого

В. Н. Каразина († 1842 г.), такъ и отъ другихъ харьковскихъ старожиловъ.

Не безъизвѣстно уже, что Каразинъ, въ началѣ царствованія Александра І-го, пользовался особеннымъ благоволеніемъ императора, поводомъ къ чему послужила записка, въ которой излагались надежды русскаго на юнаго монарха. [1]) В. Н. Каразинъ такъ разсказывалъ мнѣ про незабвенныя для него минуты, когда онъ позванъ былъ въ первый разъ къ императору. «Когда я вошелъ въ кабинетъ государя, онъ держалъ въ рукахъ мою записку (она была анонимная). Взглянувъ на меня и поздоровавшись движеніемъ головы, онъ спросилъ: «вы написали это?» Я отвѣчалъ: «виноватъ, государь!..» И хотѣлъ продолжать извиненіе, но онъ не далъ мнѣ кончить и сказалъ: «Не только не виноваты, но, напротивъ, вы доставили мнѣ большое удовольствіе. Я желалъ бы имѣть побольше людей, которые бы такъ думали, какъ вы, и говорили мнѣ такую правду»,—и выговоривъ эти слова, подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку съ чувствомъ, обнялъ, и прибавилъ: «продолжайте всегда говорить со мною такъ откровенно». Я не помнилъ себя отъ восторга, бросился къ нему въ ноги, обнялъ его колѣни и, рыдая, проговорилъ: «клянусь, государь, никогда не скрывать правды передъ вами...» Вслѣдъ затѣмъ его величество, указавъ мнѣ на стулъ у его письменнаго стола, сказалъ: «садитесь, мнѣ нужно побесѣдовать съ вами: вы коснулись въ вашей бумагѣ столькихъ предметовъ, что надобно подумать съ чего начать работу». Оправившись отъ внутренняго волненія, я отвѣчалъ: «конечно, ваше величество, съ образованія народнаго». Онъ возразилъ, что по этому предмету императрица Екатерина сдѣлала уже такъ много, что остается только продолжать начатое ею. Я осмѣлился замѣтить, что у насъ нѣтъ еще отдѣльнаго вѣдомства, которое бы самостоятельно могло распоряжаться столь важною частію государственной жизни, и что мнѣ кажется необходимымъ привести въ исполненіе ту мысль, которая изложена въ запискѣ моей относительно предоставленія воспитанія народнаго сословію «блюстителю законовъ». Разговоръ объ этомъ продолжался довольно долго и на-

[1]) Записка эта напечатана въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ IV-й, стр. 68—76, къ сожалѣнію съ нѣкоторыми пропусками, впрочемъ, не отъ редакціи зависѣвшими. Ред.

конецъ государь, вставъ и отпуская меня, выразилъ желаніе, чтобъ я обработалъ подробнѣе мысль мою о народномъ образованіи.

В. Н. Каразинъ поспѣшилъ исполнить высочайшую волю: представилъ записку въ цѣлую тетрадь о народномъ воспитаніи. Но впослѣдствіи государю угодно было учредить министерства и повелѣно было Каразину измѣнить его проектъ, что̀ и было приведено въ исполненіе Каразинымъ, назвавшимъ вновь проектированное вѣдомство «Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія». Какую важность придавалъ онъ этому министерству, можно видѣть изъ письма его къ доктору Реману, 1810 года.[1]). На дѣлѣ оказалось, увы! не совсѣмъ такъ: въ указѣ отъ 24-го января 1803 г. оно поставлено послѣднимъ!.. Каразинъ переставалъ уже, въ то время, пользоваться прежнимъ высочайшимъ благоволеніемъ! Предначертанныя имъ министерство и «Правила Народнаго образованія» были, однакожъ, утверждены, и онъ радовался. Его назначили правителемъ дѣлъ въ новомъ «Главномъ Правленіи Училищъ», которое, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Завадовскаго, и имѣя членами Петра Свистунова, Михаила Муравьева, Адама Чарторыскаго, Северина Потоцкаго, Николая Новосильцева, Степана Румовскаго, Николая Озерецковскаго и Николая Фуса, сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ министерскихъ распоряженій.

Но я хотѣлъ говорить о Харьковскомъ университетѣ, а говорю о министерствѣ. Возвращаюсь къ университету.

Въ апогеѣ царской къ нему довѣренности, до учрежденія министерствъ, Каразинъ, желая доказать его величеству, что провинціи наши вполнѣ сочувствуютъ благодѣтельнымъ его заботамъ о народномъ образованіи, отпросился въ отпускъ на родину свою, Слободско-Украинскую губернію, подъ предлогомъ домашнихъ своихъ надобностей, и тамъ, собравъ дворянъ и горожанъ, до которыхъ дошелъ уже слухъ о царскомъ къ нему благоволеніи, выразилъ предъ ними мысль о пользѣ учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища и нашелъ въ нихъ совершенную готовность къ приведенію этой мысли въ исполненіе. Но она оста-

---

[1]) Письмо это сообщено намъ, въ числѣ прочихъ бумагъ В. Н. Каразина, достоуважаемымъ его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ, и будетъ напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года. Ред.

лась на тотъ разъ утвержденною только въ принципѣ, подробности же предоставили ему выработать впослѣдствіи. Онъ уѣхалъ изъ Харькова только съ увѣренностію, что встрѣтилъ не безплодную почву для сѣянія просвѣщенія народнаго. Дорогой, онъ успѣлъ обдумать планъ высшаго училища и предположилъ его въ грандіозныхъ размѣрахъ, не принимая въ разсчетъ мѣры щедрости жертвователей. Онъ мечталъ объ училищѣ, достойномъ названія всеобъемлющаго (университета); думалъ, что желающіе въ немъ образовываться будутъ считаться не десятками, не сотнями, а тысячами; что весь югъ Россіи будетъ имъ пользоваться, что наконецъ сама Греція станетъ посылать въ него своихъ любознательныхъ сыновъ и, такимъ образомъ, Россія воздастъ ей наконецъ за тотъ свѣтъ, которымъ она озарила ее тысячу лѣтъ назадъ, познакомивъ съ ученіемъ Христовымъ. Съ такими мыслями онъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, при первой аудіенціи у императора, рѣшился доложить, что украинцы хотятъ учредить у себя университетъ, который былъ бы достоинъ его августѣйшаго покровительства. Государь изволилъ выразить полное одобреніе и совершенное свое удовольствіе. Тогда только Каразину представилась мысль: а что если Украинцы поскупятся и не дадутъ средствъ на учрежденіе такого громаднаго, всеобъемлющаго училища, о которомъ онъ мечталъ и уже доложилъ государю?!.. И дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Страхъ его продолжался не мало времени, пока наконецъ нашелъ онъ случай отправиться вновь въ Харьковъ для рѣшенія своего «быть», или «не быть?» Имѣлъ онъ, правда, въ рукахъ нѣкоторое ручательство въ томъ, что Украинцы, изъ одной уже благодарности, согласятся на значительныя пожертвованія на университетъ, потому что онъ везъ имъ высочайшее разрѣшеніе на ихъ просьбу о продленіи нѣкоторыхъ льготъ, которыми пользовалась Малороссія,—льготъ довольно важныхъ, относившихся до ея внутренняго благосостоянія; но могло легко случиться, какъ и бываетъ часто, что, получивъ желанное, окажутся равнодушными къ будущимъ, въ туманѣ еще представляющимся пользамъ, и тогда... adieu mon plaisir! Посыпятся на него укоры со всѣхъ сторонъ за поспѣшность, съ какою онъ дерзнулъ увѣрить монарха въ готовности ихъ на большія денежныя жертвы, и онъ долженъ будетъ со срамомъ возвратиться въ Петербургъ! Въ такихъ скорбныхъ мысляхъ пріѣхалъ онъ на

родину. Но тутъ, переговоривши предварительно съ нѣкоторыми харьковскими дворянами и купцами, онъ имѣлъ утѣшеніе услышать отъ нихъ обнадеженія въ готовности на значительныя пожертвованія и даже въ одномъ частномъ собраніи дворянъ, 20-го августа 1803 года, одобрено было его предначертаніе университета и состоялась подписка на сто тысячъ рублей сер. Но предстояло еще окончательное рѣшеніе этого предначертанія на общемъ собраніи, назначавшимся на 31-е августа. Къ этому дню онъ приготовилъ слѣдующую рѣчь, которую и произнесъ предъ всѣми рѣшителями его судьбы:

«Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе. Она наполняетъ мое сердце. О, ежели бы я могъ излить изъ него чувствованія съ тою силою, которая убѣждаетъ души, которая дѣлаетъ истину торжествующею.

«Пріятно возвращеніе въ свою отчизну: и дымъ отечества сладокъ!—Если дикій Гренландецъ, не бывъ прельщенъ цвѣтущими полями Европы, ни великолѣпными ея зданіями, ни блескомъ роскоши, съ восторгомъ лобызаетъ замерзшій морской берегъ, который есть его отечество; ежели жестокость природы не могла его отвратить отъ климата, его воспитавшаго, то каково должно быть удовольствіе человѣка, возвратившагося подъ благотворный небосклонъ, который былъ свидѣтелемъ игръ и утѣхъ его дѣтства, исторгнувшагося изъ шума столицъ, коего мирное его сердце всегда ужасалось, въ страну, которую привыкъ онъ почитать эдемомъ — обиталищемъ невинности и дружбы и спокойствія? ...Таковы были мои чувствованія, милостивые государи, таковы бываютъ онѣ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены онѣ обстоятельствами нынѣшняго времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ монарховъ. Мнѣ позволено сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ ему; что онъ, съ свойственною ангельской душѣ его милостію, ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ ему, обѣтовъ государству. Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ,

котораго вы меня удостоили въ первое собраніе, когда я представилъ вамъ предначертаніе того учрежденія, коимъ вы хотите украсить свою страну—отличить ее въ пространной России. Позвольте, м. г., изъявить вамъ глубочайшую и совершенную мою благодарность. Не увѣряю васъ, что умѣю ее чувствовать и цѣнить ваше благоволеніе. Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ. Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности; ибо чувствованія, признаться должно, ослабѣваютъ по мѣрѣ обширности предметовъ. По слабости человѣческой природы ищутъ онѣ стѣснить кругъ, который обнять имъ должно. Сверхъ того, кто я, чтобы смѣть мнѣ вообразить, будто дѣятельность моя когда-либо можетъ имѣть примѣтное вліяніе на все обширное мое отечество? Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украинѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполинской Россіи. Такъ, м. г., я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщеніе. Она можетъ быть для Россіи то, что древніе Аѳины для Греціи. Мѣстное положеніе дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ, плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній — сіе богатство, котораго, по недостатку водяныхъ путей, не можемъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, — призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искуства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ: въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, удобенъ прельстить самыхъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода: науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая начально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ; онѣ въ забвеніи восторга скажутъ: «Греція, отечество наше, намъ возвращена!» Я полагалъ, м. г., что отъ насъ имперія бу-

деть заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; что мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; что мы посадимъ мудрость въ судахъ; что купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія, что отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы прославить добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; что мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; что мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго даетъ надежду и отраду; что ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться. Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ и зависящіе отъ него: наполнитъ ихъ всѣми утѣхами, свойственными просвѣщенному обществу; что богатства всѣхъ краевъ Россіи польются къ намъ рѣкою; что изобиліе и радость будутъ имѣть у насъ вѣрное прибѣжище; что мы прославимся въ единоземцахъ, друзьяхъ, чадахъ нашихъ; что мы покажемъ собою примѣръ, который воспламенитъ къ подражанію; что благодарность,—должная дань сердецъ нашихъ высокому нашему благотворителю,—воздвигнетъ памятникъ, несравненно тверже мрамора и мѣди,—памятникъ свѣтозарный, на который всегда съ признательнымъ удивленіемъ будетъ взирать потомство. Благодарность,— сіе чувство, предметъ моего слова,— обязываетъ насъ къ засвидѣтельствованію ея предъ лицомъ свѣта. И чѣмъ можемъ мы достойнѣе воздать оную ангелу щедротъ и милостей, который нынѣ владѣетъ нами? Самъ онъ въ нѣкоторой части пожертвовалъ намъ возвращеніемъ правъ, которыя время начало уже заглаждать,— которыхъ паденіе въ пользу сокровищъ его столько разъ было близко. И мы-ли не вознаградимъ его? Мы-ли дадимъ поводъ всей сѣверной Россіи возопить: «неблагодарные! скудны поля наши; мразъ воспрещаетъ у насъ произрастать плодамъ Цереры; въ потѣ лица денноношно трудясь, приносимъ мы государству дань, отъ которой вы свободны,— и вы, которыхъ лелѣетъ природа; вы, которымъ даетъ она всѣ средства превзойти насъ,—вы не хотите и сравняться съ нами; вы отрицаетесь воспользоваться счастливымъ вашимъ положеніемъ, драгоцѣннѣйшимъ взоромъ монарха, обращеннымъ на васъ вниманіемъ столицъ, кои, внявъ намѣренію вашему, ожидали событія!»

«Простите, м. г., дерзновеніе мое: самыя сіи мысли, подкрѣпленныя убѣжденіями, занятыми отъ надежды, которую я имѣлъ на благородное наше общество, обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ монархомъ. Исполнители его человѣколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя губерніи. Высокопочтенное собраніе! неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей? неужели найдете вину мою въ смѣломъ изъясненіи готовности благонамѣреннаго, всегда усердіемъ отличавшагося, сословія, въ кругу котораго имѣю честь говорить теперь? Воля ваша, изображенная въ отзывахъ, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна-ли была уполномочить меня дѣйствовать предварительно? Не долженъ-ли я былъ съ удостовѣреніемъ предстать предъ отцевъ семейства, когда я имъ сказать могъ, что желаніе благотворительнѣйшаго монарха сходствуетъ съ ихъ желаніемъ, предъ друзей своего края, чувствующихъ въ полной мѣрѣ все его достоинство? Представлю-ли вамъ еще, что я не имѣлъ въ виду ничего, кромѣ блага отечественнаго и выгодъ нашей земли, кромѣ славы благороднаго сего общества предъ лицомъ просвѣщеннѣйшаго изъ владыкъ земныхъ, поставившаго просвѣщеніе народа одною изъ первыхъ своихъ обязанностей, славы въ очахъ пространной Россіи, въ очахъ Европы цѣлой, которая должна свѣдать, къ какимъ пожертвованіямъ способно дворянство Слободской губерніи! Представлю-ли вамъ, что я не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ при вступленіи моемъ въ общество?

«Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника».

Едва ораторъ произнесъ послѣднія слова, какъ со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія: «друга! друга!» и бросились его обнимать. Тутъ же рѣшено было внести изъ дворянскихъ имѣній четыреста тысячъ рублей, о чемъ и составить протоколъ. 1-го сентября 1803 г. протоколъ этотъ былъ подписанъ. Впослѣдствіи сумма была дополнена еще частными подписками со

стороны купцовъ и мѣщанъ и составила всего 618 т. руб. сер. Вотъ содержаніе протокола дворянскаго (купеческій подписанъ былъ особо):

«Слободско-украинское дворянство, исполненное чувства вѣрноподданической благодарности къ его императорскому величеству, увѣрено бывъ, что оно ничѣмъ достойнѣе и торжественнѣе изъявить оную не можетъ, какъ ревнуя содѣйствовать мудрому и человѣколюбивому его промыслу о народѣ своемъ, подобному промыслу Всевышняго; дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобности къ заведеніямъ разнаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе, и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, опредѣлено увѣковѣчить неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ. Сей университетъ долженъ вмѣщать въ себѣ девять отдѣленій, какъ-то: отдѣленіе общихъ познаній, которое есть пріуготовительное къ прочимъ, и соединенное съ нимъ отдѣленіе пріятныхъ искуствъ, отдѣленіе богословское, отдѣленіе гражданскихъ познаній, разумѣя въ томъ числѣ экономію и комерцію, отдѣленіе военныхъ познаній, отдѣленіе врачебныхъ познаній, отдѣленіе гражданскихъ искуствъ, отдѣленіе высшихъ наукъ и отдѣленіе изящныхъ художествъ. Такимъ образомъ всѣ роды познаній соединены быть имѣютъ въ семъ высшемъ училищѣ, и слѣдовательно будетъ оно готовить людей по всѣмъ родамъ государственнаго и общественнаго служенія. Оно должно имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ и двѣ школы для людей низшихъ состояній: именно же школу сельскаго домоводства и школу ремеслъ и рукодѣлій. Какъ расположеніе сихъ школъ, такъ и вообще образованіе плановъ университета, сходственно предначертанію, представленному 20-го августа, ввѣрено будетъ комисіи университета, которая составится, немедленно по избранію дворянства, на первой случай изъ трехъ членовъ. Для положенія основанія сему университету и во обезпечиваніе содержанія его навсегда, слободско-украинское дворянство полагаетъ внести, изъ дворянскихъ имѣній сей губерніи, четыреста тысячъ рублей, разумѣя въ семъ числѣ опредѣленную уже ко взносу и частію собранную сумму

сто тысячъ рублей, расположивъ остальныя триста тысячъ рублей (въ числѣ коихъ шестьдесятъ шесть тысячъ девятьсотъ рублей должны почитаться принадлежащими къ наличнымъ на шесть лѣтъ».

Восторгу В. Н. Каразина не было предѣловъ; это были счастливѣйшія минуты въ его жизни. Но вскорѣ радость его превратилась въ горе, причиною которой былъ, отчасти, тотъ же Харьковскій университетъ.

Воспитанникъ Харьковскаго Университета 1820-хъ гг.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813—1869.

До сихъ поръ публикѣ нашей было очень мало извѣстно подробностей о жизни и личности Даргомыжскаго, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ нашихъ художниковъ. Теперь этотъ крупный пробѣлъ перестанетъ существовать. Мы имѣемъ наконецъ возможность представить русской публикѣ цѣлую массу важныхъ документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на личность Даргомыжскаго, и дающихъ возможность оцѣнить съ разныхъ сторонъ этого замѣчательнаго человѣка. Онъ слишкомъ долго оставался неузнаннымъ и непризнаннымъ. Въ настоящую минуту наступаетъ и для него пора.

Въ прошломъ году редакція „Русской Старины“ получила отъ стариннаго друга и товарища Даргомыжскаго, Владиміра Георгіевича Кастріото-Скандербека, все собраніе писемъ, писанныхъ къ нему Даргомыжскимъ въ періодъ времени отъ 1843 до 1847 года. Получивъ приглашеніе редакціи разобрать эти письма, привести ихъ въ порядокъ и опредѣлить время тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не стояло года, мѣсяца и числа, я съ удовольствіемъ исполнилъ эту задачу, но подумалъ, что было бы хорошо поискать у родныхъ и знакомыхъ Даргомыжскаго еще другихъ его писемъ и свѣдѣній о его жизни. Усилія мои не остались тщетными: сестра его, Софья Сергѣевна Степанова, сама вызвалась сообщить мнѣ все, извѣстное ей о покойномъ братѣ ея, и вмѣстѣ прислала мнѣ очень много писемъ его, писанныхъ: во-первыхъ, къ отцу ихъ, Сергѣю Николаевичу Даргомыжскому, изъ путешествія 1844—1845 года, и во-вторыхъ, къ ней, изъ Парижа и Брюсселя въ 1864 и 1865 гг.; близкіе знакомые

Даргомыжскаго, и всегдашніе участники въ его музыкальныхъ собраніяхъ, Владиміръ Тимоѳеевичъ Соколовъ и Михаилъ Романовичъ Щиглевъ также передали мнѣ письма Даргомыжскаго изъ Брюсселя, начала 1865 г.; наконецъ, пріятель его, Константинъ Николаевичъ Вельяминовъ отдалъ въ мое распоряженіе письма къ нему Даргомыжскаго отъ 1856 по 1868 г. Ко всему этому я приложилъ нѣсколько небольшихъ записокъ и ко мнѣ, отъ 1857 по 1868 г.

Не удовольствуясь этимъ матеріаломъ, уже и такъ богатымъ, я попросилъ Модеста Петровича Мусоргскаго, въ продолженіе многихъ лѣтъ бывшаго въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Даргомыжскимъ, написать свои воспоминанія о немъ. Сверхъ того, я счелъ необходимымъ перепечатать вновь „автобіографическую записку" Даргомыжскаго, написанную весной 1866 г., и напечатанную сначала, въ извлеченіи, въ „Нувеллистѣ" (1866, № 6, іюнь), а потомъ, съ значительными пропусками въ журналѣ Сѣрова: „Музыка и театръ" (іюль 1867 г., № 9-й). Еще въ 1869 г. я печатно заявлялъ („С.-Петербургскія Вѣдомости", № 24-й) объ этихъ пропускахъ, но Сѣровъ ничего не отвѣчалъ на мои жалобы, и ничего не объяснилъ о причинахъ своихъ урѣзокъ—онъ, который въ своихъ статьяхъ никогда не терпѣлъ никакихъ сокращеній. Я возстановляю теперь автобіографію Даргомыжскаго въ настоящемъ ея видѣ, а въ примѣчаніяхъ къ ней сообщаю еще нѣсколько свѣдѣній о жизни Даргомыжскаго, которыя перевожу изъ „Biographies des musiciens" — Фетиса (т. II, изданіе 1861 г., стр. 430): Даргомыжскій самъ сообщилъ эти свѣдѣнія своему пріятелю Фетису.

Со своей стороны, я представлю также и нѣсколько своихъ собственныхъ воспоминаній о Даргомыжскомъ: онѣ относятся къ годамъ отъ 1855 по 1869 г., т. е. къ періоду самой сильной музыкальной дѣятельности Даргомыжскаго и самаго могучаго развитія и разцвѣта этой необыкновенной личности.

Въ заключеніе мнѣ остается желать, чтобъ и остальные знакомые Даргомыжскаго сообщили въ печати то, что́ имъ извѣстно о немъ, или напечатали бы уцѣлѣвшія у нихъ письма этого столько своеобразнаго художника.[1])

В. В. Стасовъ.

---

[1]) Редакція «Русской Старины» къ этой просьбѣ своего уважаемаго сотрудника присоединяетъ и свою просьбу: страницы нашего изданія всегда открыты для статей, замѣтокъ и матеріаловъ, относящихся къ біографіи одного изъ сильнѣйшихъ отечественныхъ талантовъ, какимъ былъ А. С. Даргомыжскій.

Ред.

I.

Автобіографія Даргомыжскаго.

Я родился въ 1813 году[1]) въ деревнѣ.[2]) Имѣніе отца моего и матери, урожденной княжны Козловской, находится въ Смоленской губерніи.

Въ 1817 году[3]) я былъ перевезенъ въ Петербургъ. По модѣ тогдашняго времени я воспитывался дома, и въ 1819 году началъ брать уроки на фортепьяно у дѣвицы Луизы Вольгеборнъ, а въ 1821 году у весьма хорошаго музыканта, Андріана Трофимовича Данилевскаго. Въ 1822 году началъ учиться на скрыпкѣ у П. Г. Воронцова, скрыпача изъ оркестра г-на Юшкова.[4])

Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ были такъ сильны, что я, несмотря на многочисленные уроки, которые долженъ былъ приготовлять для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11-мъ и 12-мъ году моего возраста уже сочинялъ самоучкой разныя фортепьянныя пьески и даже романсы. Забавно, что Данилевскій не любилъ поощрять меня къ сочиненіямъ, и уничтожалъ мои рукописи. Однако нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли, и понынѣ еще хранятся у меня. Окончательное образованіе мое въ фортепьянной игрѣ поручено было извѣстному ученику Гуммеля и отличному музыканту, Шоберлехнеру, а первоначальныя правила вокальнаго искуства и нѣкоторыя свѣдѣнія объ интервалахъ передалъ мнѣ учитель пѣнія Цейбихъ.[5])

Въ 1830-хъ годахъ я былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ какъ сильный піанистъ. Шоберлехнеръ называлъ меня

---

[1]) 2-го февраля. В. С.

[2]) Въ деревнѣ Тульской губерніи, во время отступленія Французовъ. Онъ началъ говорить только 5-ти лѣтъ: до тѣхъ поръ, родители думали, что онъ будетъ нѣмой. В. С.

[3]) Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1817 г. В. С.

[4]) Съ самаго дѣтства онъ обнаруживалъ рѣшительную наклонность къ искуствамъ, и въ особенности къ театру. Онъ самъ устраивалъ маленькіе кукольные театры, и сочинялъ для нихъ нѣчто въ родѣ водевилей. Семи лѣтъ отъ роду ему дали фортепьяннаго учителя, съ которымъ онъ вѣчно спорилъ, потому что больше занимался сочиненіемъ маленькихъ сонатъ и рондо, чѣмъ изученіемъ механизма фортепьянной игры. В. С.

[5]) Пятнадцати и шестнадцати лѣтъ отъ роду (1828—1829 г.) онъ сочинилъ нѣсколько дуэтовъ для фортепьяно и скрыпки, а также нѣсколько квартетовъ. В. С.

первымъ своимъ ученикомъ. Ноты читалъ я какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ. Въ квартетахъ я исполнялъ вторую скрыпку и альта, можно сказать, безукоризненно. Лучшіе артисты, какъ-то: Бемъ, Мейнгардтъ, Ромбергъ, оставались мною довольны.

Въ то время, то-есть на 18-мъ и 19-мъ году моего возраста, написано было мною, конечно не безъ ошибокъ, множество блестящихъ сочиненій для фортепьяно и скрыпки, два квартета, кантаты и множество романсовъ; нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были тогда же изданы, а нѣсколько романсовъ того времени и теперь еще въ ходу между любителями пѣнія.[1])

Въ 1833 году познакомился я съ М. И. Глинкой. Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искуству тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіе 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе года жизни Михаила Ивановича, когда нашлись, по обыкновенію, пріятели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе; образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями.[2])

Примѣръ Глинки, который тогда (въ 1834 году) съ помощью моею и капельмейстера Іоганниса, дѣлалъ оркестромъ князя Юсупова первыя репетиціи оперы своей «Жизнь за царя», и дѣльные совѣты Н. В. Кукольника заставили меня серьезнѣе заняться изученіемъ теоріи музыки. Глинка передалъ мнѣ привезенныя имъ изъ Берлина теоретическія рукописи професора Депа. Я списалъ ихъ собственною рукою, скоро усвоилъ себѣ мнимыя премудрости генералъ-баса и контрапункта, потому что съ дѣтства былъ къ тому практически подготовленъ, и занялся изуче-

---

[1]) «O ma charmante», «Дѣва и роза», «Ты хорошенькая», «Каюсь дядя», «Камень тяжелый», «Голубые глаза», «Владыко дней моихъ», «Баба старая».

[2]) Восемнадцати лѣтъ (1831 г.) Даргомыжскій поступилъ на службу въ министерство двора (по контрольной части, при чемъ ему дана была работа по отдѣленію императорскихъ театровъ). Въ отставку онъ вышелъ въ 1835 г., съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Къ этому я прибавлю, что отецъ Даргомыжскаго былъ большой пріятель тогдашняго директора театровъ, Ал. Мих. Гедеонова, и по его личной просьбѣ, составилъ проектъ (тогда же утвержденный) положенія о театрахъ 1828 г. В. С.

ніемъ оркестровки. Первые опыты мои въ оркестровкѣ были сдѣланы для концертовъ, которые мы, вмѣстѣ съ Глинкою, устраивали съ благотворительною цѣлію; опыты были удачны.

Понятно, что тогда возгорѣлось во мнѣ желаніе приняться за трудъ болѣе широкій. Составивъ планъ французской оперы («Лукреція Борджіа»), я написалъ нѣсколько нумеровъ; но, по совѣту В. А. Жуковскаго, скоро оставилъ этотъ невозможный, въ то время для Россіи, сюжетъ и началъ писать музыку на французское либретто Виктора Гюго «Эсмеральда». Работа шла быстро! Въ 1839 г. опера была окончена, переведена на русскій языкъ, и представлена мною въ дирекцію театровъ. Несмотря на одобреніе ея капельмейстерами театровъ, несмотря на всѣ постоянныя мои хлопоты, старанія и просьбы поставить ее на сцену,— «Эсмеральда» пролежала у меня въ портфелѣ цѣлыя восемь лѣтъ. Вотъ эти-то восемь лѣтъ напраснаго ожиданія, и въ самые кипучіе года жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность.

Въ 1844—1845 годахъ ѣздилъ я за границу, гдѣ лично познакомился съ Оберомъ, Мейерберомъ и другими европейскими композиторами, но ближе всѣхъ сошелся съ Фетисомъ въ Брюсселѣ, и Галеви въ Парижѣ. Хотя я за границей не являлся какъ композиторъ ни въ какихъ публичныхъ концертахъ, но исполненіе разныхъ моихъ сочиненій на частныхъ вечерахъ въ Брюсселѣ, Парижѣ и Вѣнѣ вызвало лестныя одобренія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, удалось мнѣ выхлопотать себѣ, въ видѣ милости, дозволеніе на поставку «Эсмеральды» въ Москвѣ. Она дана была въ первый разъ, съ большимъ успѣхомъ, на московскомъ театрѣ, 5-го декабря 1847 года. Полагаю, что отзывы обо мнѣ иностранныхъ газетъ не мало содѣйствовали къ дозволенію со стороны дирекціи поставить оперу мою въ Россіи.

Еще въ 1840-хъ годахъ, во время тягостнаго ожиданія постановки «Эсмеральды», набросаны были мною нѣсколько нумеровъ небольшой, но довольно широко задуманной, лирической оперы «Торжество Вакха», на текстъ Пушкина. Кончать ее мнѣ не хотѣлось, не слыхавъ еще на сценѣ и въ оркестрѣ и первой моей оперы. Ободренный успѣхомъ въ Москвѣ, успѣхомъ насто-

ящимъ, потому что, живя постоянно въ Петербургѣ, я не имѣлъ въ Москвѣ ни единой знакомой души, я въ 1848 году поспѣшилъ окончить «Торжество Вакха» и представилъ его въ дирекцію театровъ. Но дирекція положительно отказала мнѣ въ постановкѣ этой оперы на сцену, не объявивъ даже причины этого отказа.

Въ 1851 году «Эсмеральда» дана была, въ бенефисъ Петрова, здѣсь, въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ. Несмотря на сокращеніе многихъ нумеровъ музыки, на замѣнъ написаннаго мною блестящаго балета вставною венгерскою полькой, и на скудную, даже жалкую монтировку, опера имѣла успѣхъ. Извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурини хлопоталъ о дозволеніи ему поставить «Эсмеральду» для своего бенифиса, на итальянской сценѣ, но ему въ этомъ было отказано.

Драматическое творчество мое охладѣло; я началъ писать множество отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ: романсы, пѣсни, аріи, дуэты, тріо, квартеты, изъ коихъ почти половина (числомъ болѣе 100) изданы здѣсь, въ Петербургѣ. Притомъ, обращаясь постоянно въ обществѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, мнѣ практически удалось изучить какъ свойства и изгибы человѣческихъ голосовъ, такъ и искуство драматическаго пѣнія. Могу смѣло сказать, что не было въ петербургскомъ обществѣ почти ни одной извѣстной и замѣчательной любительницы пѣнія, которая бы не пользовалась моими уроками, или по крайней мѣрѣ моими совѣтами (Билибина, Бартенева, Шиловская, Бѣленицына, Гирсъ, Павлова, кн. Манвелова и десятки другихъ, менѣе извѣстныхъ).

Однако, отказы дирекціи поставить на сцену «Торжество Вакха» и дать «Эсмеральду» въ приличномъ видѣ на итальянской сценѣ, не могли еще совершенно заглушить во мнѣ стремленіе къ творчеству музыки драматической, и я приступилъ къ составленію плана и собиранію матеріаловъ для оперы «Русалка». Впрочемъ я началъ писать ее безъ всякой опредѣленной цѣли, для собственнаго удовольствія, для удовлетворенія неугомонившейся еще моей фантазіи. Работа шла медленно и не предназначалась на судъ публики.

Въ 1853 году князь В. Ѳ. Одоевскій и А. Н. Карамзинъ предложили мнѣ дать концертъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ. Концертъ этотъ состоялся 9-го апрѣля, въ залѣ Дво-

рянскаго Собранія.[1]) Блистательный и неожиданный успѣхъ этого концерта далъ новый толчокъ моей дѣятельности, и опера «Русалка» была окончена въ 1855 году, а въ маѣ 1856 г. поставлена на Театрѣ-циркѣ (нынѣ Маріинскій театръ).[2])

«Русалка» въ публикѣ имѣла успѣхъ, а иностранными артистами, успѣвшими познакомиться съ нею, и даже нѣкоторыми знатоками музыки изъ русскихъ, она признана за произведеніе замѣчательное. Къ сожалѣнію, репертуарное начальство, капельмейстерѣ и режисеръ считаютъ ее оперою неудачною, въ которой, по выраженію ихъ, нѣтъ ни одного мотива. Вслѣдствіе этого опера исполняется второстепенными артистами, дается рѣдко, кое-какъ, въ лѣтніе мѣсяцы, а зимой вовсе не дается. Въ 1858 г. «Русалка» поставлена была на московскомъ театрѣ, для бенефиса г-жи Семеновой.[3]) Въ 1866 г. «Русалка» стала даваться съ тою же обстановкой, но съ невѣроятнымъ, загадочнымъ успѣхомъ: дѣло времени.

Въ 1859 г. возобновлена была здѣсь, на Александринскомъ театрѣ, для бенефиса Булахова, опера моя «Эсмеральда», съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. На Маріинской сценѣ опера эта не возобновлялась.

Я не ошибусь, если отнесу нерасположеніе театральнаго начальства къ простому убѣжденію въ недостаточности моего таланта, въ сравненіи съ другими русскими композиторами, которыхъ оно старалось, и нынѣ старается, поддерживать всѣми зависящими отъ него средствами. Не буду входить въ справедливость или неосновательность его убѣжденій, но, во всякомъ случаѣ, нахожу благоразумнымъ съ моей стороны уступить въ этой неравной 20-ти-лѣтней борьбѣ и, пока еще есть время, обратить артистическую свою дѣятельность къ другимъ цѣлямъ.

Послѣ оперы «Русалка» написалъ я много отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ и началъ-было русскую волшебно-комическую оперу; но, теряя надежду на поддержку, я бросилъ писать оперу,

---

[1]) Въ этомъ концертѣ ему былъ поднесенъ великолѣпный капельмейстерскій жезлъ («Нувеллистъ», 1866 г., іюнь, стр. 42). В. С.

[2]) Въ бенефисъ г-жи Булаховой, очень не въ блестящемъ видѣ. (Тамъ же).

[3]) Въ декабрѣ 1865 г. «Русалка» была вновь поставлена, въ бенефисъ г. Коммиссаржевскаго, на Миріинскомъ театрѣ («Нувеллистъ» 1866 г., іюнь, стр. 42). В. С.

и обратился къ сочиненіямъ симфоническимъ, которыя со временемъ могутъ быть исполнены за границей.

II.

Письма Даргомыжскаго къ отцу.[1])

(Парижъ.—Декабрь 1844).

.... Мейерберъ — въ драмѣ не силенъ. Сюжетъ «Роберта» — преданіе, фантастическая сказка средняго вѣка, и онъ совершенно впадаетъ въ колею призванія Мейербера. Въ «Гугенотахъ» — религіозный фанатизмъ и сильная драма: неистовство народное и злоба католицизма выражены—превосходно; въ нихъ есть нѣчто сатаническое, сродное перу Мейербера, но драматическія сцены — шумны, замысловаты, а куда какъ далеки отъ натуры! Сидя въ оперѣ, я держалъ въ рукахъ либретто: каждую драматическую сцену я зналъ впередъ, и слушая музыкальную идею вслѣдъ затѣмъ, не нашелъ ни одной идеи, писанной по увлеченію. Мастерство и умъ — неимовѣрные, но никакое мастерство и никакой умъ не поддѣлаются подъ сердце человѣческое. Самый высокій художникъ не есть еще поэтъ. О «Жидовкѣ» писать нечего: вы знаете и музыку, и лошадей въ золотыхъ попонахъ. Стало быть мнѣ остается сказать вамъ нѣсколько словъ объ исполненіи.

Французскую большую оперу можно сравнить съ развалинами превосходнаго греческаго храма. Видя обломки этого храма, художникъ можетъ заключить о величествѣ и изяществѣ самого храма, а между тѣмъ храма уже не существуетъ. Такъ точно, слышавши Falcon, Duprez, и полный, стройный оркестръ Большой оперы, я могу себѣ вообразить, чтò это было въ цвѣтущіе годы! Могу вполнѣ убѣдиться, что французская опера могла сравниться и превзошла всякую итальянскую; но все-таки сужу по однимъ обломкамъ. Теперь—исполненіе почти средственное. Ensemble не тотъ, который долженъ былъ быть. Оркестръ не вездѣ ровенъ, хотя всегда въ строгомъ смыслѣ вѣренъ. Dorus-Gras — пѣвица съ умомъ и толкомъ. Огня мало, но благородства и оконченности довольно. Duprez хотя не съ сильнымъ, звучнымъ голо-

[1]) Даргомыжскій поѣхалъ за границу 23-го сентября 1844 г., а воротился въ Петербургъ въ концѣ апрѣля или началѣ марта 1845 г. В. С.

сомъ, но высокій артистъ, въ полномъ смыслѣ слова. Мудрено речитативы говорить отчетливѣе и благороднѣе Duprez. Въ широкомъ пѣньѣ и драматическомъ, онъ, какъ говорится, не laisse rien à désirer. Вотъ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, но не забудьте, что это второй томъ Пасты, которая въ бытность свою въ Петербургѣ[1]) не всѣхъ восхищала, а нѣкоторыхъ. Чтобъ цѣнить Duprez, какъ я цѣню его, надо умѣть отдѣлить средства голоса человѣка отъ мастерства артиста-пѣвца. Прочіе пѣвцы и пѣвицы, исключая Baroilhet, котораго я еще не слыхалъ, но, не исключая даже извѣстнаго Levasseur—болѣе или менѣе плохи, а не испортили бы нашей «Аскольдовой могилы».

На итальянской оперѣ слышалъ я «Linda di Chamouni»—Доницетти. Объ этой музыкѣ говорить нечего. Во-первыхъ, вы услышите ее въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, когда медаль или монета отчеканены и описаны, надо-ли еще описывать слѣдующія за ними медали или монеты, которыя чеканятся по той же формѣ и тою же машиною? Пѣли: Persiani, Mario, Brambilla (контръ-альтъ) и Fornasari. Какъ пѣвица, Persiani безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ первокласснымъ пѣвицамъ. Голосъ, хотя не свѣжій, но гибкій и обработанный. Вкуса и граціозности—бездна. Но она поетъ партіи mezzo-carattere. Маріо, теноръ въ лучшей порѣ, съ пріятнымъ, свѣжимъ голосомъ, но не сильнымъ, такъ хорошъ, что много напомнилъ мнѣ Рубини, которому онъ, впрочемъ, явно ищетъ подражать. Онъ еще не оконченный артистъ, но я полагаю, что онъ долженъ подняться очень высоко. Brambilla, съ отцвѣтшимъ, сиповатымъ голосомъ, изобличаетъ бывшую порядочную пѣвицу итальянской школы. Fornasari хочетъ тоже протереться въ артисты, да кажется и остается при своемъ хотѣньи. Ансамбль весьма удовлетворителенъ.

Стѣны театра, подъ названіемъ Gymnase dramatique, трещатъ ежедневно отъ прилива парижскаго tiers-état смотрѣть водевиль въ русскихъ нравахъ: «Ivan le mougik». Надо вамъ сказать, что я теперь покуда живу парижаниномъ, т. е. въ 9 ч. утра надѣваю шляпу, пальто и иду въ ближайшій кофейный домъ пить кофе и читать журналы. Не интересуясь политикой, я чи-

[1]) Въ 1840 году. В. С.

таю обыкновенно «Le Corsaire», «Le Charivari», «Le Tintamarre», и тому подобные, которые наполняются глупою, но часто смѣшною бранью, на всѣхъ и на все безъ разбора. И такъ, во всѣхъ этихъ журналахъ прочелъ я похвалу помянутому водевилю «Ivan le mougik», но каждый изъ журналовъ начинаетъ разсказъ свой разнымъ именемъ. «Corsaire» пишетъ Shépiloff, seigneur russe и проч. «Charivari» пишетъ Shouvaloff, seigneur russe, «Journal des Débats», который тоже хвалитъ водевиль, пишетъ Balishoff, seigneur russe и проч. Это возбудило мое любопытство. Я заплатилъ 6 франковъ и отправился смотрѣть «Ivan le mougik». Первое, что̀ я увидѣлъ въ афишкѣ, было: Bachouloff, seigneur russe. По этимъ бездѣлицамъ можно судить о безмозглости французскихъ журналистовъ. Во-первыхъ, зала театра и публика совершенно въ родѣ франкфуртскихъ, которыхъ я описалъ вамъ въ письмѣ изъ Брюкселя. Теперь, вотъ водевиль (слѣдуетъ описаніе очень нелѣпаго водевиля въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ множество писалось въ 1840-хъ годахъ во Франціи, и мы приведемъ здѣсь одно только окончаніе, котораго совершенно достаточно для охарактеризованія понятій автора о Россіи. Дѣло происходитъ на балѣ у помѣщика Башулова)... Seigneur Bachouloff, чтобъ унизить Ивана-мужика, велитъ ему взять подносъ и подносить питье гостямъ. Иванъ-мужикъ (крѣпостной Башулова, но уже знаменитый пѣвецъ) бросаетъ подносъ на полъ. Башуловъ велитъ кнутовать Ивана-мужика. Гости выходятъ въ другія комнаты, а на мѣсто ихъ является крѣпостной казакъ въ видѣ knoutier en chef, и при немъ еще два knoutiers и одинъ sous-knoutier. Приносятъ кнутъ, совершенно такой, какъ наши кучерскіе кнуты. Я того и глядѣлъ, что разложатъ бѣднаго Ивана-мужика; но вышло совсѣмъ наоборотъ. Ольга (невѣста Ивана-мужика) перехватила какую-то вольную оду, положенную на музыку г. Башуловымъ во время немилости его auprès du tzar, и явилась какъ разъ тутъ съ этой музыкой, писанной рукою Башулова. Иванъ-мужикъ стращаетъ господина, что покажетъ эту оду и музыку великому князю, который, не забудьте, тутъ же на балѣ (въ нелѣпомъ фантастическомъ какомъ-то костюмѣ), и Башуловъ съ испуга пишетъ вольную Ивану-мужику и Ольгѣ, которые оканчиваютъ водевиль словами: «Au diable la Russie — allons-nous en en France, le pays

de la liberté et des arts!» А я, выходя изъ театра, подумалъ: «Au diable le théatre du Gymnase, allons-nous en au café où l'on prend du chocolat». ....Театры я нахожу разворительными. Но и въ нихъ часто ходить надоѣстъ. Сижу часто дома за своими фортепьянами и мараю бумагу..... Alexandre.

(Парижъ.—Январь 1845).

На этой недѣлѣ слышалъ я новую оперу «Marie Stuart», сочиненія Нидермейера. Писано и правильно и гладко, а выходитъ и пасквильно и гадко. Шутки въ сторону, «Marie Stuart» напоминаетъ стилемъ своимъ духъ Плейелей и Дуссековъ: какая-то старинная жидкость разлита въ жилахъ инструментовки; драма является въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ назади. Развѣ промелькнутъ два или три мѣста, похожія на новый, живой стиль нашего времени. Эта опера, ежели и не совсѣмъ дурна, то никакъ не можетъ быть въ нашемъ вѣкѣ удовлетворительна. Поставили ее по проискамъ m-me Stolz, которая выбрала ее для того, чтобъ явиться въ публику въ 8-ми разныхъ бархатныхъ и атласныхъ костюмахъ: и сдѣлала очень хорошо, потому что при ея отвратительной физіономіи и пискливомъ пѣньѣ, надо брать хоть костюмами. Въ этой же оперѣ дебютировалъ новый теноръ Gordoni, молодой человѣкъ съ хорошимъ голосомъ и съ талантомъ. Онъ поетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпѣваетъ свой голосъ. Усилія его такъ сверхъестественны, что онъ долженъ скоро перекричать его. Эта гортанная метода пѣнья сильно укоренилась на французской оперѣ. Извѣстный Baroilhet и самъ ей слѣдуетъ, и другихъ по ней учитъ.

До сихъ поръ описаніе мое изящнаго здѣшняго міра весьма не льстиво; но чтобъ не быть несправедливымъ, должно сказать, что нѣкоторые парижскіе театры замѣчательны и актерами и пьесами. Есть родъ театральныхъ пьесъ, который родился во Франціи, это водевиль. Не воображайте, что вы видите водевиль на петербургской французской сценѣ, — неправда! Мы видали львовъ и тигровъ въ клѣткахъ, сонныхъ, усталыхъ, но тѣ-ли это львы и тигры, которые рычатъ въ Африкѣ, въ степи? Такъ точно и французскіе водевили на нашей сценѣ: зубы у нихъ подпилены, а беззубый водевиль хуже беззубой женщины! Надо видѣть, сколько ума и остроты въ здѣшнихъ водевиляхъ. Надо

слышать эти колкія насмѣшки надъ литераторами, новыми пьесами, министрами и проч.

Théatre des Variétés имѣетъ сюжетовъ отличныхъ: Vernet—высокій буфъ. Lafont, Hyacinthe—отличные актеры, а самаго знаменитаго изъ нихъ, Bouffé, я еще не видалъ. Théatre du Vaudeville—колетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ. Что̀ бѣдный Eugène Sue отъ него терпитъ, такъ даже жаль его. Чѣмъ болѣе я проникаю Французовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что они не могутъ не смѣяться надъ всѣмъ, что̀ только существуетъ подъ луною. Они ругаютъ насъ, и Англичанъ, и Нѣмцевъ, но за то и себя не щадятъ. Грызутъ другъ друга такъ — qu'il doit n'en rester que les deux queues.

Вечеръ 11 часовъ. Сейчасъ воротился я съ великаго музыкальнаго торжества. Весь Парижъ собранъ былъ въ Théatre des Italiens слушать сочиненія Félicien David, новаго французскаго композитора, котораго всѣ здѣшніе журналы провозгласили заранѣе вторымъ Бетговеномъ. Главнѣйше привлекала всѣхъ симфонія съ хорами и солами, съ арабскими словами и чтеніемъ французскихъ стиховъ, подъ названіемъ «Le Désert». Вы прежде всѣхъ получите свѣдѣнія объ этомъ концертѣ, и можете передать ихъ всѣмъ нашимъ любителямъ. Я насилу досталъ билетъ, и то за 17 франковъ. Французы бѣсновались отъ восхищенія, но мы смотримъ другими глазами. Нельзя отказать Давиду въ нѣкоторомъ талантѣ, но онъ столько же Бетговенъ, сколько мой кукишъ — Вандомская колонна. Первая его симфонія очень не дурна, но съ промахами, изобличающими ученика. Лучше всего понравился мнѣ финалъ этой симфоніи, который много — въ родѣ Обера. Потомъ пѣли разные его романсы, мелодіи и хорики. Это просто никуда негодно. Ежели парижане имъ аплодируютъ, то должны Masini[1]) монументъ воздвигнуть. Наконецъ является знаменитая симфонія, «Le Désert». Тутъ слышна степь, видно пѣнье Аравитянъ. Тутъ буря, ночь, восходъ солнца и многое еще другое. Вообще музыка писана правильно и является довольно мыслей, хотя не оригинальныхъ. Но, несмотря на то, что Давидъ ѣздилъ на Востокъ за мелодіями для этой симфоніи, я въ ней нашелъ такъ мало арабскаго духа, и столько

[1]) Мазини—извѣстный сочинитель плохихъ романсовъ. В. С.

французскаго пуха, что ее надо назвать «Les boulevards de Paris». А арабская пѣсня въ этой симфоніи ужасно напомнила мнѣ пѣсню «Ивана-мужика».

Не жалѣя расходовъ вашихъ за тяжеловѣсность письма моего, посылаю вамъ еще экземпляръ Брюссельской газеты «L'Emancipation», и письмо Фетиса къ Шлезингеру, напечатанное въ «Gazette Musicale» № 52, 29 Décembre 1844. Alexandre.

Парижъ, 6-го (18) января (1845).

Прошлое воскресенье, отправивъ письмо мое къ вамъ, я самъ отправился въ концертъ консерваторіи. Играли симфонію Мендельсона, симфонію Бетговена, пѣли хоры изъ «Идоменея»—Моцарта, хоры изъ «Аѳинскихъ развалинъ»—Бетговена. Это оркестровое исполненіе до такой степени совершенно, что я уже не могъ восхищаться, а мнѣ просто было смѣшно! Ежели я когда-нибудь, читая оркестровую партитуру, вмѣстѣ съ тѣмъ воображалъ слышать оркестръ въ полномъ его совершенствѣ, то въ концертѣ консерваторіи этотъ оркестръ осуществился въ ушахъ моихъ. Это волшебство, превосходящее всякое описаніе! Тутъ не то, что совершенная вѣрность, не то что неподражаемый ensemble, но вы слышите 150 человѣкъ музыкантовъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, одною и тою же мыслью, и въ одинъ и тотъ же мигъ! Вы слышите 50 скрыпокъ, сливающихся въ одинъ густой звукъ: этотъ звукъ усиливается, утихаетъ и выполняетъ оркестровые рисунки съ такою точностью, какъ будто бы онъ зависѣлъ отъ одного токмо человѣка. Этого мало: даже глаза ваши поражены согласнымъ движеніемъ смычковъ вверхъ и внизъ. Они напомнили мнѣ маршировку нашей гвардіи на парадѣ, и я подумалъ: «ахъ вы, Французы! Мы ногами дѣйствуемъ не хуже, какъ вы руками!» [1]) И чтожъ вы думаете? Лучшее парижское общество не ѣздитъ въ эти концерты! C'est bon pour les canailles, qu'on nomme artistes! а общество ѣздитъ слушать одного только Доницетти.

---

[1]) Глинка иначе оцѣнялъ оркестръ парижской консерваторіи. Говоря про одинъ концертъ той же самой зимы, онъ пишетъ: «Играли 6-ю симфонію Бетговена, исполненіе было превычурное, такъ что я симфонію Бетговена не узналъ и тогда же сказалъ: on m'a escamoté la symphonie. Кромѣ того, духовые иногда срывались, въ особенности волторны и кларнеты». (Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Старины», Спб., 1870 г., стр. 151. В. С.

Новый годъ встрѣтилъ я, ежели не очень весело, то по крайней мѣрѣ очень живо. Я былъ на балѣ у Глинки. Милыя ученицы его, съ примѣсью нѣкоторыхъ возвратившихся изъ Петербурга маскарадныхъ француженокъ, выпили съ нами пуншику и шампанскаго. Танцы были очень анимированы. Кавалеры были большею частью пожилые русскіе господа. Надо вамъ сказать, что пожилые люди съ деньгами наслаждаются въ Парижѣ, какъ боги на Олимпѣ. Француженки увѣрятъ ихъ, что они въ самой лучшей порѣ жизни, разодѣнутъ ихъ въ лаковые сапоги, модное платье, напялятъ на руки бѣлыя перчатки и таскаютъ ихъ по кофейнамъ и театрамъ. А тѣхъ, которые очень щедры, даже ревнуютъ. Между прочими дамами была на балѣ Глинки Désirée Mayer, которая была у насъ и актриса и маскарадная дама. Она въ восхищеніи отъ Россіи, какъ я отъ концерта консерваторіи, превозноситъ русскихъ, и поетъ русскія пѣсни. Мы съ ней съ большимъ эфектомъ танцовали русскую пляску: я самъ судить не могу, но говорятъ, что очень было трогательно. Я возвратился домой въ 2 часа ночи. Это еще въ первый разъ въ Парижѣ: обыкновенно я уже дома прежде 12-ти часовъ. Не можете себѣ представить, сколько я хожу пѣшкомъ, непремѣнно въ день выхожу верстъ около 8-ми или 10-ти. По большей части, когда шатаюсь по Парижу, то шатаюсь не одинъ, а съ княземъ Багратіономъ. Мы съ нимъ полагаемъ выѣхать изъ Парижа въ одно время, онъ—въ Лондонъ, а я—въ Брюссель: до того, съ 25-го января, будемъ жить вмѣстѣ въ Hôtel de Bruxelles, rue Richelieu, 47.

Парижъ, 20-го января (1 февраля) (1845).

Второй концертъ консерваторіи состоялъ изъ симфоніи Бетговена (Symphonie héroïque), концерта Моцарта, сцены Lully, и хоровъ Бетговена изъ ораторіи «Jésus sur le mont des olives». Совершенство исполненія одинаково съ первымъ. Мудрено вообразить себѣ что-либо удовлетворительнѣе. Многіе иностранные артисты удивляются, что я могъ изучить музыку въ варварской Россіи; но я болѣе ихъ удивляюсь, что Французы, которые, по моему мнѣнію, самый антимузыкальный народъ, которые не знаютъ— и никогда знать не будутъ,—что такое звучный, ритмованный стихъ, потому что ихъ стихи не имѣютъ никакихъ ритмовъ, могутъ довести исполненіе музыки Бетговена до такого высокаго

совершенства. Впрочемъ, мнѣ говорили, что въ теченіе 15-ти лѣтъ они всякій годъ учатъ и играютъ однѣ и тѣ же симфоніи....[1])

(Парижъ.—Февраль 1845).

На этихъ дняхъ мы съ Ник. Ив. Гречемъ перебывали во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Онъ былъ такъ добръ, что досталъ отъ президента Cour d'assises позволеніе присутствовать при процесахъ въ tribune réservée (слѣдуютъ пространные разсказы о судахъ, адвокатахъ и отдѣльныхъ процесахъ)... Я водилъ Греча къ Борисполъцу,[2]) который почти кончилъ свой образъ. Образъ отлично хорошъ. Гречъ обѣщалъ привезти къ нему Horace Vernet, и напечатать отзывъ сего послѣдняго въ «Сѣверной Пчелѣ». Бориспольцъ написалъ и мой портретъ. Мастерства очень много и кажется похожъ. Я привезу его съ собой.[3])

За симъ цѣлую ваши ручки, у мамы тожъ. Ирму, Соню, Николая обнимаю.[4]) Въ пятницу буду въ Брюсселѣ. Alexandre.

Чтò опера Львова[5]) — кàкъ принята? Я радъ за него — что добился своего!

III.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастріото-Скандербеку.

С.-Петербургъ, 10-го августа 1843 г.[6])

Любезный другъ Кастріотъ, твое неожиданное письмо обрадовало меня такъ, что и разсказать нельзя: во-первыхъ, какъ доказательство памяти твоей о человѣкѣ, который все по прежнему тебя любитъ, а потомъ, какъ начало интересной переписки съ лицомъ, питающимъ къ изящнымъ искуствамъ такую истинную любовь, какая у тебя есть къ музыкѣ. Ты думаешь, что

---

[1]) Слѣдующая здѣсь нижняя половина первой страницы письма отрѣзана.

[2]) Платонъ Тимоѳеевичъ Бориспольцъ, живописецъ, ученикъ К. П. Брюлова, пріятель Глинки и Даргомыжскаго В. С.

[3]) Этотъ портретъ принадлежитъ теперь А. П. Опочинину. В. С.

[4]) Ирма и Соня — сестры Даргомыжскаго: Эрминія и Софья Сергѣевны; Коля—Ник. Алекс. Степановъ, мужъ послѣдней, извѣстный нашъ каррикатуристъ, издатель «Искры» и «Будильника». В. С.

[5]) Опера на итальянскій текстъ «Bianca e Gualtiero», исполненная на Большомъ театрѣ итальянскими артистами: Рубини, Тамбурини и Віардò.

[6]) Первая половина этого письма писана по-французски. В. С.

долго не дождешься отъ меня отвѣта? Нѣтъ, не отгадалъ. Только что получилъ я твое письмо, и вотъ уже сижу съ перомъ въ рукѣ, отвѣчаю тебѣ. Ты говоришь, любезный другъ, что со времени выѣзда твоего изъ Петербурга ты почти ничего не сдѣлалъ? Значитъ, на этотъ разъ ошибся я въ своей догадкѣ: я былъ твердо убѣжденъ, что тебѣ не устоять противъ твоего таланта. Что касается терпѣнія и твердости характера, о которыхъ ты говоришь, вѣрно то, что всѣ испытываемыя художникомъ неудачи, прежде чѣмъ толпа успѣетъ понять его, были бы въ состояніи истощить въ конецъ его терпѣніе, если бы природа не одарила талантливаго человѣка утѣшительною способностью: вполнѣ уединяться въ продолженіе долгихъ часовъ и забывать про толки людскіе и даже про существованіе прочихъ людей, для того, чтобъ предаваться неизъяснимой склонности, влекущей его производить на свѣтъ различныя, одолѣвающія его, ощущенія Я думаю, что главный двигатель у художника къ труду — это его любовь къ искуству, а потомъ уже идетъ наслажденіе передавать другимъ нить собственныхъ своихъ идей.

Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, что̀ я сдѣлалъ хорошаго послѣ твоего отъѣзда, и что̀ подѣлываетъ моя «Эсмеральда»? «Эсмеральда» уже около двухъ лѣтъ вполнѣ окончена. Несмотря на всѣ бури, поднятыя противъ этой несчастной дѣвочки, которой вся вина въ томъ только, что она явилась на свѣтъ непрошеная, она была принята театральною дирекціею, которая, однако же, до сихъ поръ все находитъ препятствія сдѣлать ее публичною, къ чему она назначена[1]). Я съ своей стороны вооруженъ терпѣніемъ и жду! Можно, кажется, по всей справедливости пропѣть мнѣ французскій романсъ: «Beau chevalier attendras longtemps!» (Добрый молодецъ, жди-пожди!) Намедни, когда Брюловъ спрашивалъ меня, какіе у меня виды относительно моего труда, я отвѣтилъ ему, что сравниваю первую славу съ молодою дѣвушкою, хорошенькою, но капризною, которой хочешь сдѣлаться любовникомъ, но которая тебя еще не любитъ. Вообрази себѣ, сколько надобно употребить для этого обольщеній; какъ она противится, плачетъ, и уступаетъ только силѣ.

---

[1]) Игра словъ по-французски: «Cette pauvre fille... pour en faire une fille publique, chose à laquelle elle est destinée». В. С.

За то, какой потомъ рядъ наслажденій, когда... когда наконецъ она начинаетъ тебя любить!...

Но, какъ бы тамъ ни было, не подумай, что я все это время оставался въ праздности. Не считая большого числа музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ мною для любительскихъ спектаклей, для музыкальныхъ альбомовъ и особенно для серенадъ, которыя я въ прошломъ году давалъ на Черной Рѣчкѣ, я написалъ большую кантату, съ хорами и тремя партіями для пѣнія соло, содержащую 5 большихъ музыкальныхъ нумеровъ. Я взялъ текстъ у нашего безсмертнаго Пушкина: «Торжество Вакха». Я ничего не измѣнилъ въ этой поэмѣ, вакхической и сладострастной отъ начала и до конца. Я еще не давалъ пробовать мою кантату и никому не игралъ ее; но если ты хочешь знать, что я самъ про нее думаю, то я тебѣ скажу, что, мнѣ кажется, я никогда ничего лучше этого не напишу. Впрочемъ, я можетъ быть ошибаюсь.

Что касается моихъ мелкихъ пьесъ для пѣнія, которыя ты изъ дружбы ко мнѣ желаешь имѣть, то скоро ты получишь ихъ всѣ: нѣкто Ли (Lee), хозяинъ музыкальнаго магазина, взялся напечатать ихъ всѣ (числомъ 30); это составитъ полное собраніе, въ 5-ти частяхъ, по 6 пьесъ въ каждой. Изданіе начато, но подвигается медленно. Оттого я былъ бы очень радъ, если бы нѣсколько лицъ изъ провинціи написали издателю про мои романсы; это заставило бы его поторопиться. А я самъ ничего тутъ не могъ подѣлать, потому что по условію съ нимъ я имѣю право вступаться въ продажу моихъ романсовъ только спустя полгода по выходѣ ихъ въ свѣтъ. И такъ, любезный другъ, обратись къ нему; пусть онъ высылаетъ тебѣ каждый выпускъ по мѣрѣ выхода его.

Вотъ его адресъ: «Въ музыкальный магазинъ Ф. Ли, бывшій Пеца, въ Большой Конюшенной, противъ Демутова трактира, и пиши ему по-французски.

[1]) Много у меня есть мелкихъ сочиненій, которыхъ ты еще не знаешь. Жаль, что тебя такъ долго здѣсь нѣтъ! попѣли бы мы! и поиграли, и пописали!... Впрочемъ, неужели ты зимой не пріѣдешь слушать итальянскую оперу? Рубини и Тамбурини бу-

---

[1]) Отъ сихъ поръ начинается русскій текстъ. В. С.

дутъ на нашей сценѣ. Пріѣзжай непремѣнно, хоть на три мѣсяца. Слухъ прошелъ здѣсь, что будто ты женился, я было порадовался за тебя, но, видно, пустяки. Пиши мнѣ, что ты дѣлаешь, а оркестра не заводи, не хорошъ будетъ! У меня въ головѣ новая опера,[1]) но плохо осуществляется. Ботаника меня отвлекаетъ. Прощай; не забывай меня!

16 нумеровъ «Руслана», т. е. все, что есть напечатаннаго, съ пересылкою стоитъ 15 руб. серебромъ, тутъ уже съ уступкою для меня. Вотъ славная вещь, которая не достигла своей цѣли! а сколько надо таланта и труда, чтобы написать ее! Много есть нумеровъ, которыми я отъ души восхищаюсь.

21 janvier (1844).

Je ne vous écris que quelques mots, mon cher Castriot, car vous ne saurez croire combien il m'est survenu d'occupations de tout genre à la fois.

Ты можетъ быть считаешь меня получестнымъ человѣкомъ потому, что я, получивъ твои деньги, не давалъ тебѣ по сіе время отвѣта. Причина тому очень проста и ты ее угадываешь, а именно: Ли задержалъ въ печати 3-ю тетрадь моихъ романсовъ. Теперь посылаю тебѣ 3 первыя части; когда выйдутъ остальныя, тотчасъ же пришлю. Пой покуда поется и вспоминай насъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, романсы мои до такой степени поются, что и мнѣ надоѣли. Однако все еще изрѣдка пишу новенькіе. Я взялся быть дирижеромъ Музыкальнаго общества, собирающагося разъ въ недѣлю. Въ командѣ у меня оркестръ изъ 20-ти человѣкъ любителей и хоръ изъ 25-ти любителей. Работы мнѣ очень много, но идетъ понемногу; послѣдній разъ пробовалъ я съ ними танцы «Трюановъ» изъ оперы.[2]) Не можешь себѣ представить, какъ въ оркестрѣ странно и ново выходитъ. Жаль, что тебя нѣтъ, а дѣлать нечего.

До свиданія. Даргомыжскій.

Варшава, 30-го марта (11-го апрѣля) (1845).

Какъ встрѣча наша въ Вѣнѣ, такъ и разставаніе съ тобою были неожиданны, душа моя, Кастріотъ. Съ пріятностію вспо-

---

[1]) «Русалка». В. С.

[2]) «Эсмеральды». В. С.

минаю о нашихъ съ тобою похожденіяхъ по великому граду сему. Мчавшись уже по желѣзной дорогѣ въ Лейпникъ,[1]) вспомнилъ я, что остался твоимъ должникомъ на 2½ гульдена. При первомъ свиданіи поквитаюсь; покуда благодарю за угощеніе.

Сегодня я выѣзжаю изъ Варшавы на Ковно. Видѣлъ я маменьку твою и былъ у нея 2 раза, Любитъ она тебя такъ — какъ только лишь однѣ матери любить могутъ. Я разсказалъ ей о нашемъ житьѣ въ Вѣнѣ и о твоихъ проектахъ и намѣреніяхъ. Кажется она съ удовольствіемъ слушала меня; она видѣла во мнѣ человѣка, который точно любитъ тебя, хотя и находитъ въ въ тебѣ нѣкоторыя несообразности. Увѣренъ, что доброе твое сердце и благородныя качества рано или поздно всѣ эти несообразности уничтожатъ.

Теперь идутъ мои къ тебѣ просьбы. Первая — писать ко мнѣ, изъ какой бы то страны ни было: въ Петербургъ, на Моховую, домъ Есакова. Вторая — прислать мнѣ адресъ, на который Мюльгоферъ[2]) просилъ меня писать къ нему, я его потерялъ. Третья — собирать рукописи какъ говорено. Четвертая — любить меня по прежнему. За симъ прощай. Надѣюсь, по пріѣздѣ въ Петербургъ, найти и письмо твое, и article Мюльгофера, и нѣкоторыя вѣнскія новости.

Прощай душа, добрый мой Кастріотъ!

С.-Петербургъ, 19-го мая 1845 г.

Я еще прежде тебя, другъ Кастріотъ, узналъ здѣсь о кончинѣ сестры твоей[3]) въ Варшавѣ, и подумалъ о тебѣ, зная твое

---

[1]) Лейпникъ — Лейпцигъ. В. С.

[2]) Лѣтъ тридцать тому назадъ я поселился въ Вѣнѣ съ музыкальною цѣлью; у меня было множество знакомыхъ, такъ какъ я состоялъ членомъ артистическаго общества подъ названіемъ Concordia; въ этомъ обществѣ членами и посѣтителями могли быть только композиторы, живописцы и литераторы. Въ то время Даргомыжскій проѣзжалъ чрезъ Вѣну, остановился у меня на квартирѣ и пробылъ недѣли съ двѣ; я познакомилъ его со многими лицами, жителями Вѣны, въ томъ числѣ и съ Мюльгоферомъ; но о семъ послѣднемъ я ничего особеннаго не знаю и не помню. Кажется онъ писалъ журнальныя статьи, и Даргомыжскій просилъ его доставлять ему въ Петербургъ какія-то свѣдѣнія; но въ чемъ онѣ заключались — не помню.

В. Кастріото-Скандербекъ.

[3]) Вѣра Георгіевна Кастріото-Скандербекъ, въ замужествѣ за генераломъ отъ инфантеріи А. К. Ушаковымъ, предсѣдателемъ Главнаго Военнаго Суда.

доброе, способное къ привязанности, сердце. Ты нѣкоторое время колебался — пускаться-ли въ дальній путь или воротиться въ нашу Россію. Но видно рѣшился продолжать свое путешествіе. Во всякомъ случаѣ увѣдомь меня навѣрное о твоихъ намѣреніяхъ.

Благодарю тебя отъ души за присланные тобою газетные листки. Я и первый изъ нихъ получилъ, но не знаю почему, а получилъ я его очень поздно, и усомнился-было въ твоей акуратности.

Несмотря на то, что весьма желалъ бы видѣть тебя здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, въ постоянныхъ со мною музыкальныхъ занятіяхъ, я все-таки исполнилъ порученіе твое: былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и справлялся о твоемъ паспортѣ. Узнавъ, что о немъ нѣтъ еще никакого свѣдѣнія, я былъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ тоже еще ничего не получено. Напрасно ты не написалъ поакуратнѣе, когда и за какимъ № писано изъ Вѣны; я ѐще справлюсь немного погодя. Если просьба твоя придетъ, то похлопочу о тебѣ и постараюсь, чтобъ не задерживали.

Я еще, по возвращеніи, ничего нужнаго не дѣлаю: однако лѣтомъ, когда мои переѣдутъ на дачу, буду обдумывать новую оперу. Многіе здѣсь смѣются и не понимаютъ: изъ чего я бьюся. Но ты понимаешь, и знаешь, дѣло-ли я дѣлаю или нѣтъ. «Вакханки»[1]) начинаю инструментовать.

Я очень радъ, что ты не бросаешь музыку и пишешь; но не знаю, дѣльно-ли ты написалъ? Совѣтую тебѣ прошататься по Европѣ до осени; а къ зимѣ пріѣзжай къ намъ въ Питеръ. Вмѣстѣ послушаемъ Итальянцевъ и сами себя дадимъ послушать. А шестимѣсячнаго путешествія для тебя довольно будетъ, чтобъ убѣдиться, что нѣтъ въ мірѣ народа лучше русскаго, и что ежели существуютъ въ Европѣ элементы поэзіи, то это въ Россіи. А раны Россіи когда-нибудь да залечатся, покуда зачѣмъ смотрѣть на нихъ. Прощай, другъ, цѣлую тебя также крѣпко, какъ и люблю. Alexandre.

Сообщ. **В. В. Стасовъ и В. Г. Кастріото-Скандербекъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) «Торжество Вакха», кантата. **В. С.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ источникамъ). [1]

II.

Устройство Опекунскаго Совѣта Воспитательнаго Дома. — Права и обязанности Почетныхъ Благотворителей и Опекуновъ. — Административная и педагогическая роль Главнаго Надзирателя. — Особенности въ управленіи С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома и постепенное ихъ устраненіе. — Учрежденіе при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ Опекунскаго Совѣта на подобіе Московскаго. — Новое законоположеніе 1780 г. и мотивы, побудившіе Бецкаго къ измѣненію прежнихъ порядковъ.

По Генеральному Плану, примѣненному вполнѣ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, управленіе дѣлами Дома поручалось Опекунскому Совѣту, который долженъ былъ состоять изъ шести «знатныхъ персонъ», не ниже чиномъ колежскаго совѣтника. [2]) Эти лица назывались опекунами, или «совѣтниками опекунства», и принимали службу безъ всякаго вознагражденія «единственно изъ любви къ отечеству и по христіанскому сожалѣнію о бѣдныхъ». Они пользовались значительными привилегіями, исчисленными въ уставѣ. Безвозмездность опекунской службы подтверждена была, въ 1767 г., во 2-й части Генеральнаго Плана (глава I, § 12), и, два года спустя, камергеръ Бредихинъ, добивавшійся жалованья на опекунскомъ мѣстѣ, получилъ въ

---

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XII, стр. 146—159.

[2]) Генер. Планъ, ч. I, гл. 6, § 9. А. П.

томъ отказъ отъ имени государыни императрицы.[1]) Съ теченіемъ времени, это условіе было признано, однако, неудобнымъ, такъ какъ оно являлось препятствіемъ къ поступленію на службу людей достойныхъ, но не имѣвшихъ возможности обойтись безъ вознагражденія за труды, почему въ Дополненіи къ Генеральному Плану, конфирмованномъ въ 1772 году (20-го ноября), мы встрѣчаемъ уже постановленіе, что каждый опекунъ, сверхъ прежде дарованныхъ привилегій, «получать можетъ изъ экономической суммы Дома жалованья до 1,000 р. въ годъ, болѣе или менѣе, по установляемому въ Совѣтѣ порядку». Въ тоже время и требованіе ранга, обязательнаго для опекуна, было убавлено до перваго штабъ-офицерскаго чина, при чемъ производство въ слѣдующіе чины до колежскаго совѣтника полагалось, за выслугу лѣтъ, черезъ каждые три года. Надъ опекунами, по силѣ Генеральнаго Плана, стояла власть Главнаго Попечителя, который характеризовался уставомъ, какъ «знатная и въ особливой милости у ея Императорскаго Величества состоящая особа». Преемника себѣ Главный Попечитель заблаговременно выбиралъ самъ; въ случаѣ же, если бы подобный выборъ не состоялся, «паче чаянія», до его смерти, то Опекунскій Совѣтъ облекался правомъ представлять ея величеству достойныхъ кандидатовъ на это мѣсто, изъ которыхъ она утверждала одного.[2]) Въ 1772 году и этотъ порядокъ былъ измѣненъ. Между Главнымъ Попечителемъ и Опекунскимъ Совѣтомъ возникаетъ—по предложенію лицъ, разсматривавшихъ Дополненіе къ Генеральному Плану[3]) —новая власть Почетныхъ Благотворителей, которые должны были, «какъ патріоты, почтённые знатными достоинствами въ государствѣ, охранять отъ всякаго вреднаго прикосновенія твердость и непоколебимость» цѣлаго учрежденія, а также принимали на себя ходатайство по дѣламъ Воспитательнаго Дома, рѣшавшимся въ сенатѣ, синодѣ или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Изъ числа этихъ лицъ, «яко извѣстныхъ уже хранителей всего утвержденнаго постановленія», положено было избирать балотировкою преемника Главному Попечителю, который могъ бы сейчасъ же, и безъ осо-

---

[1]) Письмо Гл. Попеч. въ Моск. Оп. Совѣтъ, отъ 24-го ноября 1769 г.

[2]) Генер. Пл., ч. I, гл. 6, § 8.

[3]) Дополненіе къ Генер. Плану разсматривали: гр. Н. Панинъ, гр. Э. Минихъ, кн. А. Голицынъ. гр. Ив. Чернышевъ и Григорій Тепловъ. А. П.

баго утвержденія, вступить въ его должность, какъ только откроется вакансія. Въ 1778 г. права и преимущества Почетныхъ Благотворителей были точнѣе опредѣлены Бецкимъ въ 7-ми пунктахъ, въ силу которыхъ эти лица, узнавъ о «присвоеніи себѣ излишней власти» опекунами, вооружались полномочіемъ—«удерживать ихъ своеволіе, которое въ наглости своей, если заблаговременно не ощутитъ силы обуздывающей руки, возможетъ наконецъ опровергнуть священнѣйшія преграды». Въ такомъ крайнемъ случаѣ, Почетные Благотворители, по приглашенію Опекунскаго Совѣта или «хотя по сокровенному представленію доброжелательныхъ членовъ», немедленно вступали въ засѣданіе съ опекунами, стараясь «разстроенные гласы Совѣта, съ приличною кротостію, соединить въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго Дома».[1]) Что власть Почетныхъ Благотворителей надъ членами Опекунскаго Совѣта была не пустою фикціею,—это доказывается примѣромъ московскаго опекуна Дурново, отрѣшеннаго отъ должности (впрочемъ, совершенно несправедливо, какъ мы разъяснимъ ниже) Почетнымъ Благотворителемъ, оберъ-камергеромъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Вообще Почетные Благотворители избирались въ средѣ самыхъ сильныхъ вельможъ, и званіе это носили напр. такія крупныя личности, какъ кн. Потемкинъ, гр. Кириллъ Разумовскій, графы Захаръ и Иванъ Чернышевы, гр. Никита Панинъ, князь Александръ Вяземскій, фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Николай Репнинъ, графъ Безбородко, гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ и мн. др. [2]) Изъ Почетныхъ Благотворителей, жившихъ въ Москвѣ, большое участіе въ дѣлахъ Дома принималъ, кромѣ упомянутаго оберъ-камергера Голицына, князь Яковъ Петровичъ Шаховской,[3]) ав-

---

[1]) «Извѣстія имп. Воспит. Дома на мѣсяцъ январь 1778 г.»

[2]) Списокъ Почетн. Благотворителей, съ обозначеніемъ времени ихъ избранія, помѣщенъ въ I-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи Моск. Воспит. Дома». (См. отдѣлъ: «Разныя историческія свѣдѣнія», стр. 43—44). Но въ этомъ спискѣ пропущенъ духовникъ Екатерины II-й, Ив. Ив. Памфиловъ принятый въ Поч. Благотворители въ октябрѣ 1788 г. (См. Архивъ Моск. Опек. Совѣта, Бархатную книгу, № 2, и дѣла по канцеляріи Спб. Опек. Совѣта № 984, связка 10, и № 975—10) А. П.

[3]) Кн. Шаховской (такъ-же какъ и графы Н. Панинъ и Э. Миннхъ) до избранія своего въ Почетн. Благотворители, носилъ званіе Попечителя Воспит. Дома. (Арх. Моск. Оп. Сов., Барх. кн., № 2). А. П.

торъ извѣстныхъ историческихъ мемуаровъ († 1777 г.), бывшій одно время генералъ-прокуроромъ сената послѣ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. Въ дѣлахъ же С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта замѣтно участіе кн. Николая Репнина, гр. Безбородко и гр. Николая Салтыкова. Бюстъ Шаховскаго, сдѣланный изъ мрамора, былъ поставленъ, по смерти князя, въ парадной залѣ Московскаго Воспитательнаго Дома, и такая же почесть должна была воздаваться, по положенію 1778 г.,[1]) всѣмъ Почетнымъ Благотворителямъ, «отмѣнившимся противу прочихъ достойными благодѣяніями Дому—посредствомъ-ли старанія своего, приносящаго великую пользу или какимъ другимъ, сокровеннымъ или явнымъ, превосходнымъ благодѣтельствомъ». Кромѣ того, положеніемъ Воспитательнаго Дома предписывалось: о попеченіяхъ и благодѣяніяхъ Почетныхъ Благотворителей вести при Опекунскихъ Совѣтахъ особые журналы, и изъ этихъ записокъ, по смерти Благотворителя, «сочиня похвальное слово, чрезъ искуснаго человѣка въ краснорѣчіи, со исчисленіемъ его благотвореній и полезныхъ обществу дѣлъ, предать его имя потомству въ память напечатаніемъ таковой рѣчи». Изъ одного дѣла видно, что Бецкой, въ особомъ докладѣ императрицѣ, просилъ или намѣревался просить ее о предоставленіи Почетнымъ Благотворителямъ и такой, между прочимъ, привилегіи, чтобы—«имѣніе ихъ, хотя-бъ и не отданное въ Сохранную Казну, но уже какъ освященное ихъ должностью, пребыло-бъ, на основаніи права Сохранной Казны, неприкосновенно отъ всякой конфискаціи, пока въ ономъ званіи состоять будутъ; исключая неправильное присвоеніе чуждаго, которое остается нерушимымъ отъ общественнаго права».[2]) Но мы не знаемъ, какая именно участь постигла это ходатайство Бецкаго: было-ли оно заблаговременно отклонено императрицею, какъ могущее повести къ различнымъ злоупотребленіямъ, или же, внесенное въ докладъ, оно было исключено оттуда, не получивъ высочайшаго утвержденія? По крайней мѣрѣ, этотъ пунктъ проектированнаго доклада Бецкаго не появился въ печати, тогда какъ всѣ остальные были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Воспит. Дома за мартъ 1778 г.» И безъ того, однако,

---

[1]) «Извѣстія Воспит Дома на мѣсяцъ мартъ 1778 г.»

[2]) Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов., по разн. предм., № 202, связка 2. А. П.

положеніе Почетныхъ Благотворителей было достаточно лестно и пріятно для честолюбія тогдашнихъ вельможъ, такъ что они, однажды выбранные въ это званіе, почти никогда не отказывались отъ него. Гр. Захаръ Чернышевъ, въ 1776 г., заявилъ письменно Бецкому, что «въ разсужденіи отдаленной, ввѣренной, по должности губернатора, въ его правленіе губерніи (Бѣлоруссіи) не можетъ требуемымъ исправленіемъ званія Почетнаго Благотворителя принесть Воспитательному Дому удовольствія», и потому былъ уволенъ отъ этого званія;[1]) но въ 1778 г. мы снова находимъ его Почетнымъ Благотворителемъ. Безусловно и навсегда отказался отъ почетнаго благотворительства только одинъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ письмомъ отъ 22-го марта 1778 года; при этомъ имъ были выставлены такія сильныя и убѣдительныя причины для отказа, что въ искренности его словъ едва-ли возможно сомнѣваться. «По моему совершенному несчастію – писалъ гр. Панинъ — дряхлость отъ увѣчной моей болѣзни, продолжающаяся во мнѣ болѣе тридцати лѣтъ, принудила меня испросить увольненіе изъ всѣхъ званій службы ея императорскаго величества и моего отечества за всеконечнымъ истощеніемъ душевныхъ и тѣлесныхъ моихъ всѣхъ силъ, возложивъ на себя въ тоже время обѣтъ, чтобъ остатки дряхлой жизни моей окончить внѣ всякаго служенія, да и по самой истинѣ, какъ вынудило меня изъ службы, такъ и теперь еще все во мнѣ продолжается тоже: что не могу я никакъ углубляться ни въ какія размышленія безъ приведенія въ волнованіе летучихъ подагрическихъ во мнѣ всегдашнихъ болей и чтобъ онымъ не втянуть ихъ въ грудь и въ голову съ устрашеніемъ пресѣчь безвременно мою жизнь, а, по счастію или по несчастію, поставлялъ я и нынѣ не поставлять не могу за непростительный и за величайшій грѣхъ того, чтобъ принятое на себя званіе и служеніе государю и отечеству нести мимоходомъ, а не исполнять его съ углубленіемъ размышленій и трудовъ моихъ по всей естественной силѣ и возможности. Въ разсужденіи сего и ненарушенія собственно возложеннаго на себя обѣта, который будетъ противъ тѣхъ добродѣтелей и вѣры, на коихъ самое установленіе Воспитательнаго Дома учреждено, теперь я, съ надежнѣйшею довѣренностью о

---

[1]) Дѣло по канц. Спб. Совѣта № 202, связка 2. А. П.

невоспріятіи негодованія, извиняюсь въ самой невозможности удостоить мнѣ себя вступленія въ участники общества, мною весьма почитаемаго, и въ званіе благотворителя тому Дому, которому я желаю и готовъ вспомоществовать и служить приватнымъ образомъ по всей моей силѣ и возможности и котораго сохраненіе въ безвредности лежало, конечно, на моемъ сердцѣ, при бывшемъ внутреннемъ восколебаніи сего города, между главнѣйшими возбужденіями къ представленію себя на служеніе для пресѣченія онаго».[1])

Если въ этихъ строкахъ и проглядываетъ кое-гдѣ язвительная иронія, возбужденная въ гр. Панинѣ прежними неудачами его служебной карьеры, которыя постоянно держали его въ ряду недовольныхъ во все царствованіе Екатерины II, то не Воспитательный Домъ, конечно, былъ ихъ причиною.

Число Почетныхъ Благотворителей простиралось до 12-ти, не включая сюда 2-хъ знатнѣйшихъ лицъ изъ духовнаго званія. Приглашались они первоначально по усмотрѣнію Главнаго Попечителя,[2]) а затѣмъ выборъ ихъ производился въ генеральномъ собраніи Почетныхъ Благотворителей. Въ 1785 г. Бецкой предписалъ, въ случаѣ отъѣзда Главнаго Попечителя, выбирать ему другого преемника изъ Почетныхъ Благотворителей, «ибо первоназначенный заступаетъ мѣсто Главнаго Попечителя, потому же полагается и на прееемниково мѣсто, на время отлучки, другой».[3]) Но это дополнительное правило, кажется, ни разу не приводилось въ исполненіе, такъ какъ Бецкой, съ того времени, постоянно находился при отправленіи своихъ обязанностей. Первымъ преемникомъ Главнаго Попечителя былъ выбранъ, 28-го апрѣля 1778 г., генералъ-фельдмаршалъ кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ. Выборъ этотъ произведенъ былъ по предложенію Главнаго Попечителя, «дабы отъ непредвидимыхъ какихъ приключеній, въ случаѣ его отбытія отъ сей должности, не могло пресѣчься теченіе полезныхъ обществу дѣлъ Воспитательнаго Дома и тѣмъ самымъ не была-бъ ослаблена твердость благонамѣрен-

---

[1]) Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Оп. Совѣтъ 9-го апрѣля 1776 г.

[2]) Имена первыхъ приглашенныхъ, а также и отзывы ихъ, напечатаны въ I томѣ «Собранія учрежденій и предписаній» на стр. 473.

[3]) Архивъ Спб. Опек. Совѣта: «Тринадцать копій съ предложеній Гл. Попечителя» и дѣло по Канц., по разн. предметамъ, № 923. А. П.

ныхъ учрежденій». Въ избраніи участвовали, кромѣ Почетныхъ Благотворителей, всѣ Опекуны, за-Опекуны и Попечители, находившіеся въ то время въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но избирательный листъ подписанъ одними лишь Почетными Благотворителями съ Главнымъ Попечителемъ во главѣ ихъ. На томъ же листѣ росписался и князь Голицынъ въ принятіи на себя возложеннаго званія, въ слѣдующихъ словахъ: «Преисполненъ будучи чувствительнѣйшею благодарностью за благосклонность, съ каковою Почетные Благотворители удостоили меня избрать въ Преемники Главнаго Попечителя, я за долгъ себѣ всегда поставлять буду наирачительнѣйше соотвѣтствовать возложенному на меня столь лестному званію и довѣренности».[1] Но кн. Голицыну (род. въ 1718 † 1783 г.) не пришлось вступить въ должность Главнаго Попечителя: Бецкой пережилъ его также, какъ и второго своего Преемника, кн. Александра Алексѣевича Вяземскаго (род. въ 1727 † 1793 г.), утвержденнаго въ этомъ званіи по докладу императрицѣ 9-го апрѣля 1785 г.[2]) За то третій Преемникъ, гр. Христофоръ Сергѣевичъ Минихъ,— о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди,— еще при жизни Бецкаго сдѣлался фактически главнымъ начальникомъ Воспитательныхъ Домовъ, по личному выбору императрицы, не только мимо генеральнаго собранія Почетныхъ Благотворителей, но даже и не принадлежа къ ихъ числу. Впослѣдствіи званіе Почетныхъ Благотворителей, не бывъ отмѣнено формальнымъ порядкомъ, перестало существовать на самомъ дѣлѣ: оно сдѣлалось излишнимъ съ учрежденіемъ, въ 1797 г., званія Почетныхъ Опекуновъ.

Обязанность Опекунскаго Совѣта, при Бецкомъ, состояла въ томъ, чтобы защищать Домъ во всѣхъ нуждахъ по представленіямъ Главнаго Надзирателя, хранить казну, свидѣтельствовать счеты приходовъ и расходовъ, и наблюдать, въ особенности, чтобы никто не нарушалъ привилегій Воспитательнаго Дома, а также не злоупотреблялъ ими, ибо подобное злоупотребленіе могло бы «подать причину къ уменьшенію привилегій, либо къ отнятію нѣкоторой части оныхъ». При договорахъ и обязатель-

---

[1]) «Извѣстія Имп. Воспит. Дома на апрѣль и май 1778 г.» (II томъ «Собранія извѣстій», стр. 71—72).

[2]) Архивъ Моск. Опек. Совѣта, бархатная книга, въ парчевой отдѣлкѣ, подъ названіемъ: «Въ память потомству». А. П.

ствахъ, Опекунскій Совѣтъ долженъ былъ наиточнѣйше наблюдать, чтобы его словесныя обѣщанія также свято исполнялись, какъ и письменныя. «Вѣрность и постоянство — говорилось по этому поводу въ уставѣ — хотя бы вездѣ исчезли, въ нашемъ Домѣ непремѣнно быть должны. Мы всегда больше выиграемъ терпя нѣсколько, нежели причиняя другимъ досаду; того для, при всякомъ случаѣ, когда распря, и наипаче въ маломъ дѣлѣ, послѣдуетъ, — лучше уступать, нежели обоюдное утверждать право; только бы чрезъ то привилегіямъ ущерба не было. Таковыми поступками сыщемъ, безъ сомнѣнія, у всего общества повѣренность, любовь и почтеніе къ порученному намъ мѣсту. Съ нашей будутъ стороны всѣ честные люди (курсивъ въ подлинникѣ), и въ случаѣ нужды могутъ подкрѣплять и защищать сей Домъ, въ которомъ сколь правила жизни безпорочны, столь и нравы безпристрастны. Избѣжимъ многихъ судовъ и споровъ, да и польза сего мѣста отъ насъ необходимо требуетъ всячески остерегаться оныхъ». Вообще Бецкой находилъ, что такъ какъ члены Опекунскаго Совѣта, при широкихъ правахъ, имъ предоставленныхъ, «никакимъ почти другимъ, какъ только естественнымъ подвержены законамъ, то и всѣмъ ихъ поступкамъ по праву естественному и по человѣколюбію происходить должно». «Неподвижнымъ правиломъ и примѣромъ — говорилъ онъ — надлежитъ намъ себѣ установить, чтобы всѣмъ людямъ безъ изъятія таковую же воздавать справедливость, какой бы мы себѣ въ подобныхъ случаяхъ отъ другихъ требовали, и чтобы собственная наша совѣсть строгимъ была надъ нами судьею». По этимъ гуманнымъ и логическимъ соображеніямъ, всѣ «приказные обряды», всякая формальная и казуистическая постановка вопросовъ съ цѣлью не рѣшить ихъ, а только запутать, — строго осуждались Бецкимъ, какъ въ его уставахъ, такъ и въ письмахъ къ опекунамъ. Обыкновенныя собранія опекуновъ полагались сначала по одному разу въ недѣлю или, смотря по дѣламъ, два раза въ мѣсяцъ — въ первый понедѣльникъ и въ послѣднюю субботу. Но и сверхъ этихъ собраній каждый опекунъ, по требованію устава, «налагалъ на себя особливый долгъ отъ душеспасительной ревности неусыпно стараться обо всемъ, что̀ служить можетъ къ приращенію кредита и благополучію сего заведенія». «Не инако сіе произвести можно — объяснялось далѣе въ уставѣ — какъ питая всегда въ сердцѣ

своемъ истинное человѣколюбіе и соболѣзнованіе, отвращая звѣрскія злодѣянія и худые толки, кои происходятъ отъ людей, непорядочно живущихъ, и отъ заблужденныхъ сердецъ, преклоняя ихъ съ любовію къ милосердію, къ великодушному призрѣнію, къ жалости, къ щедротамъ, къ вспомоществованію бѣдствующему ближнему и невиннымъ младенцамъ, всякой помощи лишеннымъ».[1]) Съ увеличеніемъ дѣлъ Опекунскаго Совѣта по воспитанію дѣтей и по финансовымъ оборотамъ Сохранной и Ссудной Казны, должно было увеличиваться и число присутственныхъ дней, а въ 1780 г. Бецкой предписалъ уже держаться такого правила: «Хотя и надлежало бы гг. членамъ имѣть присутствіе всякій день до обѣда и послѣ обѣда ...но дабы оставить усердію лучше дѣйствовать и сверхъ узаконеннаго, нежели предписанное, въ разсужденіи многихъ причинъ, почитать тягостнымъ, и полагается ежедневное собраніе до обѣда отъ 8-ми часовъ до второго часа; въ ломбардные-жъ и аукціонные дни хотя и разумѣется, чтобъ собираться послѣ обѣда, но то также, какъ выше сказано, предоставляется самоизвольному усердію гг. членовъ; но въ случаѣ какого важнаго дѣла, не терпящаго отлагательства, непремѣнно съѣзжаться послѣ обѣда или, и не выѣзжая изъ присутствія, окончать оное». При отлучкѣ опекуновъ изъ города, уставъ заботился о томъ, чтобы въ Совѣтѣ оставалось не менѣе 3-хъ, т. е. не менѣе половиннаго числа засѣдающихъ членовъ.[2])

Подъ непосредственнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ Опекунскаго Совѣта происходили всѣ служебныя дѣйствія старшаго лица въ Домѣ — Главнаго Надзирателя. «Мужъ честный, трудолюбивый, въ воспитаніи дѣтей искусный, тако-жъ знающій силу въ нужнѣйшихъ мастерствахъ, рукодѣліяхъ и домостроительствѣ (т. е. домашнемъ хозяйствѣ)», — Главный Надзиратель управлялъ одинъ — по выраженію устава — «какъ отецъ въ Домѣ», и всѣ остальные служащіе состояли въ его власти. «Онъ обо всемъ вѣдаетъ, отъ него одного и отвѣта требовать должно». Опекунскій Совѣтъ ему одному, а не подчиненнымъ его даетъ приказанія и наблюдаетъ, чтобы въ исполненіи Генеральнаго Плана и данной Главному Надзирателю инструкціи ничего упущено не

---

[1]) Генер. Планъ, ч. I, гл. I, § 2; ч. II, гл. I, §§ 1 и 10, и гл. 2, §§ 3—8.

[2]) Генер. Планъ, ч. I, гл. I. § 2.

было.[1]) Поэтому предписано было, безъ важной причины, не требовать въ Совѣтъ подчиненныхъ Главнаго Надзирателя,— «а того меньше допускать бѣгать въ домы къ членамъ Совѣта или ходить къ нимъ съ представленіями, ибо изъ того слѣдуютъ непорядки, упущенія въ должности и причины наказаній, коимъ они себя подвергаютъ, какъ непокорные». Уставъ не требовалъ, чтобы Главный Надзиратель былъ непремѣнно *ученый* человѣкъ, еще меньше желалъ Бецкой, чтобы это было *знатное* лицо со связями во вліятельной средѣ: «потребенъ — по словамъ Генеральнаго Плана — человѣкъ, разумъ имѣющій, здравыя и достаточныя силы разсудка, сердце непорочное, *мысли вольныя*, нравъ *къ рабол*ѣ*пству непреклонный*; *говорить долженъ какъ думаетъ*, а *д*ѣ*лать—какъ говоритъ*; отъ неправды и притворства, при всякомъ случаѣ, убѣгать (долженъ) какъ отъ самыхъ *мерзкихъ д*ѣ*лъ*» (курсивъ въ подлинникѣ).[2]) Что же касается до обращенія его съ подчиненными, то инструкція гласила, «чтобы онъ съ чиновными обходился, какъ съ друзьями, а съ нижними служителями, какъ съ людьми; слѣдовательно приводилъ бы ихъ любовью и дружескими поступками къ исполненію должности: скорѣе достигнетъ онъ до намѣренія своего симъ способомъ, нежели повелительнымъ видомъ, что законамъ учрежденія нашего совсѣмъ противно; выискивать долженъ сокровенныя сіи средства, кои заставляютъ подчиненныхъ *съ любви* къ командиру своему бояться и почитать его».

Существеннѣйшая забота Главнаго Надзирателя должна была простираться на дѣтей, ввѣренныхъ его надзору: ихъ нравственное образованіе, обученіе и выборъ ремеслъ, соотвѣтственно природнымъ склонностямъ каждаго питомца, составляли какъ бы центръ тяжести въ обязанностяхъ администратора Воспитательнаго Дома. «Въ юношахъ — говорится въ инструкціи—Главный Надзиратель весьма внимательно испытывать долженъ склонности, душевныя и тѣлесныя ихъ силы, и какія точно науки каждому изъ нихъ приличествуютъ. Ни къ какому не принуждать ихъ искусству, ибо чрезъ то совершенными мастерами никогда не будутъ. Отечество наше и весь свѣтъ наполнены, и безъ того, не-

---

[1]) Инструкція Главн. Надзирателю напечатана во 2-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для исторіи Моск. В. Дома».

[2]) Генер. Планъ, ч. I, гл. I, § 4; ч. II, гл. 3, § 6—12. А. П.

искусными художниками, которыхъ въ Домѣ нашемъ и умножать не надобно. Однакожъ надзирателямъ должно обращать благоразумно склонности въ своихъ питомцахъ, чтобъ каждый выбралъ себѣ ремесло, приличное душевнымъ и тѣлеснымъ своимъ силамъ, неприметно воспрещать неимѣющимъ достаточнаго смысла опредѣлять себя къ изящнымъ искусствамъ, ибо таковые всегда презрительными будутъ художниками. Кто крѣпкаго отъ природы сложенія, тому не слѣдуетъ быть портнымъ или парикмахеромъ; напротивъ того, склонности тѣхъ, кои слабы отъ природы, вести должно такъ, чтобъ кузнечнаго мастерства себѣ никогда не выбирали. Благоразуміе Главнаго Надзирателя важному сему дѣлу наибольше способствуетъ». Кроткія мѣры, ласковое и полное любви отношеніе къ дѣтямъ положены были въ основу ихъ моральнаго воспитанія, и Главный Надзиратель стоялъ на стражѣ этого благодушнаго и истинно-педагогическаго направленія дѣла. «Единожды навсегда — предписано въ уставѣ — ввести въ сей Домъ неподвижный законъ и строго утвердить: никогда и ни зачто не бить дѣтей, ибо не удары въ ужасъ приводятъ, но страхъ умножается въ нихъ отъ рѣдкости наказаній, что̀ есть самое дѣйствительное средство къ ихъ поправленію, да и по физикѣ доказано, что бить дѣтей, грозить имъ и бранить, хотя и причины къ тому бываютъ, есть существенное зло. Кромѣ того, что сіе дѣлаетъ перемѣну въ ихъ здоровьѣ, слѣдовательно, и въ живости естественной, становятся чрезъ то мстительны, притворны, обманщики, угрюмы и нечувствительны. Сердца ихъ ожесточаются, въ нравахъ лишаются кротости, которая есть мать человѣчеству». «Когда обходиться станутъ — продолжаетъ патетически уставъ въ другомъ мѣстѣ—съ питомцами, какъ съ рабами,—не только вкоренятъ въ нихъ то же, что̀ рабамъ прилично, но чрезъ то ввергнутъ ихъ въ погибель толь великую, что можно уже тогда сказать справедливо: «о коль бѣдны сіи созданія! для чего не сдѣлано имъ лучшаго, для чего не оставлены судьбинѣ, которая бы, можетъ быть, предала ихъ звѣрямъ на терзаніе»? [1]) Уставъ запрещалъ тѣлесныя наказанія «и надъ самыми нижними служителями, дабы юношество не пріобучить къ суровости». Изъ этого правила не исключались и

---

[1]) Генер. Планъ, ч. 3, гл. XI и XII. А. П.

крѣпостные люди, принятые на службу въ Домъ: «необходимость требуетъ—по словамъ Генеральнаго Плана—чтобы всѣ господа начальники поступали съ ними пріятно, ласково и съ учтивствомъ, дабы такое обхожденіе поверженный ихъ духъ возвышало и чрезъ то бы въ благополучіе себѣ вмѣняли быть въ семъ Домѣ». [1]) Кромѣ воспитательно-административной части, Главный Надзиратель завѣдывалъ также хозяйствомъ Дома и ежемѣсячно представлялъ въ Опекунскій Совѣтъ провѣренныя и подписанныя имъ счетныя книги эконома. Эти счеты, «ежели найдутся вѣрны и исправны», утверждались членами Совѣта. Въ Опекунскомъ Совѣтѣ Главный Надзиратель не присутствовалъ постоянно, но «токмо по однимъ своимъ совѣтамъ и представленіямъ, касающимся до онаго Дома», и въ такомъ случаѣ пользовался голосомъ на правахъ члена. Постоянное присутствіе въ Совѣтѣ Главнаго Надзирателя отвлекало бы его, по мнѣнію Бецкаго, отъ исполненія прямыхъ обязанностей по Дому, вслѣдствіе чего, предписывая однажды Главному Надзирателю Московскаго Воспитательнаго Дома, Эссигу, принять ближайшее участіе въ засѣданіяхъ Опекунскаго Совѣта, по недостатку положеннаго числа опекуновъ, Бецкой и тутъ сдѣлалъ оговорку: «чтобъ приглашаему быть ему (Эссигу) тогда, когда, по важности дѣла, потребуется надобность въ чемъ-либо съ большимъ количествомъ персонъ разсужденія или же и во время свободности отъ упражняющихъ по должности его дѣлъ, дабы одно другому не могло препятствовать». [2]) Приказанія Главному Надзирателю давались только отъ имени цѣлаго собранія Опекунскаго Совѣта, но никто изъ членовъ Совѣта не имѣлъ права «одинъ, самъ собою» предписывать что-нибудь къ исполненію. Даже по отношенію къ предписаніямъ колегіи Опекунскаго Совѣта, Главный Надзиратель пользовался правомъ протеста, если они оказывались противны плану или инструкціи, «либо явно вредительны» Воспитательному Дому: о такихъ предписаніяхъ Главный Надзиратель

[1]) Генер. Пл., ч. 1, гл. V, § 10 и ч. 3, гл. VIII.

[2]) Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Опек. Совѣтъ отъ 2-го авг. 1776 г.—Но 15-го сент. 1777 г., по выборѣ новыхъ опекуновъ, Бецкой писалъ объ увольненіи Эссига отъ обязательнаго присутствія въ Совѣтѣ. Такимъ же образомъ, по случаю отъѣзда 3-хъ опекуновъ въ деревню, приглашаемъ былъ временно къ засѣданію въ Моск. Совѣтѣ Гл. Надзиратель С. Н. Насоновъ. (Дѣло по Канц. Спб. Опек. Сов., № 31—1). А. П.

немедленно доводилъ до свѣдѣнія Главнаго Попечителя, которому и предоставлялось разрѣшить спорный вопросъ. Вторымъ лицомъ въ Домѣ, послѣ Главнаго Надзирателя, была Главная Надзирательница, которой принадлежало «смотрѣніе за всѣмъ женскимъ поломъ во всемъ Домѣ и за воспитаніемъ младенцевъ обоего пола до 6-ти и 7-ми лѣтъ». Главный Надзиратель слѣдилъ за ея дѣйствіями и, во всѣхъ случаяхъ, подавалъ ей полезные совѣты, такъ какъ «отъ общаго ихъ дружелюбія похвальное домостроительство учреждается». Опекунскій Совѣтъ не опредѣлялъ Главной Надзирательницы безъ согласія Главнаго Надзирателя, но и послѣдній не принималъ никого въ надзирательницы или воспитательницы въ Домѣ безъ ея утвержденія. Затѣмъ, въ іерархическомъ порядкѣ администраціи, слѣдовалъ (по предписанію 2-й части Генеральнаго Плана) помощникъ Главнаго Надзирателя, носившій также названіе ценсора. Ему поручалось преимущественно наблюденіе за воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей сообразно съ предписаніями Генеральнаго Плана: онъ обязанъ былъ устранять худые примѣры, проистекающіе отъ порочной жизни воспитателей или служителей и «изъяснять узаконенные способы» къ наставленію дѣтей. Онъ же отправлялъ, «когда надобно», должность контролера. Четвертымъ начальникомъ въ Домѣ былъ экономъ, [1]) пятымъ—экспедиторъ, производившій письменныя дѣла при Совѣтѣ или, лично, при Главномъ Надзирателѣ, по его требованіямъ.

Въ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, при открытіи его подъ именемъ Отдѣленія, Главному Надзирателю соотвѣтствовалъ Директоръ съ тою, впрочемъ, разницею, что послѣдній постоянно присутствовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и руководилъ, главнымъ образомъ, дѣлами. Мѣсто Главной Надзирательницы заняла просто Надзирательница, получавшая «полезные совѣты и повелѣнія» отъ Директора и, вообще, поставленная къ нему въ болѣе подчиненныя отношенія, чѣмъ Главная Надзирательница къ Главному Надзирателю. Подъ ближайшимъ начальствомъ надзирательницы находился весь женскій персоналъ Дома—на первое время только кормилицы, няньки и служительницы. Когда же, съ увеличеніемъ штата Дома, появились и воспитательницы, то онѣ по-

---

[1]) Генер. Планъ, ч. I, § 5 и 6; ч. II, § 12—17.

лучили свою особую инструкцію. (Приложенія № 1 и 2). Инструкція эта, судя по тому, что въ ней упоминается должность Оберъ-Директора, установленная въ 1780 г., возникла, вѣроятно, около этого времени. Вмѣсто Опекуновъ, мы встрѣчаемъ въ Спб. Отдѣленіи за-опекуновъ — званіе, которое не упоминается еще ни въ первой, ни въ послѣдующихъ частяхъ Генеральнаго Плана, но внесено въ Дополненіе къ нему, какъ предварительная ступень къ опекунству, оставаясь на которой за-опекунъ уже пользовался привилегіями опекуна, хотя бы и не несъ еще никакой дѣйствительной службы. Фактически же званіе это—если не считать единственнаго случая принятія его въ 1766 г. капитаномъ Дурново [1]) — утвердилось съ 1770 г., т. е. со времени открытія Спб. Воспитательнаго Дома, и утвердилось одновременно въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. Изъ за-опекуновъ положено было, въ Дополненіи къ Генеральному Плану, замѣщать опекунскія вакансіи, а такъ какъ за-опекунъ могъ быть ниже чиномъ колежскаго совѣтника, то вскорѣ цензъ этотъ былъ пониженъ и для дѣйствительныхъ членовъ Опекунскаго Совѣта. Какъ за-опекуны, такъ и Опекуны — по силѣ того-же Дополненія къ Генеральному Плану—стали подвергаться ежегодному балотированію «во увѣреніе обществу о исправномъ отправленіи ихъ должности». Въ балотировкѣ участвовали и ей же подвергались, вмѣстѣ съ Опекунами, Главные Надзиратели, — а съ 1778 г. и Главныя Надзирательницы [2]) должны были ввѣрять свою судьбу избирательной урнѣ на томъ основаніи, что и онѣ, наравнѣ съ Главными Надзирателями, принадлежали къ числу лицъ, которыхъ «поведеніе и обхожденіе» могло имѣть большое вліяніе на развитіе или упадокъ заведенія. Двѣ трети бѣлыхъ шаровъ утверждали балотируемаго въ его званіи, двѣ трети черныхъ—исключали изъ него. Къ произнесенію приговора посредствомъ балловъ приглашались, кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, Почетные Благотворители и нѣкоторые изъ попечителей, имѣвшіе штабъ-офицерскій чинъ.[3]) Попечителями назывались — по опредѣленію 1-й части Генеральнаго Плана—такія лица, которыя предлагали свои услуги для сбора подаяній на Воспитательный Домъ, а «особ-

[1]) Архивъ Моск. Опек. Совѣта, бархатная книга. № 1.

[2]) Письмо Гл. Попечителя въ Моск. Оп. Совѣтъ, 19-го окт. 1778 г.

[3]) Собраніе учрежд. и предписаній, томъ I, стр. 367, примѣчаніе.

ливо-жъ для защищенія вышедшихъ изъ онаго Дома обоего пола дѣтей». Этимъ же званіемъ облекались и благотворители, принимавшіе на себя обязанность воспитывать до извѣстнаго возраста незаконнорожденныхъ дѣтей и отсылать ихъ затѣмъ въ Московскій или Петербургскій Воспитательный Домъ. Попечители получали «благодарный видъ» отъ имени Опекунскаго Совѣта, имена ихъ публиковались въ вѣдомостяхъ, а если они, при томъ, назначали отъ себя крупное пожертвованіе, то и портреты ихъ выставлялись въ Домѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ II-й ГЛАВѢ.

I.

Инструкція Надзирательницѣ С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Воспитательнаго Дома.

Главнѣйшимъ предметомъ почитается не удаляться человѣколюбія; тѣмъ болѣе оное нужно, что смотрѣніе поручаемое клонится къ сохраненію безгласныхъ младенцевъ и къ соблюденію отъ погибели беременныхъ женщинъ. И потому:

1) Приносныхъ въ оный Домъ младенцевъ, которые чрезъ привратника по данной ему инструкціи принимаемы бываютъ, относятся въ крестильную палату, гдѣ ни мало медля, освидѣтельствовавъ бабушкою, содержать здоровыхъ до крещенія въ оной, а прочихъ сообщать съ другими въ одну залу, а слабыхъ, буде найдутся, въ больницу; если же въ какой-либо опасной болѣзни, то отдѣлять тѣхъ особо, приставливая, какъ къ здоровымъ, такъ и другимъ, кормилицъ.

2) О пищѣ, какою оныхъ содержать, которымъ кормилицъ доставать не будетъ и какъ съ тѣми поступать, слѣдуя предписанію, назначенному въ 3-й части 2-му оглавленію, сдѣлать съ общаго согласія съ директоромъ единственно навсегда учрежденіе и потому исполнять.

3) Если-жъ изъ приносныхъ младенцевъ случится не крещенъ и въ томъ обстоять будетъ надобность, то, призвавъ священника, по силѣ Генеральнаго Плана, части I, гл. 2, § 3, исполнить должное.

4) Всѣмъ дѣтямъ сущею должна быть матерью, ежечасно смотрѣть на обхожденіе кормилицъ и нянекъ: въ свое-ль время оными кормлены бываютъ и спать кладутся, не дѣлаютъ-ли въ томъ принужденія какого или въ забавахъ запрещенія, что весьма препятствовать можетъ ихъ здоровью и отъ того отвращать. Почему:

5) Нужно, чтобъ кормилицы и няньки всегда въ веселомъ духѣ обращались, грусти и унынія отнюдь не имѣли; оттого лучше надѣяться можно, что и присмотръ надлежащій съ пристойнымъ стараніемъ прилагаемъ будетъ, и дѣти оскорбленія не почувствуютъ.

6) Но не одна пища и присмотръ жизнь младенческую содержитъ, а нужна

для тѣхъ чистота и опрятность, которая не только наблюдается въ одеждѣ и въ содержаніи ихъ, но и въ самыхъ комнатахъ съ неменьшимъ присмотромъ исполняется, отчего разныхъ многихъ болѣзней избѣжать будетъ можно. И для того:

7) Каждое утро всѣхъ ребятъ (кромѣ грудныхъ) купать въ холодной водѣ, выключая вспотныхъ, неотмѣнно; въ залѣ и во всѣхъ покояхъ чтобъ всегда былъ свѣжій воздухъ, а въ случаѣ надобности, отъ худого воздуха въ покояхъ избавляться, и что нужное къ тому употреблять, поступая по назначенному въ 3-й части, 2-му оглавленію, а особливо «Физическимъ примѣчаніямъ»[1]) во всемъ непремѣнно.

8) Всякое дѣтское платье, бѣлье и прочее нужное, получая отъ экономства записывать въ данную книгу въ приходъ и распредѣляя оное нянькамъ, смотрѣть, чтобъ на дѣтяхъ всегда чистое было и не утрачено и содержано въ порядкѣ.

9) Приносимое съ дѣтьми платье содержать особо и, отобравъ годное, употреблять, а изъ оныхъ шапочки и платьица хорошихъ матерій надѣвать по воскреснымъ днямъ на тѣхъ дѣтей, съ коими принесены.

10) Злоупотребленіе-жъ, какъ вредное обществу, отвращать и не допускать вкореняться оному; въ нужныхъ же распоряженіяхъ, принадлежащихъ до своей должности, получая полезные совѣты и повелѣнія отъ директора, неусыпно стараться о благосостояніи Дома и чрезъ общее дружелюбіе составлять похвальное домостроительство.

11) Въ ея власти состоять кормилицамъ и нянькамъ, и всѣмъ женскаго пола служительницамъ, которыхъ, по усмотрѣнію своему въ тѣхъ надобности, принимать, а излишнихъ или зачѣмъ-либо неспособныхъ отпускать; въ томъ числѣ разумѣется и о тѣхъ, которыя при Родильномъ Госпиталѣ.

12) А какъ при семъ Домѣ открыта Госпиталь, въ которую роженицы входятъ по показанію привратника безъ всякаго спрашиванія кто онѣ таковы, то опредѣленная къ тому бабка оныхъ принимаетъ и между ими осматриваетъ съ великою осторожностью; подлинно-ль пришедшая беременна? наблюдая, чтобъ подъ тѣмъ предлогомъ другія никто войти не могли, дабы изъ того не учинилось, чрезъ оплошность, какого-либо несчастнаго случая, и таковыя, если найдутся, пристойнымъ образомъ высылаемы бываютъ, въ чемъ, такожде, какъ и во всемъ, (надзирательница) спомоществуетъ согласнымъ порядкомъ въ пользу тѣхъ и другихъ.

13) Надзирательница сколь должна быть разсудительна, столь человѣколюбива; ея добраго сердца знакомъ быть имѣютъ кротость и великодушіе. Она всѣхъ принимаетъ благосклонно,[2]) все нужное приготовляетъ, покоитъ и пи-

---

[1]) Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» говорится: «Стараться должно, чтобы дѣти были на вольномъ и свѣжемъ воздухѣ, который бы всегда въ покояхъ перемѣняться могъ... не допускать ихъ быть долго тамъ, гдѣ воздухъ не довольно перемѣняется (§ 13 и 73). Въ 3-й части Генеральнаго Плана предписано: «Не допускать въ одной комнатѣ или въ одной спальнѣ, гдѣ всѣ двери и окна затворены, спать большому числу дѣтей съ приставниками, ибо воздухъ оттого ночью заражается. Весьма нужно разбирать количество людей по пространству мѣста и по количеству воздуха». (Собраніе учрежд. и предписаній, т. I, стр. 209). А. П.

[2]) Въ «Генеральномъ Планѣ» читаемъ: «Ни единой бѣдной женщины кормилицы или служанки уничтожать, ниже подлыми и презрѣнія достойными

щею довольствуетъ, обходясь честно, не жалѣя требуемаго; по представленіямъ же бабки и по согласію съ оною, отмѣняетъ лишнія и ненадобныя издержки.

14) Если-жъ потребуется по крайней и необходимой надобности лекарь или священникъ, то тѣхъ, обще съ бабкою, вводитъ въ Родильную Госпиталь съ крайнею осторожностью, чтобъ онымъ другихъ усмотрѣть было не можно.

15) Свято хранить ввѣренную ей тайность, не открывая оной кому не надлежитъ; въ прочемъ имѣетъ поступать безпристрастно, по чистой совѣсти, не ища корысти и оказывая всѣмъ сколько можно человѣколюбіе и благопристойность, какъ долгъ честнаго человѣка и Домъ сей необходимо требуютъ, давая своими похвальными поступками и подчиненнымъ примѣръ. Въ противномъ же случаѣ отвѣтствовать и мѣста своего лишена быть имѣетъ.

16) Но при всемъ своемъ управленіи всегда памятовать должна, что Домъ сей содержится отъ подаянія благотворительныхъ особъ, почему и стараться должно во всемъ наблюдать похвальную экономію, нужнаго не оставлять, а излишняго—не употреблять. Въ прочемъ же во всемъ основаніемъ принимая Генеральный Планъ, состоящій въ трехъ частяхъ, и «Физическія примѣчанія», онымъ безъ упущенія слѣдовать.

Если-жъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, что потребуется къ дополненію сей инструкціи, то предписываемое отъ засѣданія и сообщаемое отъ г. директора въ равной силѣ содержать и исполнять. **Иванъ Бецкой.**

Генваря 1-го числа 1772 г.

(Дѣло по Канц. Спб. Опек. Сов. по разн. предм. «Объ учрежденіи Спб. Отдѣленія» № 66, связка 1).

II.

Наставленіе воспитательницамъ Отдѣленныхъ дѣтей обоего пола.

(Черновая, безъ означенія года, писана рукою Я. Б. Княжнина. Документъ этотъ совершенно выцвѣлъ отъ сырости).

1) Поутру въ 6 часовъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, каждая воспитательница имѣетъ здоровыхъ дѣтей со всякою кротостію пробуждать отъ сна и во время холодной погоды приказывать приставницамъ обувать тѣхъ, кои сами не могутъ; прочіе же, которые въ состояніи, должны сами обуваться, только надлежитъ наблюдать, чтобъ оное съ надлежащимъ порядкомъ происходило, дабы сами дѣти порядку научались. Во время теплой погоды, лѣтомъ, должны они ходить босые, въ одной рубашкѣ, только съ передникомъ, въ чемъ вся ихъ одежда должна состоять.[1])

признавать ей (надзирательницѣ) не должно, ибо и самаго нижняго чина люди, содѣйствующіе общему благополучію, великой цѣны (курсивъ въ подлинникѣ) достойны. Кто презираетъ ихъ, тотъ самъ, какого бы рода ни былъ, недостоинъ начальствовать оными». (Ч. 2, гл. 3, § 13). А. П.

[1]) На счетъ одежды и обуви дѣтей въ «Генеральномъ Планѣ» предписано: «Всѣ тугія завязки и узкая обувь дѣтямъ вредительны, препятствуютъ свободному теченію крови и слѣдовательно тѣло въ слабость приводятъ. У дѣтей отъ природы больше жару, нежели у взрослыхъ; для того надобно быть одѣянію легкому, чтобы ихъ не горячило». (Ч. 3, гл. 2). А. Ц.

2) Должно весьма наблюдать, чтобъ каждое дитя поутру лицо и руки мыло, ротъ чистило, полоскало,[1] зубы чистою мокрою губкою вытирало, высушало, и послѣ-бъ вычесано было; чтобы ногти на рукахъ и ногахъ, когда выростутъ, были обрѣзаны, а потомъ, если нужно, одѣвать ихъ или только передники привязывать.

3) Послѣ того всѣхъ ихъ выводить на молитву. Къ мальчикамъ долженъ взрослый мальчикъ, а къ дѣвочкамъ взрослая дѣвочка приходить, которымъ утреннюю молитву съ «Отче нашъ» и съ прочими приличными молитвами по книгѣ прочитывать. Воспитательница должна смотрѣть, чтобъ все, сколько возможно, съ подлежащею пристойностью происходило, какъ того такое святое дѣло требуетъ. Почему надлежитъ имъ самимъ, какъ и приставницамъ, подавать въ томъ добрый примѣръ. Послѣ одѣванья и молитвы попарно выводить ихъ въ хорошую погоду[2]) на дворъ, а въ дурную—въ залъ, гдѣ производить имъ дѣтскія игры, состоящія въ прыганьѣ, бѣганьѣ и въ прочемъ, что служитъ къ укрѣпленію ихъ членовъ.

4) Въ 7 часовъ давать имъ завтракъ; оный состоитъ въ хорошемъ, сытномъ, свѣжимъ масломъ помазанномъ, хлѣбѣ. По воскреснымъ днямъ давать имъ пшеничный хлѣбъ, а иногда свѣжее молоко съ теплою отварною водою и съ хлѣбомъ.

5) Послѣ завтрака, въ хорошую погоду, должны дѣти быть на дворѣ, гдѣ они безпрепятственно начинаютъ опять свои дѣтскія игры. Только воспитательницамъ должно то наблюдать, чтобъ въ тѣхъ играхъ не случилося поврежденія тѣлу. Впрочемъ, замки и двери въ Домѣ такъ учреждены, что всѣ дѣти свободны, если того захотятъ, выйти на дворъ, несмотря на то мокрая-ль или холодная погода, ибо такія дѣти сами собою охотно лучше въ залѣ быть пожелаютъ, когда ихъ погода безпокоитъ.

6) Воспитательницы имѣютъ, каждое утро, слабыхъ и больныхъ дѣтей от-

---

[1]) Въ «Генер. Планѣ» читаемъ: «Ежели у дѣтей рубашки и прочая одежда нечиста, буде голова не вытерта, ноги и руки не мыты ежедневно,—слѣдуютъ разныя болѣзни отъ гнилости, которая умножается, чѣмъ больше дѣтей въ одномъ мѣстѣ находится. Оттого-жъ, по примѣчаніямъ испытателей натуры, приключаются короста, цынга, болѣзни въ головѣ, въ очахъ, въ ушахъ и пр.». (Ч. 3, гл. 2)). А. П.

[2]) Въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» сказано: «Класть дѣтей спать ранѣе, и поутру, на зарѣ, выводить на свѣжій воздухъ, когда только возможно. Наблюденіе сего правила, какъ для прохлажденія крови, такъ и для укрѣпленія тѣла, весьма нужно и полезно». О дѣтскихъ играхъ выражено такое мнѣніе: «Въ прыганіи и въ увеселеніи должно проходить дѣтскимъ лѣтамъ. Забавамъ препятствовать отнюдь не должно и не только не принуждать дѣтей быть въ покоѣ противъ ихъ склонности, но надобно вымышлять и изыскивать перемѣнное упражненіе ихъ тѣлу и духу, ибо, если вдадутся въ уныніе, то весь свой вѣкъ будутъ слабѣть и сохнуть»... «пріучать дѣтей въ обыкновенныхъ играхъ дѣйствовать обѣими руками, напр. играть въ кегли, бросать далеко камнями въ цѣль, бороться и пр. (§§ 80 и 82). Кромѣ того, въ 3-й части Генеральнаго Плана, во 2-й главѣ, рекомендуется для дѣтей стрѣляніе изъ лука, которое «много здоровью способствуетъ, приводитъ въ движеніе всѣ мышцы въ рукахъ, въ плечахъ, въ груди и въ спинѣ, расширяетъ грудь, отчего раздается и легкое, помогаетъ обращенію крови и пр.». А. П.

правлять въ лазаретъ и оныхъ, чрезъ приставницу, надзирательницѣ лазарета отдавать, при чемъ должно кратко словесно увѣдомлять, что при болѣзни примѣчено.

7) Какъ скоро дѣти изъ своей спальни выдутъ, то надлежитъ окна лѣтомъ и осенью открывать, соломенные матрацы [1]) выколачивать, комнаты вычищать, пыль съ оконъ, печей, панелей стирать, умывальники чистить и полотенца положить. Тогда класть простыни и покрывала на матрацы, и чтобы цѣлый день окна были открыты или, когда погода того не дозволяетъ, то нѣсколько оныхъ открывать, дабы тѣмъ движенію воздуха способствовать.

8) Обѣду быть въ 11 часовъ. Паче всего воспитательницы должны наблюдать, чтобъ были сохраняемы: при молитвѣ — благопристойность; чистота и порядокъ — при кушаньѣ.

9) При всякомъ случаѣ полы должны быть разлучаемы, и каждый полъ долженъ между собою особо по-парно ходить. Сіе надлежитъ такъ точно исполнять, чтобъ сей порядокъ съ ихъ возвышающимся возрастомъ сдѣлался привычкою.

10) Какъ между дѣтей бываютъ многія лѣнивыя и тяжелыя, [2]) кои покой и сонъ любятъ, то воспитательницы и приставницѣ имѣютъ прилежно наблюдать, чтобы таковымъ, шутливыми и бодрыми играми или вожденіемъ ихъ, спомоществовать къ возбужденію. Паче всего примѣчено быть, что послѣ кушанья они дѣлаются сонными.

11) Въ 4 часа пополудни давать имъ поѣсть; тогда пища ихъ должна состоять въ хлѣбѣ съ зрѣлыми или вареными плодами.

12) За ужиной (sic), что должно быть въ 6 часовъ, наблюдать ту же чистоту и порядокъ, какъ за обѣдомъ.

13) Ночью такъ, какъ и днемъ, должно всѣ внутреннія двери открыты держать и, если погода позволитъ, окна за рѣшетками, въ удобныхъ мѣстахъ на всю ночь отворять. Въ холодную весну, осень и зиму должны, по величинѣ комнаты, по крайней мѣрѣ маленькія окошечки открыты быть.

14) Приставницы имѣютъ наблюдать, чтобъ дѣти съ кроватей не упадали, и для того должно имъ средину постели вдавливать и смотрѣть за лежаніемъ дитя (т. е. дитяти), дабы, если оное приближится къ паденію, то отвращать перемѣною лежанія.

15) Осенью и зимою, когда свѣчи нужны, свѣчамъ горѣть въ фонаряхъ, докуда дѣти лягутъ; тогда свѣчи въ фонаряхъ гасить, а вмѣсто ихъ, въ пристойныхъ мѣстахъ, зажигать ночники.

16) Если приставницы имѣютъ работу для себя или для Дома, то тремъ или четыремъ работницамъ за однимъ столомъ дается свѣча, которую ставить имъ въ большой плоскій подсвѣчникъ и имѣть щипцы: сниманіе нагорѣлой свѣтильни пальцами и бросаніе оной на полъ должно имъ запрещено быть.

17) Спальни топить въ холодное время не прежде, какъ дѣти изъ оныхъ

---

[1]) Въ «Физич. примѣчаніяхъ» приводится для руководства мнѣніе Локка, который совѣтовалъ: «чтобъ дѣти спали на тугой постели, т. е. на соломенномъ, волосяномъ или шерстяномъ тюфякѣ». (§ 103). А. П.

[2]) Такія дѣти подходятъ подъ разрядъ флегматиковъ, о которыхъ въ «Физическихъ примѣчаніяхъ» сказано: «Надлежитъ ихъ поощрять къ тѣлодвиженіямъ нѣсколько труднымъ, ибо онѣ склонности къ тому не имѣютъ, удалять ихъ отъ покоя, который имъ всего пріятнѣе». (§ 112). А. П.

выдуть. Дрова будутъ служителями въ ящикахъ приносимы и въ сѣни поставлены; послѣ того берутъ оныя приставницы и пекутся обо всемъ топленіи печей. Дѣвка должна такъ долго при печи быть, доколѣ всѣ дрова въ угли преобратятся, дабы какого несчастія не произошло.

18) Ни въ какой комнатѣ, гдѣ дѣти находятся, не дозволять въ печи варить, жарить или разогрѣвать, дабы тѣмъ воздуха не наполнить нечистотою. Также должно рачительно за тѣмъ смотрѣть, чтобъ не было на печи и заслонкахъ жиру или сала.

19) Каждый вечеръ свѣжую воду въ чисто-выполосканныхъ бутылкахъ въ спальню приносить для успокоенія нуждъ дѣтскихъ. Также и умывальные рукомойники каждое утро выполаскивать и чистою холодною водою наполнять.

20) Дѣтей съ сыпями отдавать приставницѣ класть въ одну линію кроватей, чтобы здоровыя отъ нихъ не заразились. Также дѣти, у коихъ на головѣ нечистота, должны имѣть особую приставницу, которая должна головы ручными щетками чистить. Сіи щетки должны бить хорошо спрятаны, чтобъ ихъ съ другими не перемѣшать. Такъ каждое дитя должно имѣть свою особливую губку для чищенія зубовъ.

21) Крайне примѣчать, чтобъ дѣти не перемѣшались платьями, дабы платья дѣтей съ нечистыми соками не достались здоровымъ, а чрезъ то здоровыя не заразились.

22) На каждое дитя полагается четыре рубашки, четыре пары чулокъ, двѣ пары башмаковъ, четыре передника, четыре простыни и на двухъ одно полотенцо. Приставница каждый вечеръ перемѣняетъ чулки, и за день предъ тѣмъ носимые, весьма вывѣтренные, вытертые и выколоченные, на стулья дѣтямъ кладетъ. Также перемѣняетъ она и башмаки ежедневно.

23) Каждому дитяти давать перемѣнять въ недѣлю двѣ рубашки, двѣ пары чистыхъ чулковъ, двѣ простыни и два передника. Чулки должны быть хорошо надѣты и умѣренно завязаны. Порядокъ и чистота должны быть всеобщимъ для дѣтей примѣромъ.

24) Соломенные матрацы и подушки должны каждый мѣсяцъ быть однажды выколочены и каждые два мѣсяца новою соломою набиты.

25) Каждую недѣлю должно ихъ въ баню водить [1]) и дважды въ недѣлю мыть ноги.

26) Послѣ обѣда и ужины (sic) должны дѣти себѣ ротъ выполаскивать и вечеръ, какъ и поутру, мыть лицо водою, а руки и мыломъ.

27) Воспитательницѣ всякій разъ черное бѣлье считать, имѣть оному роспись и госпожѣ кастеляншѣ отдавать. По той же самой росписи получаетъ она вымытое назадъ.

28) Какъ бѣлье зимою трудно мыть, и дѣти менѣе случая тогда къ замаранію онаго имѣютъ, то можно тогда не такъ часто оное перемѣнять.

29) Воспитательницы имѣютъ преимущественнѣе всего наблюдать, чтобъ дѣти отъ приставницъ или отъ кого другого не были ничѣмъ ни обижаемы

---

[1]) О баняхъ «Физич. примѣчанія» отзывались такъ: «Всѣмъ извѣстно, что чистота способствуетъ здоровью и предостерегаетъ отъ болѣзни, а понеже бани россійскія въ своемъ существѣ не что иное, какъ бани парныя, того для всѣмъ необходимо нужно мыться въ оныхъ всякую недѣлю». При этомъ предписывались нѣкоторыя предохранительныя правила: такъ напр. запрещалось ходить въ баню послѣ кушанья, пить въ ней холодное и пр. (§ 120). А. П.

ни огорчаемы. Грубая шутка, непристойныя рѣчи и бранныя слова не должны быть совсѣмъ въ Домѣ терпимы. Если приставницы между собою неблагопристойно поступать станутъ, то воспитательница должна, то прекращая, дружелюбными и снисходительными увѣщаніями имъ, ихъ поступки представить и дать имъ уразумѣть, что какъ сердца дѣтей подобны воску, то легко дурныхъ примѣровъ могутъ получить впечатлѣнія. [1]) Если же которая приставница, послѣ такого увѣщанія, своего поведенія не перемѣнитъ, то воспитательница имѣетъ свою жалобу оберъ-директору предложить. Воспитательницы должны сами своими поступками любовь дѣтей и уваженіе отъ приставницъ пріобрѣсть и оказывать себя дѣтямъ истинною матерью. Какъ сердца дѣтей еще никакимъ порокамъ не причастны, то надлежитъ со всевозможною осторожностью примѣчать, чтобъ онѣ о кражѣ, лжи и проч. порокахъ и по названію не слыхали; краткими и дружелюбными привѣтствіями должны сердца дѣтей къ повиновенію, къ благодарности и пр. добродѣтелямъ быть обращаемы. Если дѣти въ игрѣ другъ противъ друга проступятся, то обидчикъ у обиженнаго долженъ прощенія просить, при чемъ ему коротко сказать: какъ бы ему непріятно было, еслибъ ему сдѣлали такую обиду.

30) Непослушныхъ и своенравныхъ дѣтей замѣчать и показывать оберъ-директору.

31) Бываютъ между дѣтей, а особливо въ такомъ множественномъ числѣ, нечистоплотныя, кои свою постель ночью мараютъ. Такихъ дѣтей поручать испытанной приставницѣ, которая ихъ въ разныя времена ночью пробуждаетъ и принуждаетъ къ нужному испражненію. Если такая приставница дитя отъ сего отвадитъ, то экономъ Дома имѣетъ дать ей за то награжденіе.

32) Полы въ спальнѣ, лѣтомъ и осенью, каждую недѣлю мыть однажды; но зимою только каждыя двѣ недѣли. При мытьѣ стараться, сколько можно, меньше воды наливать для отвращенія гнилости. Полы вытирать только мокрыми тряпицами. Воспитательницамъ смотрѣть, чтобъ стулья, употребляемые для испражненія, были безъ вони и для того чаще перемѣнять и вывѣтривать. Также надлежитъ и нужники въ чистотѣ содержать.

33) Воспитательницамъ стараться, чтобъ приставницы сами себя въ чистотѣ держали, совѣтовать имъ, чтобы онѣ себѣ чесали головы, мылися и въ порядкѣ платья свои имѣли.

34) Воспитательницамъ держать для себя также роспись дѣтямъ, отправленнымъ отъ нихъ въ лазаретъ: какъ ихъ зовутъ, какой имѣютъ номеръ и котораго числа отосланы. Ихъ любовь къ больнымъ, ихъ попеченію препорученнымъ, изъ того будетъ видна, если онѣ иногда станутъ ихъ посѣщать, ободрять и утѣшать.

35) Посѣщенія родственниковъ и друзей не могутъ воспитательницы въ своихъ комнатахъ принимать; только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ нижнемъ этажѣ, въ одной изъ классныхъ комнатъ, поутру отъ 8 до 11-ти

---

[1]) Это предписаніе находится въ связи съ основнымъ педагогическимъ правиломъ Бецкаго: «Все принадлежащее къ воспитанію должно дѣтямъ пріобрѣтать слухомъ и зрѣніемъ, т. е. подражая добрымъ примѣрамъ, которые бы имъ побудительны были и привлекали ихъ къ себѣ... Буде начальники Дома хотятъ, чтобы дѣти научилися добродѣтели, должно имъ прежде всего учителей и приставниковъ учинить добродѣтельными и примѣра достойными» (Генер. Пл., ч. 3, гл. 8). А. П.

часовъ, послѣ обѣда отъ 2 до 6-ти часовъ; выключая сего времени, Домъ долженъ быть свободенъ отъ входа посторонних обоего пола людей.

36) Какъ надлежитъ весьма рачительно смотрѣть, чтобъ никакой здоровый не былъ между больными, то сіе само по себѣ разумѣется, что занемогшая воспитательница должна выйти въ лазаретъ, гдѣ особливая для нея приготовленная комната со всѣми припадлежностями будетъ. Ея же мѣсто заступаетъ другая воспитательница и исполняетъ ея должность до выздоровленія ея.

37) О выѣздахъ своихъ въ церковь и для другихъ необходимостей должны онѣ (воспитательницы) прежде оберъ-директору объявить, дабы между тѣмъ другая ея должность занять могла.

38) Садикъ Дома открытъ къ удовольствію каждой воспитательницы; однако въ оный никого изъ чужихъ обоего пола не впускать, ибо обстоятельства Дома того не позволяютъ.

(Дѣло по канц. Спб. Опек. Сов., по разн. предм., № 66, связка 1).

А. П. Пятковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Черты сопротивленія власти при Петрѣ Великомъ.

Жестокость и крутость Петра Великаго болѣе всего поясняется чертами упорства и сопротивленія его волѣ, его намѣреніямъ и повелѣніямъ. Такихъ чертъ очень много, и чѣмъ болѣе будетъ ихъ собрано, тѣмъ понятнѣе станутъ для историка и характеръ эпохи Петра, и его личность, и свойства того народа, изъ котораго вышелъ могучій дѣятель, и съ которымъ велъ такую упорную, нравственную борьбу. Зная, какъ безжалостно каралъ Петръ непослушаніе, страннымъ покажется, какъ мало дѣйствовали на Русскихъ карательныя мѣры и жестокіе примѣры; но способы, какими иногда выказывалось при Петрѣ неповиновеніе его власти и указамъ, еще болѣе изумляютъ насъ. Въ этомъ отношеніи, надѣемся, не лишнимъ будетъ указать на одно дѣло, прочитанное нами въ бумагахъ государственнаго архива.

При Петрѣ, какъ извѣстно, ради пополненія казны съ цѣлію веденія войны противъ Карла XII, не было въ Россіи ни одного промысла, ни одного ремесла безъ отяготительныхъ налоговъ. Но, кромѣ платежей, жителей отягощали разными порученіями въ видахъ государственныхъ интересовъ, и это было въ свое время едва-ли не болѣе несносною тягостью, чѣмъ всякіе платежи.

Для сбора налоговъ съ рыбныхъ ловелъ существовала ингерманландская канцелярія рыбныхъ дѣлъ. Въ 1706 году, отправленный по этого рода дѣламъ переписчикъ, стольникъ Иванъ Кобяковъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ потребовалъ нѣсколькихъ отставныхъ дворянъ для доставки собранной казны въ канцелярію. Отправленный Кобяковымъ подъячій Григорій Гридинъ, вмѣстѣ съ служилыми, пріѣхалъ за однимъ изъ этихъ дворянъ Иваномъ Вельяминовымъ; но Вельяминовъ куда-то спрятался, а люди его сказали, что ихъ господинъ въ Москвѣ.

Гридинъ поѣхалъ къ другому дворянину, Михайлѣ Потулову, жившему въ деревнѣ Корѣлиной, въ Каменномъ стану, съ тѣмъ, чтобы взять этого господина и привезти его къ Кобякову.

Этотъ Гридинъ доносилъ, что „Потуловы съ людями стоятъ на дворѣ съ дубьемъ, запершись, и во дворъ не пускали и за ними бросали, и сами себя взять въ городъ не дали, а про Михайла говорили, что онъ на Москвѣ".

16-го февраля 1706 года, тотъ же Кобяковъ отправилъ подъячихъ Дениса Духина и Бориса Карцова съ двумя служилыми людьми взять отставныхъ дворянъ Ивана Вельяминова, Михайла Потулова и Василія Дуванова.

Этимъ подъячимъ удалось взять Ивана Вельяминова въ деревнѣ Слободной; съ нимъ вмѣстѣ поѣхали они въ деревню Корѣлину за Потуловымъ. На этотъ разъ Потуловъ допустилъ посланныхъ къ себѣ, но, „выслушавъ (говорится въ показаніи Карцова и Духина), указъ, закричалъ людямъ своимъ: суды! суды! (сюда! сюда!) а люди его, собрався многолюдствомъ, насъ, подъячихъ и служилыхъ людей, смертнымъ боемъ били; и сказали мы ему, Михайлѣ, указъ великаго государя, чтобъ онъ, Михайло, съ нами ѣхалъ въ городъ Переяславль-Рязанскій и явился на съѣзжемъ дворѣ передъ стольникомъ Кобяковымъ, и онъ великаго государя указу учинился непослушенъ, а намъ, посыльнымъ людямъ, силенъ".

На подъячихъ и на служилыхъ оказались боевые знаки. У Карцова „подъ лѣвымъ глазомъ подшибено синя, да на лѣвой рукѣ, повыше локтя, и на плечѣ синя же и багрова; на Духинѣ, на правомъ плечѣ, синя и багрова, и на лѣвомъ боку тоже". У служилыхъ на тѣлѣ также оказались слѣды побоевъ.

14-го мая того же года тотъ же стольникъ Иванъ Кобяковъ отправилъ подъячаго, Ивана Леонтьева, съ десятью служилыми, взять Михайла Потулова и доставить къ себѣ. Но „Михайло заперся въ хоромахъ, а дочери его, дѣвки Татьяна и Стефанида, вышли изъ хоромъ со многими жонками съ дубьемъ, и ихъ, посыльныхъ людей, отъ хоромъ отбили и его, Михайла, взять не дали".

Такимъ образомъ на этотъ разъ подвигъ насильственнаго сопротивленія властямъ совершаютъ особы женскаго пола, да еще и дѣвицы. Но оказывается, что эти дѣвицы дѣйствуютъ не первый разъ; онѣ отличились и ранѣе, когда къ Потулову пріѣзжали Карцовъ съ товарищи. Далѣе въ томъ же дѣлѣ, изъ котораго мы сообщаемъ эти извѣстія, говорится:

„И прежде еще пріѣзжалъ Борисъ Карцовъ, и онѣ, Татьяна и Стефанида, сами говорили, что онъ отъ нихъ битъ поѣхалъ".

Слѣдовательно, дѣвицы Потуловы играютъ главную роль во всей этой трагедіи.

Иванъ Леонтьевъ и товарищи остались побѣжденными въ битвѣ

съ прекраснымъ поломъ, однако, успѣли взять въ плѣнъ и увезти въ Переяславль-Рязанскій двороваго человѣка Терентья Евсевьева и жонку Ирину Богданову, но эти плѣнники отдѣлывались незнаніемъ, и ничего любопытнаго не сообщили.

Не знаемъ, что было потомъ съ Михайломъ Потуловымъ и съ его воинственными дочерьми. Но, какъ ослушникъ царской воли, Потуловъ былъ не одинъ въ своемъ околоткѣ; изъ того же дѣла видно, что многіе помѣщики того же уѣзда били подъячихъ и служилыхъ, посылаемыхъ съ нимъ во дворы съ указами. Ослушниковъ велѣно привозить въ Москву, а въ случаѣ не отыщутъ помѣщика—брать его людей и крестьянъ. И это не легко исполнялось. Къ одному такому ослушнику прибыли служилые: его дома нѣтъ, людей его и крестьянъ тоже нѣтъ; все пусто!

Другого, Ивана Еропкина, удалось найти и привезти въ приказную избу. Третій, Венюковъ, и самъ не поѣхалъ и людей своихъ не далъ. Четвертаго, Сухарева, не было дома, но люди и крестьяне безъ него отбились, взять себя не дали—учинились сильны.

Н. И. Костомаровъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.

Покойный А. Ѳ. Гильфердингъ сообщилъ намъ задолго до своей кончины. между прочими историческими бумагами, нѣсколько отрывковъ и черновыхъ замѣтокъ—копій съ собственноручныхъ бумагъ Екатерины II. Такъ какъ каждая строка Великой государыни имѣетъ интересъ и значеніе, то мы считаемъ необходимымъ помѣстить ихъ на страницахъ нашего изданія. Къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ отрывковъ нѣтъ года и мы предоставляемъ будущимъ издателямъ всего, что начертала рука Екатерины II, опредѣлить время, къ которому относятся приводимыя здѣсь замѣтки и наброски.

Ред.

I.

Отрывокъ собственноручнаго черноваго проекта манифеста Екатерины II о престолонаслѣдіи.

Божіею милостію, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр. Чудный промыслъ о насъ Всевышняго, который вручилъ намъ самодержавство сей имперіи образомъ человѣческимъ предвѣдѣніемъ непостижимымъ, заставляетъ насъ нерѣдко помышлять о исполненіи бремени на насъ Творцомъ всея твари наложеннаго. Испытавъ сердце наше нашли мы во глубинѣ онаго твердое и всегдашнее желаніе исполнять первую статью Наказа, даннаго нами комисіи о составленіи проекта новаго уложенія.

Сія статья гласитъ тако: законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько возможно. Изъ сего правила выходить должны всѣ части законодательства нашего, которому мы съ 1766 г. благополучное начало положили открытіемъ комисіи объ уложеніи; но первый и начальный законъ сего самодержавнаго

владычества долженъ, по существу своему, данъ и начертанъ императорскою нашею рукою, то есть неколебленность престола и твердость въ наслѣдіи онаго. Не токмо россійскія лѣтописи и исторіи, но и всѣхъ прочихъ въ свѣтѣ государствъ книгохранительницы наполнены великихъ всенародныхъ бѣдствій, кои происходили отъ колебленности престола и наслѣдства даже до того, что государствы были отъ того подвержены раздѣленію на части и наконецъ самому варварскому нашествію и игу и совершенному истребленію. Таковой примѣръ живѣе прочихъ представляетъ намъ Греческая восточная имперія, которой бѣдствія церковь наша, по единовѣрію нашему, и нынѣ оплакиваетъ.

Описавъ причины предпринимаемаго нами узаконенія, приступимъ нынѣ наискорѣе къ твердому онаго положенію и для того повелѣваемъ, узаконяемъ и хотимъ самодержавною нашею властію слѣдующей статьи:

1) Называть сей законъ императорскою статьею Екатерины Второй.

2) Императорской престолъ не можетъ быть порожень.

3) По смерти моей, сынъ мой наслѣдуетъ.

4) По сынѣ моемъ, если старшему сыну его двадцать одинъ годъ миновало, то сей старшій сынъ наслѣдуетъ; если же онъ менѣе двадцати лѣтъ съ годомъ, то короновать мать его, пока да царствуетъ во всю жизнь ея; ибо отъ малолѣтства самодержца имперіи бы было опасно.

5) Если бы мужеское колѣно пресѣклось, то старшая дочь.

6) . . . . . . (Продолженія нѣтъ).

II.

Собственноручная записка Екатерины II объ ограниченіи винокуренія.[1])

Не полезно-ли будетъ положить число хлѣба въ каждой провинціи сколько въ годъ на винокуренье употребить, соображая съ нынѣшнимъ виннымъ доходомъ; въ каждой же провинціи чрезъ что разъ навсегда прекратилось (бы?) умноженіе числа пьяницъ и менѣе истребилось (бы?) лѣса и хлѣбный торгъ умножился бы болѣе, чѣмъ нынѣ, гдѣ всякой только старается для собственной прибыли умножить свой винокуренный заводъ истребленіемъ хлѣба, лѣса и умноженіемъ пьяницъ.

---

[1]) Писано, кажется, къ Григорью Теплову. Ред.

III.

Собственноручное Екатерины II росписаніе губерній и въ нихъ губернаторовъ.

Примѣрное росписаніе губерній:

1. Московская. Г. князь Вас. Мих. Долгорукій.

Губерніи	Губернаторы
2. Санктпетербургская, къ 3. ней приписать, Выборгская.	Я.
4. Тверская. 5. Новгородская.	Г. графъ Брюсъ.
6. Псковская. 7. Смоленская.	Князь Репнинъ.
8. Могилевская. 9. Полоцкая.	Ф. Графъ З. Чернышевъ.
10. Орловская. 11. Курская.	Г. п. князь Прозоровскій.
12. Харьковская. 13. Воронежская.	Г. п. Щербининъ.
14. Тамбовская. 15. Рязанская.	Г. п. Каменскій.
16. Тульская. 17. Калужская.	Г. п. Кречетниковъ.
18. Ярославская. 19. Вологодская.	Т. д. с. Мелгуновъ.
20. Володимірская. 21. Нижегородская.	Г. гр. Воронцовъ.
22. Костромская. 23. Вятская.	Г. п. Ступишинъ.
24. Пермская. 25. Тобольская.	Г. п. Кашкинъ.
26. Колыванская. 27. Иркутская.	[1])
28. Оренбургская. 29. Казанская.	Г. п. Якобій.
30. Симбирская. 31. Пензенская.	Г. п. к. Мещерскій.
32. Саратовская. 33. Астраханская.	Г. к. Потемкинъ.

---

[1]) Губернаторомъ Колыванской и Иркутской губерній былъ написанъ императрицею «Г. П. Якобій», но потомъ зачеркнутъ. А. Г.

34. Азовская.
35. Новороссійская.
36. Кіевская.[1]
37. Малороссійскія.
38. Малороссійская тоже.
39. Рижская.
40. Ревельская.

} Ф. гр. Румянцовъ.

IV.

Собственноручное повелѣніе Екатерины II Академіи Наукъ.

Академіи приказать, чтобъ Санктпетербургской губерніи городовъ, да и Выборгской, нынѣшнимъ лѣтомъ еще сняты были какъ широта, такъ и долгота, а именно городовъ: Санктпетербурга, Шлиссельбурга, Софійска, Ораніембаума, Кронштата, Рожественска, Ямбурга, Нарвы, Новой Ладоги, Луги, Гдова; Выборгской губерніи: Выборга, Вилманстранда, Давыдова, Кексгольма, Фридринсгама.

V.

Собственноручное требованіе Екатерины II о доставленіи Академіею Наукъ свѣдѣній о лучшихъ учебникахъ.

(Переводъ). **Спрашиваю у Академіи, для начинающихъ какая есть лучшая книга: основаній ариѳметики, основаній алгебры, основаній геометріи, теоріи вѣроятностей, законовъ движенія и паденія тѣлъ и о силахъ, о механикѣ, о гидравликѣ, о сферѣ, о глобусахъ, объ астрономіи, о гномоникѣ, основанія естественной исторіи; оптика, діоптрика, катоптрика, (начатки) химіи, анатомія, ботаника, минералогія, экспериментальная физика, логика, мораль, риторика; критика, общая толковая грамматика, греческій языкъ, латинскій языкъ.**

(Подлинникъ). Je demande à l'Académie pour les commençans: Quel est le meilleur livre d'Elemens d'Arithmétique. Elemens d'Algèbre. Elemens de Géomètrie. De calcul de probabilités. Des Loix du mouvement de la chute des corps et des forces. De la Méchanique. De l'hydraulique. De la Sphère. Des globes. De l'Astronomie. De la gnomonique. Institutions d'Histoire naturelle. Optique, Dioptrique, Catoptrique. De la Chymie. L'Anatomie. Botanique. Mineralogie. Phisique experimentale. Logique, Morale, Rhetorique, Critique, Grammaire génerale raisonnée. La langue Grecque. La langue Latine.

---

[1] Написана была сначала Кіевская, но потомъ зачеркнута, а просто написано: 36 и 37 (губерніи) Малороссійскія. А. Г.

VI.

Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ кн. Долгорукихъ въ 1730 г. ограничить власть самодержавія.

(Переводъ). Если бы кто былъ настолько сумасброденъ, чтобы сказать: вы говорите мнѣ, что величина и пространство россійской имперіи требуетъ, чтобы государь ея былъ самодержавенъ; я ни мало не забочусь объ этой величинѣ и объ этомъ пространствѣ Россіи, лишь бы каждое частное лицо жило въ довольствѣ; пусть лучше она будетъ поменѣе; такому безумцу я бы отвѣчала: знайте же, что если ваше правительство преобразится въ республику, оно утратитъ свою силу, а ваши области сдѣлаются добычею первыхъ хищниковъ; не угодно-ли съ вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды Татаръ, и подъ ихъ игомъ надѣетесь-ли жить въ довольствѣ и пріятности. Безразсудное намѣреніе Долгорукихъ, при восшествіи на престолъ императрицы Анны, неминуемо повлекло бы за собою ослабленіе — слѣдственно и распаденіе государства; но къ счастію намѣреніе это было разрушено здравымъ смысломъ большинства. Не привожу примѣра дѣленія (на удѣлы) Владиміра и послѣдствій, которыя оно повлекло за собою: онъ слишкомъ глубоко врѣзанъ въ память каждаго, мало-мальски образованнаго человѣка.

VII.

Указъ нашему гофъ-маршалу во время ваканцій оберъ-камергерскихъ.

Мы вамъ поручаемъ смотрѣть съ твердостію и неослабно, чтобъ дневальные кавалеры наблюдали прилежно свою должность и впредь

(Подлинникъ). S'il y avoit quelqu'un d'assez extravagant, pour dire, Vous me dites que la grandeur et l'étendue de l'Empire de Russie demande que le maitre en soit Souverain, moi je me soucie peu de cette grandeur et étendue de la Russie pourvu que chaque particulier vive à son aise. J'aime autant qu'elle soit moins grande; je repondrai à cet incensé: apprenez donc que si Votre gouvernement se changera en république il diminuera de sa force et que Vos provinces deviendront la proie du premier qui voudra s'en saisir, voyés donc si Vous voulés devenir avec Vos principes la victime de quelque horde de tartares et si sous eux Vous vous prometés une vie aisé et agréable. Le projet inconsideré des Dolgourouki a l'avénement de l'Imperatrice Anne auroit entrainé infailliblement l'affaiblissement et par conséquent la ruine de l'état; mais heureusement le gros bon Sens de la multitude le renversa. Je ne citerai pas l'exemple du partage de Waladimer et les suites qu'il entraina, il est trop profondement gravé dans l'esprit de quiconque a quelque connaissance.

не дерзнули, въ противность нашего повелѣнія и почтенія намъ должнаго, отлучаться во время своего дневанія ни днемъ, ни ночью изъ дворца, и чтобъ во время нашего изъ покоевъ выхода, они-бъ конечно за полчаса въ передней находились, гдѣ ихъ должность есть неотлучно насъ ожидать, бывъ для того удостоены тѣми чинами, кои имѣютъ и не имѣвъ другаго дѣла, дневальнымъ смѣну ихъ ожидать во дворцѣ и приходить имѣютъ сказать, что одни смѣнились, а другіе, что пришли на смѣну. Кто же изъ нихъ сего не исполнитъ, свои часы просмотритъ и во дворцѣ не будетъ ночевать, съ тѣхъ повелѣваемъ вамъ за первый разъ вычесть изъ ихъ жалованья сто рублей, за второй — половинное жалованье вычесть изъ получаемаго имъ жалованья, а за третій — вычернить ихъ изъ списка дѣйствительныхъ двора нашего кавалеровъ и жалованья имъ не производить, запретя имъ казаться при дворѣ нашемъ. Вы имѣете по сему поступать подъ опасеніемъ нашего гнѣва.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Новые матеріалы для исторіи Пугачевщины.

Печатаемые здѣсь матеріалы заимствованы мною изъ хранящихся въ Екатеринбургскомъ горномъ архивѣ старыхъ дѣлъ тамошней канцеляріи главнаго заводовъ правленія (которая завѣдывала всѣми уральскими горными заводами) оренбургскаго горнаго начальства и екатеринбургской судной и земской конторы. Командиру горной канцеляріи, полковнику Василію Ѳедоровичу Бибикову, въ 1774 г., по указу сената и распоряженію генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, поручена была защита тамошняго края отъ злодѣевъ; съ этой цѣлью въ его полную команду отданы были казаки, набранные на то время изъ мастеровыхъ и приписныхъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ крестьянъ и части войскъ, присланныя отъ генераловъ Декалонга и Чичерина (тобольскаго губернатора); къ нему посылались для допросовъ и производства слѣдствій участники мятежа изъ заводовъ и подзаводскихъ селеній. Къ сожалѣнію, переписки самого Бибикова и письменныхъ распоряженій его нѣтъ въ Екатеринбургѣ: вѣроятно эти бумаги либо остались у самого Бибикова, либо отосланы въ секретную комисію о Пугачевѣ. За всѣмъ тѣмъ въ архивѣ сохранилось не мало любопытныхъ документовъ, относящихся къ Пугачевскому бунту. Нѣкоторые изъ нихъ предлагаю теперь вниманію публики. При всей своей отрывочности они важны тѣмъ, что, во-первыхъ, пополняютъ нѣкоторые пробѣлы въ извѣстныхъ донынѣ описаніяхъ походовъ самозванца и его сподручника Бѣлобородова; во-вторыхъ, указываютъ сѣверныя и сѣверовосточныя границы распространенія мятежа, и въ-третьихъ, знакомятъ съ полезной дѣятельностью Башмакова, защитника западной части нынѣшней Пермской губерніи.

Къ документамъ я присоединилъ географическія и историческія примѣчанія. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ этихъ приведены отрывки изъ другихъ документовъ, не заслуживающихъ печатанія ихъ вполнѣ.

Н. Чупинъ.

I.

О разореніи Вознесенскаго мѣднаго завода. [1])

Въ государственную бергъ-колегію изъ оренбургскаго горнаго начальства.[2]) Рапортъ.

3-го числа октября сего 1774 года въ оренбургское горное начальство при промеморіи изъ уфимской провинціальной канцеляріи присланы Вознесенскаго завода, съ даннымъ изъ бугульминской зем-

ской конторы билетомъ, явшіеся во оный собою мастеровые люди, а именно: кирпичный мастеръ Терентій Плотниковъ, кузнецъ Павелъ Лебзинъ, плотникъ Василій Васильевъ, да приписной къ тому же заводу села Кубасова крестьянинъ Петръ Кожевниковъ и разнаго званія женки, съ тѣмъ, чтобъ ихъ, по минованіи отъ злодѣевъ опасности, доставить куда слѣдуетъ; которыхъ, равно и явившихся въ оренбургское горное начальство 17-го числа ноября сего-жъ года того же Вознесенскаго завода, съ данными отъ рѣченной же бугульминской земской конторы билетами: плавиленнаго мастера Семена Пономарева, плотника Якова Петрова,—учиненными въ начальствѣ опредѣленіями велѣно допросить въ слѣдующемъ: 1) Какъ давно они на Вознесенскій казенный заводъ и откуда присланы, какихъ они мастерствъ и есть-ли у нихъ жены и дѣти? для чего, не потребовавъ прежде повелѣнія, съ завода отлучились, оставя безъ всякаго присмотра и кто-бъ причиною былъ раззоренія завода, еслибъ собственно они по присяжной должности ея императорскому величеству, до послѣдней капли крови защищая? 2) Какъ при ономъ заводѣ были командиры, главный оберъ-гиттенфервалтеръ Галбрехтъ, а по немъ и другіе, то гдѣ оные тогда находились и теперь находятся, и какимъ образомъ могли оне безъ воли и своихъ командировъ отлучиться? 3) Теперь при заводѣ точно-ль ихъ командиры остались, равно и какихъ именно припасовъ въ цѣлости при заводѣ осталось же, то есть денежной казны, выплавленной мѣди, черной и чистой, равно руды, угля, дровъ, провіанта и прочаго потребнаго къ дѣйствію завода, и кто тамъ хранителемъ остался-жъ? По которому спрашиваны и показали:

1) Что они на оный Вознесенскій заводъ присланы изъ Екатеринбурга, при указахъ изъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія каждый къ своей должности, и при ономъ у коихъ должностей каждый по званіямъ своимъ и обращались 1773 года до сентября мѣсяца. А во ономъ мѣсяцѣ, какъ подъ Оренбургъ самозванецъ Пугачевъ подступилъ, тогда при Вознесенскомъ заводѣ главнаго командира оберъ-гиттенфервалтера Галбрехта не находилось, а предъ тѣмъ съ завода отбылъ въ Оренбургъ для отдачи въ казну за соль денегъ, гдѣ и понынѣ находится. А при отбытіи его, Галбрехта, Вознесенскій заводъ въ смотрѣніе порученъ отъ него порутчику Савѣ Орлову и берггешворену Василью Соколову. И пріѣхавъ-де въ томъ же сентябрѣ мѣсяцѣ отъ самозванца Пугачева на означенный Вознесенскій заводъ, того Вознесенскаго завода бѣжавшіе къ нему, Пугачеву, приписные крестьяне Андрей Тихановъ, Иванъ Лаврентьевъ, до города Екатеринбурга находящіеся на казенныхъ Вознесенскаго завода рудникахъ, бѣжавшіе къ Пугачеву рудокопщики Иванъ Осиповъ, Иванъ

Андреевъ Крислибъ, объявили, что прислалъ ихъ государь на тотъ заводъ съ указомъ, чтобъ всѣ заводскіе мастеровые люди, приписные и вольнонаемные крестьяне склонились служить ему. Почему всѣ, какъ вышепомянутые оставшіе послѣ капитана Галбрехта, командиры Орловъ и Соколовъ, равно мастеровые люди и крестьяне собраны были въ заводѣ, и тотъ указъ читанъ былъ Вознесенскаго завода копеистомъ Орловымъ. И по прочтеніи-де порутчикъ Сава Орловъ всѣмъ мастеровымъ и крестьянамъ сказалъ, что оный не государь, а самозванецъ Пугачевъ и просилъ всѣхъ, чтобъ къ нему не склоняться. Потому мастеровые люди склонны и не были; а приписные къ тому заводу и вольнонаемные крестьяне согласились служить ему, Пугачеву, коихъ съ завода и уѣхало къ нему со 150 человѣкъ, и увезли имѣющуюся при томъ заводѣ чугунную пушку съ порохомъ (а сколько его было — не знаютъ). Затѣмъ оставшимъ мастеровымъ людемъ со оными злодѣями въ отпорѣ стоять было нечѣмъ. А порутчика-де Орлова, что онъ не склоненъ былъ служить Пугачеву и увѣрялъ всѣхъ о Пугачевѣ; заподлинно не государь, и (а) разбойникъ донской казакъ, за то берггошворенъ Соколовъ заковалъ его въ ножные желѣза, съ заводу отправилъ съ вышепомянутымъ копеистомъ Орловымъ и приписными крестьянами Иваномъ Филатовымъ и Иваномъ Богомоловымъ къ самозванцу Пугачеву. О которомъ, по возвратѣ отъ Пугачева, крестьянинъ Богомоловъ объявилъ, что оный Орловъ Пугачевымъ пятеренъ. А ихъ онъ, Соколовъ, увѣрялъ, якобы оный Пугачевъ подлинно государь. Почему-де какъ онъ, Соколовъ, такъ и всѣ обыватели находились въ его, плута Пугачева, власти. Однако, они, Плотниковъ съ товарищи, во время Вознесенскаго завода въ злодѣйскомъ вѣдѣніи ни у какого дѣла не находились и обращались при томъ заводѣ.[1])

3) Какъ же рѣченный самозванецъ Пугачевъ прибывшими подъ Оренбургъ военными корпусами разбитъ, то оный Пугачевъ пріѣхалъ на Вознесенскій заводъ съ командою, Яицкими, Сакмарскими казаками, Калмыками и Башкирцами, напримѣръ въ 300 человѣкахъ,[2]) и при ономъ заводѣ имѣющуюся въ конторѣ денежную казну взялъ себѣ всю безъ остатку (а сколько ея было—они не знаютъ), а дѣла всѣ сожегъ, и взявъ съ собой берггешворена Соколова, унтеръ-шихтмейстера Ив. Рихтера, копейста Александра Сѣдачева, мастеровыхъ людей Ив. Парфенова съ товарищи 9 человѣкъ, да приписныхъ крестьянъ не малое число, съ завода уѣхалъ, а куда—неизвѣстно.[3])

---

[1]) Послѣ 1-го пункта отвѣтовъ сейчасъ же слѣдуетъ 3-й; но очевидно, что тутъ пропуска нѣтъ, а только пункты отвѣтовъ невѣрно обозначены цифрами.
Н. Ч.

А они-де, Плотниковъ съ товарищи, оставлены имъ, Пугачевымъ, при томъ заводѣ за болѣзнію; а иные—за старостію.

4) Послѣ онаго Пугачева, пріѣхавъ на оный заводъ изъ башкирцовъ называющійся есаулъ, а какъ зовутъ—о себѣ не сказалъ, да и имъ спрашивать его было опасно, во 100 человѣкахъ Башкирцовъ же, и при заводѣ имѣющіяся фабрики, контору и мастеровыхъ и прочихъ людей домы выжгли, а только оставили церкву, казенный командирскій домъ, магазейну о четырехъ покояхъ, въ которой имѣлась для заводскихъ мастеровыхъ и крестьянъ ржаная мука (а сколько ея было—Башкирцы всю безъ остатка разграбили), да три двора крестьянскихъ; а обывателей съ того завода всѣхъ, какъ мужеска, такъ и женска полу людей, не оставливая ни одного человѣка, выгнали, почему они сюда въ городъ Уфу и поѣхали. Ѣхавшій-жъ съ ними съ того Вознесенскаго завода кузнецъ Феклистъ Никоновъ въ городъ Уфу не поѣхалъ, а остался въ кошахъ старшины Кутлугильды, а земъ (а зачѣмъ)—не знаютъ.

5) Послѣ выжженія завода въ припасномъ амбарѣ осталось полосоваго и брусчатаго желѣза, а сколько точно пудъ—не знаютъ.

А означенный плавиленный мастеръ, сверхъ ихъ, въ допросѣ изъяснилъ, что при томъ Вознесенскомъ заводѣ осталось мѣди черной 350, чистой—750 пудъ безъ всякаго присмотра; угля же, дровъ и прочаго потребнаго къ дѣйствію завода ничего не имѣется; разные-жъ заводскіе инструменты Башкирцами, кои заводъ выжгли, разграблены.

И по указу ея импер. в—ва въ оренбургскомъ горномъ начальствѣ опредѣлено съ прописаніемъ выше-писаннаго обстоятельства въ государственную бергъ-колегію и въ канцелярію главнаго заводовъ правленія отрепортовать. Государственной бергъ-колегіи оренбургское горное начальство симъ почтенно и репортуетъ; а о томъ же и въ канцелярію главнаго заводовъ правленія репортовано: Яковъ Желѣзниковъ, Гиттенфервалтеръ Петръ Чернышевъ. Въ должности протоколиста—канцеляристъ Ив. Сурнинъ, подканцеляристъ Андрей Солнопековъ.[5])

Декабря 23-го дня 1774 г.

(Рапортъ этотъ, въ копіи, присланъ въ апрѣлѣ 1775 г. изъ бергъ-колегіи въ Екатеринбургъ, въ канцелярію главнаго заводовъ правленія при указѣ, которымъ требуются дополнительныя свѣдѣнія о раззореніи Вознесенскаго завода). **Н. Ч.**

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Вознесенскій мѣдиплавильный заводъ, нынѣ уже не существующій, построенъ былъ въ 1755 г. графомъ Сиверсомъ на рѣчкѣ Иргизлы, у самаго впа-

денія ея (съ лѣвой стороны) въ р. Бѣлую, въ разстояніи около 200 верстъ отъ Оренбурга и около 300 верстъ отъ Уфы, и въ 1763 г. купленъ въ казну, во владѣніи которой и состоялъ во время Пугачевскаго бунта. При постройкѣ завода къ нему приписано было, для работъ, 7,319 душъ изъ Казанской губерніи.

2) Оренбургское горное начальство, находившееся въ Уфѣ, завѣдывало заводами и рудниками Оренбургской грберніи. Вознесенскій заводъ, по взятіи въ казну, не былъ однакожъ подчиненъ ему, а зависѣлъ непосредственно отъ екатеринбургской канцеляріи главнаго заводовъ правленія.

3) Пугачевъ въ показаніи своемъ (напечатанномъ въ «Чтеніяхъ Импер. Общества Истор. и Древн.» 185 г.), говоритъ, что послѣ разбитія его Голицынымъ при Каргалѣ (татарская слобода въ 18-ти верстахъ отъ Оренбурга) онъ «бѣжалъ со 100 человѣками Яицкихъ казаковъ, да Башкиръ ста три, въ Башкирію на Киргизлинскій заводъ; и тутъ, стоявъ одни сутки, взялъ нѣсколько человѣкъ и пошелъ на Авзяно-Петровскій заводъ». Киргизлинскаго завода никогда не бывало; безъ сомнѣнія надо читать Иргизлинскій, то есть Вознесенскій, построенный на рѣчкѣ Иргизлѣ. На Уралѣ многіе заводы и селенія, въ особенности названные по храмовымъ праздникамъ, въ народѣ извѣстны подъ другими именами, заимствованными или отъ названія рѣчки, либо горы. Такъ напр. въ Оренбургской губерніи Вознесенскій заводъ называется Торъ, Преображенскій—Зилаиръ, Верхній и Нижній Троицкій—Верхній и Нижній Кидашъ, Богоявленскій—Усолка (по рѣчкамъ); Златоустовскій заводъ (нынѣ городъ Златоустъ) назывался прежде также Косотурскимъ, отъ горы Косотуръ.

4) Пугачевъ говоритъ, что изъ Киргизлинскаго завода онъ пошелъ въ Авзяно-Петровскій. Тутъ былъ сутки же; забравъ человѣкъ 200, пошелъ на Бѣлорецкій заводъ. «Тутъ жилъ я три недѣли; и взявъ людей не помню сколько пошелъ подъ Магнитную крѣпость». Авзяно-Петровскій заводъ, во 100 верстахъ отъ Вознесенскаго, вверхъ по р. Бѣлой, построенъ былъ въ 1755 г. графомъ П. П. Шуваловымъ, а въ 1773 г. принадлежалъ дворянину Евдокиму Демидову. Еще до Пугачевщины было нѣсколько серьезныхъ волненій между работавшими на немъ крестьянами, которые не довольны были приписною ихъ къ заводу изъ отдаленныхъ мѣстъ[1]) и поступками съ ними заводоуправленія.

5) Этимъ бѣдствія Вознесенскаго завода не окончились. Въ 1777 г., когда заводъ началъ снова отстроиваться, въ ночь на самую Пасху напала на него многочисленная шайка вооруженныхъ разбойниковъ, которые ограбили контору, домъ управителя Гильбрехта, казенный магазинъ и домы жителей (всего было тогда только 16 обывательскихъ домовъ). Большая часть жителей находилась тогда верстахъ въ 12-ти отъ завода въ лѣсу за рубкою бревенъ для казенныхъ построекъ.

Н. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Графу Шувалову въ 1755 г. отданы были для работъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ 1,920 душъ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи. Нѣкоторыя, приписныя къ заводу селенія находились отъ него въ 600, 660 и даже 688 верстахъ. И изъ такого дальнаго разстоянія ежегодно должны были приходить на заводъ, чтобы заработывать свой подушной окладъ.
Бѣлорѣцкій заводъ на р. Бѣлой, еще выше Авзяно-Петровскаго, принадлежалъ тогда Твердышеву и Мясникову.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Могила княгини Дарьи Михайловны Меншиковой.

1728.

Въ 12-ти верстахъ отъ Казани, въ Свіяжскомъ уѣздѣ, на правомъ утесистомъ берегу кормилицы-Волги, живописно раскинулось государственное село Верхній Услонъ. Въ Казани Услонскія горы видны съ крѣпостного бульвара, находяшагося на краю города; весною, во время разлива Казанки и Волги, эти горы представляютъ великолѣпный ландшафтъ.

Верхній Услонъ—село довольно большое: въ немъ считается 262 дома, жителей 1,609 человѣкъ обоего пола, большинство котораго придерживается „древняго благочестія". Церковь въ Услонѣ каменная, во имя Сергія Радонежскаго чудотворца, замѣчательная тѣмъ, что въ страшный пожаръ 9-го мая 1861 г., когда выгорѣло все село, она одна осталась невредимою. Въ историческомъ отношеніи Верхній Услонъ пользуется нѣкоторою извѣстностью какъ мѣсто, въ которомъ скончалась и погребена княгиня Дарья Михайловна Меншикова, рожденная Арсеньева, супруга злополучнаго временщика князя Александра Даниловича Меншикова, сосланнаго въ Березовъ. Слѣдуя за мужемъ въ ссылку, Дарья Михайловна захворала въ дорогѣ, и тихо скончалась въ Услонѣ 10-го мая 1728 г. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ событіи Г. В. Есиповъ въ статьѣ о ссылкѣ князя Меншикова:[1]) „10-го мая 1728 г. караванъ ссыльныхъ, причаливъ къ Услону, въ 12-ти верстахъ отъ Казани, принужденъ былъ остановиться: несчастная княгиня Дарья Михайловна не могла ѣхать далѣе. Больною вывезли ее изъ Ранснбурга; ѣзда на телѣгѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствіе медицинскаго пособія привели

---

[1]) «О. З.» 1861 г., кн. I, стр. 84—85.

ее къ смерти. Любимица Петра и Екатерины скончалась въ крестьянской избѣ на рукахъ семейства своего, окруженнаго солдатами. Ее похоронили въ селѣ Услонѣ, возлѣ сельской церкви". По разсказамъ услонскихъ старожиловъ, надъ прахомъ княгини была сооружена церковь, давно сгорѣвшая, а потомъ, взамѣнъ ея, поставленъ надгробный камень, который можно было видѣть еще въ началѣ 1860-хъ годовъ. Отъ времени плита памятника почернѣла и до того истрескалась, что изъ надписи, на ней значащейся, едва можно было разобрать: „Здѣсь лежитъ раба Божія Д..."

Въ такомъ запустѣніи эта историческая могила находилась до 1863 г.; въ этотъ годъ правнукъ сподвижника и друга Петра Великаго, генералъ-адъютантъ, адмиралъ, князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, вмѣсто надгробной плиты, выстроилъ надъ могилою Дарьи Михайловны часовню.

Видъ часовни крестообразный, въ четыре аршина вышины и два ширины. Снаружи часовня окрашена коричневою краскою, а внутри бѣлою. На лицевой и задней стороны золотыми буквами написано:

„Въ память княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, скончавшейся здѣсь на пути въ ссылку. Построилъ князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ въ 1863 г."

Внутри часовни, слабо освящаемой четырьмя полукруглыми окнами, возвышается исколотой бутовой камень, означающій мѣсто могилы почившей княгини. Прямо противъ входа, на стѣнѣ, виситъ плохой работы образъ св. Дарьи, а предъ нимъ лампада, изрѣдка зажигаемая. Вообще вся часовня отличается простотою постройки. Мѣсто, занимаемое часовней, принадлежитъ услонскому крестьянину Бобылеву.

Казань. П. В.

Поваръ Халябля.

1741 г.

Указъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи. Всемилостивѣйше указали мы бывшаго при дворѣ матери нашей, блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея императорскаго величества государыни Екатерины Алексѣевны, кухенъ-мейстера Халябля, который обрѣтается въ Кольскомъ острогѣ, изъ ссылки немедленно свободить и, давъ ему подводы и прогонныя деньги, отпустить въ Санктъ ПитеръБурхъ; и повелѣваемъ нашей архангелогородской губернской канцеляріи учинить по сему нашему указу. „Елисаветъ".

Примѣчаніе. Замѣчательно, что указъ этотъ написанъ безъ означенія числа, мѣсяца и года, а также и мѣста, гдѣ данъ. Но на оборотѣ его слѣдующая, сдѣланная въ Архангельскѣ, помѣта: «полученъ съ почтою декабря 20 дня 1741 году».

Сообщ. А. Подвысоцкій.

Челобитная императрицѣ Елисаветѣ.

1747.

(Писано на герб. листѣ, ц. 1 к. По титулѣ):

Бьетъ челомъ каргополецъ, купецкой человѣкъ, Иванъ Васильевъ сынъ, Сухихъ-Голянищъ, на каргопольца, посадскаго человѣка, Ивана Стефанова сына, Кипріянова, а о чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1746 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, отдалъ я нижайшій дочь свою, дѣвицу Ѳеклу Иванову, по закону Божію въ замужество вышеименованнаго Ивана Кипріянова, за сына ево Василія Иванова. Къ сей

2) И въ бытность ея въ домѣ означеннаго Кипріянова, онъ, сынъ Кипріянова, ее, дочь мою, а свою невѣстку, сначала ея въ домѣ ево житья, повседневно оскорбляетъ и бранитъ всякими, неподобными, скаредными словами и называетъ канальею и Іудою, и бьетъ своими руками и палкою безвинно, приказываетъ ей, что-бъ она свекровѣ своей, а ево женѣ, Акулинѣ Ивановѣ дочери, въ ноги кланялася, и когда она, по его приказу, то чинитъ, въ то время лежащую ее, ногами безчеловѣчно топчетъ и таковымъ безчеловѣчнымъ и мучительскимъ своимъ поступкомъ и озлобленіемъ, ее, дочь мою, лишилъ здравія и привелъ въ тѣлесное изнуреніе. челобитной

3) Сверхъ того онъ, Кипріяновъ, поступаетъ съ нею, дочерью моею, въ домѣ своемъ непорядочно и чинитъ ей явное ругательство и непотребности, а именно, называя оную дочь мою, какъ выше объявлено, каналіею и Іудою, призываетъ ее стоять предъ собою днемъ и нощію безъ сна, а самъ онъ, Кипріяновъ, либо ходя по горницѣ, либо лежа на постели, велитъ ей, дочери моей, отворить ротъ и

. . . .

мокроты руками и ничѣмъ другимъ обтереть не приказываетъ и не даетъ. А иногда онъ, Кипріяновъ, для тѣлесной своей нужды. . .

. . . .

и держать свѣчу, отчего она, дочь моя, отъ таковаго стыда, что ей то чинить непристойно и зазорно, отговаривается, но онъ, Кипріяновъ, яко мучитель, за то бьетъ ее безчеловѣчнымъ битьемъ; иногда же онъ, Кипріяновъ, со стола взявъ съ блюда ложкою горячей рыбной ухи, приказываетъ ей стоять отворя ротъ, а самъ ту горячую уху бросаетъ ей въ отворенный ротъ и въ лицо. Иванъ

4) А сего октября къ 9 числу, въ ночи и днемъ, онъ, Кипріяновъ, ее, дочь мою, паки руками по щекамъ и по тѣлу палкою билъ немилостиво и безчеловѣчно, отъ которыхъ его побой на тѣлѣ ея раны и битыя мѣста имѣются, о которомъ его битьѣ и о всѣхъ вышеписанныхъ непорядочныхъ поступкахъ, я нижайшій того-жъ дня на него, Кипріянова, просилъ словесно въ Каргопольскомъ магистратѣ. А понеже мужъ ея, а мой зять, Василій Ивановъ сынъ, Кипріяновъ, нынѣ пишется въ отлученіи изъ Каргополя въ поморскія волости, а ей, дочери моей, онымъ свекромъ своимъ, Иваномъ Кипріяновымъ, въ домѣ его, за вышеобъявленными его, ею нестерпимыми, оскорбленіями и прочими непотребными поступками жить невозможно, въ такой опасности, дабы онъ, Кипріяновъ, надъ нею, дочерью моею, смертнаго убійства не учинилъ, понеже и то бывало, что онъ, Кипріяновъ, захватя ее одною рукою за горло, а другою, ударяя противъ груди, едва не задавилъ и не предалъ смерти. Сухихъ.

5) Дабы в—шимъ В. И. В. указомъ повелѣно было—вышеименованную дочь мою, женку Иванову, за неимѣніемъ въ домѣ мужа ея, для такова, непотребнаго свекра ея, житья и побой, пока онъ, мужъ ея, въ домъ возвратится, изъ онаго ево, Кипріянова, дому взять и до прибытія мужа ея отдать для содержанія и охраненія въ домъ мнѣ нижайшему, дабы онъ, Кипріяновъ, по вышеписаннымъ ево непотребнымъ поступкамъ и ругательствамъ ее, дочери моей, съ жестокими, безвинно, побоями не лишилъ живота, понеже онъ, Кипріяновъ, въ домъ къ себѣ для свиданія съ дочерью моею, невѣдомо для чего меня нижайшаго и домашнихъ моихъ не впущаетъ, можетъ быть для того, что-бы оныя его, чинимыя надъ дочерью моею, непотребности, не были явны, да и вышепредписанный мужъ ея, а мой зять, Василій Кипріяновъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Каргополя, приказывалъ ей, женѣ своей, а моей дочери, въ небытность его, изъ онаго отцовскаго дому выдти и жить у меня нижайшаго, вѣдая его, отца своего, надъ нею всякія чинимыя непотребности и побои безмѣрные. А о тѣхъ его непотребностяхъ и обо всемъ вышеписанномъ его, Кипріянова, въ магистратѣ допросить и отъ такова ево, дочери моей, побой и ругательства, каковаго едва гдѣ слыхано, оборонить и учинить рѣшеніе по указамъ В. И. В. А битымъ мѣстамъ и ранамъ на тѣлѣ дочери моей учинить осмотръ и записать, и для того осмотру послать кого пристойно и егда по сему моему челобитью надлежащее слѣдствіе и разсмотрѣніе учинено будетъ, то повелѣно-бъ было, для предбудущаго опасенія, чтобъ онъ, Кипріяновъ, по прежнему своему къ ней, дочери моей, неблагопріятству, а наипаче по нонѣшной съ нимъ письменной приказной ссорѣ, не чинилъ наивящ-

шаго озлобленія и оскорбленія, обязать его крѣпкою подпискою и порукамм, съ надлежащимъ подтвержденіемъ. Голянищъ.

В—шая Г., прошу В. И. В. о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября — дня. 1747 г. Писалъ сію челобитную каргополецъ Андрей Поповъ. Поданію надлежитъ въ Каргопольскій магистратъ. руку приложилъ.

Рѣшено: Челобитье сіе записать въ книгу. Отвѣтчика Кипріянова сыскать въ магистратъ. Изъ сего челобитья, по формѣ суда, со срокомъ, что-бъ явился къ суду, дать копію и о всемъ вышеписанномъ допросить обстоятельно. А что-бъ вышепрописанный отвѣтчикъ Кипріяновъ оной невѣсткѣ своей, какъ выше сего въ челобитной написано, такихъ же озлобленій не чинилъ, до прибытія въ домъ мужа ея, а ево сына, Василія Кипріянова, велѣть оной невѣсткѣ ево жить въ домѣ отца ея, означеннаго челобитчика Сухихъ-Голенищъ, дабы таковыхъ же непотребностей отъ отца Кипріянова и ссоръ далѣе не воспослѣдовало. А битыя мѣста и раны на тѣлѣ ея осмотрѣть и записать; для правильнаго осмотру послать городового старосту и съ нимъ купецкихъ добрыхъ людей двое или трехъ человѣкъ. А для осмотру-жъ у оной, челобитчика Сухихъ-Голенищъ дочери, а онаго Кипріянова невѣстки, на тѣлѣ битыхъ и кровяныхъ мѣстъ, взять ему, старостѣ, изъ женска пола кого пристойно и о томъ записку съ руками подать въ магистратъ. Сентября 10 дня 1747 г. Бургомистръ Василій Прибытковъ. Ратманъ Яковъ Кульяниновъ. Ратманъ Данило Мишанинъ. Ратманъ Иванъ Митусовъ. Въ (книгѣ подъ) № 68.

Сообщ. П. Вашловскій.

Продажа людей.

1760.

Лѣта тысяча семьсотъ шестидесятаго, декабря въ девятый надесять день, отставной капралъ Никифоръ Гавриловъ сынъ Сипягинъ въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ я, Никифоръ, маіору Якову Михѣеву сыну Писемскому старинныхъ своихъ, Галицкаго уѣзда, Корежской волости, изъ деревни Глобенова, крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ: Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей малолѣтныхъ на вывозъ. А взялъ я, Никифоръ, у него, Якова Писемскаго, за тѣхъ проданныхъ дѣвокъ денегъ три рубли. И вольно ему, Якову, и женѣ, и дѣтямъ, и наслѣдникамъ его, тѣми дѣвками съ сей купчей владѣть вѣчно, продать и заложить и во всякія крѣпости укрѣпить. А напредъ сего оныя дѣвки отъ меня иному никому не проданы и не заложены и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у кого не укрѣплены; а

ежели въ тѣхъ дѣвокъ станетъ кто вступаться по какимъ крѣпостямъ и мнѣ, Никифору, и дѣтямъ, и наслѣдникамъ моимъ, его, Якова Писемскаго, и жену, и дѣтей, и наслѣдниковъ его отъ тѣхъ вступщиковъ очищать и убытка никакого въ томъ не доставитъ. А о написаніи договорной цѣны безъ утайки, Правительствующаго Сената прошлаго тысяча семьсотъ пятьдесятъ втораго года, указъ мнѣ, продавцу и покупщику при сей купчей объявленъ. Къ сей купчей капитанъ Алексѣй Андреевъ сынъ Нелидовъ, вмѣсто напрала Никифора Гаврилова сына Сипягина, что онъ дѣвокъ Соломаниду, Мавру, да Ульяну Ивановыхъ дочерей маіору Якову Писемскому продалъ и денегъ три рубли взялъ, по его прошенію; да свидѣтели: Маіоръ Спиридонъ Ивановъ сынъ Борсуковъ, отставной сержантъ Михайла Алексѣевъ сынъ Телепневъ руки приложили. Писалъ подъ-канцеляристъ Иванъ Прясnецовъ. Пошлинъ отъ письма десять копѣекъ, съ цѣны тридцать копѣекъ, отъ записки въ книгу десять копѣекъ, на расходъ четверть копѣйки пошлинъ принялъ и совершилъ надсмотрщикъ Андрей Рудомазинъ. Декабря въ 19 день 1760 г. Записано подъ № 917.

Примѣчаніе. Документъ этотъ напечатанъ съ подлинника 1760 г.

Галичъ. Сообщ. Адинцовъ.

Участники въ дѣлѣ Лопухиной.

Замѣтка.

Въ томѣ XI-мъ „Русской Старины“ изд. 1874 г. (стр. 1—42; 191—235) во всей подробности изложено подлинное розыскное дѣло о мнимомъ заговорѣ статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной и о кровавой судьбѣ, постигшей какъ ее, такъ и всю семью, друзей и ближнихъ злополучной женщины.

При изложеніи этого дѣла мы не имѣли, однако, точныхъ данныхъ о времени окончанія ссылки, а также о времени смерти нѣкоторыхъ изъ осужденныхъ по этому дѣлу. Нынѣ эти данныя сообщены намъ однимъ изъ изслѣдователей отечественной исторіи. Вотъ онѣ:

Сынъ Н. Ѳ. Лопухиной, Иванъ Степановичъ Лопухинъ, собственноручнымъ указомъ императора Петра III отъ 6-го марта 1762 г. возвращенъ изъ Охотска съ разрѣшеніемъ жить у матери въ деревняхъ.

Князь Иванъ Путятинъ умеръ въ Кецкѣ,—мѣсто его ссылки,— 29-го октября 1752 г.

Александръ Зыбинъ, обер-штеръ-кригскомисаръ, также умеръ въ ссылкѣ, въ Кузнецкѣ, 20-го іюня 1760 г.

Камергеръ Лиліенфельдъ умеръ въ Томскѣ 12-го апрѣля 1759 г. Его женѣ, Софіи Васильевнѣ, уже имѣвшей разрѣшеніе жить въ дерев-

ПРОЕКТЪ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

въ XVIII в.

Дозволено цензурою. С.-Пб., 20 января 1875 г. Типографія В. С. Балашева, Б. Сад., № 49—2.

ияхъ, дозволено императрицей Екатериной II, 1-го августа 1762 г., жить въ Москвѣ, или гдѣ пожелаетъ.

Графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина умерла въ Якутскѣ 14-го апрѣля 1751 г.

Статуетка: Петръ Великій.

Въ имѣніи „Дукоры", въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, пріобрѣтена мною довольно оригинальная бронзовая статуетка императора Петра Великаго. Проводя лѣто 1871 г. въ моемъ имѣніи, въ верстахъ отъ „Дукоры", я часто бывалъ тамъ, и однажды, осматривая старый господскій домъ, обратилъ вниманіе на бронзовую небольшую фигуру Петра I. При первомъ взглядѣ на нее меня поразила тождественность основной мысли художника съ памятникомъ Фальконета. Тотъ же скачущій на скалу конь, таже простертая рука всадника. Современность статуетки съ эпохою Фальконета не можетъ подлежать сомнѣнію. Но не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что она исполнена другимъ художникомъ.

Пріобрѣтая эту, по моему мнѣнію, рѣдкую художественную вещь, я пытался собрать и свѣдѣнія о ея происхожденіи. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти очень не полны. Имѣніе Дукоры находилось прежде во владѣніи Ошторвта, бывшаго долгое время минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Ошторвтъ давно умеръ, утонувъ въ р. Свислочи, а Дукора перешла, по наслѣдству, къ дочери его, г-жѣ Сяноженской, владѣющей имѣніемъ этимъ и въ настоящее время. До 1871 г. статуя стояла въ большомъ господскомъ дома въ гостинной, носящей названіе „Царской". Въ этой комнатѣ помѣщены только изображенія царственныхъ особъ, въ числѣ коихъ находятся также портреты во весь ростъ императоровъ Павла I[1]) и Александра I. Описываемая мною статуетка Петра Великаго была привезена Ошторвтомъ изъ Вильно, гдѣ онъ получилъ ее въ подарокъ отъ виленскаго генералъ-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова, который управлялъ сѣверо-западнымъ краемъ съ 23-го марта 1831 г. по 13-е марта 1840 г. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могу сообщить о статуѣ Петра Великаго, воспроизведенія которой я, по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ ни въ рисункахъ, ни въ скульптурѣ. Тоже утверждаютъ и многіе любители отечественной старины и искуствъ, которымъ я показывалъ находящійся у меня оригиналъ.

[1]) Императоръ Павелъ I изображенъ освобождающимъ Костюшко изъ заключенія. М.

Отдѣлка орнаментовъ на латахъ, шлемѣ и вообще всей фигурѣ всадника тщательна до мелочности. Пьедесталъ изъ бѣлаго мрамора. Имени художника нѣтъ. Вышина отъ нижняго края пьедестала до верхней точки шлема $11^{3}/_{4}$ верш., длина коня 8 верш.

Спб. Сообщ. **Маковъ.**

Прошеніе экономическихъ крестьянъ орловскаго намѣстничества генералъ-губернатору орловскаго и курскаго намѣстничествъ, Александру Андреевичу Балашеву.[1])

1790-хъ гг.

Карачевской округи, села Бутырь, отъ экономическаго крестьянина Ивана Говорухина съ товарищи прошеніе:

Оглянись, государь Александръ Андреевичъ, на наши горькія слезы, защити отъ воровъ повѣренныхъ и цѣловальниковъ, какъ они насъ раззоряютъ, вѣдь намъ, г-рь, не вмочь стало; просить некого, кромѣ тебя, г-рь, нигдѣ суда не сыщешь, хоть лобъ взрѣжь, всѣ у нихъ на жалованьи; просили капитанъ-исправника, да онъ отказался, просили ревизора, тотъ сказалъ: „не мое дѣло". Наставили, г-рь, выставокъ,[2]) въ нашихъ селахъ и деревняхъ экономическихъ, да и споили ребятъ (такъ), что доимки и податей платить некому, такъ что и бабы спились, все хозяйство пропили; а воры тому и рады, все берутъ въ закладъ, а вино держутъ доброе, да продаютъ его по 60-ти алтынъ за ведро; такъ не хотя пьешь. У насъ Ванька, да Мишка славные были колесники да.......[3]) и въ ротъ не брали, ну такъ этихъ споили и доимки взять не съ кого, вотъ какое наше раззореніе. Мѣстахъ въ 20-ти у насъ въ округѣ наставили выставки; думали просить ревизора какъ онъ у насъ былъ, такъ повѣренный воръ видно купилъ (?) ему что-то въ горло, такъ и сказалъ: „не мое дѣло". Наши ребята ходили къ нему въ Карачевъ, недѣлю цѣлую мучились; какъ придутъ, такъ холопъ выйдетъ, да скажетъ: не время — либо спитъ, (либо) хмѣленъ; а вѣдь, г-рь, (не) съ голыми руками (идти) къ нему; да и холопъ-отъ безъ полтины не доложитъ. Спросите у головного старосты Василія Кондратьевича, онъ мужикъ добрый, души не сломитъ: что-де ты

---

[1]) Беклешовъ Алексанръ Андреевичъ (1743—1808) былъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничествъ съ 1790 по 1796 годъ. Онъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, оставилъ по себѣ память добраго и честнаго начальника, былъ обходителенъ со всѣми и строгъ, когда надобность того требовала. См. «Словарь дост. люд.» т. I, стр. 117—121.

[2]) Для продажи вина.

[3]) Точками обозначены не разобранныя слова. **Н. Д.**

Кондратьевичъ заплатилъ въ лавку за напитки-то? за ревизора?... Скажетъ небось ста полтора, да съ судьи слупилъ ста четыре (такъ-то) не боясь, г-рь, онъ тебѣ скуки (?) надѣлалъ, а все-то повѣренный съ исправникомъ его поили, да вскружили ему голову (такъ что) какъ шальной, сказываютъ, по городу бродитъ. Какъ ѣздилъ ты, г-рь, по городамъ, такъ мы хотѣли тя просить, чтобъ ты ворамъ-то велѣлъ согнать отъ насъ выставки, такъ насъ въ то время исправникъ въ..... да и посадилъ подъ караулъ, пока ты проѣхалъ, для того онъ вѣдь отъ нихъ, воровъ, получаетъ по 300 рублей въ годъ, да винца и водки что выпьетъ! Такъ они и живутъ, раздуй ихъ, душа въ душу; правды не сыщешь ни на алтынъ, — а просить некого; вотъ каково наше житье! Намъ сказали, что пріѣхалъ (ты) на житье (вѣроятно въ Орелъ), а то мочи нѣтъ къ тебѣ въ Курскъ-то идти; такъ спасибо, надоумилъ кумъ мой приказный, чтобъ послать тебѣ просьбу на почтѣ, такъ я и послалъ. Умилосердись, г-рь, прикажи, чтобъ насъ воры-повѣренные не раззоряли, намъ же не мочь терпѣть отъ нихъ (хоть) околѣть, (если ты), государь, не вступишься, такъ они кровь изъ насъ высосутъ. Мнѣ Ворисько нашъ говорилъ: „пойдемъ въ Питеръ, попросимъ генерала Самойлова,[1]) такъ онъ за насъ и царицѣ доложитъ, что насъ воры совсѣмъ съѣли“; и онъ намъ, правда, съ руки: бачка его Николай Борисовичъ въ Брянскѣ у насъ воеводою, такъ съ нашими стариками хлѣбъ-соль важивалъ, да и Ворисько-то работалъ у него на кольцовомъ заводѣ, такъ онъ за насъ, хоть бы гдѣ, такъ слово замолвитъ, али къ тебѣ напишетъ. Всякъ насъ знаетъ, бѣдныхъ, а просить (законнымъ порядкомъ) поди, такъ пропадешь вмѣсто собаки, бросятъ въ острогъ, такъ и умрешь съ голоду; вѣдь у нихъ, у воровъ, во всѣхъ судахъ судьи, сказываютъ, подкуплены; ужъ на кого нападутъ, такъ суда нѣтъ, такъ и быть такъ; то и Теклова, даромъ, что зубастъ, да съ твоею милостью, зацѣпили, поймали съ набатомъ, да и подставили вина чанъ; не что сдѣлалъ! хлопочи! а его же всѣ ругали да дразнили, а нашъ братъ попадись, такъ разомъ съѣдятъ. Еще, г-рь, не помучь, выслушай: былъ оногдясь у меня изъ Кричева экономическій Ѳомка Морченковъ, такъ бѣдныхъ обидѣлъ (судья Володимеровъ); они вѣдь имѣли землю лѣсную и планъ и межевую книгу выходили, а вѣдь не за даромъ-то доставали, твоя милость вѣдаетъ, какъ межевыя дѣла водятся, ну такъ нынѣ съ нимъ какую фигуру выкинули: въ ихъ-то дачу, да пустила Орловская па-

---

[1]) Самойловъ Александръ Николаевичъ въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ генералъ-прокуроромъ; ему поручалось вѣдать тайную, казначейства и экспедиціи. По матери онъ приходился роднымъ племянникомъ Потемкину. Н. Д.

лата другихъ мужиковъ, села Іллины, да Бережекъ. Байковой изъ Бережка за тѣмъ, что .... судья Володимеровъ посадилъ въ палату въ секретари Андрея Жигальцева, Антошкинова сына, такъ онъ взялъ съ Іллинскихъ по 100, да съ Боиновскихъ по 500 рублей, кромѣ сахару и водки; да и пустилъ въ чужую дачу; ихъ раззоряютъ, грабятъ бѣдныхъ неповинно, а гдѣ просить? суда не сыщешь; даромъ что иные кажутся набожные судьи, да псалтирь съ акафистами читаютъ, а правды въ нихъ нѣтъ ни на алтынъ, и за воровъ-откупщиковъ такъ рады и на крестъ пойти. Небось г-рь Александръ Андреевичъ въ господскихъ-то деревняхъ воры-то съ выставками не суются, тѣ (господа) и сами къ тебѣ дорогу найдутъ, да что? полно, сами шинкуютъ: у насъ въ округѣ такъ въ пятеромъ вмѣстѣ господа-то продаютъ .... тамъ опузатѣлъ отъ вина— ему любо, а то еще у Теплова, да у Зиновьева, да у Панина, да у Ржевскаго, а исправникъ не смотрѣлъ для того, что они ему кто лошадь, кто денегъ даютъ, такъ онъ и молчитъ. Да что, полно, подъ Орломъ-то они на гати у Чирикова въ городищѣ (построили заводъ), то-то ужъ пожгутъ дровъ, и прошедшую зиму ведеръ съ 100,000 накурили и все по конторскимъ развезли. Все-то орловская хохлатая голова (?) зазнается, вездѣ воры есть, сгинь ихъ голова! Пошли-ко, г-рь, потихоньку кого провѣдать, пересчитать ставки, небось ста три насчитаетъ, скажешь мнѣ спасибо, что не солгалъ, а коли солгалъ, то провались я въ тартарары и выйди изъ меня душа безъ покаянія; знаешь что мнѣ лихо прийдюсь, некому противъ нихъ топорщиться, разомъ съѣдятъ. Умилостивись, г-рь, заступись за насъ, сиротъ, а коли не вступишься, то намъ пропасть; придетъ наша-то жизнь вотъ какова: поплачешь, да за обидѣвшаго свѣчку поставишь, а имъ, ворамъ, ничего не дѣлается. Какъ ты изволилъ ѣздить по Окѣ на ихъ воровской лодкѣ, такъ хорошъ на кормѣ-то стоялъ налитъ, вотъ они, воры, только пузатѣютъ, шкура съ нихъ долой! а когда попадется къ нимъ нашъ братъ съ винишкомъ (т. е. корчемникъ), такъ мучаютъ, мучаютъ, да за ведро рублевое сто сдерутъ; анамнясь попался парень нашъ съ осьмушкой, купилъ у Панина на хуторѣ, такъ они съ него анбаръ (?), да мерина слупили, рублей въ 17; такіе воры, ужъ никто противъ нихъ не смѣй топорщиться. У насъ сосѣдъ изъ господъ также, да баринъ какой честный, прямо какъ христіанинъ, никого не обижаетъ, Ѳедоръ Ивановичъ .....овъ, тоже сбился деньжонками, да сгородилъ себѣ заводецъ, думалъ также какъ и богатые винишкомъ побарышевать, ну! такъ воры подвели милаго и теперь живота не надышетъ, и заводецъ опустѣлъ, и долгу себѣ на шею наколбалъ, а парень-то, парень, какой добрый, да смышленый, только

оплошалъ тѣмъ, что не далъ ничего исправнику, такъ и пропалъ, заскудѣлъ такъ и подумать не можно; правда, у насъ исправникъ цѣлая собака! Нынѣ, передъ страстной, послалъ своего холопа, Өедьку, по нашимъ экономическимъ селамъ собрать къ празднику ветчины, барановъ, куръ, еще яйца, масла, сметаны, сыру (творогу), а иные, вѣдаешь, глупые люди, и наклали ему воза два, а онъ, воръ, почти все продалъ, а господину-то развѣ десятая доля попала; да я, спасибо, самъ отвезъ къ его милости кадочку меду, барашка, да три осьмины овса, такъ ко мнѣ хорошъ сталъ: изъ своихъ ручекъ чарочку винца (поднесъ); однако я боюсь, г-рь Александръ Андреевичъ, у меня два парня, взрослые ужъ ребята, такъ чтобъ онъ, какъ будетъ наборъ рекрутскій, такъ бы не упеталъ (?) сына моего въ солдаты, да полно, я къ твоей милости въ тогдашнее время добреду, а ты, г-рь, тогда помилуй Богомъ и собой, да не сердись же, г-рь, на мои глупыя рѣчи, что тебѣ наскучилъ, да заступись за насъ: не вели насъ ворамъ-то обижать. Я къ тебѣ, г-рь, давно послалъ бы грамотку, да у насъ и написать-то некому, а спасибо попался холопъ Толбугина, такъ онъ написалъ ему (?) грамотку, а мы вѣдь люди сталобыть не смысленые и не знаемъ, что онъ намъ написалъ; на праздникъ подошелъ ко мнѣ, такъ я ему помолился, да далъ денегъ алтынъ, да за бумагу ему 10 яицъ. Да коли воры насъ не перестанутъ обижать, такъ я къ тебѣ опять напишу грамотку, или самъ приволокусь въ Коренную (т. е. во время Коренной ярморки) [1]), помолиться Божіей Матери; ты, чай, самъ будешь на ярморкѣ. Ужъ не любятъ-же тебя, г-рь, они, воры, и бранятъ, и чортъ знаетъ какъ! у насъ давно повѣренный проговорился: „и того чтобъ-де не станетъ и твою милость съ мѣста сжить, наши-де хозяева и съ большими-те боярами знакомы", то (смотри), чтобъ они, воры, не подъискались и надъ тобой, ужъ спасибо, что ты на нихъ добрая коса. За симъ кланяюсь, продли тебѣ Господи живота и вѣку. Иванъ Говорухинъ съ товарищи.

Примѣчаніе. Копія съ этой «грамотки», переписанная разными руками, очень неразборчива и безграмотна; заимствована изъ одного рукописнаго сборника моей библіотеки; въ сборникѣ переплетены вмѣстѣ рукописи прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія; кромѣ настоящей «грамотки», тамъ встрѣчаются списокъ извѣстной повѣсти о зачатіи и рожденіи Петра I-го—Крекшина, церемоніалы погребенія Потемкина, стихи и рѣчи на его кончину; приказы императора Павла за 1-е годы его царствованія (запрещеніе носить платья извѣстнаго покроя) и проч. Н. П. Дуровъ.

---

[1]) Коренной Рождественскій монастырь курской эпархіи, въ 27-ми верстъ отъ Курска по Орловской дорогѣ, основанъ въ честь найденной тамъ иконы Знаменія Божіей Матери на корнѣ одного дерева, почему и названа эта чудотворная икона Коренною. При монастырѣ бываетъ однажды въ годъ ярморка, начинающаяся за недѣлю передъ девятою пятницею по Пасхѣ. Н. Д.

Фельдмаршалъ М. Ѳ. Каменскій.

1806.

Въ 1806 году, когда необходимо было избрать главнокомандующаго для нашей арміи, предназначенной для дѣйствія противу Наполеона, голосъ цѣлой Россіи указалъ на маститаго вождя временъ Екатерины, сподвижника Суворова, графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго.

Назначеніе его было радостно привѣтствуемо всѣми; Петербургъ и Москва ликовали, Державинъ привѣтствовалъ героя одою; императрица Елисавета Алексѣевна, несмотря на болѣзнь, приняла его въ постели; все было полно надеждъ и увѣренности въ успѣхѣ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій — и пришли эти извѣстія, доказавшія, что мечъ Екатерины позаржавѣлъ отъ долгаго пребыванія въ ножнахъ.

Дѣйствительно, послѣ сумасбродныхъ споровъ за старшинство и самовольнаго принятія начальства надъ арміею, дѣйствовавшею противу Турокъ (послѣ смерти князя Потемкина) въ 1791 году, Каменскій былъ уволенъ отъ службы и снова принятъ императоромъ Павломъ I 24-го ноября 1796 года; взысканъ его милостями въ 1797 году; награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго, чиномъ генералъ-фельдмаршала и возведенъ въ графское достоинство, а 25-го декабря того же года уволенъ отъ службы за слабостію здоровья.

Двѣнадцать лѣтъ бездѣйствія и отвычки отъ командованія арміею были сознаны старикомъ тотчасъ по прибытіи въ армію. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ его письма, отъ 18-го декабря 1806 года къ императору Александру Павловичу: [1])

„Отъ всѣхъ моихъ поѣздокъ получилъ садну (ссадину) отъ сѣдла, которая, сверхъ прежнихъ перевязокъ моихъ, совсѣмъ мнѣ мѣшаетъ ѣздить верхомъ и командовать такой обширной арміей...“. „При томъ откровеннымъ сердцемъ передъ государемъ открываюсь, что, по нынѣшнему короткому пребыванію при арміи, нашелъ себя несхожимъ на себя: нѣтъ той резолюціи, нѣтъ того терпѣнія къ трудамъ и ко времени, а болѣе всего нѣтъ прежнихъ глазъ, а безъ нихъ полагаться должно на чужіе рапорты, не всегда вѣрные“... „Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ из-

---

[1]) Мих.-Данил. «Описаніе войны 1806 и 1807 г.», стр. 100—101.

бранъ. Всемилостивѣйшаго дозволенія вашего о томъ ожидать буду здѣсь при госпиталѣ, дабы не играть ролю писарскую, а не командирскую — при войскѣ".

Намъ удалось собрать подлинныя бумаги, относящіяся до этого курьезнаго эпизода кампаніи 1806 года (въ томъ числѣ 25 собственноручныхъ писемъ Каменскаго). Бумаги эти, съ необходимымъ объясненіемъ, мы со временемъ сообщимъ на страницахъ „Русской Старины"; теперь же, въ видѣ образчика, помѣщаемъ одно изъ писемъ фельдмаршала графа Каменскаго къ графу Бусгевдену. Мы позволяемъ себѣ, при снятіи копіи съ письма, возстановить ороографію:

„Милостивый государь мой, графъ Өедоръ Өедоровичъ. Что у васъ дѣлается — извѣстите меня, прошу; остаетесь-ли, и въ такомъ случаѣ подраться надо и отогнать, или всѣхъ отвести далѣе, на сытое мѣсто[1]) въ Пруссію-жъ, и повернуться нѣсколько отъ Наревы направо. Есть-ли драка будетъ дней черезъ пять, то я волонтеромъ быть могу. Рана еще не зажила; но къ тому времени подживетъ. Я волонтеромъ радъ быть, но не командиромъ. Посылаю сіе черезъ нарочнаго. Покорный слуга графъ М. Каменскій".

На оборотѣ: „Сдѣлайте рѣшеніе о больныхъ и раненныхъ на Остроленкѣ.

z.

Василій Григорьевичъ Костенецкій.

1780 — 1831.

Читая въ „Русской Старинѣ" весьма интересныя Записки Жиркевича,[2]) въ которыхъ онъ, между прочимъ, разсказываетъ, о шуткѣ съ нимъ въ сраженіи подъ Бауценомъ въ 1813 году генерала Костенецкаго, командовавшаго тогда всею гвардейскою артилеріей, мнѣ пришли на мысль многіе, слышанные мною въ свое время, анекдоты объ этомъ генералѣ, который, въ числѣ великихъ подвижниковъ нашей отечественной войны, славенъ былъ многими блистательными военными подвигами, о которыхъ разсказалъ нѣчто Михайловскій-Данилевскій въ своемъ „Описаніи портретной галереи генераловъ 1812 года".

Этотъ генералъ Костенецкій былъ мой двоюродный дядя, имѣлъ имѣніе въ одномъ со мною селеніи, въ которомъ по временамъ проживалъ, гдѣ я иногда его видѣлъ еще въ моемъ дѣтствѣ, и слышалъ объ немъ множество самыхъ оригинальныхъ разсказовъ, которые, если не всѣ,

---

[1]) Т. е. не тронутое реквизиціонными поборами.

[2]) «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 207—244; т. X, стр. 633—666; т. XI, стр. 411—450, 642—664.

быть можетъ, справедливы, но все же они правдоподобны, и такъ какъ обрисовываютъ одну изъ самыхъ достопримѣчательныхъ личностей, уже прославленныхъ исторіей, то я считаю не безполезнымъ сдѣлать ихъ извѣстными.

По семейнымъ преданіямъ фамилія Костенецкихъ, въ до-Петровскія времена, жила въ заднѣпровской Малороссіи, гдѣ владѣла значительными имѣніями, крѣпко держалась православія и за это претерпѣвала много гоненій отъ своихъ собратій, ополячившихся и перешедшихъ въ католичество помѣщиковъ. Одинъ изъ этой фамиліи, за свою непоколебимость въ православіи, послѣ всевозможныхъ притѣсненій и гоненій, наконецъ былъ казненъ въ Варшавѣ, и изъ груди его было вырвано палачемъ сердце, изображеніе котораго, пронзенное двумя стрѣлами, сдѣлалось потомъ гербомъ фамиліи Костенецкихъ. Вдова казненнаго бѣжала съ двумя малолѣтними сыновьями на эту сторону Днѣпра, и гетманъ Малороссіи Скоропадскій, уже въ царствованіе Петра I, далъ ей во владѣніе нѣсколько помѣстій въ Конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ и теперь проживаетъ эта фамилія, и гдѣ генералъ Костенецкій имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ имѣніе, состоявшее по прежнему опредѣленію величины имѣній, изъ четырехъ сотъ душъ крестьянъ, и проживалъ въ селеніи Веревкѣ, рядомъ съ бывшею усадьбой моего отца.

Генералъ Костенецкій былъ высокаго роста, широкъ въ плечахъ стройный и красивый мужчина съ самымъ добрымъ и привѣтливымъ лицомъ и обладалъ необыкновенною физическою силою. Характера былъ добраго, имѣлъ нѣжное сердце, но вспыльчивъ въ высокой степени; твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не умѣлъ гнуться предъ начальствомъ, съ трудомъ переносилъ подчиненность, и вообще былъ человѣкъ съ сильными страстями, любилъ женщинъ, а еще болѣе былъ любимъ ими, но никогда не былъ женатъ. Онъ былъ очень образованъ; какъ артилеристъ любилъ математику, любилъ русскую исторію и историческія древности, былъ патріотомъ въ высшей степени и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ военнымъ. Ему вѣчно хотѣлось сражаться и онъ готовъ былъ покорить Россіи всю Европу. Онъ хорошо зналъ французскій языкъ, и изъ патріотизма, часто въ шутку, утверждалъ, что этотъ языкъ происходитъ отъ русскаго языка. „Вотъ, напримѣръ, говорилъ онъ, слово cabinet происходитъ отъ русскаго слова какъ бы нѣтъ, domestique, слуга, отъ словъ: домъ мести, кому же какъ не слугѣ прилично домъ мести“, и проч. — анекдотъ извѣстный цѣлой Россіи.

Много говорили о необыкновенной физической силѣ генерала Костенецкаго. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго

о томъ, какъ этотъ Костенецкій, въ одномъ изъ сраженій съ Французами, кажется въ 1809 году, когда на батарею, которою онъ командовалъ, бросились польскіе уланы, перебили всю прислугу, и, разумѣется, взяли бы батарею, но Костенецкій, схвативши банникъ, началъ валять имъ Поляковъ направо и налѣво, многихъ перебилъ, прогналъ всѣхъ и не допустилъ ихъ овладѣть батареей. Послѣ этого, когда государь Александръ Павловичъ благодарилъ его за такой подвигъ, онъ сказалъ государю, что надобно бы ввести въ артиллеріи, вмѣсто деревянныхъ, желѣзные банники. Государь возразилъ ему: „Мнѣ не трудно ввести въ артиллеріи желѣзные банники, но гдѣ найти такихъ Костенецкихъ, которые могли бы владѣть ими!“ Не знаю, откуда именно Михайловскій-Данилевскій взялъ этотъ разсказъ, но объ этомъ событіи, еще до появленія его въ печати, я слышалъ отъ сослуживцевъ генерала Костенецкаго; что онъ разгибалъ подковы, сгибалъ серебряные рубли—это было всѣмъ извѣстно. Однажды, говорятъ, въ Кіевѣ, въ одномъ обществѣ, въ которомъ, въ числѣ гостей былъ генералъ Костенецкій, дамы, желая подшутить надъ нимъ, поднесли ему на тарелкѣ очень искусно сдѣланную каменную грушу, и просили его скушать. Костенецкій, замѣтя обманъ, взялъ грушу въ руку и, какъ бы нечаянно раздавивши ее, воскликнулъ: *ахъ! какая она мягкая.*

Проживая однимъ лѣтомъ въ имѣніи своемъ, въ Веревкѣ, шелъ онъ по плотинѣ, мимо водяной мельницы, принадлежавшей отцу моему, возлѣ которой лежалъ большой мельничный жерновъ, и мельникъ съ нѣсколькими рабочими силились поднять его и вкатить въ мельницу.—„Что вы это дѣлаете?“ спросилъ ихъ генералъ Костенецкій.—„Да отъ, добродію, хочемо укотыть у млинъ оцей каминь, да не яхъ не сможемо“, отвѣчалъ мельникъ.—„Эхъ вы, слабые какіе, возразилъ генералъ, давайте, я вамъ помогу“. И съ этими словами подложивъ руку подъ жерновъ, поставилъ его наторчъ, и потомъ самъ, одинъ, вкатилъ его въ мельницу, къ удивленію собравшейся по этому случаю толпы людей.

Жизнь велъ онъ необыкновенно оригинальную: одѣвался въ длиннополый военный сюртукъ и носилъ какую-то необыкновенно высокую, форменную фуражку. Комнатъ зимою никогда не топилъ, и ему въ нихъ не было холодно, но каково же было иногда посѣщавшимъ его гостямъ! Когда и мнѣ приходилось бывать у него, то бывало дрожишь, какъ въ лихорадкѣ. Возлѣ крыльца дома была всегда наметана большая куча снѣгу, и онъ, какъ только поутру встанетъ съ постели, то есть, съ жесткаго кожанаго дивана съ такой же головной подушкой, безъ простыни и одѣяла, тотчасъ же отправляется

голымъ въ эту кучу снѣга и въ ней барахтается, и когда потомъ войдетъ въ комнату, то паръ идетъ съ него, какъ послѣ бани. Чай пилъ онъ тоже не по обыкновенному: онъ обходился безъ чайника, клалъ чай прямо въ стаканъ, наливалъ его горячей изъ самовара водой, и когда чай настаивался, тогда онъ пилъ его безъ сахара и потомъ жевалъ чайные листья. Пища его была сама простая: борщъ, каша и изрѣдка жаркое. Водки и вина не пилъ вовсе, но для гостей имѣлъ превосходныя наливки, которыя по нѣсколько лѣтъ хранились въ погребѣ, въ боченкахъ и бутылкахъ. Еще была у него одна необыкновенная странность. Съ крестьянами своими онъ обращался очень милостиво, но не любилъ своего прикащика Ш*..., который и крестьянъ угнеталъ и его обманывалъ, и въ каждый его пріѣздъ въ имѣніе, этому прикащику доставалось переносить отъ него много и брани и побоевъ. Семейство этого прикащика составляло и его прислугу, и какъ онъ со всѣми ими обращался строго, то и боялся ихъ мщенія, чтобы они его когда-нибудь не отравили. Чтобы предупредить такую опасность, онъ хотѣлъ пріучить себя не бояться никакой отравы, и для этого онъ носилъ всегда въ карманѣ кусокъ мышьяку, который ежедневно поутру лизалъ языкомъ по нѣскольку разъ, каждый день постепенно увеличивая количество лизаній, и такимъ способомъ довелъ себя до того, что уже довольно значительный пріемъ мышьяка, который былъ бы смертельнымъ для всякаго другого человѣка, на него не производилъ никакого вреднаго дѣйствія.

Знавшіе этого генерала артилеристы, или служившіе подъ его командой, разсказывали о немъ какъ о добромъ и снисходительномъ начальникѣ, честномъ, справедливомъ и въ высшей степени безкорыстномъ человѣкѣ; а объ его артилерійскихъ свѣдѣніяхъ относились даже какъ о необыкновенныхъ для своего времени. Онъ не могъ терпѣть тѣхъ медленныхъ маневровъ нашей пѣшей артилеріи, какіе въ ней употреблялись въ его время, когда всѣ движенія съ орудіями производились не иначе какъ шагомъ, и вводилъ въ своихъ батареяхъ собственно свои, совершенно особые и быстрые маневры, на полныхъ рысяхъ или даже карьерѣ лошадей, при какихъ движеніяхъ прислуга садилась на лафеты,—маневры, которые потомъ, гораздо позже, введены въ нашей пѣшей артилеріи уже при государѣ Николаѣ Павловичѣ.

Извѣстно, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ тоже обладалъ значительною физическою силой, которую онъ, разумѣется, уважалъ и во всякомъ другомъ силачѣ, и поэтому, да и по другимъ причинамъ, онъ очень любилъ генерала Костенецкаго и былъ съ нимъ друженъ. Когда отъ англійскаго двора были привезены двѣ

превосходнѣйшія сабли въ подарокъ, одна — государю Александру Павловичу, съ золотой на полосѣ буквой А, а другая—Константину Павловичу съ буквой К, то государь подарилъ свою саблю Аракчееву, а Константинъ Павловичъ—Костенецкому. Такъ кстати подошли начальныя буквы фамилій ихъ любимцевъ къ вензелямъ на подаркахъ. Саблю эту я видѣлъ у генерала Костенецкаго еще въ моемъ дѣтствѣ, которая, по смерти его, какъ и все очень цѣнное имущество генерала, погибла въ пожарѣ.

Въ царствованіе Александра Павловича, послѣ отечественной войны, начало въ Костенецкомъ сильно проявляться чувство національнаго достоинства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличилось нерасположеніе къ русскимъ и иностранцамъ, которые съ давнихъ временъ вторглись въ нашу высшую іерархію, и, занимая высшія должности, покровительствовали своимъ одноземельцамъ, пренебрегали русскими и, часто вовсе незаслуженно, получали награды и милости преимущественно предъ ними. Извѣстенъ анекдотъ про Ермолова, который будто бы, когда государь Александръ Павловичъ, желая его наградить за что-то, спросилъ, какую бы онъ желалъ получить награду, отвѣчалъ: „Государь! сдѣлайте меня нѣмцемъ!“ давая знать этимъ, что стоитъ только быть нѣмцемъ, такъ всѣ награды посыплются уже сами собою. Но эту ненависть къ нѣмцамъ, или вообще къ иностранцамъ, никто не питалъ въ такой высокой степени, какъ генералъ Костенецкій, который, по пылкости своего характера, никакъ не могъ скрывать такого своего къ нимъ нерасположенія, и очень часто его обнаруживалъ, иногда къ лицамъ, гораздо выше его стоящимъ въ служебной іерархіи, а это и было причиной, что служебная его карьера тянулась очень медленно: его обходили чинами, орденами, и только что терпѣли на службѣ. Еще въ 1812 году онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, командовалъ всею артилеріей гвардейскаго корпуса, но, по окончаніи войны, оставался все время въ томъ же чинѣ и только государь Николай Павловичъ произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Онъ имѣлъ орденъ Владиміра второй степени, и когда за какое-то отличіе слѣдовало наградить его высшимъ орденомъ или чиномъ, то ему, какъ бы въ насмѣшку, дали въ другой разъ тотъ же самый орденъ, такъ что онъ и въ титулѣ своемъ именовалъ себя кавалеромъ ордена Владиміра 2-й степени, двухъ пожалованій — случай едва-ли ни единственный въ лѣтописяхъ нашей арміи! — и послѣ командованія гвардейской артилеріей сдѣлали его бригаднымъ командиромъ полевой пѣшей артилеріи...

Чувствуя себя недостойно гонимымъ по службѣ, Костенецкій не могъ равнодушно сносить такого нерасположенія къ себѣ началь-

ства, но по своему упрямому характеру, а также и сознанію собственнаго достоинства, онъ не такого не старался предъ нимъ смириться, но при всякомъ случаѣ, гдѣ только онъ чувствовалъ себя правымъ, никому не спускалъ и ни предъ кѣмъ не унижался. Въ то время начальникомъ артилеріи 1-й арміи былъ князь Яшвиль, татаринъ по происхожденію. Уже одного только не русскаго происхожденія князя Яшвиля было достаточно, чтобы возбудить къ себѣ нерасположеніе генерала Костенецкаго, но, кромѣ этого, князь, какъ говорятъ, былъ недальняго ума, въ артилеріи понималъ очень немного, требовалъ исполненія одного только тогдашняго артилерійскаго устава, и поэтому онъ очень не одобрялъ всѣ тѣ нововведенія Костенецкаго, которыя послѣдній вводилъ въ пѣшемъ артилерійскомъ ученьи. И вотъ изъ-за этихъ-то разныхъ взглядовъ на артилерійскую службу, да и изъ-за многихъ другихъ личностей, между Костенецкимъ и Яшвилемъ возродилась непримиримая вражда. Не проходило ни одного смотра безъ того, чтобы князь не наговорилъ Костенецкому своихъ начальническихъ замѣчаній и распеканій, и чтобы Костенецкій ни отвѣчалъ ему или доказательствами своей правоты, или же и разными колкостями и шутками, обнаруживавшими незнаніе Яшвиля.

Такія непріязненныя отношенія между княземъ Яшвилемъ и генераломъ Костенецкимъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, разумѣется, не могли нравиться прочему высшему начальству, а эти лица, будучи расположены къ тому и другому, старались ихъ примирить. Однажды, бывшій тогда главнокомандующій первой арміи графъ Остенъ-Сакенъ, на обѣдѣ у себя, на которомъ былъ князь Яшвиль и генералъ Костенецкій, началъ склонять ихъ къ миру и уговаривать Костенецкаго оставить свое, нетерпимое въ службѣ, неуваженіе къ начальнику; когда Костенецкій приводилъ въ свое оправданіе такія доказательства, съ которыми нельзя было не согласиться, то Сакенъ наконецъ сказалъ ему:

— Все это, положимъ, справедливо, генералъ, но я васъ прошу, оставьте всѣ эти непріятности, и для меня, если вы меня любите, помиритесь съ княземъ!

— Да кто вамъ сказалъ, в. с., возразилъ Костенецкій, что я васъ люблю? Я васъ терпѣть не могу!

— Какъ, генералъ, воскликнулъ удивленный Сакенъ. Да за что же вы меня не любите?

— Вы — нѣмецъ! отвѣчалъ Костенецкій; тѣмъ и кончилось это примиреніе.

Наконецъ, ненависть Костенецкаго къ князю Яшвилю дошла до крайняго предѣла и кончилась вотъ какимъ происшествіемъ: князь

пріѣхалъ сдѣлать смотръ бригадѣ Костенецкаго и для этого, съ вечера, былъ отданъ приказъ, чтобы завтрашній день, во столько-то часовъ, бригада собралась бы для смотра на такомъ-то мѣстѣ. Въ назначенный часъ князь Яшвиль выѣзжаетъ на указанное мѣсто..... и не видитъ ни одной пушки и ни одного артилериста!.. Удивленный этимъ, онъ посылаетъ адъютанта своего къ генералу Костенецкому спросить, что значитъ, что до сихъ поръ не явилась на смотръ бригада? Адъютантъ пріѣзжаетъ къ генералу Костенецкому, говоритъ ему, что до сихъ поръ нѣтъ бригады на плацу, что князь очень сердится, и приказалъ ему спросить у его превосходительства, что это значитъ?

— „Скажите князю, отвѣчалъ адъютанту Костенецкій, что бригада скоро явится на смотръ, а я не поѣду, мнѣ некогда: я сейчасъ иду въ церковь править молебенъ объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ Татаръ!“

Адъютантъ передалъ отвѣтъ Костенецкаго князю Яшвилю.

Послѣ такой выходки Костенецкій былъ удаленъ отъ командованія артилерійской бригадой съ оставленіемъ по артилеріи, и въ продолженіи всего царствованія Александра Павловича не получалъ уже никакого служебнаго назначенія.

Костенецкій жилъ большею частію въ Петербургѣ. По вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ день 14-го декабря, генералъ явился на Сенатскую площадь, все время находился при государѣ, и говорятъ, первый совѣтовалъ употребить въ дѣло пушки. При общихъ наградахъ, по случаю восшествія государя на престолъ, Костенецкій былъ пожалованъ чиномъ генералъ-лейтенанта, но долго и отъ Николая Павловича не получалъ никакого командованія; наконецъ, въ 1831 году онъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, но не успѣлъ уже воспользоваться этимъ лестнымъ для него назначеніемъ. 6-го іюля 1831 года онъ умеръ въ Петербургѣ отъ холеры, лѣтъ пятидесяти отъ рожденія.

Я. И. Костенецкій.

Скибенцы.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ МОНАХЪ АВЕЛЬ.

1757—1841.

Александръ Михайловичъ Каховскій, братъ по матери Алексѣя Петровича Ермолова, въ царствованіе императора Павла проживалъ спокойно въ своей деревнѣ Смолевичи, находящейся въ 40 верстахъ отъ Смоленска. Независимое положеніе Каховскаго, любовь и уваженіе, коими онъ вездѣ пользовался, возбудили противъ него зависть и ненависть смоленскаго губернатора Тредьяковскаго, который заключилъ по этому случаю дружескій союзъ съ извѣстнымъ въ то время доносчикомъ Линденеромъ. Каховскій и всѣ его ближайшіе знакомые были схвачены и посажены въ разныя крѣпости, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы они что-то умышляли противъ правительства. Приказано было арестовать и А. П. Ермолова, проживавшаго въ то время въ Несвижѣ. Хотя вскорѣ послѣдовало изъ Петербурга высочайшее повелѣніе о прощеніи арестованныхъ, такъ какъ извѣтъ на нихъ не подтвердился, однако Линденеръ, донося государю объ исполненіи его воли, изъявилъ сожалѣніе, что его величество помиловалъ шайку разбойниковъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого приказано было представить Ермолова совсѣми его бумагами въ Петербургъ. Здѣсь не оказалось за нимъ ни какой вины, кромѣ той, что онъ — братъ Каховскаго и что оба они „изъ одного гнѣзда и одного духа“. Ермоловъ посаженъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой, черезъ три мѣсяца, былъ отправленъ къ костромскому губернатору, для отсылки въ лѣса Макарьева на Унжѣ. По просьбѣ губернаторскаго сына, бывшаго сотоварища Ермолова по ученью, губернаторъ донесъ въ Петербургъ, что, въ видахъ лучшаго наблюденія за присланнымъ государственнымъ преступникомъ, онъ предпочелъ оставить его въ Костромѣ. Такое распоряженіе было одобрено, и Ермоловъ оставался здѣсь довольно долго.

„Въ это время,—разсказывалъ впослѣдствіи А. П. Ермоловъ,—проживалъ въ Костромѣ нѣкто Авель, который былъ одаренъ способностью вѣрно предсказывать будущее. Находясь однажды за столомъ у губернатора Лумпа, Авель предсказалъ день и часъ кончины императрицы Екатерины съ необычайной вѣрностью. Простившись съ жителями Костромы, онъ объявилъ имъ о намѣреніи своемъ поговорить съ государемъ Павломъ Петровичемъ, но былъ, по приказанію его величества, посаженъ въ крѣпость, изъ которой однако скоро выпущенъ. Возвратившись въ Кострому, Авель тоже предсказалъ день и часъ кончины императора Павла. Все предсказанное Авелемъ буквально сбылось. Этотъ Авель находился въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая".[1])

Кто же былъ этотъ прорицатель Авель?

Мы имѣемъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ располагаемъ документами, относящимися къ личности Авеля. Документы эти слѣдующіе:

1) Двѣ тетрадки, въ малую 8-ю долю, написанныя по-славянски; на первой страницѣ этихъ „книжекъ" изображены разные кружки, литеры славянской азбуки и точки треугольникомъ, среди которыхъ написано: „печать Господа Бога и Христа его". Въ этихъ тетрадкахъ содержатся: а) „Житіе и страданіе отца и монаха Авеля"; б) „Жизнь и житіе отца нашего Дадамія"; в) „Сказаніе о существѣ, что есть существо Божіе и Божество"; г) „Бытія книга первая". Въ одной изъ этихъ тетрадокъ, на 28-ми страницахъ, находятся разные символическіе круги, фигуры съ буквами славянской азбуки и счета, при нихъ находится краткое толкованіе.

2) Тетрадка (въ 16-ю д.) въ двухъ экземплярахъ, озаглавленная: „Церковныя потребы монаха Авеля"; въ ней сокращенно изложена „Книга Бытія", помѣщенная въ первыхъ двухъ тетрадкахъ.

3) 12 писемъ Авеля къ графинѣ Прасковьѣ Андреевнѣ Потемкиной, писанныя то по-славянски, то обыкновеннымъ почеркомъ; всѣ письма относятся къ 1815 и 1816 гг.; и

4) Письмо Авеля къ В. Ѳ. Ковалеву, управляющему фабрикой гр. П. А. Потемкиной въ Глушковѣ (1816 г.).

Всѣмъ этимъ матеріаломъ мы нашли болѣе удобнымъ воспользоваться такимъ образомъ, что сначала помѣщаемъ жизнеописаніе Авеля въ подлинникѣ, съ измѣненіемъ только самыхъ крупныхъ орѳографическихъ неправильностей и съ пропускомъ нѣкоторыхъ мистическихъ

---

[1]) «Чтенія Имп. общ. исторіи и древностей россійскихъ», 1863 г., книга IV. Смѣсь, стр. 217—222.

измышленій; затѣмъ обращаемъ вниманіе на статьи Авеля, заключающіяся въ помянутыхъ тетрадкахъ, наконецъ говоримъ о письмахъ его. Изъ всѣхъ послѣднихъ документовъ мы выписываемъ лишь нѣкоторыя, наиболѣе характерныя мѣста.

Ред.

---

1. # ЖИТІЕ И СТРАДАНІЕ ОТЦА И МОНАХА АВЕЛЯ.

ЧАСТЬ И ЗАЧАЛО ПЕРВОЕ.

2. Сей отецъ Авель родися въ сѣверныхъ странахъ, въ Мо-
сковскихъ предѣлахъ, въ Тульской губерніи, Алексенской округи,
Соломенской волости, деревня Акулова, приходъ церкви Илья
3. пророкъ. Рожденіе сего монаха Авеля въ лѣто отъ Адама семь
тысячь и двѣсти шестьдесять и въ пять годовъ, а отъ Бога
Слова—тысяча и семьсотъ пятьдесять и въ семь годовъ. Зачатія
4. ему было и основаніе мѣсяца іюня и мѣсяца сентября въ пятое
число; а изображеніе ему и рожденіе мѣсяца декабря и марта
въ самое равноденствіе: и дано имя ему, якоже и всѣмъ чело-
5. вѣкомъ, марта седьмаго числа. Жизни отцу Авелю, отъ Бога
положено, восемьдесять и три года и четыре мѣсяца; а потомъ
плоть и духъ его обновится, и душа его изобразится яко Ан-
6. гелъ и яко Архангелъ. И воцарится .. .. на тысячу
годовъ, ... царство возстанетъ; когда отъ Адама будетъ
семь тысячь и триста и пятьдесять годовъ, въ то убо время
7. воцарятся .. .. вси избранные его и вси святые его.
И процарствуютъ съ нимъ тысячу и пятьдесять годовъ, и бу-
детъ въ то время по всей земли стадо едино и пастырь въ
8. нихъ единъ: въ нихъ же вся благая и вся преблагая, вся свя-
тая и вся пресвятая, вся совершенная и вся пресовершенная.
И процарствуютъ тако .. .., какъ выше сказано, тысячу
9. и пятьдесять годовъ; и будетъ въ то время отъ Адама восемь
тысячь и четыреста годовъ, потомъ же мертвые возстанутъ и
живые обновятся; и будетъ всѣмъ рѣшеніе и всѣмъ раздѣленіе:
которые воскреснутъ въ жизнь вѣчную и въ жизнь безсмертную,
10. а которые предадятся смерти и тлѣнію и въ вѣчную погибель;
а прочая о семъ въ другихъ книгахъ. А мы нынѣ возвратимся
11. на первое и окончаемъ жизнь и житіе отца Авеля. Его жизнь
достойна ужаса и удивленія. Родители его быша земледѣльцы,
а другое у нихъ художество коновальная работа; научили тому жъ

12. своего отрока отца Авеля. Онъ же о семъ мало внимаша, а
больше у него вниманіе о Божествѣ и о божественныхъ судь-
бахъ; сіе желаніе ему отъ юности его, еще отъ чрева матери
13. своея: и совершися то ему въ нынѣшніе года. Нынѣ ему отъ
рожденія девять на десять годовъ. И пойдя онъ съ сего года
въ южныя страны и въ западныя; потомъ въ восточныя и въ
14. прочіе грады и области: и хождаша тако странствуя девять
годовъ. Наконецъ же сего пришелъ въ самую сѣверную страну,
и вселился тамъ въ Валаамскій монастырь, который Новгород-
15. ской и Санктпетербургской епархій, Сердобольской округи.
Стоитъ сей монастырь на острову на Ладожскомъ озерѣ, отъ
міра весьма удаленъ. Въ то время въ немъ былъ начальникъ
16. игуменъ Назарей: жизни духовной и разумъ въ немъ здравый.
И принялъ онъ отца Авеля въ свой монастырь какъ должно,
со всякою любовію; далъ ему келью и послушаніе и вся по-
17. требная; потомъ же приказалъ ему ходить, вкупе съ братіею, въ
церковь и въ трапезу, и во вся нужная послушанія. Отецъ же
Авель пожилъ въ монастырѣ токмо единъ годъ, вникая и при-
сматривая всю монастырскую жизнь и весь духовный чинъ и
18. благочестіе. И видя во всемъ порядокъ и совершенство, какъ
въ древлѣ было въ пустынныхъ монастыряхъ, и похвали о семъ
Бога и Божію Матерь.

ЗАЧАЛО ВТОРОЕ.

1. Посему-жъ отецъ Авель взялъ отъ игумена благословеніе и
отыде въ пустыню; которая пустыня на томъ же острову не-
далеча отъ монастыря: и вселился въ той пустынѣ единъ и со-
2. единымъ. А въ нихъ же и между ихъ, самъ Господь Богъ Все-
держитель; вся въ нихъ исправляя, и вся совершая, и всему
полагая начало и конецъ и всему рѣшеніе: ибо Онъ есть вся
3. и во всѣхъ и вся дѣйствуя. И началъ отецъ Авель въ той пу-
стыни прилагать труды ко трудамъ, и подвигъ къ подвигу; и
явися отъ того ему многія скорби и великія тяжести, душев-
4. ныя и тѣлесныя. Попусти Господь Богъ на него искусы, великіе
и превеликіе, и едва въ мѣру ему понести; посла на него тем-
ныхъ духовъ множество и многое: да искусится тѣми искусами
5. яко злато въ горнилѣ. Отецъ же Авель, видя надъ собою тако-
вое приключеніе, и нача изнемогать и во отчаяніе приходить;
и рече въ себѣ: „Господи помилуй и не введи меня во искушеніе
6. выше силы моея“. Посему жъ отецъ Авель нача видѣть темныхъ
духовъ и съ ними говорить, спрашивая ихъ: кто ихъ послалъ

къ нему? они же отвѣщаваху къ нему и рекоша: „насъ послалъ
7. къ тебѣ тотъ, кто и тебя въ сіе мѣсто послалъ“. И много у нихъ
было разговора и спора, но ни что же ихъ успѣ, а токмо то
въ срамоту себѣ и на поруганіе: отецъ Авель показался надъ
8. ними страшный воинъ. Господь же видя раба своего таковую
брань творяща съ безплотными духами и рече къ нему, сказывая
ему тайная и безвѣстная, и что будетъ ему и что будетъ
9. всему міру: и прочая таковая многая и множество. Темныя же
духи ощутили сіе, яко самъ Господь Богъ бесѣдуетъ со отцемъ
Авелемъ; и бысть вси невидимы во мгновенія ока: ужасошася
10. и бѣжаша. Посему-жъ взяли отца Авеля два духа... (Далѣе составитель
житія Авеля разсказываетъ какъ онъ отъ высшихъ
сихъ получилъ великой даръ прорицанія судебъ будущаго).... и
рекоша ему: „буди ты новый Адамъ, и древній отецъ Дадамей,
20. и напиши яже видѣлъ еси: и скажи яже слышалъ еси. Но не
всѣмъ скажи и не всѣмъ напиши, а токмо избраннымъ моимъ;
и токмо святымъ моимъ; тѣмъ напиши, которые могутъ вмѣстить
наши словеса и наша наказанія. Тѣмъ и скажи и напиши. И прочая
таковая многая къ нему глаголаша.

Зачало третіе.

1. Отецъ же Авель пришедъ въ себя, и нача съ того время
писать и сказывать, что вмѣстно человѣку; сіе ему видѣніе было
въ тридесятое лѣто жизни его и совершилось въ тридесять
2. годовъ. Странствовать онъ пошелъ двадцати годовъ, на Валаамъ
пришелъ двадцати и осьми годовъ; тотъ годъ былъ отъ Бога
Слова—тысяча и семьсотъ восемьдесятъ и пять, мѣсяцъ октябрь,
3. по солнечнымъ первое число. И случися сіе ему видѣніе; дивное
видѣніе и предивное одному въ пустынѣ — въ лѣто отъ Адама
семь тысячъ и двѣсти девяносто и въ пятомъ году, мѣсяца
4. ноября по солнечнымъ въ первое число, съ полунощи и продолжалась
какъ не меньше тридесяти часовъ. Съ того убо время
началъ писать и сказывать что кому вмѣстно. И велѣно ему
5. выйти изъ пустыни въ монастырь. И пришелъ онъ въ монастырь
того-жъ года, мѣсяца февраля въ первое число и вшелъ
въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. И сталъ посредѣ
6. церкви весь исполненъ умиленія и радости, взирая на красоту
церковную и на образъ Божія Матери....... (Далѣе разсказывается
новое видѣніе, будто бы осѣнившее Авеля, при чемъ
7. будто бы необъяснимая сила)..... внидя во внутренняя его; и
соединился съ нимъ, якобы единъ .... человѣкъ. И нача въ

8. немъ и имъ дѣлать и дѣйствовать, якобы природнымъ своимъ
естествомъ; и дотолѣ дѣйствоваша въ немъ, дондеже всему его
изучи и всему его научи .... и вселися въ сосудъ, ко-
9. торый на то уготованъ еще издревле. И отъ того время отецъ
Авель сталъ вся познавать и вся разумѣвать: (невѣдомая сила)
10. наставляя его и вразумляя всей мудрости и всей премудрости.
Посему-жъ отецъ Авель вышелъ изъ Валаамскаго монастыря,
тако ему велѣно дѣйствомъ (той силы); сказывать и проповѣды-
11. вать тайны Божіи и судьбы его. И ходилъ онъ тако по разнымъ
монастырямъ и пустынямъ девять годовъ; обошелъ многія страны
и грады: сказывалъ и проповѣдовалъ волю Божію и страшный
12. судъ Его. Наконецъ же того время, пришелъ онъ на рѣку Волгу.
И вселился въ монастырь Николая Чудотворца, званіемъ той
монастырь Бабайки, Костромской епархіи. Въ то время настоя-
13. тель въ той обители былъ именемъ Савва, жизни простой; по-
слушаніе въ той обители было отцу Авелю: въ церковь ходить
и въ трапезу, и въ нихъ пѣть и читать, а между тѣмъ писать
14. и слагать, и книги сочинять. И написалъ онъ въ той обители
книгу мудрую и премудрую, ... въ ней же написано о
царской фамиліи. Въ то время царствовала въ Россійской землѣ
15. Вторая Екатерина; и показалъ ту книгу одному брату, имя ему
отецъ Аркадій; онъ же ту книгу показалъ настоятелю той оби-
тели. Настоятель же собралъ братію, и сотвориша совѣтъ: ту
16. книгу и отца Авеля отправить въ Кострому, въ духовную кон-
систорію; и бысть тако отправленъ. Духовная же консисторія:
архимандритъ, игуменъ, протопопъ, благочинный и пятый съ
17. ними секретарь — полное собраніе, получили ту книгу и отца
Авеля. И вопросили его онъ-ли ту книгу писалъ? И отъ чего
взялъ писать, и взяли съ него сказку, его дѣло то и отчего онъ
18. писалъ; и послали ту книгу и при ней сказку ко своему архі-
ерею. Въ то время въ Костромѣ былъ архіерей-епископъ Павелъ.
Егда-жъ получилъ епископъ Павелъ ту книгу и при ней сказку,
19. и приказалъ отца Авеля привесть предъ себя; и сказалъ ему:
„сія твоя книга написана подъ смертною казнію". Потомъ пове-
лѣлъ его отправить въ губернское правленіе и книгу его съ
20. нимъ. И бысть тако отправленъ отецъ Авель въ то правленіе,
и книга его съ нимъ, при ней же и рапортъ.

ЧАСТЬ II. ЗАЧАЛО IV.

1. Губернаторъ же и совѣтники его приняли отца Авеля и
книгу его и видѣша въ ней мудрая и премудрая, а наипаче напи-

сано въ ней царскія имена и царскіе секреты. И приказали его на
2. время отвезть въ костромской острогъ. Потомъ отправили отца
Авеля и книгу его съ нимъ на почтовыхъ въ Санктпетербургъ
въ сенатъ; съ нимъ же для караула прапорщикъ и солдатъ.
3. И привезенъ бысть прямо въ домъ генерала Самойлова; въ то
время онъ былъ главнокомандующій всему сенату. Приняли отца
Авеля господинъ Макаровъ и Крюковъ. И доложили о томъ са-
4. мому Самойлову. Самойловъ же разсмотрѣлъ ту отца Авеля
книгу, и нашелъ въ ней написано: якобы государыня Вторая
Екатерина, лишится скоро сей жизни. И смерть ей приклю-
5. чится скоропостижная, и прочая таковая написано въ той книгѣ.
Самойловъ же видя сіе, и зѣло о томъ смутился; и скоро при-
звалъ къ себѣ отца Авеля. И рече къ нему съ яростію глагола:
6. „како ты злая глава смѣла писать такіе титлы на земнаго бога!"
и удари его трикраты по лицу, спрашивая его подробну: кто
7. его научилъ такіе секреты писать, и отчего взялъ такую пре-
мудрую книгу составить? Отецъ же Авель стояша предъ нимъ
весь въ благости, и весь въ божественныхъ дѣйствахъ. И отвѣ-
8. щавая къ нему тихимъ гласомъ и смиреннымъ взоромъ; рече:
меня научилъ писать сію книгу тотъ, кто сотворилъ небо и
землю, и вся яже въ нихъ: тотъ же повелѣлъ мнѣ и всѣ се-
9. креты составлять. Самойловъ же сіе слыша, и вмени вся въ
юродство; и приказалъ отца Авеля посадить подъ секретъ въ
тайную; а самъ сдѣлалъ докладъ самой государынѣ. Она же спро-
10. сила Самойлова, кто онъ (Авель) такой есть и откуда? потомъ
приказала отца Авеля отправить въ Шлюшенбургскую крѣпость,—
въ число секретныхъ арестантовъ, и быть тамо ему до смерти
11. живота своего. Сіе дѣло было въ лѣто отъ Бога Слова—ты-
сяча и семь сотъ и девяноста въ шестомъ году, мѣсяца фев-
12. раля и марта съ первыхъ чиселъ. И бысть тако заключенъ отецъ
Авель въ ту крѣпость, по имянному повелѣнію государыни Ека-
13. терины. И былъ онъ тамъ всего время—десять мѣсяцевъ и де-
сять дней. Послушаніе ему было въ той крѣпости: молиться и
поститься, плакать и рыдать и къ Богу слезы проливать, сѣ-
товать и воздыхать и горько рыдать; при томъ же ему еще по-
14. слушаніе, Бога и глубину его постигать. И проводи тако время
отецъ Авель, въ той Шлюшенской крѣпости, до смерти госу-
дарыни Екатерины. И послѣ того еще содержался мѣсяцъ и
15. пять дней. Потомъ же егда скончалась Вторая Екатерина, а
вмѣсто ей воцарился сынъ ея Павелъ; и нача сей государь
исправлять что ему должно; генерала Самойлова смѣнилъ. А

16. вмѣсто его поставленъ князь Куракинъ. И нашлась та книга въ
секретныхъ дѣлахъ,—которую написалъ отецъ Авель; нашелъ
ее князь Куракинъ и показалъ ту книгу самому государю Павлу.
17. Государь же Павелъ скоро повелѣлъ сыскать того человѣка, который
написалъ ту книгу и сказано ему: тотъ человѣкъ заклю-
18. ченъ въ Шлюшенской крѣпости, въ вѣчное забвеніе. Онъ же
немедля послалъ въ ту крѣпость самого князя Куракина разсмотрѣть
всѣхъ арестантовъ; и спросить ихъ лично, кто за что
19. заключенъ, и снять со всѣхъ желѣзныя оковы. А монаха Авеля
взять въ Петербургъ, къ лицу самого государя Павла. И бысть
тако. Князь Куракинъ вся исправилъ и вся совершилъ: съ тѣхъ
20. со всѣхъ арестантовъ снялъ желѣзныя оковы, и сказалъ имъ
ожидать милость Божію; а монаха отца Авеля представилъ во
дворецъ къ самому его величеству императору Павлу.

ЗАЧАЛО ПЯТОЕ.

1. Императоръ же Павелъ принялъ отца Авеля во свою комнату,
принялъ его со страхомъ и съ радостію и рече къ нему: „Владыко
отче благослови меня и весь домъ мой: дабы ваше бла-
2. гословеніе было намъ во благое“. Отецъ же Авель на то отвѣща
къ нему: „Благословенъ Господь Богъ всегда и во вѣки вѣковъ“.
И спросилъ у него (царь), что онъ желаетъ: въ монастырь
3. ли быть монахомъ, или избери родъ жизни какую другую. Онъ
же паки къ нему отвѣщалъ и глагола: „Ваше величество, всемилостивѣйшій
мой благодѣтель, отъ юности мое желаніе быть
4. монахомъ, и служить Богу и Божеству его“. Государь же Павелъ
поговорилъ съ нимъ еще что нужно и спросилъ у него по
секрету: что ему случится; потомъ тому-жъ князю Куракину при-
5. казалъ отвесть (Авеля) въ Невскій монастырь, въ число братства.
И по желанію его облечь въ монашество, дать ему покой и
вся потребная; приказано сіе дѣло выполнить митрополиту Гав-
6. ріилу отъ самаго государя Павла, чрезъ князя Куракина. Митрополитъ
же Гавріилъ видя такое дѣло, и со страхомъ удивися
вкупе же и ужасеся. И рече ко отцу Авелю: будетъ вся
7. исполнено по вашему желанію; потомъ облечѣ его въ черное
одѣяніе и во всю славу монашества, по именному повелѣнію
самаго государя; и приказалъ ему митрополитъ вкупе съ братіею
8. ходить въ церковь и въ трапезу, и на вся нужная послушаніе.
Отецъ же Авель пожилъ въ Невскомъ монастырѣ токмо единъ
годъ; потомъ паки и абіе пошелъ въ Валаамскій монастырь, по
9. докладу (т. е. съ разрѣшенія государя) Павла, и составилъ тамъ

другую книгу, подобну первой, еще и важнѣе, и отдалъ ее игумену
отцу Назарію; онъ же показалъ ту книгу своему казначею и
прочимъ братіямъ и сотвориша совѣтъ послать ту книгу въ
10. Петербургъ митрополиту. Митрополитъ же получилъ ту книгу,
и видя въ ней написано тайная и безвѣстная, и ничто же ему
11. понятна; и скоро ту книгу послалъ въ секретную палату, гдѣ
совершаются важные секреты, и государственная дукаменты.
Въ той палатѣ начальникъ господинъ генералъ Макаровъ. И
12. видя сей Макаровъ ту книгу, и въ ней написано вся ему непонятная.
И доложилъ о томъ генералу, который управляетъ весь
сенатъ; той же доложи самому государю Павлу. Государь же
13. скоро повелѣлъ взять съ Валаама отца Авеля, и заключить его
въ Петропавловскую крѣпость. И бысть тако. Взяли отца Авеля
изъ Валаамскаго монастыря, и заключили въ ту крѣпость. И былъ
14. онъ Авель тамъ, дондеже государь Павелъ скончался, а вмѣсто
его воцарился сынъ его Александръ. Послушаніе отцу Авелю
было въ Петропавловской крѣпости тожъ самое, что ему было
15. въ Шлюшенбурской крѣпости, тожъ самое время и сидѣлъ тамъ:
десять мѣсяцъ и десять дней. Егда-жъ воцарился государь Александръ,
и приказалъ отца Авеля отправить въ Соловецкой мо-
16. настырь: въ число оныхъ монаховъ, но токмо за нимъ имѣть
присмотръ; потомъ и свободу получилъ. И былъ онъ на свободѣ
единъ годъ и два мѣсяца, и составилъ еще третію книгу: въ
17. ней же написано, какъ будетъ Москва взята и въ который годъ.
И дошла та книга до самаго императора Александра. И приказано
монаха Авеля абіе заключить въ Соловецкую тюрьму, и быть
18. тамъ ему дотолѣ, когда сбудутся его пророчества самою вещію.
И былъ отецъ Авель всего время въ Соловецкой тюрьмѣ десять
годовъ и десять мѣсяцъ; а на воли тамъ жилъ—единъ годъ и
19. два мѣсяца: и того всего время онъ препроводилъ въ Соловецкомъ
монастырѣ ровно двѣнадцать годовъ. И видѣлъ въ нихъ
добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая: еще-жъ
такія были искусы ему въ Соловецкой тюрьмѣ, которые и опи-
20. сать нельзя. Десять разъ былъ подъ смертію, сто разъ при-
ходилъ во отчаянія; тысячу разъ находился въ непрестанныхъ
подвигахъ, а прочихъ искусовъ было отцу Авелю число многочисленное
и число безчисленное. Однако благодатію Божіею,
нынѣ онъ, слава Богу, живъ и здоровъ, и во всемъ благополученъ.

Зачяло шестое.

1. Нынѣ отъ Адама семь тысячъ и триста и двадесятый годъ,
а отъ Бога Слова тысяча и восемь сотъ и второй на десять. И
слышимъ мы въ Соловецкомъ монастырѣ, яко бы южный царь
2. или западный, имя ему Наполеонъ, плѣнитъ грады и страны
и многія области, уже и въ Москву вшелъ. И грабитъ въ ней
и опустошаетъ всѣ церкви и вся гражданская, и всякъ взывая:
3. Господи помилуй и прости наше согрѣшеніе. Согрѣшихомъ предъ
Тобою, и нѣсть достойны нарекатися рабами Твоими; попустилъ
на насъ врага и губителя, за грѣхъ нашъ и за беззаконія наша!
4. и прочая таковая взываху весь народъ и вси людіе. Въ тожъ
самое время, когда Москва взята, вспомни самъ государь про-
рочество отца Авеля; и скоро приказалъ князю Голицыну, отъ
5. лица своего написать письмо въ Соловецкой монастырь. Въ то
время начальникъ тамъ былъ архимандритъ Иларіонъ; написано
письмо такимъ образомъ: „монаха отца Авеля выключить изъ
6. числа колодниковъ, и включить его въ число монаховъ, на всю
полную свободу“. Еще-жъ приписано: „ежели онъ живъ и здо-
ровъ, то ѣхалъ бы къ намъ въ Петербургъ: мы желаемъ его
7. видѣть и съ нимъ нѣчто поговорить“. Тако написано отъ лица
самаго государя, а архимандриту приписано: „дать отцу Авелю
на прогонъ денегъ, что должно до Петербурга и вся потребная“.
8. И пришло сіе имянное письмо въ Соловецкой монастырь въ самый
Покровъ, мѣсяца октября въ первое число. Архимандритъ же
егда получилъ таковое письмо, и видя въ ней тако написано,
9. и зѣло тому удивися, вкупе же и ужасеся. Зная за собою, что
онъ отцу Авелю многія дѣлалъ пакости и во одно время хо-
тѣлъ его совершенно уморить,—и отписалъ на то письмо князю
10. Голицыну, такимъ образомъ:—„нынѣ отецъ Авель боленъ и не
можетъ къ вамъ быть, а развѣ на будущій годъ весною“, и про-
чая таковая. Князь же Голицынъ егда получилъ письмо отъ
11. Соловецкаго архимандрита, и показалъ то письмо самому госу-
дарю. Государь же приказалъ сочинить имянной указъ святѣй-
шему Синоду, и послать тому жъ архимандриту: что-бы непре-
12. мѣнно монаха Авеля выпустить изъ Соловецкаго монастыря, и
дать ему пашпортъ во всѣ россійскіе города и монастыри; при
томъ же, что бы онъ всѣмъ былъ доволенъ, платьемъ и день-
13. гами. И видя архимандритъ имянной указъ, и приказалъ съ
него отцу Авелю написать пашпортъ, и отпустить его честно
со всякимъ довольствомъ; а самъ сдѣлался боленъ отъ многія

14. печали: порази его Господь лютою болѣзнію, тако и скончался.
Сей Иларіонъ архимандритъ уморилъ невинно двухъ колодниковъ, посадилъ ихъ и заперъ въ смертельную тюрьму, въ кото-
15. рой не токмо человѣку жить нельзя, но и всякому животному
невмѣсно: перьвое въ той тюрьмѣ темнота и тѣснота паче
мѣры, второе—голодъ и холодъ, нужа и стужа выше естества;
16. третіе дымъ и угаръ и симъ подобная; четвертое и пятое въ
той тюрьмѣ—скудостію одеждъ и въ пищи, и отъ солдатъ истязаніе и руганіе, и прочая таковая ругательство и озлобленіе
многое и множество. Отецъ же Авель вся сія слыша и вся сія
17. видя. И нача говорить о томъ самому архимандриту, и самому
офицеру, и всѣмъ капраламъ, и всѣмъ солдатамъ, рече къ нимъ
и глагола: „дѣти, что тако дѣлаете неугодная Господу Богу, и
18. совсѣмъ противная Божеству Его? Аще непрестаните отъ злаго
таковаго начинанія, то вскорѣ вси погибните злою смертію и
память ваша потребиться отъ земли живыхъ, чада ваша осиротѣютъ, и жены ваши останутся вдовицами!“ Они же сія слы-
19. шаху отъ отца Авеля такія рѣчи; и зѣло на него возропташа
и сотвориша между собою совѣтъ уморить его. И посадили его
въ тѣжъ самыя тяжкія тюрьмы. И былъ онъ тамъ весь великій
постъ, моляся Господу Богу и призывая имя Святое Его; весь
въ Бозѣ и Богъ въ немъ; покры его Господь Богъ благодатію
20. Своею, и Божествомъ Своимъ отъ всѣхъ враговъ его. Послѣ
же того вси погибоша враги отца Авеля и память ихъ погибѣ
съ шумомъ; и остался онъ единъ и Богъ съ нимъ. И нача отецъ
Авель пѣть пѣснь побѣдную и пѣснь спасительную, и прочая
таковая.

ЧАСТЬ III. ЗАЧАЛО VII.

1. Посему-жъ отецъ Авель взялъ пашпортъ и свободу, во всѣ
Россійскіе города и монастыри, и въ прочія страны и области.
И вышелъ изъ Соловецкаго монастыря мѣсяца іюнія въ первое
2. число. Годъ тотъ былъ отъ Бога Слова—тысяча и восемьсотъ
и третій на десять. И пришелъ въ Петербургъ прямо ко князю
Голицыну, имя ему и отечество Александръ Николаевичъ, гос-
3. подинъ благочестивъ и боголюбивъ. Князь же Голицынъ видя
отца Авеля, и радъ бысть ему до зѣла; и нача вопрошать его о
судьбахъ Божіихъ и о правдѣ Его; отецъ же Авель началъ ему
4. сказавать вся и обо всемъ, отъ конца вѣковъ и до конца, и отъ
начала временъ и до послѣднихъ; онъ же слыша сія и ужасеся
и помысли въ сердце другое; потомъ послалъ его къ митропо-
5. литу явиться ему и благословиться отъ него: отецъ же Авель

сотворилъ тако. Пришелъ въ Невскій монастырь, и явился митрополиту Амвросію; и рече ему: „благослови владыко святый
6. раба своего и отпусти его съ миромъ и со всякою любовію“.
Митрополитъ же увидѣлъ отца Авеля, и слыша отъ него такія рѣчи и отвѣщалъ къ нему; „благословенъ Господь Богъ Изра-
7. илевъ, яко посѣти сотвори избавленіе людямъ Своимъ и рабу Своему монаху Авелю“. Потомъ благослови его и отпусти, и рече къ нему, „буди съ тобою во всѣхъ путехъ твоихъ Ангелъ Хра-
8. нитель;“ и прочая таковая изрече и отпусти его съ великимъ довольствомъ. Отецъ же Авель, видя у себя пашпортъ и свободу во всѣ края и области, и потече изъ Петербурга къ югу
9. и къ востоку, и въ прочія страны и области. И обшедъ многая и множество. Былъ въ Цареградѣ и во Іерусалимѣ, и въ Аѳонскихъ горахъ; оттуда же паки возвратился въ Россійскую землю:
10. и нашелъ такое мѣсто, гдѣ вся своя исправилъ и вся совершилъ. И всему положилъ конецъ и начало, и всему начало и конецъ; тамъ же и жизнь свою всю скончалъ: пожилъ на земли
11. время довольно, до старости лѣтъ своихъ. Зачатія ему было мѣсяца іюнія, основанія сентября; изображенія и рожденія, мѣсяца декабря и марта. Жизнь свою скончалъ мѣсяца генваря,
12. а погребенъ февраля. Тако и решился отецъ нашъ Авель. Новый страдалецъ.... Жилъ всего время — восемьдесять и три года и четыре мѣсяца. Въ дому отца своего жилъ девять на
13. десять годовъ. Странствовалъ девять годовъ, потомъ въ монастыряхъ девять годовъ; а послѣ того еще отецъ Авель проводи десять годовъ и семь на десять годовъ: десять годовъ
14. проводи въ пустыняхъ и въ монастыряхъ, и во всѣхъ пространствахъ; а семь на десять годовъ отецъ Авель препроводи жизнь свою—въ скорбяхъ и въ тѣснотахъ, въ гоненіяхъ и въ бѣдахъ,
15. въ напастяхъ и въ тяжестяхъ, въ слезахъ и въ болѣзняхъ, и во всѣхъ злыхъ приключеніяхъ; еще-жъ сія жизнь ему была семь на десять годовъ: въ темницахъ и въ затворахъ, въ крѣпостяхъ
16. и въ крѣпкихъ замкахъ, въ страшныхъ судахъ, и въ тяжкихъ испытаніяхъ; въ томъ же числѣ былъ во всѣхъ благостяхъ и во всѣхъ радостяхъ, во всѣхъ изобильствахъ и во всѣхъ доволь-
17. ствахъ. Нынѣ же отцу Авелю дано пребывать во всѣхъ странахъ и во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ селахъ и во всѣхъ городахъ, во всѣхъ столицахъ и во всѣхъ пространствахъ, во всѣхъ
18. пустыняхъ и во всѣхъ монастыряхъ, во всѣхъ темныхъ лѣсахъ, и во всѣхъ дальныхъ земляхъ; ей тако и дѣйствительно: а умъ его нынѣ находится и разумъ—во всѣхъ твердяхъ ..... во

19. всѣхъ звѣздахъ и во всѣхъ высотахъ, во всѣхъ царствахъ и во
всѣхъ государствахъ .. .. въ нихъ ликуя и царствуя, въ
20. нихъ господствуя и владычествуя. Сіе вѣрное слово и дѣйствительное. Посему-жъ и выше сего, духъ Дадамей и плоть его Адамія родится существомъ .... И будетъ тако
21. всегда и непрестанно и тому не будетъ конца, ей тако. Аминь.

Прочитывая жизнеописаніе Авеля, нельзя не замѣтить, что, какъ въ этомъ жизнеописаніи, такъ и въ приведенномъ въ началѣ настоящей статьи разсказѣ А. П. Ермолова, монахъ Авель является въ качествѣ предсказателя смерти Екатерины II и императора Павла разница только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Затѣмъ, что касается до другихъ обстоятельствъ жизни Авеля, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ обратить вниманіе на написанное Авелемъ „житіе" какого-то отца Дадамія, о которомъ упоминается и въ самой біографіи Авеля. Объ этомъ Дадаміи весьма подробно разсказывается, что „онъ находится во всѣхъ твердяхъ и во всѣхъ небесахъ, во всѣхъ звѣздахъ и во всѣхъ высотахъ, въ самомъ существѣ въ нихъ ликуя и царствуя, въ нихъ господствуя и владычествуя и проч." По человѣчеству, всей жизни назначено Дадамію 83 года и 4 мѣсяца (т. е. столько, сколько и Авелю); послѣ этого онъ „воцарится на тысячу годовъ", и будетъ тогда „по всей земли стадо едино и пастырь въ нихъ единъ, потомъ мертвые воскреснутъ" и т. д.; Дадамій посѣтилъ невѣдомые міры и т. д., и т. д. повторены тѣже фантастическія сказанія объ отцѣ Дадаміи, которыя мы встрѣчаемъ и въ житіи Авеля. Поэтому можно, кажется, сказать, что Дадамій и Авель въ сущности одно лицо; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что одно изъ писемъ Авеля къ графинѣ П. А. Потемкиной озаглавлено такимъ образомъ:

„Ея сіятельству Прасковьѣ Андреевнѣ, всемилостивѣйшей моей благодѣтельницѣ и сущей благотворительницѣ, отъ монаха отца Авеля и отъ отца Дадамія".

Все это приводитъ къ тому вѣроятному предположенію, что „житіе" Авеля было написано имъ самимъ, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ близкихъ почитателей Авеля, хорошо знакомымъ съ собственными сочиненіями послѣдняго, въ числѣ которыхъ было и „житіе Дадамія".

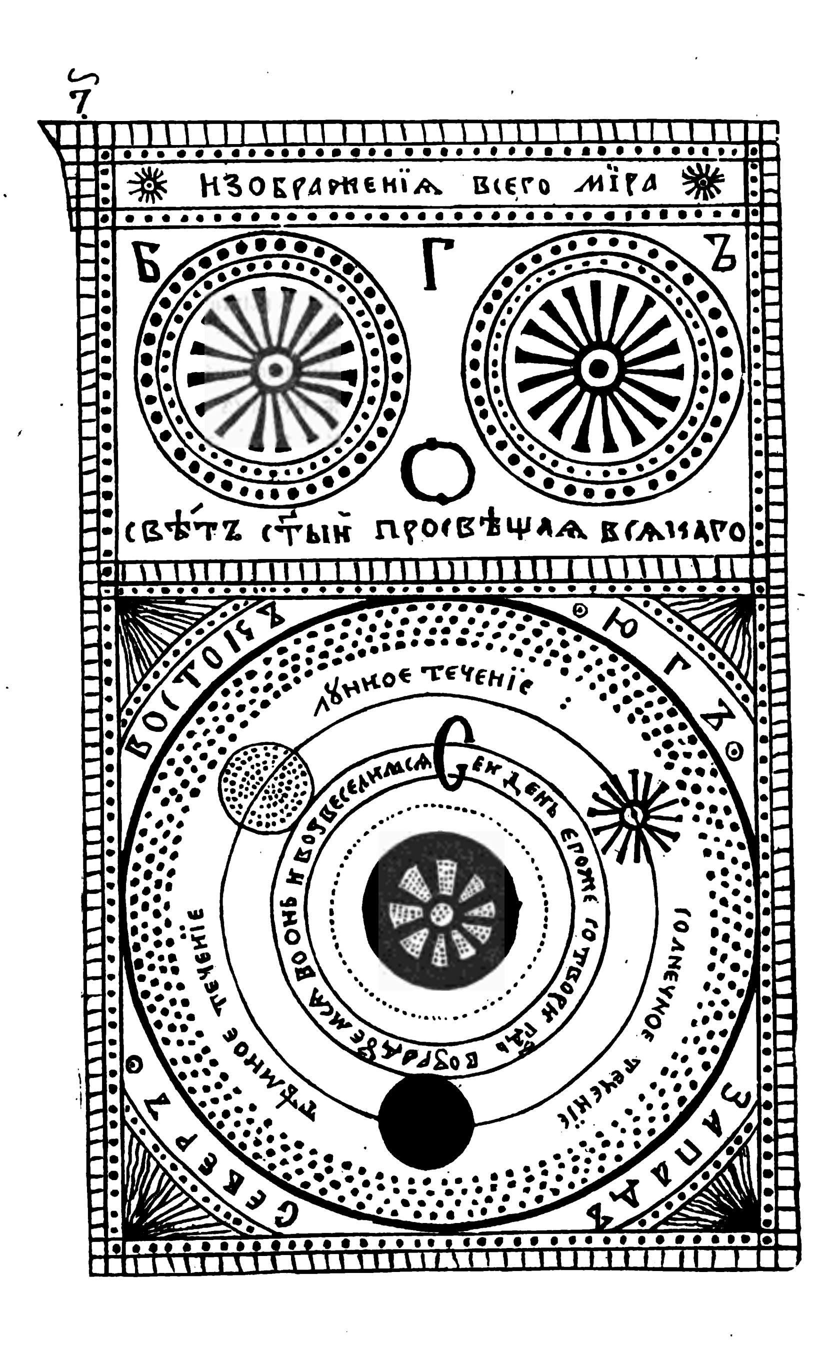
Изъ другихъ мистическо-литературныхъ произведеній отца Авеля не лишено интереса сочиненіе его „Книга бытія". Здѣсь высказываются такія понятія о твореніи міра и человѣка, какія встрѣчаются въ апокрифахъ, или въ легендахъ и духовныхъ стихахъ нашего на-

рода, изъ которыхъ весьма многія уже изданы, и которыя заключаютъ въ себѣ смѣсь библейскихъ сказаній съ вымышленными. Вотъ, напримѣръ, какъ повѣствуетъ Авель о сотвореніи міра и человѣка. „Въ началѣ сотворены тверди и тверди, міры и міры, державы и державы, царствы и государствы,[1]) а потомъ и протчая вся: и творяша тако и размышляша девять годовъ сущихъ и два-десять и единъ духовныхъ. Въ сущихъ годахъ вся размысли и вся расположи, а въ духовныхъ вся сотвори и вся утверди, и всему положи мѣру и границу и всему исчисленіе. Потомъ сотвори человѣка и человѣка и выша человѣка и выша во всякомъ мірѣ человѣка; и число всѣхъ сотворенныхъ человѣкъ, елико есть число всѣхъ мировъ: сотвори Богъчеловѣка по образу своему и по подобію. Сотвори ихъ мужа и жену, имя имъ положи: гогъ и магогъ, Адамъ и Ева; гогъ и Адамъ мужъ есть: а магогъ и Ева жена его; гогъ и магогъ прежде сотворенъ: а потомъ Адамъ и Ева сотворены. Гогъ и магогъ и сѣмя ихъ до Адама жили на земли три тысящи и шесть сотъ годовъ; гогова земля и всего рода его вся старая Америка и вся новая Америка. Адамова земля и всего

---

[1]) Все это, равно какъ и высшія силы изображаются въ тетрадкахъ Авеля разными символическими кругами и фигурами, къ коимъ приложено «толкованіе». Далѣе (428 и 429 стр.) мы печатаемъ какъ образчикъ двѣ таблицы изъ одной «зѣло престрашной книжки» Авеля, какъ отзывался онъ о своихъ трудахъ. Вся тетрадка въ малую восьмушку, 64 страницы; въ ней одна треть занята разными таблицами и символическими знаками сдѣланными перомъ отъ руки, довольно тщательно. Текстъ «толкованій» и проч. мистическихъ неудобопонятныхъ измышленій, писанъ славянскимъ полу-уставомъ. Мы печатаемъ два чертежа Авеля, а вотъ и «краткое толкованіе» изъ той же «книжки»: «на сей страницѣ изображенъ весь сей видимый міръ и въ немъ изображена тьма и земля, луна и солнце, звѣзды и всѣ звѣзды, и всѣ тверди, и прочая таковая, и проч. Сей міръ величествомъ тридцать милліонъ стадей, окружностію девяносто милліонъ стадей; земля въ немъ величествомъ со всею третію твердь; солнце—со всю вторую твердь; луна—со всю первую твердь, тьма—со всю мѣту. Земля сотворена изъ дебелыхъ вещей и въ ней и на ней—воды и лѣса и протчія вещи и вещество. Солнце сотворено изъ самаго сущаго существа. Такожде и звѣзды сотворены изъ чистаго самаго существа, воздухомъ не окружаемы; величина звѣздамъ не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены изъ воздуха, тьма вся темная, а луна одинъ бокъ темный, а другой—свѣтлый и проч. таковая».

Дѣйствительно далѣе идетъ все въ этомъ же родѣ. Несомнѣнно, что эта книжка, одна изъ тѣхъ, которыя, по выраженію Костромскаго владыки въ 1796 г., писаны Авелемъ «подъ смертною казнію» и за которую довелось ему посидѣть и въ Соловецкой тюрьмѣ и въ казаматѣ Петропавловской крѣпости. Въ «книжкѣ», между другими таблицами, есть таблица «Планетъ человѣческой жизни», «Годы отъ Гага», «Годы отъ Адама», «времена всей жизни», «рай радости, рай сладости» и т. п. Ред.


7
ИЗОБРАЖЕНІА ВСЕГО МІРА
Б Г Ъ
СВѢТЪ СТЫЙ ПРОСВѢЩАА ВСЯКАГО
ВОСТОКЪ
ЮГЪ
ЗАПАДЪ
СЕВЕРЪ
ЛУННОЕ ТЕЧЕНІЕ
СОЛНЕЧНОЕ ТЕЧЕНІЕ
ТЕМНОЕ ТЕЧЕНІЕ
СЕЙ ДЕНЬ ЕГОЖЕ СОТВОРИ ГДЬ ВОЗРАДУЕМСЯ ВО ОНЬ И ВОЗВЕСЕЛИМСЯ

Д҃

Ѿзнованіе кругъ луне

Г Д Ь

С

человѣка грядущаго въ миръ

кругъ со солнца

луне кругъ

рода его вся Азія и вся Европа и вся Африка—сія убо земля; три тысящи и шесть сотъ годовъ не было на ней человѣка, акромѣ скотовъ и звѣрей; и вся была зараствиши травами и лѣсами, и протчими вещами. Егда-жъ сотворенъ Адамъ и жена его Ева, и родились отъ нихъ сыны и дщери и отъ сыновъ сыны: жизни имъ всей положено осмь тысящъ и четыре ста годовъ; а самъ Адамъ и Ева жилъ на земли девять сотъ и тридесять и одинъ годъ; дѣтей всѣхъ было у нихъ .сто и два десять и два сына; сто и двадесять и двѣ дщери. И вси пришли въ полное совершенство, сія суть адамовы дѣти и отъ дѣтей дѣти, и жизни имъ отъ Бога положено, какъ выше сказано, осмь тысящъ и четыреста годовъ; а гогу и магогу и всему роду ихъ всей жизни положено двѣнадцать тысящъ годовъ. Самъ гогъ и магогъ жилъ на земли всѣхъ лѣтъ живота своего четыреста и два года и четыре мѣсяца, потомъ умре и погребенъ бысть. Дѣтей всѣхъ было у нихъ сто и двадесять и два, полъ мужескъ и полъ женскъ; и жили они на земли всей жизни, какъ выше сказано, двѣнадцать тысящъ годовъ: житіе ихъ простое, на подобіе скотовъ и звѣрей. Законъ имъ данъ естественный, вся творяху по совѣсти: но токмо сей родъ просвѣтятся при концѣ вѣка вѣрою и благочестіемъ. Потомъ же весь родъ годовъ и весь родъ адамовъ скончаются. А востанутъ другіе вѣки и другіе роды, и будутъ тако жить всегда и непрестанно, и тому не будетъ конца, ей тако. Аминь.“

Всѣ указанныя и имъ подобныя „книжки“ отецъ Авель писалъ, вѣроятно, для тѣхъ лицъ, которыя интересовались его мистическими толкованіями и пророчествами. Изъ разсказа А. П. Ермолова видно, что Авель обѣдалъ у костромскаго губернатора;—по словамъ біографіи Авеля, онъ принятъ и обласканъ въ Петербургѣ княземъ А. Н. Голицынымъ, былъ знакомъ и велъ переписку съ графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденная Закревская (р. 1763 † 1816 г.) [1]) и т. д. Поэтому съ вѣроятностію можно сказать, что лица, которымъ предназначались писанія Авеля, принадлежали къ высшему обществу; по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно по отношенію къ гр. Потемкиной. Изъ-подъ Курска, во время пребыванія у нѣкоего „господина Никанора Ивановича Переверзева“, Авель пишетъ графинѣ, что онъ сочинилъ для нее нѣсколько книгъ, которыя и обѣщается выслать въ скоромъ времени; „оныхъ книгъ со мною нѣту, — объясняетъ

[1]) Съ Прасковьей Андреевной Потемкиной мы встрѣтимся еще въ другой статьѣ, но увидимъ ее въ эпоху блестящей красоты, влюбившую въ себя великолѣпнаго «князя Тавриды», словомъ, когда она еще не водилась съ пустосветами и не слушала и не зачитывалась «книжками» подвижниковъ, подобныхъ Авелю. Ред.

Авель,—а хранятся въ сокровенномъ мѣстѣ; оныя мои книги удивительныя и преудивительныя, тѣ мои книги достойны удивленія и ужаса, и читать ихъ токмо тѣмъ, кто уповаетъ на Господа Бога и на пресвятую Божію Матерь. Но только читать ихъ (должно) съ великимъ разумѣніемъ и съ великимъ понятіемъ". Впрочемъ, онъ обѣщается помочь графинѣ въ уразумѣніи таинственныхъ его книгъ при личномъ съ нею свиданіи. Видно также, что гр. П. А. Потемкина интересовалась и предсказаніями Авеля, который, по этому случаю, въ одномъ письмѣ говоритъ: „Я отъ васъ получилъ недавно два письма и пишите вы въ нихъ: сказать вамъ отъ пророчества то и то. Знаете-ли что я вамъ скажу: мнѣ запрещено пророчествовать именнымъ указомъ. Такъ сказано: ежели монахъ Авель станетъ пророчествовать въ слухъ людямъ, или кому писать на хартіяхъ, то брать тѣхъ людей подъ секретъ и самого монаха Авеля и держать ихъ въ тюрьмахъ или въ острогахъ подъ крѣпкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство,—въ тюрьмахъ-ли лутче быть или на воли, размысли убо. Я согласился нынѣ лутче ничево не знать, да быть на воли, а нежели знать, да быть въ тюрьмахъ и подъ неволію. Писано есть: будите мудры яко змія и чисты яко голуби; то есть буди мудръ, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну и протчая таковая и проч.; видится вотъ мы до чего дошли съ своею премудростію и съ своимъ разумомъ. Итакъ я нынѣ положился лутче ничего не знать, хотя и знать, да молчать".

Слѣдуетъ упомянуть еще, что во всѣхъ почти письмахъ отца Авеля къ гр. Потемкиной встрѣчаются мистическія разсужденія; кромѣ того, въ одномъ сполна приведена молитва „Отче нашъ", въ другомъ выписаны разныя нравоученія изъ евангелія, въ третьемъ приведена молитва собственнаго сочиненія Авеля и т. п.

Но, кромѣ всего этого, въ разсматриваемыхъ письмахъ затрогиваются и другіе предметы, отличающіеся уже чисто житейскимъ характеромъ. Разставшись съ графинею въ Петербургѣ, отецъ Авель отправился на ея суконную фабрику въ Глушково (недалеко отъ Москвы). Проживши здѣсь два мѣсяца, онъ „обшелъ, и вся видѣлъ, и всѣхъ начальниковъ познал". Отецъ Авель нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, только жалованья управляющему, его помощнику и нѣкоторымъ изъ мастеровъ положено было, по его мнѣнію, мало,—почему онъ и просилъ графиню, жалованье этимъ лицамъ увеличить, особенно же управляющему фабрики В. Ковалеву. Ходатайствуя передъ графиней за фабричныхъ, Авель просилъ еще денежныхъ подаяній для монашествующей братіи, а кстати и для себя. Надобно

замѣтить, что въ это время онъ собирался совершить путешествіе въ Царьградъ, въ Іерусалимъ и на Аѳонскую гору. Собирался отецъ Авель цѣлыхъ два года, и все-таки не уѣхалъ. Между тѣмъ, такое дальнее путешествіе требовало значительныхъ денежныхъ средствъ, особыхъ лошадей и повозки, хорошаго сукна и проч. Всѣмъ этимъ управляющій Ковалевъ, по приказанію графини, снабжалъ Авеля. По пріѣздѣ на фабрику, послѣдній писалъ Потемкиной: „Въ вашемъ письмѣ написано: дать мнѣ триста рублей на мою нужду, и еще двѣсти рублей—іерусалимскимъ монахамъ, и я вся сія получилъ, покорнѣйше благодарю за ваше такое великое благодѣяніе. А тѣ деньги, которыя вы дали мнѣ въ Петербурхе, такожде двѣсти рублей тѣмъ же іерусалимскимъ монахамъ, но они уже посланы въ прошломъ году вместѣ съ воздухами: еще-жъ я выпрашалъ у вашего управителя шлеискаго сукна на рясу и на подрясникъ двѣнадцать аршинъ, которое сукно цѣною онъ мнѣ сказавалъ по семи рублей аршинъ, и за вся данная мнѣ воздастъ вамъ Господь Богъ, что онъ самъ восхощетъ. При семъ же стоялъ я въ самую Троицу литургію и вечерню въ новой вашей церкви, а на вечерню и всенощную въ старой церкви". Чрезъ нѣсколько времени Авель опять пишетъ: „Вы пишете въ своемъ письмѣ ко мнѣ: я писала къ моему управителю, что какъ отецъ Авель возворотитца и будетъ на моей фабрикѣ, то что вамъ будетъ угодно взять изъ рукодѣлія и возмите, а управитель мой онымъ бы вамъ служилъ, и еще триста рублей денегъ вамъ дать на ваши надобности и протчая таковая пишите. Но токмо съ тѣмъ вы пишете дать сіи триста рублей денегъ и сукна, что мнѣ угодно, когда я возвращуся изъ Ерусалима; однако покорно я васъ прошу, Прасковія Андреевна, сіи деньги нынѣ мнѣ (дать) на дорогу; понеже путь дальный, а денегъ у меня мало, и напишите о семъ управителю своему, чтобы онъ отдалъ сіи деньги триста рублей нынѣ. И я буду ихъ ждать въ курскихъ предѣлахъ. Еще жъ я васъ прошу Прасковія Андреевна, всемилостивѣйшая моя благодѣтельница, напиши къ своему управителю Василію Ковалеву, чтобы онъ мнѣ купилъ или нѣтъ-ли своихъ одну лошадь и повоску. Какъ не больши лошадь и повоска ста рублей, понеже ежели у меня лошадь и повоска своя, то я воленъ куды нибудь заѣхать, ибо многіе господа желаютъ меня видѣть. А я пѣшій не могу ходить, понеже много вещей надавали мнѣ, при томъ же уже и старъ и ноги болятъ; и дастъ вамъ за сіе Господь многое и множество, сторицею больше и въ тысячу кратъ. А когда я возвращуся изъ Ерусалима, и пріѣду на вашу фабрику, то вы прикажите, при Божіей помощи и во славу св. Троицы, еще дать сто рублей на мою потребу и сто рублей на нищую братію. И еще

прикажите управителю своему дать мнѣ сукна, котораго самаго лутчаго мнѣ на ряску и на подрясникъ. Въ томъ же числѣ на панталоны и на жилетъ, какъ не больше пятнадцать аршинъ". Вскорѣ послѣ этого Авель извѣщаетъ свою благодѣтельницу, что получилъ отъ нея деньги: пять сотъ „на свою нужду" и пять сотъ „монахамъ," послѣдніе онъ обѣщается роздать „гдѣ Господь повелитъ и Пресвятая Божія Матерь".

Отецъ Авель принималъ участіе и въ семейныхъ дѣлахъ графини Прасковьи Андреевны Потемкиной. Сынъ графини, Сергѣй Павловичъ, какъ видно, не особенно почиталъ свою матушку; вслѣдствіе этого у нихъ возникло дѣло объ опекѣ надъ фабрикой. Сначала отецъ Авель старался помирить ихъ и съ этого цѣлію писалъ графинѣ: „Я вамъ хощу предложить пунктъ самый важной; вы пишите въ своихъ письмахъ такимъ образомъ: государя дома нѣтъ, какъ мое дѣло рѣшится, въ мою-ли пользу или не въ мою. Ежели послушаешь меня, то въ твою пользу дѣло рѣшится. Я тебѣ совѣтую, при помощи Божіей, безо всякаго сумнѣнія помириться съ сыномъ своимъ; какъ можно сія старайся, то и будетъ вамъ во всемъ благо и во всемъ щастіе, и опекунства не будетъ. Буди къ нему чадолюбива и во всякой любви, и призывай его къ себѣ, лобзай его и ласкай со всякою простотою". Но когда гр. С. П. Потемкинъ не дружелюбно сталъ обращаться съ отцемъ Авелемъ, то послѣдній, въ свою очередь, сталъ отзываться о немъ передъ матерью крайне не лестно; о примиреніи матери съ сыномъ нѣтъ уже и рѣчи. Письмо, въ которомъ высказалъ Авель свои мысли относительно молодого графа, представляется наиболѣе характернымъ; поэтому мы приводимъ его здѣсь почти вполнѣ. [1]) „Богъ Господь явися намъ благословенный грядетъ и кто стерпитъ гнѣвъ его. Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое его. Послушайте ваше графское сіятельство Прасковія Андреевна, что я вамъ хощу написать объ вашемъ сынѣ, какой онъ есть житіемъ лживый и неправедный и едва въ немъ есть часть добрыхъ дѣлъ... Я, ваше графское сіятельство Прасковья Андреевна, совѣтовалъ тебѣ помириться съ сыномъ твоимъ и дать ему родительское благословеніе; но онъ нынѣ оказался ложный и лстивый, неправедный и непослушливый. Вы писали мнѣ, что сынъ вашъ гордъ и щеславенъ, тако и дѣйствительно есть; при томъ-же онъ еще нерадивъ и непослушливъ и житіемъ развратенъ, и я его нынѣ на-

---

[1]) По времени, письмо это относится къ 30-му іюля 1816 г., т. е. оно послѣднее изъ всей имѣющейся у насъ переписки отца Авеля съ Потемкиной; въ томъ же, 1816 г., графиня Прасковья Андреевна скончалась. Ред.

шолъ хвальшивая монета, а не истовая, и онъ, я думаю, товарищъ развратникамъ и причастникъ самыхъ распутныхъ людей и протчая таковая и протчая. Во-первыхъ, обѣщался (онъ) на фабрикѣ отдать мнѣ долгъ свой двѣ тысячи и триста и шестдесятъ рублей, но то не исполнилъ, а солгалъ, а всякая ложь происходитъ отъ сатаны и отъ діавола, и нѣсть въ томъ свѣта, а тьма, и прелесть и лесть, ибо одолжился мнѣ онъ оными деньгами въ Москвѣ и далъ мнѣ своеручное письмо къ Василью Федорову Ковалеву, чтобы ему отдать мнѣ тѣ деньги; но сынъ твой, когда мы съ нимъ пріѣхали на фабрику и взялъ у меня опять свое письмо и сказалъ мнѣ: я тебѣ, отецъ Авель, самъ отдамъ деньги, и тако лстилъ мнѣ три седьмицы, съ тѣмъ тако и остался, не взялъ я съ него деньги; но прошу покорно васъ, Прасковья Андреевна, напишите Ковалеву, чтобы онъ мнѣ деньги тѣ двѣ тысящи и триста и шесдесятъ рублей прислалъ гдѣ я буду въ Россіи, и егда я ихъ получу, тогда къ вамъ и поѣду и вся вамъ тайная и сокровенная возвѣщу. Второе, сынъ твой въ Москвѣ со мною обращался какъ братъ родной и какъ ангелъ Божій, а нынѣ я вижу его со мною обращается какъ чужеземецъ и какъ самый противникъ. Сіе дѣло таковое вышло отъ того, что ты ему не позволила жениться;[1]) я ему сказалъ не малое число божественныхъ таинъ и открылъ ему глубину премудрости и онъ вся сія ни во что вмѣнилъ, но сѣмя моя благое не дала плода въ сердцѣ его, понеже камень сухъ влаги не имѣя; еще-жъ я ему сказалъ: судъ Божій при дверяхъ и пришествіе Господне уже близь есть, бдите и молитеся да не внидите въ напасть, тогда скажетъ Господь всѣмъ лживымъ: я не вѣмъ васъ, идите отъ мене, всякъ лстивый и ложный нѣсть отъ Бога и память ихъ потребится отъ земли; а впротчемъ я всѣмъ желаю спасеніе и божественнаго благословенія. Третіе, когда я жилъ въ Москвѣ и часто хаживалъ къ сыну вашему и видѣлъ я у него стоятъ всегда нанятые дрошки и карета для гордости и щесланія, платилъ имъ за то каждый день дватцать пять рублей, хотя куды ѣздитъ или не ѣздитъ, а всегда платитъ имъ каждый день двадцать пять рублей! на что больше этого гордости и щеславія! И такъ которые ты ему повелѣла взять деньги съ фабрики пятнатцать тысящъ рублей и онъ ихъ всѣ проводилъ въ Москвѣ, которые вытребовалъ и съ фабрики, которые отдалъ въ коренной ярморкѣ, а мнѣ и не выплатилъ свой долгъ. Егдажъ мы пріѣхали на фабрику и пришло ко мнѣ твое письмо, написано въ ней по

---

[1]) Графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ женился впослѣдствіи на княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ Трубецкой. Ред.

моей прозбѣ, вы ему положили каждый годъ давать по пятнатцати тысящъ рублей, и я ему про это сказалъ, и онъ мнѣ на то отвѣщалъ, отъ своей гордости такъ сказалъ: я ей буду давать по пятнадцати тысящъ рублей, когда буду я опекуномъ, и еще сказалъ, мнѣ надо ей положить по шестидесяти тысящъ. Сіе слово замѣчательно, онъ хощетъ, чтобы сдѣлали его опекуномъ надо всею фабрикою и даритъ дарами всѣхъ фабричныхъ властей, чтобы его одобряли во опекуны; не дай Господи такому быть опекуномъ, сей опекупъ разоритель, а не попечитель, спаси Господи и помилуй отъ сего опекуна! Впротчемъ же писать больше нечего, а когда я самъ къ вамъ пріѣду, тогда вся подробну вся вамъ скажу. И сіе писмо, милостивая моя государыня Прасковья Андревна, чтобы только вы знали и я. Спаси Господи рабу свою Прасковію тутъ же и меня съ нею и всѣхъ православныхъ вѣрующихъ во святую церковь твою и вся христіаны, тако буди и буди".

(Изъ бумагъ графини Потемкиной).

ИСТОРІЯ РОССІИ

подъ цензурою Александра Ивановича Красовскаго.

1836 г.

Въ 1836 году напечатана въ Венеціи „Сокращенная Россійская Исторія“ на армянскомъ языкѣ. Одинъ экземпляръ этой книги привезенъ былъ изъ-за границы жителемъ города Шуши Хачетуровымъ. „Сія исторія россійскаго государства,—такъ отозвался объ ней чиновникъ, которому было поручено ее перевести для цензурнаго просмотра,—объемлетъ время отъ Рюрика до 1830 года. Въ ней представлены въ рѣзкихъ чертахъ великіе перевороты, совершившіеся въ Россіи, пороки и добродѣтели мужей, правившихъ ея судьбою, еще въ ея младенчествѣ, и подвиги благодѣтельныхъ монарховъ, призвавшихъ ее къ гражданственности; въ отношеніи же ясности изложенія и красоты слога сія исторія можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями сего рода“.

При Александрѣ Ивановичѣ Красовскомъ, во дни его предсѣдательства въ комитетѣ иностранной цензуры, сія сокращенная россійская исторія, на армянскомъ языкѣ, поступила на просмотръ къ нему и въ ней найдены нѣкоторыя мѣста рѣзкими, а потому вся книга была безусловно запрещена цензурою.

Вотъ мѣста, подавшія поводъ достопамятному А. И. Красовскому запретить армянскую исторію Россіи:

Александръ Михайловичъ Тверской.

„Послѣ него остались три сына и двѣ дочери: Марія и Юлія. Отъ Юліи, вступившей въ супружество съ шведскимъ королемъ, происходитъ династія россійскихъ императоровъ Петра III и проч.“.

Царь Алексѣй Михайловичъ.

„Разсказываютъ о двухъ слѣдующихъ любопытныхъ случаяхъ, бывшихъ въ Москвѣ, и доказывающихъ простоту тогдашнихъ нравовъ русскихъ“:

а) „Однажды царь Алексѣй, будучи боленъ, обѣщалъ большія награды тому изъ своихъ медиковъ или изъ частныхъ лицъ, кто вылечитъ его. Искуства и старанія врачей остались безплодными. Но жена одного вельможи, недовольная свирѣпымъ нравомъ мужа своего, донесла Ильѣ, тестю царя, что мужъ ея знаетъ цѣлебное для царя лекарство, но не хочетъ открыть его. Вельможа, призванный къ Ильѣ, изумляется вопросу о таинственномъ лекарствѣ и, по упорномъ отрицаніи приписываемаго ему знанія, наказывается тѣлесно и заключается въ тюрьму, гдѣ, узнавъ о зломъ дѣйствіи жены своей, клянется, по освобожденіи, отмстить ей. Царь, извѣщенный о его поступкѣ, велитъ высѣчь вторично скрывателя лекарства, какъ врага особы царской".

Напрасно заключенный увѣряетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія ни о медицинѣ, ни о фармаціи; ему не внемлютъ. Наконецъ, лишенный надежды на оправданіе противъ возведенной на него клеветы и предвидя неминуемую смерть, ожидающую его подъ розгами, рѣшается на хитрость и объявляетъ: „Точно, я зналъ одно лекарство, но, не будучи увѣренъ въ его спасительномъ дѣйствіи, не смѣлъ предложить: дайте мнѣ пятнадцать дней времени, я составлю его".

„Получивъ свободу, онъ отправляется къ берегамъ Оки, изъ собранныхъ тамъ благовонныхъ травъ дѣлаетъ ванну для царя, котораго случайное отъ того выздоровленіе еще болѣе убѣждаетъ всѣхъ, что означенный мужъ дѣйствительно зналъ лекарство, но, по недоброжелательству, скрывалъ его: за что царь велитъ высѣчь его больнѣе перваго и втораго раза; а потомъ, пожаловавъ ему въ награду деньги и десять рабовъ, приказываетъ возвратиться къ себѣ домой и отнюдь не негодовать на жену свою".

б) „Казначей герцога Литовскаго, родомъ Полякъ, находившійся во дворцѣ Алексѣя въ числѣ прочихъ военноплѣнныхъ, чувствуя себя нездоровымъ, проситъ врача. Царь посылаетъ къ нему одного итальянскаго медика, который, разспросивъ больнаго, совѣтуетъ ему принять Креморъ-Тартаръ. Русскій офицеръ, бывшій при этомъ разговорѣ, беретъ названіе лекарства за Крымскихъ Татаръ, непріязненныхъ тогда къ Русскимъ, и доноситъ о томъ Ильѣ, который, зная дружескія сношенія Поляковъ съ Крымскими Татарами, предполагаетъ, со всею вѣроятностію, что докторъ вмѣстѣ съ больнымъ замышляютъ противъ русскаго государства. Онъ призываетъ къ себѣ доктора, упрекаетъ его, какъ предателя, и, въ порывѣ гнѣва, восклицаетъ: „Скажи, что̀ ты говорилъ съ больнымъ о Крымскихъ Татарахъ, непріятеляхъ Русскихъ?" Изумленный врачъ, вспомнивъ о лекарствѣ Креморъ-Тартаръ, открываетъ грубую ошибку офицера, и тѣмъ

спасается отъ предстоявшаго ему великаго наказанія. За этимъ запрещается ему пользовать впередъ чужестранцевъ". (Стр. 211—212).

Петръ Великій.

„Петръ Великій, во время пребыванія своего въ Парижѣ, навѣстивъ общество Сорбонскихъ богослововъ, предложилъ имъ изыскать средства къ соединенію русской церкви съ римской". (Стр. 266).

„Говорятъ, что царевичъ Алексѣй, по прочтеніи ему смертнаго приговора, упалъ въ обморокъ и, вскорѣ послѣ того, умеръ отъ удара. Одни сказываютъ, что, будто бы, Петръ своеручно отсѣкъ сыну своему голову; другіе, что эта казнь совершена постороннимъ лицомъ, а по словамъ третьихъ, Алексѣй умеръ отъ яду. Извѣстно, однакожъ, что Петръ Первый сдѣлалъ ему великолѣпное погребеніе и потомъ приступилъ къ наказанію многихъ соумышленниковъ Алексѣя. Велѣлъ: казнить Авраама Лопухина, брата Евдокіи, матери Алексѣя; Александра Кикина; епископа Ростовскаго; Пустыннаго, оберъ-священника Евдокіи; — повѣсить: военачальника Глѣбова, приверженца Евдокіи, и отсѣчь вокругъ висѣлицы головы пятидесяти пяти священниковъ и монаховъ, соучастниковъ Алексѣя. Сверхъ того нѣкоторые были по этому же примѣру казнены, а другіе сосланы въ заточеніе. Евдокія же, по высѣченіи ея розгами, чрезъ посредство двухъ довѣренныхъ лицъ, заключена въ монастырь въ Новой Ладогѣ". (Стр. 272).

„Однакоже угрызеніе совѣсти не замедлило тревожить его. Смерть Петра, сына отъ Екатерины, соединясь съ воспоминаніемъ о смерти Алексѣя, сына первороднаго, потрясли крѣпость его духа: онъ рѣшился умереть голодною смертію и, запершись въ комнату, запретилъ входъ къ себѣ подъ смертною казнью. Но Долгорукій, мужъ доблестный, не взирая на это, приходитъ, стучится въ двери. Царь грознымъ голосомъ кричитъ ему: „отсѣку тебѣ голову, если отважишься показаться мнѣ!" и проч., и проч. (Стр. 273).

„Послѣ этихъ событій настали для Петра Великаго дни скорби. Чрезмѣрные труды, которымъ онъ предавался съ самаго начала своего царствованія, разстроили физическія его силы: кончина Петра, сына его, еще болѣе усугубили тѣлесные его недуги, онъ охладѣлъ и къ супругѣ своей".

Въ присовокупленномъ къ этой исторіи статистико-топографическомъ взглядѣ на Россію, въ которомъ разсматривается Россія въ отношеніи физическомъ, политическомъ, нравственномъ, ученомъ и комерческомъ, въ статьѣ

Вѣроисповѣданіе.

„Сорбонскіе богословы, главою которыхъ былъ знаменитый Людовикъ Албертъ, по изъявленіи Петромъ Великимъ въ Парижѣ желанія—соединить Россійскую церковь съ Римскою, представили ему исповѣданіе св. римской церкви, съ подробнымъ изъясненіемъ главныхъ догматовъ вѣры, съ которыми соглашаются и сами Русскіе, смягчая при томъ и вопросъ о происхожденіи Св. Духа и духовной власти іерарха римскаго. Предложеніе ихъ весьма понравилось Петру Великому и онъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, передалъ оное своимъ епископамъ на разсмотрѣніе, требуя ихъ мнѣнія".

„Епископы, подъ предлогомъ встрѣчаемыхъ ими многихъ затрудненій, дотолѣ замедлили отзывомъ своимъ, пока военныя приготовленія противъ Шведовъ и Персіянъ совершенно озаботили Петра Великаго, а потомъ архіепископъ рязанскій и митрополитъ Ѳеофанъ, любимецъ Петра, отзывомъ, писаннымъ въ духѣ лютеранизма, противъ православной римской вѣры, положили преграду этому дѣлу".

„Впослѣдствіи времени папа Бенедиктъ XIV, писалъ по этому предмету къ императрицѣ Елисаветѣ, но она отвѣчала, что русская церковь не можетъ ничего предпринять безъ одобренія патріарховъ восточныхъ. За этимъ вопросъ о соединеніи церквей былъ оставленъ навсегда".

Изъ царствованія Александра I и Николая I сія исторія довольствуется однимъ только описаніемъ нѣкоторыхъ доблестей этихъ государей.

(Изъ бумагъ А. И. Рыжова).

Псаломъ и пѣсня о Севастополѣ.

I.

Въ 1871 году въ Вильнѣ было напечатано стихотвореніе—священника Дорошкевича, одно изъ лучшихъ, какое намъ случилось читать по поводу геройской обороны Севастополя. Такъ какъ стихи эти прошли почти незамѣченными, то почтенный авторъ вѣроятно не посѣтуетъ, если мы перепечатаемъ нѣсколько строфъ его произведенія на страницы „Русской Старины“. Ред.

Возставъ отъ сна, идя ко сну,
Въ молитвѣ, сердцемъ умиленный,
Что — день тебя воспомяну,
Многострадалецъ нашъ священный!

Десница, ты забвенна будь,
Забвенъ будь весь составъ мой бренный,
Когда забуду вспомянуть
Тебя, на-вѣки незабвенный!

Изъ ада молній и громовъ,
Изъ пещи, триста кратъ разженной,
Гдѣ пали тысячи бойцовъ,
Богохранимо изведенный, —

Я, какъ съумѣю, пропою,
Въ походъ готовясь замогильный, —
Пѣснь лебединую мою,
Тебѣ на славу, витязь сильный!

Изъ ничего родясь, ты взросъ,
Огнемъ и жупеломъ крещенный;
Младенецъ въ пеленахъ — колосъ,
Разилъ толпы враговъ надменныхъ!

Возникъ изъ праха, а стоялъ
Скалой-грозой неодолимой;
Что часъ горѣлъ и не сгаралъ,
Нашъ адамантъ несокрушимый!

Сампсона сильнаго сильнѣй,
Средь безпрерывныхъ битвъ кипучихъ,
Ты вынесъ честь Россіи всей,
Одинъ на раменахъ могучихъ!

Что день стригомый, обросталъ
Чрезъ ночь власами новой силы;
Громимый, громы самъ металъ
И супостатамъ рылъ могилы!

Ты не стѣнами охранялъ
Святой залогъ, — его хранили
Грудь богатырская Славянъ,
Отчизна, Царь и Божьи силы!

Героевъ дивныхъ породилъ
Въ своихъ твердыняхъ скороспѣшныхъ;
Европу, міръ весь удивилъ
Величьемъ подвиговъ чудесныхъ!

Многострадальный, изнемогъ
Въ борьбѣ жестокой, безпримѣрной;
Но — великанъ нашъ! — ты не легъ,
Не палъ, какъ Мецъ, Седанъ презрѣнный!

Нѣтъ! древнимъ предкамъ подражая,
Достойный внукъ богатырей,
Ты легъ костьми и, погибая,
Не посрамилъ земли своей!

И сохранятъ бытописанья,
Потомкамъ дальнимъ въ образецъ,
Твои геройскія страданья,
Равно — геройскій твой конецъ!

Грядущій родъ воспомянетъ
Тебя крестомъ, мольбой, — а новый,
Нашъ юный родъ, уже плететъ
Вѣнецъ безсмертія лавровый!

Сообщ. П. В. Шейнъ.

II.

Помѣстивъ проникнутое высокимъ чувствомъ стихотвореніе въ память многострадальнаго героическаго Севастополя, мы едва-ли погрѣшимъ, если позволимъ себѣ привести и шутку-пѣсеньку, сложившуюся еще бокъ-о-бокъ со смертью и разрушеніемъ на бастіонахъ того же Севастополя въ 1855 году: эта пѣсенька извѣстна всей Россіи, облетѣла ее во множествѣ списковъ, да едва-ли ни была-ли уже и напечатана; кто ея авторъ—мы не знаемъ, да это и неважно; но любопытно, что въ ней высказалась прямо народная черта русскаго человѣка — его способность въ самыя тяжкія минуты шутить, смѣяться. Приводимъ пѣсню по списку, весьма обязательно сообщенному извѣстнымъ писателемъ и ученымъ М. И. Венюковымъ. Ред.

Какъ четвертаго числа[1]
Насъ нелегкая несла
Горы обирать!
Горы обирать!
Баронъ Вревскій—генералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ шофе,
Когда подъ шофе:
«Князь возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору:
Не то донесу,
Не то донесу!»[2])
Собирались на совѣты
Всѣ большія эполеты,
Даже плацъ Бекокъ!... (2).
Полицмейстеръ плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что̀ ему сказать!.. (2)
Долго думали-гадали,
Топографы все писали
На большомъ листу!... (2)
Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить!... (2)
Выѣзжали князья-графы,
И за ними топографы
На большой редутъ.... (2)
Князь сказалъ: «ступай, Липранди!»
А Липранди: «нѣтъ-съ атанде,
Молвилъ,—не пойду!... (2)
«Туда умнаго не надо;
«Ты пошли туда Реада,
«А я посмотрю!...» (2)
Глядь Реадъ возьми да съ просту
И повелъ насъ прямо къ мосту
Ну-ка на ура!... (2)
Мартенау умолялъ,
Чтобъ лезертовъ обождалъ:
«Нѣтъ ужъ пусть идутъ!...» (2)
На ура! мы зашумѣли
Да лезерты не поспѣли,
Кто-то перевралъ!... (2)

---

[1]) 4-го августа 1855 г. сраженіе на рѣкѣ Черной.

[2]) Баронъ П. А. Вревскій, бывшій директоръ канцеляріи военнаго министерства, находясь въ Крыму, дѣйствительно побуждалъ князя Горчакова дать рѣшительную битву союзникамъ, атаковавъ ихъ позиціи на югѣ и на востокъ отъ Севастополя. **М. В.**

А Бѣлевцовъ енералъ
Крѣпко знамя потрясалъ:
Вовсе не къ лицу!... (2)
На Ѳедюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки!... (2)
Наше войско небольшое,
А Француза было втрое,
И секурсу тьма!... (2)
Ждали, выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ!... (2)
А тамъ N. N. генералъ
Все акафисты читалъ
Богородицѣ!... (2)
И пришлось намъ отступатъ...
. . . .
Кто туда водилъ!... (2)

Примѣчаніе М. И. „Венюкова. „Въ 1854—1856 гг. я находился въ Академіи Генеральнаго Штаба для слушанія военныхъ наукъ и здѣсь получилъ изъ Крыма, съ театра военныхъ дѣйствій, отъ одного изъ моихъ прежнихъ товарищей по батареѣ, Ив. Вас. Аносова, офицера 14-й артилерійской бригады, списокъ приведенной выше пѣсни. Объ авторѣ этой остроумной шутки-пѣсни Аносовъ мнѣ писалъ, что общій голосъ арміи приписываетъ ее нашему талантливому писателю графу Льву Николаевичу Толстому;[1]) „но ты понимаешь,— писалъ Аносовъ: — что объ этомъ предметѣ говорить съ точностью невозможно, хотя-бы для того, чтобы не надѣлать бѣды Толстому, если сочинитель дѣйствительно онъ“.

„Такъ какъ я передалъ пѣсню или, вѣрнѣе, стихотворную легенду 1855 года, то присоединю отрывокъ одного стихотворенія, изъ эпохи, непосредственно предшествовавшей Севастопольскому погрому. Оно написано почти тѣмъ же народнымъ складомъ и, дѣйствительно, было отголоскомъ многихъ русскихъ думъ весною и лѣтомъ 1854 года. Говорили, что сочинилъ его одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ поэтовъ, другъ Жуковскаго и Пушкина; но я не ручаюсь за это. Сопоставляя эти двѣ пьесы да еще стихи 1853 г. Опочинина:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ..... и пр.

каждый увидитъ, какъ русское народное самосознаніе еще въ 1853—1854 годахъ, склонное къ самообольщенію, начало уже пробуждаться въ 1855 г. Для меня въ этихъ трехъ стихотвореніяхъ цѣлая эпопея

---

[1]) Гр. Л. Н. Толстой, если неошибаюсь, дѣйствительно служилъ въ 14-й бриг.
М. В.

знаменитой борьбы, за которою въ Россіи наступила новая эра—именно освобожденіе крестьянъ, новыхъ судовъ, земскихъ учрежденій и пр.“

Ощетинилась Европа
За побѣду у Синопа
На Святую Русь,
И кричитъ, чтò стало глотки:
«Вотъ теперь-то до красотки
Я ужъ доберусь!»
Англичане и Французы,
Мамелюки, Турки, Друзы
И Венгерскій сбродъ—
Все шумитъ, кричитъ, хлопочетъ,
Ружья чиститъ, сабли точитъ:
Все на Русь идетъ и т. п.

Далѣе рѣчь идетъ о хвастовствѣ союзниковъ побѣдами еще неодержанными. Хвастовство это и относительное положеніе Россіи живописуются слѣдующими стихами:

Прогремѣли, протрубили,
Что-де Турки истребили
Весь россійскій флотъ,
И со славой послѣ бою
Привели въ Стамбулъ съ собою
Русскій пароходъ;
Воронцова въ пухъ разбили
И все войско изрубили
Въ мелкую лапшу,
И въ газетахъ объявили,
Что въ Тифлисѣ посадили
Управлять пашу.
Что-жъ Россія? неужели
Такъ и сгибла въ самомъ дѣлѣ
Отъ лихихъ людей?
Нѣтъ-съ; хвативши удалую:
«За царя и Русь святую!»
Да поѣвши щей;
И сыскавъ въ углу дубину,
Коей въ тяжкую годину
Билъ отецъ волковъ,
Завалилась на печь бокомъ,
И хоть слышитъ издалека
Вой голодныхъ псовъ,
«Ну да, думаетъ, для встрѣчи
Стаи чертовой мнѣ съ печи
Лезть совсѣмъ не складъ,
А прійдутъ когда къ порогу,—
Палкой батькиной дорогу
Укажу назадъ».

Сообщ. М. И. Венюковъ.

ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ СТАРИНЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Предъ нами только что вышедшая книга: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи, издаваемые по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, выпускъ шестой": текстъ къ 18 рисункамъ. (Спб. 1874 г., въ 6. четвертку въ 2 столбца 200 стр.) и при этой книгѣ роскошный, въ большой листъ, альбомъ изъ восемнадцати хромолитографическихъ рисунковъ; въ этотъ альбомъ вошли виды: развалинъ за́мка князей Литовскихъ и Замковой горы въ Вильнѣ, развалинъ Трокскаго за́мка, Лидскій за́мокъ и виленская церковь временъ Ольгерда, Маломожейковская церковь начала XV вѣка въ Лидскомъ уѣздѣ, рисунки надгробныхъ плитъ, церковной утвари, рукописныхъ памятниковъ, матеріаловъ для западно-русской старопечати. Объясненія къ этимъ рисункамъ составлены Членомъ Археографической Комисіи П. А. Гильтебрандтомъ, знатокомъ исторіи и древностей западной Россіи. Кромѣ того, въ этомъ выпускѣ помѣщено окончаніе большой статьи профессора В. Г. Васильевскаго „Очеркъ исторіи города Вильны" (отъ 1610 по 1795 годъ). Въ приложеніи помѣщенъ любопытный перечень произведеній западно-русской старопечати и указатель. Изданіе текста и въ особенности альбома роскошно и изящно. Цѣна (пять рублей) баснословно дешева.

Въ виду драгоцѣннаго подарка, который получаетъ русское общество въ вышедшемъ изданіи и важности его для исторіи и археологіи западной Руси, считаемъ не лишнимъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями изъ исторіи церковно-строительнаго дѣла въ западной Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ обстоятельствами, вызвавшими изданіе этихъ памятниковъ. Свѣдѣнія эти мы отчасти заимствуемъ изъ замѣтокъ, полученныхъ отъ покойнаго В. Р., живо интересовавшагося всѣмъ, что̀ относится до западной окраины нашего отечества.

Послѣ польскаго мятежа 1831 г. императоръ Николай Павловичъ, проѣздомъ, въ 1832 году, по Волынской губерніи былъ пораженъ бѣдностью и разрушеннымъ видомъ православныхъ церквей въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, и тогда же приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ принять мѣры къ поддержанію бѣдствующихъ храмовъ и къ постройкѣ новыхъ въ тѣхъ особенно селеніяхъ, гдѣ находятся благоустроенные костелы. Вслѣдствіе этого помѣщики были обязаны подписками исправить на собственный ихъ счетъ церкви, и о ходѣ этого дѣла министерство доводило до свѣдѣнія государя. Все это, однако, на практикѣ расплодило лишь переписку министерства до колосальныхъ размѣровъ, а въ сущности не привело ни къ какому полезному практическому результату: помѣщики,—поляки и католики,—какъ и надо было ожидать, постоянно и упорно противодѣйствовали устройству православныхъ церквей и дѣлали это отчасти по религіозному и политическому фанатизму, а отчасти по весьма естественному нежеланію употреблять собственныя денежныя средства на такія церкви, которыя имъ чужды по исповѣданію. По возсоединеніи, въ 1839 году, уніатовъ, патронатство, коимъ пользовались помѣщики-католики въ церквахъ уніатскихъ, было упразднено, а съ нимъ прекратилась прежняя, хотя и незначительная, помощь, которую помѣщики оказывали уніатамъ. Съ этого времени православныя церкви, съ бѣдными прихожанами, состоявшими изъ сплошного крестьянскаго, крѣпостного люда, все болѣе и болѣе разрушались. Ни центральная власть, ни синодъ, а тѣмъ менѣе мѣстное епархіальное начальство, не оказывали имъ никакой поддержки со времени возсоединенія.

Такъ шло до 1857 года, несмотря на весьма энергическія представленія бывшаго кіевскаго генералъ-губернатора кн. Васильчикова, который, говоря о небрежности помѣщиковъ-иновѣрцовъ въ устройствѣ православныхъ церквей и безполезности дѣлаемыхъ увѣщаній и побужденій, предлагалъ отнести устройство церквей къ имѣніямъ, а не къ владѣльцамъ. Съ этою цѣлью онъ предлагалъ образовать спеціальный церковно-строительный капиталъ путемъ взиманія особаго поземельнаго сбора. Въ томъ же, 1857 году, одинъ изъ губернаторовъ (Витебскій, Колокольцовъ) подалъ высшей власти докладную записку, въ которой самыми мрачными красками описалъ положеніе православныхъ церквей и бытъ духовенства и прихожанъ въ своей губерніи. Въ этой запискѣ онъ коснулся причинъ упадка, изъ коихъ главная, по его мнѣнію, была непримиримая ненависть помѣщиковъ и особенно ихъ женъ, нафанатизированныхъ ксендзами и католическими монахами противъ православія. Пропаганда явно и осо-

бенно **тайно** была направлена къ обращенію въ латинство бывшихъ уніятовъ, еще не окрѣпшихъ въ православіи.

Записка Колокольцова, замѣчательная по изложенію и ярко очерченнымъ въ ней фактамъ, вызвала внимательный пересмотръ дѣлъ, производившихся въ министерствѣ о церквахъ въ западной Россіи.

Изъ разсмотрѣнія дѣла, которое было разбросано по разнымъ департаментамъ министерства, оказалось, что весьма многія церкви въ девяти западныхъ губерніяхъ были закрыты по совершенной ихъ ветхости, что во многихъ не имѣлось утвари и книгъ, что въ большинствѣ возсоединенныхъ церквей богослужебныя книги были уніятскія; что вслѣдствіе этого недостатка, а также и по совершенной ветхости храмовъ, служба не производилась въ продолженіе 15-ти и болѣе лѣтъ, а прихожане посѣщали костелы. Почти повсемѣстно помѣщики и арендаторы имѣній оказывали сопротивленіе къ обновленію и поддержкѣ храмовъ; противодѣйствіе это было **явное**: помѣщики давали исправникамъ подписки слѣдующаго, напримѣръ, содержанія: „обязуюсь окрасить полъ чрезъ 10 лѣтъ", или: „починю церковь (писано въ 1853 г.) черезъ 4 года, начиная съ 1869 года", или: „устрою церковь чрезъ 25 лѣтъ", и т. п. При подобномъ ходѣ дѣла предвидѣлось весьма скорое обращеніе обитателей края въ католицизмъ, другими словами: окончательное ополяченіе края, издревле русскаго. Предвидѣлось, что все, что съ такими усиліями и политическимъ тактомъ было сдѣлано Екатериною II и Николаемъ I къ поддержанію православія въ краѣ, неминуемо будетъ уничтожено, — и это почти наканунѣ шляхетско-ксендзовской смуты 1863 года.

О **дѣйствительномъ** состояніи церквей въ западныхъ епархіяхъ была составлена, по порученію министра Ланскаго, П. Н. Батюшковымъ [1]) особая записка и къ ней присоединена другая о польской религіозной пропагандѣ. Въ этихъ запискахъ были указаны мѣры къ **дѣйствительному** исправленію дѣла. Первымъ условіемъ успѣха было немедленное отстраненіе помѣщиковъ-католиковъ отъ всякаго участія и вмѣшательства въ дѣло постройки церквей въ ихъ имѣніяхъ. Затѣмъ испрашивалась надлежащая сумма на новыя церкви и на переустройство и поддержку ветхихъ, и наконецъ, предлагалось ознакомить общество съ положеніемъ церквей, духовенства и прихожанъ, чтобы вызвать общественное сочувствіе и благотворительность, такъ какъ, по мнѣнію составителя записки, однѣ правительственныя

[1]) Бывшій въ концѣ пятидесятыхъ годовъ вице-директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Ред.

средства и распоряженія, безъ содѣйствія общества, недостаточны для успѣха дѣла.

Записка была доведена до высочайшаго свѣдѣнія гр. Ланскимъ и, вслѣдъ затѣмъ, министерство приступило къ дѣйствительному устройству храмовъ въ западной Россіи, на которое изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1860 года, отпускается ежегодно, до полумиліона рублей. Августѣйшіе члены Императорскаго дома и русское общество,— особенно столичное,—обезпечили пожертвованіями церковной утвари, богослужебныхъ книгъ и др. предметовъ, западнорусскіе православные храмы, которые долго остались бы безъ помощи, если бы русское общество, какъ въ прежніе годы, было въ невѣдѣніи о ихъ нуждахъ и о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для ихъ устройства.

Въ тоже время, чтобы имѣть возможно полныя свѣдѣнія о состояніи православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ, туда были командированы—сначала въ Бѣлорусскія, а потомъ въ юго-западныя губерніи—особыя довѣренныя лица, большею частью офицеры генеральнаго штаба, съ цѣлью не только осмотрѣть церкви и составить смѣты на ихъ обновленіе, но и вникнуть въ положеніе прихожанъ и духовенства, а также составить церковную сѣть по губерніи, обращая вниманіе на тѣ мѣстности, которыя болѣе другихъ нуждались въ немедленной помощи (такъ напр., мѣста, гдѣ возлѣ убогихъ православныхъ церквей возвышались великолѣпные костелы). Офицеры эти, при осмотрѣ церквей, должны были доставлять завѣдовавшему церковно-строительнымъ дѣломъ, П. Н. Батюшкову точныя данныя по племенному и вѣроисповѣдному составамъ населенія, что и было ими исполнено. Эти свѣдѣнія, полученныя еще до начала польскаго мятежа, дали возможность составить „Вѣроисповѣдный Атласъ Западнаго края", оказавшій въ свое время весьма важную услугу правительству и обществу разъясненіемъ многихъ темныхъ сторонъ польской интриги.

Въ дополненіе къ „Вѣроисповѣдному Атласу", найдено было нужнымъ обратить вниманіе и на древніе, русскіе монументальные памятники, находящіеся въ предѣлахъ западной Россіи, а потому г. Батюшковъ испросилъ чрезъ П. А. Валуева въ 1866 году высочайшее соизволеніе на изданіе особаго сборника древняго русскаго зодчества въ западныхъ губерніяхъ. Древніе памятники нагляднѣе всего доказываютъ ту неоспоримую истину, что западный край былъ искони русской, вопреки лживымъ показаніямъ и таковымъ же свидѣтельствамъ польскихъ и иностранныхъ писателей, которые, пользуясь нашимъ невѣдѣніемъ собственной страны, ея исторіи и древностей, старались отуманить взглядъ правительства и общества. Сборникъ этотъ предназначался и къ услугамъ церковно-строительнаго

дѣла. Знакомя публику съ церковными постройками въ западной Россіи, когда еще о латинствѣ, а тѣмъ менѣе о Польшѣ, и помину не было, это изданіе, съ другой стороны, должно было представлять и другіе древніе русскіе памятники, большинство которыхъ относится къ той же эпохѣ.

Первые шесть выпусковъ Памятниковъ старины въ Западной Россіи — изяществомъ и тщательностью выполненія рисунковъ, а также обиліемъ представленнаго ими научнаго, весьма важнаго археологическаго и историческаго матеріала обратили на себя вниманіе всѣхъ русскихъ людей, интересующихся памятниками и историческою судьбой ихъ въ нашемъ отечествѣ. Польза, скажемъ болѣе—существенная необходимость этого изданія несомнѣнна; поэтому мы положительно недоумѣваемъ, читая въ предисловіи заявленіе издателя, что настоящимъ выпускомъ оно прекращается; но если дѣло возобновленія и сооруженія православныхъ храмовъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и на Волыни будетъ продолжаемо, то совершенно необъяснимо прекращеніе изданія, которое является важнымъ подспорьемъ какъ для этого дѣла на мѣстѣ, такъ и для распространенія въ Россіи наглядныхъ свѣдѣній о состояніи русской святыни въ западныхъ ея окраинахъ. При ежегодномъ отпускѣ до 700 т. рублей на церковно-строительное дѣло въ этой странѣ, какія-нибудь 7 или 8 тысячъ на изданіе „Памятниковъ“ являются расходомъ совершенно ничтожнымъ и ужъ разумѣется въ высшей мѣрѣ производительнымъ.

Кто знаетъ: явись это изданіе за нѣкоторое время до печальныхъ событій 1863 года, обрати оно вниманіе правительства и общества на наши западнорусскія окраины, тогда, быть можетъ, и не потребовалось бы тѣхъ десятковъ миліоновъ чрезвычайнаго государственнаго расхода, которые пошли на покрытіе издержекъ по усмиренію мятежа.

Ред.

Обѣдъ въ Севастополѣ.

1856.

Между читателями „Русской Старины“, быть можетъ, найдутся такіе, для которыхъ любопытно будетъ узнать, что стоили у Французовъ въ Крымскую войну вина и кушанья. Въ этомъ предположеніи привожу здѣсь точный списокъ со счета, полученнаго, мною въ пресловутомъ Камышѣ [1]) въ трактирѣ, 22-го апрѣля 1856 г. При расплатѣ по немъ, отъ насъ приняли русскую десятирублевую бумажку и дали, сколько слѣдовало, сдачи французскими деньгами. Послѣ обѣда, за который мы расплачивались и который спроворенъ былъ для четырехъ насъ, русскихъ, Французомъ, приставшимъ къ намъ на улицѣ къ качествѣ комрада и участвовавшимъ также въ обѣдѣ, мы встали изъ-за стола болѣе голодны, чѣмъ сыты. Предлагаемый счетъ написанъ на клочкѣ толстой синеватой бумаги, очевидно оторванномъ отъ какого-то форменнаго предписанія, отношенія или рапорта, потому что на оборотной его сторонѣ, кромѣ двухъ такихъ же отдѣльныхъ счетцевъ, находится размашистый писарской руки конецъ адреса: „и Кавалеру Примо“. Вотъ этотъ счетъ:

Pour 5.

Potage	3	fr.	—	
Saucisson	1	»	75	s.
Thon marine	3	»	—	»
Entrée boeuf	4	»	50	»
Thon marine	3	»	—	»
1 Carafon cognac.	2	»	—	»
2 B-lles de vin	2	»	50	»
2 pains	2	»	—	»
	21	fr.	75	s.

т. е. 21 франкъ 75 сантимовъ или русскими деньгами 5 р. $43^3/_4$ коп.

Н. Федоровъ.

Г. Гельсингфорсъ.

---

[1]) Деревянные бараки, построенные въ видѣ маленькаго городка Французами въ Крымскую войну на южной сторонѣ Севастополя, у бухты, извѣстной подъ названіемъ «Камышовой». **Н. Ө.**

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г.[1])

— Сегодня, пополудни, въ 5 часовъ, въ Кушелевомъ домѣ, дастъ, пріѣхавшей сюда изъ Штокгольма, съ 9-ти-лѣтнимъ своимъ сыномъ, каммермузыкантъ Бервалкъ, концертъ. Билеты для ложъ, креселъ и проч. мѣстъ, можно получать у Демута, подъ № 36, у г. Бервальда. (№ 11).

— Его И. Вел-во, между многими отеческими попеченіями о благоденствіи своихъ вѣрноподданныхъ, простирая милосердіе свое и на жителей селеній безлѣсныхъ, высочайше повелѣть соизволилъ, открывшейся Новороссійской губерніи, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, каменный уголь ввести въ бо́льшее обыкновеніе къ употребленію; почему симъ и извѣщается: 1) что уголь означенной весьма удобенъ не только къ употребленію на винокуренныхъ и кирпичныхъ заводахъ, къ жженію извести и къ исправленію всѣхъ хозяйственныхъ нуждъ, а потому 2) есть-ли кто для означенныхъ надобностей имѣть его пожелаетъ, тотъ можетъ получить въ означенномъ уѣздѣ при казенномъ селеніи, называемомъ Третья рота, заплатя на мѣстѣ по 4 коп. за пудъ. (Тамъ же, прибавленіе).

9-го февраля. Сего февраля 6-го въ назначенный день, по высочайшему Е. И. Вел-ва повелѣнію, для святаго крещенія е. и. выс-ва новорожденнаго государя великаго князя Михаила Павловича, съѣхались, въ 10 часовъ утра, въ Зимній дворецъ члены святѣйшаго правит. синода, знатное духовенство, чужестранные министры и прочія обоего пола особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, дамы въ робахъ, а кавалеры въ праздничныхъ кафтанахъ. Въ половинѣ одинадцатаго часа перенесенъ былъ новорожденной гос. вел. кн. въ одинъ изъ внутреннихъ и императорскихъ покоевъ, а кормилица и прочія, начначенныя для служенія новорожденному, отправлены были въ большую придворную церковь, гдѣ и отведено было имъ особенное мѣсто, оставленное ширмами. Чужестранные министры также заблаговременно введены были въ церковь однимъ изъ императорскихъ церемоніймейстеровъ и поставлены были въ приличное для нихъ мѣсто. Первенствующіе придворные чиновники, члены учрежденнаго при императорскомъ дворѣ совѣта и всѣ придворные кавалеры собрались во внутренней тронной залѣ и т. д.

[Слѣдуютъ подробности церемоніала—выхода въ церковь и обряда крещенія. Новорожденнаго несла штатсъ-дама Ливенъ, ассистентами ея были фельдмаршалы гр. Салтыковъ и кн. Репнинъ. Въ началѣ обряда императоръ «ретировался» въ ближнія комнаты, откуда пришелъ въ церковь по окончаніи обряда. Воспріемниками были в. к. Александръ Павловичъ, в. княжн. Александра Павловна и ея кор-ское высоч. Фридерика-Доротея-Софія, вдовствующая герцогиня Виртембергъ-Штутгардская. Во время молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, былъ салютъ—301 выстрѣлъ; на обѣдѣ присутствовалъ дворъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190; 589—590; 784—788: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1797—1798 гг., т. XII, стр. 231—236.

и особы первыхъ двухъ классовъ. Во время стола играла вокальная и инструментальная музыка. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ].

12-го февраля. Всем-ше произведенъ изъ генералъ-маіоровъ въ генералъ-лейтенанты войска донскаго Орловъ. (№ 13).

— Санктпетерб. купцу Лапшину, изъясняющему о понесенномъ имъ въ торгѣ сальными свѣчами убыткѣ и просившему состоящую на должникахъ его сумму вмѣнить въ милостыню для поминовенія покойныхъ государей, а его оною наградить изъ казны, по высочайшему повелѣнію отказывается, яко ни малаго права о семъ просить не имѣющему. (Тамъ же).

— Въ Малой Коломнѣ, въ Дровяной улицѣ, подъ № 66-мъ, у отъѣзжающей продаются дворовые люди: дѣвка 18-ти лѣтъ, которая умѣетъ шить цвѣтами и бѣлье чистить, изъ крестьянъ: мужикъ 40 л., женщина 35-ти л., сынъ 14-ти и дѣвка 16-ти л.; всѣ они хорошаго поведенія; сѣрой попугай, которой говоритъ чисто по-русски и пѣсни поетъ, да гнѣдой рысакъ, а о цѣнѣ спросить въ ономъ домѣ у хозяина. Тутъ же отдается лакей съ женою въ услуженіе, лакей—портной, а жена—хорошая прачка и шьетъ въ тамбуръ цвѣтами и блонды плететъ; оба хорошева поведенія. (Тамъ же).

16-го февраля. По выс-шему повелѣнію балтійскаго карабельнаго флота дивизіи краснаго флага мичманъ Симаковъ, за порядочной привозъ изъ Костромы рекрутской партіи, такъ что во время слѣдованія его съ оной ни бѣжавшихъ, ни больныхъ не было, произведенъ въ лейтенанты. (№ 14).

— Изъ Лондона, отъ 30-го генваря. Мунго-Паркъ, посыланный отъ африканскаго общества въ Африку для учиненія тамъ дальнѣйшихъ открытій, возвратился въ Лондонъ. Ни одинъ европеецъ не былъ такъ далеко внутри Африки, какъ сей странствователь. Онъ подтверждаетъ извѣстіе другихъ путешественниковъ о существованіи города Гуссага, лежащаго при рѣкѣ Тумбуктое, и который вдвое многолюднѣе Лондона. (Тамъ же).

23-го февраля. Исключенному изъ службы поручику Паранаю, просившему о призрѣніи его съ сестрами, объявляется, что какъ онъ исключенъ за просрочку, то и нынѣшнему своему состоянію самъ онъ виною. (№ 16).

— Тульскому купцу Сидневу, просившему объ опредѣленіи его къ таганрогскому порту браковщикомъ ладана, отказано яко въ такой просьбѣ, которая до разсмотрѣнія Е. И. В. не принадлежитъ. (Тамъ же).

— Бывшей польской службы поручику Ивану Понятовскому, просившему о производденіи ему того пенсіона, которой онъ получалъ отъ покойнаго короля польскаго, отказано потому, что здѣшняя казна подобныхъ пенсіоновъ давать не обязана. (Тамъ же).

— Продается книга: «Способъ отгадывать имена, кто кого любитъ или о комъ задумаетъ», 15 коп., «Арапскій кабалистикъ, прорицающій будущая и предсказываетъ судьбу каждаго человѣка», 20 коп. (Тамъ же).

2-го марта. Изъ Берлина, отъ 17-го февраля. Г. професоръ Боде объявилъ недавно въ собраніи королевской академіи наукъ, съ надлежащими на то доказательствами, что всеобщій слухъ о скоромъ появленіи кометы совершенно не основателенъ. (№ 18).

— Продаются недавно привезенные сюда тульскіе, курскіе и новосильскіе соловьи, синицы, ученыя свистать полукурантами, скворцы-говоруны, которые свистятъ курантами и пѣсни поютъ, также гуси арзамаскіе и жаворонки ученые. Спросить въ Чернышевомъ переулкѣ. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Родословная таблица владѣтельныхъ предковъ Россійскаго императорскаго дома.

Всѣмъ извѣстно, что генеалогія служитъ важнымъ пособіемъ исторіи, такъ что безъ ея помощи иногда трудно объяснить нѣкоторыя историческія событія; особенно для дипломатіи важны точныя свѣдѣнія о родственныхъ связяхъ царствующихъ династій. Между тѣмъ генеалогіей у насъ почти не занимаются, не такъ какъ въ прошломъ вѣкѣ, когда ею болѣе интересовались. Всѣмъ занимающимся историческими науками извѣстны изданныя въ 1725 г. генеалогическія таблицы Гюбнера. Онѣ имѣютъ достоинства, но не вездѣ выдерживаютъ историческую критику; не говоря уже о встрѣчающихся въ нихъ историческихъ и хронологическихъ промахахъ, Гюбнеръ, какъ и бо̀льшая часть генеалоговъ, съ цѣлью польстить тщеславію нѣкоторыхъ владѣтельныхъ лицъ, выводитъ, на основаніи невѣрныхъ преданій происхожденіе ихъ отъ Карла Великаго, или Витекинда, т. е. относитъ начало династій къ такой эпохѣ, отъ которой не осталось историческихъ документовъ. Еслибъ въ этомъ обстоятельствѣ и не заключалось ничего невѣроятнаго, то все-таки критика не можетъ отнестись къ нему серьезно.

Генеалогическій трудъ, который мы представляемъ нынѣ любителямъ историческихъ изслѣдованій, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенными генеалогіями. Обыкновенная генеалогія касается одной только династіи, и перечисляетъ всѣхъ принадлежавшихъ и принадлежащихъ къ ней какъ владѣтельныхъ, такъ и частныхъ лицъ; между тѣмъ предлагаемая родословная касается многихъ главнѣйшихъ династій въ Европѣ, указывая между ними только владѣтельныхъ лицъ, состоящихъ предками нашего императорскаго дома. Въ нашей таблицѣ, подъ рубрикою дома Романовыхъ, не показаны императоры Петръ II и Александръ I, императрицы Анна и Елисавета, а подъ

рубрикою дома Вазы не показаны Густавъ-Адольфъ и Карлъ XII, подъ рубрикою дома Гогенцолерна не показанъ Фридрихъ Великій,— и все это потому, что помянутые монархи и монархини не были предками августѣйшаго русскаго дома. Вообще фактъ происхожденія владѣтельнаго лица только тогда имѣетъ историческій интересъ, когда его можно прослѣдить по безпрерывной линіи отъ одного владѣтельнаго лица къ другому, также владѣтельному. Въ нашей таблицѣ мы начинаемъ домъ Вазы съ перваго по времени короля этой фамиліи, т. е. съ Густава Вазы, а родословную Романовыхъ начинаемъ съ Михаила Ѳедоровича, перваго царя этой династіи.

Въ родствѣ по женской линіи заключается иногда большой политическій интересъ. Въ двухъ важнѣйшихъ государствахъ (Россіи и Австріи) царствуетъ женская линія, вслѣдствіе пресѣченія мужеской. Въ другихъ странахъ, гдѣ мужеская линія хотя и не пресѣклась въ боковыхъ вѣтвяхъ, женщины вступили на престолъ въ силу мѣстныхъ законовъ о престолонаслѣдіи (Англія, Испанія, Португалія). Въ смыслѣ человѣческомъ нельзя отрицать кровныхъ связей, такъ напримѣръ, отецъ моей матери точно также приходится мнѣ дѣдомъ, какъ отецъ моего родителя, и матери нашихъ дѣдовъ одинаково наши прабабки, и т. д.

Изъ царствующихъ династій, четыре самыя древнія: Габсбургская, Лотарингская (слитыя нынѣ въ одну), Гессенская (потомки старинныхъ Брабантскихъ герцоговъ) и Гвельфская (Браунгшвейгская).[1]) Рюриковичи царствовали въ Россіи болѣе семи столѣтій безъ перерыва. Между ними выдаются великіе историческіе дѣятели какъ напримѣръ: Владиміръ Святой, Ярославъ Мудрый, Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Іоаннъ III Великій и друг.; тѣмъ не менѣе Россія при Рюриковичахъ подпала подъ иго татаръ, подъ которымъ влачила жалкую жизнь болѣе двухъ вѣковъ, пока наконецъ не собралась съ силами и свергла иго; во время своего порабощенія и въ смутное время Россія потеряла лучшія области, примкнувшія къ Литвѣ и Польшѣ. Романовы, въ теченіе не полныхъ трехъ столѣтій, не только воротили все потерянное, но значительно расширили предѣлы Россійскаго государства. Они ввели Россію въ семью европейскихъ державъ, какъ одно изъ сильнѣйшихъ государствъ, голосу котораго Европа не можетъ не внимать. Безъ Россіи европейское равновѣсіе погибло бы отъ воинственныхъ захватовъ Наполеона I-го. Романовы внесли просвѣщеніе въ Россію и распространили народное образованіе, о кото-

---

[1]) Понятно восклицаніе Наполеона I: «Я хотѣлъ бы быть своимъ внукомъ». Г.

ромъ Рюриковичи мало заботились Романовы развили источники богатствъ страны, они водворили общее благосостояніе, словомъ — они дали Россіи настоящій ея видъ и политическое значеніе.

Пытались производить домъ Романовыхъ отъ Рюриковичей на основаніи брака Никиты Романовича Захарьина-Юрьева съ княжною Евдокіею Шуйскою-Горбатовою; этотъ фактъ однако недостаточно доказанъ. Достовѣрно только то, что жена Ѳедора Никитича (патріарха Филарета) была рожденная Шустова, не знатнаго происхожденія. Но если бы жена Никиты Романовича и была княжна Шуйская-Горбатова, то это не представляло бы никакого историческаго интереса. Хотя Шуйскіе-Горбатовы и происходили отъ древнихъ Суздальскихъ князей, но они уже за два вѣка предъ тѣмъ лишены были удѣловъ и перестали быть владѣтельными князьями. Несомнѣнно однако, что Романовы, если не первые изъ нихъ, то настоящіе, по прямой линіи владѣтельныхъ лицъ, дѣйствительно происходятъ отъ дома Рюрика, будучи потомками великаго князя Александра Михайловича Тверскаго, котораго дочь Юліана Александровна была въ замужествѣ за великимъ княземъ Ольгердомъ Литовскимъ, однимъ изъ предковъ нашей царствующей династіи. Сестра Юліаны, Марія Александровна, была замужемъ за великимъ княземъ Симеономъ Гордымъ, и по случаю этого брака впервые въ исторіи появляется имя Андрея Ивановича Кобылы, родоначальника Захарьиныхъ и Романовыхъ, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ.[1])

Удивительно, что еще ни одинъ историкъ не замѣтилъ, что русскій императорскій домъ въ числѣ предковъ своихъ считаетъ не однихъ только великихъ князей Литовскихъ, но и древнихъ польскихъ королей какъ изъ дома Піаста,[2]) такъ и изъ дома Ягеллоновъ. Это обстоятельство, повидимому, было совершенно неизвѣстно нашимъ государственнымъ людямъ во время раздѣла Польши. Иначе можно бы было объяснить жителямъ перешедшихъ къ Россіи провинцій, что впредь надъ ними будутъ царствовать потомки ихъ древнихъ наслѣдственныхъ королевскихъ династій.

Разсматривая вѣтви различныхъ династій, показанныхъ въ родословной, отъ которыхъ происходитъ Монархъ Россіи, мы находимъ, что къ его державѣ принадлежатъ нѣкоторыя страны, бывшія нѣкогда во владѣніи его предковъ изъ другихъ династій. Таковы: ве-

---

[1]) «Той-же весны (въ 1347 г.) оженись князь великій, приведоша ему со Тфери княжну Марію дчерь Александрову Михайловича Тферскаго князя; а ѣздили по нее Андрей Кобыла...» Ист. Карамзина, т. IV, примѣч. 365.

[2]) Большая часть русскихъ историковъ пишутъ Пястъ, но Карамзинъ придерживается ортографіи Піастъ. П. Г.

ликое княжество Литовское и бóльшая часть бывшаго королевства Польскаго. А изъ тѣхъ странъ, которыя нѣкогда принадлежали династіи Вазы, продолжающейся до нынѣ въ единственной ея отрасли—Россійскомъ императорскомъ домѣ, Монархъ Россіи владѣетъ великимъ княжествомъ Финляндскимъ и герцогствами Эстонскимъ, Лифляндскимъ и Ингерманландскимъ. Что касается до герцогства Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторнскаго, которымъ императоръ Петръ III владѣлъ по праву наслѣдія, то императрица Екатерина II, во время несовершеннолѣтія сына своего, великаго князя Павла Петровича, владѣтельнаго герцога, уступила это герцогство Даніи, въ обмѣнъ Ольденбургскаго, во владѣніе коего вступилъ ближайшій родственникъ Гольштейнъ-Готторнскаго дома.

При составленіи родословной таблицы съ показаніемъ одновременно нѣсколькихъ династій, какъ царствующихъ, такъ и угасшихъ, приходится преодолѣвать немалыя трудности, особенно въ отношеніи хронологіи. Извѣстно, что относительно нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ въ актахъ историческихъ встрѣчаются противорѣчія, а потому ошибки неизбѣжны. Приведемъ одинъ примѣръ: годъ смерти великаго князя литовскаго Гедемина въ точности неизвѣстенъ. По справкѣ съ литовскими и польскими лѣтописцами оказывается, что они противорѣчатъ другъ другу, или же одинъ ссылается на другого; съ помощью однако исторической критики можно придти къ заключенію, что Гедеминъ умеръ въ теченіе зимы 1340—1341 гг. Въ нашей родословной показанъ послѣдній годъ, и это будетъ вѣрно, если Гедеминъ умеръ послѣ дня новаго года; ошибка же будетъ тогда, если можно доказать, что онъ умеръ до новаго года.

Сообщ. П. П. фонъ-Гецъ.

Примѣчаніе. Родословная таблица, представляемая нынѣ читателямъ «Русской Старины», была налитографирована въ Петербургѣ въ 1863 г., но въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Наше изданіе — напечатано съ исправленіями и дополненіями, сдѣланными почтеннымъ составителемъ этого замѣчательнаго, вполнѣ интереснаго труда. Ред.

СОФІЯ ДОРОТЕЯ .... **ФРИДРИХЪ В**

Принцесса Великобританская, род. 1687 † 1757.

Король род. 168

АВГУСТЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Принцъ Прусскій, род. 1722 † 1758, женат

ЛУИЗѢ АМАЛІИ, Принцессѣ Брауншвейгской, род. 1

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

Король Прусскій, род. 1744 † 1797, женат

ФРИДЕРИКѢ ЛУИЗѢ Принцессѣ Гессенъ-Дармштатской,

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ III

Король Прусскій, род. 1770 † 1840, женат

ЛУИЗѢ АВГУСТѢ ВИЛЬГЕЛЬМИНѢ АМАЛІИ

Принцессѣ Мекленбургъ-Стрелицкой, род. 1776

АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВН

Императрица Всероссійская, род. 1798 † 1

(Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, Принцес

НИКОЛАЙ

Цесаревичъ,

род. 8 Сентября 1843 † 1865.

АЛЕ

Наслѣдникъ Цесаре

Цесаревна **МА**

(Марія Софія Фридерик

род. 14

НИКОЛАЙ

Великій Князь, род. 6 Мая 18

Изданіе ред. журнала „РУССКАЯ СТАРИНА".

вый томъ. Первые три тома вышли еще въ 1857 году и были перепечатаны вторымъ, исправленнымъ изданіемъ въ 1868 г. Шестой томъ появился въ 1860 году. Медленность выхода въ свѣтъ этого весьма замѣчательнаго труда, объясняется, конечно, кромѣ важности содержанія, требующаго подготовительныхъ работъ и тщательныхъ изысканій, еще и общественно-духовными, многосложными занятіями архипастыря. Но, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, если не скораго окончанія, то, по крайней мѣрѣ, болѣе частаго появленія томовъ этого сочиненія, составляющаго эпоху въ исторіи нашей церкви, какъ и «Православно-догматическое богословіе» того же автора. Нынѣ вышедшій томъ объемлетъ почти полтораста лѣтъ, эпоху усиленія московскаго государства и окончательнаго свержения монгольскаго ига; въ этомъ томѣ разсказана исторія монастырей (которыхъ было тогда болѣе 400) и разобраны сочиненія, относящіяся къ духовной литературѣ того времени до борьбы съ жидовствующими во время ея, при Максимѣ Греки, митрополитахъ Даніилѣ и Макаріи. Тутъ, кромѣ чисто-духовныхъ сочиненій, представлена весьма замѣчательная характеристика и свѣтскихъ произведеній Серба Пахомія Логоѳета, «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» гостя Василія, Максима Грека, Серба Льва Филолога, попа Сильвестра и его «Домостроя», наконецъ «Путешествіе ко св. мѣстамъ купца Трифона Коробейникова». Всѣ эти характеристики вносятъ богатый вкладъ въ исторію русской литературы.

Исторія возсоединенія Руси. Соч. П. А. Кулиша 2 тома, 363 и 456 стр.

Имя автора этой любопытной книги давно извѣстно въ нашей литературѣ, хотя въ послѣднее время онъ рѣдко напоминалъ о себѣ новыми произведеніями. Начиная съ романа «Михайло Черрышенко или Малороссія 80 лѣтъ назадъ», вышедшаго еще въ 1843 г. и до послѣдней «Исторіи», авторъ пробовалъ силы свои во всѣхъ родахъ словесности и пріобрѣлъ извѣстность писателя трудолюбиваго, талантливаго, хотя часто увлекающагося и мѣняющаго свои историческія и литературныя убѣжденія. Онъ писалъ и романы, какъ «Алексѣй Однорогъ» и «Чорная рада» и историко-литературныя, біографическія, этнографическія и критическія сочиненія, и «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ» и «Исторію испанской литературы» (по Тикнору), и «Записки о жизни Гоголя»; но болѣе всего писалъ онъ о Малороссіи, ея исторіи, литературѣ, языкѣ, пѣсняхъ, преданіяхъ и т. п. Мы не причисляемъ сюда его произведеній на малороссійскомъ нарѣчіи, для котораго онъ составилъ и свое правописаніе, и особую азбуку, кулишовку, отъ которой, впрочемъ, отрекся впослѣдствіи. Отрекался онъ, впрочемъ, въ своей жизни отъ многаго, даже отъ Шевченки и Гоголя, а въ своей «Исторіи возсоединенія Руси», отрекается отъ Н. И. Костомарова, хотя иногда и пересказываетъ тѣже самые факты, которые изслѣдовалъ и передалъ намъ почтенный историкъ. Выводы изъ этихъ фактовъ г. Кулишъ дѣлаетъ, конечно, свои и довольно оригинальные, съ которыми не всегда можно согласиться, какъ напримѣръ съ его мнѣніемъ о значеніи казачества и исторіи южной Россіи. Всего любопытнѣе, что въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Кулишъ отрекается даже отъ исторіи, которую началъ писать. Такъ, разсказавъ въ первомъ томѣ исторію Кіево-Галицкой Руси со времени опустошенія ея Татарами до начала войны казаковъ со шляхтою и сознавшись въ предисловіи (которое онъ называетъ «предупрежденіемъ»), что самъ видитъ неполноту своей книги, эскизность нѣкоторыхъ частей и несоразмѣрность между ними, онъ въ «заявленіи» ко второму тому, гдѣ разсказъ доведенъ до 1620 г., эпохи возстановленія православія въ Кіевѣ, говоритъ, что остановится на этомъ томѣ и, вмѣсто продолженія исторіи, издаетъ «Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси», то есть сырой матеріалъ вмѣсто критически-обработанной исторіи. Сверхъ того онъ обѣщаетъ еще выпустить въ свѣтъ особый сборникъ, подъ заглавіемъ «Критика библіографической работы для исторіи возсоединенія Руси» и приглашаетъ всѣхъ доставлять ему обзоры сочиненій, относящихся къ этому предмету. Наконецъ на оберткѣ втораго тома «Исторіи» обѣщаетъ скорый выпускъ еще третьяго сочиненія «Хуторская философія и удаленная отъ свѣта поэзія». Все это не обѣщаетъ скораго окончанія «Исторіи», о чемъ нельзя не пожалѣть. Несмотря на ея недостатки и памфлетическій тонъ разсказа, она читается весьма легко, написана человѣкомъ безспорно талантливымъ и факты, переданные въ ней, весьма любопытны.

Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Составилъ Ю. Иверсенъ, 36 стр., въ большую четверкку.

Изданіе это — оттискъ изъ трудовъ Археологическаго общества — представляетъ, по словамъ самаго автора, собранные въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ матеріалы, интересные для нумизматовъ и могущіе послужить основаніемъ будущихъ трудовъ по этой части. Словарь составленъ весьма тщательно на основаніи главнѣйшихъ нумизматическихъ коллекцій: «Собраніе русскихъ медалей» — изданіе Археографической комисіи, «Каталогъ польскихъ монетъ и медалей» гр. Чапскаго на французскомъ языкѣ, «Медали на дѣянія Петра Великаго», изданныя авторомъ словаря; серія медалей великихъ князей, изданная въ XVIII в. и пр.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ"
1875 г.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три большие тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,—съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** къ Редакціи и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Надеждинская, д. Трута, № 42, кв. № 12.**

Статьи, которыя помѣщены въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" 1875 г., относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины".—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.— Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческ. книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. МАРТЪ. **1875 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ прилагаются портреты атамана Адріяна Карповича Денисова и А. Воейкова, автора «Домъ сумасшедшихъ».

Подписка на «Русскую Старину» 1875 г. продолжается. Цѣна за 12 книгъ 8 р. съ пересылкою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книг

Собраніе узаконеній русскаго государства, изданіе Е. П. Карновича. Томъ I, царствованіе Алексѣя Михайловича (1649—1676 гг.), XV, стр. 1024 столбц. и 112 стр. указателей. 1874 г.

Излишне было бы доказывать необходимость для русскаго человѣка «Полнаго собранія законовъ». Вышедшее въ 1830 г. оно сдѣлалось давно уже библіографическою рѣдкостью и его нѣтъ вполнѣ даже во многихъ присутственныхъ мѣстахъ. Поэтому новое изданіе этого монументальнаго сорокапятитомнаго историческаго и юридическаго памятника въ высшей степени необходимо. На эту необходимость мы уже указывали (Библ. листокъ «Рус. Ст.» 1873 г., кн. XII). Нынѣ въ названной выше книгѣ мы имѣемъ первый томъ новаго монументальнаго изданія полнаго собранія законовъ; книга издана весьма тщательно и не только вполнѣ замѣняетъ соотвѣтствующій ей первый томъ прежняго изданія, который является въ перепечаткѣ буквальной, безъ всякихъ поправокъ, даже съ сохраненіемъ прежней нумераціи, стр., но, кромѣ того, къ книгѣ проложены шесть указателей: предметовъ, именъ, мѣстностей, старинныхъ словъ, поправокъ и годовъ, а также приложены: перечень содержанія I-го тома, гдѣ текстъ названій указовъ, грамотъ и т. п. не перепечатанъ слово въ слово какъ въ оглавленіи «Полнаго собранія законовъ», а составленъ издателемъ, кратко и съ указаніемъ только на главный предметъ указа. Начиная съ «Соборнаго Уложенія» 1649 г., въ этотъ томъ вошло 618 различнаго рода узаконеній по 1675 г. включительно. Въ послѣдующихъ томахъ г. Карновичъ обѣщаетъ еще много улучшеній и дополненій и намъ остается только пожелать, чтобы ему удалось выпустить въ свѣтъ хотя еще нѣсколько томовъ, относящихся къ нашему старинному законодательству,—такъ какъ для изданія всего «Собранія» не достанетъ силъ одного лица. Обращаемъ вниманіе на дешевизну изданія: пять рублей за подобный томъ (до 80-ти листовъ, въ большую четверку) весьма немного.

Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи, составленный Н. Чупинымъ. Выпускъ 1—4; 1873—74 гг. Приложеніе къ «Сборнику Пермскаго земства».

Наши провинціальныя изданія обращаютъ на себя, въ послѣднее время, вниманіе не одной журналистики, но и всей образованной публики. Каждый чувствуетъ съ каждымъ годомъ все болѣе развивающуюся необходимость самостоятельной дѣятельности нашихъ земствъ и провинцій. Поэтому мы не можемъ не встрѣчать съ полнымъ сочувствіемъ всякое изданіе, п[о]являющееся въ типографіяхъ нашихъ г[у]бернскихъ городовъ; тѣмъ болѣе если т[а]кое изданіе имѣетъ, кромѣ своего час[т]наго, провинціальнаго, и общее значені[е] какъ словарь нашего даровитаго и неут[о]мимаго изслѣдователя отечественной ст[а]рины Н. К. Чупина. Извѣстно, что из всѣхъ нашихъ земствъ, особенно дѣятел[ь]ностью отличается пермское, стоящее ед[в]а ли не на первомъ мѣстѣ даже въ ряду т[а]кихъ прогресивныхъ земствъ, какъ Яр[о]славское, Херсонское и др. Издаваемы[й] Пермяками сборникъ отличается полн[о]тою сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній; кромѣ обычныхъ статей, относящихся до интересовъ земства, къ нему, съ 1873 г. прилагается выпусками подробный и весьма тщательно составленный словарь всѣхъ замѣчательныхъ, въ географическомъ и статистическомъ отношеніи, мѣстностей Пермской губерніи. Нечего и говорить о томъ, какъ быстро подвинулось бы у насъ впередъ изученіе русской географіи и статистики, если бы и другія земства послѣдовали примѣру пермскаго, особенно если дѣятели другихъ губерній будутъ также внимательно относиться къ этому дѣлу, какъ Н. К. Чупинъ. Намъ остается только пожелать этого. Что касается до «Пермскаго словаря», то предъ нами пока его только начало, 224 страницы, въ которыхъ не кончена буква *Б*. Между статьями есть много обширныхъ и весьма обстоятельно обработанныхъ, какъ «Богословскій горный округъ Благодать, Бисерскій заводъ и другія.

Путешествіе посадскаго человѣка Матвѣя Гаврилова Нечаева въ Іерусалимъ (1719—1720 гг.). Изданіе Н. Барсова, Варшава, 1875, 36 стр.

Почтенный составитель замѣчательнаго «Историко-географическаго словаря Россіи» (IX—XIV вѣка) подъ приведеннымъ выше названіемъ издалъ, по рукописи, н[а]ходящейся въ Петербургской Публичной библіотекѣ, любопытное сочиненіе: «Книга хожденіе во святый градъ Іерусалимъ Толяковской Слободы посадскаго человѣка Матвѣя Гаврилова сына Нечаева». Хот[я] рукопись эта неполна и многія мѣста искажены переписчикомъ, а замѣчанія автора весьма кратки—когда не относятся къ главной цѣли его странствованія, и весьма риторичны,—когда онъ говоритъ о духовныхъ предметахъ, тѣмъ не менѣе въ путешествіи много любопытнаго. Уступая въ интересѣ извѣстному «хожденію» игумена Даніила, священника Іоанна Лукьянова (1710 г.), не говоря уже о Трифонѣ Коробейниковѣ и другихъ лицахъ, посѣщавшихъ Іерусалимъ въ до-петровску[ю]

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библіографической рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаются отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1870** г., редакція готова наконецъ приступить къ новому ея изданію, при чемъ оно будетъ напечатано только въ томъ числѣ экземпляровъ, сколько поступитъ до 1-го мая сего 1875 г. заявленій о желаніи пріобрѣсти это изданіе и будетъ разослано лицамъ подписавшимся.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ, съ рисунковъ автора Записокъ, виньетокъ.

Цѣна новаго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Атаманъ Войска Донскаго

А. К. ДЕНИСОВЪ.

1763—1841.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 ФЕВРАЛЯ 1875 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

.1763 — 1841.

XXI.[1])

Знамя и похвальная грамота войску Донскому. — Предложеніе Платова Денисову. — Просьба Иловайскаго. — Походъ казаковъ на турецкую границу. — Рымникъ. — Дѣйствія русскихъ войскъ за Дунаемъ. — Платовъ. — Багратіонъ. — Милорадовичъ. — Ланжеронъ и Сергѣй Каменскій. — Отъѣздъ Денисова изъ арміи въ Петербургъ. — Барклай-де-Толли.

1808—1811.

Въ продолженіе всей первой войны Россіи съ французами, въ Пруссіи, донскіе казаки принимали весьма дѣятельное участіе и оказывали блистательные подвиги, за что императоръ Александръ I, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ донскому войску знамя при похвальной грамотѣ, въ которой подтверждены всѣ дарованныя этому войску права и преимущества и выражены слѣдующія замѣчательныя слова: «врожденная бдительность донскихъ воиновъ ограждала спокойствіе нашей арміи, а главнокомандующему служила вмѣсто недремлющаго ока».[2])

Въ то самое время, когда россійскія войска боролись съ французами въ Пруссіи, Наполеонъ успѣлъ возстановить турецкаго султана противъ Россіи, и войска наши, готовясь къ войнѣ съ Турціею, заняли всѣ лежащія на лѣвомъ берегу Дуная турецкія области. Войсковой атаманъ, Платовъ, получилъ также повелѣ-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 27—49; 237—271.

[2]) «Истор. Донскаго войска», В. Броневскаго, часть II, стр. 178.

ніе—слѣдовать, съ своими 15-ю донскими полками, изъ Пруссіи въ молдавскую армію нашу. Денисову онъ предложилъ на выборъ: или идти съ нимъ, или остаться на прусской границѣ. Денисовъ рѣшился на послѣднее изъ не желанія сталкиваться съ Платовымъ, отношенія съ которымъ принимали болѣе и болѣе непріязненный видъ; но въ минуту этого предложенія, и когда Денисовъ задумался что̀ дѣлать—идти-ли въ Молдавію или оставаться въ Пруссіи, въ комнату Платова вошли донской генерал-маіоръ Николай Васильевичъ Иловайскій и съ нимъ полковые командиры тѣхъ донскихъ полковъ, которые назначались въ Молдавію. Иловайскій спросилъ Денисова:

— Точно-ли правда, дядя, что вы хотите остаться на границѣ?

(Иловайскій не былъ родственникомъ Денисову и называлъ его такъ по привычкѣ). Адріянъ Карповичъ подтвердилъ, что хочетъ остаться на границѣ Пруссіи.

— Сдѣлай милость, дядя, уважь просьбу всѣхъ, идущихъ въ Молдавію. А я въ особенности прошу: не оставь насъ и иди съ нами. Мы всѣ васъ любимъ и почитаемъ.

Адріянъ Карповичъ былъ тронутъ, а Платовъ, какъ замѣтилъ Денисовъ, остался этою сценою недоволенъ. «Но меня сіе не остановило и я, съ должнымъ почтеніемъ, просилъ атамана, что, буде можно, чтобы отмѣнилъ мое согласіе и причислилъ къ полкамъ, слѣдуемымъ въ Молдавію».

— Какъ же вы такъ скоро перемѣняете ваши мысли?—сказалъ Платовъ.

Денисовъ сослался на то, что происходило въ глазахъ атамана.

— Хорошо,—продолжалъ Платовъ,—вы пойдете въ Молдавію.

Иловайскій обнялъ Денисова и благодарилъ; тоже сдѣлали и прочіе командиры. Денисовъ получилъ одинъ полкъ, названный его именемъ. Казаки шли скоро. Адріянъ Карповичъ чувствовалъ себя больнымъ; въ Винницѣ онъ совѣтовался съ докторомъ и запасся лекарствами. По приходѣ къ Днѣстру, казачьи полки расположились лагеремъ, а на зиму заняли кантонир-квартиры. Полкъ Денисова стоялъ въ Тульчинѣ, гдѣ онъ познакомился съ домомъ графовъ Потоцкихъ. Лѣтомъ 1808 г. Денисовъ перешелъ въ мѣстечко Атаки и сталъ лагеремъ. Такъ какъ военныхъ дѣйствій не происходило, то Адріянъ Карповичъ, съ позволенія главнокомандующаго, генерал-фельдмаршала кн. Прозоровскаго,

съѣздилъ на два мѣсяца на Донъ. Найдя родителей своихъ крайне слабыми, онъ хотѣлъ уже подать въ отставку, но отецъ «повелительно сказалъ, чтобъ я этого не дѣлалъ предъ начинающеюся кампаніею, чтобы я окончилъ свои подвиги съ такою же ревностію, какъ оные началъ и продолжалъ, и что я, находясь при нихъ, не могу продолжить ихъ жизни». По возвращеніи изъ отпуска въ армію, Денисовъ нашелъ свою бригаду уже въ Молдавіи, въ мѣстечкѣ Текучь, откуда осенью казаки перешли въ селеніе Мартинешти, а потомъ къ мѣстечку Рымнику и далѣе къ р. Дунаю, недалеко отъ Браилова. Денисовъ описываетъ рѣку Рымникъ: «Я ее видѣлъ, что она течетъ не болѣе какъ небольшой ручей, чрезъ которой можно человѣку перепрянуть. И мнѣ-жъ случилось видѣть, что меньше чѣмъ въ сутки, рѣка сія выступила изъ береговъ, наполнила всю окрестную дистанцію и низменныя мѣста съ такимъ стремленіемъ, что волки, лисицы и зайцы многіе потонули, которыхъ, по сбытіи воды, я самъ видѣлъ».

По истеченіи лѣта, Денисовъ, съ 7-ю или 9-ю полками, пошелъ за Днѣстръ въ Ярышевъ, оттуда къ Пяти-горамъ, а потомъ въ Умань. Весною 1809 г. полки Денисова опять перешли Днѣстръ и Прутъ, стояли въ Бузео и въ селеніи Привалы, недалеко отъ Галаца. 28-го мая армія наша перешла Дунай. Денисовъ и два другихъ донскихъ генерала (Ник. Вас. Иловайскій и Дм. Еф. Кутейниковъ) посланы были впередъ собирать свѣдѣнія о непріятелѣ. Денисовскіе казаки схватили курьера, посланнаго отъ визиря въ Браиловъ. Для удобства и бо́льшаго успѣха въ дѣйствіяхъ генералы Иловайскій и Кутейниковъ сами подчинили себя Денисову, какъ старшему. Казаки захватили у турокъ большое количество скота и снабдили имъ всю армію. Потомъ Денисовъ, вмѣстѣ съ Платовымъ, занялъ Бабадахъ и оттуда они пошли на Гирсово и далѣе на Сатискю и другія татарскія селенія. Жители ихъ разбѣжались, а непріятель показался не ближе уже Черноводъ, въ числѣ 4 тысячъ. Въ Кюстенджи стоялъ паша съ войскомъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ, а близъ Дуная, при селеніи Россевата, находился сераскиръ съ 7—10-ю тысячами. Стычки были незначительны. Армія наша двигалась на Сатискю и Кюстенджи. Денисовъ посланъ былъ впередъ съ казаками и двумя драгунскими полками, которыми командовалъ генерал-маіоръ

гр. Паленъ. Съ этими небольшими силами Денисовъ долженъ былъ стать у Кюстенджи и не выпускать непріятеля. Подъ проливнымъ дождемъ и сопровождаемыя громомъ и молніею шли войска къ мѣсту назначенія. «Темно было такъ, что никто не могъ видѣть шерсти своей лошади»; въ темнотѣ колонны сталкивались. Это побудило Денисова соединить войска въ одну колонну. Несмотря на темноту и отсутствіе проводниковъ, полковникъ Ефремовъ, шедшій впереди, привелъ Денисова прямо къ Кюстенджи. Здѣсь онъ оставался нѣсколько дней, а драгуны и часть казачьихъ полковъ вытребованы были къ арміи, которою за смертію фельдмаршала, кн. Прозоровскаго, командовалъ кн. Багратіонъ.

«Какъ мое нахожденіе было близко отъ главной арміи, которая обложила уже крѣпость Кюстенджи, то я самъ поѣхалъ къ войсковому атаману, Платову, для полученія приказаній и узнанія о будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ. Платова нашелъ я близъ самой крѣпости, у кладбища, на землѣ спящаго, почему, не обезпокоивая его, поѣхалъ къ новому главнокомандующему, кн. Багратіону, котораго также нашелъ недалеко находящагося, на курганѣ, при окончаніи его завтрака. Онъ весьма милостиво меня принялъ и даже обласкалъ снисходительнымъ и уважительнымъ своимъ разговоромъ и приказалъ подкрѣпить меня остатками завтрака и виномъ. Побывъ тутъ нѣсколько, я возвратился къ атаману Платову, которому обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и донесъ. Въ тотъ же день, при захожденіи солнца, получилъ я повелѣніе: съ 4-мя донскими полками поспѣшно слѣдовать къ Дунаю, къ Черноводамъ, въ подкрѣпленіе генералу Милорадовичу. которой тамъ, съ особымъ корпусомъ, стоялъ и наблюдалъ движеніе сераскира. Мнѣ дано было такое отъ Платова словесное приказаніе, чтобы, подойдя къ войскамъ Милорадовича и не доходя до нихъ, остановился особымъ лагеремъ и исполнялъ бы приказанія Милорадовича, но всегда бы отдѣльно стоялъ отъ его корпуса. На что я принужденъ былъ откровенно ему, атаману, доложить, что я такого повелѣнія, тѣмъ болѣе словеснаго, не могу выполнить, почему онъ ту жъ минуту приказалъ точно въ такомъ смыслѣ написать мнѣ ордеръ, который, подписавъ, и вручилъ мнѣ, а потомъ, сдѣлавъ мнѣ нужныя приказанія и наставленія, отпустилъ».

«Я немедленно выступилъ съ тѣми полками въ походъ. Скоро по наступленіи ночи, нашла на насъ, подобная же прошедшей, туча; дождь лилъ съ громомъ и молніею нѣсколько часовъ, но какъ намъ мѣста были уже знакомы и мы шли прямою дорогою, то и не были въ большомъ затрудненіи. Однако всѣ доведены были до изнеможенія. На утренней зарѣ достигли мы вершинъ Черноводъ и какъ уже начало быть нѣсколько свѣтло, приказалъ я близъ воды остановиться полкамъ для отдохновенія. Почему наряженые для передовыхъ пикетовъ при офицерахъ казаки и отправлены были впередъ, которые весьма скоро, и такъ что мы еще не успѣли какъ должно стать, донесли мнѣ съ разныхъ пунктовъ, что большія толпы туровъ идутъ прямо на меня. Зная по прежнимъ донесеніямъ и показаніямъ плѣнныхъ, что въ сихъ мѣстахъ находился одинъ паша, имѣющій отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ войска, а четыре казачьи полка, бывшіе у меня, не составляли и 1,500 человѣкъ, да и тѣхъ лошади были доведены до большой усталости я былъ въ большомъ затрудненіи,—почти, такъ сказать, не зналъ что и начать, но рѣшился не бѣжать, а биться. Я поставилъ три полка подъ небольшою, крутою горою, закрыто, съ тѣмъ, чтобы нечаяннымъ ударомъ воспользоваться, а четвертому полку, Сысоева,[1]) идти на непріятеля смѣло.

«Сысоевъ, по всегдашней его отмѣнной и похвальной храбрости, съ бодрымъ духомъ пустился на непріятеля и, сблизясь къ оному, всѣмъ своимъ полкомъ сдѣлалъ ударъ, а въ полку его едва-ли было болѣе 300 чел. Всѣ Сысоева казаки съ большою отважностью пустились на туровъ, но, не доскакавъ и не вступая въ бой, остановились при видѣ такого сильнаго непріятеля. Самъ непріятель, какъ полагать надобно, удивившись необычайной бодрости такъ малаго числа казаковъ и боясь нѣтъ-ли сильныхъ засадъ, не атаковалъ ихъ. Сысоевъ, пробывъ около получаса передъ непріятелемъ на мѣстѣ, возвратился назадъ таковымъ же порядкомъ, не показавъ и виду боязни, чѣмъ я оставался весьма доволенъ и также пошелъ немедленно къ назначенному мнѣ мѣсту».

«На другой день, предъ полуднемъ, достигъ я корпуса генерала Милорадовича и, остановя при водѣ полки свои, самъ

---

[1]) Впослѣдствіи извѣстный храбростію и заслугами, донскаго войска генерал-лейтенантъ. **Ад. Ч.**

явился къ сему генералу, подалъ ему о числѣ своего войска рапортъ, донесъ обо всемъ нужномъ, равно и о томъ повелѣніи отъ атамана Платова — чтобы не соединяться съ его корпусомъ, а быть нѣсколько отдѣльно отъ онаго. На послѣднее Милорадовичъ мнѣ сказалъ:

— «Хорошо; будьте же вы съ полками тамъ, гдѣ остановились.

«На лицѣ его ясно было видно большое неудовольствіе, и хотя я, въ оправданіе моей невинности, доложилъ ему, что я далеко нахожусь отъ атамана Платова, что я вступилъ уже въ его, Милорадовича, команду и потому за долгъ поставляю всѣ его приказанія исполнять въ точности; но, и за всѣмъ тѣмъ, Милорадовичъ оставался хладнокровенъ и весьма мало со мною говорилъ. Я возвратился къ своимъ полкамъ. Какъ въ эти послѣдніе годы я часто чувствовалъ припадки нездоровья, то и въ это время чувствовалъ большую въ себѣ слабость, и хотя укрѣплялъ себя купаньемъ въ холодной водѣ, но чаще былъ боленъ, нежели здоровъ»

«На тотъ же день, въ вечеру, толпы турокъ изъ лагеря сераскира сближались къ передовымъ моимъ казачьимъ пикетамъ, съ которыми мы и вступили въ перестрѣлку. Генерал-маіоръ Иловайскій, имѣя начальство надъ донскими казачьими полками, въ корпусѣ Милорадовича состоящими, подкрѣпилъ мои передовые пикеты и также перестрѣлкою удерживалъ непріятеля. Потомъ я, съ своими полками, двинулся впередъ закрытымъ мѣстомъ, остановился и ожидалъ приближенія непріятеля, дабы вступить съ нимъ въ бой, но турки, продолжая перестрѣлку съ часъ времени, остались и тѣмъ довольны, и возвратились въ свой лагерь. По великой усталости лошадей и изнуренію самыхъ людей, я не преслѣдовалъ оныхъ и самъ возвратился въ лагерь».

«На другой или третій, послѣ того, день, главнокомандующій, князь Багратіонъ, прибылъ со всею арміею къ корпусу генерала Милорадовича и, сколько припомню, на другой день, въ ночь, двинулся къ сераскиру-пашѣ, стоящему при Рассеватѣ, близъ Дуная. Я явился въ команду войсковаго атамана, Платова, который приказалъ мнѣ слѣдовать отдѣльно, на небольшую дистанцію, съ лѣваго флангу. Когда мы приближились къ непріятелю, гдѣ было довольно широкихъ дефилей, имѣющихъ не малые кустарники, по которымъ невозможно было полкамъ проходить, а обходя ихъ, нельзя было соблюсти назначенную мнѣ ди-

станцію, атаманъ прислалъ ко мнѣ полковника, князя Мадатова, съ словеснымъ приказаніемъ, чтобы я шелъ съ полками по его направленію (указанію?). Когда я сказалъ Мадатову, что это совершенно противно военнымъ, особо казачьимъ, правиламъ, то онъ отвѣчалъ, что имѣетъ точныя на это приказанія. Я повиновался, но когда Мадатовъ мнѣ показалъ одно для занятія позиціи мѣсто, подобное кургану, которое въ половину по высотѣ было много заросшее кустарниками, то я остановился и требовалъ отъ князя Мадатова, чтобъ онъ поскакалъ къ атаману и донесъ бы ему, что это мѣсто совершенно не удобно. Мадатовъ, по возращеніи, сказалъ, что онъ точно ошибся и показалъ впереди другое подобное же мѣсто, болѣе возвышенное, но кустарниками не заросшее и на которое, по крутости онаго, съ трудомъ казаки могли въѣзжать. Я видѣлъ, что и сіе мѣсто весьма неудобное, но повиновался начальнику моему, взошелъ и остановился въ боевомъ порядкѣ. Атаманъ потребовалъ отъ меня Сысоевъ полкъ, тогда я остался съ тремя полками и получилъ словесное приказаніе отъ атамана, а послѣ и прямо отъ главнокомандующаго, чтобы наблюдалъ слѣва, куда мною и были уже двѣ партіи посланы, да и самъ я съ занятаго мною высокаго мѣста на большую дистанцію могъ все видѣть. Вторично войсковой атаманъ мнѣ приказалъ—наблюдать движеніе его бунчуга,[1]) и тогда, когда я увижу его въ движеніи, то, по направленію онаго, спѣшилъ бы съ полками на непріятеля».

«Армія наша была вблизи отъ меня и въ виду моемъ; началась атака пальбою изъ пушекъ. При семъ случаѣ турки видя, что я на высотѣ и не имѣю удобности скоро сойти съ оной и имъ вредить, стали—конные и пѣшіе—сближаться къ моимъ полкамъ, открыли стрѣльбу изъ ружей и ранили болѣе 10-ти казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые отъ тяжелыхъ ранъ скоро и померли. Наша армія пошла впередъ, на непріятеля, и турки, не дожидаясь приближенія оной, побѣжали: вся пѣхота вверхъ по Дунаю, по самому берегу, а конница—по разнымъ направленіямъ. Тогда я, хотя и не могъ видѣть атаманскаго бунчуга, пустился съ горы, но, по крутизнѣ оной, съ большимъ затруднені-

---

[1]) Атаманское знамя, которое всегда развѣвалось у ставки войскового атамана.

Ад. Ч.

емъ, такъ, что казаки большею частію принуждены были сойти съ лошадей и пѣшіе спускались. Тогда предстояла мнѣ другая гора, на которую не только невозможно было поспѣшно въѣзжать, но лошади съ большимъ затрудненіемъ и шагомъ всходили. Взойдя на гору, я увидѣлъ, что непріятель опередилъ мои полки и многіе казаки въ разсыпную преслѣдуютъ онаго. Тогда я приказалъ и полковнику Осипу Иловайскому также въ разсыпную преслѣдовать непріятеля, а самъ, съ моимъ полкомъ и съ полкомъ генерал-маіора Николая Иловайскаго, спѣшилъ догнать непріятельскую пѣхоту, заскакалъ ей напередъ, но, по неудобности мѣстоположенія, не могъ оной атаковать ни съ фланговъ, ни съ тылу, а спереду безъ артилеріи не могъ остановить, о чемъ и донесъ тотъ часъ атаману Платову и предлагалъ, что ежели угодно принудить сію турецкую пѣхоту къ сдачѣ или побить, то чтобы прислалъ двѣ пушки и нѣсколько драгунъ, а самъ я продолжалъ идти во флангъ турокъ и не отставалъ отъ нихъ; тутъ еще ко мнѣ присоединились, при одномъ штаб-офицерѣ, два или четыре эскадрона (хорошо не припомню) чугуевскихъ казаковъ».

«Я выжидалъ удобное мѣсто, дабы атаковать непріятеля съ разныхъ сторонъ. Мѣсто таковое недалеко и предстояло — большая равнина, но болотистая. Тутъ прискакалъ ко мнѣ совершенно одинъ, даже и безъ единаго казака, генерал-маіоръ Павелъ Иловайскій и, какъ старшій, требовалъ отъ меня остановить непремѣнно непріятеля. Я ему отвѣчалъ:

— «Это невозможно и я уже дѣлалъ такое испытаніе».

«Онъ, какъ бы не повѣря сему, потребовалъ чугуевскій эскадронъ и часть казаковъ и поставилъ оныхъ впереди. Турки сгустили себя, шли бодро и производя сильную пальбу многихъ переранили казаковъ, а остальные разсыпались. Въ это время сюда же прискакалъ генералъ Милорадовичъ безъ войска, проѣхалъ мимо меня, поговорилъ съ генераломъ Павломъ Иловайскимъ и, не приказавъ мнѣ ничего, оба они поѣхали въ сторону, къ арміи. Ночь сближалась; непріятель спѣшилъ въ бѣгствѣ своемъ и былъ уже отъ меня не близко. Боясь наткнуться на засады, я отрядилъ двѣ или три большихъ партіи неотступно преслѣдовать непріятеля далѣе, а самъ съ генерал-маіоромъ Николаемъ Иловайскимъ дожидался послѣдствій движенія сихъ партій, которыя,

по возвращеніи, привели ко мнѣ болѣе 10-ти человѣкъ плѣнныхъ и 3-хъ или 4-хъ турецкихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ былъ одинъ бим-паша. Тогда я, возвратившись съ находившимися при мнѣ казаками къ арміи, послалъ въ разныя стороны небольшія партіи собирать казаковъ, увлекшихся преслѣдованіемъ турокъ».

«Армія отъ мѣста сраженія двинулась впередъ и остановилась, и я съ полками нѣсколько двинулся впередъ, гдѣ мнѣ было показано. На другой день узналъ я, что атаманъ Платовъ, въ томъ, что мало непріятелей побито и взято въ плѣнъ, винитъ меня, и очень недоволенъ. Я нарочито былъ у главнокомандующаго, чтобы раскрыть въ чемъ меня винятъ и объяснить ему нужное въ оправданіе свое. Онъ въ одобреніе мнѣ ничего не сказалъ, но весьма милостиво принялъ. Во все сіе время я терпѣлъ боль въ головѣ и, какъ видѣлъ, что я болѣе и болѣе дѣлаюсь нездоровъ, то и принужденъ былъ подать рапортъ, чтобы мнѣ позволено было удалиться отъ командованія полками, дабы принять нужныя мѣры къ возстановленію своего здоровья, въ чемъ мнѣ и не было отказано».

«Между тѣмъ армія выступила въ походъ къ Силистріи и, подойдя къ оной крѣпости, обложила оную почти безъ сраженія. Тогда при арміи и я находился по собственному желанію, дабы видѣть всѣ дѣйствія и операціи и познать болѣе военныхъ оборотовъ. Пробывъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, по волѣ начальства и по моему желанію, я удалился въ мѣстечко Бузео, что въ Валахіи, и тамъ нерѣдко занимался съ моими крѣпостными людьми, которыхъ, по небогатству моему, весьма было мало,— два или три человѣка,— псовою охотою, а иногда, особо въ вечеру, съ немногими познакомившимися со мною, занимался и игрою въ бостонъ отъ 5 до 10-ти коп. призъ. Я былъ въ полномъ увѣреніи, что, по вступленіи арміи въ квартиры, буду отпущенъ въ домовый отпускъ до излеченія, о чемъ главнокомандующаго много разъ просилъ и всегда былъ обнадеживаемъ,— какъ вдругъ, уже во время большихъ холодовъ, получаю чрезъ нарочнаго повелѣніе—явиться въ армію къ главнокомандующему. Повинуясь оному, я на почтовыхъ явился къ его сіятельству и нашелъ его сидящимъ въ коляскѣ, который мнѣ сказалъ:

— Явитесь къ атаману Платову; онъ все знаетъ и вы получите отъ него рѣшеніе.

«По слуху я зналъ, что войска, особенно казачьи полки, въ худомъ положеніи, и потому я догадывался, что призванъ командовать тѣми полками донскими, которые останутся за Дунаемъ, почему просилъ покорнѣйше главнокомандующаго отпустить меня въ домъ, что необходимо было нужно для слабаго моего здоровья, причемъ я сказалъ, что это приму за большое награжденіе. На это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Я очень васъ знаю и все будетъ хорошо.

«Князь Багратіонъ приказалъ своему кучеру ѣхать, а я пошелъ къ Платову и доложилъ ему, что былъ у главнокомандующаго и что онъ мнѣ сказалъ. Платовъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ ничего болѣе не знаетъ, какъ вручить въ мое командованіе всѣ казачьи полки, за Дунаемъ остающіеся, и тутъ же приказано подать мнѣ отъ главнокомандующаго на мое имя повелѣніе, которое о томъ же гласило. Признательно сказать—тогда потерялъ я равнодушіе и огорченіе заставило меня прослезиться; но одно меня утѣшало, что симъ корпусомъ будетъ командовать почтенный, благоразумный и добрый генералъ, гр. Ланжеронъ, котораго я хорошо зналъ. Атаманъ Платовъ скоро отправился за главнокомандующимъ на зимнія квартиры. Я явился къ гр. Ланжерону, получилъ нужныя повелѣнія и наставленія и принялъ въ вѣдѣніе мои казачьи полки».

Шесть донскихъ казачьихъ полковъ, оставленныхъ подъ начальствомъ Денисова при корпусѣ гр. Ланжерона, занимали линію отъ Дуная до Чернаго моря. Лошади казачьи были сильно изнурены, «да и самые казаки были худо одѣты: мундиры всѣ излатаны, а у нѣкоторыхъ и того не доставало. О фуражѣ и думать было нечего». Къ счастію казаковъ зима была теплая, снѣгу совершенно не было, и лошади могли поправиться подножнымъ кормомъ. 5-го октября гр. Ланжеронъ объявилъ Денисову, что онъ ожидаетъ на мѣсто свое другого генерала. Его замѣнилъ гр. Сергѣй Михайловичъ Каменскій, требовавшій отъ Денисова движенія на непріятеля и пораженія его. Адріанъ Карповичъ представлялъ невозможность этого, вслѣдствіе изнуренія лошадей и доносилъ, «что казаки не только что не могутъ искать и поражать непріятеля, но съ большою нуждою могутъ ретироваться къ полку, ежели будутъ атакованы на пикетахъ». Спустя послѣ того полтора или два мѣсяца, когда лошади поправились, Денисовъ доложилъ Каменскому, «что теперь можно

уже сдѣлать хотя недальнюю экспедицію». Съ согласія Каменскаго Денисовъ выбралъ до 1,000 годныхъ лошадей изъ всѣхъ полковъ и взялъ въ экспедицію всѣхъ полковыхъ командировъ. Отъ Черноводъ онъ отправилъ впередъ храбрыхъ офицеровъ, Андріянова и Сулина, съ сильною партіею. «Оня прогнали изъ 3-хъ селеній непріятельскихъ фуражировъ и нѣсколько взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ или трехъ чиновниковъ, чѣмъ я, при холодной погодѣ, а также по недостатку провіанта и по слабому положенію казачьихъ лошадей, остался доволенъ и возвратился». Гр. Каменскій благодарилъ Денисова за этотъ набѣгъ и, по представленію его, Денисовъ былъ награжденъ алмазными знаками св. Анны 1-й степени.

Послѣ этого всѣ войска наши оставались спокойными до весны. Главнокомандующимъ, вмѣсто Багратіона, назначенъ гр. Николай Михайловичъ Каменскій. Корпусъ гр. Сергѣя Михайловича Каменскаго былъ усиленъ. Съ казачьими полками, двумя регулярными, и полуротою артилеріи, Денисовъ командированъ былъ къ Сатиско и къ Черноводамъ.

«Здѣсь я пробылъ нѣсколько недѣль безъ всякого дѣйствія, кромѣ того, что казачьи партіи были посылаемы для развѣдыванія непріятеля, которыя нигдѣ не встрѣчались съ онымъ, но почти всегда возвращались съ добычею скота. Изъ этого скота я давалъ весьма мало и только самое нужное войскамъ, въ моей командѣ состоящимъ, а все безъ остатку (отправлялъ) въ корпусное дежурство, за исполненіемъ чего самъ наблюдалъ. Въ одинъ таковой разъ я дознаъ, что одинъ офицеръ регулярнаго полку, имѣя подъ своимъ смотрѣніемъ казенныхъ воловъ, по нечаянности, изъ нихъ утратилъ двухъ, которому я приказалъ выдать оныхъ изъ добычныхъ и показать отданными на порціи. Это его сіятельству, гр. Сергѣю Михайловичу Каменскому, показалось излишнимъ и онъ настоятельно требовалъ отъ меня въ присылку тѣхъ двухъ быковъ. Такое требованіе принудило меня изъ бывшей добычи утаить двухъ быковъ и послать въ замѣну прежнихъ. Съ того времени я примѣтилъ, что его сіятельство на меня смотритъ неравнодушно, чему, конечно, была другая причина, можетъ быть и та, что я часто откровенно докладывалъ ему, чтобъ казаковъ не употреблялъ въ разводы и меньше бы приказывалъ имѣть ихъ въ дежурствѣ своемъ».

Потомъ отношенія между Денисовымъ и гр. Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ ухудшились изъ-за маіора Попова, котораго Каменскій находилъ виновнымъ въ томъ, что онъ будто бы упустилъ непріятеля и не преслѣдовалъ его, а Денисовъ совершенно оправдывалъ этого офицера. Когда затѣмъ Денисовъ узналъ, что регулярные казачьи полки и артилерія, бывшіе подъ его начальствомъ, получили помимо его повелѣніе—возвратиться къ корпусу, а ему приказано съ однимъ его полкомъ занять двойную цѣпь, «что составляло болѣе 100 верстъ», и держаться твердо въ случаѣ атаки, то Денисовъ «испросилъ увольненія въ армію до излеченія».

«Любя всегда правду и слѣдуя ея правиламъ, я партикулярнымъ письмомъ объяснилъ главнокомандующему все, и даже что удаленію моему отъ командованія главная причина есть дѣйствіе корпуснаго командира, и просилъ о позволеніи остаться партикулярно при арміи—что онъ и позволилъ и далъ мнѣ знать о томъ словесно чрезъ дежурнаго».

Оставаясь при арміи безо всякой подначальственной части, Адріянъ Карповичъ находился при взятіи Силистріи и движеніи арміи на Шумлу. Потомъ онъ оставилъ армію и съ генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ поѣхалъ въ Валахію. Въ Бухарестѣ Денисовъ прожилъ до возвращенія туда главнокомандующаго, графа Николая Михайловича Каменскаго, и, по болѣзни своей, долженъ былъ прибѣгать къ совѣтамъ докторовъ; получивъ же дозволеніе удалиться изъ арміи, Денисовъ переѣхалъ въ Яссы, тамъ сдалъ полкъ свой, и въ началѣ 1811 г. отправился въ Петербургъ для испрошенія отставки отъ службы. На просьбу объ этомъ, военный министръ, Барклай-де-Толли, передалъ ему, что: «государю императору угодно, чтобы я оставался въ службѣ и что въ опытныхъ въ войнѣ генералахъ его величество предвидитъ надобность. И я слышу,— прибавилъ отъ себя Барклай-де-Толли,— что можетъ быть такая надобность и скоро послѣдуетъ». На сіе я ему доложилъ, что

— «Основательнаго ничего не знаю, но о замыслахъ Наполеона говорятъ много,—что я готовъ на границахъ Россіи или внутри отечества пролить кровь мою и умереть, но прошу только за границу меня не употреблять».

Войсковой атаманъ Платовъ, которому Денисовъ передалъ разговоръ свой съ Барклай-де-Толли, сказалъ:

— «Я сему радъ, потому что наказной атаманъ, генерал-лейтенантъ Кирѣевъ.[1]) жалуется на слабость здоровья и проситъ увольненія. Я вручу вамъ въ управленіе войско донское.

«Должность сію я уже предъ симъ два раза занималъ и зналъ, что пользы въ оной содѣлать (можно много), но и подъ отвѣтственность легко можно попасть, и что у Платова я не найду милости», поэтому Денисовъ просилъ военнаго министра отклонить предложенное Платовымъ назначеніе, «въ чемъ онъ меня и обнадежилъ».

XXII.

Возвращеніе на Донъ.—Назначеніе наказнымъ атаманомъ.—Дѣйствія Денисова въ 1812 г. — Назначеніе войсковымъ атаманомъ послѣ смерти гр. Платова. — Предположенія Денисова объ улучшеніи законоположеній войска донскаго. — Несогласія съ Чернышевымъ. — Отставка отъ должности войсковаго атамана.

1811 — 1821.

Въ исходѣ марта 1811 года Адріянъ Карповичъ Денисовъ выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Тверь, Москву и Воронежъ на Донъ, гдѣ нашелъ «единственное мое дитя съ двумя малыми ея дочерьми, оставленное, или яснѣе сказать — брошенное мужемъ». Денисовъ посвятилъ себя имъ и своему хозяйству. Въ 1812 году Денисовъ поѣхалъ пользоваться кавказскими минеральными водами, гдѣ принималъ горячія ванны и пилъ воды, но среди леченія получилъ повелѣніе принять должность наказнаго атамана и управлять войскомъ.[2]) Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ леченіе водами, какъ вдругъ получилъ два извѣстія: одно — объ остановкѣ дѣлъ въ войсковой канцеляріи, другое — о вторженіи Наполеона въ Россію.

Тогда Денисовъ немедленно отправился въ Новочеркаскъ и

---

[1]) Платовъ былъ войсковымъ атаманомъ войска донскаго, а въ отсутствіе его съ Дона отправлялъ эту должность временно назначаемый генералъ, съ званіемъ «Наказнаго атамана». Такъ было до 2-го октября 1827 г.; въ этотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора; съ того времени донскимъ войсковымъ атаманамъ присвоено названіе «Войсковой наказный атаманъ». Ад. Ч.

[2]) По формулярному списку значится, что онъ вступилъ въ эту должность 29-го іюля 1812 г. Ад. Ч.

тотчасъ же приступилъ къ формированію новыхъ донскихъ полковъ для арміи, а также пригласилъ всѣхъ донскихъ жителей къ пожертвованіямъ для защиты отечества. Онъ собралъ наличное донское дворянство и объявилъ, что будетъ стараться составить «сколь можно болѣе изъ отставныхъ казаковъ и малолѣтковъ, могущихъ управлять оружіемъ и лошадью, столько полковъ, сколько только возможно, и къ командованію ими употребить всѣхъ отставныхъ генераловъ, штаб-и обер-офицеровъ но, какъ таковыхъ возрастовъ казаки не всѣ имѣютъ годныхъ на службу лошадей, то, чтобы дворянство пожертвовало оныхъ, на что всѣ дворяне наши охотно согласились, и что непремѣнно они выставятъ 1,500 лошадей, — что и было ими исполнено». Сословіе донскихъ торговцевъ (купцовъ) Денисовъ согласилъ пожертвовать на нужды донскихъ полковъ 100 тысячъ рублей; а всѣ вообще жители войска донскаго были приглашены къ помощи войсковому начальству оружіемъ, сѣдлами и другими военными принадлежностями. Въ короткій срокъ Денисовъ сформировалъ 26 полковъ, опредѣлилъ къ нимъ командировъ и отправилъ полки съ шестью орудіями конной донской артилеріи въ армію. Все это донское ополченіе шло къ Москвѣ безъ роздыховъ, не менѣе 60 верстъ въ день и явилось въ Тарутинскій лагерь, имѣя въ однихъ и тѣхъ же рядахъ и убѣленныхъ сѣдиною дѣдовъ и юныхъ внуковъ ихъ [1]). Денисовъ самъ пытался вступить въ армію и просилъ объ этомъ войсковаго атамана, но Платовъ отвѣчалъ ему письмомъ, «что ежели-бъ Денисовъ не былъ при войскѣ (на Дону), то онъ въ таковыхъ обстоятельствахъ принужденъ бы былъ запереть войсковую канцелярію и оставить безъ присутствія». Отправивъ въ армію донское ополченіе, Денисовъ предпринялъ поѣздку по всѣмъ донскимъ станицамъ, «дабы въ оныхъ поселить хотя нѣкоторое утѣшеніе, потому что оставшіе—сущіе старики, жены и дѣти—наполняли воздухъ стонаніемъ и воплемъ».

Немного однакожъ станицъ могъ посѣтить Денисовъ: войсковая канцелярія просила его поскорѣе прибыть въ Новочеркаскъ «для важнаго дѣла». Дѣло это заключалось въ поимкѣ наполеоновскаго шпіона, изъ поляковъ, который, по мнѣнію Де-

---

[1]) См. полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго; т. V, стр. 93 и 94. Ад. Ч.

нисова, былъ сумасшедшимъ. Онъ отправилъ его къ фельдмаршалу Кутузову. Потомъ, когда завѣдующій военнымъ министерствомъ, князь Горчаковъ, прислалъ 117 тысячъ рублей на покупку донскихъ лошадей для арміи, то Денисовъ, купивъ требовавшееся число лошадей, употребилъ на это менѣе половины присланной суммы, а остальныя деньги отправилъ обратно. За труды по формированію донскаго ополченія и за всю дѣятельность по отправленію должности наказнаго атамана въ 1812 году, Денисовъ получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, а въ слѣдующемъ 1813 году, при содѣйствіи уже фельдмаршала князя Кутузова, онъ награжденъ чиномъ генерал-лейтенанта.[1])

По изгнаніи Наполеона на островъ Эльбу и по возстановленіи на престолѣ французскомъ Бурбоновъ, Адріянъ Карповичъ просилъ увольненія отъ должности наказнаго атамана и замѣненъ бывшимъ его военнымъ товарищемъ, генерал-лейтенантомъ Николаемъ Васильевичемъ Иловайскимъ.[2]) Въ это время Денисовъ потерялъ дочь, оставившую трехъ дѣтей: двухъ дѣвочекъ и мальчика. Адріянъ Карповичъ выпросилъ у зятя внучекъ, повезъ ихъ на Донъ и приставилъ къ нимъ гувернантку — Клару Фейгангъ.

Въ 1818 году скончался, въ донскомъ имѣніи своемъ, Еланчикскомъ, войсковой атаманъ гр. Платовъ, и Денисовъ призванъ былъ къ должности войскового атамана.

«Исполняя волю моего государя, я вступилъ въ сію новую мою обязанность. Прилагая попеченія мои, чтобы вникнуть во всѣ принадлежащія вѣдѣнію моему дѣла, я неусыпно старался разузнать — откуда произошли разнообразія въ нарядахъ казаковъ на службу, въ составленіи полковъ, какъ въ походахъ, такъ и особенно въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, чему былъ, по всегдашнему моему нахожденію въ оныхъ, очевидцомъ. И ясно увидѣлъ, что, не имѣя твердыхъ и утвержденныхъ государями и военною колегіею правилъ, а примѣняя оныя различно войсковые и полковые начальники, одни изъ нихъ самые лучшіе, храбрые и усерднѣйшіе, бывъ управляемы однимъ или двумя случаями, дѣлали каждый свои предложенія и заключенія, другіе же, не бывъ руководимы сими по-

---

[1]) Указъ о производствѣ Денисова въ ген.-лейт. состоялся мая 21-го, 1813 г.
[2]) Денисовъ уволенъ 1815 г., апрѣля 4.

лезными правилами и слѣдуя одному лишь честолюбію, измѣняли оныя, дѣлали свое противное тѣмъ заключеніе и весьма нерѣдко ошибочное, что все произвело такое разногласіе, что многіе не знали даже и того—для чего принято имѣть всегда впереди полковъ полковыя знамена, а также, что одни называли казачьи сотни—эскадронами, другіе—ротами; одни строили полки—во фронтъ, другіе — въ линію, казаки же, пріученные строиться лавою, не понимали значенія фронта или линіи, не знали, что считать лучшимъ, сожалѣли и смущались, что не по древнему обычаю ими управляютъ. Къ тому-жъ еще я видѣлъ, что требовались отъ казаковъ разными полковыми начальниками, а можетъ быть и другими, вытяжка и узкіе мундиры, а какъ казаки, въ военное время, не то что по нѣсколько дней, а иногда и по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, во всякое время года, при ненастной и холодной погодѣ, бываютъ въ непрестанныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ и что таковое исполненіе сверхъ силы человѣческой, да и кромѣ того, съ сокрушеніемъ сердца я удостовѣрился, что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковыя захватываются людьми сильными въ войскѣ,—то по всему этому рѣшился я всеподданнѣйше представить всемилостивѣйшему государю моему о позволеніи: составить комитетъ, разсмотрѣть всѣ оныя дѣянія, изложить что есть нужное и лучшее для блага войсковыхъ жителей, и то, что пользамъ оныхъ противное, и, по разсмотрѣніи въ комитетѣ, представить на всевысочайшее рѣшеніе. Все сіе нужно было и потому, что даже и все внутренное положеніе казаковъ — въ самыхъ ихъ жилищахъ, требовало разсмотрѣнія и твердаго положенія. Государь императоръ милостиво принялъ мое мнѣніе, повелѣлъ составить просимый мною комитетъ и прикомандировалъ къ оному членомъ своего генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Чернышева. Между тѣмъ я, до составленія сего комитета, бывъ уже войсковымъ атаманомъ, и усматривая крайнюю бѣдность войсковой казны, отдалъ, обще съ войсковою канцеляріею, горячіе напитки на откупъ, на четырехгодичное время, соединивъ во оный всѣ отрасли донскихъ обитателей, какъ то: станицы и помѣщичьи селенія, гдѣ горячее вино было употребляемо. И хотя подобные откупы и прежде того существовали, но не уравнительно, ибо въ оные входили только казачьи селенія, такъ-называемыя станицы, а помѣщичьи селенія исключи-

тельно оставались на произволѣ ихъ владѣльцевъ. Этимъ помѣщики весьма остались недовольны мною, когда члены войсковой канцеляріи, изъ тѣхъ же помѣщиковъ избранные, находили таковое мое предложеніе о причисленіи къ откупу и помѣщичьихъ имѣній справедливымъ и даже необходимымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя сыскныя начальства [1]) находились собственно въ помѣщичьихъ селеніяхъ, ибо содержаніе земской полиціи, по примѣру губернскихъ, называемой на Дону: «сыскныя начальства», относимо было на войсковые доходы, а доходы войсковые отъ откупа происходили. Къ тому-жъ требовались большія суммы на общія войсковыя строенія, на содержаніе почтъ, на исправленіе по дорогамъ мостовъ, отчего нерѣдко вовсе недоставало на расходы собираемой въ войсковую казну суммы.

«Комитетъ составленъ былъ подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ генерал-адъютанта Чернышева, генерал-лейтенанта Карпова, генерал-маіора Черевкова, полковника Андріянова, подполковника Шамшева и статскаго совѣтника Болгарскаго. Начали разсуждать о существующихъ для войска положеніяхъ и дѣйствіяхъ, причемъ нерѣдко доходило до противурѣчій, что помоему и должно было быть. Хотя по волѣ всемилостивѣйшаго государя моего я былъ предсѣдателемъ, но охотно позволялъ всѣ споры, дабы видѣть все справедливѣе и лучше, и самъ я,—желая исполнить въ точности волю моего государя, и мое ходатайство предъ его величествомъ въ точности выполнить, дабы всѣми средствами положеніе войска донскаго, какъ въ домашнемъ его нахожденіи, такъ и въ походахъ и въ особенности въ военныхъ обстоятельствахъ, содѣлать лучшимъ,—часто въ противность всѣхъ другихъ мнѣній говорилъ откровенно — чѣмъ, полагаю, и поставилъ всѣхъ членовъ противъ себя. А какъ помѣщики всѣ вообще давно уже мною по откупу были недовольны и даже были отъ нихъ доносы, будто откупъ былъ основанъ на интересахъ и несправедливъ, то комитетъ занялся изслѣдованіемъ откупа. Противъ чего, какъ дѣло касалось уже до меня, я вначалѣ молчалъ, но когда увидѣлъ, что очень часто и почти каждое засѣданіе комитетъ занимался однимъ только откупомъ, нѣсколько разовъ словесно предлагалъ, чтобъ таковое дѣло, не касающееся

[1]) То, что въ губерніяхъ назывались—земскіе суды. Ад. Ч.

до комитета, передано было въ сенатъ, а комитетъ занимался бы предстоящею ему обязанностію».

«Между тѣмъ, еще при начальномъ вступленіи моемъ въ должность, крестьяне нѣсколькихъ донскихъ господъ оказали неповиновеніе и дошли до буйства, но я ихъ, однако, скоро усмирилъ и привелъ въ должное повиновеніе, а въ 1820 г. вновь, во многихъ донскихъ селеніяхъ, крестьяне оказали неповиновеніе и буйство. Я принялъ мѣры для прекращенія онаго и донесъ главному начальству о томъ и о моемъ предположеніи, и послалъ чрезъ нарочнаго, который возвратился безъ отвѣта и доложилъ мнѣ словесно, что онъ, по приказанію полиціи, принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ самое короткое время. Генерал-адъютантъ Чернышевъ, въ маѣ мѣсяцѣ того же (1820) года, препроводилъ ко мнѣ именное повелѣніе, коимъ неповиновеніе крестьянъ поручено прекратить ему, а я чтобы дѣлалъ ему зависящее отъ меня во всемъ пособіе. Въ это самое время у меня были готовы казачьи полки на перемѣну находящихся на кавказской линіи, которые я, по требованію генерала Чернышева, отдалъ въ полную его команду. Съ этими полками онъ и отправился на лѣвую сторону Дона, въ неповинующееся гг. Орловыхъ имѣніе. Я предвидѣлъ, что таковое дѣйствіе можетъ долго продлиться и предложилъ войсковой канцеляріи заготовить въ нужныхъ мѣстахъ провіантъ: догадка моя оправдалась событіемъ. Въ это же время на правой сторонѣ Дона, верстъ за 200 отъ имѣнія Орловыхъ, другіе крестьяне отказались повиноваться. Я увѣдомилъ о томъ ген.-ад. Чернышева, который просилъ меня принять свои мѣры въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ и помочь ему. Имѣя въ сборѣ большую часть полка, по древнему обыкновенію называемаго «атаманскимъ», которымъ тогда командовалъ отличный полковникъ, Кирсановъ, приказалъ я ему спѣшить къ главному скопищу бунтующихъ людей, въ селеніе гг. Мартыновыхъ, Голодаевку, такъ какъ бунтующіе крестьяне расположились въ самой близкой дистанціи отъ онаго селенія лагеремъ, и ежели бы кто изъ крестьянъ осмѣлился оказать что противное своимъ помѣщикамъ, таковыхъ брать подъ караулъ. Распорядившись въ скорости умножить посланное мною наскоро число казаковъ изъ ближайшихъ казачьихъ селеній, я приказалъ принять всю оную команду извѣстному по храбрости и расторопности генерал-маіору Иловайскому, что и было ис-

полнено немедленно и въ точности, но на другой или на третій послѣ того день явился ко мнѣ находящійся при генерал-адъютантѣ Чернышевѣ, генерал-маіоръ Богдановичъ, съ сообщеніемъ, что Чернышевъ вручаетъ ему, Богдановичу, эту часть казаковъ и чтобы я на это согласился—что не находя противнымъ, я исполнилъ въ точности. Генерал-маіоръ Богдановичъ, по прибытіи къ своему мѣсту, и какъ старшій уже генералъ, неизвѣстно мнѣ почему, со всею оною командою отступилъ отъ селенія Голодаевки за нѣсколько верстъ, а генералъ Чернышевъ, усмиря въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ находился, крестьянъ, переправился чрезъ Донъ со всѣми полками, спѣшилъ къ селенію Голодаевкѣ, присоединилъ къ нимъ гвардейскій казачій эскадронъ, роту артилеріи и пѣхотный регулярный полкъ, окружилъ главныхъ зачинщиковъ и усмирилъ оныхъ. Хотя и въ другихъ разныхъ селеніяхъ, и даже въ сосѣдственной губерніи оказались-было неповиновенія крестьянъ, но все это было имъ генерал-адъютантомъ Чернышевымъ, прекращено. Таковыми скорыми дѣйствіями всѣхъ полковъ, бывшихъ въ усмиреніи крестьянъ, такъ казачьи лошади изнурились, что къ дальнѣйшему употребленію были уже неспособны, почему полки и были распущены по домамъ, по окончаніи всѣхъ сихъ дѣйствій.

«Генералъ Чернышевъ изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ, какъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, составилъ комисію, сокрыто отъ меня, и нашли меня въ этихъ неустройствахъ. буйствахъ и неповиновеніи крестьянъ виноватымъ, а почему? я и донынѣ не знаю. Комитетъ собрался и члены онаго зачали заниматься не должностію, а болѣе откупомъ, открывъ, что генерал-лейтенантъ Карповъ и генерал-маіоръ Черевковъ имѣютъ участіе въ откупѣ, которые въ томъ и не таились; но оные члены участвовали въ откупѣ только тѣмъ, что помогали откупщику деньгами и залогами. Объ этомъ было представлено генерал-адъютантомъ Чернышевымъ государю императору, почему и было повелѣно гг. Карпова и Черевкова исключить изъ членовъ комитета, а вмѣсто ихъ опредѣлены генерал-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, бывшій послѣ того вскорѣ атаманомъ, и генерал-маіоръ Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ,[1]) которые въ засѣданіяхъ не дѣлали ни возраженій

[1]) Впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи и войсковой наказный атаманъ съ 1827 по 1836 г.

и не высказывали своихъ предположенiй, а молчали и подписывали журналы. Чернышевъ уже рѣдко сталъ согласоваться съ моимъ мнѣнiемъ, а я, видя въ немъ нетвердыя познанiя, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствiяхъ, принужденъ былъ оставаться при моихъ мнѣнiяхъ. Я утверждался въ нихъ тѣмъ, что родился отъ казака, прожилъ многiе годы въ жилищахъ казаковъ, въ военныхъ дѣйствiяхъ начальствуя ими заслуживалъ нерѣдко похвалы отъ моихъ главныхъ начальниковъ и даже удостоился оной чести еще отъ генерал-фельдмаршала князя Потемкина; великая государыня Екатерина знала меня по реляцiямъ, что мнѣ сдѣлалось вѣдомо чрезъ ближнихъ ея вельможъ, какъ я находился еще въ чинѣ подполковника; князь Италiйскiй графъ Суворовъ-Рымникскiй, отдавая, по дѣйствiямъ моимъ, справедливость, часто называлъ меня «гетманомъ» и, по возвращенiи изъ Италiи, я его видѣлъ въ Польшѣ, больного, въ послѣднiй разъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ обыкновенное слово: «Ка̀рповичъ! Ка̀рповичъ! Я тебя не такъ наградилъ, какъ слѣдуетъ, а ты меня не забывай». Гордясь всѣми сими одобренiями и тѣмъ, что всѣ донскiе герои именовали меня «учителемъ военныхъ правилъ», а также по истинной преданности моей царямъ россiйскимъ и отечеству моему, которымъ я служилъ вѣрно и усердно, и что я самъ предложилъ объ устройствѣ казачьихъ положенiй и дѣйствiй,—то по всему сему почиталъ за грѣхъ измѣнить въ чемъ-либо мое мнѣнiе и предположенiе. Отъ сего до того изнемогался, что сдѣлался опасно боленъ, пролежалъ нѣсколько недѣль въ постели въ ожиданiи смерти, не бывалъ въ комитетѣ, и когда сдѣлалось мнѣ нѣсколько легче, получилъ изъ Лайбаха,—гдѣ генерал-адъютантъ Чернышевъ въ это время находился,—именное высочайшее повелѣнiе, что я отставленъ, а вмѣсто меня назначенъ наказнымъ войсковымъ атаманомъ, генерал-маiоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскiй. Въ повелѣнiи сказано, что это государемъ сдѣлано по доносу Чернышева, что я будто часто останавливалъ дѣйствiя комитета и за злоупотребленiя въ рыбныхъ ловляхъ.

«Рыбная ловля по Дону есть самая древняя привилегiя донскихъ казаковъ. Всѣ казаки при ловлѣ рыбы обязаны не задерживать оную и не запирать рѣки Дона сѣтьми чрезъ всю ширину рѣки сей. Селенiе казачье—станица Старо-Черкасская, было ближайшее

къ Азовскому морю, отъ онаго около 60-ти верстъ. Рыба, войдя изъ моря въ рѣку, проходила всякой годъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ по рѣкамъ Дону, Хопру и Медвѣдицѣ въ самыя верхнія казачьи станицы, чѣмъ и доставляла хорошее изобиліе казакамъ. Въ недавнія времена станица Старо-Черкасская приписала подъ именемъ «приписныхъ», но не военныхъ, изъ малороссійскихъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ, и когда правительство, узнавъ объономъ, обратило въ казаки, то оные и населили станицы: Аксайскую, Гниловскую, Елисаветовскую и другія, ниже и ближе къ морю лежащія отъ Старо-Черкасска. По многолюдству своему они такъ сѣтями запирали Донъ, что весною, въ вышеозначенные мѣсяцы, едва рыба проходила въ маломъ количествѣ за 200 верстъ отъ моря; въ другое же время она изъ моря вовсе не выходитъ. Этимъ и были по крайней мѣрѣ изъ 5-ти четыре части казаковъ лишены прежняго изобилія. Зная это, я предложилъ войсковой канцеляріи разсмотрѣть, а войсковая канцелярія,—находя справедливымъ, чтобы всѣ вообще донскіе казаки могли пользоваться рыбою, тѣмъ болѣе, что новопришельцы оною пользуются до обогащенія себя, а старожилы того лишены,—сдѣлала распоряженіе о свободномъ проходѣ рыбы по всему Дону, не обижая другихъ, за чѣмъ и досмотръ былъ сдѣланъ. За это отъ нѣкоторыхъ казачьихъ селеній, называемыхъ станицами, я получилъ благодарность. Таковое однакожъ распоряженіе мое въ рескриптѣ поставлено мнѣ въ вину».

«Но, исполняя волю моего государя, я тотчасъ приказалъ всѣмъ (моимъ подчиненнымъ) со всѣми бумагами, въ ихъ вѣдѣніи находящимися, явиться къ новому начальнику по своимъ обязанностямъ».

«Дежурный штаб-офицеръ, бывшій при мнѣ, полковникъ Черевковъ, знающій хорошо свое дѣло, съ каковымъ познаніемъ мало кто и есть по войску, полагать надобно еще за нѣсколько мѣсяцевъ до моей отставки, отъ опасенія быть въ отвѣтственности, столь сдѣлался пьянъ, что заболѣлъ и не былъ въ силахъ продолжать своей обязанности, почему принужденъ я былъ его смѣнить другимъ подполковникомъ, мало свѣдущимъ въ грамотѣ. Хотя я около трехъ годовъ находился войсковымъ атаманомъ и въ три раза прежде наказнымъ атаманомъ, но не имѣлъ въ городѣ Новочеркаскѣ своего дома, проживалъ въ оное время въ чужихъ

домахъ, то и сей случай (отставка) меня нашелъ въ такомъ же положеніи. Хозяинъ онаго дома тотчасъ потребовалъ отъ меня, чтобы я очистилъ его домъ — чего прежде не предлагалъ. Я имѣлъ въ виду другой, извѣстный мнѣ домъ, хотя и не столь удобный, и перешелъ въ него, но и сей хозяинъ тожъ требовалъ отъ меня очистить оный. Тогда принужденъ я былъ перейти въ собственной домъ, купленный готовымъ у одного казака, которой болѣе походилъ на пустыню или келью, въ которомъ отъ скуки и сокрушенія былъ я вседневно боленъ и просилъ наказного атамана о позволеніи мнѣ выѣхать въ ближайшее мое имѣніе, но мнѣ въ сей просьбѣ не было удовлетворенія. Я принужденъ былъ состоять подъ вѣдѣніемъ полиціи; имѣніе мое, все, даже бѣлье и необходимой столовой приборъ, которые были весьма малоцѣнны, были описаны».

«Наконецъ, по сильному моему убѣжденію, одинъ чиновникъ. подполковничьяго чина, позволилъ мнѣ, за хорошую цѣну, перейти въ его домъ, что однакожъ я счелъ за большое одолженіе. Всѣ прежде бывшіе при мнѣ знакомые и даже одолженные мною — оставили меня совершенно и, проѣзжая иногда или проходя, не хотѣли или не смѣли даже и взглядывать на тотъ домъ, гдѣ я находился. Я былъ въ городѣ совершенно чуждый человѣкъ и видѣлъ при себѣ только моихъ слугъ. Въ таковомъ (тяжеломъ и обидномъ) положеніи прожилъ я всю весну и лѣто и уже въ глубокую осень, съ строгимъ обязательствомъ, позволено мнѣ выѣхать въ мое имѣніе съ тѣмъ, чтобы никуда не выѣзжать изъ онаго и, по первому призыву, являться въ войсковую канцелярію, или къ атаману».

По смѣнѣ съ атаманства, Денисовъ не занималъ никакой должности до самой смерти. Ходатайства его о дарованіи донскому войску положительныхъ правилъ осуществились изданнымъ въ 1835 г. законѣ, подъ именемъ: «Положеніе объ управленіи войска донскаго». Это положеніе дѣйствуетъ до сихъ поръ, но подверглось многимъ измѣненіямъ и дополненіямъ; оно послужило образцомъ для отдѣльныхъ положеній каждому изъ прочихъ казачьихъ войскъ, которыя и издавались въ послѣдующіе года́ послѣ 1835, разновременно для того или другаго войска. Нынѣ существуетъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ «комитетъ для пересмотра всѣхъ казачьихъ законополо-

женій» и для начертанія новыхъ, современныхъ. Въ комитетѣ этомъ членами-представителями отъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Получивъ отставку отъ службы, Денисовъ занялся воспитаніемъ внучекъ и улучшеніемъ своихъ имѣній, до крайности разстроенныхъ и обремененныхъ долгами. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ займу, обращался ко многимъ, но ни въ комъ не нашелъ помощи, исключая родного брата своего — генерал-маіора Логина Карповича Денисова, «но и тотъ помогъ въ половину». Гувернантка внучекъ, вдова чиновника, Клара Фейгангъ, оставила домъ Денисова и онъ взялъ престарѣлую француженку съ дочерью, 20-ти лѣтъ. Въ первый годъ дѣло воспитанія внучекъ шло хорошо, но потомъ гувернантка стала капризничать и требовала удвоить жалованье, несмотря на то, что получала почтенную цифру, 1,500 рублей въ годъ, такъ что Денисовъ принужденъ былъ ей отказать. Вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ его генерал-маіоръ Любецкій, съ сыномъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ, и началъ сватать за сына старшую внучку Адріяна Карповича. Бракъ состоялся. Потомъ и младшая внучка его выдана въ замужество за хорунжаго донскаго войска, Никанора Акимовича Машлыкина.[1])

Въ началѣ разсказа Денисовъ упомянулъ, что онъ всю жизнь свою лечился. Служебныя огорченія послѣдняго времени еще болѣе разстроили его здоровье. По прибытіи изъ Ново-Черкаска въ имѣніе его, онъ рѣдко когда могъ заснуть. «Каждую ночь», — говоритъ онъ, — «я почти можно сказать совершенно не сплю». По слабости здоровья, Денисовъ не могъ принять участіе и въ свадьбѣ своей младшей внучки, почему просилъ родную сестру свою, жившую въ замужествѣ за 400 верстъ отъ него,[2]) «принять на себя попеченіе выдать сію послѣднюю; и такъ бракъ сей совершился, котораго я и не видѣлъ», говоритъ онъ.

Здѣсь оканчиваются Записки Адріяна Карповича Денисова.

---

[1]) У Денисова былъ еще внукъ отъ той же дочери, Адріянъ Ивановичъ Егоровъ. О немъ въ Запискахъ Адріяна Карповича не упоминается, вѣроятно потому, что внукъ воспитывался у отца въ Орловской губерніи. Впослѣдствіи внукъ этотъ наслѣдовалъ все имѣніе дѣда — Адріяна Карповича. Ад. Ч.

[2]) Варвару Карповну, бывшую въ замужествѣ за донскимъ полковникомъ, Петромъ Захаровичемъ Сычовымъ. Ад. Ч.

Славный атаманъ войска донскаго, сподвижникъ Суворова, столь любезный ему витязь «Карповичъ» прожилъ послѣ удаленія отъ службы еще 20 лѣтъ и умеръ 78 лѣтъ отъ роду, въ 1841 г., въ деревнѣ своей Анастасіевкѣ, на Дону, въ Міусскомъ округѣ. Кажется онъ имѣлъ ордена: св. Александра Невскаго, полученный въ бытность войсковымъ атаманомъ, и св. Георгія 3-й степени, но когда эти ордена ему пожалованы—въ запискахъ не упоминается.[1]) Потомства мужескаго пола у него не было. Ближайшимъ родственникомъ его въ настоящее время есть—отставной гвардіи полковникъ, Илья Васильевичъ Денисовъ, потомокъ прадѣда Адріяна Карповича — Денисова-Батыря, отъ втораго сына послѣдняго, Ѳедора Денисовича (Адріянъ Карповичъ былъ внукъ перваго сына Дениса-Батыря, Петра Денисовича). Въ этой второй отрасли Дениса-Батыря, была также замѣчательная личность: внукъ его, бригадиръ Илья Ѳедоровичъ. Боевые подвиги Ильи Ѳедоровича въ прусскую войну награждены въ 1755 г. императрицею Елисаветою Петровною большою золотою медалью съ ея портретомъ, а потомъ такими же медалями отъ Екатерины Великой и отъ австрійской императрицы Маріи-Терезіи Въ рескриптѣ на его имя отъ императрицы Екатерины II значится: «Я собственноручно возложила на васъ орденъ св. Владиміра 3-й степ.», а изъ актовъ военной колегіи видно, что всѣ несовершеннолѣтнія сыновья Ильи Ѳедоровича, за службу отца, произведены въ войсковые старшины, тогда какъ послѣдній изъ этихъ сыновей, Авксентій (дѣдъ нынѣ живущаго полковника Ильи Васильевича Денисова), былъ еще въ колыбели.

Сообщ. **Ад. П. Чеботаревъ.**

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ за 1818 г. показанъ онъ кавалеромъ: св. Анны 1-й ст., св. Владиміра 2-й ст. и св. Іоана Іерусалимскаго. Сверхъ того онъ имѣлъ золотую саблю, алмазами украшенную и прусскіе ордена: Краснаго Орла и за военныя достоинства (pour le merite). **Ад. Ч.**

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ

1739—1791.

Исполинская личность Потемкина рѣзко выдѣляется изъ сонма сподвижниковъ Екатерины II. Его умъ, дарованія, способности, разнообразная дѣятельность во всѣхъ правительственныхъ сферахъ, гигантскіе замыслы и подвиги, наконецъ самый складъ характера, сотканнаго изъ противорѣчій,— все своеобразно и необычайно въ этомъ баловнѣ счастія. Почти двадцать лѣтъ (1773—1791) Потемкинъ — по выраженію Державина —„былъ наперсникомъ сѣверной Минервы" и этотъ періодъ былъ самымъ блестящимъ ея царствованія. Смерть застигла Потемкина въ цвѣтѣ мужества, но сразила его кстати, въ то время, когда звѣзда его уже достигла своего поворотнаго круга. Потемкинъ не пережилъ своей славы: смерть въ степи, близъ Новороссійскаго края, призваннаго къ жизни княземъ Таврическимъ, достойно завершила земное поприще человѣка, которому въ близкомъ будущемъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, грозила опала, можетъ быть даже ссылка... Опала разразилась надъ гробницею Потемкина; злоба и ненависть заровняли могильную насыпь надъ его останками, но не такъ легко было истребить память о немъ, и время оправдало вѣщія слова Державина:

Въ пыли героевъ попираютъ!
Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ!

Отдавая Потемкину должную справедливость, Екатерина, однако же, не увѣковѣчила подвиговъ князя Таврическаго памятникомъ въ Петербургѣ, или въ Царскомъ Селѣ,— ни при его жизни, ни послѣ смерти — но, при всемъ томъ, подобно Суворову, Потемкинъ живетъ въ памяти народной и долго будетъ жить въ преданіяхъ русской

земли. Донынѣ у насъ еще нѣтъ надлежащей біографіи Потемкина, точно также какъ и исторіи Екатерины. Потемкину еще не отведено мѣсто по заслугамъ въ отечественной исторіи и всѣ его біографіи, до сихъ поръ напечатанныя, можно назвать только болѣе или менѣе неудачными попытками. „Жизнь и дѣянія князя Потемкина-Таврическаго". Спб., 1811 г. 2 части; также „Жизнь Потемкина" описанная его племянникомъ, гр. Самойловымъ,—восторженный панегирикъ; біографіи, составленныя Бантышъ-Каменскимъ,—формулярные списки, подцвѣченные риторикой. За симъ слѣдуютъ статьи біографическихъ словарей; сборники анекдотовъ, до крайности избитыхъ, если они правдивы, и большею частью вымышленныхъ, если только въ нихъ находится что-нибудьновое. Существуетъ множество отрывчатыхъ свѣдѣній о Потемкинѣ, разбросанныхъ по журналамъ и газетамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Не говоримъ о сочиненіяхъ иностранцевъ: за исключеніемъ Гельбига и Массона—онѣ большею частью переполнены клеветами и напраслинами, либо носятъ на себѣ отпечатокъ памфлета, или пасквиля.

Разработка отечественной исторіи XVIII столѣтія началась у насъ не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Смягченія цензурнаго гнета вызвали изъ-подъ спуда множество архивныхъ документовъ и способствовали обнародованію фактовъ, донынѣ сохранявшихся въ болѣе или менѣе искаженныхъ устныхъ преданіяхъ. Стремленіе публики къ изученію исторіи, помимо обнародованія воспоминаній, записокъ, дневниковъ, вызвало нѣсколько повременныхъ историческихъ изданій, посвященныхъ собиранію и разработкѣ отечественныхъ историческихъ матеріаловъ. Изъ нихъ, кн. Потемкинау — выпала значительная доля: такъ напримѣръ, въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества и въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи, будущій біографъ князя Таврическаго найдетъ много важныхъ, первичныхъ свѣдѣній. Вообще число обнародованныхъ данныхъ къ жизнеописанію Потемкина значительно и болѣе увеличивается.

Не задаемся мыслію составленія біографіи Потемкина, но, приступая къ печатанію значительнаго собранія разнообразныхъ документовъ, до него относящихся, признаемъ необходимымъ представить эти матеріалы въ рамкѣ изъ фактовъ его жизни, съ указаніемъ, по мѣрѣ возможности и надобности, на противорѣчія и нѣкоторыя погрѣшности біографовъ. Документы, печатаемые нами, знакомятъ, какъ съ нѣсколькими новыми сторонами государственной дѣятельности Потемкина, такъ и съ нѣкоторыми нравственными его чертами и отношеніями къ современникамъ. Въ этихъ бумагахъ, впервые нами обнародываемыхъ, видны проблески высокихъ свойствъ и оттѣнки слабостей, присущихъ человѣку, но въ тѣхъ и въ другихъ видна мощная, ши-

рокая натура человѣка необыкновеннаго. Повторяемъ, нашъ біографическій очеркъ служитъ только нитью, связующею документы въ хронологической послѣдовательности.[1])

Ред.

I.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ собственномъ пензенскомъ помѣстьи, сельцѣ «Маншина», проживалъ отставной армейскій подполковникъ Александръ Васильевичъ Потемкинъ.[2])

Одинъ изъ его предковъ, Петръ Ивановичъ, окольничій двора царя Ѳедора Алексѣевича и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей, въ 1668—1681 гг. былъ нашимъ посланникомъ въ Мадритѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Копенгагенѣ. Внукъ Петра Ивановича не выдѣлился изъ ряда посредственностей, а отецъ князя Таврическаго, Александръ Васильевичъ, современникъ и годами почти ровесникъ Петра Великаго, зоркаго на-

---

[1]) Приступая къ нашему очерку, считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ свѣдѣніяхъ о кн. Г. А. Потемкинѣ, которыя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» въ теченіе ея перваго пятилѣтія: Фамильныя свѣдѣнія (1872 г., т. V, стр. 463—468). Отношенія Потемкина къ его матери (1871 г., т. III, стр. 40). Письма къ нему Румянцова, 1774 — 1779 (1873 г., т. VIII, 720—722). Письма А. А. Безбородко (т. VIII, 732, 733, 887—889). Участіе въ войнѣ, 1784. Месть Денисову за дядю (т. X, 19—22, 34—35). Разсказы о Потемкинѣ (X, 153, 154, 157). Приказъ по войскамъ. Письмо къ Екатеринѣ II и записка объ одеждѣ и вооруженіи силъ, 1783 (т. VIII, 722—728). Письмо П. С. Потемкина (1870 г., т. II, 403—404). Отзывъ о Потемкинѣ кн. М. М. Щербатова (1871 г., т. III, 678—681). Устроенные имъ въ Бѣлоруссіи заводы (1872 г., т. IV, 106). Ссора съ З. Г. Чернышевымъ (IV, 116—117). Разсказъ о Потемкинѣ (VII, 262—263). Покровительство П. Б. Пассеку (IV, 218, 219). Покровительство кн. А. И. Горчакову (1872 г., т. V, 144). Основаніе Херсона (т. V, 223). Выговоръ отъ императрицы (т. V, 142). Переписка съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (т. VIII, 666, 668, 864—866). Кончина Потемкина (1870 г., т. II, 129—130). Кромѣ того, любопытныя о немъ свѣдѣнія въ «Запискахъ Болотова» (т. IV, въ приложеніи, часть XXIII. Письма 235—240; томъ VIII, часть XXVII. Письма 213—282, анекдоты о Потемкинѣ) и въ Запискахъ Добрынина 1780 г. (Рус. Ст. т. IV, стр. 114 — 118 о пребываніи Екатерины II въ Могилевѣ).

[2]) Съ первыхъ же строкъ нашего очерка приходится указывать на разнорѣчія біографовъ Потемкина. Бантышъ-Каменскій («Біографіи генералиссимусовъ» и т. д. Спб., 1840 г., часть II стр. 56) называетъ отца Потемкина отставнымъ гарнизоннымъ маіоромъ; тоже и у Гельбига (Russische Günstlinge, Tü-

ходчика и цѣнителя способныхъ людей, не обратилъ на себя особеннаго его вниманія, такъ какъ, за исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и, при всемъ томъ, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи подполковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется отчасти его характеромъ: онъ былъ человѣкъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную колегію на освидѣтельствованіе. Снимая мундиръ, онъ, въ числѣ предсѣдательствовавшихъ членовъ, узналъ унтерофицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ, въ бытность его въ капитанскомъ чинѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ:

— Какъ? И онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны.

И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года.

По выходѣ въ отставку, Потемкинъ поселился въ деревнѣ и зажилъ однообразно, полудикою жизнію помѣщика стараго времени. Все его состояніе ограничивалось тремя стами душъ въ разныхъ губерніяхъ и о тѣхъ велись неизбѣжныя и нескончаемыя тяжбы. Донынѣ еще не обрѣтены достовѣрныя свѣдѣнія о первой женѣ Александра Потемкина, извѣстно только, что жили они розно (онъ—въ пензенскомъ, она—въ смоленскомъ имѣніи), и что дѣтей у нихъ не было.

Случайно проѣзжая село «Большое Скуратово», на кіевской дорогѣ, Потемкинъ увидѣлъ проживавшую тамъ, у родныхъ покойнаго своего мужа, молодую вдову Дарью Васильевну Скуратову, рожденную Кондыреву; влюбился въ красавицу и, выдавъ себя за вдовца посватался и обвѣнчался. Обманъ открылся послѣ свадьбы двоеженца, когда молодая его жена была уже

---

bingen, 1809, in 8°, 502 s., vidi s. 386). Графъ А. Н. Самойловъ (Жизнь и дѣянія кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго изд. 1812 г.,—также см. въ «Р. А.» 1867 г.) говоритъ, что отецъ Потемкина былъ отставной подполковникъ арміи (стр. 588); тоже находимъ и въ «Фамильныхъ извѣстіяхъ о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т V, стр. 463—468). Между тѣмъ, существуетъ еще преданіе, будто отецъ Потемкина былъ смоленскій протоіерей (?). См. «Р. А.» 1866 г.: Письма и записки кн. Италійскаго гр. А. В. Суворова-Рымникскаго, предисловіе, стр. 929.

беременна.[1]) Потребовавъ у мужа свиданія съ его первою, покинутою супругою, Дарья Васильевна тронула ее своими мольбами и довела до благороднѣйшаго самопожертвованія: Потемкина пошла въ монастырь, вскорѣ постриглась и этой смертью для свѣта узаконила второй бракъ своего мужа. Все это не пошло въ прокъ Дарьѣ Васильевнѣ. Слѣдствіемъ неравенства лѣтъ (мужъ былъ тридцатью годами ея старѣе) была съ его стороны ревность: онъ держалъ взаперти молодую жену и деспотическимъ обхожденіемъ довелъ почти до слабоумія и безъ того недальнюю Дарью Васильевну. Первыя ихъ дѣти были дочери.[2]) Во второй или въ третій, разъ беременная Потемкина видѣла странный сонъ: прямо съ неба на нее катилось солнце и она пробудилась отъ страха.

Вскорѣ послѣ того, 16-го сентября 1739 г., у нея родился сынъ—Григорій.[3])

Потемкины проживали тогда въ селѣ «Чижевѣ» (Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда). Рожденіе сына не только не порадовало старика Потемкина, но почему-то возбудило въ немъ подозрѣніе въ его законности и вслѣдствіе этого было причиною ухудшеніе и безъ того незавиднаго быта Дарьи Васильевны. Защитникомъ бѣдной матери и ея ребенка былъ двоюродный братъ Потемкина — Григорій Матвѣевичъ Козловскій, президентъ камер-колегіи. Принимая самое родственное участіе въ малолѣтнемъ Григоріи, своемъ крестникѣ, онъ, по просьбѣ Дарьи Васильевны,

---

[1]) Въ примѣчаніи къ біографіи Потемкина, составленной графомъ А. Н. Самойловымъ («Р. А.» 1867 г.), показано: «родомъ Скуратова, въ первомъ бракѣ за Кондыревымъ. Мы придерживаемся «Фамильныхъ извѣстій о кн. Потемкинѣ» («Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 465).

[2]) Марѳа и Марья, см. ниже родословіе семьи Александра Васильевича Потемкина.

[3]) Въ показаніи года рожденія Потемкина у его біографовъ находимъ разнорѣчія и цифра колеблется между 1736 и 1742 годомъ. Въ біографіи, сочиненной графомъ А. Н. Самойловымъ, на одной страницѣ показанъ 1740 г., на другой — 1742 г. Въ запискахъ А. Н. Энгельгардта (Москва, 1868 г., стр. 40) показанъ 1736 годъ. По нѣкоторымъ сообщеніямъ мы останавливаемся на 1739 г. Что же касается до числа, нами показаннаго (такъ какъ въ біографіяхъ говорится глухо: «родился въ сентябрѣ»), мы имѣли въ виду слѣдующее обстоятельство: въ старину строго соблюдался обычай давать новорожденному имя святаго, празднуемаго черезъ двѣ недѣли отъ дня рожденія. Потемкинъ праздновалъ день имянинъ 30-го сентября (св. муч. Григорія епископа Арменіи, св. Михаила перваго митрополита кіевскаго и преподобнаго Григорія).

взялъ его по пятому году къ себѣ на воспитаніе. Послѣ сына у Потемкиныхъ были еще дѣти—дочери; но сумасбродное подозрѣніе не угасало въ душѣ старика Потемкина, въ особенности благодаря навѣтамъ его двоюроднаго брата, Сергѣя Дмитріевича Потемкина. Желая воспользоваться имѣніемъ Александра Васильевича, онъ всячески клеветалъ на Дарью Васильевну и наконецъ довелъ старика до того, что тотъ подалъ челобитную, опровергавшую брачный союзъ. Г. М. Козловскій, призвавъ А. В. Потемкина въ присутствіе, настоялъ на возвращеніе ему челобитной обратно, съ надписью.

Александръ Васильевичъ умеръ въ 1746 г. и вдова его, съ пятью дочерьми, оставшись при весьма ограниченнихъ средствахъ, переселилась въ Москву.

Гриша Потемкинъ, или Грицъ, какъ его называлъ крестный отецъ, росъ и воспитывался у него въ домѣ, въ Москвѣ, вмѣстѣ съ его сыномъ и своимъ ровестникомъ—Сергѣемъ. Способности мальчика были необыкновенныя и предвѣщали ему великую будущность. Крестный отецъ говаривалъ о немъ: «Грицу моему, либо быть въ чести, либо не сносить головы». До поступленія въ университетъ, Григорій Потемкинъ и Сергѣй Козловскій посѣщали учебное заведеніе Литкена, въ Нѣмецкой слободѣ.

30-го мая 1755 года молодой Григорій Потемкинъ былъ записанъ въ конную гвардію рейтаромъ; 15-го августа 1757 года произведенъ въ капралы; 31-го декабря 1758 года въ гефрейткапралы, а 19-го іюня 1759 года — въ каптенармусы. Всѣми этими повышеніями Потемкинъ былъ удостоенъ, не состоя на дѣйствительной службѣ, числясь въ Московскомъ университетѣ и продолжая посѣщать лекціи. Кромѣ добраго крестнаго отца, въ воспитаніи Потемкина принималъ большое участіе родственникъ его матери, генерал-поручикъ Александръ Артемьевичъ Загряжскій. Былъ у него и еще одинъ милостивецъ—баронъ Строгановъ, къ которому Потемкинъ, по приказанію матери, хаживалъ на поклонъ въ праздничные дни.

Характеръ Потемкина-юноши представлялъ странную смѣсь любознательности и легкомыслія, склонности къ ученымъ трудамъ и лѣни, въ особенности же набожностью, не соотвѣтственною возрасту. Онъ любилъ бесѣдовать съ лицами духовнаго званія: посѣщалъ іеродіакона греческаго монастыря Дороѳея и прилежно

занимался у него греческимъ языкомъ; часто бесѣдовалъ о священномъ писаніи и о духовныхъ обрядахъ съ умнымъ священникомъ приходской церкви Николая чудотворца. Постоянный посѣтитель этого храма, Григорій Потемкинъ прислуживалъ священнику въ алтарѣ, раздувалъ кадило и выношивалъ свѣчи предъ евангеліемъ и святыми дарами. Но изъ-подъ личины искренной или напускной набожности, нерѣдко пробивалась наружу ребяческая шаловливость. Такъ, однажды, при посѣщеніи крестнаго отца Потемкина грузинскимъ преосвященнымъ, молодой Григорій, надѣвъ на себя полное его облаченіе, вышелъ къ гостямъ, что̀ заставило Козловскаго съ сердцемъ сказать:

— Доживу до стыда, что не умѣлъ воспитать тебя, какъ дворянина!

Въ университетѣ Потемкинъ особенно прилежно занимался науками, необходимыми для духовнаго лица, но не всегда умѣлъ обуздать свою кипучую натуру и, порядочно владѣя стихомъ, писалъ сатиры и эпиграмы на начальниковъ. Не скрывая отъ товарищей цѣли своихъ намѣреній и желаній, онъ говаривалъ имъ: «буду министромъ или архіереемъ», либо: «начну военной службой, а не такъ, то стану командовать попами».

Въ іюнѣ 1757 г. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, приказалъ выбрать двѣнадцать достойнѣйшихъ учениковъ и прислать ихъ въ Петербургъ, какъ представителей успѣховъ образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Въ числѣ избранныхъ былъ Григорій Потемкинъ, въ минувшемъ 1756 г. удостоенный золотою медалью за успѣхи въ наукахъ. Изъ всѣхъ студентовъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ видамъ Шувалова. Прибывшіе въ Петербургъ студенты были благосклонно приняты въ гостиныхъ первѣйшихъ вельможъ столицы и иностранныхъ министровъ; каждое ихъ представленіе важнымъ особамъ соотвѣтствовало экзамену. Потемкинъ заслужилъ особенныя похвалы своею находчивостью и остроуміемъ. Наконецъ онъ, съ товарищами, былъ представленъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Свѣдѣнія Потемкина въ эллиногреческомъ языкѣ и въ богословіи обратили на него вниманіе Шувалова и, по его докладу, Потемкинъ произведенъ въ капралы конной гвардіи.

По возвращеніи въ Москву, Потемкинъ принялся за ученіе

*

далеко не съ прежнимъ стараніемъ, предпочитая университету бесѣды съ монахами Греческаго и Заиконоспасскаго монастырей. Нерадѣніе Потемкина къ наукамъ низвело его на степень послѣднихъ учениковъ университета, изъ которыхъ онъ, наконецъ, въ 1760 г. былъ выключенъ: «за лѣность и нехожденіе въ классы». Достойно замѣчанія, что той же участи вмѣстѣ съ Потемкинымъ подвергся Николай Ивановичъ Новиковъ (р. 1744 † 1818 г.). Карьера молодаго человѣка была, повидимому, испорчена; если бы духовный санъ былъ истиннымъ призваніемъ Потемкина, въ такомъ случаѣ поступленіе въ монахи могло открыть ему прямой путь къ желанной цѣли. Но духовное званіе уже утратило тогда въ его глазахъ прежнюю привлекательность и не соотвѣтствовало болѣе видамъ молодаго человѣка. Онъ рѣшился вступить въ дѣйствительную строевую службу; о намѣреніи своемъ Потемкинъ сообщилъ преосвященному Амвросію Зертисъ-Каменскому († 1771 г.) архіепископу крутицкому и можайскому. Выразивъ Потемкину свое одобреніе, святитель далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей. Впослѣдствіи времени, уже на высотѣ почестей, князь Таврическій часто вспоминалъ объ этомъ долгѣ, обѣщая съ лихвою возвратить его наслѣдникамъ преосвященнаго; однако же долгъ такъ и остался неуплаченнымъ.

Прибывъ въ Петербургъ, Потемкинъ прилежно занялся изученіемъ строевой службы и, въ чинѣ вице-вахмистра, взятъ былъ на ординарцы къ принцу Георгу Голштинскому, любимому дядѣ императора Петра III.[1]) Тонкости строевой службы дались Потемкину въ такомъ же совершенствѣ, какъ и догматскія свѣдѣнія года два-три тому назадъ. Рослый, статный юноша, отличный наѣздникъ, онъ обратилъ на себя вниманіе принца, которому императоръ уступилъ чинъ полковника конной гвардіи; вице-вахмистръ Потемкинъ былъ ординарцемъ принца Георга и мѣсяца черезъ два произведенъ въ вахмистры.

Между тѣмъ дѣло о возшествіи на престолъ Екатерины II было тогда

---

[1]) Принцъ Георгъ Голштинскій, вмѣстѣ съ супругою и значительною свитою, прибылъ въ Петербургъ 21-го марта 1762 г. по приглашенію императора Петра III, который пожаловалъ ему званіе генерал-фельдмаршала; 28-го іюня 1762 г. принцъ Георгъ былъ арестованъ, а 12-го іюля выѣхалъ въ свое отечество. Скончался 7-го сентября 1763 года.

въ полномъ разгарѣ: душа заговора—Григорій Орловъ,[1]) тогда цалмейстеръ артилеріи, вербуя въ свою партію гвардейскую молодежь, обратилъ вниманіе и на Потемкина. Нѣтъ сомнѣнія, что Потемкину были извѣстны замыслы Орловыхъ и онъ былъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ, содѣйствуя, по мѣрѣ силъ, къ осуществленію ихъ плана. Содѣйствіе это ограничивалось подготовкою нижнихъ чиновъ къ близкому перевороту, къ отреченію отъ недавней присяги Петру III и принесенію новой—императрицѣ Екатеринѣ II. Впрочемъ, точная степень участія Потемкина въ заговорѣ и причины щедрыхъ наградъ, которыми онъ былъ удостоенъ императрицею (наравнѣ съ прочими второстепенными дѣятелями, по представленію Григорія Орлова) донынѣ еще не разъяснены и біографы рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Бантышъ-Каменскій, а съ его словъ и многіе другіе, говорятъ, будто Потемкинъ, 29-го іюня 1762 года, обратилъ на себя вниманіе Екатерины тѣмъ, что подалъ ей темлякъ съ своей шпаги, замѣтивъ, что на ея шпагѣ темляка не было. Графъ А. Н. Самойловъ опровергаетъ это преданіе, и весьма справедливо, тѣмъ доводомъ, что у вахмистра на шпагѣ не могло быть офицерскаго темляка. Митрополитъ Платонъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, разсказывая о быстромъ повышеніи Потемкина съ первыхъ же дней восшествія на престолъ Екатерины, говорилъ, что будущій князь Таврическій былъ имъ обязанъ своему умѣнью поддѣлаться подъ чужой голосъ, чѣмъ весьма часто забавлялъ Григорія Орлова. Послѣдній сообщилъ объ этомъ Екатеринѣ и она пожелала видѣть забавника. Потемкинъ, о чемъ-то спрошенный Екатериною, отвѣчалъ ей ея же голосомъ и выговоромъ, чѣмъ насмѣшилъ ее до слезъ.[2]) Изъ этого разсказа видимъ, однако, что

---

[1]) Григорій Григорьевичъ Орловъ, второй изъ пяти братьевъ Орловыхъ, родился 6-го октября 1734 г., скончался въ помѣшательствѣ 13-го апрѣля 1783 г.

Изъ болѣе любопытныхъ свѣдѣній о Григоріи Орловѣ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», можемъ указать на слѣдующія: Записки Болотова (приложеніе къ III тому 1871 г. Томъ второй, часть VIII, письма 88—94 и часть IX, письма 95—100). Характеристика кн. Г. Г. Орлова («Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 676—678). Участіе въ переворотѣ 1762 г. (т. VIII, 693—696). Отношенія къ нему Екатерины II (т. VIII, 700—701). Вражда кн. Е. Р. Дашковой (VIII, 705). Порученіе усмирить мятежъ 1771 г. (VIII, 828). Разсказъ о медали, выбитой въ его честь (V, 132). Сожалѣніе Екатерины II о его смерти (V, 139).

[2]) «Р. А.» 1872 г., стр. 459.

Потемкинъ былъ тогда уже офицеромъ гвардіи и вопросъ о причинахъ его производства изъ вахмистровъ въ подпоручики и о его награжденіи 400-ми душъ [1]) остается неразъясненнымъ. 30-го ноября того же 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ камер-юнкеры.

Желая оригинальными выходками обратить на себя вниманіе, или вслѣдствіе прямизны характера, но Потемкинъ, съ перваго же дня при дворѣ, не подчинился требованіямъ этикета. Однажды, за столомъ, императрица обратилась къ нему съ вопросомъ на французскомъ языкѣ; Потемкинъ отвѣчалъ ей по-русски. Кто-то изъ сановниковъ замѣтилъ ему, что это неприлично. «А я, напротивъ того, думаю,—отвѣчалъ молодой смѣльчакъ,—что подданный долженъ отвѣтствовать своему государю на томъ языкѣ, на которомъ можетъ вѣрнѣе мысли свои объяснять». Въ другой разъ императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ: Потемкинъ, подойдя къ столу, оперся на него рукою и смотрѣлъ въ карты государыни. Орловъ шепнулъ ему, чтобы отошелъ:

— Оставьте его, возразила Екатерина, онъ вамъ не мѣшаетъ!

Потемкинъ не только не скрывалъ восторженныхъ своихъ чувствъ къ императрицѣ, но всячески старался ихъ выказывать и государыня снисходительно смотрѣла на выходки, почти сумасбродныя. [2])

Гельбигъ (Russische Günstlinge, 387), Л. Н. Энгельгардтъ (Записки, стр. 42) и Бантышъ-Каменскій (Ч. II, стр. 58) къ первому году восшествія на престолъ Екатерины относятъ отправку Потемкина въ Швецію съ дипломатическимъ порученіемъ; однако же изъ біографіи, составленной гр. А. Н. Самойловымъ, можно заключить, что это случилось годами тремя, или четырьмя позже, т. е. въ 1765 или 1766 г. До того времени Потемкинъ состоялъ при дворѣ и проживалъ въ Петербургѣ безотлучно. Милости, оказанныя ему императрицею, въ годъ восшествія ея на престолъ, еще не возбуждали ни зависти, ни подозрѣній его недоброжелателей.

---

[1]) Въ Сборникѣ Русскаго Ист. Общества (т. VII, стр. 108—115) напечатано черновое росписаніе Екатерины II о наградахъ по случаю ея восшествія на престолъ и въ немъ показано производство Потемкина въ камергеры. Таково было первоначальное намѣреніе императрицы, измѣненное, однако, можетъ быть по совѣту Григорія Орлова.

[2]) См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V. Фамильныя извѣстія о князѣ Потемкинѣ, стр. 465.

II.

Знакомство Потемкина съ постановленіями церкви и бытомъ духовенства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе императрицы доставить ему случай выказать свои способности, имѣли слѣдствіемъ назначеніе его въ синодъ помощникомъ обер-прокурора Ивана Ивановича Мелиссино, бывшаго впослѣдствіи кураторомъ Московскаго университета. Въ указѣ 19-го августа 1763 г. значилось: «Повелѣли мы въ синодѣ, безпрерывно при текущихъ дѣлахъ, а особливо при собраніяхъ, быть нашему камер-юнкеру Григорію Потемкину и мѣсто свое имѣть за обер-прокурорскимъ столомъ, съ тѣмъ, дабы онъ слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что онъ къ пользѣ своей за потребное найдетъ, навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ къ сему мѣсту для отправленія дѣлъ, ежели впредь, смотря на его успѣхи, мы заблагоусмотримъ его опредѣлить къ дѣйствительному по сему мѣсту упражненію».

Цѣлію назначенія Потемкина, въ новую, для него созданную должность, было, во-первыхъ, наблюденіе за дѣйствіями членовъ св. синода и направленіе ихъ согласно съ видами государыни при отобраніи въ казну крестьянъ архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ; во-вторыхъ, надзоръ за управленіемъ синодальнымъ. Въ инструкціи, данной Потемкину (4-го сентября 1763 г.), ему были предоставлены довольно обширныя права.

Занятіе этой должности, въ первый разъ въ 1763 году, было непродолжительно. Вторично онъ присутствовалъ за обер-прокурорскимъ столомъ святѣйшаго синода въ 1766 году; въ исходѣ же 1763 г. его постигло несчастіе, имѣвшее важное вліяніе на всю послѣдующую участь. Онъ заболѣлъ горячкою. Не полагаясь на докторовъ, онъ довѣрилъ свое леченіе мужичку-знахарю, нѣкоему Ероѳеичу (давшему свое имя водочной звѣробойной настойкѣ), еще недавно вылечившему Алексѣя Орлова.[1]) Лекарь-самоучка

[1]) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій (род. 1737 † 1808 г.). Его участіе въ переворотѣ (т. I изд. второе, стр. 99—101, VIII, 694—697). Предупрежденіе заговора Хитрова и Рославлева (I, стр. 118). Присутствіе при кончинѣ Петра III (т. II, 195). Отношенія къ Шванвичу (IV, 387). Письмо къ брату послѣ чесменскаго боя (VIII, 708). Арестованіе Таракановой (X, 773—775). Разсказъ о наказаніи его Павломъ I (VI, 89—90) и проч.

посовѣтовалъ Потемкину обвязывать голову и глаза какой-то припаркой. Больной вполовину исполнилъ это предписаніе и обвязалъ только одинъ глазъ. Жестокій жаръ въ головѣ и въ обвязанномъ глазу заставилъ его сорвать повязку, и тогда на глазу онъ замѣтилъ нàрость, застилавшую зрѣніе; онъ имѣлъ неосторожность сорвать ее булавкою—и окривѣлъ.

Увѣчье, постигшее Потемкина, едва не лишило его разсудка. Покинувъ дворъ, онъ уединился въ особомъ домѣ, близъ коннаго полка; на службу не являлся, отростилъ себѣ бороду, и оставался безвыходно дома, изучая богослужебные обряды по чину архіерейскому. Это отшельничество Потемкина продолжалось восемнадцать мѣсяцевъ. [1]) Наконецъ, братья Орловы, внезапно пріѣхавъ къ затворнику, насильно привезли его во дворецъ и представили императрицѣ. По другимъ сказаніямъ, Екатерина, проѣзжая съ Григорьемъ Орловымъ мимо дома Потемкина, приказала своему любимцу навѣстить его, и пригласить ко двору. [2]) Ласковый пріемъ, оказанный Потемкину и дозволеніе посѣщать дворцовыя собранія, далеко не согласовались съ умыслами противниковъ Потемкина. Къ удаленію его отъ Екатерины, они измыслили новый способъ и убѣждали императрицу принять участіе въ сватовствѣ Потемкину фрейлины, графини Елисаветы Кирилловны **Разумовской**. [3]) Сватовство не состоялось. Потемкинъ, не связанный узами супружества, былъ постояннымъ посѣтителемъ собраній у императрицы и любимѣйшемъ ея собесѣдникомъ. Благоволеніе государыни къ молодому искателю счастья возбудило недоброжелательность къ нему, тогда могучаго графа Никиты Ивановича **Панина**. Его вліяніе на Екатерину въ первые годы ея царствованія простиралось почти до руководства ея поступками, она какъ-бы находилась подъ его опекою. Съ другой стороны, дѣя-

---

[1]) **Графъ Самойловъ**: Жизнь и дѣянія и пр. глава 2-я. Слѣдовательно съ 1764 до половины 1765 года.

[2]) **Фамильныя извѣстія** о кн. Потемкинѣ. «Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 466.

[3]) Родилась 15-го декабря 1749 г., скончалась въ 1802 г. Вторая дочь графа Кириллы Разумовскаго. Замужество ея съ графомъ Петромъ Ѳедоровичемъ **Апраксинымъ** (р. 6-го августа 1728 † 5-го февр. 1811 г.), при живой его женѣ, навлекло на нее гнѣвъ Екатерины: лишенная фрейлинскаго званія, графиня Апраксина постриглась въ монахини. (См. «Русская Старина» 1871 года, томъ IV, стр. 379).

тельные участники въ государственномъ переворотѣ 28-го іюня 1762 года, братья Орловы, ограждая императрицу, по возможности, отъ вліянія Панина, вмѣстѣ съ тѣмъ самовластно полагали предѣлы ея благосклонности къ каждому новому лицу, появлявшемуся при дворѣ. Опека Панина и попечительство Орловыхъ стали наконецъ тягостны для Екатерины; въ Потемкинѣ она угадывала своего избавителя отъ того и другого. Сознавая услуги Орловыхъ, государыня не могла не слѣдовать ихъ внушеніямъ, но въ тоже время, отдавая справедливость уму и способностямъ Потемкина, не всегда могла скрывать свое къ нему расположеніе. Вотъ разгадка шаткости положенія Потемкина въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ царствованія Екатерины. Благосклонность къ нему императрицы смѣнялась холодностью, близость—внезапнымъ удаленіемъ. Такъ, вскорѣ по возвращеніи ко двору изъ своего добровольнаго заточенія, Потемкинъ, наканунѣ удостоенный особеннымъ вниманіемъ императрицы, получилъ на слѣдующій день повелѣніе отправиться немедленно въ Стокгольмъ съ какимъ-то неважнымъ дипломатическимъ порученіемъ. При самомъ производствѣ въ чины, съ 1765 по 1768 годъ, на Потемкина возлагались должности, державшія его въ почтительномъ разстояніи отъ двора, несмотря на званіе камер-юнкера. 19-го апрѣля 1765 года произведенный въ поручики, Потемкинъ правилъ казначейскую должность и надзиралъ за шитьемъ новыхъ мундировъ; 19-го іюня 1766 года назначенъ командиромъ 9-й роты; въ 1767 году, съ двумя ротами своего полка, былъ командированъ въ Москву, во время комисіи объ уложеніи. Только въ 1768 году, произведенный въ секунд-ротмистры, Потемкинъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (22-го сентября), а безъ малаго черезъ два мѣсяца (11-го ноября), по волѣ императрицы, отчисленъ отъ конной гвардіи, какъ состоящій при дворѣ. Однако же это отчисленіе было весьма кратковременно: послѣ объявленія войны съ Турціею Потемкинъ испросилъ у императрицы дозволеніе служить волонтеромъ въ первой арміи, предводимой княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ.[1]) Переименованный изъ камергеровъ въ соотвѣтствующій военный

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (род. 17-го ноября 1718 † 11-го октября 1783 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 472, 686; 1872 г., томъ V, 218.

чинъ генерал-маіора, за «оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ», Потемкинъ, до перехода главнаго начальства надъ арміею отъ князя Голицына къ графу Петру Александровичу Румянцеву [1]) (16-го сентября 1769 года), участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, прославившихъ наше оружіе, командуя бригадою конныхъ полковъ, чѣмъ снискалъ вполнѣ лестный о себѣ отзывъ въ представленіи императрицѣ главнокомандующаго: «непосредственно рекомендую мужество и искуство, которое оказалъ въ семъ дѣлѣ (пораженіе Молдаванджи-паши 29-го августа 1769 года) генерал-маіоръ Потемкинъ; ибо кавалерія наша до сего времени еще не дѣйствовала съ такою стройностію и мужествомъ, какъ въ сей разъ, подъ командою вышеозначеннаго генерал-маіора». Лестный отзывъ главнокомандующаго былъ однако же оставленъ императрицею безъ вниманія. Враги Потемкина успѣли довести до ея свѣдѣнія, будто молодой генералъ позволяетъ себѣ насмѣшки надъ престарѣлымъ главнокомандующимъ.

Недовольная медлительностью князя Голицына, императрица, весьма милостивымъ рескриптомъ отъ 13-го августа 1769 года, отозвала его отъ арміи, назначивъ на его мѣсто гр. Петра Александровича Румянцева. До сдачи главнаго начальства надъ арміею своему преемнику (16-го сентября 1769 г.) кн. А. М. Голицынъ еще не успѣлъ блистательнымъ подвигомъ завершить свое ратное поприще: 29-го августа онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ верховнымъ визиремъ Молдаванджи-пашею и крымскимъ ханомъ; 9-го сентября русскія войска заняли опустѣлый Хотинъ и вступили въ Яссы. Въ сраженіи 29-го августа отличился личною храбростью и распорядительностью — Потемкинъ, командовавшій отрядомъ конницы. Согласно его прошенію, онъ былъ назначенъ состоять подъ начальствомъ генерал-поручика Штофельна, командированнаго въ Молдавію. Несмотря на су-

---

[1]) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (родился 1725 † 8-го декабря 1796 г.). Кромѣ многочисленныхъ упоминаній о немъ, см. въ «Русской Старинѣ», т. I, 15; II, 465, 473. Донесеніе Петру III о приготовленіи датчанъ къ войнѣ (III, 306). Пребываніе въ Могилевѣ (IV, 114). Разсказы о немъ (V, 131, 132, 242, 243, 771). Письма къ Екатеринѣ II (VIII, 717—720)—къ Потемкину (VIII, 720—722)—къ гр. В. А. Зубову (VIII, 722). Народная о немъ пѣсня (VIII, 816—817) и проч. и проч.

ровое зимнее время и на чуму, обнаружившуюся въ нашихъ войскахъ въ началѣ 1770 г., ,Румянцевъ скоро ознаменовалъ себя славнѣйшими подвигами.

По отзыву иностранныхъ писателей, (между прочимъ и Гельбига: Russische Günstlinge, стр. 387—388) Потемкинъ въ арміи Румянцева до того былъ безполезенъ, что главнокомандующій воспользовался случаемъ отправить его въ Петербургъ съ важными вѣстями; однако же военная лѣтопись первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины служитъ самымъ основательнымъ опроверженіемъ этому обвиненію. Командуя небольшимъ отрядомъ конницы и пѣхоты, Потемкинъ (4-го января 1770 г.), вмѣстѣ съ генерал-маіоромъ графомъ Подгоричани, въ окрестностяхъ Фокшанъ, разбилъ двѣнадцати-тысячный [1]) турецкій корпусъ, предводимый Солиманъ-пашею и сераскиромъ Румели-Валаси; при этомъ отнялъ пять орудій и два знамя. Черезъ мѣсяцъ (4-го февраля) Потемкинъ много содѣйствовалъ Штофельну въ овладѣніи Журжею; 7-го іюня участвовалъ въ разбитіи турокъ Румянцевымъ у Рябой-Могилы. Въ битвѣ при Ларгѣ (7-го іюля) Потемкинъ находился уже въ корпусѣ князя Николая Васильевича Репнина [2]) и за отличіе получилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Въ кагульской битвѣ (21-го іюля) онъ не участвовалъ, охраняя отъ нападенія крымскаго хана нашъ подвижной магазинъ. Препоручая Потемкину обезпеченіе продовольствія всей нашей арміи, Румянцевъ сказалъ ему:

— Григорій Александровичъ, доставьте намъ пропитаніе наше на концѣ шпаги вашей.

Взятіе Репнинымъ Измаила (26-го іюля) и покореніе Киліи (18-го августа) доставили имени Потемкина почетное мѣсто на ряду съ именами отличившихся. Пріостановка военныхъ дѣйствій по случаю зимняго времени дала возможность Потемкину испросить отъ фельдмаршала дозволеніе на отпускъ въ Петербургъ. Въ рекомендательномъ письмѣ отъ Румянцева къ императрицѣ,

---

[1]) Такъ показываетъ графъ А. Н. Самойловъ, но у Бантыша-Каменскаго число турокъ показано въ десять тысячъ.

[2]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 11-го марта 1734 † 12-го мая 1801 г.). Кромѣ мелкихъ замѣтокъ см. о немъ: «Русская Старина»: командованіе корпусомъ въ 1789 г. (т. X, стр. 38—45); отправленіе въ Берлинъ 1798 г. (т. X, 576—578); щедрость его (т. V, 767—769). и проч.

исчислялись заслуги Потемкина и, между прочимъ, значилось: «Сей чиновникъ, имѣющій большія способности, можетъ сдѣлать о землѣ, гдѣ театръ войны состоялъ, обширныя и дальновидныя замѣчанія, которыя по свойствамъ своимъ заслуживаютъ быть удостоенными высочайшаго вниманія и уваженія, а посему и ввѣряю ему для донесенія вашему императорскому величеству многія обстоятельства, къ пользѣ службы и славы имперіи относящіяся».

Во время пребыванія Потемкина въ дѣйствующей арміи произошли немаловажныя перемѣны при дворѣ въ Петербургѣ: братья Орловы, достигнувъ вершины могущества, особенно послѣ чесменской побѣды Алексѣя (26-го іюня 1770 г.) возбудили дѣятельное себѣ противодѣйствіе въ партіи Панина, а въ самой императрицѣ не остыло возникшее уже желаніе отдалить отъ себя Орловыхъ.

Григорій Орловъ, какъ членъ военнаго совѣта, учрежденнаго въ то время при петербургскомъ кабинетѣ, имѣя въ немъ первый голосъ, былъ, можно сказать, главнымъ распорядителемъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ. Онъ первый выразилъ мысль о присоединеніи къ русской державѣ христіанскихъ народовъ востока, и Греческій проектъ, объ осуществленіи котораго впослѣдствіи такъ старался Потемкинъ, можно назвать въ сущности созданіемъ Григорія Орлова. Турція, какъ бы въ отплату Россіи за ея намѣренія, сообщила ей чуму, въ концѣ 1770 года занесенную въ наши предѣлы. Весною 1771 года зараза стала распространяться по Россіи съ ужасающей силой; наконецъ появилась въ Москвѣ.

Потемкинъ, въ концѣ 1770 года прибывшій въ Петербургъ засталъ Орлова еще главенствующимъ въ совѣтѣ. Императрица приняла его довольно благосклонно; однако Потемкинъ сознаяъ, а приверженцы обѣихъ партій, Орловыхъ и Панина, дали ему достаточно понять, что дальнѣйшее пребываніе его при дворѣ совершенно неумѣстно. Онъ возвратился въ армію. Должно замѣтить однако, что еще до своего отъѣзда въ дѣйствующую армію въ 1769 г., Потемкинъ успѣлъ склонить на свою сторону двухъ лицъ, приближенныхъ къ Екатеринѣ: ея библіотекаря Петрова [1])

---

[1]) Василій Петровичъ Петровъ (родился въ 1736 † 4-го декабря 1799 или 1800 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 65; томъ V, 466, 610, 618; 1874 г., томъ XI, 46, 242, 243.

и Ивана Перфильевича Елагина;[1]) оба эти приверженца стоили многочисленной партіи, такъ какъ первый, воспѣвая подвиги Потемкина, напоминалъ о немъ императрицѣ, а чрезъ второго, онъ получилъ дозволеніе государыни имѣть съ нею переписку.

Къ удаленію Григорія Орлова изъ Петербурга, осенью того же 1771 года, представился самый благовидный случай. Москва являла тогда картину совершеннаго безначалія: главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ,[2]) объятый ужасомъ, бѣжалъ изъ Москвы въ свое помѣстье; его примѣру послѣдовали чиновники и дворянство. Чернь предалась грабежу и всякимъ неистовствамъ, умертвила архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго (17-го сентября) и пыталась овладѣть Кремлемъ: рѣшительныя мѣры, принятыя Еропкинымъ,[3]) удержали мятежъ, грозившій принять страшные размѣры. Тогда въ совѣтѣ императрицы былъ поднятъ вопросъ объ отсылкѣ въ Москву «довѣренной особы, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной погибели». Особою этой былъ Григорій Орловъ.

Благодаря его геройской отвагѣ и разумной распорядительности, мятежъ былъ усмиренъ, чума утихла. Черезъ два мѣсяца, къ досадѣ всѣхъ искавшихъ его гибели,—Орловъ здравый и невредимый возвратился въ Петербургъ. Въѣздъ его въ столицу былъ подобенъ шествію древняго тріумфатора. Признательная къ заслугамъ и подвигамъ героя, императрица въ честь его приказала воздвигнуть въ Царскомъ Селѣ тріумфальные ворота и выбить медаль. Ворота эти на гатчинской дорогѣ существуютъ понынѣ. Въ надписи, со стороны дворцоваго парка, упомянуто, что

---

[1]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, сенаторъ и обер-гофмейстеръ, собственный секретарь Екатерины II. (род. 1725 † 22-го сентября 1793 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 679, 571; 1872 г., 466; 1873 г., томъ VII, 285; томъ VIII, 887; 1874 г., томъ X, 541—542; томъ XI, 489.

[2]) Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (род. 1700 † 1772 г.): неудовольствіе противъ австрійскихъ главнокомандующихъ въ семилѣтнюю войну («Рус. Стар.» т. III, 41, 279); бѣгство его изъ Москвы во время мятежа 1771 года; увольненіе отъ должности (VIII, 828) и проч.

[3]) Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, (род. 1724 † 1805 г.). См. «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 46; 1872 г., томъ V, 679—680; 1873 г., томъ VIII, 228, 886—887.

Григорій Орловъ «по его просьбѣ получивъ повелѣніе», поѣхалъ въ Москву.

Съ другой стороны (къ Гатчинѣ), на фронтонѣ воротъ, стихъ изъ оды В. И. Майкова:

«Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

На золотой медали, выбитой въ честь гр. Орлова, съ одной стороны былъ изображенъ его портретъ, съ другой Курцій бросающійся въ пропасть. Первоначальная надпись была: «таковаго сына Россія имѣетъ»; но, принимая медаль, герой сказалъ Екатеринѣ... «прикажи перемѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества» — и медаль была перечеканена, съ надписью: «И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ». [1])

Между тѣмъ Потемкинъ, находившійся въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ, ознаменовавъ свое участіе блестящими успѣхами: отразилъ нападеніе турокъ на Краіовъ и вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; переселилъ нѣсколько сотъ христіанскихъ семействъ изъ этого города на берега Дуная; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ и провіантскихъ магазиновъ; на походѣ къ рѣкѣ Ольтѣ обратилъ въ бѣгство четырехтысячный турецкій отрядъ (17-го мая 1771 года); блокировалъ крѣпость Турну, а осенью, производя рекогносцировку на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ концѣ года опасно заболѣлъ горячкою, но самъ себя выпользовалъ холодною водою. По выздоровленіи, Потемкинъ занялся наблюденіемъ Силистріи, имѣя въ своемъ вѣдѣніи резервный корпусъ. Въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Яссы Григорій Орловъ для предстоявшихъ конференцій съ турецкими послами, но переговоры открылись въ Фокшанахъ только черезъ два мѣсяца. По словамъ гр. А. Н. Самойлова, Потемкинъ во все пребываніе Орлова былъ на конгресѣ фокшанскомъ; Бантышъ-Каменскій, напротивъ говоритъ, что Потемкинъ, провелъ это время большею частію въ шлафрокѣ, или лежа на софѣ, или погруженный въ размышленіе. Переговоры тянулись два мѣсяца и не привели ни къ чему; а этимъ време-

---

[1]) См. «Р. С.» 1872 г., т. V, стр. 132. Весьма обстоятельный очеркъ жизни Г. Г. Орлова составленъ А. П. Барсуковымъ, «Р. А.» 1873 года.

немъ затмилась звѣзда счастія Орлова при дворѣ: партія «графа Никиты Ивановича Панина, пользуясь удаленіемъ любимца, успѣшно воспользовалась всѣми средствами къ его низверженію. Лица, ненавистныя Орлову, приблизились къ императрицѣ; она удостоила особеннымъ вниманіемъ молодого поручика конной гвардіи, Александра Семеновича Васильчикова,[1]) чуждаго всякихъ честолюбивыхъ замысловъ, человѣка скромнаго и въ душѣ благороднѣйшаго. Въ короткое время Васильчиковъ былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго камергера и получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Ему покровительствовали, имъ руководили, кромѣ графа Н. И. Панина, графы Захаръ и Иванъ Григорьевичъ Чернышевы [2]) и князь Өедоръ Сергѣевичъ Барятинскій и всѣми мѣрами поддерживали расположеніе къ нему императрицы.

Фокшанскій конгресъ не привелъ къ благопріятному концу и Григорій Орловъ отправился обратно въ Петербургъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Яссахъ. Ровно за годъ передъ тѣмъ, съ торжествомъ привѣтствуемый Орловъ, теперь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ столицы, былъ встрѣченъ курьеромъ, вручившимъ ему письмо отъ Екатерины, приблизительно слѣдующаго содержанія: Вамъ нужно выдержать карантинъ, и я предлагаю вамъ избрать для временнаго пребыванія вашъ гатчинскій дворецъ».[3]) Орловъ повиновался. Его удаленіе отъ двора продолжалось до конца декабря 1772 года. Въ день рождественскаго сочельника, въ присутствіи Елагина и И. И. Бецкаго, онъ представился императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу; былъ за всенощной въ дворцовой церкви; на другой день, въ Рождество, былъ на дворцовомъ собраніи. «Екатерина», говоритъ прусскій посланникъ графъ Сольмсъ (въ донесеніи отъ 25-го декабря 1772 года), «какъ будто бы старалась не замѣчать его». Въ первыхъ числахъ января 1773 г. Орловъ выѣхалъ въ Ревель; возвратился въ мартѣ; часто являлся ко двору, гдѣ былъ постоянно встрѣчаемъ ласково, но съ пол-

---

[1]) См. «Русская Старина» 1872 г., томъ V, стр. 466.

[2]) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (р. 1722 † 29-го августа 1784 г.), графъ Иванъ Григорьевичъ (род. 1726 † 1729 г.). Первый изъ нихъ былъ свояkомъ гр. Н. И. Панина.

[3]) Helbig: Russische Günstlinge, s. 272.

нѣйшимъ равнодушіемъ; до мая мѣсяца, подъ предлогомъ болѣзни, онъ не вступалъ въ отправленіе прежнихъ должностей. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ звѣзда временщика еще мерцала послѣдними лучами; наконецъ померкла. Какъ бы въ напоминаніе Екатеринѣ о своемъ пособничествѣ при возведеніи ея на престолъ—Григорій Орловъ поднесъ ей въ день ангела (24-го ноября) огромный алмазъ для украшенія скипетра. Панинъ и Чернышевы торжествовали; благосклонность императрицы къ Васильчикову не ослабѣвала, никто изъ нихъ не ожидалъ, кто однимъ ударомъ разобьетъ ихъ козни и порветъ сѣть интригъ, такъ искусно сплетенную при дворѣ.

Потемкинъ, 21-го апрѣля 1773 года, произведенный въ генерал-поручики, усердно продолжалъ свою службу въ дѣйствующей арміи какъ бы забытый императрицею и ея вельможами. Даже отличія, оказанныя имъ въ теченіе кампаніи 1773 года, остались безъ вознагражденія, хотя онѣ были не маловажны. 7-го іюня онъ принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи Османа паши подъ стѣнами Силистріи; разбилъ семитысячный корпусъ конницы, предводимый Черкесъ-пашею; осенью, по приказанію фельдмаршала гр. Румянцева, успѣшно возвелъ батареи на островѣ противъ Силистріи. Въ концѣ декабря 1773 г. Потемкинъ поспѣшилъ испросить отъ главнокомандующаго отпускъ въ Петербургъ, гдѣ, повидимому, отъ не могъ надѣяться на особенно благосклонный пріемъ. Причиною поспѣшнаго его отъѣзда было однако же слѣдующее письмо, полученное имъ отъ императрицы:

«Господинъ генерал-поручикъ и кавалеръ, вы, я чаю, столь упражнены глазѣньемъ на Силистрію, что вамъ нѣкогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предуспѣла-ли ваша бомбардирада, но тѣмъ не. меньше я увѣрена, что все то̀, что вы сами предпріемлетѣ, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ персонально и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу по пустому не вдаваться въ опасности. Вы, читавъ сіе письмо, можетъ-статься здѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобъ вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей

въ васъ; ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна. Екатерина, декабря 4 числа 1773 г. Скажите и бригадиру Павлу Потемкину [1]) спасибо за то, что онъ хорошо турокъ принялъ и угостилъ, когда они пришли за тѣмъ, чтобъ у васъ батарею испортить на острову». (Адресъ рукою же императрицы): «Григорію Александровичу Потемкину» [2])

Это письмо — подорожная Потемкина на его пути къ почестямъ—служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіемъ его отъ всякихъ подозрѣній въ какихъ-либо проискахъ противъ многочисленныхъ недоброжелателей.

Прибывъ въ Петербургъ въ началѣ января 1774 г., когда дворъ находился въ Царскомъ Селѣ и общественный къ нему доступъ былъ не свободенъ, Потемкинъ обратился къ (князю) Григорію Орлову съ просьбою доложить императрицѣ о его пріѣздѣ. Соизволеніе послѣдовало и онъ представился государынѣ на слѣдующій день въ пять часовъ пополудни. Черезъ нѣсколько дней дворъ возвратился въ Петербургъ и Потемкинъ получилъ приглашеніе посѣщать комнатныя и эрмитажныя собранія. Благоволеніе императрицы къ Потемкину возбудило тревожныя опасенія въ партіи графа Панина и въ покровителяхъ Васильчикова; но всякое противодѣйствіе было тщетно. Къ тому же, находясь при дворѣ, Потемкинъ умѣлъ такъ держать себя, что и не вызывалъ Панина на борьбу, хотя въ тоже время враждебно относился къ Орловымъ. Наконецъ, ободренный милостивымъ обхожденіемъ императрицы, Потемкинъ, 27-го февраля 1774 года, обратился къ ней съ письмомъ, въ которомъ «принялъ дерзновеніе, павъ ко священнымъ стопамъ В. И. В. просить, ежели служба моя достойна, вашего благоволенія, и когда щедрота и высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня въ генерал-адъютанты В. И. В.»

---

[1]) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (впослѣдствіи графъ, род. 1743 † 1796 г.) Въ «Русской Старинѣ» П. С. Потемкину и его непривлекательной личности посвящены многія страницы. Назначеніе губернаторомъ въ Тверь (т. I, 317);— главнокомандующимъ въ Казань (II, 226). Распоряженія во время Пугачевщины (II, 335, 345). Допросъ Пугачева (351—353). Инструкція данная Екатериною (400—402). Донесеніе (402—404). Біографическія свѣдѣнія о немъ (IV, 574—577). Письма къ И. И. Шувалову (V, 346) и проч.

[2]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества, т. XIII, стр. 373.

Отвѣтъ не замедлилъ. Просьба была исполнена. [1])

7-го марта 1774 г. письмо Екатерины къ А. И. Бибикову о мѣропріятіяхъ противъ свирѣпствовавшей пугачевщины начиналось слѣдующими словами:

«Александръ Ильичъ! Во-первыхъ, скажу вамъ вѣсть новую. Я прошедшаго марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбѣ и желанію къ себѣ, взяла въ генералъ-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетеся, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ, немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіе трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу». [2])

Чрезъ недѣлю (15-го марта) Потемкинъ былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка; а къ 20-му числу того-же мѣсяца А. С. Васильчиковъ былъ удаленъ отъ двора въ Москву, осыпанный милостями. Гельбигъ, отзываясь объ этомъ мимолетномъ фаворитѣ съ величайшею похвалою, говоритъ: [3])

...«Васильчиковъ, менѣе чѣмъ въ два года, получилъ, по печатнымъ извѣстіямъ, деньгами и вещами слѣдующее: 100 тысячъ рублей наличными деньгами, семь тысячъ душъ крестьянъ, дававшихъ по меньшей мѣрѣ 35,000 ежегоднаго дохода; бриліантовъ на 60,000 руб.; серебряный сервизъ въ 50,000 рублей; пенсію въ 20.000 руб. ежегодно; великолѣпно меблированный домъ въ Петербургѣ, на дворцовой площади, противъ оконъ императрицыныхъ покоевъ. Этотъ домъ былъ выстроенъ по собственному начертанію императрицы повелѣвшей, чтобы по величинѣ не было ему равнаго во всемъ Петербургѣ. Но такъ какъ домъ этотъ отстроился уже въ то время, какъ Васильчиковъ былъ въ Москвѣ, Екатерина купила его у отсутствующаго хозяина за сто т. руб. Вскорѣ по удаленіи своемъ отъ двора, Васильчиковъ женился и былъ очень счастливъ въ супружеской жизни своей. Часто говаривалъ онъ потомъ: «дѣйствительныя заслуги государственныя

---

[1]) Оба письма напечатаны Бантышъ-Каменскимъ (Словарь изд. 1836 г. Часть IV, стр. 201, и Біографіи генералиссимусовъ 1840 г. Часть II, стр. 61—62).

[2]) См. «Р. А.» 1866 г., стр. 396, и Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1874 г., томъ XIII, стр. 395.

[3]) Russische Günstlinge, s.s. 384—385.

никогда не дали бы мнѣ тѣхъ богатствъ, какія пріобрѣлъ я, благодаря слѣпому случаю».

Между тѣмъ повышеніе Потемкина возрастало съ каждымъ днемъ: 19-го апрѣля (наканунѣ Свѣтлаго праздника) король польскій Станиславъ-Августъ пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла; 21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, будто вскорѣ послѣ этого Потемкинъ внезапно удалился въ Александро-Невскую лавру, отростилъ бороду, надѣлъ монашеское платье. Но нашъ почтенный историкъ перемѣшалъ года, и событія 1764 г. отнесъ къ 1774 г. Въ теченіе 1774 г. Потемкинъ ни на одинъ день не отлучался отъ двора, принимая дѣятельнѣйшее участіе въ распоряженіяхъ правительства о преслѣдованіи Пугачева и его сообщниковъ. Довѣріе и благоволеніе государыни къ Григорію Александровичу было тогда неограничено. Такъ въ томъ же апрѣлѣ 1774 г. она писала къ нему:

«Хочется мнѣ весьма всѣ производженія сегодня кончить, какъ гвардейскія, такъ и армейскія; но не вѣдаю, успѣю-ли и изъ сего мнѣ ожидать потомъ будетъ много недовольныхъ людей и лицъ, которыхъ всѣхъ, чаю, сегодня же, или завтра увижу и таковые дни для меня такъ пріятны, какъ пилюли принимать. Фуй, какъ хорошо быть на моемъ мѣстѣ! Allons, encouragez moi avec quelque chose (ободрите же меня чѣмъ-нибудь). Вѣдь Павлу Сѣргѣевичу (Потемкину) достается въ генерал-маіоры; изволишь-ли это вѣдать? Велю ему ѣхать къ Бибикову. Объ ласкѣ моей упомянуть нечего: ты самъ видѣлъ; какова я была вчерась, такова и сегодня. Еслибъ ты мнѣ пожаловалъ три дни сроку еще, я-бъ все съ большимъ порядкомъ устроила и приготовила, а черезъ то ничего потеряно не было бы. Прощай, сударикъ».[1])

Въ исходѣ апрѣля 1774 г. Потемкину было отведено помѣщеніе въ покояхъ дворца; весну и лѣто, до поздней осени онъ безотлучно находился при императрицѣ; былъ непремѣннымъ ея совѣтникомъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ; онъ принялъ на себя посредничество, чтобы чрезъ графа Никиту Ивановича убѣдить его брата, графа Петра Ивановича Панина,[2]) принять

[1]) Сборникъ И. Р. И. Об. т. XIII, стр. 403.

[2]) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721 † 1789 г.). См. Біографическій очеркъ («Русская Старина», т. VIII, 339—345); его дѣйствія въ низовомъ

на себя великій трудъ окончательнаго истребленія пугачевщины; способствовалъ къ скорѣйшему заключенію мира съ Турціею (10-го іюля); обратилъ вниманіе императрицы на опасность, угрожавшую тогда Россіи съ юго-запада: духъ пугачевщины, проникнувъ къ казакамъ-запорожцамъ, могъ охватить мятежемъ прибережья Днѣпра, по этому Потемкинъ подалъ Екатеринѣ мысль объ уничтоженіи Сѣчи Запорожской. Въ указѣ, данномъ Потемкину (отъ 21-го іюля 1774 года) о прекращеніи безпокойствъ и замѣшательствъ въ земляхъ Новороссійскихъ, съ Сѣчею Запорожскою, онъ былъ наименованъ «Новороссійской губерніи генерал-губернаторъ». Въ декабрѣ 1774 г. Потемкинъ былъ генерал-аншефомъ, вице-президентомъ военной колегіи и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

III.

Первое полугодіе 1775 г. было посвящено Потемкинымъ важному дѣлу — уничтоженію Сѣчи Запорожской. Согласно его распоряженіямъ и данной имъ инструкціи, генерал-поручикъ Петръ Авраамовичъ Текеллій, съ сильнымъ отрядомъ войскъ явился на Запорожье. Дѣло обошлось безъ кровопролитія, довольно мирно. Сѣча, или главное мѣсто казаковъ (Екатеринославской губерніи и уѣзда, близъ мѣстечка Никополя, нынѣ село Покровское), было занято; войсковыя регаліи (бунчуки, булавы и проч.) при депутаціи были отосланы въ Петербургъ, а 3-го августа 1775 г. послѣдовалъ манифестъ о включеніи земли Запорожской въ составъ Новороссійской губерніи. Съ выборными атаманами, прибывшими въ Петербургъ нужна была особая дипломатика: подъ личиною простоты они были не прочь похитрить, полукавить, выговорить кой-какія льготы и привилегіи. Но Потемкинъ побѣдилъ наивныхъ хитрецовъ ихъ же оружіемъ: простота и привѣтливость его обхожденія, умѣнье польстить простодушнымъ воякамъ очаровали ихъ и батько Грыцко (такъ запорожцы прозвали Потемкина), усилилъ русскія войска присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ храбрыхъ и вѣрныхъ

краѣ въ 1774 г. (т. II, 117, 226, 227, 330, 331, 334, 336, 356, 357); письма къ нему архіепископа Веніамина (II, 413—414)—къ Д. И. фон-Визину (VIII, 907—909) и проч.

черноморцевъ. Хотя вѣковое сочувствіе запорожцевъ къ Россіи было до нѣкоторой степени порукою за ихъ покорность, однако же, въ виду недавнихъ мятежей яицкихъ (уральскихъ) и участія въ пугачевщинѣ донскихъ казаковъ, присоединеніе Запорожья было дѣломъ, требовавшимъ много ума и отважности, которыя и были выказаны Потемкинымъ.

Милости и щедроты Екатерины къ ея любимцу, превосходившія его заслуги, продолжались и въ теченіе 1775 года. 10-го іюля, въ день празднованія мира съ Портою Оттоманскою, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство россійской имперіи «за споспѣшествованіе миру добрыми совѣтами», получилъ золотую шпагу, осыпанную алмазами: «за храбрые и неутомимые труды»; портретъ императрицы, осыпанный бриліантами, для ношенія на груди на андреевской лентѣ: «въ знакъ монаршаго благоволенія». Въ ноябрѣ того же 1775 г., гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ, какъ старшій кавалеръ ордена св. Георгія, поднесъ императрицѣ объясненіе о службѣ гр. Потемкина, удостоивая его въ 1-й классъ военнаго ордена. Однако же Потемкинъ отклонилъ отъ себя незаслуженную награду, довольствуясь орденомъ св. Георгія 2-го класса.

Въ образѣ жизни своей новый вельможа являлъ причудливую смѣсь роскоши съ крайнею простотою, дѣятельности—съ праздностью. Живя въ отведенныхъ для него покояхъ Зимняго дворца, онъ, посѣщая эрмитажныя собранія, удивлялъ присутствующихъ пышностью наряда и нецеремонностью обхожденія, не стѣсняясь въ привычкахъ.[1]) Иногда по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей комнаты: сидѣлъ въ комнатѣ, босой, не чесанный, не мытый, грызя ногти. Тѣже странности проявлялись и въ его вкусѣ: затѣйливыя блюда изящной кухни и самыя простонародныя яства смѣнялись у него за столомъ, въ угоду страннымъ причудамъ и прихотямъ; отъ ананасовъ или персиковъ баловень счастія переходилъ къ рѣдкѣ или клюквѣ. Во всякомъ удовольствіи—возможное и исполнимое не привлекало его желаній. И въ нравственномъ и

---

[1]) Въ шутливомъ уставѣ для посѣтителей эрмитажныхъ собраній, собственноручно написанномъ Екатериною II, третій параграфъ относился къ Потемкину: «быть веселымъ, однако-жъ ничего не портить, не ломать и ничего не грызть».

въ физическомъ отношеніяхъ пресыщеніе было во всю жизнь Потемкина его неизлечимымъ недугомъ.

Новый 1776 г. начался для него подъ самыми благопріятными предзнаменованіями. Государыня пожаловала ему въ присоединенной отъ Польши, Бѣлоруссіи, воеводство Кричевское, заселенное 14,000 душъ; подарила ему Аничковъ дворецъ и 100,000 рублей на его поправку и меблировку; пожаловала Потемкина поручикомъ кавалергардскаго корпуса; исходатайствовала ему княжеское достоинство римской имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго; удостоила званія статс-дамы его родительницу, Дарью Васильевну; приблизила ко двору его сестеръ и племянницъ. Могущество Потемкина заставило многихъ европейскихъ государей искать въ немъ и, такимъ образомъ, онъ получилъ ордена: прусскій—Чернаго Орла, датскій—Слона, шведскій—Серафима. При всей наружной безпечности и самоувѣренности, Потемкинъ однако же зорко слѣдилъ за недавними врагами и за лицами, которыя могли бы преградить ему путь на поприщѣ ненасытнаго честолюбія. Еще въ 1775 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, государынѣ представлялся генерал-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ.[1]) Тридцати шести лѣтній вдовецъ,[2]) красавецъ собою, умный, превосходно образованный, одинъ изъ недавнихъ побѣдителей Пугачева—онъ обратилъ на себя особенное, но справедливое вниманіе императрицы. Разсказываютъ, будто чувство зависти до такой степени овладѣло Потемкинымъ, что онъ рѣшился на поступокъ, приличный итальянскому герцогу XVI вѣка, но не русскому вельможѣ XVIII столѣтія. Увѣряютъ, будто бы онъ уговорилъ Петра Ампліевича Шепелева,[3]) изъ-за ничтожной причины придраться къ кн. Голицыну и вызвать его на поединокъ. Петръ Ампліевичъ Шепелевъ исполнилъ желаніе своего покровителя—и 11-го ноября 1775 г. убилъ кн. Голицына на поединкѣ «измѣнническимъ образомъ». Достойною наградою Шепелева за этотъ подвигъ впослѣдствіи была рука племянницы

---

[1]) Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ (р. 15-го декабря 1738 † 11-го ноября 1775 г.).

[2]) Женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Долгорукой (р. 15-го ноября 1745 † 26-го марта 1770 г.).

[3]) Петръ Ампліевичъ Шепелевъ р. 29-го іюня 1737 † 8-го ноября 1828 г. (См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390).

Потемкина, Надежды Васильевны Измайловой, рожденной Энгельгардъ,[1]) женщины до того безобразной, что вельможный дядя самъ называлъ ее: «Надежда-безнадежная».[2])

Въ декабрѣ 1775 года, въ бытность въ Москвѣ, императрица просила фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, рекомендовать ей двухъ молодыхъ людей для занятія секретарской должности при ея кабинетѣ. Румянцевъ представилъ ей, какъ способнѣйшихъ, двухъ уроженцевъ Украйны, пользовавшихся особеннымъ покровительствомъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.[3]) То были — Петръ Васильевичъ Завадовскій[4]) и Александръ Андреевичъ Безбородко.[5])

Этотъ выборъ былъ непріятенъ Потемкину. Покровительство, оказываемое молодымъ людямъ Румянцевымъ и Разумовскимъ, расположеніе къ нимъ князя Григорія Орлова, — все это заставило могучаго любимца опасаться происковъ обоихъ новыхъ кабинет-секретарей. Государыня, до времени, въ равной степени награждала ихъ усердіе; однако же въ маѣ 1776 года ея особенная благосклонность къ Завадовскому не укрылась отъ Потемкина, тѣмъ болѣе, что императрица, благоволя кабинет-секретарю, начала оказывать Потемкину нѣкоторую холодность. Чувство оскорбленнаго самолюбія заглушило въ Потемкинѣ самую осторожность и онъ подалъ прошеніе императрицѣ объ увольненіи его въ отпускъ въ Новгородъ для инспекціи войскъ. На этотъ отпускъ государыня соизволила. Отсутствіе Потемкина поспособство-

---

[1]) Она овдовѣла въ 1791 г.; вышла за Шепелева въ 1783 г.

[2]) См. «Русская Старина», т. IV, стр. 390.

[3]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (родился 1728 † 9-го января 1803 г.), См. «Русская Старина», т. I, 18, 216, 233, 234 (изд. второе: 44, 99, 116, 117); т. II, 106, 194, 197; т. III, 594, 596; т. IV, 60, 67, 379, 385, 693; т. V, 130; т. VIII, 706; т. XI, 244.

[4]) Петръ Васильевичъ Завадовскій (впослѣдствіи графъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, министръ народнаго просвѣщенія и предсѣдатель департамента законовъ, род. 1733 † 10-го января 1812 г.). См. «Русская Старина», т. IV, 390; т. V, 245, 246; т. VII, 491; т. VIII, 739; т. X, 781; т. XI, 54.

[5]) Александръ Андреевичъ Безбородко (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, великій канцлеръ россійской имперіи, родился 14-го марта 1747 † 6-го апрѣля 1799 г.). См. «Русская Старина», т. III, 47; т. IV, 308, 571; т. V, 771; т. VI, 406, 413, 420, 421, 424, 425; т. VIII, 732—733, 887—889; т. X, 45, 772—773; т. XI 241—242.

вало Завадовскому занять мѣсто довѣреннаго лица при Екатеринѣ и на него посыпались обильныя милости. Гельбигъ [1]) приводитъ въ книгѣ своей нѣкоторыя цифровыя данныя денежныхъ наградъ, полученныхъ Завадовскимъ въ бытность его въ милости. Въ маѣ 1776 года ему было пожаловано три тысячи душъ въ Малороссіи; при удаленіи отъ двора (1777 г.) восемьдесятъ тысячъ рублей, единовременно, пять тысячъ пенсіи; тысяча восемьсотъ душъ крестьянъ въ Россіи и двѣ тысячи крестьянъ въ Польшѣ. Наконецъ, ему подарили серебряный сервизъ въ 80,000 руб. Пользуясь выгоднымъ своимъ положеніемъ при дворѣ, Завадовскій, присоединясь къ партіи, враждебной Потемкину, имѣлъ самонадѣянность отважиться на попытку поколебать довѣріе къ нему императрицы. Онъ разсчитывалъ на содѣйствіе Григорія Орлова; но съ опальнымъ вельможею произошла тогда важная перемѣна: страстно влюбленный въ двоюродную свою сестру, фрейлину Екатерину Николаевну Зиновьеву, [2]) онъ отдалился отъ всякаго вмѣшательства, какъ въ дѣла правительственныя, такъ и придворныя. Въ слѣдующемъ 1777 году (вѣрнѣе, въ томъ же 1776) Орловъ на ней женился, изъ-за чего, какъ извѣстно, въ совѣтѣ императрицы возникло цѣлое дѣло, рѣшеніе котораго угрожало Орлову расторженіемъ брака. Однако же императрица, признательная къ его заслугамъ, не только признала бракъ законнымъ, но, щедро одаривъ новобрачныхъ, назначила молодую княгиню Орлову въ статс-дамы. Потемкинъ возвратился въ Петербургъ вскорѣ послѣ этой свадьбы. [3])

Съ возвращеніемъ Потемкина въ Петербургъ всѣ козни его недоброжелателей разсѣялись прахомъ: 8-го іюня 1777 г. Завадовскому данъ былъ отпускъ въ Малороссію, откуда онъ возвра-

---

[1]) Helbig: Russische Günstlinge, 397—398.

[2]) Екатерина Николаевна Зиновьева, по мужу княгиня Орлова, родилась 1752 † 1782 г. См. «Русская Старина», томъ IV, 312.

[3]) О продолжительности отсутствія Потемкина въ отпуску встрѣчаемъ противорѣчія. Державинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 112) говоритъ: Въ половинѣ 1776 года случилось, что кн. Потемкинъ, бывшій любимецъ, впалъ при дворѣ въ немилость и долженъ былъ проживать нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Гр. А. Н. Самойловъ говоритъ, что дозволеніе ѣхать въ отпускъ дано ему было съ условіемъ и чтобы время отпуска изъ Петербурга не продолжалось болѣе какъ три недѣли, («Р. А.» 1867 г., стр. 1207). Въ примѣчаніи 12 къ статьѣ «Случайные люди въ Россіи, («Р. А.» 1865 г., стр. 405) сказано, что князь Орловъ женился въ іюнѣ 1776 года и въ тоже время Потемкинъ опять явился

тился въ маѣ слѣдующаго года. Къ чести Потемкина замѣтимъ, что онъ, признавая въ недавнемъ своемъ противникѣ, несомнѣнныя способности, не препятствовалъ ему, личными своими заслугами, пролагать себѣ путь къ повышеніямъ.

Не распространяясь о дѣятельности Потемкина въ 1777 г. (посвященной преимущественно заботамъ о Новороссійскомъ краѣ, важнымъ преобразованіямъ въ казачьихъ войскахъ и мѣропріятіямъ къ осуществленію «греческаго проекта»), остановимся на документахъ, знакомящихъ съ нравственнымъ складомъ его характера.

Извѣстно, что благосклонность императрицы Екатерины къ Потемкину распространилась и на его родственницъ: мать его, Дарья Васильевна, была пожалована въ статс-дамы (1776); племянницы Потемкина и дочери сестры его, Маѳы Александровны, удостоены были званія фрейлинъ: Александра (10-го іюля 1775 г.; камер-фрейлина 24-го ноября 1777 г.; статс-дама 12-го ноября 1787 г.; обер-гофмейстерина 1-го января 1824 г.).[1]) Варвара (въ 1777 году). Надежда (въ 1777 году). Екатерина (1776 г.); статс-дама 17-го августа 1786 г.; кавалерственная дама ордена св. Екатерины 1-го класса 18-го апрѣля 1809 г.; гофмейстерина 1-го января 1824 г. Татьяна (11-го декабря 1781 г.). Стараніями Потемкина деревенскія барышни получили самое блестящее образованіе и были украшеніемъ двора Екатерины. Александра и Варвара были любимицами вельможнаго дяди. Всѣ племянницы Потемкина отличались красотою и существуетъ преданіе, что каждый разъ, когда онѣ его посѣщали, онъ дарилъ имъ по червонцу, а Екатеринѣ Васильевнѣ — бриліанты. «Старшая изъ нихъ—говоритъ Вигель въ своихъ «Запискахъ»[2])—уже неспособна была къ принятію блестящей образованности екатерининскаго двора; но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась

въ Петербургѣ. Наконецъ въ біографіи князя Григорія Григорьевича Орлова («Р. А.» 1873 г., стр. 134) сказано, что онъ, вѣнчался въ іюнѣ 1777 года;—на стр. 135 говорится, что въ 1777 году онъ съ женою ѣздилъ въ Швейцарію. Если признать точность этой цифры, то окажется, что отсутствіе Потемкина изъ Петербурга продолжалось съ мая 1776 года, что едва-ли могло быть.

[1]) См. «Русская Старина», томъ II, стр. 474—475.

[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 45—47.

въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія... Она не роза, но жила близъ нея и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней».

Характеръ второй племянницы Потемкина, Варвары Васильевны, вполнѣ обрисовывается въ нижеслѣдующей ея перепискѣ. Она по-своему любила дядю, но терзала его ревностью, капризами, непостоянствомъ и безпрестанными просьбами о пожалованіи мѣстъ и чиновъ ея друзьямъ и знакомымъ. При всемъ желаніи угождать избалованной племянницѣ, Потемкинъ нерѣдко былъ поставляемъ въ необходимость отказывать ей. Выйдя замужъ за князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына (въ январѣ 1779 года), Варвара Васильевна была примѣрною женою, матерью и хозяйкою. Изъ десяти сыновей ея, девять занимали видныя мѣста и имѣли почетную дѣятельность. Сама княгиня Голицына любила литературу, занималась ею,[1]) соединяла вокругъ себя артистовъ и литераторовъ, и постояннымъ посѣтителемъ этого кружка, въ числѣ прочихъ, былъ И. А. Крыловъ. Ее воспѣвалъ Державинъ (пять послѣднихъ строфъ стихотворенія: «Осень во время осады Очакова») называя «златовласою Плѣнирою». Еще въ 1780 году (когда Варварѣ Васильевнѣ было двадцать три года) бардъ екатерининскаго вѣка сказалъ о ней:

«Благопріятный нравъ, черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой:
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятенъ твой!»

Въ пяти строфахъ оды: «Осень во время осады Очакова» (см. Сочиненія Державина изд. 1864 г., въ 4 д. л., томъ I, стр. 227—230), написанной Державинымъ въ Тамбовѣ и посвященной кн. С. Ѳ. Голицыну, супруга котораго проживала въ своемъ селѣ Зубриловкѣ, находимъ нѣкоторые намеки на отеческія отношенія Потемкина къ племянницѣ:

Твоя супруга златовласа,
Плѣнира сердцемъ и умомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ;

[1]) Княгинею В. В. Голицыною сочиненъ романъ: «Заблужденія отъ любви или письма отъ Фанеліи къ Мильфорту». 2 части. Тамбовъ. 1790 г., 8° (у Сопикова № 4,136, у Смирдина 8,815).

Когда съ горячностью обнимешь
Ты семерыхъ твоихъ сыновъ,
На матерь нѣжны взоры вскинешь
И въ радости не сыщешь словъ:

Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь,
Безцѣнными побѣдъ вѣнцами
Твою супругу удивишь:
Геройскія дѣла разскажешь,
Ея ты дяди и отца,
И духъ и умъ его докажешь
И какъ къ себѣ онъ влекъ сердца.

. . . .
Она къ тебѣ вседневно пишетъ,
Твердитъ то славу, то любовь;
То жалостью, то нѣгой дышетъ;
То страхъ ея смущаетъ кровь;
То дядѣ торжества желаетъ,
То жаждетъ мужниной любви;
Мятется, борется, вѣщаетъ:
Коль долгъ велитъ, ты лавры рви!

Вигель, лично знавшій княгиню Варвару Васильевну Голицыну, говоритъ въ своихъ запискахъ:[1])

«Когда я началъ знать ее, такое названіе («Плѣнира сердцемъ и умомъ») уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія, она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе»... «Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ (Михаила) и терпѣть не могла противорѣчій, а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать».

Но мы не видимъ надобности приводить дальнѣйшихъ отзывовъ о характерѣ княгини Варвары Васильевны Голицыной, представляя переписку, въ которой, тогда еще двадцатилѣтняя, племянница Потемкина выказываетъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны своего нрава. Замѣтимъ только, что Потемкину въ годъ его

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, томъ I, стр. 130—132.

переписки было уже тридцать восемь лѣтъ; въ этомъ возрастѣ человѣку должны быть чужды юношескія увлеченія химерической любовью, особенно такому человѣку, каковъ былъ Потемкинъ. Но этотъ исполинъ царствованія Екатерины, какъ истый сынъ своего вѣка, былъ покорнымъ данникомъ духа времени. Пресыщенный любовью, не встрѣчая отказа страстнымъ своимъ желаніямъ и въ самыхъ непреклонныхъ красавицахъ, онъ искалъ отдохновенія для души въ полу-идеальной, полу-страстной любви молоденькой дѣвушки, близкой родственницы. Въ чувствахъ своихъ къ Варварѣ Энгельгардтъ Потемкинъ соединилъ чистую нѣжность отца, страстность влюбленнаго и покорность слабохарактернаго мужа. Любопытно, что въ одинъ и тотъ же годъ (1777) Григорій Орловъ, очарованный своею двоюродною сестрою, женился на ней, а Потемкинъ писалъ нѣжныя письма къ своей племянницѣ. Характеристическая черта нравовъ того времени.

Эта переписка относится къ 1777—1779 годамъ и составляетъ одинъ изъ романическихъ эпизодовъ въ жизни Потемкина.

Варвара Энгельгардтъ—Потемкину.

„Я никакъ бы не думала, что вы, осердясь, ушли вчера отъ меня. Хорошо, батюшка, положимъ, что я вамъ досадила; да вѣдь вы знаете, когда я разосплюсь, то сама себя не помню; къ тому же, прежде, я получила письмо отъ бабушки, которое меня взбѣсило, то можно-ль уйти?... За это теперь я вижу, что вы меня ничего [1]) не любите. Когда-бъ вы знали, чего мнѣ стоила эта ночь, душка злая моя, ангелъ мой, невзыщи пожалуста, мое сокровище безцѣнное; приди, жизнь моя, ко мнѣ теперь, ей-Богу грустно, моя душа, напиши хоть строчку, утѣшь свою Вариньку.

„Виновата я предъ вами, только Бога ради несердись, прости, батюшка; цѣлую милліоны разъ и думаю, какъ вы теперь на меня сердиты, то вамъ это непріятно.

Потемкинъ—Варварѣ Энгельгардтъ.

„Вариньна, душа моя, ворожея твоя дура; она ничего не знаетъ. Немного было угадать, что ты письмо, пріѣхавши, получишь; а того она, дура, не узнала, что я самъ, сегодня, буду тебя цѣловать. Прости, моя жизнь милая, ангелъ мой, улыбочка моя милая.

---

[1]) Нисколько.

„Моя божественная Варинька, ты видишь, сколько я имѣю заботы; мнѣ твоя болѣзнь тяжелѣе собственной жизни. Послушай меня, а больше государыню, которая приказала весьма милостиво тебѣ сказать, чтобы ты пила спа-вассеръ, и покуда будешь пить, не ѣсть горячихъ пироговъ, ни хлѣба теплаго. Она увѣрять изволитъ, что ты, выпивши стакановъ пять, будешь здорова и хандры не будетъ, да при этомъ движеніе должно имѣть.

„Прости, mon amour, mon âme, mon tout ce que j'aime (моя любовь, моя душа, мое все, что я люблю).

„Варинька, когда я тебя люблю до безконечности, когда мой духъ не имѣетъ, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цѣну; мудрено-ли мнѣ вѣрить, когда ты обѣщала меня любить вѣчно. Я люблю тебя, душа моя, а какъ?... Такъ какъ еще никого не любилъ... Не дивись, ежели ты видишь меня иногда въ грусти. Бываютъ движенія невольныя, и я чувствую очень, что нѣтъ резона; токмо владѣть собою не могу. Прости мое божество милое; я цѣлую всю тебя.

„Варвара Васильевна, развѣ такъ ты должна встрѣчать мою ласку? Что ты думаешь, я неувѣренъ въ твоемъ безкорыстіи? А я думаю мнѣ вы позволите поступать по моей иногда волѣ съ вами, а особливо въ вещахъ, которыхъ гораздо больше у меня, нежели у васъ. Знайте и то, что я всѣхъ васъ дарю, и впередъ хочу, въ имянины, прилагать нѣчто и денегъ. Потому что вамъ жить надобно сходственно съ моею знатностію. Вы меня огорчили, встрѣтивши мою ласку сердечную такъ грубо.

„Для чего выключать;[1]) до воскресенья еще далеко, можетъ быть, дастъ Богъ здоровья, и какъ мнѣ играть государыней. Она положила вамъ быть въ кадрили; вѣдь это не дежурство, что одна за другую ходятъ. Я, Варвара Васильевна, самъ не могу, а ты вѣрно была бы здорова, ежели бы слушалась меня.

„Не забылъ я тебя, Варинька, и не забуду никогда, а каковъ я вчера былъ, оставшись, то тебѣ разскажетъ Зомеръ,[2]) да и теперь не могу такъ, что не могъ остаться сидѣть у государыни. Я еще, душенька,

---

[1]) Говорится о кадрили на придворномъ балѣ, въ которой должна была танцовать Варвара Васильевна.

[2]) Повѣренный свѣтлѣйшаго, разносившій его сердечныя письма.

въ первый разъ вижу, что ты разсудила отвесть мою душу, когда я въ превеличайшей грусти. Я, какъ ни слабъ, но приду къ тебѣ... Жизнь моя, ни что мнѣ такъ не мило, какъ ты.

„Варинька, жизнь моя, ангелъ мой; пріѣзжай, голубушка, сударка моя, коли меня любишь. Государыня сама изволила приказать, чтобъ ты была завтра на ужинѣ у Льва Александровича (Нарышкина?) а Надеждѣ Васильевнѣ безъ тебя нечего дѣлать... Сударка, одѣнься хорошенько и будь хороша и мила; ангелъ мой, цѣлую тебя крѣпко.

„Ангелъ мой, твоя ласка столько же мнѣ пріятна, какъ любезна. Другъ безцѣнный, сочти мою любовь къ себѣ и увидишь, что ты моя жизнь и утѣха, мой ангелъ; я тебя цѣлую безъ счета, а думаю еще больше. Прости, твой вѣрнѣйшій по смерть П.

„Голубушка, Варинька, душа моя, ежели это твой портретъ, то онъ не схожъ, а похожъ онъ на твою Грушку. Прости, мои губки сладкія, приходи обѣдать, я и сестеръ звалъ.

„Варинька, Варюшечька, душа моя, я посылалъ Зомера къ вамъ, онъ мнѣ сказалъ, что у тебя голова болитъ; жаль мнѣ, душа моя; однакожъ будь весела и съ пріятной твоей улыбочкой. Ангелъ мой, естьлибъ знала, сколько я тебя люблю. Adieu mon ангелъ.

„Матинька Варинька моя, другъ мой, жизнь моя, я тебя цѣлую. Завтра, послѣ концерта, буду самъ; я бы и ранѣе пріѣхалъ, но никакъ нельзя. О гофмейстеринѣ просилъ и пріѣхавши тебѣ разскажу. Кажется хорошо.

„Прости, мой ангелъ, посылаю тебѣ дынь.

„Матушка, Варинька, душа моя; жизнь моя. Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь. Я, идучи отъ тебя, тебя укладывалъ и разцѣловалъ, и одѣлъ шлафракомъ и одѣяломъ, и перекрестилъ.

„Мнѣ, душенька, легче, я желаю, чтобъ тебѣ было веселѣе безъ меня, нежели мнѣ безъ тебя, и чтобъ ты помнила обо мнѣ, какъ я о тебѣ. Александрѣ Васильевнѣ (Энгельгардтъ) легче; мнѣ, моя душа милая, скучно, что я тебя не увижу. Мой ангелъ, Варинька, кто тебя можетъ любить столько, какъ я. Мой другъ, губки мои любезныя, матушка, сокровище мое. Я въ субботу буду къ тебѣ, а для того тебѣ сюда ѣхать не совѣтую. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

„Завтра пойду въ баню.

„Варинька, другъ мой сердечный, спасибо за два письма, только для чего ты мнѣ ничего не приказала съ Николаемъ Петровичемъ; онъ сегодня пріѣхалъ. Варинька, моя милая, я тебя люблю, какъ душу... Посылаю тебѣ огурцовъ; о купцѣ еще неладится; буду еще просить; ему было отъ (государыни) отказано прежде еще. Теперь сказала, что послѣ еще со мной поговоритъ; стараться всячески стану, всячески просить.

„Прости, мой ангелъ, цѣлую тебя.

„Варенька, ты дурочка и каналья неблагодарная; можно-ли тебѣ сказать: Варинька не можетъ, а Гришинька ничего не чувствуетъ? Я за это, пришедши, тебѣ уши выдеру. Матинька, пожалуй, не будь докторомъ сама себѣ; кровь пустить не мудрено, только можно этимъ худо сдѣлать.

„Льва Александровича я сегодня увижу и скажу.

„Варинька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, моя душа, что ты меня любишь, отъ этого я буду здоровъ, веселъ, счастливъ и покоенъ; моя душа, я весь полонъ тобою, моя красавица. Прощай, цѣлую тебя всю.

„Красавица, ангелъ; тебѣ-ли остается мнѣ изъяснять, что ты достойна любви моей. Душа моя, любовница нѣжная. Побѣда твоя надо мною и сильна, и вѣчна. Если ты меня любишь — я счастливъ, а ежели ты знаешь, сколько я тебя люблю, то не остается тебѣ желать чего-либо больше. Другъ, я тебѣ вѣчно преданъ...

„Сударка, я очень мучился во всю ночь головою; теперь получше; приду ужо тебя цѣловать.

„Матушка, жизнь моя. Не забуду, конечно, говорить объ локонахъ, тѣмъ больше, что это тебя утѣшаетъ. Я не смѣлъ къ тебѣ писать; мнѣ казалось, что я подъ гнѣвомъ; потому что вчера съ Зомеромъ весьма сухо приказала, что ты такъ хочешь. Ты мнѣ, мой ангелъ любезной, вчера приказала, чтобъ я о тебѣ вспомнилъ. Красавица моя; могу-ли я забыть когда-нибудь душу свою. Варинька любезная, ты живешь въ моемъ сердцѣ и будешь тамъ вѣчно. Цѣлую тебя, жизнь моя.

„Государыня сегодня изволила кровь пустить, и потому не кстати ее безпокоить. Что голова болитъ, о томъ жалѣю, а еще больше, что цѣлый день тебя не видалъ. Пойду къ государынѣ и послѣ къ вамъ зайду.

„Жизнь моя, Варинька; у меня такъ болѣла грудь, что я отъ роду этакова мученья не имѣлъ, завтра буду въ городѣ; прости, моя душенька; пріѣзжай ко мнѣ въ лѣтній (дворецъ) обѣдать.

„Варинька, голубушка; я, какъ собака, не могу;[1]) всю ночь не могъ уснуть и за столъ не пойду. Какова ты, жизнь моя? Завтра, послѣ обѣда, буду. Прости, душа милая. Цѣлую тебя.

„Варинька, жизнь моя, ангелъ мой. Я завтра буду въ городѣ, и теперь хочу знать, какова ты, жизнь моя? Отпиши, голубушка, гдѣ ты завтра будешь у меня—въ Аничковѣ или во дворцѣ. Прости миленькая, цѣлую тебя.

„Варинька, душенька; я пріѣхалъ и голова такъ закружилась, что насилу, дошелъ до комнаты. Я чрезвычайно хилъ сталъ. Г(осударыня) вышла и все вверху, а я одинъ лежу. Моя жизнь, прости, цѣлую тебя, сударка моя, душенька моя; посылаю тебѣ мое благословеніе и Надеждѣ Васильевнѣ.

„Варюшечка, душа моя, не смѣй не мочь;[2]) я за это высѣку. Сударушка моя, я видѣлъ тебя во снѣ; очень хорошо. Ужо одѣнусь и приду тебя цѣловать.

„У меня, голубушка, голова болитъ и грудь не такъ, какъ вчерась. Прости, сударка, я тебя цѣлую безъ счету.

„Можно-ли, Варинька, ты сегодня не вспомнила меня и не пришла провѣдать?

„Варинька, мой другъ безцѣнной, душа моя, какова ты?.. а я занемогъ вчера; все тошно мнѣ, да голова болитъ; сегодня думаю выходить. Прости, моя жизнь, цѣлую тебя.

(1778).

„Варинька, жизнь моя, здорова-(ли); съ Новымъ годомъ, будь здорова и люби меня такъ, какъ я тебя люблю, жизнь моя, другъ безцѣнной; цѣлую тебя.

---

[1]) Нездоровъ.
[2]) Быть нездоровой.

„Луиныка, жизнь моя, что вчера было-ли что—скажи мнѣ, куколка моя; цѣлую тебя 22 милліона разъ.

„Вариньк, другъ мой любезный, жизнь моя, красавица, хочется цѣловать тебя. Голубушка, пишу къ тебѣ для того, что мнѣ пріятно заниматься тобою; ручки мои безцѣнныя. Для чего я не могу ихъ имѣть всегда при себѣ?

„Матинька; я спѣшу одѣваться и къ тебѣ зайду.

„Вариныка, душа моя, я слабъ чрезвычайно; приди мой ангелъ. Пушкина указъ подписанъ.

„Вариныка, душа моя, Наталья Кирилловна прислала меня просить Христомъ Богомъ, чтобъ я пріѣхалъ на минуту. Она имѣетъ комисію весьма важную отъ отца до меня. Какъ прикажешь?

„Голубушка моя, Вариныка, я не думаю, чтобы государыня стала сегодня слушать, потому что пошла къ великой княгинѣ. Душа моя, жизнь моя; я тотчасъ приду къ тебѣ.

„Голубушка, у меня голова очень болитъ; къ Барятинскому пошлю; Пушкина письмо отдамъ, а тебя люблю, какъ душу.

„Вариныка, матинька, лучше проходиться; послушай меня, приди, мой другъ, ко мнѣ.

„Варюшенька, мой ангелъ, приди ко мнѣ въ шубкѣ, и, когда будетъ время, я за тобой пришлю.

„Голубушка, душа моя, В(аря), я не очень хорошо спалъ; однакожъ теперь получше. Я пойду провѣдаю; выдетъ-ли государыня и тебѣ скажу. Жизнь моя, цѣлую тебя безъ счету.

„Матушка, жизнь моя В(ариныка) безцѣнная. Когда ты хочешь выдти? поутру или послѣ обѣда. Ежели къ вечеру, то я выйду, а теперь не думаю, чтобы поспѣлъ.

„В(ариныка), душа моя, мнѣ упомянуть имя твое пріятно. Красавица моя любезная; цѣлую тебя всю съ ногъ до головы. Мой ангелъ, для чего шуба счастливѣе меня!

„Ангелъ мой безцѣнной, я недавно проснулся и здоровъ; приду цѣловать тебя, моя душа, любезная В(аринька), ты мое здоровье и жизнь.

„Матушка милая, божественная Варюшка. У меня будешь кушать, коли стола (придворнаго) не будетъ и поѣдемъ на гостиной дворъ. Сударка, какъ я тебя люблю; ежелибъ ты могла знать.

„Милушка, жизнь моя; здорова-ли ты, красавица моя. В(аринька) душенька, люблю тебя безъ мѣры.

„Матушка, ангелъ мой, душа моя, я такъ заспался, что только теперь лишь опомнился. О государынѣ узнать теперь еще нельзя, а какъ скоро можно будетъ, то спрошу и тебѣ скажу. Мой ангелъ, щечки мои румяныя; цѣлую тебя, мою любезную.

„Варинька, жизнь моя, я ночью чуть не умеръ. Однакожъ черезъ силу выйду и ежели тебя, мой ангелъ, увижу также авантажну, какъ вчера, то буду радъ. Голубушка моя, все ты на умѣ.

„Матушка, жизнь моя В(аринька), божество мое, я бы чрезвычайно радъ былъ, еслибъ ты завтра вышла и была бы такъ авантажна, какъ сегодня. Прости, мой ангелъ, я тебя столько цѣлую, сколько люблю.

„В(аринька), ангелъ мой, душенька моя. Улыбнись, красавица; люблю тебя до безконечности и цѣлую безъ счету.

Варвара Энгельгардтъ—Потемкину.

(Весьма нечетко и торопливо). „Папа, жизнь моя, очень благодарю за подарокъ и письмо, которое всегда буду беречь. Ахъ, мой другъ папа, какъ я этому письму рада! Жизнь моя, пріѣду ручки твои цѣловать.

„Жизнь моя, я очень о васъ безпокоюсь; Христа ради скажите мнѣ, есть-ли вамъ легче? я все ждала отъ васъ, какъ вы сами мнѣ обѣщали прислать, но недождалась, то посылаю къ вамъ. Бога ради,

жизнь моя, напишите ко мнѣ. Прощай, мой любезный ангелъ, буду ждать съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, а между тѣмъ, прости еще, мой любезный другъ; въ мысляхъ тебя цѣлую милліоны разъ; пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ, если ты здоровъ, а ежели нѣтъ, то не ѣзди, мое сокровище, а прикажи мнѣ къ себѣ быть. Прости, душенька. еще тебя цѣлую.

„Ради Бога. батюшка, князь Григорій Александровичъ, зайдите на минуту; я не ѣду безъ того, чтобы съ вами непомириться; Богъ съ вами, я, можетъ быть, однимъ словомъ досадила, а вы вспомните, что цѣлымъ письмомъ меня разругали, да въ прибавокъ сказали: „чортъ съ вами", то, кàкъ это слово пріятно; придите, голубчикъ, ради Бога, мнѣ пора ѣхать.

„Напрасно вы меня такъ ласкаете, я уже не есть та, которая была; еще бы вы больше меня дурачили сегодня, въ угодность кому-нибудь. Послушайте, я теперь вамъ серьезно говорю, если вы помните Бога, если вы, когда нибудь, меня любили, то, прошу васъ, забудьте меня на вѣки, а я ужъ рѣшилась, чтобы оставить васъ. Желаю, чтобы вы были любимы тою, которую имѣть будете; но, вѣрно знаю, что никто васъ столь же любить не можетъ, сколько я дурачилась понапрасно; радуюсь, что въ одну минуту узнала, что я только была обманута, а не любима вами; знайте, что я, разставшись съ вами, не забываю; но еще чувствительнѣе мнѣ въ тысячу разъ съ вами разстаться.

„Къ чему вы меня просите, чтобы я съ вами помирилась; я никогда не выйду изъ благопристойности; буду съ вами такъ, какъ я вчера сказывала, только не такъ, какъ прежде, и сколько я вами ни огорчена—я все забываю. Богъ съ вами; не думайте, чтобы вы не вспомнили когда-нибудь меня; а я желаю вамъ всегда, чтобы вы были покойны и веселы; чтобы вы нашли туже любовь отъ тѣхъ, къ кому вы такъ привязаны, какъ я разсмотрѣла. Простите, Богомъ васъ еще прошу, забудьте меня, а я никакъ уже не перемѣню того, что сказала.

Изъ этого письма можно было предполагать, что причиною размолвки былъ отъѣздъ Потемкина въ Новороссійскій край. Такъ думала и императрица, видя холодныя отношенія дяди къ недавно милой племянницѣ. Принимая въ ней участіе, государыня писала Потемкину:

„Слушай, голубчикъ, Варинька, очень не можетъ: si c'est votre départ qui en est cause, vous avés tort (если отъѣздъ вашъ тому при-

чиною — вы не правы); уморишь ее, а она очень мнѣ мила становится; ей хотятъ кровь пустить".

На самомъ же дѣлѣ Варвара Васильевна радовалась случаю прервать съ дядею прежнія, слишкомъ дружелюбныя сношенія обративъ всю вину на него же самого. Обоюдныя клятвы въ «вѣрности до гроба», въ особенности со стороны двадцатилѣтней красавицы сорокалѣтнему мужчинѣ, оказались несостоятельными. Варвара Энгельгардтъ увидѣла другого, молодого красавца — князя Сергѣя Θедоровича Голицына — плѣнилась имъ, какъ и онъ ею. До времени сохраняя въ тайнѣ свою любовь, племянница Потемкина не хотѣла лицемѣрить и обманывать дядю и въ тоже время желала остаться правою въ его глазахъ. Эта мысль еще яснѣе проявляется во второмъ ея письмѣ — слѣдующаго содержанія:

„Ну, теперь уже все кончилось; ожидала я этого всякую минуту. съ мѣсяцъ назадъ, какъ я примѣчала, что вы совсѣмъ не таковы противъ меня, какъ были прежде. Что же дѣлать, когда я такъ несчастлива? Не скажу я вамъ, чтобы мнѣ это было легко; самъ Богъ все видитъ, и пускай онъ насъ съ вами разбираетъ; тѣмъ больше оно мнѣ чувствительно, что отъ васъ я столько огорчена; я не думаю, чтобъ вы этимъ утѣшались. Пускай любви вашей ко мнѣ нѣтъ, да по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь, честь въ васъ останется. Посылаю къ вамъ всѣ ваши письма, а васъ прошу, если помните Бога. то пришлите мои; я не думаю, чтобы вы этого для меня не сдѣлали. и въ самое то время, когда я не чувствовала, что меня обманываютъ, а судя по себѣ, считала, что я равно любима, то и тогда видѣла, что они для васъ не такъ нужны были, то пожалуста пришлите; вмѣстѣ съ тѣмъ, какое вамъ удовольствіе, если ихъ всѣ читать будутъ? Я не думаю, чтобы вы до того противъ меня были дурны, чтобы захотѣли сказать, какъ о томъ, что прежде было; впрочемъ. какъ хотите, я васъ о нихъ не прошу. Я очень чувствую, что дѣлала дурно, только вспомните, кто этому причиною? Прощайте, батюшка, повѣрьте, что я всегда вамъ желаю всего хорошаго; это со мною на вѣки останется, только прошу васъ, и сама стану стараться васъ бѣгать; да можетъ быть, по существу вашему, вы скоро меня не увидите: дай Богъ вамъ веселиться столько, сколько я буду плакать. Незабудьте про письма — я ихъ жду. Прощайте, жизнь моя, это въ послѣдній разъ вы получите отъ меня, больше я уже васъ безпо-

коить не буду; впрочемъ, будьте увѣрены, что я не забуду во весь мой вѣкъ, что я вами несчастлива. Простите".

Потемкинъ однако же не сдѣлался жертвою мистификаціи хитрой дѣвушки; при всемъ ея стараніи отъ него не укрылась тайна ея сердца, но въ данномъ случаѣ сорокъ лѣтъ его возраста и глубокое знаніе женскаго сердца принесли свою пользу. Недавно страстный обожатель отнесся къ дѣлу съ спокойствіемъ благоразумія и къ ея письму въ своемъ архивѣ «пріобщилъ» слѣдующее посланіе, писанное къ Варварѣ Васильевнѣ ея женихомъ — княземъ С. Θ. Голицынымъ:

„Отдай, душенька, Варвара Васильевна, письмо, приложенное къ сему, к(нязю) Григорію Александровичу.

„Хочется, душенька, одинъ разъ въ жизни, испытать мнѣ опытомъ дружбу твою ко мнѣ. Въ субботу выйдетъ армейская перемѣна, (т. е. производство и, сколько мнѣ извѣстно, то нѣкоторое число и полковниковъ поступятъ въ генерал-маіоры. Я письмомъ просилъ вчерась князя, чтобы онъ вошелъ въ мое состояніе и исходатайствовалъ мнѣ чинъ бригадира, изъясняя при томъ ему и то, что ежели я останусь при совѣтѣ, то переименованіе меня въ чинъ армейскій зависти и досады сдѣлать не можетъ. Судьба моя быть несчастливу, или потому, что другіе того же хотятъ, чего и я, или я самъ не знаю почему. Михайло Сергѣевичъ [1]) былъ въ ровномъ со мною положеніи, но соизволеніе князя Григорія Александровича измѣнило состояніе его. Надобно для моего счастія, чтобы к(нязь) Григорій столько же захотѣлъ сдѣлать мнѣ милость, сколько онъ обыкновенно хочетъ въ то время, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь. Но на сіе я не столь счастливъ, чтобы самъ собою могъ довести. Чѣмъ преданность моя къ нему болѣе стремится, тѣмъ меньше можетъ быть примѣчается она."

„Отдавъ письмо, приложенное, ему; употреби свою просьбу обо мнѣ столько же, сколько ласка твоя и любовь ко мнѣ тебѣ позволитъ; я сегодня въ вечеру въ городъ буду и тебя увижу; увижу также и то, что въ правду-ли ты любишь меня или нѣтъ".

Свадьба Варвары Васильевны Энгельгардтъ съ княземъ С. Θ. Голицынымъ была въ январѣ 1779 года. Досада Потемкина была непродолжительна: онъ постоянно благоволилъ имъ, покровительствовалъ мужу, исполнялъ по возможности просьбы о протек-

[1]) Потемкинъ.

ціяхъ — жены, а 28-го февраля 1783 года былъ воспріемникомъ сына ихъ Сергѣя. Изъ слѣдующаго письма княгини Варвары Васильевны Голицыной видно, что она воротила даже всю прежнюю пріязнь къ себѣ своего дяди:

„Папа, жизнь моя, душа моя, я проѣхала 8 дней: дорога не хороша, снѣгу множество; здѣсь (въ Могилевѣ) ночевала и обѣдаю тутъ; ѣду въ Кричевъ. Я три письма къ тебѣ писала, не знаю получилъ-ли ты нельзя? сказать, чтобъ я лучше была; пріѣзжай, дружокъ, скорѣй, мнѣ безъ тебя ужасть какъ скучно; я здорова, цѣлую ручки твои; прошу тебя, папа, чтобъ ты меня помнилъ; не знаю отчего мнѣ кажется, что ты меня забудешь — жизнь моя, папа, сокровище мое, цѣлую ножки твои, дочка твоя — кошечка Гришинькина".

„Папа, не забудь, жизнь моя, ты обѣщалъ къ себѣ взять сына Николая Богдановича въ адъютанты. Они меня просили васъ попросить; да не забудь, миленькой, пожалуйста, жизнь моя: я думаю онъ сдѣланъ, ты самъ мнѣ сказалъ, а я ему сказала; то они будутъ думать, что я лгунья. Прости душа моя".

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРІЯ

въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.

1741—1761.

Въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи XVIII столѣтія сохранился весьма важный матеріалъ для характеристики русскаго народа и его отношеній къ тѣмъ или другимъ распоряженіямъ правительства или къ лицамъ, стоявшимъ у кормила правленія. Мы говоримъ о тѣхъ толкахъ народныхъ, которые вызывали страшный крикъ: „слово и дѣло!“ и были поводомъ къ привлеченію неосторожныхъ говоруновъ въ Тайную—подъ розыскъ, и затѣмъ подъ кнутъ и въ ссылку. Значеніе этихъ дѣлъ въ ряду прочаго историческаго матеріала давно уже указано, какъ въ историческихъ монографіяхъ пишущаго эти строки,[1]) такъ затѣмъ въ трудахъ гг. Соловьева, Щебальскаго, Есипова и др.

Въ настоящей статьѣ мы представляемъ обзоръ дѣлъ, производившихся въ Тайной Канцеляріи за время царствованія Елисаветы Петровны (1741—1761). Къ сожалѣнію, обзоръ этотъ не полонъ; онъ основанъ на выпискѣ только изъ ста девяти дѣлъ,—выпискѣ составленной, какъ можно полагать, для императора Петра III, или даже для императрицы Екатерины II—по ея воцареніи.[2]) Находящаяся передъ нами копія, очевидно, составляетъ лишь отрывокъ изъ нашего обзора всей дѣятельности Тайной Канцеляріи за двадцать лѣтъ (1741—1761); несмотря, однако, на неполноту, отрывокъ все-таки имѣетъ значительный интересъ: въ немъ ярко отражаются тѣ событія, кото-

---

[1]) «Народные толки о Петрѣ Великомъ», «Слово и дѣло» и проч. разсказы напечатанные въ журналахъ 1860—1863 гг. **Ред.**

[2]) Что выписка составлена уже послѣ 1761 г. видно изъ того, что объ императрицѣ Елисаветѣ упоминается какъ о покойной. **Ред.**

рыя производили особенное впечатлѣніе въ русскомъ народѣ. болѣе ста лѣтъ тому назадъ; впечатлѣнія эти высказывались, бо́льшею частью. весьма своеобразно, въ самыхъ дикихъ, нелѣпыхъ, и тѣмъ не менѣе весьма характеристичныхъ толкахъ.

Ред.

I.

Первую и самую обширную группу изъ дѣлъ, о которыхъ говорится въ экстрактѣ 1762 г., представляютъ дѣла по преступленіямъ противъ личности императрицы Елизаветы Петровны. Разнообразны эти преступленія: здѣсь есть и злоумышленіе „къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія" и непочтительные о ней отзывы; здѣсь выражаются народные толки и взгляды на то или другое событіе изъ жизни императрицы Елисаветы, на то или другое распоряженіе правительства ея времени.

Вотъ бѣглый солдатъ, скитающійся по разнымъ городамъ и весямъ обширнаго своего отечества, пойманъ былъ во время бѣгства его изъ Польши. Солдата привели въ Сыскной Приказъ, отсюда переслали въ военную колегію, изъ которой препроводили обратно въ Приказъ, гдѣ онъ и сказалъ за собою „слово и дѣло, по первому пункту": вслѣдствіе этого онъ отправленъ въ Тайную канцелярію. Здѣсь солдатъ „ложно-вымышленно показывалъ, что якобы, по побѣгѣ его изъ Оренбурга, въ бытность его въ Польшѣ, польскій ксендзъ Радзивилъ Іеронимъ, подскарбій онтовскій, научилъ его учинить злое дѣло къ поврежденію высочайшаго ея И. В. здравія, и далъ ему для того порошки; и говорилъ, чтобъ оные, гдѣ государыня шествіе имѣть будетъ, высыпать на землю; и будто-бъ онъ, для учиненія онаго злаго намѣренія, наряжаясь въ офицерское платье, ходилъ во дворецъ и ѣздилъ въ Царское Село. токмо-де того злаго своего намѣренія не учинилъ онъ отъ страху, а высыпая одинъ порошокъ для апробаціи подъ курицами; и какъ-де тѣ куры на тотъ порошокъ нашли, такъ-де у нихъ ноги оторвало, а другой (порошокъ) бросилъ въ воду".

Вмѣсто смертной казни, солдатъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Рогервикъ, въ вѣчную каторжную работу.

Дворовый человѣкъ статскаго совѣтника Ивана Бахметева получилъ отъ артилерійскаго подпоручика два письма „въ пакетѣ, на которомъ надписано было: секретъ, тайно ея И. В. единой про себя прочесть, не давать синклиту". Означенныя письма „единой ея И. В. были секретны, и на тайную-де и на многія подозрительныя въ смерт-

номъ злодѣйствѣ, на здравіе ея И. В. и наслѣдника ея И. В." Дворовый человѣкъ Бахметева не только не донесъ объ этихъ письмахъ, но имѣлъ намѣреніе лично подать ихъ императрицѣ. Съ этою цѣлью самъ онъ написалъ письмо, которое и подалъ статс-дамѣ Корфовой. Въ письмѣ писалъ онъ весьма продерзко, чтобъ „она, г-жа Корфова, представила его скоро вс-йшей государынѣ, что-де онъ имѣетъ объявить тайный секретъ ея величеству, а именно-де о смертномъ злодѣйствѣ, токмо-де никому и вѣрнымъ объявить не изволите".

Двороваго человѣка наказали, вмѣсто кнута, плетьми и сослали въ Оренбургъ „на службу, въ каковую онъ способенъ явиться".

Въ Тайной Канцеляріи много производилось дѣлъ по ложному сказыванью слова и дѣла по первымъ двумъ пунктамъ; въ экстрактѣ изъ этихъ дѣлъ почти не упоминается, въ чемъ именно состояли эти измышленія крикуновъ слова и дѣла? Производство этого рода дѣлъ почти одинаково. Приведутъ колодника въ Тайную Канцелярію и начнутъ „съ розыску" спрашивать; при этомъ окажется, что никакого слова и дѣла за нимъ нѣтъ. Накажутъ виновнаго кнутомъ или плетьми и сошлютъ въ какой-нибудь отдаленный городъ. Если же ложный окрикъ „слова и дѣла" окажется во второй и третій разъ, то наказаніе увеличивается.

Но вотъ, между другими, цѣлый рядъ дѣлъ по поводу непочтительныхъ отзывовъ объ императрицѣ, выраженныхъ „въ непристойныхъ словахъ" и „неудобьсказуемыхъ поношеньяхъ".... Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ виновными являются, главнымъ образомъ, бѣглые солдаты и матросы, нѣсколько разъ наказанные за ложное сказыванье слова и дѣла, за убійства, грабежи, поддѣлку паспортовъ и за разныя другія преступленія. Затѣмъ встрѣчаются крестьяне, дворовые люди, однодворцы, фабричные, колодники разныхъ приказовъ и канцелярій, вообще люди, принадлежащіе къ низшимъ слоямъ населенія. Горькая доля, особенно же желаніе какъ-нибудь избавиться отъ наказанія за совершенные проступки, или по крайней мѣрѣ отдалить срокъ его исполненія, заставляетъ этихъ людей оговаривать себя и другихъ лицъ въ небывалыхъ преступленіяхъ. Цѣль оговоровъ не достигается: они оказываются „ложно-измышленными". Тѣмъ не менѣе любопытно, въ чемъ состоятъ оговоры и вымыслы? На чемъ останавливалось вниманіе лицъ, попадавшихъ въ розыскъ Тайной Канцеляріи.[1])

Вотъ, напримѣръ, матросъ адмиралтейскаго вѣдомства, который

---

¹) Розыскъ почти всегда сопровождался пыткою. Описаніе «обряда како обвиненный пытается — документъ времени императрицы Елизаветы Петровны напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 58—59.

былъ неоднократно наказанъ за ложное сказыванье слова и дѣла; однако же не имѣлъ онъ „отъ тѣхъ своихъ продерзостей воздержанія" и еще разъ сказалъ за собою слово и дѣло. Матроса приговорили къ наказанію; въ это время произнесъ онъ троекратно слова такія:[1] ... всемилостивѣйшая-де государыня до насъ грѣшныхъ не милостива". Матроса повели къ учиненью наказанья кнутомъ; „тогда онъ сталъ поносить бранными словами Николая чудотворца и государыню". И за то за все, вмѣсто смертной казни, учинено ему наказаніе кнутомъ, и съ вырѣзаніемъ ноздрей, сосланъ въ Оренбургъ въ работу вѣчно.

Или вотъ другой матросъ, того же адмиралтейскаго вѣдомства: „онъ бывалъ въ неоднократныхъ ложныхъ сказываніяхъ слова и дѣла и въ другихъ продерзостяхъ, за что и гонянъ шпиц-рутенами, въ разныя времена, сквозь баталіонъ, 61 разъ и множественное число битъ кошками"; кромѣ того, этому матросу, „по указу изъ адмиралтейс-колегіи, за другія его вины велѣно учинить наказанье шпицрутенами, чрезъ полкъ, 42 раза". Такой-то человѣкъ оговорилъ одного изъ своихъ товарищей, который будто бы однажды сказалъ ему: „поди-де ты на меня донеси караульному обер-офицеру, что-де я браню Бога и вс-йшую государыню".

По наказаніи кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, матросъ сосланъ въ Рогервикъ, въ каторжную работу вѣчно.

Между писцомъ сызранской воеводской канцеляріи Зоринымъ и колодникомъ Кроминцовымъ происходилъ, по словамъ послѣдняго, слѣдующій разговоръ: „якобы онъ, Кроминцовъ, спросилъ того Зорина: не слыхалъ-ли-де ты обо мнѣ чего, и когда-де меня, бѣднаго человѣка, выпустятъ? и на то будто бы оный Зоринъ сказалъ: какъ-де тебя выпустить, тебѣ-де надобно еще голову рубить, и якобы онъ, Кроминцовъ, на то оному Зорину говорилъ: „Господь-де меня помилуетъ"; и оный Зоринъ на то будто бы сказалъ: помилуетъ-де тебя свинья; и якобы, онъ, Зоринъ, на то сказалъ: да и великая-де государыня не велитъ намъ головы рубить, и жалуетъ-де животомъ. И оный Зоринъ на то якобы ему, Кроминцову, говорилъ слова такія: кто-де васъ жалуетъ и того бы кнутомъ. За этотъ „ложновымышленный" разговоръ, опредѣлено по наказаніи кнутомъ, сослать Кроминцова въ вѣчную каторжную работу въ Рогервикъ.

Солдатъ Бѣлогородскаго гарнизоннаго полка оговорилъ пять человѣкъ и въ томъ числѣ своего прапорщика, который будто бы

---

[1]) Здѣсь, равно какъ и въ слѣдующихъ мѣстахъ, точки означаютъ опущенныя нами слова, какъ неудобныя для печати.

однажды сказалъ, „что-де недостойно въ нашемъ великороссійскомъ государствѣ женскому полу на царствѣ сидѣть“.

Одинъ фабричный обвинялъ хозяина своей фабрики въ томъ, будто тотъ говорилъ, что „у государыни-де ума нѣтъ“.

Дворовый человѣкъ, проживая съ своимъ помѣщикомъ въ городѣ Архангельскѣ, слышалъ будто бы разговоры, въ которыхъ знакомые помѣщика „вс-йшую государыню Елисавету Петровну называли не природною“. А бѣглый солдатъ лейб-гвардіи Измайловскаго полка насказалъ на своего прежняго сослуживца, будто послѣдній доносилъ въ Тайную Канцелярію на одного подъячаго, „въ говореніи имъ словъ такихъ, что неподлежитъ-де вс-йшей государынѣ, на царствѣ сидѣть,— она-де не природная и незаконная государыня, императора Петра Великаго дочь“.

Содлатскій сынъ Никита Алексѣевъ написалъ одному бѣглому кирасиру „воровской паспортъ“, за что и былъ „розыскиванъ въ полиціи трижды“. Потомъ „за перемѣну своего имени и за игру съ подозрительными людьми въ зернь и за укрывательство отъ ревизіи учинено ему наказаніе кнутомъ и въ каторжную работу вѣчно“. Отсюда Алексѣевъ бѣжалъ и попалъ въ Тайную Канцелярію. Здѣсь онъ показалъ, что однажды разговаривалъ съ вахмистромъ полицій-мейстерской канцеляріи и при этомъ замѣтилъ, что „при первомъ-де государѣ императорѣ накладывалась на нашу братью на двухъ человѣкъ одна цѣпь, а чтобъ-де такія большія цѣпи, какая на немъ есть, носить одному человѣку, указовъ такихъ не имѣется“. На это вахмистръ будто бы сказалъ: „у насъ-де свои указы“. При этомъ же онъ, Алексѣевъ, „на себя показывалъ, что будто бы онъ, будучи пьяный, въ умѣ своемъ поносилъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыню императрицу Елисавету Петровну“. Алексѣева наказали кнутомъ и сослали опять въ вѣчную каторжную работу. Отсюда онъ „паки“ бѣжалъ, и за новыя „продерзости“ наказанъ по прежнему. Но, не имѣвъ отъ тѣхъ своихъ продерзостей воздержанія, говорилъ онъ, Алексѣевъ, слова такія: „я-де бранилъ Бога и поносилъ всемилостивѣйшую государыню“. Когда же Алексѣева попросили объясниться яснѣе, то онъ „показалъ, что-де онъ въ умѣ своемъ разсуждалъ, что для чего-де на него, Алексѣева, Богъ прогнѣвался и всемилостивѣйшая государыня его не смилуетъ, что-де онъ часто находится въ наказаніяхъ, и притомъ же въ умѣ своемъ онъ Бога выбранилъ и всемилостивѣйшую государыню поносилъ, а какими словами—не упомнитъ“.

За всѣ такія преступленія было одно наказаніе: битье кнутомъ и ссылка въ вѣчную каторжную работу. Это же наказаніе при-

мѣнялось и за проступки, состоящіе въ неуважительномъ обращеніи съ портретами государыни, въ бросаніи монетъ и бумагъ съ изображеніями императрицы и т. п.,—впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда виновныя лица наказываемы были въ неоднократномъ ложномъ сказываніи слова и дѣла, въ грабежахъ, и вообще, когда они являлись во многихъ преступленіяхъ и наказаніяхъ.

II.

Вторую группу дѣлъ въ обозрѣваемомъ экстрактѣ 1762 года составляютъ дѣла, въ которыхъ выражаются толки и взгляды на отношенія Елисаветы Петровны къ нѣкоторымъ дѣятелямъ ея царствованія, преимущественно къ двумъ братьямъ—Разумовскимъ.

Положеніе при императрицѣ старшаго изъ нихъ, Алексѣя Григорьевича, особенно поражало современниковъ; въ народныхъ сужденіяхъ или толкахъ о немъ замѣшивается иногда и Кириллъ Григорьевичъ. Малороссъ, сынъ простого бѣднаго казака, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, первоначально взятъ былъ въ придворные пѣвчіе; затѣмъ, со времени восшествія Елисаветы на престолъ, онъ быстро прошелъ придворныя должности, будучи награждаемъ въ тоже время высшими военными чинами. Пожалованіе разныхъ наградъ и отличій скоро сдѣлали бывшаго пѣвчаго знатнѣйшимъ сановникомъ въ имперіи. За что же такія милости? Какія заслуги и доблести явилъ въ своей дѣятельности Разумовскій? Лица, быстро возвышавшіяся, были и прежде,—особенно ихъ много было между „птенцами" Петра Великаго. Но то были люди необыкновенныхъ дарованій; заслуги ихъ государству были очевидны для всѣхъ современниковъ. Между тѣмъ объ А. Г. Разумовскомъ нельзя сказать ни того, ни другого. Алексѣй Разумовскій, по отзыву историка, былъ человѣкъ безъ способностей и безъ энергіи, слѣдовательно и ждать отъ него было нечего. Вотъ это-то обстоятельство, въ связи съ необыкновеннымъ возвышеніемъ Разумовскаго, и поражало народъ, который высказывалъ о немъ своеобразные толки и сужденія.

Всѣ эти толки имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, то, что Елисавета Петровна слишкомъ милостива къ Разумовскому, что онъ силенъ единственно расположеніемъ къ нему государыни; что временщикъ вовсе недостоинъ тѣхъ наградъ, которыя ему жалуются; что императрица запросто обращается съ своимъ фаворитомъ; что все это недолжно быть и неминуемо кончится съ воцареніемъ Петра Ѳеодоровича...... Послушаемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ неосторожныхъ говоруновъ.

Вотъ два пріятеля—капралъ „кадетскаго шляхетнаго корпуса“ и дворцовый служитель—толкуютъ о томъ, что „ежели лѣтній дворецъ, что на Фонтанкѣ, совсѣмъ состроится, то-де можетъ быть отданъ будетъ Разумовскому, потому что государыня изволила сказать Разумовскому: „Ну, Алексѣй Григорьевичъ, пока я жива, то и ты веселись,—а когда-де я не буду, такъ-де и ты скорѣе умирай“; и ежели-же государыни не станетъ, то-де его императорское высочество тому Разумовскому первый злодѣй будетъ, для того, что-де онъ, Разумовскій, теперь въ силѣ, и его-де императорское высочество оный Разумовскій, можетъ сыскать у государыни, что наслѣдія лишитъ..........; и какъ-де онъ (Разумовскій) былъ прежде при ея дворцѣ, какъ она, государыня, была цесаревною, то-де онъ .... произведенъ былъ въ камер-юнкеры; а онъ-де, Разумовскій, былъ поповичъ ......“. По случаю болѣзни Разумовскаго два пріятеля говорятъ, „что-де онъ былъ боленъ, а государыня-де его весьма жалуетъ и въ превеликой своей милости содержитъ; и когда-де онъ бываетъ боленъ, и государыня-де изволитъ съ кавалерами кушать, то-де и оный Разумовскій тогда съ государынею, въ шлафрокѣ, кушаетъ ....“. Пріятелей наказали, вмѣсто кнута, плетьми и послали одного въ оренбургскій, а другого въ казанскій гарнизонъ, въ солдаты.

Бѣглый солдатъ новоучрежденнаго кабардинскаго баталіона оговорилъ своего поручика, который будто бы молвилъ: „знаю-де я, почему государыня Разумовскихъ жалуетъ,—мать-де ихъ, вѣдьма кривая, обворожила вс-йшую государыню, и она-де ихъ потому жалуетъ“.

Или вотъ, по случаю пожалованія Разумовскаго въ обер-егермейстеры, одинъ дворовый человѣкъ показалъ на свою помѣщицу, что она, по поводу этого случая, будто бы выразилась: „оный-де титулъ не въ его мѣрѣ,—обѣщали-де ему плаху да топоръ“. Другой дворовый человѣкъ, находящійся въ бѣгахъ, прибылъ въ Польшу и здѣсь нѣкоему мѣщанину разсказывалъ: „вотъ-де у насъ въ С.-Петербургѣ есть Царское Село, и въ томъ-де селѣ строится дворецъ; а близъ-де Петербурга строится дѣвичій монастырь, и тотъ-де монастырь будетъ, по здѣшнему званію, на милю или болѣе. И оные-де дворецъ и монастырь, съ зачатія ихъ, строеніемъ окончатся лѣтъ черезъ шесть; и какъ скоро тотъ монастырь окончится, то-де вс-йшая государыня наша будетъ сама въ томъ монастырѣ постригаться, а государь-де великій князь Петръ Ѳедоровичъ на Разумовскаго сердитъ, что уже-де про того Разумовскаго и топоръ купленъ, и хотѣлъ-было-де государь и великій князь Петръ Ѳедоровичъ того Разумовскаго шпагой заколоть, но только-де вс-йшая государыня до того не-

допустила". Бывшій лейб-гвардіи Семеновскаго полка солдатъ, въ откровенной бесѣдѣ съ товарищемъ своимъ — колодникомъ, повѣствовалъ, между прочимъ, слѣдующее: „когда-де во дворцѣ нашивалъ я кушанье, и тогда-де я видалъ, что государь великій князь Петръ Ѳедоровичъ за тотъ столъ, гдѣ Разумовскій кушаетъ, не садится, и знатно-де по всему, что оный Разумовскій временщикъ, у насъ-де и при каждомъ государѣ временщики, только-де тому Разумовскому знать до тѣхъ поръ и жить, доколѣ государь великій князь Петръ Ѳедоровичъ государства не приметъ".

Храбрый казакъ разговаривалъ съ однимъ малороссомъ. Во время этого разговора послѣдній замѣтилъ: „я-де слышалъ, что въ Аничковскомъ домѣ живетъ разумовскаго племянникъ, капитанъ, и Разумовскіе-де люди знатные". На это замѣчаніе казакъ говорилъ слова такія: „ежели-де государь сядетъ на царство, то-де онъ ихъ всѣхъ переберетъ, а то-де баба нажаловала, баба-де царствуетъ, такъ и войны нѣтъ; какая-де это служба? а какъ бы-де была война, то бы я наострилъ свою саблю на этихъ генераловъ. Вотъ-де государыня ѣздитъ, да гуляетъ, она-бъ-де ѣздила въ колегіи, да дѣла дѣлала, а то-де ѣздитъ все за охотою ..., какъ ей и на царствѣ сидѣть? Разумовскіе-де прежде тапливали печи, а нынѣ баба бабски нажаловала, и что-де за нея Богу молить, хотя-бъ ее и не было". Послѣ этого малороссъ сказалъ: „вотъ-де ты говоришь, что службы нѣтъ, а служба-де есть, и нынѣ-де солдаты работаютъ во дворцѣ, такъ и тутъ государыня платитъ имъ деньги",—и на это онъ, казакъ, говорилъ: „какая-де эта служба, это-де каторга, и сталъ-ли бы-де я такъ работать?" Малороссъ высказалъ мнѣніе: „вотъ-де и турка подтвердительную грамоту привезъ, чтобъ утвердить миръ, и потому-де войны не будетъ". Казакъ представилъ на это такія свои соображенія: „Они-де говорятъ, что до того времени только войны не будетъ, пока дѣвица сидитъ на царствѣ, и какъ-де она ихъ завоюетъ, такъ-де имъ будетъ стыдно; а кабы-де война была, тобъ-де перестала она жаловать генераловъ по 10,000 на день, а какъ-де государь сядетъ на царство, то-де будетъ война и все-де будетъ не такъ, а будетъ-де жаловать своихъ любимыхъ, а кого государыня жаловала, то онъ будетъ всѣхъ растригать".

Всѣ эти разговоры не проходили даромъ: болтуновъ нещадно били кнутомъ и ссылали въ отдаленные города.

III.

Дѣлъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о преступленіяхъ противъ великаго князя Петра Ѳедоровича — въ нашемъ „экстрактѣ" немного. Въ

толки о немъ припутывались народомъ и розсказни объ императорѣ Петрѣ II, содержащемся будто бы „за моремъ", подъ стражею.

Преступленія противъ личности великаго князя состоятъ въ злоумышленіи на его жизнь, въ непочтительныхъ о немъ отзывахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ проступкахъ.

Такъ, напримѣръ, крестьянинъ приписнаго къ Троицко-Сергіевой лавры,—Свіяжскаго монастыря, Свіяжскаго-жъ уѣзда, села Калдѣева, деревни Федяевой, ложно показалъ на строителя того монастыря, іеромонаха Варфоломея, будто онъ признался своему брату въ умыслѣ отравить Петра Θедоровича: „Вотъ-де я,—разсказывалъ крестьянинъ о строителѣ,— имѣю намѣреніе его и. в. государя великаго князя Петра Θедоровича чрезъ отраву умертвить; и къ тому-де умерщвленію приготовлена у него, Варфоломея, заморенная въ горшкѣ трава-черемица, да не знаю-де какимъ случаемъ, и гдѣ и чрезъ кого ту отраву его высочеству дать; а нынѣ-де придумалъ онъ ту отраву въ кушаньѣ, или въ какомъ напиткѣ его высочеству, сыскавъ случай дать тогда, когда пришествіе его и. в. будетъ въ Троицкую лавру. И на то будто бы оный братъ его сказалъ, что-де это хорошо". Крестьянинъ нещадно битъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу.

Бывшій подканцеляристъ юстиц-конторы получилъ отъ содержащагося въ Сыскномъ Приказѣ колодника шесть „цидулокъ" и не донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ; между тѣмъ въ цидулкахъ этихъ написано было такъ: „всероссійственной имперіи уповаемый держатель, великій князь Петръ Θедоровичъ, — за ваше высочество много пострадахъ, и на Тайную Канцелярію, по разнымъ дѣламъ, имѣю показать подозрѣніе, зане же ищутъ злое время ваше высочество погубить". Но мало того, что подканцеляристъ не донесъ объ этихъ цидулкахъ, онъ роздалъ ихъ двумъ своимъ знакомымъ съ тѣмъ, чтобы они доставили ихъ наслѣднику престола.

Въ этомъ поступкѣ Тайная Канцелярія усмотрѣла, что подканцеляристъ своихъ пріятелей „привелъ къ учиненной важной продерзости и возмущенію". Къ тому же, одинъ изъ знакомыхъ подканцеляриста, будучи въ Ораніенбаумѣ, помянутыми цидулками „караульныхъ солдатъ привелъ къ ослушанію команды и къ немалой продерзости". А самъ подканцеляристъ, „какъ отправляемъ былъ изъ Тайной Канцеляріи въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія, то кричалъ всенародно тако: „слышите-де! графъ Александръ Шуваловъ хочетъ погубить государя великаго князя, о чемъ-де и письма есть!"

Подканцеляриста сослали въ одинъ изъ сибирскихъ остроговъ на пожизненное заключеніе.

Непочтительные отзывы о великомъ князѣ были, напримѣръ, та-

кіе, что его называли „незаконнымъ“ наслѣдникомъ, „антихристомъ“, что онъ „добытъ гайдукомъ“ и проч. Но вотъ гренадеръ глуховскаго гарнизоннаго полка поступилъ иначе. Гренадеръ этотъ за неоднократное ложное сказыванье слова и дѣла наказанъ былъ шпицрутенами, но не неунимался. Однажды произнесъ передъ солдатами, „съ крикомъ“, такіе слова: „міръ, народъ Божій, слушай! я — царевичъ“.

Самозванца наказали кнутомъ и, съ вырѣзаніемъ ноздрей, сослали въ Оренбургъ, въ вѣчную работу.

Что же касается до разсказовъ о заточеніи Петра II „въ другихъ государствахъ, за моремъ“ и о возвращеніи его въ Россію, то всѣ эти разсказы, весьма въ то время въ народѣ распространенные, за исключѐніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ подробностей, совершенно одинаковы, несмотря на то, передаетъ-ли ихъ какой-нибудь колодникъ, или солдатъ, попъ-растрига, или ссыльный въ Оренбургъ. Поэтому мы приводимъ здѣсь только одинъ разсказъ этого рода, какъ наиболѣе полный и характерный

„Скоро придетъ всѣмъ воскресеніе, — повѣствовалъ сосланный въ 1749 г. въ Оренбургъ, — и всѣ-де мы воскреснемъ скоро; ѣздилъ-де одинъ купецъ за море, и било-де его на морѣ погодою нѣсколько дней, и прибило его къ нѣкоторому городу; и тотъ-де купецъ, вышедъ изъ того судна, раздавалъ въ томъ городѣ нищимъ милостыню, и раздавъ милостыню, шелъ по прежнему на корабль; и стоящіе-де у одной палатки часовые оному купцу говорили, что-де онъ всѣмъ нищимъ милостыню подавалъ, а своему-де россійскому не подалъ; и оный-де купецъ пришелъ въ ту палатку, для поданія тому человѣку милостыни, и содержащійся-де въ той палаткѣ человѣкъ говорилъ тому купцу: знаешь-ли-де ты меня? И оный-де купецъ далъ тому человѣку милостыню и сказалъ: что-де я его не знаю! и оный-де человѣкъ тому купцу сказалъ: знаешь-ли-де ты, что я вашъ монархъ — вторый Петръ, и стражду-де здѣсь долговременно? и теперь-де мнѣ писемъ ему, купцу, давать неможно, что-де увидятъ караульные; и чтобъ-де онъ пришелъ поутру, для подаянія ему милостыни, а онъ-де ему приготовитъ отъ себя видъ. И оный-де купецъ, не говоря тогда ничего, изъ этой палатки вышелъ, а потомъ на другой день оный же купецъ въ тужъ палатку ходилъ; и оный-де содержащійся въ той палаткѣ человѣкъ далъ ему сапоги, и приказывалъ, чтобъ онъ, купецъ, тѣ сапоги отдалъ сестрѣ его, милостивой государынѣ, и она-де тѣ сапоги распоретъ, и можетъ-де его узнать. И потому-де уповательно, что уже туда для свидѣтельства того человѣка давно уже полки посланы“. Когда же одинъ изъ слушателей возразилъ, что

онъ самъ помнитъ, „какъ второму императору погребеніе было въ Москвѣ, и какъ-де этому можно сдѣлаться“, то разскащикъ отвѣчалъ „что-де это сдѣлали князья Долгорукіе, и мертвое тѣло, вмѣсто государя, подложили другое, а его-де, государя, знатно выняли, такъ же, какъ нынѣ всемилостивѣйшую государыню хотѣли-было увезти подъ карауломъ“.

За такіе розсказни говоруновъ нещадно били кнутомъ и ссылали въ Сибирь.

IV.

Злополучная судьба Брауншвейгской фамиліи тоже нашла себѣ отголоски въ народныхъ толкахъ и взглядахъ; въ имѣющемся у насъ экстрактѣ объ этомъ—два-три дѣла. Какъ видно, въ этомъ случаѣ вниманіе останавливалось особенно на бывшемъ малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ.

Вотъ, напримѣръ, крестнаго монастыря Каргопольскаго уѣзда, Карошинской волости, деревни Лапинской, крестьянинъ Иванъ Михайловъ сочинилъ „таблицу, въ коей написано было тако: я—Іоаннъ, императоръ и самодержецъ всеросейскій, а Елисавету императрицу и наслѣдника ея свержу съ престола; и нынѣ я подъ скрытіемъ нахожусь въ Негренской пустыни казначеемъ, въ томъ и подписуюсь своеручно я, Иванъ Михайловъ“. За такую таблицу—сверхъ бывшаго розыска (пытки), вмѣсто смертной казни, по учиненіи наказанія кнутомъ, и съ вырѣзаніемъ ноздрей, Михайловъ сосланъ въ Рогервикъ на вѣчныя работы.

Или вотъ сибирскій купецкій человѣкъ, содержащійся въ Тайной Канцеляріи колодникомъ, разсказываетъ караулившимъ его солдатамъ, что онъ „бѣжалъ изъ-подъ караула въ Польшу; а изъ Польши-де пошелъ въ Пруссію, и былъ у прусскаго короля, и вмѣстѣ съ нимъ онъ обѣдывалъ, и ѣздилъ въ каретѣ, и тѣмъ-де прусскимъ королемъ пожалованъ онъ былъ въ его войско полковникомъ: и видѣлъ-де онъ у того короля бывшаго въ россійской службѣ адъютантомъ Манштейна; и оный-де король далъ ему видъ, чтобъ ему ѣхать къ Ивану Антоновичу Ульриху, чтобъ ему быть по прежнему въ Россіи на царствѣ; и съ тѣмъ-де видомъ поѣхалъ онъ въ Польшу къ старовѣрамъ для согласія, чтобъ Ивана Антоновича посадить по прежнему въ Россіи на царство: и у тѣхъ-де старовѣровъ онъ былъ: и какъ-де онъ отъ тѣхъ старовѣровъ пошелъ, то-де попался онъ подъ караулъ, и сказывалъ-де онъ слово и дѣло, и въ томъ-де онъ присланъ въ Тайную Канцелярію“.

Купецкій человѣкъ битъ кнутомъ и сосланъ въ работы.

Въ описываемомъ документѣ есть одно дѣло, которое рѣзко выдается изъ другихъ въ томъ отношеніи, что высказанныя въ немъ сужденія и взгляды объемлютъ цѣлый рядъ выдающихся правительственныхъ лицъ, политическихъ фактовъ и обстоятельствъ елисаветинскаго царствованія.

„Канцеляріи отъ строеній поручикъ Астафій Зимнинскій, магазеин-вахтеръ Иванъ Седестромъ, которые произносили важныя, непристойныя слова такія, а именно: Зимнинскій: государыня-де императрица Елисавета Петровна насъ, когда желала принять престолъ россійскій, такъ обольстила, какъ лисица, а нынѣ-де такъ ни на кого не хочетъ смотрѣть; про пѣвчихъ ея И. В. и генерально обо всѣхъ малороссіянахъ, что напредъ-де сего оные пѣвчіе и прочіе малороссіяне, которые подлаго воспитанія, хаживали убого и нашивали на себѣ убогое платье и сапоги по осьминѣ, а нынѣ-де вышли всѣ по Разумовскомъ, и носятъ-де богатое платье съ позументами; да и самъ-де онъ, Разумовскій, изъ малой Россіи пріѣхалъ въ убогомъ платьѣ и дядю инспектора Стеллиха разувывалъ; да и всѣмъ-де намъ отъ государыни милости-то немного. Вотъ-де и нынѣ государыня болѣе милостива къ малороссіянамъ, а не такъ-де какъ къ намъ. Архіереи-де живутъ сластолюбно, а не къ душевному спасенію; и нарекалъ о томъ болѣе на переяславскаго архіерея Арсенія;—когда-де во время службы въ церквахъ на эктеніяхъ поминается имя государынино, то-де и народъ во время того ни одинъ не перекрестится; знатно-де, что и народъ ее не любитъ; не очень-де въ лѣтній новый домъ пускаютъ, для того, что по два человѣка не велятъ ходить въ томъ мнѣніи, что противное совѣщаютъ и шепчутъ; про государыню говорилъ-же: всегда-де во трусости находится, третій-де садъ для того устроенъ,—хорошо, что прикащики, то-де не худо, а хозяинъ-де нынѣ молится у соловецкихъ чудотворцевъ, авось-либо услышана будетъ молитва отъ Бога; и притомъ употребилъ онъ, Зимнинскій, евангельскую притчу: бѣги-де во Египетъ, и буди тамо, дондеже рекути; да святый-де Іоаннъ предтеча написалъ: мнѣ-де подобаетъ молиться ему, къ принцу Іоанну; что означенный лѣтній домъ застроенъ еще при немъ, и желаніе его, Зимнинскаго, было, чтобъ по прежнему быть оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ императоромъ, потому что оному принцу Іоанну имѣются въ свойствѣ датскій, прусскій и англійской короли и венгерская королева; и ежели бы они онаго принца Іоанна съ матерью и съ отцомъ, его какимъ образомъ могли-бъ изъ того монастыря взять въ свои земли, то, по свойству, войною могли-бы они, по прежнему, онаго принца Іоанна на россійскій престолъ возвести императоромъ, а государыню-бъ императрицу съ престола

свергнуть, и его-бъ и. выс-тво отъ наслѣдства всероссійскаго престола отрѣшить; а то его (Зимнинскаго) желаніе было въ такомъ мнѣніи, что ежели-бъ оному принцу Іоанну возведеніе заподлинно учинилось, то думалъ онъ тогда о томъ своемъ желаніи тому принцу Іоанну объявить; за что онъ уповалъ себѣ отъ онаго принца Іоанна получить немалое награжденіе; сожалѣя онаго принца Іоанна говорилъ же онъ, что ежели-де оный принцъ Іоаннъ придетъ въ возрастъ, и прекратится жизнь ея И. В. и его и. выс-тва, то кромѣ-де онаго принца Іоанна на россійскомъ престолѣ императоромъ быть некому: я-де чаю, что для того и въ свою землю ихъ отпускать государыня несоизволяетъ;— вотъ-де въ оперномъ домѣ серебряныя паникадилы, а въ иныхъ-де церквахъ и деревянной паникадилы, я чаю, нѣтъ; за что-де за этотъ оперный домъ издержано суммы 70,000, а на церковь-де и двухъ тысячъ жаль дать, такая-то дескать богомолица. Какъ пріѣхала-де изъ Москвы, такъ ни однажды въ церкви не бывала, только-де всегда упражняется въ комедіяхъ. А я-бъ дескать взялъ пушекъ пять, и поставилъ-бы тутъ, и, зарядя ихъ дробью, разстрѣлялъ ее нарочно.

Увидя онъ, Зимнинскій, переяславскаго архіерея у іеромонаха Никанора костыль съ серебряною оправою, говорилъ онъ тому Никанору: помѣняемся-де съ моею тростью; и Никаноръ сказалъ, что тотъ-де костыль пожалованъ ему отъ государыни; и онъ, Зимнинскій на то сказалъ: у васъ-де и быть. Принца Іоанна, онъ, Замнинскій, выхвалялъ, что онъ въ поступкахъ своихъ уменъ; и сожалѣя онаго принца Іоанна, отца и мать его, говорилъ: вотъ-де уже ихъ въ третье мѣсто перевели, и не знаютъ-де куда ихъ дѣвать; не такъ-де какъ нынѣшній нашъ трусъ наслѣдникъ: вотъ-де какъ — аномеднись ѣхалъ онъ мимо солдатскихъ гвардіи слободъ, верхомъ на лошади, и во время-де обученія солдатъ была изъ ружья стрѣльба; то-де тогда онъ той стрѣльбы испужался, и для того-де онъ запретилъ, чтобъ въ то время, когда онъ проѣдетъ не стрѣляли“. .... „Лейб-компаніи о гренадерахъ говорилъ онъ, Зимнинскій: я-де думалъ, что я одинъ ихъ не люблю, а какъ-де послышу, такъ-де и многіе ихъ ненавидятъ; а ненавидитъ-де онъ ихъ за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. О новостроющейся тогда здѣсь Троицкой церкви говорилъ онъ: вотъ-де прожектъ былъ при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ, чтобъ оную церковь строить каменную. И смѣтою-де на построеніе той церкви требовано не малой суммы; и какъ-де рисунокъ принесли къ государынѣ, и донесено, въ каковую сумму оная церковь стать можетъ, то-де тогда государыня отказала, а указала-де строить деревянную церковь. Вотъ-де какъ на строеніе каменной церкви, такъ жаль денегъ дать; а брату-де Разумовскому

который-де поѣхалъ за море, не жаль было и сто тысячъ дать. Да и тѣ деньги уже онъ прожилъ, а нынѣ-де и еще требуетъ. Когда бы-де мнѣ Петровскій островъ отдали, тобъ-де я построилъ тутъ домъ, или бы-де сдѣлалъ пустыню, и жилъ бы-де на уединеніи не такъ, какъ нынѣшніе архіереи живутъ; и ежелибъ-де тѣхъ архіереевъ отдать мнѣ на три дни въ руки, тобъ-де я ихъ перебралъ. Про принца Іоанна говорилъ же онъ: дай-де Богъ страдальцамъ нашимъ счастіе, и для того-де многіе партіи его держатъ. Вотъ-де и князь Никита Трубецкой и гвардіи нѣкоторые маіоры партію его держатъ же; въ воскресенье съѣхали-было во дворецъ господа видѣть его высочество: а онъ-де, сидючи на окошкѣ, стрѣлами забавляется, одинъ-де подаетъ, а другой-тѣ стрѣлы подбираетъ; Богъ-де знаетъ, чтобъ ожидать въ немъ толку. Пѣвчіе-де ея И. В., которые пожалованы дворянами, и у старыхъ дворянъ старшинство отнимутъ. Про принцесу Анну (Леопольдовну) про мужа и про сына ея говорилъ же онъ, Зиминскій, какъ бы-де они не уѣхали за море, для того, что-де близко города Архангельскаго, а у нихъ-де не безъ друзей. Здѣсь первый-де князь Никита Трубецкой, да и всѣ-де господа-то партію держатъ, также и лейб-компаніи большая половина, а особливо старое дворянство все головою; случилось-де мнѣ въ лѣтнемъ саду у государыни на часахъ стоять, поставилъ-де меня Разумовскій, и никого не велѣно пропускать, и никто-де не ходилъ, а только-де государыня въ тотъ садъ въ бесѣдку пошла, самъ третей съ Разумовскимъ, да съ Чернышевою; и я-де всѣхъ ихъ изъ-за шпалеръ видѣлъ.. Одинъ-де изъ генералитета, съ голубою лентою, при Разумовскомъ представлялъ, что не изволить-ли указать, чтобъ псовую охоту убавить, для того, что-де ея очень много. И на то-де государыня изволила сказать: инде той охоты убавить; на что-де Разумовскій сказалъ: ежели-де изволите приказать той охоты убавить, то-де я прошу вашего величества, чтобъ меня отъ двора уволить. И государыня-де изволила сказать: инде на что убавлять, можно-де и еще прибавить."

„Седестромъ говорилъ выше объявленные про пѣвчихъ ея И. В. и о всѣхъ малороссіянахъ и о Разумовскомъ слова; онъ же говорилъ: когда-де Гринштейнъ и прочіе лейб-компанцы къ государынѣ пришли въ милость, и тогда-де, ходя они по домамъ и по кабакамъ, народъ обольщали, что государыня милостива; а бывшую принцесу Анну (Леопольдовну) и сына ея принца Іоанна во озлобленіе приводили. Когда-де государыня приняла престолъ россійскій, тогда-де читали манифесты о шведской войнѣ; а сочинены-де оные манифесты прежде принятія престола фальшиво, яко бы шведская война за то была, что государыня не на престолѣ,—а послѣ принятія престола тѣхъ манифестовъ мы уже не ви-

дали, а шведская-де война не для того имѣлась, что государыня не на престолѣ была, но по сожалѣнію о принцѣ Іоаннѣ, и объ отцѣ его, что они въ ссылкѣ. Говорилъ онъ, Седестромъ: вотъ-де у нихъ имѣется свойство съ датскимъ и англійскимъ королями, и венгерскою королевою, и могутъ-де они какъ-нибудь всякими мѣрами ихъ принца Іоанна, мать и отца его изъ Риги выручить, и войною по прежнему онаго принца Іоанна возвести на всероссійскій престолъ императоромъ; и нынѣ-де и войско прусскаго короля для выручки ихъ стоитъ 60,000; дай-де Боже, чтобъ, по прежнему, оному принцу Іоанну на всероссійскомъ престолѣ быть императоромъ, понеже-де мать и отецъ его, принца Іоанна къ народу весьма были милостивы, и челобитныя-де принимали и резолюціи были скорыя; а нынѣ-де государыня челобитныя не принимаетъ и скорыхъ резолюцій нѣтъ; и для того желалъ онъ (Седестромъ) больше быть на всероссійскомъ престолѣ императоромъ принцу Іоанну. И ежели бы-де у меня много вина было, тобъ-де я могъ много добра сдѣлать; у насъ-де россійскій слабый народъ, только-де его напой, а онъ-де и не вѣсть что сдѣлаетъ. Лейбъ-де компанію ненавидитъ онъ (Седестромъ) за то, что отъ нихъ съ престола сверженъ принцъ Іоаннъ. Разсуждая онъ, Седестромъ, съ помянутымъ Зимнинскимъ о бывшей въ 1744 году звѣздѣ, говорилъ: читывалъ онъ-де въ книгѣ Златый Бисеръ, что эта звѣзда—знакъ худой: либо не хлѣбородный годъ будетъ, или повѣтріе какое, или война, или другая какая перемѣна.

И за тѣ, произнесенныя оными Зимнинскимъ и Седестромъ, слова, сверхъ бывшихъ имъ розысковъ т. е. пытокъ, вмѣсто смертной казни, учинено имъ наказаніе кнутомъ и посланы: Зимнинскій—въ дальніе сибирскіе города на житіе вѣчно, Седестромъ—въ Оренбургъ, въ опредѣленію въ нерегулярную службу, въ каковую способенъ явиться".

V.

Кромѣ упомянутыхъ нами дѣлъ въ описываемомъ документѣ содержатся такія дѣла, которыя касаются преступленій по должности, по составленію разныхъ подозрительныхъ именъ и тетрадокъ; но они не представляютъ никакого интереса.

Затѣмъ есть дѣла, которыя кажутся особенно странными. Такъ напримѣръ: маіоръ, да бывшій архиваріусъ сибирскаго приказа съ московскимъ купцомъ „писали челобитную для подачи ея И. В. на господъ сенаторовъ и на всѣхъ присутствующихъ въ подозрѣніи; и въ той челобитной кн. Никиту Трубецкаго называли воромъ, а Ивана Черкасова и прочихъ тою челобитною бранили .... Во время сочи-

нения той челобитной совѣтовались ѣхать въ прусскую землю и съ собою взять книгу: „Правду воли монаршей“; и ту-де книгу хотѣли, закупоря, поставить въ дехтярную бочку и налить дегтемъ и чрезъ заставы проѣхать тайно, а проѣхавъ бы-де въ Пруссію, оную книгу объявить прусскому королю и учинить противъ Россіи возмущеніе, понеже-де здѣсь въ Россіи правды не стало“.

Всѣмъ этимъ злоумышленникамъ вмѣнены въ наказаніе „бывшіе розыски (пытки)“ и сосланы на вѣчное житье въ Оренбургъ.

Наконецъ въ экстрактѣ 1762 г. содержатся дѣла по расколу, въ которыхъ развиваются религіозно-политическія воззрѣнія послѣдователей древняго благочестія. Какъ образецъ этого рода дѣлъ, мы представляемъ здѣсь „важныя, злодѣйственныя, непристойныя разсужденія и толкованія“ с.-петербургскаго купца, содержавшагося колодникомъ въ Тайной Канцеляріи. Купецъ толковалъ, „что-де нынѣ въ церкви несправедливое ученіе, потому что прежде-де литургію служили на семи, а нынѣ-де служатъ на пяти просвирахъ и прежде-де крестились двуперстнымъ сложеніемъ, а нынѣ-де крестятся триперстнымъ сложеніемъ; и которые-де люди въ нынѣшней церкви причащаются, тѣ-де недостойные,—и отъ нынѣшней церкви побѣжали въ пустыни для того, что она непотребна, и въ нынѣшней-де церкви образа новые и убраны жемчугомъ, а старые вынесены, и архіереи-де и попы настоящаго ученія, по правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ, нынѣ не имѣютъ; нынѣшніе-де архіереи и попы и прочіе люди имѣютъ семь сатанинскихъ грѣховъ на себѣ: нюхаютъ табакъ, бранятся матерно, и, приходя въ церковь, разговариваютъ о собакахъ. И нынѣ-де въ церкви не такое пѣніе, какъ прежде было; а люди-де брѣютъ бороды, и церковь-де всѣмъ любодѣйцамъ и мерзостямъ и грѣхамъ земскимъ мать, понеже-де нынѣ при церкви ученія не имѣется, и тѣхъ-де, которые крестятся двуперстнымъ сложеніемъ и содержатъ старую вѣру, пытаютъ и убиваютъ, которые-де страждутъ за старую вѣру, и потому-де они святы. И первый-де императоръ (Петръ Великій) старовѣровъ мучилъ и которые-де замучены — всѣ святы, и билъ Ладожское озеро кнутомъ, и сына своего за христіанскую вѣру казнилъ, и тѣмъ заповѣди Божіи преступилъ, и потомъ умеръ. И при государынѣ-де Елисаветѣ Петровнѣ народъ въ пагубу идетъ отъ несодержанія старой вѣры; и государь-де Петръ Великій былъ антихристъ; и государь-де великій князь Петръ Өедоровичъ послѣдній царь и антихристъ, и будетъ-де только царствовать полчетверти года, и десять генераловъ имутъ область, яко цари, и единъ часъ примутъ со звѣремъ, т. е. съ антихристомъ великимъ княземъ Петромъ Өедоровичемъ будутъ имѣть одну волю. Оные-жъ-де генералы съ великимъ

княземъ будутъ одну волю и силу имѣть; и тому государю великому князю тѣ генералы отдадутъ государство россійское; и онъ-де, по прошествіи полчетверти года, съ Богомъ брань сотворитъ, то есть правовѣрныхъ станетъ мучить. И за то-де и Богъ побѣдитъ его, и тогда-де будетъ кончина свѣту, и Богъ-де сойдетъ съ небесъ и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И государыню-де императрицу Елизавету Петровну десять генераловъ возненавидятъ, и сожгутъ-де ее огнемъ, то есть плоть ея снѣдятъ. И послѣ-де ея государство россійское оные генералы отдадутъ государю великому князю Петру Ѳедоровичу; и во время-де царствованія его приклонятся всѣ цари и орды, ... а купцы земстіи отъ силы пищи ея (Елисаветы Петровны), разбогатѣша, понеже-де она, государыня, богатыхъ купцовъ награждаетъ, а мизерные отъ того разоряются; и на нее-де за непостоянство мира гнѣвъ Божій, и отъ десяти генераловъ сожжена будетъ огнемъ; и когда-де ея, государыню, будутъ жечь, и тогда означенные царіе земстіи оное запаленіе издалеча увидятъ, а купцы богатые, которыхъ государыня изволила награждать, будутъ о ней, государынѣ, сожалѣть".

Безумецъ и фанатикъ, а также слышавшіе и не донесшіе о его явно-безумныхъ бредняхъ нещадно биты кнутомъ и разосланы въ ссылку.

Этимъ мы заключаемъ обзоръ имѣющейся у насъ копіи съ обзора дѣлъ Тайной Канцеляріи февраля 1741—1761 года.

ПУГАЧЕВЩИНА

Новые матеріалы для исторіи Пугачевщины.

II.

Раззореніе заводовъ Твердышева и Мясникова.

Въ оренбургское горное начальство мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ отъ директора Якова Твердышева Доношеніе.[1])

1) Извѣстно оному оренбургскому горному начальству: имѣли мы обще съ зятемъ моимъ, колежскимъ ассесоромъ Ив. Мясниковымъ, въ Оренбургской губерніи подъ вѣдомствомъ онаго начальства вододѣйствуемыхъ двѣнадцать заводовъ, въ томъ числѣ 6 мѣдиплавиленныхъ и 4 доменныхъ, одинъ молотовой и одинъ лѣсопильный; а именно Воскресенскій, Преображенскій, Богоявленскій, Архангельскій, Верхотурскій и Покровскій; желѣзные доменные: Катавъ и Юрезянь-Ивановскіе, Симскій и Бѣлорѣцкій, молотовой Устья-Катавскій, лѣсопилочный Симскій.[2]) При тѣхъ всѣхъ заводахъ и шести деревняхъ по послѣдней ревизіи имѣлось въ поселеніи купленныхъ нашихъ крѣпостныхъ мастеровыхъ и работныхъ людей мужескаго пола 7,269 душъ, да отданныхъ указомъ правительствующаго сената въ прошломъ 1757 г. изъ платежа подушныхъ денегъ въ заводскія работы изъ непомнящихъ родства и помѣщиковъ мужеска-жъ полу 135 душъ.

2) А нынѣ, по приведенію въ усмиреніе Башкирцовъ, оказалось, что во время извѣстнаго государственнаго злодѣя Емельки Пугачева и его сообщниковъ, Башкирцами вышеозначенные наши мѣдные и желѣзные заводы не только раззорены, при разграбленіи на нихъ состоявшаго наличнаго капиталовъ въ заводскихъ матеріалахъ и въ разныхъ припасахъ, мѣдь, желѣзо и наличныя деньги, и крестьянскую всю пожить, скотъ и хлѣбъ, при мѣдныхъ: при Вескресен-

скомъ, Преображенскомъ, Архангельскомъ, Верхоторскомъ, Покровскомъ, при желѣзныхъ: при Симскомъ, Юрезянскомъ, Бѣлорѣцкомъ, Устья-Катавскомъ и лѣсопилочномъ Симскомъ фабрики, вешняки и въ плотинахъ слань, магазейны, пильныя и все заводское строеніе и крестьянскіе домы и съ имѣющимися при тѣхъ заводахъ деревнями: Ромодановкою, Куганикомъ, Зилимомъ, Ераломъ, Орковкою и Арскою до основанія пожжены. Остались хотя также разграбленными, но непожженными два завода: мѣдный—Богоявленскій, а желѣзный—Катавскій. А при всѣхъ тѣхъ заводахъ, что извѣстно рѣченному оренбургскому горному начальству, имѣлися при каждомъ обыкновенныя заводскія конторы. При раззореніи разграбленіи и сожженіи тѣхъ, имѣющіяся въ тѣхъ конторахъ всякія письменныя дѣла и получаемые изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ указы, данныя на записку выплавляемой мѣди и чугуна шнуровыя за печатьми книги, такъ и конторскія, по которымъ со многими разнаго званія людьми имѣлись разсчеты въ дачѣ денегъ, въ поставкѣ разныхъ матеріаловъ и припасовъ, векселя, росписки и съ вольнонаемными людьми домовые контракты и договоры, безъ остатку пожжены-жъ. А какъ злодѣй государственный Пугачевъ къ городу Оренбургу подошелъ прошлаго 1773 г, въ послѣднихъ (числахъ) сентября мѣсяца, и во-первыхъ напавъ на мѣдные наши каргалинскіе рудники,[3]) а потомъ на ближніе заводы, состоящіе ко Оренбургу; потому при всѣхъ нашихъ заводахъ на нѣкоторыхъ въ послѣднихъ—сентября, а на нѣкоторыхъ въ первыхъ октября какъ плавка мѣди, такъ и выплавка чугуна остановилась, и нынѣ не производится.

3) А по послѣднимъ тѣхъ заводовъ изъ заводскихъ конторъ присланнымъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1773 г. письменнымъ извѣстіямъ показано, что при тѣхъ заводахъ состояли въ заводскомъ капиталѣ, въ наличныхъ во всѣхъ заводахъ матеріалахъ и припасахъ, въ томъ числѣ при мѣдныхъ—наличная мѣдь и наличныя деньги, а при желѣзныхъ—чугунъ, желѣзо, и въ магазейнахъ приготовленный для мастеровыхъ и работныхъ людей наличный разный хлѣбъ, кромѣ заводскаго строенія и плотинъ и употребленныхъ на то строеніе матеріаловъ, а именно: при Воскресенскомъ и Верхоторскомъ—на 63,592 р. 50 к., при Преображенскомъ—на 33,995 р. 86 к., при Богоявленскомъ—на 104,515 р. 6 к., при Архангельскомъ—на 28,310 р. 19 к., при Покровскомъ—на 2,350 р. 17 к., при желѣзныхъ при Катавъ-Ивановскомъ—на 105,039 р. 99 к., при Юрюзанскомъ—на 36,194 р. 52 к., при Симскомъ—на 52,464 р. 12 к., при Бѣлорѣцкомъ—на 77,942 р., при Усть-Катавскомъ—на 18,744 р. 52 к. при Симскомъ лѣсопиленномъ—на 2,671 р. 7 к., при Каргалинскихъ мѣд-

ныхъ рудникахъ разнаго инструмента, хлѣба, на вольнонаемныхъ работниковъ одолженія—на 11,439 р. 23 к., на желѣзныхъ Вуланскихъ рудникахъ въ припасахъ—на 554 р. 72 к., а при всѣхъ вышеписанныхъ заводахъ заводскихъ припасовъ и матеріаловъ и наличныхъ денегъ, мѣди и желѣза, по показанію отъ заводскихъ конторъ, по цѣнѣ въ наличности имѣлось на 537,813 р. 95 к. А изъ того наличнаго при заводахъ капитала, какъ денегъ, такъ мѣди и желѣза въ августѣ мѣсяцѣ, даже и въ сентябрѣ, отпуску никуда не имѣлось; потому всей вышеозначенной суммѣ въ матеріалахъ и въ припасахъ, мѣди и желѣзу, и деньгамъ по день раззоренія заводовъ наличнымъ и быть долженствуетъ.

4) А какіе при которомъ заводѣ для выплавки при мѣдныхъ—мѣди, а при желѣзныхъ для выплавки чугуна, выковки разныхъ сортовъ и дѣла листоваго желѣза имѣлись въ построеніи фабрики, въ нихъ мѣдиплавиленныхъ печей, доменъ и молотовъ, и при которыхъ имѣлись пильныя для пиленія лѣсу, о томъ изъ посылаемыхъ отъ конторы Воскресенскій полугодовыхъ вѣдомостей какъ государственной бергъ-колегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, такъ и реченному оренбургскому горному начальству извѣстно.

5) Но нынѣ, по раззореніи и сожженіи тѣхъ заводовъ, въ какомъ они точно состояніи находятся, имѣется-ль при которомъ заводѣ на сожженныхъ въ остаткѣ сколько припасовъ и матеріаловъ, мѣди, желѣза и платины при каждомъ, въ сущемъ-ли раззореніи или остались цѣлыми, или требуютъ какого поправленія до наступленія будущей весны, а на оставшихъ двухъ заводахъ при мѣдномъ Богоявленскомъ и при желѣзномъ Катавскомъ, а при Богоявленскомъ коликое число свезенной со всѣхъ заводовъ въ наличности состоитъ мѣди, а на желѣзномъ чугуна и желѣза, также сколько на нихъ припасовъ и матеріаловъ, годныхъ ко употребленію заводскаго производства, осталось,—всему тому, для донесенія государственной бергъ-колегіи и канцеляріи главнаго заводовъ правленія, отъ присутственнаго мѣста потребно свидѣтельство и подробное описаніе. А притомъ со всѣхъ вышеписанныхъ пожженныхъ заводовъ крестьяне, по сожженіи заводовъ и по разграбленіи ихъ крестьянскаго имѣнія, всѣ, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, взяты были Башкирцами въ ихъ башкирскія кочевья, и при раззореніи заводовъ не малое число тѣхъ крестьянъ мужескаго пола Башкирцами побиты, а женскъ полъ обруганы; и находились тѣ всѣ крестьяне у тѣхъ Башкирцовъ въ разныхъ работахъ съ іюня по октябрь, а другіе—по ноябрь мѣсяцъ. А по возвращеніи отъ тѣхъ Башкирцовъ военными командами, тѣ крестьяне въ таковомъ бѣдственномъ состояніи не только никакого имѣнія при

себѣ, но и къ покрытію наготы тѣла одежнаго ничего не имѣютъ, и отъ голоду весьма истощенные, которые, не имѣя у себя не только къ пропитанію, но и для покрытія наготы никакой одежи; почему тѣ всѣ крестьяне, безъ снабженія ихъ одежею, хлѣбомъ, лошадьми, никакихъ заводскихъ работъ производить не въ состояніи.

Того ради, оренбургскому горному начальству представя о раззореніи и пожженіи нашихъ заводовъ, покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было чрезъ кого надлежитъ всѣ вышеписанные наши заводы и рудники освидѣтельствовать и какое онымъ послѣдовало раззореніе и истребленіе и осталось-ли въ наличности на тѣхъ пожженныхъ мѣстахъ мѣди, желѣза и другихъ матеріаловъ, и сколько погибло людей, учинить тому опись и узнать, въ какомъ бѣдственномъ состояніи, лишась своего имѣнія, находятся заводскіе крестьяне; а по свидѣтельству и описанію что окажется, представить то свидѣтельство и описаніе къ свѣдѣнію государственной бергъ-колегіи и въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, и о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе и резолюцію. Генваря 5-го дня 1775 г. Къ сему доношенію Яковъ Твердышевъ руку приложилъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ 1744 г., по ходатайству начальника Оренбургскаго края Неплюева, отданъ былъ симбирскому купцу Ив. Твердышеву (впослѣдствіи пожалованному въ колежскіе ассесоры) находившійся у пригорода Табынска казенный мѣдиплавильный заводъ и казенные мѣдные рудники того края. Заводъ построенъ былъ еще Кирилловымъ въ 1736 и 1737 гг., но вскорѣ потомъ оставленъ безъ дѣйствія. Твердышевъ, вмѣсто возобновленія его, построилъ на болѣе удобномъ мѣстѣ новый заводъ Воскресенскій, въ 90 верстъ отъ Табынска, на р. Торѣ, впадающей въ Бѣлую. Потомъ Твердышевъ, принявши къ себѣ въ компанію зятя Мясникова, вмѣстѣ съ нимъ устроилъ въ разныхъ мѣстахъ Оренбургскаго края еще десять мѣдныхъ, чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. При этихъ заводахъ и въ окрестностяхъ ихъ Твердышевъ и Мясниковъ посылали купленныхъ ими, съ разрѣшенія правительства, и переведенныхъ изъ внутренней Россіи крестьянъ; кромѣ того, приписано къ ихъ заводамъ небольшое число работниковъ изъ бродягъ и непомнящихъ родства. Земли и лѣса къ заводамъ Твердышевъ и Мясниковъ пріобрѣтали отъ Башкирцевъ, по добровольнымъ договорамъ. Какъ извѣстно, Башкиры въ то время уступали за самую ничтожную плату огромныя пространства земель, въ чемъ потомъ сами раскаивались. Въ Пугачевщину они стремились захватить эти земли обратно себѣ.

2) Покровскій заводъ послѣ Пугачевскаго бунта уже не былъ возобновляемъ.

3) Въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Оренбурга на правомъ берегу съ Сакмары простирается, съ запада на востокъ по берегамъ рѣчекъ Верхней и Средней Каргалы и Янгиза, притоковъ Сакмары, возвышенная мѣстность, чрезвычайно обильная мѣдной рудой. Многочисленные находящіеся тутъ рудники

разныхъ владѣльцевъ называются Каргалинскими и доселѣ снабжаютъ рудою большую часть мѣдныхъ заводовъ Оренбургскаго края.

4) Въ концѣ 1774 г. требовались отъ заводскихъ начальствъ въ бергъ-колегію свѣдѣнія объ убыткахъ, причиненныхъ пугачевскими шайками казеннымъ и частнымъ заводамъ и жителямъ ихъ. Такія вѣдомости доставлены были со всѣхъ заводовъ въ главную екатеринбургскую канцелярію. Иныя изъ нихъ кратки; другія же до мелочности подробны и занимаютъ листовъ по 20-ти, такъ что ни одна изъ разграбленныхъ вещей не пропущена и каждой вещи показана цѣна, часто весьма неумѣренная. Такъ напримѣръ въ вѣдомости о похищенномъ имуществѣ изъ господскаго дома и изъ конторы въ Суксунскомъ Демидова заводѣ значится между прочимъ:

Отъ дверей крюковъ и петель 20 паръ—на 20 р., задвижекъ и скобъ 40—на 6 р., подсвѣчниковъ желѣзныхъ 11—на 2 р. 70 к., двѣ клюки (кочерги) желѣзныя—на 1 р., вьюшка чугунная одна—на 1 р., замковъ висячихъ 4—на 2 р., рамы деревянныя, цѣна 2 р., ухватовъ 3, цѣна 1 р. 50 к., сковородниковъ 2—50 к., сковородъ 6—1 р. 60 к.

Прикащики Нижне-тагильскихъ заводовъ въ вѣдомости своей въ число убытковъ заводчика включили слѣдующія двѣ статьи:

За отлученіемъ мастеровыхъ и работныхъ людей и отъ остановки фабрикъ и за неприготовленіемъ угля, желѣза не додѣлано и впредь, отъ недоставки угля и остановокъ не додѣлается, и оттого не дополучится 63,447 р. 41¼ к.

Съ заводовъ во время сраженія со злодѣями убито людей десять человѣкъ, по 250 рублевъ каждый на 2,500 руб.

Начальствовавшій въ канцеляріи главнаго правленія полковникъ Бибиковъ возвратилъ нѣкоторыя вѣдомости для передѣлки, потому что въ нихъ показаны были излишніе убытки, такъ, по его мнѣнію не слѣдовало класть въ счетъ сколько прибыли заводы могли бы получить отъ выплавки металловъ, если-бъ не случилось остановки ихъ дѣйствія во время бунта. «Сіе не есть убытокъ, потому что руды и матеріалы остались имъ (заводчикамъ) на будущее время. Да и самый убытокъ во многихъ мѣстахъ послѣдовалъ отъ собственнаго заводскихъ жителей зла, которые не токмо отъ бунтовщиковъ не оборонялись, но еще ихъ къ себѣ призывали, презирая помощь отъ здѣшней стороны (т. е. Екатеринбурга) и предательствуя защищающихъ ихъ людей!» «Иные,—говоритъ Бибиковъ,—и самымъ убитымъ при сраженіяхъ людямъ не стыдились поставить цѣну!» Сообщ. **Н. К. Чупинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КЛЮКИ-ФОН-КЛУГЕНАУ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ

1818—1850.

VIII.[1]

Положеніе Дагестана при Гамзат-бекѣ.—Апшеронскій полкъ въ 1834 г.—Дѣйствія Гамзат-бека въ Аваріи.—Истребленіе аварскихъ хановъ.—Гибель Гамзат-бека.—Шамиль—имамъ Дагестана.—Генералъ Ланской.—Гимры.

1833—1834.

Въ продолженіе 1833 г. спокойствіе въ сѣверномъ Дагестанѣ не было нарушено. Опустошеніе Чечни, штурмъ Гимровъ и смерть Кази-муллы заглушили на время фанатизмъ горцевъ; они съ недовѣрчивостью внимали воззваніямъ новаго имама, возбуждавшаго ихъ къ возстанію противъ русскихъ и къ непріязненнымъ дѣйствіямъ для спасенія и славы исламизма; вообще сначала весьма мало явилось охотниковъ слѣдовать коварнымъ внушеніямъ возмутителя. Пользуясь такимъ благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ, Клугенау дѣятельно занялся улучшеніемъ обороны Темир-хан-шуры, а между тѣмъ слѣдилъ за дѣйствіями Гамзат-бека. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что только съ прочнымъ обладаніемъ Аваріею могло быть удержано спокойствіе въ Дагестанѣ, чего не трудно было достигнуть, воспользовавшись немедленно тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое пріобрѣтено было нами успѣхами прошлаго года; но не имѣя власти распоряжаться, Клугенау долженъ былъ ограничиться однимъ наблюденіемъ. Дѣйствительно, послѣдствія нашего бездѣйствія не замедлили обнаружиться. Гамзат-бекъ успѣлъ пріобрѣсти новыхъ приверженцевъ;

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 131—152; 497—515.

число его сообщниковъ быстро увеличивалось. Поддерживаемый вліяніемъ белоканскаго муллы Мухаммеда, возмутитель разослалъ воззванія къ койсубулинцамъ, гумбетовцамъ, андійцамъ и карахцамъ, которые поспѣшили присоединиться къ нему въ Новый Гоцатль. Такъ какъ отряды наши въ Дагестанѣ были распущены, то противъ Гамзат-бека посланы были Шахмалъ тарковскій, Ахмед-ханъ махтулинскій и акушинскій кадій, съ достаточнымъ числомъ милиціи, но онъ, одержалъ надъ ними поверхность: подъ Гергебилемъ заставилъ отступить, а самъ вторгнулся въ Андалаль и, разбивъ андалальское ополченіе на горѣ Хахилаб-Циго, принудилъ ихъ признать надъ собою его власть. Потомъ, присоединивъ къ себѣ андалальцевъ, онъ самъ пошелъ, съ частью своего скопища, въ общества Хидатль и Ахвахъ, а другую, подъ предводительствомъ перваго своего мюрида, Шамиля, отправилъ къ богулальцамъ, джамальцамъ, калальцамъ и и технусальцамъ; предпріятіе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и Гамзат-бекъ вскорѣ увидѣлъ себя повелителемъ значительнаго скопища. Такимъ образомъ, спустя годъ послѣ взятія Гимровъ, дѣла въ Дагестанѣ приняли прежній видъ.

Въ началѣ 1834 г. послѣдовало преобразованіе пѣхоты кавказскаго корпуса; полки, состоявшіе до того времени изъ трехъ батальоновъ, получили пятибаталіонный составъ; въ передвиженіяхъ баталіоновъ по новому назначенію въ пріемѣ однихъ и сдачѣ другихъ прошла большая часть года и потому нельзя было принять рѣшительныхъ мѣръ къ разрушенію замысловъ новаго имама.

Клугенау назначенъ былъ командиромъ старѣйшаго изъ кавказскихъ полковъ, апшеронскаго пѣхотнаго, по новому составу и съ нимъ долженъ былъ водвориться для постояннаго квартированія въ укрѣпленіи Шурѣ, а бывшій ввѣренный ему куринскій полкъ, переведенный въ кр. Грозную, передать другому.

Между тѣмъ, покуда приводились въ исполненіе эти преобразованія, Гамзат-бекъ дѣятельно стремился къ осуществленію своего желанія—овладѣть Хунзахомъ, который одинъ только изъ всего аварскаго ханства не признавалъ его власти. Въ августѣ 1834 г. онъ подступилъ къ этому пункту съ огромнымъ скопищемъ, обложилъ его со всѣхъ сторонъ и послалъ преданныхъ ему мюридовъ къ матери аварскаго хана, Паху-бикэ, для переговоровъ съ предложеніемъ, чтобы она со всѣми своими подвластными приняла новое ученіе мюридизма, прервала всякія сношенія съ русскими и заставила своихъ сыновей дѣйствовать противъ невѣрныхъ. Устрашенная огромными силами противника и не ожидая ни откуда скорой помощи, ханьша рѣшилась послать къ возмутителю въ аманаты младшаго сына своего

Булат-хана, который тогда же былъ отправленъ въ Гоцатль, но, видя непреклонность и настойчивость требованій Гамзат-бека, имѣла неблагоразуміе послать къ нему для переговоровъ и остальныхъ сыновей своихъ, сначала Умма-хана, а послѣ Абу-Нуцал-хана, но оба они были умерщвлены возмутителемъ, измѣнническимъ образомъ, и Хунзахъ покорился ему безъ сопротивленія.

По истребленіи аварскихъ хановъ, Гамзат-бекъ занялся упроченіемъ своей власти въ Аваріи и осуществленіемъ дальнѣйшихъ своихъ предположеній. Главнѣйшія изъ нихъ заключались въ покореніи акушинскаго и цудахарскаго обществъ и мехтулинскаго ханства, онъ даже замышлялъ о завоеваніи Дербента, Кубы, Шемахи и вообще всего Дагестана и потому дѣятельно занимался заготовленіемъ большого количества пороху и разослалъ главныхъ мюридовъ своихъ во всѣ общества, признававшія его власть, съ требованіемъ, чтобы жители ихъ, вооружась поголовно, шли въ Хунзахъ; но среди этихъ приготовленій возмутитель былъ убитъ въ мечети во время богослуженія партіею недовольныхъ хунзахцевъ, въ отмщеніе за умерщвленіе всей ханской фамиліи. Первый его мюридъ Шамиль принялъ на себя званіе имама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленіе всѣхъ его плановъ. Прибывъ съ отчаянными мюридами въ Гоцатль, онъ немедленно потребовалъ награбленное Гамзат-бекомъ имущество и, овладѣвъ единственнымъ наслѣдникомъ аварскаго ханства, Булат-ханомъ, находившимся тамъ въ аманатахъ, приказалъ убить его, а тѣло бросить съ высокой скалы въ аварское Койсу.

Всѣ эти происшествія обратили наконецъ на себя вниманіе корпуснаго командира. Для поддержанія преданныхъ намъ владѣній и для остановленія дальнѣйшихъ успѣховъ всеобщаго возстанія горскихъ племенъ, въ началѣ августа направлены были, для усиленія войскъ, постоянно находившихся въ Дагестанѣ, изъ Грузіи 3 баталіона пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, донской казачій № 7-й полкъ и 21-й артилерійской бригады 16 орудій; начальство надъ всѣми войсками, собранными въ Дагестанѣ, поручено было г.-м. Ланскому, коему разрѣшено потребовать туда же 2 баталіона тифлисскаго и 2 баталіона Мингрельскаго егерскихъ полковъ, находившихся на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, для удержанія въ спокойствіи салатавцевъ, чеченцевъ и другихъ горцевъ, приведенныхъ въ волненіе успѣхами Гамзат-бека. Извѣстіе о слѣдованіи нашихъ войскъ ободрило преданныхъ намъ владѣльцевъ въ Дагестанѣ; они съ большею смѣлостью и твердостью приступили къ принятію рѣшительныхъ мѣръ противъ возмутителей. Дагестанскому отряду предстояло приступить сперва къ наказанію гимринцевъ, дабы, овладѣвъ Гимрами, обезпечить дальнѣй-

шее движеніе въ Аварію и освободить ее отъ бѣдствій, причиняемыхъ мюридами.

Клугенау, зная хорошо край, въ особенности Гимры, съ окрестностями, находилъ неудобнымъ вступить въ Аварію чрезъ это селеніе, и поэтому положено было сдѣлать только набѣгъ на Гимры, съ цѣлью разорить этотъ вертепъ мюридовъ и наказать ихъ за нарушеніе данной ими въ 1832 году присяги, послѣ истребленія Кази-муллы.

Отрядъ, порученный Клугенау, состоялъ изъ 10-ти ротъ Апшеронскаго полка, 10-ти ротъ пѣхотнаго князя Варшавскаго, одного баталіона Мингрельскаго егерскаго, 200 донскихъ и 80 линейныхъ казаковъ, 4-хъ горныхъ единороговъ, 4-хъ кегорновыхъ мортирокъ и 500 чел. пѣшей и конной шамхальской и мехтулинской милиціи.

13-го сентября 1834 г. отрядъ выступилъ изъ Шуры вечеромъ, чтобы скрыть свое движеніе, и до разсвѣта прибылъ на Эрпелинскій спускъ; отсюда нужно было спускаться внизъ въ страшную гимринскую тѣснину. По чрезвычайной крутизнѣ дороги, извивавшейся короткими зигзагами, отрядъ шелъ въ одинъ рядъ медленно и осторожно; у людей дрожали и подгибались колѣни; нужно было безпрерывно отдыхать, лошади съ трудомъ спускались на хвостахъ, а артилерію тащили на рукахъ, и такимъ образомъ едва къ полудню отрядъ сошелъ на дно ущелья, пройдя въ 12 часовъ не болѣе 8 верстъ. Тогда только непріятель открылъ движеніе нашего отряда, ибо всѣ дороги, ведущіе къ Гимрамъ, предварительно за нѣсколько дней были заняты нашими пикетами.

Гимринцы и жители окрестныхъ ауловъ, полагая, что отрядъ нашъ намѣренъ слѣдовать въ Аварію, рѣшились не допустить его перейти на другую сторону Койсу и двигаться по дорогамъ на Унцукуль и Ашильту и для этого засѣли въ укрѣпленномъ по обоимъ сторонамъ длинными завалами мосту, находящемуся предъ самою деревнею, и хотя Клугенау не имѣлъ намѣренія переходить на ту сторону, но необходимо было уничтожить мостъ, чтобы прервать непріятелю сообщеніе съ этою стороною и чрезъ то безопаснѣе отступить отъ Гимровъ. Съ этою цѣлью онъ повелъ лично двѣ роты Апшеронскаго пѣхотнаго и Мингрельскаго егерскаго полковъ, подъ командою храбраго капитана Тарасевича (убитаго въ 1839 г. на штурмѣ Ахульго), приказавъ ему безъ выстрѣла броситься на завалы въ штыки. Горцы, встрѣтивъ роты дружнымъ залпомъ, побѣжали чресъ мостъ, осыпаемые пулями нашихъ стрѣлковъ, и не успѣли еще занять устроенныхъ на противоположномъ берегу заваловъ, какъ были настигнуты капитаномъ Тарасевичемъ и окончательно прогнаны съ большимъ урономъ. Тогда Клугенау, отозвавъ роты на нашъ берегъ, приказалъ зажечь мостъ и

приступилъ къ истребленію Гимровъ съ его великолѣпными садами и виноградниками.

16-го сентября 1834 г. отрядъ возвратился въ Шуру, потерявъ въ продолженіе всей экспедиціи убитыми 13 и ранеными 31 человѣкъ.

IX.

Движеніе въ Аварію чрезъ Гергебиль.—Взятіе заваловъ у Могоха.—Движеніе къ Гоцатлю; занятіе его и Аваріи.—Устройство Шуры.

1834—1835.

Хотя въ сентябрѣ 1834 г. было уже извѣстно о смерти Гамзат-бека, однако предположенная экспедиція въ Аварію не была отмѣнена; необходимо было возстановить спокойствіе въ Нагорномъ Дагестанѣ, избравъ въ правители Аваріи человѣка, вполнѣ намъ преданнаго и благонадежнаго. Исполненіе этой экспедиціи поручено было Клугенау, принявшему по смерти г.-м. Ланскаго общее командированіе войсками въ Дагестанѣ.

2-го октября 1834 г. Клугенау выступилъ изъ Шуры съ 3 баталіонами Апшеронскаго и съ 3 баталіонами князя Варшавскаго пѣхотныхъ полковъ, 6-ю ротами Тифлисскаго и двумя баталіонами Мингрельскаго егерскихъ полковъ, 8 легкими и столько же горными орудіями, 250 донскихъ и 200 линейныхъ казаковъ, оставивъ для охраненія Шуры и владѣній Шамхала пять ротъ Апшеронскаго пѣхотнаго и двѣ роты Тифлисскаго егерскаго полковъ, съ достаточнымъ числомъ милиціи изъ шамхальскаго и мехтулинскаго владѣній. Слѣдовалъ онъ чрезъ селенія Параулъ, Кака-Шуру, Уруму и Лаваши, куда прибылъ 5-го октября. Здѣсь встрѣтили его акушинскій Магомедкадій, съ другими кадіями и почетными старшинами Акушинскими, которые изъявили готовность содѣйствовать нашимъ войскамъ. Отъ дер. Лаваши къ сел. Ходжалмахи разработка дороги, довольно трудной, задержала Клугенау два дни; тоже самое препятствіе встрѣтилось при слѣдованіи отъ этого селенія къ Койсубулинской дер. Гергебилю, лежащей на берегу Койсу, отъ котораго ведетъ удобнѣйшая дорога въ Аварію. Отрядъ 11-го октября занялъ Гергебиль, достигнувъ безъ выстрѣла до этого важнаго, по своему мѣстоположенію, пункта, до котораго войска русскія никогда еще не достигали; успѣхъ этотъ особенно должно приписать вліянію, произведенному истребленіе Гимръ, примѣръ котораго убѣдилъ въ безполезности сопротивленія и строгости наказанія, ожидающаго непокорныхъ.

Цѣль занятія Гергебиля преимущественно состояла въ томъ, чтобы появленіемъ войскъ нашихъ въ горахъ разсѣять мюридовъ, за-

ставить аварцевъ признать надъ собою правителемъ избранное нами лицо и удерживать въ спокойствіи какъ ихъ, такъ и другія горныя общества; въ это званіе предназначенъ былъ барономъ Розеномъ генерал-маіоръ Асланъ-ханъ казикумыкскій и кюринскій, извѣстный преданностью своею правительству и имѣвшій большое вліяніе въ горахъ.

Асланъ-ханъ выступилъ верхнею дорогою въ Аварію, для удержанія жителей андалальскаго и другихъ обществъ отъ присоединенія къ приверженцамъ Гамзат-бека, приготовлявшимся къ защитѣ въ дер. Гоцатлѣ; сына же своего Мамед-мирзу отправилъ къ полковнику сти Клугенау, съ 2,000 чел. казикумыкской милиціи.

15-го октября 1834 г. отрядъ нашъ выступилъ изъ Гергебиля, въ числѣ 3,500 чел. регулярной пѣхоты, 6 легкихъ и 8 горныхъ орудій съ казаками и 1,000 чел. казикумыкской милиціи, оставивъ вагенбургъ подъ прикрытіемъ части пѣхоты и шамхальской милиціи при 2-хъ легкихъ орудіяхъ. Переправившись чрезъ казикумыкское Койсу и пройдя сел. Кикуны, Клугенау узналъ, что Шамиль расположился близъ дер. Могохъ со скопищемъ изъ 1,000 чел. и устроилъ завалы на лѣвомъ берегу аварскаго Койсу, у впаденія его въ казикумыкское Койсу, въ томъ предположеніи, чтобы при движеніи нашихъ войскъ далѣе въ Аварію атаковать ихъ съ флангу или тыла. Посему Клугенау, для обезпеченія своего слѣдованія, сперва обратился противъ Шамиля: устроивъ на правомъ берегу аварскаго Койсу батарею противъ заваловъ Шамиля, онъ удачнымъ ея дѣйствіемъ вскорѣ успѣлъ разстроить непріятеля и повредить завалы, а потомъ, подъ прикрытіемъ батареи, переправилъ чрезъ рѣку довольно исправныхъ и быстрыхъ стрѣлковъ, посадя ихъ на лошадей позади казаковъ, и вслѣдъ затѣмъ казикумыкскую конницу; непріятель, замѣтивъ это движеніе и будучи уже разстроенъ дѣйствіемъ артилеріи, оставилъ завалы и частію разсѣялся по горамъ, а частію бѣжалъ по ущелью Койсу, успѣшно преслѣдуемый казикумыкскою конницею. Послѣ удачнаго занятія заваловъ и разсѣянія скопища Шамиля, явились къ Клугенау могохскіе старшины, съ изъявленіемъ безусловной покорности; онъ взялъ съ нихъ аманатовъ, для лучшаго обезпеченія своего дальнѣйшаго слѣдованія, и вытребовалъ въ контрибуцію скотъ для отряда.

На другой день Клугенау отправилъ легкія орудія въ вагенбургъ, такъ какъ дальнѣйшія дороги были совершенно непроходимы для полевой артилеріи и продолжалъ слѣдовать къ Гоцатлю. Дорога въ Гоцатль переходитъ чрезъ аварское Койсу противъ дер. Джалда, жители которой составляютъ одно общество съ жителями Гоцатля; Джалда расположена на лѣвомъ берегу рѣки и мѣстоположеніе весьма удобно къ защитѣ, а главныя препятствія при овладѣніи дер. Джалды

представляетъ Койсу, который тамъ широкъ, весьма быстръ и затруднителенъ къ переправѣ. Клугенау, занявъ позицію на правомъ берегу рѣки и устроивъ батарею, подъ ея прикрытіемъ, переправилъ чрезъ Койсу, съ правой стороны деревни, два баталіона пѣхоты съ двумя горными орудіями, а съ лѣвой стороны онъ послалъ казикумыкскую милицію въ обходъ; жители, замѣтивъ, что съ двухъ сторонъ ихъ обходятъ и опасаясь быть окруженными, оставили деревню и удалились въ горы; потомъ Клугенау переправился съ остальною частію отряда своего безъ препятствія, занялъ деревню и окружающія ея высоты и расположился лагеремъ. Узнавъ, что гоцатльцы, дабы дать возможность своимъ семействамъ спастись и вывезти имущество, заняли перевалъ между деревнею Джалда и Гоцатлемъ и устроили на немъ крѣпкіе завалы, полковникъ Клугенау 17-го октября сдѣлалъ рекогносцировку для осмотра мѣстностей и выбора пункта атаки. 18-го октября онъ выступилъ къ Гоцатлю, оставивъ двѣ роты съ однимъ орудіемъ въ Джалдѣ для обезпеченія своего тыла. По приближеніи войскъ нашихъ, непріятель, недовѣряя своимъ силамъ, оставилъ завалы, устроенные на перевалѣ, и отрядъ прошелъ безпрепятственно до селенія; въ крайнихъ домахъ жители пытались остановить войска, но, бывъ опрокинуты, отступили къ своимъ семействамъ и имуществамъ, скрывавшимся частію въ Старомъ Гоцатлѣ, частію же въ близълежащихъ скалахъ.

Малый Гоцатль расположенъ на крутомъ косогорѣ, такъ что сакли стоятъ одна надъ другою, безъ малѣйшихъ промежутковъ; плоскія крыши ихъ замѣнютъ улицы; въ случаѣ нападенія на подобный аулъ, горцы обыкновенно проламываютъ стѣны и такимъ образомъ устраиваютъ сообщеніе со всѣми ярусами домовъ. Въ разстояніи двухъ верстъ по ущелью, занятому садами, дорога идетъ паралельно Койсу къ сел. Большому Гоцатлю; она виситъ надъ обрывомъ одной изъ покатостей ущелья, съ другой же стороны окружена огромными садами. Это одно изъ значительнѣйшихъ аварскихъ селеній; оно вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 800 дворовъ: дома очень велики и искусно построены изъ тесанаго камня, многіе изъ нихъ въ два и три этажа. Большое зданіе мечети стоитъ внизу селенія и прикрыто высокою четвероугольною башнею. Штурмъ гоцатлинскихъ высотъ, извѣстныхъ своею неприступностію и укрѣпленныхъ нѣсколькими ярусами каменныхъ заваловъ, былъ предпріятіемъ чрезвычайно отважнымъ, Для занятія Стараго Гоцатля, Клугенау отправилъ три баталіона пѣхоты и часть конницы. Жители, не рѣшившись защищаться, разбѣжались и скрылись съ семействами въ ближайшихъ ущельяхъ, оставивъ въ добычу нашимъ войскамъ нѣсколько сотъ штукъ рога-

таго скота и большое количество имущества. Получивъ потомъ свѣденіе, гдѣ именно гоцатльцы скрыли главное свое имущество, Клугенау отрядилъ три баталіона пѣхоты и четыре горныхъ единорога для овладѣнія убѣжищемъ ихъ, что и поручено имъ генер. штаба капитану Ковалевскому. Мѣсто это было въ узкомъ ущельи между двумя крутыми скалами, доходящими до самой почти рѣки; атаковать его съ верху было совершенно невозможно и входъ въ это ущелье, состоящій изъ двухъ отвѣсныхъ скалъ, былъ запертъ крѣпкими завалами, защищаемыми главными мюридами; сверхъ того пещеры въ стѣнахъ ущелья, будучи заслонены спереди мѣшками и турами, наполненными землею, давали непріятелю совершенно безопасное убѣжище отъ ружейныхъ выстрѣловъ. Прямой натискъ былъ бы совершенно безполезенъ и сопряженъ съ значительною потерею, по этому Ковалевскій, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ той точки, съ которой намѣревался атаковать его, сдѣлалъ съ двумя баталіонами фальшивую атаку на переднюю, т. е. самую неприступную часть ущелья и дѣйствіемъ изъ орудій, занимая непріятеля, удержалъ его въ завалахъ, между тѣмъ 6 ротъ съ двумя кегерновыми мортирками, посланные имъ въ обходъ по узкой, скалистой тропинкѣ, ударили на непріятеля во флангъ и въ тылъ. Солдаты наши, спустившись, постепенно врывались въ завалы, которые одни за другими были взяты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Сраженіе продолжалось болѣе трехъ часовъ; мюриды, не видя спасенія, дрались съ ожесточеніемъ, ихъ однихъ легло на мѣстѣ 73 чел. Все имущество ихъ, состоявшее изъ богатаго оружія и дорогихъ вещей, похищенныхъ ими при разграбленіи Хунзаха и въ другихъ случаяхъ, досталось въ руки нашихъ солдатъ и казикумыкской милиціи.

На другой день по занятіи Гоцатля, прибыли къ полковнику Клугенау старшины аварскіе и всѣ заговорщики, участвовавшіе въ убіеніи Гамзат-бека, съ изъявленіемъ желанія отъ имени всего народа имѣть своимъ правителемъ предназначеннаго уже Аслан-хана, доколѣ недавно родившійся сынъ послѣдняго хана аварскаго, Нуцал-ханъ, не достигнетъ совершеннолѣтія.

19-го октября прибылъ къ отряду Аслан-ханъ, успѣвшій во время движенія своего верхнею дорогою склонить на свою сторону, андалальское и другія общества, коихъ старшины пріѣхали съ нимъ, и также изъявили желаніе имѣть его правителемъ. 22-го числа всѣ главные беки и старшины аварскіе торжественнымъ образомъ, при громѣ пушекъ, приняли присягу на Алкоранѣ на вѣрноподданство императору и въ повиновеніи вновь избранному правителю своему Аслан-хану.

21 и 22-го октября 1835 г. отрядъ занимался истребленіемъ селенія Гоцатля, какъ гнѣзда, изъ коего возникло столько зловредныхъ замысловъ и покушеній. 23-го октября Клугенау выступилъ изъ Гоцатля и соединился съ вагенбургомъ, истребивъ по дорогѣ дер. Джалда.

Съ нашей стороны въ продолженіе всей экспедиціи убито: 19, ранено 68 человѣкъ.

По окончаніи всей экспедиціи, почетнѣйшіе койсубулинскіе жители пріѣхали къ Шамхалу тарковскому, во время проѣзда его чрезъ дер. Араканы, съ просьбою о возобновленіи прежнихъ мирныхъ сношеній между ними и его подвластными; они обязались вслѣдъ затѣмъ собрать старшинъ всѣхъ койсубулинскихъ деревень, и явиться съ ними въ Тарку, для принятія присяги на подданство императору и для отдачи аманатовъ по назначенію Шамхала. Они обѣщали даже заставить пріѣхать въ Тарку съ повинною и Шамиля, который находился въ то время въ сел. Амальте, оставленный всѣми, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, самыхъ ревностныхъ приверженцевъ мюридизма.

Жители деревень Гергебиля и Кикуны покорились безусловно своему прежнему владѣльцу Ахмед-ханъ мехтулинскому и выдали 25 мюридовъ, предоставляя ему наказаніе ихъ.

Гумбетовцы прислали своихъ старшинъ въ Гергебиль къ Клугенау, съ изъявленіемъ готовности повиноваться Аслан-хану, какъ главному признанному правительствомъ начальнику въ Горномъ Дагестанѣ.

Экспедиція Клугенау въ Аварію, по всей справедливости, можетъ считаться одною изъ блистательнѣйшихъ на Кавказѣ, какъ по оказаннымъ войсками подвигамъ мужества, такъ и по трудамъ, которые они преодолѣли въ странѣ, дотолѣ еще неизвѣстной; двигаясь по горамъ и глубокимъ ущельямъ, гдѣ не было никакихъ сообщеній, они должны были прокладывать себѣ дорогу, побѣждая на каждомъ шагу непріятеля и грозную союзницу его—природу. Штурмъ неприступныхъ гоацтльскихъ высотъ навелъ такой ужасъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, что всѣ общества, болѣе или менѣе участвовавшія въ замыслахъ Гамзат-бека, спѣшили изъявить покорность и просить о пощадѣ. Побѣда имѣла вполнѣ благодѣтельныя послѣдствія на успокоеніе края, взволнованнаго многолѣтними происками двухъ отважныхъ возмутителей; оставалось только воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами. [1])

Въ продолженіе 1835 года спокойствіе въ Дагестанѣ не было на-

---

[1]) Клугенау за аварскую экспедицію произведенъ въ генералы, съ оставленіемъ командующимъ войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ.

рушено. Пользуясь этимъ временемъ, генерал-маіоръ Клугенау занялся устройствомъ Шуры. Съ окончательнымъ переходомъ Апшеронскаго полка, укрѣпленіе, выстроенное въ 1832 году, оказалось уже тѣснымъ, а потому необходимо было его расширить для застройки ротными казармами и другими полковыми помѣщеніями; вскорѣ послѣ того прибытіе значительнаго числа семейныхъ солдатъ и стеченіе людей торговаго сословія заставило вновь раздвинуть пространство подъ поселеніе пристройкою форштата съ южной стороны, въ которомъ тотчасъ появились домики семейныхъ офицеровъ и солдатъ турлучные и изъ сырцоваго кирпича, небольшіе, но красивые, съ плоскими земляными крышами. Площадь среди форштата начала обстраиваться лавками и духанами торговцевъ всѣхъ націй, но преимущественно армянъ, сначала кизлярскихъ, а потомъ тифлисскихъ; тутъ же возникли первые базары, на которые жители окрестныхъ ауловъ привозили избытки своихъ произведеній и мало по малу начали пріучаться къ торговлѣ и сближенію съ русскими.

Въ маѣ 1835 года Клугенау сдалъ Апшеронскій пѣхотный полкъ флигель-адъютанту полковнику гр. Ивеличу.

Исидоръ Гржегоржевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

Нѣсколько о немъ припоминаній.

1785—1845.

Имя Тургеневыхъ останется памятнымъ въ лѣтописяхъ русской литературы дѣятельностью нѣсколькихъ замѣчательныхъ представителей этого рода, и между прочимъ, можетъ быть даже всего болѣе дѣятельностью того Тургенева, о которомъ сообщаю здѣсь нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній.

А. И. Тургеневъ родился въ 1785 г., умеръ въ 1845 г. Онъ былъ одинъ изъ четырехъ сыновей тайн. совѣт. Ивана Петровича Тургенева, умнаго и образованнаго патріота времени Екатерины II, проникнутаго мыслію—мольбою, чтобы его дѣти были русскими „годными для Россіи". Приготовительное образованіе А. И. окончилъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а университетское, по историко-политическимъ наукамъ, въ геттингенскомъ университетѣ. Ему не было 20-ти лѣтъ, когда онъ, воротясь домой, сталъ служить, и, какъ юноша образованный и усердный, не могъ не быть отмѣченъ въ то время, когда была нужда въ такихъ молодыхъ людяхъ. Въ 1806 г. онъ работалъ въ комисіи составленія законовъ; въ 1810 г. (25 лѣтъ) назначенъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій; въ 1812 г. помощникомъ статс-секретаря въ государственномъ совѣтѣ и затѣмъ нѣсколько разъ исправлялъ должность статс-секретаря по департаменту законовъ; въ 1822 г. назначенъ старшимъ членомъ комисіи составленія законовъ. Онъ былъ лично извѣстенъ императору Александру I съ 1807 г., когда былъ въ его свитѣ, во время его путешествія, отмѣченъ имъ по усердію къ труду и по образованности, и съ того времени пользовался постоянно милостью государя, государыни и вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, и умѣлъ

этимъ пользоваться не лично для себя, а для пользы другихъ, начиная отъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Баратынскаго, Козлова до неизвѣстныхъ тружениковъ, нуждавшихся въ поддержкѣ. Въ 1825 г. онъ получилъ увольненіе въ отпускъ за границу, и съ тѣхъ поръ всю вторую половину жизни своей (съ 40 до 60-ти лѣтъ) онъ провелъ въ безпрерывныхъ путешествіяхъ, только на время возвращаясь въ Россію. Опуская подробности странствованія Тургенева по разнымъ странамъ Европы, отмѣчу только, что онъ во время этого странствованія постоянно продолжалъ учиться. Учился языкамъ: съ юности усвоилъ языки французскій и нѣмецкій, нѣсколько знакомый съ латинскимъ, освободясь отъ обязанностей службы, онъ занялся ревностно латинскимъ, и продолжалъ занятія имъ въ Германіи, Франціи, Англіи; одновременно съ латинскимъ учился и итальянскому языку; затѣмъ занялся англійскимъ языкомъ. Онъ овладѣлъ языками такъ, что могъ и читать произведенія писателей и говорить. Учился онъ и наукамъ посредствомъ чтенія книгъ: чтеніе было его страстью, и чтеніе избранное, не какихъ-нибудь книгъ, а писателей и научныхъ изслѣдованій. Учился онъ съ помощью университетскихъ лекцій, посѣщая ихъ прилежно и на 5-мъ и на 6-мъ десяткѣ лѣтъ своей жизни—и опять не лекціи модныхъ преподавателей, а дѣльныхъ ученыхъ. Того же выбора держался онъ и въ сближеніяхъ съ людьми, съ литераторами, учеными, художниками, государственными людьми.

Тѣмъ, которые не были современниками или близкими съ нимъ, А. И. Тургеневъ извѣстенъ больше всего какъ ревностный разслѣдователь памятниковъ русской исторіи по чужеземнымъ архивамъ, какъ собиратель тѣхъ актовъ, которые изданы Археографическою комисіей подъ названіемъ: Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. J. Turgenevio (1840—1842). Нельзя, конечно, не признавать важности этой заслуги Тургенева; но нельзя и цѣнить Тургенева только ею. Это случайный плодъ его дѣятельности, болѣе видный, чѣмъ многія другія работы его, можетъ быть и болѣе полезный въ отношеніи научномъ, но, несмотря на всѣ его достоинства, все-таки не такой, чтобы имъ можно было опредѣлять значеніе Тургенева, какъ дѣятеля первой половины нашего вѣка. Не изъ него, а изъ другихъ источниковъ узнаемъ Тургенева, его замѣчательный умъ, соединявшійся въ немъ съ простодушною добротою, необыкновенную образованность, многообразныя знанія, неслабѣющую любознательность, дѣятельность, постоянно направленную къ добру общему и теплую любовь къ отечеству, къ наукѣ и просвѣщенію. Все это узнаемъ изъ отзывовъ о немъ, изъ писемъ къ нему и его собственныхъ писемъ.

Письма А. И. Тургенева (нельзя не желать, чтобы онѣ были изданы всѣ, и всѣ вмѣстѣ), одна изъ драгоцѣнностей нашей литературы, и, по разнообразію и богатству данныхъ, въ нихъ отмѣченныхъ болѣе или менѣе живо и вѣрно, и по ихъ содержанію, по мыслямъ, чувствамъ въ нихъ высказаннымъ, по литературному достоинству. Письма Тургенева тѣмъ болѣе важны, что онъ ихъ писалъ не для печати, а для родныхъ и друзей, высказывался въ нихъ вполнѣ искренно и простодушно, безъ искуственной выдѣлки выраженій, писалъ какъ писалось: онъ и не могъ писать иначе, потому что писалъ почти ежедневно. Сколько извѣстно, никто не написалъ такого количества писемъ; какъ-будто эта работа была его обязанностью; никто и не написалъ такого множества такихъ прекрасныхъ писемъ. Изъ этого множества можно выбрать сотни, въ книгу, необходимую для всякой семейной библіотеки русской. По ней могли бы дѣти и не дѣти воспитывать себя и въ правдивости и въ высшихъ стремленіяхъ ума и чувства общечеловѣческаго и вмѣстѣ русскаго.

Предоставляю для образца нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Тургенева—не потому впрочемъ, что онѣ показались мнѣ лучше написанными, образцовыми, а потому что какъ мнѣ показалось онѣ рѣзко рисуютъ Тургенева и его отношенія къ людямъ.

И прежде всего, для ближайшаго ознакомленія съ личностью Тургенева, выписываю мѣста изъ писемъ, гдѣ случайно высказаны имъ его убѣжденія.

— „У кого есть главная, сильная мысль, порожденная сердцемъ, т. е. любовію къ человѣчеству, тотъ не можетъ быть несчастливъ и въ неудачѣ, ибо сильная мысль, какъ сильная любовь, наполняетъ всего человѣка (27-го янв. 1827 г.).“

— „Продолжаю читать и понимать Д. Стеварта и въ его ученіи нахожу для ума и для правилъ истинную пользу... Есть ли бы былъ досугъ и достаточная практика и знаніе языка русскаго, то желалъ бы, хоть статьями. переводить его для русскихъ; ибо многое зависитъ отъ того, какою книгою начнется наука въ народѣ. Нужна ясность съ глубокомысленностію и съ цѣлію практической пользы, дабы прельстить, заохотить читателей и писателей. Всякій про себя философъ и наблюдатель: есть-ли онъ найдетъ повѣрку собственнымъ наблюденіямъ въ книгѣ, то обрадуется, полюбитъ книгу, а съ нею и науку, ибо любитъ въ нихъ самого же себя и охотно ставитъ себя на ряду наблюдателей-философовъ. (27-го янв.).“

— „Береги себя—не для себя, дажеи не для насъ, даже и не для Россіи, а для исполненія долга, для жизни, которая дана намъ не для насъ, не на минуту, а для другихъ, посредствомъ насъ, и для вѣч-

ности посредствомъ временной жизни. Храни себя, какъ бы, гдѣ бы, и когда бы ни послужило бытіе твое въ пользу другихъ, отдаленныхъ или близкихъ; нужды нѣтъ, что бытіе твое не ознаменуется свидѣтельствомъ исторіи или журнала; оно запишется въ книгу животную, въ книгу отчета за всѣхъ насъ, и не пропадетъ ни для себя, ни для насъ, ни для Россіи, ни для людей. (16-го августа).“

— „Я бы желалъ, чтобы и въ университетахъ обращали болѣе вниманіе на полезное, на существенное, необходимое, и отбросили то, что отжило вѣкъ свой. Какъ можно въ наше время, когда чтеніе древнихъ образуетъ Брумовъ и Штейновъ, три лекціи сряду говорить о древнихъ флейтахъ или дудкахъ, какъ ихъ держали во рту и какой величины была дудка, съ правой стороны или съ лѣвой рта, опровергать серьезно мнѣніе другихъ и поддерживать свое, желая чтобъ слушатель плясалъ по его дудкѣ?.. Развѣ нѣтъ другой важности въ языческой древности! Можно упомянуть и о дудкѣ; но толковать объ этомъ три часа и мучить студентовъ записываніемъ сказаннаго—не простительно... Выбросивъ все безполезное, болѣе времени осталось бы для существеннаго. для чтенія и изслѣдованія. (7-го сентября).“

— „Муміи, вазы, статуйки, амулетки—все это надоѣло мнѣ до крайности, ибо я не могу пріучить вкуса къ симъ ничтожнымъ предметамъ археологіи: давай мнѣ мысли, чувства, правила жизни и высокой, вѣчной и универсальной политики; изъ рыжихъ вазъ этрусскихъ этому не научишься, какъ бы они миловидны не были, и весь Цицеронъ, въ одномъ томѣ нѣмецкаго изданія, болѣе веселитъ глазъ мой, чѣмъ уроды и жуки египетскіе. (29-го декабря).“

— „Все найдешь въ древнихъ, если не въ полномъ цвѣтѣ и не въ плодѣ, то въ зародышѣ. Вѣками, тысячелѣтіями дозрѣваетъ человѣчество, „изъ образа въ образъ ведомое“. (29-го января 1828 г.).

— „Главное въ молитвѣ—не просьба къ Богу о чемъ-либо, а сердечное сокрушеніе, чувство, которымъ сердце въ сіи минуты исполнено, глубокое чувство ничтожности собственной и преданность, отдача себя въ его могущество, чувство силы словъ „да будетъ воля твоя.... Я часто повторяю: „да будетъ воля твоя“ и послѣ сего споковнъ. (1-го ноября).“

— „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслію и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями; тогда и прошедшее счастіе въ пользу, и тогда и только тогда для нее прошедшее вѣчно. (13-го октября).“

— „Я не разумѣю подъ поэтомъ только того, кто пишетъ стихи; могутъ быть поэты въ душѣ и въ жизни, но не въ книгахъ.“

— „Я готовъ приносить себя въ жертву тамъ, гдѣ требуетъ сего

польза пріятелей или общественная, но желаю оставаться эгоистомъ по части просвѣщенія и дѣйствовать только въ такихъ случаяхъ, когда безъ насилія своимъ правиламъ позволяется мнѣ участвовать въ общей мѣрѣ; а раздѣлять мелкія состязанія мелкихъ умовъ не хочу, сберегая малый мой капиталъ на лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Если бы я одаренъ былъ талантомъ, то званіе писателя имѣло бы для меня величайшую прелесть, но и тогда не унизился бы я до журналиста мелкой литературы, а развѣ участвовалъ бы только въ такомъ изданіи, котораго цѣль благо политическое и высшая нравственность, поспѣшествованію которой можетъ много содѣйствовать и поэзія, и вся изящная, высшая словесность. Теперь же избираю лучшихъ и умнѣйшихъ между современниками, и читая мертвыхъ, стараюсь не прерывать бесѣды съ первыми, заслуживать любовь ихъ любовію всего изящнаго въ нихъ. (3-го мая 1819 г.).“

Нельзя, конечно, не предполагать, что, постоянно себя воспитывая и жизнію и общеніемъ съ людьми, дѣйствовавшими на другихъ умомъ и знаніями, и наблюденіями надъ произведеніями художества, и чтеніемъ книгъ, Тургеневъ постепенно расширялъ свой взглядъ и освѣтлялъ новымъ свѣтомъ знанія и соображенія, то, во что вглядывался, и съ годами нападалъ на рѣшеніе вопросовъ, прежде остававшихся для него безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ, не вполнѣ его удовлетворявшимъ; но, насколько можно видѣть изъ того, что доселѣ можетъ быть въ виду, онъ не мѣнялъ своихъ убѣжденій и только все болѣе утверждался въ нихъ.

Вотъ одно изъ писемъ Тургенева, еще молодого (27-ми-лѣтъ) къ кн. П. А. Вяземскому, двадцатилѣтнему юношѣ, отъ 27-го октября 1812 г., писанное спустя двѣ недѣли по выходѣ Наполеона изъ Москвы:

„Вчера получилъ я, милый кн. П. А., письмо твое отъ 16-го октября изъ Вологды и несказанно обрадовался я, несмотря на то, что оно писано въ уныломъ расположеніи духа. Сѣверинъ не читалъ мнѣ твоего письма къ нему, но сказывалъ о содержаніи онаго, и я тогда уже, а еще болѣе теперь, когда дѣла наши ежедневно и примѣтно поправляются, пенялъ тебѣ мысленно за отчаяніе, въ которое ты погрузился. Зная твое сердце, я увѣренъ, что ты не о томъ, что потерялъ въ Москвѣ, а о самой Москвѣ тужишь и о славѣ имени русскаго; но Москва снова возникнетъ изъ пепла, а въ чувствѣ мщенія найдемъ мы источникъ славы и будущаго нашего величія. Ея развалины будутъ для насъ залогомъ нашего искупленія—нравственнаго

и политическаго; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно освѣтитъ намъ путь къ Парижу. Это не пустыя слова, но я въ этомъ совершенно увѣренъ, и событія оправдаютъ мою надежду. Война, сдѣлавшись національною, приняла теперь такой оборотъ, который долженъ кончиться торжествомъ сѣвера и блистательнымъ отищеніемъ за безполезныя злодѣйства и преступленія южныхъ варваровъ. Ошибки генераловъ нашихъ и неопытность наша вести войну въ нѣдрахъ Россіи, безъ истощенія средствъ ея, могутъ болѣе или менѣе отдалить минуту избавленія и отраженія удара на голову виновнаго; но постоянство и рѣшительность правительства, готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ (ибо тамъ многіе покорялись Наполеону, и составились партіи въ пользу его; а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безъизвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія); наконецъ примѣръ народовъ, уже покоренныхъ, которые, покрывшись стыдомъ и безславіемъ, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бѣдствій своихъ (ибо конскрипціи съѣдаютъ ихъ, и они, участвуя во всѣхъ ужасахъ войны, не раздѣляютъ съ французами славы завоевателей-разбойниковъ): все это успокоиваетъ насъ на счетъ будущаго, и если мы совершенно откажемся отъ эгоизма, и рѣшимся дѣйствовать для младшихъ братьевъ и дѣтей нашихъ и въ собственныхъ настоящихъ дѣлахъ видѣть только одно отдаленное счастіе грядущаго поколѣнія, то частныя неудачи не остановятъ насъ на нашемъ поприщѣ. Безпрестанныя лишенія и несчастія милыхъ ближнихъ не погрузятъ насъ въ совершенное отчаяніе, и мы преднасладимся будущимъ и, по моему увѣренію, весьма близкимъ воскресеніемъ нашего отечества. Близкимъ я его почитаю потому, что намъ осталось играть послѣдній актъ въ европейской трагедіи, послѣ которой авторъ ея долженъ быть непремѣнно освистанъ.... Сильное потрясеніе Россіи освѣжитъ и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны, совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились. Покушенія съ сей стороны нашихъ враговъ совершенно неудались имъ, и мы должны неудачу ихъ почитать блистательнѣйшею побѣдою не войсками нашими, но самимъ народомъ одержанною. Послѣдствія сей побѣды невозможно исчислить.

„Будетъ время, мы свидимся, любезный другъ, и на развалинахъ Москвы будемъ бесѣдовать и вспоминать прошедшее; но, конечно.

прежде должно пріучить себя къ мысли, что Москвы у насъ почти нѣтъ, что сія святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаніями. Но есть еще остатки древняго ея величія; мы будемъ съ благоговѣніемъ хранить ихъ. Я также потерялъ много съ Москвою, потерялъ невозвратимое, напр. всѣ акты, грамоты, библіотеку; но еще, право, ни разу не жалѣлъ объ этомъ, еще менѣе о другомъ движимомъ имуществѣ и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыдъ нашествія иноплеменниковъ въ крови ихъ. Дѣла наши идутъ хорошо. Непріятель бѣжитъ, бросаетъ орудія и зарядные ящики. Мы его преслѣдуемъ уже за Вязьмою. Подпишусь для тебя на „Сынъ Отечества", въ которомъ помѣщаются любопытныя статьи. Назначеніе сего журнала было помѣщать все что можетъ одобрить духъ народа и познакомить его съ самимъ собою. Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!"

Это письмо старѣйшее изъ Тургеневскихъ писемъ сохранившихся у кн. Вяземскаго. Дружескія отношенія между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ, поддерживаемыя не столько одинаковостью направленій, сколько взаимнымъ уваженіемъ и, со стороны Тургенева, желаніемъ развить въ Вяземскомъ любовь къ литературѣ и поэзіи, продолжались долго. Тургеневъ слѣдилъ за его успѣхами, щеголялъ ими въ письмахъ къ другимъ, готовъ былъ помогать его предпріятіямъ, наводилъ его на работы, и т. д.

Съ дѣтства близокъ былъ Тургеневъ съ Карамзинымъ, который многимъ былъ обязанъ его отцу. Уже важнымъ чиновникомъ былъ Тургеневъ, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своей исторіей, какъ искатель, и нашелъ въ нѣмъ друга и помощника, а вмѣстѣ и глубокаго чтителя. Какъ дорогъ былъ всякій успѣхъ Карамзина, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма Тургенева къ И. И. Дмитріеву.

„10-го іюля 1818 г. въ чрезвычайномъ собраніи Россійской академіи, когда ею полученъ новый уставъ, президентъ академіи А. С. Шишковъ предложилъ къ избранію въ дѣйствительные члены. Н. М. Карамзина. „Творенія его стихами и прозою—сказалъ онъ при этомъ— всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе россійской исторіи, увольняютъ меня безъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства къ вступленію въ сіе почтенное сословіе.

Карамзинъ былъ избранъ единогласно.

Въ засѣданіи 15-го декабря 1818 г. Карамзинъ произнесъ рѣчь по случаю этого избранія. Въ торжественномъ засѣданіи 8-го января 1820 года, въ день празднованія академіей своего возобновленія, Карамзинъ читалъ отрывки изъ неизданнаго еще тогда IX тома своей исторіи. На другой день послѣ этого засѣданія А. И. Тургеневъ писалъ къ И. И. Дмитріеву:

— „Несмотря на недосугъ мой, поспѣшаю увѣдомить васъ о вчерашнемъ засѣданіи академіи (Россійской); оно было точно торжествомъ истиннаго таланта и прекрасной дѣятельности. Послѣ рѣчи президента (А. С. Шишкова), который старался намъ доказать преимущество академическихъ трудовъ предъ частными авторскими занятіями, маленькій секретарь академіи (П. И. Соколовъ) прочелъ исторію оной прошедшаго года; потомъ Гнѣдичъ, хотя и нѣсколько гробовымъ голосомъ, но весьма ясно и съ чувствомъ читалъ стихи Жуковскаго: [1]) за нимъ снова Соколовъ—переводъ изъ Тита Ливія о Регулѣ, и наконецъ исторіографъ (Н. М. Карамзинъ), въ нѣсколькихъ словахъ объяснивъ намъ точку, съ которой начиналось чтеніе исторіи Ивана Васильевича, приводилъ слушателей попеременно то въ ужасъ, то въ восхищеніе. Невольнымъ и неизъяснимымъ образомъ при нѣкоторыхъ мѣстахъ слушатели взглядывали другъ на друга, и дѣлался какой-то шумъ одобренія; а повѣствованіе объ Адашевѣ, Филиппѣ и отвѣтъ Шереметева тирану тронули многихъ до слезъ. Дѣйствіе чтенія было магическое, и надъ кѣмъ же? Даже надъ тѣми, коихъ долговременное отсутствіе изъ Россіи, казалось охладило ко всему тому, отъ чего бьется и трепещетъ русское сердце: князь Разумовскій слушалъ съ арзамасскимъ вниманіемъ и у всѣхъ было одно чувство. Исторіографъ пощадилъ насъ и остановился на самыхъ ужасныхъ злодѣйствахъ великаго тирана. Первымъ движеніемъ по окончаніи чтенія было всеобщее рукоплесканіе. Затѣмъ послѣдовало предложеніе президента о поднесеніи отъ имени академіи большой золотой медали исторіографу. Министръ духовныхъ дѣлъ и народ. просвѣщенія (кн. А. Н. Голицынъ), яко членъ академіи, первый подписалъ оное, потомъ и другіе. На эту минуту Ник. Мих. удалился въ другую комнату. Духовенство съ внутреннимъ чувствомъ благодарило его за Филиппа, честь и славу россійскихъ іерарховъ. Замѣчательно, что весь первый департаментъ сената, сбиравшійся обыкновенно въ 12 часовъ въ присутствіе, собрался на этотъ разъ въ 9 часовъ утра, чтобы въ 12 быть въ академіи. Собраніе было многочисленное, и зала едва вмѣщала посѣтителей.

[1]) Цеиксъ и Гальціона изъ XI книги Овидіевыхъ метаморфозъ.

Въ дополненіе къ извѣстію Тургенева о засѣданіи 8-го января 1820 г. привожу слова, сказанныя Шишковымъ, по случаю присужденія Карамзину золотой медали.

— „Академія, по учрежденію своему и предписаннымъ въ уставѣ ея правиламъ, имѣетъ обязанность вознаграждать за подъятые кѣмъ либо для просвѣщенія и словесности полезные труды. Для сихъ наградъ положены разныхъ степеней золотыя и серебряныя медали. Многотрудный подвигъ члена ея, Ник. Мих. Карамзина, въ сочиненіи россійской исторіи, сколько приноситъ чести сочинителю, столько же и пользы отечеству. Почему имѣю я долгъ почтеннѣйше предложить академіи, не благоугодно-ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему большую золотую медаль съ надписью: „отличную пользу россійскому слову принесшему“. Сіе предложеніе — сказано въ протоколѣ — всѣми присутствовавшими членами принято единогласно. Послѣ сего г. президентъ академіи вручилъ Карамзину медаль при слѣдующемъ привѣтствіи: „Я имѣю пріятное порученіе, за труды ваши по россійской исторіи, отъ лица академіи вручить вамъ золотую медаль“. Г. Карамзинъ, принявъ сей знакъ почести, принесъ всему собранію свою благодарность. Симъ кончилось засѣданіе, болѣе двухъ часовъ продолжавшееся.“

Карамзинъ любилъ Тургенева. Съ сожалѣніемъ онъ разставался съ Тургеневымъ при его отъѣздѣ за границу въ 1825 г. (пис. къ Дмитр. 1825) и по его отъѣздѣ, выразился (письмо къ Дмитр. 21-го октября 1825), что „безъ него Петербургъ для насъ опустѣлъ“, а потомъ радъ былъ возвращенію его (письмо къ Дмитр. 22-го мар. 1826). Тургеневъ не только любилъ, но и чтилъ Карамзина и какъ человѣка, и какъ представителя не нашего, но европейскаго просвѣщенія“, хотя и считалъ справедливымъ невыгодное замѣчаніе своего брата о мнѣніи его относительно рабства (29-го мар. 1827 г.). Какъ любилъ Тургеневъ Карамзина, видно изъ того, что онъ возилъ съ собою его письма и записки: „одну изъ трехъ сотъ, со мною путешествующихъ, я далъ для Гете (7-го авг. 1827).“ Тою же любовью къ Карамзину дышетъ его замѣтка о баронѣ Штейнѣ: „Жуковскій въ быту домашней жизни и по общему уваженію находитъ барона Штейна сходнымъ съ Карамзинымъ. Старость его точно otium cum dignitate. C'est le soir d'un beau jour, который прошелъ не безъ грозы, но очистилъ атмосферу (28-го іюля 1827 г.).“ Привязанность Тургенева къ Карамзину выразилась въ письмѣ его отъ 9-го апр. 1828 г.

„Я нашелъ здѣсь Карамзина въ опасной болѣзни, но которая можетъ продлиться. Все семейство доказываетъ мнѣ истинную дружбу, но, глядя на него, я часто и о своемъ горѣ забываю. У него fièvre

lente и онъ кашляетъ и матерія идетъ изъ него. Ему присовѣтовали климатъ Флоренціи, и государь показалъ себя въ семъ случаѣ достойнымъ Александра, который, какъ друга, любилъ его. Думаютъ, что онъ дастъ ему средства жить въ чужихъ краяхъ—и корабль для путешествія. Семейство не знаетъ всей опасности; я ежедневно и весь день съ ними. Онъ исчезаетъ для здѣшняго міра; но еще думаетъ кончить въ чужихъ краяхъ 12-й томъ. Здѣсь умеръ бы онъ скорѣе. Тамъ жизнь его можетъ продлиться„.

Слухи, ходившіе о пособіи государя Карамзину для отъѣзда за границу, какъ извѣстно оправдались такъ, какъ никто не ожидалъ, рескриптомъ и указомъ 13-го марта 1826 г. Позже пошли слухи о томъ, что назначенную пенсію, которою государь, какъ самъ выразился въ рескриптѣ исполнилъ только долгъ справедливости и то, что желалъ, чего неуспѣлъ исполнить Александръ Павловичъ, Карамзинъ счелъ слишкомъ большою. „Это ужъ слишкомъ много"— повторялъ онъ, говорили тогда. Тургеневъ подтверждаетъ эти слухи даже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, говоря, что Карамзинъ разсердился за пенсію (7-го авг. 1827 г.), что онъ принялъ милость съ негодованіемъ на чрезмѣрность пенсіи (29-го янв. 1828 г.). Извѣстно, что рескриптъ данъ за десять дней до смерти Карамзина и что въ благодарственномъ письмѣ къ государю, Карамзинъ не усомнился сказать: „благодѣяніе чрезмѣрно", и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ государя за обезпеченіе семьи.

Когда Карамзина не стало, Тургеневъ обратилъ свою любовь къ этому великому писателю на его семью, заботился о вдовѣ, о воспитаніи дѣтей. О Карамзинѣ же говорилъ такъ:

— „Моя скорбь проникнута боязнію, но и въ боязни этой есть искра надежды на провидѣніе. Страшусь, что въ Карамзинѣ мы лишились представителя нашей силы умственной, такого, какого некѣмъ замѣнить, что мы въ работахъ ума опять поворотимъ назадъ. И, однако, надежда, что этого не будетъ, меня не покидаетъ, что творенія Карамзина, его великій подвигъ, долженъ вызвать другихъ на подобные подвиги."

И. И. Срезневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастріото-Скандербеку.[1])

С.-Петербургъ, 5-го декабря 1845 г.[2])

(Переводъ). Дорогой, любезный другъ Кастріотъ, два извѣстія одинаково удивили и обрадовали меня: твое возвращеніе въ Россію и предстоящая женитьба. Нечего мнѣ повторять тебѣ, что ты у меня одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я люблю болѣе всего на свѣтѣ. Значитъ, ты долженъ быть увѣренъ, любезный другъ, что я живо интересуюсь всѣмъ, что до тебя касается. Если ты помнишь наши ночные разговоры въ Вѣнѣ и мои доводы касательно управленія твоихъ имѣній и твоего образа жизни въ деревнѣ, доводы, которые ты часто оспаривалъ, иной разъ даже вопреки своему доброму сердцу,—ты не усомнишься въ томъ, что я узналъ про твою женитьбу съ особенною радостью. Я знаю твое доброе, чувствительное и въ особенности любящее сердце: это все ручается въ счастіи твоей супруги и твоемъ собственномъ. Я часто говорилъ тебѣ, что для того, чтобъ постигнуть божество, искусство и женщину, надо любить ихъ. Изъ письма твоего къ матушкѣ я вижу, что у тебя осталось еще много той поэтической экзальтаціи, которую я такъ люблю встрѣчать, но которая рано

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358.

[2]) Все это письмо писано по-французски. В. С.

или поздно слабѣетъ и исчезаетъ подъ вліяніемъ дѣйствительности. Если ты способенъ, любезный другъ, хоть нѣсколько придти въ себя, то очень меня одолжишь, сообщивъ мнѣ положительныя подробности о томъ, что̀ было съ тобою послѣ нашей разлуки въ Вѣнѣ? По какой причинѣ ты такъ поспѣшно возвратился въ Россію? гдѣ ты познакомился съ мадмуазель Коньяръ и что̀ ты намѣренъ предпринять послѣ свадьбы? Вотъ вопросы, до безконечности меня интересующіе; вѣдь ты знаешь, какъ я радъ буду встрѣтить тебя гдѣ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, я уже въ восхищеніи отъ того, что ты у насъ на родинѣ. И такъ, я поздравляю тебя отъ души, любезный Кастріотъ, и прошу тебя рекомендовать меня твоей невѣстѣ такимъ, какимъ ты меня знаешь, т. е. какъ одного изъ твоихъ добрыхъ пріятелей. О музыкѣ я и не сказалъ тебѣ ничего: въ головѣ у меня большой проектъ, я поговорю о немъ съ тобою, когда осуществится твой, гораздо важнѣе моего. Прощай же, милый другъ. Матушкѣ моей это время немного нездоровится. Она дружески тебѣ кланяется и сама тебя поздравитъ письмомъ, только что поправится. Весь твой Александръ Д.

25-го апрѣля (1848).

....Посылаю тебѣ съ сею же почтою подушку твою и экземпляръ альбома съ карикатурами; до сихъ поръ онъ идетъ плохо и мы въ убыткѣ.

Ежели Глинка у тебя въ деревнѣ, то обними его отъ меня и скажи, что несмотря на то, что онъ не пишетъ ко мнѣ и оказываетъ ко мнѣ нерасположеніе, я все также принимаю участіе въ его твореніяхъ, и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ проигрываю всѣмъ, кто ни бываетъ у меня, его музыкальные очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ: «Souvenir d'une mazurque»,[1]) Глинка человѣкъ—какъ и всѣ мы грѣшные, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, зѣло великій. Кстати скажи ему, что Одеонъ объявилъ мнѣ, будто всѣ экземпляры «Руслана и Людмилы» взяты издателемъ обратно, то я прошу Глинку, чтобы онъ научилъ меня, гдѣ я могу достать все, что есть напечатаннаго изъ его оперы, и пожалуйста увѣдоми меня о семъ.

---

[1]) Глинка сочинилъ «Souvenir d'une mazurka» осенью 1847 года, въ Смоленскѣ. (См. Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Старины», стр. 165).

В. С.

За симъ, что бы мнѣ сказать тебѣ новенькаго? Великій постъ здѣсь прошелъ ужасно музыкально. Всѣ съ ума сходили на томъ, чтобъ дѣлать музыкальные вечера. Было ихъ много, а толку въ нихъ мало.

Ну что твои музыкальныя занятія? Если бы я былъ человѣкъ одинокій, то пріѣхалъ бы къ тебѣ въ деревню повидаться съ тобой и съ Глинкой.

На будущую зиму я буду ждать тебя сюда. Я можетъ быть здѣсь буду ставить своихъ «Вакханокъ» на сцену, и мы бы съ тобой вмѣстѣ позанялись музыкой. Я здѣсь живу въ страшномъ одиночествѣ; въ большой свѣтъ ѣзжу много, а людей по себѣ не встрѣчаю. Поэты и художники вывелись отъ глупыхъ журналистовъ, какъ тараканы отъ мышьяку. Живопись еще кое-какъ плетется,. да намъ съ нею нечего дѣлать; а музыканты здѣсь такъ плохи, что мнѣ кажется я изъ лучшихъ.

Затѣмъ прощай, другъ Кастріотъ. Будь здоровъ и не забывай преданнаго Даргомыжскаго.

С.-Петербургъ, 30-го сентября (1848).

Я давно не писалъ къ тебѣ, любезный другъ и собратъ по музыкѣ. Это, впрочемъ, не есть доказательство, чтобы не вспоминалъ о тебѣ. Весьма одолжишь меня, если откликнешься на письмо мое и скажешь словечко о томъ, здоровъ-ли ты и твои, что подѣлывалъ лѣтомъ и собираешься-ли, по обѣщанію, сдѣлать визитъ нашей столицѣ?

Имѣешь-ли ты какое-нибудь извѣстіе о Глинкѣ? Я знаю только, что онъ все еще живетъ въ Варшавѣ, но пишетъ-ли? вотъ главный пунктъ. Я считаю произведенія его весьма важными, не только для русской, но даже вообще для всякой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ пера его—ново и интересно. За то сколько онъ отнялъ у насъ. Публика хочетъ всѣхъ мѣрить на его аршинъ, отъ этого и мудрено намъ выдерживать. Недавно здѣсь давали оперу Львова: «Ундину» [1]). Трудъ большой, много есть и хорошихъ мелодій, а публика морщится. Вникая въ причины, видишь одно: сравненіе портитъ все дѣло.

---

[1]) «Ундина» дана въ первый разъ 30-го сентября 1848 г.; такимъ образомъ настоящее письмо окончено нѣсколькими днями позже числа, обозначеннаго въ подлинникѣ, въ началѣ его. В. С.

Ты вѣрно интересуешься знать отчасти, что я подѣлываю? Пишу, братецъ, все пишу. Меня публика отучила только издавать свои сочиненія, а писать до сихъ поръ не можетъ отучить; лѣтомъ писалъ я балетъ къ оперѣ, что я выкроилъ изъ Пушкина оды: «Торжество Вакха», а теперь принимаюсь за «Русалку», изъ коей я тебѣ уже игралъ нѣкоторые нумера. Что меня мучаетъ—это либретто: вообрази, что я самъ плету стихи. Поэты у насъ все геніи: ни одного нѣтъ просто съ талантомъ, какъ ты да я; и съ ними ладу никакого нѣтъ; смотрятъ на тебя съ высоты-высотъ и презираютъ. Очень бы желалъ видѣть тебя сію зиму въ Петербургѣ; я-было хотѣлъ ѣхать въ Москву ставить «Торжество Вакха», но дирекція не желаетъ на сей годъ моихъ услугъ. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 1-го ноября (1850).

Во исполненіе желанія твоего, любезный другъ Кастріотъ, передалъ я твои рукописи Гензельту; но все-таки совѣтую тебѣ написать ему словечко о нихъ. Ты знаешь, Гензельтъ—артистъ разсѣянный и рукописи могутъ у него залежаться; я радъ, что ты продолжаешь заниматься музыкой. Работай усерднѣе покуда здоровъ: я на опытѣ начинаю узнавать, что болѣзни и недуги вдругъ нагрянутъ на человѣка, и хотя не могутъ уничтожить въ немъ силы творческой, но безпрерывно останавливаютъ его въ трудѣ исполнительномъ. Со мною, напримѣръ, не бываетъ двухъ недѣль сряду, чтобы физическая боль не отвлекала меня отъ работы. Задумаешь въ мгновеніе, создашь въ утро, а обработка и изложеніе должны ждать здоровыхъ часовъ, которые стали рѣдки.

Выдумка твоя писать драматическія кантаты съ квартетомъ и оригинальна и занимательна. Но мнѣ кажется, что не худо бы къ квартету присоединить и фортепьяно, которыя могутъ въ этомъ случаѣ разыгрывать роль духовыхъ инструментовъ. Такъ что, прибавивъ къ квартету контрабасъ, кантата твоя акомпанируется маленькимъ оркестрикомъ. А чисто квартетный акомпаниментъ, какъ онъ ни интересенъ, не можетъ быть достаточно удовлетворителенъ для музыки драматической, которая всегда требуетъ болѣе или менѣе энергіи. Все, что я пишу тебѣ, любезный другъ, есть только одно мое воззрѣніе на предметъ, но я

никакъ не выставляю мнѣнія своего непреложнымъ закономъ. Я помню, что мы когда-то игрывали симфоніи Бетговена, переложенныя для двойного квартета и фортепьяно въ 4 руки; и это выходило очень недурно.

Я теперь живу здѣсь въ страшномъ уединеніи, и предвижу, что проведу въ немъ всю зиму. Глинка сюда не будетъ. Монюшкѣ я самъ по чистой совѣсти совѣтовалъ не пріѣзжать, онъ человѣкъ недостаточный, а Петербургъ пожираетъ деньги. Ты вѣроятно тоже не пріѣдешь; а здѣсь, изъ русскихъ музыкантовъ, одинъ только Ласковскій, но и тотъ такъ занятъ службой, что рѣдко съ нимъ видимся. Италъянская опера довольно въ жалкомъ положеніи. Правда, что Персіани оконченная пѣвица, Тамбурини и Маріо тоже удовлетворительны; но ты знаешь, что для нашего брата нужна музыка, а не пѣвцы. А въ нынѣшнемъ году только и будетъ интереснаго опера Моцарта: «Le nozze di Figaro». Хотя она по-моему и ниже «Волшебной флейты» и «Донъ Жуана», но ее такъ рѣдко слышишь, что душа заранѣе радуется ей.

Сестра моя[1]) принялась снова за арфу: напиши-ка намъ романсъ для тенора съ арфой, мы будемъ распѣвать его за твое здоровье. Я недавно заставлялъ Билибину пѣть твою каватину: «Есть тихая роща». Я люблю ее и увѣренъ, что если бы она не была такъ длинна и трудна въ акомпаниментѣ, она бы пѣлась повсемѣстно. Рубинштейнъ кончилъ свою оперу, но я еще не слыхалъ ее. Изданные Бернаромъ его 12 романсовъ не поются, хотя одинъ изъ нихъ для меня очень хорошъ, а другіе два недурны. Но публика наша, сколько сама слаба въ музыкѣ, столько и строга къ композиціямъ. Въ послѣднее время я ввелъ здѣсь хоровое пѣніе безъ акомпанимента. Это очень насъ забавляетъ. Начни я съ серьезной музыки, мнѣ бы показали кукишъ, а я началъ съ пустяковъ, и пошло какъ по маслу.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1852 г.[2])

(Переводъ). Твое письмо, любезный Кастріотъ, чрезвычайно меня порадовало, какъ тѣмъ, что ты помнишь меня, такъ и извѣстіемъ, что ты вѣренъ служенію музамъ. Я промедлилъ отвѣтомъ

---

[1]) Эрминія, игравшая отлично на арфѣ. В. С.

[2]) Письмо это писано по-французски. В. С.

нѣсколько дней, потому что потеря нашей доброй матушки, кромѣ огорченія, повлекла за собою много хлопотъ и дѣлъ, которыхъ при жизни ея у меня не было. Мы еще не выѣзжали изъ нашей квартиры, оттого что трудно въ зимнее время найти другую подходящую; но въ маѣ или іюнѣ мы ее оставимъ, чтобъ избѣжать печальныхъ воспоминаній. Мы постараемся помѣститься всѣ въ одномъ домѣ съ Степановыми, что̀ будетъ особенно полезно и пріятно для Эрминіи.

Глинка проводитъ зиму въ Петербургѣ. Въ началѣ сезона онъ былъ довольно здоровъ и въ самомъ чудесномъ расположеніи духа; но кончаетъ онъ дурно: здоровье его разстроилось пуще прежняго, а расположеніе духа у него, какъ тебѣ извѣстно, всегда въ связи со здоровьемъ. По временамъ у него понемногу занимаются музыкою. Онъ съ удовольствіемъ слушаетъ Глюка и Керубини, а прочими композиторами мало интересуется. Я люблю его все по прежнему, но, что̀ касается искусства, я уже не нашелъ въ немъ того мастера-художника, по воображенію и чувству, который былъ прежде такимъ славнымъ совѣтникомъ. Это жаль, потому что съ его превосходнымъ талантомъ, покончивъ свое художественное поприще, все-таки можно быть полезнымъ, какъ критикъ. Впрочемъ надобно приписать физическому разстройству странность (bizarrerie) и особенно перемѣнчивость его мнѣній.

Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ произошла исторія съ моей оперой «Эсмеральдой» въ Петербургѣ? Ее могли дать всего только три раза, потому что prima donna перешла уже во вторую половину своей беременности, а это вовсе не согласовалось съ идеальною невинностью живой цыганки. Такъ какъ здѣшнее общество глубоко презираетъ русскую оперу, то слушателей и любопытныхъ собралось очень немного. Но за то эти немногіе такъ явно, такъ искренно и такъ лестно обнаружили мнѣ свое удовольствіе, что самые шарлатаны изъ такъ-называемыхъ знатоковъ ушли съ половины представленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что исполненіе въ такой степени дурно, что, несмотря на достоинство сочиненія, нѣтъ силъ дослушать до конца. Одинъ изъ этихъ господъ сообщилъ мнѣ эту причину на другой день, въ письмѣ, извиняясь, что уѣхалъ послѣ второго дѣйствія. Что касается лучшихъ и истинныхъ артистовъ, каковы Гензельтъ,

Ласковскій, Тамбурини и другіе любители искусства, то они остались до конца; многіе пришли послушать мою оперу во второй и третій разъ и всѣ любезно отдали справедливость моей музыкѣ. Особенно Мауреръ, этотъ безспорно лучшій знатокъ въ Петербургѣ, три раза прослушавшій мою оперу, тронулъ меня слѣдующими словами: «Я старъ и откровененъ, г. Даргомыжскій, потому что мнѣ больше нѣтъ надобности кому бы то ни было льстить; такъ я вамъ скажу напрямки, что для нынѣшняго времени ваше произведеніе слишкомъ хорошо». Изъ этого ты видишь, дорогой Кастріотъ, что я, какъ художникъ, доволенъ, но, какъ членъ петербургскаго общества, сожалѣю, что музыкальное искусство такъ упало у насъ. Ты себѣ представить не можешь, что̀ за сочиненія имѣютъ здѣсь успѣхъ: цыганскія аріи, да польки самаго пошлаго свойства. На итальянской сценѣ ставятъ Верди и Алари: все общія мѣста, приправленныя страшнѣйшимъ шумомъ.

Пора бы тебѣ, любезный другъ, навѣстить насъ еще разъ. Тѣ зимы, что̀ ты проводилъ здѣсь, были всегда оживленнѣе прочихъ, въ отношеніи музыкальномъ. Прощай, до свиданья, цѣлую тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

P. S. Я съ удовольствіемъ узнаю, что ты не безъ дѣла сидишь въ деревнѣ; и мнѣ, конечно, пріятно было бы пробѣжать твои новыя произведенія, но вдвое было бы пріятнѣе, еслибъ ты пріѣхалъ самъ мнѣ ихъ спѣть будущею осенью. На лѣто я останусь въ городѣ съ отцомъ, который часто хвораетъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ я снова примусь за свою «Русалку», эту оперу, отрывки которой я тебѣ показывалъ, и которую я-было бросилъ, не надѣясь дать ее на сценѣ. Но лестное вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящемъ году петербургскою публикою, какъ-будто обязываетъ меня произвести на старость лѣтъ созданіе національное. Я употреблю всѣ силы, чтобъ удовлетворить публику, но это очень трудно.

С.-Петербургъ, 5-го мая 1853 г. [1]

(Переводъ). Любезный Кастріотъ, я просмотрѣлъ и попросилъ твою бывшую ученицу Любовь (Ивановну) Бѣлиницыну спѣть твои новые романсы. Ты хочешь знать мое мнѣніе о нихъ, такъ я

---

[1] Письмо это писано по-французски. В. С.

тебѣ скажу, что фактура ихъ хороша и безукоризненна, какъ большинство твоихъ произведеній, и въ Германіи не одинъ нѣмецъ кивнулъ бы одобрительно головою, услышавъ ихъ, и не одна сентиментальная нѣмочка (постарше 30-ти лѣтъ) нашла бы ихъ по своему вкусу. Въ отношеніи мелодическомъ, я нахожу, что послѣднія три пьесы уступаютъ многимъ твоимъ мелодіямъ, изданнымъ Битнеромъ. Впрочемъ, онѣ отличаются оригинальностью, которая, на мои глаза, всегда есть достоинство.

Я говорилъ съ тремя издателями на счетъ изданія твоихъ романсовъ. Битнеръ и Стелловскій, вѣчно жалующіеся на свою музыкальную торговлю, не смѣютъ и подумать о печатаніи чего-нибудь болѣе музыкальнаго какой-нибудь цыганской пѣсни, или романсика Гурилева или моего. Отвѣтъ Бернара, самого смѣлаго между ними, я при семъ прилагаю. Онъ принимаетъ только двѣ пьесы и въ вознагражденіе композитору предлагаетъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ. Не зная твоихъ собственныхъ намѣреній, я не объявилъ никакого рѣшенія. Съ прочими издателями, какъ незнакомыми мнѣ, я даже и не говорилъ; въ томъ же, это все бѣдный народъ, перебивающійся со дня на день.

Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ мы тутъ живемъ? Какъ граждане—живемъ покойно, семейно и вдали отъ большого свѣта. Какъ художники — сестра моя сдѣлала большіе успѣхи на арфѣ и поджидаетъ новый инструментъ изъ Лондона; я—давалъ большой концертъ въ залѣ дворянскаго собранія. Публика приняла мои произведенія съ энтузіазмомъ, въ самомъ дѣлѣ превосходящимъ ихъ достоинство, а это подняло противъ меня всю синагогу (какъ говоритъ Глинка) и всѣхъ маленькихъ композиторовъ и журналистовъ. А чтобы пуще ихъ взбѣсить, я лѣтомъ примусь за дѣло и постараюсь сдѣлать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ порядочное. Прощай, любезный другъ. Жду твоего отвѣта и рѣшенія. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ. 12-го декабря 1856 г.

Письмо твое отъ 23-го ноября, любезный другъ Кастріотъ, получилъ я только 9-го декабря; при немъ и посылку съ рукописями. Душевно благодарю тебя, какъ за память обо мнѣ, такъ и за пріятно-лестное посвященіе 6-ти новыхъ твоихъ романсовъ. Проигралъ и промурлыкалъ я все присланное тобою съ большимъ

интересомъ и удовольствіемъ. Такъ рѣдко встрѣчаешь русскую музыку, писанную чисто и музыкально. А живя почти въ одиночествѣ, мое величайшее наслажденіе проигрывать новую музыку вообще, а русскую въ особенности. Ты спрашиваешь моего мнѣнія о твоихъ романсахъ? Я не умѣю дѣлать строгихъ приговоровъ, какъ тѣ знатоки и критики, которые сами ничего не создаютъ и полагаютъ, что послѣ Бетговена никто уже ничего порядочнаго написать не можетъ. Я люблю искусство не для шума, а для себя, занимаюсь имъ въ одиночествѣ и признаюсь, что всякая, даже недурная, новая музыка доставляетъ мнѣ удовольствіе, тѣмъ болѣе такіе романсы, какъ твои, въ которыхъ есть мысли почти вездѣ, чувство очень часто, а правильность и чистота отдѣлки непрерывны. Ты не всегда счастливъ въ выборѣ словъ: забываешь, что самые лучшіе стихи бываютъ часто хороши для чтенія, но неловко ложатся подъ музыку.

Квартетъ твой я Гензельту отослалъ. Разумѣется, сдѣлалъ нескромность—прочелъ его. Я уже вижу въ немъ размахъ опытнаго мастера: поздравляю тебя. Ежели желаешь знать мое поверхностное мнѣніе о квартетѣ—вотъ оно: andante прекрасно—scherzo изобилуетъ милыми эфектами. Первое Allegro хотя интересно, но недовольно разнообразно. Въ послѣднемъ финалѣ основа немного обыкновенна, слишкомъ мало затѣйлива, но въ исполненіи эфектъ долженъ выдти довольно блестящій.

Романсы твои я передалъ Стелловскому и Бернару на разсмотрѣніе. Со временемъ напишу тебѣ, какая послѣдуетъ отъ нихъ резолюція. Но путнаго отъ нихъ не жду. Музыка вокальная, да и всякая, здѣсь въ совершенномъ упадкѣ. Издатели — и расходовъ не выручаютъ; я, пишущій сіи строки, издаю «Русалку» свою самъ, на заемныя деньги, и буду очень доволенъ, ежели приплачу только половину издержекъ, т. е. руб. 700 сер.—вотъ тебѣ примѣръ утѣшительный. Лучше всего пріѣзжай сюда самъ. Прошлую зиму оживилъ меня и порадовалъ пріѣздомъ своимъ Монюшко, а нынче хвати-ка ты вмѣсто его. За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 2-го января 1857 г.

Получилъ я второе твое письмо, любезный другъ, Скандербекъ, и спѣшу дать тебѣ отвѣтъ на счетъ фортепьяно. Въ депо иностранныхъ руаялей — цѣны непомѣрныя: 1,000 и 1,500 руб.

Брейткопфовъ, Штрейхеровъ и имъ подобныхъ, я, признаться, не люблю: жидки. До сихъ поръ я въ Петербургѣ знаю только одни хорошіе руаяли — это Вирта; его заведеніе перешло вовсе не къ Шуберту, какъ ты пишешь, а къ Эшенбаху, его племяннику, и осталось совершенно въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было и при Виртѣ. Я недавно купилъ у него два руаяля—одинъ другого лучше. Я полагаю, что за 600 руб. можно выторговать у него съ пересылкою. Выбрать руаяль я берусь: а еще лучше, ежели самъ пріѣдешь, тогда вмѣстѣ выберемъ—отличный.

Издатели наши, какъ истые жиды, не берутся издать твои романсы, даже—ежели ты половину издержекъ примешь на свой счетъ. Другого я отъ нихъ и не ожидалъ. Но одинъ молодой издатель дамскаго журнала, подъ названіемъ «Цвѣтокъ», готовъ взять ихъ въ видѣ приложеній къ журналу; и вообще ежели ты разрѣшишь изданіе твоихъ двѣнадцати романсовъ, отдѣльно каждый (только, разумѣется, уже безъ эпиграфа г. Меча, и посвященія можно помѣстить только на одномъ романсѣ), тогда я найду возможность бо́льшую часть изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ размѣстить въ разныя періодическія изданія. Да, или нѣтъ?

На дняхъ слышалъ я «Жизнь за Царя». Мастерское, оригинальное произведеніе: столько красотъ, что промаховъ не хочется и замѣчать. Одно въ этой оперѣ не удовлетворяетъ: мало драматической правды. Послѣ-завтра буду слушать свою «Русалку». Жаль, что тебя нѣтъ, послушали бы вмѣстѣ. Даргомыжскій.

Сообщ. **В. Г. Кастріото-Скандербекъ**.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ВОЕЙКОВЪ.

1779—1839.

I.

Отрывки изъ замѣтокъ его пріятеля.

Но если вздумаю надъ кѣмъ я посмѣяться,
Я тутъ прямой поэтъ, и мысли въ мигъ родятся.

Изъ сатиры Буало, И. И. Дмитріевъ.

.....Воейковъ разсылалъ сотни записочекъ, къ друзьямъ и знакомымъ, въ которыхъ всегда обнаруживалъ остроту свою. Онъ, кажется, щеголялъ ими. Эти записочки всегда были съ нумерами и онъ велъ имъ разносную книгу. По этимъ книжкамъ видно, что отъ него въ годъ выходило писемъ и записокъ больше тысячи!

Вотъ нѣкоторыя:

Бор. М. Ѳедоровъ какъ-то съ годъ не являлся на вечера его; потомъ обнадежилъ, что непремѣнно будетъ. Воейковъ, сзывая литераторовъ къ себѣ на вечеръ, между прочимъ, писалъ П. А. Плетневу: „у меня будетъ Б. М. Ѳедоровъ, въ первый разъ по возобновленіи".

Другую записку, къ Плетневу же, онъ окончилъ такимъ образомъ: „Воейковъ, ст. сов. и кавалеръ ордена св. Владиміра 3-й ст., членъ россійской академіи, переводчикъ Делиля и Виргилія, издатель Русскаго Инвалида, Образцовыхъ сочиненій, Новостей Литературы, Славянина, Литературныхъ прибавленій, изобрѣтатель хамелеонистики, а что всего важнѣе, сочинитель Дома сумасшедшихъ".

Самые злые куплеты въ Домѣ сумасшедшихъ — это куплеты на Булгарина:

Тутъ кто? Гречева собака
 Забѣжала вмѣстѣ съ нимъ;

То—Булгаринъ, забіяка
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ,
Съ саблей, въ петлѣ... «А французской
«Крестъ ужель надѣть забылъ?
«Вѣдь его ты кровью русской
«И предательствомъ купилъ!»

— Что-жъ онъ дѣлаетъ здѣсь?—«Лаетъ,
«Брызжетъ пѣною съ брылей,
«Мечется, рычитъ, кусаетъ
«И домашнихъ и друзей».
— Но на чемъ онъ сталъ помѣшанъ?
«Совѣсть — умъ свихнула въ немъ:
«Все боится быть повѣшенъ,
«Или высѣченъ кнутомъ».[1])

Воейковъ сказывалъ мнѣ, что онъ года два думалъ посадить въ желтый домъ Ѳ. В. Булгарина, да все не удавались о немъ стихи. Наконецъ. во всенощную на первой день пасхи, занятый своею мыслію, онъ ихъ выдумалъ. Послѣ того онъ уже не могъ молиться, складывая стихи въ головѣ своей, а по окончаніи всенощной и обѣдни, прискакалъ домой и сразу написалъ приведенныя выше строфы. „Послѣ этого, прибавилъ Воейковъ, я ужъ разговѣлся!“

Вообще, ни что такъ легко и кругло у него не выливалось, какъ остроты противъ того, что возбуждало его негодованіе или ненависть. Разъ, на дачѣ у А. А. Краевскаго, сочинитель поэмы „Міроздание“, Соколовскій, разсказывалъ, что нѣкто купилъ у него второе изданіе этой поэмы и едва-едва согласился заплатить сто рублей, да и тѣ насилу отдалъ. Это возмутило Воейкова.

— А что,—спросилъ онъ,—N. N. точно отдалъ вамъ деньги?

— Точно,—отвѣчалъ Соколовскій.

— И вы положили въ карманъ эти деньги,—продолжалъ Воейковъ. Соколовскій подтвердилъ.

— И вы,—продолжалъ Воейковъ,—чувствовали, что деньги у васъ въ карманѣ?

— Да,—отвѣчалъ Соколовскій.

— Ну, а когда вы вышли отъ покупщика, спохватились ли вы, какъ полезли въ карманъ, нашли-ли вы деньги?—говорилъ Воейковъ, показывая на карманъ свой.

Однажды у Владиславлева—Воейковъ увидавъ на столѣ портретъ Н. И. Греча подошелъ къ нему и долго, по своей привычкѣ прищуриваясь и гримасничая, разглядывалъ его, наконецъ сказалъ:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ IX, стр. 579—620.

— Ну—чтожъ, ничего, пусть, пусть до висѣлицы повиситъ хотя на стѣнкѣ [1])

Однажды Воейковъ спросилъ меня, что я чувствую, встрѣчаясь съ богачомъ, который ѣдетъ въ блестящемъ экипажѣ или въѣзжаетъ въ собственный великолѣпный домъ? Этотъ вопросъ удивилъ меня; мнѣ никогда прежде въ голову не приходила подобная мысль—Какая же мнѣ надобность, сказалъ я, до экипажа или дома, напримѣръ Демидова, гр. Шереметева, и какое я имѣю право на ихъ богатство?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Воейковъ,—я не таковъ: мнѣ всегда бываетъ досадно, когда я вижу другого богаче меня.

Вслѣдъ за этимъ я разсказалъ ему объ одномъ литературномъ предпріятіи Владиславлева (издать альманахъ въ пользу дѣтской больницы) и что этому взялся помогать гр. Бенкендорфъ. Когда я прибавилъ, что Владиславлевъ этимъ средствомъ можетъ получить отъ своего альманаха, вмѣсто 5, до 20 т. руб., Воейковъ, не сказавъ ни слова, схватилъ себя за волосы и заскрежеталъ зубами. Послѣ прежняго разговора съ нимъ мнѣ очень понятна была невысказанная мысль его.

Я слышалъ—боюсь повторить—что еще въ молодости своей Воейковъ сдѣлалъ какой-то проступокъ..... Можетъ быть это сдѣлалось невольно, отъ стеченія случаевъ, въ минуту мгновеннаго разгоряченія... Да и кто столько золъ, чтобы покусился на такое преступленіе съ намѣреніемъ. Вѣрно потомъ онъ отдалъ бы всю свою жизнь, только бы не было въ ней этой несчастной минуты... Еще больше и отъ всего сердца желаю, чтобъ это была неправда. Но страшныя явленія замѣчались за нимъ, особенно во время болѣзней. Въ промежуткахъ разговоровъ онъ часто задумывался, схватывалъ себя за волосы и тяжко стоналъ. Онъ обыкновенно тотчасъ опомнивался и, какъ бы отвлекая отъ себя подозрѣніе, говорилъ, что стонетъ отъ болѣзни. Это рванье волосъ, судороги лица и стонъ больше показывали, что къ нему пристаетъ какое-то воспоминаніе. Однажды онъ самъ говорилъ мнѣ:

— Я знаю, что умру, но еще долго буду страдать, потому что есть за что.

Въ послѣдней тяжкой болѣзни его, я нерѣдко сидѣлъ у его постели, и онъ, съ своими большими всклоченными волосами, съ су-

[1]) Остроумный Н. И. Гречъ съ своей стороны не щадилъ Воейкова, см. статью Греча объ авторѣ «Дома сумасшедшихъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г. т. IX, стр. 621—643. Ред.

дорожными выраженіями страданія, съ своими стонами, очень походилъ на Громобоя.

Другой смертный грѣхъ (а ихъ было на душѣ Воейкова по крайней мѣрѣ семь) была въ молодости какая-то интимная связь. Въ походѣ 1812 г., его страсть вездѣ ѣздила съ нимъ и въ тотъ же годъ, во время переправы черезъ Березину, у нихъ родился сынъ, Доброславскій. Послѣ этотъ сынъ воспитывался въ Москвѣ, у матери, учился въ медико-хирургической академіи и былъ выпущенъ лекаремъ. Въ концѣ 1837 года Воейковъ выписалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ ординаторомъ въ военно-сухопутный госпиталь. Божескій гнѣвъ лежалъ на этомъ сынѣ преступной любви. Избалованный у матери, онъ ни отъ кого не получилъ правилъ вѣры и нравственности, былъ наглъ и дерзокъ противъ всего.....

Въ Петербургѣ, первые мѣсяца два, онъ жилъ у отца и въ это время успѣлъ завести какую-то незаконную связь, такъ что отецъ принужденъ былъ выгнать его изъ дома и нанять ему отдѣльную квартиру на Петербургской сторонѣ. Не долго онъ жилъ тамъ. Разъ утромъ (4-го марта 1838 г.), начавъ бриться и выславъ своего человѣка, онъ бритвой перерѣзалъ себѣ горло. Ни тогда, ни послѣ не узнали причины этому. Всего вѣроятнѣе, что буйныя страсти и недостатокъ вѣры довели его до такой смерти. На отца это происшествіе жестоко подѣйствовало. Дряхлѣющій и расположенный къ болѣзнямъ старикъ, началъ больше и больше хилѣть.

Разсказывалъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. „Даютъ мнѣ знать, что пріятель мой Воейковъ при смерти и что доктора уже объявили ему самому, что болѣе двухъ дней онъ ни за что не проживетъ.

Пріѣзжаю я къ нему. Сижу у его постели. Спрашиваю: ну, что, Александръ Ѳедоровичъ, не имѣешь-ли что поручить мнѣ о своихъ дѣлахъ, доктора вѣдь сказали, что положеніе твое опасно?"

— Эхъ, Иванъ Никитичъ,—заговорилъ приподнимаясь на локоть умирающій: есть, есть у меня къ тебѣ просьба: одолжи дней на десять—тысячъ пять рублей.

Просьба меня удивила. Я подумалъ и говорю: а вотъ погоди, я жду съ почты деньги, пришлютъ изъ деревни оброкъ, такъ дней черезъ пять тебѣ и дамъ.

Воейковъ съ злостью сжалъ кулакъ и крякнулъ повертываясь ко мнѣ спиной. Онъ видимо разсердился, что не удалось занять безъ отдачи."

Воейковъ всегда былъ, до самой смерти своей, поклонникомъ прекрасныхъ женщинъ, и надобно признаться, что имѣлъ изящный вкусъ. Разъ я пріѣхалъ къ нему на дачу, въ Большую Рыбацкую, и какъ-то случилось, что засталъ его въ расплохъ. Это было въ лѣтній, жаркій день. Подлѣ него сидѣла прелестная дѣвушка, съ расплетенной косою: длинные волосы ея были раскиданы по плечамъ и старикъ игралъ ими... Это, кажется, былъ конекъ его вкуса.

Всѣ знакомые Воейкова помнятъ портретъ первой жены его. Она представлена бѣгущею въ лѣсу, въ бурю: вѣтеръ несетъ впередъ ея распущенные волосы и бѣлое платье... Прекрасная женщина и прекрасное изображеніе. Да, старикъ имѣлъ вкусъ!

Меньше, чѣмъ за годъ до смерти, онъ женился на постоянной сожительницѣ своей, N. N., въ іюлѣ 1838 года. За этотъ не равный бракъ его всѣ осуждали, въ томъ числѣ и я; но проступокъ (?) его былъ слѣдствіемъ размышленій о прежней жизни старика, приближающагося къ смерти. Онъ хотѣлъ сколько возможно поправить прежнее и облегчить себя отъ того, что тяготило его совѣсть. Онъ дѣйствовалъ уже какъ христіанинъ, которому страшны предчувствія будущаго.

Послѣдніе восемь мѣсяцевъ онъ уже никуда не выѣзжалъ, страдая каменной болѣзнію. Въ это время онъ всегда принималъ гостей лежа на постели и, по природѣ хитрый и лукавый, всегда хотѣлъ показываться больнымъ больше, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ. Нерѣдко, прикидываясь хилымъ и изнеможеннымъ, онъ говорилъ, что весь исхудалъ, что грудь у него ослабѣла, тогда какъ былъ полонъ по прежнему, а за минуту кричалъ сильнымъ, здоровымъ голосомъ.

Даже въ бездѣлицахъ, гдѣ не нужно было хитрости, онъ не переставалъ хитрить, какъ будто влекла его къ этому натура. Такъ кошка дѣйствуетъ по своей лукавой манерѣ и тамъ, гдѣ-бы можно было обойтись безъ этой манеры. Однажды крѣпостная дѣвочка его, лѣтъ 13-ти, чѣмъ-то разсердила его. Онъ уже былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ и не могъ встать съ постели. Схвативъ палку, стоявшую у постели, онъ приказывалъ дѣвочкѣ подойти къ себѣ. Дѣвочка, пользуясь болѣзнію его, не слушалась и еще что-то сгрубила. Вдругъ застоналъ онъ, и упавъ головой на подушки, началъ кричать, что ему дурно, что онъ умираетъ. „Матушка, Фіона, Фіонушка, говорилъ онъ дѣвчонкѣ, не сердись на меня, прости меня, подойди и поправь постель, мнѣ неловко, что-то колетъ..." Глупая дѣвчонка повѣрила и ей стало жаль барина. Она подбѣжала и стала поправлять постель.

Но лишь наклонила она голову, какъ онъ лѣвой рукой цапъ-царапъ се за волосы, а правою жестоко прибилъ ее палкой.... [1])

Въ послѣдніе дни своей жизни онъ особенно хотѣлъ помириться съ тѣми, съ которыми ссорился, но которыхъ любилъ. Онъ боялся перейти въ ту жизнь, не разставшись съ друзьями по-дружески. Такъ какъ я не былъ у него недѣли три, и когда пришелъ къ нему, онъ безпокоился—не сержусь-ли я на него? Присѣвъ на постели и сложивъ руки на грудь, онъ говорилъ мнѣ своимъ слогомъ: „Пожалуста скажите, не сердиты-ли вы на меня, не сдѣлалъ-ли я противъ васъ какого-нибудь канальства? Я не извиняюсь, а прошу у васъ прощенія". Давній пріятель его Владиславлевъ не сердился на него, но все-таки не ѣздилъ къ нему. Въ передпослѣдній день и онъ пріѣхалъ къ нему. Старикъ былъ въ восхищеніи.

Мѣсяца за два передъ смертію, въ день кончины П. П. Свиньина, Воейковъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ разослалъ записочки ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Радостный-ли это случай, чтобы со стороны и съ такой торопливостью извѣщать о немъ! Судьба его поймала на этомъ самомъ грѣхѣ и наказала его тѣмъ же самымъ. N. N. получивъ записочку поздно вечеромъ, лежа и дремля въ постели, призвалъ слугу и приказалъ ему, завтра по раньше, сходить въ домъ Свиньина и узнать, правду-ли пишетъ Воейковъ? N. N. съ просонокъ перемѣшалъ-ли фамилію или человѣкъ заспалъ приказаніе и оно перевернулось у него вверхъ ногами, только слѣдующимъ утромъ онъ преблагополучно отправился въ домъ Воейкова и въ прихожей началъ разспрашивать у людей, точно-ли и какъ онъ умеръ? Въ передней началось перешептыванье и говоръ, такъ что я услышалъ, и узнавъ, о чемъ идетъ дѣло, призвалъ къ себѣ посланнаго. И старикъ Воейковъ долженъ былъ самъ растолковывать, что не онъ умеръ, а П. П. Свиньинъ. Этотъ случай былъ пророчествомъ его собственной смерти!

Онъ умеръ 16-го іюня 1839 г., въ пятницу, въ 5 часовъ утра. Въ послѣдніе дни онъ былъ утомленъ страданіями и желалъ скорѣе умереть. Задумываясь и потомъ приходя въ себя, онъ говаривалъ: „и вотъ, какъ только я забудусь, первая мысль моя, не умру-ли я теперь!" Но былъ онъ въ памяти до послѣдней минуты. Страданія

---

[1]) Это нѣсколько иначе и невѣрно разсказано И. И. Панаевымъ, въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ.» «Современникъ», 1861 г. № 11, стр. 74 и 75.

Авт.

его во время болѣзни были такъ велики, что въ сравненіи съ ними смерть его казалась покойною. Мертвый трое сутокъ лежалъ въ домѣ. Лицо его совершенно перемѣнилось. Всегдашнее выраженіе насмѣшки, съ примѣсью лукавства и злобы, исчезло и лицо приняло спокойный, строгій видъ. Знакомые, сначала спрашивавшіе шутками: „не прикидывается-ли онъ", — смотря на это лицо, уже говорили: „Ну, теперь онъ не обманываетъ!" Онъ похороненъ 19-го іюня 1839 г., на кладбищѣ порохового завода.

Лицо А. Ѳ. Воейкова было смуглое и калмыковатое, голова большая, съ волнистыми, густыми волосами. Онъ былъ довольно толстъ и неуклюжъ. Еще болѣе онъ неловокъ сталъ отъ хромоты, сломавъ себѣ ногу 15-го октября 1823 г. „Я ѣхалъ,—расказывалъ онъ,—изъ Петербурга въ Царское, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать зло одному человѣку — и Богъ наказалъ меня; лошади понесли, сломали мнѣ ногу и я не сдѣлалъ того, что хотѣлъ сдѣлать". Голосъ имѣлъ онъ громкій и какой-то воющій. Любилъ говорить, а еще больше острить. Греча, Свиньина, Полевого, а чаще всего Булгарина не спускалъ съ языка и отъ этого даже терпѣлъ нѣсколько интересъ разговора его, сбивавшагося на однообразіе.

Въ бумагахъ Воейкова остался дневникъ и счеты. Изъ нихъ видны многія добрыя свойства его. У него были на постоянномъ жалованьи нѣсколько вдовъ и сиротъ, и кромѣ того, онъ часто помогалъ бѣднымъ. Каждый мѣсяцъ выходило у него до 100 и болѣе руб. на бѣдныхъ: а эта большая сумма по его достатку. Прибавьте къ этому безпрестанные подарки, которые онъ посылалъ дѣтямъ, знакомымъ, литераторамъ и другимъ, и всякій повѣритъ разсказамъ его домашнихъ, что онъ всегда нуждался, такъ что иногда по году не могъ сдѣлать себѣ новаго платья. Изъ журнала его видно, что онъ любилъ пламенно первую жену свою. Тамъ встрѣчаются отмѣтки: „О радость, о восторгъ, сегодня я получилъ письмо отъ Сашеньки, и самое милое!" На разныхъ книгахъ остались отмѣтки, въ которыхъ онъ не щадилъ и самого себя. Напримѣръ: „Вотъ ужъ начался и 1836 годъ, а хромоногій В. все еще живетъ!" Вторая жена его, скромная женщина, любила уединеніе, и почти ни съ кѣмъ не была знакома, несмотря на то, что онъ часто старался познакомить ее съ другими и бранилъ за одиночество. А иногда шутя говорилъ ей: „Ну, скажи, что ты за человѣкъ, кто тебя любитъ? Вотъ меня любятъ и Жуковскій, и Дубельтъ, и Руссовъ, я тебѣ съ сотню насчитаю друзей моихъ. А тебя кто любитъ? Только и любитъ тебя одинъ, да и тотъ хромой, черный, рябой, старый, мерзкій!"

Первая жена Воейкова уѣхала за границу 21-го августа 1827 г., умерла въ Пизѣ 1828 г.

Въ запискахъ Воейкова нигдѣ не нашелъ я о времени его рожденія. Старикъ и тутъ лукавилъ. Однажды онъ говорилъ: „Скажите, какъ я-было обчелся; я все считалъ себѣ за 60 лѣтъ, а недавно, справившись хорошенько, увѣрился, что мнѣ еще только 57 лѣтъ". Надобно прибавить, что ему тогда было уже 65 лѣтъ (?), самыхъ вѣрныхъ.

Однажды былъ онъ у Греча. Этотъ журналистъ представляетъ ему сотрудника своего, Владиміра Строева. Воейковъ уже былъ предубѣжденъ противъ Строева, какъ члена Гречевой партіи и какъ человѣка, котораго онъ считалъ такимъ же барышникомъ какъ его главный недругъ (?). Къ этому присоединилась низенькая, худо сформированная природой фигура Строева и его бѣдный, оборванный костюмъ. Воейковъ былъ пораженъ этой фигуркой. Какъ бы остолбенѣвъ, отъ нечаянности, сложивъ руки и окидывая его насмѣшливыми глазами, онъ говорилъ про себя, но такъ что всѣмъ слышно было: „Господи, Боже мой, что̀ это такое!" потомъ отошелъ прочь и захохоталъ во все горло.

Между другими, въ жену Воейкова былъ влюбленъ А. И. Тургеневъ, котораго она, впрочемъ, не очень жаловала. Разъ онъ такъ увлекся, что при мужѣ, сверхъ комплиментовъ, которые сыпалъ Алек. Андр., поправилъ ей своею рукой локонъ. Это до того взбѣсило Воейкова, что между нимъ и Тургеневымъ уже назначена была дуэль. Только посредничество Жуковскаго могло успокоить неосторожнаго влюбленнаго и самолюбиваго мужа.

Однажды при мнѣ доложили Воейкову, что слуга отъ кого-то изъ генераловъ принесъ ему письмо. Воейковъ приказалъ позвать слугу въ комнату. Принявъ и прочитавъ письмо, онъ вынулъ изъ столика кошелекъ, высыпалъ серебро и началъ перебирать деньги. Беря то одну, то другую монету и останавливаясь больше на цѣлковыхъ, онъ разстановочно спрашивалъ человѣка: „А что́, баринъ твой нанялъ дачу?... Пишетъ-ли къ нему сестрица его, Анна Сергѣевна?... Сколько заплачено за тотъ прекрасный кабріолетъ, въ которомъ ѣздитъ твой баринъ?..." Я думалъ, что Воейковъ не можетъ рѣшиться, что̀ дать человѣку, цѣлковый, полтинникъ, восьмигривенникъ или гривенникъ; что ему мелкую монету дать стыдно, а большую жалко. Но Воейковъ, кончивъ свои вопросы и еще помолчавъ немного, сказалъ: „Прощай, братецъ,

кланяйся своему барину". Когда слуга ушелъ, Воейковъ собралъ деньги въ кошелекъ, захохоталъ и сказалъ: „Замѣтили-ли вы, какъ у него глаза разгорѣлись? онъ такъ и думалъ, что я дамъ ему цѣлковый!"

Въ этомъ человѣкѣ, кажется, была страсть мучить другихъ.

Книгопродавецъ N. N. изъ прикащиковъ, завелъ свою лавку и быстро началъ распространять дѣла свои. Да,—сказалъ Воейковъ,—этотъ молодой человѣкъ далеко пойдетъ, если его не скоро повѣсятъ!

Н. В. Кукольникъ, у себя на вечерѣ, читалъ новую драму свою Джакобо Санназаръ. Кончивъ чтеніе, онъ самъ просилъ гостей своихъ сказать свое мнѣніе. Всѣ, разумѣется, какъ гости, хвалили. Одинъ Воейковъ молчалъ.

— Что-жъ вы, Александръ Өедоровичъ?—спросилъ его хозяинъ,— не скажете своего мнѣнія?

— Да, еслибы, отвѣчалъ Воейковъ—государь поставилъ здѣсь висѣлицу и сказалъ: вотъ Воейковъ выбирай, или сейчасъ тебя повѣсятъ, или говори свое мнѣніе о драмѣ Кукольника, такъ я бы ничего не сказалъ.

Въ 1837 году В. А. Владиславлевъ, уѣзжая на нѣсколько мѣсяцевъ въ южныя губерніи, отдалъ на это время лошадей своихъ поручику гвардіи Беваду. Надобно замѣтить, что прежде Бевадъ былъ армейскимъ прапорщикомъ, когда Владиславлевъ былъ уже ротмистромъ. Если-бъ Владиславлевъ не уѣхалъ и похлопоталъ, то онъ очень могъ бы быть штабс-капитаномъ гвардіи (маіоромъ); но онъ уѣхалъ и этотъ чинъ выхлопоталъ себѣ Бевадъ, и стало-быть обогналъ его чиномъ. Воейковъ, услышавъ объ этомъ, съ хохотомъ говорилъ:

— Вотъ В. А. оставилъ лошадей своихъ Беваду, а тотъ на его же лошадяхъ, да обогналъ его!

На А. А. Протасовой женился Воейковъ въ 1815 г., въ Москвѣ, когда былъ професоромъ дерптскаго университета, и по этому случаю все семейство Протасовыхъ тогда же переѣхало въ Дерптъ. Объ этомъ семействѣ см., между прочимъ, „Москвитянинъ" 1852 г., № 18, Русская словесность, стр. 113—126.

Въ 1811 году въ Москвѣ литераторы часто собирались и читали другъ другу свои произведенія. Эти вечера бывали по большей части у Өед. Өед. Иванова, сочинителя драмы: „Семейство Старичковыхъ." На этихъ вечерахъ играли иногда въ комерческія игры. Воейковъ,

изстари острякъ и весельчакъ, игралъ иногда съ Мерзляковымъ, не въ деньги, а на столько-то стиховъ; Мерзляковъ по большей части проигрывалъ, и за это повиненъ былъ проигравное число стиховъ перевести изъ Садовъ Делиля, которые онъ, добродушный, и дѣйствительно переводилъ, а Воейковъ бралъ ихъ, какъ свою собственность, и вставлялъ въ свой переводъ Делилевой поэмы. Можетъ быть онъ нѣсколько и передѣлывалъ ихъ, чтобы они приходились къ тону его собственнаго перевода; но дѣло въ томъ, что это дѣйствительно было. См. „Мелочи изъ запаса моей памяти", Мих. Дмитріева („Москвитянинъ" 1854 г., № 12, Русская словесность, стр. 156).

Еще о Воейковѣ и его сочиненіяхъ, см. тѣже Мелочи М. Дмитріева, „Москвитянинъ" 1854 г., № 16, Русская словесность, стр. 174—178, 189 и 193.

О немъ же, см. Дневникъ Жихарева въ „Отеч. Зап." 1856, № 4, словесность, стр. 412.

Въ Москвѣ, въ 1806 г., Воейковъ жилъ въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, и задавалъ славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ (Записки современника, Жихарева, ч. 1, стр. 321).

О Воейковѣ и первой женѣ его (любопытно) см. „Москвитянинъ" 1853 г., № 12, историч. матеріалы, стр. 13—15.

II.

Домъ сумасшедшихъ.

(Напечатано съ подлинника, рукою автора писаннаго).

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1874 г. (т. IX, стр. 586—603) напечатана шутка-сатира А. Ө. Воейкова и напечатана по нѣсколькимъ спискамъ, со множествомъ варьянтовъ, сообщенныхъ П. А. Ефремовымъ. Необходимо однако сказать, что печатая въ 1874 г. это весьма характерное, по отношенію къ литературѣ 1820—1830-хъ гг. произведеніе, мы не имѣли подлинной рукописи автора и не нашли ее даже въ большомъ собраніи бумагъ Воейкова, къ намъ поступившихъ. Нынѣ въ архивѣ покойнаго Ө. В. Булгарина Т. А. Сосновскій нашелъ подлинникъ сатиры: „Домъ сумасшедшихъ", писанный рукою Воейкова, и, съ согласія Б. Ө. и В. Ө. Булгариныхъ, весьма обязательно представляетъ этотъ автографъ на страницахъ „Русской Старины". Печатая его, необходимо указать на особенность подлинника: такъ какъ это подарокъ Воейкова Булгарину, потому все, что въ сатирѣ гово-

ритcя о Ѳадеѣ Венедиктовичѣ, то авторомъ не внесено въ подносный экземпляръ, а о Гречѣ значительно смягчено. Ред.

Други милые, терпѣнья!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ.
Нѣтъ, но мщенью предъидущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

***

Ввечеру, простившись съ вами,
Я въ углу сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ,
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ,
Изъ Амура, по сю пору
Недочитанныхъ стиховъ.

***

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
И въ награду, крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ —
И вступаю въ желтый домъ.

***

Отъ любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,
О, Кавелинъ, долгъ романамъ
И тобою заплаченъ,
Но сказавъ: «прости!» обманамъ,
Ты давно ужъ не влюбленъ.

***

Ахъ! и я ...... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу:
Во второе отдѣленье
Бѣшенныхъ глупцовъ вхожу.
«Берегитесь, здѣсь Наглицкой!»—
Насъ вожатый упредилъ —
«Онъ укуситъ васъ, не близко!» ..
Но Наглицкой завопилъ:

***

«Горе! добрый царь на тронѣ,
Вѣръ терпимость, пытки нѣтъ!

Ахъ, зачѣмъ не при Неронѣ
Я рожденъ на бѣлый свѣтъ?
Благотворный бы представилъ
Инквизиціи проектъ
И плетьми бы сѣчь заставилъ
Философовъ разныхъ сектъ.

***

«Я, какъ дьяволъ, ненавижу
Бога, ближнихъ и царя,
Зло имъ сдѣлать.[1]) сплю и вижу
Въ честь Христова алтаря».
Други! признаюсь, изъ кельи,
Уши я зажавъ, бѣжалъ;
Рядомъ съ ней на новосельи
Злуничъ бѣгло бормоталъ:

***

«Вижу бѣсовъ предо мною,
Какъ Содомъ въ грѣхахъ весь свѣтъ,
А всему Невтонъ виною
И проклятый Архимедъ;
Локкъ—коварный развратитель
Стольких женщинъ и дѣвицъ,
Кантъ—безбожія учитель
И Гутонъ [2])—гроза больницъ!»

***

Слыша рѣчь сію невѣжды,
Сумазброда я жалѣлъ,
И малѣйшія надежды
Къ излеченью не имѣлъ.
Нашъ Пустелинъ недалеко
Тамъ въ чуланѣ засѣдалъ,
И горѣ возведши око
Исповѣдь свою читалъ.

***

«Ахъ, за что лишать свободы
И сажать въ безумный домъ;
Я—подлецъ уже съ природы;
Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ
И Наглицкой вѣчно мною
Какъ тряпицей чорной трётъ,
Какъ кривою кочергою
Загребаетъ или бьетъ»...[3])

***

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ

---

[1]) Прежде было написано: «Погубить ихъ—сплю и вижу». Ред.

[2]) Прежде написано: Морво, но зачеркнуто. Guyton-Morveau—франц. ученый, извѣстный (1737 † 1816 г.) сочиненіемъ объ очищеніи воздуха въ больницахъ.

[3]) Наглицкой—Магницкій; Злуничъ—Руничъ. Ред.

И увидѣлъ надъ дверями
Очень чётко: сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ.
Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣстà по номерамъ.

***

Двери настежъ, надзиратель
Отворя, мнѣ говоритъ:
«Номеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій здѣсь сидитъ.
Букву Э на эшафотѣ
Съ торжествомъ и лики жжётъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поётъ;

***

То ковыки созерцаетъ,
То обнюхивая гниль
Духу розъ предпочитаетъ.
То, сметая съ книжекъ пыль,
И въ восторгѣ восклицая
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ Славянскій! пыль святая!
Слаще ты чѣмъ медъ и сотъ!»

***

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка-Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-планшевыхъ чулкахъ,
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ Грацій здѣшнихъ мѣстъ
И мяуча сладострастно
Размазню безъ масла ѣстъ.

***

Номеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ;
Передъ нимъ духъ Рускій въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга кормчая отверста,
А уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены.

***

«О, Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота

Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота.

***

«Ты-ль Х(востовъ)?»—къ нему вошедши
Вскрикнулъ я: «тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ, не сумасшедшій;
Не съ чего тебѣ сходить!»—
«Въ Боало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина переправилъ!»—
Быстро онъ проговорилъ.

***

И читать мнѣ началъ оду...
Я искусно ускользнулъ
Отъ мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ
Буквъ славянскихъ красоту
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую Ѳиту.

***

И на мебели повсюду
Коронованное Кси,
Старовѣрскихъ книжекъ груду
И въ окладѣ Икъ и Пси.
Томъ въ сафьянъ переплетенный
Тредьяковскаго стиховъ,
Я увидѣлъ изумленный —
И узналъ, что тутъ Шишковъ.

***

Вотъ Сладковскій восклицаетъ:
«Се, се россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ!
И чрезъ Ворсклу при преправѣ
Градовъ на сушѣ творецъ,
Съ драгостью пошелъ ко славѣ,
А поэмѣ сей конецъ!»

***

Вотъ Жуковскій! въ саванъ длинной
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ.
Вѣдьму видѣть воображаетъ
И глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ и отпѣваетъ,
И трезвонитъ и реветъ.

***

Вотъ Кутузовъ! онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина,

Пѣна съ устъ течетъ ручьями,
Кровью грудь обагрена.
И напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

***

Но Станевичъ въ отдѣленьѣ
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьѣ:
«Міръ! потомство! за меня
Злому критику отмстите,
Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
Монументъ соорудите:
Я заслугами великъ!»

***

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка - Батюшковъ виситъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ;
Въ баночку съ водой глядитъ
И поетъ онъ сладкогласно:
«Тихъ, спокоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно—ужасной
Крокодилъ на немъ лежитъ!» —

***

Вотъ нашъ Гречь! — Рукой нескромной
Цѣлыхъ полгода безъ сна
Изъ тетрадищи огромной
Моряка Головнина
Онъ страницы выдираетъ,
И, во всѣхъ дѣлахъ нахалъ,
Въ уголку иглой вшиваетъ
Ихъ въ недѣльный свой журналъ.

***

Вотъ Измайловъ! Авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграмъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «я согласенъ,
Я писатель не для дамъ.
Мой предметъ носы съ прыщами,
Ходимъ съ Музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями,
Міръ квартальныхъ есть мой міръ!»

***

Вотъ въ передней рабъ-писатель,
Каразинъ хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель!
Взглянемъ, что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Возгласъ всѣмъ божкамъ земнымъ,

Гимнъ похвальный атеизму
И акаѳистъ всѣмъ святымъ.

***

Вотъ Грузинцовъ! онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ какъ царь,
Гордъ, въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ Греческой букварь.
«Вѣрно ваши сочиненья?»
Скромный сдѣлалъ я вопросъ.
«Нѣтъ! Софокловы творенья!» —
Отвѣчалъ онъ вздернувъ носъ.

***

Я бѣгомъ безъ дальнихъ зборовъ!
«Вотъ еще!» — сказали мнѣ. —
Я взглянулъ ...... Максимъ Невзоровъ
Углемъ пишетъ на стѣнѣ.
«Еслибъ такъ какъ на Вольтера
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала-бъ горше Вѣра;
Я вреднѣй чѣмъ Дидеротъ!

***

Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать утѣху,
Но смотритель доложилъ:
«Ради вы или не ради,
Но указъ ужъ полученъ,
Вамъ нельзя отсель ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтенъ.

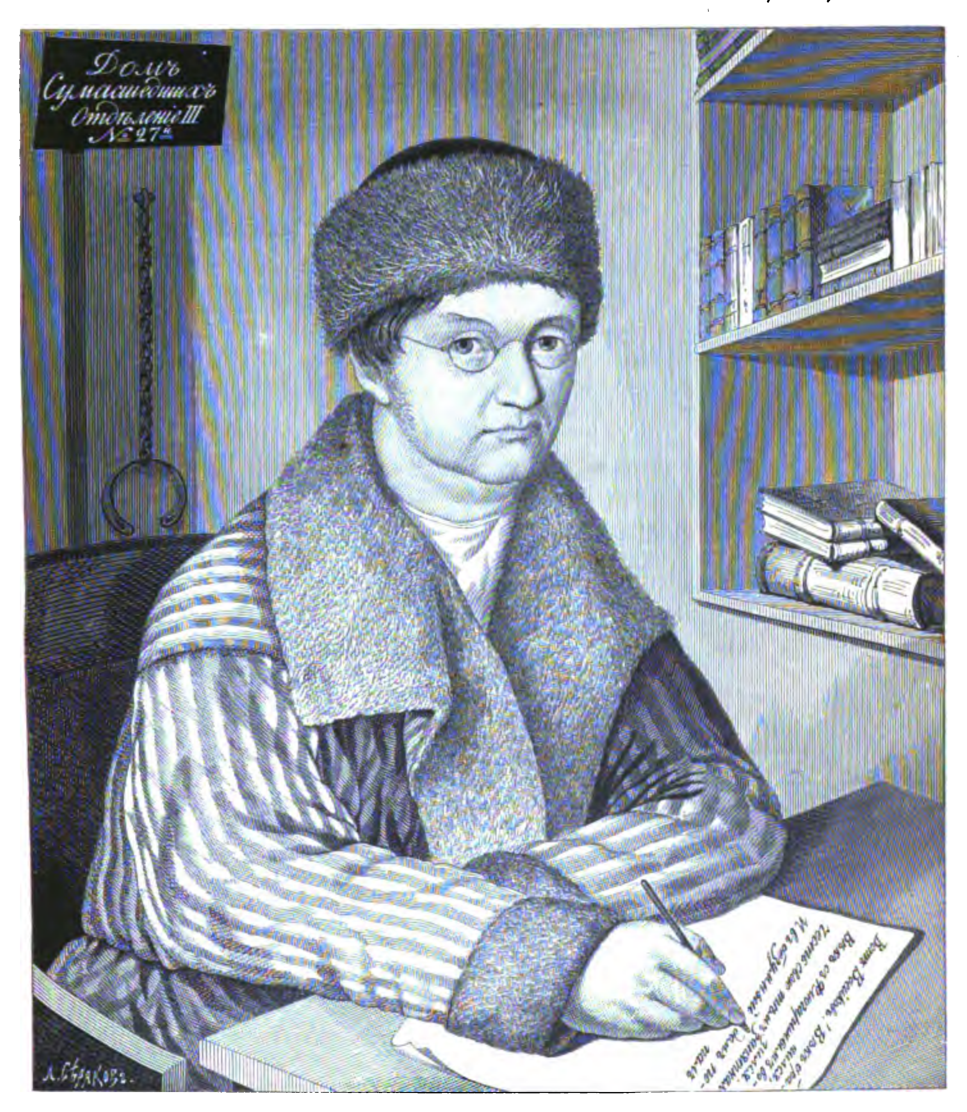
***

«Тотъ Воейковъ, что Делиля
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ Эмиля
И Виргилію грозилъ,
Долженъ быть какъ сумазбродный
Въ цѣпь посаженъ въ желтый домъ;
Темя все обрить сегодни
И тереть почаще льдомъ.»

***

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ
Други, вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать — не жить поэту,
А писать начать боюсь.

А. Воейковъ.



А. Ѳ. ВОЕЙКОВЪ.

1779—1839.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 14 ФЕВРАЛЯ 1875 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

III.

Изображеніе автора сатиры: „Домъ сумасшедшихъ“.

Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ дѣятелей находится рисунокъ, весьма бойко набросанный на большой четверткѣ листа, итальянскимъ карандашомъ, изображающій автора „Дома сумасшедшихъ“ въ томъ отдѣленіи этого заведенія, куда А. Ѳ. Воейковъ самъ себя посадилъ. Рисунокъ, какъ видно изъ подписи, принадлежитъ какому-то „Е. Ж.“ и сдѣланъ, какъ на немъ-же помѣчено, въ 1831 году.

Портретъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ А. Ѳ. Воейкова, очень на него похожъ и, какъ надо полагать, не только сдѣланъ съ натуры, но по собственному желанію и даже для самого автора „Дома сумасшедшихъ“. Извѣстно, что не щадя въ своихъ крайне злыхъ шуткахъ и остротахъ многихъ общественныхъ дѣятелей и своихъ собратій по литературѣ, А. Воейковъ не щадилъ и себя.

Характерный рисунокъ Е. Ж., сообщенный намъ П. А. Ефремовымъ, воспроизведенъ въ прилагаемой гравюрѣ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ; рисунокъ на деревѣ исполнилъ художникъ К. О. Брожъ.

Ред.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

Какъ и когда писался „Панъ Тадеушъ“.

Мицкевичъ, унеся свою Литву съ собою за границу, былъ ею, можно сказать, постоянно боленъ: куда бы ни отправлялся, что бы ни дѣлалъ онъ—образы Литвы вездѣ его преслѣдовали неотступно; какъ поэтъ, онъ стремился ихъ воплотить, написать что-нибудь такое, что было бы насквозь пропитано Литвою и вмѣстѣ стоило бы Литвы: было бы также, по возможности, роскошно и благоуханно, какъ снившіеся ему и недававшіе нигдѣ покою ея лѣса и пажити, какъ Бѣловѣжская пуща, какъ злачные берега Нѣмана.

Очень скоро, послѣ бурныхъ дней революціи 1830—31 г., едва волны польской эмиграціи осѣли на разныхъ удобныхъ для нихъ пунктахъ Европы, отхлынувъ отъ отечества,—сталъ строиться въ душѣ поэта планъ „Сельской поэмы“, въ родѣ Германа и Доротеи,—поэмы, которой дѣйствіе происходитъ въ Литвѣ. Планъ этотъ принялъ болѣе опредѣленныя формы, когда поэтъ очутился въ деревнѣ одного стараго пріятеля, въ княжествѣ Познанскомъ. Тамъ вырвалось у него изъ самаго сердца это несравненное по простотѣ начало:

Litwo, ojczyzno moja, ty jesteś jak zdrowie:
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto cię stracił.... [1])

Описаніемъ „шляхетскаго фольварка на Литвѣ“ заключился первый „познанскій“ отрывокъ.

Затѣмъ, осенью 1832 г., поэтъ перебрался на житье въ Парижъ.

---

[1]) По-русски это вышло такъ:

Отчизна милая, подобна ты здоровью:
Тотъ истинной къ тебѣ исполнится любовью,
Кто потерялъ тебя....

Печатаніе „Дзядовъ“, „Книгъ Скитальчества“ и сочиненій Стефана Гарчинскаго занимало почти все время Мицкевича въ теченіи, нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду. Новой, только что начатой поэмѣ онъ удѣлялъ очень немного минутъ. Поэта окружали тогда слѣдующія лица: Антоній Горецкій, Богданъ Залѣсскій, Игнатій Домейко, Богданъ Янскій, Стефанъ Занъ; потомъ къ нимъ присоединились: Стефанъ Витвицкій и Іосифъ Залѣсскій, братъ Богдана. Все это были люди болѣе или менѣе литературные. Витвицкій писалъ недурные стихи, а Богданъ Залѣсскій былъ даже извѣстный поэтъ. Разговоръ ихъ преимущественно вертѣлся около литературы, но часто зацѣплялись, какъ бы нечаянно, модные, революціонные вопросы тѣхъ дней и порождали праздные споры и толки. Мицкевичъ жалуется на это въ письмахъ къ друзьямъ.

Вскорѣ потомъ этотъ небольшой кружокъ близкихъ и, такъ-сказать, родственныхъ Мицкевичу по ремеслу людей, значительно увеличился наплывомъ всякого народу изъ разныхъ польскихъ и французскихъ политическихъ партій и революціонныхъ комитетовъ, которые творились тогда въ Парижѣ поминутно, смѣняясь одинъ другимъ, одинъ другому подставляя ногу. Скромныя стѣны жилища Мицкевича увидѣли генераловъ: Дембинскаго, Мысь-Мицельскаго, Владислава Замойскаго, музыканта Шопена, скульптора Давида; членовъ Лелевелевскаго комитета: Леонарда Ходзьку, К. Е. Водзинскаго; потомъ людей разныхъ партій: Ворцеля, Шарля Монталамбера, Шеміота, братьевъ Собанскихъ, Реттеля, Цезаря Платера, Вротновскаго, Вейсендорфа, Кольско и множество другихъ, для кого разговоръ о поэзіи, о литературѣ былъ дѣломъ далеко не первостепеннымъ, даже вовсе ненужнымъ. Имъ бы лишь поговорить пошумнѣе и позадорнѣе о Польшѣ, о ея несчастіяхъ, о революціяхъ вообще и о польскихъ въ особенности.

Мицкевичъ никогда не раздѣлялъ революціонныхъ фантазій своихъ соотчичей, не вѣрилъ ни въ силы Польши, чтобъ она могла достойно бороться съ врагами, ни въ покровительство европейскихъ державъ. Въ поэмѣ „Панъ Тадеушъ“ онъ высказываетъ кое-какія свои мысли объ этомъ устами Матвѣя Кролика... Но въ бесѣдахъ съ соотечественниками Мицкевичъ былъ полякомъ, какъ всѣ поляки: шумѣлъ, ораторствовалъ, пускалъ въ ходъ всякіе софизмы... Такъ онъ велъ себя до поры до времени и съ главной массой своихъ гостей, отъ которыхъ несло скорѣе табакомъ и порохомъ, чѣмъ ѳиміамомъ Апполонова храма. Онъ сыпалъ имъ цвѣтистыя фразы, исполненныя блеску и живости, удивлялъ ихъ оригинальностью и новизною оборотовъ. Говорилъ онъ вообще, особенно въ минуты вдохновенія, увле-

кательно. Бывали, впрочемъ, случаи, когда поэтъ остерегалъ черезъчуръ горячихъ и неугомонныхъ, завязывались непріятные для него споры...

Такъ текли дни за днями, а новая поэма не подвигалась, или подвигалась очень медленно. Мицкевичъ самъ говорилъ ближайшимъ друзьямъ, что „все это, эти сходки, занятія и разные хлопоты душатъ его милаго „Тадеуша" въ пеленкахъ".

Судьба сжалилась надъ новорожденнымъ. Французы затѣяли вмѣстѣ съ поляками coup-d'état. Маршалъ Клозель, перемолвясь съ генераломъ Дверницкимъ и другими вліятельными поляками, сталъ въ главѣ національной гвардіи и предмѣстьевъ. Подъ окнами короля гремѣла день и ночь Марсельеза. Дверницкій и многіе другіе поляки высшихъ чиновъ разгуливали по Тюльерійскому саду въ польскихъ мундирахъ, съ саблями у боку. До вспышки было недалеко. Правительство, однако, нашло способы устранить ее, войдя въ соглашеніе со своими, а любезныхъ гостей, кто нарушилъ законы, обязательные для скитальцевъ, принятыхъ подъ чужой кровъ, французская полиція попросила выѣхать. Этого требовала, сверхъ того, и политика: отношенія Франціи къ Россіи и другимъ державамъ. По Царству Польскому бродили воззванія: „Къ русскому народу, къ польскимъ воинамъ, къ евреямъ", подписанное членами Лелевелевскаго комитета. Бродили воззванія того же комитета по Австріи и Пруссіи.[1]) Вездѣ проповѣдовались революціи и революціи — и поляки являлись тутъ первыми зажигателями. Всѣмъ правительствамъ было извѣстно о замыслахъ Заливскаго поднять походъ противъ Россіи, а если онъ удастся, то и противъ другихъ.[2])

Многіе изъ посѣщавшихъ Мицкевича должны были выбраться изъ Парижа. Другіе, оставшіеся кое-какъ, всѣми неправдами, въ его стѣнахъ, казались крайне раздраженными, говорили Богъ-знаетъ что. Дверь поэта затворилась для всѣхъ, кромѣ избраннаго кружка, состоявшаго преимущественно изъ писателей и артистовъ. Имъ позволялось посѣщать пріятеля когда угодно. Они входили и выходили, не обращая вниманія на хозяина, который дѣлалъ свое дѣло: обѣдалъ, писалъ, обдумывалъ что-нибудь — тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостей, въ другомъ углу квартиры. Заброшенный „Тадеушъ" былъ призванъ къ жизни. Работа пошла ходко. „Книги Скитальчества" пріостановились. Изданіе сочиненій Гарчинскаго близилось къ

---

[1]) «Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», Москва. 1873, стр. 14—19.

[2]) Тамъ же, стр. 16—24 и далѣе.

концу. 8-го декабря н. ст. 1832 г. Мицкевичъ пишетъ къ старому своему другу, Одынцу: „Принялся писать сельскую поэму, въ родѣ Германа и Доротеи... и уже накропалъ (ukropiłem) тысячу стиховъ".

Настроеніе поэта и кружка́, который его посѣщалъ, приняло (вслѣдствіе душной атмосферы, окружавшей поляковъ въ Парижѣ) религіозный характеръ. У Мицкевича устроились вечернія собранія для пѣнія молитвъ. Антоній Горецкій, какъ старшій лѣтами, обыкновенно начиналъ пѣть какую-нибудь молитву, а другіе присоединяли потомъ свои голоса. Поэтъ постоянно твердилъ друзьямъ, что „надо бросить пока учрежденіе всякихъ комитетовъ, а стараться всѣми силами передѣлать себя къ лучшему, пробудить въ разбитыхъ и разстроенныхъ сердцахъ уснувшую вѣру, надежду и любовь". Не безъ того, чтобы иногда подобныя бесѣды не принимали мистическаго направленія. Мицкевичъ, всегда склонный къ мистицизму, въ то время былъ уже пропитанъ имъ насквозь и сообщалъ друзьямъ кое-какія, якобы хорошо ему извѣстныя, подробности о жизни того міра, о іерархіи духовъ.

Случилось, что среди такихъ занятій то поэмой, то изданіемъ сочиненій Гарчинскаго, поэтъ продалъ ксендзу Александру Еловицкому, имѣвшему въ Парижѣ свою польскую типографію, переведеннаго имъ незадолго передъ тѣмъ въ Дрезденѣ Байронова „Гяура". Условіе было подписано. Вдругъ рукопись куда-то пропала. Сколько ни искали, не могли найти нигдѣ. Нечего дѣлать: поэтъ сѣлъ снова за работу, за новый переводъ Гяура — и кончилъ его въ мѣсяцъ, припомнивъ конечно, кое-что изъ стараго, но жаловался друзьямъ, что многія хорошія вещи безвозвратно пропали.

Это обстоятельство прервало занятія „Тадеушемъ". Мицкевичъ воротился къ нему только передъ весною 1833 г., и въ короткое время написалъ вторую и третью пѣсни. Въ письмѣ къ Одынцу отъ 20-го апрѣля н. ст. 1833 г., поэтъ говоритъ: „опять воротился къ сельской поэмѣ, которая въ настоящее время составляетъ любимое мое дѣтище. Пишу — и мнѣ кажется, что я въ Литвѣ".

Среди этихъ работъ поэтъ посѣщалъ довольно часто Люксембургскій садъ и тамъ бродилъ по аллеямъ, думая стихами „Тадеуша". Домейко, состоявшій тогда чѣмъ-то въ школѣ французскихъ минеровъ, имѣлъ недалеко отъ Люксембургскаго сада уединенную квартиру, домикъ съ окнами на всѣ четыре стороны, какъ фонарь. Мицкевичъ напросился туда и тамъ писалъ. Но тѣснота помѣщенія и еще кое-какія обстоятельства видимо его стѣсняли... Поэтому Стефанъ Занъ пріискалъ пріятелю другую квартиру, на улицѣ св. Николая Антенскаго (St. Nicolas d'Antin), двѣ или три довольно обширныя комнаты

Тутъ Мицкевичъ весь отдался „Тадеушу". Писалъ по сто и полтора-ста стиховъ въ день, которые немедля прочитывалъ друзьямъ: Богдану Залѣсскому, Витвицкому и другимъ ближайшимъ. 23-го мая н. ст. поэтъ пишетъ къ Одынцу: „работаю довольно. Кроплю (kropię) мою поэму, которой четвертую пѣснь сегодня докончу. Живу въ Литвѣ, въ ея лѣсахъ, корчмахъ, со шляхтой, съ жидами и проч. Рѣдко куда выхожу. Когда бы не эта поэма, бѣжалъ бы изъ Парижа".

Въ самомъ дѣлѣ, тогдашній Парижъ, съ его безчисленными политическими кружка́ми, съ вѣчными приготовленіями къ революціямъ, съ кучками поляковъ, которые ходили какъ убитые, бросая изподлобья недовольные, свирѣпые взгляды, производилъ на спокойнаго, мирнаго гражданина, полнаго съ утра до ночи стихами, навѣянными совсѣмъ не Парижемъ и не Франціей, непріятное, потрясающее впечатлѣніе. Изъ Польши между тѣмъ приходили самыя печальныя вѣсти о неудачномъ исходѣ экспедиціи Заливскаго, о погибели, и притомъ совершенно безсмысленной, нѣсколькихъ десятковъ людей съ большими дарованіями и энергіей, которая могла бы быть употреблена иначе, съ бо̀льшимъ толкомъ и пользой для родины. Поляки Парижа, члены всякихъ комитетовъ служили панихиды.[1]) А на лицахъ французовъ читалось бо̀льшею частію полнѣйшее равнодушіе къ дѣлу поляковъ, если только не презрѣніе. Тутъ, можетъ быть, или немного позже, при подобныхъ обстоятельствахъ и настроеніи, вырвались у Мицкевича слѣдующіе стихи, въ видѣ вступленія къ „Тадеушу":

«O czym tu dumać na paryskim bruku,
Przynosząc z miasta uszy pełne stuku,
Przekleństw i kłamstwa, niewczesnych zamiarów,
Zapóźnych żalów, potępieńczych swarów?...
Biada nam, zbiegi, żeśmy w czas morowy
Lękliwe nieśli za granicę głowy!...»

Такое состояніе духа и усиленныя занятія прозой жизни и разрѣшеніе трудныхъ задачъ, задаваемыхъ все болѣе и болѣе поэмой, истощили силы поэта. Онъ сталъ видимо увядать; страшно похудѣлъ; друзья поглядывали на него съ опасеніемъ, но... мѣшать его поэтическимъ работамъ у нихъ не хватало духу. Всѣ они съ гордостью думали тогда, что въ домикѣ, гдѣ жилъ Мицкевичъ, на улицѣ St. Nicolas d'Antin, творилась первая поэма славянскаго міра, а можетъ быть... и всего свѣта, которая,— кто знаетъ,— оставитъ, пожалуй, за собою все, что̀ дотолѣ написано Гомерами разныхъ націй! Какъ же тутъ можно мѣшать писанію? Чья бы польская рука поднялась на это?...

[1]) См. вышеприведенное сочиненіе «О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 38—39.

Судьба прервала занятія поэта: изъ Дрездена пришло извѣстіе, что жившій тамъ другъ Мицкевича, Гарчинскій, тотъ самый, котораго сочиненія издавались въ Парижѣ осенью 1832 г., опасно занемогъ и выѣхалъ для поправленія здоровья въ Швейцарію. Мицкевичъ бросилъ все и на другой же день, по полученіи печальнаго письма, полетѣлъ на соединеніе съ Гарчинскимъ. Они переѣзжали вдвоемъ изъ города въ городъ. Гарчинскій гасъ съ каждымъ днемъ и въ Авиньонѣ умеръ. Поэтъ воротился въ Парижъ, на туже квартиру, и принялся вновь за „Тадеуша"— около ноября 1833 г. „Стихи, лились,—по выраженію Богдана Залѣсскаго,—какъ растопленный металлъ —и по манію чародѣя выливалось мгновенно что̀ было нужно: монументъ, колоколъ, пушка". Въ письмѣ отъ 13-го октября н. ст. 1833 г. Мицкевичъ увѣдомляетъ Одынца: „принялся за работу; пишу и пишу; пять пѣсенъ „Тадеуша" окончилъ, остается еще три".

Наступила зима. Друзья собирались у поэта довольно часто, толковали о томъ, о семъ, выслушивали написанное, пѣли польскія, малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни. Иногда поэтъ разсказывалъ похожденія юныхъ дней, въ Новогрудкѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и этимъ заохачивалъ другихъ къ подобнымъ же изліяніямъ сердца. Просилъ, между прочимъ, сообщать все, что̀ имъ извѣстно о жизни литовской шляхты, о тамошнихъ охотахъ, о чемъ придется, чтобы взять изъ этого,— что́ можно,—въ „Тадеуша". Витвицкій разсказалъ кое-что о маточникахъ или крепяхъ Бѣловѣжской пущи, даже сообщилъ написанные имъ объ этомъ нѣсколько десятковъ стиховъ. Мицкевичъ взялъ нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ и вставилъ въ свои „лѣса". Кромѣ этого, по увѣренію Богдана Залѣсскаго, во всей поэмѣ нѣтъ ничего чужого, хоть и говорили, и писали, что Мицкевичъ, „съ царственнымъ равнодушіемъ" позволялъ друзьямъ мѣшаться въ свое дѣло, по крайней мѣрѣ въ „Тадеушѣ". Богданъ Залѣсскій говоритъ, что „другъ ихъ, несмотря на мягкость своего характера, зналъ очень хорошо, что онъ—царь, Наполеонъ польскихъ поэтовъ, какъ его иные называли,—зналъ, что есть разница между его стихомъ и мазаньемъ другихъ—и никогда не допустилъ бы рѣзкаго посторонняго вмѣшательства въ его работу".

„Тадеушъ" подвигался къ концу.

Въ половинѣ февраля 1834 г. друзья, собравшись у поэта какъто вечеромъ, замѣтили, что онъ особенно шибко выплясываетъ перомъ по бумагѣ въ своемъ кабинетѣ, когда они, всей кучей, сидѣли въ гостиной. Спустя нѣкоторое время, поэтъ вышелъ къ нимъ: „zobliczem nabrzmiałym, promiennem" [1]) какъ Войскій, протрубивъ въ рогъ

[1]) «Съ лицомъ раскраснѣвшимся, пылающимъ». (IV-я пѣсня). Н. В.

на всю Литву, и сказалъ: „Chwała Bogu, oto w séj chwili podpisałem pod „Panem Tadeuszem“ wielkie finis!“ [1]) Всѣ повторили за нимъ: „слава Богу!“ и воскликнули: „виватъ!“ поздравляли поэта и обнимали.

На другой день всѣ отправились въ церковь св. Людовика Антенскаго (St. Louis d'Antin), отслушали тамъ обѣдню и просили затѣмъ поэта пойти съ ними отобѣдать въ Палерояль. Обѣдъ былъ довольно скромный, но тостовъ провозглашалось множество, разумѣется, преимущественно въ честь Адама и его новорожденнаго инфанта. На другой день былъ опять небольшой кутежъ. Послѣ этого Адамъ пригласилъ друзей ходить къ нему по вечерамъ, говоря, что „предстоятъ еще имянины и крестины Тадеуша“. Онъ разумѣлъ подъ этимъ передѣлку нѣкоторыхъ настоящихъ собственныхъ именъ поэмы на фантастическія, или неловко-придуманныхъ на лучшія. Друзья не заставили себя долго ждать. Поэту представлена была куча разныхъ вымышленныхъ именъ и фамилій и онъ взялъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ особенности прислужился этимъ Домейко, литвинъ того повѣта, который изображался въ поэмѣ. Онъ сообщилъ, кромѣ того, множество анекдотовъ и разсказовъ изъ былого Литвы. Всѣмъ этимъ Мицкевичъ воспользовался по-своему. Потомъ „Наполеонъ польскихъ поэтовъ“ пожелалъ, чтобы ему указали всѣ замѣченныя кѣмъ-либо въ поэмѣ недостатки, какъ со стороны содержанія, такъ и внѣшней формы. Друзья сообщили ему свои замѣчанія въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ, кто чтó могъ. Поэтъ выслушивалъ все это съ перомъ въ рукѣ — и тутъ же производилъ перемѣны и казни. Болѣе всего досталось Телименѣ, на которую накидывался преимущественно Витвицкій. Многія сцены объ ней были выброшены. Кое-что Мицкевичъ даже замазалъ пальцомъ, окунувъ его въ чернила. Уничтожена, между прочимъ, „исторія съ ключикомъ, сообщеннымъ Тадеушу въ храмѣ Мечты“.[2]) Пробѣлъ этотъ чувствуется. Когда друзья просили дать имъ списать уничтоженное, поэтъ никогда не соглашался, говоря, что „вырванный изъ пшеницы куколь долженъ быть въ самомъ дѣлѣ вырванъ и заброшенъ“. Кто-то замѣтилъ ему, что въ спорахъ и ссорахъ шляхты есть многое, чтó нужно бы выбросить или измѣнить, Мицкевичъ подчеркнулъ указанныя ему мѣста, но не вымаралъ ихъ. „Я понимаю, чего ты хочешь, — сказалъ онъ сообщившему эти замѣчанія: — слышу вашъ голосъ съ высей Таранны,[3]) но не только тутъ: вездѣ надо бы поднять поэму на полтона выше, да этого скоро

[1]) «Слава Богу, сейчасъ подписалъ подъ «Паномъ Тадеушемъ» великій finis».

[2]) Конецъ III-й пѣсни.

[3]) Taranne et Vaubane — тогдашнія политическія «горы» польской эмиграціи. Н. В.

не сдѣлаешь. Дверь хлопнула. Поправлюсь можетъ быть послѣ, въ другой повѣсти,—въ сынѣ Тадеуша; не то, всего скорѣе, въ продолженіи „Дзядовъ".

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о выходѣ „Пана Тадеуша" въ свѣтъ.

Когда еще поэма писалась, львовскій книгопродавецъ, Милковскій, просилъ убѣдительно Мицкевича уступить ему право печатанія ея за двѣ тысячи франковъ. Ксендзъ Александръ Еловицкій, узнавъ объ этомъ, предложилъ Мицкевичу четыре тысячи франковъ — и печатаніе началось. Мицкевичъ самъ держалъ коректуру. Въ апрѣлѣ 1834 г. былъ отпечатанъ I-й томъ; въ концѣ іюня, или въ самомъ началѣ іюля по н. ст. вышелъ изъ типографіи послѣдній листъ „Тадеуша".

Это изданіе Богданъ Залѣсскій считаетъ наиболѣе точнымъ, долженствующимъ служить за образецъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій поэмы.

Наиболѣе вѣрная, честная и рѣшительная оцѣнка „Тадеуша" сдѣлана самимъ поэтомъ, въ письмѣ къ Одынцу въ февралѣ 1834 г.: „вчера кончилъ; вышло огромныхъ двѣнадцать пѣсенъ. Много посредственнаго, но есть и хорошія вещи. Лучшее — картины, писанныя съ натуры."

Н. В. Бергъ.

Варшава.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разсказы Очевидца.

1861 — 1864.

V. [1]

Велепольскій и Польша въ іюнѣ 1862 г.

Польша въ іюнѣ 1862 года напоминала собою хаосъ, поверхъ котораго „носился не духъ Божій, какъ надъ первобытнымъ хаосомъ, а духъ тьмы, раздора, отрицанія и крамолы."

Несмотря на это, великія слова: „да будетъ свѣтъ", были произнесены, и въ Царство Польское, гдѣ, казалось, мятежъ угнѣздился на вѣчныя времена, назначенъ былъ примирителемъ „двухъ враждебныхъ другъ другу, въ теченіе вѣковъ, славянскихъ народовъ," Августѣйшій Братъ Государя Императора.

Тяжкая обязанность выпала на долю Августѣйшаго Намѣстника. Наичистѣйшія примирительныя намѣренія и дѣйствія, всевозможныя льготы и преимущества, дарованныя странѣ, не могли быть еще усвоены потому что край утратилъ свою самостоятельность и находился цѣликомъ во власти красныхъ революціонеровъ, такъ что населеніе было, какъ бы, одержимо нечистымъ духомъ самыхъ ярыхъ, разрушительныхъ стремленій. [2])

Франція, пріютившая и воспитавшая этихъ „новыхъ людей", горько поплатилась за то прошлыми революціями и настоящимъ уни-

---

[1]) См. первые четыре разсказа въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 115—150; 339—356; 699—721; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 124—145.

[2]) Авторъ разсказовъ здѣсь ошибается во времени: сколько намъ извѣстно изъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ—до ноября 1862 г. «красные» далеко не имѣли той силы въ Царствѣ Польскомъ, какую приписываетъ имъ Очевидецъ. До ноября 1862 г. Hôtel Lambert—еще держался, то есть партія бѣлыхъ, партія Чарторижскаго имѣла силу и значеніе въ странѣ. Ред.

женіемъ; она думала погубить Россію, наславъ на нее кровавыя орды и пала сама; Россіи же пришлось выдержать самый отчаянный напоръ революціонеровъ, поддерживаемыхъ, болѣе или менѣе, почти всѣми государствами Европы. Отечество наше съ честью приняло борьбу, употребивъ всѣ средства для умиротворенія Польши, а потомъ дописало исторію Польши, сдѣлавъ ее на вѣки нераздѣльною частію русской имперіи.

Велепольскій думалъ самъ и увѣрилъ всѣхъ въ Петербургѣ, что поляки существуютъ какъ народъ.[1]) Онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что съ 1831 года, люди, называвшіе себя за границею поляками, давно отрѣшились отъ отечества, его исторіи, обычаевъ и преданій; они назвали себя особымъ новымъ народомъ, который долженъ бороться со всѣми, пока совершенная свобода водворится на цѣломъ свѣтѣ [2]). Неизмѣримая пропасть раздѣляла тогдашнее прошедшее отъ настоящаго.

Всѣ взбунтовавшіеся въ 1830 году подпрапорщики войскъ польскихъ, студенты и нѣсколько буйныхъ патріотовъ, были только подражателями Французовъ, произведшихъ, за четыре передъ тѣмъ мѣсяца, почти мирный переворотъ въ Парижѣ, кончившійся изгнаніемъ старшей Бурбонской линіи. Войска польскія, 17-го (29) ноября 1830 года, дѣйствовали почти также какъ войска французскія въ іюлѣ того же года. Главнокомандующій французскою арміею въ Парижѣ—Мармонъ отнюдь не былъ выше Хлопицкаго; а главный агитаторъ въ Варшавѣ, вліятельнѣйшій членъ клуба и тогдашній „терористъ, Робеспьеръ польскій" Мохнацкій—показался бы больнымъ цыпленкомъ передъ революціонными дѣятелями послѣдней смуты.

Въ нашихъ разсказахъ, и вообще въ повѣствованіяхъ о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, постоянно повторялось слово „красные", для того, чтобы ими обозначить враговъ общественнаго порядка и

---

[1]) Если поляки-эмигранты, поляки отрѣшившіеся отъ родины и не постигавшіе ея дѣйствительныхъ интересовъ, являлись сбродомъ бродягъ и не могли существовать какъ народъ, то сплошное, одаренное многими, присущими вообще славянскому племени, хорошими качествами, населеніе Привислянскаго края всегда составляло и будетъ составлять народъ, имѣющій свои особенности и права. Велепольскому не для чего было кого-либо увѣрять въ существованіи поляковъ какъ народа, это и безъ него хорошо знали, и какъ представители власти въ Россіи, такъ вообще представители образованнаго общества, вполнѣ искренно желали въ 1862 г. уважить неотъемлемыя права родной для Россіи національности. Эти добрыя желанія погашены лишь русскою кровью, вѣроломно пролитою обезумѣвшими польскими революціонерами. **Ред.**

[2]) Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. (Возстаніе польскаго народа въ 1830 и 1831 годахъ) Мохнацкаго, т. III, стр. 176—181. О Велепольскомъ говорится на стр. 177. **Авт.**

руководителей мятежа; такъ понимали ихъ люди правительственные и маркизъ Велепольскій. Между тѣмъ „красные" въ дѣйствительности были въ Царствѣ Польскомъ авангардомъ комунистовъ и интернаціональной партіи, не принадлежавшихъ никакой землѣ. Поляки, явившіеся, вслѣдствіе амнистіи, изъ за границы въ Царство Польское и хозяйничавшіе въ немъ при князѣ Горчаковѣ, Сухозанетѣ, отчасти при Ламбертѣ и въ промежутокъ между намѣстничествомъ графа Лидерса и Великаго Князя Константина Николаевича, не были Поляками; они смотрѣли на Польшу, какъ на землю, гдѣ всего скорѣе, пользуясь общественнымъ настроеніемъ и безсиліемъ представителей власти, они могли достигнуть цѣли; у нихъ, повторяемъ, не было прошедшаго; ихъ нравственныя и политическія убѣжденія могли высказаться такимъ образомъ:

«Побѣда и жизнь! Признаю одно только это право и предъ нимъ склоняю голову. Правомъ этимъ міръ возлетитъ въ высшія сферы, и говоритъ теперь моими устами: люди ветхіе, источенные червями, полные яствъ и напитковъ, дайте мѣсто молодымъ, голоднымъ и сильнымъ». [1])

Далѣе, тотъ же Панкратій, олицетвореніе крайняго демократизма, говоритъ представителю конституціонной аристократіи графу Генриху:

«Народъ мой еще не развился, недоросъ до того, чтобы сдѣлаться великомъ; но, до тѣхъ поръ, онъ глотаетъ хлѣбъ и достатокъ, а придетъ время, придетъ часъ, когда онъ пойметъ себя и скажетъ себѣ: «я существую» (jestem) и не будетъ на свѣтѣ другаго голоса, который бы могъ произнести: «я существую»... «Изъ поколѣнія, которое я воспитываю, выйдетъ, силою моей воли, послѣднее людское поколѣніе—высшее, разумнѣйшее. Земля еще никогда не видала такихъ людей. Это будутъ люди вольные, владыки всей земли отъ полюса до полюса. Вся земля сдѣлается цвѣтущимъ городомъ—однимъ счастливымъ домомъ, одною мастерскою богатствъ и промысла... Тамъ почиваетъ Богъ, для Котораго не будетъ уже смерти; Богъ, найденный въ небѣ собственными дѣтьми, которыхъ онъ когда-то разсѣялъ по землѣ, а они теперь познали истину и пришли къ ней. Богъ человѣчества сказался имъ».

Для того, чтобы достигнуть такихъ убѣжденій, нужно было пережить пятнадцать междоусобій и возстаній, какія пережила Польша съ 1794 по 1831 годъ, ничему ненаучась и ничего не вынесши изъ этихъ кровавыхъ опытовъ своего прошедшаго, пока наконецъ, покинувшіе родину, дѣти этой несчастной страны, нигдѣ нетерпѣвшіе надъ собою никакой власти, пришли къ убѣжденію, что они особый народъ въ мірѣ, имѣющій высшее призваніе. [2])

Замѣчателенъ рядъ цифръ, повторяющихся въ циклѣ возстаній Польши, въ послѣднія сто двадцать лѣтъ. Онъ наводитъ на многія думы:

---

[1]) Монологъ Панкратія въ «Небожественной комедіи» Красинскаго.

[2]) Леонардъ Ходько. Les massacres de Galicie et Krakowie confisquée par l'Autriche en 1846; стр. 29-31. Парижъ, 1861 г.

Съ 1768 по 1772 годъ была Барская конфедерація, во время которой поляки, подъ предводительствомъ Пулавскихъ, Красинскихъ и Потоцкихъ боролись противъ Россіи.

Въ 1794 году произошла Варшавская заутреня: Русскіе были измѣнически вырѣзаны; явился Костюшко. Польша пала, послѣ Пражскаго штурма.

Въ 1830—1831 годахъ произошелъ мятежъ Царства Польскаго и штурмъ Варшавы.

Въ 1861—1864—новыя смуты и манифестаціи, окончившіяся открытымъ возстаніемъ.

Около тридцати лѣтъ раздѣляютъ, между собою, каждое изъ этихъ печальныхъ событій, свидѣтельствуя, что дорастающее до зрѣлости поколѣніе безуспѣшно пытается возстановить Польшу и умножаетъ число выходцевъ—новыми, хотя прежніе жили только мечтами, не имѣя ничего существеннаго, и смотрѣли на Польшу, какъ на обѣтованную землю, въ которой можно было жить безъ труда; самая Польша, въ ихъ мечтаніяхъ была раздвинута, исключительно на счетъ Россіи, до Двины и Днѣпра, и въ предѣлы ея включены области, пріобрѣтенныя цѣною русской крови и заселенныя чисто русскими людьми.

Но какое дѣло до исторіи „людямъ будущаго"; они хотѣли разрушить общественное зданіе, воздвигавшееся вѣками и начать, изъ его развалинъ, строить новое общество по своему кровавому идеалу.

Надобны были—какой-нибудь актъ и вѣрованіе, чтобы соединить эти разбросанныя по цѣлому свѣту толпы—сначала мечтателей, потомъ фанатиковъ—въ одно; указать имъ общую цѣль и увѣрить въ будущемъ призваніи Поляковъ—апостоловъ обновленія, во чтобы ни стало, всего рода человѣческаго.

За это взялись поэты, издавна работавшіе на политическомъ поприщѣ. Бродзинскому и Мицкевичу удалось ввести, между польскими изгнанниками, родъ новой религіи, вѣрованіемъ которой была Польша, убитая и погребенная, какъ жертва за свободу народовъ, съ тѣмъ, чтобы воскреснуть въ полной силѣ и славѣ, среди обновленныхъ новою жизнію свободныхъ народовъ земли.

Мицкевичъ заговорилъ о мессіанизмѣ и написалъ книги пилигримства польскаго народа (Księgi narodu polskiego, 1833 г.), а также молитву и литанію для повстанцевъ, подражая размѣру, слогу и изложенію книгъ священнаго писанія.[2])

[1]) Находятся въ VI томѣ новаго полнаго изданія сочиненій Мицкевича. Парижъ и Лейпцигъ, стр. 237 — 337. См. отзывъ Винцентія Поля о «книгахъ пилигримства» въ приложеніи къ этой статьѣ. Авт.

После этого, мечтанія польской эмиграціи обратились въ желаніе испытать свои силы надъ обветшалою Европою, прибѣгая для того ко всѣмъ средствамъ, потому что самая измѣна считалась героизмомъ и добродѣтелью.

При этомъ извращеніи идей, понятны позднѣйшіе польскіе катихизисы, присяги на убійство того или другаго лица, съ призываніемъ помощи Бога и святыхъ; колѣнопреклоненныя горячія моленія въ храмѣ передъ совершеніемъ посягательства на убійство; распинаніе плѣнныхъ; жандармы-вѣшатели, однимъ словомъ всѣ ужасы, которые пришлось видѣть во время послѣдней польской смуты.

Польша записала въ своей исторіи за послѣднія 160 лѣтъ одиннадцать эмиграцій [1]) именно: въ 1709, 1764, 1772, 1792, 1795, 1831, 1834, 1846, 1851, 1864 и 1865 гг. Эмиграціи 1832 — 1846 гг., какъ мы прежде сказали, увлекли людей въ цвѣтѣ молодости, полнотѣ силъ и здоровья; мало однакожъ способныхъ къ труду и скучавшихъ бездѣйствіемъ. Полякъ всегда любилъ больше кубокъ и саблю, а за трудъ брался только по неволѣ, и вотъ почему не было на свѣтѣ какого-либо безпорядка или замѣшательства, гдѣ бы онъ ни являлся, подъ предлогомъ защитника угнетенной свободы. [2])

1831 годъ существенно измѣнилъ положеніе польскаго народа въ краѣ и эмиграціи, и произвелъ переворотъ въ польской литературѣ, давъ ей тенденціозно-отрицательный характеръ. Польская литература перестала быть выраженіемъ свободнаго духа, проникнутаго идеей изящнаго, у ней явилась задняя мысль; это не была мысль объ отечествѣ, одушевлявшая польскихъ легіонеровъ съ 1797 по 1815 годъ,

---

[1]) Леонардъ Ходзько: Les massacres de Galicie ect, стр. 31. Сочиненіе это сообщаетъ много данныхъ для новѣйшей исторіи Польши. Авт.

[2]) Мицкевичъ въ статьѣ: «Niezgody emigracij» (Неудачи эмиграціи, т. VI стр. 206) разсказываетъ слѣдующее: «Въ одномъ изъ французскихъ городковъ намъ удалось слышать слѣдующій разговоръ: «Откуда товарищъ»? спрашивалъ Мазовшанинъ Жмудяка. Изъ Америки, отвѣчаетъ Тельшанинъ, хотѣлось взглянуть на эту землю; но Американцы торгуютъ, недумаютъ о войнѣ за вольность народовъ, и вотъ я вернулся въ Европу; можетъ быть достану нѣсколько талеровъ, пару пистолетовъ и пойду на родину—биться съ Москалемъ. «А товарищъ куда идетъ»?—«Былъ у Донъ-Педро», отвѣчалъ другой, «но его дѣло нестоитъ фунта пороху; бьются за то—кто будетъ царствовать: Донъ-Педро или Донъ-Мигуэль; а намъ какое до этого дѣло. «Я, сказалъ третій, возвращаюсь изъ Брюсселя; я думалъ, что Леопольдъ начнетъ настоящую войну и хотѣлъ согласиться съ полковникомъ N, чтобы помогать Бельгійцамъ, но увидѣлъ, что Леопольдъ только труба, на которой играетъ Людовикъ-Филиппъ; чего-жъ тамъ, послѣ этого, ждать путнаго.»—»Можетъ, отозвался четвертый, было бы хорошо поговорить съ Мехметомъ; но лучше всего удалось тѣмъ, которые бьются съ Москалемъ и достаютъ на родной землѣ побѣду или смерть!» Авт.

въ рядахъ французовъ — нѣтъ, это была мысль о будущемъ призваніи польскаго народа въ дѣлѣ всемірной комунистической революціи.

Со всѣхъ сторонъ свѣта слышались одинаковые поэтическіе отголоски: Францiя, Алжиръ, Англія, Швейцарія, Австрія, Пруссія, Америка,—а въ Россіи: Царство Польское, Литва, Подолія, Украйна, Сибирь, Оренбургъ и Кавказъ оглашались выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей, убѣжденій и желаній, высказываемыхъ болѣе или менѣе ясно, но не вполнѣ понятныхъ разсѣянному по всей землѣ народу, который съ жадностію ловилъ эти звуки, старался угадать ихъ сокровенный смыслъ и тѣшилъ себя несбыточными мечтами. Чѣмъ менѣе было простора своеволію въ давней Польшѣ, тѣмъ сильнѣе духъ его распространялся по окраинамъ.

Между выходцами явилась цѣлая плеяда польскихъ, литовскихъ и украинскихъ поэтовъ; съ начала 1831 года они сгруппировались около Мицкевича, въ Дрезденѣ — тамъ былъ Одынецъ, Гарчинскій и съ ними извѣстный путешественникъ и геологъ Домейко. Всѣ собирались у патріотки Гофманъ, рожденной Таньской и у Клодины Потоцкой, рожденной Дзялынской. Тамъ, въ кругу литераторовъ и людей избраннаго общества, Мицкевичъ читалъ только что оконченную имъ четвертую часть „Праотцевъ" (Dziady) и „Пана Тадеуша"; здѣсь же слушались вдохновенные мистическіе стихи Словацкаго и Красинскаго; сюда же, и позднѣе, въ Парижъ, куда переѣхалъ Мицкевичъ, долетали поэтическія импровизаціи Карла Бѣлинскаго—изъ Сибири, Густава Зелинскаго—съ Кавказа, Железовскаго (Антоній Сова)—изъ Оренбурга, Северина Гощинскаго, Матушевскаго, Войцицкаго, Гославскаго, Мирославскаго (написавшаго рядъ поэмъ: „Шуя", „Желѣзная Марина", „Пугачевъ" и „Гроховская битва"), Якуба Ясинскаго, Ципріяна Годебскаго, Раймунда Суходольскаго, Корженевскаго, Сырокомли (Кондратовича), Крашевскаго и Лущевской (Деотимы).

Всѣ эти поэмы и вся тогдашняя заграничная польская литература черпали свои вдохновенія въ ненависти къ Россіи и современному порядку дѣлъ въ Европѣ, мѣшавшему людямъ, сочувствующимъ Польшѣ, стать открыто на ея сторонѣ и поголовно ополчиться противу притѣснителя.

Русское общество было совершенно чуждо этому движенію и не могло заблаговременно принять противу него своихъ мѣръ; скажемъ болѣе, благодаря строгости цензуры, всѣ сочиненія враждебныя Россіи и защищавшія поляковъ, были у насъ запрещены и русское чи-

тающее населеніе совершенно не знало о существованіи своихъ новыхъ, опаснѣйшихъ и весьма талантливыхъ, враговъ. [1])

Это была „медвѣжья услуга" послѣдователей столь печально-извѣстнаго цензора Александра Ивановича Красовскаго. [2])

Новымъ людямъ нужна была и новая религія; за этимъ дѣло также не-стало: при религіозномъ индиферентизмѣ можно было сочинять какія угодно молитвы и литаніи, не боясь нисколько церковнаго проклятія; напротивъ, самые ксендзы охотно дѣлались ревнителями „дѣла отчизны" и наконецъ дошли до того, что въ храмахъ, во время божественной службы, допускали пѣніе революціонныхъ гимновъ.

Графъ Муравьевъ, а теперь князь Бисмаркъ показали, какъ нужно дѣйствовать съ католическимъ духовенствомъ, чтобы возвратить его на путь религіи и истины.

Привожу здѣсь молитву „пилигримовъ" для того, чтобы судить о польскихъ фанатикахъ и ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ:

Молитва пилигрима.

„Господи Боже Всемогущій. Дѣти воинствующаго народа простираютъ къ Тебѣ, съ разныхъ концевъ свѣта, свои безоружныя руки. Взываютъ къ Тебѣ изъ рудниковъ Сибирскихъ, снѣговъ камчатскихъ. степей Алжиріи и чужеземной Франціи. А въ отчизнѣ нашей, вѣрной Тебѣ Польшѣ, нельзя имъ взывать къ Тебѣ; наши старики, женщины. дѣти — молятся Тебѣ тайно — мыслію и слезами — Боже Ягеллоновъ. Боже Собіесскихъ, Боже Косцюшекъ — сжалься надъ нашею отчизною и надъ нами... Позволь намъ снова молиться Тебѣ, по обычаю предковъ, на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, передъ алтаремъ изъ пушекъ и барабановъ, подъ балдахиномъ изъ орловъ и знаменъ нашихъ. Позволь родинѣ нашей молиться въ костелахъ нашихъ городовъ и деревень; а дѣтямъ—на могилахъ нашихъ. Но пусть будетъ во всемъ не наша, а Твоя воля. Аминь. [3])

Пилигримская литанія (см. приложеніе)—верхъ безумія; только читая ее можно понять, до какой степени воспитатели польскихъ „красныхъ" злоупотребляли тѣмъ, что есть чистѣйшаго и священнѣйшаго въ каждой религіи — молитвою къ Богу. [4])

Посягательства ихъ на евангеліе были еще смѣлѣе: Мицкевичъ. въ XXIV главахъ „книгъ польскаго народа", [5]) разсказалъ всеобщую

---

[1]) Моллеръ: Situation de la Pologne ect., стр. 236.

[2]) См. его біографію въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. X, стр. 106—126.

[3]) Сочиненія Мицкевича, т. VI, стр. 332. Литанія помѣщена въ приложеніи.

[4]) Приложеніе I. **Авт.**

[5]) Томъ VI полнаго собранія сочиненій Мицкевича, страницы 237—331.

исторію отъ начала свѣта до паденія Польши, подражая преимущественно евангелисту Іоанну Богослову; такъ напримѣръ, онъ начинаетъ свои книги слѣдующими словами:

„Въ началѣ была вѣра въ одного Бога, и была вольность на свѣтѣ, и не было законовъ — только вѣра въ Бога, и не было господъ и невольниковъ, а только патріархи и дѣти ихъ.

„Но потомъ люди отказались отъ единаго Бога, поставили себѣ идоловъ, покланялись имъ, приносили въ честь ихъ кровавыя жертвы и воевали за честь своихъ идоловъ".

„За то Богъ послалъ на идолопоклонниковъ наистрашнѣйшую кару — неволю".

И такъ далѣе; въ подобномъ же родѣ разсказана исторія римская, исторія христіанства, рыцарства и новѣйшихъ временъ; въ повѣствованіи этомъ странно перемѣшаны: имя Божественнаго Искупителя съ именами: Фридриха II, Маріи-Терезіи, Екатерины II, Наполеона и даже Казимира Перрье. Этотъ сумбуръ оканчивается открытіемъ, что Польша не умерла, что тѣло ея лежитъ въ гробѣ, а душа оставила землю и проникла до преисподней, чтобы узнать жизнь и бытъ людей, терпящихъ неволю.

„А на третій день душа возвратится въ тѣло, и народъ воскреснетъ и освободитъ изъ неволи всѣ народы Европы".

„Два дня уже прошли: первый день кончился съ первымъ взятіемъ Варшавы; второй день — со вторымъ штурмомъ, а третій день наступитъ и никогда не кончится".[1])

Имѣя подобную религію, нужно было составить или изобрѣсти соотвѣтствующіе законы, и они были сочинены, послѣ происходившаго въ 1833 году, подъ предсѣдательствомъ Лафайета, въ Парижѣ, 25-го августа, засѣданія общества Литвиновъ и выходцевъ изъ земель русскихъ.

Не длинна эта „конституція повстанцевъ", но каждое ея слово дышетъ убійствомъ и разрушеніемъ.

„Статья 1. Москаля, служащаго Николаю, убивать, ловить и настойчиво преслѣдовать.

„Ст. 2. Между повстанцами и Николаемъ не можетъ быть условій, договоровъ, конвенцій, перемирія, корреспонденцій и т. п.

„Ст. 3. Каждаго шпіона, каждаго русскаго чиновника, угнетавшаго Поляковъ, каждаго Поляка, вѣрящаго въ союзъ съ Россіею — ловить, судить и казнить.

„Ст. 4. Революціонная власть принадлежитъ тому, кто ее возьметъ,

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI, стр. 254.

и дѣлается болѣе или менѣе обширною, по числительности населенія страны, талантовъ и счастія начальниковъ. Власть существуетъ, пока ее слушаются.

Ст. 5. Власть, проникшая въ городъ или мѣстечко издаетъ постановленія; поймавъ виноватаго судитъ его, и, если состоитъ изъ небольшаго числа повстанцевъ, сама приводитъ приговоры въ исполненіе.

„Ст. 6. Подати составляются изъ добровольныхъ складокъ. Кромѣ того, власть, въ военное время, беретъ все, что ей нужно".[1])

Эти невѣроятныя правила въ точности исполнялись предводителями бандъ и всѣми дѣятелями послѣдней польской смуты. Мы смотрѣли на нихъ, какъ на совершенно новое, тогда какъ они были извѣстны за границею — тридцать лѣтъ назадъ. Какъ не подивиться бдительности, прозорливости и проницательности нашей тогдашней полиціи, всегда столь бдительно надзиравшей за своими, за русскими и постоянно принимавшей слова за дѣйствія; о тогдашней цензурѣ не говоримъ — она, сама того не сознавая, явилась ревностною сотрудницею ревнителей „польской справы".

Мицкевичъ, для поддержанія всѣхъ этихъ безумствъ, къ несчастію вполнѣ осуществившихся во время послѣдняго возстанія, написалъ какъ бы въ видѣ пророчества:

„Отрывокъ изъ письма", въ которому будто бы былъ приложенъ № 158-й газеты Шавельскаго воеводства (въ форматѣ англійскаго „Times") отъ 2-го іюня 1899 года (!?); гдѣ описывалась побѣда, одержанная поляками надъ русскими при Окѣ, слѣдствіемъ чего было учрежденіе республики Сибирской (!!!).

Газета сообщаетъ, что въ Польшѣ 1899 года, ходячая монета называется „косцюшки", что одна дочь шавельскаго органиста вышла за мужъ за пресбургскаго воеводу (въ Венгріи), а другая—идетъ за мѣстнаго кузнеца Доршпрунга.[2])

Но вѣдь это сумасшествіе, скажетъ безпристрастный читатель. Да, сумасшествіе, повторимъ мы, но оно едва не одержало успѣха надъ разумомъ!

Велепольскій не зналъ и не понималъ Польши шестидесятыхъ годовъ, а главное, упустилъ изъ виду то обстоятельство, что послѣ амнистіи 1856 г. возвратилось въ Польшу до десяти тысячъ выходцевъ,[3]) въ протекшую четверть столѣтія проникнувшихся глубокою

---

[1]) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI.

[2]) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, томъ VI, стр. 231—234.

[3]) Моллеръ: Situation de la Pologne etc., стр. 208; авторъ пользовался офиціальными источниками, а потому приводимыя имъ цифры и факты отличаются вѣрностью. **Авт.**

ненавистью къ Россіи, благодаря лжамъ и клеветамъ, о ней распускаемымъ и никогда никѣмъ неопровергнутымъ.

Надежда патріотовъ польскихъ основывалась на молодежи; здѣсь, какъ мы уже знаемъ, имъ много помогли правительства Франціи и Италіи, не только дозволивъ учрежденіе польскихъ военныхъ школъ, но принявъ ихъ въ свое покровительство. Орлеанская династія и Наполеонъ III старались развить и поддержать значеніе польской эмиграціи. Въ мирное время, подъ видомъ науки, они позволяли распространять между польскими выходцами самыя крайнія революціонныя ученія, думая, что это все направится исключительно противъ Россіи. Провидѣніе воздало каждому по дѣламъ его. Поляки явились первѣйшими и опаснѣйшими врагами Орлеановъ и Наполеонидовъ, ими же приготовленные для разрушенія существующаго порядка и установленій.

Послѣ профанаціи исторіи, религіи и закона, профанація науки была дѣломъ естественнымъ. За это взялся Людвигъ Мирославскій,[1]) стяжавшій впослѣдствіи печальную извѣстность во всѣхъ позднѣйшихъ смутахъ. Въ формѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ Парижѣ въ 1844 и 1845 гг., подъ видомъ разбора кампаніи 1831 г., изложилъ онъ правила для веденія будущей народной войны противъ Россіи и политическія соображенія для вѣрнаго успѣха военныхъ дѣйствій...[2]) Сѣраковскій, Галензовскій, Жвирждовскій, Гейденрейхъ, Маевскій, Машевскій, Траугуттъ и другіе дезертиры, покинувшіе ряды русскаго войска въ послѣднее возстаніе, старались дѣйствовать по правиламъ Мирославскаго, какъ специалисты повстанскаго дѣла.

Мирославскій, обращаясь къ своимъ слушателямъ, постоянно называлъ ихъ „граждане“ (obywatele) и во вступленіи предувѣдомилъ, что разбираетъ кампанію 1831 г., съ цѣлію вывести правила для будущаго повстанія.

Излагая свои политическія убѣжденія, Мирославскій говоритъ: „Повстанское правительство, не имѣющее своего конечнаго идеала, не проникающее за предѣлы революціи, правительство, которое не можетъ знать à priori, чего будетъ стоить освобожденіе страны,—такое пра-

---

[1]) Мирославскій родился въ Немурѣ, во Франціи, въ 1814 г.; 12-ти лѣтъ опредѣленъ въ Калишскій кадетскій корпусъ, откуда вышелъ подпоручикомъ въ 1830 г. въ 3-й егерскій полкъ. **Авт.**

[2]) Полное заглавіе изданныхъ въ 1845 г. лекцій было: Rozbior krytyczny kampanii 1833 roku i wynioskowane z nej prawidła do wojny narodowej. (Критическій разборъ кампаніи 1831 г. съ выводомъ изъ нея правилъ для народной войны). Четыре тома. Парижъ. **Авт.**

вительство—политическій атеизмъ; оно не въ состояніи полюбить своего дѣла съ отцовскою мудростью". Подъ вліяніемъ этого начала, Мирославскій неумолимо уничтожаетъ и народное значеніе главныхъ дѣятелей польской революціи 1830 и 1831 гг.: „Любецкій, Хлопицкій, Чарторижскій, Скржынецкій, Круковецкій, Рыбинскій, Немоевскій, Лелевель, вовсе не такіе индивидуумы, которыхъ несуществованіе могло бы ускорить или замедлить общее движеніе; это были не болѣе какъ ярлыки съ надписями: непостоянство, торопливость, выдохлость, лѣность, зависть, трусость, мечтательность и лживость, навѣшенные на различныхъ личностяхъ".[1])

„Первый революціонный клубъ, обманутый конституціоналистами повстанія, напрасно пытался влить свѣжую кровь въ испепеленныя сердца Любецкихъ, Чарторижскихъ, Грабовскихъ, Раутенштрауховъ, Коссецкихъ и т. п. Клубъ, своими угрозами и непостоянствомъ, произвелъ только перемѣну лицъ, а не измѣненіе системы; въ доказательство можно указать на замѣну Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха—Островскимъ, Малаховскимъ и Дембовскимъ. Измѣнились люди, а дѣла шли прежнимъ порядкомъ".[2])

Также строго осуждаетъ Мирославскій дѣйствія всѣхъ польскихъ предводителей: Хлопицкаго, Скржинецкаго, Дембинскаго, Круковецкаго, Рыбинскаго и Раморино. По его мнѣнію, самый способъ ихъ дѣйствій не соотвѣтствовалъ характеру народной войны. Всѣ они желали умереть: Хлопицкій—съ честью подъ Гроховымъ; Скржинецкій—съ католическимъ самоотверженіемъ на поляхъ Остроленки; Дембинскій съ отчаянія—подъ Шимановымъ; Круковецкій—изъ молодечества въ рядахъ 73 дружины; Рыбинскій—съ хладнокровіемъ подъ Токарами, тогда какъ они должны были не умирать, а жить и биться, не спрашивая о числѣ противниковъ".[3])

На основаніи подобныхъ выводовъ Мирославскій пришелъ къ заключенію, принятому имъ за аксіому, что надобно разорвать связь съ прошедшимъ, отрѣшиться отъ преданій и исторіи, жить для будущаго, имѣя въ виду—свободою всѣхъ народовъ—достигнуть свободы Польши.

Слушатели Мирославскаго прониклись его ученіемъ и сдѣлались самыми пламенными его поборниками. Въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени для возвращенія на польскую землю, они практиковались, принимая участіе во всѣхъ междоусобіяхъ и безпорядкахъ, вспы-

---

[1]) Rozbior etc., томъ I, стр. 16.
[2]) Rozbior etc., томъ I, стр. 22.
[3]) Rozbior etc., томъ I, стр. 33—34. Авт.

хивавшихъ въ Европѣ. До самой послѣдней смуты—поляки-выходцы оставались вѣрными исповѣданію вѣры (profession de foi), подписанному ихъ единоплеменниками въ лагерѣ при Мадильяно 22-го января 1849 г.[1]) „Всюду, гдѣ народъ бьется за свободу, онъ бьется и за Польшу; потому что Польша—покровительница свободы: безъ Польши нѣтъ ни мира, ни свободы въ Европѣ. Вотъ почему во всякой борьбѣ, гдѣ въ игрѣ свобода, льется кровь истинныхъ сыновъ Польши. Мы сказали себѣ: наша кровь принадлежитъ всему человѣчеству; мы готовы проливать ее за свободу всѣхъ народовъ. Всякій угнетенный, всякій, отыскивающій вольность,—нашъ братъ, и это убѣжденіе ручается намъ, что неустанною борьбою мы достигнемъ независимости нашей матери—Польши".

Прошло съ тѣхъ поръ до 1860 г. еще одинадцать лѣтъ; къ состарѣвшимся „новымъ полякамъ" присоединилось подросшее поколѣніе, еще болѣе чѣмъ старики, вѣрившее въ святость своего призванія; заграничныя польскія изданія, хотя и запрещенныя для русскихъ, но легко добываемыя поляками, распространились въ Россіи между обучавшимся польскимъ юношествомъ, которое усвоило ихъ начала и проникнулось ими.

Благодаря, какъ мы уже сказали, широкой амнистіи, начали собираться въ Варшавѣ заграничные выходцы и возвращавшіеся изъ Сибири, Оренбурга и Кавказа—всѣхъ ихъ принимали на родинѣ, какъ мучениковъ за дѣло отечества; партія „новыхъ людей", никогда и никого не признававшая, росла, и скоро сдѣлалась господствующею. Слѣдуя програмѣ Мирославскаго (Plan de la révolution polonaise, 17-го февраля (1-го марта) 1861 г.), они обнаружили безсиліе русской власти безпрерывными манифестаціями, потомъ дерзко подняли голову, подчинили себѣ всю страну и весь корпусъ туземныхъ чиновниковъ, а потомъ рѣшились на открытое возстаніе.

Въ это же время аристократы и собственники возмечтали возстановить автономію Польши временъ Ягеллоновъ и Собіесскихъ; они мечтали о возстаніи противъ Россіи, не тронувъ своихъ помѣщичьихъ правъ надъ крестьянами.[2]) Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 г., уничтожившій крѣпостное состояніе въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавившій ее отъ пролетаріата, возстановилъ противъ пра-

---

[1]) Histoire populaire de Pologne, par Adam Mickiewicz, publiée avec préface, notes et chapitre complémentaire, par Wladislas Mickiewicz. Paris, 1867. (Народная исторія Польши Адама Мицкевича, изданная, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополнительною главою, Владиславомъ Мицкевичемъ. Парижъ, 1867 г.). Стр. 596. Авт.

[2]) Situation de la Pologne ect., стр. 217.—Моллера.

вительства владѣльцевъ и собственниковъ Царства Польскаго. Пять дней спустя послѣ обнародованія манифеста, 24-го февраля того же года, земледѣльческое общество представило проектъ выкупа земель крестьянами, поручивъ это дѣло Кредитному обществу, состоявшему изъ тѣхъ же землевладѣльцевъ и подъ предсѣдательствомъ того же графа Андрея Замойскаго. Такимъ образомъ собственники продолжали держать крестьянъ въ зависимости, а, между тѣмъ, освобождали себя отъ всякаго правительственнаго контроля. Вотъ какъ выражается объ этомъ графъ Тышкевичъ.[1]) „Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ Земледѣльческое общество приняло основной планъ преобразованія далеко не столь широкій, какой былъ обнародованъ правительствомъ; собственники открыто говорили: мы ничего не сдѣлаемъ для крестьянъ, потому что они могутъ подумать, будто мы это дѣлаемъ по принужденію Москалей. Когда мы избавимся отъ Русскихъ, мы дадимъ то, либо другое; крестьяне будутъ знать, что это нами сдѣлано, по собственной волѣ, и что мы ихъ благодѣтели. Не жалко-ли это?"

Аристократы хотѣли употребить для будущаго возстанія въ дѣло Мирославчиковъ, и послѣ распущенія Земледѣльческаго общества протянули имъ руку; они пытались также, на похоронахъ Фіалковскаго, брататься съ крестьянами; однимъ словомъ, „бѣлые" хотѣли играть роль мартышки, въ баснѣ, таскавшей изъ огня печеные каштаны кошачьими лапами, но ошиблись въ разсчетахъ—вмѣсто кошки они встрѣтили тигра, который разъ лизнувъ крови, хотѣлъ видѣть кровь повсюду. „Краснымъ" нужны были кинжалы, револьверы, рѣзня, а не мечтанія и разглагольствованія. Это чувство нашло отголосокъ между буйнымъ, празднымъ, малоспособнымъ къ труду или не желавшимъ работать ремесленнымъ людомъ Варшавы; „бѣлые" стерлись, какъ бы ихъ не бывало, и тутъ не помогли имена Замойскихъ, Кронеберговъ и даже маркиза Велепольскаго.

Хотя послѣдній дѣйствовалъ на нашихъ глазахъ, но мнѣнія о немъ необыкновенно различны: одни считаютъ его Конрадомъ Валенродомъ; другіе видятъ въ немъ жертву преданности русскому правительству. По словамъ Н. В. Берга, въ Петербургѣ маркизъ „пѣлъ какъ сирена",[2]) тогда какъ въ замѣткахъ на эту главу лица, повидимому, близко знакомаго съ совершившимися событіями, находимъ слѣдующее: „Сирена поетъ, чтобъ обмануть и втянуть въ погибель. Маркизъ же Велепольскій, олицетворенная честность, могъ обманываться,

[1]) Тышкевичъ: Ecrits sur la Pologne, стр. 71, 72 и 73, цитируемыя Моллеромъ.
[2]) «Русскій Архивъ» № 7, 1873 года, стр. 1283.

но никого никогда не обманывалъ. Онъ точно былъ полякъ, никогда не прикидывался русскимъ и надѣялся спасти Польшу поляками и тѣмъ ее переродить. Это мысль честная, хотя, какъ опытъ показалъ, къ несчастію, неисполнимая". [1])

Маркизъ Велепольскій, представляя себѣ положеніе Польши совершенно въ иномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности, мечталъ о примиреніи „враждебныхъ издавна двухъ славянскихъ племенъ", но въ дѣйствительности изъ этихъ соперниковъ былъ только одинъ—сильная и могучая Россія; вмѣсто же Польши, говоря словами ея собственныхъ сыновъ, былъ „трупъ, лежавшій во гробѣ"; душа же этого трупа питалась мятежами, кровопролитіями и всеобщими бѣдствіями, являясь всюду, передъ ихъ наступленіемъ, какъ зловѣщая птица передъ бурею.

Владиславъ Мицкевичъ обрисовываетъ Велепольскаго слѣдующими характеристическими чертами. [2])

„Маркизъ Велепольскій былъ большой баринъ (grand seigneur), человѣкъ способный и съ твердымъ характеромъ, но высокомѣрный, самонадѣянный и въ особенности доктринеръ, т. е. ставившій свои теоріи выше общественнаго чувства. Онъ желалъ, чтобы Польша имѣла искуство отказаться отъ своей самобытности для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе Россіи и потомъ взять надъ ней верхъ своимъ развитіемъ и просвѣщеніемъ, какъ Греки подчинили себѣ Римлянъ. Этотъ макіавелизмъ упадающихъ государствъ, противорѣчившій преданіямъ и надеждамъ Поляковъ, возмутилъ чувство справедливости націи, и потому вообще не обращено было никакого вниманія на полезныя, въ сущности, преобразованія, введенныя въ народное обученіе и отправленіе правосудія; всѣ боялись, принявъ ихъ, принести въ жертву нѣкоторымъ внутреннимъ улучшеніямъ политическую независимость. И хотя Велепольскій былъ видимымъ олицетвореніемъ общественнаго консерватизма и этимъ нравился большимъ собственникамъ, но они держались въ сторонѣ отъ него, не желая казаться сообщниками маркиза въ дѣлѣ отдѣленія судебъ Польши отъ ея давнихъ литовскихъ и русскихъ провинцій". [3])

---

[1]) Ibid, стр. 1346.

[2]) Histoire populaire de Pologne, стр. 582.

[3]) Это обвиненіе составляетъ дѣйствительную заслугу Велепольскаго: въ самомъ дѣлѣ, не есть-ли заслуга со стороны Велепольскаго, хотя бы то, что онъ не раздѣлялъ бредней пановъ-мечтателей о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 г. и въ то время, когда многіе изъ русскихъ, даже изъ коренныхъ русскихъ, простодушно полагали, что Литва и Волынь—Польша, Велепольскій съ неуклонною рѣшимостью отдѣлялъ судьбы Польши отъ западныхъ и югозападныхъ исконныхъ областей россійской имперіи. **Ред.**

1-го (13) іюня 1862 года, какъ мы уже знаемъ, прибылъ Велепольскій въ Варшаву.

9-го (21) іюня 1862 года Велепольскій, какъ начальникъ гражданскаго управленія, произнесъ рѣчь въ комисіи внутреннихъ дѣлъ. Онъ говорилъ объ устройствѣ быта крестьянъ, долженствующаго служить основаніемъ для будущихъ преобразованій; объ улучшеніи торговли, земледѣлія и народнаго образованія.

Между тѣмъ изъ Петербурга была отправлена 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и гвардейская конная бригада[1]). Имена и обмундированіе прибывавшихъ изъ Петербурга въ Варшаву полковъ: лейбгвардіи Литовскаго, Волынскаго, Уланскаго Его Величества и Гродненскаго гусарскаго, могли бы напомнить полякамъ лучшее время существованія Царства Польскаго при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ. Уланскій полкъ, при отправленіи изъ Петербурга, сыгралъ свой полковой маршъ, когда-то маршъ польскихъ легіонеровъ:

Jeszcze Polska nie zgineła, pòki my żyjemy[2])
(Польша не погибла, пока живемъ мы).

Желтый и малиновые цвѣта, преобладавшіе въ обмундированіи прибывшихъ войскъ, должны были бы льстить національной гордости Поляковъ, если бы они тогда находились въ Варшавѣ вмѣсто Мирославчиковъ, недозволявшихъ пикнуть населенію всей страны, и это стадо было въ распоряженіи „красныхъ" (?), не имѣя ни смысла, ни убѣжденія, ни мужества сбросить съ себя власть злаго духа.

Весело и беззаботно вступилъ въ Варшаву гвардейскій отрядъ; имъ командовалъ благородный, сѣдовласый, состарѣвшійся въ рядахъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантъ баронъ Павелъ Ивановичъ Корфъ. Онъ зналъ прежнюю Варшаву, временъ великаго князя Константина Павловича, видѣлъ близко революцію 1830 года, находился ординарцемъ при фельдмаршалѣ Дибичѣ въ день Гроховскаго сраженія, и, главное, былъ отличный человѣкъ и превосходный начальникъ, старавшійся о каждомъ замолвить доброе слово и помочь въ бѣдѣ и несчастіи. Миръ праху его! онъ одинаково былъ любимъ

[1]) Авторъ нѣсколько ошибается въ приводимыхъ имъ фактахъ: по справкѣ, нами сдѣланной, оказывается, что пѣхота прибыла изъ Петербурга не въ іюнѣ, а въ концѣ сентября мѣсяца 1862 г., конная же бригада лишь въ февралѣ 1863 года. **Ред.**

[2]) Пѣсня эта сочинена въ 1806 году по случаю вступленія польскихъ легіонеровъ въ Варшаву; она оканчивается двумя стихами:

Mówi Macek do swei Basi, sam wes zapłakany:
Patrzaj Basia, to są naszi, bijąc w tarabany.

(Разревѣвшійся Матюша говоритъ своей Варѣ: посмотри, Варя, вѣдь это наши, бьющіе въ барабаны). **Авт.**

и уважаемъ—какъ своими прямыми подчиненными, такъ и всѣми, бывшими подъ его начальствомъ.

Несмотря на рѣчи и обѣщанія Велепольскаго и на оглашеніе различныхъ льготъ, „красные" сразу поняли, что они исключены изъ нихъ, потому что составляли собою межеумокъ, забытый маркизомъ.

Пѣніе, или вѣрнѣе сказать, ревъ патріотическихъ гимновъ передъ костелами и въ костелахъ, опять пошли своимъ чередомъ [1]); будущіе повстанцы считали ихъ геройствомъ, какъ можно судить по слѣдующему описанію: [2])

„Манифестація въ Варшавѣ имѣли совершенно особенный характеръ. Въ продолженіе предшествовавшихъ вѣковъ дѣло шло о какомъ-нибудь отдѣльномъ человѣкѣ, который, несмотря ни на какія мученія, отваживался исповѣдывать истину; теперь же, въ первый разъ, цѣлая масса людей поднялась до этой нравственной высоты. На площадяхъ, освященныхъ столькими недавними мученичествами, толпа, только что вышедшая изъ темницъ, въ виду русскихъ мундировъ, не дозволявшихъ на минуту забывать будущее отмщеніе, исповѣдывалась въ одной мысли, счастливая чувствомъ единодушія, послѣ долгаго молчанія; вся проникнутая однимъ восторгомъ, потому что всѣ готовы были умереть на мѣстѣ.

„Изъ толпы раздавалось пѣніе молитвъ: сто тысячъ (!?) голосовъ молили Бога ниспослать родинѣ свободу. Холодныя сердца тронулись: жиды почувствовали необходимость жертвовать собою для христіанъ и, дѣло невиданное, жиды массами пошли молиться въ церквахъ, а христіане—въ синагогахъ. Лютеранскіе пасторы сопровождали процесіи, смѣшиваясь съ католическими священниками.

„Тогда высказались вполнѣ — ничтожность силы матеріальной и величіе самопожертвованія. Самое тиранское угнетеніе не помѣшало открытому союзу дѣтей раздѣленной отчизны. Оружіе дрожало въ рукахъ палачей, ихъ умъ помутился, они стыдились своей роли, передъ колѣнопреклоненными жертвами. Это былъ „свѣтъ отъ свѣтовъ", озарившій издалека политическую ночь. Каждый полякъ могъ отчасти увидѣть будущее и понять восторженность общаго политическаго настроенія.

„Польша достигла этого величія долгимъ и таинственнымъ, неизвѣстнымъ для свѣта, трудомъ. Она снизошла въ бездны, [3]) гдѣ вырабатывается нравственная сила и откуда, по волѣ Божіей, она ри-

---

[1]) Авторъ ошибается: лѣтомъ и осенью 1862 года пѣнія въ костелахъ не было. **Ред.**

[2]) Histoire populaire стр. 379.

[3]) Повтореніе словъ Мицкевича-отца.

нулась, какъ неодолимое изверженіе. Если стѣны Іерихона пали отъ трубнаго звука Левитовъ, стѣны Варшавской цитадели дрожали во время народныхъ молитвъ".

Читая теперь эту возвышенную чепуху, нельзя не засмѣяться отъ чистаго сердца; но тогда она выражала общее настроеніе поляковъ и лицъ имъ сочувствовавшихъ въ Европѣ. Въ описаніи особенно забавны „тираны, съ оружіемъ въ дрожащихъ рукахъ". Вѣроятно Мицкевичъ-сынъ разумѣлъ подъ этимъ растерявшихся полицейскихъ, которые являлись на манифестаціи, не прочитавъ приказовъ о военномъ положеніи, и тѣхъ безстрашныхъ предводителей войскъ, которые кричали и горячились въ виду совершавшагося буйства до тѣхъ поръ, пока изъ толпы подавали имъ стаканъ воды.[1])

Велепольскій началъ окружать себя польскими чиновниками, выключая изъ службы почти всѣхъ русскихъ; онъ надѣялся преобразовать Польшу, согласно убѣжденію, высказанному имъ князю Меттерниху, по поводу Галиційской рѣзни въ 1846 году, „сохраняя твердость противъ разрушителей во имя анархіи, какъ и разрушителей во имя власти",[2]) то есть, говоря другими словами: возстановитъ, во чтобы ни стало, старую Польшу.[3])

Велепольскій, подобно врачу-теоретику, пробовалъ дѣйствіе новаго лекарства надъ не излечимо-больною Польшею.

Политика маркиза обрисовывается словами, что „въ 1862 году онъ надѣялся достигнуть автономіи Польши силою ея перерожденнаго дворянства".[4])

Эти попытки и борьбу на смерть демократіи съ аристократіею предсказалъ поэтъ графъ Красинскій еще въ 1834 году. У него надменный графъ такъ говоритъ съ народнымъ трибуномъ Панкратіемъ:

«Ты не поймешь меня, потому что всѣ отцы твои погребены въ общей могилѣ, какъ вещи мертвыя, а не какъ люди съ силою и волею. (*Подымаетъ руку къ портретамъ*). Взгляни на эти изображенія. Идея отчизны, родного дома, семьи,—идея, которую такъ ненавидишь, написана морщинами на челѣ ихъ, а все, что въ нихъ было и прошло—живетъ во мнѣ. Скажи мнѣ, однако, человѣкъ, гдѣ же земля твоя? Ты разбиваешь вечеромъ паметъ свой на развалинахъ чужаго дома, а на утро снимаешь паметъ и кочуешь дальше; ты, до сихъ поръ не нашелъ своего дома и до тѣхъ поръ не найдешь его, пока хоть сто человѣкъ захотятъ повторить вмѣстѣ со мною: «честь отцамъ нашимъ»!

---

[1]) Н. В. Бергъ, стр. 345.

[2]) Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich, p. 26, письмо это цитируется Моллеромъ на стр. 247. **Авт.**

[3]) То есть съ правами 1815 г. **Ред.**

[4]) Моллеръ, стр. 270.

Панкратій.

«Такъ, хвала твоимъ дѣдамъ на землѣ и въ небѣ!... Дѣйствительно, есть на что посмотрѣть (*Оглядываетъ портреты*). Этотъ панъ староста разстрѣливалъ бабъ на деревьяхъ и жарилъ живьемъ жидовъ; а тотъ, съ печатью въ рукѣ и подписью: «канцлеръ», поддѣлалъ акты, сжегъ архивы, подкупалъ судей, ускорялъ отравленіемъ приходившія наслѣдства;—отъ него ты имѣешь свои деревни, доходы, значеніе; или тотъ брюнетъ, съ огненными глазами, отбивалъ женъ у своихъ пріятелей; а вотъ, съ орденомъ Золотого Руна и въ итальянской кольчугѣ, вѣрно служилъ чужеземцамъ; а та блѣдная пани, съ темными локонами, забывала стыдъ съ своимъ лакеемъ; эта—читаетъ письмо любовника и съ усмѣшкою ожидаетъ приближающуюся ночь; та—въ робронѣ, съ собачкою на рукахъ, была королевскою наложницей... Вотъ ваше родословіе, безъ перерыву, безъ пятна! Мнѣ больше нравится этотъ панъ въ зеленомъ кафтанѣ: онъ пилъ и охотился съ братьями-шляхтою, а мужиковъ высылалъ съ собаками, чтобы гнали оленя. Глупость и бѣдствіе цѣлаго края—вотъ ваши разумъ и сила. Но близится день суда, и обѣщаю вамъ, что въ этотъ день не забуду никого изъ васъ, ни одного изъ отцовъ вашихъ, ни одной похвальбы вашей». [1])

Программа, которую открыто высказалъ относительно своихъ дѣйствій въ Польшѣ Велепольскій — и которой намѣревался слѣдовать, состояла въ слѣдующемъ:

1) Устранить, на всемъ пространствѣ Царства Польскаго, вліяніе русскаго элемента. 2) Повсюду провести польское начало. 3) Замѣнить во всѣхъ отрасляхъ народнаго образованія, правительственный русскій контроль — надзоромъ польскаго духовенства. 4) Образованіе малолѣтнихъ дѣвицъ поручить духовнымъ конгрегаціямъ и религіознымъ католическимъ братствамъ. [2])

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ предполагалъ выѣхать изъ Петербурга въ Варшаву, въ іюлѣ или августѣ 1862 г.; выѣздъ ускорился вслѣдствіе покушенія на жизнь Лидерса. Выстрѣлъ послѣдовалъ въ пятницу утромъ 15-го

---

[1]) «Небожественная комедія» —Сигизмунда Красинскаго.

[2]) Нельзя не признать того факта, что первые два пункта этой программы находили полное сочувствіе въ громадномъ большинствѣ русскаго образованнаго общества, но опять таки лишь до разгара мятежа 1863 г. въ Царствѣ. Прямѣе сказать, образованное русское общество съ удовольствіемъ увидѣло бы въ 1862 г. политическое бытіе Польши, устроенное на тѣхъ же началахъ, на какихъ оно дано Финляндіи. Что такой взглядъ по отношенію къ Польши былъ ошибоченъ, что осуществленіе этого взгляда быть можетъ повело бы къ инымъ послѣдствіямъ, нежели какихъ ожидали представители русскаго общества, все это такъ, но мы указываемъ на фактъ, существованіе котораго нельзя отрицать, а потому едва-ли справедливо винить поляка Велепольскаго въ томъ, что онъ раздѣлялъ заблужденіе русскихъ. Ред.

(27) іюня; извѣстіе о томъ получено Государемъ Императоромъ въ тотъ же день къ обѣду, а въ тотъ же вечеръ было рѣшено, что Его Императорское Высочество отправляется въ Варшаву, во вторникъ утромъ, 19-го іюня, (1-го іюля).[1])

Эта рѣшимость, полная самоотверженія, была послѣднею мѣрою снисхожденія полякамъ, послѣднею попыткою высшей власти усмирить кротостію до глубины взволнованный край, и этотъ подвигъ самоотверженія, на память вѣкамъ, исторія занесетъ на свои страницы.

Если бы Варшава была прежняя веселая, разгульная Варшава—эта Капуя русскаго войска, Варшава, похожая на свой гербъ—Сирену, съ мечомъ и щитомъ,—она пришла бы въ восторгъ отъ одного извѣстія, что будетъ резиденціею Царскаго Брата, теперешняго Намѣстника. Варшавяне и Варшавянки любятъ власть, окруженную величіемъ, у нихъ есть даже слово, равнозначительное французскому: „prestige—okazalość... Но Варшава была какъ бы въ летаргіи, потому что въ ней хозяйничали невѣдомые пришельцы, настоятельно запрещавшіе изъявленіе каждаго народнаго чувства, каждый проблескъ веселости; на край наложенъ былъ трауръ до совершеннаго возстанія Польши.[2])

Революціонеры, видѣвшіе что попытка на жизнь графа Лидерса не только не замедлила, но еще ускорила пріѣздъ въ Варшаву Августѣйшаго Намѣстника, рѣшились на тягчайшее преступленіе, разсчитывая, что правительство откажется отъ мысли о примиреніи и перейдетъ къ крайнимъ даже, по ихъ мнѣнію, мѣрамъ.

Изъ числа присягнувшихъ революціонному ржонду, выбраны были двое — Родовичъ и Ярошинскій, оба занимавшіеся портняжнымъ мастерствомъ. Будучи плохими работниками, они тѣмъ усерднѣе посѣщали шинки и пивныя лавки, гдѣ собирались подонки варшавскаго населенія. Записавшись въ народное ополченіе и попивая даровое пиво и водку „Гарибальдувку",[3]) они пришли къ убѣжденію, что лучше служить „дѣлу отчизны" — по примѣру сапожниковъ Килинскаго и Гишпанскаго,—чѣмъ сидѣть за верстакомъ, и предоставили себя въ распоряженіе организаторовъ народной справы. Одинъ изъ главныхъ вербовщиковъ Хмеленскій „въ день пріѣзда Великаго Князя сказалъ имъ, что черезъ нѣсколько часовъ пріѣдетъ въ Варшаву новый Намѣстникъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и убить надо его, а не Велепольскаго; впрочемъ, если подвернется

[1]) Замѣтки на статью Н. Берга въ № 7 «Р. А.» 1873 г.
[2]) См. литанію въ концѣ главы.
[3]) Такъ называлась водка съ портретомъ Гарибальди на бутылкахъ. Авт.

подъ руку Велепольскій, послѣ того, какъ Князь будетъ убитъ, то не мѣшаетъ убить и его; но объ этомъ не думать, а думать объ одномъ Великомъ Князѣ, и постараться убить его тотчасъ, по выходѣ изъ вагона, лишь только онъ ступитъ на землю Варшавы". [1])

Всѣ обстоятельства пріѣзда Великаго Князя разсказаны у Н. В. Берга весьма вѣрно, но описаніе самого покушенія полно важныхъ ошибокъ и неточностей. Вообще разсказъ весьма сбивчивъ, по случаю приведенія чиселъ, то по новому, то по старому стилямъ: такъ выстрѣлъ по Лидерсу показанъ 27-го іюня новаго стиля, а пріѣздъ Великаго Князя послѣдовалъ 20-го іюня стараго стиля. Мы всюду приводимъ числа по старому и новому стилямъ.

Родовичъ и Ярошинскій, по словамъ Н. В. Берга, получили отъ Хмеленскаго, кромѣ револьверовъ, по „небольшому" кинжалу, тогда какъ кинжалы были „пальца въ три ширины и около полуфута длины". [2])

Убійцы, вечеромъ, 21-го іюня (3-го іюля) [3]) „проникли въ корридоръ, или крытый ходъ, ведущій, внутри театральнаго зданія, съ Вержбовой улицы къ подъѣзду Намѣстника"; но подъѣздъ Намѣстника находится не въ крытомъ корридорѣ или ходѣ, а въ крытомъ дворѣ, въ который въѣзжаютъ съ Вержбовой улицы черезъ ворота и открытый дворъ. Хотя послѣ пріѣзда Намѣстника ворота бываютъ обыкновенно затворены, но во внутренніе дворы можно пройти: черезъ двери изъ гастрономическаго магазина Гера (теперь Бокета); черезъ корридоръ, гдѣ входятъ въ Малый театръ и редутовыя залы; по лѣстницѣ съ Вержбовой улицы и черезъ Малый театръ; черезъ кондитерскую (бывшую) Лурса и наконецъ изъ Большаго театра. Полиція находилась у наружныхъ воротъ съ Вержбовой улицы, оставивъ безъ наблюденія остальные входы, что и позволило проникнуть въ крытый дворъ къ самому подъѣзду толпѣ человѣкъ въ тридцать, которые, ни въ какомъ случаѣ, не должны были тутъ находиться. Это происходило отъ ротозѣйства и ненаходчивости полиціи, а отнюдь не потому, что „полиціи столько внушалось въ это время быть какъ можно учтивѣе съ народомъ, что она боялась каждаго лишняго шага, какъ Богъ знаетъ чего". [4])

Эта боязнь, какъ уже видѣлъ читатель, была хроническою болѣзнію варшавской полиціи во все время смутъ, теперь она сдѣлалась бдительною и эта перемѣна напоминаетъ толкованіе пословицы,

---

[1]) Н. В. Бергъ.

[2]) Замѣчанія на статью Н. В. Берга. «Р. А.». № 7, 1873 г.

[3]) Н. В. Бергъ.

[4]) Н. В. Бергъ.

что „русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ", именно: мужикъ увидѣлъ во снѣ кашу, но не имѣлъ ложки; чтобы ѣсть кашу, на другую ночь положилъ ложку подъ изголовье и не видалъ каши.

„Обстоятельства покушенія на Великаго Князя (какъ говоритъ авторъ замѣтокъ на статью Н. В. Берга) описаны (Бергомъ) вообще довольно вѣрно, не справедливо только то, что сказано въ примѣчаніи. Именно, будто Великаго Князя перенесли въ комнату за ложей. Его Высочество отъ выстрѣла не упалъ, самъ вышелъ изъ коляски, самъ взошелъ по лѣстницѣ въ комнату за ложей, самъ растегнулся, осмотрѣлъ рану и при этомъ нашелъ пулю, которая, завернувшись за потянутую за собой канитель эполета, повисла на шнуркѣ лорнетки Великаго Князя"...

Страшное и безсмысленное злодѣйство возмутило всѣхъ, сколько-нибудь честныхъ и порядочныхъ людей, но они были безсильны противу революціоннаго терора. Архіепископъ варшавскій вспомнилъ свои обязанности, и съ амвона проклиналъ злодѣевъ. Велепольскій, 28-го іюня 1862 г., произнесъ „громовую рѣчь", [1]) въ которой упрекаетъ революціонеровъ въ посягательствѣ на жизнь Великаго Князя.

По окончаніи слѣдствія надъ Ярошинскимъ, онъ былъ, по приказанію Намѣстника, преданъ полевому военному суду, потому что „Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ всегда поборникомъ публичности суда и воспользовался тогдашнею своею властію главнокомандующаго, чтобы, на основаніи существовавшей, но никогда еще не примѣнявшейся статьи полевого военно-суднаго положенія, назначать надъ убійцами судъ публичный, при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, дабы все было чисто, открыто и безъ всякой тайны".

Судъ со всею торжественностію происходилъ 2-го (14) августа 1862 г. въ залѣ такъ называемаго палаца Паца. на Медовой улицѣ; но, говоря откровенно, не произвелъ на публику ожидаемаго впечатлѣнія. По тогдашней непривычкѣ нашей къ гласному судопроизводству, при неумѣлости нашихъ, вообще молчаливыхъ аудиторовъ, главный обвинитель чуть не былъ сбитъ съ толку защитниками изъ мѣстныхъ адвокатовъ, привыкшихъ къ публичной защитѣ въ судахъ своихъ. Публика, въ числѣ которой находились сообщники и единомышленники Ярошинскаго, вела себя не довольно прилично.

---

[1]) Здѣсь, очевидно, у Н. В. Берга обмолвка: на стр. 1297 онъ говоритъ, что Великій Князь пріѣхалъ въ Варшаву 20-го іюня ст. стиля; покушеніе послѣдовало 21-го іюня ст. стиля, а рѣчь Велепольскаго будто произнесена 28-го іюня новаго стиля (стр. 1302, примѣчанія), т. е. 16-го іюня стараго стиля, т. е. четырьмя днями до пріѣзда Его Высочества въ Варшаву. Авт.

Велепольскій также былъ отмѣченъ въ числѣ первыхъ жертвъ: примѣромъ его „красные" хотѣли устрашить бѣлыхъ и сдѣлать невозможными примирительныя намѣренія правительства. Только чудомъ, личною неустрашимостью и присутствіемъ духа обязанъ онъ своимъ спасеніемъ. Безпутный литографъ Рылль, 26-го іюля (7-го августа) 1862 г., съ револьверомъ въ рукахъ, загородилъ ему дорогу при входѣ въ зданіе Банка, но увидя поднятую надъ собою палку и грозную колосальную фигуру Велепольскаго, выстрѣлилъ на воздухъ, бросился бѣжать, отмахиваясь револьверомъ отъ преслѣдовавшихъ, и былъ схваченъ сторожемъ послѣднихъ воротъ, выходящихъ на Электоральную улицу.

Публичный судъ надъ Ярошинскимъ, своею „раздражающею" [1]) обстановкою, вдохнулъ рѣшеніе, присутствовавшему въ палацѣ Паца, сообщнику Рылля, тоже литографу — Ржондцѣ (произносится почти какъ Жондцѣ), на другой день напасть два раза въ „аллеяхъ" [2]) на Велепольскаго, ѣхавшаго въ коляскѣ въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ съ семействомъ жилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. [3])

Послѣ этого Велепольскій ѣздилъ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

Такимъ образомъ реформы еще не начались, а Велепольскій, ручавшійся въ Петербургѣ за близкое умиротвореніе Польши, уже былъ вынужденъ ѣздить въ каретѣ съ конвоемъ изъ жандармовъ.

9-го (21) августа казненъ Ярошинскій; 14-го (26) — Рыллъ и Ржондца; уцѣлѣвшіе соумышленники причли ихъ къ лику мучениковъ за отчизну; служили по нихъ панихиды; а для возвѣщенія о панихидѣ по Ярошинскомъ даже наклеили на стѣнахъ домовъ объявленія, которыя полиція добродушно содрала, не задержавъ ни одного виновнаго. Мужчины и женщины долго послѣ носили въ бумажникахъ и портъ-монетахъ кусочки веревки, на которой будто бы былъ повѣшенъ Ярошинскій.

Въ описаніи казни Ярошинскаго, Н. В. Бергъ назвалъ, навозную дробянку, „особаго фасона телѣгою въ одну лошадь"; во время самой казни, по его же словамъ: „играла печальная музыка". Надобно сказать, что при экзекуціяхъ вовсе не бываетъ музыки, а только горнисты и барабанщики, бьющіе такъ называемую „дробь". Вообще это описаніе слишкомъ подробно для такого негодяя, какъ Ярошинскій, и имѣетъ романическій характеръ.

---

[1]) Н. В. Бергъ.

[2]) Улица, ведущая отъ площади трехъ крестовъ къ Бельведеру.

[3]) Авторъ «замѣтокъ» исправляетъ ошибку г. Берга, два раза говорящаго, что Велепольскій жилъ въ Бельведерѣ, тогда какъ онъ оставался въ Брюловскомъ дворцѣ и ѣздилъ съ докладами въ Бельведеръ. **Авт.**

Эти катастрофы и прямыя ихъ послѣдствія — неизбѣжныя казни не остановили исполненіе плана Велепольскаго и не ослабили надеждъ его спасти Польшу поляками. Съ этою цѣлію началась административная ломка и измѣненіе состава чиновниковъ; всѣхъ русскихъ, Велепольскій замѣнилъ польскими чиновниками, которые не могли и не хотѣли быть исполнителями благихъ мѣръ правительства. Замѣна шла необыкновенно быстро, такъ что на 15,500 служащихъ, осталось не болѣе 120 русскихъ. [1])

Выборъ въ архіепископы Фелинскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, занявшихъ важные посты въ управленіи царства, показалъ что Велепольскій не всегда вѣрно оцѣнивалъ людей.

Перемѣны и обѣщанныя преобразованія расшевелили консерваторовъ-демократовъ, считавшихся въ тридцатыхъ годахъ „красными", но отъ времени они выцвѣли и потомъ окончательно полиняли, такъ что не могли идти въ сравненіе съ „гражданами Мирославскаго (hommes de mouvement)".

Польская народно-аристократическая партія, съ Андреемъ Замойскимъ во главѣ, не устояла противъ революціонеровъ и уронила себя въ мнѣніи правительства неслыханнымъ поступкомъ. По случаю покушенія на жизнь Великаго Князя Константина Николаевича, избранные отъ всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго составили и подписали адресъ, но, по настоянію Андрея Замойскаго, въ угоду „краснымъ", адресъ былъ замѣненъ какимъ-то двусмысленнымъ, почти неприличнымъ заявленіемъ. Пріятель и корнакъ Замойскаго — Янковскій, ожидалъ, что „графъ Андрей" будетъ за это сосланъ въ Сибирь, о чемъ онъ и писалъ Чарторижскому; но Андрей Замойскій былъ только высланъ за границу, гдѣ присталъ къ партіи Чарторижскаго.

Іюньскія событія въ Варшавѣ 1862 г. были весьма важны: Августѣйшій Братъ Государя Императора, презирая опасность, показалъ высокій примѣръ мужества и самоотверженія, явившись въ средѣ до глубины возмущеннаго польскаго общества. Выстрѣлъ убійцы встрѣчаетъ его въ Варшавѣ, и только Богъ спасъ его отъ вѣрной смерти, послѣ выстрѣла въ упоръ изъ револьвера, пробивавшаго на сто шаговъ дюймовую доску. И это не останавливаетъ Августѣйшаго Намѣстника на избранномъ пути примиренія края съ Россіею. Онъ не лишаетъ Велепольскаго — разъ оказаннаго ему довѣрія, но обстоятельства уже начали высказываться противъ всѣхъ надеждъ и ожиданій маркиза.

---

[1]) Моллеръ, стр. 246.

Велепольскій также принимаетъ вызовъ противной партіи и нѣкоторое время борется съ нею, совершенно одинъ, потому что передъ нимъ была новая, совершенно невѣдомая ему Польша, а въ старыхъ Полякахъ для него не было сочувствія; эта борьба дѣлаетъ честь настойчивости, но не проницательности Велепольскаго. Онъ достоинъ участія.

Но за то варшавское общество, эта самопожирающая амфибія, несмотря на прибытіе новыхъ лицъ, осталась вѣрна своему характеру. Камергеры и камеръ-юнкеры, шталмейстеры и гофмаршалы,—польскаго происхожденія,—отъ юношества и до старости гранившіе Варшавскую мостовую, радовались, что послѣ долгаго отсутствія въ Варшавѣ будетъ настоящій дворъ; вслѣдствіе этого въ Петербургъ полетѣли заказы новыхъ мундировъ и новыхъ пироговъ (трехугольныхъ шляпъ), потому что прежніе были порядочно позатасканы. Грозный Паскевичъ требовалъ, чтобы эти „придворные" являлись къ нему очень часто въ своихъ мундирахъ, но потомъ они надѣвались довольно рѣдко; престарѣлые чины государственнаго совѣта, сената, правительственныхъ комисій выползли на Божій свѣтъ для того, чтобы принять львиную долю въ предполагавшихся назначеніяхъ. Они надѣялись прославиться въ исторіи Польши, какъ Любецкій, Сташицъ, Губе....

Русско-польскій кружокъ, увеличенный (уволенными по дѣйствительной неспособности) мелкими сановниками и крупными чиновниками, за глаза ворчалъ противу Велепольскаго, но въ глаза кланялся, улыбался и льстилъ ему. Все однако заволновалось: старыя дѣвы примѣряли длинныя придворныя платья и надѣялись тряхнуть стариною, показать, что онѣ вполнѣ усвоили варшавскій шикъ. Молодые нахалы—ихъ братцы—гордо заламывали головы, думая что наступилъ часъ ихъ; однимъ словомъ — этотъ нетрудолюбивый муравейникъ закишился и показалъ необыкновенную дѣятельность...

Очевидецъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Пилигримская литанія.

Kyrie eleyson. Chryste eleison.

Боже Отче, выведшій народъ твой изъ неволи египетской и водворившій его въ обѣтованной землѣ —

Возврати насъ въ отчизну нашу.

Сынъ Божій Искупитель, замученный и распятый, воскресшій и царствующій во славѣ —

Воскреси изъ мертвыхъ отчизну нашу.

Божія Матерь, которую отцы наши называли королевой Польши и Литвы —

Избавь Польшу и Литву.

Святой Станиславъ, покровитель Польши —

Молись за насъ.

Святой Іосафатъ, покровитель Руси —

Молись за насъ.

Всѣ святые покровители нашей республики —

Молитесь за насъ.

Отъ неволи Московской, Австрійской и Прусской —

Избавь насъ Господи.

За мученичество тридцати тысячъ Барскихъ рыцарей, легшихъ за вѣру и вольность —

Спаси насъ Господи.

За мученичество литовской молодежи, забитыхъ палками и умершихъ въ рудникахъ и въ изгнаніи —

Спаси насъ Господи.

За мученичество Ошмянскихъ жителей, вырѣзанныхъ въ Божіихъ костелахъ и домахъ —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, перебитыхъ въ Вишау Пруссаками —

Спаси насъ Господи.

За мученичество солдатъ, засѣченныхъ кнутами отъ Москалей въ Кронштадтѣ —

Спаси насъ Господи.

За раны, слезы и страданія всѣхъ невольниковъ, изгнанниковъ и пилигримовъ польскихъ —

Спаси насъ Господи.

О всеобщей войнѣ за вольность народовъ —

Просимъ тебя, Господи.

За оружіе и орлы народные —

Просимъ тебя, Господи.

О счастливой смерти на полѣ битвы —

Просимъ тебя, Господи.

О гробѣ для костей нашихъ въ родной землѣ —
Просимъ тебя, Господи.
О независимости, цѣлости и вольности для отчизны нашей —
Просимъ тебя, Господи,
Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.[1])

II.

Отзывъ Поляка о соч. Мицкевича.

Вотъ что говоритъ о сочиненіи Мицкевича «Книги пилигримства Польскаго народа» одинъ изъ лучшихъ польскихъ критиковъ и писателей Винцентій Поль въ своихъ лекціяхъ о польской литературѣ XIX столѣтія (Pamętnik Wincentego Pola do literatury polskej XIX wieku. Lwow. 1866 г. Стр 233).

«Мицкевичъ былъ друженъ съ французскими писателями Мишле и Кине, и всѣ они трое работали на одномъ поприщѣ; такъ что ихъ три изображенія вычеканены на медали въ память ихъ духовной пріязни и непризнанныхъ трудовъ для блага человѣчества.

«Книги народа и паломничества (pielgrzymstwa) польскаго», написанныя Мицкевичемъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя (за исключеніемъ извѣстныхъ богослужебныхъ книгъ и евангелія) можетъ быть когда-либо появлялись въ столькихъ изданіяхъ и экземплярахъ, и такъ были всюду распространены. Казалось, что все существенное въ этихъ книгахъ принялъ народъ, узналъ и усвоилъ. Но да позволено будетъ мнѣ, при всемъ уваженіи къ великому генію, сказать, что надобно было давать лекарство соотвѣтственно болѣзни... Все сказанное Мицкевичемъ вовсе не было практическими совѣтами политическаго человѣка: поэтъ не замѣнилъ государственнаго мужа... Трудно, чтобы поэзія разрѣшала политическіе вопросы. Умы всѣхъ были восхищены наиболѣе формою изложенія, библейскимъ и апокалипсическимъ языкомъ, который съ тѣхъ поръ введенъ въ нашу литературу и преимущественно въ нашу поэзію.

III.

Пинчовъ —родовое помѣстье маркизовъ Велепольскихъ.

Пинчовъ—городъ въ уѣздѣ Стобницкомъ, Келецкой губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Ниды, въ 28-ми верстахъ къ юго-востоку отъ Буска, знаменитаго своими сѣрными источниками. Зданія въ немъ, по большей части, каменныя— изъ мѣстнаго песчаника. Въ Пинчовѣ существовало два монастыря; посреди площади фонтанъ, бьющій на девять локтей въ вышину; жителей 4 т. Пинчовъ ведетъ значительную торговлю венгерскими винами.

Пинчовъ принадлежалъ фамиліи Олесницкихъ; изъ нихъ Збигнѣвъ, славный во времена Ягеллы епископъ краковскій, построилъ костелъ, монастырь Пауликовъ и зàмокъ изъ тесанаго камня. Племянникъ его, Якубъ Сеницкій, въ 1461 году, противъ воли Казиміра IV, посвященный въ пинчовскомъ зàмкѣ въ епископы краковскіе, былъ окруженъ королевскимъ войскомъ и едва успѣлъ спастись. Во время Сигизмунда-Августа, когда край наполнился исповѣдую-

[1]) Полное собраніе сочиненій Мицкевича, т. VI. стр. 233–235.

щими различныя религіи, Олесницкій далъ убѣжище, въ 1550 г. послѣдователю Цвингли—Франциску Станкару и его сектѣ, которая учредила школы, и, какъ число послѣдователей Цвингли постепенно увеличивалось, то въ 1555 г. они, вмѣстѣ съ единовѣрцами изъ Моравіи и Чехіи, собрали первый въ Польшѣ синодъ и постановили на немъ гимны, обряды и церковную службу. Тогда же ученые: Янъ Ласски, Мартынъ Кровицкій, Егоръ Бландрата, Францъ Лисманіусъ, Егоръ Шоманусъ, Григорій Паули, Станиславъ Лютомирскій, Андрей Тржецескій, Шимонъ Заціусъ, Петръ Статоріусъ, Бернардъ Охинусъ, Павелъ Аціатусъ, Якубъ Любельчикъ, Станиславъ Сорницкій и другіе учредили общество подъ названіемъ «Польскія Аѳины», которое перевело псалмы, гимны для народа и священное писаніе на польскій языкъ и напечатало ихъ въ Брестъ-Литовскѣ. Отъ 1558 до 1561 г. еще существовали здѣсь типографіи. Затѣмъ, вмѣсто послѣдователей Цвингли, появились здѣсь Аріане или Социніане; но съ 1570 г. они начали переселяться въ Раховъ, какъ болѣе удобное для нихъ мѣсто. Петръ Мышковскій, епископъ краковскій, пріобрѣтя это имѣніе, окончательно изгналъ разновѣрцевъ изъ Пинчова. Племянникъ его, Сигизмундъ, усыновленный Винцентіемъ Гонзагомъ, княземъ Мантуанскимъ, принялъ гербъ его и отъ папы Климента VIII, сдѣланъ былъ маркизомъ Мировскимъ въ 1596 году; онъ же учредилъ и майоратъ Пинчовскій. Тотъ же Сигизмундъ Мышковскій украсилъ городъ, оградилъ его стѣнами и за ними построилъ мѣстечко Мировъ. Въ исторіи Пуффендорфа помѣщенъ видъ Пинчова. Карлъ XII послѣ битвы подъ Клиссовымъ, въ 1702 году, укрѣпилъ Пинчовъ, сдѣлалъ его складомъ награбленной Шведами добычи и оставался тамъ довольно долгое время; по смерти Іозефа Владислава, послѣдняго въ родѣ Мышковскихъ въ 1727 году, майоратъ перешелъ въ родъ графовъ Велепольскихъ, принявшихъ и титулы маркизовъ Гонзаго-Мышковскихъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Изъ семейныхъ бумагъ С. Г. Боборыкина.

I

Указъ Петра I-го.

Ука[зъ] ка[н]ме[н]дату (Бе)логоро[д]скому.

Ка[къ] тебѣ вручи[тъ] се[й] ука[зъ] копита[нъ] поручи[къ] Ка[р]пофъ то не мешка[въ] всѣ по[н]тоны съі[хъ] тѣлеги і мо[с]то[нъ] о[т]правъ сни[нъ] х Киеву на дово[дъ]ны[хъ] по[д]вода[хъ]

Пе[т]ръ.

I[зъ] Смоле[н]ска въ 9[день] ма[р]та 1711.

На письмѣ помѣта: «Сей Великаго Государя указъ подалъ марта въ 15- день капитанъ поручикъ Иванъ Козминъ сынъ Карповъ».

Примѣчаніе. Писано Петромъ на пути изъ Москвы къ польской границѣ, предъ началомъ турецкой кампаніи, когда войска усиленно отправлялись на югъ. Указъ писанъ на полулистѣ писчей бумаги. Въ словѣ: «Белогородскому» двѣ первыя буквы читаются невполнѣ отчетливо, такъ какъ бумага значительно пострадала отъ времени. С. Б.

II.

Письмо гетмана И. С. Мазепы къ С. П. Неплюеву.

Божію Милостію Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алеѯѣевича, всея Великія, и Малія, и Бѣлія Россіи Самодержеца, и Многыхъ Государствъ и Земель, восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ, отчича и дѣдича, и Наслѣдника и обладателя. Его Царскаго Величества Думному Дворянину и Воеводѣ Сѣвскаго Разряду, и Намѣстнику Серпуховскому, Господину Семену Протасьевичу Неплюеву. Моему Ласкавому Пріятелевѣ, зычливое мое препосилаю Поздравленіе.

За посѣщеніе листовное мнѣ учиненное, велце Вашой Милости дякую, и взаемне черезъ сей мой листъ навѣжаючи Вашой Милости доброго здоровья, зычꙋ оного якъ в' пренаимножайшіе лѣта з' приращеніемъ всякихъ желаемыхъ благъ и щасливостей заживати, и благополучнаго пребыванія ꙋзнавати. При томъ Мене не отемлемо Вашой Милости любителной пріязнѣ и доброму аффектовѣ навсегда отдаю. З' Батꙋрина мая 3 року ѧѱє

Вашой Милости зычливы пріятель
Іванъ Мазепа Гетманъ
Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества
власною рукою.

Примѣчаніе. На большомъ листѣ писчей бумагѣ. На оборотѣ адресъ, повторяющій надписаніе письма до слова: «Неплюеву» включительно.

III.

Письмо в. к. Павла Петровича къ С. А. Неплюеву.

Павловское въ 26 Июня 1787.

Семенъ Александровичь. Полку моего Маіоръ Рагозинъ, имѣя въ Орловскомъ Намѣстничествѣ тяжебное дѣло съ помѣщиками Львовыми, завладевшими без'законно имѣніемъ Его, увѣдомилъ мѣна что вы о томъ извѣстны, но что насылаемые вами Карачевскому Суду по сему дѣлу предписаніи, остаются безъ всякаго дѣйствія, а мѣжду темъ соперники Его пользуются имѣніемъ и причиняютъ Ему наглостію своею разореніе, то входя въ такое состояніе Маіора Рагозина, считаю за нужное просить васъ, чтобъ вы взявъ дѣло сіе въ попеченіе онаго къ іcполнительному решенію. За симъ прошу васъ быть увѣрену о чистосердечіи съ каковымъ я Есмъ,

вашъ благосклонный
Павелъ.

Помѣта рукою С. А. Неплюева: «Имелъ счастіе получить 9 ч. іюля; донесеніе в ответъ отъ 10 іюля отправлено по почтѣ.»

Примѣчаніе. Писано на листѣ бѣлой почтовой бумаги, съ водянымъ знакомъ и такою же подписью: C. G. I. Honig. Съ 1782 г. по 1792 г. С. А. Неплюевъ состоялъ правителемъ Орловскаго намѣстничества. 4-го ноября 1798 г., какъ видно изъ сохранившагося у С. Г. Боборыкина подлиннаго рескрипта императора Павла, С. А. Неплюевъ, состоя тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени.

Сообщ. **С. Г. Боборыкинъ.**

Отъ Редакціи. Въ семейномъ архивѣ С. Г. Боборыкина кромѣ весьма обязательно сообщенныхъ имъ этихъ документовъ сохранилось еще нѣсколько интересныхъ историческихъ матеріаловъ и мы надѣемся, что почтенный владѣлецъ этого архива познакомитъ съ ними читателей «Русской Старины».

Ред.

Примѣры гласности въ царствованіе Александра I-го.

1802—1809.

I.

Въ началѣ 1802 года петербургское общество встревожено было загадочною смертію жены купца Араужо, славившейся своею красотою. Пошли разные слухи и неосновательные толки. Молодой государь, весьма еще тогда внимательный къ общественному мнѣнію, счелъ необходимымъ предать гласности результаты слѣдствія, немедленно назначеннаго по этому дѣлу. По высочайшему повелѣнію было напечатано на отдѣльныхъ листкахъ (въ 4-ю д., 4 стр.) и разослано по столицѣ слѣдующее:

Объявленіе. Въ С.-Петербургѣ, 30-го марта 1802 г. „До свѣдѣнія государя императора дошли разнообразные слухи, разнесшіеся здѣсь по городу по случаю скоропостижной смерти жены купца Араужо, причиненной якобы насильственными, неистовыми, наглыми и непозволительными поступками генералъ-лейтенанта Баура съ нѣсколькими сообщниками изъ офицеровъ. Его императорское величество, желая обнаружить истину, открыть преступленіе и, въ защиту человѣчества, предать виновныхъ, безъ всякаго лицепріятія, суду по законамъ, высочайше повелѣть соизволилъ полиціи произвесть строжайшее о томъ изслѣдованіе. Во исполненіе чего учинены были обстоятельные допросы всѣмъ причастнымъ и могущимъ имѣть какое-либо о семъ приключеніи свѣдѣніе, по коимъ открылось слѣдующее: жена бывшаго акушера, вдова баронеса Моренгеймъ показала, что госпожа Араужо, 10-го марта, пополудни въ 6-мъ часу, пріѣхала къ ней въ то самое время, когда находился у нее колежскій совѣтникъ Торси, и пробывъ съ четверть часа, сказала, что имѣетъ исполнить еще какую-то комисію и возвратится попозже, къ чаю; и такъ уѣхала. Около осьми часовъ вечера, когда госпожа Моренгеймъ, съ собравшимися къ ней гостьми, пила чай, вызвана она была дѣвкою своею въ другую комнату, гдѣ нашла госпожу Араужо лежащую въ обморокѣ; употребивъ различные способы, достигли до того, что возвратили ей полное чувство; но говорить могла она токмо съ превеликимъ трудомъ и отрывистыми словами, требуя, чтобы ее раздѣли, чтобы дали чистое бѣлье, чтобы послали за докторомъ Бутацомъ, за ея каретою и дѣвкою; все сіе было исполнено, и потомъ, по требованію доктора,

повезена она домой, куда онъ ее самъ проводилъ. Между тѣмъ узнала госпожа Моренгеймъ отъ людей своихъ, что когда госпожа Араужо послѣ обѣда къ ней пріѣхала, то тотчасъ отпустила свою и уѣхала паки въ незнакомой каретѣ; наконецъ неизвѣстнымъ человѣкомъ принесена въ домъ чрезъ кухню въ дѣвичью комнату. Дворовые люди баронесы Моренгеймъ,—дѣвка Матвѣева и слуга Матвѣевъ, утвердили во всемъ сіе показаніе, прибавя токмо, что чрезъ короткое время послѣ пріѣзда г-жи Араужо къ баронесѣ, пріѣхалъ неизвѣстный лакей съ четвероместною въ четыре лошади каретою, и, вызвавъ Араужо, подалъ ей записку не запечатанную, по прочтеніи коей, она велѣла своей каретѣ ѣхать домой, сказавъ, что пріѣдетъ въ Моренгеймовой, и вслѣдъ затѣмъ поѣхала въ той четвероместной; въ исходѣ же осьмаго часа, когда неизвѣстный лакей, внеся ее въ кухню и положа больную, весьма скоро ушелъ, то ее рвало и на платьѣ были знаки прежней рвоты. По сему показанію отысканы были извощики, крестьяне Алексѣевъ и Григорьевъ, которые объявили, что 10-го марта, послѣ полудни, часу въ 3-мъ, пришелъ къ нимъ на Волынскій дворъ человѣкъ и подрядилъ четвероместную карету съ четырьмя лошадьми на остальное время дня; сѣвши въ карету, тотъ лакей велѣлъ ѣхать ко дворцу на маленькій дворикъ, къ подъѣзду его высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича, куда онъ и побѣжалъ, а часа черезъ полтора, вышедъ и ставъ позади кареты, велѣлъ ѣхать на Невскую перспективу, въ нѣмецкую церковь, къ г-жѣ Моренгеймовой; не долго побывъ, вышелъ съ какою-то госпожею, посадя ее въ карету, и опять велѣлъ ѣхать во дворецъ къ тому же подъѣзду, у котораго они дожидались около трехъ часовъ; потомъ та же самая госпожа, вышедъ изъ дворца, будучи провожаема двумя лакеями и господиномъ со звѣздою, сѣла въ карету, а оба лакея стали за оною и велѣли ѣхать опять на Кирошной дворъ, къ Моренгеймовой, гдѣ, высадя ее изъ кареты, повели въ покои, но одинъ лакей, отставши на лѣстницѣ, ушелъ со двора пѣшкомъ, а другой, очень скоро возвратясь, велѣлъ опять ѣхать во дворецъ, откуда вынеся достальныя деньги, отпустилъ ихъ домой. Сіе показаніе, въ разсужденіи пріѣзда ихъ ко дворцу и отъѣзда оттуда, утвердилъ крестьянинъ Алексѣй, ѣздившій извощикомъ у адъютанта генералъ-лейтенанта Баура, Шперберга. Камердинеръ государя великаго князя Константина Павловича, Рудковскій, сказалъ, что того же 10-го марта, вечеромъ, живущій у него вольный лакей Новицкій объявлялъ ему, что онъ видѣлъ какую-то больную женщину вели два лакея отъ господина Баура въ карету и онъ самъ ее провожалъ; на другой же день на спросъ о томъ Рудковскаго, Бауръ отвѣтствовалъ, что ему

рекомендовали француженку, которой, по пріѣздѣ къ нему, сдѣлался обморокъ, вѣроятно не желая обнаружить фамиліи Араужо, какъ давней его знакомой. Новицкій въ точныхъ словахъ подтвердилъ сказанное Рудковскимъ. Придворный лакей Богдановъ и истопникъ Хмѣльницкій, бывшіе при комнатахъ Баура, объявили, что дѣйствительно у г. Баура того 10-го марта была женщина, которую они считали за просительницу, и что тогда у Баура никого не было, кромѣ адъютанта его Шперберга; спустя же нѣсколько часовъ, не слыхавъ никакого спорнаго или громкаго разговора, какъ вдругъ узнали, что сей женщинѣ сдѣлалось тошно и рвало ее, послѣ чего проводили ее въ карету. Доктора Бутацъ, де-Гро, Вейкартъ и штаб-лекарь Книперъ, пользовавшіе больную, письменно утвердили, что она была въ совершенномъ параличѣ, и что ни малѣйшихъ даже знаковъ насильства ей, яко-бы учиненнаго, примѣтить не могли. Жена стекольнаго фабриканта, вдова Шенфельдерова, обмывавшая тѣло умершей, показала, что на ономъ не только знаковъ къ заключенію о насильственной смерти, ниже малѣйшаго пятна не было. Отецъ и сестра умершей на двукратное спрашиваніе объявили, что въ причинахъ къ насильственной ея смерти ни малѣйшимъ и сомнѣніемъ себя не безпокоятъ и поводу къ таковому заключенію не имѣли.

Не довольствуясь симъ, его императорскому величеству благоугодно было, для точнѣйшаго открытія истины и узнанія источника и причины разнесшихся слуховъ, повелѣть генерал-прокурору вновь переслѣдовать все дѣло и, въ тоже время, возвратиться сюда генерал-лейтенанту Бауру, отправившемуся къ должности. Подробное изслѣдованіе, генераломъ-прокуроромъ учиненное, повторенные допросы и побочныя развѣдыванія подтвердили во всѣхъ частяхъ вышепрописанныя показанія; а генерал-лейтенантъ Бауръ, по пріѣздѣ сюда, генерал-прокурору учинилъ слѣдующее показаніе: будучи съ давнихъ лѣтъ знакомъ какъ съ госпожею Араужо, такъ и со всѣмъ домомъ отца ея, видѣлъ 8-го марта въ обществѣ, гдѣ она просила его дозволенія пріѣхать къ нему, дабы попросить и посовѣтоваться съ нимъ объ устроеніи на будущее время жребія дѣтей ея; хотя же онъ предлагалъ ей тотчасъ вступить о томъ въ разговоръ, но она отозвалась за множествомъ людей, ихъ окружающихъ, дабы не навлечь на себя каковое-либо подозрѣніе, и, назначивъ пріѣхать въ понедѣльникъ, то есть 10-го марта, просила прислать за нею карету къ баронесѣ Моренгеймовой. Онъ, обѣдавъ въ тотъ день у себя въ комнатѣ съ секретаремъ Зингеромъ и инспекторскимъ своимъ адъютантомъ Шпербергомъ, при нихъ во время стола приказалъ своему камердинеру Бухальскому нанять карету въ четыре лошади; послѣ же, часу въ

шестомъ, послалъ его за госпожею Араужо къ баронесѣ Моренгеймъ; она по прiѣздѣ тотчасъ жаловалась, что правою стороною неудобно владѣетъ и что ей тошно, послѣ чего стало ее рвать; онъ въ крайнемъ смущенiи, употребивъ всѣ возможные ему способы оправить нѣсколько ея состоянiе, и успѣвъ въ томъ, проводя ее самъ до кареты, отправилъ съ помянутымъ камердинеромъ и лакеемъ, по собственному ея требованiю, обратно къ г-жѣ Моренгеймъ; по возвращенiи же камердинера, узналъ отъ него, что при самомъ прiѣздѣ ея, на четвертой ступени крыльца стала она жаловаться о дурнотѣ, и что правою ногою не можетъ твердо ступить; почему требовала ее проводить за руку, что имъ и исполнено. Секретарь Зингеръ, адъютантъ Шпербергъ, камердинеръ Бухальскiй и лакей Гейнрихъ, будучи въ учиненныхъ на нихъ ссылкахъ и показанiяхъ допрашиваемы, объявили во всемъ съ вышеприсанныиъ согласно; первый сказалъ даже, что, по возвращенiи его, въ восемь часовъ къ генералу-лейтенанту Бауру, видѣлъ онъ еще слѣды рвоты.

Но какъ всѣ сiи обстоятельства не открываютъ ни малѣйшаго слѣда къ оправданiю вышепомянутыхъ слуховъ, то его императорское величество, желая обнаружить истину и подать симъ способъ невиннымъ оправдаться, высочайше повелѣть соизволилъ, для третичнаго, еще подробнѣйшаго, точнѣйшаго и строжайшаго изслѣдованiя всего дѣла, составить особую комисiю изъ господъ генерала отъ инфантерiи графа Татищева, генерал-лейтенантовъ графа Апраксина и князя Волконскаго и генерал-маiоровъ Вердеревскаго и Ушакова.

А дабы истощить всѣ возможные способы къ достиженiю преднамѣреваемой цѣли, то чрезъ сiе отъ лица монарха и именемъ святой правды, воззываются всякiй другъ невинности и добродѣтели, всякiй отецъ, мужъ и вообще всякiй благомыслящiй гражданинъ, имѣющiй какiя-либо основательныя свѣдѣнiя, или же доказательства къ обнаруженiю преступленiя, или къ открытiю источника, или причины основательности или неосновательности часто упоминаемыхъ слуховъ, да явится въ реченную комисiю, или къ кому-либо изъ членовъ оной съ довѣренностiю, внушаемою ему безпредѣльнымъ милосердiемъ государя и любовiю его къ истинѣ, и да объявитъ безъ страха или какого опасенiя по сущей совѣсти настоящую правду, вмѣняя себѣ въ награду спасенiе многихъ отъ подозрѣнiя и исполненiе долга честнаго человѣка и гражданина.

II.

Выписка изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Санктпетербургъ, 31-го августа 1809 г. Въ предостереженiе легковѣрности признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени прилеж-

нымъ надзоромъ открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ, въ разныя времена, происходили разные нелѣпые толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, сами собою исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всѣ происшествія служатъ предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ. Возстанетъ-ли война въ предѣлахъ, отъ Россіи удаленныхъ? Они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія, и есть-ли имъ повѣрить, то кажется война уже въ Петербургѣ. Одержана-ли войсками нашими побѣда? по разсказамъ сихъ добрыхъ патріотовъ, тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ—Багратіонъ. Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Кронштадтъ пылаетъ по слову ихъ, а Ревель обращенъ уже въ пепелъ. Но внѣшнихъ происшествій для нихъ не довольно; дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предмѣты и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле новостей. „Сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки; завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное; а первое сентября сего года непремѣнно послѣдуетъ указъ, испровергающій всѣ отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противорѣчилъ, и за то впалъ въ немилость; а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, и потому онъ въ силѣ".

Если бы люди благонамѣренные знали истинные источники сихъ нелѣпыхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злонамѣренности и игралищемъ страстей для нихъ чуждыхъ.

Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ разсказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастіе; но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣянію".

Приведенная выше выписка была разослана губернаторамъ. Предъ нами циркуляръ, при которомъ одинъ изъ начальниковъ губерній, именно Слободско-Украинской, (Харьковской) Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, [1]) разослалъ „выписку", въ нѣсколькихъ печатныхъ экземплярахъ, предводителямъ дворянства. Ред.

Циркулярно. Господину правящему должность Валковскаго уѣзднаго дворянства предводителя, Валковскому уѣздному судьи, колежскому асесору Θедору Дмитріевичу Васильковскому.

---

[1]) Отецъ достопамятнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина.

Изъ полученныхъ мною отъ его сіятельства г-на министра внутреннихъ дѣлъ, сенатора и кавалера, нѣсколькихъ печатныхъ экземпляровъ списка статьи, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 31-го августа сего (1809) года подъ № 70, о разныхъ нелѣпыхъ новостяхъ и свойственныхъ имъ толкахъ, разсѣваемыхъ, съ нѣкотораго времени, въ публикѣ праздными людьми, которые обратили на себя вниманіе правительства, я, въ предостереженіе по ввѣренной управленію моему губерніи легковѣрности, въ разсужденіи того, что вѣдомости не всѣми получаются и до свѣдѣнія не всякого, кто можетъ читать и разсуждать, доходятъ, за нужное почелъ между прочими господами уѣздными дворянства предводителями препроводить и къ вамъ, милостивый государь мой, три экземпляра и просить, чтобы вы, безъ всякаго впрочемъ кому-либо предписанія, постарались оные сколько возможно, подъ видомъ любопытной новости, сдѣлать извѣстнѣе господамъ дворянамъ Валковскаго уѣзда. Ив. Бахтинъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Контузія фельдмаршала Паскевича

1854 г.

Вечеромъ 21-го мая 1854 года былъ полученъ приказъ по войскамъ, осаждавшимъ крѣпость Силистрію, быть готовымъ къ выступленію на рекогносцировку, подъ начальствомъ самого фельдмаршала.

Я былъ врачемъ при 8-й легкой батареѣ 15-й полевой артилерійской бригады, составлявшей, вмѣстѣ съ Люблинскимъ егерскимъ полкомъ, лѣвый флангъ арміи, расположенный на рѣкѣ или, лучше, оврагѣ Алмалуѣ, почти посрединѣ нашей окупаціонной линіи, вокругъ Силистріи. Отрядомъ командовалъ извѣстный всѣмъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ.

День 22-го мая былъ пасмурный, вполнѣ благопріятный для движенія арміи. Люблинскій полкъ, построясь въ батальонныя каре, съ артилеріею въ интервалахъ, двинулся въ авангардѣ. Раньше нашего отряда прошли казаки съ превосходною во всѣхъ отношеніяхъ конною казачьею батареею, нумера которой не помню. За ними шла и остальная армія, до 80-ти тысячъ, кажется, тоже построенная въ каре.

Чрезъ часъ по выступленіи, справа, ближе къ укрѣпленію Абдулъ-Меджидъ, появились баши-бузуки, преслѣдуемые казаками и конною казачьею батареею, за которыми слѣдовали и гусары. Послышалась пушечная и ружейная не оживленная перестрѣлка, длившаяся не болѣе часа. Пѣхота во все это время двигалась безостановочно и была остановлена на крутой возвышенности берега Дуная, противополож-

наго тому, на которомъ былъ нашъ лагерь, по другую западную сторону Силистріи. Атака казаковъ и гусаръ имѣла результатомъ нѣсколько убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуковъ безъ всякой потери съ нашей стороны.

Этимъ дѣло кончилось. Войска были остановлены по обѣимъ сторонамъ оврага, на днѣ котораго лежала булгарская деревня Бабукъ.

Фельдмаршалъ прибылъ къ арміи при началѣ движенія и все время находился верхомъ въ авангардѣ, распоряжаясь лично всѣми движеніями. Когда войска были остановлены, онъ объѣзжалъ передовыя линіи, окруженный штабомъ и конвоемъ. Удаленіе баши-бузуковъ подъ защиту крѣпости и наша неподвижность дали возможность туркамъ открыть артилерійскій огонь, хотя и безвредный по дальности разстоянія, но все-таки безпокойный: двадцати четырехфунтовыя ядра, навѣсно нерекошетируя, ложились сзади и между нашими колоннами. Одно изъ такихъ ядеръ съ шумомъ упало въ 2, 3-хъ шагахъ отъ фельдмаршала, лошадь его испугалась и бросилась въ сторону. Уставшій старикъ вѣроятно упалъ бы, но, къ счастію, его поддержали ѣхавшіе сзади конвойные. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась по арміи. „Фельдмаршалъ контуженъ“ переходило изъ устъ въ уста скорѣе телеграфа. Вслѣдъ за событіемъ послышались крики: „доктора! доктора!“ Представителемъ медицины въ передней линіи былъ я одинъ съ батарейнымъ фельдшеромъ и лазаретною телѣгою, называвшеюся, не знаю почему, каретою. Прицѣпивъ лежавшую на всякій случай въ фурѣ шпагу, я направился на звавшіе меня голоса и увидѣлъ въ шагахъ 30-ти отъ моего перевязочнаго пункта лежащаго на коврѣ блѣднаго старика съ лицомъ, правда, усталымъ, но спокойнаго. Подошедшій ко мнѣ адъютантъ совѣтовалъ быть смѣлѣе. Фельдмаршала я видѣлъ въ первый разъ. Я спросилъ фельдмаршала, что у него болитъ. Онъ ласково отвѣчалъ, что „болитъ бокъ“, указывая на правую сторону грудной клѣтки. Бывши почти очевидцемъ происшествія, случившагося не болѣе какъ въ 50-ти шагахъ отъ меня и переданнаго съ первыхъ рукъ, я не находилъ нужнымъ изслѣдовать больное мѣсто и просилъ у фельдмаршала позволенія только растереть ему бокъ спиртомъ. „Хорошо, докторъ!“—былъ отвѣтъ. Смѣшавъ какъ можно скорѣе тинктуру арники, камфорный спиртъ съ небольшимъ количествомъ свинцовой воды, я возвращался къ больному съ склянкой въ рукѣ, довольный этою временною ролью врача—замѣчательнаго человѣка. Фельдмаршалъ лежалъ уже обложенный со всѣхъ сторонъ подушками (?). Собравшіеся генералы и адъютанты (человѣкъ до 30-ти) образовали около него молчаливый кругъ. Меня со склянкой пропустили въ средину

его. Состояніе духа фельдмаршала было тоже, что и въ первый визитъ, но.... мои услуги на этотъ разъ не удостоились одобренія: когда я предложилъ растираніе, фельдмаршалъ, не взглянувъ на меня, сказалъ: „пошелъ прочь!“ что я и исполнилъ очень проворно. Возвратившись къ своей фурѣ, я засталъ тамъ штабныхъ врачей Гиршгофта и Москвина (теперь профессоровъ), прискакавшихъ съ перевязочнаго пункта, устроеннаго въ трехъ верстахъ отъ послѣдней нашей позиціи. Турки въ это время прекратили пальбу.

Фельдмаршалъ послѣ этой рекогносцировки уѣхалъ въ Каларашъ, потомъ въ Яссы и Варшаву. Войска поступили подъ начальство князя Горчакова.

Извѣстно, что фельдмаршалъ былъ горячимъ противникомъ перехода нашихъ войскъ за Дунай. Первымъ его словомъ по прибытіи въ армію, въ апрѣлѣ 1854 года, было неодобреніе этого движенія. „Прежде нужно покончить съ австрійцами, а потомъ уже начать бить турокъ!“ говорилъ онъ при встрѣчѣ съ княземъ Горчаковымъ. Наглядными доказательствами апатіи фельдмаршала Паскевича къ начатымъ военнымъ дѣйствіямъ, служатъ: двухмѣсячное движеніе арміи отъ Мачина до Силистріи, блокада и осада Силистріи. Первое обстоятельство объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что мосты, построенные въ Измаилѣ, не могли быть доставлены раньше конца апрѣля къ осаждаемому городу. Медленность и своеобразность дѣйствій осаднаго корпуса, хотя и находитъ себѣ извиненіе въ желаніи фельдмаршала сберегать войска, тѣмъ не менѣе извиненіе это равносильно нежеланію его осаждать Силистрію. Такъ съ 4-го по 20-е мая изъ 8, 9-ти верстнаго разстоянія между двумя изгибами Дуная, нашимъ укрѣпленнымъ лагеремъ было занято не болѣе 2-хъ верстъ. Остальное пространство охранялось казачьими и кавалерійскими разъѣздами, до того слабыми, что часто въ виду ихъ входили и выходили подкрѣпленія и цѣлые обозы съ провіантомъ для осажденныхъ. 20-го мая расширена окупаціонная линія еще на двѣ версты отрядомъ генерала Хрулева. Страдавшіе отъ бездѣйствія молодые офицеры-тактики, объясняли такую блокаду желаніемъ фельдмаршала „заманить Омер-пашу“. Осада Силистріи шла тѣмъ же путемъ. Траншеи противъ передовыхъ укрѣпленій начаты изъ далека, подвигались медленно; батареи вооружались полевыми орудіями. Осадными работами руководилъ (до раненія) старикъ инженер-генералъ Шильдеръ, который, браня не совсѣмъ вѣжливо фельдмаршала и князя Горчакова, отыскивалъ только мѣста траншей, веденныхъ имъ въ 1828 году, мало заботясь о настоящемъ положеніи дѣлъ. Тотлебенъ хотя и исправлялъ работы насколько могъ, но былъ не въ состояніи вполнѣ ослушаться своего

начальника. Прямое вліяніе фельдмаршала на ходъ дѣлъ подъ Силистріею доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что чрезъ нѣсколько дней по вступленіи въ командованіе войсками, князь Горчаковъ назначилъ штурмъ передовыхъ укрѣпленій, имѣвшій быть съ 9-го на 10-е іюня, 1854 г., но отказанный по случаю полученнаго распоряженія объ отступленіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію (?), что происшествіе 22-го мая служило только предлогомъ къ выполненію, вѣроятно, давняго желанія фельдмаршала удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ скачокъ лошади и паденіе ядра въ трехъ шагахъ не могли произвести не только контузіи, но даже обыкновеннаго легкаго ушиба. Медицинское пособіе требовалось только въ началѣ, при испугѣ, весьма натуральномъ, впослѣдствіи же, послѣ отдыха, оно было уже излишнимъ.

Павлуцкій.
Отставной военный врачъ.

Г. Бобруйскъ.

Примѣчаніе. Мы всегда дорожимъ свидѣтельствами очевидцевъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, хотя и эти свидѣтельства далеко не всегда неопровержимы и должны подлежать критикѣ. Такъ напримѣръ о разсказанномъ выше случаѣ—предъ нами выдержка изъ дневника другого очевидца, бывшаго въ свитѣ Паскевича:

«Ядро, пущенное изъ Абдул-Меджида, ударилось въ землю, осыпавъ нѣсколько фельдмаршала. Обозженная лошадь сдѣлала скачекъ. Кн. Варшавскій пересѣлъ на другого коня и подъѣхалъ къ лѣвому флангу.

«Здѣсь всѣ слезли съ лошадей.

«Князь Варшавскій легъ на буркѣ—подали походный завтракъ.....

«Фельдмаршалъ почувствовалъ боль въ боку и спинѣ.... отъ контузіи....

«Фельдмаршалъ не могъ сѣсть верхомъ и на дрожкахъ былъ отвезенъ въ Калорошъ.

«На другой день фельдмаршалъ лежалъ въ постелѣ.... На спину и къ боку его свѣтлости ставили піявки и банки.... устроили особаго рода костыли....

«Черезъ три дня фельдмаршалъ выѣхалъ въ Яссы».

Желательно, чтобъ достоуважаемый составитель дневника, изъ котораго приведена выдержка, подѣлился имъ съ читателями «Русской Старины».

Ред.

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

Анекдоты.—Шутки и остроты.

Генерал-адъютантъ кн. А. С. Меншиковъ весьма извѣстенъ своими остротами [1]). Однажды, явившись во дворецъ и ставъ передъ зеркаломъ, онъ спрашивалъ у окружающихъ: не велика-ли борода у него? На это, такой-же острякъ, генералъ Ермоловъ, отвѣчалъ ему: „что-жъ, высунь языкъ, да обрѣйся!" Въ другой разъ великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ кому-то: „Если мы будемъ смотрѣть на лицо кн. Меншикова съ двухъ противоположныхъ сторонъ, то тебѣ будетъ казаться, что „онъ насмѣхается, а мнѣ—что онъ плачетъ". Эта острота Ермолова и замѣчаніе великаго князя очень хорошо выражаютъ характеръ князя Меншикова.

Вотъ нѣсколько остротъ его, [2])

Въ 1834 году, одному важному лицу подарена была трость, украшенная бриліантами. Кто-то, говоря объ этомъ, выразился такимъ образомъ: „князю дали палку".—„А я бы",—сказалъ Меншиковъ,—„далъ ему сто палокъ!" Нѣкоторые чиновники путей сообщенія, въ очень давнее время славились кражами и взятками. Князь Меншиковъ, возвратившись изъ одной поѣздки, разсказывалъ: „Ѣздилъ я въ Эстляндію и на дорогѣ, въ одномъ мѣстечкѣ, сдѣлался тяжело боленъ. Какъ христіанинъ, призываю священника, для исповѣди и святого причастія. Священникъ, разспрашивая меня о грѣхахъ моихъ, между прочимъ, спросилъ, не беру-ли я взятокъ. Это изумило меня; однакожъ я отвѣчалъ, что не беру. По выходѣ священника, я не могъ забыть его, страннаго для меня, вопроса. Между тѣмъ, я почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни. Приписывая это благодати Божіей, я на другой день опять послалъ за священникомъ, чтобы еще подкрѣпить себя его бесѣдою. Снова разговаривая съ нимъ и все помня вчерашній вопросъ его, я наконецъ рѣшился спросить, отъ чего онъ думалъ, что я беру взятки?

— Извините, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ смущенный священникъ,—вчерась я былъ обманутъ; мнѣ сказали, что вы генералъ путей сообщенія!

---

[1]) Замѣтки эти писаны при его жизни, около 1857—1860 гг.

[2]) Нѣкоторые разсказы о Меншиковѣ мы оставляемъ въ рукописи, какъ неудобные для печати. Ред.

Одинъ изъ трехъ братьевъ-богачей, полковникъ Лазарь Акимовичъ Л., потомокъ армянъ, женатый на принцесѣ курляндской, племянницѣ жены Таллейрана [1]) любилъ хвастаться этимъ и часто повторялъ: мой дядя Таллейранъ, мой дядя Таллейранъ. Однажды онъ отпустилъ это хвастовство при князѣ Меншиковѣ.

— Ошиблись,—замѣтилъ ему Меншиковъ, — вы хотѣли сказать: мой дядя Тамерланъ!

Ѳедоръ Павловичъ В*, достигшій чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и должности товарища министра финансовъ, былъ вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на свою наружность, большой волокита: гуляя по Невскому, и другимъ смежнымъ улицамъ, подглядывалъ подъ шляпку каждой встрѣчной дамѣ. Когда Ѳедоръ Павловичъ, по отъѣздѣ графа Канкрина за границу, вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ и сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, князь Меншиковъ разсказывалъ:

— Шелъ я по Мѣщанской и вижу—всѣ окна въ нижнихъ этажахъ домовъ освѣщены и у всѣхъ воротъ множество особъ женскаго пола. Сколько я ни ломалъ головы, никакъ не могъ отгадать причины иллюминаціи, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакого случая, который бы могъ подать поводъ къ народному празднику. Подойдя къ одной особѣ, я спросилъ ее:

— Скажи, милая, отъ чего сегодня иллюминація?

— Мы радуемся,—отвѣчала она,—повышенію Ѳедора Павловича.

Еще про него же, Ѳедора Павловича, разсказывалъ князь Меншиковъ: „Вронченко ѣздилъ въ Царское Село, съ докладомъ, и, по случаю праздника, былъ въ мундирѣ и въ лентѣ черезъ плечо По окончаніи доклада, Ѳедора Павловича спрашиваютъ: Куда ты теперь поѣдешь?

— Въ Петербургъ, домой,—отвѣчалъ Вронченко.

— Прямо-ли домой?—опять спрашиваютъ.

— Прямо,—отвѣчалъ Ѳедоръ Павловичъ.

— То-то,—сказано ему: не ходи въ лентѣ къ дѣвицамъ, прежде заѣзжай домой и переодѣнься".

Конечно, весь этотъ анекдотъ выдумалъ Меншиковъ.

---

[1]) Графъ Таллейранъ, Перигоръ женатъ былъ на внукѣ извѣстнаго при Аннѣ Іоанновнѣ герцога Эрнеста Бирона, а Л. А. Лазаревъ († 1871 г.) на правнукѣ того же герцога, племянницѣ жены Таллейрана. См. «Родосл. книгу» изд. «Рус. Ст.», Стр. 67. Ред.

П* былъ очень высокъ ростомъ и неукладистъ. Меншиковъ называлъ его „трехполѣннымъ“.

М*, занимая важный постъ въ трехъ учрежденіяхъ, при поѣздкахъ по Россіи, какъ разсказывали, получалъ по всѣмъ этимъ учрежденіямъ прогоны. Меншиковъ называлъ его: „трехпрогоннымъ“.

Генералъ N. N. лѣтомъ жилъ въ Павловскѣ, на дачѣ Позена. Меншиковъ, разговаривая съ нимъ объ этомъ, спросилъ его:

— Который флигель вы занимаете, правый?

— Нѣтъ;—отвѣчалъ тотъ, въ правомъ живетъ самъ Позенъ.

— Стало-быть лѣвый?

— И не лѣвый,—отвѣчалъ генералъ,—тамъ живетъ Брискорнъ; я занимаю средній флигель.

— Стало-быть—сказалъ Меншиковъ—вы помѣщены какъ Іисусъ на Голгоѳѣ.

Нѣкоему П*, въ 1842 г., за поѣздку на Кавказъ, пожаловали табакерку съ портретомъ. Кто-то находилъ неприличнымъ, что портретъ высокой особы будетъ въ карманѣ П*.

— Что-жъ удивительнаго,—сказалъ Меншиковъ.—Желаютъ видѣть, что въ карманѣ у П*.

Министерство государственныхъ имуществъ создано по предначертанію гр. Киселева, отъ котораго ожидали, что онъ улучшитъ положеніе казенныхъ крестьянъ; но надежды не исполнились, и новое министерство, перепутавъ прежній порядокъ, само запуталось въ своихъ распоряженіяхъ. Въ 1842 г., противъ квартиры гр. Киселева, на Мойкѣ, у Почтамскаго мостика, построенъ былъ временной балаганъ, въ которомъ показывали панораму Парижа. На вопросъ, для чего построенъ этотъ балаганъ, Меншиковъ отвѣчалъ:

— Здѣсь показываютъ въ миніатюрѣ улучшеніе казенныхъ крестьянъ.

На графа Клейнмихеля возлагались чрезвычайно разнообразныя обязанности. Бывъ дежурнымъ генераломъ, онъ возобновлялъ Зимній дворецъ послѣ пожара, и потомъ ему подчинена была медико-хирургическая академія. На него же возложили устройство московской желѣзной дороги. Это возраждало многія остроты, и въ одномъ иностранномъ журналѣ писали, что возобновленіе Зимняго дворца поручено было доктору медицины Клейнмихелю; а въ Петербургѣ, при

каждомъ открытіи вакансіи важной государственной должности, тотчасъ носились слухи, что на это мѣсто опредѣленъ будетъ Клейнмихель. Его назначали, по народному слуху, и военнымъ министромъ, и министромъ внутреннихъ силъ, и шефомъ жандармовъ. Въ 1843 г. когда Клейнмихель былъ уже главноуправляющимъ путями сообщенія, умеръ митрополитъ Серафимъ. Слушая разговоры и предположенія о томъ, кто будетъ назначенъ митрополитомъ въ Петербургѣ, Меншиковъ сказалъ: „Вѣроятно назначатъ гр. Клейнмихеля".

Въ 1843 г. военный министръ князь Чернышевъ былъ отправленъ съ порученіемъ на Кавказъ. Думали, что государь оставитъ его главнокомандующимъ на Кавказѣ, и что военнымъ министромъ назначенъ будетъ Клейнмихель. Въ то время Михайловскій-Данилевскій, извѣстный военный историкъ, заботившійся въ своемъ трудѣ о томъ, чтобы выдвинуть на первый планъ подвиги тѣхъ генераловъ, которые могли быть ему полезны, и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу, приготовлялъ новое изданіе описанія войны 1813—1814 годовъ. Это изданіе уже оканчивалось печатаніемъ. Меншиковъ сказалъ: „Данилевскій, жалѣя перепечатать книгу, пускаетъ ее въ ходъ безъ передѣлки; но въ началѣ сдѣлалъ примѣчаніе, что все, написанное о князѣ Чернышевѣ, относится къ графу Клейнмихелю".

Когда умеръ Михайловскій-Данилевскій, Меншиковъ сказалъ: „вотъ и еще баснописецъ умеръ!"

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, съ самаго поступленія въ министры внутреннихъ дѣлъ, обратилъ на себя общее вниманіе многими распоряженіями, которыми онъ предупреждалъ голосъ и нужды народныя: онъ преобразовалъ полицію, ввелъ надзоръ за продажею съѣстныхъ припасовъ, постановилъ таксу даже гробамъ, старался истребить мошенниковъ, и проч. Меншиковъ разсказывалъ: „Иду я по Невскому. Вдругъ какой-то мальчикъ, указывая на шедшаго впереди меня человѣка, спросилъ меня: видишь-ли, кто это идетъ?

— Вижу,—отвѣчалъ я.

— Да знаешь-ли, кто это?—продолжалъ мальчикъ.

— Знаю,—отвѣчалъ я,—это Перовскій.

— Ну, такъ дай мнѣ грошъ,—сказалъ мальчикъ.

— За что же?—спросилъ я его.

— За то,—отвѣчалъ мальчикъ, что я указалъ тебѣ человѣка, какихъ немного въ Петербургѣ.

Гр. Канкринъ, въ свободныя минуты, любилъ играть на скрипкѣ и игралъ очень дурно. По вечерамъ, передъ тѣмъ временемъ, когда подавали огни, домашніе его всегда слышали, что онъ пилитъ на своей скрипкѣ. Въ 1843 г. Листъ восхищалъ петербургскую публику игрой на фортепьяно. Государь, послѣ перваго концерта, спрашивалъ Меншикова, понравился-ли ему Листъ?

— Да,—отвѣчалъ тотъ,—Листъ хорошъ, но, признаюсь, онъ мало подѣйствовалъ на мою душу.

— Кто-жъ тебѣ больше нравится?—опять спросилъ государь.

— Мнѣ больше нравится—когда графъ Канкринъ играетъ на скрипкѣ!

Однажды Меншиковъ, разговаривая съ государемъ и видя проходящаго Канкрина, сказалъ:—Фокусникъ идетъ.

— Какой фокусникъ? — спросилъ государь: — это министръ финансовъ.

— Фокусникъ, — продолддолжалъ Меншиковъ. — Онъ держитъ въ правой рукѣ золото, въ лѣвой — платину: дунетъ въ правую — ассигнаціи, плюнетъ въ лѣвую — облигаціи.

Въ началѣ 1844 года Канкринъ слегъ въ постель. Многіе поговаривали, что это случилось не столько отъ болѣзни, сколько отъ того, что въ то время окончился срокъ арендѣ его, въ 70 т. р. с.; и государь, вмѣсто продолженія аренды, назначилъ ему только 30 т. руб. сер., ежегодно по смерть. Старикъ такъ долго хитрилъ, что ему ужъ перестали вѣрить. Въ это время великая княгиня Елена Павловна, при встрѣчѣ съ Меншиковымъ, начала съ нимъ разговоръ обыкновеннымъ вопросомъ: Не слышно-ли чего новаго?

— Пріятнаго, — отвѣчалъ князь, — ничего не слышно; но если ваше высочество позволитъ доложить вамъ непріятную новость, такъ. говорятъ, Канкрину сдѣлалось лучше.

Но Канкринъ уже не обманывалъ. Старость и болѣзни такъ ослабили его, что онъ наконецъ выпросилъ себѣ отставку. Въ маѣ 1844 года назначенъ Вронченко статс-секретаремъ и управляющимъ мистерствомъ финансовъ. Онъ былъ очень мнителенъ и въ важныхъ случаяхъ не зналъ, на что рѣшиться, потому составленъ особый финансовый комитетъ изъ предсѣдателя государственнаго совѣта кн. Васильчикова, члена того же совѣта кн. Любецкаго (полякъ) и статс-секретаря П* (потомокъ евреевъ). По этому случаю великій князь Михаилъ Павловичъ, увидавъ Меншикова, сказалъ:

— Слышалъ князь, министра финансовъ размѣняли на мелкую монету?

— Теперь, ваше высочество,—отвѣчалъ Меньшиковъ,—по крайней мѣрѣ извѣстно, чего стóитъ въ Россіи нѣмецъ—русскаго, поляка и еврея.

Необыкновенная энергія и быстрота въ исполненіи порученій, которыя возлагались на К*, тягостная и суровая для его подчиненныхъ, подала Меншикову поводъ выдумать слѣдующій разсказъ.

— Видѣлъ я во снѣ,—говорилъ Меншиковъ,—что ко мнѣ явился чортъ и требовалъ меня къ сатанѣ. Я, не зная особенныхъ преступленій за собой, изумился, но исполнилъ требованіе: потому что съ чортомъ шутить нельзя. Посланный привелъ меня въ тартаръ.

— Ты водяной министръ у русскаго царя? возопилъ сатана.

— Тутъ я догадался, что должна быть ошибка и осмѣлился доложить сатанѣ, что у русскаго царя два водяныхъ министра; одинъ—морской, другой—рѣчной, какого-жъ вашему высокостепенству, г. сатана, угодно?—„Рѣчнаго!!"—„Ну, такъ требуйте К*—онъ рѣчной".

— Его-то мнѣ и надобно,—отвѣчалъ сатана и, страшно вскрикнувъ на посланнаго, который сдѣлалъ ошибку, приказалъ ему тотчасъ привести рѣчнаго министра. Вскорѣ является К*.

— Ты начальствуешь надъ прѣсными водами?—грозно спросилъ его сатана.

— Я,—отвѣчалъ трепещущій министръ.

— Такъ подавай мнѣ свою душу!

— Какъ душу? едва произнесъ отъ страха и изумленія К*. Какую душу? Во мнѣ,—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ поклономъ, во мнѣ только усердіе все превозмогающее.

— Потомъ,—продолжалъ Меншиковъ,—я уже не помню, чѣмъ кончился этотъ страшный сонъ.

Въ 1848 году государь, разговаривая о томъ, что на Кавказѣ остаются семь разбойничьихъ ауловъ, которые для безопасности нашей было бы необходимо разорить, спрашивалъ:

— Кого бы для этого послать на Кавказъ?

— Если нужно разорить,—сказалъ Меншиковъ,—то лучше всего послать гр. Киселева: послѣ государственныхъ крестьянъ, семь ауловъ разорить—ему ничего не стоитъ!

Въ началѣ 18* г. въ петербургской крѣпости назначенъ новый комендантъ. По этому случаю Меншиковъ сказалъ: „Прежніе комен-

данты были, кто безъ ноги (Сукинъ и Крыжановскій), кто безъ руки (Скобелевъ), а нынѣшній—безъ головы".

По окончаніи венгерской кампаніи, получили: одинъ изъ корпусныхъ командировъ дѣйствующей арміи, генералъ Ридигеръ—графское достоинство; находившіеся при государѣ въ Варшавѣ графъ Нессельроде и гр. Орловъ—портреты его величества и гр. Адлербергъ—Андреевскую ленту; а военный министръ кн. Чернышевъ, за распоряженія во время войны—титулъ свѣтлости. Вслѣдъ затѣмъ и гр. Клейнмихелю пожалованъ былъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Меншиковъ сказалъ: „Ридигеру дана награда за кампанію, другимъ во время кампаніи, а гр. Клейнмихелю—для компаніи.

Австрійцы дрались противъ венгерскихъ мятежниковъ, какъ и всегда, чрезвычайно плохо, и венгерскую кампанію окончили, можно сказать, одни русскіе. Въ память этой войны, всѣмъ русскимъ войскамъ, бывшимъ за границей и дѣйствовавшимъ противъ непріятеля, пожалована государемъ серебряная медаль, съ надписью: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!" Меншиковъ сказалъ: „Австрійскій императоръ роздалъ своимъ войскамъ медаль съ надписью: „Богъ съ вами!"

Гвардія наша, въ венгерскую кампанію, ходила въ походъ на случай надобности, но остановилась въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ, а когда война кончилась, возвратилась въ Петербургъ, не слышавъ и свиста пуль. Несмотря на это, гвардейцы ожидали, что и имъ раздадутъ медаль. „Да,—сказалъ Меншиковъ,—и гвардейцы получатъ медаль,—съ надписью: Туда и обратно!"

Весною 1850 г. Меншиковъ былъ въ Москвѣ, когда тамъ находился государь. Разсуждая о храмахъ и древностяхъ Москвы, его величество замѣтилъ, что русскіе справедливо называютъ ее святою. „Москва дѣйствительно святая, — сказалъ съ смиреніемъ кн. Меншиковъ,—а съ тѣхъ поръ, какъ ею управляетъ графъ Закревскій, она и великомученица!"

Во время работъ по устройству петербурско-московской желѣзной дороги и постояннаго (Благовѣщенскаго) моста черезъ Неву, было много толковъ. Дорогу съ каждымъ годомъ обѣщали кончить, а между тѣмъ не видно было и конца работамъ. Мостъ дѣлали быстро, но рѣдкіе были увѣрены въ его прочности, и многіе опасались, что Нева,

рано или поздно, уничтожить труды человѣческіе. Меншиковъ, слушая разговоры о томъ и другомъ предпріятіи, сказалъ: „Желѣзную дорогу мы не увидимъ, но внуки наши увидятъ; а невскій мостъ мы увидимъ, да внуки не увидятъ“.

По увольненіи заболѣвшаго гр. Уварова отъ должности министра народнаго просвѣщенія, на его мѣсто назначенъ былъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Кн. Меншиковъ сказалъ: „Ну, теперь министерству просвѣщенія дали шахъ и матъ!“

Вслѣдъ затѣмъ, въ товарищи кн. Ширинскому-Шихматову опредѣлили Авраама Сергѣевича Норова, путешественника по востоку и писателя, потерявшаго на войнѣ одну ногу. „Захромало министерство просвѣщенія,—сказалъ кн. Меншиковъ,—прежде оно ходило по крайней мѣрѣ на четырехъ ногахъ, а теперь осталось о трехъ“.

Меншиковъ всегда отличалъ тѣхъ изъ служившихъ въ его министерствѣ чиновниковъ, которые оказывали дарованія. Такъ черезъ него вышли Николай Ивановичъ Вахтинъ, въ государственные секретари, бывшій потомъ замѣчательнымъ членомъ государственнаго совѣта, Фишеръ въ директоры департамента желѣзныхъ дорогъ. Въ 1849 г. изъ его же министерства взятъ въ директоры общей канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Гвоздевъ. Хотя самъ министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскій, человѣкъ энергическій и даровитый, можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ министровъ, но онъ имѣлъ слабость не удалить нѣкоторыхъ старыхъ приказныхъ и взяточниковъ. Разумѣя этотъ составъ министерства, по опредѣленіи Гвоздева въ директоры, на мѣсто умершаго фон-Поля, Меншиковъ сказалъ: „Министерство внутреннихъ дѣлъ расшаталось; чтобъ укрѣпить его, я вколотилъ въ него гвоздь“.

Сенаторъ S. женатъ былъ, первымъ бракомъ, на Агаѳоклеѣ Марковнѣ, рожденной П. Эта дама, что называется, бой-баба, въ домѣ держала все въ своихъ рукахъ, а въ городѣ слыла разнощицей пересудовъ и сплетней. Сколько не жаловала ее публика, видно изъ того, что по Петербургу, еще въ царствованіе императора Александра I, кто-то разнесъ глупую молву, будто Агаѳоклею Марковну будутъ сѣчь кнутомъ, и жители тысячами высыпали на зимнюю конную, чтобы видѣть экзекуцію. Но это народное мнѣніе не измѣнило нрава Агаѳоклеи Марковны, она продолжала быть распорядительни-

цей въ своемъ кругу, и особенно мужъ ея ничего передъ нею не значилъ, такъ что въ столицѣ больше знали Агаѳоклею Марковну, нежели сенатора S. Разъ, при выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, одинъ изъ пріѣзжихъ, не знавшій S., спросилъ у кн. Меншикова:

— Кто этотъ господинъ въ красномъ мундирѣ?

— Это,—отвѣчалъ Меншиковъ,—мужъ Агаѳоклеи Марковны!

Князь N. N. нѣсколько разъ подвергался такимъ болѣзнямъ, которыя очень рѣдко бывали въ мірѣ у другихъ и, почти всегда, оканчивались смертію. Тѣло его, особенно руки, покрывались лишаями, особеннаго рода, чрезвычайно злокачественными — и онъ вылечился отъ этой болѣзни. Въ 1839 году его ѣли вши — онъ и отъ этой немочи излечился. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ мочевомъ пузырѣ у него отдѣлялся сахаръ — и отъ этого вылечили его. Въ 1852 г. въ немъ обнаружился сухой (старческой) антоновъ огонь, такъ что пальцы на ногѣ его мертвѣли, и отъ этихъ пальцевъ то сами отваливались, то медиками были отнимаемы косточки и куски тѣла; словомъ, онъ заживо разрушался, а все-таки не умиралъ. При разговорѣ въ одномъ домѣ объ этихъ чудныхъ явленіяхъ, многіе полагали, что жизнь N. N. находится въ опасности. Но князь Меншиковъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, онъ никогда не умретъ!

Разумѣется, начались вопросы: Какъ? отчего?

Меншиковъ продолжалъ: „Когда русскіе, въ 1814 году, вступили въ Парижъ, N. N. и я ходили къ Ленорманъ; она и мнѣ что-то болтала, а N. N. предрекла, что онъ не умретъ, пока не сдѣлаетъ хотя одного добраго дѣла. Вотъ отчего,—прибавилъ Меншиковъ,—N. N. не дѣлаетъ добрыхъ дѣлъ, и не ждите, чтобы онъ когда-нибудь умеръ“.

Передъ окончаніемъ постройки петербургско-московской желѣзной дороги, Клейнмихель отдалъ ее на откупъ американцамъ, заключивъ съ ними контрактъ, самый невыгодный для казны и для народа. На основаніи этого контракта въ первый годъ (съ октября 1851 г.) американцы дѣлали поѣзды только по два, потомъ по три раза въ день и каждый поѣздъ составляли не болѣе, какъ изъ шести вагоновъ. Отъ этого поклажи купеческія лежали горами на станціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а пассажиры, изъ простолюдиновъ, по недѣлѣ не могли получить билета въ вагоны третьяго разряда. Кромѣ того, американцы, раздробивъ слѣдующую имъ плату по верстамъ, обольстили Клейнмихеля копеечнымъ счетомъ, ибо съ каждой

версты они назначили себѣ по $1^1/_2$ коп. серебр.; но изъ этого, повидимому, мелочнаго счета выходила огромная сумма, такъ что всѣ выгоды остались на сторонѣ американцевъ. Въ февралѣ 1852 года, когда общій ропотъ, по этому случаю, былъ въ разгарѣ, прибылъ въ Петербургъ персидскій посланникъ, со свитою. Государь повелѣлъ показать имъ рѣдкости столицы, въ томъ числѣ и новую желѣзную дорогу. Сопровождавшіе персіянъ, исполнивъ это порученіе, подробно докладывали, что показано ими, и на вопросъ его величества: все-ли замѣчательное показано на желѣзной дорогѣ? отвѣчали: все.

Меншиковъ, находившійся при этомъ, возразилъ:

— А не показали самаго рѣдкаго и самаго достопримѣчательнаго!

— Что такое?—спросилъ государь.

— Контракта, заключеннаго графомъ Клейнмихелемъ съ американцами,—отвѣчалъ кн. Меншиковъ.

Когда Вронченко сдѣлали министромъ финансовъ, и потомъ даже графомъ, устроенъ былъ купеческій пароходъ, названный: „Графомъ Вронченко". Пароходъ вышелъ не довольно удаченъ, и ѣздившіе на немъ жаловались, что ходъ его очень медленъ. Во время толковъ объ этомъ, кто-то спросилъ князя Меншикова:

— Правда-ли, что новый пароходъ медленъ?

— На графѣ Вронченко далеко не уѣдешь,—отвѣчалъ Меншиковъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ опредѣленъ былъ управляющимъ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, но не долго удержался на этомъ мѣстѣ. Желая сдѣлать переворотъ, онъ удалялъ старыхъ чиновниковъ и измѣнялъ все, до него бывшее. Но, ломая старое, онъ не въ силахъ былъ ввести ничего лучшаго, а новые, имъ опредѣленные, чиновники, по неопытности, только путали дѣла.

Это вынудило министра финансовъ гр. Вронченко доложить обо всемъ государю и, для возстановленія порядка въ экспедиціи, самъ Нарышкинъ, въ исходѣ 1851 г., былъ уволенъ отъ должности управляющаго. Въ началѣ же 1852 года случилась непріятность съ сестрой Нарышкина, графинею Александрою Кирилловною Воронцовой-Дашковою. Всегда любезная, но рѣзкая и находчивая, она, бывъ въ Парижѣ, смѣло говорила противъ президента Людовика-Наполеона, охуждала его самоуправныя дѣйствія.

Послѣ того президентъ, увидѣвъ графиню на одномъ балу, спросилъ ее:

— Вы скоро оставите Парижъ?

— А вы принцъ? спросила она въ свою очередь президента.

На другой же день къ ней присланъ былъ паспортъ на выѣздъ изъ Парижа. По этому случаю кн. Меншиковъ сказалъ:

— Я нахожу большое сходство между Людовикомъ-Наполеономъ и графомъ Вронченко: тотъ удалилъ сестру изъ Парижа, а этотъ — брата изъ экспедиціи.

Между любимцами у гр. Вронченко былъ одинъ изъ петербургскихъ откупщиковъ, К*. За нѣсколько лѣтъ этотъ купецъ едва имѣлъ пять или десять тысячъ рублей, а лѣтъ черезъ шесть или семь, капиталъ его вовросъ до шести милліоновъ. Впрочемъ, знающіе этого скороспѣлаго богача, отдаютъ справедливость его торговому и промышленному уму. Особенно постигъ онъ питейную часть, и его совѣтами пользовался гр. Вронченко при введеніи акцизной системы въ питейныхъ сборахъ. Разумѣется, К* былъ въ сторонѣ, совѣтникомъ тайнымъ, а на видъ выставлялся министръ финансовъ. Собственно за это, но будто бы за какое-то пожертвованіе, очень незначительное, по ходатайству гр. Вронченко, К*, въ началѣ 1852 г., пожалованъ былъ въ комерціи совѣтники. При разговорѣ объ этомъ пожалованіи, кн. Меншиковъ сказалъ: „Графу Вронченкѣ ни почемъ тайные совѣтники: онъ изъ К*, своего тайнаго совѣтника, сдѣлалъ комерціи совѣтника!“

Въ исходѣ 1852 года, въ видахъ уменьшенія государственныхъ расходовъ, сокращены штаты почти во всѣхъ вѣдомствахъ службы и многіе чиновники должны были остаться безъ должностей. Вскорѣ послѣ того правительство озаботилось размѣщеніемъ этихъ чиновниковъ на открывающіяся вакансіи и оставило при нихъ, на нѣкоторое время, содержаніе. Но прежде, чѣмъ это сдѣлано было, участь уволенныхъ чиновниковъ возбуждала общее сожалѣніе, тѣмъ болѣе, что бо̀льшая часть изъ нихъ, съ многочисленными семействами, дѣйствительно, безъ помощи правительства, пошли бы по-міру. Въ это время кто-то спросилъ Меншикова, не слышалъ-ли онъ, что дѣлаютъ оставшіеся за штатомъ чиновники? „Ходятъ съ шарманками,—отвѣчалъ Меншиковъ—да поютъ“ ....

Въ морскомъ вѣдомствѣ производство въ чины шло въ прежнее время такъ медленно, что генеральскаго чина достигали только люди пожилые, а полнаго адмирала—весьма престарѣлые. Этими стариками наполнены были адмиралтейств-совѣтъ и генерал-аудиторіатъ

морскаго министерства, въ память прежнихъ заслугъ. Естественно, что иногда въ короткое время умирали, одинъ за другимъ, нѣсколько престарѣлыхъ адмираловъ; при одной изъ такихъ смертностей, императоръ Николай Павловичъ спросилъ Меншикова:—Отчего у тебя часто умираютъ члены адмиралтейств-совѣта?

— Кто-же умеръ? спросилъ въ свою очередь Меншиковъ.

— Да вотъ такой-то, такой-то... сказалъ государь, насчитавъ три или четыре адмирала.

— О, ваше величество,—отвѣчалъ князь—они уже давно умерли, а въ это время ихъ только хоронили!

Въ 1853 г. начались несогласія между дворами россійскимъ и турецкимъ. Христіане, подданные Турціи, терпѣли разныя притѣсненія, и ключъ отъ храма Гроба Господня въ Іерусалимѣ, находившійся всегда у православныхъ, переданъ былъ въ руки католиковъ. По этому случаю государь, въ январѣ, отправилъ Меншикова въ Константинополь, чрезвычайнымъ посломъ. Его приняли тамъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ: на встрѣчу ему вышли патріархъ и духовенство греческіе, первые министры блистательной Порты, и по всей дорогѣ разставлены были войска турецкія. По его настоянію, смѣненъ былъ министръ, противудѣйствовавшій видамъ русскаго правительства; прекращены нападенія на христіанъ въ европейской Турціи, и султанъ показывалъ видъ, что исполнитъ всѣ желанія русскаго императора. Произведя такое сильное впечатлѣніе, кн. Меншиковъ обращался съ турками гордо, какъ посолъ монарха не просящаго, но повелѣвающаго. Для Меншикова сдѣланъ былъ смотръ войскъ; онъ выѣхалъ въ пальто съ хлыстикомъ; даже, изъ свиты его, молодой графъ Нессельроде былъ въ пальто. Съ этой небрежностью князь являлся на переговоры, когда первые чины дивана встрѣчали его со всѣми почестями. Между тѣмъ переговоры длились; султанъ изъявлялъ согласіе на все, но недоброжелатели Россіи, — англичане и французы,—принуждали его пускаться въ азіятскія хитрости. Среди этихъ колеблющихся переговоровъ Меншиковъ отправлялъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Петербургъ, съ донесеніемъ о положеніи дѣлъ. Выслушавъ наставленія князя, чиновникъ спросилъ, не прикажетъ-ли его свѣтлость еще что-либо сказать. „Больше ничего“, отвѣчалъ Меншиковъ, по обыкновенію морщась и грызя ногти „Развѣ прибавь, пожалуй, что я здоровъ, что часто ѣзжу верхомъ, что теперь объѣзжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовутъ: Султанъ.“

Между тѣмъ дѣла запутывались, англичане и французы ввели свои флоты въ Босфоръ. Подстрекаемый интригами недоброжелателей нашихъ, и обнадеженный заступничествомъ ихъ, султанъ еще болѣе заупрямился, и дѣло приняло оборотъ неприличный достоинству имперіи. Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя. Уже дѣлались приготовленія къ войнѣ противъ Турціи; но какъ дипломатическія сношенія еще длились, то Меншиковъ, чтобы быть ближе къ турецкому Дивану, оставался въ Севастополѣ. Въ это время вездѣ и всѣ заняты были открытіемъ силы, по которой столы и другія вещи вертятся отъ прикосновенія рукъ человѣческихъ. Когда Меншикову говорили объ этомъ, онъ сказалъ: „У васъ вертятся столы, шляпы, тарелки, а отъ моего прикосновенія Диванъ завертѣлся!".

Въ 1854 году Меншиковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ сухопутными и морскими силами въ Крыму. 2-го сентября англо-французскія войска, съ частію турецкихъ, сдѣлали высадку на берега Крыма и потомъ начали осаждать Севастополь. Въ одной изъ стычекъ нашихъ войскъ съ непріятелемъ, казакъ притащилъ на арканѣ французскаго офицера. Этотъ офицеръ, явившись къ князю, жаловался, что казакъ билъ его плетью. Князь обѣщалъ ему строго взыскать съ виновнаго. Потребовавъ къ себѣ казака, главнокомандующій разспрашивалъ его, какъ было дѣло? Донецъ разсказалъ, что французскій офицеръ, во время битвы, три раза стрѣлялъ въ него изъ пистолета, но ни разу не попалъ; что за это онъ, накинувъ арканъ на плохого стрѣлка и притащивъ его къ себѣ, точно далъ ему столько же ударовъ плетью, сколько разъ тотъ прицѣлился. Князь расхохотался. Пригласивъ къ себѣ плѣннаго офицера, при немъ, обращаясь къ казаку, Меншиковъ началъ дѣлать ему самый строгій выговоръ, объясняя ему, что онъ обязанъ уваженіемъ и къ плѣннымъ офицерамъ, грозилъ ему сослать его въ отдаленныя мѣста и даже разстрѣлять. Все это князь говорилъ по-французски и казакъ, ничего не понимая, только моргалъ глазами. Съ гнѣвомъ подавъ знакъ рукою, чтобы казакъ вышелъ вонъ, князь обратился къ плѣнному и спросилъ его: доволенъ-ли онъ рѣшеніемъ? Французскій офицеръ низко кланялся и не находилъ словъ, какъ благодарить главнокомандующаго за правосудное рѣшеніе. По удаленіи плѣннаго, князь снова потребовалъ къ себѣ казака, благодарилъ его, уже по-русски, за храбрость и ловкость, и наградилъ Георгіевскимъ крестомъ.

Командованіе арміею не удалось кн. Меншикову, но умъ его не могъ и здѣсь не обозначиться. Въ первомъ сраженіи съ англо-фран-

цузами, на Альмѣ, гдѣ враги были вдвое многочисленнѣе и поддерживались флотомъ, онъ принужденъ былъ отступить, но прежде столько озадачилъ непріятелей, что они не осмѣлились преслѣдовать его, и прошли къ Балаклавѣ, мимо Севастополя, тогда какъ въ то время они могли бы легко взять эту крѣпость. Послѣдующее затѣмъ боковое движеніе его, для защиты Перекопа, къ Бахчисараю, сравнивали съ знаменитыми подобными движеніями великихъ полководцевъ прежняго времени. Въ сраженіи у Инкермана мы ничего не выиграли, но непріятель увидѣлъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, точно также, какъ Наполеонъ I увидѣлъ это послѣ бородинскаго сраженія. Прибавивъ къ этому затопленіе судовъ въ сѣверной бухтѣ и вооруженіе Севастополя, который, несмотря на безпрерывную бомбардировку, укрѣпленъ былъ еще неприступнѣе, чѣмъ прежде, нельзя не согласиться, что Меншиковъ, сохранивъ, сколько возможно было, свою армію, совершенно разстроилъ мечты непріятелей—завладѣть скоро Севастополемъ и Крымомъ. Между тѣмъ войско ихъ изнурялось и гибло въ вылазкахъ, отъ болѣзней, голода и холода, такъ что англійской арміи почти не существовало. Но въ Меншиковѣ было много такого, что отталкивало отъ него. Всегда наморщенный и недовольный, онъ никого не дарилъ ни привѣтомъ, ни одобреніемъ. Солдаты почти не видѣли его; генералы и офицеры не получали никакихъ наградъ. Передъ сраженіями не было молебствій; послѣ сраженій главнокомандующій не объѣзжалъ поля битвъ, не выражалъ соболѣзнованій объ умершихъ и раненыхъ. Устраненіе его отъ мелочей казалось мелочнымъ людямъ недѣятельностію. Донесенія его, въ которыхъ онъ не хвалилъ ни себя, ни своихъ, и никогда не унижалъ враговъ, эти донесенія, которымъ отдавали справедливость и умные соотечественники и самые враги наши, были такъ коротки и сухи, что казались безсердечными. Словомъ, онъ не былъ и не умѣлъ сдѣлаться ни любимцемъ войска, ни народнымъ полководцомъ. Хотя изгнать непріятелей изъ Крыма, сначала по малочисленности нашей арміи, а потомъ по зимней распутицѣ, не было никакой возможности; но пребываніе ихъ тамъ, въ продолженіе (со 2-го сентября) болѣе пяти мѣсяцевъ, всѣ относили къ винѣ его. И войска наши и жители Крыма, и большая часть русскихъ, наконецъ и самъ государь смотрѣли на Меншикова, какъ на полководца непредпріимчиваго и ненадежнаго. Въ январѣ 1855 г., ему намекнули, что лучше, если онъ будетъ просить объ увольненіи его отъ командованія арміею. Надобно прибавить, что лѣтомъ 1854 г. англо-французскій флотъ (корабля три или четыре) подступалъ къ Соловецкому монастырю; но архимандритъ Александръ, съ братіей и инвалидной командой, отказались сдаться и непріятель

не взялъ монастыря. Услышавъ предложеніе удалиться, Меншиковъ сказалъ: „Если мной недовольны, то пусть пришлютъ сюда Соловецкаго архимандрита, съ монахами: они тотчасъ выгнали-бы непріятеля“.

Возвратясь въ Петербургъ, Меншиковъ жаловался, что въ его арміи, несмотря на безпрестанныя его требованія, пороху бывало такъ мало, что иногда нечѣмъ было стрѣлять. Въ первые же дни посѣтилъ его кн. Д.. Послѣ учтиваго, но сухого свиданія, Меншиковъ, проводивъ гостя, сказалъ другимъ посѣтителямъ: „Онъ пороху не выдумаетъ, порохомъ не окуренъ и пороху мнѣ не давалъ!“

Въ апрѣлѣ 1856 г., послѣ заключенія мирнаго трактата Россіи съ Англіей, Франціей и Турціей, по которому мы уступили блистательной Портѣ большой кусокъ Бессарабіи, со всѣмъ устьемъ Дуная, кто-то встрѣтясь съ кн. Меншиковымъ, сказалъ:

— Съ которыхъ поръ я не имѣлъ чести видѣть вашу свѣтлость? Кажется болѣе мѣсяца! Сколько воды утекло!

— Эхъ, братецъ, давно,—отвѣчалъ Меншиковъ,—съ тѣхъ поръ цѣлый Дунай утекъ!

Случалось, что и Меншиковъ попадался на рѣзкій отвѣтъ. Одинъ французъ издалъ книжку на французскомъ языкѣ, въ которой описалъ одного русскаго князя, бывшаго посломъ въ одной изъ столицъ. Разсказывая о свиданіяхъ съ нимъ, этотъ французъ, между другими выдумками, говоритъ, что посолъ встрѣчалъ его въ халатѣ. Надобно при этомъ вспомнить, что Меншиковъ, какъ мы видѣли выше, въ бытность посломъ въ Константинополѣ, велъ себя надменно, являлся къ министрамъ и даже на парады войскъ въ пальто. Быть можетъ это неуваженіе къ турецкому правительству было одною изъ причинъ неудачи посольства и войны противъ Россіи. Весной 185* тотъ князь, о которомъ повѣствовалъ французъ, получилъ высокій постъ въ Петербургѣ. Меншиковъ при встрѣчѣ съ княземъ сказалъ ему:

— Теперь будетъ въ ходу извѣстный халатъ.

— Но все не въ такомъ, какъ знаменитое пальто, — былъ отвѣтъ.

Пѣсня о сраженіи при Ѳедюхиныхъ горахъ.

Эта пѣсня была напечатана въ сообщеніи М. И. Венюкова по нѣсколькимъ спискамъ („Рус. Ст.", 1875 г. т. XII, стр. 441—443). Настоящій списокъ представляетъ нѣсколько существенныхъ варьянтовъ и, кажется, болѣе точенъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ читателей „Русской Старины". Ред.

Какъ 4-го числа
Насъ нелегкая несла
Горы занимать!
Горы занимать!
А нашъ Вревскій енаралъ
Къ Горчакову прискакалъ,
Тогда подъ шафе
Тогда подъ шафе:
«Князь, возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору —
Не то разсержусь!
Не то разсержусь!
Собирали на совѣты
Все большіе эполеты,
Да и Плацъ-Беккокъ!
Да и Плацъ-Беккокъ!
Полецместеръ Плацъ-Беккокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать!
Что ему сказать!
Долго думали-гадали
Топографы все писали
На большихъ листахъ!
На большихъ листахъ!
Чисто вписано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить!
Какъ по нимъ ходить!
Выѣзжали князья-графы
И за ними топографы,
На большой редутъ!
На большой редутъ!
Князь сказалъ: «ступай Липранди!»
А Липранди: «нѣтъ атанде!
Я, молъ, не пойду!
Я, молъ, не пойду!
Туда умнаго не надо;
Вы пошлите-ка Реада,

А я посмотрю!
А я посмотрю»!
Вотъ Реадъ возьми, да спросту
Поведи насъ прямо къ мосту,
Ну-тка на уру!
Ну-тка на уру!
Веймарнъ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немножко обождалъ:
Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
Нѣтъ ужъ, пусть идутъ!
Енаралъ же Ушаковъ,
Тотъ ужъ вовсе не таковъ:
Все чего-то ждалъ!
Все чего-то ждалъ!
Онъ и ждалъ да дожидался,
Пока съ духомъ собирался
Рѣчку перейти!
Рѣчку перейти!
На уру мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли
Кто-то перевралъ!
Кто-то перевралъ!
А Бѣлевцовъ енаралъ
Все лишь знамя потрясалъ,
Вовсе не къ лицу!
Вовсе не къ лицу!
На Ѳедюхины высоты
Насъ всего взошли три роты,
А пошли полки!
А пошли полки!
Наше войско небольшое,
А французовъ было вдвое,
И резерва нѣтъ!
И резерва нѣтъ!
Ждали выйдетъ съ гарнизона
Къ намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ!
Подали сигналъ!
А тамъ NN енаралъ
Все акафисты читалъ,
Выручать не шелъ!
Выручать не шелъ!
И пришлось намъ отступать
. . . .
Кто туда повелъ!
Кто туда повелъ!

Сообщ. С. П. Сысоевъ.

Братья Василій и Ерофей Каржавины.

Въ предыдущихъ главахъ нашего очерка жизни и трудовъ Ѳ. В. Каржавина мы привели свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представителѣ русскаго общества XVIII столѣтія, состоящія изъ неизданныхъ дотолѣ рукописныхъ матеріаловъ. Нынѣ мы считаемъ необходимымъ дополнить наше сообщеніе указаніемъ на то, что уже появлялось въ нашей исторической литературѣ собственно объ отцѣ и дядѣ Ѳедора Васильевича Каржавина.[1])

Мы упоминали выше объ отцѣ и дядѣ Ѳ. В. лишь вскользь, настолько насколько это нужно было для поясненія біографическихъ замѣтокъ о самомъ Ѳедорѣ Васильевичѣ. Изъ печатныхъ документовъ можно извлечь слѣдующія добавочныя свѣдѣнія о нихъ. Отецъ Ѳ. В. Каржавина, Василій, и дядя его, Ерофей, были сыновьями ямщика Никиты Тимофеева Каржавина, торговавшаго въ Лѣсномъ ряду, что у Покровскихъ воротъ, въ Москвѣ. Василій Никитичъ жилъ съ отцомъ и помогалъ ему по торговлѣ, потомъ занялся ею самостоятельно, торгуя въ Петербургѣ и Малороссіи кожевенными товарами (сапогами, конскимъ приборомъ, сѣдлами и проч.). Братъ его, Ерофей, жилъ въ ученіи у купца Димитрія Васильевича Баскакова, извѣстнаго подъ прозвищемъ Троила. По смерти отца, братья поселились вмѣстѣ въ домѣ покойнаго, близъ р. Яузы, и здѣсь образовался притонъ всѣхъ старовѣровъ, скрывавшихся отъ преслѣдованій правительства, совершались требы бѣглыми священниками по древнему обряду, читались проповѣди, однимъ словомъ, братья Каржавины начинаютъ здѣсь дѣятельную пропаганду раскола и сносятся съ сектантами, бѣжавшими за границу въ Польшу, куда въ 1744 г.[2]) братъ Ерофей отвезъ сперва сестру свою, потомъ и мать. При ближайшемъ знакомствѣ съ ученіями сектаторовъ, они или не удовлетворились имъ, или, можетъ быть вслѣдствіе разлада съ вожаками сектаторовъ (это по документамъ выясняется не вполнѣ, хотя первое предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ) Каржавины прервали сношенія съ старообрядцами и Ерофей Никитичъ поѣхалъ безъ паспорта въ Парижъ учиться. Василій Никитичъ принялъ православіе и записался въ купечество при содѣйствіи графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго и другихъ, и наживъ капиталъ, вошелъ въ сношенія съ иностранными купцами въ Польшѣ, Даніи и Англіи. Это заставило

---

[1]) См. Архивъ кн. Воронцова, кн. III, стр. 308—322; Сборникъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Академіи Наукъ, т. IX, стр. 408—424.

[2]) Это указаніе мы заимствовали изъ доношенія на Каржавина, см. Арх. кн. Вор., кн. 3, стр. 309, пунктъ 5. Но по сравненіи съ письмомъ Вас. Ник. Карж. къ брату въ Парижъ отъ 15-го іюня 1753 г., въ Сборн. Акад., т. 9, стр. 411, оказывается тутъ какая-нибудь ошибка, потому что въ 1753 г. Каржавинъ былъ уже, судя по письму, въ Парижѣ. Н. Д.

его для торговыхъ цѣлей ѣздить за границу и выучиться иностраннымъ языкамъ. Съ этихъ поръ выясняются нравственныя особенности братьевъ: Василій Никитичъ до конца жизни остается практическимъ дѣятелемъ по преимуществу; Ерофей Никитичъ этою дѣятельностью не удовлетворяется и ищетъ другой, болѣе славной; отсюда возникаютъ постоянные споры братьевъ, которые, несмотря на это, не расходятся совершенно. Василій Никитичъ поручаетъ брату сына и снабжаетъ его деньгами, не оставляя, впрочемъ, случая подсмѣяться надъ непрактичностью брата. Въ ихъ перепискѣ выясняются оба брата и ею-то мы воспользуемся главнымъ образомъ, чтобы ознакомить съ ними читателей.

Василій Никитичъ Каржавинъ, какъ мы сказали выше, оставался практическимъ дѣятелемъ до конца жизни; его практическое направленіе отражается на всемъ, начиная съ воспитанія сына. Онъ былъ увѣренъ, что сынъ такъ же легко можетъ получить образованіе въ Россіи,[1]) но послалъ его за границу, чтобы онъ лучше освоился съ иностранными языками, столь нужными при торговыхъ сношеніяхъ съ иностранными купцами, какъ онъ это узналъ на опытѣ; въ особенности заботился онъ, чтобы сынъ изучилъ французскій языкъ, котораго самъ Василій Никитичъ не зналъ, такъ что онъ, при перепискѣ на французскомъ языкѣ, прибѣгалъ къ пособію брата Ерофея, которымъ не всегда былъ доволенъ.[2]) Въ тѣхъ же видахъ онъ чуть не въ каждомъ письмѣ къ брату проситъ его, чтобы сынъ писалъ ему письма на разныхъ языкахъ.[3]) Затѣмъ онъ въ теченіи всей своей жизни старался направить брата и сына на практическій путь: перваго убѣжденіемъ, второго, когда убѣжденія не дѣйствовали, силою родительской власти; онъ такъ и умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, онъ сошелся въ Лондонѣ съ Петромъ Дементьевымъ, бѣжавшимъ изъ Россіи, и промышлявшимъ часовымъ мастерствомъ. Дементьевъ вѣроятно былъ старовѣромъ, скрывавшимся отъ преслѣдованій правительства за границей. Въ Лондонъ пріѣзжалъ къ Василію Никитичу эмигрировавшій братъ его, Ерофей. Братья Каржавины сходились у Дементьева; дружественныя связи между ними поддерживались, главнымъ образомъ тѣмъ, что В. Н. Каржавинъ доставлялъ Дементьеву русскія книги и сообщалъ ему свѣдѣнія о Россіи, которыми Дементьевъ интересовался.

Дементьевъ умеръ въ Лондонѣ въ 1756 г.[4]) Впрочемъ, эти дружественныя отношенія продолжались не долго. Они поссорились кажется изъ-за денегъ, въ которыхъ В. Н. Каржавинъ отказалъ Дементьеву.[5])

Дементьевъ, желая отомстить Каржавинымъ, написалъ доносъ на обоихъ братьевъ и послалъ его въ Петербургъ, отъ 12-го мая 1755 г. Въ немъ Каржавины обвинялись во-первыхъ, во вредныхъ народному спокойствію замыслахъ про-

---

[1]) Онъ пишетъ къ брату Ерофею въ Парижъ отъ 23-го ноября 1753 г., между прочимъ, слѣдующее: «Я могу на будущую весну парнишка своего обратно въ Петербургъ взять и для наукъ опредѣлить въ академію; я нынѣ, получа отъ тебя письмо, съ обстоятельствомъ освѣдомился, что всѣми мѣрами стараются у насъ обучать, какого бы званія ни былъ, и ежели достоинъ будетъ професорской должности, то отъ него не отымутъ». **Н. Д.**

[2]) См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 417.

[3]) Эти дѣтскія письма Ѳ. В. къ отцу сохранились и достались мнѣ съ другими бумагами.

[4]) См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 410.

[5]) См. Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 411. **Н. Д.**

тивъ верховной власти и въ неуваженіи къ верховнымъ сановникамъ государства и къ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ лично, и во-вторыхъ, въ атеизмѣ. Что касается до перваго обвиненія, мы разберемъ его подробнѣе, когда будемъ говорить, объ Ерофеѣ Никитичѣ, который, главнымъ образомъ, вызвалъ его, худо понятыми «доносителемъ», планами о своей будущности. Второе обвиненіе вызвано, опять-таки худо понятыми сужденіями Василія Никитича о предметахъ вѣры, которые видимо имъ усилены, потому что изъ переписки съ братомъ вовсе не видно, чтобы Василій Никитичъ отвергалъ бытіе Божіе. Онъ не могъ сказать: «а подлинно Бога нѣтъ никакого», какъ говоритъ доноситель въ 12-мъ пунктѣ своего доношенія,[1]) когда въ письмахъ къ брату онъ пишетъ, напримѣръ: «хотя я давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, пещуся наблюдать (чтобы быть господиномъ надъ страстями.[2]) и т. п. Наконецъ, доноситель, въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ безбожіе Василія Никитича, приводитъ то, что онъ имѣетъ атеистическую книгу: «Молотокъ на камень вѣры».[3]) Всѣ обвиненія доносителя въ безбожіи, по сличенію съ перепиской Василія Никитича, заставляютъ предполагать въ немъ лютеранскія понятія о внѣшнихъ обрядахъ церковныхъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ нашей церкви, а не полное отрицаніе Божества вообще. Василій Никитичъ ненавидѣлъ всякія формальности, онъ жалуется напримѣръ, что служебныя формальности много докучали ему при пріѣздѣ въ Кронштадтъ изъ-за границы. Такъ показалъ онъ на слѣдствіи по поводу запроса, на одно мѣсто письма къ брату отъ 11-го марта 1755 г. (см. Сборн. Акад., т. 9, стр. 418, примѣч. 1). На наши обряды и религіозные обычаи онъ смотрѣлъ также какъ на формальности, суевѣрно почитаемыя, что, между прочимъ, замѣтно и въ разсказѣ его о томъ, какъ жена его молилась Николаю угоднику и Богоматери и ставила имъ свѣчи (вѣроятно, во время его болѣзни), переданнаго въ 12-мъ пунктѣ доношенія Дементьева.[4]) Въ разсказѣ этомъ, если откинуть очевидныя украшенія доносителя, приводится тотъ же основной религіозный взглядъ. Доносъ этотъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину, и дѣло было покончено только въ 1760 г., когда братъ Ерофей уже вернулся изъ Парижа и

---

[1]) См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 312.

[2]) Письмо изъ Спб. 4-го октября 1754 г. въ Сборн. Ак., т. 9, стр. 415.

[3]) Камень вѣры написанъ Стефаномъ Яворскимъ противъ лютеранъ и кальвинистовъ; онъ былъ запрещенъ при Аннѣ Іоанновнѣ и вновь дозволенъ при Елисаветѣ. «Молотокъ на камень вѣры» написанъ съ цѣлію опровергнуть это сочиненіе Стефана Яворскаго; отвѣтъ на него: «Возраженіе на пасквиль лютеранскій, нареченный молотокъ на камень вѣры, которой молотокъ показался бысть восковой, яко воскъ отъ лица огня, сирѣчь отъ слова Божія и самыя истины исчезнувшій». Отвѣтъ этотъ Филаретомъ Черниговскимъ приписывается Арсенію Мацѣевичу (см. Ист. Русск. Церкви, періодъ V, М., 1859 г., стр. 56). Филаретъ говоритъ здѣсь также, что молотокъ на Камень Вѣры есть не столько разсужденіе о книгѣ Яворскаго, въ духѣ лютеранизма, сколько грубая, не совестливая брань на Стефана и его защитниковъ, написанная кѣмъ-то изъ коротко знавшихъ Стефана. Митрополитъ Евгеній (въ Слов. писат. духовн. чина ет. 2, стр. 259) сообщаетъ, что авторъ молотка на камень вѣры 15-ю статьями оспоривалъ книгу Яворскаго по лютеранскому умствованію, не пощадивъ ученій и обыкновеній всей церкви Грекороссійской. **Н. Д.**

[4]) См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 311—312.

служилъ въ Россіи. Въ этомъ году В. Н. Каржавинъ былъ оправданъ окончательно.[1])

Ерофей Никитичъ Каржавинъ не такъ ясно опредѣляется по извѣстнымъ документамъ. Единственные источники, изъ которыхъ можно почерпнуть о немъ свѣдѣнія, это—письма къ нему брата Василія Никитича,[2]) и только одинъ отрывокъ изъ письма его къ брату, приведенный Дементьевымъ въ пунктѣ 19-мъ его доношенія.[3]) Изъ этого отрывка видно, что, несмотря на споры и насмѣшки брата, онъ вѣрилъ, что, воспитавъ себя за границею, онъ достигнетъ своими способностями высшихъ должностей въ Россіи и возвеличитъ родъ Каржавиныхъ въ исторіи истинными заслугами и просвѣщенными трудами на пользу отечества. Для достиженія этой цѣли онъ просилъ брата не жалѣть средствъ. Когда Василій Никитичъ жаловался, что онъ много тратитъ денегъ, и приглашалъ его жить съ нимъ вмѣстѣ въ видахъ экономическихъ, Ерофей Никитичъ отвѣчалъ на это слѣдующее: «Послѣ риторики къ тебѣ притащуся и философію подлѣ тебя прослушаю, а послѣ философіи, что дѣлать буду—не знаю; понеже въ Англіи, Голландіи, въ Гданскомъ, въ Польшѣ,—послѣ риторики высокихъ наукъ (кромѣ математики) мало, а хотя и есть, то весьма немощныя».[4]) Ерофей Никитичъ былъ такъ увѣренъ, что достигнетъ этой высокой цѣли, что отвергалъ убѣжденія брата, считая ихъ результатомъ невѣрнаго, исключительно практическаго взгляда его на жизнь и самодурства (неумѣнію быть господиномъ своихъ страстей). Онъ пишетъ ему: «Ты хотя теперь и 1,500 рублей имѣешь денегъ, да штой-то въ томъ хорошаго, когда роду человѣческому пользы никакой не сдѣлаешь и памяти по себѣ доброй не оставишь? Журавлевъ, Строгановъ, Демидовъ и больше тебя имѣютъ денегъ, но память ихъ вѣчная-ли, и въ исторіяхъ печатныхъ будетъ-ли поставлена», имя же государственныхъ людей въ родѣ Петра I и его помощниковъ: «безсмертное во всей Европѣ будетъ». Государственныхъ людей «при дворахъ императорскихъ и королевскихъ умные разговоры и о дѣлахъ государственныхъ разсужденій, всегда въ великомъ

---

[1]) Въ Арх. кн. Воронц. кн. 3, стр. 319—322, напечатано «къ его высокосіятельству графу великому канцлеру отъ нижайшаго раба Василія Каржавина о россійской комерціи въ европейскія государства предложеніе». Въ немъ онъ предлагаетъ учредить консульскія конторы въ Спб. казенную главную контору милліонахъ въ семи и, устроивъ ее, въ указываемомъ имъ въ общихъ чертахъ порядкѣ. покупать этой конторѣ и контрактовать нужнѣйшіе россійскіе товары, яко-то пеньку, желѣзо, ленъ, масло конопляное, клей и проч. Изъ спб. конторы товары эти отправлять въ потребныя мѣста, въ конторы частныя, устроенныя отъ главной, въ Лондонѣ и Амстердамѣ и хотя небольшую контору въ Гамбургѣ, въ Ельзенерѣ для отправленія кораблей въ Зундъ. Также со временемъ слѣдуетъ завести конторы во Франціи, въ Гишпаніи, а со временемъ и въ Италіи. Далѣе онъ распредѣляетъ суммы между частными конторами. Затѣмъ совѣтуетъ отвозить товары на казенныхъ судахъ съ обыкновеннымъ платежемъ за фрахтъ, и не дозволять иностранцамъ покупать эти товары помимо конторъ; вывозить же прочіе товары имъ позволять не иначе какъ на казенныхъ судахъ, съ пошлиною и платою за фрахтъ. Когда же иностранная торговля въ Россіи разовьется, можно уничтожить предложенныя имъ конторы».

[2]) Напеч. въ Сборникѣ Акад., т. 9, стр. 411—420.

[3]) См. Арх. кн. Воронц., кн. 3, стр. 314—316.

[4]) Мѣста, которыя Василій Никитичъ посѣщалъ по торговымъ дѣламъ.

Н. Д.

почтенія и въ исторіяхъ печатныхъ не только въ Европѣ, но и на всемъ кругѣ земномъ, всегда пишутся и вѣчно писаться будутъ?» Это мечтаніе Ерофея Никитича о государственной дѣятельности съ дополненіемъ неблагоприличныхъ отзывовъ обоихъ Каржавиныхъ объ императрицѣ и ея окружающихъ, были перетолкованы Дементьевымъ и выставлены въ доказательство преступныхъ помысловъ ихъ и посягательствомъ на ниспроверженіе правительства. На самомъ дѣлѣ Василій Никитичъ, какъ видно изъ его писемъ, не очень-то довѣрялъ надеждамъ брата на его будущую государственную дѣятельность. Онъ своимъ практическимъ чутьемъ видѣлъ, что въ мірскихъ дѣлахъ еще мало того, что братъ его ищетъ въ ученіи, что въ нихъ нужна еще практическая смётка, которой Ерофею Никитичу не достаетъ. Относясь иронически къ исключительно отвлеченному взгляду брата на жизнь Василій Никитичъ, смѣется надъ желаніемъ его,—быть, какъ онъ говоритъ, Остерманомъ, и указываетъ ему на примѣръ Ломоносова: «Г-нъ Ломоносовъ не болѣе какъ пять лѣтъ тебя старѣ, изъ бѣдной самой фамиліи; никто о немъ для пищи не старался; всегда хлѣбъ самъ доставалъ и обучался самъ, 15-ть лѣтъ довольно имѣлъ. А нынѣ я признаю по крайней мѣрѣ 3,000 руб. и болѣе на годъ достаетъ; честію — академіи совѣтникомъ; всегда при милости императорской. А ты, мой друуъ, когда хочешь быть Остерманомъ, то будешь въ 125-ть лѣтъ». Василій Никитичъ съ своей чисто практической точки зрѣнія подозрѣвалъ, что братъ его въ сущности «французскій мотъ», желающій обмануть себя и другихъ громкими фразами о своихъ способностяхъ на великія дѣла. Онъ не довѣрялъ даже родственному расположенію брата, выражавшемуся въ письмахъ и упрямо отбивался отъ взводимыхъ братомъ обвиненій въ самодурствѣ. Такъ напримѣръ, онъ ему пишетъ: «Ты въ 28 № (письма) свою сердечную любовь ко мнѣ объявляешь. Правда, и я тому вѣрю, пока тебѣ во мнѣ нужда, то называть кровнымъ братомъ будешь, а когда Остерманомъ будешь, то и позабудешь... Ты меня учишь надъ страстьми господиномъ быть, хоть я и давно, по приказанію св. писанія и естественнаго закона, тщуся наблюдать, однакожъ за подтвержденіе и добрый совѣтъ твой благодаренъ. Ты, другъ мой, со своими страстьми какъ поступаешь? То-ли господинъ, что брата своего злословишь и бранишь, да такого, который началъ о тебѣ Бога ради, по крови, отечески стараться». Василій Никитичъ, подтверждая, что братъ его говоритъ громкія только фразы о самообладаніи, напоминаетъ Ерофею Никитичу, какъ онъ чуть-было не лишилъ себя жизни, потому что не получалъ долго денегъ изъ Россіи». [1]) Но Ерофей Никитичъ не могъ примириться съ практическимъ взглядомъ брата на жизнь, и когда тотъ называетъ «журавлемъ въ небѣ» его мечты о величіи, которое ожидаетъ его, Ерофей Никитичъ отвѣчаетъ на это: «Сей журавль, хотя и въ небѣ, но онъ на небѣ завсегда не летаетъ, случится что и на землю сядетъ». Впрочемъ, одно время онъ, стѣсняясь вѣроятно денежными средствами, хотѣлъ возвратиться въ Россію къ брату, но тогда дѣло ихъ по доносу Дементьева было еще не рѣшено, и возвращаться было страшно, а потому Василій Никитичъ удержалъ его за границей. Къ этому времени относится вѣроятно документъ, приведенный нами въ переводѣ, въ приложеніи къ замѣткѣ во 2 кн. «Русской Старины». Позднѣе онъ возвратился въ Россію, получилъ мѣсто въ колегіи иностранныхъ дѣлъ и выслужилъ чинъ офицерскій, съ этихъ поръ въ извѣстныхъ мнѣ источникахъ о Ерофеѣ Каржавинѣ болѣе нѣтъ свѣдѣній.

Н. П. Дуровъ.

---

[1]) Сборн. Ак. Н., т. 9, стр. 415.

М. Т. Каченовскій, Н. А. Полевой и Н. Ф. Павловъ.

Съ 1825 г. Н. А. Полевой началъ издавать „Московскій Телеграфъ". Новый журналъ свѣжестью мыслей и свѣденій, бойкостью пера и рѣзкостью сужденій скоро пріобрѣлъ себѣ многочисленныхъ читателей, далеко оставивъ за собой всѣ тогдашніе журналы. Это возбудило непріязненность къ нему другихъ журналистовъ, въ томъ числѣ и М. Т. Каченовскаго, котораго „Вѣстникъ Европы" уже гаснулъ, и только по временамъ едва-едва вспыхивалъ огонькомъ учености и науки. Но съ того времени какъ Полевой черезчуръ задѣлъ Каченовскаго, сказавъ мимоходомъ, что журналъ издавать не то, что порохомъ торговать, старикъ сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его.

— Не правда,—говорилъ Каченовскій,—вретъ онъ; порохомъ торговали солдаты, а не я; меня напрасно привлекли къ этому дѣлу; я невинно пострадалъ! [1])

Но умный Каченовскій не могъ не цѣнить таланта Полевого и иногда невольно отдавалъ ему справедливость. Разъ, во время лѣтнихъ каникулъ, Каченовскій просилъ професора И. М. Снегирева, который тогда былъ и цензоромъ, дать ему почитать что-нибудь, новенькое и интересное.—„Ученыя занятія,—говорилъ Каченовскій,—эти исторія да исторія, лѣтописи да лѣтописи, эти сухіе труды журнальные утомили меня; нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь пріятнаго, легкаго, чтобы отдохнуть, освѣжиться хоть во время вакацій".

Лукавый Снегиревъ далъ ему первую, огромную тетрадь повѣстей, впослѣдствіи напечатанныхъ подъ названіемъ „Мечты и жизнь", не сказавъ, что это сочиненіе Полевого.

Каченовскій, схвативъ тетрадь, сѣлъ на свои дрожки и поѣхалъ домой. Дня черезъ два, возвращая тетрадь Снегиреву, онъ говорилъ:

— Иванъ Михайловичъ! скажите Бога ради, что вы мнѣ это дали? Когда я вышелъ отъ васъ и поѣхалъ, я, сидя на дрожкахъ,

---

[1]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій въ молодости былъ офицеромъ и однажды за какое-то послабленіе нижнимъ чинамъ въ незаконной продажѣ пороха попалъ на гауптвахту. Начальникомъ караула былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Оба офицера познакомились; Глинка уже тогда интересовался отечественною исторіею и его вліяніе на Каченовскаго оказалось столь сильно, что Михаилъ Трофимовичъ снялъ мундиръ офицера и вступилъ на путь ученаго. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ изслѣдователей въ области древней русской исторіи. **Ред.**

такъ, изъ любопытства, взглянулъ въ тетрадь прочитать страницы двѣ-три, чтобы только знать, что это такое. Первыя же строки завлекли меня; читаю, читаю и не могу оторваться: чѣмъ дальше, тѣмъ любопытнѣе. Ѣхалъ я отъ университета до моего дома около часа. Тутъ я не видѣлъ, какъ прошло время; вдругъ кучеръ останавливается; не отрывая глазъ отъ тетради, я спрашиваю: что ты остановился? что ты не ѣдешь далѣе? Онъ отвѣчаетъ: мы уже пріѣхали, и вотъ отворяютъ наши ворота. Мнѣ было досадно, что прервалось мое чтеніе. Я схожу съ дрожекъ, иду, поднимаюсь на крыльцо и все читаю, да чуть-было не упалъ, оступившись. Вхожу въ комнаты, я все читаю; сажусь за обѣдъ, почти не могу ѣсть и все читаю; отобѣдалъ, помѣстился въ моемъ кабинетѣ и не вставалъ до вечера, пока ни прочиталъ всю тетрадь. Что это за рукопись, скажите, Иванъ Михайловичъ, кто сочинилъ ее? Какое знаніе людей, человѣческаго сердца, какое перо! Сочинитель, кажется, все сіе самъ испыталъ, самъ извѣдалъ всѣ бѣдствія и радости жизни! Описываетъ-ли онъ крестьянъ и бытъ ихъ, разставанье рекрута съ семейсвомъ; описываетъ-ли людей средняго сословія, общество высшаго круга — онъ пишетъ съ натуры портреты, какъ будто онъ самъ былъ и крестьяниномъ, и солдатомъ, и купцомъ, и чиновникомъ, и бариномъ! Кто сочинитель? Это талантъ, это талантъ! Бога ради, дайте мнѣ продолженіе и окончаніе; я хочу, я жажду все прочитать. Давно я не читывалъ такого сочиненія! Кто же это написалъ??"

Снегиревъ все молчалъ, и только тогда, когда Каченовскій истощилъ свои похвалы, сказалъ, что это сочиненіе Николая Алексѣевича Полевого.

Какъ только Снегировъ выговорилъ это, Каченовскій вскричавъ: „мошенникъ!" вскочилъ съ мѣста, бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить широкими шагами по комнатѣ. Лишь черезъ нѣсколько минутъ простыла кровь въ немъ. Немного успокоившись, онъ сказалъ:

— Но все-таки, Иванъ Михайловичъ, пожалуста, дайте мнѣ продолженіе; такъ и быть, я прочитаю до конца.

И онъ уѣхалъ отъ Снегирева, и по прежнему читалъ повѣсти Полевого и сидя на дрожкахъ, и у себя за обѣдомъ, и въ кабинетѣ.

Полевой также понималъ все, что было хорошаго въ Каченовскомъ, и уважалъ его. Узнавъ же о томъ, какое дѣйствіе произвело на старика чтеніе его повѣстей, онъ чрезвычайно жалѣлъ, что оскорбилъ заслуженнаго професора. Полевой искалъ случая помириться съ нимъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, если не совсѣмъ помирился, то нѣсколько сблизился съ нимъ и былъ остороженъ въ сужденіяхъ о немъ.

Во время примиренія разсказано было и то, какъ читалъ Каченовскій „Мечты и жизнь“, и то, какъ онъ, услышавъ имя сочинителя, вскричалъ: „мошенникъ“. Но Каченовскій сказалъ: „мошенникомъ-то я назвалъ Снегирева“!

Въ 1835 году напечатана была книга: „Три повѣсти“, сочиненіе московскаго писателя Николая Филиповича Павлова. Въ одной изъ этихъ повѣстей, подъ названіемъ „Ятаганъ“, описанъ юнкеръ, влюбленный въ благородную дѣвицу, на которой хотѣлъ жениться его полковой командиръ. Отъ этого начались преслѣдованія начальника, кончившіяся тѣмъ, что юнкера сначала лишили дворянства, а потомъ наказали шпиц-рутенами. Молодой человѣкъ, съ отчаянія, изрубилъ ятаганомъ своего начальника.

Какъ изображеніе служебныхъ преслѣдованій по личной враждѣ начальника и самоуправство подчиненнаго признано было неприличнымъ, то книга Павлова была запрещена. Между другими, объ этой книгѣ докладывалъ государю великій князь Михаилъ Павловичъ, съ такимъ замѣчаніемъ, что книга хороша, но сочинитель клевещетъ на службу. При этомъ В. А. Жуковскій старался оправдать Павлова. Государь долго не соглашался съ Жуковскимъ, потомъ спросилъ:

— Кто такой сочинитель?

Услышавъ, что сочинитель Николай Павловъ, государь сказалъ:

— Могу, господа, увѣрить васъ, что это не я.

Тѣмъ и кончилась гроза, висѣвшая надъ Павловымъ: каламбуръ развеселилъ Государя.

О матеріалахъ къ жизнеописанію гр. М. А. Милорадовича.

Въ 1873 г. издана мною книга «Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», въ которой помѣщены біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ членахъ этого рода, а о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ сказано только нѣсколько словъ.

Имѣя въ виду, въ настоящее время, составить полное жизнеописаніе гр. Михаила Андреевича, я предварительно предпринялъ собрать по возможности всѣ письменные памятники его дѣятельности.

Полагая, что многія бумаги и письма хранятся у потомковъ тѣхъ лицъ, съ которыми гр. Михаилъ Андреевичъ находился въ сношеніяхъ, я, чрезъ весьма обязательное посредство ред. «Русской Старины», прошу владѣльцевъ бумагъ и писемъ гр. Милорадовича, доставлять мнѣ оныя въ подлинникахъ, каковыя будутъ возвращены мною во всей цѣлости, по снятіи съ нихъ копій. Кто же пожелаетъ уступить и самые подлинники, тѣхъ прошу заявить свои условія.

Адресовать прошу письма: въ Петербургъ, у Поцѣлуева моста, домъ Фитингофа, флигель-адъютанту Его Величества, графу Григорію Александровичу Милорадовичу.

Гр. Г. Милорадовичъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г.[1])

5-го марта. По выс-шему повелѣнію всем-ше произведенъ генералъ-адъютантъ Кушелевъ въ вице-адмиралы, которому, при исправленіи прежде возложенныхъ на него должностей, присутствовать въ адмиралтействѣ колегіи, слѣдственно и перестаетъ быть генералъ-адъютантомъ (№ 19).

— Профессора Сартія, находящагося при нашемъ дворѣ капельмейстеромъ и учителемъ музыки ихъ и-хъ выс-въ, любезныхъ дочерей нашихъ великихъ княженъ, всемилостивѣйше пожаловали мы въ колежскіе совѣтники. (Тамъ же).

— Выключенному изъ службы подпоручику Сыробоярскому, просившемуся въ инвалиды, отказано потому, что на инвалидное содержаніе опредѣляются служившіе безпорочно, а проситель выключенъ за пороки. (Тамъ-же).

— Исключенному изъ службы прапорщику Маркову, просившему объ опредѣленіи его паки въ оную, по ненадобности болѣе въ немъ, отказано. (Тамъ же).

— Выключенному изъ службы маіору Раткову, просившему по бѣдности какой-либо милости, отказано потому, что онъ, будучи выключенъ за пьянство и безобразную драку, не заслуживаетъ никакого уваженія. (Тамъ же).

9-го марта. По выс-шему повелѣнію, всѣмъ гг. шефамъ, имѣющимъ у себя положенныхъ имъ адъютантовъ, дѣлается замѣчаніе, чтобъ отнюдь не употреблять въ посылки по своимъ надобностямъ адъютантовъ, кои имъ назначаются для отправленія службы государской, а не для посылокъ по своимъ нуждамъ; въ противномъ же случаѣ, чтобъ опасались суда. (№ 20).

— Отставному поручику Александрову, служившему въ вѣдомствѣ придворной конюшенной конторы, просившему обѣщаннаго ему покойною государынею императрицею дома, отказывается, по неизвѣстности, подлинно-ли оной былъ ему обѣщанъ. (Тамь же).

— Отставному поручику Перичу 1, просившему о позволеніи носить ему мундиръ, отказывается, потому что при отставкѣ его государь императоръ не разсудилъ за благо носить ему оной; нынѣ же новыхъ причинъ къ сему дозволенію не существуетъ. (Тамъ же).

— На В. О., по Среднему проспекту, между 3 и 4-й линіями, подъ № 287, продается у хозяйки дѣвка 25-ти лѣтъ, платье и разныя вещи; также близъ Тучкова моста двѣ барки. (Тамъ же).

— Эстампъ, представляющій принятіе императора Петра III въ Елисейскихъ поляхъ Петромъ Великимъ, съ алегорическимъ истолкованіемъ, продается у мадамъ Репей, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Жадиміровскаго, подъ № 72, а на дворѣ, подъ № 10. (№ 21).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI, стр. 187—190; 589—590, 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452.

16-го марта. Е. и. вел-во вы-ше указать соизволилъ, по случаю ея к. выс-ва Фредерики-Доротеи-Софіи, вдовствущей герцогини Виртемберг-Штутгардской, родительницы ея и. вел-ва, наложить на три мѣсяца трауръ, по примѣру траура по его высококняжеской свѣтлости, владѣтельномъ герцогѣ Виртемберг-Штутгардскомъ, сообразуясь вообще вышесказанному примѣру, начиная оный сего марта 15 дня съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ: первыя шесть недѣль дамы черныя ленты, а кавалеры черные чулки, а послѣднія шесть недѣль, дамы цвѣтныя ленты, а кавалеры бѣлые чулки. (№ 22).

— Генерал-маіоръ Коновницынъ переходитъ въ Углицкой мушкетерскій полкъ, коему и быть онаго шефомъ, вмѣсто кн. Долгорукова, который находится подъ слѣдствіемъ. (Тамъ же).

— Генералъ отъ инфантеріи Розенбергъ переходитъ въ смоленскую дивизію и назначенъ смоленскимъ военнымъ губернаторомъ и шефомъ Московскаго гренадерскаго полку. Генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ переходитъ въ украинскую дивизію и назначенъ кіевскимъ всеннымъ губернаторомъ и шефомъ кіевскаго гренадерскаго полку. (Тамъ же, приказъ 12 марта).

— Гарнизоннаго Экбоума полку штабс-капитанъ Рейцъ, за частыми припадками падучей болѣзни, отставленъ отъ службы. (Тамъ же).

— Генерал-маіоръ Прево де-Люміанъ отставленъ отъ службы, а генерал-маіору Болотникову съ баталіономъ быть готову чрезъ два дня выступить, и ожидать повелѣнія. (Тамъ же).

— Отставленъ отъ службы генералъ отъ кавалеріи Дунинъ, коему и ѣхать въ Кіевъ, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній, давая отвѣтъ военной колегіи на все то, о чемъ она будетъ дѣлать вопросы. (Тамъ же).

— Е. И. В., находящагося въ совѣтѣ Академіи Художествъ членомъ и старшаго скульптора професора Мартоса всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ надв. совѣтникомъ. (Тамъ же).

— Въ книжныхъ лавкахъ продаются анекдоты древнихъ пошехонцевъ, или русскіе донкишоты: книга новая въ своемъ родѣ и презабавная. Цѣна безъ пер. 1 р. 20 и 1 р. 30 коп. (Тамъ же).

19-го марта. Генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ переходитъ въ днѣстровскую дивизію инспекторомъ по инфантеріи, назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ и шефомъ Владимірскаго мушкатерскаго полку. (№ 23, приказъ 14 марта).

— Костромской губерніи помѣщику, кол. ас. Кошелеву, просившему о взятіи у него двухъ въ кологривскомъ округѣ деревень въ казенное вѣдомство и о дачѣ ему вмѣсто оныхъ другихъ, въ Пензенскомъ уѣздѣ, отказано по не вмѣстности таковаго промѣна. (Тамъ же).

. Витебскому мѣщанину Кошаварскому, просившему о возвращеніи отданнаго въ рекрута сына его, отказано какъ въ просьбѣ не дѣльной. (Тамъ же).

— Исключенному изъ службы маіору Берку въ просьбѣ его о пожалованіи пропитанія отказано, поелику не дается оное тѣмъ, которые за неявку въ полкъ исключены. (Тамъ же).

— Гусарскаго Баурова полка корнету Баторскому, просившему о прощеніи ему долгу, занятаго имъ на проѣздъ къ полку въ щетъ жалованья, по выдачѣ ему онаго за двѣ трети, у него удержаннаго, отказано въ первомъ потому, что всякой то, что занялъ заплатить обязанъ, а въ послѣднемъ для того, что жалованье удержано за то время, въ которое онъ не служилъ. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

эпоху, путешествіе Нечаева прочтется все-таки съ любопытствомъ и за изданіе его должно быть благодарнымъ почтенному знатоку нашей древней исторіи, возстановившему во многихъ мѣстахъ текстъ сочиненія и снабдившему его необходимыми примѣчаніями.

Памятникъ протекшихъ временъ. Составилъ А. Т. Болотовъ. Москва, 1875 г., 8 д., стр. 165 и 122, цѣна 1 р. 50 к.

Многочисленные почитатели добродушнаго и честнаго Андрея Тимоѳеевича Болотова, обширныя записки котораго изданы при «Русской Старинѣ», — съ большимъ интересомъ прочтутъ названную книгу: въ ней собраны Болотовымъ въ 1796 году много всякаго рода извѣстій, а также анекдотовъ объ императорѣ Павлѣ I.

Русская Библіотека. Василій Андреевичъ Жуковскій, 1875, XLVI и 365 стр., т. IV.

Превосходное, дешовое изданіе (75 коп. за томъ) избранныхъ произведеній, цѣликомъ и въ отрывкахъ, лучшихъ нашихъ писателей, съ ихъ біографіей и критическою оцѣнкою ихъ трудовъ, — увеличилось сочиненіями В. А. Жуковскаго. Мы говорили о первыхъ выпускахъ этого изданія, прекрасно задуманнаго выполняемаго, и считаемъ излишнимъ повторять похвалы, которыя оно вполнѣ заслуживаетъ. Успѣхъ «Русской Библіотеки» лучше всего говоритъ о ея значеніи. Дать возможность и недостаточнымъ лицамъ имѣть у себя произведенія лучшихъ писателей—цѣль, заслуживающая благодарность всякого, кому дороги успѣхи русскаго слова. Можно не соглашаться съ выборомъ пьесъ, съ исключеніемъ, или помѣщеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но при изданіи сочиненій Жуковскаго, нельзя ничего замѣтить, касательно этого выбора. Изъ обширныхъ произведеній его: Ундины, Одиссеи, Рустема—выбраны лучшія мѣста, въ Орлеанской Дѣвы помѣщенъ прологъ, остальныя лучшія пьесы вошли цѣликомъ. Критическая оцѣнка поэта взята изъ Бѣлинскаго, біографія—изъ нѣмецкой книги Зейдлица, изданной врачомъ и другомъ поэта. Эта замѣчательная біографія не переведена еще вполнѣ на русскій языкъ, но о жизни Жуковскаго можно найти много свѣдѣній въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ «Русская Старина» помѣстила въ прошломъ году любопытныя извѣстія о немъ (т. IX, стр. 622 — 638; X, 86, 705; XI, отношенія его къ Карамзину, стр. 46, 63, 72, 236 и др.). Въ другихъ годахъ нашего изданія также часто упоминается о поэтѣ, котораго «плѣнительная сладость стиховъ, по выраженію другого поэта, пройдетъ вѣковъ завистливую даль».

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. 1874 г. Четыре тома. Серапіоновы братья.

Г. Гербель, извѣстный многими, весьма полезными, изданіями въ нашей литературѣ, предпринялъ новый трудъ — представить читателямъ всѣ сочиненія извѣстнаго фантастическаго писателя въ новомъ переводѣ. Что личность Гофмана и его произведенія заслуживаютъ изученія, этого никто не будетъ оспаривать. Сочиненія его переведены на всѣ языки. У насъ онъ издавна пользовался большею извѣстностью. Первые разсказы его появились на русскомъ языкѣ еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ («Дѣвица Скудери», повѣсть вѣка Людовика XIV, Спб., 1822 г.). Въ 1836 г. явились его «Серапіоновы братья» въ переводѣ И. Безсомыкина (8 част. Москва). Въ 1841 г. «Котъ Муръ», въ переводѣ Кетчера. Дѣтскія сказки его явились тогда въ нѣсколькихъ переводахъ: «Сказка о щелкунѣ», Москва, 1835 г. «Подарки на новый годъ» (двѣ сказки, Спб., 1840) Были даже передѣлыватели Гофмана, какъ г. А. Про—ій, издавшій «Черный паукъ и сатана въ тюрьмѣ» (Москва, 1836 г.). Его «Волшебныя сказка для дѣтей» вышли еще очень недавно въ Москвѣ, именно въ 1865 г. «Принцеса Брамбилла», въ 1844. Въ Отечеств. Запискахъ переведены его «Крошка Цахесъ», «Мейстеръ Фло», «Мышиный король» и др. Журналы наши представляли оцѣнку его (см. «Гофманъ какъ музыкантъ», Отеч. Зап. 1840, т. IX; «Гофманъ и его жизнь». Пантеонъ, 1851 г., кн. 4 и др.). Въ новое изданіе должны войти, въ 10-ти томахъ, всѣ его сочиненія. Переводъ весьма вѣрный и сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ.

Практическіе выводы изъ обыденной жизни, въ двухъ книжкахъ: первая въ цифрахъ, вторая—въ илюстрированныхъ разсказахъ. Рисунки художника Костревскаго. Варшава, 1875, 82 и 150 стр.

Книги, выходящія въ Варшавѣ, въ особенности русскія мало обращаютъ на себя вниманіе нашей печати. Наружность появившейся нынѣ книги весьма приличная, рисунки очень недурны. Содержаніе книги составляетъ: сначала изложеніе системы какъ вести домашній расходъ съ тѣмъ, чтобы жить и не проживать, здѣсь приложено множество весьма практическихъ таблицъ, формъ, бланокъ и замѣтокъ, необходимыхъ для правильнаго веденія расходовъ; вторая часть содержитъ въ себѣ разсказы изъ обыденной жизни, очеркъ нашихъ общественныхъ и публичныхъ увеселеній; между ними замѣчательнѣе всего воспоминанія бывшаго члена общества посѣщенія бѣдныхъ и проч.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ"

1875 г.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію,—**двѣнадцать книгъ, три большіе тома**, изъ которыхъ каждый не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ, съ портретами, снимками и рисунками,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ—**восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ **Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»** — въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій Проспектъ, 30)**; въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городскаго на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала **«РУССКАЯ СТАРИНА»** помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Надеждинская, д. Трута, № 42, кв. № 13.**

Статьи, которыя помѣщаются въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" **1875 г.**, относятся къ слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Записки (мемуары) и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ Русской Исторіи, преимущественно XVIII и XIX вѣковъ. — III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники, статьи полемическія и проч.—VI. Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи, эпиграммы, пародіи, шутки изъ рукописной литературы XVIII и начала XIX в.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины".—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII и XVIII вв.—Стихи и пѣсни духовные и раскольничьи.— Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—VIII. Библіографическій листокъ новыхъ, преимущественно историческ. книгъ.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины" принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ шестой. АПРѢЛЬ. **1875 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Къ этой книгѣ прилагаются: I. портретъ **В. Н. Каразина**, основателя Харьковскаго Университета, гравировалъ Акад. Л. А. Сѣряковъ. II. Оглавленіе и указатель личныхъ именъ въ XII-мъ томѣ «Русской Старины» и III. Отчетъ о «Складчинѣ», изд. русскихъ писателей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1874 г. IV. Записки генерала **Манштейна** о Россіи, переводъ съ франц., подлинной его рукописи, главы I—IV: событія 1727—1732 гг.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1875.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Очеркъ русской морской исторіи. Часть I. Спб., 1874 г., IV, 652 стр. Напечатанъ по распоряженію морскаго министерства.

Флотъ нашъ, въ теченіи 200 лѣтняго своего существованія, имѣлъ весьма небольшое число тружениковъ по его исторіи, притомъ тружениковъ, посвящавшихъ этимъ занятіямъ, по преимуществу, часы отдыха отъ служебныхъ занятій. Подавляемые обширностію и неразработанностію матеріаловъ, а также многосторонностію морского дѣла—эти почтенные ревнители морской исторіи должны были ограничиваться: описаніемъ того или другого морского событія, факта, лица и т. п., а при большей энергіи и способностяхъ—болѣе или менѣе обширнымъ изслѣдованіемъ какой-либо стороны морского дѣла въ Россіи. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ значительные труды А. П. Соколова. Покойный С. И. Елагинъ принялся за составленіе исторіи русскаго флота вообще; но успѣлъ издать лишь 4 тома архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго, да написать «Азовскій періодъ флота» и нѣсколько журнальныхъ статей, относящихся къ его изслѣдованіямъ. Какъ бы то ни было, до настоящаго времени не имѣется даже коротенькой исторія морского дѣла въ Россіи; такъ что русскій военный флотъ, въ этомъ отношеніи, «не въ авантажѣ обрѣтается». За пополненіе этого недостатка принялся, какъ видно, Ѳ. Ѳ. Веселаго, извѣстный въ морской литературѣ трудами: «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса». Спб., 1852 г., «Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ», съ 1656—1856 гг., Спб., 1871 г.); «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 г.»; «Начертательная геометрія», Спб., и проч. (см. библ. листокъ «Русской Старины» 1871 года, май и 1872 года), а также нѣкоторыми историко-критическими и біографическими статьями. Г. Веселаго предпринялъ написать русскую морскую исторію въ сжатомъ видѣ. Задача далеко не легкая и отчасти неблагодарная, потому что, несмотря на сжатость изложенія, все-таки необходимо употребить много труда на собраніе и изученіе архивныхъ данныхъ, не говоря уже о печатныхъ источникахъ, а также объ историческихъ трудахъ, имѣющихъ связь съ исторіею русскаго морского дѣла.

«Очеркъ русской морской исторіи», заключающій въ себѣ періодъ до смерти Петра I, составляетъ начало обширнаго труда г. Веселаго, представляющее, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу, не говоря уже о морской. Первыя двѣ главы заключаютъ любопытный, впервые появляющійся въ литературѣ, обзоръ мореходства русскихъ до Петра Великаго, въ которомъ, несмотря на сжатость изложенія, сгруппированы всѣ имѣющіяся по этому предмету главныя историческія данныя, начиная съ набѣговъ славяно-руссовъ на берега Византіи,—набѣговъ столь частыхъ, что даже Черное море получило названіе Русскаго, и кончая неудачными попытками Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ завести свой флотъ сначала на Балтикѣ, потомъ на Каспіѣ. Характеръ судовъ славяно-русскихъ, греческихъ, скандинавскихъ, казацкихъ чаекъ, бѣломорскихъ и сибирскихъ кочей, шитиковъ и т. п., а также степень искусства плаванія и образъ военныхъ дѣйствій отчетливо обрисованы авторомъ; причемъ съ очевидностью доказывается, что предки наши усвоили себѣ хорошее знакомство съ морскими плаваніями, до времени князей.

Главы III—XII, посвященныя основанію нашихъ флотовъ на Азовскомъ, Балтійскомъ и Каспійскомъ моряхъ и военно-морскимъ дѣйствіямъ времени Петра, представляютъ весьма подробное изложеніе предмета, систематически расположенное. Основаніемъ, какъ для этихъ главъ книги, такъ и послѣдующихъ, служили вышеупомянутые «Матеріалы», изданные Елагинымъ, и другіе архивные и несомнѣнные источники, по большей части неизвѣстные изслѣдователямъ этого времени. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ частностяхъ отдѣла, посвященнаго военно-морскимъ дѣйствіямъ, замѣчаются, сравнительно съ имѣвшимися доселѣ историческими свѣдѣніями, иногда—исправленія, иногда — пополненія и т. п.; но, во всякомъ случаѣ, сущность этого отдѣла, несмотря на вполнѣ самостоятельную и добросовѣстную обработку г-мъ Веселаго, болѣе или менѣе знакома большинству читающей публики, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ особенностей, относящихся къ морской спеціальности, изложенныхъ, замѣтимъ, вполнѣ популярно.

Инымъ характеромъ отличаются послѣднія пять главъ труда г. Веселаго, посвященнаго администраціи и внутреннему устройству флота, портовъ и адмиралтействъ, а также законодательству, судопроизводству, образованію моряковъ и гидрографіи того времени. Здѣсь авторъ касается нерѣдко такихъ предметовъ до которыхъ предшествующіе изслѣдователи едва дотрогивались, или о которыхъ вовсе умалчивали, а вслѣдствіе этого читатель встрѣтится здѣсь весьма часто съ новыми любопытными свѣдѣніями, притомъ свѣдѣніями весьма хорошо изложенными; такъ что эта часть труда г. Веселаго прочтется всѣми съ значительнѣйшимъ интересомъ.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
1870 года.

Изданіе **перваго** года нашего журнала давно уже сдѣлалось библіографическою рѣдкостью и если экземпляры его случайно попадаются отъ прежнихъ подписчиковъ къ книгопродавцамъ, то продаются ими не иначе какъ за 30 руб., 35 руб. и болѣе за экземпляръ.

Въ виду этого, а также въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ получая довольно часто отъ нашихъ подписчиковъ заявленія о желаніи ихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1870** г., редакція объявила въ январѣ 1875 г. о готовности приступить къ новому ея изданію.

Такъ какъ нынѣ собралось достаточное число заявленій отъ желающихъ имѣть „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1870** г., то приступлено къ печатанію въ двухъ типографіяхъ **третьяго** ея изданія.

Гг. подписчики на „Р. Ст.“ **1870** г. (12 книгъ, въ трехъ томахъ) благоволятъ высылать теперь же подписныя деньги, дабы изданіе было своевременно имъ выслано.

Новое изданіе выйдетъ съ приложеніемъ перваго тома Записокъ Болотова, который будетъ украшенъ множествомъ, вновь исполненныхъ Акад. Л. А. Сѣряковымъ, съ рисунковъ автора Записокъ, виньетокъ.

Цѣна третьяго изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками будетъ

ВОСЕМЬ рублей за экземпляръ съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ дѣламъ).[1])

II.

(продолженіе).

Съ развитіемъ дѣятельности С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, Бецкой нашелъ, что и здѣсь, такъ же, какъ въ Московскомъ Совѣтѣ, должны засѣдать опекуны, получающіе жалованье и отдающіе свои труды единственно на пользу этого учрежденія, «не отягощая себя болѣе никакими исправленіями прочихъ мѣстъ» (т. е. должностей); онъ задумалъ уже въ 1778 г. распредѣлить одинаково количество опекуновъ при томъ и другомъ Воспитательномъ Домѣ.[2]) Но такъ какъ умноженіе опекуновъ признано было невозможнымъ по недостатку средствъ Воспитательнаго Дома, то Бецкой предписалъ: «изъ шести назначеннаго въ Планѣ числа опекуновъ за довольное быть четыремъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, а тремъ, вообще съ Директоромъ, въ С.-Петербургскомъ Отдѣленіи, съ получаемымъ онымъ здѣсь въ С.-Петербургѣ жалованьемъ, по причинѣ извѣстной во всемъ дороговизны, по 1,200 рублей». Когда же потребовалось бы обсуждать какое-нибудь особенно важное дѣло,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380.

[2]) Письмо Главнаго Попечителя въ Московскій Совѣтъ отъ 19-го октября 1778 г. Оно напечатано, въ сокращеніи, въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома на мѣсяцъ ноябрь 1778 г.». («Собраніе извѣстій», стр. 131—137).

А. П.

то, на этотъ случай, могли быть приглашены къ засѣданію: въ Москвѣ—Главный Надзиратель и Директоръ казенъ, а въ Петербургѣ—Главный Попечитель.

«Буде-бъ—продолжалъ Бецкой—въ чемъ нужда бо̀льшая была и свободность времени дозволяла, то, на основаніи Генеральнаго трехъ частей Плана и чрезъ переписки, одно мѣсто другому мнѣнія свои сообщая, могутъ утверждать общее свое согласіе».

Въ концѣ января 1779 г.,[1]) вмѣсто обычнаго балотированія шарами, были письменно предложены гг. Почетнымъ Благотворителямъ, опекунамъ и за-опекунамъ, къ выбору въ опекуны въ С.-Петербургское Отдѣленіе, нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ, по большинству мнѣній, выбраны: надворный совѣтникъ Вындомскій и колежскій асесоръ Стоксъ. 16-го марта того же года [2]) происходило соединенное засѣданіе прежнихъ за-опекуновъ (Памфиловъ, Закревскій, Фелтенъ, Аничковъ и Ильинъ) и новыхъ опекуновъ, въ которомъ за-опекуны заявили, что они «не оставятъ старанія и труды свои употреблять къ соотвѣтствующей Воспитательному Дому и обществу пользѣ». Но участіе ихъ—за исключеніемъ одного Фелтена—въ дѣлахъ Воспитательнаго Дома становится уже чисто номинальнымъ, хотя Бецкой и надѣялся, что за-опекуны, — «оставаясь на прежнемъ своемъ положеніи, съ неисключеніемъ выгодъ по преимуществамъ Воспитательнаго Дома»..... не почтутъ въ отягощеніе являться въ засѣданіе не только по особымъ повѣсткамъ, «но и въ назначенное время, напримѣръ въ недѣлю положа субботній день». Съ 18-го марта исчезаютъ уже и ихъ подписи подъ журналами.

Обстоятельства, очевидно, шли къ тому, чтобы сравнять окончательно, въ правахъ и въ устройствѣ, С.-Петербургское Отдѣленіе съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ. Теперь уже только число опекуновъ и нѣкоторая особенность въ положеніи Директора дѣлали между ними различіе. Но 15-го сентября 1780 г., по новому законоположенію, одобренному въ собраніи Почетныхъ Благотворителей и словесно [3]) утвержденному Императрицею, отмѣнилось и это различіе, такъ какъ въ каждомъ мѣстѣ назначено быть четыремъ опекунамъ, и, между ними, по одному Обер-

[1]) Журналъ засѣданія 29-го января, № 53. А. П.

[2]) Журналъ засѣданія, № 134.

[3]) Дѣло по Канц. Спб. Опекунскаго Совѣта, о служившихъ, № 46.

Директору. Вскорѣ послѣ того, и сохранившееся по ошибкѣ названіе Отдѣленія было признано несоотвѣтствующимъ равноправности обоихъ Воспитательныхъ Домовъ: «и для того — писалъ Бецкой отъ 17-го октября 1780 г.[1])—имѣетъ и С.-Петербугское засѣданіе впредь называться С.-Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ».

Мотивы, побудившіе Бецкаго къ изданію новаго законоположенія, напечатаннаго, въ свое время, не вполнѣ, но только въ извлеченіи, изложены достаточно сильно и рельефно въ предисловіи къ нему, которое составляетъ какъ бы введеніе къ самому уставу. Нужны были, конечно, весьма рѣзкія и внушительныя причины, чтобы вырвать у Бецкаго такой укоръ, брошенный имъ въ официальной бумагѣ своимъ подчиненнымъ: «мрачность, запутанность неразрѣшимая, представляя повсюду и къ поправленію упущеннаго неодолимыя препятствія, не показываютъ ни тѣни того, чтобъ были разумы благоустрояющіе и сердца благотворительныя». Главнымъ образомъ, упрекъ этотъ заслужилъ тогда Московскій Опекунскій Совѣтъ. Чтобы устранить вкравшееся зло, Бецкой прибѣгнулъ разомъ къ нѣсколькимъ мѣрамъ. Во-первыхъ, онъ ввелъ въ Совѣты, на полныхъ опекунскихъ правахъ, двухъ Обер-Директоровъ, которыхъ должность — по его выраженію — «замыкала въ себѣ всецѣлую обширность Дома», т. е. въ лицѣ Обер-Директора сливались обязанности Главнаго Надзирателя и Директора казенъ съ званіемъ опекуна, какъ постояннаго члена Совѣта. Мы видѣли уже, что Бецкой, въ своемъ Генеральномъ Планѣ, желалъ соединить удобства единоличнаго правленія съ выгодами, представляемыми колегіальнымъ началомъ, и потому, назвавъ Главнаго Надзирателя единственнымъ хозяиномъ въ Домѣ, онъ, все-таки, поставилъ его подъ всегдашній и бдительный контроль Опекунскаго Совѣта. Изъ этого полу-подчиненнаго положенія Главнаго Надзирателя возникали, однако, на практикѣ серьезныя недоразумѣнія, и опекуны, не довольствуясь колегіальнымъ надзоромъ за его дѣйствіями, вмѣшивались непосредственно въ его распоряженія, чѣмъ и нарушали уже границу, проведенную уставомъ между обязанностями Совѣта и главнаго въ Домѣ администратора. Безъ сомнѣнія, опе-

---

[1]) Письма Гл. Попечителя въ Моск. Опек. Совѣтѣ. А. П.

куновъ подталкивало на присвоеніе чуждой роли то обстоятельство, что Главный Надзиратель былъ только приглашаемъ въ Совѣтъ и являлся туда, какъ лицо, обязанное извѣстнаго рода отчетностью; а въ то время тонкое различіе между прямымъ служебнымъ подчиненіемъ и обязанностью отчета было едва-ли многимъ доступно, и право контроля казалось, съ тѣмъ вмѣстѣ, и правомъ на ежедневное вмѣшательство въ самое исполненіе контролируемыхъ обязанностей. Бецкой отчасти предвидѣлъ это и формально запретилъ подчиненнымъ Главнаго Надзирателя: «бѣгать въ домы къ членамъ Совѣта или ходить къ нимъ съ представленіями», но они, тѣмъ не менѣе, бѣгали и ходили, и опекуны, становившіеся, такимъ образомъ, какъ бы новою властью между подчиненными и ихъ ближайшимъ начальникомъ, подрывали авторитетъ послѣдняго и мѣшали успѣху тѣхъ мѣръ, результаты которыхъ призваны были обсуждать. Въ свою очередь, и Главный Надзиратель, опираясь на то, что онъ все-таки «отецъ въ Домѣ», относился нерѣдко съ пренебреженіемъ къ колегіальному надзору, чѣмъ вызывалъ, съ противной стороны, обвиненіе въ гордомъ и грубомъ нравѣ. Такое именно столкновеніе произошло въ 1775 г. между Опекунскимъ Совѣтомъ и Главнымъ Надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, и столкновеніе это было настолько враждебно, что самъ Бецкой вынужденъ былъ войти въ разсмотрѣніе его и разъяснить нормальныя задачи, по уставу, обѣихъ перессорившихся сторонъ. Оказалось, напримѣръ, что на генеральномъ балотированіи опекуны, «не могши желанія своего удовольствовать полагаемыми балами.... прямо отважились говорить о порокахъ Главнаго Надзирателя публично» и устроили ему сцену, на которую пригласили въ свидѣтели, вопреки обряду балотированія, и экспедитора, и казначея Дома. Скандальная сцена—по словамъ Бецкаго—«наслушила (т. е. огласила) весь городъ Москву и С.-Петербургъ».[1]) Предоставленіе Обер-Директору опекунскаго мѣста въ Совѣтѣ имѣло цѣлью—сдѣлать его «равновластнымъ» съ прочими членами Совѣта, избавить его отъ неумѣстнаго и, подъ часъ, оскорбительнаго вмѣшательства опекуновъ въ управленіе Дома, не освобождая однако, отъ той доли надзора, которая препятствовала бы ему явно злоупотреблять сво-

[1]) Письма Гл. Попечителя отъ 1 и 14-го мая 1775 г.

имъ положеніемъ и идти въ разрѣзъ съ предписаніями устава и интересами цѣлаго учрежденія. Обер-Директоръ, по прежнему, представлялъ въ Совѣтъ свои отчеты и денежные балансы, и, кромѣ того, опекуны должны были, «по порядку очередуяся, по одному, быть безотлучно съ Обер-Директоромъ съ утра и до ночи, имѣя за общими печатями казну, закладныя, завѣщанія и заложенныя въ ломбардъ вещи, дабы притомъ и приходящіе по Сохранной Казнѣ, имѣющіе нужду, могли во всякое время получать къ удовольствію своему подлежащіе отвѣты». Но мѣра эта зашла далѣе своей цѣли, и Обер-Директоры, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю дѣятельную власть по Дому, мало стѣснялись уже опекунскимъ надзоромъ и могли при случаѣ давать отпоръ самому Главному Попечителю, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, Бецкой, узнавъ по опыту, что въ опекуны балотируются и попадаютъ лица, совершенно неспособныя къ выполненію своей благотворительной обязанности, учредилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ новую должность—контролера, поставивъ условіемъ, что—«удобнѣйшей дороги вступить въ опекуны не остается, кромѣ только чрезъ единое контролерство». Контролеръ завѣдовалъ письмоводствомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ экспедитора, и присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта, «но за другимъ столомъ, способствуя, по приглашенію членовъ, ихъ рѣшеніямъ чрезъ представленіе своихъ разсужденій». [1]) Онъ считался также первымъ помощникомъ Обер-Директора по управленію Домомъ и, въ отсутствіе его, заступалъ его мѣсто, пользуясь, одинаково съ нимъ, квартирою въ Домѣ при казенномъ отопленіи и освѣщеніи. Контролеры избирались общею балотировкою въ обоихъ Совѣтахъ и, пройдя разъ этотъ избирательный путь, поступали уже прямо на открывшіяся опекунскія вакансіи, «доказавъ потребныя способности какъ разума, такъ и сердца, чрезъ трудолюбивое управленіе, пріобрѣтеніемъ самоподробнѣйшаго свѣдѣнія о всемъ, чтò до Воспитательнаго Дома по истиннымъ его предметамъ касается».

Въ третьихъ, Главный Попечитель обратилъ вниманіе на

[1]) Собраніе учрежд. и предписаній, т. I, предварительн. объясненіе, стр. XXXVIII.

«истребленіе всякихъ расходовъ, «втунѣ истощающихъ, человѣколюбіемъ собираемые, доходы на помощь сиротъ» и предписалъ довести сокращеніе издержекъ до того, чтобы въ первый же годъ можно было сохранить изъ всѣхъ доходовъ, по крайней мѣрѣ. 50 тысячъ руб. для отчисленія ихъ въ капитальный фондъ Дома, о которомъ слѣдовало «неусыпно стараться для всякаго нечаяннаго случая». Въ тѣхъ же видахъ положено было «отрѣшить безплодныхъ людей» отъ службы при Домѣ, разумѣя подъ ними излишнихъ бухгалтеровъ, писцовъ и разныхъ служителей.

Въ четвертыхъ, Бецкой нашелъ, что генеральное балотированіе,—о которомъ мы говорили выше,—«впредь съ симъ новымъ учрежденіемъ, въ разсужденіи многихъ неудобствъ, уже совсѣмъ совмѣстно быть не можетъ» и потому отмѣнилъ его, предоставивъ каждому Совѣту, съ согласія Главнаго Попечителя, удалять отъ должности Обер-Директора, опекуна или контролера, явно изобличенныхъ въ нарушеніи своего долга. Генеральному собранію,[1]) въ которомъ къ голосамъ опекуновъ и контролеровъ обоихъ Совѣтовъ присоединялись голоса Главнаго Попечителя и Почетныхъ Благотворителей, оставалось затѣмъ рѣшить вопросъ: «долженъ ли совратившійся съ пути добродѣтели быть, въ силу его клятвъ. обнародованъ?»

Кромѣ этого случая, въ генеральное собраніе вносились всѣ тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены общею балотировкою обоихъ Совѣтовъ, вмѣстѣ съ двумя голосами Главнаго Попечителя.

Кажется, что съ того же времени, при избраніи должностныхъ лицъ, появились въ употребленіи, кромѣ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, еще шары сомнительные, которыхъ два равнялись одному бѣлому. По крайней мѣрѣ, въ іюлѣ 1782 г., Бецкой кассировалъ балотировку,— на которой потерпѣлъ неудачу контролеръ Крюковскій,—подъ тѣмъ предлогомъ, что при избраніи клались только бѣлые и черные шары, но не было шаровъ сомнительныхъ.[2])

---

[1]) Въ первой части Плана Воспитательнаго Дома упоминается генеральное собраніе одного Опек. Совѣта, которое имѣло совсѣмъ другой характеръ. Оно происходило ежегодно 21-го апрѣля «въ память заведенію Воспитательнаго Дома» и занималось повѣркой отчетовъ Гл. Надзирателя, а также разборомъ жалобъ приносимыхъ подчиненными на своихъ начальниковъ. А. П.

[2]) Дѣло по Канц. Спб. Опек. Сов., о служившихъ № 23—1. Въ «предварительномъ объясненіи» къ «Собранію учрежденій и предписаній» Бецкаго, на-

Замѣтимъ еще, что по уставу 1780 г. Обер-Директоръ получалъ помощника, котораго должность соотвѣтствовала нынѣшней должности инспектора классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и что, съ тѣмъ вмѣстѣ, прежняя Главная Надзирательница стала называться Первою Надзирательницею надъ частными. Поводомъ къ перемѣнѣ титула послужило то соображеніе, что прежде, когда взрослыя дѣти отправлялись изъ Петербурга въ Москву, обязанность Главной Надзирательницы Московскаго Воспитательнаго Дома, соединявшей подъ своимъ надзоромъ питомцевъ двухъ заведеній, была весьма обширна; съ прекращеніемъ же пересылки дѣтей, должность ея, по словамъ устава, на двое раздѣленная, несравненно облегчилась, почему и не надлежало быть двумъ Главнымъ Надзирательницамъ въ обоихъ мѣстахъ. Впослѣдствіи однако, когда, съ открытіемъ при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ Училища акушерства, труды Первой Надзирательницы значительно увеличились, то ей усвоенъ опять прежній титулъ.[1])

Издавъ новое законоположеніе, которое упрочивало указанными средствами расшатавшійся порядокъ вещей, Бецкой пожелалъ тогда же произвести опытъ надъ способностью Опекунскихъ Совѣтовъ къ самоуправленію и, «предоставивъ имъ свободу дѣйствовать и устроять все къ лучшему», отказался на условный срокъ отъ тѣхъ преимуществъ, которыми онъ пользовался, по особому довѣрію императрицы, сверхъ обыкновенной власти Главнаго Попечителя. Что̀ Бецкой смотрѣлъ на этотъ опытъ весьма серьезно и не желалъ, безъ крайней надобности, возвращаться къ своимъ добровольно-покинутымъ правамъ, — это доказывается многими данными, которыя легко почерпнуть изъ его огромной переписки. Такъ напримѣръ, въ 1784 году, когда московскій Обер-Директоръ Гогель колебался въ выдачѣ большой суммы, противно правиламъ, князю Василью Никитичу Трубецкому, и думалъ, что Главный Попечитель желаетъ помирволить своему родственнику, давъ ему напередъ слово исполнить его просьбу, то Бецкой самъ вразумилъ московскихъ опекуновъ на счетъ самостоятельности, имъ предоставленной. «Я слова моего не давалъ — писалъ онъ категорически Гогелю — а обѣщалъ, какъ обыкновенно отвѣчаю

печатанномъ въ 1789 г., упоминаются категорически уже всѣ эти три разряда шаровъ (т. I, стр. XLIV, примѣч.). А. П.

[1]) «Предварит. объясненіе», стр. XXXIV.

на просьбу всякаго, сдѣлать все, что можно. Впрочемъ, тому, кому бы я показать помощь хотѣлъ, было бы дано отъ меня письмо. Но и въ такомъ случаѣ, если бы въ ономъ (письмѣ), для какихъ-нибудь отъ меня причинъ, могло быть что-нибудь не согласное съ узаконеніями Воспитательнаго Дома, не надлежало-бъ исполнять, въ разсужденіи врученной Совѣтомъ отъ меня власти, которую я съ себя сложилъ, а поступать какъ должно со всѣми предбудущими Главными Попечителями и противъ моихъ двухъ голосовъ произвесть въ вашемъ Совѣтѣ балотированіе, которое послѣ сообщить въ здѣшній для учиненія по тому-жъ. Поступая и всегда столь неподобострастнымъ духомъ, таковыми нераболѣпными примѣрами можно бы давно было проложить пути къ сохраненію навѣки благостоянія Воспитательнаго Дома: какъ непоколебимымъ твердодушіемъ предбудущихъ членовъ обоихъ Совѣтовъ, такъ и обузданіемъ самовластія, которое себѣ можетъ покушаться присвоять впредь гордость Главныхъ Попечителей къ предосужденію Воспитательнаго Дома».[1]) Такую же независимость хотѣлъ предоставить Бецкой Опекунскимъ Совѣтамъ и относительно Почетныхъ благотворителей. Спустя 10-ть лѣтъ по изданіи новаго законоположенія, когда Опекунскіе Совѣты успѣли доказать, что они часто злоупотребляютъ своею самостоятельностью, Бецкой все еще не покидалъ своей первоначальной мысли, и Княжнинъ писалъ о немъ, въ дружескомъ письмѣ, къ Гогелю: «Теперь онъ все повторяетъ, что Совѣты должны вполнѣ воспользоваться своими правами (entrer dans leurs droits) и дѣйствовать самостоятельно, согласно плану; что они не должны дозволять вмѣшиваться въ теченіе дѣлъ по Дому ни одному сильному вельможѣ, изъ опасенія создать себѣ деспотовъ, которые могутъ произвести путаницу; что Почетные Благотворители призваны содѣйствовать своими протекціями только по внѣшнимъ сношеніямъ Дома» и проч.[2]) Но, предугадывая въ будущемъ необходимость экстренныхъ мѣръ, выходящихъ за предѣлы нормальной власти Главнаго Попечителя, Бецкой не отступался окончательно отъ своихъ прерогативъ, не сжигалъ за собою кораблей, и параграфъ 17-й новаго узаконенія оставлялъ за нимъ право—

[1]) Арх. Спб. Сов. «13-ть копій съ предписаній Гл. Попечителя», стр. 16.

[2]) Арх. Моск. Воспит. Дома: «Письма Княжнина къ Гогелю». Письма эти почти исключительно на французскомъ языкѣ. А. П.

вооружиться опять, въ крайней надобности, покинутыми на время полномочіями. «Какъ при всякомъ, вновь распоряжаемомъ учрежденіи—гласилъ помянутый параграфъ—всего предусмотрѣть невозможно, то, если и въ семъ положеніи что недостаточнымъ или какъ въ прибавокъ, такъ и въ отмѣну что за нужное, по представленію ко мнѣ (т. е. Гл. Попечителю) или по моему усмотрѣнію, признается, то предоставляется оное иными отъ меня предписаніями дополнить или исправить». Опираясь на этотъ пунктъ, Бецкой не оставался безучастнымъ зрителемъ промаховъ и злоупотребленій своихъ подчиненныхъ, и когда простыя напоминанія не дѣйствовали, то вступалъ снова въ исключительную роль, присвоенную ему первоначальнымъ уставомъ[1]) и подтвержденную, въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, въ «Дополненіи» къ Генеральному Плану. По силѣ того же 17-го параграфа, Бецкой дополнилъ, въ 1785 г., свое узаконеніе нѣсколькими новыми правилами, не имѣющими особенной важности. Въ концѣ 1787 г. это узаконеніе было еще разъ измѣнено и, систематично изложенное,—впрочемъ, съ опущеніемъ всѣхъ рѣзкихъ отзывовъ о дѣятельности Опекунскихъ Совѣтовъ,—появилось въ печати, подъ именемъ «предварительнаго объясненія», въ 1-мъ томѣ «Собранія учрежденій и предписаній касательно воспитанія обученія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества», изданнаго въ С.-Петербургѣ въ 1789 г. Перемѣны, внесенныя этою послѣднею редакціею въ законоположеніе 1780 г., не коснулись однако существенной его части, и потому мы не будемъ на нихъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы сейчасъ только упомянули, а о другихъ, болѣе важныхъ, скажемъ впослѣдствіи.

III.

Ближайшіе начальники С.-Петербугскаго Воспитательнаго Дома въ періодъ управленія И. И. Бецкаго.—И. И. Моллеръ въ званіи Директора и Обер-Директора Воспитательнаго Дома.—Ѳ. П. Фрезе.—Начало учебныхъ занятій въ Воспитательномъ Домѣ.—Гейнрихъ Гогель.

Обер-Директоры С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома слѣдовали, одинъ за другимъ, въ такомъ порядкѣ: Моллеръ, Фрезе, Гогель (временно, на короткій срокъ), Киршбаумъ, Крюковскій и, наконецъ, Сумбатовъ. Мы сообщимъ о каждомъ изъ нихъ всѣ тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя удалось намъ розыскать.

[1]) «Собраніе учрежденій и предписаній», т. I, стр. 68. А. П.

1. Иванъ Ивановичъ Моллеръ началъ свою службу, въ 1751 г. солдатомъ въ Преображенскомъ полку, а въ 1771 г.. 21-го февраля, поступилъ, въ чинѣ полковника, подъ начальство Бецкаго, въ контору строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, на мѣсто колежскаго совѣтника Нормана. Въ бытность свою въ Преображенскомъ полку онъ исполнялъ разныя курьерскія порученія и былъ однажды (въ 1761 г.) командированъ въ гор. Михайловъ «для изслѣдованія, по доносамъ разныхъ людей, якобы о найденныхъ кладахъ». Затѣмъ, въ 1763—67 гг.. онъ, по именному указу, наблюдалъ за выдѣлкою при дворѣ серебрянныхъ сервизовъ, для которыхъ было отпущено въ его вѣдѣніе золота и серебра «на многотысячную сумму» и денегъ болѣе 30-ти тысячъ рублей, что все и было израсходовано имъ правильно.[1]) Въ 1772 году онъ, въ званіи опекуна, и не покидая занятій въ Конторѣ Смольнаго, опредѣленъ былъ Директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, а 28-го іюня 1778 г., вмѣстѣ съ опекуномъ Закревскимъ, произведенъ, по ходатайству Бецкаго, въ чинъ статскаго совѣтника. Съ преобразованіемъ Опекунскаго Совѣта, въ 1780 г., мы видимъ Моллера уже въ качествѣ опекуна и Обер-Директора. Назначая его и Закревскаго членами Опекунскаго Совѣта, Бецкой писалъ, что «хотя и казалось бы имъ, яко имѣющимъ другія обязанности, несходственно съ предписаннымъ занимать толь много упражняющія при домѣ званія», но что онъ даетъ имъ эти мѣста, соображаясь съ ихъ способностями и долговременной привычкой къ дѣламъ, а также довѣряясь вполнѣ ихъ словесному обѣщанію, что «все въ самой точности будетъ ими исполняемо». Тѣмъ не менѣе, Моллеръ пробылъ недолго въ своей новой должности. Заручившись, какъ видно, довѣріемъ Бецкаго за прежнюю усердную службу, онъ нашелъ удобнымъ для себя—повести иначе дѣла, и въ началѣ 1782 г. былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ слѣдствіе по дѣламъ конторы строеній Новодѣвичьяго монастыря. Это обстоятельство сейчасъ же отразилось на его службѣ по Воспитательному Дому, и 12-го февраля 1782 г. Бецкой письменно предложилъ уволить его отъ исправленія должности Обер-Директора.[2]) Вслѣдъ затѣмъ открылись на немъ новые начеты и по

[1]) Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов. по разн. предм., № 12, связка 1.
[2]) Дѣло по Канц., о служившихъ, № 21, связка 1.

Воспитательному Дому. Въ денежномъ сундукѣ найдена была, вмѣсто недостающихъ 485 р. 95 к., росписка Моллера въ томъ, что эта сумма просчитана имъ по ошибкѣ, и когда Опекунскій Совѣтъ поставилъ на видъ ему этотъ казусъ, то онъ попросилъ сложить съ него взысканіе, такъ какъ онъ, «не имѣвъ ни помощника, ни казначея, ни счетчика, великія суммы въ обращеніе производилъ съ соблюденіемъ кредита и довѣренности общества, но при пріемахъ изъ разныхъ мѣстъ и выдачахъ немалыхъ суммъ, никакъ невозможно было остеречься отъ прочета». Объясненіе это показалось правдоподобнымъ Опекунскому Совѣту, и просьба Моллера была удовлетворена, съ согласія московскихъ опекуновъ. [1]) Но только что затихло это дѣло,—поднялось другое, гораздо худшее. Новый Обер-Директоръ открылъ, что, во время управленія Моллера, кассиръ ломбарда Принцъ совершилъ невозбранно похищеніе свыше 170 тысячъ рублей, и подобный случай, конечно, невозможно уже было объяснить и оправдать однимъ невиннымъ прочетомъ. Вслѣдствіе этого Бецкой, письмомъ отъ 29-го декабря 1782 г. [2]) предложилъ Совѣту взыскать съ Моллера и бывшихъ опекуновъ всю похищенную Принцемъ сумму. Тутъ же Бецкой прибавилъ, что и по постройкамъ Воспитательнаго Дома найдены суммы, излишне-переданныя, которыя полагалось присоединить къ предыдущему взысканію. [3]) Но Моллеръ не призналъ справедливымъ наложеннаго на него взысканія и, въ двухъ поданныхъ имъ объясненіяхъ, старался сложить вину на своихъ недавнихъ товарищей по службѣ, изъ которыхъ, будто бы, двое — опекуны Закревскій и Голохвастовъ—во время покражи до того «усилились въ совѣтѣ». что «обратили въ одно пустое званіе» должность Обер-Директора и, вмѣшиваясь въ его дѣла, отучили отъ должнаго повиновенія всѣхъ его подчиненныхъ. Изъ этихъ подчиненныхъ, какъ на особенно-виновнаго въ стачкѣ съ Принцемъ, Моллеръ указывалъ на бухгалтера Фрейтага, при чемъ, вдаваясь безъ церемоніи въ міръ закулисныхъ сплетень и дрязгъ, припутывалъ къ своимъ объяс-

[1]) Журн. Опек. Сов. 1782 г. 30-го іюня, № 477.

[2]) Журн. Опек. Сов. 1782 г., № 893.

[3]) Изъ вѣдомости, приложеной къ одному дѣлу (№ 11, по Экспед. Ссудн. Казны, по разн. предм.), видно, что по строенію Воспит. Дома, было передано лишнихъ 1,032 р. 23 к. А. П.

неніямъ и покровительство, оказанное Фрейтагу за-опекуномъ Ильинымъ, и «дружбу, соплетенную бухгалтеромъ съ бывшимъ при домѣ штаб-лекаремъ Книперомъ, отъ которой послѣдовала толикая разстройка внутреннихъ распорядковъ въ домѣ». Но изъ объясненій Ильина оказывается, однако, что «въ кладовую (откуда сдѣлано похищеніе заложенныхъ вещей) никто, кромѣ самого г. Директора, входа не имѣлъ»; а бухгалтеръ Фрейтагъ, въ отвѣтъ на обвиненіе въ соучастіи съ Принцемъ, писалъ Опекунскому Совѣту: «Не упустилъ я, какъ мнѣ помнится, въ 1780 г., примѣтивъ знатныя, Принцемъ на себя чинимыя издержки, между разговоровъ, сказать Ивану Ивановичу Моллеру, что не изволитъ ли онъ замѣтить: не производитъ-ли онъ (Принцъ) какого-либо ущерба дому? Со всѣмъ тѣмъ, за сію, усердія исполненную, откровенность, на другой же день послѣ того, былъ я разбраненъ Принцемъ, которому про то его высокородіе изволилъ сказать. Послѣ сего, уже не оставалось мнѣ болѣе ничего дѣлать». При этомъ Фрейтагъ прибавлялъ, что не къ обязанности его, бухгалтера, относилось—присматривать за кассиромъ. Впрочемъ, за Фрейтагомъ, и безъ того, обнаружилась своя собственная, самостоятельная вина, заключавшаяся въ неисправномъ веденіи бухгалтерскихъ книгъ.

Не забылъ Моллеръ упомянуть, въ своихъ объясненіяхъ, о несправедливости слуховъ, распущенныхъ про его богатство, нажитое на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ, о бѣдствіяхъ своей «упадающей фамиліи», о несправедливости подозрѣній, возбужденныхъ противъ него въ Главномъ Попечителѣ.

Сильнѣйшее возраженіе Моллера состояло въ томъ, что члены Опекунскаго Совѣта, при выходѣ его въ отставку, «не учинили за подписаніемъ руки и не требовали никакого документа ни денежной казнѣ, ни крѣпостнымъ, ни движимымъ закладамъ», и что они, до вступленія въ должность новаго Обер-Директора, «возложили всю повѣренность на одного кассира Принца». Въ сущности возраженіе это сводилось къ тому, что опекуны, товарищи Моллера, сдѣлали формальный промахъ, выказавъ своему сослуживцу излишнее довѣріе, за которое онъ и спрятался потомъ, какъ за надежную, неприступную крѣпость. Быть можетъ, это именно обстоятельство, благодаря которому главный виновникъ между опекунами благополучно прикрылся служебными фор-

мальностями, а подъ ударъ подставлялись лица, гораздо меньше прикосновенныя къ дѣлу и даже, вѣроятно, страдавшія за одну лишь свою оплошность, — взысканіе, первоначально наложенное Бецкимъ, не имѣло успѣха, и въ казну Воспитательнаго Дома возвращена была только та сумма (97,944 р.), которую удалось во-время отобрать у Принца товарами, деньгами, векселями и росписками. Остальная же часть похищенныхъ цѣнностей, «къ возвращенію которой ни малой надежды не имѣлось», по рѣшенію генеральнаго собранія 1784 г., пала на экономію Воспитательнаго Дома.[1])

2. Θедоръ Петровичъ Фрезе (или Фрезъ), бывшій членомъ Медицинской Колегіи, назначенъ Бецкимъ, 1-го апрѣля 1782 г., въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ званіи «намѣстнаго Обер-Директора», покуда не получитъ увольненія отъ прежней своей должности. Опредѣляя его собственной властью, по 17-му параграфу новаго законоположенія, Бецкой выражалъ желаніе, чтобы Фрезе, какъ докторъ, «по знанію своему, споспѣшествуя сохраненію жизни младенцевъ, воспитываемыхъ какъ въ Домѣ, такъ и въ деревняхъ, искуснымъ присмотромъ за ихъ содержаніемъ, отвращалъ бы умертвіе ихъ, толь многочисленно случавшееся; а притомъ и Совѣтъ, будучи, всходствіе упомянутаго законоположенія, достаточно наполненъ, возмогъ бы скорѣе приступить къ основанію при Воспитательномъ Домѣ еще небывалыхъ заведеній, какъ-то: наученіе искусныхъ бабокъ и аттестованіе надежныхъ и здоровыхъ кормилицъ, кои толь рѣдки и для сохраненія человѣческаго рода необходимы и пр., всходствіе 10-го § въ учрежденіи Сохранной Казны, Воспитательному Дому представленныхъ установленій для пріумноженія бо̀льшихъ отъ сего Дома для общества пользъ».[2]) Фрезе, какъ видно, энергически принялся за свое дѣло и — по свидѣтельству графа де-Салена, частнаго секретаря Бецкаго по французской кореспонденціи — пользовался сначала большимъ вѣсомъ и уваженіемъ у Главнаго Попечителя.[3]) Вступивъ въ управленіе Домомъ послѣ Моллера, онъ «нашелъ—по выраженію Бецкаго — разныя запу-

---

[1]) Арх. С.-пб. Оп. Сов., дѣло по Канц., по разн. предм., № 809, связка 8.

[2]) Журн. Опек. Сов. 1782 г., 1-го апрѣля № 270. А. П.

[3]) Архивъ Моск. Опек. Совѣта, письма де-Салена, переплетенныя вмѣстѣ съ письмами Княжнина къ Гогелю. Письмо № 17 отъ 23-го іюля 1780 г. А. П.

танности, неустройства и упущенія», между которыми, прежде всего, бросилась въ глаза огромная покража, учиненная изъ Ссудной Казны кассиромъ. За открытіе этой покражи и за принятіе мѣръ ко взысканію съ похитителя, Фрезе былъ награжденъ, по приговору генеральнаго собранія, выдачею ему, не въ примѣръ другимъ, 4% со всей возвращенной суммы. Въ томъ же 1784 г. Фрезе, вмѣстѣ съ опекуномъ Крюковскимъ, былъ представленъ къ ордену св. Владиміра, при чемъ Бецкій указывалъ, въ числѣ его заслугъ, «на усовершенствованіе воспитанія питомцевъ». До 1780 года взрослые питомцы С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома отсылались въ Москву, гдѣ и были обучаемы наукамъ и ремесламъ; но съ тѣхъ поръ, какъ пересылка эта была отмѣнена и оба Дома получили одинаковое внутреннее устройство, надо было подумать о томъ, чтобы и здѣсь учредить учебные классы для подростающихъ питомцевъ и питомицъ. По уставу Бецкаго, обученіе дѣтей должно было начинаться не ранѣе, какъ на шестомъ году возраста, а такъ какъ въ 1779 г. снова были отосланы изъ С.-Петербурга въ Москву питомцы свыше 3-хъ лѣтъ, то приходилось подождать нѣсколько времени, пока оставшіяся дѣти достигнутъ возраста, опредѣленнаго Генеральнымъ Планомъ для начатія учебныхъ занятій. Такимъ образомъ, только въ 1782 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Фрезе могъ пригласить перваго учителя, Закона Божія, обучавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и русской грамотѣ. Вслѣдъ за этимъ, приглашаемы были постепенно другіе наставники, и къ 1785 году дѣло это подвинулось настолько, трудами Фрезе, что дѣти обучались,—кромѣ грамоты и Закона Божія,—ариѳметикѣ, географіи, исторіи, нѣмецкому и французскому языкамъ. Введено было также обученіе музыкѣ и танцамъ; начались въ легкомъ видѣ ремесленныя занятія; а нѣсколько мальчиковъ, предназначенныхъ къ изученію медицины и хирургіи, стали брать уроки латинскаго и греческаго языка по наглядному методу, примѣненному знаменитымъ Аммосомъ Коменскимъ въ его книгѣ: Orbis pictus, т. е. при помощи картинъ съ соотвѣтствующими подписями на древнихъ языкахъ. Въ тоже время на Фрезе была возложена обязанность принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію здѣсь, при Родильномъ Гошпиталѣ, училища повивальнаго искуства, вслѣдствіе чего онъ велъ переписку съ чужими краями, выискивая способнаго професора, и вычислялъ издержки, по-

требныя для устройства новаго заведенія, которое и было открыто въ 1784 г. При вступленіи же Фрезе въ Домъ — по его словамъ — «исключая священника, отправляющаго службы церковныя, исключая одной женщины, занимавшей мѣсто первой надзирательницы, и одного лекаря, все воспитаніе дѣтей отъ подлыхъ бабъ (т. е. отъ простыхъ, необразованныхъ женщинъ) зависѣло». 1784 годъ выдается также, въ лѣтописяхъ Воспитательнаго Дома, сравнительно малымъ количествомъ умершихъ дѣтей.

Въ началѣ 1785 года Фрезе вышелъ въ отставку, обидѣвшись назначеніемъ не по его выбору, и даже противъ его воли, Обер-Директорскаго помощника Фабера. По этому случаю Фрезе писалъ письмо въ Опекунскій Совѣтъ, — подшитое къ дѣлу объ опредѣленіи Фабера, — и здѣсь, изложивъ все, чтó было имъ сдѣлано на пользу Воспитательнаго Дома, протестовалъ противъ назначенія себѣ помощника, въ которомъ онъ «ни малѣйшей доселѣ надобности не предвидитъ, ибо самъ оную должность исправляетъ съ большою ревностью». Законоположеніемъ 1780 г., дѣйствительно, предписывалось Обер-Директору самому выбирать себѣ помощника; но этотъ помощникъ, во всякомъ случаѣ, полагался по штату, и справедливость требуетъ замѣтить, что Бецкой довольно долго дожидался: на кого укажетъ ему выборъ Фрезе? Только по прошествіи 4-хъ слишкомъ лѣтъ, со времени изданія новаго законоположенія, Бецкой рѣшился замѣстить отъ себя штатную вакансію, опредѣливъ на нее человѣка, уже служившаго 17 лѣтъ подъ его начальствомъ — два года въ Академіи Художествъ и пятнадцать лѣтъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кедетскомъ Корпусѣ—человѣка (какъ этого не отрицаетъ и Фрезе) образованнаго и практически знакомаго съ воспитательнымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, Фрезе, подъ вліяніемъ самолюбія, которое едва-ли можетъ быть признано тутъ умѣстнымъ, не захотѣлъ трудиться вмѣстѣ съ такимъ помощникомъ и вскорѣ послѣ того, какъ Фаберъ былъ утвержденъ въ своей должности (3-го января 1785 г.), оставилъ службу при Воспитательномъ Домѣ (27-го февраля). Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Фрезе состоялъ «для ученыхъ упражненій» въ вѣдомствѣ Комисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.[1])

---

[1]) «Описаніе С.-Петербурга», Георги, ч. I, стр. 198.

По выходѣ Фрезе въ отставку, вызванъ былъ сюда, на краткій срокъ, изъ Москвы тамошній Обер-Директоръ Гогель — «для скорѣйшаго довершенія дѣлъ и для окончанія немедленно всего по Дому, какъ то по узаконеніямъ предписано и порядокъ того требуетъ».[1]) Временное и слишкомъ непродолжительное пребываніе Гогеля въ С.-Петербургѣ (съ конца февраля до начала апрѣля 1785 года)—причемъ онъ не покидалъ своей должности въ Москвѣ, а считался только въ отлучкѣ—могло бы дать намъ право не заносить его въ число дѣятелей собственно по здѣшнему Дому; но личность эта до такой степени интересна и играла такую важную роль въ судьбѣ учрежденій Бецкаго, что читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы освѣтимъ ее, насколько возможно, біографическими фактами. Это будетъ тѣмъ нужнѣе и полезнѣе, что, переходя далѣе къ очерку безпорядковъ, возникшихъ по Воспитательнымъ Домамъ въ концѣ управленія Бецкаго, мы снова будемъ имѣть случай коснуться этой энергической, талантливой, но, къ сожалѣнію, не безупречной въ нравственномъ отношеніи личности.

А. П. Пятковскій.

---

[1]) Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов. о служившихъ, № 888, связка 9. Письмо Бецкаго въ Спб. Опек. Совѣтъ.

КН. ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

1739 — 1791.

IV.[1])

Ко времени размолвки Потемкина съ Варварою Васильевной Энгельгардтъ (1777 — 1779) относятся слѣдующія три письма отъ двухъ дамъ высшаго круга (имена ихъ неизвѣстны) пользовавшихся его расположеніемъ. Писаны онѣ по-французски—печатаемъ переводъ и подлинный текстъ.

„Какъ вы провели ночь, мой милый; желаю, чтобы для васъ она была покойнѣе, нежели для меня: я не могла глазъ сомкнуть. Теперь я передъ вами вся и сама не знаю, почему мысль о васъ—единственная. которая меня одушевляетъ; но, сказать-ли? я вами недовольна. Вы казались такимъ разсѣяннымъ; что-то такое есть, что васъ занимаетъ. При первомъ посѣщеніи вашемъ вы выказали болѣе удовольствія видѣть меня. Знаю, что вечеромъ вы не были у императрицы; что вы захворали. Скажите мнѣ, я безпокоюсь и не знаю, когда получу вѣсти о васъ. Прощайте, мой ангелъ, мнѣ недосугъ сказать вамъ болѣе; множество разныхъ причинъ мѣшаетъ.

(Съ соблюденіемъ ореографіи подлинника). Comment avés vous passés la nuit, mon chèr; je souhaite que vous la fassiés meilleur que moi, je n'ai pas fermer l'oeil; me voilà toutte; je ne sai comment l'idée qui m'occupe de vous est la seule qui m'anime; mais, vous dirai-je, que je ne suis pas contente de vous. Vous aviés l'aire si distroit; il faut qu'il y aye quelque chose qui vous occupe; la première fois que vous avés etoit, le plaisir de me voir paressoït d'avantage: je sais que vous n'avés été chez l'Impératrice le soir et vous vous

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII. стр. 481—522.

„Я проѣзжала мимо вашего дома и видѣла большое освѣщеніе; вы, безъ сомнѣнія, играли въ карты. Милый князь, если бы только вы могли принести мнѣ эту жертву — не такъ сильно предаваться игрѣ! Это только разстраиваетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, любезный другъ мой! докажите мнѣ, что можете что-нибудь для меня сдѣлать и не засиживайтесь, какъ вы это дѣлаете, до четырехъ и до пяти часовъ за полночь. Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья. Завтра балъ у великаго князя — надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ тамъ. Жду этого удовольствія съ нетерпѣніемъ; при этой мысли только исчезаетъ мое безпокойство, иначе я имѣю видъ виноватой предъ цѣлымъ свѣтомъ.

„Я только что проснулась и мнѣ подали присланные вами цвѣты; премного вамъ обязана, сердце мое! Желаю, чтобы здоровье ваше поправилось, чтобы я могла видѣть васъ веселымъ и счастливымъ, какимъ видѣла васъ во снѣ нынѣшнюю ночь: вы были такъ любезны, казалось любите меня отъ всего сердца. Прощайте, разстаюсь съ вами; мужъ мой прійдетъ сейчасъ ко мнѣ. А когда же вы что-нибудь сдѣлаете для моего сына? Я желала бы, чтобы онъ былъ въ вашемъ Новотроицкомъ полку."

Слѣдующія два письма отъ другой пріятельницы Потемкина писаны страннымъ языкомъ, представляющимъ образецъ той смѣси французскаго съ русскимъ, которая была въ такой модѣ у нашей знати въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія:

---

tombés malade; dites-moi, cela m'inquiètte et je ne sais, quand j'aurais de vos nouvelles; adieu, mon ange, je n'ai pas le temps de vous dire d'avantage, tout plein de chose m'empeche.

J'ai passés vis-à-vis de votre maison et j'ai vu beaucoup de lumière. Vous etiés, sans doute à jouer aux cartes. Mon chèr prince, si vous puissiez me faire ce sacrifice, et de ne point vous donnés tant au jeux? Cela ne fait que détruire votre santé. Faites moi ce plaisir, mon aimable ami, marqués moi que vous faites quelque chose pour moi et ne restés pas, comme vous faites jusqu'a quatre ou cinq heures aprés minuit. Il n'y a rien de plus nuisible à la santé. Il y a demain bal chés Monseigneur: j'espère avoir le plaisire de vous voir la. J'attends ce plaisir avec impatience, c'est la seulement que mon inquiètude me quitte; autrement j'ai l'aire d'etre coupable vis-à-vis de tout le monde.

Je ne foit que reveiller et on m'apporte de votre part des fleures; je vous suis bien obligée mon coeur. Je souhaite que vous vous portiés bien et que je puisse vous voir gai et heureux comme j'ai revé cette nuit; vous etiés si aimable, vous aviés l'aire de m'aimer de tout votre coeur; adieu je vous quitte mon mari va venir chés moi, et quand donc ferai vous quelque chose pour mon fils; je voudroi que se soit dans votre régiment Новотроицкой.

„Матинька, какъ досадно, я тебя такъ издали только видѣла, а такъ хотѣлось тебя поцѣловать, ты мой милый дружочекъ. Moi voila maussade pour la journée (и я не въ духѣ на весь день). Матинька, pour sûr vous n'irez pas au concert de Prati (навѣрное вы не поѣдете въ концертъ Прати...) je ne puis me souffrir aujourd'hui (я сама себѣ несносна сегодня); возможно-ли, какая дура, не подошла къ тебѣ. Mon ami grondez moi, car je le mérite, mais c'est que vous êtes toujours entouré de tout le monde, et pour surcroit de malheur, il prend la fantaisie à nos frêles d'aller dans l'eglise—и такъ—je ne vous ai pas vû. (Другъ мой, браните меня, ибо я того заслуживаю, но дѣло въ томъ, что васъ всегда всѣ окружаютъ и, къ довершенію несчастія, нашимъ фрейлинамъ приходитъ фантазія въ церковь ходить, и такъ, я не видала васъ). Боже мой, какъ мнѣ досадно, мочи нѣтъ! Dites-moi au moins si vous m'aimez (скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, любите-ли вы меня) мой миленькой. C'est la seule chose qui peut me reconcilier avec moi-même (только это одно можетъ примирить меня саму съ собою). Матинька, quand vous verrai-je (когда я васъ увижу), моя жизнь! Завтра недѣля, что я не видала тебя, душенька; je vous prie, mon coeur, dites moi quand est-ce que cela sera (прошу васъ, сердце мое, скажите, когда это будетъ)... Пожалуйста, заѣзжай когда-нибудь ко мнѣ, мнѣ бы хотѣлось всякую минуту быть съ тобой; все бы тебя цѣловала, да тебѣ бы надоѣла; je vous ecris devant un miroir (пишу къ вамъ передъ зеркаломъ) и мнѣ кажется, что я съ тобою болтаю et je vous dis tous ce qui me vient dans la tête (и говорю вамъ все, что на умъ взбредетъ). Crainte de vous ennuyer pourtant, il faut que je finisse en vous embrassant partout avec une tendresse qui part du fond d'un coeur qui vous est attaché par tous les plus tendrs sentimens (боясь однако вамъ наскучить, я должна кончить, цѣлуя васъ всего съ нѣжностью, исходящей изъ глубины сердца, привязаннаго къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими чувствами)".

„Матинька моя, душа моя, милый мой дружочекъ; je vous aime à la folie; que je vous embrasse un million de fois avant que vous partiéz, car jé vu arriver vos huit chevaux; mon unique ami, qu'il m'est doux de m'entretenir avec vous (я люблю васъ до безумія; дайте мнѣ разцѣловать васъ милліонъ разъ до вашего отъѣзда, такъ какъ я видѣла, что поданъ былъ вашъ восмерикъ; мой единственный другъ, какъ мнѣ сладко бесѣдовать съ вами), моя жизнь. Vous etes unique, il faut avouer de toutes façons (вы единственны, должно въ томъ сознаться во всѣхъ отношеніяхъ). Матинька, ты слишкомъ трудишься. Je vous prie, mon coeur, faites trouver de grace la bible: j'ai

grande envie de lire; à-propos mon ami, Prati me prie de vous rappeler pour ces billets; hier je n'ai pas songé a vous le dire. Je vous embrasse trente millions de fois et avec une tendresse qui s'augmente à chaque moment (прошу васъ, сердце мое, прикажите, пожалуйста, достать мнѣ библію: мнѣ очень хочется почитать; кстати мой другъ, Прати проситъ меня напомнить вамъ объ этихъ билетахъ; вчера я не догадалась сказать вамъ. Цѣлую васъ тридцать милліоновъ разъ съ ежеминутно возрастающею нѣжностью); пальчики и бѣленькія ножки цѣлую въ мысляхъ. Матинька, очень я тебя люблю, другъ мой сердечный; батинька поцѣлуй меня въ мысляхъ; не хочется мнѣ съ тобой разстаться, mais il faut, Adieu (но надо, прощай) моя жизнь".

Вотъ еще письмо къ Потемкину, свидѣтельствующее объ его успѣхахъ въ Петербургскомъ обществѣ 1770-хъ годовъ. Писано оно одной изъ придворныхъ дамъ:

„Гришенька не милой, потому что милой, я очень не могу: грудь болитъ и голова, и право не знаю, выйду-ли сегодня, или нѣтъ; а если выйду, то это будетъ для того, что я тебя болѣе люблю. нежели ты меня любишь, что я доказать могу, какъ два и два — четыре; выйду, чтобъ тебя видѣть. Не всякой, вѣдь, надъ собою столько власти имѣетъ, какъ вы, и не всякой такъ уменъ, такъ хорошъ, такъ пріятенъ... Не удивляюсь, что весь городъ безсчетное число женщинъ на твой счетъ поставилъ: никто на свѣтѣ столько не гораздъ съ ними возиться, я чаю, какъ вы. Мнѣ кажется, во всемъ ты не рядовой, но весьма отличаешься отъ прочихъ. Только одно прошу: не дѣлать, не вредить и не стараться вредить N. N. въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человѣка, котораго онъ болѣе мнѣ хвалилъ, и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ съ самаго пріѣзда твоего — какъ тебя; а если онъ свои пороки имѣетъ, то не тебѣ и не мнѣ ихъ разцѣнить и разславить (онъ тебя любилъ, а мнѣ они друзья и я съ ними не разстанусь). Вотъ тебѣ нравоученье: уменъ будешь — примешь; не умно будетъ противорѣчить сему, для того, что сущая правда.

„Чтобъ мнѣ смыслъ имѣть, когда ты со мною, надобно чтобъ я глаза закрыла; а то подлинно сказать могу тò, что взоръ мой тобою плѣненъ; экспресія, которую я почитала за глупую, не сбыточную и не нормальную, а теперь вижу, что это быть можетъ: глупые мои глаза уставятся на тебя смотрѣть; разсужденья ни на копейку въ умъ не лезетъ, а одурѣю Богъ-вѣсть какъ. Мнѣ трудно и надобно дня съ три (естли возможность будетъ), съ тобою не ви-

дѣться, чтобъ умъ мой установился и я-бъ память нашла, а то мною скоро скучать станешь и нельзя инако быть. Я на себя сегодня очень-очень сердита и бранилась сама съ собою и всячески старалась быть умнѣе; авось-либо силы и твердости какъ-нибудь да достану; перейму у васъ — самый лучшій примѣръ передъ собою имѣю: вы тверды и непоколебимы въ своихъ принятыхъ намѣреніяхъ, чему доказательствомъ служитъ и то, сколько лѣтъ (вы говорите), что старались около насъ, но я сіе не примѣтила, а мнѣ сказывали другіе. Прощай миленькой; всего дня съ три осталось для нашего свиданія, а тамъ первая недѣля поста—дни покаянія и молитвы, въ которыхъ васъ видѣть никакъ нельзя будетъ ибо всячески дурно: мнѣ же говѣть должно.

„Уфъ! я вздумать не могу и чуть что не плачу отъ мыслей сихъ однѣхъ. Adieu, monsieur, напиши, пожалуйста, каковъ ты сегодня: изволилъ-ли опочивать, хорошо или нѣтъ и лихорадка продолжается-ли и сильна-ли? П* тебѣ скажетъ: „изволь, сударь, отвѣдать хину, хину, хину!...“ Куда какъ бы намъ съ тобою бы весело было вмѣстѣ сидѣть и разговаривать, еслибъ другъ друга меньше любили: умнѣе бы были, веселѣе; вѣдь и я весела, когда умъ, а наипаче сердце свободно; вѣдь не повѣришь, радость, какъ нужно для разговора, чтобъ менѣе дѣйствовала любовь.

„Пожалуй, напиши, смѣялся-ли ты, читая сіе письмо, ибо я такъ и покатилась со смѣху, какъ, по написаніи прочла, какой вздоръ намарала: самая горячка съ бредомъ; да пусть поѣдетъ, авось-либо и ты позабавишься“.

———

Несмотря на обиліе красавцевъ при дворѣ Екатерины II, Потемкинъ оставлялъ ихъ всѣхъ далеко за собою; соперничать съ нимъ было трудно и на это отваживались немногіе. Съ іюня 1777 года до мая 1778 г. при дворѣ возбудилъ нѣкоторое вниманіе адъютантъ Потемкина — Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.[1]) Происхожденіемъ сербъ,[2]) онъ съ отличіемъ служилъ въ нашихъ войскахъ въ первую турецкую кампанію (1768—1774) и обратилъ на себя вниманіе Потемкина. Красавецъ собою, Зоричъ отличался добро-

[1]) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ умеръ въ среднихъ лѣтахъ въ 1799 г. См. «Русская Старина», томъ IV, 118—120; VIII, 730.

[2]) Такъ говоритъ Массонъ: Mémoires secrets sur le Russie, I, p. 154), называя Зорича «сербомъ бѣжавшимъ съ каторги изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ въ плѣну». Гельбигъ (Russische Günstlinge. s. 414) говоритъ, будто онъ былъ сыномъ маіора и воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ.

душіемъ, былъ острый, пріятный собесѣдникъ; покровительствуя ему, Потемкинъ видѣлъ въ Зоричѣ представителя того единовѣрнаго намъ народа, присоединеніе котораго къ русской державѣ было тогда завѣтною мечтою свѣтлѣйшаго князя. Милостиво принятый при дворѣ (немедленно по удаленіи Завадовскаго), Зоричъ былъ взысканъ необычайными щедротами императрицы, пожаловавшей его въ флигель-адъютанты. Вотъ, что по этому случаю разсказываетъ Гельбигъ (Russische Günstlinge, s. s. 415—416 г.). «На него посыпались почести, награды, богатства... въ теченіи одинадцати мѣсяцевъ онъ получилъ чистыми деньгами болѣе пятисотъ тысячъ рублей; изъ нихъ двадцать тысячъ на первое обзаведеніе; восемьдесять тысячъ на устройство помѣстьевъ; двѣсти сорокъ тысячъ на уплату долговъ и на жалованье. Кромѣ того, даны ему полторы тысячи душъ крестьянъ; на сто двадцать тысячъ куплено помѣстьевъ въ Лифляндіи у гр. Бутурлина. А какъ и это все еще казалось недостаточнымъ, то императрица изъ собственной кассы прибавила еще доходы съ тѣхъ имѣній за послѣднія десять лѣтъ. Потомъ ему дали командорство мальтійскаго ордена въ Польшѣ, приносившее десять тысячъ годового дохода и, наконецъ, подарили значительный городокъ въ Польшѣ, купленный у кн. Адама Чарторижскаго, за четыреста пятьдесятъ тысячъ рублей. Его бриліанты стоили двѣсти тысячъ слишкомъ. Въ день коронаціи 1777 года онъ получилъ цѣлый бриліантовый приборъ: звѣзду и орденскій знакъ Меча, аксельбантъ, саблю (такъ какъ онъ постоянно носилъ гусарскій мундиръ), султанъ на шапку, перстень, запонку и пряжки къ башмакамъ. И гордости его было польщено: помимо бригадирскаго чина онъ былъ пожалованъ въ генерал-маіоры и генерал-адъютанты къ императрицѣ. Изъ русскихъ орденовъ онъ имѣлъ тогда только военный орденъ 4-й степени, заслуженный храбростью; у него были и иностранные ордена. Въ августѣ 1777 года мальтійскій гросмейстеръ прислалъ Екатеринѣ въ ея распоряженіе два креста. Изъ нихъ одинъ она дала Рибасу, [1]) а другой — Зоричу. Бывшій тогда въ Петербургѣ шведскій король пожаловалъ ему, какъ военному, орденъ Меча и выслалъ изъ Гельсингфорса боль-

---

[1]) Осипъ Михайловичъ Рибасъ († 1800 г.). См. «Русская Старина», томъ V, 38, 241, 467; VIII, 368; X, 774.

шую желтую ленту. Наконецъ, выписали ему изъ Варшавы еще орденъ Бѣлаго Орла».

Всѣ эти щедроты пробудили въ Зоричѣ чувства тщеславія и онъ дозволилъ себѣ кичиться передъ Потемкинымъ. Это побудило князя положить предѣлъ повышеніямъ Зорича. Опала рушилась на него въ маѣ 1778 года Дворъ находился тогда въ Царскомъ Селѣ. Замѣтивъ неблагорасположеніе къ себѣ государыни и зная, что причиною тому Потемкинъ, Зоричъ наговорилъ ему дерзостей, даже вызвалъ на поединокъ. Однако же, не принимая вызова, Потемкинъ уничтожилъ противника: Зоричъ былъ удаленъ изъ Петербурга и до воцаренія императора Павла I не показывался при дворѣ.

Въ концѣ мая 1778 года, изъ отпуска своего въ Малороссію возвратился Завадовскій и занялъ при императрицѣ прежнюю должность статс-секретаря. На этотъ разъ онъ уже не отваживался вступать въ борьбу съ Потемкинымъ, который, въ свою очередь, не вредилъ Завадовскому на служебномъ поприщѣ.

Государственная дѣятельность Потемкина въ 1778 году была ознаменована основаніемъ при устьѣ Днѣпра, города Херсона, съ корабельною верфью, весьма счастливыми дѣйствіями относительно Крыма и проч.

Въ маѣ 1780 года Потемкинъ прибылъ въ Кременчугъ, откуда отправился въ быстро возрастающій Херсонъ; дѣятельно занимался заселеніемъ Новороссіи; изъ огромной по пространству и населенію губерніи Астраханской образовалъ двѣ: Астраханскую и Саратовскую; положилъ основаніе Моздокской (Кавказской) линіи. Склонилъ на нашу сторону императора Іосифа II въ бытность его въ томъ году въ Россіи; отвергнулъ выгодныя для него лично предложенія Англіи, пытавшейся отвлечь русскій дворъ отъ вооруженнаго нейтралитета. По части военнаго хозяйства и обмундированія войскъ обдумалъ и частію привелъ въ исполненіе преобразованіе формы (сперва въ кавалерійскихъ, потомъ въ пѣхотныхъ полкахъ) имѣвшее цѣлью облегченіе и удобства солдата, особенно въ военное время.

Отдавая справедливость трудамъ Потемкина, Екатерина II, въ сентябрѣ 1782 г. возложила на него недавно учрежденный орденъ св. Владиміра 1-й ст. Полный титулъ Потемкина былъ тогда слѣдующій: «свѣтлѣйшій римской имперіи князь, генерал-аншефъ, се-

наторъ, государственной военной колегіи вице-президентъ, новороссійскій, азовскій, астраханскій и саратовскій генерал-губернаторъ и государевъ намѣстникъ; войскъ, тамъ поселенныхъ, днѣпровской (перекопской) и новозаведенной моздокской (кавказской) линій главный командиръ; генералъ, командующій легкою конницею, войскомъ донскимъ и всѣми иррегулярными войсками; ея императорскаго величества генерал-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, кавалергадскаго корпуса поручикъ, лейб-гвардіи Преображенскаго полка подполковникъ, Новотроицкаго кирасирскаго полка шефъ, надъ войсками генерал-инспекторъ, мастерской оружейной палаты верховный начальникъ и орденовъ: св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-го класса и св. Владиміра 1-й степени; королевско-прусскаго: Чернаго Орла, польскихъ: Бѣлаго Орла и св. Станислава, шведскаго: Серафима, датскаго Слона и голштинскаго св. Анны—кавалеръ».

Волненія и неурядицы въ Крыму, возникшія въ іюлѣ 1782 г., обратили снова вниманіе Россіи на этотъ полуостровъ: Шагин-Гирей, устрашенный мятежемъ, бѣжалъ въ Керчь; турки, вопреки условію, заняли Тамань и угрожали переправою въ Крымъ. Потемкинъ немедленно распорядился, поручивъ генерал-поручику П. С. Потемкину, оттѣснить турокъ за Кубань, А. С. Суворову—усмирить волновавшихся нагайскихъ и буджатскихъ татаръ, а генерал-поручику гр. де-Бальменъ, занимавшему съ войсками сѣверную часть полуострова, войти въ его предѣлы и водворить спокойствіе. Весною 1783 года начальникъ вице-адмиралъ Клокачевъ, по повелѣнію Потемкина, оставя нѣсколько судовъ въ Керчи, пошелъ на Ахтіарскую гавань (Севастополь), гдѣ Бальменъ возвелъ укрѣпленія. Самъ князь велъ съ Шагин-Гиреемъ переговоры, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе его племянникъ, генерал-маіоръ А. Н. Самойловъ. Послѣдній убѣдилъ хана изъ Керчи переправиться въ крѣпость Петровскую, куда онъ и отправился со своими драгоцѣнностями. Присоединеніе Крыма къ русской державѣ совершилось. Именно къ этой рѣшительной минутѣ относится слѣдующее письмо Потемкина къ императрицѣ:

1-е іюня (1783). Херсонъ.

„Матушка государыня! Ханъ свой обозъ на Петровскую крѣпость отправлять уже началъ, послѣ чего и самъ въ Херсонъ будетъ скоро. Резонъ, что я манифестовъ при немъ не публикую есть тотъ, что татара сами отзываются, что при ханѣ, они желанія быть въ подданствѣ россійскомъ объявить не могутъ, потому что только тогда повѣрятъ низложенію ханства, когда онъ выѣдетъ. Самовольное же ихъ покореніе тѣмъ полезнѣе дѣламъ вашимъ, что нельзя уже никому будетъ грозить и тѣмъ, что ихъ къ подданству принудили; я не упускаю ничего къ пріуготовленію умовъ.

„Въ Очаковѣ починка крѣпости начинается; войско прибываетъ по малу; я теперь началъ Кинбурнъ приводить въ оборонительное состояніе, которой положеніемъ своимъ не подрученъ быть поддерживаемъ отъ какого-либо корпуса, и такъ надлежитъ его поставить на долгую оборону.

„Адмиралтейство здѣшнее ни копѣйки денегъ не имѣетъ, такъ что и рабочимъ платить нечѣмъ, кромѣ тѣхъ, что на плотниковъ отпускаются. Комисію я учредилъ, чтобы изслѣдовать расходы, но сего скоро сдѣлать не можно, а при томъ и барыша мало будетъ; найдутся только дорогія цѣны, а не деньги. Чтобы не остановить работъ, которыя такъ горячо пошли, благоволите поддержать; что касается до городскихъ строеній, сіи достаточно своими деньгами исправятся.

„Предъ симъ представилъ я о доставленіи слѣдуемаго числа людей въ адмиралтейство; сдѣлайте, матушка, милость, прикажите ихъ командировать, они бы замѣнили въ работѣ армейскіе полки, которымъ теперь нѣту способа уже людей удѣлять на работы; сверхъ содержанія разныхъ постовъ, ими я производить буду строеніе въ Кинбурнѣ и на глубокой пристани. Осадная артилерія почти уже вся доставлена въ Херсонъ; огромное число и такъ большихъ орудій я не замедлилъ скоро доставить, не требуя на сіе новой суммы, а изворотился старою и экстраординарной экономіею; число орудій почти въ пять разъ больше того, что было подъ Бендерами.

„Повторяя мою просьбу о снабженіи адмиралтейства Херсонскаго деньгами и людьми, доношу, что первой корабль спустится „Слава Екатерины“; позвольте мнѣ дать сіе наименованіе, которое я берусь оправдать и въ случаѣ дѣйствительномъ. Цѣлую ручки ваши, вѣрнѣйшій рабъ, князь Потемкинъ“.[1])

(Сбоку страницы): „Александру Дмитріевичу кланяюсь“.

---

[1]) Подлинникъ писанъ на перегнутомъ пополамъ полулистѣ сѣроватой бумаги, исписаны кругомъ всѣ четыре страницы. Ред.

Вмѣстѣ съ Крымомъ покорились Тамань и вся Кубанская страна. Неудовольствія Турціи были улажены стараніями нашего чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра при Портѣ Оттоманской, Якова Ивановича Булгакова[1]) Отклонивъ Диванъ отъ войны, онъ заключилъ съ нимъ, 20-го іюня 1783 года, весьма выгодный для Россіи торговый трактатъ, а 28-го декабря актъ, которымъ Порта уступала Россіи Кубань, и отказывалась отъ всякихъ притязаній на Крымъ. Отдавая Булгакову должную справедливость, Потемкинъ писалъ къ нему:

„Вы приписываете это мнѣ и тѣмъ увеличиваются еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обязана Россія и сами турки: ваша твердость, дѣятельность и умъ отвратили войну. Турки были бы побѣждены, но русская кровь также бы потекла".

Достопамятный въ жизни Потемкина 1783 годъ былъ ознаменованъ кончиною двухъ знаменитыхъ сподвижниковъ Екатерины: 31-го марта 1783 г. скончался графъ Никита Ивановичъ Панинъ; а въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля не стало князя Григорія Григорьевича Орлова. По поводу его кончины считаемъ не лишнимъ снять съ памяти Потемкина упрекъ напрасный и незаслуженый.

Князь Григорій Орловъ скончался въ помѣшательствѣ, признаки котораго проявлялись въ немъ еще лѣтъ за десять до смерти, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе современники. Иностранные историки, особенно изобрѣтательные на вымыслы, когда видятъ надобность запятнать какого-либо русскаго дѣятеля, приписали помѣшательство и смерть Орлова отравѣ; убійцею назвали Потемкина. Такъ Массонъ, авторъ «Секретныхъ записокъ о Россіи» (Mémoires secrets sur le Russie. Londres 1802. Tome I, p. 147), говоритъ:

— «Гордый, могущественный, блестящій Орловъ умеръ въ ужасномъ помѣшательствѣ, пачкая себѣ лицо изверженьями, которыми онъ питался, подобно Іезекіилю. Многіе утверждаютъ, будто Потемкинъ отравилъ его травою, имѣющею свойство сводить съ ума и называемою у русскихъ «пьяная трава».[2])

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 † 1809). См. «Русская Старина», томъ IV, 690; V, 767—768; VIII, 867.

[2]) Тотъ же Массонъ говоря о смерти Ланскаго, замѣчаетъ: «Потемкинъ его боялся и говорятъ отравилъ». (Mémoires, I, p. 156).

Гельбигъ (Die Russsische Günstlinge, s. s. 278—280) также говоритъ объ отравѣ, разсказывая о послѣднихъ дняхъ князя Орлова, и впадаетъ въ грубые анахронизмы:

— «Послѣ смерти жены, Орловъ, въ 1782 году, возвратился въ Петербургъ. Здѣсь на прежней сценѣ своего могущества онъ пришелъ снова въ тревожное состояніе.

«Своими рѣзкими и необдуманными рѣчами онъ увеличилъ число своихъ враговъ. Вполнѣ достовѣрно (!!), что эти люди дали ему медленнаго яду, переносимаго, по возможности, его крѣпкою натурою, но дѣйствіе котораго замѣчалось въ нѣкоторомъ потрясеніи мозга. Впрочемъ, эта душевная тревога смѣнялась спокойствіемъ, иногда продолжительнымъ. Вопреки прежнимъ привычкамъ, Орловъ сталъ одѣваться по старинному боярскому обычаю, хотя и съ соблюденіемъ роскоши. Какъ ни дѣльно было многое, что онъ говорилъ, но вредила этому излишняя смѣлость. Враги его, втайнѣ радуясь этому странному, но и опасному для него поведенію, наружно соболѣзновали печальнымъ для него послѣдствіямъ потери супруги, и не пропускали случая благонамѣренно намекать императрицѣ о несообразности мнѣній ея бывшаго любимца. Однако Екатерина ограничилась тѣмъ, что дала ему почувствовать его паденіе. Орловъ не на столько былъ помѣшанъ, чтобы не понять, что его вліяніе съ каждымъ днемъ слабѣетъ: но за то сознаніе это еще болѣе приводило умъ его въ разстройство. Онъ уже не одинъ разъ рѣзко обращался къ императрицѣ; теперь же дѣлалъ это при постороннихъ, въ лицѣ всего двора. Такъ замѣтилъ онъ ей, по случаю опалы графа Панина, прежде ему ненавистнаго, а нынѣ, къ которому относился онъ равнодушно—что она, окруженная негодными людьми, хорошо сдѣлала, удаливъ отъ себя единственнаго честнаго человѣка. Всему двору Орловъ объявилъ, что хотя ему и недолго остается жить, но онъ желалъ бы дождаться возвращенія великаго князя изъ путешествія.

«Понятно, что враги не дали ему дотянуть даже до этого близкаго срока. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены Орловъ заболѣлъ. Въ минуты помѣшательства онъ представлялъ двору ужасное зрѣлище. Ему мерещилась кровавая тѣнь......., жалобно вопіявшая о наказаніи убійцы на страшномъ судилищѣ. Недолго еще боролась крѣпкая натура Орлова со смертью, но наконецъ и она изнемогла. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1783 года, въ страшномъ отчаяніи».

Росказнямъ иноземцевъ противупоставимъ цифры и факты. Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ 25-го октября 1782 г., уже въ ослабленіи умственныхъ способностей; въ ноябрѣ доктора объявили, что нѣтъ никакой надежды на его излеченіе. Вскорѣ послѣ того онъ отвезенъ былъ братьями въ Москву и до самой кончины жилъ въ Нескучномъ.

Какъ Потемкину, такъ и другимъ врагамъ Орлова не было ни цѣли, ни разсчета убивать несчастнаго безумца, еще лѣтъ за шесть до кончины утратившаго при дворѣ всю силу и значеніе.

———

V.

2-го февраля 1784 года Потемкинъ былъ пожалованъ въ генерал-фельдмаршалы, кромѣ того, онъ былъ назначенъ: генерал-губернаторомъ Крыма (наименованнаго Таврическою областью), президентомъ военной колегіи [1]) и шефомъ кавалергардскаго корпуса. Какъ президентъ военной колегіи, онъ обратилъ особенное вниманіе на усиленіе защиты Оренбургскаго края, и съ этою цѣлію были сформированы шесть полевыхъ баталіоновъ и одинъ драгунскій полкъ. Въ составѣ войскъ послѣдовали большія, существенныя перемѣны. Въ 1784 и 1785 годахъ Потемкинъ увеличилъ число гренадерскихъ полковъ, до десяти, въ составѣ каждый изъ четырехъ баталіоновъ; прибавилъ два новыя мушкатерскіе полка; вмѣсто прежнихъ егерскихъ баталіоновъ, учредилъ семь четырехбаталіонныхъ егерскихъ корпусовъ и сдѣлалъ еще другія перемѣны, значительно умножившія число регулярныхъ войскъ. Въ первой половинѣ 1786 года армейская пѣхота и кавалерія простирались до 260,000 человѣкъ въ составѣ 5-ти полковъ кирасирскихъ, 19-ти карабинерныхъ, 10-ти драгунскихъ, 16-ти легкоконныхъ, 10-ти гренадерскихъ, 59-ти мушкатерскихъ, 7 корпусовъ и 2-хъ баталіоновъ егерскихъ и 14-ти баталіоновъ полевыхъ мушкатерскихъ. Изъ карабинерныхъ полковъ — десять, а изъ кирасирскихъ — одинъ составляли конницу малороссійскую; а изъ легкоконныхъ: девять—екатеринославскую и семь—украинскую, сообразно тому, какихъ губерній людьми эти конницы комплектовались. Для всѣхъ этихъ войскъ, 10-го апрѣля 1786 г., были утверждены новые штаты и табели.

Входя во всѣ подробности военнаго хозяйства и заботясь объ улучшеніи быта солдатъ, Потемкинъ ввелъ нѣкоторыя ограниченія во власти субалтерн-офицеровъ для прекращенія жестокости ихъ обхожденія съ нижними чинами; подвелъ подъ вѣдѣніе высшаго начальства провѣрку солдатскихъ артелей, то есть складокъ изъ ихъ жалованья и наградныхъ денегъ. Въ обмундировкѣ войскъ, при соблюденіи однообразія формы, всѣ преобразованія, предпри-

---

[1]) На мѣсто графа Захара Григорьевича Чернышева (род. 1722) тогда при смерти больного и скончавшагося 29-го августа 1784 года.

[2]) Шефомъ кавалергардскаго полка, до Потемкина, былъ князь Григорій Орловъ.

нятыя Потемкинымъ, клонились къ доставленію солдатамъ возможныхъ удобствъ. Съ этою цѣлію фельдмаршаломъ былъ составленъ проектъ, высочайше одобренный. Проектъ заключался въ отмѣнѣ у нижнихъ чиновъ пудры, буклей и косъ; въ замѣнѣ длинныхъ кафтановъ куртками, узкихъ панталонъ и штиблетъ — просторными шароварами; треугольныхъ шляпъ—поярковыми касками, съ султанами изъ конскаго волоса, и двумя суконными лопастями на задней части головного убора, которые въ зимнее время могли замѣнять башлыкъ, защищая отъ холода уши и щеки солдатъ. «Я употребилъ всю мою возможность къ избѣжанію излишества»—писалъ Потемкинъ по этому поводу къ императрицѣ—и облача человѣка, далъ однако же ему все, что можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Представляя сіе на высочайшую апробацію, могу увѣрить В. И. В., и самое время покажетъ, что таковое ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго вашего милосердія. Армія россійская, извлеченная изъ муки, не перестанетъ возносить молитвы. Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишаясь щегольскихъ оковъ, конечно, поворотливѣе и храбрѣе». Много здравыхъ сужденій, опережающихъ вѣкъ и идущихъ въ разрѣзъ тогдашнимъ понятіямъ о требованіяхъ солдатской службы, высказываетъ Потемкинъ въ своемъ проектѣ.[1])

Высочайше одобренное (4-го апрѣля 1783 года) распоряженіе Потемкина объ одеждѣ и вооруженіи войскъ, въ теченіе семи лѣтъ осуществляемое, безъ сомнѣнія, имѣло благотворное вліяніе какъ на бытъ нижнихъ чиновъ, такъ и на военное хозяйство, сберегая время, деньги и силы. Если бы идея Потемкина была поддерживаема и въ послѣдующія царствованія, то въ русскихъ войскахъ могла бы выработаться собственная, своеобразная обмундировка, соотвѣтственная привычкамъ народнымъ и требованіямъ климата. Къ сожалѣнію, преемникъ Екатерины II, отмѣняя, передѣлывая почти всѣ учрежденія ея царствованія, въ особенности по военной части, опять преобразовалъ обмундировку по прусскому образцу и, вслѣдствіе этого, на полвѣка отдалилъ облегченіе тѣхъ тягостей военнаго быта, которыя только нынѣ.

---

[1]) Этотъ весьма интересный документъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VIII, стр. 723—726.

въ наше время, при благотворныхъ, всестороннихъ преобразованіяхъ по военному вѣдомству, перешли въ область преданій. Во всякомъ случаѣ за Потемкинымъ, въ глазахъ потомства, та неотъемлемая заслуга, что онъ первый, послѣ Петра Великаго, отважился на великое дѣло—преобразованіе русской арміи.

Имя Потемкина займетъ почетное мѣсто въ исторіи нашего Черноморскаго флота. Въ 1784—1786 годахъ въ Херсонѣ была устроена новая верфь; Севастополь избранъ главнымъ портомъ; мелкія суда строились на элингахъ при устьи Софіи. Рабочихъ выписывали изъ внутреннихъ губерній; корабельный лѣсъ пригоняли изъ Польши, Бѣлоруссіи и Воронежа; желѣзо заготовляли на сибирскихъ заводахъ и препровождали чрезъ Таганрогъ въ Севастополь и въ Херсонъ. Лѣтомъ 1783 года, въ послѣдній изъ этихъ городовъ, явились морскія команды и нашли спущенными на воду 74-хъ пушечный корабль «Слава Екатерины» и 50-ти пушечный фрегатъ «Св. Георгій», которые были отведены въ Севастополь. Къ 1784 году небольшая эскадра, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Войновича,[1]) уже крейсеровала у береговъ Крыма, а въ 1785 году (13-го августа) состоялся штатъ черноморского адмиралтейства и флота, которыхъ непосредственнымъ начальникомъ былъ назначенъ Потемкинъ, съ званіемъ главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ.

Не мало было сдѣлано Потемкинымъ для Новороссійскаго края.

Главнымъ предметомъ заботливости князя была Екатеринославская губернія, 30-го марта 1783 года переименованная въ намѣстничество и имѣвшая главнымъ городомъ Кременчугъ. 10-го февраля 1784 года, по предложенію Потемкина, послѣдовало повелѣніе объ упраздненіи прежнихъ крѣпостей украинской и днѣпровской линій[2]) и о замѣнѣ ихъ пятнадцатью новыми. Всѣ имъ же указанные пункты были приведены въ оборонительное положеніе. По его ходатайству послѣдовали многіе указы, клонившіеся къ прямому благосостоянію Новороссійскаго края. 10-го іюня 1784 г. повелѣно было употребить всевозможное стараніе къ разведенію лѣсовъ въ степяхъ екатеринославскихъ и таврическихъ. Князь выписывалъ изъ чужихъ краевъ опытныхъ садоводовъ для насадки

[1]) Умеръ въ 1808 г. См. о немъ «Рус. Стар.» изд. 1872 г. томъ V, стр. 144.

[2]) Таганрогъ, крѣпость св. Елисаветы, Переволочна, Бахмутъ, Торъ, Изюмъ, крѣпость св. Димитрія.

шелковичныхъ садовъ, виноградниковъ и законтрактовывалъ мастеровъ по части шелководства и винодѣлія. 4-го сентября послѣдовалъ именной указъ объ учрежденіи въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ университета. Потемкинъ самъ назначилъ нѣкоторыхъ профессоровъ и независимо отъ суммы, опредѣленной правительствомъ, пожертвовалъ на его содержаніе часть собственныхъ доходовъ. Война 1787 г. помѣшала исполненію этого великаго дѣла. 13-го октября 1786 года императрицею былъ утвержденъ планъ новому губернскому городу намѣстничества, названному, по прошенію Потемкина Екатеринославлемъ. Народонаселеніе Новороссійскаго края возрастало съ каждымъ годомъ и къ 1787 г. умножилось 150,000 душъ переселенцевъ обоего пола разныхъ націй и вѣроисповѣданій.

Таврическая область (Крымъ), раздѣленная на семь уѣздовъ, одновременно съ Новороссійскимъ краемъ, была предметомъ заботливости Потемкина. Жителямъ была предоставлена совершенная свобода вѣроисповѣданія; каймаканы, кадіи и муфтіи оставлены при тѣхъ же должностяхъ, которыя занимали во время хановъ; князьямъ и мурзамъ пожалованы были дворянскія права; кромѣ того, жителямъ дозволено было составить «національное таврическое войско» и т. д.

Въ Петербургѣ Потемкинъ бывалъ наѣздами и на короткіе сроки. Труды его дали поводъ завистникамъ къ наговорамъ и клеветамъ, основою для которыхъ служила догадка, будто на Тавриду и на Новороссійскій край Потемкинъ смотритъ какъ на свою собственность, далеко простирая властолюбивые замыслы. Подъ осень 1786 года, обиженный холодностью государыни, Потемкинъ недѣли на двѣ удалился отъ двора въ Нарву, подъ предлогомъ болѣзни. Его недоброжелатели торжествовали, воображая опалу, однако князь явился въ царскосельскомъ дворцѣ въ прежнемъ блескѣ величія, и благосклонный пріемъ, оказанный ему императрицею, былъ живѣйшимъ опроверженіемъ происковъ, сплетенныхъ противъ Потемкина его врагами. Въ это же время при дворѣ началось быстрое повышеніе графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова.[1]) Это ничтожество не могло быть

[1]) Гр. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (род. 19-го сентября 1758 † 29-го сентября 1803 г.). См. «Рус. Стар.» 1871 г. томъ III, 678, 687; томъ IV, 386, 396. 1872 г. томъ V, 253—254, 461—462; томъ VI, 415. 1874 г. томъ X, 35.

опасно Потемкину; къ тому же, Мамоновъ, выведенный въ люди княземъ, самъ заискивалъ благосклонности могучаго любимца. Доказательствомъ могъ служить тотъ золотой чайникъ съ надписью: plus unis par le coeur que par le sang (соединены болѣе сердцемъ, нежели узами крови), о которомъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ (20-го іюля 1786 года). Въ исходѣ 1786 года борьба съ Потемкинымъ была непосильна не только Дмитріеву-Мамонову, но и кому-либо другому, болѣе обширнаго ума и способностей.

Намѣреніе императрицы посѣтить въ слѣдующемъ 1787 году Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область сдѣлалось формально извѣстнымъ, и Потемкинъ изъ Петербурга поспѣшилъ въ Кременчугъ, для распоряженій къ встрѣчѣ императрицы, намѣревавшейся обозрѣть, по ея шутливому выраженію, «свое маленькое хозяйство». Къ пріѣзду державной хозяйки строились временные дворцы, пролагались удобнѣйшія дороги, сооружались тріумфальныя ворота, воздвигались цѣлые города, какъ напримѣръ Алешки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Херсона: въ октябрѣ 1786 года его еще не существовало, а въ апрѣлѣ 1787 года городокъ былъ отстроенъ и заселенъ малороссіянами и запорожцами. Проложеніе дороги отъ Кизекерменя къ Перекопу Потемкинъ поручилъ полковнику Корсакову, желая ее: «сдѣлать богатою рукою, чтобы не уступала римскимъ. Я назову ее Екатерининскій путь»—писалъ князь инженеру. Генерал-маіору Синельникову поручено было озаботиться приданіемъ Кременчугу вида города столичнаго; архіепископу Амвросію екатеринославскому и таврическому Потемкинъ собственноручно написалъ тему, на которую преосвященный долженъ былъ сказать привѣтственное слово; наконецъ неутомимый князь успѣвалъ удѣлять время къ слушанію торжественной ораторіи, приготовленной къ пріѣзду Екатерины итальянскимъ капельмейстеромъ Сарти[1]).

Сопровождаемая огромною, блестящею свитою, императрица выѣхала изъ Петербурга (вѣрнѣе изъ царскосельскаго дворца) 7-го января 1787 года; 29-го того же мѣсяца прибыла въ Кіевъ.

---

[1]) Джіованни Сарти, даровитый композиторъ, (род. 1730 † 1802 г.). Вкрадчивый, низкопоклонный, пользовался покровительствомъ князя Таврическаго, а интригами своими противъ М. С. Березовскаго, довелъ его до самоубійства.

откуда 22-го апрѣля слѣдовала на галерахъ по Днѣпру къ Коневу. Здѣсь 25-го апрѣля произошло свиданіе короля польскаго съ Екатериной; 30-го числа она пріѣхала въ Кременчугъ. Потемкинъ сопровождалъ государыню отъ Кіева. Весь путь до Кременчуга состоялъ изъ непрерывнаго ряда пріятныхъ и разнообразныхъ зрѣлищъ: виды красивыхъ заселенныхъ городовъ смѣнялись маневрами пѣхоты и конницы. Трехдневное пребываніе въ Кременчугѣ произвело на императрицу отрадное впечатлѣніе. 7-го мая, близъ мѣстечка Новые Кайдаки, государынѣ представился императоръ австрійскій Іосифъ II, прибывшій инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна. Онъ сопровождалъ Екатерину въ Херсонъ, куда она прибыла 12-го мая—и оставалась здѣсь пять дней. Городъ, на мѣстѣ котораго еще шесть лѣтъ тому назадъ была безплодная степь, обратилъ на себя вниманіе государыни. Въ письмѣ своемъ къ Еропкину она сравнила шестилѣтнее устроеніе Петербурга съ Херсономъ. «Укрѣпленіе города и зданіе похвалены—говоритъ Храповицкій въ своихъ запискахъ (13-го мая 1787 г.) – въ расторопности и успѣхахъ должно отдать справедливость князю Г. А. Потемкину». 15-го числа, въ присутствіи Екатерины, спущены были на воду два линейные корабля: «Владиміръ», «Іосифъ II» и фрегатъ «Александръ» причемъ императрица пожаловала Потемкину кейзер-флагъ по его званію главнокомандующаго черноморскимъ флотомъ. Изъ Херсона государыня отбыла чрезъ Перекопъ въ Крымъ. «Пріобрѣтеніе сіе важно,—отозвалась она о полуостровѣ,—предки дорого заплатили бы за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои черезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.[1]) Гр. Фалькенштейнъ видитъ другими глазами».[2]) 22-го мая, прибывъ изъ Бахчисарая въ Инкерманъ, императрица видѣла изъ оконъ дворца весь черноморскій флотъ, стоявшій въ севастопольскомъ рейдѣ, въ числѣ пятнадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ и одного бомбардирскаго судна. Во время обѣда, по приказанію Потемкина на пер-

[1]) Очевидно, что графъ Мамоновъ, завидуя славѣ бывшаго своего начальника, позволилъ себѣ въ разговорахъ съ императрицею уменьшать заслуги Потемкина.

[2]) Записки Храповицкаго 21-го мая 1787 г., стр. 36.

воспущенномъ въ Херсонѣ кораблѣ «Слава Екатерины», былъ поднятъ кейзер-флагъ, которому со всего флота салютовали тридцатью однимъ выстрѣломъ, а по окончаніи обѣда, императрица сопровождаемая Іосифомъ II и всею свитою на шлюпкахъ, отправилась въ севастопольскій рейдъ для ближайшаго осмотра флота. Неумолкаемое ура сливалось съ грохотомъ пушекъ, разносилось по волнамъ Чернаго моря. Торжество Потемкина и всѣхъ его сотрудниковъ было совершенное. Осыпая князя заслуженными похвалами, готовя ему щедрую награду, императрица, въ бытность свою въ Бахчисараѣ, на обратномъ пути въ Россію (28-го мая), написала слѣдующіе шутливые стихи къ завоевателю Крыма:

Князю Потемкину. [1])

Лежала я вечеръ въ бесѣдкѣ ханской,
Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской;
Противъ бесѣдки той построена мечеть,
Куда всякъ день пять разъ имамъ народъ влечетъ;
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Какъ уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи...
О, Божьи чудеса! Изъ предковъ кто моихъ
Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бахчисарая
Табачный дымъ и крикъ... Не здѣсь-ли мѣсто рая?
Хвала тебѣ, мой другъ! Занявши здѣшній край
Ты бдѣніемъ своимъ все вящше укрѣпляй.

Ко времени пребыванія императрицы въ Крыму и торжественнаго смотра черноморскаго флота, относится слѣдующее письмо Потемкина, свидѣтельствующее о его заботливости къ преуспѣянію нашихъ морскихъ силъ, его стараніями возникшихъ на Черномъ морѣ. [2])

„Сколь нужны потребные для кораблей здѣсь строющихся офицеры и нижніе чины, Вы сами знать изволите; за употребленіемъ на фрегаты, здѣсь почти ничего не остается; положенное-же число на здѣщніе корабли людей много бы поспѣшествовало работѣ: а ежели будетъ воля ваша, чтобы сихъ отрядить, то прикажите хорошихъ, а то что барыша, когда въ новое мѣсто нашлютъ дряни. Ежели бы приказали в. к. (великому князю), такъ какъ Г(генералъ) адмиралу сей

[1]) «Р. А.» 1865 г., 622.

[2]) Подлинникъ писанъ на перегнутомъ полулистѣ сѣроватой полосчатой бумаги разгонистымъ почеркомъ, рукою Потемкина.

нарядъ здѣлать сказавши, что ваша воля есть, чтобъ люди были, какъ офицеры, такъ и протчіе — годные, то бы, конечно, разборъ былъ лутчей".

„Я, матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто, какъ на такое, гдѣ слава твоя оригинальная и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ ты не слѣдуешь по стезямъ другаго. Прикажите послѣднѣе отправить. Цѣлую ручки ваши. Вѣрнѣйшій рабъ твой князь Потемкинъ" (помѣта внизу): „того жъ дня".

7-го іюня императрица прибыла въ Полтаву, гдѣ на другой денѣ произведены были маневры, изображавшіе битву 27-го іюня 1709 года. Войсками, состоявшими изъ легкоконныхъ полковъ, начальствовалъ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій.[1]) О нихъ Екатерина отозвалась Еропкину, по прибытіи своемъ въ Москву: «я видѣла въ Полтавѣ легкоконные полки; лучше этихъ полковъ ничего видѣть нельзя!» Въ тотъ же день (8-го іюня 1787 года) Потемкину было пожаловано прозваніе Таврическаго.[2])

11-го іюля 1787 г. императрица возвратилась въ Петербургъ. На пути, при остановкахъ для отдохновенія, Екатерина удѣляла время на заочную бесѣду съ княземъ Таврическимъ, письменно увѣдомляя его о состояніи своего здоровья и подробностяхъ обратнаго пути. 17-го іюля 1787 г. Потемкинъ писалъ къ ней изъ Кременчуга:[3])

„Матушка государыня! Я получилъ ваше милостивое писаніе изъ Тфери. Сколь мнѣ чувствительны онаго изъясненіи, то Богу извѣстно. Ты мнѣ паче родной матери, ибо попеченіе твое о благосостояніи моемъ есть движеніе, по избранію учиненное. Тутъ не слѣпой жребій. Сколко я тебѣ долженъ; сколь много ты здѣлала мнѣ отличностей; какъ далеко ты простерла свои милости на принадлежащихъ мнѣ; но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мнѣ причинить у тебя зла и всѣ коварства не могли имѣть успѣху. Вотъ что рѣдко въ свѣтѣ: непоколебимость такого (такой) степеня тебѣ одной предоставлена.

---

[1]) Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій (род. 2-го ноября 1740, † 8-го ноября 1830 г.). См. о немъ «Русская Старина» 1871 г., томъ III, 47; томъ IV, 400—401; 1872 г., томъ VI, 407; 1874 г., томъ X, 35.

[2]) См. Русская Старина 1873 года, томъ VIII, стр. 855.

[3]) Подлинникъ на полулистѣ сѣроватой бумаги, на двухъ съ половиною страницахъ.

„Здѣшній край не забудетъ своего счастія. Онъ тебя зритъ присно у себя, ибо почитаетъ себя твоею вотчиною и крѣпко надѣется на твою милость.

„Благодарю за Катеньку,[1]) которая хвалится чувствительно милостями, ей оказанными. Впротчемъ, у насъ все благополучно; я ѣду въ Елисаветъ(градъ) отъ здѣшнихъ несносныхъ жаровъ, тамъ мѣсто выше; однако-жъ, благодаря Бога, болѣзней нѣтъ, а ежели кто и занеможетъ, выздоравливаетъ скоро. Прости моя благотворительница и мать, дай Боже мнѣ возможность доказать всему свѣту, сколько я тебѣ обязанъ будучи по смерть вѣрнѣйшій рабъ князь Потемкинъ-Таврическій".

Кременчугъ, 17-го іюля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Екатерина Михайловна Азанчевская (1767 † 1-го ноября 1792 г.) дочь бѣднаго дворянина, по ходатайству Потемкина, пожалованная въ фрейлины. (См. «Русская Старина» 1871 г., томъ IV, стр. 396). Еще того вѣрнѣе можно предполагать, что Потемкинъ говоритъ о племянницѣ своей, графинѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ (1771 † 1829 г). См. «Русская Старина», томъ II, 1870 г., стр. 476—477.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ИЛОВАЙСКІЙ,

атаманъ войска Донскаго

1821—1827.

Уроженецъ войска Донскаго, полковникъ генеральнаго штаба, Николай Ивановичъ Красновъ, доставилъ въ редакцію «Русской Старины» двѣ статьи о послѣдующихъ за Адріяномъ Карповичемъ Денисовымъ атаманахъ войска Донскаго — Алексѣѣ Васильевичѣ Иловайскомъ и Дмитріѣ Ефимовичѣ Кутейниковѣ. Печатая нынѣ первую изъ этихъ статей, редакція «Русской Старины» считаетъ долгомъ своимъ принести искреннюю благодарность почтенному автору біографическихъ очерковъ объ атаманахъ Иловайскомъ и Кутейниковѣ, служащихъ весьма интереснымъ матеріаломъ для обрисовки періода вліянія ген.-адъют. Чернышева на дѣла Донскаго края, съ 1819 года, по 1836 годъ — годъ увольненія отъ атаманства генерала Кутейникова. Статья о послѣднемъ будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины».

Ред.

По удаленіи съ должности Войсковаго атамана, ген.-лейт. Адріяна Карповича Денисова, и по назначеніи, вмѣсто Денисова, наказнымъ атаманомъ ген.-маіора Алексѣя Васильевича Иловайскаго,[1]) ген.-адъют. Чернышевъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ исходатайствованнаго Денисовымъ „Комитета для составленія положенія объ устрой-

[1]) Высочайшій указъ правительствующему сенату, изъ Лайбаха, 27-го января 1821 г. Въ «Донской газетѣ» 1874—1875 гг., кстати замѣтимъ, одной изъ лучшихъ, въ числѣ провинціальныхъ нашихъ газетъ, помѣщенъ рядъ весьма интересныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ А. А. Карасевымъ о дѣятельности ген.-адъют. Чернышева на Дону и о столкновеніяхъ съ нимъ Адріяна Карповича Денисова. Въ числѣ этихъ документовъ помѣщены письма Денисова къ Александру I, къ гр. Аракчееву, злобный отвѣтъ гр. Аракчеева—доблестному атаману, донесенія Чернышева и проч. Всѣ эти историческія бумаги служатъ весьма интереснымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ» «Запискамъ А. К. Денисова», а потому, при удобномъ случаѣ, мы представимъ изъ нихъ извлеченія. Ред.

ствѣ войска Донскаго"; членами этого комитета состояли: уроженцы донскіе—ген.-маіоры: Кутейниковъ и Андріяновъ и подполковникъ Шамшевъ, и отъ министерства юстиціи — д. с. с. Болгарскій; на мѣсто же назначеннаго наказнымъ атаманомъ.— Иловайскаго.— поступилъ членомъ комитета донской войсковой старшина Якимъ Васильевичъ Машлыкинъ. Атамана Денисова и бывшихъ двухъ членовъ упомянутаго комитета, ген.-лейт. Карпова и ген.-маіора Черевкова, повелѣно предать суду. Главнѣйшимъ пунктомъ обвиненія Денисова было — учрежденіе имъ на Дону питейнаго откупа и замѣченное въ засѣданіяхъ комитета покровительство его этому откупу. а Карповъ и Черевковъ обвинялись какъ участники откупа. Вскорѣ, однако-жъ, Чернышевъ объявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе: „По докладу моему, государь императоръ изволилъ изъявить всемилостивѣйшее дозволеніе — предстательствовать у Е. В. объ освобожденіи отъ суда атамана Денисова и нѣкоторыхъ изъ членовъ канцеляріи,[1]) неумышленно виновныхъ въ преступленіи по своимъ должностямъ, тогда какъ справедливый страхъ, внушенный настоящимъ негодованіемъ верховной власти, произведетъ желаемое впечатлѣніе".

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій избранъ былъ въ званіе атамана собственно по представленію ген.-адъют. Чернышева, „цѣнившаго его благородныя мысли на пользу войска",—такъ писалъ Чернышевъ къ Иловайскому изъ Лайбаха, гдѣ онъ находился тогда при Александрѣ I, во время происходившаго тамъ конгреса.

Относясь столь лестно объ Иловайскомъ, Чернышевъ однако-жъ не вполнѣ довѣрялъ и ему: это видно изъ того, что онъ назначилъ д. с. с. Болгарскаго въ помощь Иловайскому, при пріемѣ послѣднимъ дѣлъ отъ его предмѣстника, Денисова; причемъ, въ письмѣ къ Болгарскому, Чернышевъ совѣтуетъ ему „вести себя какъ можно осторожнѣе, не выказывая того, что Иловайскій поступаетъ къ нему (Болгарскому) какъ бы подъ опеку". Въ этомъ же письмѣ къ Болгарскому Чернышевъ, между прочимъ, весьма хвалитъ приближенныхъ Иловайскаго, П. и Ш., о которыхъ впослѣдствіи отзывался уже очень дурно. При этомъ Чернышевъ просилъ Болгарскаго „увѣдомить его о впечатлѣніи, произведенномъ смѣною атамана Денисова". Вслѣдъ затѣмъ онъ увѣдомляетъ Болгарскаго, что „комитетъ объ устройствѣ войска донскаго" переводится изъ Новочеркаска въ С.-Петербургъ.

Къ сожалѣнію, съ этого времени до самаго вступленія на престолъ императора Николая I, не находится въ архивѣ главнаго управ-

[1]) Нѣкоторые изъ членовъ Донской Войсковой Канцеляріи также обвинялись Чернышевымъ въ преступномъ покровительствѣ питейному откупу.

Н. К.

ленія иррегулярныхъ войскъ, изъ котораго мы извлекали предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія, никакихъ матеріаловъ, которые могли бы освѣтить этотъ четырехлѣтній пробѣлъ въ дѣйствіяхъ Чернышева по дѣламъ донскаго войска; только въ 1825 г., передъ переѣздомъ Александра I въ Таганрогъ, встрѣчается въ дѣлахъ слѣдующее письмо Чернышева къ Иловайскому, который уже въ то время былъ войсковымъ атаманомъ.[1])

„Нынѣшнее высочайшее посѣщеніе ввѣреннаго вамъ края есть счастливѣйшій и благопріятнѣйшій случай для в. п. обратить вниманіе императора на благоразумную попечительность вашу, которая доселѣ отличала всѣ дѣйствія ваши по управленію донскимъ войскомъ. Какъ хозяинъ и какъ начальникъ, совершенно увѣренный въ чистотѣ дѣйствій своихъ, вы можете, съ полною откровенностью, докладывать справедливому монарху о томъ пламенномъ стремленіи къ добру, которое одно руководило васъ на поприщѣ настоящей вашей службы, и о томъ, что находили вы несообразнымъ съ пользами народа.... Нѣтъ сомнѣнія, что неблагопріятная вамъ партія и при семъ случаѣ распуститъ вредные для васъ слухи и нелѣпости; но это не должно для васъ имѣть никакого впечатлѣнія: надлежитъ только предвидѣть могущіе возникнуть вопросы и быть въ готовности отвергнуть ихъ“.

Современники говорятъ, что въ 1825 г., во время проѣзда императора Александра I чрезъ Новочеркаскъ и Старочеркаскую станицу въ Таганрогъ, Алексѣй Васильевичъ Иловайскій былъ удостоенъ особымъ монаршимъ благоволеніемъ къ нему: императоръ принялъ приготовленный донскимъ дворянствомъ балъ и оказывалъ, во время его, атаману и его супругѣ, весьма лестное вниманіе, а проѣзжая потомъ чрезъ Старочеркаскую станицу, государь неожиданно посѣтилъ жив-

[1]) 23-го апрѣля 1825 г., Чернышевъ, какъ предсѣдатель комитета, поднесъ государю проектъ новаго «положенія о Донскомъ войскѣ». Проектъ этотъ былъ тогда же переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, а за занятіе въ комитетѣ чины его получили слѣдующія награды:

Наказный атаманъ, ген.-лейт. Иловайскій — званіе войсковаго атамана и орденъ св. Владиміра 2-й ст.; Болгарскій — чинъ тайн. сов. и званіе сенатора; ген.-маіоры Кутейниковъ и Андріяновъ — ордена; письмоводитель, корнетъ гвардіи Сухоруковъ — слѣдующій чинъ и 1,500 руб. деньгами. (Этотъ даровитый и образованный донской уроженецъ Сухоруковъ, который впослѣдствіи подпалъ подъ немилость Чернышева, переведенъ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ и посланъ на службу въ Грузію: тамъ, оцѣненный главнокомандующимъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, и взысканный его особеннымъ расположеніемъ, онъ подвергся новому переводу въ войска, служащія въ Финляндіи, а оттуда снова въ Донской казачій полкъ, расположенный на кавказской линіи). Н. К.

шую тамъ, 80-ти-лѣтнюю старушку-мать Иловайскаго, и благодарилъ ее за отличную службу трехъ ея сыновъ: генералъ-лейтенантовъ — Алексѣя и Николая и генералъ-маіора — Осипа, Васильевичей, Иловайскихъ.

По восшествіи на престолъ Николая I, атаманъ Иловайскій отдалъ слѣдующій приказъ по донскому войску (10-го января 1826 г.):

«Храбрые и вѣрные донскіе воины! Изъ возвѣщеннаго нынѣ въ народѣ манифеста всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича, даннаго въ 19-й день минувшаго декабря, узнали мы о гнусномъ намѣреніи злыхъ заговорщиковъ поколебать спокойствіе любезнаго нашего отечества. Я въ полной мѣрѣ ощущаю то негодованіе, которымъ переполнены сердца ваши противу сихъ злодѣевъ, кои всѣ, благодареніе Всевышнему, схвачены и преданы дѣйствію правосудія.

«Вѣрные сыны Дона! Намъ отцы наши оставили достойный образецъ преданности ихъ государю своему въ событіи 1705 г., во время стрѣлецкаго бунта: они не только не вняли гласу подосланныхъ тогда возмутителей, которыхъ, схвативъ, представили къ государю; но общимъ приговоромъ осудили еще всякого, кто только поколеблется цѣловать крестъ о неизмѣнной вѣрности своей — «въ куль да въ воду», и грудью стали за царя своего. Жалованная за сіи подвиги грамота и клейноды, знаменующіе славу предковъ нашихъ, сохранятъ память сей доблести ихъ въ самомъ позднемъ потомствѣ.

«Мы наслѣдовали отъ отцовъ нашихъ всѣ добрыя ихъ качества; въ нашихъ жилахъ течетъ ихъ кровь, и я ручаюсь за васъ, достойные мои соотчичи, и вы взаимно поручитесь за всѣхъ и каждаго, что въ цѣломъ составѣ нашемъ нѣтъ ни единаго человѣка, который бы, подобно знаменитымъ нашимъ предкамъ, не почиталъ величайшимъ благомъ пожертвовать послѣднею каплею крови своея за царствующій домъ и за всемилостивѣйшаго государя нашего, императора Николая Павловича». (При приказѣ этомъ приложена отпечатанная копія съ жалованной грамоты императора Петра I).[1])

До 1826 г. Чернышевъ былъ доволенъ Иловайскимъ, но въ январѣ этого года сдѣлалъ замѣчаніе войсковому атаману, что онъ не присылаетъ ему никакихъ о войскѣ свѣдѣній; а войсковой атаманъ, съ своей стороны, замышлялъ жалобу на предсѣдателя комитета и, вѣроятно полагая, что при новомъ государѣ Чернышевъ не будетъ въ прежней милости, рѣшился подать императору Николаю слѣдующую докладную записку:

„Движимый чувствами благоговѣнія къ высокимъ намѣреніямъ

---

[1]) Изъ грамоты 1706 г., февраля 21-го, между прочимъ, видно, что грамота эта дана за то, что атаманъ Лукьяновъ не допустилъ въ 1705 г. подосланныхъ отъ стрѣльцовъ астраханскихъ «съ прелестными, воровскими и ложными письмами», и что тѣхъ стрѣльцовъ войсковой атаманъ, со старшинами, сковавъ, прислали къ государю Петру I. При той грамотѣ были высланы: «войсковому атаману — перначъ серебрянный, съ каменьями, золоченъ; бунчугъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебрянною, золоченъ; знамя большое, писанное на камкѣ золотомъ». Н. К.

вашего императорскаго величества, дерзаю всеподданнѣйше представить прозорливому вашему вниманію такое дѣло, отъ котораго зависитъ жребій цѣлаго Донскаго войска. Оно тяготитъ мою душу, и если не открою онаго предъ отцемъ отечества, то обязанъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ и предъ совѣстью своею.

„Составленный донскимъ комитетомъ проектъ новаго положенія, въ скоромъ времени долженъ быть представленъ на высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе. Всемилостивѣйшій государь! Повергаю предъ священною особою вашего величества чистосердечное сознаніе въ томъ, что въ ономъ проектѣ допущены многія, ненамѣренныя, ошибки, по свойственному человѣку недоразумѣнію, кои открылъ я теперь, единственно изъ опытовъ.

„Бывъ обязанъ,—на основаніи именнаго высочайшаго указа отъ 27-го января 1821 года, на имя мое даннаго,—примѣнять предположенія донскаго комитета къ дѣйствіямъ войсковаго управленія, я, по первымъ опытамъ сего рода, встрѣтилъ нѣкоторые недостатки въ комитетскихъ положеніяхъ; сіе заставило меня обратить на нихъ сугубое вниманіе и разсматривать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, примѣняя къ самому дѣлу. По трехлѣтнимъ таковымъ наблюденіямъ, нѣкоторыя изъ предположеній комитетскихъ дѣйствительно оказались—одни недостаточными, другія нѣсколько несообразными съ порядкомъ вещей, или противорѣчащими пользамъ края нашего; иныя же вовсе невозможными въ исполненіи. О многихъ изъ нихъ, въ свое время, доводилъ я до свѣдѣнія предсѣдательствующаго, генерал-адъютанта Чернышева, для принятія мѣръ исправленія.

„Я самъ участвовалъ въ составленіи положенія о Донскомъ войскѣ и нимало не останавливаюсь сознаться предъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ сихъ ошибкахъ. Несовершенство—есть необходимое условіе всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Когда въ комитетѣ обсуживали мы предметы, въ то время простое разсужденіе представляло намъ пріемлемыя мѣры наилучшими; но нынѣ опытъ тому противорѣчитъ. Обращаясь къ самымъ источникамъ, изъ коихъ могли произойти открываемыя погрѣшности, я теперь вижу два, весьма важныя, упущенія, относящіяся къ донскому комитету, изъ коихъ одно—касается собственно состава его, а другое—производства его дѣла.

„Первое: въ составѣ донскаго комитета не было ни одного члена, избраннаго донскимъ войскомъ. При самомъ начальномъ учрежденіи его были назначены войсковымъ атаманомъ, генерал-лейтенантомъ Денисовымъ, по собственному его выбору, члены (фамиліи ихъ); послѣ того, на мѣсто генераловъ Карпова и Черевкова, высочайше

опредѣлены, по представленіямъ генерал-адъютанта Чернышева, я и генерал-маіоръ Кутейниковъ и, потомъ, войсковой старшина Машлыкинъ. Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представляю обстоятельство сіе по убѣжденію: члены, избранные всѣмъ войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого-либо. Утвердительно полагаю, что комитетъ донской никогда бы не принялъ столь несоотвѣтственнаго мнѣнія, каковое открывается теперь въ правилахъ о поземельномъ надѣлѣ мелко-помѣстныхъ чиновниковъ, если бы присутствовалъ въономъ хотя одинъ членъ, принадлежащій сему классу.

„Упоминаемыя правила столь несовершенны, что если будутъ допущены въ томъ видѣ, каковы онѣ теперь, то окажутся совершенно противными привилегіи донскихъ офицеровъ, состоящей въ раздачѣ имъ земли во всегдашнее владѣніе. Необезпеченные въ содержаніи своемъ и не имѣющіе средства воспитать дѣтей прилично званію своему, они не могутъ жертвовать, съ тою рѣшительностію, жизнію, съ тою ревностью продолжать службу, если бы были увѣрены, что послѣ нихъ семейства будутъ имѣть способы питать себя и дѣти исправятся пристойно званію на служеніе вашему императорскому величеству".[1])

„Второе: начальныя дѣйствія комитета были учреждены не на точномъ разумѣ высочайшей воли, — именно: бывшій войсковой атаманъ, генерал-лейтенантъ Денисовъ, въ представленіи своемъ вѣчно блаженныя памяти государю императору, Александру Павловичу, отъ 21-го сентября 1818 года, испрашивалъ высочайшаго соизволенія: „учредить на Дону комисію, которая бы собрала воедино всѣ бывшія постановленія о Донскомъ войскѣ, въ разныхъ государственныхъ узаконеніяхъ разсѣянныя, равнымъ образомъ всѣ собственныя распорядки и обычаи войска, имѣющіе на Дону силу закона, но во многомъ отступившіе отъ коренныхъ началъ своихъ, сообразила бы съ настоящимъ духомъ народа, съ мѣстнымъ положеніемъ вещей и съ точнымъ смысломъ правъ и привилегій, войску дарованныхъ, и, такимъ порядкомъ, составила бы цѣлое, полное и ясное законоположеніе для Донскаго края.

---

[1]) Впослѣдствіи времени донскіе атаманы: Хомутовъ, графъ Граббе, Потаповъ и Чертковъ, подтверждали эту мысль въ представленіяхъ своихъ и, въ 1870 г., въ день 300-лѣтняго юбилея существованія донскаго войска, высочайше повелѣно: бывшіе «пожизненные», а затѣмъ «срочные» поземельные участки, передать донскимъ генераламъ, штабъ и обер-офицерамъ, изъ временного пользованія «въ потомственную собственность». Н. К.

„Точно въ такомъ же разумѣ состоялся и высочайшій указъ отъ 10-го марта 1820 года, на имя атамана Денисова, объ учрежденіи на Дону комитета,—именно онымъ повелѣно: „я съ удовольствіемъ принимаю и одобряю намѣреніе ваше собрать воедино всѣ узаконенія относительно войска донскаго, въ различныя времена и по разнымъ случаямъ изданныя и въ разныхъ частныхъ постановленіяхъ заключающіеся,—разсмотрѣть оныя въ особенномъ комитетѣ, сообразить ихъ съ настоящимъ порядкомъ вещей и представить потомъ мнѣ Новое Положеніе".

„При самомъ приступѣ къ занятіямъ своимъ, донской комитетъ опустилъ изъ вида сію цѣль и, вмѣсто того, чтобы начать составленіе полнаго свода всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ донскаго войска, онъ, по внесенной въ первомъ присутствіи запискѣ генерал-адъютанта Чернышева, потребовалъ отъ войсковой канцеляріи разныхъ свѣдѣній, отдѣльно по нѣкоторымъ военнымъ и гражданскимъ частямъ, а потомъ, по мѣрѣ полученія сихъ свѣдѣній, занимался обсужденіемъ самыхъ предметовъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ опредѣленія свои для будущаго законодательства.

„Не чувствительно порядокъ сей утвердился навсегда, одинъ предметъ смѣнялся другимъ, оканчивался положительно и давалъ мѣсто новому; къ составленію же свода существующихъ постановленій комитетъ донскаго войска уже не обратился. Я высочайше опредѣленъ въ оный членомъ въ 1820 году, тогда какъ онъ совершилъ почти половину своихъ трудовъ. Не знаю, какъ бы я поступилъ, если бы присутствовалъ съ самаго начала, но въ то время увлеченъ былъ заведеннымъ въ дѣлахъ его порядкомъ и не имѣлъ ни силъ, ни способовъ противиться ему.

„Такимъ образомъ, донской комитетъ окончилъ весь свой трудъ отдѣльными постановленіями, по каждому предмету особо. Положенія сіи послѣ того изложены въ систематическомъ порядкѣ, въ С.-Петербургѣ, генерал-адъютантомъ Чернышевымъ и сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Болгарскимъ. Хотя оказавшіяся въ отдѣльныхъ частяхъ противорѣчія при семъ случаѣ исправлены, но главныя погрѣшности остались незамѣченными.

„Осмѣливаюсь повторить вашему императорскому величеству, что донскому комитету, приступая къ сочиненію закона, необходимо надлежало имѣть въ виду полный сводъ существующихъ постановленій и обычаевъ, ибо тогда только онъ ясно могъ бы видѣть—что́ именно въ существующемъ порядкѣ вещей нужно дополнить, измѣнить, или вовсе уничтожить, сообразно духу и нравамъ народа. Но онъ съ первою своею ошибкою соединилъ другую,—именно: объ обычаяхъ,

имѣвшихъ на Дону силу закона, онъ не сдѣлалъ даже вопроса и вовсе не имѣлъ ихъ въ виду. Единственно отъ сего произошли погрѣшности, допущенныя въ правилахъ о „станичномъ управленіи“ и „объ управленіи калмыками“: ибо оныя донынѣ основаны исключительно на обычаяхъ, освященныхъ временемъ. Не сохранить ихъ, значитъ потрясти права и привилегіи донскихъ обитателей; наиболѣе сего неминуемо ожидать надлежитъ отъ допущенныхъ измѣненій въ „станичномъ управленіи“.

„Всемилостивѣйшій государь! Сіи, важные предметы, составляли тяготу души моей; ввѣряю ихъ отеческому сердцу твоему, милосердый монархъ. Да не обратится на меня гнѣвъ твой! Если бы я умолчалъ теперь объ ономъ, то, рано или поздно, донское войско, въ справедливыхъ жалобахъ своихъ, стало бы винить одного меня, какъ начальника своего, въ непростительной безпечности.

„Высокія попеченія вашего императорскаго величества о благѣ народа исполняютъ войско донское несомнѣнною надеждою на прочное свое благоденствіе. Обрати, всемилостивѣйшій государь, отеческое вниманіе на сіе чистосердечное изъясненіе мое и повели: приготовленное положеніе для донскаго края еще разсмотрѣть, съ бо̀льшимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ всѣмъ войсковымъ обществомъ.

„Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ всѣхъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составитъ подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренные члены будутъ вполнѣ знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія.

„Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упоминаемымъ сводомъ древнихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостью августѣйшихъ монарховъ нашихъ, вникнутъ во всѣ мѣстныя обстоятельства, въ самыя права и обычаи страны и, потомъ, сдѣлаютъ, въ чемъ найдутъ нужнымъ, замѣчанія своя и представятъ оныя вмѣстѣ съ прежнимъ проектомъ.

„Ваше императорское величество! „Положеніе войсковое“ уже семь лѣтъ непрестанно занимаетъ умы сего войска; оно уповаетъ обрѣсти въ немъ несомнѣнное счастіе свое; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, донскіе воины, какъ вѣрноподданные, вполнѣ чувствуютъ что должны ожидать благоденствія своего отъ отеческихъ щедротъ августѣйшаго монарха нашего“.

Подписалъ: „вѣрноподданный, войска донскаго войсковой атаманъ, генералъ-лейтенантъ Иловайскій“.

10-го августа 1826 года.—Москва.

Эту записку Иловайскій подалъ государю въ Москвѣ, во время коронованія. Государь передалъ ее на просмотръ генерал-адъютанта Чернышева.

По поводу этой записки Чернышевъ написалъ длинное объясненіе, въ которомъ излагаетъ ходъ дѣлъ въ донскомъ войскѣ до образованія комитета, [1]) и затѣмъ, переходя къ дѣятельности комитета, засѣдавшаго, по смѣнѣ Денисова, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, Чернышевъ приводитъ:

„Возбужденные отъ глубокаго унынія (казаки) къ надеждѣ, они тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ новаго закона, подъ сѣнью коего могутъ обрѣсти довольство и правосудіе, что, во-первыхъ, ежегодное чтеніе высочайшихъ грамотъ и рескриптовъ возобновляетъ въ умахъ ихъ попеченіе о непремѣнной волѣ государей сохранить дарованныя войску привилегіи неприкосновенными на вѣчныя времена, и во-вторыхъ, что войсковое начальство, при всѣхъ справедливыхъ жалобахъ казаковъ на терпимое ими стѣсненіе, отлагаетъ удовлетвореніе до „Новаго положенія". Сіе общее чувство казаковъ раздѣляютъ и чиновники безпомѣстные, живущіе въ станицахъ и, по оскудѣнію въ довольствіяхъ, едва снискивающіе тамъ средства къ своему содержанію.

„Справедливость и основательность таковой надежды терпящихъ, доказывали сами помѣстные чиновники тѣмъ, что когда видѣли съ одной стороны себя обличенными въ противозаконныхъ захватахъ общаго достоянія, а съ другой — твердое намѣреніе правительства положить конецъ своевольству ихъ, то, во все время занятій комитета на Дону, пребывали совершенно бездѣйственными и даже расположились и были готовы къ безмолвному исполненію тѣхъ мѣръ, какія правительство признаетъ нужными для общаго устройства Донскаго края.

„Но коль скоро примѣтили, что утвержденіе проекта замедлилось, а можетъ быть свѣдали и о возникшемъ въ пользу ихъ разногласіи по комитету, то вдались въ суетные толки и исканія и, связями родства и личными выгодами старались войсковую власть преклонить къ своимъ видамъ, дабы совокупно устремиться на удержаніе прежняго порядка вещей, въ чемъ однако же не успѣвали доколѣ власть сія остерегалась и, такъ сказать, неознакомилась съ соблазнительными дѣйствіями господствовавшаго тамъ произвола.

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ дѣлахъ архива главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ находится нѣсколько записокъ Чернышева, поданныхъ императорамъ Александру I и Николаю I, а также и Аракчееву. Сущность этихъ записокъ не разнится между собою. Н. К.

„Изъ сего слѣдуетъ, что если бы общее преобразованіе по войску еще замедлилось, или было отложено, тогда самое малое число изъ его обитателей, увлеченное удачею своихъ происковъ, паки обратится, но съ сугубою уже дерзостью, на притѣсненіе слабѣйшихъ; многочисленный же и полезнѣйшій классъ жителей долженъ погрузиться въ прежнее уныніе и, поелику тяжесть положенія его выйдетъ изъ всякой мѣры, то правительство, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ обиженныхъ, рано или поздно вынуждено будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, кои предположилъ донской комитетъ, но съ тою разностью, что удобное и легкое въ исполненіи при началѣ, можетъ впослѣдствіи содѣлаться затруднительнымъ и потребовать новыхъ сильнѣйшихъ мѣръ".

Вѣроятно вышеприведенное объясненіе Чернышева на докладную записку Иловайскаго служило приложеніемъ къ двумъ другимъ объяснительнымъ запискамъ Чернышева, изъ которыхъ въ первой изложено:

„По высочайшему соизволенію, въ теченіи минувшихъ лѣтъ, находясь въ сношеніяхъ съ атаманомъ Иловайскимъ по части образовательной, я не переставалъ вразумлять его, что предписанное приспособленіе къ проекту должно ограничиться тѣмъ, чтобы, оставляя мѣстное управленіе въ настоящемъ его составѣ и образѣ дѣйствій, пещись о пресѣченіи вкравшихся злоупотребленій о водвореніи повсюду порядка и справедливости.

„Но какъ сношенія мои съ нимъ заключались въ однихъ частныхъ совѣтахъ, которые гласнаго вліянія на дѣйствія его не имѣли, то генералъ Иловайскій, въ послѣднее время перестадъ держаться совѣтовъ моихъ и, уклонившись къ обыкновенному на Дону произволу, началъ даже вводить мѣры, предназначенныя проектомъ, и настоятельно требовать списка съ онаго къ дальнѣйшему руководству при устройствѣ нѣкоторыхъ предметовъ по войску.

„Когда же, для удержанія его въ предѣлахъ одного приспособленія къ проекту, В. И. В. соизволили изъявить высочайшую волю, сообщенную атаману 27-го февраля 1826 г., дабы, впредь до обозрѣнія вашего величества начертаній о донскомъ войскѣ, остереглись вводить самый проектъ въ дѣйствіе, тогда генералъ Иловайскій, какъ изъ нѣкоторыхъ отзывовъ его видно, сію высочайшую волю понимаетъ превратно и считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать по примѣру своихъ предшественниковъ, т. е. по собственному его усмотрѣнію или произволу, который и безъ того уже ощутителенъ, особенно по войсковому хозяйству и въ предметахъ военныхъ".

Во второй же запискѣ, касающейся собственно всеподданнѣйшей

записки Иловайскаго и которая (записка Чернышева) озаглавлена: „Отвѣтъ на всеподданѣйшее письмо войсковаго атамана Иловайскаго“. Чернышевъ приводитъ:

„Всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго отъ 10-го августа сего (1826) года обращаетъ на себя особенное вниманіе по духу, или образу мыслей, его отличающему.

„Атаманъ, охуждая составъ и порядокъ занятій комитета,—бывшій, по словамъ его, главною причиною недостатковъ въ самомъ проектѣ положенія и, испрашивая дозволенія пересмотрѣть оный на Дону,—явно присвояетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ членовъ общества или народныхъ представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились въ непосредственномъ отношеніи къ государственному совѣту; себѣ же лично наименованіе „правительствующаго“.

„Въ государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство проистекаютъ отъ единой, самодержавной власти государя, подобныя присвоенія, и даже самыя мысли объ оныхъ, не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.

„Доселѣ, въ Россіи, ни одна область не имѣла права избирать представителей. Финляндія, Бѣлостокъ и Сибирь въ недавнее время получили новое устройство, основанное на соображеніяхъ комитетовъ, или лицъ, кои были назначены отъ государя.... Но, нигдѣ и ни въ какое время, не было допускаемо у насъ право избранія представителей, кои бы сами для себя составляли законы и находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государственнымъ совѣтомъ.

„Тѣмъ менѣе могло быть таковое дано донскому войску, зависѣвшему начально отъ иностранной, а потомъ отъ военной коллегіи, впослѣдствіи же—отъ общаго порядка въ государствѣ, какъ по военному, такъ и гражданскому его управленію, и никогда еще неимѣвшему у себя ни „правительствующаго“, ни „правительства“, а просто—атамана и войсковую канцелярію, составляющихъ мѣстное начальство въ войскѣ, въ видѣ губернскаго.

„Между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучавшихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли на счетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе, частное и чуждое для общества, заблужденіе должно было исчезнуть само собою, коль скоро ясные законы стали бы направлять каждаго къ точному исполненію его обязанностей.

„Если же самъ начальникъ войска начинаетъ говорить въ семъ

духѣ предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, то мнѣнія его уже дѣлаются опасными и не могутъ быть допускаемы, потому, что легко распространились бы въ обществѣ, отъ вліянія его зависящемъ, и со временемъ превратились бы въ сужденія вольнодумныя.

„По 1-му вопросу: о не соотвѣтственности комитета.

„Въ дѣлѣ общемъ, каковое есть устройство цѣлаго войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе и, слѣдовательно, выборъ довѣренныхъ членовъ, по справедливости, одинаково принадлежалъ бы обѣимъ сословіямъ; но если бы сіе было допущено, то, во-первыхъ, казачьи представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину; оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя пользы своего сословія; и во-вторыхъ представители чиновниковъ должны были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и содѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ.

„2-й вопросъ: о правахъ офицеровъ.

„По всѣмъ грамотамъ, указамъ и постановленіямъ удостовѣрено то, что дарованныя отъ всемилостивѣйшихъ государей привилегіи, преимущества и выгоды, принадлежатъ всему донскому войску, но не лично сословіямъ, его составляющимъ, и что коренной порядокъ довольствія землями на Дону—есть „общественный", по коему каждый войсковой обитатель пользуется, сколько ему нужно, безъ обиды другого, но не имѣетъ права ничего почитать исключительно своею принадлежностью.

„По свѣдѣніямъ же, собраннымъ на мѣстѣ, извѣстно, что въ прежнія времена всѣ офицеры донскаго войска довольствовались землями въ станицахъ, гдѣ жили, на общественномъ правѣ съ казаками, а теперь, одни только главнѣйшіе числомъ, безпомѣстные, довольствуются на семъ основаніи и вмѣстѣ съ казаками терпятъ оскудѣніе въ необходимыхъ угодьяхъ; нѣкоторая же часть донскихъ чиновниковъ,—помѣстные и мелкопомѣстные,—своевольно, или по потворству мѣстной власти, захватили изъ общественныхъ и даже станичныхъ земель отдѣльныя пространства и, заселивъ крестьянами, владѣютъ незаконно.

„Но ежели бы онъ (Иловайскій) столь странную мысль свою основалъ на томъ, что войсковое начальство,—впрочемъ, никогда не имѣвшее ни права, ни разрѣшенія отъ высочайшей власти раздавать общественное достояніе въ частную принадлежность,—самовластно попустило чиновниковъ занимать войсковыя земли и селить крестьянъ съ притѣсненіемъ коренныхъ жителей, то сіе основаніе должно раз-

рушиться само собою, коль сдѣлалось гласнымъ предъ высшимъ правительствомъ, ибо возникло внѣ закона и могло существовать единственно потому, что было скрываемо мѣстною властью, которая, за нарушеніе своихъ обязанностей, подлежитъ строгому отвѣту.

„Мнѣ остается только замѣтить на счетъ истинной цѣли ходатайства Иловайскаго, который, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, благовидно ищетъ преклонить ваше величество къ одобренію сокровеннаго замысла донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ, устремляющихся къ тому единственно, чтобы, отстранивъ всякое постороннее участіе и получивъ въ свои руки проектъ положенія, составить на оный такія замѣчанія, кои бы, подъ предлогомъ пересмотра древнихъ постановленій и обычаевъ, уничтожили все, что начертано въ проектѣ для возстановленія угнетеннаго состоянія казаковъ и для водворенія въ войскѣ строгаго и прочнаго порядка, и, силою уже общаго постановленія, утвердить господствующіе въ семъ краю произволъ и безотчетность"... „а потому" — заключилъ Чернышевъ — „необходимо, чтобы повелѣно было:

„a) Атаману Иловайскому—всѣ изъясненія его и доводы, какіе онъ противъ проекта могъ придумать, внести въ донской комитетъ, который, съ прибытіемъ гг. Кутейникова и Шамшева и по нахожденію здѣсь и сенатора Болгарскаго, можетъ составить полное присутствіе свое въ Петербургѣ.

„b) Донскому комитету все,—представленное г. Иловайскимъ, разсмотрѣть внимательнѣйше, сообразить въ подробности съ проектомъ „положенія" и постановить общее заключеніе.

„c) Заключеніе представить въ государственный совѣтъ и затѣмъ донести В. И. В.

„d) Отъ Андріянова (исправлявшаго на Дону, за отсутствіемъ Иловайскаго, должность его), потребовать особое мнѣніе".

На эту записку Чернышева послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: мѣры, изъясненныя подъ литерами: a, b, c, d, исполнить", и вслѣдъ затѣмъ, именно 29-го ноября 1826 г., государь повелѣлъ: „въ первое засѣданіе „комитета объ устройствѣ донскаго войска" объявить всеподданнѣйшее письмо атамана Иловайскаго и, отобравъ по соображенію онаго мнѣнія донскихъ членовъ, на счетъ одобренія его вполнѣ, или въ частности, или отверженія онаго, записать мнѣнія сіи въ журналѣ, а потомъ потребовать отъ атамана на письмо его поясненія, если таковое имѣетъ. Журналы же комитета по сему предмету представлять всякій разъ его величеству на усмотрѣніе".

30-го ноября 1826 г. удаленъ отъ должности правителя дѣлъ ко-

митета донской полковникъ Шумковъ, а на его мѣсто назначенъ военный совѣтникъ Вахрушевъ (не изъ войсковыхъ уроженцевъ).

7-го іюня 1827 г. послѣдовалъ указъ объ увольненіи Иловайскаго отъ должности войсковаго атамана, и на его мѣсто назначенъ генерал-маіоръ Кутейниковъ съ званіемъ „наказнаго атамана".[1])

Иловайскій обвиненъ въ допущеніи по войску донскому безпорядковъ и, даже, злоупотребленій. Для производства строгаго слѣдствія по этому обвиненію командированъ на Донъ генерал-лейтенантъ графъ Гурьевъ и, при немъ, жандармскій полковникъ Шаминъ и нѣсколько чиновниковъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ 1827 г. Чернышевъ уже былъ графомъ, товарищемъ начальника главнаго штаба его величества, сенаторомъ и управляющимъ военнымъ министерствомъ, оставаясь въ тоже время предсѣдателемъ „комитета объ устройствѣ донскаго войска".

Предъ увольненіемъ Иловайскаго отъ должности войсковаго атамана, мы встрѣчаемъ въ архивѣ еще слѣдующую, высочайше одобренную записку Чернышева, по поводу вышеприведенной всеподданнѣйшей записки Иловайскаго, поданной имъ государю 10-го августа 1826 года:

„По управленію донскаго войска издавна укоренились: произволъ мѣстной власти, совершенная безотчетность и повсемѣстный непорядокъ, открытые въ комитетѣ съ 1819 г. и подробно изложенные въ докладѣ его 1823 г., извѣстномъ вашему величеству.

„Бывшему атаману Иловайскому, присутствовавшему въ комитетѣ съ 1820 года, въ полномъ пространствѣ были извѣстны, какъ обнаруживаемыя по войску злоупотребленія, такъ и предположенныя мѣры для прекращенія оныхъ.

„По точной силѣ таковаго высочайшаго соизволенія (указъ 27-го января 1821 г. о назначеніи его атаманомъ), отъ времени вступленія г. Иловайскаго въ управленіе войскомъ донынѣ, надлежало ожидать ощутительныхъ успѣховъ во всемъ томъ, что относилось къ постепенному водворенію порядка, улучшенію хозяйства и къ устраненію произвольныхъ дѣйствій, тѣмъ справедливѣе, что ему совершенно были открыты всѣ невыгоды прежняго состоянія войска и всѣ предположенія объ отвращеніи оныхъ.

---

[1]) Тогда званіе «наказнаго атамана», по значенію власти, соотвѣтствовало званію войсковаго атамана, если послѣдній не находился въ войскѣ. Впослѣдствіи времени, и именно съ 2-го октября 1827 г., когда атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ, атаманы каждаго казачьяго войска получили названіе «Войсковой наказный атаманъ». Н. К.

„Но шестилѣтній опытъ, къ сожалѣнію, не оправдываетъ сего ожиданія, ибо по всѣмъ частямъ управленія замѣчаются тѣже непорядки, какіе существовали прежде, особенно по войсковому хозяйству, которое находится въ крайнемъ разстройствѣ.

„Я приведу здѣсь нѣкоторыя черты, свидѣтельствующія сію истину:

„а) Войсковое начальство, по однимъ важнымъ предметамъ приспособляло дѣйствія свои къ предположеніямъ комитета,—да и то съ уклоненіемъ къ личнымъ видамъ,—именно: по производству въ чины и увольненію въ отставку; по прочимъ же частямъ управленія сего и не начинало.

„б) Оно не только не заботилось увеличивать способы для составленія капиталовъ,—военнаго и вспомогательнаго,—предназначенныхъ комитетомъ для обезпеченія всѣхъ военныхъ надобностей и для пособія офицерамъ и казакамъ при выходахъ на службу; но не обратило на сіе и вниманія. Не помышляло также ни о сбереженіи здоровья служащихъ съ полками, посредствомъ приготовленія собственныхъ лекарей; ни о снабженіи казаковъ однокалиберными ружьями; мѣры же, предписанныя для размноженія станичныхъ конскихъ табуновъ, приводило въ исполненіе безъ должнаго соблюденія пользы казаковъ.

„в) Судебныя мѣста по войску обременены множествомъ нерѣшенныхъ дѣлъ и арестантовъ.

„По занятію всѣхъ внутреннихъ должностей въ войскѣ одними природными донскими чиновниками, вліяніе прокурора и стряпчихъ на успѣшное и правильное теченіе дѣлъ нигдѣ столько не нужно, какъ на Дону; но бывшіе тамъ прокуроры или оставались безгласными, или искали случаевъ, чтобы удалиться оттуда. Причиною сему то, что къ званію прокурора нѣтъ никакого уваженія и, если онъ безпристрастно исполняетъ долгъ свой, тогда подвергается различнымъ оскорбленіямъ и дѣйствію гнусной клеветы предъ его начальникомъ.

„Войсковое начальство, въ продолженіи 6-ти лѣтъ, не предпринимало труда обозрѣть окружныя мѣста и станицы, повѣрить мѣстное управленіе и узнать настоящее положеніе жителей. Начальникъ же войска, слишкомъ 5 лѣтъ остававшійся спокойнымъ, не прежде іюля 1826 года сдѣлалъ вопросъ: чѣмъ онъ долженъ руководствоваться при обозрѣніяхъ войска, которыхъ и не начиналъ?

„г) Войсковое хозяйство управляется произволомъ. Общіе расходы, простиравшіеся ежегодно до 500 т. руб., возрасли въ 1824 году болѣе 600 т., а въ 1825 около 900 т., тогда какъ ничего особеннаго по войску не сдѣлано... по частнымъ свѣдѣніямъ, взято изъ войсковыхъ суммъ до 68 т. р., подъ предлогомъ поѣздки атамана въ Москву и въ Петербургъ, безъ всякаго отъ начальства позволенія и, несмотря на

то, что при вызовѣ сюда атамана и членовъ комитета въ 1823 году, разрѣшено было всѣмъ имъ употребить не свыше 10,000 рублей.

„Построекъ не сдѣлано, несмотря на израсходованіе 200,000 р. и на употребленіе для этого двухъ рабочихъ полковъ.

„д) отъ станицъ отобраны, безъ всякаго отчета, станичные капиталы, простиравшіеся до 500,000 рублей.

„е) Ни начальникъ войска, ни войсковая канцелярія, во всѣ послѣднія 6 лѣтъ, не представляли никуда и никакихъ за управленіе свое отчетовъ, кромѣ обыкновенныхъ рапортовъ о прибыли и убыли служащихъ офицеровъ и казаковъ, не взирая, что, по предположеніямъ комитета, они обязаны давать ежегодные отчеты на общемъ основаніи.

„ж) Донской комитетъ, по окончаніи начертанія своего о распредѣленіи войсковыхъ земель, требовалъ отъ войсковой канцеляріи, дабы, до утвержденія проекта „Новаго положенія", раздача и заимка земель были пріостановлены. Но, по частнымъ свѣдѣніямъ, требованіе сіе не исполнялось, и какъ самъ Иловайскій, такъ и дежурный штабофицеръ его, Шумковъ, первые нарушили сіе, принятое по войску правило, а за ними воспользовались заимкою земель и другіе; между тѣмъ, нѣкоторымъ заслуженнымъ и имѣвшимъ право на полученіе земли чиновникамъ, было отказано по силѣ означеннаго требованія комитета.

„з) Столь невыгодное положеніе войска не могло не обращать на себя справедливаго вниманія; но ни донской комитетъ, ни предсѣдатель его не имѣли никакого гласнаго вліянія на дѣйствія войскового начальства и могли проникать въ истину по однимъ недостаточнымъ свѣдѣніямъ, кои иногда получались отъ того же начальства.

„Надлежало выжидать удобнаго случая, для полученія отъ войскового начальства положительныхъ объясненій, дабы съ основательностью можно было обнаружить существующій непорядокъ.

„Но когда случай сей представился, то генералъ-лейтенантъ Иловайскій, за всѣми настоятельными вопросами комитета, не далъ оному никакихъ свѣдѣній ни о состояніи войсковыхъ доходовъ и расходовъ, ни о сбереженіяхъ, какія за управленіе его сдѣланы для будущихъ построекъ и заведеній, ни о цѣлости суммъ, предназначенныхъ для составленія войсковыхъ капиталовъ.

„Такимъ образомъ, полезная цѣль высочайшаго указа, 27-го января 1821 года, о пріуготовленіи войска къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія", въ главнѣйшихъ основаніяхъ доселѣ не достигнута и войсковое управленіе представляется теперь не лучше того, какъ

было до учрежденія комитета, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые приведены въ исполненіе по особеннымъ высочайшимъ разрѣшеніямъ".

Затѣмъ Чернышевъ, „въ видѣ мѣръ исправленія", предлагаетъ въ своей запискѣ: „постепенно вводить нѣкоторые пункты положенія до просмотра его въ государственномъ совѣтѣ." Большую часть этихъ мѣръ тогда же высочайше повелѣно было привесть въ исполненіе назначенному въ званіе наказнаго атамана, генерал-маіору Кутейникову.

Записку эту Чернышевъ заканчиваетъ такъ:

„Всѣ изложенныя здѣсь мѣры, не измѣняя ни въ чемъ существующаго въ войскѣ управленія и формы дѣйствій, постепенно ознакомятъ его съ порядкомъ, хозяйственною бережливостью и строгою отчетностью; нечувствительно утвердятъ ихъ во всѣхъ отрасляхъ сего управленія и, пресѣкая укоренившіяся злоупотребленія и своевольства, дѣйствительно могутъ приуготовить всѣ части къ удобнѣйшему введенію „Новаго положенія", коль скоро удостоятся онѣ высочайшаго утвержденія, ибо тогда проектъ сей не будетъ уже ни для кого новымъ и затруднительнымъ, но всѣмъ извѣстенъ и понятенъ".

По произведенному графомъ Гурьевымъ слѣдствію, преданы суду: Иловайскій; бывшій при немъ дежурнымъ штаб-офицеромъ, полковникъ Шумковъ, и командиры двухъ рабочихъ донскихъ полковъ (учрежденныхъ для устройства города Новочеркаска), полковникъ Егоровъ и подполковникъ Балабинъ. По рѣшенію суда, Иловайскій, Шумковъ и Егоровъ—уволены отъ службы, а Балабинъ лишенъ чиновъ.

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій долженъ быть причисленъ къ замѣчательнымъ личностямъ въ средѣ донцовъ: онъ отличался храбростію и распорядительностію въ битвахъ съ непріятелемъ, что свидѣтельствуютъ имѣвшіеся у него ордена св. Георгія 4 и 3-го классовъ и золотая сабля, украшенная алмазами, а облеченный въ званіе войскового атамана, онъ обратилъ особенное вниманіе на отсталость донцовъ въ условіяхъ общественной жизни: началъ устроивать у себя вечернія собранія съ танцами, и охотно самъ посѣщалъ подобныя же собранія у извѣстныхъ новочеркаскихъ жителей; выписалъ весьма порядочную труппу актеровъ; заботился объ улучшеніи путей сообщенія въ городѣ, улицы котораго въ дождливую пору были непроходимы отъ растворяющагося глинистаго грунта; способствовалъ къ безмездному снабженію жителей города здоровою водою устройствомъ находящагося близъ его дома ключа, который и до сихъ поръ извѣстенъ отличнымъ качествомъ воды и носитъ названіе „Иловайскаго колодца".

Въ запискахъ одного изъ современниковъ атаманства Алексѣя Ва-

сильевича Иловайскаго находимъ слѣдующія слова: „атаманство Иловайскаго дало новый характеръ жизни донскихъ казаковъ. До Платова—господствовало на Дону старинное житье-бытье, со всѣми строгими требованіями патріархальности: точное посѣщеніе всѣхъ церковныхъ службъ отъ начала ихъ до конца; неукоснительное соблюденіе постовъ; непремѣнное поздравленіе служебныхъ, уважаемыхъ и родственныхъ лицъ съ праздниками и имянинами; молчаливое или разгульное препровожденіе времени въ кругу семействъ и близкихъ родныхъ. При Платовѣ—стали являться нѣкоторыя нововведенія въ общественной жизни донцовъ: конскія скачки и волтижированія; большія охоты на волковъ, зайцевъ и лисицъ; народные праздники съ призами на мачтахъ, и прочія тому подобныя. Иловайскій—сталъ вводить разумное подражаніе жизни губернскихъ городовъ, вечернія собранія, танцы, театральныя зрѣлища и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ развивать неизвѣстную дотолѣ у насъ роскошь: драгоцѣнныя вещи и дорогіе уборы дамъ, щегольскіе экипажи и упряжь, изысканныя угощенія; самъ онъ всему этому подавалъ примѣръ, выѣзжая по городу торжественно, въ предшествіи полиціймейстера и въ сопровожденіи конвоя отъ атаманскаго полка и нѣсколькихъ адъютантовъ; но, при Иловайскомъ было также поощреніе и всякому образованному донцу: въ штабѣ его была лучшая наша молодежь — Сухоруковъ, Селивановъ, Кушнаревъ, Кучеровъ, Колесниковъ и другіе университетскіе питомцы".

Алексѣй Васильевичъ Иловайскій оставилъ послѣ себя трехъ сыновей и одну дочь. Первые два сына: полковникъ Василій Алексѣевичъ и штаб-ротмистръ л.-гв. казач. полка Николай Алексѣевичъ недолго жили послѣ смерти отца; нынѣ остались только—младшій сынъ, есаулъ Александръ Алексѣевичъ и дочь, Платонида Алексѣевна, въ замужствѣ за донскимъ генерал-лейтенантомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Жировымъ.

Н. И. Красновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

V.[1])

Я помню еще то патріархальное время нашего закулиснаго міра, когда артисты, вмѣсто нынѣшнихъ такъ называемыхъ разовыхъ (т. е. поспектакльной платы), получали каждый вечеръ просто по двѣ восковыя свѣчки, которыя обыкновенно они и зажигали у собственнаго своего зеркальца;[2]) тогда въ довольно обширной уборной стояло только одно большое зеркало, а потому физически невозможно было всѣмъ воспользоваться имъ для своего туалета и гримировки. Само собою разумѣется, что не всѣ же артисты безъ исключенія получали эти поспектакльныя свѣчки, было много и такихъ, которыхъ игра, какъ говорится, не стоила свѣчь.

Помню я, какъ нѣкоторые изъ актеровъ, которые относились къ своей личности не слишкомъ кокетливо, предлагали эти свѣчки своимъ товарищамъ съиграть на узелки; иные же, изъ экономіи, зажигали одну только свѣчку, а другую сберегали для домашняго обихода. Нынѣшняя поспектакльная плата, конечно, очень выгодна для артистовъ; особенно для тѣхъ, у кого большой репертуаръ, но если взглянуть съ нравственной точки зрѣнія, то

---

[1]) См. другія главы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина»: А. С. Грибоѣдовъ («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; изд. 1873 г., т. VII, стр. 146—179; т. VIII, стр. 306—333; изд. 1874 г., т. IX, стр. 732—753). Ред.

[2]) Французское feu, вѣроятно, ведетъ отсюда свое техническое начало. П. К.

эта поденная плата много приноситъ вреда искуству; для этой приманки иной первоклассный артистъ хлопочетъ не о качествѣ, а о количествѣ своихъ ролей. Корыстолюбивый разсчетъ заставляетъ его иногда брать па себя ничтожныя роли, отнимая таковыя у второстепенныхъ актеровъ, которые получаютъ незначительную плату въ сравненіи съ нимъ и тѣмъ, конечно, возбуждаетъ справедливое негодованіе съ ихъ стороны. Короче — это закулисное яблоко раздора. О немъ многое можно бы было сказать, но зачѣмъ? Я пишу не современныя записки, а вспоминаю старину.

Начало поспектакльной платы въ нашей драматической труппѣ относится къ далекому прошлому. Въ концѣ 1810-хъ годовъ знаменитая трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова первая начала получать ее и вотъ по какому поводу: эта артистка, при громадномъ ея талантѣ, была немного лѣнива, а подъчасъ и капризна, такъ что зачастую, подъ предлогомъ болѣзни, отказывалась отъ своей должности; отчего, разумѣется, страдалъ и репертуаръ, и выгоды дирекціи. Чтобы какъ-нибудь заинтересовать актрису съ матеріальной стороны, дирекція, при возобновленіи ея контракта, увеличивъ окладъ ея жалованья, включила въ условіе: съиграть не менѣе опредѣленнаго числа спектаклей въ продолженіи года, получая за каждое представленіе добавочную сумму, такъ что чѣмъ бы болѣе она съиграла, тѣмъ болѣе получила бы вознагражденія. Эта мѣра имѣла обоюдную пользу, потому что Семенова пользовалась любовью публики и появленіе ея на сценѣ давало почти всегда полные сборы. Вотъ съ этого-то времени и началась у насъ поспектакльная плата. Примѣръ Семеновой побудилъ и другихъ первоклассныхъ артистокъ заключать съ дирекціей контракты на тѣхъ же условіяхъ.

Здѣсь я посвящу нѣсколько строкъ памяти этой геніальной артистки, которая, конечно, должна занять почетное мѣсто въ исторіи рускаго театра. Екатерина Семеновна Семенова воспитывалась въ Театральномъ училищѣ, которое было основано въ царствованіе императрицы Екатерины II, при содѣйствіи знаменитаго артиста Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго въ 1779 году. Оно находилось тогда въ Большой Милліонной, подлѣ Зимняго дворца, гдѣ теперь преображенскія казармы. Это зданіе называлось въ то время лейб-компанскимъ корпусомъ.

Екатерина Семеновна, будучи еще воспитанницею, дебютировала (въ 1803 году, 3-го февраля) въ комедіи «Нанина», подъ руководствомъ Дмитревскаго, который занималъ тогда должность учителя драматическаго искуства; второй ея дебютъ былъ въ 1804 году, въ трагедіи «Ермакъ» (сочиненіе актера Плавильщикова), въ роли Ирты, которую она приготовляла при содѣйствіи самого автора. Слѣдующіе ея дебюты были въ трагедіяхъ: «Эдипъ въ Аѳинахъ»—Озерова, въ томъ же году, и въ «Росславѣ», сочиненіе Княжнина въ 1805 году; въ первой она играла Антигону, во второй—Зафиру; обѣ эти роли она приготовляла подъ руководствомъ кн. Шаховскаго.

Съ появленіемъ трагедій Озерова сценическіе успѣхи Семеновой стали быстро возрастать и вскорѣ она могла, по справедливости, назваться любимицей публики. Въ этотъ періодъ времени она оставила прежняго своего учителя, кн. Шаховскаго, и проходила свои роли съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ (извѣстнымъ переводчикомъ Иліады). Этотъ высокообразованный литераторъ, строгій эллинистъ и классикъ много способствовалъ своими умными совѣтами развитію ея природнаго таланта.

Въ 1807 году поступила на сцену Марія Ивановна Валберхова (дочь балетмейстера), новая ученица Шаховскаго, и дебютировала также въ роли Антигоны. Хотя эта умная и образованная актриса и не имѣла средствъ, необходимыхъ для трагическихъ ролей, но кн. Шаховской, во что бы то ни стало, силился создать изъ нее опасную соперницу оставившей его ученицѣ. Тутъ истые театралы раздѣлились на два враждебные лагеря: начальство, въ главѣ котораго былъ тогда Шаховской, поддерживало одну, а публика—другую.

Эта партизанская война продолжалась года четыре, но наконецъ, въ одно изъ представленій трагедіи: «Китайская Сирота», переведенной кн. Шаховскимъ, Валберхова была ошикана, и въ 1811 году сошла со сцены.[1])

Съ этого года по 1820 годъ Семенова безраздѣльно пер-

[1]) Въ 1815 году она вновь поступила на службу и дебютировала въ комедіи кн. Шаховскаго, подъ названіемъ: «Липецкія воды», имѣвшей огромный успѣхъ въ свое время; съ тѣхъ поръ она заняла первыя роли въ комедіи, но уже не имѣла притязанія соперничать съ Семеновой. П. К.

венствовала въ трагедіяхъ. Въ этотъ послѣдній годъ, по причинѣ какихъ-то неудовольствій съ тогдашнимъ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, она не хотѣла продолжать своей службы и вышла въ отставку.

Въ 1822 году, когда вмѣсто Тюфякина занялъ должность директора Майковъ, она снова поступила на сцену и играла въ первый разъ роль Клитемнестры въ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ бенефисъ прежней своей соперницы, Валберховой, что, конечно, дѣлаетъ большую честь ея доброму сердцу. Около этого времени скончался отецъ Валберховой, оставя огромное семейство безо всякихъ средствъ; жены своей лишился онъ задолго еще до своей кончины и такимъ образомъ главой осиротѣлой семьи осталась старшая его дочь, Марія Ивановна, которая впослѣдствіи замѣнила чадолюбивую мать своимъ братьямъ и сестрамъ.[1]) Я живо помню этотъ замѣчательный спектакль: восторгъ публики, при появленіи Семеновой на сцену, былъ необычайный; сборъ, по тому времени, небывалый: онъ простирался до 12-ти тысячъ ассигнаціями.

Въ моей памяти не только сохранились всѣ лучшія роли изъ ея репертуара, но я самъ удостоился чести играть вмѣстѣ съ нею.

Въ 1825 году была переведена съ французскаго трагедія: «Габріель де-Вержи». Покойный братъ мой игралъ роль графа Фаэля, мужа Габріели, а я (по назначенію Екатерины Семеновны) исполнялъ роль графа де-Куси, возлюбленнаго Габріели. Мнѣ въ то время было лѣтъ 19-ть, а ей далеко уже за 40, но она и тогда еще не утратила своей изящной красоты. Вообще природа надѣлила ее рѣдкими сценическими средствами: строгій благородный профиль ея красиваго лица напоминалъ древнія камеи; прямой, пропорціональный носъ, съ небольшимъ горбомъ, каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, умѣренный ротъ,—все это вмѣстѣ обаятельно дѣйствовало на каждаго, при первомъ взглядѣ

---

[1]) Эта безупречной честности женщина и добросовѣстная артистка, по справедливости, заслужила всеобщее уваженіе: она въ цвѣтущей своей молодости добровольно отказалась отъ брачнаго союза для своего семейства и вся жизнь ея была посвящена заботамъ и нѣжнымъ попеченіямъ о своихъ родныхъ. Она скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, искренне оплакиваемая родными и близко знавшими ее. П. К.

на нее. Контральтовый, гармоничный тембръ ея голоса былъ необыкновенно симпатиченъ и въ сильныхъ патетическихъ сценахъ глубоко проникалъ въ душу зрителя. Въ греческихъ и римскихъ костюмахъ она бы могла служить скульптору великолѣпной моделью для воспроизведенія личностей: Агрипины, Лукреціи или Клитемнестры. Но вотъ въ чемъ еще важная заслуга нашей русской артистки: знаменитая Рашель играла въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, звучные и плавные стихи которыхъ и теперь еще цитируютъ, какъ образецъ классической версификаціи, а наша Семенова играла эти самыя пьесы въ переводахъ Лобанова, Поморскаго или, что еще хуже, графа Хвостова. Признаться, надо было много имѣть таланта, чтобы, произнося на сценѣ такія дубоватыя вирши, приводить въ восторгъ зрителей своею игрой. Это все равно, еслибъ теперь, напримѣръ, заставить геніальную Патти пропѣть дикую ораторію абиссинскаго маэстро.....

Приведемъ для образчика нѣсколько этихъ неудобо-выговариваемыхъ стиховъ:

Герміона, въ трагедіи «Андромаха», перев. гр. Хвостова.

Гдѣ я? что дѣлаю? что дѣлать остается?
Почто сей жаръ въ груди? почто такъ сердце рвется?
Я по чертогамъ симъ, скитаючись, бѣгу...
Люблю, иль злобствую—сама знать не могу.

или:

Держа въ рукѣ кинжалъ, въ себя вонзила мечъ!

А вотъ стихи изъ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ переводѣ Лобанова, который тогда считался лучшимъ переводчикомъ:

О змѣй, ужаснѣйшій Мегеры лютыхъ чадъ,
Чудовище, что къ намъ извергнулъ въ гнѣвѣ адъ!
И небо не гремитъ и зрю ее не мертву,
Но гдѣ, несчастная, найти мечтаю жертву?

или, въ той же трагедіи:

Мой духъ трепещетъ!
То кровь царя боговъ, что громъ съ Олимпа мещетъ

Федра, Клитемнестра, Медея, Семирамида, Камилла (въ Гораціяхъ), Антигона и Меропа были торжествомъ таланта Е. С. Семеновой.

Не знаю почему, но одно мѣсто въ трагедіи «Медея» такъ сильно на меня подѣйствовало, такъ глубоко врѣзалось въ моей памяти, что даже, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, я, какъ теперь ее вижу, слышу звукъ ея обаятельнаго голоса: это было именно послѣднее явленіе въ 5-мъ актѣ, когда Медея, зарѣзавъ своихъ дѣтей, является въ иступленіи къ Язону: въ правой рукѣ она держитъ окровавленный кинжалъ, а лѣвой — указываетъ на него, вперивъ свирѣпые глаза въ измѣнника и говоритъ ему:

«Взгляни... вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!»

Этотъ стихъ, произнесенный ею, постоянно производилъ потрясающее дѣйствіе на зрителей и вызывалъ громъ рукоплесканій. Здѣсь мнѣ пришло на память одно грустное происшествіе, случившееся съ Семеновой въ Москвѣ, которую она не разъ посѣщала.

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ назначена была, для перваго выхода Екатерины Семеновны трагедія «Семирамида». Разумѣется, за нѣсколько дней до представленія, всѣ билеты были разобраны нарасхватъ; но наканунѣ этого спектакля московскій актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ, однако, поутру на репетицію и предупреждалъ режисера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режисеръ бросился къ директору съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно пріѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни зачто не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ, съ своей стороны, пугнулъ бѣднягу и далъ ему замѣтить, что если изъ-за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозился отставить его отъ службы. Нечего дѣлать. Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ покорился необходимости: кое-

какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду и, какъ гладіаторъ, пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства.

Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталъ...... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ-за кулисъ всѣ бросились къ нему... но... онъ уже покончилъ свою жизненную драму!.. апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни.

Можно себѣ представить, какой потрясающій эфектъ произвела въ театрѣ эта роковая катастрофа.

Мертвеца отнесли въ уборную и совлекли съ него мишурное облаченіе.

Тотъ же эскулапъ, который поутру не предвидѣлъ ничего опаснаго въ болѣзни, пустилъ ему кровь, но никакія медицинскія мѣры не могли возвратить жизни бѣдному труженику.

Публика болѣе четверти часа оставалась въ недоумѣніи; наконецъ пришли ей возвѣстить, что спектакль, по внезапной болѣзни актера Кондакова не можетъ быть оконченъ. Начался, конечно, шумъ, говоръ, суматоха: кто требовалъ назадъ деньги, кто спрашивалъ капельдинеровъ: можно-ли оставить билеты до будущаго представленія «Семирамиды»; нашлись, можетъ быть, и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ. Впрочемъ, подробныя послѣдствія этого злополучнаго спектакля мнѣ неизвѣстны; но вотъ еще какая драма разыгралась за кулисами послѣ этой неоконченной трагедіи. Товарищи Кондакова, чтобы не испугать его жены и семейства, рѣшились оставить его трупъ до утра въ театрѣ, положили его въ уборной на столъ, покрыли простыней и зажгли на другомъ столѣ лампадку. Послѣ «Семирамиды» назначенъ былъ дивертисментъ, въ которомъ слѣдовало участвовать танцовщику Лобанову; онъ давалъ тогда уроки танцованія во многихъ домахъ, такъ точно и въ этотъ вечеръ занятъ былъ гдѣ-то на урокѣ, и разсчитывая, что представленіе «Семирамиды» продолжится, по крайней мѣрѣ, часа три, не торопился на службу. Вотъ, часовъ около 10-ти, отправляется онъ спокойно на извощичьей клячѣ въ театръ, но вдругъ издали замѣчаетъ, что вокругъ театра фонари погашены. У танцора душа ушла въ пятки. Онъ тузитъ въ спину своего ваньку, кри-

чить, чтобы тотъ скакалъ во всю мочь, и хоть онъ былъ въ разгоряченномъ состояніи послѣ своихъ уроковъ, но его бросило въ ознобъ отъ страха.

— Что это значитъ? думалъ онъ, неужели ужъ кончился спектакль? неужели я опоздалъ?! возможно-ли, чтобы такъ рано отыграли «Семирамиду»?

Съ ужасомъ онъ представляетъ себѣ, какая страшная гроза стряслась надъ его головой! Наконецъ онъ подъѣзжаетъ къ театру, кругомъ все пусто: ни будочниковъ, ни жандармовъ, нѣтъ даже ни одной театральной кареты у подъѣзда. Опрометью взбѣгаетъ онъ на верхъ. Повсюду тьма, ни одной живой души: не у кого спросить. Кое-какъ ощупью добрался онъ до своей уборной (именно той, гдѣ былъ положенъ покойникъ), отворилъ дверь; видитъ лежитъ кто-то на столѣ, закрытый простынею. Полагая, что это долженъ быть сторожъ (который, какъ на грѣхъ, въ это время вышелъ куда-то), онъ тормошитъ покойника и кричитъ ему:

— «Ѳадѣевъ, Ѳадѣевъ! проснись! вставай поскорѣе! Давно-ли кончился спектакль?»

Сдергиваетъ простыню и видитъ посинѣлаго мертвеца, со сложенными на крестъ руками, къ которымъ прислоненъ маленькій образокъ.

Легко вообразить себѣ, что было съ танцоромъ въ этотъ моментъ. Съ крикомъ бросился онъ изъ уборной, сбѣжалъ внизъ, за кулисами хватился лбомъ объ стѣну, едва могъ отыскать выходныя двери и, какъ полупомѣшанный, выбѣжалъ на улицу. Квартира его находилась довольно далеко отъ театра, но онъ шагу не могъ сдѣлать: ноги у него подкашивались, онъ готовъ былъ упасть у самаго подъѣзда. По счастію, извощику, который привезъ его, онъ, въ попыхахъ, забылъ отдать деньги, и тотъ ждалъ у подъѣзда его возвращенія. Кинувшись въ сани, онъ едва могъ выговорить, куда его везти. Послѣ этого происшествія бѣднякъ Лобановъ недѣль шесть пролежалъ въ горячкѣ и чуть не отправился вслѣдъ за виновникомъ своего паническаго страха.

Екатерина Семеновна окончательно оставила сцену въ началѣ 1826 года; вскорѣ послѣ того она вышла замужъ за сенатора, д. т. сов. кн. Ивана Алексѣевича Гагарина и переселилась на жительство въ Москву, гдѣ, будучи княгинею, иногда

играла на домашнихъ театрахъ. Овдовѣвъ, она нѣсколько разъ пріѣзжала въ Петербургъ и также участвовала раза два въ любительскихъ спектакляхъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ извѣстнаго тогда капиталиста, Александра Карловича Галлера. Послѣдній разъ, въ 1847 г, она рѣшилась съиграть для публики и приняла участіе въ спектаклѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ домѣ Энгельгардта, гдѣ теперь помѣщается купеческій клубъ. Всѣ эти спектакли мнѣ привелось видѣть.

Но, Боже мой! кѣмъ она была окружена! Это были трагики-любители, въ числѣ которыхъ первенствовалъ и, тряхнувъ стариной, свирѣпствовалъ нашъ мученикъ драматическаго искуства пресловутый Александръ Ивановичъ Храповицкій (о которомъ я упоминалъ въ прежнихъ отрывкахъ изъ моихъ записокъ). Понятное дѣло, каково ей было возиться съ такими Агамемнонами, Тезеями и Язонами. И все-таки, несмотря на окружающій ее персоналъ, на преклонныя ея лѣта (ей было тогда уже 62 года), были минуты, когда, какъ-будто прозвучатъ давно, давно знакомые мнѣ звуки ея дивнаго голоса, какъ-будто изъ-подъ пепла блеснетъ на мгновеніе искорка того божественнаго огня, который, во время ὸно, воспламенялъ эту великую художницу! Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ казалось, но молодежь, не видавшая этой геніальной артистки въ лучшую ея пору, насмѣшливо смотрѣла на эту верховную жрицу Мельпомены и говорила:

— Помилуйте, неужели эти развалины могли быть когда-нибудь знаменитостью?

Да, можетъ быть это были и развалины, но развалины Колизея, на которыя художники и теперь еще смотрятъ съ благоговѣніемъ.

Семенова скончалась въ 1849 году, отъ тифозной горячки, въ Петербургѣ, куда пріѣхала на время, по случаю какой-то семейной тяжбы, и нанимала скромную квартиру въ 3-мъ этажѣ, въ угловомъ домѣ, у Обухова моста, гдѣ она и жила вмѣстѣ съ старшей своею дочерью.

Похороны ея были также очень скромны и немноголюдны. Братъ мой, Александра Михайловна—жена его, Сосницкій, Брянскій, я и еще нѣсколько современныхъ ей артистовъ, конечно, за долгъ себѣ поставили проводить на кладбище эту великую художницу.

Но вотъ что осталось, по кончинѣ ея, странной и до сихъ поръ неразъясненной загадкой: состояніе Е. С. Семеновой, по словамъ близкихъ къ ней людей, простиралось до полутора милліона рублей ассигнаціями. Кромѣ ея собственнаго капитала, пріобрѣтеннаго ею въ продолженіи двадцати-лѣтней службы при театрѣ, покойный ея мужъ, еще при жизни своей, продалъ домъ свой—въ Большой Милліонной, дачу на Аптекарскомъ островѣ, огромное подмосковное имѣніе и всѣ деньги, полученныя отъ этой продажи, отданы были ей. Гдѣ этотъ капиталъ сохранялся, былъ-ли онъ положенъ въ банкъ, или ломбардъ? никто этого не могъ узнать. Если бы даже этотъ капиталъ былъ положенъ на имя неизвѣстной, какъ тогда зачастую дѣлалось, или былъ отданъ въ частныя руки, то куда же дѣвались билеты, росписки или квитанціи на такую огромную сумму? Короче сказать, ни духовнаго завѣщанія, ни денегъ, ни квитанцій нигдѣ не оказалось—все исчезло безъ всякого слѣда!

VI.

Лѣтъ за пять еще до построенія главнаго штаба, на этомъ самомъ мѣстѣ находился такъ называемый Кушелевскій театръ; вѣроятно онъ носилъ такое названіе по фамиліи прежняго домовладѣльца. На этомъ театрѣ, въ 13 и 14 годахъ, давались русскіе спектакли молодою труппою (какъ гласила афиша), подъ руководствомъ кн. Шаховского. Сосницкій, Брянскій, Рамазановъ, Боченковъ, Величкинъ, Воробьева (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Сосницкаго), Асенкова (мать Варвары Николаевны), Анна Матвѣевна Степанова (впослѣдствіи жена Брянскаго) и многіе другіе тутъ начали свою артистическую карьеру.

Въ концѣ 1814 г. Кушелевскій театръ былъ отданъ во владѣніе нѣмецкой труппѣ. Туда зачастую требовали воспитанниковъ Театральнаго училища (говоря технически) на выходъ, для изображенія пажей, пейзанъ, рыцарей и тому подобныхъ безсловесныхъ персонажей, въ числѣ которыхъ и я тогда участвовалъ. Помню я, что зрительная зала этого театра была очень некрасива: закоптѣлая позолота, грязныя драпри у ложъ, тусклая люстра, на сценѣ ветхія декораціи и кулисы, въ коридорахъ повсюду деревянныя лѣстницы, въ уборныхъ была постоянная копоть отъ неисправныхъ лампъ, наполненныхъ чуть-ли ни постнымъ масломъ.

Театральный подъѣздъ приходился прямо противъ главныхъ воротъ Зимняго дворца. Ничего не было для меня скучнѣе этихъ нѣмецкихъ спектаклей; особенно въ праздничные, или воскресные дни, въ которые насъ обыкновенно распускали изъ школы, а тутъ вдругъ потребуютъ на репетицію, гдѣ пробудешь часовъ до трехъ, а въ шесть надо было ѣхать въ спектакль; бывало едва успѣешь сбѣгать домой повидаться съ родными и кое-какъ, на̀-скоро пообѣдать.

Въ тогдашней нѣмецкой труппѣ были первыми артистами Гебгардтъ (трагикъ)—мужъ и жена, Вильде также mit seiner Frau; Линденштейнъ—mit seiner Frau (она была въ то время знаменитая пѣвица); Заценговенъ—mit seiner Frau, Циліаксъ—mit seiner Frau и другіе. Замѣчательно, что всѣ нѣмецкіе актеры того времени были женаты на актрисахъ, и, волей и неволей, должны были чуть не ежедневно изъясняться въ любви публично своимъ дражайшимъ половинамъ.

Поистинѣ тутъ нужно, какъ говорится, нѣмецкое терпѣніе и постоянство.

Часто мнѣ случалось, въ эти безконечные спектакли, просыпать часа два, или три, гдѣ-нибудь за кулисами, въ ожиданіи своего выхода. Тогда длинноту своихъ представленій артисты увеличивали совершеннымъ незнаніемъ ролей. Суфлеръ, безъ церемоніи, кричалъ имъ изъ своей будки чуть не вовсе горло. Можетъ быть эти артисты говорили и съ чувствомъ и съ толкомъ, только съ ужасной разстановкой. Естественно, что по этой причинѣ спектакли требовали вдвое болѣе времени.

У суфлера, какъ я замѣчалъ, тогда постоянно была подъ рукою бутылка пива, которою онъ, держа за горлышко, пользовался безъ помощи стакана во время перемѣны декорацій, безъ чего, конечно его собственное горло до того бы пересохло, что, наконецъ, онъ не могъ бы произнести ни одного слова.

Помню я, какъ въ этихъ спектакляхъ, за неимѣніемъ статистовъ и хористовъ, нанимали просто булочниковъ и колбасниковъ, которымъ платили обычную плату за вечеръ; и благородные рыцари, гранды или римскіе патриціи, по окончаніи спектакля, снявъ знаки своихъ достоинствъ, отправлялись месить тѣсто, или начинять блютвурсты. Еще мнѣ припоминается одинъ пошлый анекдотъ съ теноромъ Цейбихомъ. Этотъ пѣвецъ имѣлъ привычку

во время пѣнія до невозможности раскрывать свой большой ротъ. Однажды кто-то изъ зрителей, сидя въ креслѣ 1-го ряда (вѣроятно это былъ нашъ братъ-русакъ; видно по замашкѣ), принесъ съ собою въ театръ хлѣбныхъ шариковъ и такъ искусно съумѣлъ приловчиться, что во время какой-то длинной ферматы пустилъ незамѣтнымъ образомъ одинъ изъ хлѣбныхъ шариковъ прямо ему въ ротъ.

Бѣдный пѣвецъ оборвался на самой высокой нотѣ, закашлялся и долженъ былъ проглотить эту оскорбительную шутку; съ тѣхъ поръ онъ всегда старался отвертываться въ сторону, когда ему приходилось тянуть длинную фермату.

Нѣмецкая публика, въ то патріархальное время, была очень простодушна: мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть въ ложахъ, даже 1-го яруса, пожилыхъ зрительницъ въ простыхъ чепчикахъ, одѣтыхъ по домашнему, съ чулкомъ, или филейнымъ вязаньемъ въ рукахъ. Онѣ внимательно слѣдили глазами за всѣми движеніями артистовъ, не пропускали ни одного слова, если только, разумѣется, не случалось имъ самимъ спускать петель. Когда же происходило на сценѣ что-нибудь очень чувствительное, танти и муттерхены, положутъ, бывало, свое вязанье на барьеръ или себѣ на колѣни, сложутъ вмѣстѣ пальцы, глубоко вздохнутъ, поднимутъ глаза къ небу, потомъ поднимутъ очки на лобъ, утрутъ платкомъ слезы, высморкаются и снова примутся за свою работу.

VII.

Въ началѣ 1825 г. съ нашимъ театральнымъ кружкомъ сблизился капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде въ моихъ запискахъ.[1]) Очень часто я встрѣчалъ его въ домѣ кн. Шаховского. Это былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое то свирѣпое выраженіе: большіе черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью, сросшіяся густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его физіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, бле-

[1]) «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 301—303.

стѣли изъ-подъ усовъ его и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе. Любили мы съ братомъ слушать его любопытные разсказы о кавказской жизни и молодецкой, боевой удали. Эти разсказы были любимымъ его конькомъ, запасъ ихъ у него былъ неистощимъ. Онъ вполнѣ могъ назваться Демосѳеномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный; рѣчь его лилась какъ быстрый потокъ, безостоновочно; можно было подумать, что онъ свои разсказы прежде приготовлялъ и выучивалъ ихъ наизусть: каждое слово было на своемъ мѣстѣ и ни въ одномъ онъ никогда не запинался».

Если-бъ 14-го декабря (гдѣ онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ) ему довелось говорить народу, или, особенно, солдатамъ, онъ бы представительной своею личностію и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эфектовъ.

Мы, съ братомъ, нѣсколько разъ у него бывали; онъ жилъ тогда очень комфортабельно, у Краснаго моста, на углу Мойки; у него часто собиралось большое общество и мы встрѣчали тамъ многихъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи получили печальную извѣстность, подъ именемъ декабристовъ. У него бывали между прочими — Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ. Иногда, послѣ обѣда, кто-нибудь изъ гостей (а чаще другихъ Рылѣевъ) просили моего брата прочесть что-нибудь изъ театральныхъ пьесъ — и братъ часто декламировалъ лучшіе монологи изъ любимыхъ его трагедій и мастерскимъ чтеніемъ своимъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе. Помню я, какъ однажды, незадолго до роковаго 14-го декабря, мы сидѣли у Якубовича за обѣдомъ, вдругъ входитъ его деньщикъ и подаетъ ему пакетъ изъ главнаго штаба. Онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, шумный разговоръ умолкъ... Якубовичъ прочелъ бумагу и глаза его еще сильнѣе налились кровью. Онъ передалъ бумагу Рылѣеву, который сидѣлъ подлѣ него, къ нему наклонились другіе и читали молча, нѣкоторые переглянулись между собою и видимо были сильно переконфужены. Мы, не посвященные въ ихъ тайны, конечно, не могли тогда понять, какая причина была ихъ тревоги. Наконецъ Якубовичъ разразился полнымъ негодованіемъ. Дѣло было въ томъ, что дежурный гене-

ралъ прислалъ къ нему запросъ: почему онъ такъ долго остается въ Петербургѣ и не возвращается на Кавказъ? Вѣроятно срокъ его отпуска уже окончился. Якубовичъ скомкалъ бумагу и бросилъ ее на окошко.

— Чего еще имъ нужно отъ меня?!—вскричалъ онъ, развѣ они не знаютъ, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ на лбу моемъ не напечатана кровавая причина?

При этихъ словахъ онъ сорвалъ повязку съ своего лба, на которомъ широкій пластырь прикрывалъ его разбитый черепъ.

— Я могу имъ представить свидѣтельство отъ Арендта; онъ мнѣ здѣсь два раза дѣлалъ трепанацію. Что же ещё имъ надобно? Вѣдь я для царской же службы подставлялъ этотъ лобъ!..

Александръ Бестужевъ сострилъ что-то по этому случаю, всѣ расхохотались и бесѣда пошла по прежнему: шумно и весело, какъ ни въ чемъ небывало. Послѣ обѣда мы сѣли на диванъ и закурили трубки, а нѣкоторые изъ гостей, въ другой комнатѣ составили отдѣльные кружки и тихо начали разговаривать между собою.

Послѣ 14-го декабря намъ сдѣлалось все ясно, тутъ мы поняли, какое важное значеніе имѣла эта бумага, присланная изъ главнаго штаба, а тогда мы, конечно, ничего не могли заподозрить.

Въ концѣ ноября было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Это неожиданное событіе всѣхъ сильно поразило. Всѣ почти непритворно о немъ плакали; появились гипсовые его бюсты, портреты съ печальными эмблематическими изображеніями, траурныя кольца съ надписью: «Нашъ ангелъ на небесахъ», все это покупалось тогда на расхватъ. Прошли смутныя, тяжолыя двѣ недѣли междуцарствія, въ продолженіи которыхъ успѣли налитографировать портретъ Константина Павловича съ подписью: «Императоръ всероссійскій».

Приближалось грозное 14-е декабря...

Въ народѣ распространялись тревожные слухи, что общественное мнѣніе сильно раздѣлено относительно пріемника престола. На рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, разные городскія сплетни и нелѣпые толки; много было зловѣщихъ разсказовъ. Такъ и наша прислуга слышала гдѣ-то 13-го декабря, что завтра-де назначена войскамъ присяга и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Разумѣется, мы этому

ничему невѣрили и запретили нашей прислугѣ повторять такія нелѣпости.

Наступило утро роковаго дня; казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ: на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Въ этотъ день былъ имянинникъ нашъ директоръ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, который хотѣлъ справлять свои имянины у дочерей своихъ Азаревичевыхъ, жившихъ съ матерью въ казенной квартирѣ въ домѣ Голлидея, во 2-м этажѣ (въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и мы жили). Надъ ними была тогда квартира танцовщицы Екатерины Телешовой, которую генерал-губернаторъ, гр. Милородовичъ, довольно часто посѣщалъ. Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четверней, подъѣхала къ крыльцу со двора и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ вышелъ изъ нее и пошелъ, по обыкновенію, прежде на верхъ къ Телешовой, а потомъ обѣщалъ зайти на пирогъ къ имяниннику. Видя генерал-губернатора въ то утро совершенно спокойнымъ, мы тоже начали успокоиваться и были почти увѣрены, что нелѣпые вчерашніе слухи не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщіе городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа, по пріѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ, соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ на верхъ, въ квартиру Телешевой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъѣзду и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившіе на Офицерскую улицу и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго Экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ Балкашинъ. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: «ура!»

Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго обѣщала. Мы, съ братомъ, начали собираться со двора, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но матушка наша взяла съ насъ слово, чтобы мы далеко не ходили, чтобъ не совались въ толпу и были осторожнѣе. Мы пошли по Большой Морской и тутъ

встрѣтили Сосницкаго, который отправился вмѣстѣ съ нами; мимоходомъ втроемъ завернули мы къ Якубовичу, чтобъ отъ него, какъ отъ военнаго человѣка, что-нибудь узнать обо всей этой сумятицѣ. У него былъ приготовленъ на столѣ завтракъ, но онъ былъ видимо что-то не въ себѣ, въ какомъ-то тревожномъ состояніи. Якубовичъ поздоровался съ нами и сказалъ:

— Закусите, господа, да пойдемте вмѣстѣ на Сенатскую площадь; сегодня присяга, посмотримъ что тамъ дѣлается...

Но намъ нешелъ кусокъ въ горло, и мы отказались отъ завтрака. Онъ велѣлъ подать себѣ шенель и мы всѣ вышли на улицу. Съ Гороховой шла значительная часть Московскаго полка, также съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа разнаго сброду и особенно пропасть мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: «ура!» Якубовичъ пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ, вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворотя за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своей саблею. Мы взялись съ братомъ за руки, чтобъ толпа не оттерла насъ другъ отъ друга и пришли на Дворцовую площадь — и тамъ увидѣли новаго императора, въ полной парадной формѣ, передъ баталіономъ Преображенскаго полка. Онъ былъ блѣденъ, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшей робости, онъ торопливо отдавалъ какія-то приказанія своимъ адъютантамъ и окружавшимъ его генераламъ.

Все, видѣнное нами, до сихъ поръ была только шумная увертюра передъ той кровавой драмой, которая, черезъ часъ, должна была разъиграться на Сенатской площади. Со всѣхъ улицъ густыя толпы людей—всякаго званія и возраста—стекались ко дворцу и къ сенату. Тамъ скакала кавалерія; тутъ бѣжала пѣхота; дальше сверкали артилерійскія орудія. Вся эта обстановка предвѣщала близкую грозу и потому мы, съ братомъ, рѣшили лучше, по добру да по здорову, убраться во-свояси.

Братъ мой хотя и разъигрывалъ героевъ во многихъ народныхъ трагедіяхъ и площадныхъ мелодрамахъ, но представленіе на Сенатской площади было намъ обоимъ не по вкусу, и мы должны были оставить свое неумѣстное любопытство, за которое могли дорого поплатиться, потому что пуля-дура — не разбираетъ ни праваго, ни виноватаго.

На обратномъ пути мы увидѣли карету гр. Милорадовича, безъ кучера и форейтора; посторонніе люди вели лошадей подъ уздцы. Тутъ намъ сказали, что въ кучера и форейтора народъ бросалъ на площади полѣньями и избилъ ихъ, Богъ знаетъ за что.

Мы воротились домой часа въ два и разсказали отцу и матери все, что видѣли. День былъ пасмурный, перепадалъ легкій снѣгъ и къ тремъ часамъ значительно стемнѣло. Мы все сидѣли у окошекъ и видѣли безпрерывную суетню на улицѣ: то проскачетъ казакъ, то жандармъ, то фельдъегерь промчится во всю прыть. Часу въ четвертомъ, съ той стороны, гдѣ Сенатская площадь что-то мелькнуло и черезъ нѣсколько секундъ раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ — другой, третій и въ нашихъ сердцахъ болѣзненно отозвались эти зловѣщіе выстрѣлы. Матушка наша перекрестилась и заплакала. Тутъ кто-то изъ нашихъ знакомыхъ прибѣжалъ къ намъ прямо съ площади и сказалъ, что гр. Милорадовичъ смертельно раненъ и что въ бунтовщиковъ стрѣляли картечью. Матушка наша никого изъ домашнихъ не отпускала отъ себя. Обѣденный столъ давно былъ накрытъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходило пойти въ столовую и мы цѣлый вечеръ провели въ мучительномъ безпокойствѣ и неизвѣстности. Едва только совсѣмъ смерклось, какъ начали показываться казацкіе патрули по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Казакамъ было приказано разгонять народъ, если онъ будетъ собираться кучками или толпою.

Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры и нѣкоторые части войска оставались тамъ до утра; около дворца ночевала артилерія съ заряженными пушками, по другимъ улицамъ разставлены были пикеты. На другой день, очень рано я, съ братомъ, пошелъ на Сенатскую площадь и мы увидѣли кровавые слѣды вчерашней драмы. Въ сенатѣ оконочныя стекла и рамы втораго этажа были разбиты въ дребезги. Говорили, что покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, желая избѣгнуть пролитія крови, приказалъ артилеристамъ сдѣлать первый выстрѣлъ по верху; но тутъ было нѣсколько невинныхъ жертвъ неумѣстнаго любопытства: иные зѣваки, которые забрались на балконъ, чтобы оттуда взглянуть, что дѣлалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы, съ братомъ, въ то утро сами

видѣли кровавыя пятна на стѣнѣ и на нѣкоторыхъ колоннахъ. Около сената, во многихъ мѣстахъ, снѣгъ былъ смѣшанъ съ кровью; остатки ночныхъ костровъ чернѣлись повсюду. Конногвардейскіе отряды разъѣзжали по главнымъ улицамъ. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ унтер-офицера о князѣ Одоевскомъ, который былъ тогда корнетомъ въ этомъ полку. Унтеръ какъ-то подозрительно взглянулъ на меня и грубо отвѣчалъ мнѣ:

— Ты спрашиваешь: гдѣ князь Одоевскій? Ну, гдѣ онъ будетъ еще Богъ вѣсть!

Братъ мой взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ ты тутъ суешься? Видишь, стало быть, и бѣдный князь попался.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій былъ другомъ Грибоѣдова и мы у него въ дому познакомились съ нимъ. Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ; онъ былъ очень красивой наружности, прекрасно образованъ, кроткаго и добраго характера, но энтузіастъ, съ пылкимъ воображеніемъ, его легко было увлечь въ заговоръ. Шиллеръ былъ его любимымъ поэтомъ и вообще онъ восхищался нѣмецкой литературой. Въ роковой вчерашній день онъ оставилъ свой полкъ и перешелъ въ ряды бунтовщиковъ.

По слѣдствію оказалось, что онъ уже полгода назадъ сдѣлался членомъ тайнаго общества.

Розыски и допросы слѣдственной комисіи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Часто случалось намъ, въ продолженіи этого времени, видѣть фельдъегерскую тройку съ какимъ-нибудь несчастнымъ, котораго везли къ допросу изъ-за заставы; или, иногда, подъ вечеръ стоявшую наемную карету у крыльца какого-нибудь дома, откуда выходилъ человѣкъ, закутанный въ шубу, или шинель, садился съ жандармскимъ офицеромъ въ карету, а жандармъ помѣщался на козлахъ или на запяткахъ. Тяжолое, грустное было время.

Могло-ли намъ, съ братомъ, придти въ голову, что за нѣсколько недѣль до 14-го декабря мы обѣдали въ кругу главныхъ двигателей заговора. Матушка наша долго была въ тревожномъ состояніи, опасаясь, чтобъ намъ не пришлось несолоно похлебать

за эти обѣды и чтобы и насъ не позвали къ допросу за́ компанію, но, слава Богу, этого не случилось.

Однажды (это было уже въ августѣ мѣсяцѣ, 1826 года) къ намъ пришелъ деньщикъ Якубовича и сказалъ брату, что его господинъ приказалъ доставить ему, на память, волтеровскія сафьяныя кресла. Матушка дѐ смерти перепугалась и не хотѣла слышать объ этомъ подаркѣ.

— Сохрани тебя Господи, Базиль, брать эти кресла, говорила она ему; можетъ быть въ нихъ запрятаны какія-нибудь бумаги, которыя могутъ тебя погубить!

Братъ хоть и посмѣялся этому предположенію, но не взялъ креселъ, чтобъ успокоить матушку. Мы стали разспрашивать деньщика, когда и какъ былъ арестованъ Якубовичъ и онъ намъ все подробно разсказалъ. Поздно вечеромъ 14-го декабря, Якубовичъ воротился домой, тотчасъ же зарядилъ карабинъ и поставилъ его на окошко, потомъ велѣлъ нà-крѣпко запереть двери съ подъѣзда и рѣшительно никого не впускать къ нему. Часу въ первомъ ночи пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ, съ жандармами, и требовалъ, чтобъ его впустили; ему долго не отворяли дверей, но когда онъ грозился ихъ выломать, Якубовичъ приказалъ отпереть двери. Всѣ бумаги его были забраны и сложены въ наволочку и онъ безпрекословно позволилъ взять себя.

Тутъ его деньщикъ простодушно прибавилъ:

— Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они изволили зарядить карабинъ? Онъ такъ, нетронутый, и остался на окошкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ Якубовича былъ очень загадоченъ; никто, конечно, не сомнѣвался въ его храбрости; и, глядя на его воинственную личность, казалось бы что этому человѣку — жизнь ни почемъ, но, быть можетъ, онъ еще надѣялся оправдаться, а можетъ быть у него просто не хватило духу — пустить себѣ пулю въ лобъ, несмотря на то, что черкеская пуля уже проложила туда дорогу.

Долго еще послѣ 14-го декабря ходили по городу разные анекдоты и разсказы—и въ драматическомъ и комическомъ родѣ; такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что увлеченные къ бунту солдаты положительно не знали настоящей причины возмущенія; начальники и предводители ихъ, заставляя ихъ кричать: «да здравствуетъ конституція!» увѣряли солдатъ, что это супруга

Константина Павловича. Нѣкоторые изъ солдатъ, стоявшіе около сената, захватили тогда, въ свой кружокъ, какого-то стараго нѣмца-сапожника, зѣвавшаго на нихъ по близости изъ любопытства. Они его заставили ружейными прикладами, вмѣстѣ съ ними, провозглашать конституцію! Бѣдный нѣмецъ надсѣдался до хрипоты, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, сказалъ имъ:

— Господа солдаты, ради Бога, отпустите меня, возьмите **свѣжаго** нѣмца, у меня больше голосу нѣтъ, я совсѣмъ не могу провозглашать русскую конституцію!

П. Каратыгинъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Нѣсколько о немъ припоминаній.

II.[1])

Дружественныя связи Тургенева съ Жуковскимъ начались еще въ дѣтствѣ, въ университетскомъ пансіонѣ московскомъ, гдѣ оба, будучи почти одинакихъ лѣтъ, вмѣстѣ учились. Позже близость отношеній, одинаковость нравственныхъ убѣжденій и взаимное уваженіе и довѣріе скрѣпили эту дружбу навсегда. Жуковскій, конечно, не для стиха называлъ Тургенева „мой братъ, мой другъ-хранитель" (1810), не случайно, и Тургеневъ съ видимой радостью приводилъ въ своихъ замѣткахъ то ту, то другую мысль въ томъ видѣ, какъ она была высказана Жуковскимъ. Изданныя доселѣ письма изъ ихъ переписки, къ сожалѣнію, большею частію относятся ко времени ихъ молодости; впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ взяты какъ свидѣтельства о ихъ дружбѣ того времени, когда одинъ изъ друзей пользовался только славой даровитаго поэта, а другой—поднимался все выше въ служебной жизни и могъ изъ-за этихъ успѣховъ, подобно сотнямъ и тысячамъ другихъ, забывать все. Нельзя думать, чтобы позже, когда настала пора внѣшней дѣятельности Жуковскаго и пріостановилась эта дѣятельность для Тургенева, дружба ихъ могла охладѣть. Что это было не такъ,— доказываютъ, между прочимъ, письма 1826—1827 гг., когда передъ Жуковскимъ начала раскрываться дѣятельность наставника Государя Наслѣдника. Одному было 43 года, другому—45 лѣтъ.

Въ письмахъ Тургенева этого времени особенно много и часто говорится о Жуковскомъ. Изъ отзывовъ и замѣчаній Тургенева узна-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 555—564.

емъ Жуковскаго какъ поэта, какъ человѣка и какъ русскаго, яснѣе чѣмъ изъ многихъ другихъ подобныхъ.

Выѣхавъ изъ Россіи лѣтомъ 1826 г. къ больному брату своему, Сергѣю, который въ то время лѣчился въ Дрезденѣ, Тургеневъ остался въ этомъ городѣ до конца апрѣля 1827 г. Былъ въ тоже время тамъ Жуковскій, и они два брата—Тургеневъ и Жуковскій—часто проводили время вмѣстѣ. „Послѣ обѣда обыкновенно читаемъ мы всѣ вмѣстѣ трое: я—чтецъ, а Жуковскій и братъ—слушатели". (11-го октября 1826 г.).

Почти въ тоже время Жуковскій писалъ Козлову: „Я пріѣхалъ наконецъ въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Никуда не хожу и никого не вижу, ибо некогда. Надобно работать для Петербурга, и я намѣренъ вполнѣ воспользоваться здѣшнею совершенною свободою".

Была въ это время у Жуковскаго и братьевъ Тургеневыхъ и общая забота—составленіе библіотеки для великаго князя Наслѣдника. Душою преданные этому дѣлу, они увлекали въ него всѣхъ, кого могли. Тургеневъ Николай жилъ въ это время въ Англіи и оттуда долженъ былъ помогать. „Не придумаешь-ли—писалъ ему Александръ Ивановичъ—назначить намъ какія-нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія; но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковскаго реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки Великаго Князя, которая должна имѣть лучшее и новѣйшее, именно: 1) для чтенія, со временемъ, ему самому, и 2) для учителей, т. е. для приготовленія ихъ къ урокамъ съ помощью лучшаго по каждой части, напримѣръ: исторія во всѣхъ ея родахъ и подраздѣленіяхъ, философія, литература, воспитаніе вообще, военное искуство, законодательство и прововѣдѣніе. Что замѣтишь хорошаго по каждой изъ сихъ и другихъ частей, запиши и пришли названіе книги замѣченной". (11-го октября 1826 г.).

Позже (2-го мая 1827 г.) Тургеневъ отмѣтилъ: „Жуковскій для Великаго Князя сдѣлалъ покупку книгъ на 4 тысячи талеровъ, по нашему общему выбору и по совѣту ученыхъ".

Еще позже, чрезъ полгода послѣ разлуки съ Жуковскимъ (15-го окт.) Тургеневъ, вслѣдъ за приведеніемъ отзывовъ изъ писемъ Бонета о Мюллерѣ написалъ:

„Мнѣ хочется выбрать для Жуковскаго родъ эпистолярной хрестоматіи изъ сихъ писемъ, но въ связи съ письмами Мюллера, до и послѣ кончины его напечатанными и составить нѣчто цѣлое, присоединивъ біографическія краткія статьи къ каждому кореспонденту и

исчисленіе твореній ихъ. Ему бы это послужило для воспламененія юной души его питомца къ прекрасному въ различныхъ родахъ и согрѣло бы сердце питомца чувствомъ дружбы, которое оживляло всю жизнь юношей и старцевъ, ибо 80-ти-лѣтній Бонштетенъ и въ семъ году писалъ къ Матисону перомъ 20-ти-лѣтняго Мюллера. Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслію".

Тургеневъ не расталея съ Жуковскимъ и по отъѣздѣ въ Парижъ (въ маѣ 1827 г.):

„Стараюсь быть полезенъ Жуковскому и вознаградить ему время, которое дружба его посвятила намъ и въ Парижѣ; но онъ познакомился уже самъ съ Парижемъ. (12-го іюня 1827 г.).

„Третьяго дни просидѣли мы четыре часа за президентомъ въ police correctionelle. Судили учениковъ медицинской школы. Адвокатъ Королевскій послѣ допроса сдѣлалъ изложеніе процеса, но вступленіе, понравившееся Жуковскому, меня взбѣсило. Онъ риторствовалъ на счетъ мнѣній и рѣчей, коими либералы возмущаютъ публику и представлялъ въ ужасной картинѣ послѣдствія подобныхъ сценъ и поступковъ. Жуковскаго эти судебныя сцены болѣе интересуютъ, нежели все прочее въ Парижѣ. (21-го іюня 1827 г.).

„Русскій, по имени Швецовъ, занимающійся на счетъ Демидова металлургіею, будетъ ходить къ тебѣ. Онъ поѣдетъ и путешествовать по Англіи. Его хвалятъ. Онъ ѣдетъ послѣ завтра и я далъ ему книжку и нѣсколько строкъ къ тебѣ. Онъ растрогалъ меня объясненіемъ своего положенія. Не знаю, удастся-ли ему помочь со временемъ: эгоизмъ и предразсудки могутъ помѣшать. Вотъ въ чемъ дѣло: онъ воспитанникъ Демидова, взятый изъ Сибири, съ заводовъ, къ коимъ онъ приписанъ; слѣдовательно и ему и заводамъ закрѣпощенный, Демидовъ воспитывалъ его здѣсь въ школѣ des mines; онъ учился прекрасно и получилъ хорошій аттестатъ отъ здѣшнихъ. Потомъ путешествовалъ въ Италіи, Венгріи, Германіи и во Франціи, чтобы на опытѣ видѣть улучшенія по рудокопной части. Просилъ лично Демидова дать ему отпускную; но Демидовъ отказалъ... далъ ему только актъ съ обѣщаніемъ, что если черезъ 10 лѣтъ онъ хорошо будетъ вести себя въ Сибири и возвратитъ ему то, чего стоило ему его воспитаніе и ученіе, то тогда онъ дастъ ему свободу. Несмотря на это, несмотря на возможность получить и въ чужихъ краяхъ мѣсто, Швецовъ, со слезами на глазахъ и со страхомъ въ сердцѣ, хочетъ ѣхать въ Сибирь; но собирается просить, изъ Англіи или изъ Берлина, государя о позволеніи держать въ Петербургѣ, въ Горномъ корпусѣ, экзаменъ и потомъ объ освобожденіи".

Вслѣдъ за сообщеніемъ этого извѣстія, Тургеневъ продолжаетъ: „Мы подумаемъ, какъ это устроить въ Петербургѣ чрезъ Жуковскаго и Пер(овска)го. Швецовъ можетъ имѣть нужду и въ твоихъ совѣтахъ по редакціи письма и пр. помоги ему. Онъ меня растрогалъ и заставилъ вздохнуть не по немъ одномъ. Но все дѣлается рукою провидѣнія; и въ душѣ моей упованіе и бодрость... (23-го іюня 1827 г.).

Три дня спустя Тургеневъ опять писалъ о Швецовѣ и Жуковскомъ:

„Жуковскій нѣсколько разъ прежде думалъ, и сегодня, вспомнивъ объ участи бѣднаго Демидовскаго Швецова, о которомъ вчера со слезами говорилъ мнѣ, хотѣлъ просить тебя записать мысли твои о рабствѣ въ Россіи, есть-ли не для близкаго, то для отдаленнаго будущаго. У меня здѣсь твои „мысли о рабствѣ", кажется, черновой проектъ. Но теперь ты могъ многое обдумать или придумать..." (26-го іюня 1827 г.).

Позже (19-го августа) Тургеневъ писалъ:

„То, что ты говоришь о Швецовѣ меня очень радуетъ. Я все думаю о томъ, какъ бы спасти его и полагаю надежду на Жуковскаго и гр. С—ва, хотя съ послѣднимъ не удалось еще говорить о немъ. Въ особомъ свиданіи говоримъ о дѣлѣ, а при другихъ я иначе его не вижу, какъ за картами; да при иностранцахъ не хотѣлось бы и говорить объ участи Швецова".

И потомъ черезъ нѣсколько дней:

„Пришли, пожалуста, всѣ стихи Швецова. Они меня тронули. Я какъ-будто предчувствовалъ, прощаясь съ нимъ въ Парижѣ, что онъ будетъ тебѣ хоть на минуту пріятенъ. Наружность его и потомъ слова его мнѣ очень понравились. Не судьба-ли, или лучше не способность-ли судьбы твоей, что единственный русскій (кромѣ Вик—на), который былъ съ тобою въ пріятельскомъ сношеніи въ Англіи—рабъ, и рабъ ищущій свободы, но ищущій ее такъ, какъ ты желалъ: законными средствами, выгодными для обѣихъ сторонъ..." (25-го августа).

Въ одномъ изъ писемъ сообщена басня Жуковскаго.

„Сію минуту принесъ ко мнѣ для тебя Жуковскій сочиненную имъ басню въ прозѣ, тебѣ посвященную. Вотъ копія. Оригиналъ сохраню и пришлю къ тебѣ при первомъ случаѣ:

„Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голикъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: „Бѣдное золото! жаль мнѣ тебя! Какъ тебя жгутъ и мучатъ. Какому жестокому тирану досталось ты въ руки!" Между тѣмъ огонь погасъ и золото вышло чистымъ изъ горнила. („Далѣе приписано рукою Жуковскаго"): Изъ него сдѣлали крестъ и люди стали въ немъ обожать

символъ спасенія! Глупый голикъ! тебѣ-ли судить о золотѣ! положи въ огонь тебя—затрещишь, разлетишься дымомъ! И послѣ тебя останется горсточка пепла! А золото? и въ самомъ пылу огня не роптало оно на судьбу свою! Оно вѣрило тому, кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ и даже радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство. Огонь палитъ! это правда! Но золото должно быть чистымъ. Кто осмѣлится сказать, видя его очищеннымъ: жаль, что его клали въ горнъ? Голикъ можетъ охать, смотря на огонь, потому что онъ голикъ! Но тотъ, кто самъ золото, скажетъ смиренно: огонь на минуту! а чистота навсегда! Золотою рудою можно остаться въ темномъ нѣдрѣ земли; но на бѣломъ свѣтѣ надобно быть чистымъ золотомъ. Это тоже, что сказалъ одинъ практическій мудрецъ: чистой совѣсти довольно, чтобъ умереть; но жить нельзя безъ достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу".

Жуковскій самъ хотѣлъ переписать свой апологъ для тебя. Хотя послѣднія слова и не совсѣмъ такъ, какъ они у тебя въ письмѣ; но онъ ихъ хотѣлъ напомнить." (21-го марта 1827 г).

Въ этомъ же письмѣ Тургеневъ замѣтилъ: „Я не живалъ съ такимъ живымъ чувствомъ нравственнаго достоинства, какъ теперь. И для будущаго эта жизнь есть запасъ высокихъ душевныхъ наслажденій, пріобрѣтеній ума и опыта въ жизни.

Жуковскій и Тургеневъ проводили время вмѣстѣ и въ Эмсѣ, въ іюлѣ и въ началѣ августа 1827 г. Ранѣе Жуковскаго Тургеневъ поѣхалъ въ Веймаръ и Дрезденъ и получалъ иногда отъ него письма. Вотъ нѣсколько словъ изъ одного изъ нихъ о Канингѣ, умершемъ незадолго передъ тѣмъ, въ концѣ іюля. (8-го августа).

„Дома нашелъ письмо отъ Жуковскаго изъ Эмса отъ 14-го августа. Вотъ слова его о Канингѣ. „Canning n'existe plus. Il n'y a que l'histoire universelle qui peut consoler de ce qui se passe autour de nous. Les événements isolés semblent prêcher le hasard; mais les siècles en masse annoncent Dieu: croyons à leur révélation et restons tranquilles dans la simple soumission au devoir. Il n'y a ici de clair que le devoir. Какая величественная смерть! Умереть и оставить міру въ утѣшеніе одну только надежду на Промыслъ..." (17-го авг. 1827 г.).

Тургеневъ ждалъ Жуковскаго еще въ августѣ въ Дрезденѣ, часто о немъ справлялся и наконецъ дождался 8-го сентября въ Лейпцигѣ.

„Въ полночь пріѣхалъ Жуковскій. Мы свидѣлись въ 6-ть часовъ утра, ибо онъ не хотѣлъ будить меня. Онъ зажился три дня въ Веймарѣ, въ бесѣдѣ съ Гете, отъ котораго и я получилъ милое слово чрезъ канцлера Мюллера, который писалъ ко мнѣ. Жуковскій жалѣетъ,

что меня не было съ нимъ у Гете. Онъ былъ обыкновенно любезенъ и какъ отецъ съ нимъ.[1]) Жуковскому хотѣлось, чтобы я раздѣлилъ эти минуты съ нимъ; ибо онъ говоритъ, что Гете и Шиллеръ образовали его, а съ нами вмѣстѣ онъ росъ и мужался съ нами, Тургеневыми, и душевное и умственное образованіе получалъ съ нами, начиная съ брата Андрея; что только въ чужихъ краяхъ укрѣпилась душа его, между прочимъ и твоими письмами, и что здѣсь началось европейское его образованіе, и я жалѣю, что не былъ съ нимъ въ Веймарѣ, хотя и многаго бы лишился, что пріобрѣлъ въ Лейпцигѣ; но Гете незамѣнимъ. Вотъ стихи Жуковскаго, оставленные имъ въ Веймарѣ у Гете:

Творецъ великихъ вдохновеній!
Я сохраню въ душѣ моей
Очарованіе мгновеній
Столь счастливыхъ вблизи твоей!
Твое вечернее сіянье
Не о закатѣ говоритъ!
Ты юноша среди созданья!
Твой геній, какъ творилъ, творитъ.
Я въ сердцѣ уношу надежду,
Еще здѣсь встрѣтиться съ тобой:
Землѣ знакомую одежду
Не скоро скинетъ геній твой.
Въ далекомъ полуночномъ свѣтѣ
Твоею музою я жилъ
И для меня мой геній, Гете,
Животворитель жизни былъ.
Почто судьба мнѣ запретила
Тебя узрѣть въ моей веснѣ?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоемъ огнѣ.
Тогда-бъ вокругъ меня создался
Иной чудесно-пышный свѣтъ:
Тогда-бъ и обо мнѣ остался
Въ потомствѣ слухъ: онъ былъ поэтъ! (8-го сент. 1827 г.).

Въ томъ же письмѣ Тургеневъ сообщилъ и еще нѣсколько строкъ Жуковскаго, не менѣе драгоцѣнныхъ. Это письмо его къ графу Каподистрія, президенту Греціи, незадолго передъ тѣмъ поѣхавшему въ Петербургъ и по пути заѣзжавшему въ Веймаръ къ барону Штейну, знаменитому министру прусскому, къ которому ранѣе того, при первомъ проѣздѣ въ Грецію изъ Англіи, онъ писалъ о своей рѣшимости посвятить свою жизнь отечеству. Кстати вспомнить нѣсколько словъ

[1]) Гете было тогда 78 лѣтъ. Жуковскому—44 года.

изъ письма Жуковскаго къ Козлову отъ 23-го іюля 1826 года, изъ Эмса: „Главнымъ моимъ здѣсь утѣшеніемъ былъ гр. Каподистрія, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ. Я еще надѣюсь его увидѣть во Франкфуртѣ". („Р. А." 1867, 828).

„Жуковскій подтвердилъ мнѣ о слезахъ Штейна при чтеніи письма гр. Каподистрія. Онъ, уѣзжая чрезъ Англію въ Грецію, просилъ благословенія старца на дѣло, коему посвящалъ себя и жизнь свою. Письмо коротко, но въ этомъ испрашиваемомъ у Штейна благословеніи все сказано. Жуковскій написалъ письмо къ Каподистріи и отдалъ его Штейну для отправленія. Посылаю тебѣ съ него копію. Тутъ узнаешь обоихъ: и Жуковскаго, и Каподистрія:

„Hier j'ai lu votre sublime lettre au b. Stein. Elle a rempli mon âme d'un sentiment de respect pour vous et en général pour la grandeur de la destinée humaine. La lecture d'une pareille lettre en présence de l'homme à qui elle a été adressée, est un des beaux moments de ma vie. Oui, les bénédictions que vous demandez en entrant dans votre noble carrière, vous sont accordées à l'unanimité par tous les coeurs qui aiment la vertu, qui croyent à la providence divine. Lorsque j'ai appris que Canning n' existait plus, je n'ai été rempli que de respect réligieux pour une mort pareille. Dans le premier moment on peut rester stupéfait devant un événement qui semble renverser toutes nos espérances; dans le second on revient à soi et on dit avec une nouvelle confiance: l'histoire universelle nous console de l'histoire contemporaine. Si le moment fugitif du présent semble quelquefois prêcher le hasard, l'histoire prêche Dieu. Canning n'a pû effectuer ses beaux projets pour l'humanité; mais il a existé, le monde l'a connu, et il a legué son âme à l'histoire, et la grandeur d'âme survit à la grandeur des empires. Vous allez entrer en Grèce. Vous allez joindre votre destinée à celle de votre généreux peuple. Quelqu' en soit l'issue, votre beau dévouement appartient à l'humanité. Vous avez déjà ajouté au trésor des choses grandes, qui seules sont le vrai héritage que nous tenons du passé. Et ceux qui vous ont béni, vous resteront à jamais reconnaissants pour les beaux sentiments qu'ils ont dû éprouver en prononçant leur bénédictions. Adieu M-r. le C-te, mon espérance de vous retrouver à P.-bourg a été donc vaine; mais vous savoir là, où vous serez bientôt, c'est encore être près de vous. Votre vie prêche la vertu et le devoir. J'en profiterai pour ma carrière obscure (Et c'est l'instituteur du futur Empereur de toutes les Russies qui parle de l'obscurité de sa carrière! Примѣчаніе переводчика) et je tâcherai de me rendre digne d'aimer le souvenir de Capodistria". Въ черновомъ письмѣ его я нахожу еще нѣсколько строкъ, кои онъ не послалъ къ Каподистріи, вотъ онѣ: „Qui sont

nos vrais bienfaiteurs dans cette vie? Ceux qui nous inspirent l'amour du bien, qui nous apprennent à révérer notre éxistence, qui nous enseignent à apprécier son but. Qui sont les vrais bienfaiteurs de l'humanité? Ceux qui ont laissé à la postérité l'exemple d'une grande et pure activité. Les empires passent aves ceux, qui ont contribué à les agrandir ou à les détruire; mais la grandeur de l'âme, qui a aimé le bien, reste intacte". Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковскій часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни (8-го сентября 1827 г.).

Не лишнимъ будетъ прибавить къ этому нѣсколько строкъ изъ другихъ писемъ о графѣ Каподистріи, который, возвращаясь осенью изъ Петербурга, заѣзжалъ на нѣсколько дней, между прочимъ, и въ Парижъ, куда въ то время пріѣхалъ и Тургеневъ. Они видѣлись—и вотъ что Тургеневъ написалъ о гр. Каподистрія:

„По полудни. Пишу отъ Каподистріи, куда пришелъ съ почты... пришелъ Каподистрія. Вечеръ. Я просидѣлъ съ полчаса; слушалъ, а не говорилъ и только изрѣдка его спрашивалъ. Онъ ясно и откровенно представилъ мнѣ свое святое дѣло, свои надежды, свои опасенія, и отношенія къ разнымъ державамъ, особливо къ Англіи и Россіи, а Франція слѣдуетъ одному впечатлѣнію съ Россіею. Удастся или не удастся—теперь его роль прекрасна: онъ отказался отъ Россіи для отечества, гдѣ найдетъ трудъ и нищету и интриги. Онъ сегодня или завтра уѣдетъ въ Швейцарію, изъ которой желалъ бы, для внутренней полиціи, имѣть три тысячи солдатъ. Объ этомъ желаніи я не отъ него слышалъ; но для этого нужны деньги. Онъ похудѣлъ и совершенно сѣдъ. Онъ заваленъ дѣлами, и важными, государственными, ибо уже, какъ президентъ, хлопочетъ у трехъ державъ за Грецію,—и мелкими, ибо всѣ обращаются къ нему съ проектами и претензіями" (21-го октября).

На другой день послѣ этого Тургеневъ занесъ въ письмо еще нѣсколько строкъ о Каподистріи:

„Часть вечера провели мы у Св—ной и она разсказала намъ о своемъ свиданіи съ Каподистріи. Онъ все отдалъ грекамъ: и сумму, вырученную за аренду, и жалованье, и теперь голъ, какъ соколъ, и только думаетъ о спасеніи отечества. Императоръ Николай предлагалъ ему величайшія денежныя пособія; но онъ не принялъ болѣе того, сколько думаютъ дать другія главныя государства: Франція и Англія, дабы не возбудить подозрѣнія противъ Россіи и не быть ей болѣе благодарну, чѣмъ другимъ. Кромѣ денегъ, ничего—разумѣется и кромѣ оружія—не принимаетъ; ибо людей деньгами, и именно швейцарцовъ, можетъ нанять. Св—на, находя, что прежде въ немъ

была какая-то охота къ діалектикѣ, видитъ въ немъ теперь какую-то воплощенную мудрость: восхищается нравственнымъ, спокойнымъ его характеромъ и цѣлію всей его жизни. Увѣряетъ, что никогда онъ не былъ такъ проникнутъ религіею, какъ теперь, и во всѣхъ словахъ онъ сходенъ съ своими поступками. Не сердится и на тѣхъ, кто противъ святой его цѣли; но носитъ въ сердцѣ тѣхъ, кто доброжелательствуетъ грекамъ: это его собственное выраженіе съ графинею. Сегодня онъ уѣхалъ".

Чрезъ нѣсколько дней Тургеневъ опять написалъ еще нѣсколько словъ, какъ бы въ дополненіе: „Жуковскому трудно будетъ привыкать къ тамошней литературной діэтѣ; но къ счастію у него богатый литературный запасъ отсюда и изъ Германіи и дѣятельность его ученая не на новинкахъ будетъ основана. Прочелъ нѣсколько критическихъ статей Вяземскаго въ „Телеграфѣ": онъ не совершенствуетъ своего слога, а напротивъ, окруженный безграмотными, позволяетъ себѣ все, что почитаетъ оригинальностью и силою выраженій. Странная участь нашей литературы: ея нѣтъ, а журналы все что-то критикуютъ, разсматриваютъ и о чемъ-то хлопочутъ". (1-го октября 1827 г.).

Конечно, все это писано не на показъ, безъ мысли о томъ, что оно будетъ прочтено кѣмъ-нибудь постороннимъ; но зато и вполнѣ откровенно, искренно, безъ всякаго желанія кого-бы то ни было разсердить или уколоть. Тургеневъ написалъ, что думалъ; а думать могъ такъ или иначе только потому, что такъ или иначе зналъ то, о чемъ думалъ; и такъ или иначе приготовленъ былъ глядѣть на то, что могло сдѣлаться предметомъ его думы.

Есть въ письмахъ Тургенева припоминанія и о другихъ писателяхъ русскихъ, но объ очень немногихъ и очень случайныя.

Такъ напримѣръ о Крыловѣ вспомнилъ Тургеневъ при словѣ о какомъ-то Сабранѣ:

„M-r Sabran, Буфлеровъ beau-fils, прочелъ намъ нѣсколько прелестныхъ басенъ своихъ, и прочелъ à la Крыловъ, т. е. очень натурально и съ оригинальнымъ кокетствомъ" (23-го января 1828 г.).

О Козловѣ сказано при словѣ о пѣніи княгини Гол—ной: „кончилъ вечеръ у кн. Гол—ной.[1]) Она пѣла, и я всполнилъ нашего Козлова коего она была, въ первое время слѣпоты его, утѣшительницею". (17-го іюля 1827 г.).

[1]) Въ письмѣ Жуковскаго къ Козлову изъ Эмса отъ 16-го іюля 1826 г. о той же особѣ читаемъ: «Здѣсь, между прочими русскими, княгиня Голицына-Суворова. Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствіемъ ея милое пѣніе... Она тебя помнитъ и любитъ и всегда говоритъ о тебѣ, да и сбирается сама къ тебѣ писать». («Р. А.» 1867, 826). И. С.

О Дмитріевѣ вспомянуто по поводу слова о литературной вечеринкѣ у професора Гассе:

„Вчера мы опять были на литературной вечеринкѣ у Гассе. Засѣданіе открылъ министръ Ностицъ своими стихами и очень хорошими. И. И. Дмитріевъ во время своего министерства не согласился бы у Куницына читать свои басни въ кругу литераторовъ, артистовъ и журналистовъ“. (27-го января 1827 г.).

О Вяземскомъ словъ находимъ болѣе, но данныхъ почти не болѣе, по крайней мѣрѣ, не столько о немъ, сколько о самомъ Тургеневѣ:

„Вяземскій прислалъ мнѣ двѣ книжки своего и двѣ Пушкина журнала. Въ своемъ напечаталъ два письма мои, выписками изъ Дрездена, и все, что я написалъ къ нему: совѣты, что читать, сужденія о книгахъ и авторахъ. Я перестаiъ и не буду писать къ нему, хотя впрочемъ, и нѣтъ ничего предосудительнаго въ тѣхъ напечатанныхъ письмахъ; но мнѣ и некогда, да и не до того. Я не пишу и въ журналѣ подробно; а только къ тебѣ. Прочее время на чтеніе“. (Іюль, 1827 г.).

„Гизо показалъ уже мнѣ первый № de la „Revue française“, имъ издаваемой. Онъ помѣщаетъ краткія извѣстія и о книгахъ въ другихъ словесностяхъ, съ означеніемъ содержанія оныхъ, безъ чужихъ сужденій, а только со своимъ замѣчаніемъ на чужестранныя книги. Гизо желалъ бы включить и статью для русскихъ книгъ и просилъ назвать ему журналъ, изъ коего бы могъ онъ брать извѣстія о русскихъ книгахъ. Я не могъ ничего назвать ему, кромѣ le Journal de St.-Pétersbourg, гдѣ изрѣдка бываютъ литературныя статьи, но болѣе сужденія, коихъ Гизо не хочетъ. Мнѣ пришелъ на мысль Вяземскій и я обѣщалъ ему, что онъ будетъ доставлять для „Revue“ именно такія статьи, какихъ Гизо желаетъ; ибо и самъ Вяземскій точно о томъ же проситъ меня и Тол—го. Гизо за это будетъ ему посылать свою „Revue“ и кое-что другое; а Вяземскій радъ будетъ войти съ нимъ въ сношеніе такого рода, и я увѣренъ, что онъ не ударитъ лицемъ въ грязь и не постыдитъ земли русской. Напишу къ нему о семъ и устрою это дѣло въ пользу обоихъ“. (23-го января 1828 г.).

Вотъ еще нѣсколько словъ о Веневитиновѣ, выписанныхъ изъ письма Козлова.

Въ ряду стихотвореній Веневитинова есть два: „Къ моему перстню“ и „Завѣщаніе“. Одно начинается:

Ты былъ отрытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова пыли ты могильной
Завѣщанъ будешь, перстень мой.

Въ другомъ читаемъ:

Внимайте; чтобъ сего кольца
Съ руки холодной не снимали:
Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
И будутъ съ нимъ схоронены.

Желаніе поэта было исполнено. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ Тургенева:

„Изъ Петербурга Козловъ пишетъ къ намъ о смерти одного молодого человѣка Веневитинова, подававшаго прекрасныя надежды способностями и знаніями: „Il avait une bague trouvée dans un tombeau à Herculanum; il la portait à sa montre et l'appelait son talisman; dans des vers charmants qu'il lui a adressés, il dit qu'il la mettra à sa noce ou à sa mort. Хомяковъ qui savait cela, lui mit cette bague au doigt quand il était déjà agonisant; il eut un moment lucide, sentit sa bague et demanda: „suis-je marié?"—Non, répondit solennellement Хомяковъ, alors il fondit en larmes et mourut quelques heures après". (Лейпц., 2-го мая 1827 г.).

Тургеневъ воспиталъ въ себѣ свои понятія объ иностранной литературѣ стройно съ другими понятіями — при помощи усидчиваго чтенія и изученія разныхъ писателей. Могли бы быть у него такія стройныя понятія и о литературѣ русской, если бы онъ призналъ своею нравственною обязанностію слѣдить за ея движеніями. Это, къ сожалѣнію—какъ кажется—не было. Независимый во многомъ, въ этомъ онъ былъ подъ властію тѣхъ особенныхъ предубѣжденій, которыя—и въ его время, и позже—мѣшали (а можетъ быть и теперь мѣшаютъ) видѣть достоинства внѣ заколдованнаго круга людей близкихъ и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыхъ значеніе уже признано всѣми, если только они не иноземцы.

И. И. Срезневскій.

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

Письмо къ доктору Реману[1])

1810 г.

(Переводъ съ французскаго подлинника).

Не легкую задачу дали вы мнѣ, многоуважаемый другъ мой! Вы хотите непремѣнно, чтобъ я изложилъ на бумагѣ мнѣніе мое о настоящемъ положеніи народнаго просвѣщенія въ Россіи и сказалъ, какихъ улучшеній желалъ бы я въ немъ? Вы полагаете, что мнѣ, больше чѣмъ кому-либо другому, нельзя было не сохранить въ моемъ sensorium commune обильнаго запаса свѣдѣній по этому предмету, по той причинѣ,—говорите вы,—что я находился когда-то въ самомъ центрѣ дѣйствія и—главное—что на мою собственно долю приходилось испытывать не мало непріятностей за мнѣнія, противныя тѣмъ, которыя одержали верхъ. Пощупайте мой черепъ, дорогой мой другъ!—и тогда мнѣ не надобно будетъ откровенно признаваться вамъ, что память вещей не есть тотъ талантъ, которымъ я могу похвалиться. Подробностей о прошедшемъ я не въ состояніи сообщить вамъ.

Но такъ какъ нужно же хоть сколько-нибудь удовлетворить желанію вашему, то я постараюсь вспомнить то, что имѣлъ честь слышать отъ графа Р.[2]) во время послѣдней моей съ нимъ бесѣды. Къ этому

---

[1]) Осипъ Ивановичъ Реманъ, лейб-медикъ, членъ медико-хирургической академіи, медицинскихъ совѣтовъ министерствъ: полиціи и народнаго просвѣщенія и разныхъ ученыхъ обществъ,—былъ короткимъ пріятелемъ Василія Назаровича Каразина и его семейнымъ докторомъ. **Прим. пер.**

[2]) А. К. Разумовскаго, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія. **Прим. перев.**

прибавлю мысли, приходившія мнѣ въ тотъ же вечеръ, который мы такъ пріятно провели вмѣстѣ съ вами. Такимъ образомъ я поднесу вамъ подогрѣтое блюдо, въ которомъ вы узнаете нѣсколько и вашихъ собственныхъ приправъ.

Народное просвѣщеніе!.. Какое прекрасное выраженіе! Если-бъ, черезъ полсотни лѣтъ, я сдѣлался наконецъ способнымъ быть министромъ, то больше всего желалъ бы быть министромъ народнаго просвѣщенія. Какой важный постъ въ такомъ государствѣ, какъ Россія! Если что-либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго ея пространства, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что-либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы громадно оно ни было,—то это это опять-таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ. Но...?..!... Кого же винить въ этомъ? Ужъ, конечно, не государя нашего. Ничто, кромѣ развѣ щедрости его, не можетъ сравниться съ благими его намѣреніями въ этомъ отношеніи. Никакой другой монархъ, ни въ вѣкахъ прошедшихъ, ни во времена настоящія не оказывалъ столько покровительства наукамъ и ихъ служителямъ. Онъ былъ главнымъ виновникомъ, что снѣдь эта, любимая богами, повременамъ чтимая, но всегда худо оплачиваемая, возвысилась у насъ, въ послѣднее время, въ цѣнности своей.

Много разныхъ проектовъ было подаваемо, разсматриваемо, пересматриваемо, переправляемо. Принималось въ соображеніе все, кромѣ духа народа, его существеннѣйшихъ нуждъ и желаній той части его, которая наиболѣе вліятельна и просвѣщена: я разумѣю дворянство. Наконецъ рѣшились ассигновать на дѣло народнаго просвѣщенія болѣе милліона рублей ежегодно. Устроили шесть университетовъ, изъ которыхъ одинъ польскій, другой нѣмецкій, и всѣ на манеръ университетовъ германскихъ XV вѣка. Одни ознаменовали начальное свое бытіе исторіями, въ которыя должна была вмѣшаться полиція; другіе, отпраздновавъ свое открытіе великолѣпнымъ торжествомъ и, какъ водится, вкуснымъ обѣдомъ, остались пусты. Такъ-ли, сякъ-ли, прошло 5 лѣтъ. Издержано 5 или 6 милл. руб., частію на содержаніе професоровъ, выписанныхъ съ большимъ шумомъ и большими издержками; частію на устройство библіотекъ и музеевъ; частію на покупку и постройку всякого рода зданій. Употреблена даже не одна сотня тысячъ рублей на народныя гульбища, изъ суммъ,

ассигнованныхъ собственно на образованіе юношества, суммъ, которыя никакимъ образомъ не слѣдовало бы употреблять на иное дѣло. Ждали появленія толпами, по всѣмъ частямъ государственной службы, новыхъ, молодыхъ, образованныхъ дѣятелей, — но они не являлись, или являлись изъ каждаго университета поодиночкѣ. Наконецъ устали ждать, принялись за новыя издержки, завели новыя училища на тотъ же самый предметъ образованія юношества. Пойдутъ-ли эти училища лучше? Подѣйствуютъ-ли они, по крайней мѣрѣ, на ходъ прежнихъ лучше?

Произнося слово народное просвѣщеніе, я воображаю себѣ отрасль государственнаго, отеческаго управленія, обнимающую все, что только можетъ относиться къ образованію добрыхъ гражданъ, къ какому бы сословію они ни принадлежали, какого бы пола и возраста ни были. Произнося слово министръ народнаго просвѣщенія, я представляю себѣ просвѣщеннаго начальника, вполнѣ распоряжающагося этою отраслью управленія, дающаго отчетъ о ней только верховной власти. Въ государствѣ монархическомъ не должно быть другихъ началъ, кромѣ монархическихъ: не должно быть разныхъ корпорацій, не имѣющихъ никакой связи между собою; не должно быть административныхъ дробленій на такъ-называемыя вѣдомства, изъ которыхъ каждое стремится управлять отдѣльно. Къ чему эти военныя, духовныя, медицинскія и другія училища, не имѣющія одно къ другому никакого отношенія управляемыя начальниками, неподвѣдомственными министру народнаго просвѣщенія? Никакой другой министръ не долженъ вмѣшиваться въ дѣло этого министра: „мнѣ нужно столько-то людей, для такой-то части; есть-ли они у васъ?“ или: „сколько приготовлено у васъ молодыхъ людей къ такой-то службѣ? пришлите мнѣ ихъ!“—вотъ все, что другіе министры должны бы говорить министру народнаго просвѣщенія. И потомъ, къ чему эти попечители, не составляющіе ни самостоятельныхъ, на мѣстѣ живущихъ начальниковъ, ни членовъ совѣта главнаго начальника? Существа неопредѣленныя, вмѣщающія въ себѣ два главнѣйшихъ неудобства: управлять заглаза и совѣтовать въ своихъ собственныхъ дѣлахъ.

Въ виду того, что никогда не должно спѣшить передѣлывать недавно-сдѣланное, такъ какъ достоинство творящаго подрывается шаткостію его твореній, каковы бы они ни были, — я полагалъ бы возможнымъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, исправить понемногу, безъ шуму, недостатки настоящаго порядка вещей, именно:

1) Сократить число университетовъ и тѣмъ уменьшить издержки, оказывающіяся донынѣ мало-производительными: казанскій университетъ временно закрыть, или преобразовать въ высшее для азіатскихъ

народовъ училище, въ которомъ изученіе восточныхъ языковъ было бы обязательно, для чего допустить пріемъ и русскихъ. Въ указѣ должно быть употреблено именно слово временное закрытіе, или преобразованіе, но никакъ не упраздненіе. Губернскія училища, вошедшія въ округъ этого университета, можно: ближайшія причислить временно къ округамъ московскому и харьковскому, а болѣе отдаленныя подчинить непосредственно министру.

2) По выбытіи кого-нибудь изъ попечителей, не назначать на его мѣсто другого, а подчинить университетъ и его округъ временно (разумѣется, такъ должно быть сказано только на первый случай) директору, въ чинѣ по крайней мѣрѣ V, или даже и IV класса, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра. Этотъ директоръ долженъ уже жить непремѣнно на самомъ мѣстѣ, имѣть надзоръ надъ всѣмъ, что только относится до образованія народнаго и распоряжаться хозяйственною частію, которая въ рукахъ професоровъ, занятыхъ прямымъ ихъ дѣломъ, не можетъ процвѣтать и иногда самихъ ихъ невольно подвергаетъ осмѣянію. Одинъ изъ професоровъ, носящій названіе безсмѣннаго засѣдателя, можетъ быть помощникомъ этого директора и исполнять также должность прокурора, если ему дается право сноситься непосредственно съ министромъ въ случаяхъ особенной важности. Самъ университетъ въ своемъ колегіальномъ составѣ (in corpore) могъ бы также пользоваться правомъ дѣлать непосредственныя представленія министру. Это заставило бы директора быть осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, но власть его не была бы тѣмъ ослаблена, въ нарушеніе основныхъ началъ всякаго благоустроеннаго управленія. Между тѣмъ и издержки на университетское правленіе, состоящее нынѣ, Богъ знаетъ почему, изъ семи членовъ (считая Синдика) уменьшилось бы. Разъѣзды професоровъ, для такъ-называемыхъ обозрѣній, не должны уже имѣть мѣста безъ особенной надобности. Директоръ замѣнялъ бы ихъ въ этомъ отношеніи, или, по крайней мѣрѣ, повѣрялъ бы ихъ обозрѣнія, ѣздя иногда самъ вслѣдъ за ними. Чрезъ это и другія злоупотребленія, происходящія или отъ безпечности, или отъ излишней снисходительности, или наконецъ отъ личной незначительности начальника по выбору, были бы устранены. (Въ скобкахъ): Въ эту минуту, какъ я это пишу, половина... да, именно половина професоровъ харьковскаго университета въ отлучкѣ подъ разными предлогами. Бывали случаи, что иной професоръ въ семь лѣтъ своей службы въ университетѣ не прочелъ и двадцати лекцій! А между тѣмъ жалованье ему идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ, между прочимъ, слѣдствія настоящаго порядка вещей!

3) Не только директоры университетовъ, но и директоры гимназій

и смотрители уѣздныхъ училищъ должны быть изъ мѣстныхъ дворянъ. Помѣщикъ, привязанный всѣми возможными узами къ мѣсту своего рожденія и постояннаго жительства, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе человѣка, присланнаго съ вѣтру и пріѣзжающаго бо̀льшею частію съ пустымъ карманомъ. Неужели Россія такъ несчастна, что въ цѣломъ уѣздѣ не найдется ни одного человѣка, который бы способенъ былъ занимать должность смотрителя училища, въ цѣлой губерніи ни одного способнаго быть директоромъ гимназіи, и наконецъ въ цѣлыхъ осьми или десяти губерніяхъ ни одного способнаго быть директоромъ университета? Дворянство, имѣя въ виду такія должности, невольно интересовалось бы дѣломъ народнаго просвѣщенія, между тѣмъ, какъ теперь оно ему чуждо. И вообще это имѣло бы несомнѣнно благія послѣдствія. Если-бъ случилось, что лицо, назначенное министромъ на должность директора университета, было выбрано дворянами на должность предводителя, то дѣло народнаго просвѣщенія отъ этого только выиграетъ. Правительству же нечего опасаться вліянія на училища людей наиболѣе образованныхъ въ государствѣ и преданныхъ началамъ монархическимъ; напро̀тивъ тогда-то оно можетъ быть увѣрено, что всѣ благія его начинанія найдутъ поддержку въ общественномъ мнѣніи. Я не требую уничтоженія ректоровъ: они могутъ, пожалуй, оставаться, но только какъ предсѣдатели университетскихъ совѣтовъ по дѣламъ, относящимся до наукъ. Могутъ они также быть и предсѣдателями училищныхъ комитетовъ. Не развлекаясь заботами о хозяйствѣ и надзоромъ надъ нимъ, они могли бы очень естественно соединять въ себѣ и должность инспекторовъ надъ студентами, что повело бы только къ сокращенію издержекъ. Но исполнительною и финансовою частями, отнимающими у професоровъ возможность заниматься прямымъ ихъ дѣломъ, долженъ завѣдывать непремѣнно директоръ.

4) При такихъ и другихъ подобныхъ нетрудныхъ сокращеніяхъ издержекъ можно было бы имѣть средства для двухъ или трехъ професоровъ собственно военныхъ наукъ при университетахъ, равно какъ и для устройства необходимыхъ приспособленій къ практическому изученію военнаго искуства. Легко было бы испросить высочайшее разрѣшеніе на предоставленіе студентамъ, отличившимся по этой части и получившимъ надлежащіе въ томъ аттестаты, пра̀ва быть принятыми въ военную службу прямо тѣми чинами, къ которымъ они удостоены будутъ въ своихъ аттестатахъ. Въ избѣжаніе всякого возможнаго, по духу партій и другимъ причинамъ, пристрастія, аттестаты (которые, я полагаю, могли-бъ быть двухъ, или трехъ различныхъ категорій, сообразно съ нынѣ существующими универси-

тетскими степенями, дающими право на гражданскіе чины) должны быть подписываемы, кромѣ професоровъ, почетными мѣстными военными людьми, присутствующими и при экзаменахъ. Былъ уже примѣръ постановленія, подходящаго къ этому, почему и можно надѣяться на высочайшее на сіе соизволеніе. Министръ же можетъ быть увѣренъ, что этимъ онъ достигнетъ, скорѣе чѣмъ всякими другими мѣрами, привлеченія бóльшаго числа студентовъ въ университеты. Жители провинцій давно этого ждутъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему военныя училища должны непремѣнно быть въ одномъ только уголкѣ Россіи и бѣдные родители принуждены тащиться туда съ дѣтьми для того, чтобъ удовлетворить столь естественной, въ нашихъ юношахъ склонности къ военной службѣ больше чѣмъ къ другой?

Для дополненія сказанной мѣры нужно было бы и при гимназіяхъ имѣть преподавателей военныхъ наукъ. Достаточно даже одного, котораго и не трудно найти изъ числа отставныхъ ветерановъ, какихъ вездѣ не мало. Подъ руководствомъ такого наставника гимназисты могли бы, играя такъ сказать, учиться военнымъ эволюціямъ, по большой части для нихъ заманчивымъ. Упражненія эти могутъ продолжаться и въ университетахъ, вмѣстѣ съ другими гимнастическими занятіями, какъ-то: верховой ѣздой, фехтованьемъ и пр. Такимъ путемъ государство достигло бы цѣли имѣть хорошихъ военныхъ офицеровъ. Въ доказательство, пусть сравнятъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ московскомъ и харьковскомъ университетахъ и поступившихъ, по желанію своему, въ военную службу, съ лучшими изъ воспитавшихся въ петербургскихъ корпусахъ. Что-жъ было бы, если-бъ къ этому они еще проходили военныя науки въ самихъ университетахъ?

5) Отчего дворяне наши отдаютъ охотнѣе дѣтей своихъ въ кадетскіе корпуса, чѣмъ въ гражданскія училища? По двумъ причинамъ, кромѣ пристрастія къ военной службѣ: во-1-хъ, поступленіе въ корпусъ обезпечиваетъ карьеру учащагося, и во-2-хъ, родители рады избавиться отъ заботъ присмотра за дѣтьми, который часто бываетъ для нихъ тягостнѣе самого воспитанія, въ какомъ бы отношеніи ни было. Кромѣ того, много такихъ родителей, которые или не хотятъ, изъ неумѣстнаго разсчета, или не могутъ, по дѣйствительному недостатку средствъ, содержать дѣтей дома. Другіе же, и не имѣя причинъ жалѣть издержекъ, все-таки придерживаются кадетскихъ корпусовъ, думая, что маленькіе ихъ шалуны найдутъ тамъ хорошій надзоръ, чѣмъ и успокоивается родительское ихъ сердце А могутъ-ли они быть увѣрены въ томъ же записывая дѣтей своихъ въ гимназіи и университеты? О! повѣрьте: всѣ эти ученые наставники, покрови-

тельствуемые правительствомъ, всѣ эти дорого-стоющіе библіотеки и музеи, вся эта роскошь публичныхъ училищъ не дѣйствуетъ у насъ обаятельно ни на кого! Родители всегда будутъ скорѣе воспитывать дѣтей или дома, или въ пансіонахъ (даже плохихъ, за неимѣніемъ хорошихъ, обѣщающихъ образованіе полное), чѣмъ пускать ихъ бѣгать по произволу въ такъ называемые храмы Минервы.

Законодатели наши ошиблись въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, желая копировать все съ иностранцевъ. Не стану утомлять васъ подробностями, разсказывая, въ чемъ именно причины и цѣли, имѣвшіяся въ виду въ другихъ странахъ, разнятся съ нашими. Скажу только, что мы часто походимъ въ нашихъ учрежденіяхъ и постановленіяхъ на извѣстнаго князя Гагарина, Петровскихъ временъ, который вздумалъ построить въ Москвѣ, на горѣ, домъ на манеръ венеціанской. Вы можете его видѣть еще и теперь на Тверской: принадлежитъ онъ княгинѣ Зубовой. Вы найдете въ немъ и крытую галерею, какъ-будто надъ каналомъ; и ступеньки для схода къ гондоламъ и боковой парапетъ для защиты этихъ ступенекъ отъ высокой воды, и наконецъ даже кольца для привязыванія гондолъ,—словомъ, все на своемъ мѣстѣ, кромѣ самого дома.

Давайте намъ пансіоны при каждомъ училищѣ, начиная съ уѣздныхъ и кончая университетами. Вотъ все, что намъ пока нужно! Посмотрите, сколько московскій университетскій пансіонъ сдѣлалъ уже добра.[1]) Но, спросите вы, откуда взять денежныя средства на это? Отвѣчу: въ каждомъ университетѣ, несмотря на множество лишнихъ издержекъ, есть экономическая сумма. Возьми ее заимообразно. Кромѣ того: обратитесь къ самимъ родителямъ. Назначьте плату за воспитанниковъ, уменьшивъ ее противъ той, какую берутъ содержатели частныхъ пансіоновъ. Не начинайте постройкой великолѣпныхъ зданій, какъ это у насъ обыкновенно водится; идите мало по малу, но не ограничивайте числа воспитанниковъ. Вы увидите, что скоро у васъ будетъ ихъ столько, что окажутся остатки отъ суммъ, на которые можно будетъ содержать четверть, даже треть юношей, неимѣющихъ состоянія, но заслуживающихъ, по ихъ дарованіямъ и поведенію въ низшихъ училищахъ, получать пособія до окончанія курса наукъ. Начальники этихъ пенсіоновъ должны быть также изъ мѣстныхъ жителей и помѣщиковъ. Найдутся многіе, которые предпочтутъ такого рода почетную службу всякой другой. Всѣ тѣ дворяне, которыхъ я знаю, пошедшіе по воспитательной части, ведутъ себя

[1]) Жуковскій, Дашковъ, Тургеневъ и многіе другіе замѣчательные наши дѣятели воспитывались въ этомъ пансіонѣ. Прим. пер.

прекрасно и дѣлаютъ честь своему мѣсту. Нѣкоторые изъ нихъ не жалѣли собственности на пользу служебную; и это очень естественно.

6) Мало по малу, незамѣтнымъ образомъ Главное правленіе училищъ и Канцелярія главнаго правленія замѣнятся Совѣтомъ министра по его выбору и назначенію. Число членовъ этого совѣта не должно быть предварительно опредѣлено штатами. Всякій замѣчательный ученый, лично извѣстный министру и соединяющій въ себѣ практическое знаніе Россіи съ любовью къ наукамъ, можетъ быть приглашенъ въ члены. Эти избранные совѣтники министра могли-бъ быть, употребляемы и на разныя обозрѣнія, предоставляемыя теперь попечителямъ. Какъ скромные чиновники министерства, они не были бы можетъ быть, принимаемы въ провинціяхъ съ такимъ почетомъ, какъ попечители; губернаторы не задавали бы въ честь ихъ обѣдовъ и проч.; они не жили бы въ раздольѣ въ своихъ имѣніяхъ подъ предлогомъ обозрѣнія училищъ, но это обозрѣніе шло бы тѣмъ успѣшнѣе.

Не стану говорить о необходимости поддерживать факультеты медицинскій и богословскій, съ цѣлію сдѣлать ихъ предпочтительнѣйшими передъ знаменитыми академіями того и другого предмета. Это само собою разумѣется. Университескіе пансіоны будутъ доставлять въ нихъ довольно студентовъ и они непремѣнио процвѣтутъ и докажутъ правительству всю пользу общаго надзора надъ всѣми отраслями народнаго образованія и необходимости современемъ упразднить эти отдѣльныя учрежденія, созданныя духомъ партій и желаніемъ законодательствовать. Современемъ можно будетъ испросить, ловкимъ образомъ, разрѣшеніе на пріемъ дѣтей церковнослужителей во всѣ училища. Государство освободится отъ стремленія дѣлить людей на служебныя касты; всякій будетъ имѣть возможность избирать себѣ то поприще, къ какому онъ склоненъ по природѣ, различной всегда въ разныхъ индивидуумахъ рода человѣческаго. Какъ скоро небудетъ особыхъ преимуществъ одной государственной службы передъ другою, всѣ онѣ найдутъ себѣ охотниковъ, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ и разнымъ преградамъ, изобрѣтеннымъ невѣжествомъ и необходимостію вѣковъ прошедшихъ. Съ какимъ удовольствіемъ представляю я себѣ будущихъ воиновъ, судей, служителей церкви, художниковъ и ученыхъ, воспитывающихся подъ однимъ общимъ кровомъ, привыкающихъ смотрѣть братски другъ на друга и руководимыхъ, при всей разности ихъ занятій, однимъ общимъ, благимъ направленіемъ! Не упускайте изъ виду, что рознь и вражда между сословіями, порождаемая разностію воспитанія съ самаго дѣтства, духъ партій, поддерживаемый въ затворахъ духовныхъ и свѣт-

скихъ (корпусахъ), бываютъ главною причиною государственныхъ переворотовъ. Не всегда эти перевороты такъ кровавы, какъ послѣдній французскій, но всегда неоспоримо зловредны для государства. Истинно-патріотическое воспитаніе должно быть основано на началахъ болѣе честныхъ. Направляя все къ одной общей цѣли и дѣйствуя однообразно на всѣ состоянія, оно должно соединять ихъ между собою союзомъ неразрывнымъ на вѣки; должно вселять въ юные сердца, вмѣсто духа партій, который есть только видоизмѣненный эгоизмъ, святую любовь къ отечеству..

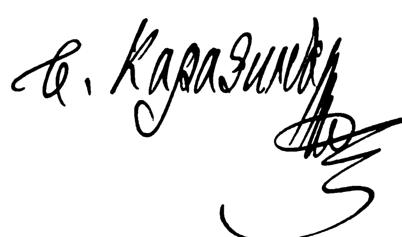
Чтобъ сдѣлать первый шагъ въ пользу медицинскихъ факультетовъ, надобно непремѣнно снять проклятіе, наложенное на медиковъ, выходящихъ изъ университетовъ. Если дерптскій университетъ провинился, то и наказывайте его одного; но зачѣмъ же карать всѣ другіе, заграждая пути ихъ воспитанникамъ? Такъ какъ, однако-жъ, дѣло уже совершено, то и остается думать только о томъ, какъ бы его поправить. И вотъ единственный случай, гдѣ бы можно было допустить отмѣну высочайшаго повелѣнія. Но и тутъ слѣдуетъ, ловкимъ образомъ, сохранить достоинство власти. Послѣднее разсужденіе прочтите какъ постскриптумъ, потому что оно дѣйствительно не относится прямо къ задачѣ, которую вы мнѣ дали. Вы сами медикъ; вы сами получили докторскій дипломъ отъ университета: вы должны unguibus et rostro защитить собственныя права.

Я пропустилъ еще нѣсколько мыслей, бывшихъ предметомъ нашего разговора у графа,—мыслей, которыя, какъ я, къ удовольствію моему, замѣтилъ, вошли уже въ его предположенія. Но вышепрописанные шесть пунктовъ я считаю особенно нужными. Да послужатъ они на пользу министерства народнаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ столько же, сколько четыре пункта, предложенные въ 1682 г. галликанскою церковью, о которыхъ говорится въ послѣднихъ газетахъ, послужили на ея пользу!

При невозможности сокрушить власть нашихъ папъ (C. et consortes) остается противудѣйствовать имъ исподоволь и безъ шуму.

Простите! не забывайте въ Петербургѣ истинно почитающаго васъ и преданнаго вамъ друга и слугу В. Каразина.

Сообщ. **Ф. В. Каразинъ.**



В. Н. КАРАЗИНЪ

1773—1842

ОСНОВАТЕЛЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», Т. XII, 1875 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 8 МАРТА 18..

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

Портретъ В. Н. Каразина.

До сихъ поръ портретъ основателя харьковскаго университета не былъ ни разу изданъ; приложенный при настоящей книгѣ „Русской Старины“ воспроизведенъ рѣзцомъ академика Л. А. Сѣрякова (по рисунку на деревѣ К. О. Брожа) съ портрета, снятаго съ натуры, въ самый годъ основанія харьковскаго университета; подлинникъ, рисованный на слоновой кости, въ С.-Петербургѣ, французскимъ эмигрантомъ гр. де-Шатобуромъ, и хранящійся у Ф. В. Каразина, обдѣланъ самимъ его родителемъ въ красный сафьяный футляръ, на крышкѣ котораго выбито золотыми буквами: „для моихъ друзей“, а съ противуположной стороны: „въ 1803, на тридцатомъ году жизни“.

В. Н. Каразинъ изображенъ совершенно еще молодымъ, съ голубыми глазами и темно-русыми, густыми, не длинными волосами; на немъ синій сюртукъ-плащъ, какіе тогда носили. Съ виду нельзя дать ему 30-ти лѣтъ, и дѣйствительно онъ, безъ сомнѣнія, былъ тогда очень моложавъ, потому, что въ одной черновой его, собственноручной запискѣ, назначавшейся для министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кочубея, по поводу жалобы изюмскаго помѣщика Капустянскаго и нѣкоторыхъ его сторонниковъ на неправильный, будто бы, созывъ Каразинымъ дворянъ въ Харьковѣ, для принудительной подписки на университетъ, говорится: „упомянутые господа сочли позволеннымъ заплатить школьнику (какъ они Каразина звали) и губернскому предводителю, за неуваженіе... и проч.

ДѢТИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ ВЪ ГОРСЕНСѢ.

Разсказъ по датскимъ извѣстіямъ.

Въ „Русской Старинѣ“, за январь 1873 г. (томъ VII, стр. 67—73), была напечатана замѣтка о пребываніи дѣтей правительницы Анны Леопольдовны въ городѣ Горсенсѣ, въ Даніи. Замѣтка эта основывалась главнымъ образомъ на одномъ письмѣ принцесы Екатерины Антоновны, а также на показаніяхъ, слышанныхъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ отъ архимандрита Іосифа, прожившаго восемь лѣтъ (1795—1803) при этихъ изгнанникахъ.

Извѣстно, что герцогъ Антонъ Ульрихъ и дѣти его, по воцареніи Елисаветы Петровны, отправлены были въ Холмогоры, а послѣ кончины отца два принца и двѣ принцесы въ 1780 г. переведены въ Горсенсъ, небольшой приморскій городъ на юговосточномъ берегу Ютландіи. Принцъ Алексѣй и принцеса Елисавета умерли тамъ до прибытія названнаго Іосифа: онъ засталъ въ живыхъ только брата ихъ Петра и сестру Екатерину. Послѣдняя страдала съ дѣтства совершенною глухотою вслѣдствіе несчастнаго паденія: ее уронили въ самый день катастрофы сверженія съ престола брата ея Іоанна. Она родилась за нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ іюлѣ 1741 г., а умерла въ 1807. На содержаніе плѣнниковъ назначено было Екатериною Второю 32,000 р. въ годъ, и вся эта сумма сполна выдавалась до кончины послѣдней принцесы.

Въ 1803 году архимандритъ Іосифъ былъ отозванъ въ Россію, а на его мѣсто опредѣленъ въ Горсенсъ синодальный соборный іеромонахъ Ѳеофанъ. Уже при этомъ новомъ духовникѣ принцеса Екатерина, въ означенномъ году, отправила къ императору Александру Павловичу писанное собственною ея рукою письмо. Оно также напечатано въ „Русской Старинѣ“ вслѣдъ за статьею.

Въ этомъ письмѣ престарѣлая принцеса горько жалуется на при-

тѣсненія, претерпѣваемыя ею со стороны датскихъ придворныхъ, которые будто бы обращаютъ въ свою пользу большую часть присылаемыхъ на ея содержаніе суммъ и заставляютъ ее переписывать письма, ими самими сочиненныя, чтобы представить все, до нея касающееся въ превратномъ видѣ.

Эти свѣдѣнія были перепечатаны въ копенгагенскомъ журналѣ „Historisk archiv" (1873 г., ч. II), при чемъ однако-жъ заподозрѣна ихъ достовѣрность.

Затѣмъ, въ іюльской книжкѣ того же изданія за прошлый годъ, появилась статья г. Гранцова подъ заглавіемъ: „Еще о русскомъ дворѣ въ Горсенсѣ". Авторъ ея, выражая сомнѣніе въ подлинности помянутаго письма принцесы Екатерины, или по крайней мѣрѣ въ справедливости его содержанія, представляетъ разныя соображенія, которыя могутъ привести къ другимъ выводамъ относительно поведенія датскихъ придворныхъ, приставленныхъ къ несчастной изгнанницѣ.

Недавно професоръ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитъ выразилъ мнѣ желаніе многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, чтобы русской публикѣ дана была возможность ознакомиться съ изображеніемъ обстоятельствъ этого дѣла съ датской точки зрѣнія. Высоко цѣня правило: „audiatur et altera pars", съ удовольствіемъ исполняю это законное желаніе, твердо увѣренный, что редакція „Русской Старины" не встрѣтитъ препятствія дать мѣсто предлагаемымъ извлеченіямъ изъ копенгагенскаго журнала.

Въ подкрѣпленіе своихъ сомнѣній г. Гранцовъ (авторъ датской статьи) приводитъ разныя обстоятельства и подробности, которыя не лишены интереса и дополняютъ наши свѣдѣнія о несчастномъ семействѣ. Императрица Екатерина отпустила дѣтей Антона Ульриха изъ Россіи по ходатайству тетки ихъ, датской королевы Юліаны-Маріи.[1]) На счетъ русскаго двора были куплены въ Горсенсѣ, на церковной площади, два самые лучшіе дома и перестроены въ одно зданіе подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, професора Гарсдорфа; все же обзаведеніе и устройство происходило подъ наблюденіемъ одного изъ генерал-адъютантовъ короля. При этомъ ничего не было упущено для приготовленія приличнаго жилища родственникамъ королевской фамиліи; изъ многихъ писемъ министра Гульдберга видно, какъ тщательно обдумывались мельчайшія подробности,

---

[1]) Супругъ ея Фридрихъ V умеръ уже въ 1766 году. Она была родная сестра Антона Ульриха Брауншвейгскаго; родилась и умерла въ тѣ же годы, какъ Екатерина II (1729—1796). Я. Г.

тѣмъ болѣе, что избѣгали излишнихъ издержекъ, зная, что въ каждомъ шилингѣ придется отдать отчетъ русскому двору. По вниманію и попеченіямъ, какія были оказываемы царственнымъ изгнанникамъ, авторъ полагаетъ, что пребываніе въ Горсенсѣ было имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пустынной крѣпости Холмогоръ, подъ надзоромъ „грубыхъ русскихъ офицеровъ". (Припомнимъ, что въ письмѣ принцесы Екатерины Горсенсъ названъ адомъ, а Холмогоры — раемъ). Между тѣмъ однако-жъ, такъ какъ принцы и принцесы были русскими государственными плѣнниками, которыхъ охраненіе было поручено императрицею датскому двору, то свобода ихъ подвергалась извѣстнымъ ограниченіямъ. Этимъ объясняется, почему вся русская свита, пріѣхавшая съ ними изъ Холмогоръ, была отправлена назадъ. Датское правительство съ этихъ поръ отвѣчало за всѣ ихъ дѣйствія и потому, естественно, должно было поручить наблюденіе за ними лицамъ, на которыхъ вполнѣ могло положиться. Вслѣдствіе того Гульдбергъ, между прочимъ, предписалъ, чтобы прежде всего отведено было помѣщеніе во дворцѣ датскимъ придворнымъ; русскій же священникъ, причетники и пѣвчіе, по недостатку мѣста, должны были довольствоваться болѣе отдаленнымъ жилищемъ и нанимать себѣ квартиры у частныхъ лицъ въ городѣ.

Въ началѣ принцы и принцесы находились подъ довольно строгимъ надзоромъ, и постороннимъ лицамъ запрещено было видѣться съ ними; уже по смерти Елисаветы и Алексѣя (въ 1782 и 1787 гг.) оставшимся въ живыхъ брату и сестрѣ ихъ позволено было свободнѣе сообщаться съ жителями города и окрестностей. Суммы, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, отпускались не прямо въ ихъ руки, а чрезъ посредство датскаго правительства; ихъ гоф-интендантъ, подобно всякому должностному лицу, обязанъ былъ ежегодно отдавать обстоятельный отчетъ въ употребленіи довѣряемыхъ ему суммъ, а за содержаніемъ двора наблюдала сама вдовствующая королева Юліана-Марія; когда же она умерла, эта обязанность перешла на сына ея, наслѣднаго принца Фридриха, ближайшаго родственника изгнанныхъ. При такомъ порядкѣ вещей было бы очень трудно позволить себѣ неправильное употребленіе суммъ, и можно, по мнѣнію г. Гранцова, положительно сказать, что принцеса Екатерина несправедливо обвиняла придворныхъ, когда въ письмѣ своемъ утверждала, что они „все употребляли деньги для своей пользы, и что они были прежде совсѣмъ бѣдны и ничто не имѣли, а тепериче они оттого здѣлалися богаты". Если даже предположить, что они въ самомъ дѣлѣ пользовались всякимъ случаемъ для своего обогащенія, то надо согласиться, что о большой поживѣ нельзя было и

думать, такъ какъ вся ежегодная выдача составляла менѣе 28,000 датскихъ риксдалеровъ и изъ этой суммы должны были покрываться всѣ немаловажныя издержки на содержаніе двора. По этому Гульдбергъ, еще до организаціи двора, писалъ обер-камергеру Шенку: „Мудрено будетъ помѣшать возвышенію цѣнъ, но я надѣюсь, что положеніе города въ наилучшей мѣстности и ваша извѣстная мнѣ благоразумная заботливость отвратятъ это неудобство". Содержаніе двора было подъ такимъ строгимъ контролемъ, что напримѣръ нужна была резолюція королевы для рѣшенія вопроса объ увеличеніи на 10 риксдалеровъ годоваго оклада городскому каплану, а гоф-интендантъ, полковникъ Лиліенскіольдъ, еще въ 1794 году былъ такъ небогатъ, что Шенкъ представлялъ королевѣ о выдачѣ ему въ пособіе 150 риксд. Едва-ли бы онъ сталъ домогаться такой ничтожной суммы, еслибъ обвиненіе принцесы Екатерины имѣло хоть какое-нибудь основаніе, или, другими словами, еслибъ ему стоило только запустить руку въ кассу, чтобы присвоить себѣ желанную сумму. Главное же обстоятельство, которое можно противупоставить означенному обвиненію,—то, что въ управленіи дворомъ былъ большой порядокъ: у принцевъ и принцесъ оставалось еще довольно средствъ для того, чтобы ежегодно жертвовать около 300 риксдалеровъ на городское духовенство, на школы, на бѣдныхъ и т. п.; кромѣ того, они выдавали почти такую же сумму на ученіе бѣднымъ дѣтямъ и на вспоможеніе неимущимъ вдовамъ, не считая значительныхъ подарковъ, которые принцы и принцесы раздавали своими руками. Только одна статья въ счетахъ 1790 года какъ-будто заключаетъ въ себѣ косвенное указаніе, что, пожалуй, обвиненія принцесы были не несправедливы: сумма въ 4,000 руб. на гардеробъ можетъ показаться слишкомъ значительною въ такое время, когда рѣчь могла идти только о двухъ лицахъ (принцѣ Петрѣ и принцесѣ Екатеринѣ); между тѣмъ однако-жъ и это возраженіе устраняется съ одной стороны исчисленіемъ отдѣльныхъ предметовъ гардероба, оказывающагося дѣйствительно роскошнымъ, съ другой—тѣмъ, что принцесы ежегодно раздаривали принадлежности своего туалета и обзаводились ими снова.

Далѣе принцеса Екатерина пишетъ, будто окружавшіе ее присвоили себѣ всѣ драгоцѣнности, оставшіяся послѣ смерти ея братьевъ и сестеръ, и вынудили у нея письмо къ русскому двору о назначеніи имъ пенсіи; поэтому она старается склонить императора Александра Павловича къ отмѣнѣ распоряженій, сдѣланныхъ противъ ея воли, и представляетъ, что серебряныя вещи и деньги, выдаваемыя на гардеробъ, а также и прочее имущество должны возвратиться въ

Петербургъ, откуда все это прислано. И здѣсь, по увѣренію г. Гранцова, можно офиціальными документами доказать несостоятельность всѣхъ этихъ обвиненій. Конечно, гардеробъ покойной принцесы Елисаветы былъ большею частію розданъ придворнымъ чинамъ и служителямъ (однако-жъ принцеса Екатерина получила на память часть бриліантовъ и вдовствующая королева бриліантовыя серьги), но это вовсе не было похищеніемъ со стороны двора, потому что все было сдѣлано съ одобренія и за своеручною подписью королевы. Удивленіе, возбуждаемое письмомъ принцесы, еще увеличивается, когда узнаемъ, что императрица Екатерина II, указомъ 10-го марта 1796 г., предоставила вдовствующей королевѣ Юліанѣ-Маріи все имущество, принадлежавшее принцесѣ и ея братьямъ и сестрамъ, но съ тѣмъ, чтобы остающіеся въ живыхъ имѣли пожизненное право располагать ими. Слѣдовательно, принцеса письмомъ своимъ убѣждаетъ императора Александра уничтожить болѣе раннее завѣщаніе, утвержденное русскимъ правительствомъ въ пользу родной тетки и ближайшей родственницы принцесы. Но этого недовольно: позднѣе она сама формальнымъ образомъ возобновила и подтвердила прежнія распоряженія: завѣщаніемъ 28-го октября 1802 года она своимъ исключительнымъ наслѣдникомъ назначила двоюроднаго брата своего, наслѣднаго принца Фридриха, въ случаѣ же если онъ умретъ прежде нея (что и дѣйствительно случилось въ декабрѣ 1805 года), то его сыновей.

Къ этому завѣщанію прибавлено нѣсколько пунктовъ въ пользу ея придворнаго штата, и она проситъ принца Фридриха позаботиться объ утвержденіи ихъ русскимъ правительствомъ. Эти распоряженія служатъ свидѣтельствомъ добраго расположенія принцесы къ окружавшимъ ее лицамъ и составляютъ отрадный контрастъ съ прискорбнымъ письмомъ ея, писаннымъ десятью мѣсяцами позже. Императоръ Александръ I, собственноручнымъ письмомъ, обѣщалъ исполнить всѣ желанія принцесы, что́ русское правительство и оправдало въ полнѣйшей мѣрѣ. Это письмо помѣчено 30-мъ іюня 1803 года. И что же? когда все устроено самымъ надежнымъ образомъ, принцеса какъ-будто раскаивается и посылаетъ 16-го (28) августа того же года свое обвинительное письмо! Въ вѣрности всего того, что сейчасъ изложено, говоритъ авторъ датской статьи, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; съ этимъ никакъ несовмѣстимо увѣреніе принцесы, что ее „одну заперли въ комнату съ секретаремъ“, когда заставили ее противъ воли писать о пенсіи. Если въ такихъ ея увѣреніяхъ предположить какое-нибудь основаніе, то они должны быть въ связи съ неизвѣстнымъ, позднѣе писаннымъ частнымъ письмомъ

ея къ императору; но по всему предшествующему кажется несомнѣннымъ, что навѣты принцесы и въ этомъ пунктѣ произошли отъ недоразумѣнія, или просто были выдуманы лицомъ, скрывшимся за принцесою.

Въ письмѣ принцесы Екатерины, продолжаетъ г. Гранцовъ, оказываются и другія ложныя обвиненія и очевидныя невѣрности по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ, а это бросаетъ подозрѣніе и на прочія заключающіяся въ немъ показанія. Авторъ разумѣетъ здѣсь невѣжливое обращеніе и равнодушіе, которыя, по словамъ письма, принцеса испытывала со стороны окружавшихъ ее: „они всякой день ѣздятъ гулять, а я всегда одна дома, а когда они дома бываютъ, они ко мне никогда не ходятъ, какъ кушать, и они разумѣютъ говорить по рускому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними, а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготовлятъ много кушатъ; они всегда меня худо обижаютъ и не даютъ мнѣ пива одной бутылки". Совершенную противоположность съ этими показаніями составляетъ свидѣтельство еще живущаго современника принцесы, камергера Рюсенстена: „Хотя,—говоритъ онъ,—я въ то время былъ еще очень молодъ, однако-жъ хорошо помню, что часто видѣлъ принцесу и окружавшихъ ее, которыхъ я и тогда и позднѣе коротко зналъ; ни въ то время, ни послѣ, я никогда не слыхалъ, чтобъ принцеса Екатерина была недовольна ими, или чтобъ можно было что-нибудь замѣтить противъ обращенія этихъ лицъ съ нею. Принцеса съ своей стороны показывала имъ явное дружелюбіе и всегда являлась веселою и оживленною. Она давала обѣды и вечера, а лѣтомъ нерѣдко отправлялась въ гости на сосѣднія дачи, гдѣ ее всегда принимали съ особеннымъ радушіемъ, пріѣзжала-ли она безъ зова со всею своею свитою на чай, или была приглашаема на обѣдъ въ большомъ обществѣ. Что такъ было, напримѣръ, у моихъ родителей, могу спеціально засвидѣтельствовать". Есть и другіе, согласные съ этимъ разсказы современниковъ, напримѣръ пастора Браша, который прибавляетъ, что принцеса, несмотря на совершенную свою глухоту и на печальный жребій свой, сохраняла веселый нравъ и ласково обращалась съ своими гостями. Надобно замѣтить, что и архимандритъ Іосифъ, прожившій восемь лѣтъ въ Горсенсѣ, ничего не говорилъ Бантышъ-Каменскому о дурномъ обращеніи придворныхъ съ принцесою.

Затѣмъ датскій авторъ разсуждаетъ о сомнительной для него подлинности напечатаннаго въ „Русской Старинѣ" письма принцесы Екатерины; но для насъ всѣ его соображенія по этому поводу ли-

шены значенія, такъ какъ разсматриваемый документъ, благодаря обязательному содѣйствію К. К. Злобина, по связи съ бумагами императрицы Екатерины II, извѣстенъ мнѣ въ подлинникѣ, который хранится въ государственномъ архивѣ. Могу засвидѣтельствовать, что текстъ письма въ „Русской Старинѣ“ совершенно согласенъ съ этимъ подлиинникомъ. Есть доказательство и на то, что это письмо дѣйствительно дошло до императора Александра Павловича: оно, по его повелѣнію, было препровождено синодальнымъ обер-прокуроромъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыскому, при отношеніи отъ 5-го декабря 1804 года. Къ нему присоединено было еще и другое подлинное письмо принцесы, позднѣе писанное къ государю. Оно сообщается здѣсь во всей точности:

„Благочестивешій самодержавнѣшій всемилостивешій государъ.

„Я имею честъ послатъ златую табакирку для вашего Імператорскаго Вѣличества чрезъ отца моево духовнаго Соборнаго Іеромонаха Өеофана, изволтѣ оную принятъ взнакъ мое чувствителности за ваши Імператорски высоки милости для менѣ, я имею честъ сказать правду вашему Імператорскому величеству, что етотъ Іеромонахъ многа для менѣ старался и многа для менѣ добро делалъ. Я всегда молюся богу о сохранѣніи жизни вашей и я сегда пребуду сдолжнымъ почтѣніемъ истинымъ усердіе и преданностію.

„Всемилостивешій Государь вашего Імператорскаго величества покорнешая слуга Брауншвеиска люнебургска Екатерина“.

«Горсенсъ. Іюля 25 дня 1804 года».

Ниже увидимъ, что это второе письмо по одному обстоятельству заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я разумѣю отношенія упомянутаго въ этомъ письмѣ іеромонаха Өеофана къ принцесѣ; они развиваются въ заключеніи статьи г. Гранцова и дѣйствительно не должны быть упущены изъ виду, тѣмъ болѣе, что къ подтвержденію ихъ служатъ любопытные документы. Какъ объяснить, спрашиваетъ авторъ, что принцеса могла написать письмо (т. е. первое), находящееся въ противорѣчіи со всѣми другими извѣстіями? Она сама, — отвѣчаетъ онъ, — намекаетъ на причины такого разногласія. Принцеса жалуется, что къ ней не допускали духовника ея, когда она писала о пенсіи; она думаетъ, что государь заподозритъ письмо, если оно не будетъ подписано священникомъ и т. п. Поэтому трудно защититься отъ мысли, что устами ея говоритъ іеромонахъ Өеофанъ. Не ей же самой можно приписать заботу, чтобы это письмо къ императору Александру, для отклоненія всякаго подозрѣнія въ подлогѣ, было

снабжено удостовѣреніемъ, что оно своеручно передано Ѳеофану принцесою въ церкви, въ присутствіи свидѣтелей. [1]) Но такое предположеніе основывается не на одномъ содержаніи письма. Въ одной, сообщенной г. Гранцову замѣткѣ говорится: „Находившійся при принцесѣ монахъ былъ интриганъ, который своими наговорами и вмѣшательствомъ въ дѣла ея причинялъ датскому двору большія затрудненія“. Жалобы на него доходили до самого наслѣднаго принца, бывшаго попечителемъ принцесы. Такъ этотъ принцъ писалъ, 27-го марта 1804 года, къ полковнику Лиліенскіольду (имѣвшему надзоръ за всею экономіею Екатерины): „То, что монахъ теперь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлался разумнѣе, будетъ, какъ и вы надѣетесь, имѣть полезное дѣйствіе, чего я желаю особенно для спокойствія самой принцесы, которая по своей участи имѣетъ право на тихую и веселую старость“. Есть доказательства, что столь же доброжелательно относились къ принцесѣ и придворные. Много лѣтъ послѣ ея смерти, управлявшій дворомъ ея имѣлъ случай доказать преданность и уваженіе, которыя всегда питалъ къ покойной: умирая, она выразила желаніе, чтобы гробъ ея, вмѣстѣ съ гробами ея братьевъ и сестры, былъ поставленъ въ подземный склепъ подъ сводами. Военныя событія долго мѣшали исполненію этой мысли; но спустя десять лѣтъ послѣ ея кончины полковникъ Лиліенскіольдъ, тогда уже 82-хъ лѣтній старецъ, счелъ нужнымъ напомнить принцу Христіану о желаніи, выраженномъ ею на смертномъ одрѣ.

Въ подкрѣпленіе приведенныхъ отзывовъ о Ѳеофанѣ, копенгагенскій журналъ, въ октябрьской книгѣ прошлаго года, представилъ извлеченіе изъ двухъ писемъ полковника Лиліенскіольда къ гр. Бернсторфу, который, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Даніи: по смерти наслѣднаго принца Фридриха, наблюденіе за дворомъ принцесы перешло въ вѣдѣніе этого министерства. Оба письма содержатъ весьма положительныя и рѣзкія обвиненія противъ свойствъ и поведенія іеромонаха Ѳеофана. Въ первомъ письмѣ говорится вообще о лживыхъ слухахъ, распространяемыхъ на счетъ двора принцесы присылаемыми къ ней монахами и объ ихъ корыстныхъ поступкахъ въ отношеніи къ ней самой. „Худшимъ изъ этихъ монаховъ“ описывается Ѳеофанъ: его гордость, честолюбіе и безстыдство испыталъ на себѣ самъ покойный наслѣдный принцъ: въ разговорѣ съ нимъ въ горсенскомъ дворцѣ принцъ до

---

[1]) Въ концѣ ея письма къ государю эти обстоятельства засвидѣтельствованы подписями не только самого Ѳеофана, но также церковниковъ, Стефанова и Поликратова. Я. Г.

того былъ оскорбленъ, что поспѣшилъ удалиться въ свой кабинетъ и потребовалъ стаканъ воды, чтобъ успокоиться. Въ примѣръ поведенія этого монаха съ принцесою приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай: когда она, по обыкновенію, въ день своихъ имянинъ дала ему двѣ бумажки, въ 10 риксдалеровъ каждую, то онъ тутъ же при ней разорвалъ ихъ и сказалъ: „Въ Россіи государь даетъ по сту риксдалеровъ". При его отъѣздѣ, принцеса, по его требованію, за нѣсколько оставленныхъ имъ русскихъ книгъ уплатила ему 150 риксдалеровъ. Лучшую золотую табакерку ея, украшенную брилліантами, онъ также взялъ съ собой, говоря, что принесетъ ее въ даръ государю отъ имени принцесы. Справедливость этого показанія подтверждается напечатаннымъ выше вторымъ письмомъ Екатерины Антоновны. Конечно, нѣтъ доказательствъ, чтобы это приношеніе было сдѣлано не по собственному ея побужденію; однако-жъ слова, которыя въ этомъ письмѣ служатъ къ похвалѣ подателя его, заставляютъ въ самомъ дѣлѣ предполагать тутъ участіе Ѳеофана.

Въ предъидущемъ собрано мною все существенное изъ того, что приведено въ копенгагенскомъ журналѣ для оправданія дѣйствій придворныхъ, окружавшихъ въ Горсенсѣ принцесу Екатерину. Принять эти свѣдѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ предоставляю каждому читателю по собственному его разумѣнію. Съ своей стороны позволю себѣ только два замѣчанія: во-первыхъ, принцеса, по совершенной глухотѣ своей и незнанію иностранныхъ языковъ лишенная возможности свободно сообщаться съ окружавшими ее датчанами, дѣйствительно могла представлять себѣ многое въ превратномъ или преувеличенномъ видѣ, или подчиняться вліянію духовника, къ которому естественно питала неограниченное довѣріе; во-вторыхъ, если бы приставленные къ ней датчане и не всѣ были такъ свободны отъ всякого упрека, какъ копенгагенскій журналъ старается ихъ представить, то это не могло бы однако-жъ быть оскорбительнымъ для чести датской націи, точно такъ же какъ и поступки того или другаго русскаго монаха не могутъ ронять русскаго имени. Неужели честь націи въ зависимости отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ? Если бы такъ было, то каждый народъ долженъ бы стыдиться своей исторіи, ибо гдѣ нѣтъ людей, которыхъ дѣйствія заслуживаютъ кары правдиваго суда потомства? Единственною цѣлью изслѣдованія въ подобныхъ случаяхъ должно быть разъясненіе исторической истины.

Я. К. Гротъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПЕРВАГО КАМЕР-ПАЖА

великой княгини Александры Ѳеодоровны.

1817—1819.

Du sprichst von Zeiten, die vergangen sind.
Don Carlos.

„Oh, le bon, le bon vieux temps!"

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ той эпохи, къ которой относятся мои воспоминанія; много событій и малыхъ и великихъ, пропавшихъ безслѣдно и занесенныхъ въ лѣтописи, въ число великихъ страницъ исторіи, совершилось съ тѣхъ поръ; во многихъ изъ тѣхъ событій пришлось и мнѣ быть дѣйствующимъ лицомъ, но дни моего камер-пажества такъ свѣтло озаряли восходящимъ лучемъ надежды начало моего жизненнаго пути, что теперь, на исходѣ того пути, они живо и всецѣло воскресаютъ предъ мной. Есть въ жизни дни и часы, которые впечатлѣваются не только въ памяти, но западаютъ въ душу; впечатлѣнія эти такъ глубоки не отъ того, что случилось что-либо особенное, знаменательное, но просто отъ нашего собственнаго тогдашняго настроенія, и эти впечатлѣнія кажутся не воспоминаніемъ давно прошедшаго, отдѣленнаго цѣлымъ полувѣкомъ, а припоминаніемъ вчерашняго радостнаго дня. Къ такимъ днямъ и часамъ относится время моего камер-пажества. Набрасывая эти воспоминанія, взятыя изъ моихъ камер-пажескихъ записокъ, я и не думалъ отдавать ихъ когда-либо въ печать. Я ихъ писалъ для себя, для своихъ дѣтей; но многіе изъ моихъ друзей, стоящихъ ближе къ тому давно прошедшему времени, а нѣкоторые и жившихъ тою жизнью, уговорили меня подѣлиться этими воспоминаніями съ тѣми, которые интересуются жизнію минувшихъ поколѣній и изучаютъ эту жизнь не по однимъ ея крупнымъ, выдающимся фактамъ, но и по ея мелкимъ частнымъ проявленіямъ.

Въ настоящее время, въ нашемъ обществѣ вообще возбужденъ

интересъ къ мемуарамъ и разсказамъ прошедшихъ лѣтъ. Воспоминанія камер-пажа, конечно, не могутъ имѣть значенія историческаго интереса, но для многихъ онѣ возбудятъ въ памяти былые дни ихъ жизни, ихъ молодости, съ которыми соединены и ихъ лучшія воспоминанія.

Годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, вспоминались всегда съ любовью императоромъ Николаемъ—и онъ считалъ ихъ своими лучшими годами.

При представленіи моемъ императрицѣ Александрѣ Өедоровнѣ, въ 1843 году, въ Твери, уже командиромъ Гусарскаго великаго князя Михаила Павловича полка, государыня прямо встрѣтила меня словами:

— Ah bonjour, mon vieux, vieux page. Mon fils m'a dit, que je Vous trouverai ici et déjà comme général.

— Mais Votre Majesté,—отвѣчалъ я,—il y a plus de vingt cinq ans, que j'avais le bonheur de Vous servir comme page.

— Ah c'est vrai! Oh le bon, le bon vieux temps.

Эти слова императрицы я ставлю эпиграфомъ къ воспоминаніямъ камер-пажа.

I.

Назначеніе меня пажемъ. — Моя родня. — Карлъ Өедоровичъ Багговутъ.

Отецъ мой, отставной маіоръ, былъ помѣщикъ Полтавской губерніи. Родственныя отношенія моего дѣда къ гр. Разумовскому, любимцу императрицы Елисаветы, открыли моему отцу начало къ блестящей карьерѣ, которою въ то время пользовались лишь знатнѣйшія и вліятельнѣйшія дворянскія фамиліи. Записанный съ малолѣтства въ л.-гв. Измайловскій полкъ, онъ 19-ти лѣтъ вступилъ сержантомъ на службу; но вскорѣ перешелъ въ легко-конный малороссійскій полкъ маіоромъ и затѣмъ, по случаю смерти моего дѣда, оставилъ службу и поселился въ своемъ переяславльскомъ имѣніи.

Переяславль, въ то время, имѣлъ своего коменданта въ лицѣ полковника Якова Максимовича фон-Фока, служившаго въ арміи фельдмаршала Румянцева и, должно полагать, служившаго хорошо и честно, потому что Румянцевъ полюбилъ его, доставилъ ему это мѣсто, а потомъ сдѣлалъ главноуправляющимъ своего огромнаго гомельскаго имѣнія, пожалованнаго ему Екатериною II. У фон-Фока было много дѣтей. Изъ нихъ я упомяну только о

моемъ дядѣ, Максимѣ Яковлевичѣ—бывшемъ начальникѣ III отдѣленія собственной его величества канцеляріи, о которомъ такъ сочувственно отзывается Гречъ въ своихъ запискахъ, и о его двухъ сестрахъ: Евѣ Яковлевнѣ—моей матери и Елисаветѣ Яковлевнѣ, вышедшей замужъ за Карла Ѳедоровича Багговутъ, впослѣдствіи героя отечественной войны, родству съ которымъ я и обязанъ опредѣленію меня въ пажескій корпусъ, и о которыхъ потому позволю себѣ поговорить немного подробнѣе.

Изъ патента, сохраняющагося у меня, видно, что маркграфъ анншах-байрейтской службы, капитанъ Карлъ-Густавъ фон-Багговутъ принятъ въ россійскую службу подпоручикомъ 1779 г., марта 4-го дня.[1]) Когда онъ познакомился съ семействомъ фон-Фока, онъ служилъ уже капитаномъ въ арміи Румянцева, въ Сибирскомъ гренадерскомъ полку кн. Дашкова, который квартировалъ въ Кіевѣ, гдѣ и женился на Елисаветѣ Яковлевнѣ. Ихъ взаимная привязанность осталась неизмѣнною до того рокового дня, когда французское ядро вырвало его изъ рядовъ защитниковъ русской земли. У меня хранятся письма Карла Ѳедоровича къ его женѣ, и послѣднее его письмо, за три дня до тарутинской битвы, также нѣжно, также наполнено изліяніями горячей любви и тоски о разлукѣ, какъ и письмо 1794 г., когда онъ въ первый разъ былъ разлученъ съ своею молодою женою.

Въ 1794 году Багговутъ, съ своимъ полкомъ, стоялъ въ Варшавѣ. Неожиданно ночью подъ свѣтлый праздникъ ударили тревогу и Варшава разразилась бунтомъ. Нашъ небольшой гарнизонъ, застигнутый въ расплохъ, долженъ былъ ее оставить и малыми частями пробиваться за Вислу, а наши военныя дамы: княгиня Гагарина, Чичерина, Багговутъ и другія остались въ Варшавѣ плѣнницами поляковъ. Ихъ помѣстили въ королевскомъ замкѣ, не выпускали изъ стѣнъ его и грубо повѣряли каждый вечеръ перекличкой. Печально было положеніе плѣнницъ, въ чи-

[1]) Отецъ моего дяди, генерала Багговута, по примѣру многихъ того времени дворянъ, какъ русскихъ, такъ въ особенности остзейскихъ губерній, купилъ для четырехъ своихъ сыновей патенты на военные чины анншах-байрейтской службы, въ которой они однако-жъ никогда не состояли. Таковые патенты можно было пріобрѣтать у разныхъ мелкихъ германскихъ владѣтелей и этотъ не всѣмъ вообще доступный способъ для поступленія въ россійскія войска прямо съ офицерскимъ чиномъ—правительствомъ допускался.

Примѣч. Гр. В. Ѳ. Адлерберга 1-го.

*

слѣ которыхъ была и вдова кн. Гагарина, убитаго при выступленіи нашихъ войскъ изъ города. Не менѣе страдалъ и Багговутъ, такъ внезапно разлученный съ любимою женою. Его письма къ женѣ дышатъ юношескою свѣжестью и восторженностью шиллеровской эпохи. Въ нихъ онъ изливаетъ свою скорбь и любовь, упрекаетъ себя въ томъ, что сдѣлалъ ее несчастною, вырвавъ изъ семейства и лишивъ перваго блага жизни — свободы. Онъ хлопоталъ и старался освободить ее изъ плѣна; писалъ два раза къ генералу Костюшкѣ, умоляя его освободить жену и княгиню Гагарину—и даже предлагалъ въ замѣнъ ихъ испросить у главнокомандующаго освобожденія двухъ плѣнныхъ капитановъ польской службы. Но все было напрасно и наши дамы оставались плѣнницами поляковъ до Суворовскаго штурма.

«Нельзя себѣ вообразить,—разсказывала впослѣдствіи Елисавета Яковлевна,—что̀ перестрадала я во время этого штурма; а онъ длился и длился, казалось, безъ конца. Пушечные выстрѣлы напоминали мнѣ объ опасности моего мужа, который былъ въ арміи Суворова—и я заливалась слезами. Неистовые вопли толпы подъ нашими окнами и грозные взгляды нашихъ стражей осушали на минуту эти слезы и я трепетала уже за себя, припоминая всѣ ужасы тогдашнихъ парижскихъ событій. Наконецъ, послѣ долгихъ мучительныхъ часовъ, пушечная пальба утихла, стража исчезла, водворилась тишина, прерываемая только вздохами и молитвами бывшихъ со мною женщинъ. Тутъ я внезапно очнулась, вскочила, набросила на себя первый попавшійся мнѣ подъ руку платокъ и выбѣжала изъ за̀мка».

Багговутъ, послѣ кроваваго штурма, бросился въ Варшаву отыскивать свою жену. На Прагскомъ мосту встрѣтились и обнялись супруги.

Воцареніе Павла застало Багговута генераломъ и командиромъ 4-го егерскаго полка. Онъ квартировалъ въ какомъ-то небольшомъ городкѣ въ Литвѣ.

«Страшное это было время,—говорила Елисавета Яковлевна,—каждый разъ, услыша почтовый колокольчикъ, мы приходили въ тревогу, умолкали, блѣднѣли и прислушивались. Когда колокольчикъ замиралъ вдалекѣ, мы, улыбаясь, взглядывали другъ на друга, какъ-будто что-то страшное пронеслось мимо и радовались, что успѣли уклониться отъ чего-то грознаго, рокового».

Но однажды зловѣщій почтовый колокольчикъ умолкъ у самой квартиры Багговута. Входитъ новый полковой командиръ съ императорскимъ указомъ, что Багговутъ отставленъ отъ службы. За что? Никто не зналъ—да тогда этого и не спрашивали. Тогда воля Павла была тоже, что непостижимая судьба. Она нежданно, внезапно иныхъ возвышала, другихъ уничтожала. Это былъ фатумъ древнихъ—неумолимый, безпричинный.

Елисавета Яковлевна продала свой гардеробъ, свои дорогія вещи, которыхъ было немного. Багговутъ сдалъ полкъ, расплатился съ долгами и молодая чета, въ жидовской бричкѣ, налегкѣ отправилась въ Гомель. Фон-Фокъ пріютилъ ихъ и назначилъ зятя своего, Багговута управляющимъ однимъ изъ фольварковъ гомельскаго имѣнія. Тутъ, вблизи своего семейства, Елисавета Яковлевна и ея мужъ отдохнули и оправились отъ постигшаго ихъ такъ неожиданно удара. А ударъ этотъ былъ слѣдствіемъ ошибки. Багговутъ, вступивъ въ русскую службу, отбросилъ окончаніе своей фамиліи и сталъ называться просто Багго. Такъ онъ подписывался и на письмахъ къ женѣ и на офиціальныхъ бумагахъ до вторичнаго поступленія на службу и только подъ этой фамиліей былъ извѣстенъ. Въ одно время съ Багговутомъ другимъ егерскимъ полкомъ командовалъ генералъ Балла, убитый также въ отечественную войну подъ Смоленскомъ. Этотъ генералъ представилъ къ производству въ офицеры своихъ подпрапорщиковъ, упустивъ изъ виду, по незнанію или невниманію, недавно отданное повелѣніе Павла, чтобы впредь всѣхъ унтер-офицеровъ изъ дворянъ именовать не подпрапорщиками, а юнкерами. Ошибся-ли докладчикъ представленіемъ или самъ императоръ ошибочно прочелъ фамилію, вспомнивъ ту, которая была ему болѣе извѣстна, такъ какъ сестра Карла Ѳедоровича Багговутъ, Юлія Ѳедоровна Адлербергъ, находилась тогда при малолѣтнихъ в. кн. Николаѣ и Михаилѣ, но дѣло въ томъ, что вина генерала Балла пала всею тяжестью на неповиннаго генерала Багго. Такое явное неисполненіе высочайшаго указа прогнѣвило Павла—и онъ, по обыкновенію своему, вспыльчивый и скорый, не ожидая справокъ и объясненій, на томъ же представленіи написалъ собственноручно резолюцію: «генерала Багго отставить». Противъ рѣшеній Павла не могло быть опроверженій и виновный въ случайной замѣнѣ двухъ однозвучныхъ фамилій, если онъ

былъ и созналъ даже свою ошибку, конечно, не посмѣлъ признаться въ ней императору.

Война 1799 года и нашъ походъ въ Италію, для участія въ которомъ, по повелѣнію императора Павла, было разрѣшено отставнымъ генераламъ и офицерамъ явиться въ Петербургъ для поступленія вновь на службу, вызвалъ въ числѣ прочихъ и Багговута. Карлъ Ѳедоровичъ пускается въ путь, пріѣзжаетъ вечеромъ въ Петербургъ и готовится на другое утро представиться военному губернатору. Но опять неожиданный ударъ судьбы. Въ ночь является къ нему полицейскій чиновникъ и объявляетъ, что, по волѣ государя, всѣ въѣхавшіе чрезъ гатчинскую заставу въ такомъ-то часу въ столицу, должны немедленно выѣхать обратно и что онъ присланъ его проводить за заставу, такъ какъ и Багговутъ въѣхалъ въ столицу въ этомъ часу, что видно изъ записки караульнаго офицера у гатчинской заставы. Дѣлать было нечего. Карлъ Ѳедоровичъ въ туже ночь поѣхалъ обратно въ Гомель хозяйничать въ маленькомъ фольваркѣ. Но что же вызвало это поголовное изгнаніе всѣхъ въѣхавшихъ въ Петербургъ чрезъ гатчинскую заставу? Дѣло было въ томъ, что въ этотъ же день императоръ Павелъ въѣзжалъ въ городъ, возвращаясь изъ Гатчины. У заставы придворная кухня шведскаго короля, въѣзжавшая также въ городъ, задержала экипажъ государя. Павелъ, не любившій Густава IV, за неудавшееся сватовство на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, раздосадованный его безтактнымъ поведеніемъ во время пребыванія въ Петербургѣ, а въ этотъ день разгнѣванный до-нельзя отказомъ, по желанію императора, дать орденъ Серафима гр. Кутайсову, отдалъ повелѣніе выпроводить за заставу всѣхъ, кто въ этомъ часу въѣзжалъ въ городъ. Вслѣдствіе чего и придворная кухня и русская свита, назначенныя сопровождать короля были высланы изъ города и Густавъ IV, съ своею свитою, продовольствовался до границы стараніемъ какого-то финскаго пастора.

Съ воцареніемъ императора Александра I служебная карьера Карла Ѳедоровича окончательно установилась. Багговуту было возвращено старшинство, такъ что онъ въ 1804 году былъ уже произведенъ въ генерал-лейтенанты. Участвуя съ тѣхъ поръ съ отличіемъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ Наполеона, онъ до самой смерти пользовался особенною милостію государя. Въ 1811 г.,

9-го февраля, изъ города Шавли, Карлъ Ѳедоровичъ увѣдомилъ моего отца, что императоръ, по его просьбѣ, повелѣлъ опредѣлить меня пажемъ къ высочайшему двору.

Въ 1812 году, 6-го октября, Багговутъ, командуя 2-мъ корпусомъ, въ головѣ наступательнаго нашего движенія на французской авангардъ при Тарутинѣ, былъ убитъ первымъ непріятельскимъ ядромъ. Это былъ первый пушечный выстрѣлъ послѣ занятія французами Москвы. Онъ былъ какъ бы сигналомъ перелома въ отечественной войнѣ. Съ него начались несчастія французовъ и наши побѣды.

Геройская смерть Карла Ѳедоровича нанесла страшный ударъ Елисаветѣ Яковлевнѣ. Несмотря на всѣ царскія милости, она долго не могла утѣшиться. Лѣтомъ, въ 1813 году, она поѣхала въ Калугу и жила въ монастырѣ, въ оградѣ котораго похороненъ Карлъ Ѳедоровичъ. Потомъ пріѣхала къ сестрѣ своей, моей матери, въ деревню, взяла меня съ собою въ Петербургъ и помѣстила въ пансіонъ пастора Коленса, который считался тогда однимъ изъ лучшихъ частныхъ училищъ.

Не долго я пробылъ въ пансіонѣ Коленса. По особенной просьбѣ къ императору Александру, который никогда ни въ чемъ не отказывалъ вдовѣ генерала Багговута, я былъ принятъ въ пажескій корпусъ. Это было въ концѣ 1815 года.

II.

Пажескій корпусъ.—Пажи, ихъ начальство и обученіе.

Право быть опредѣленнымъ пажемъ къ высочайшему двору считалось особенной милостью и предоставлялось только дѣтямъ высшихъ дворянскихъ фамилій. Кромѣ того, пажескій корпусъ въ то время былъ единственное заведеніе, изъ котораго камерпажи, по своему выбору, выходили прямо офицерами въ полки старой гвардіи, куда стремилось все высшее и почетнѣйшее дворянство. При такихъ условіяхъ поступленіе въ пажескій корпусъ представляло значительныя затрудненія.

Пажескій корпусъ хотя находился и въ то время въ числѣ военно-учебныхъ заведеній, причемъ состоялъ подъ начальствомъ главнаго начальника этихъ заведеній, но во многомъ рѣзко отличался отъ нихъ. Это былъ скорѣе аристократическій придвор-

ный пансіонъ. Пажи отличались отъ кадетовъ своимъ обмундированіемъ: мундирное сукно было тонкое, вмѣсто кивера они имѣли трех-угольную офицерскую шляпу и не носили при себѣ никакого оружія. Одни камер-пажи имѣли шпаги. Пажи не дѣлились какъ кадеты, на роты,—но на отдѣленія. Вмѣсто ротныхъ командировъ у нихъ были гувернеры; вмѣсто батальоннаго командира—гофмейстеръ пажей. Пажи часто требовались во дворецъ къ высочайшимъ выходамъ. Ихъ разставляли по обѣимъ сторонамъ дверей комнатъ, чрезъ которыя должна была проходить императорская фамилія. Въ этомъ случаѣ особенно забавны были маленькіе пажи. Съ завитою, напудренною головой, съ большой трех-угольной шляпой въ рукѣ, они гордо стояли, съ важной миной сознанія своего достоинства. Служба эта очень нравилась пажамъ, они ею тщеславились и по нѣскольку дней не смывали пудры съ головы, а иногда вновь припудривались, чтобы заявлять, что они были при дворѣ. Мнѣ одинъ разъ случилось исполнять службу пажей елисаветинскаго времени, когда для торжественныхъ поѣздовъ были устроены особыя, большія, парадныя, вызолоченныя кареты, которыя возились восемью лошадьми шагомъ. На переднихъ рессорахъ этихъ каретъ были устроены небольшія круглыя сидѣнья. На эти сидѣнья (ихъ называли пазами) сажали пажей лицомъ къ каретѣ, спиной къ лошадямъ.

Мать Екатерины II, принцеса Ангальт-Цербтская, описывая своему супругу брачный и торжественный поѣздъ ихъ дочери, будущей императрицы Екатерины, говоритъ про карету Елисаветы Петровны: «c'est un petit chateau», прибавляя, что за каретой, на запяткахъ, стояли два камер-пажа, а на каретѣ принцесы Гессен-Гомбургской, слѣдовавшей въ томъ же поѣздѣ,—на пазахъ сидѣли два пажа, по ея словамъ: «deux pages couchés sur les sangles».

Въ 1816 году императоръ Александръ приказалъ въ одной изъ такихъ каретъ возить во дворецъ, на торжественныя аудіенціи персидскаго посла и, при прощальной аудіенціи, я былъ назначенъ съ пажемъ Грессеромъ сидѣть на пазахъ.

Бывшій Мальтійскій дворецъ, домъ бывшаго государственнымъ канцлеромъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ графа Воронцова, занимаемый пажескимъ корпусомъ, не былъ еще приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія и носилъ всѣ при-

знаки роскоши жилища богатаго вельможи XVIII столѣтія. Великолѣпная двойная лѣстница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этажъ, гдѣ помѣщались дортуары и классы. Въ огромной залѣ, въ два свѣта, былъ дортуаръ 2-го и половины 3-го отдѣленій; въ другихъ большихъ трехъ комнатахъ помѣщались другая половина 3-го и 4-е отдѣленіе. Первое же отдѣленіе малолѣтнихъ тѣснилось въ низкомъ антресолѣ, устроенномъ изъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги и хора для музыки.

Всѣ дортуары и классы имѣли великолѣпные плафоны. Картины этихъ плафоновъ изображали сцены изъ Овидіевыхъ превращеній, съ обнаженными богинями и полубогинями. Въ комнатѣ 4-го отдѣленія, гдѣ стояла моя кровать, на плафонѣ было изображеніе освобожденія Персеемъ Андромеды. Безъ всякихъ покрововъ прелестная Андромеда стояла прикованная къ скалѣ, а передъ нею Персей, поражающій дракона.

Непонятно, какъ никому изъ начальствующихъ лицъ не пришло на мысль, что эти мифологическія картины тутъ вовсе не у мѣста, что безпрестанное невольное созерцаніе обнаженныхъ прелестей богинь можетъ пагубно дѣйствовать на воображеніе воспитанниковъ — и что гораздо цѣлесообразнѣе было бы снять эти дорогія картины (говорятъ онѣ были очень цѣнны) продать и на эти деньги устроить хоть небольшую библіотеку и физическій кабинетъ. Этихъ вспомогательныхъ пособій образованія вовсе не было. Но главное начальство мало интересовалось нами.

Главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, в. к. Константинъ Павловичъ жилъ въ Варшавѣ и ни разу не посѣтилъ корпуса.

Заступающій его мѣсто генералъ Клингеръ занимался нѣмецкою литературою и писалъ философскіе романы. Это былъ человѣкъ желчный, сухой, угрюмый, одинъ изъ первыхъ писателей реальной школы въ Германіи. Директоръ корпуса, генералъ Гогель, былъ членомъ ученаго артилерійскаго комитета — и какъ артилеристъ болѣе интересовался пушками-единорогами, нежели пажами. Инспекторъ классовъ полковникъ Odé de Sion, французскій эмигрантъ, любилъ болѣе хорошее вино, хорошій обѣдъ и свою масонскую ложу, въ которой онъ занималъ мѣсто великаго мастера. Иногда, въ послѣобѣденные часы, предъ тѣмъ, чтобы отправиться въ ложу, приходилъ онъ въ классы и тамъ,

гдѣ не было учителя, садился подремать на кафедрѣ. Одинъ нашъ гофмейстеръ, полковникъ Клингенбергъ, былъ къ намъ близокъ и жилъ нашею жизнію. Это былъ душа-человѣкъ, простой, ласковый, симпатичный, хотя крикливый. Пажи любили, уважали и боялись его, но кругъ его дѣятельности былъ ограниченъ наблюденіемъ за порядкомъ и приготовленіемъ пажей къ военной службѣ.

По окончаніи утреннихъ уроковъ, въ 12 часовъ собирались пажи въ небольшую рекреаціонную залу, строились по отдѣленіямъ, приходилъ очередной ежедневный караулъ изъ 10-ти пажей, барабанщика и камер-пажа, являлся Клингенбергъ и дѣлалъ разводъ по всѣмъ правиламъ тогдашней гарнизонной службы. Карауломъ командовалъ дежурный по корпусу камер-пажъ. Это было единственное фронтовое образованіе пажей. Не было ни одиночной выправки, ни ружейныхъ пріемовъ, ни маршировки, кромѣ маршировки въ столовую, причемъ пажи немилосердно топали ногами. Правда, лѣтомъ одинъ мѣсяцъ посвящался обученію фронта — но это было больше для камер-пажей, которые, какъ офицеры, командуя маленькими взводами въ 5 рядовъ, съ большимъ стараніемъ изучали тогдашній мудреный строевой уставъ и всѣ трудныя деплояды съ контр-маршемъ и построеніе анэшекіе. Что же касается до научнаго образованія, то въ то время и мы, какъ и всѣ, по меткому изреченію Пушкина, учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь.[1])

Въ пажескомъ корпусѣ науки преподавались безъ системы, поверхностно, отрывочно. Изъ класса въ классъ пажи переводились по общему итогу всѣхъ баловъ, включая и балы за поведеніе, и потому нерѣдко случалось, что ученикъ, некончившій ариѳметики, попадалъ въ классъ прямо на геометрію и алгебру. Въ классѣ исторіи разсказывалось про Олегова коня и про то, какъ Святославъ ѣлъ кобылятину. Нѣсколько задачъ Войцеховскаго и формулы дифференціаловъ и интеграловъ, вызубренныя напамять, со-

---

[1]) Сужденія о бывшихъ начальствующихъ лицахъ пажескаго корпуса не совсѣмъ справедливы, равно какъ сужденія о преподаваніи наукъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что было во время моего пребыванія въ корпусѣ. Конечно, тогдашнее образованіе учениковъ стояло гораздо ниже уровня теперяшняго, но все-таки оно не было такъ ничтожно, какъ говорить о томъ авторъ записокъ. Примѣч. Гр. В. Ѳ. Адлерберга 1-го.

ставляли высшую математику. Професоръ Бутырскій училъ русской словесности и упражнялъ насъ въ хріяхъ и другихъ риторическихъ фигурахъ. Въ первомъ классѣ у камер-пажей былъ даже классъ политической экономіи. «L'économie politique — читалъ морской чиновникъ, эмигрантъ Тибо, на французскомъ языкѣ — est une science, d'aprés laquelle les richesses se forment, se distribuent, s'accroissent ou diminuent chez les nations; ces quatres grands phénomènes de la richesse résultent du concours de diverses circonstances, qui feront le sujet des titres suivants»... Это краснорѣчивое начало курса политической экономіи осталось у меня еще въ памяти до настоящаго времени, служа доказательствомъ того метода заучиванья наизусть, которому держались наши педагоги.

Чиновникъ горнаго вѣдомства, Вольгсмутъ, читалъ намъ физику—но также безъ системы и не умѣя придать ей никакого интереса. Почти каждый классъ его начинался тѣмъ, что пажи окружали его и просили, чтобы въ слѣдующій классъ онъ показалъ фокусы. Вольгсмутъ сердился, говорилъ, что это не фокусы, а физическіе опыты. Пажи не отставали, пока онъ не соглашался съ условіемъ, чтобы на необходимыя для этого издержки было приготовлено 3 — 5 рублей. Эти деньги собирались складчиной, но неиначе какъ мѣдными. Когда на слѣдующій классъ являлся Вольгсмутъ съ пузырьками и машинками, пажи сыпали на столъ свои пятаки, а онъ, краснѣя, конфузясь, торопливо собиралъ ихъ, завязывалъ въ платокъ и прятал въ уголъ кафедры. Какъ теперь вижу эту жалкую фигуру, въ черныхъ лосинныхъ панталонахъ, въ синемъ мундирѣ съ засаленнымъ, вышитымъ бархатнымъ воротникомъ, и вѣчно жующую фіалковый корень.

Но если преподаваніе наукъ было отрывочно и вообще слабо, то нравственное настроеніе пажей было особенно замѣчательно. Почти всѣ сыновья аристократовъ и сановниковъ —пажи изъ своихъ семействъ приносили въ корпусъ и укореняли тогдашній лозунгъ высшаго общества «noblesse oblige» и щекотливое понятіе о «point d'honneur». Гордясь званіемъ пажей, они сами болѣе своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хотя тѣнь подозрѣнія въ какомъ-нибудь неблаговидномъ проступкѣ. Не такъ страшно было наказаніе, ожидавшее виновнаго отъ начальства, какъ то отчужде-

ніе, тотъ остракизмъ, которому неминуемо подвергался онъ среди своихъ товарищей. Во время этой опалы товарищи не приближались къ нему, не говорили съ нимъ. Только маленькіе пажизадоры, вертѣлись около него, дразнили, а онъ долженъ былъ молчать и терпѣть. Въ первое время моего пребыванія случилась извѣстная печальная исторія о пропажѣ табакерки, въ которой были замѣшаны пажи Баратынскій, впослѣдствіи поэтъ, Ханыковъ и Преклонскій. Пока шло офиціальное разбирательство этого дѣла, окончившееся для нихъ солдатскою шинелью, они оставались въ Пажескомъ корпусѣ, но всѣ пажи отшатнулись отъ нихъ, какъ преданныхъ остракизму нравственнымъ судомъ товарищей. Къ Баратынскому приставали мало, отъ того-ли, что считали его менѣе виновнымъ, или отъ того, что мало его знали, такъ какъ онъ былъ малосообщителенъ, скроменъ и тихаго нрава.[1]) Но много досталось отъ пажей Ханыкову, котораго прежде любили за его веселыя шутки, и Преклонскому, который былъ извѣстенъ шалостями и приставаніемъ къ другимъ.

Тѣлесное наказаніе составляло рѣдкое исключеніе. Во все время пребыванія моего въ корпусѣ, мнѣ пришлось только одинъ разъ присутствовать на такой экзекуціи, я былъ уже камер-пажемъ. Въ рекреаціонную залу собрались пажи къ разводу, куда (къ немалому удивленію всѣхъ) явился и генералъ Клингеръ. Прочитали приказъ о наказаніи пажа Л* розгами. Сторожа привели его изъ карцера, принесли розги и скамейку. Клингеръ все время молчалъ, а когда Л* раздѣвали и клали на скамейку,—вышелъ изъ залы. Тогда пажи бросились съ шумомъ на сторожей и освободили Л*. Но Клингеръ былъ недалеко. Онъ возвратился, схватилъ перваго попавшагося ему пажа, втащилъ въ средину и, тряся его за воротникъ, закричалъ: «Mais savez vous qu'on brûle pour cela». Пажи отбѣжали и построились по отдѣленіямъ; возстановилась тишина. Л* положили на скамейку, началась экзекуція и Клингеръ ушелъ, не промолвивъ болѣе ни одного слова. Къ чему онъ относилъ свою угрозу, осталось неизвѣстно: къ возстанію-ли пажей или къ винѣ Л*, а вина его, какъ говорили, была та, что онъ, желая въ воскресенье выйти изъ корпуса, самъ написалъ записку отъ имени родственника, къ которому отпускался.

[1]) См. статьи: «Е. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго корпуса», «Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 201—207, и замѣтку сына поэта, тамъ же, стр. 315—317.

Эти записки объ отпускѣ много стѣсняли пажей. Въ корпусѣ было извѣстно, кто къ кому отпускался во время праздниковъ и безъ записки отъ того лица не давали позволенія выходить. Кромѣ того, пажи нигдѣ не должны были показываться безъ сопровожденія слуги или кого-нибудь изъ родственниковъ. Только камер-пажи имѣли право оставлять корпусъ безъ записокъ, ходить по улицамъ безъ провожатаго и сидѣть въ креслахъ въ театрѣ.

Между моими воспоминаніями о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ Пажескомъ корпусѣ, я считаю не лишнимъ упомянуть и о посѣщеніяхъ корпуса графомъ Аракчеевымъ. Эти посѣщенія были вызываемы нахожденіемъ въ корпусѣ Шумскаго, поступившаго въ пажи какъ родственникъ Аракчеева, хотя—когда мы находились съ нимъ вмѣстѣ въ пансіонѣ Коленса — онъ назывался Ѳедоровымъ. Аракчеевъ часто пріѣзжалъ въ корпусъ по вечерамъ; молчаливый и угрюмый, онъ приходилъ прямо къ кровати Шумскаго, садился и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нимъ. Не очень-то любилъ Шумскій эти посѣщенія...[1])

1-го мая 1817 года, я былъ произведенъ въ камер-пажи.

Какъ памятенъ мнѣ этотъ счастливѣйшій день моей жизни! Юность, весна и первое отличіе упоительно дѣйствовали на меня. День былъ свѣтлый, солнечный и я, въ одномъ новенькомъ камер-пажескомъ мундирѣ, пошелъ по Фонтанкѣ въ большую Милліонную, гдѣ тогда жила моя тетка Елисавета Яковлевна Багговутъ. Но мое довѣріе къ петербургскому маю, какъ часто бываетъ въ жизни съ каждымъ излишнимъ довѣріемъ, не осталось безнаказаннымъ, къ вечеру я почувствовалъ сильную простуду. Меня уложили въ постель и дали знать въ корпусъ. Въ постели, въ жару, съ головною болью, я окончилъ день, который началъ такимъ бодрымъ, увѣреннымъ, счастливымъ.

III.

Придворная служба камер-пажей.—Императрица Марія Ѳедоровна.

Черезъ три недѣли я выздоровѣлъ и явился въ корпусъ на камер-пажескую службу. Камер-пажей было 16: изъ нихъ 8 назначались къ вдовствующей императрицѣ и дежурили каждый день по два съ 11-ти часовъ дня до 11-ти часовъ вечера. Осталь-

---

[1]) О Шумскомъ смотри въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., т. XII, стр. 113—122.

ные 8 камер-пажей считались при императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Нѣсколько изъ нихъ требовались ежедневно къ обѣденному столу для прислуги членамъ императорской фамиліи и въ праздники для выхода въ церковь. Прежде изъ нихъ отдѣлялись камер-пажи и къ великимъ княжнамъ. Поступая въ корпусъ, я засталъ еще тамъ камер-пажа великой княгини Екатерины Павловны, несмотря на то, что она была уже въ Штутгардтѣ и не имѣла своего двора въ Петербургѣ. Ея камер-пажъ продолжалъ носить мундиръ съ желтымъ воротникомъ, цвѣтомъ двора герцога Ольденбургскаго. Камер-пажъ этотъ былъ несчастный Богдановичъ. Онъ былъ выпущенъ въ Измайловскій полкъ.— 14-го декабря, въ день присяги императору Николаю, Измайловскій полкъ и коннопіонерный эскадронъ, въ которомъ я тогда служилъ, были выстроены на дворѣ Горновскаго дома, вокругъ аналоя, у котораго ожидалъ священникъ въ полномъ облаченіи. Пріѣхалъ дивизіонный начальникъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ и, послѣ обычнаго привѣтствія солдатамъ, пригласилъ полкового командира, генерала Мартынова, прочитать присяжный листъ. При произнесеніи имени императора Николая Павловича, Богдановичъ, а за нимъ и нѣсколько солдатъ его роты закричали: «Константину!». Мартыновъ, пораженный удивленіемъ, остановился, взглянулъ вопросительно на Бистрома, но тотъ со свойственнымъ ему хладнокровіемъ сказалъ: «продолжайте». Присяга была прочитана, хотя и продолжались негромкіе крики: «Константину!». Священникъ обошелъ ряды съ крестомъ и полкъ въ порядкѣ отвели въ казармы. Богдановичъ, такъ явно обнаружившій свое участіе въ заговорѣ, тогда еще никому неизвѣстному, прибѣжалъ въ свою квартиру и приготовленнымъ заранѣе пистолетомъ застрѣлился. Это была первая жертва печальнаго дня 14-го декабря 1825 г.

Я былъ назначенъ камер-пажемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Павловскъ былъ постояннымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы, но каждую недѣлю она пріѣзжала въ Петербургъ: посѣщала женскія заведенія, которыя находились подъ ея начальствомъ, обѣдала въ Таврическомъ дворцѣ и послѣ обѣда возвращалась въ Павловскъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ я былъ представленъ императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ, а чрезъ нѣ-

сколько дней, въ субботу, былъ отправленъ на недѣльное дежурство въ Павловскъ.

Это была первая и послѣдняя недѣля моей камер-пажеской службы при Маріи Ѳедоровнѣ, потому что, по возвращеніи моемъ въ корпусъ, я вскорѣ былъ назначенъ камер-пажемъ къ принцесѣ прусской Шарлоттѣ, нареченной невѣстѣ в. к. Николая Павловича.

Въ любимомъ своемъ Павловскѣ, Марія Ѳедоровна отдыхала отъ придворнаго этикета и блеска двора. Здѣсь окружила она себя всѣмъ, что могло напоминать ей о прошедшемъ. Кабинетъ императора Павла свято сохранялся въ томъ видѣ, какъ былъ при немъ, и камер-фурьеръ его, Сергѣй Ильичъ Крыловъ, продолжалъ носить мальтійскій мундиръ вмѣсто придворнаго. Во внутреннихъ комнатахъ императрицы хранились рисунки, записки и работы августѣйшихъ ея дѣтей. Въ саду были воздвигнуты памятники: родителямъ императрицы и усопшимъ княгинямъ: Еленѣ Павловнѣ Мекленбургской и Александрѣ Павловнѣ палатинѣ Венгерской. Часто приходила она къ этимъ памятникамъ и, удаляясь отъ сопровождавшихъ ее дежурныхъ фрейлины и камер-пажа, на минуту останавливалась и съ тихою молитвой приклоняла голову. Ея любящее сердце и въ настоящемъ счастіи не чуждалось воспоминаній прежнихъ горькихъ утратъ.

Но и здѣсь, въ Павловскѣ, Марія Ѳедоровна не оставляла трудовъ и заботъ на пользу основанныхъ или пересозданныхъ ею воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній. Въ 6 часовъ утра она уже сидѣла въ своемъ кабинетѣ, занимаясь дѣлами, читая донесенія, просьбы о помощи, иногда даже переписку нѣкоторыхъ воспитанницъ, которыми она интересовалась по особеннымъ ихъ семейнымъ обстоятельствамъ. Въ первомъ часу гуляла въ саду или каталась въ коляскѣ по парку. Въ два часа былъ обѣдъ. Послѣ обѣда снова занималась дѣлами и читала. Въ семь часовъ собиралось небольшое общество придворныхъ и гостей, приглашенныхъ изъ Петербурга, и бесѣда продолжалась до 10-ти часовъ. Тогда подавали небольшой ужинъ. Ужинали на отдѣльныхъ столикахъ группами. Въ 11 часовъ императрица удалялась во внутренніе покои.

Марія Ѳедоровна любила служеніе камер-пажей. Она къ нему привыкла. Отправлялся-ли дворъ на 9 мѣсяцевъ въ Москву, вы-

ѣзжала-ли императрица на недѣлю въ Петергофъ, или на одинъ день въ Ораніенбаумъ, или на нѣсколько часовъ на маневры, всюду слѣдовали за нею камер-пажи. Мнѣ пришлось даже ѣздить на корабль, на которомъ, во время морскихъ маневръ, подъ Кронштадтомъ, былъ приготовленъ обѣдъ для императорской фамиліи. Послѣ этого обѣда государь съ великими князьями, взявъ солдатскія матроскія ружья, стали въ шеренгу и государь приказалъ поручику В. Ѳ. Адлербергу, адъютанту в. к. Николая Павловича, прокомандовать всѣ ружейные пріемы. Государь дѣлалъ ихъ съ улыбкою, какъ бы шутя, великіе князья серьезно и старательно.

Каждый день за обѣдомъ, фамильнымъ или съ гостями, камер-пажи служили у стола царской фамиліи. Особенное вниманіе и осторожность нужны были при услуженіи Маріи Ѳедоровнѣ. Камер-пажъ долженъ былъ ловко и въ мѣру придвинуть стулъ, на который она садилась; потомъ, съ правой стороны, подать золотую тарелку, на которую императрица клала свои перчатки и вѣеръ. Не поворачивая головы, она протягивала назадъ черезъ плечо руку съ тремя соединенными пальцами, въ которые надобно было вложить булавку; этою булавкою императрица прикалывала себѣ къ груди салфетку. Предъ особами императорской фамиліи, за которыми служили камер-пажи, стояли всегда золотыя тарелки, которыя не мѣнялись въ продолженіи всего обѣда. Каждый разъ, когда подносилось новое блюдо, камер-пажъ долженъ былъ ловко и безъ стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую, съ оставленнымъ на ней приборомъ, онъ принималъ и на золотой тарелкѣ подносилъ чистый приборъ взамѣнъ принятаго. По окончаніи обѣда, такимъ же образомъ, подносились на золотой тарелкѣ перчатки, вѣеръ и прочее переданное при началѣ обѣда. Тогда были въ модѣ длинныя, лайковыя перчатки и камер-пажи съ особеннымъ стараніемъ разглаживали и укладывали ихъ предъ тѣмъ, чтобы поднести. Камер-пажи служили за обѣдомъ безъ перчатокъ и потому особенное стараніе обращали на свои руки. Они холили ихъ, стараясь разными косметическими средствами сохранить мягкость и бѣлизну кожи.

Императрица была особенно милостива къ своимъ камер-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры, они получали отъ нея золотые часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положе-

ніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставать камер-пажа за книгой или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя: «C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, lisez, mais pas de bêtises, pas de romans».

Увидѣвъ у камер-пажа Философова тетрадь «Economie politique", она послала его къ Шторху, находившемуся тогда при ней, чтобы тотъ просмотрѣлъ тетрадь и донесъ ей, хорошо-ли въ корпусѣ преподаютъ «Политическую экономію». Камер-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускного экзамена; это знала императрица. Предъ послѣднимъ экзаменомъ она спрашиваетъ, надѣется-ли онъ нынѣшній годъ выдержать экзаменъ? Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить съ собою аспидную доску, добавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи. И Шепелевъ каждый разъ на дежурство во дворецъ отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго.

Въ мое время императрица Марія Θедоровна сохраняла еще слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Она была, также какъ и онъ, немного близорука, хотя рѣдко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движенія и походка ея были не совсѣмъ развязны. Токъ съ страусовымъ перомъ на головѣ, короткое платье декольте съ высоко короткой таліей и съ буфчатыми рукавчиками, на голой шеѣ ожерелье, у лѣваго плеча, на черномъ бантѣ, бѣлый мальтійскій крестикъ, бѣлыя длинныя лайковыя перчатки, выше локтя, и башмаки съ высокими каблуками, составляли ежедневное одѣяніе императрицы, исключая торжественныхъ случаевъ.

Она говорила скоро и не совсѣмъ внятно, немного картавя. Надобно было имѣть большое вниманіе и привычку, чтобы понимать каждое слово, но она никогда не сердилась, если камер-пажъ не сразу понималъ ея приказаніе.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ, почти ежедневно я имѣлъ счастіе видѣть императрицу Марію Θедоровну, то окруженную блестящимъ дворомъ, котораго она была представительницей; то въ

домашнемъ кругу царской семьи, которой она была душою; и въ продолженіи этихъ двухъ лѣтъ я не помню ни одного дня, въ который бы она казалась болѣе утомленною или озабоченною: всегда ровная, милостивая, добрая.

IV.

Въѣздъ принцесы Шарлотты.—Обрученіе и бракосочетаніе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

22-го іюня 1817 года былъ назначенъ торжественный въѣздъ принцесы прусской Шарлотты. На 7-й верстѣ отъ Петербурга по царскосельской дорогѣ, въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ шосее, стоялъ двух-этажный каменный домъ съ бельведеромъ и садомъ. Этотъ домъ принадлежалъ пастору Коленсу и въ немъ помѣщался тогда его пансіонъ, о которомъ я уже говорилъ. Здѣсь были приготовлены золотыя кареты для торжественнаго въѣзда въ столицу высоконареченной невѣсты. Здѣсь обѣ императрицы и она должны были перемѣнить свой дорожный туалетъ и здѣсь же въ первый разъ я представился великому князю Николаю Павловичу. Онъ тотчасъ повелъ меня къ принцесѣ Шарлоттѣ, бывшей еще въ сѣромъ, дорожномъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. «Voila votre page!»—«Ah je suis charmée», сказала она, протягивая мнѣ руку, и тотчасъ прибавила: «je vous prie, monsieur, apportez moi mon parasol, il doit être dans la voiture».

Я бросился на дворъ къ дорожной каретѣ и, съ гусарами императрицы, перерылъ всѣ подушки, перешарилъ всѣ углы, но зонтикъ не отыскался. Возвращаться на верхъ съ пустыми руками, мнѣ было совѣстно. Эта неудача казалась мнѣ почти несчастіемъ, я былъ смущенъ, близокъ къ отчаянію. Вѣроятно все это отражалось и на лицѣ моемъ, потому что великій князь, встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, съ удивленіемъ спросилъ:

— Что съ тобой?

Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ разсмѣялся и сказалъ: «не велика бѣда! найдется другой, ступай скорѣе на верхъ; императрицы сейчасъ выйдутъ».

И точно; едва успѣлъ я присоединиться къ своимъ товарищамъ, какъ вышли императрицы и принцеса. Проводивъ ихъ до кареты, я едва успѣлъ сѣсть на приготовленную мнѣ лошадь.

какъ это умное животное понеслось догонять карету и, пробравшись къ лѣвому, заднему колесу, пошло церемоніальнымъ ходомъ.

Въѣздъ былъ блестящій. Въ золотой каретѣ—ландо, запряженной шестью лошадьми, ѣхали обѣ императрицы и принцеса, по обѣ стороны камер-пажи и шталмейстеръ верхами. Гвардія была разставлена шпалерами и, по проѣздѣ придворныхъ экипажей, слѣдовала за ними на Дворцовую площадь, гдѣ проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо императора, стоявшаго подъ балкономъ, съ котораго смотрѣли императрицы и принцеса. Послѣ парада я проводилъ великаго князя и его невѣсту въ назначенныя для нея комнаты, гдѣ ожидалъ ея законоучитель Музовской, въ черной одеждѣ, въ бѣломъ галстухѣ и безъ бороды; трудно было признать въ немъ нашего православнаго священника. Онъ постоянно долженъ былъ находиться въ пріемной принцесы, чтобы, пользуясь каждымъ свободнымъ часомъ, помогать ей выучить наизусть символъ вѣры, который она должна была произнести при обрядѣ миропомазанія.

Эта торжественная церемонія совершилась 24-го іюня; послѣ входа императорской фамиліи въ церковь, когда императрица Марія Ѳедоровна взяла за руку принцесу Шарлотту и подвела ее къ митрополиту, стоявшему въ царскихъ дверяхъ, началось священнодѣйствіе. Принцеса, хотя нѣсколько взволнованная, произнесла громко и твердо символъ вѣры. Любящій и одобряющій взоръ императрицы не покидалъ ее. Потомъ проводила она ее къ святому причащенію.

25-го іюня, въ день рожденія в. к. Николая Павловича, было обрученіе. Посреди церкви было приготовлено возвышенное мѣсто, покрытое малиновымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ. Предъ царскими дверями поставленъ былъ аналой, на которомъ лежали св. евангеліе и крестъ, а подлѣ аналоя небольшой столикъ для обручальныхъ колецъ и свѣчъ на золотыхъ блюдахъ. Государь подвелъ великаго князя, а императрица Марія Ѳедоровна высокобрачную невѣсту. Митрополитъ Амвросій, принявъ вынесенныя изъ алтаря кольца, возложилъ ихъ при обычной молитвѣ на руки обручающихся, а императрица Марія Ѳедоровна обмѣняла ихъ перстнями. Въ церкви приняли поздравленіе высокообрученные отъ императорской фамиліи и духовенства.

Въ этотъ день былъ обнародованъ слѣдующій манифестъ:

«Божіею милостію, мы, Александръ первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч. Всемогущій Богъ, управляющій судьбами царствъ и народовъ, изліявшій въ недавнія времена толикія милости и щедроты на Россію, обращаетъ и нынѣ милосердый на нее взоръ свой. Волѣ его святой угодно, да умножится россійскій императорскій домъ, и да укрѣпится въ силѣ и славѣ своей родственными и дружескими союзами съ сильнѣйшими на землѣ державами. Помазанію и благословенію Того, въ Его же десницѣ сердце царей, и съ согласія вселюбезнѣйшей родительницы нашей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы совокупно съ его величествомъ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III положили на мерѣ, избрать дщерь его, свѣтлѣйшую принцесу Шарлотту, въ супруги вселюбезнѣйшему брату нашему вел. кн. Николаю Павловичу, согласно собственному его желанію. Сего іюня въ 24-й день[1]) по благословенію и благодати Всевышняго восприяла она «православное грекороссійскія церкви исповѣданіе[1]) и при святомъ миропомазаніи наречена Александрой Ѳедоровной;[1]) а сего жъ іюня 25-го дня, въ присутствіи нашемъ и при собраніи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, въ придворной Зимняго дворца соборной церкви, совершено предшествующее браку высокосочетавающихся обрученіе. Возвѣщая о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, повелѣваемъ ее, свѣтлѣйшую принцесу именовать великой княжной съ титуломъ ея императорскаго высочества. Данъ въ престольномъ нашемъ градѣ Санктпетербургѣ, іюня 25-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1817, царствованія нашего въ седьмое на десять».

Этотъ манифестъ замѣчателенъ и какъ пророчество и какъ всенародная исповѣдь того чувства христіанскаго смиренія и пламенной вѣры, которая такъ сильно была возбуждена въ Александрѣ I счастливымъ исходомъ отечественной войны.

1-го іюля 1817 г., въ день рожденія великой княгини, было совершено бракосочетаніе,—но я въ этотъ день не былъ дежур-

---

[1]) Напечатанныя разрядкой строки въ подлинномъ манифестѣ, составленномъ А. С. Шишковымъ, написаны собственноручно императоромъ Александромъ I. См. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. изд. первое, т. I, стр. 146—147.

нымъ, а только за большимъ обѣдомъ служилъ великому князю и находился на балѣ съ другими камер-пажами.

Эти балы при дворѣ были въ то время довольно часты. Они назывались bals parés или куртаги и состояли изъ однихъ польскихъ. Государь съ императрицей Маріей Ѳедоровной, в. к. Константинъ съ императрицей Елисаветой Алексѣевной, в. к. Николай съ великой княгиней, в. к. Михаилъ съ принцесой Виртембергской, а сзади ихъ генерал-адъютанты и придворные кавалеры съ придворными дамами по-парно, при звукахъ польскаго, входили въ бальную залу. Къ нимъ присоединялись пары изъ собравшихся уже гостей. Государь, обойдя кругомъ залу, поклонясь, оставлялъ императрицу и перемѣнялъ даму. При перемѣнѣ дамъ онъ строго наблюдалъ старшинство чина и общественное положеніе ихъ мужей. Императоръ шелъ въ первой парѣ только открывая балъ, потомъ обыкновенно онъ шелъ во второй. Одинъ изъ генерал-адъютантовъ велъ польскій, незамѣтно наблюдая, насколько интересуется государь своей дамой и продолжается-ли разговоръ, судя по этому, онъ продолжалъ или кончалъ кругъ. Когда Александръ шелъ съ прелестной княгиней Трубецкой, рожденной Вейсъ, или другою интересной дамой, польскій переходилъ и въ другія комнаты.

Во время бала великій князь шепнулъ мнѣ: «пора перемѣнить мундиръ». Онъ желалъ, чтобы камер-пажи великой княгини имѣли на мундирахъ синіе воротники, цвѣта, присвоеннаго придворному штату двора великаго князя. Такіе мундиры и были уже у насъ съ Шереметевымъ заготовлены и мы въ нихъ представлялись на смотръ великому князю въ Аничковскомъ дворцѣ. Но государь рѣшилъ, что такъ какъ камергеры и камер-юнкера, состоящіе при великомъ князѣ, были отъ большого двора, то и камер-пажи не должны были носить другого мундира. Передъ концемъ бала государь и государыня Елисавета Алексѣевна поѣхали въ Аничковскій дворецъ, чтобы встрѣтить высокихъ новобрачныхъ. Вслѣдъ за ними тронулся и поѣздъ. Впереди эскадронъ лейб-гв. гусаръ съ обнаженными саблями, потомъ кареты съ придворными высшими чинами и дамами. Гофмейстеръ пажей, полковникъ Клингенбергъ, а за ними, верхами, 8 камер-пажей, въ числѣ которыхъ былъ и я, потомъ шли скороходы, эскадронъ конной гвардіи и наконецъ карета въ 8 лоша-

дей, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳедоровна, высокобрачная и принцъ прусскій Вильгельмъ. За каретой, верхами, обер-шталмейстеръ, шталмейстеръ, дежурные камер-пажи и адъютанты великаго князя; въ слѣдующей каретѣ, ѣхали в. к. Константинъ и Михаилъ Павловичъ и принцесы Виртембергскія. Съ прибытіемъ поѣзда въ Аничковъ дворецъ моя служба кончилась, но возвращаться въ корпусъ еще было рано и не хотѣлось и я, съ товарищемъ княземъ Голицынымъ, пошли на Невскій бульваръ. Въ то время этотъ бульваръ, обсаженный съ обѣихъ сторонъ тощими липками, занималъ средину проспекта по образцу «Unter den Linden» въ Берлинѣ. Ночь была теплая, свѣтлая, тихая; плошки мерцали по тротуарамъ, тогда не знали другой илюминаціи. На бульварѣ двигалась пестрая, веселая толпа гуляющихъ, въ ожиданіи обратнаго проѣзда императора и императрицъ въ Зимній дворецъ.

Въ память совершившагося бракосочетанія, я, какъ камер-пажъ в. к. Александры Ѳедоровны, получилъ перстень, съ аметистомъ и бриліантами. На другой день я былъ дежурнымъ и въ 11 часовъ утра явился въ Аничковъ дворецъ. Не зная, гдѣ ожидать приказаній, я прошелъ до большого пріемнаго зала съ балкономъ въ садъ. Въ комнатѣ никого не было, двери на балконъ были открыты, я пошелъ къ нимъ, но въ это самое время отворились двери внутреннихъ покоевъ и вышли новобрачные. Великій князь, въ сюртукѣ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, обнявъ великую княгиню, которая была вся въ бѣломъ, подошли ко мнѣ. Я проговорилъ поздравленіе. Великая княгиня подала мнѣ поцѣловать руку, а великій князь говорилъ о неудачѣ съ синимъ воротникомъ. Меня отпустили съ приказаніемъ ожидать великую княгиню въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ въ тотъ день былъ назначенъ большой обѣдъ на половинѣ императрицы Маріи Ѳедоровны.

V.

Павловскъ.—Великій князь Николай Павловичъ.

Скоро императорская фамилія оставила Петербургъ. Государь съ государыней Елисаветой Алексѣевной переѣхали въ Царское Село, в. к. Константинъ Павловичъ возвратился въ Варшаву, императрица Марія Ѳедоровна, в. к. Николай съ великой

княгиней, в. к. Михаилъ Павловичъ и принцъ прусскій переѣхали въ Павловскъ.

Въ Павловскомъ дворцѣ помѣщеніе было довольно тѣсно и неудобно. Императрица жила въ нижнемъ этажѣ, но каждый день должна была подниматься въ верхній, гдѣ была столовая и церковь. Молодая княжеская чета жила въ лѣвомъ флигелѣ, соединенномъ съ главнымъ корпусомъ дворца полукруглою открытою галереей, чрезъ которую и приходилось проходить по нѣскольку разъ въ день. Внизу этого флигеля помѣщалась гауптвахта офицерскаго гусарскаго караула и неизбѣжный шумъ отъ караула проникалъ и въ комнаты верхняго этажа. Въ осенніе, темные вечера верхній этажъ дворца, какъ необитаемый, былъ освѣщенъ разставленными чрезъ комнату сальными свѣчами въ жестяныхъ, длинныхъ, наполненныхъ водою, подсвѣчникахъ. Такой подсвѣчникъ стоялъ и на полу маленькаго балкона дворца при выходѣ въ галерею. Здѣсь обыкновенно я ожидалъ великую княгиню, и когда отворялась дверь во флигелѣ и показывался великій князь съ великой княгиней, я бралъ подсвѣчникъ и, неся его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы не расплескать находящуюся въ немъ воду, шелъ впереди, чтобы хотя немного освѣтить дорогу. Эта продѣлка забавляла веселую великую княгиню, и она каждый разъ, смѣясь, говорила: «Merci, merci page, благодарствуй».—На балконѣ я ставилъ свѣчу на прежнее мѣсто, на полъ, и, принявъ отъ камердинера великой княгини работу или другія вещи, которыя она хотѣла имѣть съ собою, слѣдовалъ за нею. Другія комнаты также были въ полумракѣ; освѣщалась одна лѣстница. Страннымъ кажется теперь это госпитальное освѣщеніе комнатъ императорскаго дворца.

На первой недѣлѣ моего дежурства въ Павловскѣ, 15-го іюля, было бракосочетаніе адъютанта великаго князя, поручика л.-гв. Литовскаго полка, Владиміра Ѳедоровича Адлерберга съ Маріей Васильевной Нелидовой, фрейлиной императрицы Маріи Ѳедоровны. Обрядъ совершался въ дворцовой церкви. Великій князь Николай Павловичъ и двоюродный братъ невѣсты, Кирилла Александровичъ Нарышкинъ, были посаженными отцами, великая княгиня Александра Ѳедоровна и тетка невѣсты, статс-дама Марія Алексѣевна Нарышкина, посаженными матерями новобрачныхъ. Родныхъ у Адлерберга было немного: его мать—начальница Смоль-

наго монастыря, сестра Юлія Ѳедоровна Баранова и моя тетка, жена родного дяди Владиміра Ѳедоровича, Елисавета Яковлевна Багговутъ. Я былъ назначенъ держать вѣнецъ надъ женихомъ; надъ невѣстой держалъ вѣнецъ ея родственникъ, Аркадій Аркадьевичъ Нелидовъ (братъ Варвары Аркадьевны Нелидовой), юноша, готовившійся поступить юнкеромъ въ кавалергарды. Послѣ брачной церемоніи у императрицы Маріи Ѳедоровны былъ балъ и ужинъ. Особенный столъ былъ приготовленъ для императорской фамиліи, новобрачныхъ и ихъ родственниковъ. Поднялся вопросъ, могу-ли я, въ званіи шафера, сидѣть за столомъ? императрица Марія Ѳедоровна, строгая къ этикету, рѣшила этотъ вопросъ отрицательно; это поразило мое камер-пажеское самолюбіе, такъ какъ я считалъ свое званіе несравненно выше званія недоросля изъ дворянъ, будущаго юнкера гвардіи. Но это было минутное неудовольствіе и я принялся служить моей великой княгинѣ у стола, за которымъ сидѣла моя тетушка и шаферъ невѣсты Нелидовъ.

Въ Константиновскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ в. к. Михаилъ Павловичъ, помѣщался прусскій принцъ Вильгельмъ, нынѣшній маститый императоръ Германскій. Тогда онъ былъ красивый, статный, веселый и любезный юноша. Онъ походилъ лицомъ и нравомъ на великую княгиню, которая любила его болѣе другихъ братьевъ и часто, говоря о немъ, называла «mein Liebling». Однажды, играя съ собакою великаго князя Михаила Павловича, онъ былъ ею укушенъ въ ногу. Доктора, опасаясь послѣдствій, нашли нужнымъ прижечь небольшую ранку и на нѣсколько дней не позволять принцу выходить изъ комнатъ. На другой день послѣ этого происшествія великая княгиня послала меня узнать, какъ принцъ провелъ ночь. Возвратившись, я встрѣтилъ великую княгиню подъ руку съ великимъ княземъ, готовымъ уже сойти къ императрицѣ; они остановились и я началъ говорить, впередъ приготовленную, французскую фразу о спокойной ночи и о хорошемъ состояніи здоровья принца и, желая блеснуть своимъ французскимъ выговоромъ, началъ картавить. При первыхъ моихъ словахъ: «Votre Altesse Impériale».... великій князь, смотря на меня и сдѣлавъ комически серьезную мину, началъ повторять за мной каждое слово, картавя еще болѣе моего. Великая княгиня захохотала, а я, краснѣя и конфузясь, старался скорѣе кончить.

Къ счастію, фраза не была длинна. Послѣ обѣда, проводя великую княгиню и великаго князя во флигель и ожидая приказаній, я стоялъ невеселый въ пріемной, когда великій князь, вышедши изъ комнаты великой княгини, подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Зачѣмъ ты картавишь? это физическій недостатокъ, а Богъ избавилъ тебя отъ него. За француза никто тебя не приметъ; благодари Бога, что ты русскій, а обезьянничать никуда не годится. Это позволительно только въ шутку.

Потомъ, поцѣловавъ меня еще одинъ разъ, отпустилъ до вечера. Этотъ урокъ остался мнѣ памятенъ на всю жизнь.

Выдающаяся черта характера великаго князя Николая была— любовь къ правдѣ и неодобреніе всего поддѣльнаго, напускного. Въ то время императоръ Александръ Павловичъ былъ въ апогеѣ своей славы, величія и красоты. Онъ былъ идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились и все въ немъ нравилось; даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній; сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку; все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались. Не только гвардейскіе генералы и офицеры старались перенять что-либо изъ манеръ императора, но даже в. к. Константинъ и Михаилъ поддавались общей модѣ и подражали Александру въ походкѣ и манерахъ. Подражаніе это у Михаила Павловича выходило немного угловато, не натурально, а у Константина Павловича даже утрировано, карикатурно. По врожденной самостоятельности характера, не увлекался этой модой только одинъ великій князь Николай Павловичъ. Въ то время великій князь Николай Павловичъ не походилъ еще на ту величественную, могучую, статную личность, которая теперь представляется всякому при имени императора Николая. Онъ былъ очень худощавъ и отъ того казался еще выше. Обликъ и черты лица его не имѣли еще той округлости, законченности красоты, которая въ императорѣ такъ невольно поражала каждаго и напоминала изображенія героевъ на античныхъ камеяхъ. Осанка и манеры великаго князя были свободны, но безъ малѣйшей кокетливости или желанія

нравиться; даже натуральная веселость его, смѣхъ какъ-то не гармонировали со строго классическими, прекрасными чертами его лица, такъ что многіе находили великаго князя Михаила красивѣе. А веселость эта была увлекательна, это было проявленіе того счастія, которое, наполняя душу юноши, просится наружу. Въ павловскомъ придворномъ кружкѣ онъ былъ иногда веселъ до шалости. Я помню, какъ въ одинъ лѣтній день императрица, великій князь съ супругою и камер-фрейлина Нелидова вышли на терасу павловскаго сада. Великій князь шутилъ съ Нелидовой, это была сухощавая, небольшая старушка, весьма умная, добрая, веселая. Вдругъ великій князь беретъ ее на руки, какъ ребенка, несетъ въ караульную будку, оставляетъ ее въ ней и строгимъ голосомъ приказываетъ стоящему на часахъ гусару не выпускать арестантку. Нелидова проситъ о прощеніи, императрица и великая княгиня смѣются, а великій князь бросается снова къ будкѣ, выноситъ Нелидову и, опустивъ ее на то мѣсто, съ котораго взялъ, становится на колѣни и цѣлуетъ ея руки.

Императрица Марія Өедоровна старалась разнообразить Павловскіе вечера. При хорошей погодѣ ѣздили пить чай и ужинать въ Розовой или Елисаветинскій павильонъ или на ферму. Иногда, для забавы общества, приглашались проѣзжіе фокусники съ учеными обезьянами, собаками. Однажды пили чай въ розовомъ павильонѣ. Явился итальянецъ во фракѣ, въ башмакахъ съ трехугольной шляпой подъ мышкой и ввелъ въ залу маленькую лошадку, которая кланялась, сгибая переднія ноги, и выбивала копытомъ отвѣты на заданные вопросы о числѣ гостей, часовъ и проч. Вдругъ лошадка подозрительно поднимаетъ хвостъ и надувается. Великій князь притворно-грозно взглядываетъ на итальянца, а тотъ сконфуженный бросается къ лошадкѣ и подставляетъ свою новенькую трех-уголку, чтобы сберечь паркетъ залы Розоваго павильона. Фрейлины закрываются вѣерами, всѣ смѣются, а великій князь болѣе всѣхъ.

Въ дурную погоду, собирались въ нижней залѣ дворца, съ выходомъ въ садъ. Тамъ иногда было литературное чтеніе; читали: Жуковскій, Уваровъ, Плещеевъ; дамы занимались вышиваньемъ, а великій князь чертилъ карикатуры. Обыкновенно, при началѣ чтенія императрица отпускала насъ, а если она за-

бывала, то мы старались напомнить о нашемъ присутствіи осторожнымъ шарканьемъ ногъ. Отпущенные, мы бѣжали въ садъ и въ публикѣ, которая толпилась у оконъ залы, отыскивали знакомыхъ намъ гусарскихъ офицеровъ и возвращались только къ началу ужина.

Но эти вечера были не часты и, кажется, немногіе ихъ любили. Чаще всего играли въ фанты и въ такъ называемыя charades en action. Шарады эти всегда придумывалъ великій князь и самъ же исполнялъ ихъ. Я помню шараду tapage, въ которой я представлялъ второй слогъ, а при исполненіи цѣлаго великій князь поднялъ такой шумъ, что императрица и великая княгиня, закрывъ уши, вскричали: «assez de tapage, assez». Другая шарада, вызвавшая всеобщій смѣхъ и одобреніе, была «corpulence», исполненная однимъ великимъ княземъ. Сперва онъ весьма искусно подражалъ звуку рожка, потомъ прошелся, дѣлая гримасы и зажимая носъ; потомъ явился съ биліарднымъ кіемъ, который держалъ какъ копье, наконецъ пришелъ обвязанный подушками и съ трудомъ, какъ бы отъ тучности, передвигалъ ноги. Шарады всегда исполнялись безъ всякихъ приготовленій, безъ всякихъ пособій. Можно было пользоваться только тѣмъ, что находилось въ смежной биліардной комнатѣ. Такъ просты, такъ незатѣйливы были Павловскіе вечера императрицы, а какъ веселы и оживлены были они!

Великій князь былъ очень воздерженъ въ пищѣ, онъ никогда не ужиналъ, но обыкновенно при проносѣ соленыхъ огурцовъ, пилъ ложки двѣ огуречнаго разсола; сморкался онъ продолжительно и громко, и тогда императрица, обращаясь къ великой княгинѣ, обыкновенно говорила съ улыбкою: «Unser grosser Trompeter fängt schon wieder an». Ко мнѣ великій князь былъ особенно милостивъ. Я былъ очень худощавъ, вѣроятно отъ роста; часто великій князь, подходя ко мнѣ, спрашивалъ: «что ты такъ худѣешь, не шалишь-ли?» И потомъ уговаривалъ беречь здоровье и силы, необходимыя для будущаго счастія. Это милостивое вниманіе къ юношѣ, эта снисходительная забота о его здоровьи проявляютъ, безъ сомнѣнія, черты душевной доброты великаго князя, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ былъ очень молодъ и очень счастливъ, а молодость и счастіе эгоистичны.

Въ концѣ августа, въ одно воскресенье, въ церкви, во время

литургіи, великой княгинѣ сдѣлалось дурно. Великій князь почти на рукахъ вынесъ ее и привелъ во флигель. Я былъ дежурнымъ и слѣдовалъ за ними. Успокоившись на счетъ здоровья великой княгини, великій князь вышелъ изъ ея комнаты и подошелъ ко мнѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ онъ меня.

— Семнадцать, — отвѣчалъ я ему.

— Вотъ видишь,—продолжалъ онъ весело,—я тебя старше только четырьмя годами, а уже женатъ и скоро буду отецъ.

При этомъ онъ поцѣловалъ меня; лицо его сіяло счастіемъ. Въ тотъ же день начали при дворѣ говорить о беременности великой княгини.

Вскорѣ была рѣшена поѣздка императорской фамиліи въ Москву. Камер-пажей раздѣлили на двѣ категоріи. Одна половина должна была остаться въ Петербургѣ для выдержанія экзамена и производства въ офицеры гвардіи, другая должна была отправиться въ Москву. Я, хотя по наукамъ и могъ выдержать экзаменъ, но былъ слишкомъ молодъ, камер-пажество мнѣ очень нравилось и поѣздка въ Москву меня соблазняла, а потому я отказался отъ офицерства. Мой товарищъ Шереметевъ предпочелъ остаться въ Петербургѣ и вышелъ въ Кавалергардскій полкъ.

Въ двухъ большихъ придворныхъ каретахъ повезли насъ 8 камер-пажей въ Москву, съ нами отправили гувернера-полковника Дессимонъ. Двѣ придворныя коляски съ нашими служителями и поклажей слѣдовали за нами. Такихъ придворныхъ колясокъ, которыя употреблялись тогда при переѣздѣ двора, теперь уже нѣтъ. Кузовъ висѣлъ на ремняхъ, прикрѣпленныхъ къ желѣзнымъ стойкамъ на осяхъ. Эти колымаги были непокойны и некрасивы, но помѣстительны. Мало осталось теперь людей, которые ѣздили еще по прежней бревенчатой, до шоссейной, московской дорогѣ. Путешествіе по ней было своего рода испытаніемъ терпѣнія. Но для насъ, юношей, это пятидневное путешествіе, при постоянно хорошей погодѣ, казалось веселой прогулкой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813—1869.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастріото-Скандербеку.[1])

С.-Петербургъ, 19-го февраля 1857 г.

Любезный другъ Кастріотъ! Во-первыхъ, сообщаю тебѣ грустное извѣстіе: Глинка скончался въ Берлинѣ. Теперь мы хлопочемъ дать, въ память его, большой концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ филармоническаго общества. Въ концертѣ будутъ исполнены исключительно его сочиненія.

Выбралъ я тебѣ руаяль краснаго дерева. Руаяль прелестный, но не крикливый, такъ-называемый концертный, а мягкій, услаждающій слухъ и ласкающій пальцы. Одно только будетъ для тебя горестно: Эшенбахъ нездоровъ, у него рана на рукѣ; а такъ какъ онъ и при Виртѣ самъ окончательно проходилъ клавитуру, то и теперь ни за что не хочетъ отослать его, не исполнивъ этого съ особеннымъ стараніемъ для меня. И ты получишь руаяль, быть можетъ, двумя недѣлями позже.

Счетъ при семъ посылаю. А такъ какъ я и изъ этого счета, сверхъ пяти рублей, которые не досланы тобою, по-жидовски выторговалъ у него еще незначительную сумму, то взамѣнъ этой сдачи, чтобы не пересылать тебѣ денегъ, я разсудилъ послать тебѣ, хочешь-ли, не хочешь-ли, нѣсколько напечатанныхъ нумеровъ моей „Русалки“. Это уже моя взятка, впередъ не давай мнѣ комисій. На дняхъ вышлю къ тебѣ эту посылку.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358; 565—574.

На счетъ комисій твоихъ въ книжныхъ и журнальныхъ лавкахъ, пожалуста избавь меня: я съ ними никогда никакихъ сношеній не имѣю и не желаю имѣть; это міръ брани и личностей, который мнѣ противенъ.

За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1857 г.

Руаяль твой давно высланъ: теперь уже долженъ быть у тебя. Хорошъ-ли?

На счетъ изданія твоихъ романсовъ, я, ради тебя, сунулся въ журнальную грязь, говорилъ о нихъ двумъ музыкальнымъ журналистамъ. Оба на словахъ согласились издать ихъ и обѣщали пріѣхать ко мнѣ для разсмотрѣнія и выбора. До сихъ поръ ѣдутъ—да недоѣзжаютъ. Послать имъ рукописи твои я не рѣшаюсь: пропадутъ. Бѣда въ томъ, что всѣ эти журналисты и ихъ родственники пишутъ романсы, стихи и статьи; потомъ сами себя и другъ друга расхваливаютъ въ газетахъ, и такимъ образомъ надуваютъ вашихъ бѣдныхъ провинціаловъ, которые съ такимъ благоговѣніемъ вѣрятъ всему печатному.

Ежели бы ты самъ былъ здѣсь, то, можетъ быть, и поладилъ бы съ журналистами и фельетонистами: стòитъ только выпить съ ними настойки, выставить закуску, да бранить тѣхъ, кого они бранятъ; все пойдетъ по маслу. Что касается меня,—скажу тебѣ, что я не только не веду съ ними знакомства, но даже и не читаю ни одной газеты, ни одного журнала; а читаю книги, въ которыхъ уже увѣренъ заранѣе, что не встрѣчу никакого продажнаго мнѣнія, безотчетной брани, или недобросовѣстной похвалы. Къ тому же, тебѣ давно извѣстно, что я общество пѣвицъ предпочитаю всякому другому. По-мòему, не будь на свѣтѣ пѣвицъ—нестоило бы быть и композиторомъ. При такихъ обстоятельствахъ, при всемъ моемъ желаніи исполнить просьбу твою, я чувствую, что не смогу. Да и повѣрь мнѣ, заочно эти вещи дѣлать невозможно. Свой авторскій глазъ необходимъ.

За симъ прощай. Пиши, если не лѣнь. Я всегда съ удовольствіемъ читаю письма твои. Даргомыжскій.

IV.

Письма Даргомыжскаго къ его сестрѣ Софьѣ Серг. Степановой.[1])

Варшава, 6-го ноября (1864).

Прежде всего, друзья мои, благодарю васъ за ласковые проводы. Поблагодарите отъ меня и всѣхъ тѣхъ, которые простились со мною на желѣзной дорогѣ. Первый день ѣхалъ я въ унылонъ настроеніи духа. Отставные военные разсказывали другъ другу про доблести свои, а я—зѣвалъ. На другой день пахатные поля, зелень, тополи и пасущіеся стада подѣйствовали на меня отрадно. Въ Варшавѣ засталъ я прекрасный осенній день........ А. Даргомыжскій.

Варшава, понедѣльникъ, 9-го ноября (1864).

....Описывать тебѣ пребываніе мое въ Варшавѣ не стоитъ того. Двѣ дѣвочки Еленевой премилыя, веселыя и добрыя, какъ обыкновенно бываютъ въ счастливые ихъ года. Разумѣется, дни прошли быстро въ пѣніи, шуткахъ и смѣхѣ. Вчера возилъ я ихъ въ театръ смотрѣть оперу „Виндзорскія кумушки". И тутъ смѣхъ. Актеры, актрисы и хоры выходили изъ себя, какъ то не по обыкновенію. Еленева не могла понять, что съ ними сдѣлалось. Пришелъ къ намъ въ ложу Монюшко и пояснилъ дѣло. Онъ объявилъ на сценѣ, что въ театрѣ находится петербургскій композиторъ, и артисты возъимѣли желаніе отличиться. Вслѣдствіе этого опера шла и старательно, и игрательно. Пѣвицы здѣсь не дурны; но публика глупѣе куръ. Пляшутъ ей балетъ, отъ котораго куры бы засмѣялись, а поляки, бывъ довольны, аплодируютъ. Сегодня вечеромъ Монюшко будетъ у меня. Игралъ онъ мнѣ свои новыя оперы. Талантъ его нѣсколько опошлился подъ гнетомъ тупоумной публики, но при всемъ томъ не въ примѣръ выше обоихъ нашихъ новыхъ композиторовъ.[2]) Такъ какъ я не боекъ на перо, то Софья Петровна[3]) собирается сама описать тебѣ здѣшнее мое препровожденіе времени, а въ особенности успѣхи мои въ польскомъ языкѣ...... А. Даргомыжскій.

---

[1]) Даргомыжскій поѣхалъ въ путешествіе въ ноябрѣ 1864 года, вскорѣ послѣ смерти отца, и возвратился въ Петербургъ въ маѣ 1865 г. Мы опускаемъ изъ настоящихъ писемъ все, касающееся домашнихъ и личныхъ дѣлъ.

[2]) Даргомыжскій разумѣетъ здѣсь Сѣрова, поставившаго только за годъ передъ тѣмъ (весна 1863 г.) «Юдиѳь», и А. Гр. Рубинштейна.

[3]) Радзишевская, рожд. Еленева, замужемъ за полковникомъ Волынскаго полка Петромъ Ивановичемъ Радзишевскимъ; въ прежнее время она была одною изъ ученицъ Даргомыжскаго по части пѣнія. В. С.

Оставляю здѣсь Софьѣ Петровнѣ для пересылки Николаю — Ляторку, съ которой я по вечерамъ ходилъ по Варшавѣ. Вы, по невѣжеству, не поймете что такое ляторка? такъ знайте, что ляторка попольски означаетъ фонарикъ. Эту ляторку вы получите отъ В. Т. Соколова, которому доставитъ ее мамаша его, скоро собирающаяся къ нему въ Петербургъ.

Берлинъ, 12-го ноября (1864).

Пошли маленькія calamités du voyage. Отъ Варшавы до Бромберга и отъ Бромберга до Крейца ѣхалъ я великолѣпно. Почти одинъ въ шестимѣстномъ вагонѣ, курилъ и мечталъ на свободѣ. За 200 верстъ до Берлина нѣмцы втиснули ко мнѣ „страшную старушку", Наину въ германской шкурѣ. Всю дорогу она кашляла. Нѣчего дѣлать, пришлось спросить: не обезпокоитъ-ли ее сигара? она, сквозь зубы: Ich huste ein wenig.[1])—Я сквозь зубы: Nicht wenig, sondern sehr viel, madame![2]) — Aber genieren sie sich nicht.[3]) — Nein, madame, ich will mich genieren![4]) — Такъ и не курилъ всю дорогу. Сегодня въ часъ отправляюсь въ Лейпцигъ. Тамъ вѣроятно получу письмо твое. Теперь много нѣкогда. Половина 11-го. Надо сходить кое-что купить для дороги, а въ 12 часовъ отправляться на машину. Обнимаю васъ всѣхъ. А. Даргомыжскій.

Забавно, что прусское таможенное начальство, увидавъ огромный мой сундукъ, перевязанный веревками, возъимѣло подозрѣніе. Спрашиваютъ: Was ist da? — Noten![5]) Не повѣрили. Man muss aufmachen.[6]) Полчаса развязывали. Открыли. Видятъ мѣшки. Какъ пошли развязывать: Handschriften, Handschriften![7]) — Вышли изъ терпѣнія. Gott behüte! Sie sind denn ein Musiker? — Ja wohl! — Warum sagten Sie es nicht gleich?—Warum glaubten Sie mir nicht gleich?[8])— Такъ и разошлись друзьями, однако, за барашка взяли сколько-то грошей.

Лейпцигъ, 14-го ноября (1864).

.......Ты пишешь, что многіе интересуются моими музыкальными дѣлами? Я вѣдь говорилъ, что ѣду главнѣйше для отдыха, а музыку отвожу на второй планъ. Прежде всего боюсь скучать: между тѣмъ

[1]) Я кашляю немного.
[2]) Не немного, а очень много.
[3]) Но пожалуйста не стѣсняйтесь.
[4]) Нѣтъ, сударыня, я хочу стѣсняться.
[5]) Что тутъ?—Ноты!
[6]) Надо раскрыть.
[7]) Рукописи, рукописи!
[8]) Господи помилуй! Такъ вы музыкантъ? — Ну да! — Зачѣмъ же вы сразу этого не сказали?—Зачѣмъ же вы сразу мнѣ не повѣрили?

находятъ на меня унылыя минуты—необходимое слѣдствіе одиночества. Напримѣръ въ Лейпцигъ въѣхалъ я третьяго дня вечеромъ въ седьмомъ часу. Тоска обуяла. Спалъ плохо. На другой день утромъ съѣздилъ на почту, потомъ отыскалъ Демидовыхъ. И онъ и она обрадовались мнѣ какъ дѣти — игрушкѣ. Они всячески стараются удержать меня долѣе въ Лейпцигѣ. Вчера обѣдалъ я съ ними, а вечеромъ ѣздили вмѣстѣ въ театръ. Не случись Демидовыхъ здѣсь — я бы не увлекся ни Бренделемъ, [1]) ни кренделемъ, а махнулъ бы прямо въ Брюссель. Вотъ вамъ и музыка. Многіе не повѣрятъ, но мнѣ все равно. Теперь покуда останусь здѣсь и повидаюсь съ нѣмцами. Что будетъ—не знаю. Цѣлую всѣхъ васъ. А. Даргомыжскій.

Брюссель, 1-го декабря (1864).

......О музыкальности Лейпцига и моихъ съ нимъ отношеніяхъ напишу когда-нибудь на досугѣ. Одно только интересно знать русскому музыкальному кружку въ Петербургѣ—это то, что русскія сочиненія, посланныя въ Лейпцигъ еще, по разнымъ обстоятельствамъ, не исполнялись и обсуживаются знатоками. Изъ моихъ вещей они выбрали увертюру изъ „Русалки" и „Казачка". Полагаю, что исполненіе всѣхъ этихъ вещей въ Германіи ни на шагъ насъ не подвинетъ впередъ......

Брюссель, 4-го декабря (1864).

......Я получилъ всѣ письма: и твои и два письма Соколова. Благодарю и тебя и его за горячее ваше заступничество за мою сироту Наташу. [2]) Надѣюсь, что посланный мною отвѣтъ Соколову поправитъ сколько-нибудь дѣло. Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я до такой степени считаю музыкальное мое поприще проиграннымъ въ Петербургѣ, что принимаю перетасовку пѣвицъ дирекціею совершенно хладнокровно. Жаль мнѣ только Платонову, которая хорошо поняла и, кажется, полюбила мою музыку. Хладнокровіе мое могутъ засвидѣтельствовать Влазъ и Леонаръ. [3]) Они были у меня, когда я распечаталъ письма твое и Соколова. Я смѣючись разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло. Они сперва не повѣрили, а потомъ стали выходить изъ себя, доказывая, что ни одна театральная дирекція въ мірѣ не должна позволять себѣ распоряжаться такъ нагло противъ желанія

---

[1]) Брендель—лейпцигскій музыкальный критикъ и издатель газеты «Neue Zeitshrift für Musik». В. С.

[2]) Рѣчь идетъ здѣсь о «Русалкѣ», гдѣ роль Наташи отняли, вопреки желанію автора, у Ю. Ѳ. Платоновой и передали другой пѣвицѣ. В. С.

[3]) Блазъ—кларнетистъ, Леонаръ—скрипачъ, познакомились съ Даргомыжскимъ еще въ Петербургѣ. В. С.

композитора. Здѣшніе артисты оказываютъ мнѣ большое вниманіе. Ты пишешь, что многіе требуютъ подробныхъ свѣдѣній по музыкальной части, и интересуются знать о моихъ личныхъ отношеніяхъ съ здѣшними музыкальными мірами. О заграничной музыкальности и о театрахъ когда-нибудь напишу мое мнѣніе. Надо сперва осмотрѣться и вникнуть. На обумъ болтать есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа. Что касается до моихъ музыкальныхъ дѣлъ, то, разумѣется, если будетъ что-нибудь интересное, напишу вамъ. — Ты спрашиваешь, гдѣ я дирижировалъ „Казачка" и прочее? Это было на частной репетиціи, для себя и для немногихъ охотниковъ. Въ Лейпцигѣ знали меня, но немногіе. Въ брюссельскомъ же музыкальномъ мірѣ я, къ удивленію моему, пользуюсь совершенною извѣстностью. Мнѣ оказываютъ почетъ поболѣе чѣмъ въ Петербургѣ. Мнѣ прислали тотчасъ билетъ на концерты главнаго музыкальнаго общества. Фортепьянный мастеръ не хочетъ брать съ меня денегъ за прокатъ фортепьянъ. Вчера я представился главному здѣшнему капельмейстеру Гансенсу, положительно лучшему здѣшнему музыканту, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что съ первыхъ же словъ предложилъ мнѣ: Monsieur. si vous avez une composition que vous désirez faire entendre ici, nous serons heureux de l'exécuter dans notre premier concert [1]). — Можешь себѣ представить, какъ все это для меня странно, послѣ всѣхъ оскорбленій, вынесенныхъ мною въ милой Россіи! Я говорю Влазу: Mon cher, c'est vous qui avez arrangé tout cela? [2]) Онъ говоритъ: Vous êtes fou! comment voulez vous qu'on ne vous connaisse pas? Fétis a de vos ouvrages au conservatoire; il a souvent parlé de vous dans ses articles. Ce n'est pas notre faute, si vous ne lisez rien: je leurai dis seulement que le compositeur russe est arrivé, et voila tout. [3]) Серве я еще не видалъ. Онъ живетъ около Брюсселя...... До 3-го января (нашего стиля) можешь писать ко мнѣ à Bruxelles, Hôtel de Sùede, № 70. Если останусь долѣе—увѣдомлю. Теперь предстоитъ мнѣ много дѣла. Можетъ быть не скоро получишь отъ меня извѣстіе. Вообрази, что у мадамъ Влазъ голосъ почти также свѣжъ, какъ и прежде. Ноты читаетъ какъ книгу. Дочь ихъ премилая, отлично воспитана и тоже хорошая музыкантша. Всѣхъ васъ обнимаю отъ всей души.

---

[1]) Если у васъ есть сочиненіе, которое вы хотите исполнить здѣсь, мы очень рады сыграть его въ первомъ нашемъ концертѣ.

[2]) Мой милый, это вы все устроили?

[3]) Да вы съ ума сошли! Какъ вы хотите, чтобъ васъ не знали? У Фетиса есть ваши сочиненія въ консерваторіи; онъ часто говоритъ о васъ въ своихъ статьяхъ. Мы не виноваты, если вы ничего не читаете: я имъ только сказалъ, что русскій композиторъ пріѣхалъ, вотъ и все.

Брюссель, 14-го декабря (1864).

Давно я не писалъ тебѣ. Причина тому—множество музыкальной работы. Я готовлю партіи оркестра къ репетиціи большого концерта, въ которомъ будутъ играть увертюру изъ „Русалки". Оркестръ великолѣпный. Батарея изъ десяти контрабасовъ. Звукъ могущественный. Гансенсъ, который теперь уже познакомился съ моими партитурами, оказываетъ ко мнѣ большое расположеніе. Онъ жалѣетъ, что програма концерта мѣшаетъ исполнить „Казачка". Но узнавъ, что я желалъ бы слышать его въ хорошемъ оркестрѣ, предложилъ мнѣ исполнить его на репетиціи, это для меня еще лучше. Ты знаешь, что я ищу не славы, а собственнаго удовольствія. Гансенсъ большой оригиналъ, но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ свѣтѣ. Онъ не увлекается ни именемъ, ни авторитетомъ. Онъ любитъ новое, любитъ творчество.

Весьма естественно, что русская музыка, своеобразно основанная на свѣжихъ національныхъ элементахъ, а по фактурѣ не уступающая никакой нѣмецкой музыкѣ, преимущественно обращаетъ на себя его вниманіе. Онъ тоже разспрашивалъ меня о Глинкѣ, и любитъ его „Камаринскую" и „Хоту". Лейпцигскіе професора тоже находятъ нашу музыку „sehr interessant"[1]) и собираются исполнять ее, но они понимаютъ въ ней только одну сторону—сторону фактуры. Національность для нихъ недоступна. Между ними даже есть такіе отсталые, которые принимаютъ нѣкоторыя наши гармоническія затѣи за недостатокъ музыкальнаго образованія. Вотъ какъ любишь! Впрочемъ, гдѣ же и быть консерваторамъ, какъ не въ консерваторіяхъ? Мнѣ здѣсь какъ-то удалось обратить на себя вниманіе всего музыкальнаго міра: безпрестанно приглашаютъ меня на квартеты, на разныя хоровыя собранія, такъ что времени не хватаетъ. На дняхъ одинъ директоръ хоровъ любительскихъ пригласилъ меня на репетицію. Хоры разучивали „Гооолію—"Мендельсона. Дирижеръ хоровъ отличный музыкантъ, но не пьянистъ. Мендельсона довольно трудно играть. Я предложилъ ему свои услуги. Дѣло пошло очень исправно. Хоры остались довольны, и нѣкоторые знатоки похвалили мой аккомпаниментъ. Тогда дирижеръ объявилъ во всеуслышаніе: „Mais c'est m-r Dargominsky, le compositeur russe de St.-Pétersbourg!"[2]) Поднялся гвалтъ. Аплодисменты и топотъ ногами. (Здѣсь такая манера, свободное государство!)

Ты совсѣмъ замучилась хлопотами о „Русалкѣ". Я радъ, что ты ока-

---

[1]) Очень интересною.

[2]) Да вѣдь это Даргомижскій, русскій композиторъ изъ Петербурга!

зала услугу Ю. Ѳ. Платоновой, но что касается до самого дѣла, то, право, не стоитъ того разъѣзжать по Ѳедоровымъ и Борхамъ въ рождественскіе морозы. Ты помнишь, ка́къ одинъ бальный кавалеръ говорилъ съ дамой своей о лошадяхъ и выразился такъ: „Вѣдь эту лошадь какъ ни корми, она все-таки будетъ стерва". Я точно также могу сказать и о „Русалкѣ": ты эту оперу какъ ни обстанови, она все-таки для петербургской публики не годится... Ты все жалуешься, что я не пишу о музыкѣ. Ну вотъ вамъ цѣлое музыкальное письмо. Подробности буду разсказывать по пріѣздѣ. Впрочемъ можетъ случиться, что я еще останусь здѣсь и іюнь мѣсяцъ, потому что главные наши проекты разсчитаны на лѣтніе концерты которые даются здѣсь въ королевскомъ паркѣ! Концерты эти не то, что въ Германіи или у насъ, въ Павловскѣ, лѣтнія увеселенія. Здѣсь играетъ весь оперный оркестръ и дирижируетъ самъ Гансенсъ. Я занятъ цѣлые дни, скуки не вѣдаю, а все чего-то не достаетъ. Нѣтъ русскихъ барышень, нѣтъ ученицъ, нѣкого выдавать замужъ... Прилагаю вырѣзку изъ здѣшней газеты — вотъ какъ насъ честятъ. Впрочемъ, это все пустяки, а ка́къ-то пройдетъ репетиція концерта? это не пустяки. Прощай. А. Д.

Брюссель, 20-го декабря 1864.

Душевно радуюсь, что мнѣ, хотя однимъ письмомъ, удалось угодить вамъ. Я описываю только дѣйствительность: слѣдовательно удовольствіе ваше или неудовольствіе должны относиться къ обстоятельствамъ, а не ко мнѣ. Притомъ мы и смотримъ-то въ разныя стороны. Вы, отправляя меня, въ воображеніи своемъ какъ-будто наложили на меня обязанность хлопотать о своей музыкѣ и искать артистической славы. Между тѣмъ моя програма совсѣмъ другая: во-первыхъ, удалиться на время отъ петербургскихъ гнусностей (которыя вы теперь испытываете на себѣ), а во-вторыхъ, развлечься новизной и разнообразіемъ кочующей жизни. Чемоданчикъ съ музыкой взялъ я съ собой на всякій случай, то-есть на случай возможности исполненія ея, безъ всякихъ особенныхъ, съ моей стороны, хлопотъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что Брюссель какъ разъ подошелъ подъ мою програму. Нѣтъ сомнѣнія, что и Лейпцигъ, при всей отсталости своей въ музыкѣ, если бы я только могъ выжить въ немъ извѣстное время, охотно бы принялъ меня въ число своихъ концертныхъ, а можетъ быть даже и оперныхъ, дѣятелей. Все, что я ни игралъ професорамъ изъ моихъ сочиненій, оказывалось или sehr neu! (очень ново) или interessant (интересно). Но спрашиваю, какая возможность оставаться долго въ закоптѣломъ городѣ (sic), гдѣ нѣтъ театровъ, гдѣ женщины уроды, гдѣ обѣдаютъ въ часъ, а въ 10-ть часовъ ве-

чера уже храпятъ, а на улицахъ тушатъ фонари. Брюссель—другое дѣло. Въ немъ соскучиться мудрено. Это Парижъ въ миніатюрѣ. Опера, прелестный балетъ, три французскіе театра, циркъ и разныя другія увеселенія. Что касается до артистическихъ моихъ похожденій, мнѣ только остается думать, или что я дѣйствительно замѣчательный талантъ, или что нахожусь подъ покровительствомъ какой-нибудь благодѣтельной феи! Скучно и долго описывать вамъ всѣ вниманія ко мнѣ здѣшняго музыкальнаго міра. Всюду меня приглашаютъ, вездѣ стараются исполнить для меня разныя сочиненія здѣшнихъ композиторовъ. Сперва я принималъ это за простую любезность, но потомъ убѣдился, что ошибаюсь, просто отъ непривычки слыть великимъ артистомъ. Дѣло-то довольно просто: если Вагнеръ, или даже Сѣровъ, могутъ играть такую роль въ Петербургѣ, отчего же мнѣ не играть ее въ Брюсселѣ? Но я отношу это все къ феѣ, потому что, во-первыхъ, „люблю фей, сестра!" (подражаніе Фон-Визину), а во-вторыхъ потому, что до сихъ поръ я не дѣлалъ здѣсь шагу для пріобрѣтенія извѣстности, а какъ обыкновенно, только шутилъ съ m-me Léonard, да съ m-elle Blaes, да съ другими бельгійками, а съ професорами только гулялъ да обѣдалъ! Послѣ вчерашней репетиціи, можетъ быть, между шутками, займусь немножко и дѣломъ. Вотъ какъ было. На предложеніе Гансенса исполнить что-либо мое въ первомъ концертѣ главной музыкальной ассоціаціи, я послалъ ему двѣ партитуры: увертюру изъ „Русалки" и „Казачка". Онъ выбралъ увертюру, а „Казачка" отложилъ для лѣтнихъ концертовъ, но обѣщалъ проиграть его для меня на репетиціи. Третьяго дня приходитъ ко мнѣ первый здѣшній контрабасистъ, професоръ консерваторіи Берньè. Ему поручено было отъ Гансенса распорядиться приписокою оркестровыхъ партій, такъ какъ въ оркестрѣ 20 первыхъ скрипокъ, 16 вторыхъ, 10 альтовъ и 10 контрабасовъ. Берньè говоритъ: „Vous savez que c'est demain la répétition?—Oui, à quelle heure?—A deux heures.—Et qu'est ce qu'on répète encore?—Mais rien: c'est pour vos morceaux qu'on a convoqué l'orchestre.—Comment, tout l'orchestre viendra, rien que pour jouer mes deux morceaux?—Mais oui, puisqu'on doit les faire plusieurs fois!" [1]) Я еще не совсѣмъ повѣрилъ. Вечеромъ былъ въ операѣ. Спрашиваю незнакомыхъ мнѣ музыкантовъ—дѣйствительно всѣмъ повѣщено быть завтра въ 2 часа въ залѣ „La grande Harmonie". „Mais qu'est-ce que vous allez faire?—

[1]) Вы знаете, что завтра репетиція?—Въ которомъ часу?—Въ два часа.—Что же будутъ репетировать?—Да ничего посторонняго: это для вашихъ пьесъ собрали оркестръ. — Какъ, только для того, чтобы проиграть мои двѣ пьесы сзываютъ оркестръ?—Да, но вѣдь эти пьесы нужно повторить нѣсколько разъ.

Ah, on va essayer quelques morceaux d'un compositeur russe!"[1]) Тутъ я въ первый разъ призадумался. Воротясь домой, я мысленно очутился передъ довольно щекотливою дѣйствительностію. Одинъ, въ большой столицѣ, въ одномъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ, не имѣя никакой европейской извѣстности, выходить на судъ 86 человѣкъ артистовъ серьезныхъ, переигравшихъ и переслушавшихъ всевозможныя музыкальныя произведенія,— артистовъ, съ которыми ни родства, ни свойства, ни дружбы не имѣю, которыхъ созвали только для того, чтобы исполнить мои сочиненія,[2]) наконецъ которые привыкли громко и безъ всякихъ церемоній выражать свое мнѣніе. Было о чемъ подумать! На другой день Блазъ зашелъ за мною, и мы отправились въ залу. Собрался оркестръ. Выстроился горой. На верху рядъ 8-ми контрабасовъ, внизу—два. Грянули увертюру. Фея какъ тутъ! По окончаніи поднялся одобрительный гвалтъ. Гансенсъ закричалъ: „C'est que c'est diablement fameux!"[3]) Съиграли увертюру три раза. Всякій разъ гвалтъ значительно усиливался. Было видно, что музыканты все болѣе и болѣе вникали въ характеръ мотивовъ и гармоніи, которые были для нихъ новы. Затѣмъ съиграли два раза „Казачка". Опять такой же гвалтъ, только съ прибавленіемъ хохота. Однимъ словомъ, фея распорядилась какъ нельзя лучше! Я бывалъ свидѣтель, какъ петербургскій оркестръ аплодируетъ своимъ знаменитостямъ: Рубинштейну, Вагнеру, Лядову, Сѣрову; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ меня здѣсь отхлопали. Но болѣе всего порадовало меня то, что я еще въ первый разъ услышалъ свою увертюру въ залѣ, исполненную великолѣпнымъ оркестромъ. (Къ сожалѣнію, я не былъ въ томъ концертѣ, гдѣ ее дирижировалъ Балакиревъ). Что ни говори, петербургскіе „благороднѣйшіе люди",[4]) но увертюра положительно хороша. Блазъ, Леонаръ и другіе артисты смѣются надо мной, что я въ какія-нибудь три недѣли, шутя и гуляя, достигъ такихъ, по ихнему, блестящихъ результатовъ. „Mais vous tombez continuellement dans le beurre!"[5]) Они увѣряютъ, что Гансенсъ самый несговорчивый человѣкъ: что если онъ собралъ оркестръ и посвятилъ цѣлую репетицію для разучиванія мо-

---

[1]) Что же вы будете исполнять?—А, будутъ репетировать нѣсколько сочиненій одного русскаго композитора.

[2]) Этого вообще всѣ оркестры зѣло не любятъ! Прим. А. С. Д—го.

[3]) Это чертовски хорошо!

[4]) Это было одно изъ любимыхъ выраженій Даргомыжскаго. Онъ подъ нимъ разумѣлъ тогдашнюю театральную дирекцію, начальника репертуарной части и дирижера Лядова. В. С.

[5]) Вы вѣчно попадаете въ масло!

ихъ вещей, это значитъ, что онъ высоко цѣнитъ талантъ мой; что онъ осажденъ композиторами и ни съ кѣмъ не церемонится. Прощаясь послѣ репетиціи, Гансенсъ говоритъ мнѣ: „A présent je m'en vais travailler sur votre nom“ [1]) (имъ не легко дается выговаривать мою фамилію). Чтобы облегчить ему работу, я сегодня утромъ отвезъ ему визитную карточку (сегодня здѣсь новый годъ, 1-е января). Концертъ назначенъ 7-го января, т. е. въ субботу. О публикѣ забочусь я мало. Публика какъ всѣ публики — кукушка! Но съ здѣшнимъ артистическимъ міромъ прошу не шутить. Одной свинцовой усидчивостью его не удовлетворишь. Онъ хочетъ новаго, да жизненнаго; а обработка сама собой. Прощайте. Я увѣренъ, что многіе у васъ порадуются моему успѣху болѣе нежели я самъ. А. Даргомыжскій.

21-е декабря (1864).

Вчера мнѣ не удалось отправить этого письма. Новый годъ вездѣ суета. Сегодня—опять фея. Этакая проказница! видно хочетъ уморить „благороднѣйшихъ людей“. Пришелъ ко мнѣ Артò, отецъ знаменитой пѣвицы. Говоритъ: Savez vous qu'il a été question hier de faire aussi „La Cosaque“ dans le concert? c'est si intéressant! [2]) Вотъ какъ любишь!—и програму концерта измѣняютъ. Значитъ разохотились!

(Брюссель), 21-го декабря (1864).

....Щиглеву кланяйся: только мысль его—показывать письма мои въ дирекцію нахожу неудачною, а главное не въ моемъ духѣ. Но всѣ письма мои, гдѣ есть что либо о музыкѣ и артистахъ или о моихъ забавныхъ артистическихъ похожденіяхъ, можешь чрезъ Вельяминова передавать для прочтенія Кюи. Онъ музыкантъ дѣльный, и извлечетъ изъ нихъ кое-что для своихъ статей; а захочетъ, такъ замолвитъ и о моихъ успѣхахъ, потому что описываю вамъ одни факты безъ прибавленія. Впрочемъ, полагаю, что рано или поздно и здѣшніе журналы заговорятъ. Одно бѣда: „Indépendance“ въ рукахъ Фетисовъ—отца и сына. Они съ Гансенсомъ на рогахъ. Полагаю, что они не рискнутъ бранить меня, но весьма можетъ быть, что отдѣлаются молчаніемъ. Прощай, кланяйся всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. А. Д.

Брюссель, 27-е декабря 1864.

.....Прилагаю при этомъ письмѣ вырѣзку изъ газеты „L'Etoile belge“, которая вкратцѣ разсказываетъ о репетиціи моей. Ты видишь по

---

[1]) Теперь я пойду разучивать ваше имя.

[2]) Знаете, вчера шла рѣчь о томъ, чтобъ сыграть также «Казачка» въ концертѣ? Вѣдь это такъ интересно!

слогу, что это не реклама, а просто сжатая передача дневнаго факта, который описанъ мною въ подробности въ прошломъ письмѣ. Еще посылаю програму концерта. Этотъ концертъ былъ вчера. Какъ я предсказывалъ, публика оказалась, какъ всѣ публики. Она, разумѣется, приняла прилично увертюру мою, какъ принимаетъ симфоніи Бетговена, какъ приняла симфонію Гансенса, въ которой первое аллегро несравненно лучше моей увертюры. Она ревѣла отъ восторга надъ флажолетами и пиччи-арками скрипача Лотто, который просто выводилъ меня изъ терпѣнія безвкусицей и тривіальностью, какъ сочиненія, такъ и исполненія. Къ стыду моему, публика заревѣла и отъ „Казачка" моего! Это была бы для меня истинная обида, если бы оркестръ и всѣ великіе здѣшніе артисты не восхищались имъ. „La Cosaque" сдѣлался ихъ „enfant chéri". Огромная зала была набита биткомъ. Я сидѣлъ въ галереѣ, съ боку, вмѣстѣ съ Блазами. По окончаніи концерта, стали меня вызывать. Я не зналъ куда дѣться. Шумъ страшный, потому что здѣсь и оркестръ аплодируетъ и вызываетъ наравнѣ съ публикой. Я сталъ пробираться въ тѣснотѣ чрезъ всю залу. Ужъ сколько переломалъ кринолиновъ—и счету нѣтъ. Конфузно ужасно: всѣ смотрятъ въ рожу. Только и слышишь: Tiens, l'auteur est ici! Ah, le voilà!.. Ah, il est a Bruxelles! Tiens, il est russe!?[1]), то есть ни одного медвѣдя такъ собаками не травили! — Дамы обступили меня—приглашать къ себѣ. J'ai été en Russie!—J'ai été à Pétersbourg!—Ah monsieur, je suis persuadée que vous avez de charmantes mélodies nationales, j'aurais eu tant du plaisir à les connaitre и проч.[2]) Возвращаюсь назадъ, таже потѣха! Кое-какъ добрался до разбора шинелей и пальто. Подаю нумеръ; молодые люди, подавшіе свои нумера прежде меня, говорятъ дамѣ, раздающей верхнюю одежду: Servez monsieur! Servez monsieur avant nous! Признаться,

Dieu, que j'étais las
De tant de plaisir![3])

Скажу тебѣ чистосердечно, что репетиція моихъ вещей была для меня во сто разъ пріятнѣе и лестнѣе, чѣмъ вся эта дурацкая комедія. Сегодня поутру слуга отеля говоритъ мнѣ: Monsieur, on cause

---

[1]) Ба, авторъ здѣсь! — А, вотъ онъ. А! онъ въ Брюсселѣ?—Вотъ какъ. онъ русскій!?

[2]) Я была въ Россіи! — Я тоже была въ Петербургѣ! — Я увѣрена, что у васъ есть прелестныя національныя мелодіи. Я такъ буду рада ихъ услышать.

[3]) Господи, какъ я усталъ отъ такого удовольствія!

de vous, on dit que vous êtes un homme de talent![1]) Я обѣдаю сегодня у Влаза. Никто меня такъ не смѣшитъ, какъ мадамъ Blaes. Ты помнишь ея протяжную манеру говорить: Mais c'est extraordinaire! Il va voir le ballet, il flâne, il dîne, il va parler aux demoiselles de magasin, et voilà qu'on fait des répétitions pour lui, et on exécute sa musique, et je ne serais pas étonnée qu'on montât son opéra.[2]) А я ей все пою изъ оперы Обера: „La part du diable", гдѣ одинъ господинъ сдѣлалъ условіе съ чортомъ, и ему все удается. Только я отношу къ благодѣтельной феѣ и пою: Mais elle doit me protéger![3]) Впрочемъ, фея можетъ свихнуться. Мнѣ сегодня говорили, что Фетисъ уѣхалъ изъ концерта прежде конца и можетъ быть замышляетъ что-нибудь, для меня неблагопріятное. Партію Фетиса сердитъ, зачѣмъ Гансенсъ и оркестръ меня полюбили, и дѣлаютъ для меня все, что можно. Прощай, обнимаю васъ всѣхъ. А. Д.

Не знаю, еще долго-ли останусь въ Брюсселѣ. Есть еще проекты, но не знаю, удадутся-ли, какъ до сихъ поръ удавались.

(Къ этому письму приклеена вырѣзка изъ «Etoile Belge» слѣдующаго содержанія, на французскомъ языкѣ: «Въ субботу, въ залѣ общества «La grande Harmonie» происходило одно изъ интереснѣйшихъ музыкальныхъ собраній. Со всегдашнею своею благосклонностью къ крупнымъ артистамъ, г. Гансенсъ посвятилъ всю репетицію 2-го концерта ассоціаціи музыкантовъ исполненію сочиненій г. Александра Даргомыжскаго, единственнаго нынче представителя русской музыки. Успѣхъ г. Даргомыжскаго былъ очень великъ, и брюссельской публикѣ предстоитъ удовольствіе слышать, въ концертѣ 7-го января, его музыку, запечатленную столько же изящнымъ, какъ и оригинальнымъ характеромъ»).

Брюссель, 29-го декабря 1864.

....Ты ничего не пишешь о томъ, чѣмъ кончилась катавасія между Платоновой и Михайловской, а говоришь только, что дѣти грустятъ, что не даютъ „Русалку". Развѣ рѣшено, что она не пойдетъ? Впрочемъ, бѣда была-бы не велика. Здѣшнія газеты еще не давали отчета о нашемъ концертѣ. Хотя здѣсь, какъ и вездѣ, есть журнальныя партіи и интриги, но Влазъ полагаетъ, что онѣ не рискнутъ отозваться обо мнѣ невыгодно, потому что успѣхъ былъ слишкомъ публиченъ. Въ особенности артисты и оркестръ всѣ за меня. Сдѣлай одолженіе, передай вырѣзку изъ газеты „L'Etoile Belge" о моей репетиціи—Кюи, чрезъ Вельяминова, и проси, чтобы онъ въ статьѣ своей въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" напечаталъ ее. Не знаю еще, долго-ли пробуду въ Брюсселѣ, но во всякомъ случаѣ продолжай покуда писать

---

[1]) Объ васъ вездѣ говорятъ. Говорятъ, что вы талантъ!

[2]) Это просто удивительно! Онъ ѣздитъ въ балеты, обѣдаетъ, фланируетъ, болтаетъ съ продавщицами, а между тѣмъ для него дѣлаютъ репетиціи, и исполняютъ его музыку; пожалуй поставятъ его оперу!

[3]) Но она должна мнѣ покровительствовать.

по тому же адресу: я уже распоряжусь, чтобы письма не пропадали. Гансенсъ большой оригиналъ. Его всѣ уважаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побаиваются. Ко мнѣ онъ расположенъ чрезвычайно. Теперь просматриваетъ мои оперы. Онъ сказалъ мнѣ: J'en parlerai sérieusement au directeur.[1]) Но вотъ какое дѣло: театральная публика здѣсь невыносимая; кричитъ и свищетъ въ такіе свистки, что уши ломитъ. Между тѣмъ въ музыкѣ также мало смыслитъ, какъ и петербургская. Если бы, напримѣръ, меня упрашивали поставить здѣсь „Русалку“, я бы ни за какіе калачи не рѣшился. „Торжество Вакха“ рискнуть можно. Оно коротко. Для артистовъ занимательно; а абоненты жаловаться не могутъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ другая большая опера или балетъ. Гансенсъ и оркестровые музыканты очень не прочь отъ этого проекта, но директора театра здѣсь нѣтъ. Онъ въ Парижѣ и скоро будетъ назадъ. Другіе артисты не совѣтуютъ мнѣ что-либо давать теперь, потому что абоненты ужасно сердиты на дирекцію и на всё изъявляютъ свое негодованіе. Что касается до меня, скажу, положа руку на сердце, что ежели рѣшусь ставить здѣсь „Торжество Вакха“, то уже никакъ не изъ желанія угодить публикѣ, или произвести эфектъ, но единственно только потому, что это пріятно займетъ меня на цѣлый мѣсяцъ. Здѣшній теноръ премилый французъ; балетчицы пресимпатичныя; стало быть можно провести время не скучно. А это главное мое желаніе. Русскихъ здѣсь почти не видать; впрочемъ, я еще не былъ въ русской церкви. Говорятъ, ихъ тамъ всѣхъ можно встрѣтить. Удивляюсь, что такъ мало русскихъ поселяется въ Брюсселѣ, который несравненно пріятнѣе Дреадена. Впрочемъ, здѣшняя аристократія и ничтожная, и гордая. Общество, говорятъ, эгоистичное и скупое.... А. Д.

Брюссель, 5-е января 1865.

Посылаю тебѣ вырѣзку изъ газеты „Indépendance Belge“. Эта газета получается у васъ въ Петербургѣ и много читается. Статья о концертѣ была въ 12-мъ № отъ 12-го и 13-го января, разумѣется здѣшняго стиля. Статейка эта хотя небольшая, но для Брюсселя весьма значительна. „Indépendance Belge“ газета политическая, серьезная, которая по части икуствъ и городскихъ новостей передаетъ одно только замѣчательное. Какъ нарочно, здѣшнія газеты вкратцѣ подтверждаютъ все то, что я разсказываю вамъ въ моихъ письмахъ. Мнѣ только противно видѣть, какъ „Indépendance“ относится о Гансенсѣ. Симфонія его—произведеніе замѣчательное, а первое аллегро—въ высшей степени ново и интересно. Вообще онъ, какъ музыкантъ

[1]) Я о нихъ серьезно поговорю съ директоромъ.

и композиторъ, выше здѣшняго общества и журнальнаго міра. Если будутъ еще статьи въ газетахъ о нашемъ концертѣ, то пришлю тебѣ, а прилагаемую вырѣзку передай Кюи. Если онъ напечатаетъ ее въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“,—оно будетъ назидательно для „благороднѣйшихъ людей“... Особенно интереснаго ничего не имѣю передать вамъ. Бываю въ разныхъ музыкальныхъ собраніяхъ и концертахъ. Пускаюсь немного въ общество. Но все это не занимательно. Общество глупо: и не понимаетъ и не цѣнитъ своего блестящаго артистическаго міра. Перевожу многіе свои романсы по-французски. „Ванька Танька“ въ два голоса[1]) производитъ страшный эфектъ! Вчера въ оперѣ видѣлся я съ Гансенсомъ. Весь городъ зоветъ его не иначе какъ „l'ours“ (медвѣдь). Но ко мнѣ онъ расположенъ, какъ, говорятъ, не бывалъ ни къ кому. Говоритъ мнѣ, вчера: Si j'étais rentier, j'irais voyager avec vous. J'aurais dirigé vos compositions, et vous auriez dirigé les miennes[2]). И ему и оркестровымъ артистамъ очень бы хотѣлось поставить мое „Торжество Вакха“. Имъ ужасно надоѣлъ здѣшній репертуаръ. Но я положительно ни о чемъ не хлопочу. Пусть дѣлаютъ какъ знаютъ. Будетъ здѣсь дѣло—останусь. Не будетъ—уѣду въ Парижъ: но отъ програмы своей не отступлю. Съ одной стороны за здѣшнюю театральную публику выходитъ противно. Съ другой—сблизиться съ театромъ пріятно. Танцовщицы симпатичны. Пусть судьба рѣшаетъ. Прощай, обнимаю васъ“.

(Къ этому письму приклеена вырѣзка изъ „Indépendance Belge“, на французскомъ языкѣ):

«Второй концертъ Ассоціаціи брюссельскихъ музыкантовъ доставилъ любителямъ рѣдкій случай оцѣнить достоинство одного русскаго композитора. Г. Александръ Даргомыжскій, очень извѣстный петербургскому музыкальному міру, представилъ въ первый разъ свои сочиненія на судъ брюссельской публики. Исполняли одну увертюру для большого оркестра и фантазію на казацкую танцовальную тему, также для оркестра. Если г. Даргомыжскій аматеръ по своему положенію, то онъ въ то же время художникъ по своему таланту. Оба сочиненія, только что прослушанныя и проаплодированныя посѣтителями концертовъ Ассоціаціи, обличаютъ полное знаніе техническихъ средствъ, и въ тоже время доказываютъ творческую способность совершенно необычайную. Планъ увертюры намѣченъ хорошо; идеи развиваются здѣсь ясно и естественно; инструментовка блестяща безъ злоупотребленія звуковыми средствами. Фантазія на казацкую тему элегантна и очень оригинальна. Послѣ этой пьесы, г. Даргомыжскій былъ вызванъ оркестромъ и публикой. Значитъ, мы заявляемъ здѣсь объ истинномъ успѣхѣ»).

Сообщ. **В. В. Стасовъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ванька-Танька — цыганская пѣсня, къ которой Даргомыжской придѣлалъ очень интересную вторую партію голоса. Это одна изъ хорошихъ его комическихъ пьесъ. **В. С.**

[2]) Еслибъ я былъ капиталистъ, я бы поѣхалъ путешествовать съ вами. Я бы дирижировалъ ваши сочиненія, а вы—мои.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Въ альбомъ Н. И. Поливанову.

Послушай! вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой... и тайно грудь
Вздохнетъ—и вдругъ заплачутъ очи.
И молвишь ты: когда-то онъ,
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенье! **М. Л.**

Напечатанное здѣсь въ первый разъ стихотвореніе покойнаго поэта относится къ послѣднему году его нахожденія въ московскомъ университетѣ. Изъ приписки, сдѣланной на томъ же листкѣ моимъ отцомъ,[1]) видно, что 28-го марта 1831 года М. Ю. Лермонтовъ написалъ эти строки въ его комнатѣ, ночью, когда, вслѣдствіе университетской шалости, онъ ожидалъ себѣ строгаго наказанія.[2]) Ша-

---

[1]) Николай Ивановичъ Поливановъ, полковникъ гвардіи, умеръ въ отставкѣ, въ Казани, 7-го декабря 1874 года.

[2]) См. разсказъ объ этой исторіи г. Дудышкина (соч. Лермонтова, изд. 1863 г., т. II, стр. VI). Другіе разсказы и сужденія о нихъ можно читать въ статьѣ г. Пыпина (соч. Лермонтова, изд. 1873 г., т. I, стр. XXIII—XXV). Нельзя не подивиться, что до сихъ поръ никто не потрудится собрать хотя офиціальныя свѣдѣнія объ этой исторіи; вѣдь для этого достаточно простой канцелярской справки въ архивѣ московскаго университета. Не вызоветъ-ли разъясненія хотя настоящая наша замѣтка, подобно тому какъ, благодаря сообщенію Н. П. Розанова («Рус. Ст.» изд. 1873 г. т. VIII, стр. 113—114), окончательно разъяснился вопросъ о годѣ рожденія Лермонтова. **Ред.**

лость эта состояла въ томъ, что Лермонтовъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, поднялъ на смѣхъ, во время лекціи, странности одного нелюбимаго ими професора Малова, читавшаго теорію уголовнаго права. Любимою и обыкновенною темою его лекцій было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ такія лекціи Маловъ начиналъ словами: „человѣкъ, который“... и заставлялъ студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: „человѣкъ, который“. Студенты не полюбили професора. Однажды, едва Маловъ взошелъ на кафедру и началъ обычное „человѣкъ, который“... Студенты зааплодировали и крикнули „fora“... „прекрасно“. Это повторялось всякій разъ, какъ только Маловъ раскрывалъ ротъ. Маловъ, обращаясь къ студентамъ, говоритъ: „гг., я долженъ буду уйти“, а ему кричатъ: „прекрасно“. Маловъ идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, студенты идутъ за нимъ, крича: „человѣкъ, который“... „bis“... „прекрасно“ и проводили его, такимъ образомъ, довольно далеко. По жалобѣ Малова, въ числѣ исключенныхъ былъ, какъ думаютъ, и Лермонтовъ. Изъ воспоминаній моего отца ничего, къ сожалѣнію, не сохранилось, относящагося къ этому именно времени, тѣмъ не менѣе самый фактъ исключенія Лермонтова изъ университета ему казался сомнительнымъ. При господствовавшей тогда строгости въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, врядъ-ли могъ бы „исключенный“ изъ высшаго учебнаго заведенія быть безпрепятственно принятъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Переходъ же Лермонтова совершился безъ всякихъ затрудненій и онъ, совершенно неожиданно для своихъ бывшихъ московскихъ товарищей, явился въ Петербургъ, чтобы готовиться къ вступительному экзамену. Въ выборѣ имъ новой дороги не слѣдуетъ видѣть никакого слѣдствія горькой необходимости. Правда, что если университетская исторія и неимѣла для него такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ формальное исключеніе, то за ней, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать окончательное вліяніе на рѣшеніе его поступить въ военную службу. Къ этому располагалъ общій духъ времени и близкіе ему примѣры сверстниковъ. Путь этотъ всего скорѣе могъ удовлетворить самолюбивый характеръ поэта и доставить ему обширное поле сильныхъ ощущеній, чего давно жаждала его страстная и подвижная натура. Выраженные имъ около этого времени, въ письмахъ, взгляды весьма рельефно характеризуютъ ту будущность, которую ожидалъ Лермонтовъ. Въ одномъ онъ говоритъ, „что лучше же умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго истощенія старости“; въ другомъ, писанномъ немного раньше перваго изъ Петербурга, онъ, разсказывая о своей скукѣ, о томившихъ его сомнѣніяхъ, говоритъ между

прочимъ: „тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ“. Поводомъ, впрочемъ, къ такому мрачному настроенію могла послужить отчасти неудача, постигшая Лермонтова на первыхъ порахъ его пребыванія въ школѣ. Ѣздивши разъ въ манежѣ, онъ неосторожно приблизился къ одной лошади, такъ сильно его лягнувшей, что у него оказалась переломленною кость лѣвой ноги ниже колѣна. Для поправленія здоровья ему разрѣшено было переѣхать домой, откуда онъ держалъ экзаменъ прямо въ первый классъ, которыхъ было въ школѣ два. Переломъ ноги долго держалъ больного въ постели и, несмотря на самый внимательный уходъ, не прошелъ для него безслѣдно: при общей кривизнѣ ногъ, одна осталась болѣе выгнутой, чѣмъ другая. Жилъ тогда Лермонтовъ на квартирѣ у своей бабушки, на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ мостомъ, въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается правленіе „Общества заклада движимыхъ имуществъ“. Изъ пріятелей и товарищей по школѣ, навѣщавшихъ его во время болѣзни, чаще всего были мой отецъ, также Н. Д. Юрьевъ, его родственникъ, и братья Столыпины.

Здоровье его хотя медленно, но поправлялось, а съ нимъ возвращались силы и всегдашняя рѣзвость Лермонтова. Однимъ, всегда изъ самыхъ любимыхъ имъ упражненій было — фехтованье. Рѣдкое посѣщеніе, по словамъ моего отца, обходилось безъ того, чтобы они не дралисьна ра пирахъ. Какъ раньше, такъ и въ школѣ, отношенія ихъ были самыя дружественныя. Несмотря, потомъ, на различіе полковъ,[1]) въ которыхъ они служили, они постоянно между собою видѣлись и другъ отъ друга никогда не имѣли никакой тайны. Если когда-нибудь было сомнѣніе въ искренности характера Лермонтова, то никакъ этотъ упрекъ не можетъ быть сдѣланъ ему отъ лица тѣхъ, къ кому онъ имѣлъ дѣйствительное расположеніе и могъ на него разсчитывать взаимно. Воспоминанія объ Лермонтовѣ всѣ несомнѣнно дороги, а потому я рѣшился записать и настоящія, слышанныя мною отъ покойнаго отца, которыя современемъ, при составленіи полной біографіи поэта, могутъ пригодиться.

Сообщ. **В. Н. Поливановъ**

---

[1] Отецъ вышелъ въ лейб-уланскій, а Лермонтовъ—въ лейб-гусарскій полки. **В. П.**

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Предсказатель монахъ Авель

въ 1812 — 1826 гг.

Читатели «Русской Старины» вѣроятно обратили вниманіе на своеобразную. весьма типическую личность монаха Авеля, представшаго на страницахъ нашего изданія, съ описаніемъ своего хожденья по мукамъ, т. е. по тюрьмамъ и затворамъ монастырскимъ. (См. «Рус. Ст.», т. XII, стр. 414—435). Переписка его съ графиней Потемкиной въ 1814 — 1816 годахъ, если и выставляетъ на видъ нѣкоторыя житейскія невзгоды, его посѣтившія, все-таки показываетъ, что отецъ Авель нашелъ въ мірѣ значительный достатокъ и вполнѣ обезпеченное положеніе. Нынѣ помѣщаемая статья показываетъ, что западъ дней Авеля омрачился страшною для него грозою. Двадцать одинъ годъ проведя въ тюрьмахъ, онъ вновь попалъ въ тяжкое заточеніе.

Прежде, однако, чѣмъ сообщить новыя свѣдѣнія объ этомъ предсказателѣ, считаемъ не лишнимъ привести слѣдующую замѣтку о немъ изъ записокъ современника Авеля—Л. Н. Энгельгардта.

«Въ Соловецкомъ монастырѣ былъ монахъ Авель, предсказавшій смерть императрицѣ Екатеринѣ и потомъ императору Павлу, со всѣми обстоятельствами краткаго его царствованія. За годъ до смерти императрицы, сей Авель, пришедъ къ настоятелю того монастыря, требовалъ, чтобы довести до свѣдѣнія ея, что слышалъ онъ вдохновенно гласъ, который долженъ онъ былъ ей объявить лично. По многимъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, наконецъ донесено было ей, и приказано было его представить: тогда онъ ей объявилъ, что слышалъ онъ гласъ, повелѣвшій ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить въ Петропавловскую крѣпость. По кончинѣ государыни, императоръ повелѣлъ, освободя его, представить къ нему; когда онъ ему предсказалъ, сколько продолжится его царствіе, государь въ ту же минуту приказалъ его опять заточить въ крѣпость. Смерть однако-жъ исполнилась въ назначенный срокъ. При вступленіи на престолъ Александра I онъ былъ освобожденъ. За годъ до нападенія французовъ, Авель предсталъ предъ императоромъ и сказалъ, что французы вступятъ въ Россію, возьмутъ Москву и сожгутъ. Государь приказалъ его опять посадить въ крѣпость. По изгнаніи непріятелей онъ

былъ выпущенъ. Сей Авель послѣ того былъ долго въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и Москвѣ; многіе изъ моихъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый: многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ ихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему что говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видѣлъ его и неизвѣстно куда онъ дѣвался.»[1])

Эта неизвѣстность разъясняется нижеслѣдующими документами.

Монахъ Авель, именуя себя монахомъ Ставропигіальнаго Соловецкаго монастыря, въ сентябрѣ 1823 года, подалъ московскому архіепископу Филарету, впослѣдствіи митрополиту, прошеніе объ опредѣленіи его, Авеля, въ Серпуховскій Высотскій монастырь. Пр. Филаретъ на прошеніи, 6-го того сентября, написалъ: „представить справку“. Консисторія представила, что еще при пр. Августинѣ (предмѣстникѣ пр. Филарета) было въ производствѣ дѣло о монахѣ Авелѣ, по отношенію министра духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицына, отъ 2-го ноября 1817 г. По дѣлу сему значится, что 1) при упомянутомъ отношеніи министръ приложилъ справку по канцеляріи св. синода, что монахъ Авель содержался въ Соловецкомъ монастырѣ; а въ 1812 г., ноября 17-го, онъ, кн. Голицынъ, какъ обер-прокуроръ синодальный, предложилъ синоду высочайшее повелѣніе „освободивъ его, Авеля, изъ-подъ стражи, принять въ число братства. Между тѣмъ, какъ Авель имѣетъ намѣреніе идти для поклоненія св. мощамъ въ разные города, то снабдить надлежащимъ паспортомъ для свободнаго пропуска, предоставляя также ему избрать для своего пребыванія монастырь, какой самъ пожелаетъ, и гдѣ будетъ принятъ, тамъ дозволить ему жить безпрепятственно“. О чемъ къ архимандриту Соловецкаго монастыря посланъ былъ указъ 3-го декабря того 1812 г. А 4-го апрѣля 1814 г. монахъ Авель, объясняя прошеніемъ въ синодъ, что имѣетъ желаніе идти въ Іерусалимъ, для поклоненія гробу Господню и святымъ мѣстамъ въ намѣреніи, ежели будетъ возможно, остаться тамъ навсегда, и приложа въ копіи данный ему во исполненіи указа св. синода, отъ намѣстника Соловецкаго монастыря паспортъ на свободное, гдѣ пожелаетъ, пребываніе, просилъ о снабженіи его, на случай отбытія въ Іерусалимъ, надлежащимъ видомъ; вслѣдствіе чего и, по предварительному сношенію съ министерствомъ полиціи, Авелю выданъ паспортъ съ роспискою. О томъ, чтобы сей монахъ произведенъ былъ въ іеромонахи, свѣдѣній нѣтъ. 2) Въ показанномъ отношеніи отъ 2-го ноября 1817 г. кн. Голицынъ сообщалъ пр. Августину, что монахъ Авель, по случаю потери даннаго ему паспорта, просилъ его,

[1]) Записки Энгельгардта, изд. 1868 г. Москва, стр. 217—218. Ред.

министра, о снабженіи его, Авеля, новымъ, для свободнаго здѣсь, въ Москвѣ или въ иномъ городѣ, пребыванія, также и о содѣйствіи къ водворенію его, Авеля, въ Шереметевскомъ страннопріимномъ домѣ.[1]) Онъ, министръ, довелъ о семъ до свѣдѣнія государя. Государь, находя неприличнымъ, чтобы монахъ Авель, толь много странствовавшій. еще продолжалъ скитаться по Россіи, и не имѣлъ постояннаго пребыванія въ монастырѣ, высочайше повелѣть ему, министру, соизволилъ: объявить ему, Авелю, чтобъ избралъ непремѣнно монастырь, и, если настоятель согласится на принятіе его, то и водворился бы въ томъ монастырѣ. Объявивъ о семъ Авелю, съ предложеніемъ и самого монастыря, именно Пѣшношскаго (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), поручалъ преосвященному внушить Авелю съ своей стороны, о несовмѣстности монаху жить въ частномъ домѣ, и предложилъ бы ему водвориться въ монастырѣ, о которомъ упомянуто, или въ иной какой-либо обители. Если же онъ не изъявитъ желанія поступить въ монастырь московской епархіи, то предложить синодальной конторѣ снабдить его, Авеля, паспортомъ для свободнаго пропуска въ другіе города, чтобы онъ, согласно высочайшей волѣ, объявленной св. синоду 17-го ноября 1812 г., избралъ для своего пребыванія монастырь, и гдѣ будетъ принятъ, тамъ и водвориться ему. 3) Отношеніе это сдано было въ консисторію уже по смерти пр. Августина (умеръ 1819 г., марта 3-го) съ отмѣткою Малиновскаго, секретаря преосвященнаго, что монахъ Авель къ пр. Августину явился 6-го ноября 1818 г. и чрезъ два дни хотѣлъ прибыть, чтобы, получивъ благословеніе и предписаніе къ строителю Пѣшношскому, отправиться на житье въ Пѣшношу; но съ того времени не являлся и изъ Москвы скрылся. 4) Вмѣстѣ съ тѣмъ при дѣлѣ сдано въ консисторію показаніе Николоявленской въ Москвѣ церкви, священника Михаила Лаврентьева,[2]) данное имъ 23-го декабря 1818 г., что въ сентябрѣ того 1818 года (котораго числа не припомнитъ), какъ онъ, Лаврентьевъ, шелъ къ малой вечернѣ, попался близъ дома его, священника, монахъ Авель, съ которымъ вступилъ въ разговоръ слѣдующаго содержанія: „здоровы-ли вы, о. Авель; какая тому причина, что васъ такъ давно въ Москвѣ не видно: гдѣ вы до сихъ поръ были; и справедливъ-ли тотъ непріятный слухъ, который объ васъ прошелъ между нами?“ На сіе Авель отвѣчалъ, что живетъ благополучно, что до

[1]) Донынѣ въ Москвѣ при Шереметевской больницѣ богадѣльня мужская и женская.

[2]) Впослѣдствіи настоятель Московскаго Богоявленскаго монастыря и членъ московской консисторіи, архим. Митрофанъ. Умеръ 1850 г., ноября 19-го.

Н. Р.

сихъ поръ находился въ г. Орлѣ, и что прежде того, въ бытность г. министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына въ Москвѣ, былъ представленъ къ нему, и имѣлъ съ нимъ разговоръ касательно его, Авеля, обстоятельствъ. Послѣ сего, прощаясь съ нимъ, священникомъ, Авель сказалъ, что идетъ въ домъ прихожанина его, ст. сов. Петра Алексѣевича Верещагина, откуда обѣщался придти въ Николоявленскую церковь ко всенощной, однако не приходилъ; а подлинно-ль былъ въ домѣ г. Верещагина—о томъ не знаетъ. Пр. Филаретъ, на представленной изъ консисторіи справкѣ, 6-го октября 1823 г., написалъ: „Монаха Авеля въ Высотскій монастырь опредѣлить". О семъ 24-го того же октября данъ указъ изъ консисторіи архимандриту Высотскаго монастыря Амвросію.

По опредѣленіи монаха Авеля въ Высотскій монастырь, въ послужномъ его спискѣ за 1823 г. значилось, что монахъ Авель изъ крестьянъ, 65-ти лѣтъ; въ монашество постриженъ въ Лаврскомъ Александро-Невскомъ монастырѣ въ 1797 г.; изъ онаго переведенъ былъ въ Ставропигіальный Соловецкій монастырь въ 1801 году; а въ оный Высотскій монастырь опредѣленъ 1823 г., октября 24-го дня; обученъ россійской грамотѣ читать, пѣть и писать; въ штрафахъ не былъ.

Въ 1826 г., іюня 21-го, архим. Высотскаго монастыря Амвросій,[1]) донесъ митр. Филарету, что монахъ Авель, забравши всѣ свои пожитки, 3-го іюня самовольно изъ монастыря отлучился неизвѣстно куда, и не является. Въ дополненіе къ тому архим. Амвросій 30-го іюля доносилъ, что монахъ Авель находится въ Тульской губерніи, близъ Соломенныхъ заводовъ, въ деревнѣ Акуловой, и при донесеніи представилъ копію съ двухъ писемъ Авеля слѣдующаго содержанія:

„Милостивая государыня Анна Тихоновна. Желаю вамъ и всему вашему семейству всякаго благополучія, какъ тѣлеснаго, такъ и душевнаго. Я, отецъ Авель, нынѣ нахожусь въ Соломенныхъ заводахъ, въ деревнѣ Акуловкѣ, отъ завода семь верстъ, проѣхачи заводъ налѣво. Ежели угодно вамъ ко мнѣ пріѣхать, тогда я вамъ всю исторію скажу, что мнѣ случилось въ Высотскомъ монастырѣ, и прочая таковая и прочая. Ежели есть ко мнѣ изъ Москвы или откуда-нибудь письма, то бы Карла Ивановичъ прислалъ ко мнѣ чрезъ заводскихъ ямщиковъ въ деревню Акулово; а я здѣсь намѣренъ прожить за болѣзнію отъ іюня одинъ годъ и прочая. А ежели вамъ ко мнѣ случая не будетъ пріѣхать, то хотя напишите что-нибудь, въ чемъ и остаюсь всенижайшій отецъ Авель.

„Заводы отъ Серпухова 30 верстъ и спросить деревню Акулово".

1826 года, іюля 20-го числа.

---

[1]) Умеръ 1827 г., іюня 10-го.

„Духовному моему отцу Доримедонту, всякое здравіе и спасеніе, и прошу вашихъ святыхъ молитвъ. Я, отецъ Авель, писалъ своему господину Нарышкину, Дмитрію Львовичу, какъ меня Высотскій отецъ адхимандритъ ложнымъ указомъ хотѣлъ послать въ Петербургъ къ новому государю. Нарышкинъ же доложилъ о томъ его величеству Николаю Павловичу, и сказавъ ему всю исторію отца Авеля, какъ его сажали въ тюрьму черные попы и былъ онъ отъ нихъ въ трехъ крѣпостяхъ и въ шести тюрьмахъ, содержался всего времени двадцать одинъ годъ; государь же, его величество, приказалъ отцу Авелю отдалиться отъ черныхъ поповъ и жить ему въ мірскихъ селеніяхъ, гдѣ онъ пожелаетъ. Нарышкинъ же отобралъ царскія сіи слова и отписалъ отцу Авелю, и предложилъ еще подать просьбу въ синодъ и взыскать отцу Авелю штрафу съ высотскаго начальника тысячу рублей за ложное злословіе, якобы отца Авеля приказано въ Петербургъ прислать и проч.".

„Въ чемъ и остаюсь всенижайшій монахъ Авель".

1826 года, іюля 20-го дня.

Въ томъ же 1826 г., отъ 27-го августа, на имя митр. Филарета послѣдовалъ указъ свят. синода, съ объясненіемъ, что синодальный обер-прокуроръ кн. Петръ Сегѣевичъ Мещерскій, согласно отношенію его, митрополита, докладывалъ государю Николаю Павловичу объ оставленіи монахомъ Авелемъ опредѣленнаго ему въ Серпуховскомъ Высотскомъ монастырѣ пребыванія и объ оказавшихся двухъ письмахъ, изъ коихъ видно, что онъ, монахъ, находится въ 30-ти верстахъ отъ Серпухова, въ Тульской губерніи, и государь, по прочтеніи бумагъ, повелѣлъ, чтобы монахъ Авель былъ заточенъ для смиренія въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь. Посему св. синодъ, для скорѣйшаго и удобнѣйшаго отысканія монаха Авеля, тульской епархіи, въ деревнѣ Акуловой, предоставилъ синодальному обер-прокурору сдѣлать сношеніе съ свѣтскимъ начальствомъ, которому и отправить Авеля въ владимірскую консисторію для помѣщенія въ Спасо-Ефиміевъ монастырь. Тѣмъ и закончились скитанія о. Авеля.

Сообщ. **Н. П. Розановъ.**

Примѣчаніе. Необходимо напомнить, что Спасо-Евфиміевъ монастырь въ городѣ Суздали не столько обитель для отказавшихся отъ міра подвижниковъ, сколько острогъ для заточенныхъ въ него духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ монастырѣ (по крайней мѣрѣ еще въ 1860 г., когда пишущій эти строки посѣтилъ его) стоитъ особая команда; от. архимандритъ—коменданть, которому часовые отдаютъ честь и который строго блюдетъ заточенныхъ по узкимъ и мрачнымъ затворамъ. Въ этомъ же монастырѣ были заключены на время нѣкоторые декабристы (Бобрищевъ—Пушкинъ, кн. Шаховской), а позднѣе сюда запирали раскольничьихъ архіереевъ. **Ред.**

Ширяй.

Жилъ нѣкогда въ Малороссіи д. ст. совѣт. Ширяй, помѣщикъ очень значительнаго состоянія, губ. предводитель Полтавской и потомъ Черниговской губерніи. Человѣкъ очень умный, но большой оригиналъ, онъ давалъ роскошные балы и обѣды, на которые являлся въ нанковомъ сюртучкѣ, съ Анненскою звѣздою,—имѣлъ особенное удовольствіе быть въ ссорѣ со всѣми малороссійскими генерал-губернаторами, и замѣчать всѣ промахи ихъ управленія; они боялись страшно его сарказмовъ, передаваемыхъ тотчасъ въ Петербургъ въ смѣшномъ видѣ землякамъ его, Трощинскому и Кочубею. При воцареніи императора Павла, онъ написалъ къ нему письмо, гдѣ изобразилъ ему неспособность и нелѣпость управленія Малороссіей назначаемыми генрал-губернаторами, и потому самъ предлагалъ себя генерал-губернаторомъ, какъ совершенно знающимъ народъ малороссійскій.

Императоръ Павелъ, получивъ это письмо, отвѣчалъ ему собственноручно слѣдующее:

„Господинъ ст. сов. Ширяй! Достиженіе въ имперіи высшихъ почестей позволительно всякому; желаніе ваше, быть малороссійскимъ генерал-губернаторомъ похвально; но для сего мало одного вашего желанія, необходима къ этому и моя воля, а я вамъ оной не соизволяю. Павелъ“.

Примѣчаніе. При императорѣ Александрѣ I Ширяй просилъ переименовать его въ генерал-маіоры, что государь исполнилъ. Умеръ онъ въ 40-хъ годахъ 90-та лѣтъ. Приведенное письмо списано Г. В. Зайцевскимъ въ 1820-хъ годахъ съ подлинника, руки императора Павла, и съ согласія г. Зайцевскаго сообщено на страницы «Русской Старины».

Орелъ.

Сообщ. **А. В. Шереметевъ.**

Письмо Д. В. Веневитинова къ С. А. Соболевскому.

С.-Петербургъ, 14-го декабря 1826 г.

Давно хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезный мудрецъ эпикурейскій, и не забылъ, что обѣщалъ тебѣ описаніе-житья бытья Одоевскаго[1]), но ты уже знаешь, что я былъ боленъ и потому долго не могъ приглядѣться къ его семейной жизни. Посмотрѣлъ бы ты на него: онъ, какъ сыръ въ маслѣ, ласкаетъ жену какъ любовникъ, любезничаетъ

[1]) Князя Владиміра Ѳедоровича, тогда женившагося на Ольгѣ Степановнѣ, рожденной Ланской. А. П.

съ дамами какъ женихъ. Она женщина превеселая и милая въ глазахъ каждаго; что ужъ должно быть въ глазахъ нашего чувствительнаго Одоевскаго? Придешь къ нимъ поутру; они сидятъ, какъ голубокъ съ голубкой, шутятъ и цѣлуются. Я смѣюсь; сцена довольно забавная. Придешь вечеромъ; она разливаетъ чай, онъ угощаетъ своихъ дамъ. Надобно замѣтить, что онъ въ большой милости у родни и по вечерамъ принимаетъ.

Сестра на тебя жалуется. Ты споришь противъ нея и противъ К. Вол.[1]) о стихахъ Муравьева; она прислала мнѣ эти стихи, и я хотѣлъ, чтобъ они были хороши для того, чтобы побранить тебя. Что дѣлаетъ нашъ журналъ?[2]) Я надѣюсь, что ты—изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: а именно, понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелія недостойная изъ нашего цвѣтущаго сада. Если ты хорошо вникнулъ въ роль свою, то ты увидѣлъ, что она не противорѣчитъ твоей гордой и солидной осанкѣ. Ты долженъ быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя много зависитъ его прочность. Попугай Пушкина, надобно, чтобы въ каждомъ нумерѣ было его имя, подписанное хоть подъ немногими строчками. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочихъ. Истинные литераторы за насъ.

Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія. Принимайтесь только за дѣло единодушно, и оно покатится Если я буду доволенъ вашими двумя первыми нумерами, то вы позавтракаете такимъ стльтономъ, какого ты отъ роду не ѣдалъ. Лучшаго трудно достать, но мнѣ обѣщали, и я пошлю тебѣ провизію въ гостинецъ, какъ скоро будетъ оказія. Прощай, мой другъ, мнѣ еще много надобно писать, а теперь уже второй часъ. Пиши ко мнѣ и помни Веневитинова.

Примѣчаніе. Копія съ этого письма, собственноручно снятая покойнымъ С. А. Соболевскимъ, была прислана имъ въ письмѣ ко мнѣ, помнится, въ 1863—64 гг.

Сообщ. **А. П. Пятковскій.**

---

[1]) Княгини Зинаиды Волконской. **А. П.**

[2]) «Московскій Вѣстникъ».

ПРОВОДЫ КНЯГИНИ МАРІИ ВОЛКОНСКОЙ.

1826 г.

I.

Вечеръ у княгини Зинаиды Волконской.

27-го декабря 1826 г.

Вчера провелъ я вечеръ, незабвенный для меня. Я видѣлъ во второй разъ и еще болѣе узналъ несчастную княгиню Марію Волконскую, коей мужъ сосланъ въ Сибирь и которая 6-го января сама отправляется въ путь, вслѣдъ за нимъ, вмѣстѣ съ Муравьевой.[1] Она нехороша собой, но глаза ея чрезвычайно много выражаютъ. Третьяго дня ей минуло двадцать лѣтъ; но такъ рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вмѣстѣ могучая женщина—больше своего несчастія. Она его преодолѣла, выплакала; источникъ слезъ уже изсохъ въ ней. Она уже увѣрилась въ своей судьбѣ и, рѣшившись всегда носить ужасное бремя горести на сердцѣ, повидимому, успокоилась. Въ ней угадываешь, чувствуешь ея несчастіе, ибо она даже перестала и бороться съ нимъ. Она хранитъ его въ себѣ, какъ залогъ грядущаго. Помнитъ, что она мать, и рѣшилась спасти дочь свою, жертвуя сама собою. Прискорбно на нее смотрѣть и вмѣстѣ завидно. Есть блаженство и въ самомъ несчастіи! Она видитъ въ себѣ божество, ангела-хранителя и утѣшителя двухъ существъ, для которыхъ она теперь уже одна осталась, и все въ мірѣ! Для нихъ она, какъ Христосъ для людей, обрекла себя на жертву—славная жертва! Утѣшительная мысль для меня! Она теперь будетъ жить

---

[1]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, генералъ-маіоръ, сосланъ въ 1826 г. въ Сибирь, въ числѣ главнѣйшихъ участниковъ декабрьскаго дѣла. Въ 1856 г. возвращены ему дворянство и свобода. Умеръ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Воронки, Черниговской губерніи, 25-го ноября 1865 г.; жена его Марія Николаевна, рожденная Раевская, дочь героя отечественной войны, умерла въ Москвѣ, въ 1863 г. **Ред.**

въ мірѣ, созданномъ ею собою. Въ вдохновеніи своемъ, она сама избрала свою судьбу и безъ страха глядитъ въ будущее.

Она чрезвычайно любитъ музыку. Музыка одна только и можетъ согласоваться съ ея чувствами въ теперешнемъ ея положеніи. Когда въ часъ роковой всѣ надежды наши утрачены, когда коварная судьба поймала насъ въ ужасные свои ковы и прошедшее и настоящее блаженство однимъ ударомъ пресѣчены, когда воспоминаніе о немъ становится источникомъ слезъ объ его утратѣ: ибо легче сносить несчастія отъ рожденія, нежели въ лѣта зрѣлыя, когда мы уже постигаемъ свою участь, вполнѣ сознаемъ ее и самихъ себя, быть лишеннымъ земнаго рая и съ верху блаженства быть ввергнуту въ бездну гибели, когда всѣ свѣтлыя, радужныя картины стерты для насъ въ будущемъ, и взоръ нашъ угадываетъ въ немъ одну только мрачную, безпредѣльную, однообразную пустыню,—тогда можетъ-ли нашъ умъ заниматься изъясненіемъ себѣ понятія, можетъ-ли фантазія представлять опредѣленные образы? Одно глубокое чувство меланхоліи овладѣваетъ всѣмъ нашимъ существомъ. Оно неизъяснимо, оно таится отъ всѣхъ и тайно для насъ самихъ, но мы не хотимъ, чтобы оно въ насъ спало. Мы стараемся удерживать его, находимъ нѣкоторыя утѣшенія въ томъ, чтобы его возбуждать. Это въ природѣ нашей. И что же согласнѣе музыки можетъ раздаваться въ душѣ нашей, тогда какъ всѣ струны нашего сердца растроганы симъ чувствомъ и сливаются въ одинъ вѣчный звукъ печали?

Она, въ продолженіи цѣлаго вечера, все слушала, какъ пѣли, и когда одинъ отрывокъ былъ отпѣтъ, то она просила другого. До двѣнадцати часовъ ночи она не входила въ гостиную, потому что у К. З. (княгини Зинаиды Александровны Волконской) много было, но сидѣла въ другой комнатѣ за дверью, куда къ ней безпрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывокъ изъ „Agnes“ del Maestro Paër былъ пресѣченъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная дочь умоляетъ еще несчастнѣйшаго родителя о прощеніи своемъ. Невольное сближеніе злосчастія Агнесы или отца ея съ настоящимъ положеніемъ невидимо присутствующей родственницы своей отняло голосъ и силу у К. З., а бѣдная сестра ея по сердцу принуждена была выдти, ибо залилась слезами и не хотѣла, чтобы это примѣтили въ другой комнатѣ: ибо въ такомъ случаѣ всѣ бы ее окружили, а она страшится, чуждается свѣта, и это понятно. Остатокъ вечера былъ печаленъ. Легкомысленнымъ, безъ сомнѣнія, показался онъ скучнымъ, какъ ни старались прерывать глубокое, мрачное молчаніе, нѣкоторыми шутливыми дуэтами. Но человѣкъ съ чувствомъ, который хоть изрѣдка уже привыкъ обращаться

на самого себя и относить къ себѣ все, что его ни окружаетъ, необходимо долженъ былъ думать, много думать. Я желалъ въ то время, чтобы всѣ добрые стали счастливцами, а собственное впечатлѣніе сего вечера старался я увѣковѣчить въ себѣ самомъ. Но подобныя движенія души и безъ того не пропадутъ. Когда всѣ разъѣхались и осталось только очень мало самыхъ близкихъ и вхожихъ къ К. З., она вошла сперва въ гостиную, сѣла въ уголъ, все слушала музыку, которая для нея не переставала, восхищалась ею, потомъ робко приблизилась къ клавикордамъ, смѣла уже глядѣть на тѣхъ, которые возлѣ нихъ стояли, сѣла на диванъ, говорила тихимъ голосомъ очень мало, изрѣдка улыбалась; иногда облако воспоминаній и ожиданій затмѣвало ея глаза, но она обѣими руками закрывала тогда свое лицо и старалась побѣдить свое чувство. Она всѣхъ просила ей спѣть что-нибудь простодушно, увѣряя, что память этого участія, которое принимаютъ въ ея положеніи, облегчитъ ей трудный путь въ Сибирь. И до меня очередь дошла. Я пѣть не умѣю, но отказать ей не смѣлъ и кой-какъ проворчалъ ей дуэтъ изъ „Дон-Жуана". Одному пѣть у меня тогда бы голоса недостало. Она меня благодарила, какъ и всѣхъ; видно, что это не изъ приличія, потому что она не тратила много словъ, но каждое слово было похоже на нее самое, согласовалось съ выраженіемъ ея лица. Для нее велѣла К. З. изготовить ужинъ: ибо становилось уже очень поздно и примѣтно было, что она устала, хотя она сама въ этомъ не сознавалась. Во время ужина она не плакала, не рыдала, но старалась насъ всѣхъ развлечь отъ себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметахъ постороннихъ. Когда встали изъ-за стола, она тотчасъ пошла въ свою комнату. И мы уѣхали уже послѣ 2-хъ часовъ. Я возвратился домой съ душою полною и никогда, мнѣ кажется, не забуду этого вечера.

Въ этой женщинѣ изрѣдка и невольно вырываются слова, означающія досаду. Говорили о концертѣ, данномъ въ пользу Семенова для освобожденія его и сказали, что зачинщики сего благодѣянія претерпѣли нѣкотораго рода непріятности за то. Она тотчасъ съ жаромъ примѣтила: „On a trouvé que c'était trop libéral".

Примѣчаніе. Этотъ разсказъ записанъ участникомъ вечера, лицомъ довольно близкимъ къ княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской и, безъ сомнѣнія, подъ живымъ впечатлѣніемъ вечера. Это, вѣроятно, отрывокъ изъ дневника; сохранился онъ въ бумагахъ покойнаго А. В. Веневитинова; писанъ на листѣ бумаги, разорванномъ въ клочки, собранъ и возстановленъ М. А. Веневитиновымъ, которому мы и обязаны этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Къ разсказу, согрѣтому чувствомъ и увлеченіемъ, считаемъ не лишнимъ присоединить нѣсколько строкъ кн. Зинаиды Волконской, рожд. княжны Бѣлосельской, посвященныхъ памяти кн. Маріи Волконской, рожденной Раевской.

Ред.

II.

Княгинѣ Маріи Волконской, рожденной Раевской.

(Переводъ съ французскаго).[1])

„О ты, пришедшая отдохнуть въ моемъ жилищѣ! Ты, которую я знала въ теченіи только трехъ дней и назвала своимъ другомъ! Образъ твой легъ мнѣ на душу. Я вижу тебя заочно: твой высокій станъ встаетъ передо мною, какъ величавая мысль, а граціозныя движенія твои также мелодичны, какъ небесныя звѣзды, по вѣрованію древнихъ. У тебя глаза, волосы, цвѣтъ лица, какъ у дѣвы, рожденной на берегахъ Ганга, и, подобно ей, жизнь твоя запечатлѣна долгомъ и жертвою. Ты молода... а, между тѣмъ, прошедшее твое оторвано отъ настоящаго; день кончился для тебя и наступила мрачная ночь безъ предшественника тихаго вечера. Она пришла, какъ приходитъ зима въ нашемъ климатѣ; еще не остывшая земля покрылась снѣгомъ... Было время, говаривала ты, голосъ твой былъ звучный, но страданія заглушили его... Однако я слышала твое пѣніе: оно не умолкло, оно никогда не умолкнетъ: твои рѣчи, твоя молодость, твой взглядъ, все существо твое издаетъ звуки, которые отзовутся въ будущемъ. Какъ ты вслушивалась въ наши голоса, когда мы пѣли около тебя хоромъ! „Еще, еще, повторяла ты, еще! ни завтра, никогда, не услышу болѣе музыки"..... А сегодня ты требуешь отъ меня своей арфы. Прижми ее къ больному сердцу, ударь въ струны ея, и пусть каждый звукъ, каждый акордъ прозвучитъ голосомъ друга. Погрузи себя въ гармонію, упивайся ею; пой, пой, не переставая... Жизнь твоя не есть-ли гимнъ...."

III.

Любопытно сравнить съ приведенными отрывками, разсказомъ и впечатлѣніями очевидцевъ, описаніе того же вечера, 27-го декабря 1826 г., сдѣланное, пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ прекрасной поэмѣ „Русскія женщины". Вотъ что говоритъ въ ней поэтъ устами самой героини поэмы, княгини М. Н. Волконской.

. . . .
Я скоро въ Москву прискакала,
Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
Была молодая княгиня,
Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!

---

[1]) Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Béloselsky. Paris, 1865, стр. 253—254.

Искуство ей было святыня.
Она намъ оставила книгу новеллъ,
Исполненныхъ граціи нѣжной,
Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
Влюбленный въ нее безнадежно;
Въ Италіи годъ Зинаида жила
И къ намъ—по сказанью поэта—
«Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла».
Царица московскаго свѣта,
Она не чуждалась артистовъ,—житье
Имъ было у Зины въ гостинной;
Они уважали, любили ее
И сѣверной звали Коринной....

Поплакали мы. По душѣ ей была
Рѣшимость моя роковая;
«Крѣпись, моя бѣдная! Будь весела!
«Ты мрачная стала такая.
«Чѣмъ мнѣ эти темныя тучи прогнать?
«Какъ мы распростимся съ тобою?
«А вотъ что! ложись ты до вечера спать,
«А вечеромъ пиръ я устрою.
«Не бойся! Все будетъ во вкусѣ твоемъ,
«Друзья у меня не повѣсы,
«Любимыя пѣсни твои мы споемъ,
«Сыграемъ любимыя пьесы...»
И вечеромъ вѣсть, что пріѣхала я
Въ Москвѣ уже многіе знали,
Въ то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали....
. . . .

И сдѣлалась я «героинею дня»,
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадныя, цугомъ кареты
Гремѣли; напудривъ свои парики,
Потемкину ровня по лѣтамъ,
Явились былые тузы-старики,
Съ отмѣнно учтивымъ привѣтомъ;
Старушки статс-дамы былаго двора
Въ объятья меня заключали;
«Какое геройство!... Какая пора!...»
И въ тактъ головами качали.

Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
Артистовъ тутъ множество было,

Пѣвцовъ итальянцевъ тутъ слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тутъ были, печалью убиты.
Тутъ были родные ушедшихъ туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимыхъ тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ были Одоевскій, Вяземскій; былъ
Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, что рано почилъ
Безвременно взятый могилой.

И Пушкинъ тутъ былъ....

. . . .

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пѣнію жадно внимала;
Сама я не пѣла,—была я больна,
Я только другихъ умоляла:
«Подумайте: я уѣзжаю съ зарей....
«О, пойте же, пойте! играйте!...
«Ни музыки я не услышу такой,
«Ни пѣсни... Наслушаться дайте!...»

И чудные звуки лились безъ конца!
Торжественной пѣсней прощальной
Окончился вечеръ—не помню лица
Безъ грусти, безъ думы печальной!
Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ,
Утратили холодъ надменной,
И взоръ, что казалось на вѣки потухъ,
Свѣтился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я пѣсни прелестнѣй
Той пѣсни—молитвы о добромъ пути,
Той благословляющей пѣсни...
О, какъ вдохновенно играли они!
Какъ пѣли!... и плакали сами....
И каждый сказалъ мнѣ: «Господь васъ храни!»
Прощаясь со мной со слезами....

(Стихотворенія Н. А. Некрасова, Спб., 1873 г., т. III, часть V, гл. IV, стр. 313—316 и 323—324).

Пожаръ балагана Лемана въ Петербургѣ въ 1836 г.

Въ 1836 году, въ воскресенье, 2-го февраля, на сырной недѣлѣ, во время представленія, загорѣлся балаганъ Лемана, выстроенный на Адмиралтейской площади. Такъ какъ въ прежнее время сарая для помѣщенія командируемыхъ на народныя гулянія пожарныхъ трубъ не было, то, пока дали знать, пока пожарные пріѣхали, балаганъ весь уже былъ въ пламени, причемъ сгорѣло нѣсколько человѣкъ дѣтей и много взрослыхъ.[1])

Этому несчастному обстоятельству много способствовало то, что нѣкоторыя двери въ балаганѣ отворялись внутрь; народъ въ испугѣ, ища спасенія, бросился густою массою на двери и приперъ ихъ совершенно такъ, что къ выходу не было никакихъ средствъ. Многіе задохлись отъ дыма и ѣдкаго смрада, происшедшаго отъ горѣвшаго войлока, которымъ низъ балагана былъ обитъ.

Было въ началѣ пятаго часа пополудни. Только что занавѣсъ поднялся, старшій сынъ Лемана, игравшій въ даваемой арлекинадѣ роль „Піеро" перебѣжалъ по сценѣ съ крикомъ: „пожаръ! пожаръ!" но народъ, привыкшій встрѣчать всякое его появленіе на сценѣ смѣхомъ, и въ этотъ разъ разразился громкимъ хохотомъ, пока на сценѣ не показалось пламя.

При бывшемъ въ тотъ день сильномъ вѣтрѣ, пламя въ одинъ мигъ обхватило весь балаганъ: крыша рухнула и покрыла толпу горящими головнями.

Минута была ужасная.... Стоны, плачь и раздирательные крики отчаянія оглашали всю площадь..... народъ горѣлъ безъ всякой надежды на спасеніе.

Наконецъ прибыла пожарная команда, топорами начали прорубать стѣны и уцѣлѣвшіе отъ смерти люди хлынули въ безпамятствѣ на площадь. Прибѣжали солдаты л.-г. Преображенскаго, Конно-гвардейскаго и л.-г. Павловскаго полковъ; прибылъ комендантъ, но было поздно!... Изъ-подъ груды горящихъ бревенъ и досокъ рабочіе воинскихъ командъ стали вытаскивать обгорѣлыя тѣла, бывшихъ въ ба-

---

[1]) Изъ 400 человѣкъ, бывшихъ въ балаганѣ, обгорѣлыхъ труповъ, было найдено: 121 мужчинъ и 5 женщинъ, всего 126 человѣкъ; да кромѣ того, сильно ушибленныхъ, но подающихъ надежды къ выздоровленію было 10. О погибшихъ дѣтяхъ офиціальныя вѣдомости умалчиваютъ. «Сѣверная Пчела» 1836 года, 4-го февраля, № 28. И. Х.

лаганѣ, которыя отличались отъ черныхъ бревенъ только однимъ особеннымъ ѣдкимъ запахомъ, исходящимъ отъ дымящихся труповъ.

На другой день появились на улицахъ прибитыя къ фонарнымъ столбамъ отъ полиціи объявленія, въ которыхъ было сказано: „что всѣ тѣ, къ которымъ въ прошлую ночь—родные и знакомые домой не вернулись—приглашаются для отысканія ихъ труповъ въ Адмиралтейство, въ особенное помѣщеніе, и въ Обуховскую больницу, въ лѣтніе бараки, гдѣ тѣла сгорѣвшихъ отыскать можно". Это извѣстіе грустно отозвалось въ сердцахъ жителей столицы, къ которымъ близкіе ихъ чувствамъ въ тотъ день домой не пришли. Всякій могъ полагать, что кто не возвратился домой, тотъ былъ въ балаганѣ и попалъ въ эту несчастную катастрофу. Но былъ случай, кончившійся довольно комично и послужившій въ то время предметомъ къ смѣшнымъ городскимъ разсказамъ.

Жена одного молодого купчика, не дождавшись въ день пожара возвращенія своего мужа и полагая, не пошелъ-ли онъ въ этотъ злополучный часъ въ балаганъ Лемана, на другой день отправилась его отыскивать въ числѣ сгорѣвшихъ въ Адмиралтействѣ.

Осматривая многія тѣла, похожія болѣе на обгорѣвшія колоды, она наконецъ у одного трупа остановилась. По уцѣлѣвшей на бѣльѣ мѣткѣ (другіе говорили, по золотому кольцу), признала она трупъ за своего мужа, уложила при себѣ въ гробъ и распорядилась объ отправкѣ его къ себѣ на квартиру.

На другой день собрались родные и знакомые, начали служить панихиду, но каково было удивленіе присутствующихъ, когда мужъ здоровехонькій вбѣжалъ въ комнату и бросился въ объятія своей супруги. Сцена въ мигъ перемѣнилась: печальная церемонія прервана, неизвѣстный покойникъ вынесенъ и сданъ въ распоряженіе полиціи... Горе превратилось въ общую радость, кончившуюся веселымъ обѣдомъ и тостами за здравіе и многолѣтіе молодыхъ супруговъ.

Оказалось, что молодой купчикъ, пользуясь праздничными днями, отправился въ веселой компаніи на тройкахъ въ Царское Село, гдѣ двое сутокъ пробылъ, не сказавъ своей женѣ заблаговременно о своей поѣздкѣ и тѣмъ надѣлалъ столько хлопотъ домашнимъ.

Сообщ. **И. Р. Фонъ-дер-Ховенъ.**

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1798 г. [1])

— Суздальскому мѣщанину Кутышкину, проектомъ своимъ въ открытіи Американскаго края въ пользу отечества, купцу Голикову спомоществовавшему, но по договору съ нимъ, Голиковымъ и прочей компаніи не удовольствованному и просящему за то монаршаго награжденія, предоставляется самому искать своего права, на комъ слѣдуетъ, судомъ. (Спб. Вѣдом., 1798 года, № 24).

— Штурману Смирнову, описывающему службу свою и во время шведской войны отличные подвиги, просящему воздаянія за оные, отказывается по причинѣ той, что, всѣ въ то время подвизавшіеся, награждены, то и онъ, въ числѣ прочихъ, либо получилъ уже награжденіе, или не заслуживалъ онаго. (Тамъ же).

— Суконному фабриканту—Цопфу, просившему объ опредѣленіи его главнымъ мастеромъ къ какой-либо суконной фабрикѣ, или о помощи на заведеніе таковой въ Гатчинѣ или Павловскѣ, предоставляется искать себѣ пособія въ искуствѣ своемъ. (Тамъ же).

— Отставному полковнину Баумгартену, просящему за службу его пенсіона, отказывается съ замѣчаніемъ, что если-бъ онъ не поспѣшилъ оставить службу, то, дошедъ до генерал-маіорскаго ранга, могъ бы нынѣ имѣть команду и мѣсто. (Тамъ же).

— Медицинской колегіи актуаріусу Карандашеву, просившему за переводъ имъ горнаго уложенія, сочиненнаго г. Канкринымъ, девяти листовъ по 20-ти р. за каждой, отказывается, по увѣдомленіи г. генерал-маіора Донаурова, что трудившимся въ оныхъ переводахъ прежде за 9 частей, а потомъ въ 791 г. и за послѣднюю десятую, по особымъ именнымъ указамъ, выдачи были изъ кабинета, въ томъ числѣ и ему, Карандашеву, выдано 360 р.

— Отставному полковнику гр. де-Мендоза-Ботелла, просившему, между прочимъ, о пожалованіи ему на покупку небольшой деревни 10 тысячъ рублей, и кормилицѣ его им-го высочества вел. кн. Константина Павловича, просившей о награжденіи мужа ея, отставленнаго отъ двора камер-лакея, въ сравненіе съ сверстниками гоф-фурьерскимъ чиномъ съ пенсіономъ по сему званію,—прошенія возвращены съ надраніемъ и за пересылку по почтѣ къ отлучнымъ со взысканіемъ вѣсовыхъ денегъ. (Тамъ же).

— Продаются: ода государю им-ру Павлу Петровичу на всероссійскій престолъ восшествія, сочиненная Степаномъ Руссовымъ, въ пер. 1 руб. Похожденія Оронока—князя африканскаго, съ гравированными картинами, въ 2-хъ частяхъ, 1 р. 20 к. Гирумъ Гарумъ, сатира, комическій оригинальный романъ, въ пер. 1 р. 20 к. (Тамъ же).

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ XI; стр. 187—190; 589—590 754—788; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 231—236; 451—452; 663—664.

26-го марта. Генералитету, штаб и обер-офицерам морской артиллеріи шарфов не имѣть, а вмѣсто штиблет и больших сапогов, имѣть противу флотских короткіе сопоги по данной формѣ. (№ 25).

— Продается книга: Старичок Весельчак, разсказывающій давнія московскія были и польскія диковины, 50 к. (Там же).

— 26-го марта. Если г. Поттель-Кенигсберг здѣсь находится, то благоволил бы о себѣ дать знать в газетной экспедиціи. (Там же).

— Ораторіум или духовной концерт, которой должен был дан быть в домѣ г. Кушелева 14-го марта, отложен на Святую недѣлю. (Там же).

30-го марта. По высочайшему повелѣнію произведен Нарвскаго мушкетерскаго полку шеф генерал-маіор Ртищев в генерал-лейтенанты с назначеніем в коменданты в Астрахань и шефом гарнизоннаго полку, на мѣсто генерал-маіора Гедеонова, которой отставлен от службы за не приведеніе его полка в 15 мѣсяцев в сообразное формированіе нынѣшних штатов. (№ 26).

— Француженка, мадам или мамзель, желающая ѣхать в деревню для обученія дѣтей разным языкам, явиться может в 15-й линіи, про между Большаго и Средняго проспекта, в домѣ Кофтарева, под № 598. (Там же).

— Концерт дѣвицы Кирхгеснер дан будет в четверток, т. е. 1-го числа апрѣля, в 6 часов в вечеру, в залѣ г. Ліона, гдѣ она будет играть на своей аглинской гармоникѣ соло и при других инструментах. Билеты за первыя мѣста стоят по 5-ти руб., за другія—по 2 р. 50 коп., и оные получать можно у дѣвицы Кирхгеснер, в домѣ г. Жадимирова, под № 6, на Мойкѣ, супротив екзерциргауза, также у Клостермана, у Ліона и при самом входѣ. (Там же).

2-го апрѣля. Е. И. Вел-во высочайше изъявить соизволил монаршее свое благоволеніе штаб, обер-и унтер-офицерам, находящимся в собственном Е. Вел-ва депо под начальством вице-адмирала Кушелева за сочиненіе карт, и в знак онаго всемилостивѣйше пожаловал инженер-полковнику Опперману перстень бриліантовый; на прочих же обер и унтер-офицеров 1,000 червонных. (№ 27).

— Е. И. Вел-во пожаловал тогодништему разводу лейб-гвардіи Преображенскаго полку гренадерскаго генерал-маіора князя Гика баталіона нижним чинам по чаркѣ вина. (Там же, 30-го марта).

— Всемилостивѣйше пожалован генерал-лейтенант барон фон-дер-Пален в генералы от кавалеріи. (Там же, приказ 31-го марта).

— Е. И. Вел-во пожаловал тогодништему разводу лейб-гвардіи Преображенскаго полку Е. Вел-ва баталіона по фунту говядины на человѣка. (Там же. 31-го марта).

6-го апрѣля. Портрет его вел-ва покойнаго короля польскаго, рисованный госпожею ле-Брюн и гравированный г. Клаубером, о коем прежде уже публиковано, продается теперь у издателя онаго, в Императорской Академіи Художества, первыя пробы по 10-ти руб., а обыкновенныя по 5-ти руб. (№ 25).

9-го апрѣля. По высочайшему повелѣнію наряженное слѣдствіе над генерал-маіором Бакуниным оставлено, а он опредѣлен командиром Сибирскаго драгунскаго полку, но без эскадрона. (№ 29, приказ 5-го апрѣля).

— Е. И. Вел-во, на случай торжества коронаціи, пожаловал всѣм нижним чинам лейб-гвардейских полков по фунту говядины на человѣка. (Там же).

13-го апрѣля. Всемилостивѣйше произведен генерал-маіор дюк Лаваль

Монморансій въ генерал-лейтенанты съ назначеніемъ комендантомъ въ Елисаветградъ и шефомъ гарнизоннаго полку своего имени. (№ 30, приказъ 9-го апрѣля).

— Сѣверскаго драгунскаго полку аудиторъ Котляревскій, будучи изъ дворянъ и признанъ способнымъ къ фронту, переименованъ въ прапорщики. (Тамъ же).

— Молодаго Баденскаго мушкеторскаго полку капитанъ Корольковъ и поручикъ Судаковъ, за дурное поведеніе и пьянство, а гарнизоннаго Шилинга полку маіоръ Чулошниковъ, за неприбытіе къ оному съ 5-го ноября 797 г., исключены изъ службы. (Тамъ же).

— Е. И. Вел-во объявилъ свое благоволеніе генерал-лейтенанту гр. Буксгевдену и директору Веймару за совершенное устройство и порядокъ въ домѣ военнаго воспитанія. Такъ же и смотрителямъ подъ его начальствомъ, въ томъ домѣ состоящимъ. (Тамъ же).

— Глуховскаго кирасирскаго полку поручикъ Липовскій, за переломленіемъ ноги и за разбитіемъ груди, отставленъ отъ службы. (Тамъ же, приказъ 10-го апрѣля).

— Находившіеся подъ судомъ по дѣлу бывшаго полковника Зыбина и по высочайшей конфирмаціи исключенные изъ службы отъ артиллеріи генерал-маіоръ Страховъ и обер-кригс-комисаръ Голубцовъ всемилостивѣйше прощены и отставлены съ абшидомъ. (Тамъ же).

— Въ Юдиномъ домѣ, что возлѣ ямщиковыхъ лавокъ, на Екатерининскомъ каналѣ, у содержательницы кофейнаго дома мадамы Тегеръ, продается 18-ти лѣтняя дѣвка, которая чисто говоритъ по-русски и по-нѣмецки и во всякой домашней работѣ искусна. (Тамъ же).

— Рѣка Нева, бывши сію зиму покрыта льдомъ 149 дней, 8-ю днями болѣе нежели въ прошедшую зиму, съ 8-го на 9-е число сего мѣсяца отъ онаго очистилась. (Тамъ же).

16-го апрѣля. По высочайшему повелѣнію генерал-лейтенантъ дюкъ Лаваль-Монморанси отставленъ отъ службы съ половиннымъ жалованьемъ. (№ 31, приказъ 12-го апрѣля).

— Продаются книги: «Дѣло отъ бездѣлья и пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу философическими, критическими, пастушьими и алегорическими повѣстями въ стихахъ и прозѣ состоящими угождающая», 4 части, въ пер. 5 рублей.—«Прохладные часы или аптека, врачующая уныніе, составленная изъ медикаментовъ старины и новизны, т. е. философическихъ, критическихъ, риѳмотворныхъ, пастушьихъ и алегорическихъ веществословій», 2 части, въ пер. 3 р. 60 коп.

— Извѣстная виртуозка на гармоникѣ дѣвица Кирхгеснеръ намѣрена въ будущемъ маѣ ѣхать въ Берлинъ, и для того симъ объявляется, что она до отъѣзда своего съ удовольствіемъ будетъ играть, какъ въ своихъ покояхъ, такъ и у знатныхъ господъ, у любителей и знатоковъ музыки, есть-ли они пожелаютъ слушать ея игру на аглинской гармоникѣ, и въ томъ съ нею условиться; спросить о семъ можно въ домѣ Жадимирова, подъ № 6. (Тамъ же).

— У шкипера Васильева, живущаго по Фонтанкѣ, близъ Поперешнова моста, въ домѣ подъ № 387, продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента. (Тамъ же).

— Желающіе купить семь аглинскихъ гнѣдыхъ жеребцовъ, съ хвостами, могутъ ихъ видѣть въ аглинскомъ трактирѣ, близъ сената. (Тамъ же).

(Продолженіе слѣдуетъ).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
ВЪ XII ТОМѢ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ"
1875 г.

А.

Д.

Е.

Ж.

З.

I.

К.

Л.

М.

Н.

П.

Р.

Т.

У.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1875 года.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и воспоминанія.

стр.

Изслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

Указы, переписка, историческіе разсказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Петра II.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Екатерины II..

Исторія литературы.

Писатели XIX вѣка.

Исторія русскаго театра, артисты и художники.

Археологія.

Мелочи.

Портреты, рисунки, таблица и снимки.

Приложеніе.

Записки Манштейна о Россіи, 1727 — 1744 гг. Переводъ съ подлинника французской рукописи, хранящейся въ библіотекѣ дворца, въ городѣ Павловскѣ. Напечатано съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Къ XII-му тому «Русской Старины» 1875 г. приложено I—IV главъ изъ Записокъ Манштейна, стр. 1—32. Къ концу сего года, т. е. при XIV-мъ томѣ «Рус. Ст.», окончится полный переводъ записокъ Манштейна, которыя должны быть переплетены въ книгу съ особыми нумераціею страницъ, азбучнымъ указателемъ и подробнымъ оглавленіемъ. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1875 г. состоитъ изъ трехъ томовъ текста (томы XII, XIII и XIV) и тома приложенія: Записки Манштейна.

Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

(На оберткѣ).

1. Early Russian History (Древняя русская исторія), соч. **Ральстона**, Лондонъ, 1874 г., 236 стр., въ 8-ю д. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1875 г.).
2. Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе разсказы **Е. Н. Водовозовой**. Томъ I. Жители юга, съ 25-ю рисунками. Спб., 1874 г., 553 стр., въ б. 8-ю д. (Тамъ же).

3. Публичныя лекціи **Ореста Миллера**. Русская литература послѣ Гоголя (за исключеніемъ драматической). Спб., 1874 г., 8 д., 190 стр. (Тамъ же).
4. Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами въ 1769—1774 гг. Состав. по рукописнымъ матеріаламъ **А. Н. Петровъ**. Спб., т. III, 322 стр., т. IV, 234 и 157 стр. т. V, 210 стр. (Тамъ же).
5. Буковинско-русскій календарь, съ иллюстраціями, на 1875 г. Изд. въ Черновицѣ, 116 стр., въ м. 8 д. (Тамъ же).
6. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ XIII. Спб., 1874 г., т. II, 471, въ 8 д. л., бумаги и письма Екатерины II съ 1762 по 1775 г. (На оберткѣ 2-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.).
7. Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнера. Съ шведскаго перевелъ **Яковъ Гротъ**. Второе исправленное изданіе. Воронежъ, 1874 г., IV, 170 и 29, въ 8 д. (Тамъ же).
8. Исторія русской церкви, **Макарія**, архіепископа литовскаго и виленскаго. 1874 г. Томъ VII; обозрѣніе XV—XVI стол. 258 стр. (Тамъ же).
9. Исторія возсоединенія Руси, Соч. **П. А. Кулиша**. 2 тома, 363 и 456 стр. Спб., 1875 г., въ 8-ю д. (Тамъ же).
10. Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ. Составилъ **Ю. Иверсенъ**, 36 стр., въ б. 4-ю д. (Тамъ же).
11. Собраніе узаконеній русскаго государства, изданіе **Е. П. Карновича**. Томъ I, царствованіе Алексѣя Михайловича (1649—1676 гг.), XV, стр. 1024 столбц. и 112 стр. указателей. 1874 г. (На оберткѣ 3-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.)
12. Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи, составленный **Н. Чупинымъ**. Выпускъ 1—4; 1873—74 гг. Приложеніе къ «Сборнику Пермскаго земства». (Тамъ же).
13. Путешествіе посадскаго человѣка Матвѣя Гаврилова Нечаева въ Іерусалимъ (1719—1720 гг.) Изданіе **Н. Барсова**, Варшава, 1875. (Тамъ же).
14. Памятникъ протекшихъ времянъ. Составилъ **А. Т. Болотовъ**. Москва, 1875 г. въ 8 д., стр. 165 и 122. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ же).
15. Русская библіотека. Василій Андреевичъ Жуковскій, 1875, XLVI и 365 стр., т. V-й. Цѣна 75 коп. (Тамъ же).
16. Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціею **Н. В. Гербеля** и **А. Л. Соколовскаго**. 1874 г. Четыре тома: Серапіоновы братья. (Тамъ же).
17. Практическіе выводы изъ обыденной жизни, въ двухъ книжкахъ: первая въ цифрахъ, вторая—въ иллюстрированныхъ разсказахъ. Рисунки художника Костревскаго. Варшава, 1875, 82 и 150 стр. (Тамъ же).
18. Очеркъ русской морской исторіи. Часть I. Спб., 1874 г., IV, 662 стр. Напечатанъ по распоряженію морского министерства. (На оберткѣ 4-й кн. «Рус. Ст.» 1875 г.).
19. Монголія или страна тангутовъ, трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи **Н. Пржевальскаго**, томъ I, изданіе географическаго общества, Спб., 381 стр., 2 карты. (Тамъ же).
20. Соловки, воспоминанія и разсказы изъ поѣздокъ съ богомольцами **В. И. Немировича-Данченко**, 357 стр. (Тамъ же).
21. Театральный альманахъ на 1875 г. Составилъ **А. Соколовъ**. Спб., 8 д. 350 стр. 1 р. 50 к. (Тамъ же).

СКЛАДЧИНА РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

въ пользу крестьянъ, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1874 г.

25-го марта 1875 г. минулъ годъ со дня выхода въ свѣтъ обширнаго литературнаго сборника „Складчина", составленнаго изъ трудовъ русскихъ писателей и изданнаго ими въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ Самарской губерніи.

Теперь, по прошествіи года послѣ этого событія, когда болѣе девяти десятыхъ всего количества экземпляровъ этого изданія разошлось и суммы, собранныя „Складчиной", своевременно вошли въ общій фондъ пожертвованій русскаго народа пострадавшимъ самарцамъ, считаемъ необходимымъ представить подробныя свѣдѣнія о ходѣ и результатахъ всего этого дѣла.

I.

За два дня до выхода въ свѣтъ первой партіи „Складчины" (2 тыс. экз.), именно 23-го марта 1874 г., собрались нѣкоторые изъ ея составителей и изъ лицъ, содѣйствовавшихъ изданію сборника. А именно:

В. П. Гаевскій, А. Д. Градовскій, Н. В. Гербель, И. А. Гончаровъ, И. Ѳ. Горбуновъ, Я. К. Гротъ, Ѳ. М. Достоевскій, А. А. Краевскій, кн. В. П. Мещерскій, В. С. Курочкинъ, Н. С. Курочкинъ, В. В. Лесевичъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, Я. П. Полонскій, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), гр. В. А. Соллогубъ, М. И. Семевскій и М. М. Стасюлевичъ.

Собраніе открылъ предсѣдатель Комитета, А. А. Краевскій, чтеніемъ слѣдующаго отчета:

„Комитетъ, избранный общимъ собраніемъ литераторовъ, 19-го декабря 1873 г., для изданія сборника „Складчина" въ пользу голо-

дающихъ Самарской губерніи, окончивъ возложенную на него обязанность, имѣетъ честь представить нынѣ какъ самый сборникъ, отпечатанный въ 10,000-хъ экземплярахъ, объемомъ въ $44^3/_4$ листа, такъ и краткій отчетъ о своей дѣятельности.

„При избраніи Комитета, ему было поручено обществомъ составить и напечатать, не позже марта мѣсяца (1874 г.), сборникъ изъ безвозмездныхъ трудовъ литераторовъ, въ объемѣ до 40 печатныхъ листовъ, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и съ назначеніемъ продажной цѣны по 3 рубля, съ пересылкою по 4 рубля. Желающихъ участвовать въ Сборникѣ опредѣлено было пригласить къ доставленію своихъ трудовъ не позже 1-го февраля (1874 г.); полемику изъ Сборника исключить по содержанію и по формѣ; преимущество, въ случаѣ избытка статей, отдавать доставленнымъ до 1-го февраля и принадлежащимъ авторамъ, которые участвовали въ общемъ собраніи или прислали заявленіе о своемъ участіи (напримѣръ: Тургеневъ, Кохановская и др.). Затѣмъ Комитету предоставлено было сдѣлать и надлежащіе расходы по изданію изъ поступающихъ по подпискѣ денегъ.

„Правила эти были принимаемы Комитетомъ къ руководству во всѣхъ его 15-ти засѣданіяхъ.

„Въ первыхъ изъ нихъ заявлено о присоединеніи къ числу желающихъ содѣйствовать изданію „Складчины": гг. А. Апухтина, В. Курочкина, В. Лесевича, М. Марковичъ, Д. Минаева, А. Потѣхина, М. Розенгейма, М. Семевскаго, К. Случевскаго и А. Струговщикова. Имена этихъ лицъ и были занесены въ дополнительный списокъ участниковъ изданія; а М. И. Семевскій, сверхъ заявленія объ участіи своемъ, пожертвовалъ 100 р. на изданіе.

„Напечатавъ объявленіе объ изданіи, впослѣдствіи неоднократно повторенное съ измѣненіями, обусловленными ходомъ дѣла, Комитетъ отнесся прежде всего къ нѣкоторымъ авторамъ, участіе которыхъ въ Сборникѣ представлялось ему крайне желательнымъ, а равно спросилъ лицъ, участвовавшихъ въ общемъ собраніи, о предпологаемомъ срокѣ доставленія ихъ статей. Многіе изъ приглашенныхъ отозвались съ полною готовностью на предложеніе Комитета; почти всѣ спрошенныя о срокѣ лица доставили о томъ увѣдомленіе, и только немногія изъ нихъ заявили, что, по краткости назначеннаго общимъ собраніемъ срока, они не могутъ приготовить своихъ статей для „Складчины"; иные же просили продолженія этого срока до половины или конца февраля, въ чемъ Комитетъ не счелъ себя вправѣ имъ отказать.

„Второю существенною обязанностью своею Комитетъ считалъ соглашеніе съ гг. содержателями типографій и бумажными фабрикантами

„Число типографій, которыя приняли бы на себя безвозмездный наборъ и печатаніе, предназначено было довести до десяти. Согласіе свое изъявили: гг. Балашевъ, Безобразовъ, Вольфъ, Глазуновъ, Котоминъ, Майковъ, Меркульевъ, Сущинскій, Траншель и „Товарищество Общественной пользы". При личномъ участіи гг. содержателей типографій или ихъ довѣренныхъ лицъ былъ избранъ и утвержденъ Комитетомъ форматъ и шрифтъ для Сборника, обращикъ бумаги и разъяснены необходимыя техническія условія печатанія.

„Изъ числа приглашенныхъ гг. бумажныхъ фабрикантовъ наибольшую уступку сдѣлали гг. Варгунины, согласившіеся поставить по 4 р. 20 к. за стопу бумаги, продаваемую по 5 р., которую прочіе уступали для Сборника за 4 р. 75 коп. Гг. Варгунинымъ тогда же и было заказано 870 стопъ, по разсчету на 40 листовъ въ 10,000 экз.

„Немедленно послѣ первой публикаціи начали поступать подписныя деньги, и притомъ отъ нѣкоторыхъ лицъ въ размѣрѣ свыше опредѣленныхъ 3 рублей. Получаемыя деньги были повѣряемы въ собраніяхъ Комитета, заносились въ его протоколы и передавались кн. В. П. Мещерскому для вноса на текущій счетъ въ С.-Петербургскій Учетно-ссудный банкъ, отъ имени казначея Комитета. При этомъ, независимо отъ подписки въ редакціяхъ, указанныхъ общимъ собраніемъ, Комитетъ призналъ возможнымъ допустить подписку по изготовленнымъ кн. Мещерскимъ книжкамъ, которыя, въ числѣ 39 (по 50 билетовъ въ каждой), были розданы имъ и членами Комитета въ Петербургѣ и разосланы извѣстнымъ Комитету лицамъ: въ Москву, Воронежъ, Иркутскъ, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Самару, Тверь, Тифлисъ и Ярославль. Изъ всѣхъ этихъ книжекъ по настоящее время (23 марта 1874 г.) возвращено 8, на сумму 929 руб. вмѣстѣ съ собранными деньгами, а объ остальныхъ 31-й свѣдѣнія находятся въ казначейской книжкѣ за № 2 (см. ниже, стр. 6).

„Вообще отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, принимавшихъ подписку, къ 23 марта 1874 г. поступило 4,991 р. 50 коп.

„Что касается наиболѣе существенной части дѣятельности Комитета, именно разбора и разсмотрѣнія доставляемыхъ ему статей, то относительно произведеній извѣстныхъ писателей онъ ограничивался разсматриваніемъ ихъ только въ смыслѣ требованія законовъ о печати и тѣхъ условій, которыя были поставлены ему въ руководство общимъ собраніемъ литераторовъ; условія же критическаго разбора допускались исключительно для писателей или въ первый разъ заявлявшихъ Комитету о своемъ авторствѣ, или же почти неизвѣстныхъ въ печати. Къ разсмотрѣнію доставляемаго матеріала, кромѣ личнаго участія членовъ Комитета, согласно рѣшенію общаго Собранія, были

приглашаемы и другіе литераторы, именно: гг. Елисѣевъ, Потѣхинъ и Салтыковъ. Всего было разсмотрѣно статей, въ прозѣ и стихахъ, отъ 112 авторовъ, причемъ нѣкоторые присылали по два, по три и болѣе произведеній въ прозѣ, а стихотвореній поступало иногда по нѣскольку десятковъ отъ одного лица. Изъ всего этого матеріала выбраны и напечатаны въ „Складчинѣ" труды 49 авторовъ, а прочіе частію возвращены, частію хранятся въ редакціи газеты „Голосъ" до истеченія назначеннаго въ объявленіи о Сборникѣ трехмѣсячнаго срока ихъ храненія.

„Необходимо замѣтить, что къ крайнему сроку доставленія статей, указанному общимъ Собраніемъ и означенному въ объявленіяхъ, именно, къ 1-му февраля 1874 г. Комитетъ получилъ только 56 статей, изъ которыхъ избралъ къ печатанію всего лишь 20, объемомъ не свыше10—12 листовъ. Только въ половинѣ и даже въ концѣ февраля началось (1874 г.) усиленное поступленіе приношеній и поэтому печатанія ранѣе первыхъ чиселъ марта начать не было возможности. Эта поздняя доставка и была причиною того, что размѣръ Сборника превзошелъ предположенные 40 листовъ. Имѣя въ виду необходимость окончательнаго отпечатанія Сборника къ предстоящему празднику (Пасхи) и располагая только двумя или двумя съ половиною недѣлями, Комитетъ распредѣлилъ матеріалъ по типографіямъ, гдѣ тотчасъ же начался наборъ, и даже самое печатаніе, по мѣрѣ того какъ та или другая типографія успѣвала наборомъ. Между тѣмъ, уже во время этой работы поступили запоздавшіе вклады отъ такихъ авторовъ, произведенія которыхъ Комитетъ не могъ устранить, сообразуясь съ рѣшеніемъ общаго собранія и съ самымъ достоинствомъ и цѣлію Сборника. Такъ, около 10-го марта поступили статьи А. Н. Островскаго и г-жи Кохановской, а кн. П. А. Вяземскій, сверхъ присланныхъ $3^1/_2$ листовъ стихотвореній, доставилъ на 2 листа: „Отмѣтокъ при чтеніи похвальнаго слова Екатеринѣ II, написаннаго Карамзинымъ".

„Рѣшившись поэтому увеличить объемъ Сборника до 45—46 печатныхъ листовъ, Комитетъ истребовалъ отъ гг. Варгуниныхъ изготовленные ими, сверхъ первоначальнаго заказа, 68 стопъ бумаги, а недостающее затѣмъ количество, по неимѣнію прежней, взялъ отъ нихъ въ числѣ 52 стопъ, нѣсколько высшаго достоинства, по 6 руб. за стопу. Весь расходъ на бумагу, со включеніемъ семи стопъ на обложку (по 17 р. стопа), составилъ такимъ образомъ около 4,200 р., подлежащихъ нынѣ уплатѣ изъ собранныхъ по подпискѣ денегъ, которыя до сихъ поръ вовсе не были расходуемы; равно какъ и 250 р. за брошюровку г. Бородину, изъявившему, въ видахъ пожертвованія, согласіе брошюровать книгу, въ 45 листовъ, за $2^1/_2$ коп. съ экзем-

пляра и притомъ безвозмездно запаковывать и доставлять въ почтамтъ всѣ экземпляры, подлежащіе отсылкѣ иногороднымъ подписчикамъ. Вся же издержка по изданію Сборника простирается до 4,450 р.[1])

„О затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Комитетомъ при самомъ печатаніи одновременно въ 10-ти типографіяхъ, распространяться было бы излишне, такъ какъ устраненіе ихъ и составляло одну изъ причинъ выбора въ составъ Комитета лицъ, знакомыхъ съ издательской частью. Необходимо впрочемъ заявить, что затрудненія эти были весьма существенны и едва не остановили своевременный выходъ книги въ свѣтъ. Для примѣра можемъ указать на то, что, по случаю повреждежденія печатныхъ машинъ въ типографіи г. Траншеля, онъ могъ отпечатать только 2 листа, а остальные 3, изъ числа у него набранныхъ, были перенесены для печатанія въ типографію г. Краевскаго. Комитетъ также долгомъ своимъ считаетъ заявить о той особенной готовности содѣйствовать ему, которую онъ встрѣтилъ въ типографіяхъ гг. Балашева, Меркульева и Котомина; изъ нихъ послѣдняя, за позднею передачею матеріала, производила работы даже по ночамъ, безостановочно.

„Особый отчотъ по денежной части, вмѣстѣ съ книгами казначея, при семъ представляется обществу (см. ниже, стр. 6), для передачи новой администраціи, которую благоволитъ избрать собраніе для пріема экземпляровъ отъ переплетчика, храненія и распродажи ихъ.

(Подлинный подписали): А. Краевскій, А. Никитенко, Н. Некрасовъ, кн. В. Мещерскій, И. Гончаровъ и П. Ефремовъ.

По прочтеніи отчетовъ, собраніе единодушно выразило глубочайшую признательность Комитету за труды по составленію и изданію „Складчины", причемъ поручило М. И. Семевскому передать благодарность общества неприсутствовавшему въ собраніи П. А. Ефремову, который, по засвидѣтельствованію сочленовъ его по Комитету, сверхъ исполненія должности секретаря, приложилъ чрезвычайные труды по составленію, корректурѣ и наблюденію за печатаніемъ всего сборника „Складчина".

Вмѣстѣ съ симъ собраніе изъявило благодарность поименованнымъ въ отчетѣ гг. содержателямъ типографій и фабрикантамъ Варгунинымъ за ихъ содѣйствіе изданію: со стороны первыхъ—безплатнымъ наборомъ и печатаніемъ книги, а послѣднимъ—значительною уступкою при продажѣ бумаги.

Затѣмъ собраніе, согласно предложенію Комитета, признало необходимымъ избрать Комиссію для дальнѣйшаго веденія дѣла, т. е. отно-

---

[1]) При окончательномъ разсчетѣ общая сумма издержекъ оказалась нѣсколько болѣе. См. ниже, стр. 13.

сительно принятія мѣръ къ окончанію отпечатанія всѣхъ 10-ти тыс. экземпляровъ „Складчины", такъ какъ изъ нихъ лишь только 2 т. были напечатаны и то не вполнѣ; относительно устройства и наблюденія за продажей книги, удовлетворенія лицъ, подписавшихся на книгу до ея выхода, и для отсылки собранныхъ и имѣющихъ поступить суммъ отъ продажи „Складчины" въ Самару, въ Дамскій Комитетъ, для распредѣленія между пострадавшими отъ неурожая.

Закрытою балотировкою собраніемъ выбраны въ члены Комиссіи: единогласно—М. И. Семевскій, большинствомъ голосовъ—Н. В. Гербель и Н. С. Курочкинъ.

Объ учрежденіи Комиссіи присутствовавшими былъ составленъ и подписанъ слѣдующій протоколъ:

„1874 года, 23-го марта, мы, нижеподписавшіеся, участники въ литературномъ сборникѣ „Складчина", выслушавъ отчетъ редакціоннаго комитета по изданію сборника, избрали для разсчетовъ по изданію, храненію и продажѣ Сборника и для доставленія по назначенію выручаемыхъ отъ продажи суммъ; М. И. Семевскаго, Н. В. Гербеля и Н. С. Курочкина, и предоставили имъ воспользоваться услугами тѣхъ книгопродавцевъ, которые предложатъ ихъ безвозмездно, а въ случаѣ надобности, уступать до 20%; о количествѣ же вырученныхъ суммъ сообщать ежемѣсячно свѣдѣнія въ газетахъ". (Слѣдуютъ подписи присутствовавшихъ лицъ).

Предсѣдателемъ Комиссіи избранъ М. И. Семевскій.

II.

24-го марта 1874 г., избранная наканунѣ Комиссія приняла отъ казначея бывшаго Комитета, кн. В. П. Мещерскаго, собранныя по подпискѣ на „Складчину" деньги и нижеслѣдующіе отчеты:

А. Денежная вѣдомость.

По книгѣ № 1-й получено денегъ отъ разныхъ редакцій . . .	3,381 р. — к.
По книгѣ № 2-й получено денегъ по 13-ти книжкамъ	1,610 » 50 »
Итого . . .	4,991 р. 50 к.
Изъ нихъ внесено на текущій счетъ въ С.-Петербургскій Учетный банкъ	4,586 р. — к.
Наличными	405 » 50 »
Итого . . .	4,991 р. 50 к.

В. Списокъ мѣстъ, гдѣ открыта была подписка на «Складчину».

Въ редакціяхъ: газеты «Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости»—въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ Черкесова, «Русскій Міръ», «Недѣля», «Гражданинъ», журнала «Вѣстникъ Европы»—у Базунова, «Отечественныя Записки» (при конторѣ «Голоса»), и въ Москвѣ—въ магазинѣ Соловьева.

В. Списокъ розданныхъ книжекъ и возвращенныхъ.

Отъ А. А. Краевскаго за № 2; А. В. Никитенко № 6; Я. К. Грота № 9; Я. П. Полонскаго № 10; А. Н. Островскаго № 12; А. Н. Плещеева № 13; Н. А. Некрасова № 14 и № 29; М. Е. Салтыкова № 15 и № 33; И. А. Гончарова № 19; В. П. Безобразова № 21; кн. В. П. Мещерскаго № 28.

Итого по 13-ти книжкамъ получено денегъ 1,610 р.

Г. Списокъ не возвращенныхъ книжекъ.

№ 1. В. П. Гаевскаго; № 3. А. Н. Майкова; № 4. Т. И. Филиппова; № 5. А. Д. Градовскаго; № 7. Ѳ. М. Достоевскаго; № 8. А. Ѳ. Погосскаго; № 11. Н. С. Лѣскова; № 16. А. С. Суворина; № 17. В. Ѳ. Корша; № 18. И. Ѳ. Горбунова; № 22. Б. М. Маркевича; № 23. Г-жи Кохановской; № 24. Н. Н. Страхова; № 31. Кн. Б. П. Мещерскаго; № 32. А. Н. Апухтина; № 34. А. А. Потѣхина; № 35. Ѳ. А. Некрасова; № 36. А. А. Краевскаго; № 37. Г. Никитенки; № 39. А. А. Краевскаго; № 40. К. И. Иванова; № 41. П. П. Иванова; № 42—43. Я. Н. Невѣрова.

Быв. казнач. Комитета по изд. «Складчина» **кн. В. Мещерскій.**

III.

По принятіи суммъ и отчетовъ отъ Комитета, дѣятельность Комисіи, согласно указанію общества, направлена была на слѣдующіе предметы:

I. Печатаніе книги «Складчина».

При наборѣ и печатаніи изданія 10 т. экз. въ одинадцати типографіяхъ весьма естественно, что встрѣтились въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замедленія въ тисненіи столь значительнаго количества листовъ.[1])

Въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ типографіяхъ все количество листовъ, взятыхъ ими на себя, было совершенно готово, въ другихъ типографіяхъ не было допечатано по два, по три и болѣе листовъ. При весьма дѣятельномъ содѣйствіи П. А. Ефремова и Н. А. Некрасова, а также вполнѣ сочувственномъ отношеніи къ изданію гг. содержателей типографій, дѣло это было приведено къ концу: Комисія, 25-го марта 1874 г., выпустила въ продажу двѣ тысячи экземпляровъ, затѣмъ, несмотря на бывшія страстную и святую недѣли, она успѣла, согласно заявленію, своевременно сдѣланному въ газетахъ, выпустить остальные восемь тысячъ экземпляровъ 12-го апрѣля 1874 года.

При этомъ Комиссія должна поблагодарить гг. владѣльцевъ ти-

---

[1]) Слѣдующія типографіи безплатно печатали сборникъ «Складчина»: В. С. Балашева, В. П. Безобразова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, А. М. Котомина, А. А. Краевскаго, В. Н. Майкова, П. П. Меркульева, Ф. С. Сущинскаго, А. И. Траншеля и «Товарищества Общественной Пользы».

пографій, исполнившихъ свое доброе дѣло вполнѣ согласно съ даннымъ обѣщаніемъ равно какъ переплетчика г. Бородина, ревностно потрудившагося относительно брошюровки книги, сдачи ее въ магазины и на почту.

II. Устройство продажи «Складчины».

Несмотря на то, что общество составителей „Складчины" полагало возможнымъ сдѣлать уступку гг. книгопродавцамъ до 20% съ продажной цѣны „Складчины", представители книгопродавческихъ фирмъ въ Петербургѣ: гг. А. Ѳ. Базуновъ, Я. А. Исаковъ, И. И. Глазуновъ, А. А. Черкесовъ и К°, и Д. Е. Кожанчиковъ, приглашенные Комиссіею въ общее собраніе, выразили единодушное желаніе продавать эту книгу безъ всякой—въ пользу своихъ магазиновъ—скидки. Такимъ образомъ, при продажѣ у нихъ книги, цѣною въ 3 рубля, сохранялось въ пользу благотворительной цѣли до шестидесяти копѣекъ на экземпляръ.

Къ доброму дѣлу со стороны помянутыхъ книгопродавцевъ незамедлили присоединиться нѣкоторые другіе книгопродавцы: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ и въ Одессѣ.

Такимъ образомъ нижеслѣдующіе книгопродавцы изъявили готовность, безъ всякой для себя скидки, продавать „Складчину":

Въ С.-Петербургѣ: Гг. Базуновъ, Бортневскій, Вольфъ, Звонаревъ, Исаковъ, Кехрибарджи, Кожанчиковъ, Колесовъ и Михинъ, Надѣинъ, „Невская книжная торговля", Плотниковъ, Поповъ (въ зданіи Пассажа) и Черкесовъ и К°.

Въ Москвѣ: Гг. А. Глазуновъ, братья Салаевы и Васильевъ.

Въ Кіевѣ: „Южно-русскій магазинъ".

Въ концѣ іюня мѣсяца 1874 года, когда „Складчина", послѣ чрезвычайно быстрой раскупки нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, стала продаваться значительно тише, Алексѣй Васильевичъ Булаковскій, книжный торговецъ въ Москвѣ, сочувствуя благой цѣли изданія и желая ознаменовать—какъ онъ выразился—пятидесятилѣтіе своей книгопродавческой дѣятельности добрымъ дѣломъ, обратился въ Комиссію съ просьбой уступить ему тысячу экземпляровъ „Складчины" со скидкой: за четыреста экземпляровъ 15% съ рубля и за шестьсотъ экземпляровъ со скидкой 20% съ рубля. При этомъ г. Булаковскій указывалъ на то, что хотя онъ и проситъ скидку, но забирая въ глухую, для продажи книгъ, лѣтнюю пору столь значительное число экземпляровъ (1000), онъ рискуетъ остаться въ совершенномъ убыткѣ и идетъ на это въ виду лишь добраго дѣла, для котораго предназначена „Складчина".

Комиссія исполнила просьбу А. В. Булаковскаго.

Со скидкой 10% книга продавалась въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Соловьева въ Москвѣ (кромѣ первыхъ 68-ми экз., за которые г. Соловьевъ уплатилъ по 3 руб.) и 10%, а потомъ 20% — въ магазинѣ Литова, въ Кіевѣ; въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ „Складчина" продавалась со скидкою у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ и у гг. иногородныхъ комиссіонеровъ.

III. Объявленія о продажѣ «Складчины».

Комиссія разослала объявленія о „Складчинѣ" почти во всѣ газеты и журналы. Нижеслѣдующія изданія помѣстили эти объявленія безплатно, отводя имъ нерѣдко мѣсто на первыхъ страницахъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ печатали объявленія, а также отчеты Комиссіи о продажѣ „Складчины" по нѣскольку разъ:

Въ С.-Петербургѣ: „Биржевыя Вѣдомости", „Всемірная Иллюстрація", „Вѣстникъ Европы", „Голосъ", „Дѣло", „Модный Магазинъ", „Недѣля", „Нива", „Отечественныя Записки", „Петербургская Газета", „Петербургскій Листокъ", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Русскій Инвалидъ", „Русская Старина" и „Сынъ Отечества".

Въ Москвѣ: „Будильникъ", „Московскія Вѣдомости", „Развлеченіе", „Русскія Вѣдомости" и „Современныя Извѣстія".

Въ прочихъ городахъ: „Донская Газета" (въ Новочеркаскѣ), „Одесскій Вѣстникъ" (Одесса), „Орловскія Губернскія Вѣдомости" (Орелъ), „Туркестанскія Вѣдомости" (Ташкентъ) и „Сибирь" (Иркутскъ).

Кромѣ поименованныхъ изданій, нѣкоторыя другія газеты безплатно перепечатывали объявленія о „Складчинѣ", а также помѣстили ихъ и нѣкоторыя изъ губернскихъ вѣдомостей.

IV. Сборъ подписныхъ книгъ.

Выше изъ отчета кн. В. П. Мещерскаго видно, что къ 24 марта 1874 г. лишь немногія изъ розданныхъ подписныхъ книжекъ поступили въ Комитетъ по изданію „Складчины". Поэтому Комиссія озаботилась о собраніи этихъ книжекъ въ Петербургѣ, и о полученіи ихъ отъ лицъ иногородныхъ. Вотъ списокъ этихъ книжекъ, съ обозначеніемъ лицъ, кому и за какимъ №, онѣ были розданы, на сколько экземпляровъ „Складчины" по нимъ подписались и на какую сумму:

	№ книжки.	Принято подписки на экземпляры.	На сумму.
В. П. Гаевскій	1	20	62 р. — к.
А. А. Краевскій	2	10	30 » — »
А. Н. Майковъ.	3	48	242 » — »
Т. И. Филиповъ	4	5	15 » — »

	№ книжки.	Принято подписки на экземпляры.	На сумму.
А. Д. Градовскій	5	10	33 р. — к.
А. В. Никитенко	6	13	42 » — »
А. Ѳ. Погосскій	8	18	56 » — »
Я. К. Гротъ	9	30	120 » — »
Я. П. Полонскій	10	35	105 » — »
Н. С. Лѣсковъ	11	14	42 » — »
А. Н. Островскій	12	50	150 » — »
А. Н. Плещеевъ	13	18	54 » — »
Н. А. Некрасовъ	14	19	77 » — »
М. Е. Салтыковъ	15	51	157 » — »
В. Ѳ. Коршъ	17	28	86 » — »
И. Ѳ. Горбуновъ	18	18	81 » 50 »
И. А. Гончаровъ	19	39	153 » — »
В. П. Безобразовъ	21	29	95 » — »
Г-жа Соханская (Кохановская)	23	46	150 » — »
Н. Н. Страховъ	24	11	52 » — »
Кн. В. П. Мещерскій (Тверь)	28	33	100 » — »
Н. А. Некрасовъ	29	50	152 » — »
Кн. Б. В. Мещерскій	31	50	181 » 8 »
М. Е. Салтыковъ	33	50	174 » — »
А. А. Потѣхинъ	34	42	223 » — »
Ѳ. А. Некрасовъ (Ярославль)	35	1	4 » — »
Н. Х. Бунге (Кіевъ)	36	20	70 » — »
Г. Раевъ (Воронежъ)	37	23	93 » — »
Я. П. Невѣровъ (Тифлисъ)	39	43	173 » — »
К. И. Ивановъ (Иркутскъ)	40	70	400 » — »
П. П. Ивановъ (Ниж. Новгородъ)	41	50	208 » — »
П. В. Алабинъ (Самара)	42—43	175	730 » — »
Въ конторѣ газеты «Голосъ»—по подписной книгѣ на		769	2,883 » — »
Въ конторѣ «Спб. Вѣдомостей» (магаз. Черкесова)		236	872 » 5 »
Въ конторѣ «Недѣля»		58	228 » — »
Въ конторѣ «Русскій Міръ»		11	43 » — »
Въ конторѣ «Гражданинъ»		62	267 » — »
Итого по предварительной подпискѣ на «Складчину» поступило		на 2,255 экз.	8,603 р. 63 к.

Примѣчаніе: 1) Книжки подъ №№ 7, 16, 20, 22, 25, 26, 27, 30, 32 и 38, частью возвращены лицами, ихъ получившими, со всѣми билетами, не розданными, частью никому не были даны. 2) Подписныя книги изъ магазиновъ гг. Базунова и Соловьева не получены (а потому они и не значатся здѣсь), но на число экземпляровъ «Складчины», на которые въ этихъ магазинахъ подписались,—гг. Базуновъ и Соловьевъ, своевременно получили подлежащее количество экземпляровъ и деньги за нихъ А. Ѳ. Базуновъ (по 3 руб.) и И. Г. Соловьевъ (за 68 экз. также по 3 р.) внесли въ Комиссію.

V. Продажа „Складчины“ съ 25-го марта 1874 г., т. е. по выходѣ книги.

I. Иногороднымъ лицамъ, приславшимъ требованія:

Въ редакціи.	Экземпляровъ.	На сумму.
„Голосъ“	72	303 р. — к.
„Гражданинъ“	17	78 „ — „
„Недѣля“	16	66 „ — „
„Спб. Вѣдомости“	3	13 „ — „
„Русская Старина“	440	1,798 „ 30 „
II. Книжными магазинами принято изъ склада Комиссіи и продано . . .	6,075	17,521 „ 10 „
III. Состоитъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ проданныхъ имъ . . .	200	600 „ — „
	6,823	20,379 р. 40 к.

VI. Отсылка денегъ въ Самару пострадавшимъ отъ неурожая.

25-го марта 1874 года Комиссія приняла въ свое завѣдываніе дѣло продажи „Складчины“ и немедленно озаботилась возможно скорѣйшей высылкой собранныхъ и поступавшихъ отъ продажи книги суммъ въ Самару, въ распоряженіе Дамскаго Комитета для роздачи пособій пострадавшимъ отъ неурожая. Эти отправки, по порученію Комиссіи, производилъ М. И. Семевскій чрезъ Волжско-Камскій банкъ переводами въ отдѣленіе этого банка въ Самару. Отправки производились въ слѣдующихъ размѣрахъ:

А. Отправлено Комиссіей, завѣдывающей продажею «Складчины»:

1)	марта	27-го	1874 г.	3,000 р.	Въ Комиссіи имѣются увѣдомленія Дамскаго Самарскаго Комитета о полученіи этихъ суммъ, отъ 30-го апр. 1874 г. за № 603.
2)	апрѣля	3	„	3,300 „	
3)	„	11	„	1,600 „	
4)	„	18	„	1,100 „	
5)	„	25	„	1,262 „	
6)	„	30	„	2,300 „	Увѣд. 15-го мая за № 631.
7)	мая	2	„	200 „	
8)	„	13	„	1,822 „	Увѣд. 22-го мая за № 635.
9)	„	23	„	1,800 „	Увѣд. 4-го іюня за № 652.
10)	„	27	„	1,250 „	Увѣд. 7-го іюня за № 668.
11)	іюня	11	„	900 „	Увѣд. 20-го іюня за № 679.
12)	„	22	„	250 „	Увѣд. 4-го іюля за № 688.
13)	„	23	„	1,200 „	Увѣд. 16-го іюля за № 705.
14)	„	26	„	430 „	

15)	іюля	7-го	1874 г.	200 р.	Увѣд. 17 іюля 1874 г. откр. пис.
16)	августа	3	„	210 „	Увѣд. 17-го авг. за № 727.
17)	„	7	„	300 „	
18)	сентября	3	„	50 „	Увѣд. 23-го сен. за № 642.
19)	„	25	„	80 „	Увѣд. не получено, но затребовано отъ Комитета.
20)	октября	17	„	165 „	Увѣд. 30-го окт. за № 649.
21)	марта	4	1875 г.	220 „	Увѣд. еще не получено, но затребовано отъ Комитета.
22)	„	22	„	100 „	

В. Переданы въ Самарѣ П. В. Алабинымъ въ Самарскій Дамскій Комитетъ собранныя имъ деньги отъ продажи «Складчины».

1)	апрѣля	19-го	1874 г.	438 р.	Имѣется въ Комис. увѣд. отъ 30-го апр. 1874 г. за № 603.
2)	„	25	„	116 „	
3)	іюня	3	„	154 „	Увѣд. 4-го іюня № 652.
4)	октября	23	„	17 „	Увѣд. 23-го окт., откр. письмо.

А всего отправлено и передано, изъ собранныхъ за „Складчину" денегъ, въ Самарскій Дамскій Комитетъ . . . 22,464 р.

Всего получено за сборникъ „Складчина" по подписнымъ книжкамъ и по продажѣ послѣ предварительной подписки . . . . 28,408 р. 19 к.

Сверхъ того состоитъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ за 200 экз. . . . . 600 р. — „

Издержано (см. слѣдующую стр. 13-ю, пункты расх. вѣд.: а, в) и состоитъ на лицо (22 р. 68 к.) всего . . . . 5,944 р. 19 к.

Примѣчаніе. Въ общей суммѣ (**28,408** р. **19** к.) поступившей отъ продажи «Складчины» состоятъ пожертвованные подписчиками и покупателями этой книги сверхъ назначенной цѣны на нее, т. е. сверхъ трехъ руб. безъ доставки, или сверхъ четырехъ руб. для иногороднихъ, всего 966 руб. и проценты — 25 руб. 16 коп. (см. стр. 13).

VII. Общій итогъ.

А. Денежная вѣдомость по «Складчинѣ» къ 31-му марта 1875 г.

а) Получено за проданные экземпляры . .	28,383 р.	3 к.
б) Получено процентовъ изъ Ссудно-учетнаго банка на деньги отъ подписки на «Складчину», положенныя въ банкъ до выхода книги	25 »	16 »
Итого . . .	28,408 р.	19 к.

Изъ нихъ издержано:

а) Варгунину уплачено за бумагу.	4,461 р.	90 к.
б) Съ 27-го марта 1874 г. по 31-ое марта 1875 г. отправлено и передано въ Дамскій Комитетъ, въ Самарѣ, для распредѣленія между пострадавшими отъ неурожая	22,464 »	— »
в) Издержано на брошюровку, упаковку, отправку гг. подписчикамъ книгъ «Складчины» и на прочіе мелкіе расходы.	1,459 »	61 »
г) Затѣмъ къ 31-му марта 1875 г. состоитъ на лицо	22 »	68 »
Итого . . .	28,408 р.	19 к.

В. Вѣдомость о числѣ книгъ «Складчины» къ 31-му марта 1875 г.

Сборникъ «Складчина» вышелъ въ свѣтъ къ 12-му апрѣля 1874 г. въ числѣ 10,000 книгъ.

Изъ нихъ:

а) Роздано и разослано по подписнымъ билетамъ.	2,255 экз.
б) Послано по почтѣ по требованіямъ, поступившимъ по выходѣ книги.	548 »
в) Продано въ книжныхъ магазинахъ, а также разослано изъ магазиновъ гг. иногородныхъ и продано въ складѣ Комиссіи	6,075 »
г) Состоятъ въ долгу за Д. Е. Кожанчиковымъ . .	200 »
д) Состоитъ на комиссіи: въ Одессѣ 50 экз., въ Кіевѣ 76 экз., въ Тифлисѣ 70 экз., въ Москвѣ 150 экз., въ Петербургѣ 143 экз. всего	489 »

е) Въ складѣ при Комиссіи въ Петербургѣ . . .	360	»
ж) У переплетчика при складѣ	64	»
з) Отдано въ цензуру.	9	»
Итого . . .	10,000	экз.

Продажа остальныхъ экземпляровъ «Складчины» продолжается.

Изъ 10,000 экземпляровъ осталось къ 31-му марта 1875 г. непроданными и на комиссіи—913 экз.

Цѣна книги (въ большую 8-ю долю, 712 стр.) три рубля безъ пересылки, четыре рубля съ пересылкой.

Гг. книгопродавцамъ, съ 1-го октября 1874 г., дѣлается 20% и болѣе значительная уступка (по соглашенію съ Комиссіей, тѣмъ изъ нихъ, кто пожелаетъ получить въ пользу магазина скидку.[1])

Книга «Складчина» продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію «Русской Старины»: С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Члены Комиссіи по продажѣ «Складчины»:

М. Семевскій.
Н. Гербель.[2])

---

[1]) Согласно постановленію собранія составителей «Складчины» 24-го сентября 1874 г.

[2]) Н. С. Курочкинъ, 24-го сентября 1874 г., собраніемъ составителей «Складчины» уволенъ изъ Комиссіи, за отъѣздомъ его за границу, причемъ собраніе выразило Н. С. Курочкину глубочайшую признательность за его участіе въ трудахъ Комиссіи.

СКЛАДЧИНА.

Литературный сборникъ составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Спб., въ б. 8-ю долю, стр. IV и 708.

Содержаніе сборника: Предисловіе. — I. Стихотворенія кн. **П. А. Вяземскаго**: 1) Крымскія фотографіи 1867 года. I—XII: 2) Петръ Алексѣевичъ. 3) Notturno. 4) Зимняя прогулка. 5) На прощанье. 6) Поминки. 7) Замѣтки. 8) Лѣсъ. — II. Изъ воспоминаній бывшаго кавказца, барона **Ѳ. Ѳ. Торнова.** — III. Вѣчный жидъ, изъ Беранже, **В. С. Курочкина.**—IV. Стихотворенія **Я. П. Полонскаго.**—V. Живыя мощи, разсказъ изъ «Записокъ охотника», **И. С. Тургенева.**—VI. Стихотворенія **К. К. Случевскаго.**—VII. Государственный человѣкъ прежняго времени (графъ Н. С. Мордвиновъ). **А. Д. Градовскаго.** — VIII. Два инквизитора, изъ Никколини. **Н. С. Курочкина.**—IX. Городъ. **Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова).**—X. Стихотворенія **Д. Д. Минаева.**—XI. Кто первый въ Россіи имѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ (воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ) **М. П. Погодина.** — XII. Іерей, стихотвореніе **М. П. Розенгейма.**—XIII. Изъ замѣтокъ проѣзжаго—**А. Ѳ. Погоскаго.**—XIV. Стихотворенія гр. **В. А. Соллогуба.**—XV. Дѣла и дни,—**К. П. Побѣдоносцева.**—XVI. 22-го августа 1870 г., стихотвореніе **Д. П. Ознобишина.**—XVII. Трудовой хлѣбъ, сцены **А. Н. Островскаго.**—XVIII. Ричардъ, львиное сердце (изъ Гейне), **А. Н. Струговщикова.** — XIX. Стихотворенія **А. В. Тимофеева.**—XX. Фрески Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ,—**В. В. Лесевича.**—XXI. Хай-дѣвка,—**А. А. Потѣхина.**—XXII. Послѣднее прости (изъ «Корсара» Байрона), **Н. В. Гербеля.**—XXIII. Наброски карандашемъ, изъ современныхъ этюдовъ: «Мои друзья». Петръ Аѳанасьевичъ Сусликовъ, Кн. **В. П. Мещерскаго.**—XXIV. Стихотворенія **А. Н. Плещеева.**—XXV. Стихотвореніе **В. И. Орлова.** — XXVI. Первенцы лицея и его преданія, **Я. К. Грота.**—XXVII. Возвращеніе, стихотвореніе

Изложеніе труда г. Веселаго, при сжатости, отличается вообще рельефностью и занимательностью разсказа. Авторъ иногда двумя-тремя, какъ бы случайно помѣщенными среди общаго разсказа эпизодами мастерски характеризуетъ дѣятелей описываемой эпохи.

Къ изданію приложены: подробный азбучный указатель именъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи; портретъ Петра, и много плановъ и рисунковъ, снятыхъ съ оригиналовъ Петровскаго времени.

Монголія или страна тангутовъ, трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи Н. Пржевальскаго, томъ I, изданіе географическаго общества, Спб., 381 стр., 2 карты.

Въ 1870 году, подполковн. генер. штаба Н. Пржевальскій издалъ любопытную книгу: «Путешествіе въ Уссурійскій край», полную интересныхъ свѣдѣній о мѣстахъ, мало извѣстныхъ, но которымъ назначено въ будущемъ играть значительную роль. Географическое общество предложило автору совершить новую экспедицію въ край, почти совершенно неизвѣстный европейцамъ — сѣверный Китай, превосходящій величиною всю восточную Европу, прорѣзанный высокими горами, поднятый выше всѣхъ странъ земного шара надъ уровнемъ моря. Г. Пржевальскій, съ молодымъ товарищемъ, подпоручикомъ Михаиломъ Александровичемъ Пыльцовымъ, и двумя казаками, пустился въ этотъ неизвѣстный край, посѣтилъ мѣста, гдѣ не были ни Гюкъ, ни Габе, ни Армавъ-Давидъ, ни Эліасъ—и плодомъ этого путешествія, соединеннаго съ большими трудностями и опасностями, явилась книга, которая, конечно, прочтется съ особеннымъ интересомъ всякимъ образованнымъ человѣкомъ. Въ три года путешественники прошли 11,100 верстъ по Монголіи, Гань-су, Кукунору, сѣверному Тибету, сняли большую часть пути, опредѣлили пункты, широты, производили наблюденія магнитныя, метеорологическія, этнографическія, зоологическія и др., собрали колекціи птицъ, млекопитающихъ, пресмыкающихся, рыбъ, насѣкомыхъ, растеній, минераловъ. Чисто научнымъ предметамъ будутъ посвящены слѣдующіе два тома, а вышедшій нынѣ содержитъ въ себѣ только этнографическія и физико-географическія описанія пройденнаго края, хотя авторъ сообщаетъ и здѣсь довольно подробныя свѣдѣнія о мѣстной фаунѣ и флорѣ. Но всего любопытнѣе описаніе самого путешествія, народныхъ обычаевъ и особенностей, встрѣчъ съ разными племенами и личностями. О томъ, съ какими затрудненіями была сопряжена эта экспедиція, можно судить уже потому, что, отправившись изъ Пекина въ юго-восточную окраину Монгольскаго нагорья, осмотрѣвъ Ордосъ и Ала-шань, г. Пржевальскій принужденъ былъ, по недостатку средствъ, вернуться обратно въ Калганъ, откуда опять черезъ Ала-шань пуститься въ провинцію Гань-су, къ тангутамъ, въ Кукуноръ, Цайдамъ и сѣверный Тибетъ. Прибавивъ къ этому, что путешествіе совершено во время дунганскаго возстанія, которое теперь хотя почти совершенно усмирено, но сопровождается азіятскими жестокостями, — мы получимъ понятіе о трудностяхъ пути и опасностяхъ, какимъ подвергались смѣлые изслѣдователи этихъ дикихъ странъ. Путь изъ Ала-шани на Улесутай и Ургу они сдѣлали срединою степи Гоби. Почти на каждой страницѣ книги, написанной вполнѣ хорошимъ, литературнымъ языкомъ, встрѣчаются любопытныя замѣтки и наблюденія, и вообще этотъ трудъ составляетъ цѣнный вкладъ въ всеобщую литературу; говоримъ всеобщую, такъ какъ, переводы его на иностранные языки — и прежде всего на англійскій, — безъ сомнѣнія, не замедлятъ явиться. Красивое и весьма тщательное изданіе книги сдѣлано географическимъ обществомъ, которое относится съ особеннымъ вниманіемъ къ трудамъ отечественныхъ географовъ.

Соловки, воспоминанія и разсказы изъ поѣздокъ съ богомольцами В. И. Немировича-Данченко, 357 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Авторъ этой книги провелъ четыре года на окраинахъ дальняго сѣвера Россіи, въ Архангельской губерніи, и хорошо изучилъ страну. Недовольствуясь офиціальными данными, г. Немировичъ-Данченко объѣздилъ Архангельскую губернію по всѣмъ направленіямъ, собирая на мѣстѣ цифры и свѣдѣнія, проникая въ мѣста, гдѣ до него рѣдко кто бывалъ изъ образованныхъ людей. Плодомъ его наблюдательности, изученія и странствованій явились его статьи въ журналахъ. Изъ этихъ статей особенно замѣчательно описаніе Соловецкаго монастыря. Теперь это описаніе вышло отдѣльнымъ изданіемъ, съ прибавленіемъ, впрочемъ, обширной, не бывшей въ печати статьи «Въ Соловки» (Очерки сѣверодвинскаго края), гдѣ описаны Шенкурскій, Онежскій и Холмогорскій уѣзды, Архангельскъ съ Соловецкимъ подворьемъ, поѣздка въ Лявлю, на лѣсопильные заводы и проч.

Театральный альманахъ на 1875 годъ. Составилъ А. Соколовъ. Спб.; 8-ю д. 350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: историческій очеркъ театра въ Россіи, замѣтки о петербургскихъ театрахъ 1860—1874 гг.; частныя сцены въ Петербургѣ; о дѣятеляхъ любительскихъ сценъ; московскіе и провинціальные театры, біографическія замѣтки: П. Васильевъ, В. Самойловъ, Шумскій, Сазоновъ, Монаховъ, Савина, Струйская, Е. Васильева и друг. Къ книгѣ приложены портреты: Савиной, Струйской, П. Васильева и Сазонова.

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**